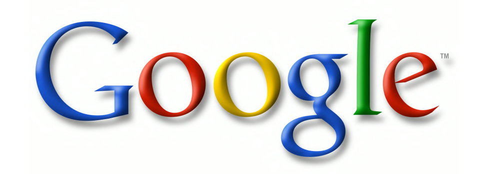
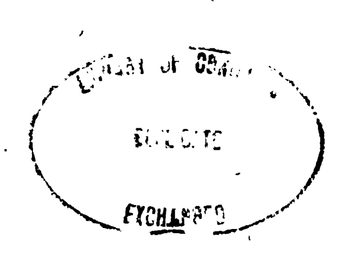

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

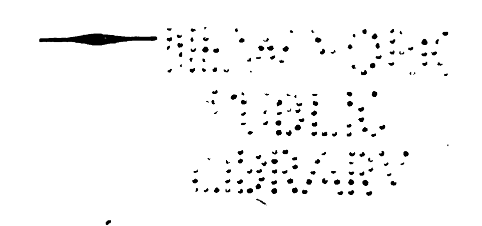
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

> **Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.**
>
> ***Gersonius.***

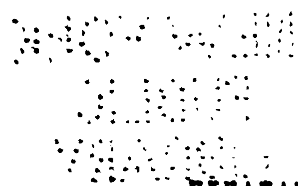
ТОМЪ LIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова и Комп.

1847.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. 30-го іюня 1847 года.

Ценсоры: *А. Крыловъ*, *С. Куторга* и *А. Мехелинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВѢРА.

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Мщеніе женщины.

— Не правда ли, Петръ Иванычъ, что у Вѣрочки необыкновенно-чувствительное сердце, сказала съ ироническою улыбкою Ненила Григорьевна Петру Ивановичу, улучивъ минуту, когда они остались вдвоемъ. Петръ Ивановичъ взглянулъ подозрительно на озаренное улыбкою лицо молодой вдовы и понялъ, что подъ этимъ вопросомъ скрывается мщеніе.

— Да-а-съ, сказалъ онъ протяжно, вынувъ свою табакерку:—у Вѣрочки превосходное сердце. Только я бы желалъ знать, къ-чему, то-есть, вамъ угодно разсказать мнѣ это теперь, какъ-будто какую новость...

— Какъ-будто новость!.. и, конечно, новость... Бѣдная Вѣра почти не имѣла случая показать свою чувствительность...

— А теперь...

— Теперь судьба намъ доставила прекраснѣйшій случай; а я помогла сколько было въ моихъ силахъ...

— И этотъ, то-есть, такъ-сказать, прекраснѣйшій случай...

— Вы не можете представить себѣ, Петръ Иванычъ, какъ я довольна, что могу разсказать его вамъ... Это мнѣ доставляетъ такое наслажденіе... О, это мнѣ платитъ за многое.

Лицо ея горѣло удовольствіемъ и, между-тѣмъ, на глазахъ навернулись слезы.

— Сдѣлайте ваше одолженіе, сказалъ Петръ Ивановичъ, начинавшій чувствовать нѣкоторое смущеніе и понюхавшій табаку для усиленія бодрости.—Вы меня очень обяжете.

— О, конечно! конечно!!.. Не думаете ли вы, что я лишу себя этого наслажденія. Ни за что въ мірѣ. Садитесь, прошу васъ, и выслушайте. Я разскажу все подробно... Не правда ли, что нашъ больной прекрасный молодой человѣкъ?

— Прекраснѣйшій, но что̀ же изъ этого! воскликнулъ Петръ Ивановичъ съ недоумѣніемъ.

— Образованъ, уменъ, молодъ, чувствителенъ, ловокъ... Не правда ли?

— Все совершенная правда.

— Вы замѣтили это?.. И я тоже замѣтила въ самый день его пріѣзда.

— Милостивая государыня, Ненила Григорьевна, я не имѣю удовольствія понимать васъ... и если вамъ, то-есть, угодно попроказничать, позабавиться...

— Имѣйте терпѣніе, вы скоро поймете, я васъ увѣряю. Видите: Вѣрочка, моя милая племянница... ваша невѣста, не замѣчала этого...

— Не замѣчала; странное дѣло...

— Не правда ли? странное дѣло. Меня удивила такая разсѣянность. Мнѣ не приходило въ голову, что Вѣра, эта воплощенная простота и искренность, притворничаетъ, хитритъ со мною.

— Притворничаетъ... но къ какой стати?

— Подумайте, къ какой бы, казалось, стати? Я далась въ обманъ. Мнѣ было досадно, что Вѣра не видитъ вещи, которая яснѣе солнца, и на третій день, когда бредъ Александра Андреича прошелъ и горячка его успокоилась, я привела къ нему Вѣру...

— Вы привели къ нему Вѣру? спросилъ Петръ Ивановичъ, снова понюхавъ съ исполинскою силою.

— Да-съ, я привела къ нему Вѣру.

— То-есть, для какихъ же это причинъ?

— Фуй! какъ вы *непостижимы*... Для того, разумѣется, чтобъ удостовѣрить мою безтолковую племянницу въ справедливости моего мнѣнія на-счетъ того, какъ Александръ уменъ и образованъ.

— Видите! Васъ весьма, такъ сказать, занимало, то-есть, *невѣроятіе* Вѣры Николавны.

— Да, конечно; кáкъ можно такое ослѣпленіе въ такой умной дѣвушкѣ.

— Такъ-съ... ну, вы, конечно, достигли своей цѣли, вы убѣдили Вѣру Николавну въ томъ, въ чемъ вамъ угодно было убѣдить ее?

— О нѣтъ; не такъ скоро, какъ вы думаете. Упрямица стояла на своемъ. Она краснѣла всякій разъ, когда я начинала этотъ разговоръ. Да и кáкъ не краснѣть за такое невѣжество; но она не хотѣла сознаться...

— Скажите! это меня интересуетъ.

— Не правда ли, вѣдь очень-интересно?

— Чѣмъ же это все кончилось?

— Кончилось тѣмъ, что я вполнѣ узнала чувствительность и доброе сердце Вѣрочки.

— Часъ-отъ-часу занимательнѣе; какимъ же это образомъ?

— *Весьма*-натуральнымъ. Всякій день, послѣ обѣда, когда вы съ Николаемъ Григорьичемъ предавались отдохновенію, мы приходили съ Вѣрою къ нашему милому больному.

— Каждый день?

— Да, каждый день.

— И вы рѣшились на это, Ненила Григорьевна?..

— Какой странный вопросъ. Почему же бы не рѣшиться? Александръ былъ всегда одѣтъ прилично, въ комнатѣ не было никакихъ неблагопристойностей. Желаю знать, чтò тутъ дурнаго: провести нѣсколько часовъ съ милымъ, образованнымъ молодымъ человѣкомъ, который говоритъ такъ умно, такъ увлекательно, такъ чувствительно и такія прекрасныя вещи о жизни, о свѣтѣ, о своей бурной молодости, проведенной въ занимательныхъ и разнообразныхъ приключеніяхъ, который находится въ болѣзненномъ и жалкомъ положеніи, одинокій, среди чужихъ, и который умѣетъ говорить объ этомъ съ такою жалостію, что невольно на глазахъ навертываются слезы...

— Я васъ понимаю, Ненила Григорьевна.

— Да; я не сомнѣвалась, что вы меня поймете, Петръ Иванычъ...

— Продолжайте, продолжайте!.. Вѣра Николавна...

— О, надобно видѣть милую Вѣрочку... Какое живое участіе возбудилъ въ ней этотъ бѣдный молодой человѣкъ, совершенно одинокій въ свѣтѣ, какъ говоритъ онъ, скучающій жизнію, незнающій чего желать, чему вѣрить. Я увѣряю васъ, Петръ Иванычъ, вы не могли бы равнодушно видѣть милой заботливости, съ какою Вѣрочка разспрашивала его обо всемъ, чтò огорчало или радовало его во всѣхъ занимательныхъ происшествіяхъ, которыя онъ намъ разсказывалъ; вы не могли бы хладнокровно видѣть ея нѣжныхъ попеченій о немъ, ея ласкающихъ взглядовъ. Когда вы

услышали бы все, что̀ она говори́тъ ему, чтобъ утѣшить, ободрить, развеселить, вы тогда только, Петръ Иванычъ, вполнѣ узнали бы, какое безподобное сердце у этой дѣвушки и какое сокровище дала вамъ судьба...

— Благодарю васъ покорно, Ненила Григорьевна, сказалъ Петръ Ивановичъ голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣвнаго волненія. — Благодарю васъ. Будьте увѣрены, что я не забуду вашего участія во всѣхъ этихъ происшествіяхъ, которыя вы мнѣ разсказали...

— Полноте, Петръ Иванычъ, сто̀итъ ли такъ много толковать о такомъ ничтожномъ поступкѣ. Я слишкомъ-хорошо помню, сколько вы показали мнѣ своего расположенія въ тотъ достопамятный день, когда вы, въ моемъ присутствіи, предложили свою руку Вѣрочкѣ. Вы хотѣли, чтобъ я непремѣнно была свидѣтельницею и участницею вашего счастія... Повѣрьте, я умѣю оцѣнить такое расположеніе и, чтобъ доказать вамъ это новыми опытами, не скрою отъ васъ ничего, что̀ знаю, такъ-какъ вы не скрыли отъ меня ничего. Слушайте со вниманіемъ. Четвертаго дня, когда васъ здѣсь не было, къ намъ пріѣзжалъ Владиміръ Сергѣичъ, этотъ милый свѣтскій молодой человѣкъ, племянникъ графа...

— Ка̀къ! и съ этой стороны еще новости!!.. Ну, признаюсь, вы, Ненила Григорьевна, не любите, то-есть, этакъ, оставаться въ долгу.

— Нѣтъ, не люблю, Петръ Иванычъ, и надѣюсь убѣдительно, по-женски, доказать вамъ это... во всю жизнь...

Петръ Ивановичъ обратился къ своей табакеркѣ, на этотъ разъ уже съ безотчетнымъ и глубокимъ опасеніемъ.

— Итакъ, здѣсь четвертаго дня былъ Владиміръ Сергѣичъ? Чудо за чудомъ. Николай Григорьичъ не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова.

— Николай Григорьичъ не видалъ его... Онъ былъ на скотномъ дворѣ. Владиміръ Сергѣичъ пріѣзжалъ ко мнѣ.

— Къ вамъ?

— Да-съ, ко мнѣ. Можетъ-быть, это удивляетъ васъ? И въ-самомъ-дѣлѣ, презабавныя вещи. Графъ, видите, взбѣшенъ до послѣдней степени за то, что вы сосватали Вѣрочку.

— И вы знаете, *почему* онъ взбѣшенъ? спросилъ торопливо встревоженный Петръ Ивановичъ.

— Знаю...

— И Вѣра Николавна знаетъ?

— Нѣтъ, не знаетъ.

— А Николай Григорьичъ?

— Тоже не знаетъ... Мнѣ, покуда, не велѣно имъ сказывать.

— Но какимъ образомъ *вы* узнали все это...

— Дайте разсказать. Я говорила вамъ, что графъ золъ на васъ выше всякой мѣры. (Петръ Ивановичъ становился блѣднѣе и блѣднѣе.)

— Онъ далъ, видите, клятву, что не бывать этой свадьбѣ, и представьте *что̀* онъ забралъ себѣ въ голову... Угадайте...

— Что̀ еще такое?.. спросилъ Петръ Ивановичъ, обтирая холодный потъ съ лица.

— Ему представилось, будто я также очень интересуюсь тѣмъ, чтобъ этотъ бракъ не состоялся... А? какъ вамъ нравится эта смѣшная, курьёзная идея?

Ненила Григорьевна расхохоталась; Петръ Ивановичъ, скрѣпя сердце, аккомпанировалъ ей.

— Это, однакожь, очень похоже на пытку, сказалъ онъ самъ себѣ.

Ненила Григорьевна продолжала:

— И создавъ эту курьёзную и замысловатую идею, графъ послалъ ко мнѣ племянника передать мнѣ все, что̀ я вамъ разсказала, и предложить мнѣ, не хочу ли я вступить съ нимъ въ союзъ, чтобъ уничтожить васъ, затоптать въ грязь, стереть съ лица земнаго?..

— Скажите, какой онъ сердитый, этотъ графъ!

— Уморительно-сердитый... въ-самомъ-дѣлѣ. И знаете, какія условія предложилъ онъ мнѣ, если я соглашусь ему содѣйствовать?...

— Вѣроятно, такія же забавныя, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, стараясь улыбнуться.

— Именно, именно, такія же забавныя. Вы угадали. Онъ прислалъ мнѣ свое графское слово, что Михайло Михайлычъ Пузинскій, этотъ богатый откупщикъ, мильйонеръ... человѣкъ, у котораго болѣе тысячи душъ, что онъ будетъ непремѣнно моимъ мужемъ...

— Это нелѣпость, увѣряю васъ...

— Не увѣряйте такъ скоро! возразила Ненила Григорьевна, *свою очередь* раздраженная наивнымъ увѣреніемъ. — Владиміръ Сергѣичъ говоритъ, что графъ дѣлаетъ въ нашемъ уѣздѣ все, что̀ ему угодно, что вамъ это извѣстно; что Пузинскій совершенно въ рукахъ его, и что это дѣло простое и легкое какъ не надобно болѣе; графъ очень интересуется тѣмъ, чтобъ Вѣра отнюдь не была за вами; онъ для этого все готовъ сдѣлать.

— И вы?..

— И я, разумѣется, показала видъ, будто вѣрю всему этому.

— И обѣщали ему ваше содѣйствіе?

— И для того, чтобъ посмѣяться послѣ надъ этимъ вмѣстѣ съ вами, обѣщала ему свое содѣйствіе...

— Еще разъ, много и чувствительно благодарю васъ, Ненила Григорьевна, за все, за все; то-есть, за ваше истинное расположеніе и за откровенность... и почитаю себя весьма счастливымъ, что могу, хоть не много, заплатить вамъ кое-чѣмъ, этакимъ, такимъ, подобнымъ... Я давно собирался сказать вамъ, да все забывалъ... Теперь, ваша искренность напомнила мнѣ, что я дол-

женъ съ вами быть тоже чистосердечнымъ. И я спѣшу открыть, что письмо ваше цѣло...

— Письмо мое!! вскрикнула поблѣднѣвъ Ненила Григорьевна.

— Да-съ; то... извѣстное вамъ письмо ваше ко мнѣ сохраняется въ невредимости.

— Творецъ мой! что вы говорите?.. Это несчастное, безумное письмо, которое я написала въ припадкѣ сумасшествія, которое я такъ просила васъ истребить.

— И которое вы такъ не желали, да и теперь вѣрно не желаете, чтобъ кто-нибудь на свѣтѣ, то-есть, могъ прочесть.

— О! Петръ Иванычъ, я не ожидала такого чернаго поступка!.. Это безчестно, безсовѣстно... Но не вы ли при мнѣ сожгли его?

— Да-съ; для того, чтобъ послѣ посмѣяться надъ этимъ вмѣстѣ съ вами, я сжегъ при васъ конвертъ, въ которомъ была пустая бумага. Вы не потрудились тогда удостовѣриться.

— Вы лжете. Вы хотите испугать меня.

— Убей меня Богъ! Эта сущая истина. Я могу, то-есть, показать вамъ его... Клянусь, мы квиты. Вы пошутили съ графомъ, я съ вами, и все остается по-прежнему, съ придачею моей признательности за ваше попеченіе о понятливости Вѣры Николавны; надѣюсь со временемъ поквитаться и за это.

Ненила Григорьевна вспыхнула, потомъ поблѣднѣла. Новость Петра Ивановича, касавшаяся чести, громовымъ ударомъ поразила неосторожную женщину. Нѣсколько времени она сидѣла безмолвная и неподвижная, подъ гнетомъ тягостныхъ думъ и тревожныхъ опасеній.

— Вы не отдадите мнѣ этого письма? спросила она потомъ дрожащимъ голосомъ.

— Ни за какія сокровища въ мірѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не женюсь на Вѣрѣ Николавнѣ. И увѣренъ, что вы пріймете возможныя мѣры, съ своей стороны, содѣйствовать скорому и безпрепятственному заключенію этого союза.

Съ торжествующимъ видомъ вынулъ Петръ Ивановичъ свою табакерку и понюхалъ медленно.

— Продолжайте свою шутку съ его сіятельствомъ, прошу васъ всепокорнѣйше, и передайте мнѣ опять, что узнаете...

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ!.. о, я несчастная женщина! воскликнула Ненила Григорьевна, вскочивъ со стула и закрывъ руками лицо, омоченное слезами. — Да будетъ проклятъ тотъ день, въ который... Но погодите. Не торжествуйте. Мы увидимъ.

— Совѣтую вамъ быть хладнокровнѣе и осторожнѣе, прибавилъ Петръ Ивановичъ съ неумолимою ироніею.

Въ это время вошла въ комнату Вѣра. Ненила Григорьевна скрылась въ противоположную дверь. Вѣра, изумленная ея быстрымъ

уходомъ и замѣтившая разстроенный видъ тётки, поглядѣла съ вопрошающимъ недоумѣніемъ на жениха своего, лицо котораго имѣло также необыкновенное выраженіе.

— Вѣра Николавна, не угодно ли вамъ сѣсть сюда, сказалъ онъ ей ласково, показывая на стулъ возлѣ себя.

Вѣра сѣла.

Петръ Ивановичъ, въ-продолженіе пятилѣтнихъ ежедневныхъ посѣщеній, имѣлъ возможность, какъ я сказалъ уже, совершенно узнать свою невѣсту. Онъ зналъ, что не нужно употреблять никакихъ особенныхъ мѣръ для повѣрки извѣстія, сообщеннаго ему Ненилой Григорьевной и для разъясненія подозрѣній, возбужденныхъ въ немъ этимъ извѣстіемъ. Достаточно было спросить саму Вѣру. Отношенія Петра Ивановича къ семейству Николая Григорьевича были такъ коротки, и тонъ, господствующій въ нашемъ обществѣ, такъ далекъ отъ всѣхъ тонкостей, что Петръ Ивановичъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ изворотамъ, которые, по правиламъ цивилизированной западной риторики, необходимы для приступа къ разъясненію подобнаго щекотливаго предмета. У насъ все это дѣлается очень-просто, какъ говорится «съ-плеча».

— Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, Вѣра Николавна, вы считаете, или нѣтъ, что между нами, такъ-сказать, все окончено положительно, неразрывно? началъ Петръ Ивановичъ.

— Конечно. Что̀ значитъ этотъ вопросъ?

— Позвольте. Вы сейчасъ узнаете. Если вы считаете, что между нами все кончено, то всеконечно вы знаете, что есть нѣкоторыя, этакія, такъ-сказать, священныя обязанности, которыя и религія и общество налагаютъ на васъ относительно меня?

— Знаю... но все-таки не могу понять къ чему клонится разговоръ вашъ. Развѣ я нарушила уже какія-нибудь изъ этихъ обязанностей?..

— Именно, сударыня. Позвольте мнѣ сказать вамъ это со всею вѣжливостію, но и со всею откровенностію. Вы, Вѣра Николавна, каждый день навѣщали *его*... этого молодаго человѣка, и я ничего не зналъ о вашихъ посѣщеніяхъ. Правда ли это?

Вѣра вспыхнула.

— Совершенная правда.

— Скажите же мнѣ, по какимъ побужденіямъ вы это дѣлали?.. но скажите по совѣсти, прямо и откровенно, то-есть, такъ, какъ вы всегда говорите.

Смущеніе Вѣры увеличивалось съ каждымъ словомъ этого строгаго допроса.

— По̀ какимъ побужденіямъ?... Я... я могла бы сказать, что исполняла желаніе тётеньки... но это неправда. Я находила и нахожу невыразимое наслажденіе слушать *его* разговоры, быть въ

его обществѣ. Я никогда не знавала ничего подобнаго. Вамъ извѣстно, какъ онъ уменъ, добръ и любезенъ.

— Да-съ, весьма-хорошо извѣстно... Я съ вами совершенно согласенъ. Но мнѣ неизвѣстно, по какой причинѣ вы скрывали отъ меня доселѣ эти ваши препріятныя, такъ-сказать, удовольствія.

— На это была воля тётеньки.

— И вы не знали, что вы поступаете... этакъ... такъ-сказать... то-есть, не такъ, какъ слѣдуетъ, исполняя таковую волю вашей тётушки?...

Вѣра молчала.

— Знали, или нѣтъ, Вѣра Николавна?

Вѣра еще колебалась нѣсколько времени.

— Знала, сказала она наконецъ едва-внятнымъ голосомъ.

— И, зная, что вы дѣлаете, то-есть, такъ-сказать, *дурно*, продолжали дѣлать... Гм... это непохоже на васъ. Я васъ знаю... весьма и весьма-хорошо. Убей меня Богъ, надобно, чтобъ были причины очень-сильныя, которыя могли заставить васъ поступать такимъ-образомъ... Я *имѣю* право спросить васъ объ этомъ, Вѣра Николавна?

— У меня никогда не было и нѣтъ секретовъ. Все, что я думаю, все, что я дѣлаю, можетъ знать всякій. А *вамъ* я, конечно, обязана отвѣчать на всѣ подобные вопросы. Вы осудите меня; но... что̀ же? я предвидѣла это... я предвидѣла, что вы прекратите мои посѣщенія какъ скоро узнаете о нихъ. А я сказала вамъ, сколько удовольствія доставляли мнѣ они... это удовольствіе и безъ того было мнѣ дано такъ не на долго; мнѣ жаль было потерять изъ него каждую минуту; вы знаете, какъ мало избалована я наслажденіями.

— Гм... произнесъ Петръ Ивановичъ, щелкнувъ пальцами по табакеркѣ. — Все это очень-хорошо, и даже прекрасно, и даже безподобно; но, милая Вѣра Николавна, вы, кажется, вовсе не подумали, во-первыхъ, что̀ могутъ подумать и сказать объ этомъ, то-есть, другіе?

— Другіе... кто же эти другіе?... кто это знаетъ?... кто узнаетъ?...

— Когда дѣлаешь *дурно*, нельзя никакъ быть увѣреннымъ, что никто не узнаетъ этого... Свѣтъ не узнаетъ только хорошаго, а дурное все, то-есть, вся подноготная рано или поздно выходитъ наружу...

— Но, наконецъ, я не вижу въ этомъ ничего такого *дурнаго*, какъ называете вы, возразила Вѣра, обидѣвшись...

— Положимте... положимте, что такъ... Мы послѣ поговоримъ объ этомъ. Но вотъ видите... мой милый другъ... тутъ есть еще, во-вторыхъ, то-есть, во-вторыхъ... я вамъ доложу... и это-то самое важное, самое существенное... Этакія, ка̀къ бы выразить, *тайныя* бесѣды съ умнымъ и образованнымъ молодымъ человѣ-

комъ могутъ возродить этакое, такъ-сказать, взаимное сочувствіе... изволите видѣть; потомъ это сочувствіе преобразуется въ нѣкотораго рода тѣсную привычку...

— Привычку! въ какія-нибудь двѣ недѣли...

— Да-съ; ну, я не то хотѣлъ сказать. Ужь выражусь прямо... можетъ выйдти любовь...

— Любовь!!.. вы боитесь, что я полюблю его?..

— Опасаюсь и всенепремѣнно опасаюсь...

— Опасаетесь?!... Да развѣ можно не любить человѣка, который вовсе не имѣетъ въ себѣ ничего такого, за что̀ бы можно было презирать, ненавидѣть его? Вы знаете, что въ Александрѣ, напротивъ, есть всѣ качества, способныя привлечь къ нему расположеніе, и я полюбила его съ перваго раза, какъ увидала его...

— Видите!! воскликнулъ Петръ Ивановичъ, озадаченный такою наивностью. — Да-съ; это точно, такъ-сказать, то-есть, признаюсь вамъ, маленькая задача. А скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какія послѣдствія... ка̀къ вы предполагаете, могутъ выйдти изъ этого?

— *Изъ* чего, Петръ Иванычъ? Какія тутъ могутъ быть послѣдствія?

— Изъ чего... изъ чего?... вотъ именно изъ этого, сударыня, что вы его любите. Какъ-будто вы меня не понимаете? Я гляжу на васъ пристально, Вѣра Николавна... Вы не откровенны на эту минуту. Убей меня Богъ! я опоздалъ. Проклятая Ненила Григорьевна, сказалъ онъ сквозь-зубы: — я заставлю тебя дорого поплатиться за эту дьявольскую штуку.

Вѣра боролась съ неодолимымъ смущеніемъ. Она молчала. Петръ Ивановичъ, видимо взволнованный, продолжалъ:

— Мы сейчасъ увидимъ, *что̀* можетъ выйдти изъ этого... Я буду съ вами откровененъ, такъ же какъ вы со мною. Знаете вы, или нѣтъ, Вѣра Николавна, что *онъ*, то-есть, этотъ молодой человѣкъ, знаете вы, или нѣтъ — говорю я — что онъ ѣдетъ, спѣшитъ, рвется домой, гдѣ его ожидаетъ *одна особа*, которую онъ, примѣрно сказать (протяжно), страстно любитъ и съ которою онъ, доложу вамъ, сочетается, въ этотъ мясоѣдъ, законнымъ бракомъ?

Петръ Ивановичъ, какъ видите, обладалъ весьма-основательнымъ познаніемъ человѣческаго сердца. Его извѣстіе клонилось къ тому, чтобъ испытать степень и силу *любви* на оселкѣ *ревности*.

Опытъ удался какъ-нельзя-лучше. При этой новости, лицо Вѣры, до того оживленное яркимъ румянцемъ смущенія и застѣнчивости, въ одно мгновеніе поблѣднѣло какъ мраморъ, и дикій огонь сверкнулъ въ кроткихъ глазахъ ея. Это быстрое движеніе внутренней жизни краснорѣчивѣе и понятнѣе всѣхъ возможныхъ выраженій говорило о томъ, что̀ совершалось тамъ, подъ непроницаемыми покровами.

Петръ Ивановичъ самъ былъ способенъ любить горячо и сильно, [illegible], по-своему. Вѣра соединяла въ себѣ все, чтобъ возбудить [illegible] любовь.

Южная, пламенная ея натура имѣла неотразимое вліяніе на организмъ Петра Ивановича. Къ матеріальной реакціи присоединялись магическая сила души возвышенной и нѣжной, неотразимо подчиняющей себѣ все, что входитъ въ сферу ея дѣятельности. Натурѣ самой испорченной трудно не подпасть этой зависимости. Покуда отношенія Петра Ивановича съ Вѣрою были въ границахъ холоднаго и, съ ея стороны, даже апатическаго приличія, онъ какъбудто былъ внѣ волшебной сферы обаянія, которымъ было проникнуто все существо Вѣры; но съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ взглянулъ на нее съ надеждою имѣть ее своею женою, онъ неизбѣжно подчинился этому обаянію; въ крови его вспыхнула страсть и глубокое чувство привязанности.

И въ-силу того же простаго и вѣчнаго закона сердца, которымъ онъ испытывалъ чувства своей невѣсты, Петръ Ивановичъ измѣрилъ теперь силу собственныхъ чувствъ. Мысль, что Вѣра полюбила *другаго*, возмутила до дна его всегда покойный, философическій характеръ. Онъ почувствовалъ, какъ тѣсно теперь связано счастіе его съ обладаніемъ этою дѣвушкою, которой онъ еще такъ недавно предложилъ свою руку безъ сочувствія, по однимъ холоднымъ эгоистическимъ разсчетамъ. Примѣры такихъ превращеній мы часто видимъ въ бракахъ, совершающихся на подобныхъ началахъ: холодное эгоистическое безчувствіе, часто даже отвращеніе, очень-скоро превращаются въ чувства сильной и глубокой привязанности.

Петръ Ивановичъ, какъ человѣкъ по преимуществу благоразумный, разсудилъ, что нѣтъ надобности объявлять Александру войну открытою силою; что, до отъѣзда молодаго человѣка, осторожная и искусная политика могла поправить вредъ, которымъ онъ былъ обязанъ своей безпечности и макіавелическому мщенію оскорбленной имъ женщины. Онъ, однако, нашелъ нужнымъ зрѣло и глубоко обдумать планъ своихъ дѣйствій. Весь этотъ разговоръ происходилъ въ кабинетѣ Николая Григорьевича послѣ ужина; раскланявшись съ Вѣрою, Петръ Ивановичъ уѣхалъ домой, обдумать планъ своихъ дѣйствій, воспользовавшись срокомъ перемирія, которымъ дарила его наступившая ночь.

Оставшись одна, Вѣра погрузилась въ тяжелое раздумье. Опытъ Петра Ивановича открылъ неопытной дѣвушкѣ новый міръ впечатлѣній, доселѣ невѣдомыхъ. Я сказалъ уже, что Вѣра ждала любви, какъ необходимой стихіи жизни, которой недостатокъ томилъ ее. Какъ часто въ подобныхъ сердцахъ, созданныхъ для пылкой дѣятельности и осужденныхъ въ началѣ жизни на долгое усыпленіе, любовь—избытокъ нѣжности, горячка страстной натуры, этотъ высшій моментъ броженія дѣятелей внутренней, чувственной жизни—обнаруживается отъ вліянія другой натуры, нисколько не симпатической, неравносильной и даже нерѣдко не-

достойной и, кажется, неспособной къ возбужденію страстныхъ сочувствій, ей вовсе чуждыхъ.

А Вѣра, послѣ столькихъ лѣтъ холодной безчувственности и ожиданія, внезапно встрѣчаетъ молодаго человѣка, одареннаго всѣми свойствами, какими только воображеніе ея могло украсить идеалъ ея надеждъ, и который, при первой встрѣчѣ, дебютировалъ восторженнымъ, пламеннымъ чувствомъ, отъ котораго Вѣра ждала блаженства.

Отчетливая къ себѣ, неопытная дѣвушка тотчасъ поняла, что между ею и Александромъ возникла внутренняя, нерасторжимая связь. Она поняла, что это была любовь; но такое открытіе было теперь вовсе не кстати, и Вѣра сказала себѣ съ благородною твердостію, что судьба ея теперь рѣшена навсегда; что рубежа, которымъ свѣтскія приличія отдѣляютъ ее отъ того, къ кому влечетъ ее сердце, нельзя переступить въ такое короткое время, что будущность ея невозвратно отдана другому, что между ею и Александромъ не можетъ и не должно быть ничего; что она навсегда должна истребить въ себѣ всякое нѣжное чувство къ нему. Героиня моя произнесла этотъ приговоръ съ мужественной рѣшимостію, какъ обыкновенно это бываетъ въ началѣ страстей, которыхъ сила еще не извѣдана. Скоро бѣдная дѣвушка почувствовала, что въ сердцѣ ея возникъ неумолимый, неутомимый противникъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ рѣшеній, и когда коварная тётушка предложила ей посѣтить молодаго человѣка, она не имѣла силъ отказать себѣ въ наслажденіи еще хотя нѣсколько минутъ подышать однимъ съ нимъ воздухомъ. День за день, ей было труднѣе и труднѣе оторваться отъ этого счастія: каждое слово, движеніе, взглядъ Александра были новымъ кольцомъ тяжелой цѣпи, которою судьба прикрѣпила къ нему ея существованіе. Мысль о взаимности досихъ-поръ почти не являлась ей; она какъ-бы убѣдилась, что *Александру* нѣтъ причины не любить ея. Она видѣла участіе въ глазахъ, въ словахъ молодаго человѣка—и ей было довольно этого.

Но вотъ она слышитъ нежданную новость, извѣстіе, что Александръ страстно любитъ другую, съ которою онъ скоро соединится на всю жизнь. Казалось бы, подобная новость должна была прійдти весьма-кстати на помощь благоразумной рѣшимости Вѣры и довершить то, чего разсудокъ не могъ одинъ сдѣлать: истребить раждающееся чувство привязанности, которое она осудила и признала неумѣстнымъ... не такъ бываетъ со страстями; препятствія только усиливаютъ ихъ. Высшая степень броженія жизненныхъ силъ человѣка, уничтожающая спокойное равновѣсіе, которое мы называемъ разсудкомъ — *страсть* раждается и можетъ родиться только отъ однихъ препятствій; въ спокойномъ и тихомъ теченіи жизни, *что* можетъ потрясть равновѣсіе внутренняго устройства?

Грудь Вѣры, обличитель боренія, волновалась съ неодолимою силою; то мертвая блѣдность, то пламень румянца покрывали лицо ея, въ глазахъ ея то сверкали быстрыя молніи, то кипѣли бле-

стящія слезы. Наконецъ, съ внезапной рѣшительностію, она закинула назадъ свою милую голову; гордо и смѣло взглянула на небо; встала стремительно и пошла твердою поступью—въ комнату больнаго.

—

Александръ давно замѣтилъ впечатлѣніе, которое онъ производилъ на невѣсту Петра Ивановича, и былъ очень-далекъ отъ мысли считать это излишнимъ или неумѣстнымъ. Напротивъ, онъ легкомысленно употреблялъ свои оружія обольщенія противъ сердца деревенской барышни, которой наивность сначала его забавляла. Мало-по-малу, онъ разглядѣлъ душу подъ оболочкой застѣнчивости. Вѣра начала ему нравиться.

Александръ имѣлъ натуру благородную и высокую; но грязь и ничтожество, его окружавшія, обманутыя надежды и ожиданія, неизбѣжные плоды воспріимчиваго и пылкаго воображенія, произвели свое естественное дѣйствіе на его душу, неукрѣпленную строгимъ моральнымъ образованіемъ, непроникнутую *правилами*, неизмѣнными руководителями на темномъ и невѣрномъ пути жизни. Воспитанный въ глуши, Александръ въ семействѣ своемъ находилъ строгое, классически-моральное направленіе, примѣры суровыхъ добродѣтелей и непритворную, неумолимую ненависть къ пороку; но во всѣхъ этихъ проявленіяхъ возвышенныхъ и благородныхъ началъ, обнаруживалось чаще безсознательное вліяніе холодной, счастливо-образовавшейся организаціи, безчувственное слѣдованіе природнымъ, суровымъ наклонностямъ и вкусамъ, безъ убѣжденія, безъ мыслей, безъ борьбы—дѣло привычки и инстинкта. Когда развилась въ немъ способность мышленія во всей ея зрѣлой и мужественной силѣ, тщетно искалъ онъ печати глубокихъ, религіозныхъ сознаній, сочувствія съ обществомъ, жертвы мнѣнію чувства собственнаго достоинства во всѣхъ строгихъ и добродѣтельныхъ поступкахъ, которые онъ находилъ въ родной семьѣ своей. На мѣстѣ религіозныхъ убѣжденій, онъ видѣлъ безсознательное, поверхностное пристрастіе къ нѣкоторымъ, произвольно избраннымъ и дурно понятымъ моральнымъ правиламъ, неподкрѣпленное ни изученіемъ, ни сочувствіемъ къ истинѣ, основанное часто на вкусѣ и склонностяхъ. Безъ кормчаго и компаса, полетѣлъ онъ, за отъисканіемъ истины, по волнамъ софизмовъ и ложныхъ умствованій, влекомый мощною энергіею души, полной страстей и жизни, руководимый одними инстинктами благородной натуры и счастливыми наклонностями. Съ неумѣреннымъ жаромъ, съ энтузіазмомъ безграничнымъ, кидался онъ ко всему, что блестѣло издали свѣтомъ благороднаго, возвышеннаго и прекраснаго больше вмѣсто этихъ яркихъ метеоровъ, сближаясь съ ними, открывалъ блѣдные и тусклые призраки. Характеръ

Александра не могъ не измѣниться, пройдя чрезъ этотъ рядъ испытаній и пріобрѣтя печальную опытность; онъ, однакожь, не только не растратилъ своей энергіи, но, напротивъ, какъ-будто усилилъ ее: и хотя жизнь и свѣтъ открылись для него во всей прозаической простотѣ своей, онъ, изъ борьбы и грязи внѣшности, чрезъ которую провела его судьба, вынесъ чистое, глубокое, почти дѣтское вѣрованіе, и страстное, пылкое сочувствіе ко всему, въ чемъ была хоть тѣнь высокаго и изящнаго.

За этимъ, остальные элементы его души были таковы: лѣнивая безпечность, безпредѣльный оптимизмъ, нравственность шаткая, кинутая на волю внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, слегка привязанная къ страху презрѣнія и насмѣшки; жажда наслажденій, не веселая, рѣзвая потребность забавъ и удовольствій, но немного буйная, полу-поэтическая, полуразгульная жажда сильныхъ сердечныхъ волненій, стремленіе заглушить грусть обманутой жизни, грусть заунывную, какъ мотивъ русской пѣсни.

Мало-по-малу, магнетическое вліяніе изящнаго и высокаго, которымъ проникнуто было все существо Вѣры, растопило холодность, съ какою Александръ сначала выдерживалъ ея присутствіе, ея милое, искреннее участіе, ея нѣжное вниманіе, ея заботы, всѣ эти изъявленія сочувствія, сначала его забавлявшія. Въ болѣзненномъ положеніи, впечатлительная природа его долѣе обыкновеннаго выдерживала огонь, который впивала она изъ симпатическаго организма пылкой и страстной дѣвушки. Наконецъ, молодость взяла свое, и въ крови Александра закипѣла страсть. Но онъ уже вполнѣ оцѣнилъ и понялъ Вѣру и никакъ не хотѣлъ осквернить этого прекраснаго и благороднаго созданія нечистыми помыслами. Онъ заглянулъ въ свою душу, испытанную подобными чувствами: глубокой любви въ ней не было. Александръ рѣшился оставить въ покоѣ деревенскую героиню своего новаго романа, который онъ, съ полною твердостію, положилъ прекратить на первой главѣ. Опытность говорила ему, что онъ уже зашелъ далеко своими затѣями обольщенія; но, опасаясь быть самонадѣяннымъ и желая отклонить отъ себя это обвиненіе, этотъ упрекъ, онъ не вѣрилъ своимъ догадкамъ и молилъ Провидѣніе отклонить испытаніе отъ бѣдной дѣвушки.

. . . .

И вотъ она явилась къ нему, одна, среди безмолвія ночи.

Если бы это явленіе и не было такъ необыкновенно, такъ противно обычаямъ и характеру скромной, застѣнчивой Вѣры, то выраженія лица ея, багроваго румянца и неестественнаго блеска глазъ было бы достаточно, чтобъ открыть Александру опасность.

— Вѣра Николавна! воскликнулъ онъ, глядя на нее съ безпокойствомъ и участіемъ:—вы разстроены?.. Что это значитъ?..

— Я думала здѣсь найдти тётеньку, мнѣ сказали, что съ вами сдѣлался новый припадокъ...

— Новый припадокъ?.. О, нѣтъ, здоровье мое совершенно поправилось...

— Вы скоро будете въ состояніи ѣхать?

— Да...

— Я понимаю все нетерпѣніе, съ которымъ вы рветесь летѣть отсюда...

— Летѣть?.. Куда это? Мнѣ нѣкуда *летѣть* съ нетерпѣніемъ...

— А туда, гдѣ васъ ждетъ счастіе...

— Гдѣ меня ждетъ *счастіе?!* Развѣ я говорилъ что-нибудь подобное?..

— Вы не говорили; но все равно, я знаю... я знаю, какъ вы спѣшите...

— Туда, гдѣ меня ждетъ счастіе... Вы ошибаетесь... Что такое вы понимаете подъ словомъ счастіе?..

— То же, что вы...

— Въ такомъ случаѣ, клянусь вамъ, Вѣра Николавна, вы ошибаетесь...

— Какъ? это неправда, что *тамъ,* гдѣ-то, я не знаю гдѣ... васъ ожидаетъ то, что́ вы зовете блаженствомъ жизни прямымъ и истиннымъ...

— Нигдѣ, Вѣра Николавна, нигдѣ не ждетъ меня счастіе. Для меня нѣтъ его въ этомъ мірѣ.

— Нигдѣ?

— Нигдѣ.

Выраженіе неизъяснимой радости, которое одушевило всѣ черты Вѣры при этомъ отвѣтѣ, дало имъ ту неуловимую, неизъяснимую прелесть, которою, въ глубинѣ души, способной любить, невольно отзывается живое, пылкое чувство. Магнетическое вліяніе страсти, тишина ночи, все взволновывало чувство Александра и омрачало его разсудокъ... Въ безмолвіи, полномъ невыразимыхъ волненій, онъ нѣсколько времени глубокимъ и страстнымъ взоромъ пилъ отраву желаній изъ томныхъ глазъ Вѣры, подернутыхъ влагою. Машинально взялъ онъ ея руку—она не противилась; тихо жалъ онъ эту горячую руку. Вѣра склонялась къ нему по немногу и скоро онъ почувствовалъ на лицѣ своемъ ея пламенное дыханіе; бѣдная дѣвушка дрожала всѣмъ тѣломъ.

Эта беззавѣтная преданность, это безусловное самозабвеніе произвели неизмѣримое дѣйствіе на моего героя... Богъ-знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта сцена...

Какъ вдругъ движеніе Александра потрясло софу, на которой онъ сидѣлъ; потрясеніе по зыбкому полу сообщилось фортепьяну и въ тишинѣ ночи раздался звучный, унылый гулъ металлическихъ струнъ. Въ сосѣдней комнатѣ (въ залѣ) послышались быстрые шаги отъ двери. Вѣра поблѣднѣла, вскочила и скрылась въ противоположную дверь.

═

II.

ЛЮБОВЬ И КОВАРСТВО.

Шаги въ залѣ были не что иное, какъ результатъ любопытства Ненилы Григорьевны. Когда Петръ Ивановичъ приступилъ къ совѣщанію съ своею невѣстою (которое я пересказалъ выше), сестра Николая Григорьевича отправилась въ свою комнату. Она ждала съ нетерпѣніемъ племянницу, чтобъ узнать предметъ бесѣды ея съ женихомъ; но вотъ прошло полчаса, три четверти часа, Вѣра не возвращалась. Ненила Григорьевна не выдержала. Она потихоньку подкралась къ кабинету; слушаетъ—безмолвіе... нѣсколько секундъ она не вѣритъ ушамъ своимъ; наконецъ отворяетъ дверь; нагорѣвшая свѣчка освѣщаетъ пустую комнату. Вѣры нѣтъ. Тогда въ душѣ ея къ любопытству присоединилось другое чувство, болѣе тягостное: опасеніе за бѣдную дѣвушку, которую она сама, изъ виновныхъ разсчетовъ мщенія, такъ безчестно приготовила къ гибели. Тихо, на ципочкахъ, Ненила Григорьевна пробралась въ залу; въ гостиной голоса; она застала окончаніе разговора молодыхъ людей, какъ вдругъ нежданный гулъ фортепьянъ такъ озадачилъ любопытную слушательницу (вы знаете, какъ она слаба нервами), что она кинулась бѣжать, забывъ осторожность, и со страха, вмѣсто своей комнаты, попала въ спальню брата.

Николай Григорьевичъ, уже начинавшій засыпать, проснулся съ изумленіемъ при шумномъ явленіи почти вбѣжавшей Ненилы Григорьевны, которая, въ ночномъ своемъ костюмѣ, освѣщаемая слабымъ свѣтомъ лампады, могла съ основательностью быть принята имъ за привидѣніе.

— Сестра! Ты ли это?

— Ахъ, братецъ! и Ненила Григорьевна кинулась на грудь своего молчаливаго брата.

— Уфъ!.. Ты задушишь меня. Что̀ съ тобою?

Николай Григорьевичъ сотворилъ крестное знаменіе надъ головою Ненилы Григорьевны. Она не только не думала разсыпаться, какъ ожидалъ Николай Григорьевичъ, но еще воскликнула громче прежняго:

— Ахъ, братецъ!..

— Ну?

— Ахъ, милый братецъ!..

— Да что̀ такое?

— Ахъ, какой шкандаль... Какой ужасный шкандаль...

— Шкандаль?

— Въ вашемъ домѣ! (Николай Григорьевичъ быстро сбросилъ съ себя нѣжное бремя и приподнялся на постели во всемъ величіи своей длинной, сухощавой фигуры). Представьте себѣ: теперь... сію минуту, Вѣрочка... дочь ваша... моя племянница,

была въ комнатѣ этого нахальнаго, безстыднаго молодаго человѣка...

— Теперь?

— Сію минуту.

— Который часъ?

— Ровно двѣнадцать. (Николай Григорьевичъ соскочилъ съ постели и явился передъ глазами сестры во всей наивной простотѣ ночнаго костюма.)

— Ахъ, милый братецъ! одѣньтесь, одѣньтесь поскорѣе: вопервыхъ, вы простудитесь... Сверхъ-того, Боже мой!.. въ какомъ вы безпорядкѣ!.. Ненила Григорьевна схватила одѣяло и закутала ноги встревоженнаго Николая Григорьевича.

— Гдѣ она теперь?

— Кто? Вѣрочка?

— Дочь моя?

— Не знаю. Николай Григорьевичъ, освободившись отъ одѣяла, въ которомъ сначала было-запутались его ноги, отправился въ гостиную. Ненила Григорьевна послѣдовала за нимъ. Тамъ все было тихо. Отворивъ дверь съ осторожностью, братъ и сестра увидали, что свѣчка погашена.

— Кто это? спросилъ шопотомъ Александръ.

— Сестра, взгляни, въ своей ли комнатѣ Вѣра? сказалъ Николай Григорьевичъ едва слышнымъ голосомъ, дрожавшимъ отъ внутренняго волненія.

— Кто тамъ? повторилъ больной, приподнявшись съ постели. Подождавъ отвѣта нѣсколько секундъ, онъ всталъ и тихо приблизился къ двери, гдѣ, въ тишинѣ ночи, слышалъ присутствіе человѣческаго существа.

— Боже мой! не-уже-ли это вы, Вѣра Николавна?

Въ это мгновеніе, онъ получилъ въ грудь такой энергическій толчекъ, что слабыя ноги его не выдержали и онъ во всю длину грянулся объ полъ.

— Братецъ, милый братецъ... Ахъ, я умираю, что̀ еще такое? шептала возвратившаяся Ненила Григорьевна, изумленная стукомъ паденія Александра.

Николай Григорьевичъ притворилъ дверь, схватилъ сестру за руку и утащилъ ее въ спальню.

— Сестра, никому ни слова.

— Ахъ, милый братецъ...

— Ни слова! слышишь... Или... ты знаешь меня.

— Боже мой!.. съ моими нервами.

— Ступай спать... И Боже тебя сохрани, если Вѣра или Петръ Иванычъ узнаютъ объ этомъ.

— Николай Григорьичъ!

— Ступай спать.

Вы легко можете вообразить, что ни одно изъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ этой послѣдней сцены не сомкнуло глазъ во всю ночь.

На другой день, въ семь часовъ утра, Николай Григорьевичъ велѣлъ позвать къ себѣ дочь.

— Вѣра, взгляни мнѣ въ глаза.

Изумленная дѣвушка вспыхнула при этомъ приказаніи; но смѣло и твердо устремила свои ясные, выразительные глаза на отца, котораго угрюмая и суровая физіономія прояснилась при этомъ положительномъ доказательствѣ спокойной совѣсти. Онъ долго смотрѣлъ на милыя черты этого лица, выражавшаго чистую и прекрасную душу. Видно было, что суровая твердость, съ которою онъ намѣренъ былъ выдержать объясненіе съ дочерью, растаяла подъ теплою влагою юной жизни, струившейся изъ томныхъ глазъ дѣвушки, одушевленныхъ нѣгою страсти.

— Вѣра, ты не должна болѣе встрѣчаться съ *нимъ,* съ этимъ господиномъ.

— Съ Александр...?

— Да... Это мое приказаніе.

— Не встрѣчаться?

— *Ни одного* слова, ни одного взгляда между имъ и тобою... понимаешь?

— Но, папаша...

— Онъ негодяй...

Вѣра поблѣднѣла.

— Какая несправедливость!.. сказала она съ улыбкою, но съ такою улыбкою, что Николай Григорьевичъ также поблѣднѣлъ въ свою очередь, замѣтивъ, какъ исказилось лицо дочери.

— *Да,* онъ негодяй. Въ этомъ убѣжденъ *я.* Слышишь? Твое непослушаніе сведетъ меня въ могилу... слышишь, Вѣра?

— Папаша...

— Ни слова; ты больна и остаешься въ своей комнатѣ. Ни Петръ Иванычъ, ни сестра не должны ничего знать о нашемъ разговорѣ.

Вѣра схватилась рукою за кровать и едва переводила дыханіе. Нѣсколько минутъ продолжалось тяжелое молчаніе.

— Ступай въ свою комнату, сказалъ наконецъ Николай Григорьевичъ.

. . . .

Ночная сцена не выходила изъ головы Ненилы Григорьевны и воображеніе ея строило на ней затѣи мщенія.

На другой день, погода была прекрасная; послѣ утренняго чая, молодая вдова отправилась разсѣять себя небольшою прогулкою. Случай, который играетъ въ судьбахъ нашихъ не послѣднюю роль,—случай направилъ путь ея по дорогѣ къ могилѣ. Эта дорога, какъ вамъ извѣстно, вела также къ усадьбѣ графа Верейскаго. Едва только Ненила Григорьевна, перейдя мостъ и достигнувъ березовой рощицы, сѣла на надгробный камень, покрытый сухими желтыми листьями, какъ передъ нею явилась прекрасная лягавая собака, настоящей *маркловской* породы, имѣвшая всѣ несомнѣн-

ныя преимущества, обличавшія ея знаменитое происхожденіе. Это неожиданное явленіе служило предвѣстникомъ другаго, не менѣе неожиданнаго: черезъ нѣсколько секундъ, изъ лѣсочка, опушавшаго небольшую тропинку, змѣящуюся отъ рѣчки, на возвышеніи берега, послышался свистъ и показался молодой человѣкъ, съ двуствольнымъ ружьемъ въ рукѣ, одѣтый въ охотничье платье со вкусомъ и изъисканностью. Ненила Григорьевна тотчасъ узнала въ немъ племянника графа... Охотникъ, который также узналъ молодую женщину, немедленно подошелъ къ ней. На лицѣ его написано было непритворное удовольствіе. Я не помню, сказалъ ли я, что молодая вдова была щедро надѣлена отъ природы наружными пріятностями. У нея были черные, жгучіе глаза, пышный корсажъ, изрядная талія для провинціальной дамы и бѣлыя пухленькія ручки: всѣ эти преимущества возвышались еще всегда изъисканнымъ нарядомъ и чрезвычайною развязностью...

— Какому трижды-счастливому случаю обязанъ я удовольствіемъ встрѣтить васъ здѣсь? воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Я гуляю, отвѣчала Ненила Григорьевна.

— Какое благополучіе! воскликнулъ снова молодой человѣкъ, поставивъ проворно ружье къ дереву и усѣвшись на камнѣ возлѣ молодой вдовы.

— Почему же это благополучіе? спросила она, оглядываясь кругомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, причиненнымъ слишкомъ-свободною развязностію, съ которою молодой человѣкъ расположился возлѣ нея гораздо-ближе, нежели дозволяется у насъ при совмѣстномъ помѣщеніи различныхъ половъ.

— Здѣсь нѣтъ никого кругомъ, продолжалъ Владиміръ Сергѣевичъ, замѣтивъ безпокойный взглядъ своей собесѣдницы:—я могу наконецъ, у ногъ вашихъ, открыть мое сердце и сказать вамъ, что я васъ люблю... что я васъ обожаю... и жду отъ васъ приговора, жить или умереть...

Это внезапное объясненіе, казалось, нѣсколько поразило интересную вдову, впрочемъ, какъ видно, довольно опытную въ сценахъ подобнаго рода. Она сдѣлала быстрое движеніе, обнаружившее желаніе встать и удалиться; но молодой человѣкъ одною рукою схватилъ ея руку, а другою обнялъ станъ ея.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ съ жаромъ:—нѣтъ, я не пущу васъ до-тѣхъ-поръ, пока не услышу своего приговора... который сдѣлаетъ меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, или... повергнетъ къ ногамъ вашимъ бездушный трупъ мой!

Отчаянный обожатель кинулъ грозный взглядъ на двуствольное ружье.

— Владиміръ Сергѣичъ, отвѣчала Ненила Григорьевна, стараясь освободиться изъ объятій молодаго человѣка:—вы меня ужасаете; какъ можно говорить такія ужасныя слова?.. вы не знаете, какіе у меня разстроенные нервы...

— Отъ васъ зависитъ превратить мою мучительную неизвѣстность въ райское блаженство.

— Какъ вы мнѣ льстите...

— Я обожаю васъ...

За этимъ послѣдовалъ нѣжный взоръ, вспышка восторга и нѣмая сцена...

— Ахъ, мой Творецъ! воскликнула Ненила Григорьевна, принимая оборонительныя мѣры противъ мимики Владиміра Сергѣевича, которая часъ-отъ-часу становилась выразительнѣе.—Вы привыкли, я вижу, къ обращенію съ столичными дамами; но извините, со мною нельзя такъ... Шалунъ! повѣса! закричала она, ударивъ его по рукамъ:—перестаньте... Если вы не оставите вашихъ глупостей и не выслушаете меня... божусь вамъ... я уйду отъ васъ и вы никогда болѣе меня не увидите...

Молодой человѣкъ снова обхватилъ ея станъ обѣими руками и прижалъ къ себѣ.

— Уйдете!.. я не увижу васъ болѣе?.. И вы могли сказать мнѣ это?.. Нѣтъ! вы уйдете отсюда не иначе, какъ черезъ бездушный трупъ мой...

— Да перестаньте, Бога ради, пугать меня такими страшными словами. Вѣдь я знаю, что это все вздоръ...

— Вздоръ!.. (Владиміръ Сергѣевичъ снова обратилъ глаза свои къ ружью.)

— Да, разумѣется, вздоръ. Будто я не знаю... не слыхала этихъ фразъ. Выслушайте меня: чтобъ я вамъ повѣрила, вы должны доказать вашу любовь.

— Доказать?..

— Да; доказать.

— Чѣмъ? говорите. Хотите вы, чтобъ я досталъ для васъ за рогъ молодой мѣсяцъ?.. Хотите, чтобъ я принесъ вамъ перо жаръ-птицы?

— Шалунъ!.. пустомеля!..

— Прикажите... Вы увидите... за одинъ поцалуй...

— О!.. поцалуй?.. какъ вы поспѣшны. Нѣтъ-съ, винните... я хочу видѣть прежде.

— Жестокая... говорите скорѣе... что вамъ нужно? жизнь? кровь моя?.. (Ненила Григорьевна бьетъ его по рукамъ.)

— Я уйду, говорю вамъ, если вы не уйметесь...

— Я слушаю.

— Вы знаете, какъ я ненавижу Петра Иваныча.

— Петра Иваныча!!.. ни слова о немъ... Имя его приводитъ меня въ бѣшенство... Я понимаю... я угадываю... жестокая... вотъ гдѣ причина вашей холодности... Еще одно слово и я убью его!

— Этакой повѣса!.. этакой болтунъ! сказала Ненила Григорьевна улыбнувшись.—Мнѣ не нужно, чтобъ вы убили этого скверна-

го, низкаго, гнуснаго человѣка; я хочу только дать ему почувствовать... свою дружбу... я хочу разстроить его женитьбу.

— Такъ въ этомъ-то должно быть доказательство любви моей, несравненная женщина!.. Да не я ли первый объявилъ вамъ, что я готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ только не бывать этой свадьбѣ...

— Я не забыла этого... но не въ томъ требую вашего доказательства. Я для того начала съ этой матеріи, чтобъ сказать вамъ, что Богъ даетъ намъ средство противъ ненавистнаго Петра Иваныча...

— Новое средство?

— У насъ въ домѣ теперь лежитъ молодой человѣкъ, больной...

— Мы знаемъ это...

— Онъ влюбленъ въ Вѣру и... она къ нему неравнодушна...

— На чемъ основывается это предположеніе?

— Я вчера подслушала разговоръ ихъ, ночью, въ его комнатѣ...

— Ночью?.. въ его комнатѣ?!!

— Но тутъ не было ничего... понимаете... совершенно ничего...

— Ну, это новость не утѣшительная для Авосина.

— Прежде надобно разстроить съ Петромъ Иванычемъ; а больной скоро уѣдетъ...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? такъ это счастливая новость?..

— Видите... какъ я дѣйствую съ вами.

— Обожаемая женщина!!.. Молодой человѣкъ покрылъ ея руку поцалуями. Нѣжная, безмолвная борьба снова началась между новыми любовниками...

— А вы платите мнѣ только глупостями, шалостями...

— Да чего же вы отъ меня хотите? говорите; требуйте скорѣе; напередъ клянусь все исполнить... клянусь вамъ самыми страшными клятвами...

Ненила Григорьевна покраснѣла и обнаружила смущеніе.

— Владиміръ Сергѣичъ, сказала она дрожащимъ голосомъ: — у Петра Иваныча есть письмо, которое я хочу имѣть непремѣнно... Вы человѣкъ благородный, я въ этомъ увѣрена; возьмите у него это письмо и отдайте мнѣ; но чтобъ никто не читалъ его и сами не читайте... обѣщаете?

— Клянусь...

— И тогда... (Ненила Григорьевна обнаруживаетъ желаніе встать. Владиміръ Сергѣевичъ опять принялъ мѣры удержать ее) пустите; пока это письмо не будетъ въ моихъ рукахъ... я не хочу ничего слышать... я говорю вамъ это рѣшительно.

— Какъ?! это свиданіе вы хотите кончить такимъ убійственно-холоднымъ образомъ...

— Вы неблагодарны...

— Я все сдѣлаю, чего вы требуете; но хоть одно слово, хоть какой-нибудь залогъ...

— Принесите мнѣ письмо... и тогда...

— Куда и когда мнѣ принести его?..

— Сегодня вторникъ... Я даю вамъ срока до субботы... Въ субботу, мы ложимся спать раньше обыкновеннаго... Въ одиннадцать часовъ, я буду ждать васъ въ саду, въ бесѣдкѣ, чтò у стѣны, выходящей на дорогу... стѣна эта обвалилась... вы войдете безъ затрудненія...

Оба встали.

— Въ назначенный часъ я у ногъ вашихъ, сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ, схвативъ ея руку. — Сокровище мое...

— Прекрасный молодой человѣкъ.

И—положительно неизвѣстно какимъ образомъ, Ненила Григорьевна очутилась снова въ объятіяхъ Владиміра. Страстный поцалуй вспыхнулъ; молодая вдова стремительно вырвалась изъ рукъ его и быстро удалилась. Владиміръ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая ее глазами...

— Еще одинъ взглядъ... закричалъ онъ. — Ненила Григорьевна оборотилась и послала ему рукою нѣжный поцалуй.

— Фаустъ... ici! закричалъ Владиміръ и свиснулъ. — Фаустъ, прыгавшій въ это время въ густой осокѣ, которая широкою бахромою окаймила берегъ рѣчки, немедленно явился на зовъ своего господина, и молодой человѣкъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа отправился домой, съ благосклонностію отвѣчая на ласки своего спутника, который въ восторгѣ испачкалъ его своими лапами.

— Ну, *дядюшка*, чудесныя новости, воскликнулъ Владиміръ, входя въ кабинетъ графа, гдѣ Павелъ Сергѣевичъ игралъ въ шашки съ Авосинымъ...

— Чтó такое?

— Я получилъ rendez-vous, въ субботу, въ одиннадцать часовъ вечера!

— Bravo, mon cher... поздравляю... и красавица?

— *Черноглазая* сосѣдка...

— Право?..

— Клянусь вамъ...

— Ну, Вольдемаръ... быстрота успѣха стóитъ шампанскаго... Графъ захлопалъ въ ладоши и приказалъ вошедшему каммердинеру подать три бутылки. Авосинъ съ видимымъ изумленіемъ и неудовольствіемъ слушалъ разсказъ Владиміра.

— Каковъ онъ... а?.. слышите, графъ?.. каковъ... сказалъ графскій кліентъ...

— Не завидуй, перебилъ Владиміръ: — я тебѣ принесъ новость еще болѣе аппетитную...

— Мнѣ?..

— Дá; тебѣ... Вы слышали, *дядюшка*, что въ Ванегѣ вотъ ужь двѣ недѣли живетъ какой-то молодой человѣкъ, больной...

— Да, да; ну, такъ чтó же?

— Онъ съ Вѣрою объяснился въ любви...

— Чтó? объяснился въ любви.

— Дá; вчера ночью, въ его комнатѣ...

Графъ захохоталъ, взглянувъ на Авосина, который сдѣлалъ прежалкую гримасу при новомъ извѣстіи Владиміра. Этотъ послѣдній тоже расхохотался, увидавъ гримасу.

— Слышите, воскликнулъ Вася, а? ваше сіятельство! — каковъ Вольдемаръ?!. можно терпѣть такія насмѣшки?.. аппетитная новость!.. Вѣра объясняется въ любви, ночью, въ комнатѣ этого мерзавца — кто онъ тамъ такой, чортъ его знаетъ... и Вольдемаръ приходитъ разсказывать мнѣ за аппетитную новость... А? нѣтъ, я не могу стерпѣть такой колкости!.. какъ вамъ угодно; не могу... помилуйте... это дерзость... это оскорбленіе... въ вашемъ домѣ... я вижу тутъ умыселъ... согласіе... какъ вамъ угодно...

Раздраженный Вася, послѣ безчисленныхъ жестовъ, сопровождавшихъ его жалобы, всталъ и искалъ глазами фуражки.

— Садись и слушай, сказалъ Владиміръ: — ты взбѣленился ни съ того, ни съ сего... Моя новость такъ аппетитна, что не стóитъ объяснять тебѣ этого за то, что ты не понялъ самъ и наговорилъ столько неумѣстныхъ глупостей.

Увѣренность, съ которою говорилъ Владиміръ, въ мигъ успокоила раздражительность Васи; онъ опустился въ кресла и устремилъ на молодаго человѣка взглядъ, показывавшій, что онъ ожидаетъ истолкованія аппетитной новости.

— Кáкъ же ты не понялъ, что любовное объясненіе Вѣры съ этимъ франтомъ, во-первыхъ, можетъ разстроить ее съ Петромъ Иванычемъ; если взяться умно за это дѣло...

— Слышите, ваше сіятельство, чѣмъ онъ утѣшаетъ меня? Какое благополучіе, что, вмѣсто этого болвана съ калмыцкими глазами, на Вѣрѣ женится другой какой-то тамъ... негодяй... мерзавецъ... а! слышите, графъ?

— Да этотъ негодяй, мерзавецъ, уѣдетъ скоро...

— Уѣдетъ скоро?.. послѣ объясненія?.. это чтó за нелѣпость.

— Мнѣ сказывала Ненила Григорьевна.

— Это вздоръ.. Для какого чорта онъ теперь уѣдетъ?.. Чтò вы меня... дурака что ли нашли...

— Мы *заставимъ* его уѣхать.

— Вы? какъ вы заставите?

— Да. Сначала, посредствомъ Ненилы Григорьевны, мы поможемъ ему оттереть Петра Иваныча...

— Посмотримъ... очень-хорошо... дальше что будетъ?

— А дальше будетъ то, что эта исторія затянется; дастъ намъ время.

— Ну, затянется... прекрасно...

— Изъ этой исторіи видно, что Вѣра милая, развязная дѣвушка... чего мы прежде и не подозрѣвали вовсе. Всѣ говорили, что она такая скромница, щекотливая, неприступная; а теперь выходитъ вовсе не то.

— Да; ужъ теперь вовсе не то выходитъ.

— Она, значитъ, точно такова, какъ и всѣ наши барышни: неприступна *для* тѣхъ, кто приступить не умѣетъ... а чуть попадетъ на дорожку, такъ хоть трава не рости...

— Значитъ, теперь мое почтеніе!!! сказалъ Вася, свиснувъ съ глубокимъ отчаяніемъ. — Поминай какъ звали послѣ этого ночнаго *свиданія*.

— Ничуть не бывало... Ненила Григорьевна божилась, что ничего не *было*... совершенно ничего... она все подслушала.

— Она все подслушала? Утѣшай, мой милый!

— Клянусь тебѣ... Объ этомъ и толковать нѣчего... а дѣло *видишь* въ чемъ... Судя по этой исторіи, съ Вѣрою можно безъ церемоній, такъ же, какъ *я* съ тётушкой... Любаша поможетъ намъ... Она какъ-нибудь затащитъ къ себѣ Вѣру... *какъ,* ужь мы послѣ *придумаемъ*... Ты явишься, увидишь Вѣру, признаешься ей въ любви какъ-можно пламеннѣе... а тамъ дальше ужь твое дѣло;.. я увѣренъ, что ты не ударишь себя лицомъ въ грязь и... (хлопаетъ руками) дѣло будетъ въ шляпѣ... странствующій обожатель отправится *во-свояси*; а старый чортъ volens nolens принужденъ будетъ преклониться предъ побѣдителемъ...

— Гм... хитро что-то очень, мой милый, сказалъ Вася, поглядывая попеременно на оратора и на графа, который съ безмолвнымъ вниманіемъ слушалъ своего племянника...

— Планъ твой умно соображенъ, Вольдемаръ, сказалъ графъ молодому человѣку: — видѣнъ талантъ и начитанность... и я его вполнѣ одобряю... только смотри, не надѣлать бы шума; *у насъ* вѣдь не въ модѣ такія хитросплетенія...

Появленіе шампанскаго прекратило на минуту дипломатическое совѣщаніе. Пробка вылетѣла; первые стаканы выпиты съ поздравленіемъ счастливому обожателю Ненилы Григорьевны; за вторыми стаканами, прерванный разговоръ возобновился, и черезъ часъ всѣ *три бутылки* были роспиты и трое собесѣдниковъ изъявляли уже шумный восторгъ, въ-слѣдствіе убѣжденія въ неоспоримой геніальности плана, предложеннаго Владиміромъ. Вася всѣхъ громче выражалъ свое удовольствіе.

— Прости меня, Вольдемаръ, душка моя, говорилъ онъ, обнимая своего пріятеля:—я не понялъ тебя... ты сердишься, а?.. ты называешь меня дуракомъ, болваномъ... да?.. Ну, виноватъ, ну, прости меня... я на колѣняхъ предъ тобою...

—

Новое лицо явилось въ кабинетъ.

Это былъ маленькій, рыженькій человѣчекъ съ крошечною красноватою рожицею, покрытою веснушками, съ быстрыми карими глазами, которые такъ и бѣгали во всѣ стороны подъ длинными, совершенно-бѣлыми рѣсницами... На немъ былъ засаленный фракъ

съ металлическими пуговицами, нанковые панталоны безъ штрипокъ, сократившіеся отъ частаго мытья на цѣлую четверть первобытной длины своей, и жилетъ фантастическаго цвѣта, изъ-подъ котораго внизу, пальца на три, выглядывала черная шелковая манишка, пережившая долгій вѣкъ и длинный рядъ превращеній. Новый посѣтитель, при входѣ, очень вѣжливо раскланялся, помахивая пуховою шляпою, купленною въ 1826 году на нижегородской ярмаркѣ, и быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ въ одно мгновеніе обозрѣлъ воспламененныя физіономіи трехъ собесѣдниковъ и привлекательную группу трехъ опорожненныхъ бутылокъ, на которыхъ красовались пестрые и яркіе ярлыки, съ позолоченнымъ княжескимъ гербомъ герцога Монтебелло.

— А, Настойкинъ! закричалъ графъ: — это ты... Собачье чутье у этого канальи ко всему пьяному!.. но сегодня опоздалъ, пріятель... дѣло кончено; впрочемъ, мы мигомъ приведемъ тебя въ равновѣсіе... Графъ захлопалъ въ ладоши и приказалъ вошедшему каммердинеру принести *спирту*... Приказаніе было исполнено, и новый гость съ классическою важностію налилъ въ серебряную чарку этой огненной жидкости, взглянулъ еще разъ на пустыя бутылки и на розовыя лица своихъ собесѣдниковъ, какъ-бы съ намѣреніемъ уравнять эффектъ приготовленнаго имъ пріема съ эффектомъ, произведеннымъ уже парами южнаго нектара и не поморщась проглотилъ свою порцію!

— Молодецъ! сказалъ графъ, хлопнувъ его по плечу.

— Мы пьемъ для того, чтобъ быть пьяными, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, возразилъ съ достоинствомъ Настойкинъ, закусывая свѣжимъ огурцомъ и кусочкомъ чернаго хлѣба, на который онъ положилъ слой соли въ двѣ линіи толщиною.

— Ну, садись теперь и разсказывай, зачѣмъ ты пріѣхалъ. Навѣрное есть что-нибудь новое...

— Пируй! воскликнулъ, усѣвшись въ кресло, Настойкинъ, на голову котораго пріемъ спирта произвелъ мгновенное дѣйствіе.—Наша взяла!..

— Ты, кажется, братъ, слишкомъ воспламенился, сказалъ графъ, нахмуривъ брови.—Не спрыснуть ли его?

Этотъ вопросъ произвелъ внезапную перемѣну въ веселомъ расположеніи новаго гостя, испытавшаго уже не одинъ разъ пріятность спрыскиванія, состоявшаго изъ ведра холодной воды...

— Я пріѣхалъ доложить вашему сіятельству, началъ онъ, запинаясь безпрестанно:—что я... пріѣхалъ вамъ доложить... что Анна Ивановна изволили присылать за мною, и что я направляю свой путь къ Аннѣ Ивановнѣ... о чемъ я и пріѣхалъ доложить вашему сіятельству.

— Какъ! каналья, ты ѣдешь къ Аннѣ Ивановнѣ... и осмѣлился такъ нарѣзаться?

— Вздоръ!.. все вздоръ... я не боюсь женскаго пола... я пріѣхалъ доложить вашему сіятельству, что все обстоитъ благополучно и что наша взяла.

— Зачѣмъ она зоветъ тебя?

— Объ этомъ я пріѣхалъ доложить вашему сіятельству... что я... въ положеніи разныхъ обстоятельствъ, то-есть... въ разномъ *положеніи* обстоятельствъ... все устроилъ, то-есть, рѣшительно... все, до тонкости... все, какъ ваше сіятельство изволили приказывать... а потому, теперь, ваше сіятельство, извольте приказать отвезти ко мнѣ четверть ржи, четверть овса и четверикъ крупъ, какъ ваше сіятельство изволили приказывать; ибо все исполнено...

— Значитъ, старуха зоветъ тебя для составленія духовнаго завѣщанія?

— Духовнаго завѣщанія...

— Нѣчего дѣлать... Жаль мнѣ его, Вольдемаръ, а нѣчего дѣлать... Не могу дожидаться... новость его такъ любопытна... а чортъ его знаетъ, когда онъ вытрезвится... Посмотри, какъ онъ *заряженъ*.

— Дядюшка, вы вооружите его, тихо сказалъ Владиміръ.

— Какой вздоръ, mon cher! Графъ захлопалъ въ ладоши. — Спрысни его, сказалъ онъ вошедшему каммердинеру, показывая на Настойкина.

— Какъ?!... воскликнулъ Настойкинъ, дико оглядываясь и вскакивая со стула:—вспрыскивать! меня вспрыскивать! Послѣ всего, что учинено!.. За то, что я пріѣхалъ доложить вашему сіятельству? Живой не дамся... Какъ! меня вспрыскивать?

Но, не смотря на эту неумѣстную храбрость, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, лакеи овладѣли осужденнымъ, и черезъ четверть часа онъ возвратился съ мокрою головою и почти отрезвившимся.

— *Разсказывай* же теперь все, что случилось, по порядку, сказалъ графъ, и Настойкинъ началъ:

— По дѣлу о загнаніи скота помѣщика Рыльскаго и о причиненныхъ будто-бы имъ побояхъ, въ уѣздный судъ представлено слѣдствіе, произведенное становымъ приставомъ, который равнымъ образомъ учинилъ и изслѣдованіе о умерщвленіи собаки.

— Что же оказалось по слѣдствію?

— По слѣдствію оказалось, что прикащикъ Анны Ивановны дозволилъ себѣ самоуправные поступки и неприличныя выраженія противъ помѣщика Рыльскаго; но имъ Рыльскимъ означенный прикащикъ битъ не былъ; равнымъ образомъ и никому изъ бывшихъ тутъ крестьянъ побой причинено не было... А вотъ и копія съ нужныхъ бумагъ по этому дѣлу, которыя я списалъ для вашего сіятельства...

Настойкинъ подалъ графу кипу бумагъ, сложенныхъ въ-четверо и вынутыхъ имъ изъ боковаго кармана.

— Спасибо, братецъ, сказалъ графъ, потирая руки: — прекрасно: значитъ, становой сдѣлалъ все какъ должно.

— Я ему передалъ приказаніе вашего сіятельства.

— Какъ, дядюшка! Это вы устроили, что Рыльскаго сдѣлали правымъ; тогда какъ онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, отдулъ тамъ всѣхъ плетью.

— Не перебивай, Вольдемаръ: до Рыльскаго мы доберемся со временемъ... Ну, Настойкинъ?

— Я сообщилъ Аннѣ Ивановнѣ всѣ обстоятельства дѣла черезъ Мирошку.

— Анна Ивановна, разумѣется, вообразила, что Рыльскій подкупилъ всѣхъ и взбѣсилась на него.

— Пунктуально такъ и произошло, ваше сіятельство. Вчера Анна Ивановна изволила прислать ко мнѣ Мирошку, чтобъ я, дескать, пріѣхалъ къ ней сегодня, въ-отношеніи разныхъ обстоятельствъ, для написанія жалобы губернатору на неправильное, якобы, произведеніе слѣдствія и для составленія духовнаго завѣщанія.

— Браво! браво! воскликнулъ графъ: — дѣло идетъ. Надобно только обработатьноскорѣе этого проклятаго Бормотышина!

— Ну, теперь я понимаю, что значитъ убитая собака... сказалъ Владиміръ.

— А-га, mon cher, то-то; видишь ли, на чемъ вертится колесо. Ну, Настойкинъ, ты, не теряя времени, отправляйся къ старухѣ: скажи ей, чтобъ она съ жалобой на становаго обратилась не къ губернатору, а къ предводителю, и мы велимъ все переслѣдовать какъ надобно; то-есть, понимаешь, чтобъ Рыльскаго спросили какъ [illegible] (*). Слышишь?

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Что же касается до духовнаго завѣщанія, то тебя нечего учить; только черновое изволь привезти мнѣ прочесть до переписки на бѣло.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Теперь ты можешь отправиться; мѣшкать нечего.

Рыженькій человѣчекъ всталъ.

— Дѣла твои со старухою по-прежнему?

— По-прежнему, ваше сіятельство. Она находится у меня въ полномъ повиновеніи въ-отношеніи разныхъ обстоятельствъ, посредствомъ Фектиста и Агаѳьи. Эти хамы обкрадываютъ ее попрежнему и находятся у меня тоже въ полномъ повиновеніи, по извѣстности мнѣ всѣхъ ихъ шашней; они знаютъ, что мнѣ стоитъ сказать только два слова, и отпускныя ихъ, которыя уже подписаны и хранятся у Анны Ивановны, исчезнутъ яко дымъ. Прочихъ остальныхъ мы убаюкиваемъ сладкою надеждою, что имъ всѣмъ также написана отпускная и они изо всѣхъ силъ хлопочутъ

(*) Форма *уголовныхъ* процессовъ.

для меня въ-отношеніи разныхъ обстоятельствъ... Свобода! знаете, ваше сіятельство, кажется имъ чѣмъ-то этакимъ... а отпусти на волю, сопьются съ кругу и сдѣлаются ни къ чорту не годными...

— Прощай, Настойкинъ, отправляйся съ Богомъ... водки не даю; понимаешь, отъ-чего; надобно свѣжую голову; а воротишься, напою какъ сапожника... Четыре четверти ржи за мною... слышишь: *ржи*?

Настойкинъ поклонился чуть не до земли; лицо его скривилось въ самую умилительную гримасу, и онъ бормоталъ что-то въ родѣ благодарности подъ носъ себѣ, отъ избытка чувствъ; послѣ чего отправился къ двери, но едва онъ затворилъ ее за собою, какъ графъ крикнулъ:

— Настойкинъ!.. эй!

— Эй, Настойкинъ! поспѣшилъ закричать во все горло Ваня, не зная какъ угодить благодѣтельному графу, который такъ усердно хлопоталъ о дѣлахъ его.

Настойкинъ торопливо явился на крикъ.

— Еще одно слово... Ты знаешь, какой проѣзжающій остано*вился, больной*, у Бормотышина?

— Знаю, ваше сіятельство... Шершавинъ.

— Родственникъ нашего Матвѣя Матвѣича?

— Родной племянникъ, ваше сіятельство.

— А, Александръ Шершавинъ... Знаю... Этотъ бродяга, который всю жизнь свою таскается по бѣлому свѣту... Зачѣмъ онъ попалъ сюда?

— Онъ пробирался къ дядѣ, занемогъ и остановился у Николая Григорьича.

— А Матвѣй Матвѣичъ еще не воротился изъ Саратова?

— Никакъ нѣтъ еще, ваше сіятельство; ждутъ на-дняхъ.

— У этого гуся должно быть состояніе?

— Говорятъ, славное имѣніе, рѣдкое, незаложенное...

— *Молодецъ* собою?

— Говорятъ, молодецъ, ваше сіятельство, мужчина лѣтъ тридцати..

— Ну, только... ступай теперь.

— Какова бестія! всю подноготную знаетъ; Фуше настоящій! прибавилъ графъ, обращаясь къ собесѣдникамъ, когда агентъ его удалился изъ кабинета.

Этотъ миньятюрный Фуше былъ дитя любви... Онъ, съ помощію различныхъ благодѣяній, получилъ первоначальное образованіе, необходимое для вступленія въ храмъ Ѳемиды, куда за хорошій почеркъ и былъ принятъ для переписыванія бумагъ. Въ роли вольно-практикующаго писца уѣзднаго суда, съ помощію необыкновенно-острой памяти своей, съ помощію ловкости въ практической юриспруденціи и при пособіи другихъ необыкновенныхъ способностей, Настойкинъ очень-скоро обратилъ на себя всеобщее вниманіе и различныя покровительства. Его, черезъ про-

текцію, приняли въ службу, дали чинъ и сдѣлали секретаремъ. За открытіе какого-то разбойничьяго притона, тогдашній предводитель, восхищенный его дѣйствіями въ этомъ важномъ предпріятіи (гдѣ онъ, какъ показалось предводителю, спасъ даже жизнь ему), исходатайствовалъ Настойкину анненскій крестъ, и онъ сдѣлался дворяниномъ... Онъ велъ свои дѣла так искусно, что черезъ десять лѣтъ секретарствованія купилъ тридцать-пять душъ крестьянъ, женился, былъ отданъ подъ судъ и отставленъ отъ службы. Дѣло его было-разгорѣлось сначала очень-жарко. Обвиненія были сильныя, но Настойкинъ самъ былъ не промахъ по этой части. Онъ такъ ловко отгрызался и отписывался, такъ искусно увертывался, что производство по его дѣлу, продолжавшееся семь лѣтъ, получило объемъ, въ нѣсколько сотъ листовъ... чрезъ что обстоятельства обвиненій и оправданій такъ запутались, что можно провозгласить Архимедомъ того, кто бы нашелъ слово загадки въ этой громадѣ исписанной бумаги... Преслѣдователи экс-секретаря давно утомились, и наконецъ Настойкинъ былъ подведенъ подъ манифестъ, и дѣло, къ общему удовольствію, сдано въ архивъ; а нашъ Настойкинъ благополучно сталъ продолжать свои мирныя занятія, состоявшія въ ходатайствѣ по дѣламъ всякаго, кто ни обратится къ нему.

Въ прошломъ году, онъ купилъ еще тридцать душъ и теперь ужь понемногу оставляетъ свою униженную ролю, разъигрываемую имъ болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ нужды, и дѣлается настоящимъ деревенскимъ бариномъ. Говорятъ, онъ торгуетъ еще 40 душъ.

Супруга достойнаго сосѣда и собрата моего, о которой подъ именемъ *Любаши* было уже упомянуто, готовится также вступить на сцену этой повѣсти и потому я нахожу нужнымъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ. Любаша была крѣпостная дѣвка жены Николая Григорьевича и, при смерти ея, отпущена вмѣстѣ съ семьею на волю. Покойная мать Вѣры любила ее за ея остроту, веселость и понятливость, и передала ей всѣ свѣдѣнія, которыми сама обладала въ разнаго рода рукодѣліяхъ и въ составленіи домашнихъ лекарствъ. Вмѣстѣ съ свободою, Любаша получила враждебныя чувства ко всему семейству Николая Григорьевича, что́ не помѣшало, однако, ей сдѣлаться привилегированною швеею для цѣлаго уѣзда и знаменитою лекаркою всѣхъ болѣзней возможныхъ и въ особенности невозможныхъ... О ея медицинскомъ искусствѣ и подвигахъ носятся разные и очень-неблаговидные слухи, разсѣеваемые, конечно, недоброжелательствомъ, но въ числѣ которыхъ обвиненія въ составленіи «приворотныхъ питей», въ «заговорѣ», въ «порчѣ» и въ другихъ досужествахъ, пользуются почти всеобщимъ довѣріемъ.

Сдѣлавшись Настойкиною, Любаша, конечно, уменьшила значительно кругъ своей швейной и медицинской практики, оставивъ

себѣ занятія этими двумя отраслями пріобрѣтенія только «по знакомству».

Нѣкоторыя важнѣйшія части приданаго Вѣры поручены были ея искусству.

Графъ рѣшилъ сообщить Настойкину планъ племянника относительно Любаши, по возвращеніи агента изъ путешествія къ Аннѣ Ивановнѣ.

III.

Хоть отступиться отъ невѣсты!

— Я замѣчаю всѣ эти три дня нѣкоторую... этакую... то-есть, печальную перемѣну въ васъ, Вѣра Николавна, сказалъ Петръ Ивановичъ, пригласивъ свою невѣсту въ кабинетъ Николая Григорьевича въ пятницу вечеромъ, послѣ ужина.

Вѣра взглянула на него задумчиво и не отвѣчала ни слова.

— Вы скрываете отъ меня какое-ни-есть этакое горе, продолжалъ онъ съ выраженіемъ нѣжнаго участія. — Вѣра молчала.

— Это меня чувствительнѣйше огорчаетъ, то-есть, ваше горе, а болѣе ваше молчаніе; чувствительнѣйше огорчаетъ, что я не заслужилъ вашей, такъ сказать, довѣренности.

— Петръ Иванычъ, къ чему вамъ моя довѣренность? возразила холодно Вѣра. — То, что я скрываю, можетъ огорчить васъ; помочь вы не можете и не захотите, если бы могли... Къ-чему вамъ знать причину безумной грусти моей...

— Безумной?.. изволите вы говорить...

— Да, безумной, Петръ Иванычъ. Вы осудите ее.

— Такъ-съ. Но я, видите, далъ клятву сдѣлать васъ счастливою, то-есть, по мѣрѣ возможности...

— Одинъ только Богъ можетъ сдѣлать меня счастливою... перебила Вѣра: — но Онъ оставилъ меня.

— Такъ-съ... Всѣ эти ваши слова меня огорчаютъ чувствительнѣйше. Петръ Ивановичъ понюхалъ табачку со всѣми признаками душевнаго волненія.

— Скажите, не могу понять, какое бы это такое сильное горе было у васъ на душѣ... Истинно, не пожалѣлъ бы Богъ-знаетъ чего, чтобъ только, только... этакъ...

Вѣра пристально взглянула на него, какъ-бы желая прочесть въ глазахъ своего чувствительнѣйше-огорченнаго жениха истинный смыслъ этого нѣжнаго участія, въ которое ей что-то плохо вѣрилось.

— Я не знаю, сказала она тихо, какъ-будто говоря сама съ собою: — можетъ-быть, я должна сказать ему все... Богъ-знаетъ, когда и чѣмъ кончится эта нестерпимая мука... Я не могу выно-

сить моего положенія, продолжала Вѣра едва внятнымъ голосомъ: — я сойду съ ума, если это продолжится; Боже мой! Боже, что со мною будетъ?!.. Вѣра закрыла руками лицо.

Петръ Ивановичъ во всѣ глаза смотрѣлъ на бѣдную дѣвушку. Великодушный сосѣдъ мой почувствовалъ на сердцѣ своемъ часть страшной тягости, тѣснившей грудь его невѣсты... Онъ грустно качалъ головою.

— Вѣра Николавна, милый другъ, успокойтесь ради самого Бога, сказалъ онъ ей умоляющимъ голосомъ, не найдя что сказать умнѣе и не имѣя присутствія духа оставить ее въ такомъ состояніи: такъ Петръ Ивановичъ былъ тронутъ.

— Успокоиться?! возразила Вѣра: — три долгіе дня и три безконечныя ночи твержу я себѣ это прекрасное слово, а спокойствіе съ каждою минутою бѣжитъ отъ меня все дальше и дальше.

— Три ночи!!!.. вы не спали три ночи?

— Я не могла сомкнуть глазъ и одному Богу извѣстно, сколько боролась съ собою, сколько плакала я и молилась; пусть Онъ судитъ меня; я сдѣлала все, что человѣчески возможно; но отказаться отъ счастія, отъ счастія цѣлой долгой будущности... при началѣ жизни, до-сихъ-поръ чуждой радостей... отказаться отъ рая... у дверей рая... и для чего?.. почему?.. Между блаженствомъ и мукою... не смѣть сдѣлать выбора...

Изумленіе Петра Ивановича прогрессивно возрастало.

— Что вы на меня такъ смотрите? Вы жалѣете меня; о, пожалѣйте, добрый другъ мой, пожалѣйте меня. Авось мнѣ будетъ легче.—Зачѣмъ вы спросили...? вамъ жаль стало меня?.. это было не одно простое любопытство?

— Никакъ нѣтъ-съ, бормоталъ Петръ Ивановичъ, совершенно не привыкшій къ сценамъ подобнаго рода, о которыхъ онъ, лучше сказать, не имѣлъ даже идеи.

— О, Петръ Иванычъ, если это правда, если вы въ-самомъ-дѣлѣ чувствуете ко мнѣ состраданіе, если вы понимаете мои нестерпимыя муки, если вы хотите помочь мнѣ, спасти меня, Богъ наградитъ васъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю, продолжалъ лепетать Петръ Ивановичъ.

Вѣра съ новымъ опасеніемъ взглянула на него, услышавъ эту двусмысленную фразу.

— Вотъ положеніе-то!!.. внутренно восклицалъ Петръ Ивановичъ.

Наступило молчаніе. Вѣра сидѣла склонивъ голову и, казалось, забыла своего собесѣдника. Петръ Ивановичъ былъ какъ на угольяхъ; наконецъ, онъ принялъ твердое намѣреніе отправиться.

— Вѣра Николавна, сказалъ онъ робко.

Вѣра подняла голову, какъ-будто пробужденная отъ тяжелаго сна.

— Такъ вы утверждаете, что я должна... что я обязана во всемъ признаться вамъ... *Признаться?!*.. повторила она: — какъ-будто это преступленіе... Мнѣ тяжело, конечно, сказать вамъ... но не потому, чтобъ я краснѣла за свои чувства... Богу извѣстно, виновны ли они?.. виновата ли я въ томъ, что я хочу быть счастливою... виновата ли я въ томъ, что мое счастье въ *немъ*... что я могу жить только *для него*, только *для него одного*... Что? вы думаете... это бредъ разстроеннаго воображенія? что нельзя такъ полюбить человѣка, котораго я вижу первый разъ отъ роду, котораго я знаю всего только двѣ недѣли... Но въ эти двѣ недѣли я видѣла и слышала его каждый день, по нѣскольку часовъ сряду. Виновата ли я, что я не встрѣчала до-сихъ-поръ никого съ такимъ свѣтлымъ умомъ, съ такою высокою душою, съ такимъ любящимъ сердцемъ? Виновата ли я, что я встрѣтила его страдающимъ, одинокимъ, безпомощнымъ? Кому, кромѣ его, до-сихъ-поръ я могла показать хоть каплю участія; кому могла быть хоть сколько-нибудь полезною, и кто умѣлъ сказать мнѣ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ, какъ онъ, свою признательность за мое участіе, за мои попеченія? О, Петръ Иванычъ... мой добрый, милый Петръ Иванычъ... любить того, кто такъ понимаетъ любовь, и быть имъ любимою... и имѣть право каждую минуту... окружать его ласками и заботами... развлекать его уныніе, развлекать его скуку, услаждать горькія думы и знать, что онъ понимаетъ, цѣнитъ всѣ эти чувства... что онъ раздѣляетъ ихъ... Такое существованіе должно быть полно невыразимымъ блаженствомъ.

И Вѣра устремила на жениха своего взоръ, полный страсти и тревожнаго ожиданія.

Петръ Ивановичъ, въ-продолженіе длинной рѣчи ея, былъ очень-похожъ на человѣка, на котораго съ оглушающимъ трескомъ упалъ потолокъ... Въ глазахъ, во всѣхъ движеніяхъ, въ словахъ своей невѣсты, онъ угадывалъ силу новаго чувства, новой, неодолимой страсти, которая овладѣла этою пылкою и чистою душою, и когда Вѣра повѣряла ему свои веселыя мечты счастія, едва примѣтная слеза блеснула на его рѣсницѣ. Ему стало жаль свѣтлой будущности, которую такъ безжалостно убивалъ онъ у нея.

— Вѣра Николавна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — вы вѣдь изволите знать...

— Все это вздоръ... совершенный вздоръ...

— Вздоръ?

— Ничего этого нѣтъ... ничего вовсе...

— А вы, съ позволенія вашего сказать, какимъ это образомъ, то-есть, получили удостовѣреніе?

— Онъ самъ сказалъ мнѣ.

— Онъ самъ?!.. Вы спросили его?

— Да, я спросила его...

Изумленіе Петра Ивановича при этой новости достигло высочайшей степени. Онъ едва вѣрилъ ушамъ своимъ, что Вѣра, эта

скромная, застѣнчивая дѣвушка... его невѣста рѣшилась сдѣлать подобный вопросъ *постороннему молодому человѣку*... и наивное признаніе въ этомъ онъ слышалъ изъ устъ самой Вѣры! Все это казалось ему сверх-естественнымъ. Внезапно смутная мысль поразила его, мысль, въ которой сливались неясныя и неопредѣленныя воспоминанія о сѣромъ старикѣ, о двадцатомъ сентября, о исторіи несчастной пропавшей Татьяны Минишны, о внезапномъ явленіи Александра въ этотъ исторически-достопамятный вечеръ, отмѣченный такими странными, фантастическими преданіями; онъ вспомнилъ затѣи графа, его гнѣвъ и обѣты мщенія; вспомнилъ десятки исторій подобнаго рода, странныхъ, непостижимыхъ, необъяснимыхъ, которыми такъ изобилуютъ наши уѣздныя хроники... и философическій Петръ Ивановичъ почти убѣдился, что Вѣра *испорчена*.

Подозрѣнія прозорливаго Петра Ивановича тотчасъ пали на Нениллу Григорьевну, которая сама призналась ему въ участіи, принимаемомъ ею въ мстительныхъ замыслахъ графа.

Попавъ на эту вѣрную точку зрѣнія, Петръ Ивановичъ почувствовалъ еще болѣе состраданія къ своей невѣстѣ. Онъ зналъ довольно примѣровъ подобныхъ явленій; онъ зналъ, какъ мучительно состояніе бѣдныхъ *испорченныхъ*, и съ этой минуты смотрѣлъ на Вѣру какъ на больную, съ такимъ же глубокимъ чувствомъ жалости, какое внушаютъ больныя дѣти. Въ силу этого убѣжденія, онъ нашелъ нужнымъ не противорѣчить ей ни въ чемъ, обѣщать все на свѣтѣ, чтобъ только успокоить ее и потомъ заняться серьёзно опаснымъ, болѣзненнымъ состояніемъ бѣдной дѣвушки.

— Такъ вы, Вѣра Николавна, то-есть, такъ-сказать, убѣдились теперь, что это неправда?.. Ну, и слава Богу, продолжалъ Петръ Ивановичъ тѣмъ нѣжнымъ и ласковымъ тономъ, который обыкновенно употребляютъ съ дѣтьми, когда хотятъ ихъ навести на путь истины кроткими средствами.

Эта необыкновенная кротость и ласковость удивили Вѣру... Въ сердцѣ ея, отъ природы довѣрчивомъ, проснулось смутное предчувствіе возможности счастія.

— Ахъ, Петръ Иванычъ, сказала она, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ перемѣны его физіономіи:—я ошибаюсь, вѣрно ошибаюсь? Въ вашихъ словахъ мнѣ слышится надежда и счастіе?

— Истинно такъ... могу васъ увѣрить, отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Такъ это возможно... это можетъ сбыться?

— Все возможно и все можетъ сбыться, моя милая Вѣра Николавна... только успокойтесь, ради самого Бога... Прежде всего, то-есть, благоразуміе...

— И вы не сердитесь на меня, добрый, милый другъ мой?.. Вы не осуждаете меня?.. Вы прощаете меня?.. О, Петръ Иванычъ, вы не знаете, что за такое счастіе я во всю жизнь... Но чѣмъ я

могу заплатить вамъ? Одинъ Богъ въ состояніи наградить за такой поступокъ... И Онъ наградитъ васъ...

Петръ Ивановичъ не понималъ хорошенько, о какомъ *поступкѣ* говорила его невѣста; но, вѣрный своей системѣ, онъ не счелъ нужнымъ разъяснять этого предмета, видя, что усилія его успокоить Вѣру достигали своей цѣли. Онъ всталъ, взялъ свою фуражку, подошелъ къ ручкѣ съ желаніемъ «покойной ночи», и тотчасъ отправился.

Легко представить себѣ, какія думы занимали его во время дороги и нѣкоторую часть ночи. Восклицаніе Вѣры о надеждѣ и счастіи возбудило въ немъ сильное подозрѣніе, что отношенія Александра и его невѣсты зашли ужь очень-далеко, то-есть, онъ началъ опасаться, не рѣшенъ ли между ними вопросъ о будущности, и радостная признательность Вѣры не происходила ли отъ-того, что Вѣра приняла его утѣшительныя увѣренія за обѣщаніе содѣйствовать союзу двухъ любящихъ сердецъ. Эта мысль имѣла самое непріятное вліяніе на умъ его, и безъ того озадаченный тревожными впечатлѣніями послѣдней сцены. Она разбудила самолюбіе, а съ нимъ кучу мелкихъ разсчетовъ и соображеній. Ему, Петру Ивановичу, признанному, обрученному жениху Вѣры, самому соединить свою невѣсту съ другимъ, съ человѣкомъ, упавшимъ изъ облаковъ, съ человѣкомъ, который, въ какія-нибудь двѣ недѣли, больной, успѣлъ *отбить* у него невѣсту, около которой онъ находился болѣе пяти лѣтъ. Нѣтъ, этотъ подвигъ выше силъ человѣческихъ, и какъ-будто нѣтъ тутъ Ненилы Григорьевны, неумолимой непріятельницы, которой онъ обязанъ своимъ поношеніемъ! А что скажетъ Анна Максимовна, и Анна Андреевна, и Анна Петровна? А что̀ онъ долженъ будетъ сказать на грубыя, дубовыя шутки Михайла Михайлыча, на язвительныя насмѣшки Павла Павлыча, на безконечные, безсмысленные вопросы всему изумляющагося, ничего непонимающаго Ивана Ивановича, который, какъ на смѣхъ, приступитъ съ своими разспросами при всѣхъ?.. А шесть-сотъ душъ? а чортова пропасть денегъ? Нѣтъ, графъ купилъ бы торжество свое слишкомъ дешевою цѣною. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ; не бывать этому. Петръ Ивановичъ не такой нѣженка, чтобъ растаять отъ женской глупости! вздоръ: Петръ Ивановичъ съумѣетъ еще постоять за себя.

— Ну, попалъ я въ исторію, сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ, повернувшись въ постели.—Признаться, то-есть, вотъ, что называется, попалъ, такъ ужь попалъ; ужь можно сказать, что попалъ... Всю жизнь не бывало со мною этакихъ штукъ; а теперь, на пятомъ десяткѣ... прошу всепокорнѣйше!!! То-есть, я даже ужь и не знаю, прилично ли мнѣ тутъ ввязываться, въ этакія, такъ-сказать, фанаберіи; я себя не узнаю... Да и что̀ это за пропасть такая! и какъ все это случилось?? вѣкъ что ли сталъ такой?! Убей меня Богъ, то-есть, ума не приложу. Вотъ тебѣ женитьба; вотъ она, что значитъ эта затѣя; чортъ знаетъ, подлинно сказать;

въ молодыхъ лѣтахъ не зналъ этакого мотырства, коловрата... Тьфу! (плюетъ съ досадою) какая дурость... Ну, а вѣдь тѣмъ не менѣе сказать, не оставить же это; не смотрѣть сложа руки, какъ у меня ее возьмутъ подъ носомъ. Нѣтъ, это стара штука, дудки, мой любезнѣйшій Александръ Андреичъ!!! нѣтъ, ужь это будетъ чортъ-знаетъ что такое, посмѣяніе на весь міръ... Да и Вѣрочку-то отдать, чортъ побери, въ жаръ бросаетъ, какъ подумаешь только... Словно околдовала она меня. Какъ подумаешь, что черезъ недѣлю она будетъ вотъ здѣсь, со мною, моя на всю жизнь. Фу, ты, Боже мой! голова кружится. Да чтобъ я отдалъ ее, уступилъ кому бы то ни было!! Ее, Вѣру!! мою Вѣру, это сокровище? Никогда, ни за что на свѣтѣ, ни за что въ мірѣ! Глупости!! слезы! любовь! все это пройдетъ и она будетъ моя, непремѣнно будетъ моя. Во что бы то ни стало!!! И потомъ, шесть-сотъ душъ и четыреста тысячь наличныхъ, тѣ же тысяча душъ; а съ моими, будетъ почти двѣ тысячи... Двѣ тысячи душъ!!.. Фу, ты, чортъ возьми! Двѣ тысячи душъ!! воскликнулъ онъ съ бурнымъ восторгомъ, и не владѣя собою, быстро вскочилъ и сѣлъ на постели. —Не мудрено помѣшаться отъ такихъ мыслей, продолжалъ онъ, нѣсколько успокоившись.—Двѣ тысячи душъ! у меня двѣ тысячи душъ!.. Да убей же меня Богъ, если прозѣваю такое счастіе, то-есть, счастіе, которое, примѣрно сказать, само въ ротъ валится... да я буду глупѣе осла... Да нѣтъ!! этого быть не можетъ... Кой чортъ смотрѣть тутъ на бабьи слезы! Не посмотрю ни на кого и ни на что на свѣтѣ; ни на графа, ни на самого чорта... Господи помилуй, какъ я *расчорткался* однакожь (Петръ Ивановичъ перекрестился три раза). Лучше уснуть... ночью не годится думать о такихъ мысляхъ... гляди, чай, полночь ужь скоро... Утро вечера мудренѣе... Авось все отлично устроится!..

Петръ Ивановичъ завернулся въ одѣяло, и черезъ четверть часа онъ уже спалъ.

На другой день, Петръ Ивановичъ по обычаю явился часовъ въ одиннадцать навѣстить больнаго. Александръ замѣтилъ какое-то странное выраженіе на лицѣ своего посѣтителя.

Петръ Ивановичъ замѣтилъ, что его милый больной находится въ весьма-дурномъ расположеніи духа.

— Ну, сударь мой, началъ Петръ Ивановичъ, понюхавъ и поднеся табакерку Александру, отъ которой тотъ отказался отрицательнымъ жестомъ. — Ваше здоровье, примѣрно сказать, поправляется?

— Послѣ завтра я ѣду.

— Те-те-те! послѣ завтра; да вы, такъ-сказать, не задумываетесь... но вѣдь лекарь...

— Къ чорту вашего лекаря! Онъ уморитъ меня своими предосторожностями.

— Гм!.. (Петръ Ивановичъ щелкнулъ по табакеркѣ.) — Горячность, молодость!... Стало, мы крѣпко вамъ надоѣли?

— Напротивъ, я вижу, что я надоѣлъ здѣсь... А я не привыкъ никому быть въ тягость... Эта проклятая болѣзнь!

— Вы надоѣли намъ?!.. Позвольте спросить, откуда же вы изволите выводить такое, то-есть, этакое обидное мнѣніе?

— Надобно быть слѣпымъ...

— Объяснитесь, сдѣлайте ваше одолженіе.

— *Да* помилуйте, чего тутъ объясниться. Четвертый день, ни Николай Григорьичъ, ни Ненила Григорьевна не удостоиваютъ меня ни на одну минуту своимъ посѣщеніемъ... тогда-какъ прежде...

— А Вѣра Николавна?

— Вѣра Николавна?

— Да-съ; я спрашиваю о Вѣрѣ Николавнѣ?

— Петръ Иванычъ, послушайте, сказалъ Александръ, разгорячаясь болѣе-и-болѣе: — я теперь золъ; я взбѣшенъ на цѣлый свѣтъ. Эта проклятая неволя, эта адская, анаѳемская болѣзнь... Сидѣть какъ скованному!!.. оставьте меня въ покоѣ съ вашими вопросами *о* Вѣрѣ Николавнѣ; а иначе, клянусь вамъ всѣми чертями, мнѣ будетъ досадно, жаль, но вы мнѣ поплáтитесь за всѣ дружества, за все, чтò я вынесъ въ эти три безконечные дня...

Петръ Ивановичъ внимательно поглядѣлъ на Александра и хладнокровно опустилъ въ табакерку большой и указательный пальцы.

— Такъ вамъ непріятны мои вопросы? Гм! (нюхаетъ) А меня, видите, это очень, такъ-сказать, интересуетъ.

— Чтò такое васъ интересуетъ?

— А вотъ что, изволите видѣть. Я буду говорить съ вами откровенно; согласны вы?

— Говорите какъ вамъ угодно.

— И вы будете мнѣ отвѣчать откровенно. Согласны вы?

— Это моя привычка.

— *И прекрасно*, и превосходно; такъ дозвольте мнѣ васъ спросить, просто, безъ всякихъ, этакихъ, то-есть, изворотовъ: мнѣ такъ показалось, что вы влюблены въ Вѣру Николавну.

— Что такое вы сказали?

— Чтò я сказалъ?... А я, сударь мой, сказалъ, то-есть, предложилъ вамъ вопросъ (протяжно): влюблены ли вы въ Вѣру Николавну?

— А!... слава Богу. Какъ я вамъ обязанъ. Хоть это развлеченіе за двѣ недѣли душной неволи! Такъ вамъ угодно знать, влюбленъ ли я въ Вѣру Николавну?

— Точно такъ-съ?

— Вы имѣете намѣреніе на ней жениться?

— Совершенная правда.

— И спрашиваете меня?

— И ожидаю отъ васъ этакого, то-есть, откровеннаго отвѣта; то-есть, отвѣта такого, какой приличенъ благородному человѣку.

— Прекрасно. И я имѣю честь дать вамъ этотъ откровенный отвѣтъ, приличный благородному человѣку. Извольте слушать (протяжно и громко): я люблю Вѣру Николавну...

— Нѣтъ, позвольте... мы всѣ обязаны любить другъ друга...

— Вамъ хочется яснѣе... (протяжно и громко) я влюбленъ въ Вѣру Николавну; что̀ теперь будетъ дальше?

— Знаете, теперь, мнѣ это что-то сомнительно...

— Вотъ оригинальная сцена! (хохочетъ) Вамъ, вѣроятно, кажется страннымъ, что я такъ скоро влюбился въ вашу невѣсту... Что же мнѣ прикажете дѣлать, если у меня такое пылкое сердце и если Вѣра... я говорю это безъ шутокъ... ваша Вѣра мила. Вы, кажется, должны были бы замѣтить это.

— Вы, молодой человѣкъ, принимаете со мною тонъ, то-есть, этакой... сказалъ Петръ Ивановичъ съ горячностью.

Насмѣшки и дерзости Александра вывели его наконецъ изъ терпѣнія.

— Я предвижу развязку и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я понимаю, откуда вы выводите свои умозаключенія. Вашъ нареченный батюшка—человѣкъ весьма-догадливый; я очень-радъ, что я ему такъ много обязанъ; а иначе я бы съ нимъ...

— Я не понимаю ни одного слова изъ всего того, что вы тутъ насказали.

— Не понимаете? спросилъ Александръ, на лицѣ котораго мгновенно исчезла насмѣшливая улыбка. Такъ вы не знаете?

— Ничего не знаю... о чемъ это вы говорите?

— Все равно, все равно... я думалъ, что васъ прислалъ Николай Григорьевичъ.

— Никакъ нѣтъ, сударь. Меня не посылалъ Николай Григорьевичъ, и причина моего посѣщенія касается до него только косвеннымъ образомъ.

— Въ такомъ случаѣ... простите меня; я былъ въ заблужденіи.

— Но вы не перемѣните словъ вашихъ?

— Никакъ. Въ этихъ вещахъ я не лгу, хоть мнѣ жаль, что я сказалъ вамъ такимъ рѣзкимъ образомъ; но я сказалъ вамъ правду и еще повторю: я люблю Вѣру Николавну.

— Позвольте же мнѣ еще дополнительно спросить васъ...

— Извольте.

— Что́ изъ этого воспослѣдуетъ?

— Изъ чего?

— Ну, изъ того, что вы, примѣрно сказать, влюблены въ нее, то-есть, въ *мою* милую Вѣру?

— Гм! Изъ того, что я влюбленъ въ *вашу* милую Вѣру? Что изъ этого воспослѣдуетъ? (пауза) Знаете, это теперь довольно-трудно рѣшить.

— Однакожь, Александръ Андреичъ... благородный человѣкъ, то-есть, по моему мнѣнію, не долженъ бы затрудняться при этомъ вопросѣ.

— Позвольте мнѣ васъ увѣрить, что я очень-хорошо знаю, что̀ долженъ и чего не долженъ дѣлать благородный человѣкъ; но въ настоящемъ случаѣ это вовсе некстати, потому-что у меня съ Вѣрою Николаевною нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ отношеній. Я могу сказать вамъ еще разъ, что я люблю ее, много люблю, столько и такъ люблю, какъ я еще, можетъ-быть, не любилъ до-сихъ-*поръ*... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, теперь мнѣ это кажется. Но все еще очень-трудно узнать, что̀ можетъ изъ этого послѣдовать. Есть множество разныхъ уваженій.

— То-есть, вы боитесь...

— Я никогда и ничего не боюсь. Замѣтьте себѣ это однажды-навсегда. Я слишкомъ-хорошо вижу кругомъ себя. Я имѣю самоувѣренность думать, что Вѣра не отвергнетъ ни любви, ни руки моей, еслибъ я вздумалъ предложить ей и то и другое. Вы, какъ человѣкъ благородный, конечно, отка̀жетесь, если увидите согласіе Вѣры; наконецъ, вашъ нареченный батюшка тоже дастъ согласіе, и, наконецъ, еслибъ у васъ, у двухъ, мнѣ понадобилось *взять это* согласіе, я съумѣлъ бы взять... Я не остановился бы за этимъ. За меня судьба, мой почтеннѣйшій, если я захочу чего-нибудь твердо и рѣшительно... Вы поняли меня?

— Увидимъ, подумалъ Петръ Ивановичъ.

— Но есть уваженія, есть причины, продолжалъ Александръ, принявъ осанку смѣлую и самоувѣренную. — А какія эти причины... вы можете, если хотите, узнать ихъ на досугѣ вотъ изъ этого письма.

Александръ отперъ свой портфёль, досталъ оттуда нѣсколько листовъ почтовой бумаги, кругомъ исписанныхъ, и отдалъ ихъ своему сопернику. Петръ Ивановичъ взялъ, раскланялся и вышелъ.

Онъ отправился къ Николаю Григорьевичу и сосѣди сѣли играть въ шашки.

— *А что, какъ* вы думаете, Николай Григорьичъ, спросилъ очень-*хладнокровно* нареченный зять нареченнаго тестя, посадивъ самымъ унизительнымъ образомъ въ *засаду* его «дамку» (маперъ, приводящій всегда почти въ изступленіе старика, у котораго задорная горячность въ игрѣ далеко превосходила искусство):—ка̀къ вы думаете, Николай Григорьичъ, о *вашемъ* Александрѣ Андреичѣ, то-есть, я хочу сказать, что онъ женихъ, хоть куда?

Николай Григорьевичъ свирѣпо взглянулъ на своего собесѣдника.

— Вотъ нашелъ разговоръ!!.. не могъ придумать глупѣе, чтобъ его нелегкая побрала, эту дрянь!... Съ чего ты выдумалъ звать его *моимъ*... да и что̀ бы я сталъ о немъ думать... тьфу!

— Ну, ужь вы какъ разгорячитесь, такъ, то-есть... хоть святыхъ вонъ понеси... Эхъ! вотъ пошелъ-то глупо... Ну, ужь, вѣкъ себѣ не прощу!... Какъ словно дернулъ кто ни есть, то-есть, за руку... А все вы это, батюшка... Такъ закричали, что я, то-есть, этакъ, примѣрно сказать...

— Да ну, ну, хорошо, братъ!! воскликнулъ старикъ, на лицѣ котораго гнѣвное и суровое выраженіе вдругъ смѣнилось улыбкою удовольствія при видѣ ошибочной выходки сосѣда, чрезвычайно-облегчившей запутанное, критическое положеніе блокируемой «дамки». — Ну-тка!!! Николай Григорьевичъ двинулъ шашку съ необыкновенно-глубокими соображеніями, и торжество заранѣе изобразилось на его лицѣ. Петръ Ивановичъ, игравшій въ десять разъ лучше своего задорнаго сосѣда и обыкновенно проигрывавшій ему, *угожденія ради*, погрузился въ раздумье при этой выходкѣ; старикъ потиралъ руки. Петръ Ивановичъ пошелъ. Положеніе «дамки» снова запуталось.

— Такъ *вашъ* Александръ Андреичъ... виноватъ, опять *вашъ!*... тьфу, ты, глупая привычка... Такъ онъ вамъ не нравится?

— Онъ негодяй, мерзавецъ, дрянь...

— Негодяй?...

— Да, негодяй. (Выходъ Николая Григорьевича весьма-мало улучшилъ положеніе «дамки».)

— Значитъ... вы его, то-есть, этакъ... (Петръ Ивановичъ сдѣлалъ такой злодѣйскій выходъ, что опасность несчастной «дамки» оказалась смертельною.)

— Значитъ, я его... наконецъ выгоню изъ дому, потому-что онъ надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки! воскликнулъ взбѣшенный Николай Григорьевичъ.

— Да вы это говорите такъ отъ-того, что, то-есть, ваша «дамка», примѣромъ сказать (Петръ Ивановичъ пошелъ... и игра его была проиграна... Лицо старика просіяло).

— Ничуть не бывало. Онъ мнѣ... вотъ гдѣ сидитъ (показываетъ затылокъ). Я не дождусь, когда его отсюда Богъ вынесетъ.

Петръ Ивановичъ взглянулъ на старика; эти слова, показывавшія глубокую и непритворную непріязнь къ его счастливому сопернику, успокоили его совершенно. Онъ зналъ характеръ своего будущаго «батюшки» и былъ увѣренъ, что поколебать въ немъ подобную антипатію можно было развѣ сверхъестественными средствами... Проигравъ игру, онъ всталъ и отправился въ садъ читать письмо Александра.

Чтеніе это, продолжавшееся довольно-долго по разнымъ причинамъ, приближалось уже къ окончанію, какъ вдругъ на перекресткѣ дорожки и крытой аллеи Петръ Ивановичъ встрѣтился съ Вѣрой и Липочкой.

— Вы получили письмо, Петръ Ивановичъ? спросила Вѣра.

— Никакъ нѣтъ-съ... Это письмо не ко мнѣ.

— Не къ вамъ?..

— Да-съ, не ко мнѣ... Петръ Ивановичъ сложилъ многолистное посланіе и готовился положить въ карманъ. Бросивъ на эти бумаги бѣглый взглядъ, Вѣра узнала почеркъ Александра. Она задрожала и вспыхнула: этотъ почеркъ былъ слишкомъ знакомъ

ей изъ разныхъ альбомовъ, путевыхъ записокъ, подписей рисунковъ и проч., показанныхъ ей Александромъ.

— Это письмо Александра Андреича?

— Вы угадали...

— У васъ письмо его? о чемъ? не могу знать я?..

— О чемъ-съ?... Петръ Ивановичъ смутился.

Быстрая и *оборотливая* ложь не принадлежала къ числу его талантовъ. Притомъ же, лгать Вѣрѣ въ этомъ предметѣ было довольно трудно. Говорятъ, глаза любви награждены необычайной проницательностію.

— О васъ, рѣшился отвѣчать Петръ Иванычъ.

— *Обо* мнѣ?!. Вѣра сперва поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, и потомъ, говоря языкомъ поэзіи — розы и лиліи смѣшались на миломъ лицѣ ея... Петръ Ивановичъ утвердительно кивнулъ головою...

— Я не могу... знать... что это?.. что́ онъ такое пишетъ обо мнѣ? Вѣра едва переводила дыханіе, но старалась улыбнуться.

Петръ Ивановичъ задумался... Онъ былъ почти увѣренъ въ *благопріятномъ* для него дѣйствіи этого письма на сердце его невѣсты; но тамъ былъ такой лабиринтъ чувствъ и мыслей, такой странный для него міръ понятій, что смутное опасеніе вдругъ заставило его спросить самого-себя: «такъ ли онъ разумѣетъ эти вещи?» Между-тѣмъ, Вѣра глядѣла на него съ умоляющимъ и трепетнымъ ожиданіемъ; опора, представленная его надеждамъ непріязнію Николая Григорьевича казалась слишкомъ-прочною; онъ рѣшился удовлетворить любопытству своей невѣсты. Онъ подалъ ей письмо. Волненіе Вѣры было такъ сильно, что она оперлась на Липочку и едва могла дойдти до садовой скамьи, бывшей вблизи. Петръ Ивановичъ сѣлъ рядомъ съ нею; Липочка помѣстилась сзади... и вотъ, что́ Вѣра прочла въ письмѣ Александра:

. . . .

«*Скажи*, пожалуйста, мой милый другъ, ты вѣришь привидѣніямъ? Забавный вопросъ, не правда ли? Да; ты имѣешь полное право забавляться его наивностію; ты имѣешь полное право быть скептикомъ и подводить все подъ законы строгой логики. Вся жизнь твоя основана на этихъ законахъ. Помнишь: мы съ тобою разбирали ее, и оказалось, что всѣ событія, ее составляющія, такъ логически вытекаютъ одно изъ другаго, что, разсмотрѣвъ внимательно одно изъ нихъ, можно угадать всѣ послѣдующія.

«Такая жизнь должна быть очень-удобна, и философія, которая изъ нея образуется, должна быть очень покойна. Ты имѣешь полное право сказать «этого не можетъ быть» о всемъ, чего нельзя доказать математически... Пожалѣй же меня въ сознаніи своего моральнаго превосходства... я начинаю вѣрить привидѣніямъ.

«Тебѣ, конечно, любопытно узнать, откуда взялось у меня это новое вѣрованіе... Послушай исторію послѣднихъ двухъ недѣль моихъ и рѣши: въ моей жизни, съ начала до конца наполненной

происшествіями, одно несбыточнѣе другаго, не остается ли мнѣ вѣрить въ чудеса Корана?

«И, между-тѣмъ, новая исторія моя кажется проста какъ не надо больше.

«Тебѣ извѣстно изъ послѣдняго письма моего, что я имѣлъ намѣреніе пробраться къ моему возлюбленному дядюшкѣ, въ Р—мъ Уѣздѣ. Недоѣзжая верстъ двадцати до его деревни, въ одинъ сквернѣйшій осенній вечеръ, я такъ иззябъ въ дорогѣ, что безъ церемоніи отправился грѣться въ первый помѣщичій домъ, до котораго добѣжалъ. Оказалось, что я простудился, и на другой день меня посѣтила горячка, самая пламенная и поэтическая. Ты скажешь, что до-сихъ-поръ все идетъ логическимъ порядкомъ. Простуда—слѣдствіе стужи, и горячка—слѣдствіе простуды. Да слушай далѣе... Въ этомъ помѣщичьемъ домѣ я нашелъ четырехъ особъ, хозяина, старика лѣтъ пятидесяти слишкомъ, сестру его, чрезвычайно-нѣжную вдову, лѣтъ около тридцати, дочь лѣтъ двадцати, и жениха ея, сосѣдняго помѣщика лѣтъ сорока. Прошло съ небольшимъ двѣ недѣли, какъ я (узнавъ, что дядюшка мой со всѣмъ семействомъ уѣхалъ къ своимъ саратовскимъ роднымъ) поселился здѣсь на старомъ диванѣ, больной, обклеенный катаплазмами и вотъ сейчасъ, въ двѣнадцать часовъ ночи, Вѣра, дочь моего хозяина, невѣста моего новаго пріятеля, приходила ко мнѣ спросить: «правда, или нѣтъ, что я кого-то люблю, гдѣ-то?!...» Ты подумаешь, что, можетъ-быть, здѣсь въ Р—мъ Уѣздѣ это такъ водится... На это я тебѣ скажу только, что «Вѣра не принадлежитъ Р—кому Уѣзду». Я, въ-продолженіе двухъ слишкомъ недѣль, былъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ этой дѣвушкою и узналъ ее какъ-нельзя-лучше. Ты можешь повѣрить мнѣ на́ слово, потому-что это одна изъ тѣхъ чистыхъ и возвышенныхъ душъ, въ которыхъ даже такой скептикъ, какъ ты, не осмѣлится подозрѣвать ни скрытности, ни притворства. Я узналъ, говорю тебѣ, въ этой дѣвушкѣ одну изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, созданныхъ изъ двухъ элементовъ: «благороднаго» и «прекраснаго».

«Одну изъ тѣхъ натуръ, по которымъ мы составляемъ себѣ идею совершенства.»

(Съ глазами, полными слезъ, Вѣра прижала къ груди письмо Александра.)

«Да, мой другъ, это не риторическая фигура, *я не влюбленъ* въ нее... Въ ея наружности нѣтъ ничего обольстительнаго, нѣтъ ничего такого, что́ производитъ головокруженіе, которое мы переводимъ словомъ «влюбиться». Больной и, слѣдовательно, весьма мало расположенный къ нѣжнымъ ощущеніямъ, я разсматривалъ ее просто, изъ любопытства, безъ всякихъ постороннихъ побужденій, и смѣло могу удостовѣрить тебя, что я изучилъ ее холоднымъ наблюдателемъ — нѣтъ, *холоднымъ*, это не слово. Съ холодностію можно ли видѣть это прекрасное существо, чистѣйшій и драгоцѣннѣйшій перлъ творенія въ грубой внѣшности. Мрачная загадка

созданія — эти души, надѣленныя благороднѣйшими инстинктами, свѣтлыми сознаніями, и брошенныя на жертву грубыхъ случайностей. И для чего, среди тысячь существъ, неспособныхъ не только раздѣлять ихъ помысловъ, ихъ высокихъ чувствъ, но даже вѣрить въ ихъ существованіе, для чего осуждены они скитаться, подъ гнетомъ тяжкаго сомнѣнія терять одно за другимъ свои чистыя вѣрованія и гибнуть въ неизбѣжномъ и неотразимомъ униженіи?

«Вѣра принадлежитъ къ числу этихъ существъ, заклейменныхъ печатью осужденія.

«Какое наслажденіе слушать ея возвышенныя мечтанія, которыя она считаетъ «думами о жизни». Стихія, изъ которой образована эта рѣдкая душа, есть потребность самозабвенія и пожертвованій, и она съ-тѣхъ-поръ, какъ начала понимать себя, стремилась узнать свои обязанности, постигнуть божество, которому бы она могла приносить въ жертву каждый день, каждую минуту жизни. «Говорятъ, такъ легко знать свои обязанности», сказала она мнѣ. «А между-тѣмъ, смотрите: правила отвлеченной нравственности «противорѣчатъ правиламъ образованнаго свѣта; а эти послѣднія «нашимъ понятіямъ... Что выбрать. Казалось бы, отвѣтъ не трудень; но гдѣ взять силы оторвать себя невозвратимо отъ всего, «что васъ окружаетъ съ рожденія; и потомъ, чѣмъ заглушить «этотъ вѣчный внутренній голосъ, который безпрестанно повторяетъ вамъ: «да, полно, такъ ли это?» когда кругомъ васъ непрерывно, ежеминутно видите вы примѣры противнаго и никогда «ничего подобнаго... Еслибъ хоть когда-нибудь, хоть кто-нибудь «однимъ привѣтливымъ словомъ ободрилъ и укрѣпилъ ваши темныя «сознанія!.. Вамъ случалось, я думаю, видѣть, какъ иногда бѣдная птичка, сквозь стекло, отдѣляющее ее отъ безграничнаго міра, «видитъ голубое небо; видитъ свѣтлыя воды, тѣнистыя купы деревъ; рвется туда, гдѣ она знаетъ раздольное блаженство воли и «не имѣетъ силъ ни понять, ни уничтожить невидимое препятствіе, «которое навсегда разлучаетъ ее отъ очарованной дали. Такова моя «жизнь... Воля!!!.. у меня столько же ея, сколько дано бѣдной «птичкѣ, чтобъ понять и уничтожить эту прозрачную преграду, «которая раздѣляетъ ее отъ неба, не скрывая его!.. и которую у «насъ зовутъ *сомнѣніемъ!..*» И знаешь ли, по поводу чего она импровизировала эту элегическую жалобу, которую извлекло изъ самой глубины ея дивной души неожиданное сочувствіе, которое она нашла во мнѣ... сочувствіе, встрѣчаемое ею въ первый разъ въ жизни... Мы разговорились о близкомъ ея замужствѣ. Ты понимаешь, какое глубокое чувство долга обличаютъ эти слова?..

«Скажи же мнѣ, для чего судьба, давъ ей такое ясное сознаніе, такую жаждущую дѣятельности природу, окружила ее непроницаемою массою, сковала долгимъ усыпленіемъ, и внезапно, вовсе неожиданно, столкнула со мною, въ которомъ она думаетъ видѣть представителя всѣхъ роскошныхъ фантазій ея воображенія? Для чего этой сильной душѣ, полной движенія и стра-

сти, дано было столько длинныхъ, однообразныхъ лѣтъ уединеннаго существованія, чуждаго всякихъ впечатлѣній, всякаго моральнаго, возвышеннаго интереса, всякаго внутренняго движенія, въ сообществѣ старика-отца и старухи-бабушки, лишенномъ всякой занимательности, безъ побужденія, безъ цѣли, безъ сочувствія, безъ поощренія, безъ награды. Потомъ, какъ-будто въ довершеніе противорѣчій, замужство съ человѣкомъ, конечно, не лишеннымъ добрыхъ и благородныхъ инстинктовъ, но который имѣетъ столько же общаго съ нею, съ этою женщиною, связанною теперь съ нимъ неразрывнымъ союзомъ на всю жизнь, сколько обезображенный осколокъ какой-нибудь античной статуи Фавна имѣетъ общаго съ группою Лаокоона; и наконецъ, ни съ того, ни съ сего, въ самую торжественную, рѣшительную минуту ея существованія, *я*, какъ-будто свалившійся съ неба, *я* явился къ нимъ въ самый день обрученія. Въ бреду горячки *я*, кажется, наговорилъ какихъ-то восторженныхъ нелѣпостей о любви и счастіи. Надобно же было, чтобъ она, въ первый разъ въ жизни, услышала, и такимъ необычайнымъ образомъ, языкъ безумной страсти, въ самыя тревожныя минуты, когда душа ея, въ которой такъ долго томились огонь и сила любви, выдерживала послѣднюю борьбу, прощаясь навсегда съ завѣтными мечтами, чтобъ помириться съ новою, грустною будущностью, въ которой угасалъ для нея послѣдній лучъ надежды.»

(— Какъ онъ понялъ меня! сказала Вѣра съ глубокимъ вздохомъ, которымъ она облегчила сердце свое, слишкомъ-полное счастіемъ.)

«Не странная ли, не забавная ли комедія этотъ новый эпизодъ моей жизни, эта новая встрѣча съ новою страстью, Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ гдѣ и зачѣмъ!

«И теперь, когда она явилась ко мнѣ съ вопросомъ, въ которомъ слишкомъ-ясно обнаружилось ея душевное состояніе, *я* въ первый разъ принялся внимательно разсматривать себя и всю эту исторію. Куда мнѣ дѣваться отъ этихъ обольщеній, отъ этихъ страстей, отъ этихъ неожиданностей, отъ этой дон-кихотовской борьбы съ самимъ-собою, съ обстоятельствами, отъ этихъ побѣдъ, за которыми тотчасъ слѣдуютъ пораженія! Что мнѣ дѣлать съ этимъ новымъ романомъ? Я усталъ, мой другъ, отъ страстей, которыми *я* такъ щедро платилъ за безстрастіе, отъ чувствъ, награжденныхъ безчувственностью. Я хочу тихой и спокойной жизни, жизни добра и дѣятельности — за мечту, которой *я* отдалъ слишкомъ-много слезъ и волненій.

«А тутъ опять страсть!.. и какая страсть, мой другъ... любовь, которой *я* не зналъ еще, любовь души чистой, свѣжей, какъ душа младенца, и вмѣстѣ могущественной... безусловной... да, безусловной... Вѣра вся моя, съ ея прошедшимъ и будущимъ! Какъ устоять противъ этого обольщенія?.. Между-тѣмъ, какъ *я* знаю, твердо знаю, что въ теперешнемъ несчастномъ состояніи души

моей, я не долженъ предаться этому увлеченію, если во мнѣ есть хоть капля благородства.»

(Вѣра съ недоумѣніемъ взглянула на Петра Ивановича.)

«Я слишкомъ-хорошо знаю, что изъ этого будетъ. Я отдамся новому чувству съ неумѣренностью, съ безуміемъ прошедшаго... и быстро опять издержу всю энергію, всю силу, которую успѣлъ сохранить; а потомъ? потомъ... холодность; потомъ, можетъ-быть, новый капризъ... новое увлеченіе... Я не могу теперь оставаться подъ вліяніемъ одного чувства, одного впечатлѣнія. Мнѣ безпрестанно нужна перемѣна, новые предметы, новыя ощущенія, новыя впечатлѣнія! И за такую любовь... ей — такую будущность... Нѣтъ, это безчестно. Я скажу ей все... Я скажу этому чудаку, который любитъ ее такъ, какъ только онъ можетъ любить... что если онъ искренно желаетъ ей счастія, чтобъ онъ защитилъ ее отъ меня всѣми силами (въ отцѣ ея я уже сдѣлалъ, кажется, себѣ врага)... Не то, за короткія минуты счастія, которое ее теперь обольщаетъ, я заплачу ей годами мученій.»

(— Какъ онъ мало знаетъ меня, сказала Вѣра: — за эти *короткія минуты*, какъ онъ говоритъ, я готова заплатить не только годами, но вѣчностію... Страдать *для того, кого любишь*, будто это не то же блаженство! Не-уже-ли онъ не понимаетъ этого?..)

«И между-тѣмъ, какъ я пишу тебѣ эту исповѣдь, до-сихъ-поръ полную благородными побужденіями, какой-то демонъ раздуваетъ во мнѣ адскій огонь неукротимыхъ страстей, въ которомъ такъ привыкла горѣть душа моя... Отказаться отъ такой любви!.. отъ этой любви, которой я такъ искалъ, ждалъ, молилъ у судьбы. Имѣть возможность еще разъ пережить дивныя мгновенія восторговъ, томленій, ласкъ кипучей взаимности и пренебречь этою возможностью... Нѣтъ, никогда... эта жертва выше силъ моихъ... Нѣтъ... я буду любить Вѣру и пусть она меня любитъ, и на ея чистой, сильной, страстной душѣ испытаю я, до чего можетъ дойдти любовь эта! Да, я испытаю ее!.. я узнаю, до какой силы, до какихъ жертвъ можетъ дойдти страсть...»

— И онъ узнаетъ это, сказала Вѣра, окончивъ чтеніе.

Стремительно схватила она руку изумленнаго Петра Ивановича и прижала къ губамъ. Двѣ слезы блеснули на пышныхъ ея рѣсницахъ; необыкновенный огонь горѣлъ въ глазахъ. Она встала и, закинувъ назадъ свою чудесную головку, быстрыми шагами пошла вдоль аллеи, по направленію къ дому. Петръ Ивановичъ и Липочка слѣдовали за нею...

Въ дверяхъ залы стоялъ Александръ, приготовлявшійся также начать прогулку.

— Вы прочли письмо мое? воскликнулъ онъ, увидавъ въ рукахъ ея знакомыя бумаги.

— Прочла.

Въ эту минуту, Вѣра готова была кинуться въ объятія Александра, готова была на все; ее берегъ только одинъ неотлучный

геній-хранитель—дѣвичья стыдливость; но Александру стоило сказать слово, и все бы, все было забыто.

Три дѣйствующія лица этой драмы еще оставались подъ обаятельнымъ вліяніемъ своихъ тревожныхъ ощущеній; еще подавляющее впечатлѣніе нечаянности не успѣло снять своего неодолимаго ига, какъ на сцену явился Николай Григорьевичъ. Онъ страшно нахмурилъ брови, увидѣвъ Вѣру и Александра вмѣстѣ.

— Я очень-радъ, что вижу васъ *совершенно* здоровымъ, сказалъ старикъ, обращаясь къ своему гостю. Онъ съ такимъ значительнымъ удареніемъ выговорилъ слово *совершенно*, что герой мой, гордый и раздражительный, вспыхнулъ, вспомнивъ ночную сцену.

— Благодарю васъ, много благодарю, отвѣчалъ Александръ, подойдя къ старику и протянувъ ему руку, къ которой тотъ, по обычаю, приложилъ свою, не сгибая пальцевъ. Молодой человѣкъ крѣпко пожалъ ее.—Я не знаю, чѣмъ я могу заплатить вамъ?

— Ничѣмъ (Николай Григорьевичъ поклонился). Довольно, сударь мой, очень-довольно. Больше ничего не надобно.

Александръ до крови укусилъ свои губы.

— Позвольте мнѣ послать вашего человѣка за лошадьми, сказалъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія.

— Эй, Сергѣй! крикнулъ Николай Григорьевичъ. Каммердинеръ вошелъ. — Прикажите ему, что вамъ будетъ угодно. (Александръ вступилъ въ объясненія съ Сергѣемъ о наймѣ лошадей). А ты, сударыня, продолжалъ суровый старикъ, обращаясь къ дочери:— изволь идти въ свою комнату. Тётка не велѣла выходить тебѣ, а ты все по-своему. Я поговорю съ тобою... Больныя слушаются, сударыня... Хорошо!.. Это послѣднее слово сопровождалось такимъ грознымъ взглядомъ, что бѣдная дѣвушка задрожала отъ страха и спѣшила уйдти, сопровождаемая Липочкою.

— Что за вѣкъ!.. что за проклятый вѣкъ!.. восклицалъ Николай Григорьевичъ, уходя въ кабинетъ съ торжествующимъ Петромъ Ивановичемъ.—Истинно ни на что не похоже... Нынѣшняя молодежь годится только на висѣлицу... сорванцы! развратники! негодяи! Ни чести, ни совѣсти, ни страха Божія!..

Какъ ни привыкъ Петръ Ивановичъ слышать подобныя сильныя фразы изъ устъ своего сердитаго «батюшки», ему, однакожь, странно казалось это необъяснимое ожесточеніе противъ невиннаго молодаго человѣка, и хотя оно какъ не надо лучше способствовало его видамъ, но ему бы хотѣлось узнать яснѣе причину такой неумѣренной антипатіи; онъ смутно подозрѣвалъ, что подъ нею скрывается тайна, и это подозрѣніе начинало его безпокоить. Опытный сосѣдъ мой зналъ очень-хорошо, какъ «не долго до грѣха» между двумя молодыми людьми съ такими характерами, каковы Александръ и Вѣра, и принялъ твердое намѣреніе разузнать тайну, если тутъ скрывается тайна.

—

IV.

Разлука.

Крутой рогъ молодаго мѣсяца только-что показался за обнаженнымъ лѣсомъ, когда подали повозку моего героя; небо было ясно и безоблачно, легкій осенній холодъ оковалъ закраины рѣчки, сверкавшей вдали подъ темными, высокими холмами; тонкій снѣжный покровъ лежалъ на поляхъ.

Одинъ Петръ Ивановичъ провожалъ Александра, и друзья-соперники крѣпко пожали руку другъ другу.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда молодаго человѣка, Петръ Ивановичъ также уѣхалъ. Была, какъ вы припомните, суббота, день всеобщаго омовенія. Въ деревнѣ мы строго соблюдаемъ этотъ добрый, старинный обычай. Еще часа черезъ два, Николай Григорьевичъ съ Непилою Григорьевною сѣли за ужинъ. Пробило десять. Вѣра, остававшаяся въ своей комнатѣ, воспользовалась отсутствіемъ тётки и сошла въ садъ, пересказать лунѣ и ночи тоску и муку разлуки.

Между-тѣмъ, герой мой все ѣхалъ, да ѣхалъ впередъ. Давно миновалъ онъ Ванегу, проѣхалъ поля, ее окружавшія, лѣсокъ за полями, болѣе десяти верстъ ужь осталось за нимъ.

— Стой! вдругъ закричалъ онъ громко. Изумленный ямщикъ осадилъ свою тройку и оглянулся съ недоумѣніемъ.—Пошелъ назадъ, да живо! цѣлковый на водку.

Ни одного огонька не было уже въ селѣ Ванегѣ, когда мой путешественникъ промчался назадъ по его опустѣлой улицѣ, гдѣ носился еще тонкій запахъ топлива, да звонко раздавался лай собакъ въ чистомъ и холодномъ воздухѣ. Кроткій свѣтъ мѣсяца серебрилъ окрестности. Проѣхавъ съ сотню шаговъ за селеніе, Александръ велѣлъ остановиться, далъ ямщику цѣлковый, съ приказаніемъ ждать своего возвращенія и покормить лошадей; а самъ, надвинувъ на глаза фуражку, пустился по полевой дорожкѣ къ знакомой усадьбѣ. Ямщикъ долго слѣдилъ за нимъ глазами, и когда онъ скрылся въ ночномъ сумракѣ дали, крестьянинъ почесалъ затылокъ и занялся кормомъ усталыхъ лошадей своихъ.

— Эко диво, подумаешь, говорилъ онъ, распуская безчисленныя составныя части упряжки: — чевой-то ему такъ попритчилось? Словно нелегкій кольнулъ его подъ бокъ. Гляди, не бось, забылъ што ни есть... И, довольный этимъ рѣшеніемъ догадки, счастливый вожатый, окончивъ устройство бѣгуновъ своихъ, легъ на покрытую снѣгомъ сухую траву на краю дороги, и принялся разсматривать съ неистощимымъ наслажденіемъ новый цѣлковый, блестѣвшій при свѣтѣ мѣсяца.

Александръ не шелъ, а летѣлъ по узкой полевой тропинкѣ, которая вилась бѣлою полосою къ обвалившейся садовой стѣнѣ. Подойдя къ этому граничному предѣлу, отдѣлявшему его отъ цѣли его путешествія, молодой человѣкъ остановился перевести дыханіе и осмотрѣться. Тѣни высокихъ березъ и елей, окружавшихъ бревенчатую стѣну съ внутренней стороны сада, совершенно скрывали его... Кругомъ все было тихо и спокойно; только глухой стукъ сторожа въ доску на барскомъ дворѣ, да лай собакъ, по-временамъ нарушали торжественное безмолвіе ночи; легкія, серебристыя облачка летѣли по темному небу; кой-гдѣ сверкали яркія звѣздочки; вѣтеръ едва шевелилъ обнаженныя вѣтви деревъ. Александръ прислонился къ стѣнѣ, снялъ фуражку и взглянулъ на небо.

Вѣчно-неизмѣнная, вѣчно-спокойная, величественная и торжественная картина природы въ тишинѣ ночи говоритъ душѣ языкомъ вѣчности, и при звукахъ ея высокой и дивной гармоніи гаснутъ кипучія страсти въ сердцахъ благородныхъ.

Приливъ новыхъ думъ, новыхъ чувствъ, болѣе тихихъ и сладостныхъ, мало-по-малу гасилъ разгаръ дикихъ желаній въ бурной, взволнованной душѣ Александра. Благой, хранительный геній добра и молитвы слетѣлъ отъ далекихъ, привѣтливыхъ звѣздъ, и много глубокихъ, кровавыхъ ранъ прошедшаго закрылись въ эту минуту.

Громко раздавшійся стукъ сторожевой доски вывелъ его изъ самозабвенія. Онъ машинально пошелъ вдоль садовой стѣны, все еще подъ вліяніемъ тихаго раздумья; обломки бревенъ, разбросанные по дорогѣ, остановили его, и онъ увидѣлъ передъ собою, въ садовой стѣнѣ, ту самую брешу, о которой говорила Ненила Григорьевна племяннику графа. Александръ вошелъ черезъ нее въ садъ. Онъ слышалъ отъ Вѣры довольно подробно объ ея любимой аллеѣ, и могъ сообразить, гдѣ искать ее. Прямо передъ нимъ лежали гряды и парники, обсаженные кустами смородины, малины, крыжовника и кое-гдѣ яблонями; влѣво, сквозь темныя, голыя вѣтви, виднѣлась черная масса господскаго дома; направо тянулись два длинные строя развѣсистыхъ, старыхъ, высокихъ березъ. Александръ со всею осторожностью направилъ къ нимъ путь по небольшой дорожкѣ, покрытой сводомъ подстриженныхъ ёлокъ. Въ совершенной темнотѣ пробрался онъ по этой дорожкѣ до широкой аллеи, и только ступилъ въ нее, какъ передъ нимъ внезапно явилась темная женская фигура.

— Александръ!..

— Вѣра!..

— Сердце не обмануло меня: я ждала васъ...

— Мнѣ показалось, что я васъ никогда, никогда не увижу...

— Ты тосковалъ, о, мой милый... меня задушила тоска; но я знала, что ты воротишься. Она протянула ему руку. — И уѣхать не простясь.

Не колеблясь, Вѣра кинулась въ его объятія.

— Того ли ты ждалъ, того ли ты просилъ у судьбы?.. тихо говорила она подъ страстнымъ огнемъ его поцалуевъ. Глаза Александра отуманились рѣдко знакомою ему слезою счастія.

— Вѣра, я боюсь, не мечта ли это.

— Нѣтъ, не мечта, мой милый; дай мнѣ руку... Видишь, это *я... твоя* Вѣра, которая съ этою рукою отдаетъ тебѣ всю жизнь свою безвозвратно, безусловно.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Такъ и я узнаю наконецъ счастіе...

— Да, мой милый, и мы узнаемъ наконецъ счастіе...

Въ концѣ аллеи послышался шелестъ сухихъ листьевъ и показалась черная тѣнь. Александръ со всею силою страсти прижалъ къ груди своей Вѣру.

— До скораго свиданія... прощай.

— Ты скоро воротишься?

— Что бы ни случилось, до перваго сентября жди меня. Послѣ...

— Цѣлый годъ?!.. годъ, Александръ, цѣлый годъ... о, возьми меня лучше съ собою теперь же, сейчасъ... Она схватила его за руку; тѣнь приближалась.

— Вѣра, это крайній срокъ, а я вернусь скоро.

— Нѣтъ... ты не воротишься, милый... ты забудешь, разлюбишь меня; и потерять тебя... едва узнавъ... нѣтъ, Александръ, ради всего святаго... не оставляй меня такъ скоро. Она упала на колѣни и судорожно жала руку его.

Черная фигура была въ десяти шагахъ.

— Вѣра, другъ мой, клянусь тебѣ Богомъ, тобою... я скоро, скоро *буду* здѣсь, чтобъ никогда больше не покидать тебя, *слышишь*? Прощай же, прощай до свиданія.

И запечатлѣвъ страстный, долгій поцалуй на блѣдныхъ губахъ встревоженной дѣвушки, Александръ быстро исчезъ въ густой темнотѣ крытой дорожки.

— Вѣра!!! это ты?!.. Какими судьбами одна на колѣняхъ!.. Кто это былъ здѣсь съ тобою? восклицала Ненила Григорьевна съ изумленіемъ, въ которомъ слышалось нѣчто въ родѣ испуга. Вѣра встала и безмолвно глядѣла на тётку, которой затруднительное положеніе вы легко поймете: одиннадцать часовъ сейчасъ только *пробило*.

Александръ достигъ благополучно конца темнаго перехода; нащупавшись, пробрался между кустарниками, миновалъ парники и грядки, ловкимъ прыжкомъ перенесся за садовую ограду и какъ съ неба упалъ передъ испуганнымъ Владиміромъ Сергѣевичемъ, котораго онъ чуть-чуть не сшибъ съ ногъ.

— Тише! воскликнулъ шопотомъ обожатель Ненилы Григорьевны, оттолкнувъ руками моего изумленнаго героя.—Кой чортъ! вы прыгаете какъ сумасшедшій... Что, за вами гонятся, что ли?

Александръ оглядѣлъ съ ногъ до головы ночнаго посѣтителя, который также разсматривалъ его очень-внимательно. Это безмолвное созерцаніе, продолжавшееся довольно-долго, было прекращено наконецъ громкимъ смѣхомъ Владиміра.

— Ха, ха, ха! Мы, кажется, производимъ другъ на друга эффектъ медузиной головы. Въ-самомъ-дѣлѣ, прекурьёзная встрѣча! Ха, ха, ха! Могу ли узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе познакомиться такимъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ?

— А я могу узнать, какому неожиданному и пріятному случаю я обязанъ этимъ знакомствомъ?

— Разумѣется; мы помѣняемся секретами.

— Я вижу, вы имѣете довѣрчивый и откровенный характеръ, судя по готовности вашей объяснить мнѣ причину вашего визита, въ которомъ, безъ всякаго сомнѣнія, замѣшана честь женщины?.. я не ошибся?

— Нѣтъ, но ошиблись.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, позвольте вамъ сказать, что я никакъ не намѣренъ оставлять на жертву вашей любезной откровенности теперешней встрѣчи, изъ которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, вы составите, для увеселенія своего, маленькій романъ...

— Въ которомъ тоже будетъ замѣшана...

— Ни слова! крикнулъ Александръ: — со мною есть пистолеты... Надѣюсь, вы не откажетесь?

— Какой глупый вопросъ!

— Теперь довольно-свѣтло; вы, вѣрно, знаете здѣшнюю мѣстность? Ведите меня.

— Чудесно! вы человѣкъ съ характеромъ. Пойдемте...

Молодые люди отправились по направленію къ маленькому лѣсочку, который виднѣлся въ верстѣ отъ мѣста ихъ встрѣчи.

Ненила Григорьевна была въ страшной тревогѣ и недоумѣніи; она совершенно не знала, что дѣлать, чтобъ не пропустить часа свиданія, весьма-основательно опасаясь какой-нибудь нескромной выходки отъ такого предпріимчиваго молодаго человѣка, каковъ Владиміръ.

Вѣра, какъ ни была погружена въ свою задумчивость, замѣтила однако странную молчаливость своей тётушки, отъ которой она ждала цѣлаго града вопросовъ и восклицаній.

Возгласъ Александра, громко раздавшійся среди ночной тишины и повторенный отголосками сада, долетѣлъ до ушей ихъ и вывелъ обѣихъ изъ тяжелаго раздумья. Сердце Вѣры узнало милый голосъ. Ненила Григорьевна тотчасъ отличила *мѣсто,* откуда раздался крикъ, и это открытіе возбудило въ ней новыя опасенія.

— Вѣрочка, милый другъ, пойдемъ туда поскорѣе...

— Куда, тётенька?

— Туда, гдѣ, слышишь, говоритъ кто-то...

Удивленіе Вѣры еще болѣе увеличилось отъ этой непостижимой храбрости нервической тётушки, и она сама, волнуемая смутнымъ безпокойствомъ, спѣшила на голоса вслѣдъ за Ненилою Григорьевною, которая летѣла туда съ изумительною скоростью; но путь ихъ былъ довольно-длиненъ и затруднителенъ, и потому, добравшись до развалинъ стѣны, онѣ могли только видѣть въ туманномъ отдаленіи двѣ неясно-рисовавшіяся мужскія фигуры. Вѣра, не смотря на даль и невѣрный свѣтъ мѣсяца, тотчасъ узнала знакомый «сѣрый сюртукъ», а Ненила Григорьевна увѣрила себя, что она точно такъ же ясно различила темно-синее пальто Владиміра.

Постоявъ нѣсколько минутъ и потерявъ совершенно изъ вида предметъ своихъ наблюденій, онѣ обѣ молча, съ тревожными думами отправились въ свои комнаты.

— Вы мнѣ доставляете такое неожиданное удовольствіе, за которое я не буду умѣть благодарить, сказалъ Владиміръ, когда они пустились въ путь. — Я чортъ-знаетъ какъ искалъ всегда случая пострѣляться — и все безполезно. Мнѣ бы, можетъ-быть, всю жизнь не удалось достигнуть предмета моихъ пламенныхъ желаній безъ вашей обязательной встрѣчи... Людей съ подобнымъ образомъ дѣйствій, кажется, вовсе нѣтъ въ этомъ мірѣ. Тутъ встрѣча кончилась бы бранью и еще, пожалуй, чѣмъ-нибудь хуже. Вы вѣрно долго были за границею?

Эта безпечная болтливость немного озадачила моего героя. Онъ *не понялъ*, что Владиміръ играетъ съ нимъ въ его же игру, въ эту игру, которая доведена до весьма-высокой степени совершенства и выражается техническимъ глаголомъ «спугнуть». Ни тотъ, ни другой не имѣли никакого желанія окончить свое короткое знакомство кровавымъ образомъ. Александру хотѣлось подъ дуломъ пистолета взять съ Владиміра клятву скромности и тайны, а *Владиміру* хотѣлось дать эту клятву сколько можно безъ ущерба самолюбію.

Погруженный въ размышленія о томъ, какъ покончить эту комедію съ желаемымъ успѣхомъ и безъ кровопролитія, герой мой не отвѣчалъ на вопросъ своего спутника; а этотъ, подождавъ нѣсколько времени отвѣта и видя, что ожиданія его тщетны, принялся насвистывать разныя аріи, глядѣть на мѣсяцъ, на звѣзды и на окрестности, съ неподражаемою безпечностью. Лѣсокъ, цѣль ихъ кровожаднаго путешествія, былъ очень-недалеко, когда Владиміръ, снова обратившись къ своему спутнику, спросилъ его:

— На какихъ же условіяхъ будемъ мы драться?

— Безъ дальнихъ церемоній: если вамъ угодно, на пяти шагахъ и вашъ первый выстрѣлъ.

— Вашъ благородный образъ дѣйствій озадачиваетъ меня. Вотъ прекрасная поляна; изъ усадьбы вѣрно не будетъ слышно. Начнемъ. Заряжены ваши пистолеты?

— Заряжены.

Александръ вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ и подалъ Владиміру. Молодой человѣкъ взялъ одинъ изъ нихъ. Александръ молча отмѣрилъ пять шаговъ отъ большаго камня, бывшаго на краю тропинки, и сталъ на барьерѣ, обернувшись правымъ бокомъ къ своему противнику, съ пистолетомъ, поднятымъ кверху. Владиміръ прицѣлился.

Когда мой герой увидѣлъ передъ собою страшное дуло, изъ котораго черезъ минуту могъ пробить послѣдній часъ его существованія, стоическая храбрость его весьма поколебалась. До-сихъ-поръ, онъ дѣйствовалъ еще съ довольнымъ равнодушіемъ, къ которому онъ сдѣлалъ привычку въ-продолженіе пяти послѣднихъ лѣтъ, такъ полныхъ тревогами, неудачами и терзаніями, что жизнь сдѣлалась ему достаточно грустна и тягостна; но теперь, въ это роковое мгновеніе, онъ вспомнилъ, что для него снова занялась заря надежды, счастія, и долгой, свѣтлой будущности. Сердце его сжалось съ жгучею болью, и горькая слеза отуманила взоръ, обращенный къ дальнему, безпредѣльному небу, куда черезъ минуту готовилась перенестись утомленная душа его.

— Нѣтъ! воскликнулъ Владиміръ, бросивъ пистолетъ въ сторону и подбѣжавъ къ Александру, котораго онъ схватилъ за руку: — нѣтъ, я не смѣю долѣе продолжать эту комедію... Надобно быть чортъ-знаетъ чѣмъ, чтобъ безъ злобы, безъ ненависти, безъ оскорбленія въ сердцѣ выстрѣлить въ себѣ-подобнаго. Дайте мнѣ обнять васъ, какъ человѣка, какого я доселѣ не встрѣчалъ. Мы, кажется, оба показали достаточно, что мы не трусы, и теперь я могу, не подавая вамъ о себѣ дурнаго мнѣнія, спросить васъ, что́ я могу сдѣлать, чтобъ избѣгнуть этой вздорной необходимости убить васъ, или быть убитымъ? Довольно; фарса кончена. Говорите, ради Бога, и потомъ позвольте просить вашей дружбы; я буду умѣть заслужить ее.

Этотъ неожиданно-счастливый оборотъ сцены, грозившей мрачною развязкою, былъ вовсе не такого свойства, чтобъ разсердить или огорчить Александра. Камень свалился съ груди его, когда онъ почувствовалъ себя въ объятіяхъ своего новаго друга.

— Такъ вы клянетесь?..

— Во всемъ, въ чемъ вамъ угодно.

— Я хочу, чтобъ наша встрѣча осталась тайною для цѣлаго свѣта.

— Даю вамъ слово.

— Такъ будемъ друзьями!

За этимъ послѣдовало новое, крѣпкое, чистосердечное пожатіе руки, краткое, поверхностное объясненіе неожиданной встрѣчи, взаимная рекомендація (молодые люди, впрочемъ, сначала узнали другъ друга) и дружеское «до свиданія», приправленное надеждами короткаго знакомства по возвращеніи Александра. Послѣ чего они разошлись въ разныя стороны: Владиміръ — на мѣсто свида-

нія; но онъ не нашелъ тамъ молодой вдовы. Ненила Григорьевна, испуганная необыкновенными обстоятельствами этого вечера, явленіемъ двухъ особъ тамъ, гдѣ она ожидала встрѣтить только одну, и необъяснимымъ поведеніемъ Владиміра и Вѣры, не осмѣлилась предпринять новаго путешествія въ березовую аллею. Черезъ полчаса, Владиміръ, очень-недовольный неудачною развязкою ночной экспедиціи, отправился домой, придумывая что сказать графу.

Александръ достигъ своей повозки и пустился въ путь.

Вѣра на другой день проснулась со всѣми признаками горячки.

V.

Все кончено!

— Вы не спите, Вѣрочка, милый другъ? спросила шопотомъ Липочка, подходя тихо къ своей подругѣ, которая лежала на кушеткѣ въ той самой комнатѣ, гдѣ началось дѣйствіе моей повѣсти, блѣдная, больная, съ заплаканными глазами.

— Нѣтъ, не сплю, Липочка.

— Ахъ, милый другъ, что разскажу я вамъ! какія странныя вещи я видѣла и слышала.

— Оставь меня, душенька; какая мнѣ надобность до всѣхъ твоихъ странныхъ вещей...

— О, нѣтъ, вы выслушайте; вы увидите, что все это относится до *него*...

— До *него?* до Александра?

— Да, да, мой милый другъ, послушайте. Когда вы уснули, я потихоньку ушла отсюда, отправилась въ садъ, ходила тамъ долго по вашей любимой аллеѣ, и, находившись до сыта, пришла и сѣла на солнышкѣ подъ окномъ кабинета. Погода сегодня такая прелестная, теплая, весна настоящая; все кругомъ таетъ. Въ саду такъ весело, мило... Цѣлая стая воробушковъ слетѣла ко мнѣ на проталинку и тамъ они прыгали, рѣзвились, чирикали почти подъ моими ногами. Вдругъ слышу я голоса въ кабинетѣ. Форточка была растворена, голова моя ниже окошка. Мнѣ все было слышно, а меня не видать имъ.

— Какъ это дурно, милая Липочка.

— Ахъ, да вы послушайте, что говорили они и потомъ осуждайте...

— Во всякомъ случаѣ...

— Милая Вѣрочка, ради самого Бога! дайте мнѣ разсказать вамъ. Пришли, видите, Петръ Ивановичъ и Ненила Григорьевна.:

— Долго ли вамъ мучить меня, говорила Ненила Григорьевна — отдадите ли вы мнѣ письмо мое...

— Какъ бы не такъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: — женюсь на Вѣрочкѣ, такъ отдамъ. А теперь вы должны помочь мнѣ въ важномъ дѣлѣ...

— Въ какомъ еще?.. спросила Ненила Григорьевна.

Тутъ Петръ Ивановичъ началъ говорить ей что-то шопотомъ. Долго, знаете, душенька, долго такъ...

— Да что вы, съ ума сошли! сказала Ненила Григорьевна сердитымъ голосомъ.—Стану я дѣлать этакія гадости; писать отъ чужаго имени, лгать, обманывать.

— Вы должны это сдѣлать, говорилъ Петръ Ивановичъ: — помните, что вы у меня въ неоплатимомъ долгу за Вѣру. Видите, я узналъ изъ вѣрныхъ рукъ, что Анна Ивановна... (Это, Вѣрочка, вѣрно бабушка ваша), что Анна Ивановна, говоритъ, написала уже духовную; я узналъ, говоритъ, что графъ скоро воротится, будетъ сватать Авосина, и много-много говорилъ ей все разныхъ новостей; я, право, всѣхъ не могу запомнить, душенька. Только кончилъ вотъ чѣмъ. Видите, говоритъ, сколько здѣсь хлопотъ у меня на шеѣ; да если еще *этотъ* нагрянетъ, а вѣдь срокъ, который онъ назначилъ *въ письмѣ*, недалеко, такъ тутъ, говоритъ, съ ними со всѣми не сладишь. Значитъ: надобно одного съ рукъ долой; вы можете быть увѣрены, говоритъ, что я ничего не пожалѣю, и если вы откажетесь помочь мнѣ, то вы увидите... Тутъ, душенька, Ненила Григорьевна принялась бранить его безчестнымъ, безсовѣстнымъ. Онъ все слушалъ молча. Потомъ она спросила, что же писать? и онъ что-то говорилъ ей тихо, такъ-что мнѣ не слыхать было; а потомъ говоритъ: видите; это будетъ дѣло *на-бѣло. Онъ* сюда никогда носа не покажетъ, и мы всѣ будемъ покойны и безопасны отъ *его* претензій... Тамъ они еще что-то шептались, такъ-что я не могла ничего разслушать, хоть я долго, долго сидѣла; все дожидалась, не услышу ли чего? Потомъ вижу, что нѣтъ; встала и пошла сюда.

Вѣра задумалась, услышавъ этотъ разсказъ.

— Что ты думаешь объ этомъ, Липочка? спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Вѣра Николавна, милый другъ, я думаю, что они сговариваются противъ васъ, что они хотятъ обмануть Александра Андренча.

— Подумай, Липочка, вотъ ужь пятый мѣсяцъ, а отъ него ни слуху, ни вѣсти... Онъ забылъ меня...

— Я никогда не повѣрю этому; можно ли забыть васъ, милый другъ.

— О, только ты такъ думаешь, Липочка. Боже мой, Боже мой! все это прошедшее мелькнуло какъ сладкій, чудесный, обманчивый сонъ. И ка́къ не повѣрить-было такой обольстительной будущности. Я забыла, что мнѣ суждена жалкая, темная доля.

— Полноте, Вѣрочка, душенька, милый, безцѣнный другъ! ради самого Бога, не говорите такихъ словъ... Вы не знаете, ка́къ у

меня разрывается сердце, когда вы пророчите себѣ такую ужасную долю: чего бы я не сдѣлала, чего бы не отдала, чтобъ только доставить вамъ хоть минуту веселья, спокойствія, радости... Вѣра обняла свою молодую подругу со слезами признательности.

— Липочка, что бы было, еслибъ Богъ не послалъ мнѣ тебя?

Эти слова, вполнѣ наградившія бѣдную дѣвочку, такъ глубоко ее тронули, что она, въ порывѣ счастія, схватила руку Вѣры и съ восторгомъ поцаловала ее.

— Вѣра Николавна, продолжала она, успокоившись отъ сладкаго волненія, въ которое привела ихъ обѣихъ эта послѣдняя сцена:—знаете: мнѣ пришла чудесная мысль. Напишите къ Александру Андреичу!

— Но куда, Липочка? я не знаю его адреса.

— Въ этотъ Н—скій Уѣздъ, гдѣ онъ живетъ.

— Я думала ужь объ этомъ; но, во-первыхъ, я боюсь, что письмо кто-нибудь прочитаетъ; а, во-вторыхъ, что̀ напишу ему я?..

— Чтобъ онъ скорѣе пріѣхалъ...

— А если онъ не хочетъ этого, Липочка? Если онъ забылъ, разлюбилъ меня?

Звукъ этихъ словъ, такъ свободно выговоренныхъ, поразилъ Вѣру, какъ-будто она слышала ихъ изъ устъ другаго; она упала лицомъ на подушки и долго-долго рыдала. Слезы Липочки лились также ручьями.

— Вѣрочка... душенька... полноте... кончится тѣмъ, что вы совсѣмъ разстроите ваше здоровье. Зачѣмъ думать о томъ, чего быть не можетъ? Александръ Андреичъ васъ любитъ, и вѣрно есть какая-нибудь причина, что онъ до-сихъ-поръ не ѣдетъ и не пишетъ. Послушайте: я придумала еще одно средство узнать все это... ужь самое вѣрное средство... Давайте, позовемте Петра изъ Ванеги; вы знаете, какой онъ чудесный мужикъ; наймемъ его до Н—скаго Уѣзда; я съѣзжу съ нимъ, и все, все тамъ разузнаю.

— Ты, Липочка?!!..

— Я, душенька; что̀ вы такъ изумились?.. Меня разбранятъ за это... Да если бы умереть пришлось, такъ, знаете, какое бы это было для меня счастіе—умереть за васъ и для васъ...

— Ахъ, Липочка! Липочка!.. воскликнула Вѣра, снова обнимая ее.—Это невозможно... совсѣмъ невозможно... Тебѣ?! ѣхать одной?!

— Что жь такое, душенька?

— Полно, милый другъ... Я говорю тебѣ, что я никогда не рѣшусь позволить тебѣ подобную вещь. Ты знаешь ли, ка̀къ это далеко отсюда... пятьсотъ слишкомъ верстъ...

— А почему я знаю далеко ли это значитъ: пятьсотъ слишкомъ верстъ, и какая мнѣ до этого надобность... Петръ ужь, конечно, знаетъ дорогу.

— Нѣтъ, милый другъ... это невозможно, несбыточно; ты говоришь какъ ребенокъ. *Пусть будетъ такъ, какъ должно быть, какъ опредѣлено Богомъ*... Александръ, прощаясь, сказалъ мнѣ:

«что бы ни случилось, перваго сентября я буду здѣсь». Я стану ждать его до этого срока.

— А потомъ?..

— Потомъ... потомъ, Липочка... я выйду за Петра Ивановича замужъ. *Вѣрно такъ угодно Богу.*

— Да будетъ ли ждать Петръ Иванычъ такъ долго?..

— Ты слышала, что говорилъ онъ Ненилѣ Григорьевнѣ. Мнѣ тоже сказалъ онъ, что отъ меня совершенно зависитъ назначить день свадьбы.

— А Николай Григорьевичъ?

— Папаша сказалъ Петру Иванычу, что ему все равно... что только мнѣ не бывать ни за кѣмъ другимъ... это мнѣ пересказала тётенька.

. . . .

Въ половинѣ августа, я получилъ записку слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь,

Н. А.

«Имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, что день свадьбы моей съ «Вѣрою Николаевною назначенъ наконецъ перваго числа будущаго «сентября мѣсяца, въ селѣ Ванегѣ. Мнѣ хочется съиграть эту «свадьбу безъ всякаго шума, такъ-что, кромѣ двухъ-трехъ по«чтенныхъ особъ въ нашемъ уѣздѣ, о ней никому неизвѣстно. На«дѣясь на ваше ко мнѣ благорасположеніе, прошу васъ всепо«корнѣйше удостоить меня въ этотъ день вашимъ присутствіемъ. «О чемъ васъ также проситъ и Николай Григорьевичъ. Въ церковь «я отправляюся въ пять часовъ вечера; а васъ жду къ себѣ ку«шать въ часъ пополудни. Лично не могъ имѣть чести просить «васъ о вышеписанномъ, потому-что Вѣра Николаевна только се«годня сдѣлала помянутое назначеніе, и я неотлагательно отправ«ляюсь въ городъ, для нѣкоторыхъ необходимостей по сему пред«мету.

«Съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребыть

«вашъ, милостивый государь, готовый

«къ услугамъ

«Петръ П.»

Такъ вотъ, подумалъ я, чѣмъ кончилась эта романическая исторія. Тѣмъ же, чѣмъ многое кончается сплошь — ничѣмъ.

Убитая собака служила ей завязкою; горячка развила ее; привидѣнія поддержали. Много было въ ней шума и тревоги... и потомъ; потомъ пошло все тише, медленнѣе; прошелъ цѣлый годъ; потомъ все успокоилось; Петръ Ивановичъ все побѣдилъ...

—

VI.

До чего доводитъ просвѣщеніе!

Я давно узналъ всѣ разсказанныя подробности этой исторіи и судьба Вѣры возбудила во мнѣ живѣйшее участіе.

Семейная тайна моего сосѣда уже сдѣлалась достояніемъ всеобщаго любопытства; но всѣ усилія не могли пролить свѣта на поведеніе Александра. Только въ-послѣдствіи открылось то, что я буду сейчасъ разсказывать.

Александръ въ это время былъ въ своей деревнѣ, въ Н—мъ уѣздѣ, верстъ за пятьсотъ отъ насъ...

Утро, двадцать пятаго августа, сіяло такъ же свѣтло и весело, какъ то достопамятное утро двадцатаго сентября, которымъ начался разсказъ мой...

Домъ моего героя, облитый косвенными лучами восходящаго солнца, стоитъ на возвышенной мѣстности, съ которой открываются восхитительные виды, преимущественно изъ оконъ кабинета.

Этотъ кабинетъ занимаетъ самую большую комнату въ домѣ, именно ту, которая прежде, *при старикахъ,* служила залою. Онъ обращенъ къ востоку; яркія волны свѣта льются въ него черезъ четыре высокія окна и придаютъ дивный, поэтическій колоритъ его причудливому убранству, котораго главная роскошь состоитъ *въ цвѣтахъ*.

Стѣны и потолокъ этого романическаго убѣжища, обклеенные пунцовою бумагою, покрыты тонкими темнозелеными рѣшетками, обвитыми плющомъ; огромныя померанцовыя деревья, пышныя гераніи, левкои и безчисленное множество благоуханныхъ и рѣдкихъ произведеній тропической Флоры занимаютъ возлѣ стѣнъ, на полу и на полкахъ всё пространство между мебелей и картинъ; огромныя окна, съ готическими фигурными рамами и разноцвѣтными стеклами, изнутри убраны яркими пунцовыми занавѣсами; и занавѣсы такого же цвѣта совершенно закрываютъ обѣ двери, расположенныя на противоположныхъ концахъ комнаты... Въ заднемъ углу, среди зелени, ярко отдѣляется бѣлый мраморный каминъ, окруженный бронзовою рѣшеткою, закрытый прелестнымъ экраномъ, вышитымъ шерстями, и украшенный огромнымъ зеркаломъ въ золотой рамѣ. На консолѣ бронзовые часы и двѣ бронзовыя же статуэтки. Противоположный уголъ занятъ библіотекою, которая помѣщается на открытыхъ полкахъ, окрашенныхъ зеленою краскою. Распятіе на пьедесталѣ зеленаго мрамора, великолѣпно окружено множествомъ цвѣтовъ; у подножія креста видна святая книга откровенія.—Огромный письменный столъ орѣховаго дерева, покрытый коврикомъ, прелестно вышитымъ, занимаетъ почти середину комнаты... На немъ вы видите небольшой акварельный

портретъ, со вкусомъ и роскошью украшенный великолѣпною рамкою. Физіономія молодой женщины, которой изображеніе занимаетъ такое почетное мѣсто, одушевлена кроткою, меланхолическою прелестью: въ этихъ чертахъ, не отличающихся холодною, классическою правильностію, преобладаетъ гармоническое, неуловимое, необъяснимое выраженіе, которымъ проявляется во внѣшности душа поэтическая и возвышенная. Низенькій и широкій диванъ баснословной огромности, мягкій и покойный до степени идеальнаго совершенства, помѣщается у главной стѣны, противъ оконъ, внутри алькова, составленнаго изъ позолоченной рѣшетчатой арки готическаго рисунка, изящно-узорчатое кружево которой съ неподражаемымъ искусствомъ обвито плющемъ и убрано цвѣтами.

Отсюда открывается видъ на окрестности дома черезъ одно изъ четырехъ оконъ, полурастворенное на террассу, которая занимаетъ весь передній фасадъ. Нѣсколько ступеней ведутъ съ террассы въ цвѣтникъ, откуда дерновыми уступами вы спускаетесь въ огромный садъ, раскинутый по отлогому, высокому берегу быстрой Волги. Сада не видно изъ оконъ; но за то во всей красѣ разстилается передъ глазами свѣтлая скатерть рѣки, широкая, извилистая и вдали обставленная крутою, высокою, иногда скалистою рамою праваго берега, котораго холмистая полоса синѣетъ и исчезаетъ въ туманной дали; эта прозрачная лента воды оживлена бѣлыми парусами судовъ.—За нею безпредѣльная панорама луговой стороны, покрытой селами и лѣсами, далеко-далеко сливается съ горизонтомъ. Трудно пересказать впечатлѣнія, которыя производитъ при первомъ взглядѣ эта комната, облитая яркими лучами солнца черезъ разноцвѣтныя стекла и пунцовыя тонкія ткани. Бѣлыя мраморныя группы, каминъ, картины, пунцовые занавѣсы, золотая рѣшетка алькова, панорама Волги и береговъ ея: все это, среди непрерывной массы темной зелени плюща, сквозь нитей котораго просвѣчиваетъ яркій пурпуръ обоевъ, все это, осыпанное безчисленными пестрыми группами цвѣтовъ, подъ радужными волнами свѣта поражаетъ и чаруетъ зрѣніе. Нельзя придумать ничего очаровательнѣе этого маленькаго эдема, гдѣ все гармонія, ароматы, комфортъ и поэзія! Все разсчитано для чувствъ, для молитвы, для мечты, для воспоминаній.

Въ этомъ-то Элизіумѣ Александръ встрѣтилъ утро, на пять дней отдѣлявшее судьбу бѣдной Вѣры отъ печальной развязки ея печальнаго, забытаго существованія.

Подперши голову рукою, сидѣлъ онъ въ глубокомъ раздумьѣ близь своего письменнаго стола и разсѣянно прислушивался къ тихимъ звукамъ любимой народной пѣсни, которые неслись изъ алькова. Тамъ, въ глубинѣ дивана, облокотясь на мягкую, бархатную подушку, небрежно лежала молодая дѣвушка, прелестная, какъ свѣтлая заря лѣтняго утра, гордая и стройная, какъ лебедь.

Это очаровательное созданіе, казалось, не было однако божествомъ храма. Не ея изображеніе возвышалось передъ задумчивымъ

взорами Александра на письменномъ столѣ его; но простая смертная была несравненно прелестнѣе той, чьи черты Александръ, казалось, чтилъ съ такою нѣжностью. — Ея большіе, голубые глаза изящнѣйшей формы оттѣнены темными и длинными рѣсницами, которыя придаютъ имъ дивное выраженіе томной нѣги и мечтательности; двѣ тонкія дуги бровей довершаютъ очарованіе этихъ глазъ, прелестнѣе которыхъ не создавала природа. Когда особеннымъ, ей свойственнымъ движеніемъ дѣвушка тихо подымала пышныя рѣсницы и устремляла на васъ свой полный и глубокій взоръ, вы чувствовали, что душа, выливавшаяся въ этомъ восхитительномъ взглядѣ, должна быть полна нѣжнаго чувства; но въ то же время, сквозь влажный кристаллъ, одушевленный нѣгою, едва замѣтно темнѣло что-то зловѣщее, какая-то непонятная холодность и едва замѣтная суровость — симптомы внутренняго *недуга*, развившагося съ неодолимою силою, но еще подавляемаго крѣпостью юной, цвѣтущей жизни; высокій лобъ ея, бѣлый и гладкій какъ мраморъ, показывалъ волю твердую и рѣшительность; улыбка, одушевлявшая ротикъ маленькій, чудесно обрисованный тонкими коралловыми губками и украшенный двумя рядами перлевъ — была невыразимо плѣнительна; но въ ней было болѣе простосердечія и грустнаго раздумья, нежели ума веселаго и игриваго; лицо ея, совершенно овальное, оттѣнялось темнорусою рамою мягкихъ шелковыхъ волосъ, соединенныхъ въ роскошную косу сзади головки, поза которой выражала гордую безпечность и равнодушное спокойствіе. Гибкая шея, пышныя плечи матовой бѣлизны, гладкія какъ атласъ, грудь аттической изящности, ручки и ножки... все соединено было въ этомъ очаровательномъ существѣ *для* обольщенія. Пышный шлафрокъ изъ темной матеріи еще болѣе возвышалъ ослѣпительную бѣлизну ея шеи и рукъ и, среди цвѣтовъ и темной зелени, подъ разноцвѣтными и яркими лучами восходящаго солнца, прелестная дѣвушка казалась фантастическою нимфою фантастическаго жилища. Раскинувшись въ углу огромнаго дивана, она пѣла звучнымъ, серебристымъ голосомъ, тихо, съ грустнымъ чувствомъ и съ неподражаемою пріятностію, нашу простонародную наивную «дороженьку», аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Взглядъ ея, безпечный и почти холодный, былъ неподвижно устремленъ на молодаго человѣка, который въ свою очередь не сводилъ глазъ съ портрета.

Долго Александръ сидѣлъ безмолвно и неподвижно. Наконецъ, съ особенно-тревожнымъ чувствомъ выслушавъ слова:

«И что, по той ли, по той,
«По той, по дороженькѣ,
«Къ любушкѣ сударушкѣ,
«Мнѣ нельзя, нельзя въ гости ѣхать.»

онъ обернулся къ прелестной пѣвицѣ.

— Маша! сказалъ онъ ей:—спой мнѣ что-нибудь прощальное. Я сегодня ѣду.

— Сегодня!! воскликнула дѣвушка, кинувъ гитару.
— Сегодня.
— Куда же?.. Опять странствовать? опять скитаться?
— Да; опять странствовать, опять скитаться. Спой мнѣ «зорюшку», эту глупость, которой ты умѣешь дать такое прелестное выраженіе...
— Ты непремѣнно сегодня ѣдешь, Александръ? спросила Маша, съ глазами, полными слезъ. — Непремѣнно сегодня?
— Непремѣнно, душа моя.
— Александръ, ты безжалостно поступаешь со мною...
— Маша, пой «зорюшку», прошу тебя.
— Сегодня ѣдетъ и сегодня только сказать мнѣ!.. За что же это?
— Пой, Маша, душа моя.
— Мнѣ хочется плакать, а не пѣть.
— О чемъ плакать?! Боже тебя сохрани... Ты знаешь, какъ я ненавижу твои слезы... Пой, я прошу тебя...
— Ты жестокъ со мною, Александръ... и увѣряешь, что дѣлаешь все для моего счастія. Развѣ можно такъ быть счастливою!.. И слезы покатились ручьемъ по щекамъ ея. Александръ вскочилъ съ креселъ. Первое движеніе его было къ двери на террассу; но вдругъ онъ перемѣнилъ намѣреніе, кинулся на софу возлѣ огорченной дѣвушки, обхватилъ рукою станъ ея и привлекъ ее къ себѣ. Маша грустно склонила на его шею свою милую головку.
— Утри слезы, Маша, утри слезы! я не могу ихъ видѣть. Маша повиновалась.—Послушай, продолжалъ Александръ съ принужденной шутливостью:—ты приводишь меня въ отчаяніе своею непонятливостью. Какъ, до-сихъ-поръ, въ два года, я не могу достигнуть цѣли, втолковать тебѣ, что ты счастлива, такъ счастлива; какъ немногіе, какъ я желалъ бы быть счастливымъ. Я завидую тебѣ.
— И тебѣ не стыдно такъ смѣяться надо мною теперь, когда мы должны разстаться... Богъ-знаетъ, на сколько времени...
— Я не смѣюсь нисколько, бѣдная моя плакса. Я говорю очень-серьезно. Мнѣ никакъ не хочется оставить тебя въ такомъ дурномъ расположеніи духа, и по этому, вмѣсто того, чтобъ уйдти, какъ всегда, отъ слезъ твоихъ, видишь, я пришелъ къ тебѣ, съ тѣмъ, чтобъ повторить урокъ, который ты безпрестанно позабываешь. Я его оставлю тебѣ вмѣсто себя, и требую, чтобъ ты его твердо помнила въ мое отсутствіе... Говори мнѣ, о чемъ ты плачешь?
— Ты ѣдешь, и спрашиваешь меня?..
— Ну, я ѣду; что жь изъ этого?.. Развѣ не довольно мы наскучили одинъ другому?.. Маша взглянула на него съ грустнымъ упрекомъ.
— Ты готова увѣрять меня, что я не могу тебѣ наскучить, еслибъ былъ вмѣстѣ съ тобою каждую минуту всю жизнь:.. Я это

знаю, и знаю, что это вздоръ: ты слишкомъ-холодна для такого непрерывнаго счастія, а я слишкомъ-пылокъ... И я тебѣ говорю, что въ этотъ годъ, почти цѣлый годъ, мы довольно наскучили другъ другу. Теперь мы разстанемся. Я поѣду по адскимъ осеннимъ дорогамъ растрясти свою неутомимую тоску; ты будешь одна скучать въ этой душной клѣткѣ мѣсяцъ, два, три...

— Три мѣсяца!!! три мѣсяца!!! Боже мой, это ужасно... это цѣлая вѣчность.

— Ничего не бывало. Я думаю даже, что нужно полгода, годъ быть порознь, чтобъ потомъ увидѣться съ восторгомъ и прожить чудесно другіе полгода; но я боюсь оставлять тебя здѣсь надолго, негодная шалунья... Ты забудешь меня, измѣнишь мнѣ...

— Ахъ, нѣтъ! Саша, милый, умоляю тебя, не оставайся тамъ полгода... Нѣтъ, нѣтъ, ради самого Бога!.. О, это такъ долго, такъ долго, что можно умереть съ тоски... Нѣтъ, послушай, пріѣзжай скорѣе, продолжала она, ласкаясь, и яркій румянецъ вдругъ разлился по прелестнымъ чертамъ лица ея.—А не то, знаешь, *это* можетъ случиться безъ тебя... Ты, вѣрно, не оставишь меня въ такую минуту?..

Александръ взглянулъ съ нѣжнымъ участіемъ на свою подругу и поцаловалъ ее.

— А когда *это* будетъ?

— Мѣсяца черезъ два... и даже скорѣе.

— Ты обманываешь, лгунья, чтобъ заставить меня вернуться.

— Такъ ты вернешься къ этому времени? Ты не оставишь меня!! воскликнула Маша, съ восторгомъ и стремительно обнявъ Александра.—Клянусь тебѣ, что я не обманываю! и она глядѣла на молодаго человѣка глазами, полными радостныхъ слезъ. Вдругъ лицо его отуманилось мрачною думою...

—

Кабинетъ Александра и его прелестная обитательница составляли предметъ неистощимыхъ разговоровъ, разсужденій, толкованій, приговоровъ, удивленій, восклицаній и даже проклятій болѣе чѣмъ на сто верстъ въ окрестности, тѣмъ болѣе, что эти предметы вниманія къ ближнему были покрыты непроницаемымъ покровомъ тайны, которой изобрѣтательная молва придавала фантастически-затѣйливый колоритъ. Неисчислимыя хитрости были истощены для открытія вполнѣ соблазнительнаго секрета. Соединенныя усилія достигли слѣдующихъ результатовъ. *За достовѣрное* разсказывали, что Александръ, во время своихъ путешествій, передъ возвращеніемъ въ родительскій домъ (значитъ, года три тому назадъ), встрѣтилъ *гдѣ-то*, въ степныхъ губерніяхъ, въ семействѣ *какого-то* богача, бѣдную сироту лѣтъ четырнадцати, прелестную и несчастную какъ Сандрильйона. Бѣдное дитя было осуждено переносить все, что только можно переносить въ жизни. Дочь любви одной

изъ умершихъ ближайшихъ родственницъ богача, она была новоромъ фамиліи. Это невинное, но тѣмъ не менѣе бѣдственное титло обезпечивало ей презрѣніе и ненависть всего, что ее окружало. Многіе очень-снисходительно смотрятъ на этихъ бѣдныхъ дѣтей холоднаго разврата, но иногда, въ-слѣдствіе семейныхъ отношеній, они дѣлаются предметомъ дикой и неумолимой ненависти.

Сердце Александра облилось кровью, когда онъ увидѣлъ это нѣжное и поэтическое созданіе, брошенное въ грубую существенность, когда онъ узналъ всѣ подробности ея существованія. Видѣть это и спѣшить на помощь—въ его характерѣ двѣ вещи нераздѣльныя. Не думая о послѣдствіяхъ, онъ увезъ бѣдную дѣвочку, которая готова была уйдти хоть на край свѣта изъ родительскаго дома, гдѣ она была въ разрядѣ горничныхъ. Ея не преслѣдовали. *Покровители* ея были очень рады, что избавились такъ легко отъ ея присутствія. Александръ привезъ домой свою добычу. Въ первыя минуты, послѣдовавшія за похищеніемъ, когда энтузіазмъ великодушнаго порыва успокоился, онъ не зналъ, что съ нею дѣлать. Александръ не могъ *задумать* ничего дурнаго: первыя побужденія его всегда были благоразумны. Избавивъ бѣдную дѣвочку отъ тяжкаго положенія, въ которомъ онъ нашелъ ее, герой мой не хотѣлъ остановиться на этомъ: онъ хотѣлъ создать ей счастливую будущность. Но когда за этою великодушною, идеальною затѣею послѣдовали положительныя разсужденія о приведеніи ея въ исполненіе, и онъ ясно увидѣлъ, что ему надобно будетъ разстаться съ этимъ очаровательнымъ созданіемъ, ввѣривъ его надежному покровительству, или повторить исторію Мальтраверса, его избалованная эпикурейская натура, своевольная, изуродованная, испорченная обманутою жизнію, взбунтовалась. Рѣшиться на такое пожертвованіе Александръ (въ черныя минуты неудачъ, потерь и обмановъ давшій себѣ торжественную клятву наслаждаться всѣмъ, что судьба броситъ изящнаго и упоительнаго на пути его жизни) не могъ. Онъ положилъ оставить при себѣ Машу, надѣясь, что онъ могъ *приданымъ* окупить репутацію Маши, и что судьба, которой имѣла право ожидать сирота, во всякомъ случаѣ не могла быть блистательною. Воротясь домой, онъ употребилъ всѣ деньги, которыми могъ располагать, на устройство себѣ уголка по своему вкусу, создалъ свой маленькій эдемъ и заперся въ немъ съ своею добычею.

Всѣ покушенія сосѣдей завести съ нимъ знакомство въ видахъ открытія его романическихъ таинствъ, остались рѣшительно безъ успѣха. Александръ, возвратясь въ свою усадьбу послѣ восьмилѣтняго отсутствія, не показался никому изъ родныхъ, никому изъ знакомыхъ сосѣдей: одинъ только дядя его былъ исключеніемъ. Такое поведеніе отнимало всякую возможность забраться въ уединеніе моего героя прямыми путями. Какъ ни пылали нестерпимымъ любопытствомъ всѣ ближніе и дальніе сосѣди, но никто не могъ рѣшиться «ѣхать первымъ къ этому молокососу, который изволилъ такъ задрать носъ, что *даже* не сдѣлалъ никому визита».

Наконецъ, нѣсколько кузинъ, которыхъ любопытство перешло за границу человѣческаго терпѣнія, составили родъ тайнаго общества, съ цѣлью узнать до послѣдней подробности внутренность кабинета, о которомъ носились темные и дивные слухи, и снять умственный портретъ съ его очаровательной и таинственной обитательницы. Общество избрало двухъ кузинъ, самыхъ предпріимчивыхъ и одаренныхъ умомъ самымъ изобрѣтательнымъ изъ всѣхъ кузинъ, бывшихъ налицо въ чертѣ круга, имѣвшаго болѣе ста верстъ въ діаметрѣ. Все, что́ женская натура имѣетъ въ себѣ обольстительнаго, было истощено *для* счастливыхъ кузинъ, и онѣ дали торжественную клятву исполнить желаніе обольстительницъ и съ рѣшимостію пустились (подъ предлогомъ покупки какихъ-то лѣсныхъ отхожихъ пустошей) въ усадьбу Александра.

Возвратясь, онѣ разсказали съ торжествомъ, что, подъѣзжая къ дому, онѣ слышали звуки фортепьяно, гитары и женскаго голоса; что наружность стараго дома съ подъѣзда осталась почти вся та же, какъ при покойникахъ; что внутри, въ передней и въ маленькой *гостиной*, куда онѣ вторглись, все было, правда, очень-чисто и опрятно, но не было никакихъ цвѣтовъ, никакихъ картинъ, статуй, занавѣсовъ и *прочихъ роскошей*. Почти все было въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Александръ выслалъ сказать имъ, что онъ боленъ и не можетъ принять, и оскорбленныя кузины убѣдились, что кабинетъ, *роскошно* убранный цвѣтами, существуетъ только въ воображеніи прелестныхъ кузинъ; а таинственная фея этого очарованнаго кабинета ни больше, ни меньше, какъ и у всѣхъ у нихъ, вышеупомянутыхъ кузинъ, толстая горничная...

Тайное общество кузинъ, взбѣшенныхъ такимъ неосновательнымъ донесеніемъ, единогласно признало своихъ коммиссаровъ «безтолковыми увальнями». Между-тѣмъ, Александръ усердно занимался образованіемъ Маши и съ твердостію выдерживалъ борьбу противъ искушенія, соединеннаго съ этимъ образомъ жизни. Прошло болѣе года. Жалкая дѣвочка сдѣлалась довольно-образованною дѣвушкою, Александръ былъ непоколебимъ въ своей роли. Къ-счастію, онъ нашелъ, что умъ и сердце Маши нисколько не соотвѣтствовали совершенству ея наружности. Она не производила на него глубокаго впечатлѣнія и сама неспособна была страстно любить. Когда періодъ развитія дѣвственныхъ прелестей Маши началъ достигать своихъ крайнихъ предѣловъ, Александръ рѣшился сдѣлать непродолжительное путешествіе, чтобъ запастись новыми силами, и въ эту-то поѣздку совершился эпизодъ жизни его, разсказанный мною... Укрѣпленный новою страстью, Александръ воротился весь полный думами о Вѣрѣ и съ твердымъ намѣреніемъ устроить судьбу своей воспитанницы...

Какъ вдругъ онъ получаетъ письмо...

Съ-тѣхъ-поръ, Александръ почти всегда, послѣ порывовъ нѣжности, послѣ ласкъ пылкихъ и упоительныхъ, впадалъ въ грустное, тяжелое раздумье и становился угрюмъ и холоденъ.

У дверей кабинета раздался тихій стукъ.

— Войди, сказалъ Александръ. — Явился каммердинеръ и доложилъ о пріѣздѣ Алексѣя Михайловича и Ирины Матвѣевны. Маша вскочила и, какъ легкая серна, скрылась въ противоположную дверь. Герой мой пошелъ на встрѣчу посѣтителямъ, которымъ въ то же время каммердинеръ отворилъ двери. Первая вошедшая особа былъ старикъ, высокій, худой, бѣлый, какъ лунь, но еще довольно-бодрый и свѣжій. Онъ шелъ, опираясь на трость. Физіономія его, благородная и открытая, сохранила выраженіе гордаго своенравія. Онъ былъ одѣтъ почти щеголевато. За нимъ вошла молодая женщина... оригиналъ портрета, стоявшаго на письменномъ столѣ Александра. Хотя неотразимое дуновеніе времени и, можетъ-быть, тревоги и печали жизни изгладили, въ привлекательныхъ чертахъ лица ея, роскошную свѣжесть первой молодости, которою одушевлено было ея изображеніе; но въ ея томныхъ, влажныхъ глазахъ, въ ея задумчивой улыбкѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ и теперь преобладала неизмѣняющаяся, неувядающая грація.

Александръ принялъ гостей съ почтительною вѣжливостію, съ искреннимъ радушіемъ. Ирина Матвѣевна была родная сестра его отца.

— Тебя, вѣрно, удивляетъ наше раннее посѣщеніе, сказалъ старикъ, дружески пожавъ руку племянника и глядя на часы:—половина одиннадцатаго... а мы ужь нагулялись, находились и проѣхали болѣе десяти верстъ: и все это по милости твоей затейницы тётушки, которая сегодня мучитъ меня съ семи часовъ своими непостижимыми прихотями. Я такъ доволенъ, что весь этотъ рядъ проказъ ея кончился благодѣтельнымъ желаніемъ навѣстить тебя. Передаю ее тебѣ съ-рукъ-на-руки. Ты обладаешь секретомъ успокоивать ея своенравную раздражительность; а я рѣшительно выбился изъ силъ и требую ненарушимаго спокойствія. Вели мнѣ вынести кресло на террассу. Я хочу вздремнуть тамъ, на солнышкѣ.

Желаніе старика было немедленно исполнено.

Каммердинеръ вынесъ кресло, старикъ усѣлся и, поговоривъ нѣсколько времени съ племянникомъ, отослалъ его, объявивъ рѣшительно, что онъ намѣренъ вздремнуть тутъ одинъ и безъ помѣхи. Александръ, привыкшій къ свободному обращенію дяди и исполнявшій его волю съ сыновнею покорностію, оставилъ старика и вошелъ въ кабинетъ.

Тамъ, на мѣстѣ, сейчасъ только оставленномъ Машею, въ альковѣ, въ углу дивана, сидѣла его тётка, печально склонивъ голову на руку. Она сняла шляпку и легкіе каштановые локоны почти закрывали ея лицо. Александръ подошелъ и сѣлъ возлѣ нея.

Отношенія тётки и племянника принадлежали къ числу психологическихъ явленій, которыя имѣютъ для меня грустный интересъ и возбуждаютъ печальное раздумье. Александръ встрѣтился

съ Ириною Матвѣевною въ первый разъ десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ, окончивъ свое воспитаніе, пріѣхалъ домой. Самая нѣжная дружба скоро соединила молодыхъ людей, которые, казалось, были созданы другъ для друга; трудно встрѣтить двѣ натуры болѣе-сходныя. Слишкомъ два года они провели почти не разлучаясь. Но вотъ, въ туманный осенній вечеръ, Александръ съ непритворною грустію простился съ тою, которую онъ такъ много и искренно любилъ... сказалъ ей «до скораго свиданія», и съ душою, полною тоски, оставилъ родныя и милыя мѣста. Время летѣло. Александръ писалъ къ своему *другу* часто и много, отдавалъ ей отчетъ во всѣхъ подробностяхъ новой жизни своей...

Прошелъ годъ. Ирина Матвѣевна получила отъ него письмо, гдѣ онъ, со всѣмъ краснорѣчіемъ и пламенною пылкостію страсти, со всею откровенностію дружбы, разсказывалъ ей о нѣжной сердечной связи, которою судьба наградила его. Александръ описывалъ яркими красками прелестное существо, съ которымъ онъ такъ счастливо встрѣтился, и, въ поэтическихъ выраженіяхъ передавая свои надежды на очаровательную будущность, пышно и увлекательно разсказывалъ свои золотыя мечты влюбленнаго о неизъяснимомъ блаженствѣ и дивныхъ наслажденіяхъ.

Прошелъ еще годъ: Ирина Матвѣевна вышла за пятидесяти-шести-лѣтняго Алексѣя Михайловича.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого, Александръ воротился домой, какъ я уже разсказывалъ. Онъ встрѣтился съ тёткою точно такъ же, какъ и простился.

Подозрительный и ревнивый старикъ-дядя скоро сталъ съ тревожнымъ опасеніемъ смотрѣть на нѣжную привязанность, соединявшую молодыхъ людей, и хотя ихъ родственная дружба была такъ чиста и неукоризненна, что самый изобрѣтательный умъ не могъ сдѣлать ея предметомъ клеветы и сплетней, но Алексѣй Михайловичъ — Ловеласъ восьмнадцатаго вѣка, плохо вѣрилъ въ чистоту сердечныхъ связей между различными полами. Онъ долго жилъ въ большомъ свѣтѣ и былъ уменъ, слѣдовательно, не могъ обнаружить смѣшной ревности; но тѣмъ не менѣе незамѣтно слѣдилъ онъ съ подозрительною неутомимостью за всѣми движеніями жены и племянника.

—

Молча, Александръ долго смотрѣлъ съ глубокимъ участіемъ, съ наслажденіемъ на милыя черты этой женщины, которую онъ такъ много, родственно и нѣжно любилъ... болѣзненное утомленіе и грустное раздумье ясно изображались въ нихъ.

— У васъ сегодня *черный* день, сказалъ онъ наконецъ, поцаловавъ ея руку съ нѣжною почтительностью и слегка пожавъ ее потомъ.

— Да, мой добрый другъ, отвѣчала Ирина Матвѣевна, кинувъ долгій и задумчивый взглядъ на молодаго человѣка: — мнѣ сегодня нестерпимо грустно, какъ-будто я должна проститься съ вами... надолго... навсегда... Замѣтная дрожь пробѣжала по членамъ Александра и сильное изумленіе выразилось на лицѣ его.

— Не надобно предаваться грустнымъ впечатлѣніямъ, возразилъ онъ: — мнѣ бы хотѣлось найдти васъ сегодня веселою, твердою.

— Для чего *сегодня?*

— Я хочу разсказать вамъ одинъ эпизодъ моей жизни... недавнія событія, о которыхъ я до-сихъ-поръ молчалъ передъ вами, и мнѣ нужны ваша *насмѣшка* и ваши совѣты.

— Событія изъ вашей послѣдней поѣздки?

— Да.

— Я давно ждала этого разсказа. Я знала, что вы отъ меня скрываете тайну...

— Знали?

— Знала. О, у меня *для васъ* есть даръ предвидѣнія, даръ двойнаго зрѣнія. (Она задумчиво улыбнулась.) — Вы не вѣрите этому? А между-тѣмъ, ничего не можетъ быть естественнѣе. Въ моей жизни не вы ли одинъ, почти съ-тѣхъ-поръ, какъ я стала сознавать себя, соединяете на себѣ все, что̀ есть во мнѣ живаго, глубоко чувствующаго, горячо-любящаго? Вы одинъ были причиною всѣхъ свѣтлыхъ радостей моихъ и никто не подарилъ мнѣ столько горя и страданій... никто не могъ... никто, никто не можетъ болѣе.

— Странная судьба!.. тогда, какъ я готовъ бы отдать все на свѣтѣ, чтобъ знать васъ счастливою...

Легкій румянецъ оживилъ на минуту ея блѣдныя щеки.

— Я сегодня нестерпимо болтлива, нестерпимо раздражительна, и это потому-что я предчувствую новое, послѣднее горе, которое вы мнѣ готовите...

— Я осужденъ быть причиною страданій для всѣхъ, кто любитъ меня. Въ моемъ существованіи есть заразительная *бѣда*, которая неисцѣлимо отравляетъ все, что̀ входитъ въ эту тлетворную сферу, и всегда, повсюду, изъ цвѣтовъ надежды и счастія, къ которымъ съ сладкимъ, трепетнымъ ожиданіемъ прилепляю я уста мои, обольщенныя плѣнительною приманкою, я пью только ядъ, которымъ мгновенно наполняетъ и ихъ мое прикосновеніе...

— На этотъ разъ, я заразила васъ своей хандрою. Зачѣмъ повторять то, что̀ намъ такъ хорошо извѣстно. *У васъ* есть будущность... Полно объ этомъ. Разсказывайте мнѣ вашу исторію.

— Она принадлежитъ къ той же категоріи...

— Я знаю; но все равно, вы возбудили во мнѣ любопытство. Намъ вѣдь никогда не удается разсказать другъ другу что-нибудь веселое. Говорите, я жду.

— Я давно намѣренъ былъ передать вамъ мой разсказъ; давно

назначилъ *для* этого сегодняшній день; хотѣлъ нарочно ѣхать къ вамъ съ этою цѣлью и... теперь... не могу рѣшиться...

— Огорчить меня... не бойтесь. Я угадываю; увѣрена, что не ошибаюсь... Ѳ, я такъ ревнива, такъ глупо ревнива...

Тяжелое молчаніе наступило за этими словами, сказанными съ порывомъ, обличавшимъ неукротимое душевное волненіе молодой женщины.

Еще никогда Ирина Матвѣевна не позволяла себѣ сказать ничего подобнаго.

— Разсказывайте же, продолжала она потомъ.—Не мучьте меня. Я женщина. Чтобъ избавить васъ отъ начала, которое, говорятъ, составляетъ самую трудную часть всякой повѣсти, я помогу вамъ. Въ сентябрѣ прошлаго года вы встрѣтили тамъ, я не помню какъ зовутъ мѣсто, вы встрѣтили интересную дѣвушку... которая полюбила васъ; что̀ очень-естественно, если у этой дѣвушки есть глаза, есть душа, и если она имѣла случай узнать васъ... вы...

— Теперь вы можете продолжать...

— Я провелъ съ нею болѣе мѣсяца подъ одною кровлею.

— Я это знаю.

— Я былъ боленъ...

— И это знаю.

— Она каждый день приходила съ своею тёткою навѣщать меня и мы проводили по нѣскольку часовъ вмѣстѣ.

— Каждый день?

— Каждый день. И, къ концу моего двухнедѣльнаго пребыванія въ этомъ домѣ, я узналъ, что она полюбила меня...

— Вы *узнали* это?

— Она сама сказала мнѣ и сказала такъ, что я думалъ въ ея любви видѣть то идеальное чувство, которое, говорятъ, можетъ жить только въ сердцѣ женщины...

«Мнѣ казалось, что страсть, которую я открылъ въ Вѣрѣ, проникла во все существо ея; что каждый фибръ ея тѣла былъ полонъ страстью, жилъ только ею, что, отдаваясь мнѣ беззавѣтно, безусловно, какъ говорила она, Вѣра съ этой минуты не принадлежала себѣ, что въ ней не было ни одной мысли, ни одного чувства, желанія, надежды, радости... которыя бы не принадлежали мнѣ, одному мнѣ... вполнѣ и нераздѣльно. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось, а вы знаете, что пора сладкихъ заблужденій, пора химеръ и идеаловъ давно прошла для меня; но въ чувствѣ этой дѣвушки было столько силы, столько истины! и я увѣрился, что нашелъ, наконецъ, олицетворенную мечту юношескихъ лѣтъ моихъ — *любовь* полную и безусловную...

«Я *боялся*, однакожь, вѣрить своему счастію. Сколько разъ волшебные миражи обманывали меня; я хотѣлъ испытать эту любовь временемъ и разлукою. Я оставилъ Вѣру и уѣхалъ сюда, съ намѣреніемъ устроить судьбу Маши и воротиться туда чрезъ два, три мѣсяца... я не сказывалъ вамъ объ этомъ... Почему?.. Види-

те ли... я предчувствовалъ, что судьба, въ этомъ новомъ романѣ, какъ всегда и вездѣ, готовитъ мнѣ тяжелый и горькій урокъ. *Теперь*, когда всѣ тревоги и волненія умолкли въ душѣ моей, я *могу* дать вамъ прочесть письмо моей безусловно-любящей Вѣры, вотъ оно...»

Александръ подошелъ къ столу, взялъ одно изъ писемъ, лежавшихъ на немъ, и подалъ его Иринѣ Матвѣевнѣ.

— Какой странный почеркъ! воскликнула она.

— Самый поэтическій, не правда ли? спросилъ Александръ съ горькою, ироническою улыбкою.

— Нѣтъ; это писала не Вѣра!.. не можетъ быть!

— Прочтите; вы увѣритесь. Въ слогѣ еще болѣе милой поэзіи, чѣмъ въ почеркѣ.

Вотъ что было написано въ этомъ письмѣ:

«Милостивый государь

«Александръ Андрѣичъ,

«Соприскорбіемъ поражаемымъ мое серцѣ я! должна сказать вамъ последнее прости. Союзъ сѣрдецъ нашихъ! увы нѣможетъ состаятца все противности возникъ противъ етова Рокъ я! оставляю светъ который мне! противенъ и иду! въ манастырь. Не ищите меня! вы не найдетѣ мѣня! Никто нѣзнаетъ куда я! скрылась. Отъныне я! посвещаю жисть сваю молитве о вашѣмъ щцастіи.

«Вѣра Б.»

Ирина Матвѣевна угадала своимъ женскимъ инстинктомъ, что Вѣра, эта дѣвушка, которую могъ полюбить Александръ, въ которой онъ думалъ видѣть столько души и чувства, не могла написать такого замысловатаго письма. Александръ стоялъ передъ нею, сложивъ на груди руки.

— Какъ вамъ нравится развязка моего романа? спросилъ онъ съ мрачною насмѣшливостью.

— О, тутъ скрывается какой-нибудь обманъ, черный, предательскій поступокъ.

— И пусть его послѣдствія падутъ на ту, въ чьей душѣ родилась эта гнусная и смѣшная нелѣпость... Чего мнѣ стоило это письмо, извѣстно одному Богу. Только Онъ одинъ видѣлъ душу мою въ тяжелыя минуты, которыя пережилъ я послѣ потери этой послѣдней надежды... послѣдняго вѣрованія въ земное счастіе. Я смѣялся послѣ надъ своимъ ребяческимъ легковѣріемъ... точно такъ же, какъ вы смѣетесь теперь внутренно... И этимъ оканчивается моя забавная исторія.

— Вы ошибаетесь, мой другъ. Вы жестоко ошибаетесь: вы обмануты. Я готова поклясться, что тутъ скрывается гнусный обманъ, предательская, вѣроломная выдумка...

— Что вы хотите сказать?

— Это письмо писала не Вѣра...

— Не Вѣра... кто же?..

— Я не знаю кто; но готова поклясться, это письмо подложное...

— Подложное?

— Вы не знаете ея почерка?

— Нѣтъ... Но кто же осмѣлится?.. Если *онъ*... о, Ирина Матвѣевна, что вы говорите! эта шутка, этотъ обманъ, знаете ли, чѣмъ можетъ кончиться?!.. Знаете ли, какія послѣдствія имѣло это письмо? Оно возмутило на днѣ души моей всю желчь моего характера, всѣ мои дикіе, враждебные инстинкты, все ожесточеніе противъ жизни, свѣта, людей; и знаете ли, кто былъ жертвою этого сатанинскаго порыва безсильной, безсмысленной ярости?.. существо невинное и прекрасное... Бѣдная, несчастная Маша... Вы не знаете этого... Маша скоро будетъ матерью...

— Маша?!!... воскликнула съ изумленіемъ и ужасомъ Ирина Матвѣевна.

— Да.

— О, это ужасно!.. это жестоко!!...

Страшное волненіе овладѣло моимъ героемъ, между-тѣмъ, какъ собесѣдница его была подавлена различными впечатлѣніями, которыми поражалъ ее длинный разсказъ Александра и особенно послѣднее извѣстіе.

Скорой и тяжелой поступью Александръ прошелся нѣсколько разъ по кабинету и снова остановился передъ своею теткою, которая безмолвно слѣдила всѣ его движенія. Выраженіе лица его внезапно получило свирѣпый и дикій характеръ.

— Если *онъ* сдѣлалъ это, сказалъ Александръ голосомъ громкимъ, но дрожавшимъ отъ неодолимаго волненія:—о, если это сдѣлалъ *онъ*, то клянусь вамъ *ею* и вами, клянусь всѣмъ святымъ для меня, онъ мнѣ дорого заплатитъ... я *убью* его!!..

— Александръ! что вы это! сохрани Боже... такихъ безумныхъ клятвъ не принимаетъ небо... успокойтесь, прошу васъ, милый, *добрый другъ мой*; вы забываете, что все это одна моя догадка.

Она взяла его за руку и принудила сѣсть возлѣ себя.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это только *догадка* (Александръ принужденно улыбнулся), письмо писала Вѣра...

— Вѣра! Вѣра!.. повторяла Ирина Матвѣевна въ раздумьи:—и эта дѣвушка не умѣла оцѣнить васъ... Скажите мнѣ, вы много... очень любили ее?

— Ее?! все существо ея дышало такою страстью, такою нѣгою... въ ней все пылало огнемъ тѣхъ бурныхъ упоеній, которыя такъ любимъ мы, мужчины, за которыя я готовъ отдать... о, я не знаю чего не дамъ я за этотъ рай... и какъ беззавѣтно предалась *она* мнѣ... Какъ было мнѣ не полюбить той, въ комъ я видѣлъ надежду спасенія отъ этой нестерпимой, тревожной жизни... «Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ... Не-уже-ли это было притворство? не-уже-ли такъ скоро этотъ огонь угасъ? Какія препятствія могли возстать между нами?!»

— Но скажите мнѣ, отъ-чего *сегодня*, именно сегодня хотѣли вы разсказать мнѣ вашу повѣсть?

— Отъ-чего сегодня?

«Когда я былъ въ Р—мъ Уѣздѣ, я не нашелъ тамъ милаго дядюшки, для котораго я забрался въ эту сторону. Онъ былъ, какъ вы знаете, съ семействомъ въ губернскомъ городѣ.

«Воротясь сюда, я получаю отъ него письмо... Милый дядюшка посылаетъ мнѣ невыразимыя сожалѣнія о томъ, что онъ лишился удовольствія обнять меня, и зоветъ къ себѣ... при чемъ разсказываетъ какіе-то вздоры о моемъ тамошнемъ имѣніи, которое, будто бы, требуетъ моего присутствія. Вы легко можете представить себѣ, что эта нежданная и непостижимая благосклонность не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія; но, прощаясь съ Вѣрою, я сказалъ ей: «что̀ бы ни случилось, перваго сентября я буду здѣсь». Смѣйтесь этой рыцарской выходкѣ! но я хочу воспользоваться приглашеніемъ дядюшки и перваго числа быть тамъ. Сегодня я ѣду...»

— Сегодня?

— Да.

— А я-то?! я останусь одна, совершенно одна! вы не подумали объ этомъ. Ты не подумалъ, Александръ!..

Въ болѣзненно-тревожномъ волненіи, Ирина Матвѣевна обхватила обѣими руками станъ Александра, какъ-будто опасаясь, чтобъ онъ теперь же, сейчасъ, не скрылся отъ нея, и привлекательное лицо ея, блѣдное и омоченное слезами, почти касалось лица Александра...

Въ дверяхъ, на террассѣ, стоялъ Алексѣй Михайловичъ, все видѣвшій и слышавшій.

ДВѢ ДІАНЫ.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

—

I.

Продолженіе несчастій Мартэна-Герра.

Дорòги во Франціи были такъ же не безопасны для Габріэля Монгомери, какъ и для его конюшаго, и только проницательною дѣятельностью своего ума виконтъ могъ избѣжать препятствій, которыя встрѣчались ему во время поѣздки. Но, при всей поспѣшности, онъ пріѣхалъ въ Парижъ только на четвертый день послѣ отъѣзда изъ Калè.

Впрочемъ, дорожныя опасности занимали душу Габріэля, можетъ-быть, менѣе, нежели безпокойство, съ какимъ онъ приближался къ своей цѣли. Хотя Габріэль былъ отъ природы не очень склоненъ къ мечтательности, но, во время одинокой поѣздки, онъ почти безпрестанно возвращался къ мысли о своемъ отцѣ и Діанѣ, о средствахъ освободить эти существа, милыя и священныя его сердцу, объ обѣщаніи короля, и о томъ, какія мѣры надо будетъ принять, если Генрихъ II не сдержитъ своего слова. Впрочемъ, Генрихъ II не напрасно назывался первымъ рыцаремъ христіанства. Правда, исполненіе клятвы дорого стòило королю, но онъ только ждалъ, чтобъ Габріэль самъ пришелъ просить прощèнія своему старому отцу, мятежному графу, и король простилъ бы его. Но если онъ проститъ?..

При этой страшной мысли, которая, подобно кинжалу, поражала сердце Габріэля, онъ давалъ шпоры коню и хватался за шпагу. Въ эти минуты, обыкновенно, нѣжная и грустная мысль о Діанѣ де-Кастрò смиряла его взволнованную душу.

Въ такой-то неувѣренности и безнадежной тоскѣ, Габріэль прибылъ утромъ, на четвертый день, къ парижскимъ воротамъ. Онъ ѣхалъ всю ночь, и блѣдный разсвѣтъ едва освѣщалъ городъ, когда путешественникъ проѣзжалъ по улицамъ, прилегавшимъ къ Лувру.

Габріэль остановился передъ затворенньмъ дворцомъ, въ которомъ всѣ еще спали, и не зналъ, войдти ли туда или подождать. Но неподвижность не согласовалась съ его нетерпѣніемъ, и Габріэль рѣшился тотчасъ отправиться къ себѣ домой, въ Улицу-Жарденъ-Сен-Поль, гдѣ онъ могъ, по-крайней-мѣрѣ, узнать о томъ, чего такъ сильно желало его сердце и чего оно боялось.

Дорога, выбранная Габріэлемъ, вела его къ башнямъ мрачнаго Шатлé. Онъ остановился передъ ужасными воротами. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Все прошлое, вся будущность Габріэля скрывались за этими сырыми стѣнами; но не долго предавался онъ своимъ ощущеніямъ, и не тратилъ времени, которое могъ съ пользою употребить на другія дѣйствія. «Впередъ!» сказалъ себѣ Габріэль, стряхнувъ мрачныя мысли, и пустился далѣе.

Когда онъ подъѣхалъ къ своему дому, котораго такъ давно не видалъ, тамъ, сквозь окна низенькой залы, падалъ слабый свѣтъ на улицу. Алоиза уже встала.

Габріэль постучался въ дверь и назвалъ себя по имени. Спустя двѣ минуты, онъ былъ въ объятіяхъ доброй женщины, замѣнившей Габріэлю его покойную мать.

— А, наконецъ-то я вижу васъ, виконтъ, наконецъ-то вы пріѣхали, дитя мое!

Больше она не могла произнести ни слова.

Габріэль, нѣжно поцаловавъ свою кормилицу, отошелъ отъ нея на одинъ шагъ и пристально посмотрѣлъ на нее.

Нѣмой вопросъ, яснѣе всякихъ словъ, говорилъ въ этомъ глубокомъ взорѣ.

Алоиза поняла виконта и, опустивъ голову, молчала.

— Не случилось ли чего новаго при дворѣ? спросилъ виконтъ, какъ-будто не понимая этого продолжительнаго молчанія.

— Ничего, сударь, отвѣчала кормилица.

— Я такъ и думалъ. Еслибъ случилось какое-нибудь счастіе или несчастіе, ты вскричала бы о немъ при первомъ поцалуѣ. Не знаешь ничего новаго?

— Ничего, къ-сожалѣнію.

— Да, я понимаю, грустно сказалъ молодой человѣкъ. — Я былъ въ плѣну; думали, можетъ-быть, что меня уже нѣтъ въ живыхъ. Кто платитъ долги плѣннику, а еще больше умершему! Но я живъ и свободенъ, и должны будутъ, волею или неволею, со мною расплатиться.

— О, будьте осторожны, виконтъ! вскричала Алоиза.

— Не бойся, няня. Адмиралъ въ Парижѣ?

— Онъ приходилъ сюда, сударь, и десять разъ присылалъ справляться о вашемъ пріѣздѣ.

— Хорошо. А г-нъ Гизъ?

— Онъ также пріѣхалъ. Народъ надѣется, что г-нъ Гизъ поможетъ бѣдствіямъ Франціи и страданіямъ гражданъ.

— Дай Богъ, замѣтилъ Габріэль:—чтобъ онъ не нашелъ страданій, которымъ нельзя помочь!

— Что̀ касается г-жи Діаны де-Кастро̀, продолжала Алоиза:— г-нъ коннетабль узналъ, что она не пропала, какъ думали, но взята въ плѣнъ, въ Кале́, и надѣются скоро ее освободить.

— Я зналъ это и раздѣляю надежду, сказалъ Габріэль съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ. — Но, продолжалъ онъ: — ты не сказала мнѣ, что́ такъ долго задержало меня въ плѣну, и отъчего опоздалъ Мартэнъ-Герръ? Что̀ случилось съ Мартэномъ?

— Онъ все еще здѣсь, негодяй.

— Здѣсь? Съ какого времени? Что̀ онъ дѣлаетъ?

— Лежитъ и спитъ, отвѣчала Алоиза съ нѣкоторою досадой — сказывается больнымъ, потому, видите, что его будто бы повѣсили.

— Повѣсили! вскричалъ Габріэль:—вѣроятно, чтобъ украсть у него деньги, назначенныя для моего выкупа?

— Да, попробуйте поговорить съ этимъ идіотомъ о деньгахъ, и увидите, что́ станетъ онъ отвѣчать. Онъ даже не пойметъ, о чемъ вы ему говорите. Представьте себѣ, сударь: онъ пріѣхалъ сюда, чуть не прилетѣлъ, съ вашимъ письмомъ; взялъ у меня десять тысячъ и поѣхалъ назадъ, не теряя ни минуты. Прошло нѣсколько дней... Вообразите мое удивленіе: Мартэнъ-Герръ воротился и увѣряетъ, что не получилъ отъ меня ни мѣднаго денье́. Говоритъ, что онъ попалъ въ плѣнъ еще до взятія Сен-Кентена, и уже три мѣсяца, какъ не знаетъ, что̀ съ вами дѣлается; что вы нѐ давали ему никакого порученія, что онъ былъ избитъ, повѣшенъ, однакожь, успѣлъ спастись, и возвращается въ Парижъ въ первый разъ послѣ войны. Вотъ какія басни разсказываетъ намъ Мартэнъ-*Герръ* съ утра до вечера, какъ только заговорятъ ему о вашемъ выкупѣ.

— Объясни мнѣ это, няня, сказалъ Габріэль. — Я готовъ дать клятву, что Мартэнъ-Герръ не истратилъ моихъ денегъ; онъ человѣкъ не безчестный и всегда былъ мнѣ душевно преданъ.

— Нѣтъ, сударь, онъ человѣкъ не безчестный, но помѣшанный; это сумасшедшій, который ничего не понимаетъ, ничего не помнитъ, безумецъ, какому, повѣрьте моимъ словамъ, надо связать руки. Хоть онъ еще не злодѣй, но, по-крайней-мѣрѣ, онъ человѣкъ опасный. Притомъ, не я одна видѣла его; всѣ ваши люди подтвердятъ мои слова. Онъ дѣйствительно получилъ десять тысячъ экю. Не мало труда стоило старику Эліо̀ достать эту сумму.

— Однакожь, надо снова и поскорѣе собрать такую же сумму, даже еще болѣе прежней. Но пока не объ этомъ еще дѣло. Теперь разсвѣло, и я спѣшу въ Лувръ—говорить съ королемъ.

— Какъ, сударь, даже не отдохнувъ ни минуты? сказала Алоиза.—Вспомните, что только еще семь часовъ, а ворота отворяютъ въ девять.

— Правда, отвѣчалъ Габріэль:—надо подождать еще два часа. Господи, пошли мнѣ терпѣніе ждать еще два часа, потому-что я ждалъ два мѣсяца. По-крайней-мѣрѣ, я могу увидѣть г-на Колиньй и г-на Гиза.

— Едва ли; они, вѣроятно, теперь въ Луврѣ, сказала Алоиза.— Притомъ, король не принимаетъ раньше двѣнадцати часовъ, и вы не увидите его до этого времени. Значитъ, вы можете употребить три часа на разговоръ съ г. адмираломъ и г. генерал-намѣстникомъ королевства. Вы знаете, что это новый титулъ, пожалованный королемъ, при нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, г-ну Гизу. Между-тѣмъ, сударь, вы не откажетесь подкрѣпить себя завтракомъ, и принять своихъ вѣрныхъ и старыхъ слугъ, ожидавшихъ васъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Въ ту же минуту, Мартэнъ-Герръ, вѣроятно, извѣщенный о пріѣздѣ своего господина, вбѣжалъ въ комнату, блѣдный, не столько отъ послѣдствій болѣзни, сколько отъ радости.

— Какъ, не-уже-ли это вы, сударь? вскричалъ онъ.— О, какое счастіе!

Но Габріэль отвѣчалъ холодностью на восхищеніе бѣднаго конюшаго.

— Если я счастливо доѣхалъ сюда, Мартэнъ, сказалъ ему Габріэль:— согласись, что этимъ я не тебѣ обязанъ; ты, напротивъ, старался задержать меня въ плѣну.

— Какъ, господинъ виконтъ, и вы противъ меня? произнесъ Мартэнъ-Герръ.— Вмѣсто того, чтобъ съ перваго слова оправдать меня, вы обвиняете меня въ похищеніи вашихъ десяти тысячь экю? Не скажете ли еще, что вы поручили мнѣ взять ихъ и привезти вамъ?

— Конечно, отвѣчалъ изумленный Габріэль.

— Значитъ, сказалъ глухимъ голосомъ бѣдный конюшій: — вы соглашаетесь, что я, Мартэнъ-Герръ, виноватъ? вы говорите, что я подло присвоилъ себѣ деньги, назначенныя для свободы моего господина?

— Нѣтъ, Мартэнъ, нѣтъ, живо прервалъ Габріэль, тронутый голосомъ своего вѣрнаго слуги:—я никогда не сомнѣвался въ твоей честности, и даже сію минуту говорилъ объ этомъ съ Алоизой. Но у тебя могли отнять деньги, ты могъ потерять ихъ, когда возвращался ко мнѣ.

— Когда я возвращался къ вамъ, повторилъ Мартэнъ.—Но куда же, сударь? Послѣ того, какъ мы вышли изъ Сен-Кентена — убей меня Богъ — я рѣшительно не зналъ, куда вы пропали. Гдѣ же я могъ васъ отъискать?

— Въ Кале́, Мартэнъ. Сколько бы ты ни былъ глупъ и вѣтренъ, однакожь, тебѣ нельзя позабыть Кале́.

— Совершенная правда! Можно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, позабыть то, чего не знаешь? отвѣчалъ спокойно Мартэнъ-Герръ.

— Негодяй, развѣ можно такъ отпираться? вскричалъ Габріэль.

Онъ сказалъ на ухо нѣсколько словъ кормилицѣ, которая тотчасъ вышла изъ комнаты, и потомъ приблизился къ Мартэну-Герру.

— А что подѣлываетъ твоя Бабета, неблагодарный? сказалъ ему Габріэль.

— Бабета! Какая Бабета? спросилъ изумленный конюшій.

— Та самая, которую ты обольстилъ, негодяй.

— А, понимаю; вы хотѣли сказать: Гудула! вы ошиблись въ имени, сударь: не Бабета, но Гудула. Да, бѣдная дѣвушка! но, сказать откровенно, я и не думалъ соблазнять ея; клянусь вамъ, она сама виновата.

— Еще другая! прервалъ Габріэль. — Я не знаю твоей новой жертвы, но увѣренъ, что она не столько заслуживаетъ сожалѣнія, какъ Бабета Пекуа́.

Мартэнъ-Герръ не смѣлъ выражать своего неудовольствія, но, безъ сомнѣнія, онъ вступился бы за себя, еслибъ стоялъ на одной ступени съ виконтомъ.

— Послушайте, сударь: они всѣ говорятъ здѣсь, что я помѣшался, и, безпрестанно повторяя этотъ вздоръ, собьютъ наконецъ съ толку мой разсудокъ. Однакожь, чортъ возьми, у меня еще есть разсудокъ и память, и хоть я испыталъ не мало несчастій... за двоихъ, однакожь, по необходимости, я готовъ разсказать вамъ все, что случилось со мною, въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались. По-крайней-мѣрѣ, прибавилъ онъ: — я разскажу то, что̀ могу припомнить о себѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, любопытно знать, ка́къ станешь ты оправдывать свое странное поведеніе, сказалъ Габріэль.

— Итакъ, сударь, вышедъ изъ Сен-Кентена на помощь господину де-Вольпергу, мы отправились каждый въ свою сторону. Предсказаніе ваше сбылось совершенно: я попалъ въ руки непріятелей. Слѣдуя вашему совѣту, я хотѣлъ отдѣлаться отъ нихъ храбростью, однакожь, странная вещь! непріятели узнали меня, да въ тотъ же день и взяли меня въ плѣнъ.

— Перестань, перервалъ его Габріэль: — ты уже начинаешь сбиваться.

— Умоляю васъ, господинъ виконтъ, продолжалъ Мартэнъ: — позвольте мнѣ разсказать, что̀ я знаю, и ка́къ знаю. Повѣрьте, я и самъ едва могу опомниться. Извольте послѣ разбирать мои слова. Какъ только непріятели меня узнали, признаюсь, я рѣшился уступить необходимости, потому-что зналъ, и вы также знаете, сударь, что я существо двойное, и что мой двойникъ, часто не предупредивъ меня, дѣлаетъ непозволительныя проказы. Итакъ, мы покорились своей судьбѣ, потому-что все, что̀ я буду теперь разсказывать, относится лично ко мнѣ, то-есть, къ намъ, говоря во

множественномъ числѣ. Гудула, хорошенькая Фламандка, которую мы похитили, узнала насъ, за что, замѣчу въ скобкахъ, намъ подсыпали порядочную порцію побоевъ. Перечислять всѣ наши послѣдующія несчастія, разсказывать, черезъ руки скольких господъ, говорившихъ на непонятныхъ нарѣчіяхъ, постепенно переходилъ вашъ несчастный конюшій, было бы слишкомъ-долго, господинъ виконтъ.

— Да; нельзя ли сократить списокъ твоихъ страданій, сказалъ Габріэль.

— Мой второй нумеръ одинъ разъ уже успѣлъ скрыться, и меня порядочно за него поколотили. Мой первый нумеръ, то-есть, я самъ, повѣствующій вамъ свои страданія, убѣжалъ снова, но имѣлъ глупость опять попасть въ ловушку, и меня уложили на мѣстѣ, разбитаго до полусмерти. Но куда ни шло! Я убѣжалъ въ третій разъ! Вотъ, въ этотъ-то третій разъ, два предателя—вино и прохожій, схватили меня не на шутку. Я хотѣлъ поднять тревогу, кинулся на тирановъ съ яростію человѣка отчаяннаго и пьянаго. На этотъ разъ, наругавшись надо мною вдоволь и промучивъ меня цѣлую ночь, палачи повѣсили меня поутру.

— Какъ? Они повѣсили тебя? вскричалъ Габріэль, думая, что мономанія снова овладѣла его конюшимъ. — Они повѣсили тебя, Мартэнъ? Что̀ понимаешь ты подъ этимъ?

— Я понимаю подъ этимъ, господинъ виконтъ, что заставили меня болтаться между небомъ и землею, на концѣ пеньковой веревки, прикрѣпленной къ деревянной перекладинѣ, которая иначе называется висѣлицей. Поднять на эту перекладину, значитъ попросту повѣсить. По-крайней-мѣрѣ, такъ называютъ это дѣйствіе на всѣхъ нарѣчіяхъ, терзавшихъ мои уши. Понятно ли, сударь?

— Не очень, Мартэнъ; потому-что повѣшенный...

— Я, благодаря Бога, здоровъ. Но вы еще не дослушали до конца мою исторію. Увидѣвъ себя на висѣлицѣ, я, отъ досады и бѣшенства, совершенно лишился чувствъ, и когда опомнился, то лежалъ на свѣжей травѣ. Веревка на моей шеѣ была перерѣзана. Вѣроятно, какой-нибудь путешественникъ, тронутый моимъ положеніемъ, захотѣлъ избавить висѣлицу отъ лишней тяжести. Впрочемъ, ненависть моя къ человѣчеству заставляетъ меня сомнѣваться въ такой благородной цѣли прохожаго. Еще вѣроятнѣе, какой-нибудь воръ обрѣзалъ веревку, чтобъ удобнѣе обшарить мои карманы. Справедливость моего мнѣнія, не оставляющая, впрочемъ, чернаго клейма на человѣчествѣ, подтверждается, смѣю думать, еще тѣмъ, что у меня украдены обручальное кольцо и нѣкоторыя бумаги. Но, дѣло въ томъ, что мнѣ во̀-время развязали ошейникъ. Не смотря на порядочный ушибъ, я могъ въ четвертый разъ убѣжать черезъ лѣсъ и поля. Днемъ я скрывался; ночью шелъ съ осторожностію, питался кореньями и травою; кушанье чрезвычайно-пріятное: даже скотъ насилу привыкаетъ къ нему! Наконецъ, спустя двѣ недѣли, я снова въ Парижѣ, и двѣнадцать дней живу въ этомъ домѣ, гдѣ

меня приняли вовсе не съ тѣмъ радушіемъ, какого я ожидалъ послѣ стольких испытаній. Вотъ моя исторія, господинъ-виконтъ.

— Рядомъ съ нею, сказалъ Габріэль: — я могу разсказать тебѣ другую, совершенно различную отъ первой исторію, которая совершилась передъ моими глазами.

— Исторію моего втораго нумера? тихо спросилъ Мартэнъ. — Мнѣ весьма бы хотѣлось узнать два-три слова о моемъ второмъ нумерѣ, господинъ виконтъ.

— Ты еще смѣешься, негодяй? сказалъ Габріэль.

— Господинъ-виконтъ знаетъ мое глубокое уваженіе. Странное дѣло: этотъ второй экземпляръ мнѣ надѣлалъ пропасть вреда, ставилъ меня въ ужасное положеніе, и — смотрите же — послѣ всего этого, я принимаю въ немъ участіе, и, даю честное слово, пожалуй, со-временемъ, даже полюблю мерзавца.

— Дѣйствительно, мерзавца!.. сказалъ Габріэль.

Виконтъ хотѣлъ начать разсказъ о похожденіяхъ Арно дю-Тилля, но разсказъ этотъ былъ прерванъ приходомъ кормилицы, которая ввела за собою въ комнату человѣка, одѣтаго въ крестьянское платье.

— Еще что за новость? сказала Алоиза. — Этотъ человѣкъ говоритъ, будто его прислали увѣдомить насъ о вашей смерти, Мартэнъ-Герръ. Это что значитъ?

II.

Глава, въ которой добродѣтель Мартэна-Герра начинаетъ возстановляться.

— О моей смерти! вскричалъ Мартэнъ-Герръ, поблѣднѣвъ отъ ужасныхъ словъ Алоизы.

— Господи Іисусе! вскричалъ, въ свою очередь, крестьянинъ, всматриваясь въ конюшаго.

— Двойникъ мой умеръ?.. О, благость Божія, произнесъ Мартэнъ. — Кажется, теперь мое странствованіе будетъ безопаснѣе. Правда, основательно обдумавъ, я не совсѣмъ доволенъ этимъ; впрочемъ, дѣло пойдетъ все-таки лучше. Говори, другъ мой, прибавилъ Мартэнъ, обращаясь къ крестьянину.

— Скажите, сударь, продолжалъ тотъ, осмотрѣвъ Мартэна: — какъ могло случиться, что вы пріѣхали сюда прежде меня? Даю честное слово, сударь, я торопился, какъ только позволяли мнѣ ноги, чтобъ исполнить ваше порученіе и получить десять экю; вы могли перегнать меня только на лошади, и, въ такомъ случаѣ, я непремѣнно увидѣлъ бы васъ на дорогѣ...

— Послушай, молодецъ, сказалъ Мартэнъ-Герръ: — я никогда не видалъ тебя, а ты говоришь мнѣ, какъ старому знакомому.

— Еще бы мнѣ-то не знать васъ! сказалъ изумленный крестьянинъ:—развѣ не вы приказывали мнѣ прійдти сюда и сказать, что Мартэнъ-Герръ умеръ на висѣлицѣ?

— Какъ? Но вѣдь Мартэнъ-Герръ — я самъ, сказалъ Мартэнъ-Герръ.

— Вы? вотъ ужь это дѣло невозможное! Не-уже-ли вы могли сказать о самомъ-себѣ, что васъ повѣсили? сказалъ крестьянинъ.

— Но гдѣ и когда я говорилъ тебѣ подобныя нелѣпости? спросилъ Мартэнъ.

— Прикажете сейчасъ разсказать все, какъ было? сказалъ крестьянинъ.

— Да, все.

— Не смотря на ваше запрещеніе говорить объ этомъ?

— Да, не смотря на запрещеніе.

— Если, въ-самомъ-дѣлѣ, у васъ такая короткая память, я, пожалуй, все разскажу; тѣмъ хуже для васъ, что принуждаете... Шесть дней тому назадъ, рано утромъ, я сбирался полоть поле...

— А скажи сперва, гдѣ лежитъ твое поле? спросилъ Мартэнъ.

— Какъ прикажете, сударь, отвѣчать: правду или нѣтъ? спросилъ крестьянинъ.

— Разумѣется, правду, негодяй!

— Если такъ, извольте: мое поле находится по ту сторону Монтаржи, вонъ тамъ! Я работалъ; вы проходили по дорогѣ; на спинѣ у васъ была сумка.

«— Здорово, пріятель; чтò подѣлываешь? спросили вы.

«— Сбираюсь полоть, сударь, отвѣчалъ я.

«— А много ли достаешь ты этою работой?

«— По четыре су въ день.

«— Хочешь ли заработать двадцать экю въ двѣ недѣли?

«— Э-ге!

«— Говори же, да или нѣтъ?

«— Разумѣется, да.

«— Итакъ, отправляйся немедленно въ Парижъ. Если пойдешь скоро, будешь тамъ черезъ пять или шесть дней, не позже. Въ Парижѣ, ты спросишь, гдѣ находится Улица-Жарденъ-Сен-Поль и отель виконта д'Эксмè. Вотъ въ эту самую отель я и посылаю тебя. Виконта, любезный, ты не застанешь, а найдешь его кормилицу, Алоизу, предобрую женщину, и скажешь ей слѣдующее. Слушай же внимательно! Ты долженъ ей сказать: «Я пришелъ изъ Нойона...» Понимаешь, не изъ Монтаржи, а изъ Нойона. Я пришелъ изъ Нойона, гдѣ, назадъ тому пятнадцать дней, повѣсили одного вашего знакомаго. Имя этого знакомаго—Мартэнъ-Герръ». Запомни хорошенько имя: Мартэнъ-Герръ. «Сперва у Мартэна-Герра обобрали всѣ деньги, а потомъ его повѣсили, чтобъ онъ не могъ пожаловаться. Но Мартэнъ-Герръ, прежде чѣмъ его повели на висѣлицу, поручилъ мнѣ предупредить васъ объ этомъ несчастіи, для того, говорилъ онъ, чтобъ вы могли снова собрать день-

ги для выкупа его господина. Въ награду за мои труды, вы дадите мнѣ десять экю. Я видѣлъ, какъ вѣшали Мартэна-Герра, и пришелъ сказать вамъ». Вотъ, что ты скажешь Алоизѣ. Понялъ? спросили вы меня.

«— Какъ не понять, сударь, отвѣчалъ я: — да только прежде вы обѣщали двадцать экю, а теперь только десять.

«— Дурень, сказали вы: вотъ тебѣ въ задатокъ десять.

«— Давно бы такъ! замѣтилъ я.—Но если добрая ваша кормилица Алоиза спроситъ, на кого похожъ этотъ Мартэнъ-Герръ, а я никогда не видалъ его?

«— Смотри на меня хорошенько.

«— Смотрю.

«— Вотъ, любезный, и опиши лицо Мартэна-Герра, какъ будтобы дѣло шло обо мнѣ.»

— Странно! прошепталъ Габріэль, слушавшій разскащика съ глубокимъ вниманіемъ.

— Вотъ, сударь, продолжалъ крестьянинъ:—я и пришелъ сюда повторить урокъ, который два раза вы заставляли меня выучить наизусть, и представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что вы пріѣхали сюда прежде меня! Правду сказать, я таки-зѣвалъ по дорогѣ и оставилъ въ кабакахъ ваши десять экю, въ надеждѣ скоро получить другія десять. Однакожь, я не пропустилъ назначеннаго срока; вы дали мнѣ только шесть дней, и ныньче ровно шестой день, какъ я вышелъ изъ Монтаржи́.

— Шесть дней! сказалъ Мартэнъ-Герръ, погруженный въ раздумье.—Да́; я былъ въ Монтаржи́ назадъ тому шесть дней; я шелъ оттуда къ себѣ на родину! Въ разсказѣ твоемъ, пріятель, много правдоподобнаго, продолжалъ онъ:—и я тебѣ вѣрю.

— Нѣтъ! живо прервала Алоиза:—напротивъ, человѣкъ этотъ— явный обманщикъ: онъ говоритъ, что видѣлъ васъ въ Монтаржи́, назадъ тому шесть дней, а вотъ уже двѣнадцать дней, какъ вы не выходите изъ этого дома.

— Правда, сказалъ Мартэнъ.—Однакожь, мой второй нумеръ.

— И притомъ, продолжала кормилица:—по вашему же разсказу, васъ повѣсили въ Нойонѣ назадъ тому цѣлый мѣсяцъ, а не двѣ недѣли.

— Справедливо, сказалъ конюшій.—Однакожь, мой двойникъ...

— Пустяки! вскричала Алоиза.

— Нѣтъ, не пустяки, прервалъ Габріэль:—этотъ человѣкъ, кажется, наводитъ насъ на истину.

— О, вы не ошибаетесь, сударь, сказалъ крестьянинъ.—А получу ли я свои десять экю?

— Непремѣнно, отвѣчалъ Габріэль: — но прежде оставь намъ свой адресъ. Можетъ-быть, со-временемъ намъ будетъ нужно твое свидѣтельство. Я начинаю сквозь темныя подозрѣнія замѣчать много преступленій.

— Впрочемъ, сударь... возразилъ Мартэнъ.

— Довольно объ этомъ, прервалъ его Габріэль. — Постарайся, добрая Алоиза, исполнить требованіе этого молодца. Но ты знаешь, прибавилъ онъ, понижая голосъ:—что я прежде, нежели накажу измѣну конюшаго, можетъ-быть, отомщу за измѣну господину.

— Увы! проговорила Алоиза.

— Скоро восемь часовъ, сказалъ Габріэль. — Я повидаюсь съ своими людьми, когда ворочусь домой, потому-что мнѣ надо быть въ Луврѣ какъ-только отворятъ ворота. Если нельзя видѣть короля раньше полудня, по-крайней-мѣрѣ я могу поговорить съ адмираломъ и г-номъ Гизомъ.

— И возвратитесь домой тотчасъ послѣ свиданія съ королемъ? спросила Алоиза.

— Не теряя ни минуты. Успокойся, моя добрая няня. Какой-то неизвѣстный голосъ говоритъ мнѣ, что я выйду побѣдителемъ изъ этихъ страшныхъ сѣтей, сотканныхъ вокругъ меня интригою и злобою.

— Да, г. виконтъ, желаніе ваше сбудется, если Господь услышитъ мою теплую молитву, сказала Алоиза.

— Я ухожу, продолжалъ Габріэль. — Останься, Мартэнъ; мы оправдаемъ, освободимъ тебя, другъ мой. Но, видишь ли, я долженъ сперва оправдать и освободить другихъ. До свиданія, Мартэнъ! Скоро увидимся, няня!

Женщина и Мартэнъ поцаловали руку молодаго человѣка. Потомъ онъ вышелъ, завернувшись въ широкій плащъ, и гордо пошелъ къ Лувру.

— Боже мой, подумала кормилица:—точно такою поступью пошелъ, однажды, отецъ его, и съ-тѣхъ-поръ не возвращался.

Въ ту минуту, какъ Габріэль, перешедъ мостъ, пошелъ по Гревской-Площади, онъ замѣтилъ вдали человѣка, закутаннаго въ плащъ и старавшагося закрыть свое лицо широкими полями шляпы.

Станъ этого человѣка, неясно-очерченный складками плаща, показался довольно-знакомъ Габріэлю, который, однакожь, продолжалъ идти своею дорогой. Незнакомецъ, увидѣвъ виконта д'Эксмё, сомнительно сдѣлалъ шагъ впередъ, и потомъ остановился.

— Габріэль! другъ мой! сказалъ онъ осторожно, и открылъ свое лицо до половины.

Габріэль не ошибся.

— Г. Колиньи! произнесъ онъ вполголоса.—Вы здѣсь, въ такую пору!..

— Тише! сказалъ адмиралъ.—Признаюсь, я не хочу, чтобъ меня теперь узнали и подсматривали за мною. Но, другъ мой, увидя васъ послѣ долгой разлуки, которая столько безпокоила насъ на-счетъ вашей участи, я не могъ не пожать вамъ руки. Давно ли вы въ Парижѣ?

— Съ нынѣшняго утра, отвѣчалъ Габріэль: — я теперь шелъ въ Лувръ повидаться съ вами.

— Итакъ, если вы не очень торопитесь, продолжалъ адмиралъ: — пройдемте со мною нѣсколько шаговъ, а между-тѣмъ вы разскажете мнѣ, что̀ вы дѣлали во время долгаго отсутствія?

— Разскажу все, что могу разсказать вамъ, какъ вѣрнѣйшему изъ моихъ друзей, отвѣчалъ Габріэль. — Но сперва позвольте, господинъ адмиралъ, предложить вамъ вопросъ, который всего болѣе занимаетъ меня.

— Угадываю этотъ вопросъ, сказалъ адмиралъ. — Но, я думаю, любезный другъ, вы предвидите также мой отвѣтъ. Вы хотите спросить, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, не правда ли? Хотите узнать, разсказалъ ли я королю о вашемъ содѣйствіи при осадѣ Сен-Кентена, не такъ ли?

— Нѣтъ, г-нъ адмиралъ, замѣтилъ виконтъ д'Эксмѐ: — нѣтъ, не объ этомъ я хотѣлъ спросить васъ; я знаю васъ, я научился вѣрить вашему слову, и вполнѣ убѣжденъ, что первымъ дѣломъ вашимъ по возвращеніи въ Парижъ было исполнить свое обѣщаніе и великодушно донести королю, но только одному королю, что я не даромъ находился при осадѣ Сен-Кентена. Я думаю также, что вы преувеличили его величеству мои заслуги; да́, я напередъ зналъ это. Но вотъ обстоятельство, неизвѣстное мнѣ и которое хотѣлъ бы я узнать: что̀ отвѣчалъ Генрихъ II на ваши слова?

— Увы, Габріэль! сказалъ адмиралъ: — Генрихъ II отвѣчалъ мнѣ вопросомъ, что̀ сдѣлалось съ вами, и я былъ поставленъ въ большое затрудненіе, не зная, какой дать отвѣтъ королю, потому-что въ письмѣ, которое вы оставили мнѣ, выѣхавъ изъ Калѐ, не было сказано ничего опредѣленнаго, и вы напоминали мнѣ только о моемъ обѣщаніи. Я отвѣчалъ королю, что вы не убиты; но, вѣроятно, взяты въ плѣнъ и, по свойственной вамъ деликатности, не хотѣли извѣстить меня о своемъ положеніи.

— А что жь король?.. спросилъ Габріэль.

— У короля явилась на губа́хъ самодовольная улыбка, и онъ сказалъ только одно слово: «хорошо!» Но какъ я настоятельно говорилъ о вашихъ заслугахъ, оказанныхъ королю и Франціи, то онъ прервалъ мой разсказъ словами, «довольно объ этомъ», произнесенными повелительнымъ голосомъ, и, перемѣнивъ разговоръ, заставилъ меня перейдти къ другимъ предметамъ.

— Да, я предвидѣлъ это! сказалъ иронически Габріэль.

— Не теряйте мужества, другъ мой! отвѣчалъ адмиралъ. — Вспомните, что, послѣ сраженія при Сен-Кентенѣ, я далъ вамъ совѣтъ — не разсчитывать на благодарность сильныхъ земли.

— О, я увѣренъ, что королю хотѣлось забыть меня, въ надеждѣ, что я или въ плѣну, или умеръ. Но когда, ставъ лицомъ-къ-лицу съ королемъ, напомню ему свои права — онъ долженъ будетъ вспомнить!

— Но если онъ не захочетъ утруждать свою память? спросилъ Колиньи.

— Господинъ адмиралъ, сказалъ Габріэль: — человѣкъ оскорбленный можетъ требовать правосудія, обращаться къ небесамъ и просить у нихъ посредничества.

— Итакъ, продолжалъ Колиньй:—теперь, можетъ-быть, настало самое удобное время вамъ напомнить нашъ разговоръ о религіи угнетенныхъ, разговоръ, въ которомъ я показалъ вамъ, какъ можно достигнуть вашей цѣли, не оскорбляя справедливости.

— О, я хорошо помню этотъ разговоръ! сказалъ Габріэль:—и, можетъ-быть, даже прибѣгну къ вашему средству.

— Если такъ, прервалъ адмиралъ: — назначьте, когда бы намъ встрѣтиться.

— Король принимаетъ не раньше двѣнадцати часовъ. Все мое время до полудня принадлежитъ вамъ.

— Пойдемте же со мною, сказалъ адмиралъ.—Вы дворянинъ, я испыталъ вашъ характеръ, и потому не требую отъ васъ клятвы. Дайте мнѣ только обѣщаніе хранить въ ненарушимой тайнѣ и тѣхъ, кого вы увидите, и то, что̀ вы услышите.

— Обѣщаю вамъ безусловное молчаніе.

— Итакъ, пойдемте, сказалъ адмиралъ: — если въ Луврѣ вы встрѣтите какую несправедливость, по-крайней-мѣрѣ у васъ будетъ приготовлена защита. Пойдемте.

Колиньй и Габріэль перешли Мостъ-Мѣнялъ и Сите́, и вступили въ извилистые переулки, примыкавшіе, въ то время, къ Улицѣ-Сен-Жакъ.

III.

Философъ и солдатъ.

Колиньй остановился при входѣ въ Улицу-Сен-Жакъ передъ низенькою дверью довольно-бѣднаго домика и постучался. Сначала открылась форточка, изъ нея выглянулъ сторожъ, и, узнавъ адмирала, тотчасъ отворилъ дверь.

Габріэль, слѣдуя за своимъ благороднымъ провожатымъ, прошелъ длинную темную аллею и поднялся въ третій этажъ по лѣстницѣ, источенной червями. Добравшись ощупью почти до самаго чердака, Колиньй три раза постучалъ ногою въ дверь. Она отворилась, и два спутника вошли въ очень-большую, но мрачную комнату. Она едва освѣщалась двумя узкими окнами, изъ которыхъ одно выходило на Улицу-Сен-Жакъ, а другое на задній дворъ. Вся мёбель этой комнаты состояла изъ четырехъ табуретовъ и дубоваго стола съ витыми ножками.

При появленіи адмирала, къ нему подошли два человѣка, которые, казалось, его ожидали. Третій остался у окна, выходившаго

на улицу, и только издали почтительно отдалъ поклонъ Колиньй.

— Теодоръ и вы, капитанъ, сказалъ адмиралъ встрѣтившимъ его:—представляю вамъ друга, если не бывшаго или настоящаго, то, по-крайней-мѣрѣ, будущаго.

Два незнакомца молча поклонились виконту д'Эксмé. Послѣ, тотъ изъ нихъ, который былъ моложе, по имени Теодоръ, началъ съ живостью говорить что-то шопотомъ адмиралу.

Габріэль нѣсколько отошелъ въ сторону, чтобъ дать имъ говорить свободнѣе, и началъ разсматривать людей, которымъ его представилъ Колиньй.

Капитанъ былъ мужчина высокаго роста, смуглый, съ выразительнымъ лицомъ и рѣшительными пріемами. Не надо было отличаться большою наблюдательностью, чтобъ прочесть смѣлость въ его рѣзкихъ чертахъ, пылкость въ глазахъ, и энергическую волю въ очеркѣ его сжатыхъ губъ.

Товарищъ этого гордаго мечтателя былъ красивый молодой человѣкъ, съ проницательнымъ взоромъ, совершенно придворный по манерамъ изящнымъ и свободнымъ. Костюмъ его, сшитый по законамъ послѣдней моды, составлялъ странную противоположность съ простою, даже суровою одеждой капитана.

Смѣлая физіономія третьяго незнакомца, скромно стоявшаго у окна, отдѣльно отъ группы, невольно обращала на себя вниманіе; наблюдатель, даже самый недальновидный, тотчасъ замѣтилъ бы на этомъ широкомъ челѣ и въ этомъ рѣшительномъ и глубокомъ взорѣ признаки человѣка мыслящаго, скажемъ болѣе, геніальнаго.

Колиньй, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ своимъ другомъ, подошелъ къ Габріэлю.

— Извините, сказалъ ему адмиралъ: — я не одинъ здѣсь хозяинъ и долженъ былъ попросить у братьевъ позволеніе открыть вамъ, въ какое общество я привелъ васъ.

— И теперь мнѣ можно узнать объ этомъ? спросилъ Габріэль.

— Теперь, любезный другъ, можете.

— Гдѣ же я?

— Въ бѣдной комнаткѣ, гдѣ происходили первыя тайныя собранія реформаторовъ, учениковъ Кальвина, и откуда этотъ учитель, сынъ бочара, долженъ былъ идти на костеръ. Но, вмѣсто того, торжествующій и сильный, Кальвинъ теперь находится въ Женевѣ; и одного воспоминанія о немъ довольно, чтобъ сырыя стѣны этой лачуги сіяли ярче, нежели стѣны Лувра, покрытыя золотыми арабесками.

Услышавъ имя Кальвина, Габріэль тотчасъ снялъ шляпу. Хотя пылкій молодой человѣкъ не занимался до этого времени религіозными и нравственными вопросами, однакожь онъ не принадлежалъ бы своему вѣку, еслибъ суровая и тревожная жизнь, гро-

ный и высокій характеръ и смѣлое и безусловное ученіе творца реформы не занимали его воображенія.

— Кто же тѣ, которыхъ я встрѣчаю въ этой комнатѣ? спросилъ Габріэль съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Его ученики, отвѣчалъ адмиралъ: Теодоръ Безъ—перо Кальвина; Ла-Реноди—его шпага.

Габріэль поклонился изящному писателю, будущему историку реформатской церкви, и смѣлому капитану, будущему защитнику возстанія въ Амбуазѣ.

Теодоръ Безъ съ придворною ловкостью отблагодарилъ Габріэля за привѣтствіе и сказалъ съ улыбкою:

— Господинъ виконтъ д'Экспé, хотя вы введены сюда съ нѣкоторыми предосторожностями, однакожъ, прошу васъ, не думайте, что мы слишкомъ-опасные и мрачные заговорщики. Главные представители религіи тайно собираются здѣсь три раза въ недѣлю единственно для того, чтобъ сообщать о новостяхъ реформы и принимать новыхъ членовъ, которые, или раздѣляя наши принципы, желаютъ раздѣлять съ нами опасности, или тѣхъ, которыхъ мы стараемся пріобрѣсть, изъ уваженія къ ихъ личнымъ заслугамъ. Мы благодарны адмиралу за то, что онъ привелъ васъ сюда, г-нъ виконтъ, потому-что вы принадлежите къ этому второму разряду нашихъ членовъ.

— Я принадлежу къ первымъ, простодушно сказалъ незнакомецъ, который до-сихъ-поръ стоялъ въ отдаленьи и теперь скромно выступилъ впередъ. Я одинъ изъ ничтожныхъ мечтателей, вызванный изъ мрака свѣтомъ вашихъ понятій и желающій къ нимъ приблизиться.

— И скоро, Амброазъ, вы станете въ ряду славнѣйшихъ нашихъ собратій, сказалъ Ла-Реноди. — Да, милостивые государи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Колиньи и Безу: тотъ, кого я представляю вамъ, еще молодъ, какъ вы сами видите, но, отвѣчаю вамъ, онъ много трудится и много думаетъ; онъ самъ пожелалъ вступить въ наше общество, и мы должны радоваться такому пріобрѣтенію, потому-что скоро, между славными именами нашихъ сподвижниковъ, будетъ записано имя хирурга Амброаза Паре́.

— О, г. капитанъ! вскричалъ Амброазъ.

— Кто училъ Амброаза Паре? спросилъ Теодоръ Безъ.

— Шодьё, познакомившій меня съ г. Ла-Реноди, отвѣчалъ Амброазъ.

— И вы уже дали торжественную клятву?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ хирургъ.—Я хочу дѣйствовать прямо и вступлю въ общество, когда узна́ю вполнѣ его характеръ. Впрочемъ, должно признаться, я еще нѣсколько сомнѣваюсь, и отдамся вамъ вполнѣ, когда ясно буду понимать нѣкоторые предметы, до-сихъ-поръ для меня темные. Для того именно, чтобъ ихъ видѣть, я и желалъ познакомиться съ предводителями реформы, и

пошелъ бы къ самому Кальвину, еслибъ это было необходимо; потому-что истина — моя страсть.

— Хорошо! вскричалъ адмиралъ: — и будьте увѣрены, что никто изъ насъ не захотѣлъ бы посягнуть на рѣдкую и гордую независимость вашего ума.

— Что жь, не правду ли я сказалъ вамъ? спросилъ торжествующій Ла-Реноди. — Не драгоцѣнное ли это пріобрѣтеніе для насъ? Я видѣлъ Амброаза Паре въ его книжной лавкѣ, я видѣлъ его надъ изголовьемъ больнаго, я видѣлъ его даже на полѣ сраженія, и вездѣ, передъ заблужденіями и предразсудками, такъ же какъ передъ болѣзнями и ранами людей, вездѣ онъ оставался холоднымъ, спокойнымъ властителемъ надъ другими и надъ самимъ собою.

— Позвольте и мнѣ одно слово, произнесъ Габріэль, взволнованный тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ: — теперь я догадываюсь, для чего мой великодушный другъ, г. Колиньй, привелъ меня въ этотъ домъ, гдѣ собираются тѣ, которыхъ называютъ еретиками. Еще болѣе, нежели Амброазъ Паре, я нуждаюсь въ совѣтахъ. Подобно ему, я много дѣйствовалъ, но, къ-сожалѣнію, мало разсуждалъ, и Амброазъ Паре оказалъ бы великую помощь вступающему въ область этихъ новыхъ идей, сказавъ, какіе интересы и причины побудили его умъ принять участіе въ реформѣ?

— Тутъ дѣйствовали не интересы, отвѣчалъ Амброазъ Паре:— напротивъ, мнѣ слѣдовало бы, для своего успѣха на медицинскомъ поприщѣ, держаться придворной религіи; слѣдовательно, не выгоды, г. виконтъ, но разумныя причины руководили мною. И если высокія особы, передъ которыми я говорю, позволятъ мнѣ представить эти причины,—я выскажу ихъ въ двухъ словахъ.

— Говорите! говорите! сказали въ одно слово Колиньй, Ла-Реноди и Теодоръ Безъ.

— Я постараюсь говорить короче, продолжалъ Амброазъ, потому-что время принадлежитъ не мнѣ одному. И такъ, прежде всего я хотѣлъ освободить идею реформы отъ всякихъ формулъ и теорій. Раздвинувъ этотъ хворостъ, я увидѣлъ принципы, за которые, право, готовъ терпѣть всѣ возможныя преслѣдованія.

Габріэль слушалъ безкорыстнаго проповѣдника, не стараясь скрывать своего удивленія; онъ не забывалъ мысли, которая занимала все его существованіе: однакожь, сравнивъ ее съ тѣмъ, что̀ теперь онъ услышалъ, Габріэль задумался.

— Вы непремѣнно должны быть членомъ нашего общества! съ живостью сказалъ Теодоръ Безъ смѣлому хирургу.—Чего требуете вы отъ насъ?

— Единственно позволенія бесѣдовать съ вами и повергать передъ свѣтомъ вашихъ лучей нѣкоторыя затрудненія, еще останавливающія меня на пути.

— Вы получите болѣе, сказалъ Теодоръ Безъ: — вы будете вести переписку прямо съ Кальвиномъ.

— Мнѣ такая честь! вскричалъ Амброазъ Парѐ, покраснѣвъ отъ радости.

— Да, вы должны знать одинъ другаго, возразилъ адмиралъ.— Для такого ученика, какъ вы, долженъ быть и достойный учитель. Отдавайте свои письма другу вашему, Ла-Ренoди, и мы беремся пересылать ихъ въ Женеву; черезъ насъ также вы будете получать и отвѣты. Вамъ не долго прійдется ихъ ждать: вѣроятно, вамъ извѣстна изумительная дѣятельность Кальвина.

— Вы награждаете меня, когда я ничего еще не успѣлъ сдѣлать, сказалъ Амброазъ. — Чѣмъ заслужилъ я такую благосклонность?

— Самимъ-собою, другъ мой, сказалъ Ла-Ренoди: — Я зналъ, что вы очаруете ихъ съ перваго раза.

— О, благодарю, тысячу разъ благодарю! отвѣчалъ Амброазъ.— Но, продолжалъ онъ:—къ-сожалѣнію, мнѣ должно васъ оставить. Меня ожидаютъ еще столько страданій.

— Идите, идите! сказалъ Теодоръ Безъ:—причины, побуждающія васъ, такъ важны, что мы не смѣемъ васъ удерживать. Идите. Дѣлайте добро, какъ вы почитаете истину.

— Но, замѣтилъ Колиньи:— повторите, что мы разстаемся друзьями и, какъ мы называемъ своихъ друзей по религіи, братьями.

Они дружески простились съ нимъ, и Габріэль, съ жаромъ пожавъ руку Амброазу, присоединился къ этому кругу друзей.

Амброазъ Парѐ ушелъ съ радостью и гордостью въ сердцѣ.

— Вотъ истинно избранная душа! вскричалъ Теодоръ Безъ.

— И сколько преданности, дѣйствующей безъ всякихъ разсчетовъ, сказалъ Колиньи.

— Увы! замѣтилъ Габріэль:—возлѣ такого самоотверженія, г-нъ адмиралъ, какъ ничтоженъ покажется вамъ мой эгоизмъ! Я не жертвую, подобно Амброазу Парѐ, дѣйствіями и людьми для идей и принциповъ, а, напротивъ того, приношу принципы и идеи въ жертву лицамъ и дѣйствіямъ. Для меня, вы знаете, реформа не цѣль, но средство. Въ вашей борьбѣ я буду дѣйствовать собственно для себя. Побужденія мои — слишкомъ личныя, такъ что я неосмѣлился бы защищать такое дѣло, и вы хорошо поступите, изгнавъ меня изъ своихъ рядовъ, какъ недостойнаго.

— Вѣроятно, вы клевещете на себя, г. д'Эксмѐ, сказалъ Теодоръ Безъ.—Если бы даже у васъ были виды не столь высокіе, какъ у Амброаза Парѐ... но пути къ Богу различны, и не всѣ находятъ истину на одной и той же дорогѣ.

— Дà, сказалъ Ла-Ренoди:—мы рѣдко встрѣчаемъ вѣроисповѣданіе такое, какъ вы сейчасъ слышали, когда, обращаясь къ будущимъ членамъ своего общества, мы спрашиваемъ: «Чего требуете вы себѣ?».

— И на вашъ вопросъ, Амброазъ Парѐ отвѣчалъ: «Я хочу знать, дѣйствительно ли на вашей сторонѣ справедливость?» Но знаете ли, чтò бы я спросилъ у васъ? замѣтилъ скромно Габріэль.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Теодоръ Безъ: — впрочемъ, мы готовы удовлетворить васъ на всѣ вопросы.

— Я спросилъ бы, сказалъ Габріэль: — увѣрены ли вы, что у васъ достанетъ матеріальныхъ силъ, если не побѣдить, то, по-крайней-мѣрѣ, бороться?

Три реформатора опять съ удивленіемъ взглянули другъ на друга; только это удивленіе не походило на прежнее.

Габріэль, въ задумчивомъ молчаніи, смотрѣлъ на реформаторовъ. Теодоръ Безъ, послѣ минутной паузы, продолжалъ:

— Какое бы чувство, г-нъ д'Эксме́, ни заставило васъ предложить этотъ вопросъ, но я напередъ обѣщалъ отвѣчать вамъ на всѣ пункты, и сдерживаю свое обѣщаніе. Теперь наше оружіе заключается въ физической силѣ! Успѣхи нашей религіи быстры и несомнѣнны. Въ три года, реформатская церковь утвердилась въ Парижѣ и главнѣйшихъ городахъ королевства, въ Блоа, Турѣ, Пуатье̇, Марсели, Руанѣ. Вы сами, г. д'Эксме́, можете видѣть удивительное стеченіе народа, который привлекаютъ наши прогулки въ Пре̇-о-Клеркъ. Народъ, дворянство и дворъ оставляютъ празднества и поютъ съ нами французскіе псальмы Климента Маро̀. Мы надѣемся въ слѣдующемъ году увеличить еще число своихъ членовъ; но пока, могу сказать утвердительно, намъ принадлежитъ пятая часть народонаселенія. Значитъ, мы безъ тщеславія можемъ называть себя партіей, поселять нѣкоторое довѣріе въ нашихъ друзьяхъ и быть нѣсколько опасными для своихъ враговъ.

— Если такъ, холодно сказалъ Габріэль: — я вскорѣ могу вступить въ число первыхъ и помогать вамъ побѣждать вторыхъ.

— Но еслибъ мы были слабѣе? спросилъ Ла-Реноди.

— Признаюсь, я началъ бы искать другихъ союзниковъ, отвѣчалъ Габріэль съ спокойною твердостью.

Ла-Реноди и Теодоръ Безъ сдѣлали нетерпѣливое движеніе рукою.

— *О, не судите* такъ скоро и строго, вскричалъ Колиньи́. — Я видѣлъ его въ дѣлѣ при осадѣ Сен-Кентена, и у человѣка, дѣйствующаго съ такимъ самоотверженіемъ, съ какимъ онъ дѣйствовалъ, должна быть душа необыкновенная. Но я знаю, что онъ обязанъ исполнить другой долгъ, который не позволяетъ ему свободно располагать своею преданностью.

— И, вмѣсто этой преданности, я желалъ принести вамъ въ жертву, по-крайней-мѣрѣ, свою искренность, сказалъ Габріэль. — Если обстоятельства заставятъ меня быть въ числѣ вашихъ, г-нъ адмиралъ можетъ засвидѣтельствовать, что я отдаю вамъ крѣпкую руку и твердое сердце. Но справедливость требуетъ отъ меня сознаться, что я не могу предаться вамъ вполнѣ и безъ разсчета. Я долженъ исполнить свое дѣло, и до-тѣхъ-поръ, пока не совершится это дѣло — простите мнѣ, я не въ состояніи располагать собою. Судьба другаго существа тѣсно связана съ моею, гдѣ бы я ни находился.

— Преданность человѣку такъ же возможна, какъ и преданность идеѣ, сказалъ Теодоръ Безъ.

— И въ этомъ случаѣ, замѣтилъ Колиньи: — мы сочтемъ себя счастливыми, любезный другъ, помогать вамъ, и будемъ гордиться, если вы станете намъ служить.

— Вамъ будутъ сопутствовать наши молитвы, и, въ случаѣ нужды, прійдетъ на помощь наша воля, продолжалъ Ла-Реноди. Только будь остороженъ, молодой человѣкъ, произнесъ суровый Ла-Реноди простымъ и возвышеннымъ языкомъ: — если мы назовемъ тебя своимъ братомъ, ты долженъ быть достойнымъ нашего братства. Мы можемъ допустить въ свои ряды безусловную преданность; но вѣдь сердце иногда ошибается. Увѣренъ ли ты, молодой человѣкъ, что, посвятивъ себя исключительно мысли о комъ-нибудь, ты не станешь дѣйствовать для своихъ личныхъ цѣлей? Вполнѣ ли безкорыстна цѣль, къ которой ты стремишься? Наконецъ, твоя страсть, хотя бы она была самая великодушная въ мірѣ, не дѣйствуетъ ли по внушенію другой страсти?

— Да, сказалъ Теодоръ Безъ: — мы не узнаемъ вашихъ тайнъ; однакожъ, загляните поглубже въ свое сердце, и скажите, что, еслибъ вы были въ правѣ открыть намъ всѣ свои чувства, всѣ предположенія, вы не задумались бы ни на минуту высказать ихъ, и мы повѣримъ вамъ на-слово.

— Любезный другъ, сказалъ въ свою очередь адмиралъ Габріэлю: — они спрашиваютъ васъ потому, что защищать ваше дѣло можно только чистыми руками; иначе, можно сдѣлать вредъ и ему и самому-себѣ.

Габріэль слушалъ и смотрѣлъ на каждаго изъ этихъ трехъ лицъ, одинаково строгихъ къ другимъ и къ самимъ-себѣ, которые, стоя вокругъ молодаго человѣка, суровые и проницательные, спрашивали его, какъ друзья и, въ то же время, какъ судьи.

Габріэль при ихъ словахъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и вопрошалъ свою совѣсть. Какъ человѣкъ, жившій только внѣшнею жизнію, онъ, безъ сомнѣнія, не очень привыкъ думать и сознавать себя. Въ настоящую минуту, онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, не слабѣло ли его сыновнее благочестіе отъ любви къ г-жѣ де-Кастро; не одинаково ли онъ заботился разгадать тайну рожденія Діаны и освободить стараго графа, и, наконецъ, въ этомъ вопросѣ о жизни и смерти, было ли полное безкорыстіе?

Что, если какая-нибудь затаенная въ изгибахъ сердца честолюбивая мысль дѣйствительно лишитъ его возможности испросить у Бога счастіе своему отцу?..

Габріэль затрепеталъ при этой мысли. Обстоятельство, по-видимому, ничтожное, заставило его опомниться.

На колокольнѣ св. Северина пробило одиннадцать.

Черезъ часъ, Габріэль долженъ былъ представляться королю.

Тогда виконтъ д'Эксме довольно-твердымъ голосомъ сказалъ реформаторамъ:

— Вы люди, принадлежащіе къ иному вѣку, и тѣ изъ насъ, которые считали себя самыми безукоризненными, сравнивъ себя съ вами, начинаютъ сомнѣваться въ своемъ достоинствѣ. Впрочемъ, невозможно, чтобъ на васъ походили всѣ члены нашего общества. Вы—глава и сердце реформы, и строго наблюдаете за своими намѣреніями и дѣйствіями —это полезно и необходимо; но я принимаю участіе въ вашемъ дѣлѣ, какъ простой солдатъ. Притомъ же, только душевныя пятна не смываются, а на рукахъ пятна еще можно смыть. Я буду вашею рукою, вотъ и все. И смѣю спросить, въ правѣ ли вы отвергнуть эту смѣлую руку?

— Нѣтъ, сказалъ Колиньи:—и мы тотчасъ беремъ ее, любезный другъ.

— И я отвѣчаю, продолжалъ Теодоръ Безъ:—что она такъ же чисто, какъ отважно возьмется за шпагу.

— Въ обезпеченіе чего, замѣтилъ Ла-Реноди: — мы принимаемъ даже нерѣшимость, которую произвели въ вашемъ раздражительномъ сердцѣ наши слова, можетъ-быть, нѣсколько жесткія и строгія. Но, мы умѣемъ обсуживать людей.

— Благодарю васъ, господа, благодарю, сказалъ Габріэль:—что вы не лишили меня довѣрія, столь необходимаго мнѣ для исполненія своего труднаго долга. Въ-особенности, благодарю васъ, г-нъ адмиралъ, что, оставаясь вѣрнымъ своему обѣщанію, вы доставляете мнѣ средства отплатить за недостатокъ доброй совѣсти. Теперь, господа, я оставляю васъ, сказавъ вамъ не «прощай», но «до свиданія». Хоть я принадлежу къ людямъ, которые покоряются дѣйствительнымъ явленіямъ скорѣе, нежели отвлеченностямъ, однакожь могу надѣяться, что сѣмена, брошенныя вами теперь въ мое сердце, принесутъ плодъ со-временемъ.

— Желаемъ этого, сказалъ Теодоръ Безъ.

— Не желайте, возразилъ Габріэль:—потому-что, должно признаться, только несчастіе сдѣлаетъ меня участникомъ вашего дѣла. Еще *разъ, прощайте*, господа: мнѣ сію минуту надо идти въ Лувръ.

— Я пойду вмѣстѣ съ вами, сказалъ Колиньи.—Я долженъ повторить Генриху II передъ вами то, о чемъ я уже говорилъ ему въ вашемъ отсутствіи. Пойдемте вмѣстѣ со мною.

— Я не смѣлъ просить у васъ этой услуги, г-нъ адмиралъ, сказалъ д'Эксмè: — но готовъ принять ее съ благодарностью.

— Итакъ, пойдемте, сказалъ Колиньи.

Когда они вышли изъ комнаты Кальвина, Теодоръ Безъ взялъ записную книжку и вписалъ въ нее два имени:

Амброазъ Парè.

Габріэль, виконтъ д'Эксмè.

— Кажется, вы слишкомъ-поспѣшно записали этихъ людей въ наше общество. Они еще не изъявили своего желанія.

— Они оба наши, отвѣчалъ Безъ.—Одинъ ищетъ истины, другой бѣжитъ несправедливости. Говорю вамъ, что они оба принадлежатъ намъ, и напишу объ этомъ Кальвину.

— Значитъ, утро было благопріятно для религіи, замѣтилъ Ла-Реноди.

— Правда! сказалъ Теодоръ:—мы пріобрѣли глубокаго философа и смѣлаго солдата, сильную голову и мужественную руку, побѣдителя въ битвахъ и сѣятеля идей. Да, вы сказали правду, Ла-Реноди: утро, дѣйствительно, очень-благопріятное.

IV.

Глава, изъ которой можно заключить, что добродѣтель Маріи Стюартъ проходитъ въ романѣ такъ же быстро, какъ и въ исторіи Франціи.

Габріэль, подошедъ вмѣстѣ съ Колиньй къ воротамъ Лувра, былъ на первомъ шагу пораженъ словами, что король въ этотъ день не принимаетъ.

Колиньй, не смотря на свой титулъ адмирала и племянника Монморанси, былъ подозрѣваемъ въ ереси, и, слѣдовательно, не могъ пользоваться большимъ довѣріемъ при дворѣ. Что касается капитана гвардіи, виконта д'Эксмè, дворцовый швейцаръ давно успѣлъ позабыть его лицо и фамилію. Габріэль и Колиньй вошли съ трудомъ въ наружныя двери; но еще болѣе препятствій встрѣтили они въ самомъ дворцѣ, и потеряли цѣлый часъ на переговоры, убѣжденія, даже угрозы. По-мѣрѣ-того, какъ передъ ними поднималась одна аллебарда, другая заслоняла имъ дорогу. Всѣ эти драконы, болѣе или менѣе непобѣдимые, казалось, умножались съ каждою минутой передъ обоими посѣтителями дворца. Но когда Колиньй и его другъ, послѣ долгихъ настойчивыхъ требованій, проникли въ большую галерею, находившуюся передъ кабинетомъ Генриха II, они не могли болѣе сдѣлать ни шага впередъ. Король, запершись въ своемъ кабинетѣ съ коннетаблемъ и г-жею Пуатьè, строго приказалъ, чтобъ никто ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливался ихъ безпокоить. Габріэлю должно было ждать аудіенціи до вечера.

Ждать, еще ждать, когда уже готовъ коснуться цѣли, къ которой стремился, не смотря на безконечную борьбу и безчисленныя опасности. Эти нѣсколько часовъ казались Габріэлю несравненно убійственнѣе всѣхъ опасностей, испытанныхъ и побѣжденныхъ имъ.

Не слушая словъ, которыми адмиралъ старался утѣшить своего друга и убѣждалъ его не терять терпѣнія, Габріэль печально смотрѣлъ въ окно на крупныя капли дождя, начинавшія падать съ пасмурнаго неба, и, волнуемый гнѣвомъ и тоскою, судорожно держалъ въ рукахъ эфесъ шпаги.

Какимъ образомъ убѣдить этихъ тѣлохранителей, заграждающихъ ему путь къ королю, и, быть-можетъ, къ свободѣ отца?..

Вдругъ дверь королевской пріемной отворилась, и призракъ бѣлый и лучезарный, казалось, освѣтилъ передъ молодымъ человѣкомъ сѣрую, дождливую атмосферу.

По галереѣ проходила маленькая Марія Стюартъ.

Габріэль невольно вскрикнулъ и протянулъ къ ней обѣ руки. Марія Стюартъ обернулась, узнала Колиньи и Габріэля, и тотчасъ подошла къ нимъ съ своею всегдашнею улыбкой.

— Наконецъ воротились вы, г-нъ виконтъ д'Эксме! сказала она весело.—Какъ я счастлива, что опять васъ вижу; я много слышала про васъ въ послѣднее время. Чтò вы дѣлаете въ Луврѣ такъ рано? чего вы хотите, виконтъ?

— Говорить съ королемъ, говорить съ королемъ, ваше высочество! отвѣчалъ Габріэль задыхающимся голосомъ.

— Дѣйствительно, г-ну д'Эксме необходимо сейчасъ говорить съ его величествомъ, сказалъ адмиралъ.—Дѣло чрезвычайно-важное для виконта и для самого короля, а между-тѣмъ стража загораживаетъ г-ну д'Эксме дорогу и говоритъ, что невозможно видѣть его величество раньше вечера.

— Но я не могу откладывать до вечера! вкричалъ Габріэль.

— Я думаю, сказала Марія Стюартъ: — что его величество отдаетъ теперь важныя приказанія. Г-нъ коннетабль Монморанси еще не выходилъ отъ короля, и, право, я боюсь...

Умоляющій взоръ Габріэля не далъ Маріи докончить фразу.

— Пойдемте, посмотримъ, тѣмъ хуже! я подвергаю себя опасности, сказала Марія.

Она сдѣлала знакъ маленькою ручкою. Стражи почтительно разступились и дали пройдти Габріэлю и адмиралу.

— О, благодарю, благодарю, ваше высочество, сказалъ пламенный молодой человѣкъ. — Благодарю васъ. Вы всегда являетесь утѣшать меня и помогать мнѣ въ печали.

— Теперь вы можете пройдти свободно, сказала съ улыбкою Марія Стюартъ. — Если его величество будетъ очень разгнѣванъ, прошу васъ, только въ случаѣ крайности выдать того кто былъ вашимъ посредникомъ.

Марія граціозно поклонилась Габріэлю и его товарищу, и исчезла.

Габріэль уже стоялъ у двери королевскаго кабинета. Въ послѣдней пріемной, дежурный не хотѣлъ-было ихъ пропустить; но въ эту самую минуту дверь отворилась, и Генрихъ II явился на порогѣ, отдавая послѣднія инструкціи коннетаблю.

При неожиданной встрѣчѣ съ виконтомъ д'Эксме, король отступилъ на одинъ шагъ и даже не успѣлъ разсердиться.

Добродѣтель Габріэля заключалась въ желѣзной твердости души.

— Государь, сказалъ онъ, почтительно склонившись передъ королемъ: — удостойте принять увѣреніе въ моей глубокой преданности вашему величеству...

Потомъ Габріэль обратился къ шедшему за нимъ адміралу и, желая вывести его изъ затруднительнаго положенія начать разговоръ, продолжалъ:

— Приблизьтесь, г. адміралъ, и, выполняя свое благосклонное обѣщаніе, потрудитесь напомнить его величеству объ участіи, которое принималъ я въ оборонѣ Сен-Кентена.

— Что̀ это значитъ, милостивый государь? вскричалъ Генрихъ, начинавшій терять хладнокровіе.—Ка̀къ вы рѣшились войдти сюда, не испросивъ нашего позволенія, даже не увѣдомивъ о себѣ? Ка̀къ вы осмѣлились ввести къ намъ г. адмирала?

Габріэль, дѣйствовавшій въ подобныхъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ такъ же смѣло, какъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ, и понимавшій, что въ такую минуту не должно было терять присутствія духа, сказалъ почтительно, впрочемъ съ полною рѣшимостью:

— Я думаю, государь, что ваше величество во всякое время готовы отдать справедливость даже послѣднему изъ своихъ подданныхъ.

Воспользовавшись минутою, когда король отодвинулся назадъ, Габріэль смѣло вошелъ въ кабинетъ, гдѣ Діана Пуатьѐ, блѣдная, вполовину привставъ съ рѣзнаго дубоваго кресла, смотрѣла и слушала дерзкаго виконта, не находя словъ отъ гнѣва и удивленія.

Колиньй вошелъ вслѣдъ за своимъ смѣлымъ другомъ, и Монморанси, изумленный подобно прочимъ, разсудилъ за лучшее подражать имъ, то-есть, не говорить ни слова.

Въ кабинетѣ воцарилось минутное молчаніе. Генрихъ II, обратившись къ своей любимицѣ, спрашивалъ ее взорами; но прежде, чѣмъ она подсказала ему на что̀ рѣшиться, Габріэль, зная, что въ эту минуту онъ играетъ главную роль, снова сказалъ адміралу голосомъ умоляющимъ и, въ то же время, исполненнымъ достоинства:

— Умоляю васъ, говорите, г. адміралъ!

Монморанси, устремивъ глаза на племянника, отрицательно покачалъ головою; но смѣлый Гаспаръ не обратилъ на это вниманія.

— Да, я буду говорить, сказалъ Колиньй:—это мой долгъ, мое обѣщаніе. Государь, продолжалъ онъ, обратившись къ королю:— повторяю вамъ въ присутствіи виконта д'Эксмѐ все, что̀ я считалъ долгомъ высказать вамъ въ подробности до его возвращенія. Г-ну виконту д'Эксмѐ, исключительно ему одному обязаны мы тѣмъ, что оборона Сен-Кентена продолжалась долѣе срока, опредѣленнаго вашимъ величествомъ.

При этихъ словахъ, коннетабль принялъ значительную позу; но Колиньй, устремивъ на него пристальный взоръ, продолжалъ:

— Да, государь, г. д'Эксмѐ спасъ городъ, и безъ его мужества, безъ его энергіи, Франція, въ настоящую минуту, вѣроятно,

не была бы въ томъ благопріятномъ положеніи, въ которомъ съ этихъ поръ она будетъ держаться.

— Перестаньте; вы слишкомъ-скромны, или слишкомъ-снисходительны, любезный племянникъ! вскричалъ Монморанси, будучи не въ силахъ скрывать свое нетерпѣніе.

— Нѣтъ, милостивый государь, сказалъ Колиньй: — нѣтъ, я говорю правду, вотъ и все. Я употреблялъ, съ своей стороны, всѣ свои силы для защиты ввѣреннаго мнѣ города; но виконтъ д'Эксмѐ пробудилъ мужество жителей, которое считалъ я угасшимъ навсегда; виконтъ д'Эксмѐ подалъ помощь, которой самъ я даже не подозрѣвалъ; наконецъ, виконтъ д'Эксмѐ умѣлъ уничтожить планы непріятеля, которыхъ не могъ я самъ предвидѣть. Не говорю о томъ, кàкъ онъ дѣйствовалъ въ сраженіяхъ: мы сдѣлали все, чтò могли сдѣлать. Но слава, которую онъ снискалъ единственно своими подвигами, громко объявляю, затемняетъ, если не совершенно уничтожаетъ мою славу.

И, обратясь къ Габріэлю, адмиралъ прибавилъ:

— Такъ ли, другъ, я долженъ былъ говорить? исполнилъ ли я свое обѣщаніе и довольны ли вы мной?

— О, благодарю, благословляю васъ, г-нъ адмиралъ, за вашу справедливость! произнесъ растроганный Габріэль, сжимая руки Колиньй. — Я и не ожидалъ, чтобъ вы сказали менѣе. Прошу васъ, смотрите на меня, какъ на человѣка, обязаннаго вамъ вѣчною благодарностью. Да, съ теперешней минуты, вашъ прежній кредиторъ сдѣлался вашимъ должникомъ и, клянусь, не позабудетъ своего долга.

Въ это время, король, нахмуривъ брови и опустивъ глаза, нетерпѣливо стучалъ ногою о полъ и, казалось, былъ очень разстроенъ.

Коннетабль мало-по-малу приблизился къ г-жѣ Пуатьѐ и обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами, произнесенными очень-тихо. Они оба, по-видимому, остановились на одномъ рѣшеніи, потому-что Діана улыбнулась, но такъ по-женски, такъ дьявольски улыбнулась она, что Габріэль, который, въ эту минуту, случайно взглянулъ на прекрасную герцогиню, затрепеталъ отъ ея улыбки. Однакожъ, онъ имѣлъ еще довольно силы сказать:

— Теперь, г-нъ адмиралъ, вы сдѣлали для меня болѣе, нежели должны были сдѣлать, и если его величество удостоитъ меня частнымъ разговоромъ...

— Послѣ, милостивый государь, послѣ; я не говорю «нѣтъ», живо прервалъ Генрихъ II: — но теперь невозможно.

— Невозможно! печально проговорилъ Габріэль.

— А почему невозможно, государь? спокойно возразила Діана, къ великому изумленію Габріэля и самого короля.

— Какъ, проговорилъ Генрихъ: — вы думаете?..

— Я думаю, государь, что прежде всего нужно отдать должное подданному. Притомъ, кажется мнѣ, вашъ долгъ г. виконту д'Эксмѐ самый законный и священный...

— О, безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, сказалъ Генрихъ, стараясь прочесть отвѣтъ въ глазахъ своей любимицы: — и я намѣренъ...

— Тотчасъ выслушать г. д'Эксме, прервала Діана.—Тутъ видна справедливость.

— Но мнѣ, сказалъ Габріэль: — надобно говорить съ его величествомъ наединѣ.

— Г. Монморанси уходилъ, когда вы сюда вошли, отвѣчала г-жа Пуатье.—Г. адмирала вы сами, кажется, не удерживаете. Что же касается меня, милостивый государь, я была свидѣтельницей обѣщанія, даннаго государемъ, и, въ случаѣ надобности, могу въ точности напомнить его величеству ваши условія. Можетъ-быть, вы позволите мнѣ остаться?

— Я хотѣлъ просить васъ объ этомъ, проговорилъ Габріэль.

Монморанси и племянникъ его поклонились королю и герцогинѣ и вышли изъ кабинета. Коннетабль, отдавая поклонъ Діанѣ, сдѣлалъ ей знакъ одобренія, въ чемъ, казалось, она вовсе не нуждалась. Колиньи, съ своей стороны, осмѣлился пожать руку Габріэлю и ушелъ вслѣдъ за дядею.

Король и Діана остались одни съ Габріэлемъ, приведеннымъ въ чрезвычайное удивленіе неожиданнымъ и таинственнымъ покровительствомъ, которое оказала ему мать Діаны де-Кастро.

V.

Другая Діана.

Хотя Габріэль имѣлъ большую власть надъ самимъ собою, однакожь лицо его покрылось блѣдностью и голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія, когда, послѣ короткой паузы, онъ сказалъ королю:

— Государь, не безъ трепета и въ то же время съ глубокой довѣренностью осмѣливаюсь я, только вчера освободившись изъ плѣна, напомнить вашему величеству обѣщаніе, которое вы изволили мнѣ дать. Графъ Монгомери еще живъ, государь; иначе, вы давно бы остановили мои слова.

Волненіе стѣснило его грудь. Король также молчалъ и былъ неподвиженъ; Габріэль продолжалъ:

— Итакъ, государь, если графъ Монгомери еще живъ, и, по словамъ г-на адмирала, я защищалъ Сен-Кентенъ дольше назначеннаго срока, я сдѣлалъ больше, нежели обѣщалъ... Позвольте обнять мнѣ моего отца!..

— Послушайте! сказалъ Генрихъ II, пріискивая отвѣтъ.

Шагъ, однакожь, былъ трудный. Генрихъ, привыкнувъ считать Габріэля умершимъ или плѣнникомъ, не предвидѣлъ отвѣта на его вопросъ.

При этой нерѣшительности короля, сердце Габріэля сжалось.

Но въ ту же минуту г-жа Пуатьѐ замѣтила очень-спокойно:

— Король, безъ сомнѣнія, помнитъ обо всемъ, г. д'Эксме́; но, кажется, вы сами забыли.

Еслибъ молнія въ ясный іюньскій день упала къ ногамъ Габріэля, она ужаснула бы его менѣе, чѣмъ эти слова Діаны.

— Какъ? проговорилъ онъ.—Что̀ же я забылъ?

— Половину своего обѣщанія, милостивый государь, отвѣчала Діана.—Не сами ли вы сказали его величеству: «Государь, чтобъ возвратить свободу графу Монгомери́, я остановлю непріятеля на его торжественномъ пути къ центру Франціи».

— Что же, развѣ я не сдержалъ своего слова? спросилъ смущенный Габріэль.

— Да, сдержали, отвѣчала Діана. — Но вѣдь вы прибавили: «И даже, если необходимо, я сдѣлаюсь изъ осажденнаго осаждающимъ и завладѣю однимъ изъ городовъ, принадлежащихъ непріятелю». Вотъ что сказали вы, милостивый государь. Впрочемъ, кажется, вы сдѣлали только половину обѣщаннаго. Что̀ скажете вы на это? Вы, въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, поддерживали Сен-Кентенъ — прекрасно. Вотъ городъ, спасенный вами; но гдѣ же городъ, который вы завоевали? назовите этотъ городъ...

— Боже мой! Боже мой! произнесъ Габріэль, уничтоженный возраженіемъ Діаны.

— Видите, продолжала она съ тѣмъ же хладнокровіемъ: — моя память еще лучше вашей. Впрочемъ, надѣюсь, что теперь и вы сами начинаете припоминать.

— Да, теперь я дѣйствительно припоминаю! отвѣчалъ Габріэль. — Но, я хотѣлъ только выразить, что, въ крайнемъ случаѣ, я готовъ сдѣлать невозможное; потому-что возможно ли въ настоящее время отнять городъ у Испанцевъ или Англичанъ?.. и могъ ли я думать, что, послѣ моихъ геройскихъ усилій, послѣ продолжительнаго плѣна, мнѣ должно будетъ исполнить еще второе условіе? Не-уже-ли слово, которое вылетѣло на воздухъ въ минуту безпамятнаго увлеченія, налагаетъ на меня, бѣднаго Геркулеса, другую обязанность, во сто разъ труднѣйшую, нежели первая, и даже почти неисполнимую?

— Но развѣ легче и безопаснѣе, сказала Діана: — возвратить свободу преступнику, посягнувшему на права величества? Чтобъ получить невозможное, г. д'Эксме́, надобно сдѣлать невозможное.

И когда Габріэль, простирая руки къ королю, вскричалъ съ послѣднимъ усиліемъ: «Государь, обращаюсь къ вашему милосердію! Въ-послѣдствіи, въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, я обязываюсь возвратить этотъ городъ отечеству, или умереть. Но до-тѣхъ-поръ, сжальтесь, государь, дайте мнѣ увидѣть моего отца!» Генрихъ отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Исполните окончательно свое обѣщаніе и тогда, но только

тогда я сдержу свое слово. Обѣщаніе мое такъ же сильно, какъ и ваше.

Габріэль опустилъ голову, разбитый, уничтоженный, и трепеталъ отъ ужаснаго пораженія. Тысячи мыслей вдругъ проснулись въ головѣ молодаго человѣка.

Всѣ событія, совершившіяся со времени взятія Сен-Кентена, мелькнули, подобно молніи, передъ глазами Габріэля. Всегда смѣлая душа молодаго человѣка встрепенулась гораздо-скорѣе, нежели мы успѣли написать эти строки. Онъ уже рѣшился, обдумалъ планъ и напередъ видѣлъ успѣхъ.

Король замѣтилъ съ удивленіемъ, какъ виконтъ, за минуту уничтоженный, вдругъ поднялъ блѣдное, но спокойное чело.

— Я готовъ! сказалъ молодой человѣкъ.

— Вы рѣшаетесь? спросилъ Генрихъ.

— Я рѣшился, отвѣчалъ Габріэль.

— Какимъ образомъ? Объяснитесь, сказалъ король.

— Попытка моя возвратить городъ, отнятый Испанцами, покажется невозможною, сумасбродною. Намѣреніе мое кажется безумнымъ?..

— Да, отвѣчалъ Генрихъ.

— Сомнѣваюсь въ успѣхѣ, замѣтила Діана.

— По всей вѣроятности, продолжалъ Габріэль: — эта попытка, за которую прійдется мнѣ заплатить своею жизнію, кончится тѣмъ, что меня сочтутъ за смѣшнаго безумца...

— Не я предложилъ вамъ это дѣло, сказалъ король.

— И вы поступите благоразумно, отказавшись отъ него, прибавила Діана.

— Однакожъ, я рѣшаюсь, отвѣчалъ Габріэль.

Генрихъ и Діана не могли скрыть своего удивленія.

— Будьте осторожны! вскричалъ король.

— За что бояться мнѣ?.. За свою жизнь? возразилъ Габріэль: — я давно рѣшился пожертвовать ею.

Дѣйствительно, Діана думала, что Габріэль лишился рассудка, и съ сожалѣніемъ пожимала плечами.

— Теперь, сказалъ Габріэль: — я не могу терять времени. Черезъ два мѣсяца, я не буду въ живыхъ—или обниму отца.

Габріэль поклонился королю и герцогинѣ, и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Генрихъ, не смотря на все желаніе казаться равнодушнымъ, былъ серьёзенъ и задумчивъ. Діана громко захохотала.

—

VI.

Великая мысль великаго человѣка.

Герцогъ Гизъ, получивъ титулъ генерала-намѣстника королевства, жилъ въ самомъ Луврѣ. Здѣсь, во дворцѣ королей Франціи, теперь спалъ, или, вѣрнѣе, бодрствовалъ каждую ночь честолюбивый глава лотарингскаго дома.

Какіе сны онъ видѣлъ на яву въ этихъ роскошныхъ палатахъ, населенныхъ грезами? Сколько видѣлъ онъ такихъ сновъ съ-тѣхъ-поръ, какъ ввѣрилъ Габріэлю свои покушенія на престолъ неаполитанскій? Гость королевскаго дворца не мечталъ ли теперь, что онъ можетъ сдѣлаться его хозяиномъ? Не чувствовалъ ли Гизъ, что къ его головѣ прикасается корона? Не смотрѣлъ ли онъ съ улыбкою на свою шпагу, которая вѣрнѣе волшебнаго жезла могла превратить его надежду въ дѣйствительность?

Можно предполагать, что даже въ эту эпоху Францискъ питалъ въ душѣ своей подобныя мысли. Самъ король, призвавъ его къ себѣ на помощь, не подтверждалъ ли его смѣлыхъ замысловъ? Ввѣрить герцогу благоденствіе Франціи при такомъ неутѣшительномъ положеніи дѣлъ, не значило ли признать его первымъ полководцемъ своего времени?

Герцогъ Гизъ зналъ это все, но зналъ также, что его смѣлыя надежды должны быть оправданы, не только въ его личномъ убѣжденіи, но и въ глазахъ Франціи, и что ему должно было купить свои права и покорить судьбу рядомъ блистательныхъ заслугъ и успѣховъ.

Полководецъ, который такъ счастливо остановилъ, въ Мецѣ, второе нашествіе императора Карла-Пятаго, хорошо понималъ, что эти подвиги еще не даютъ ему права рѣшаться на все. Если бы даже, въ настоящую минуту, онъ еще разъ отбросилъ Испанцевъ и Англичанъ до границъ королевства, и этого было бы еще недостаточно. Нѣтъ, чтобъ завладѣть Франціей, Гизу слѣдовало не только возвратить утраты, но еще и вознаградить ихъ побѣдами.

Вотъ какія мысли постоянно занимали великій умъ герцога Гиза съ того времени, какъ онъ возвратился изъ Италіи. Онѣ волновали его и въ тотъ день, когда Габріэль Монгомери былъ у Генриха.

Францискъ Гизъ стоялъ у окна, смотря на дворъ и, не замѣчая, что на немъ дѣлалось, машинально барабанилъ пальцами по стеклу.

Слуга тихо постучался въ дверь и, вошедъ съ позволенія герцога, объявилъ о приходѣ виконта д'Эксме.

— Виконтъ д'Эксме! сказалъ герцогъ Гизъ, который, замѣтимъ между прочимъ, былъ памятливъ, какъ Юлій Цезарь, и притомъ имѣлъ достаточныя причины вспомнить Габріэля. Виконтъ д'Экс-

мé! мой молодой товарищъ по оружію, который дѣйствовалъ подъ Мецомъ, Ранти, Валенцій! Проси, Тибо, сейчасъ проси.

Слуга поклонился и ушелъ позвать Габріэля.

Герой нашъ (мы имѣемъ право дать ему это имя) не колебался ни минуты. Слѣдуя инстинкту, который озаряетъ душу въ сильныхъ ея кризисахъ и называется геніемъ, если освѣщаетъ собою всю жизнь человѣка, слѣдуя такому инстинкту, Габріэль, какъ-будто предчувствуя тайныя мысли, которыя, въ это мгновеніе, лелѣяли герцога Гиза, отправился, по выходѣ отъ короля, прямо къ генералу-намѣстнику королевства, потому-что только этотъ человѣкъ одинъ могъ понять Габріэля и подать ему помощь.

Герцогъ Гизъ встрѣтилъ Габріэля почти у дверей, и сжалъ его въ объятіяхъ.

— А, наконецъ я вижу васъ, мой смѣлый товарищъ! сказалъ Гизъ.—Откуда вы? Что съ вами сдѣлалось послѣ осады Сен-Кентена? Я часто думалъ и говорилъ о васъ, Габріэль!

— Не-уже-ли остался для меня уголокъ въ вашей памяти?

— Онъ еще спрашиваетъ! вскричалъ герцогъ.—Стало быть, вы не хорошо помните людей... Колиньи, который одинъ стоитъ больше всѣхъ Монморанси, взятыхъ вмѣстѣ, разсказалъ мнѣ—хоть не совсѣмъ ясно, не знаю почему —часть вашихъ подвиговъ при Сен-Кентенѣ, и замѣтилъ, что онъ еще умалчиваетъ о важнѣйшихъ изъ нихъ.

— Однакожь, я сдѣлалъ очень-мало! сказалъ съ грустною улыбкой Габріэль.

— Честолюбецъ! замѣтилъ герцогъ.

— Дѣйствительно, большой честолюбецъ! отвѣчалъ Габріэль, задумчиво опустивъ голову.

— Но, благодаря Бога, любезный виконтъ, вы воротились; мы опять вмѣстѣ! сказалъ герцогъ Гизъ.—Помните, другъ, наши предположенія касательно Италіи?.. Бѣдный Габріэль; теперь болѣе, нежели когда-нибудь, Франція нуждается въ вашей храбрости. До какой ужасной крайности довели *они* отечество!

— Всѣ мои силы посвящены его защитѣ и только ждутъ, чтобъ вы подали знакъ.

— Благодарю, мой другъ, отвѣчалъ герцогъ: — я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ и, будьте увѣрены, вамъ прійдется не долго ждать этого знака.

— Слѣдовательно, мнѣ должно благодарить васъ, вскричалъ Габріэль.

— Однакожь, говоря правду, замѣтилъ герцогъ Гизъ: — чѣмъ больше я смотрю вокругъ себя, тѣмъ болѣе затруднительнымъ кажется мнѣ положеніе. Прежде всего, мнѣ надо приготовить вокругъ Парижа сопротивленіе, организовать страшную оборонительную линію противъ непріятеля, наконецъ, остановить его дальнѣйшіе успѣхи. Но все это ничего не значитъ. У непріятеля Сен-

Кентенъ, весь Сѣверъ!.. Я долженъ, я хочу дѣйствовать... Но какимъ образомъ?..

Герцогъ остановился, какъ-будто спрашивая совѣта у Габріэля, потому-что зналъ высокій умъ молодаго человѣка и во многихъ случаяхъ находилъ хорошими его мнѣнія. Но въ этотъ разъ виконтъ д'Эксмé молчалъ и, внимательно устремивъ взоръ на герцога, заставлялъ, такъ сказать, его самого прійдти къ какому-нибудь результату.

Францискъ принужденъ былъ отвѣчать:

— Не обвиняйте меня въ медленности, любезный другъ. Вы знаете, что я не изъ тѣхъ, которые колеблются, но изъ тѣхъ, которые обдумываютъ. Не порицайте меня, потому-что вы сами нѣсколько похожи на меня: рѣшительны и, въ то же время, благоразумны. И даже, прибавилъ герцогъ:—мысль, которую теперь я вижу на вашемъ молодомъ челѣ, кажется мнѣ болѣе мрачною, нежели прежде. Не смѣю разспрашивать васъ; я помню, что вы должны были исполнить важный долгъ и открыть опасныхъ враговъ. Не оплакиваете ли вы другихъ несчастій, кромѣ несчастій отечества?.. Вотъ чего опасаюсь я, потому-что, когда мы разстались, вы были задумчивы, а теперь я нахожу васъ нечальнымъ.

— Прошу васъ, не говорите обо мнѣ, отвѣчалъ Габріэль:—поговоримъ лучше о Франціи; говорить о ней значитъ говорить и обо мнѣ.

— Хорошо, сказалъ герцогъ Гизъ.—Я выскажу вамъ открыто свою мысль и свои заботы. Кажется мнѣ, что въ настоящее время всего необходимѣе—возвысить какимъ-нибудь смѣлымъ и блистательнымъ ударомъ нравственность нашего войска и возстановить нашу прежнюю славу, обратить оборону въ аттаку и, наконецъ, не ограничиваться только исцѣленіемъ нашихъ ранъ, но думать о дальнѣйшемъ успѣхѣ.

— Я того же мнѣнія, г-нъ герцогъ! съ живостію вскричалъ Габріэль, удивленный и обрадованный такимъ благопріятнымъ сходствомъ своихъ плановъ съ намѣреніями герцога.

— Это ваше мнѣніе? спросилъ Гизъ:—и, безъ сомнѣнія, вы не одинъ разъ думали объ опасностяхъ Франціи и средствахъ извлечь ее изъ этого положенія?

— Да, я часто думалъ объ этомъ, сказалъ Габріэль.

— Итакъ, любезный другъ, серьёзно ли вы взглянули на всѣ трудности?.. Когда и какъ думаете вы нанести блистательный ударъ, который мы считаемъ необходимымъ?

— Кажется мнѣ, я знаю средства для этого...

— Возможно ли? вскричалъ герцогъ. — О, говорите, говорите, мой другъ!

— Можетъ-быть, я сказалъ вамъ объ этомъ очень-рано, замѣтилъ Габріэль, — Предложеніе мое принадлежитъ къ числу тѣхъ, для которыхъ необходимы долгія приготовленія. Вы — человѣкъ

съ великимъ характеромъ, однакожъ, мое намѣреніе можетъ и вамъ показаться огромнымъ.

— Не бойтесь, у меня не закружится голова, сказалъ улыбнувшись герцогъ Гизъ.

— При первомъ взглядѣ, мой проектъ вамъ покажется страннымъ, безумнымъ, даже неисполнимымъ; но, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ только труденъ и опасенъ.

— Тѣмъ пріятнѣе! сказалъ Францискъ Лотарингскій.

— Итакъ, продолжалъ Габріэль: — рѣшено, что вы не испугаетесь его съ самаго начала. Повторяю, мы встрѣтимъ много опасностей, но средства для успѣха находятся въ моей власти, и когда я разовью ихъ подробнѣе, вы согласитесь со мною.

— Если такъ, говорите, Габріэль, сказалъ герцогъ.

Въ это время, кто-то осторожно постучался въ дверь.

— Еще кто прерываетъ насъ? произнесъ герцогъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. — Тибо?

— Точно такъ, сударь, сказалъ слуга, вошедъ въ комнату.—Вы приказали мнѣ увѣдомить, когда начнется совѣтъ; теперь пробило два часа. Г-нъ Сен-Реми сейчасъ прійдетъ за г-мъ герцогомъ.

— Да, да, замѣтилъ герцогъ Гизъ:—сейчасъ начнется собраніе, и притомъ весьма-важное. Я необходимо долженъ присутствовать въ совѣтѣ. Хорошо, Тибо; теперь ты можешь уйдти. Видите, Габріэль: обязанность призываетъ меня къ королю. Но, до вечера, когда вы вполнѣ разовьете мнѣ свой планъ, безъ сомнѣнія, великій, потому-что вы задумали его, умоляю васъ, удовлетворите въ двухъ словахъ моему любопытству и нетерпѣнію. Скажите, Габріэль, что замышляете вы сдѣлать?

— Въ двухъ словахъ, г-нъ герцогъ: *взять Калé*, спокойно сказалъ Габріэль.

— Взять Калé! вскричалъ герцогъ Гизъ, въ изумленіи отступивъ назадъ.

— Вы забыли, г-нъ герцогъ, свое обѣщаніе не ужасаться перваго впечатлѣнія, продолжалъ Габріэль съ тѣмъ же хладнокровіемъ.

— Но хорошо ли вы обдумали свой планъ? сказалъ герцогъ.— Взять Калé, городъ, защищаемый страшнымъ гарнизономъ, неприступными валами, даже моремъ. Калé, въ-продолженіе двухъ вѣковъ принадлежащій Англичанамъ, которые берегутъ его, какъ ключъ къ воротамъ Франціи!.. Я люблю смѣлость, но вашъ поступокъ не будетъ ли дерзокъ?

— Но потому именно, что предпріятіе мое дерзко, что даже нельзя подозрѣвать его, потому именно и есть надежда на успѣхъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, и то правда, сказалъ герцогъ, погруженный въ раздумье.

— Выслушавъ меня, вы не станете сомнѣваться. Планъ моихъ дѣйствій начертанъ заранѣе: хранить безусловное молчаніе, обманутъ непріятеля ложнымъ манёвромъ и неожиданно явиться не-

редъ городомъ. Черезъ пятнадцать дней, Калé будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Но вѣдь этихъ общихъ показаній недостаточно! прервалъ герцогъ Гизъ.—Планъ вашъ, Габріэль, есть у васъ планъ?

— Простой и вѣрный...

Габріэль не успѣлъ окончить. Въ эту минуту отворилась дверь, и вошелъ графъ Сен-Реми съ многочисленною свитою вельможъ, соединившихъ свою судьбу съ судьбою Гизовъ.

— Его величество ожидаетъ генерала-намѣстника королевства, сказалъ Сен-Реми.

— Я готовъ, господа, сказалъ герцогъ Гизъ, поклонившись вошедшимъ.

Потомъ онъ подошелъ къ Габріэлю и тихо сказалъ ему:

— Я долженъ, какъ видите, оставить васъ, любезный другъ; но мысль неслыханная, блистательная, которую вы бросили въ мою голову, не разстанется со мною въ-продолженіе всего дня: за это я вамъ отвѣчаю! Если въ-самомъ-дѣлѣ вы увѣрены въ исполнимости такого плана, я считаю себя достойнымъ понимать васъ. Не можете ли вы зайдти ко мнѣ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ? Ночью никто не будетъ прерывать нашей бесѣды.

— Въ восемь часовъ я буду непремѣнно, сказалъ Габріэль: — а до-тѣхъ-поръ я употреблю съ пользою свое время.

— Смѣю замѣтить г-ну герцогу, что теперь уже болѣе двухъ часовъ, сказалъ графъ Сен-Реми.

— Я готовъ! отвѣчалъ герцогъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, обернулся, взглянулъ на Габріэля и потомъ подошелъ къ нему.

— Взять Калé? повторилъ сомнительно герцогъ, какъ-будто желая удостовѣриться, хорошо ли онъ разслушалъ слова виконта.

Габріэль утвердительно наклонилъ голову и отвѣчалъ съ пріятною и спокойной улыбкой:

— *Взять Калè!*

Герцогъ Гизъ вышелъ и, вслѣдъ за нимъ, виконтъ д'Эксмé пошелъ изъ Лувра.

VII.

Различные силуэты воиновъ.

Съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала Алоиза возвращенія Габріэля. Увидѣвъ его изъ низенькаго окна, добрая женщина подняла къ небу глаза, увлаженные слезами счастія и, на этотъ разъ, благодарности; потомъ побѣжала отворить дверь своему любезному господину.

— Благодарю Бога, вскричала она:—я опять увидѣла васъ, сударь. Откуда вы? Изъ Лувра?.. видѣли короля?..

— Видѣлъ, отвѣчалъ Габріэль.

— Ну, что жь?

— Надобно еще подождать, моя добрая няня.

— Еще ждать? повторила Алоиза, сложивъ руки. — Однакожь, какъ тяжело, какъ трудно ждать.

— Даже невозможно, если я, ожидая, не стану дѣйствовать, сказалъ Габріэль. — Но, слава Богу! я буду дѣйствовать и найду себѣ развлеченіе на дорогѣ, смотря на цѣль, къ которой буду стремиться.

Габріэль вошелъ въ залу, бросилъ плащь на спинку стула, и не замѣтилъ Мартэна-Герра, который сидѣлъ въ углу, погруженный въ глубокія размышленія.

— Эй, Мартэнъ! Проснитесь, лѣнтяй! закричала конюшему Алоиза: — вы даже не снимете плаща господину.

— Извините, извините! проговорилъ Мартэнъ, проснувшись отъ задумчивости и вскочивъ со стула.

— Не безпокойся, Мартэнъ, сказалъ Габріэль.—Алоиза, не обижай моего бѣднаго Мартэна; теперь больше чѣмъ когда-нибудь я имѣю нужду въ его усердіи и преданности, и мнѣ надо поговорить съ нимъ о важныхъ предметахъ.

Каждое желаніе виконта д'Эксмѐ было священнымъ для Алоизы. Она ласково улыбнулась конюшему и вышла изъ комнаты, чтобъ Габріэль могъ говорить свободнѣе.

— Что подѣлывалъ ты, Мартэнъ? спросилъ виконтъ, когда они остались одни.—О чемъ ты разсуждалъ такъ серьёзно?

— Ломалъ себѣ голову, желая разгадать человѣка, приходившаго сегодня утромъ.

— И что̀ же, разрѣшилъ ты загадку? спросилъ съ улыбкою Габріэль.

— Очень-мало, сударь. Признаюсь, какъ я ни таращилъ глаза, передо мной была черная ночь.

— Однакожь, вѣдь я сказалъ тебѣ, Мартэнъ, что подозрѣваю тутъ совершенно-другое дѣло.

— Разрѣшите загадку, сударь. А я напрасно стараюсь добиться толку.

— Покамѣстъ еще не пришло время разсказать тебѣ все, отвѣчалъ Габріэль.—Послушай, Мартэнъ, вполнѣ ли ты мнѣ преданъ?

— Вопросъ предлагаете мнѣ, г-нъ виконтъ?

— Нѣтъ, Мартэнъ, это не вопросъ, но похвала, и я теперь обращаюсь къ твоей вѣрности. Ты долженъ позабыть на время самого-себя, позабыть тѣнь, которую бросили на тебя и которую, даю тебѣ слово, мы разсѣемъ въ-послѣдствіи. Но покамѣстъ, Мартэнъ, я нуждаюсь въ тебѣ.

— А, тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! вскричалъ Мартэнъ-Герръ.

— Но вотъ условіе, сказалъ Габріэль: — ты долженъ принадлежать мнѣ вполнѣ, отдать мнѣ всю свою жизнь, все свое мужество. Мартэнъ, хочешь ли ты отдаться мнѣ, отложить свои личныя тревоги и дѣйствовать только для меня?

— Хочу ли? вскричалъ Мартэнъ: — но это мой долгъ, еще болѣе, мое наслажденіе. Клянусь святымъ Мартэномъ: я долго былъ разлученъ съ вами и хочу возвратить потерянные дни. Повѣрьте, г-нъ виконтъ, еслибъ легіоны Мартэновъ-Герровъ шли по моимъ слѣдамъ, и тогда я пренебрегъ бы ими... Идите вы передо мною и, повѣрьте, никого, кромѣ васъ, я не буду видѣть въ цѣломъ мірѣ.

— Благородная душа! сказалъ Габріэль. — Однакожь обдумай, Мартэнъ: подвигъ, на который я вызываю тебя, исполненъ опасностей; это цѣлая бездна.

— Что жь, можно перескочить черезъ нее! вскричалъ Мартэнъ, беззаботно щелкнувъ пальцами.

— Сто разъ мы будетъ жертвовать своею жизнію, Мартэнъ.

— По игрѣ и выигрышъ, г-нъ виконтъ.

— Но это игра опасная; какъ только она завяжется, любезный другъ, отъ нея нельзя уже отказаться.

— Каковъ игрокъ, хорошъ или дуренъ, гордо отвѣчалъ Мартэнъ.

— Но, не смотря на всю рѣшимость, ты не предвидишь опасныхъ превратностей борьбы, въ которую хочу я тебя ввести и, можетъ-быть, всѣ наши усилія останутся безъ награды!.. Подумай объ этомъ, Мартэнъ; когда я всматриваюсь въ планъ, который долженъ я выполнить, мнѣ самому становится страшно.

— Я живу рука-объ-руку съ опасностями, отвѣчалъ Мартэнъ: — и кто имѣлъ честь быть на висѣлицѣ...

— Мартэнъ, прервалъ Габріэль: — надо побѣждать стихіи, наслаждаться бурей, смѣяться надъ невозможнымъ!..

— Посмѣемся! сказалъ Мартэнъ-Герръ. — Сказать откровенно, сударь, послѣ того, какъ я познакомился съ висѣлицей — остальная жизнь моя кажется мнѣ отсрочкой, и напрасно сталъ бы я роптать на Бога за нѣсколько лишнихъ дней, которые Онъ удѣлилъ мнѣ въ прибавку. Надо быть или глупцомъ, или неблагодарнымъ, чтобъ разбирать товаръ, когда купецъ даетъ его даромъ.

— Слѣдовательно, Мартэнъ, сказалъ виконтъ д'Эксмé: — ты раздѣлишь мою судьбу и пойдешь за мною.

— Хоть въ самый адъ, только бы досадить сатанѣ, потому-что я добрый католикъ.

— Съ этой стороны будь спокоенъ, сказалъ Габріэль: — ты потеряешь со мною, можетъ-быть, въ здѣшней жизни, но не въ будущей.

— Больше я ничего и не требую, сударь, отвѣчалъ Мартэнъ. — Но развѣ г-нъ виконтъ не требуетъ отъ меня ничего, кромѣ жизни?

— Я попрошу тебя, Мартэнъ-Герръ, еще объ одной услугѣ, сказалъ Габріэль, улыбнувшись при геройской наивности вопроса, сдѣланнаго ему конюшимъ.

— Въ чемъ же дѣло, сударь?

— Постарайся поискать и найдти мнѣ какъ-можно-скорѣе, даже сегодня, дюжину товарищей, такихъ же молодцовъ, какъ ты, храбрыхъ, сильныхъ, отважныхъ, которые не боятся ни меча, ни огня, умѣютъ переносить голодъ и жажду, жаръ и стужу, покорны, какъ ангелы, и дерутся, какъ демоны... Можешь ли?

— Смотря по тому, сколько будете платить? спросилъ Мартэнъ-Герръ.

— По золотой монетѣ за каждую каплю ихъ крови, сказалъ Габріэль. — Я не жалѣю о деньгахъ, только бы исполнить свою трудную и благочестивую обязанность.

— Въ такомъ случаѣ, сударь, продолжалъ конюшій: — я пріобрѣту вамъ черезъ два часа нѣсколько молодцовъ, которые не станутъ жаловаться на свои раны. Во Франціи, особенно въ Парижѣ, найдется не мало такихъ праздныхъ головорѣзовъ. Но кому станутъ они служить?

— Мнѣ, сказалъ виконтъ д'Эксмè: — я предпринимаю кампанію не какъ офицеръ и капитанъ гвардіи, но какъ волонтеръ. Мнѣ нужны люди.

— О, если такъ, сударь, у меня готовы подъ рукою пять или шесть нашихъ старыхъ молодцовъ, которые дѣйствовали въ лотарингской войнѣ. Бѣдняжки пожелтѣли отъ печали съ-тѣхъ-поръ, какъ вы уволили ихъ въ отставку. Вотъ-то обрадуются, какъ снова позовете ихъ идти съ собою въ огонь сраженія... Значитъ, мнѣ приходится для васъ вербовать рекрутовъ. Хорошо; сегодня же вечеромъ я представлю вамъ цѣлую военную галерею.

— Хорошо. Но, вотъ одно, главное условіе. Они должны быть готовы оставить Парижъ во всякую минуту, и слѣдовать за мною, куда бы я ни пошелъ, безъ всякихъ вопросовъ и замѣчаній, даже не смотрѣть, куда мы идемъ, на югъ или на сѣверъ.

— Они пойдутъ съ завязанными глазами за славой и деньгами, повѣрьте мнѣ, сударь.

— И такъ, я полагаюсь на нихъ и на тебя, Мартэнъ. Ты, съ своей стороны...

— Обо мнѣ, сударь, нечего и говорить, прервалъ Мартэнъ.

— Напротивъ, о тебѣ-то и должно говорить, Мартэнъ. Если мы перенесемъ тревогу, мой вѣрный слуга, торжественно даю обѣтъ сдѣлать для тебя то же, что ты сдѣлаешь для меня и въ свою очередь дѣйствовать противъ твоихъ враговъ. Но, до-тѣхъ-поръ, дай мнѣ руку, мой вѣрный Мартэнъ.

— Г-нъ виконтъ! сказалъ Мартэнъ-Герръ, почтительно целуя руку своего господина.

— Пора, Мартэнъ, прервалъ его виконтъ д'Эксмé: — принимайся за дѣло. Но помни девизъ: молчаніе и мужество! Теперь мнѣ надо остаться одному.

— Еще слово, сударь: вы будете дома? спросилъ Мартэнъ.

— До семи часовъ; въ восемь я долженъ быть въ Луврѣ.

— Въ такомъ случаѣ, г-нъ виконтъ, я надѣюсь представить вамъ до семи часовъ нѣсколько образчиковъ вашей будущей труппы.

Конюшій поклонился и ушелъ, гордясь возложеннымъ на него порученіемъ.

Габріэль, оставшись одинъ, заперся въ комнатѣ, и во все остальное время дня разсматривалъ планъ, данный ему Жаномъ Пекуа, писалъ замѣтки и ходилъ вдоль и поперегъ по комнатѣ, отъ времени до времени повторяя одушевленнымъ голосомъ:

— Я спасу тебя, отецъ! Я спасу тебя, Діана.

Около шести часовъ, Габріэль, по настоятельнымъ просьбамъ Алоизы, подкрѣпилъ себя пищею; въ то же время вошелъ въ комнату Мартэнъ-Герръ съ видомъ важнымъ и значительнымъ.

— Г-нъ виконтъ, сказалъ конюшій: — не угодно ли вамъ видѣть шесть или семь человѣкъ, которые жаждутъ чести служить, подъ вашимъ начальствомъ, Франціи и королю?

— Какъ? вскричалъ Габріэль: — ты уже успѣлъ завербовать семерыхъ?

— Шестерыхъ или семерыхъ молодцовъ, незнакомыхъ г-ну виконту. Если прибавить къ нимъ нашихъ старыхъ товарищей, сражавшихся при Мецѣ, будетъ ровно дюжина храбрыхъ, которые съ восторгомъ пожертвуютъ собою для полководца такого, какъ г-нъ виконтъ, и соглашаются на всѣ условія, какія вы имъ предложите.

— Чортъ возьми! однакожь, ты не потерялъ времени, сказалъ виконтъ д'Эксмé. — Посмотримъ, какихъ ты привелъ рыцарей.

— Прикажете вводить ихъ по одиначкѣ? спросилъ Мартэнъ-Герръ. — Такъ, я думаю, вы лучше можете разсмотрѣть ихъ.

— Хорошо: одного за другимъ, сказалъ Габріэль.

— Еще послѣднее слово, прибавилъ конюшій. — Не считаю нужнымъ предупреждать г-на виконта, что всѣ эти люди извѣстны мнѣ лично, или по самымъ вѣрнымъ справкамъ. У каждаго изъ нихъ свой нравъ, свои побужденія, но всѣ они имѣютъ одинъ общій характеръ — храбрость, доказанную на дѣлѣ. Я могу поручиться г-ну виконту за это главное качество, если, впрочемъ, онъ будетъ снисходительно смотрѣть на нѣкоторые незначительные недостатки.

Послѣ этой приготовительной рѣчи, Мартэнъ-Герръ ушелъ на минуту изъ комнаты и тотчасъ воротился, ведя за собою огромнаго молодца, смуглаго, съ ловкими пріемами, лицомъ умнымъ и беззаботнымъ.

— Амброзіо, сказалъ Мартэнъ-Герръ, представляя незнакомца виконту.

— Амброзіо—имя не французское. Откуда вы? спросилъ Габріэль.

— А Богъ-знаетъ, отвѣчалъ Амброзіо.—Меня нашли ребенкомъ, и я жилъ въ Пиренеяхъ, одною ногою во Франціи, другою въ Испаніи, и, признаюсь, былъ очень-доволенъ своимъ незаконнымъ рожденіемъ и не просилъ себѣ лучшей доли ни у Бога, ни у своей матери.

— Но скажите, въ чемъ проводили вы жизнь? спросилъ Габріэль.

— А вотъ въ чемъ, сказалъ Амброзіо: — будучи безпристрастнымъ къ обѣимъ сторонамъ, я постоянно старался, по мѣрѣ своихъ слабыхъ средствъ, уничтожать между ними преграды, доставляя одной изъ этихъ сторонъ выгоды, которыми пользовалась другая, и такою мѣною даровъ, получаемыхъ ими отъ Провидѣнія, посвящать, какъ слѣдуетъ благочестивому сыну, все свое искусство для ихъ взаимнаго благополучія.

— Короче, Амброзіо занимался контрабандою, сказалъ Мартэнъ-Герръ.

— Но, продолжалъ Амброзіо: — преслѣдуемый по обѣимъ сторонамъ Пиренеевъ неблагодарными соотечественниками, Испанцами и Французами, я рѣшился оставить свое прежнее мѣсто и пойдти въ Парижъ, городъ выгодный для смѣлыхъ...

— И гдѣ, прибавилъ Мартэнъ: — Амброзіо почтетъ для себя счастіемъ посвятить г-ну виконту д'Эксмè свою храбрость, ловкость и всегдашнюю готовность къ трудамъ и опасностямъ.

— Принять контрабандиста Амброзіо! сказалъ Габріэль. — Слѣдующій.

Амброзіо вышелъ въ совершенномъ восхищеніи отъ такого пріема и уступилъ свое мѣсто другому товарищу. Это былъ человѣкъ угрюмый, какъ отшельникъ, осторожный, въ длинномъ коричневомъ плащѣ съ капюшономъ и съ крупными четками вокругъ шеи.

— Лактанцій! сказалъ Мартэнъ-Герръ.—Онъ уже служилъ подъ знаменами Колиньи, который можетъ самъ засвидѣтельствовать объ его усердіи. Но Лактанцій — ревностный католикъ и не захочетъ повиноваться полководцу, подозрѣваемому въ ереси.

Лактанцій, не говоря ни слова, подтвердилъ наклоненіемъ головы и рукою слова Мартэна, который, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— Этотъ набожный воинъ, вѣрный своему долгу, употребитъ всѣ усилія угодить г-ну виконту д'Эксмè, но проситъ себѣ полной свободы строго исполнять всѣ условія, которыя предписываетъ религія для его спасенія. Вѣрный своему долгу воина и слѣдуя врожденному призванію сражаться противъ своихъ братьевъ по Христу и поражать ихъ, гдѣ только возможно, Лактанцій очень-умно думаетъ, что ему надо, по-крайней-мѣрѣ, строгостью жизни замѣнить эту страшную необходимость. Чѣмъ яростнѣе Лактанцій дерется въ битвѣ, тѣмъ пламеннѣе молится онъ за обѣдней, и на-

лагаетъ на себя самое строгое покаяніе, самый суровый постъ, чтобъ загладить малѣйшій грѣхъ и смягчить небо за множество жертвъ, которыя онъ преждевременно отослалъ къ подножію престола Господня.

— Принять набожнаго Лактанція!, сказалъ съ улыбкою Габріэль.

Лактанцій, не говоря ни слова, низко поклонился и вышелъ, читая про себя благодарственную молитву Всевышнему, удостоившему его поступить подъ начальство такого полководца.

За Лактанціемъ вошелъ Ивоннѐ, молодой человѣкъ средняго роста, съ благороднымъ и нѣжнымъ лицомъ и маленькими, почти женскими руками. Отъ воротничка до сапоговъ, въ одеждѣ его была видна не только опрятность, но даже кокетливая изъисканность. Онъ очень-граціозно поклонился Габріэлю и сталъ передъ нимъ почтительно и въ то же время съ изящною ловкостью, слегка сметая правою рукою нѣсколько пылинокъ, приставшихъ къ лѣвому рукаву.

— Вотъ, сударь, самый рѣшительный изъ всѣхъ, сказалъ Мартэнъ-Герръ.—Ивонне́ въ битвахъ не знаетъ преградъ; это настоящій левъ, который только-что сорвался съ цѣпи. Ивоннѐ рубитъ палашомъ вправо и влѣво. Но лучше всего видѣть, ка́къ онъ дѣйствуетъ во время аттаки: онъ ужасно самолюбивъ, прежде всѣхъ становится на первую лѣстницу, и первый водружаетъ французское знамя на непріятельскую стѣну.

— Да вы настоящій герой, сказалъ Габріэль молодому человѣку.

— Я стараюсь какъ только могу, скромно отвѣчалъ Ивонне́:— и мои ничтожныя усилія, безъ сомнѣнія, стоятъ ниже похвалъ г. Мартэна-Герра.

— Нѣтъ, я только отдаю вамъ справедливость, отвѣчалъ Мартэнъ:—и въ доказательство этого, похваливъ ваши достоинства, я представлю и ваши недостатки. Ивонне́, сударь, безстрашенъ только на полѣ битвы, когда вокругъ него раздаются барабаны, свистятъ стрѣлы, гремятъ пушки. Здѣсь онъ является истиннымъ героемъ. Но въ домашней жизни, Ивонне́ робокъ, нѣженъ и раздражителенъ, какъ дѣвушка. Чувствительность его требуетъ большихъ предосторожностей. Онъ не любитъ оставаться одинъ въ темнотѣ, боится мышей и пауковъ, и чуть не падаетъ въ обморокъ отъ царапины. Только запахъ пороха и видъ крови возвращаютъ ему воинственную смѣлость.

— Это не наше дѣло, сказалъ Габріэль:—мы ведемъ его не на балъ, а въ битву. Принять нѣжнаго Ивонне́!

Молодой человѣкъ отдалъ виконту д'Эксме́ поклонъ по всѣмъ правиламъ искусства, и удалился, покручивая бѣлою рукою свои тоненькіе усы.

Ивоннé смѣнили два колосса, бѣлокурые, крѣпкіе, спокойные. Одинъ казался лѣтъ сорока; другому нельзя было дать и двадцати-пяти.

— Генрихъ Шарфенштейнъ и племянникъ его, Францъ Шарфенштейнъ, сказалъ Мартэнъ-Герръ.

— Это что за великаны? спросилъ удивленный Габріэль.—Откуда вы, друзья?

— Wir verstehen nur ein wenig das französisch, сказалъ старшій великанъ.

— Что? спросилъ виконтъ д'Эксмé.

— Мы худо понимаемъ по-французски, отвѣчалъ младшій геркулесъ.

— Это нѣмецкіе рейтары, замѣтилъ Мартэнъ-Герръ:—по-итальянски кондотьеры. Они продаютъ свои руки тому, кто лучше платитъ за храбрость. Они уже поработали за Испанцевъ и Англичанъ, но Испанцы дурно платятъ, Англичане много торгуются. Купите, г. виконтъ, эту пару, и вы много пріобрѣтете. Они безпрекословно повинуются приказаніямъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ станутъ хоть передъ жерломъ пушки. Храбрость для нихъ первое условіе чести; только платите имъ аккуратно жалованье и они безъ всякаго ропота готовы будутъ подвергать себя всѣмъ смертельнымъ опасностямъ своего ремесла.

— И такъ, пусть останутся при мнѣ оба героя, сказалъ Габріэль: — и, для большей вѣрности, они впередъ получатъ мѣсячное жалованье. Однакожь, надо спѣшить. Слѣдующій.

Два германскіе голіаѳа по-военному приложили руку къ шляпѣ и пошли въ-ногу скорымъ шагомъ, какъ два автомата.

— Вотъ и слѣдующій; его зовутъ Пилльтруссъ, объявилъ Мартэнъ-Герръ.

Незнакомецъ, что-то въ родѣ разбойника, съ свирѣпымъ лицомъ, въ оборванномъ платьѣ, съ угловатыми ухватками, робко вошелъ въ комнату и отвернулъ глаза отъ Габріэля, какъ обвиненный отъ судьи.

— Будь посмѣлѣе, Пилльтруссъ, нѣчего стыдиться, ласково сказалъ Мартэнъ-Гэрръ.—Г. виконтъ просилъ у меня смѣльчаковъ; ты даже немного побойчѣе прочихъ; однакожь, тебѣ нé зачѣмъ краснѣть.

И потомъ, обращаясь къ своему господину, Мартэнъ-Герръ прибавилъ:

— Пилльтруссъ, надо вамъ сказать, сударь, принадлежитъ къ числу людей, которыхъ мы называемъ «дозорными». Въ войнѣ Англичанъ и Испанцевъ, онъ до-сихъ-поръ дѣйствовалъ своими средствами. Пилльтруссъ ходитъ по большимъ дорогамъ, наполненнымъ теперь иностранными хищниками, и рѣжетъ разбойниковъ. Что же касается соотечественниковъ, надо сказать правду, онъ не только не вредитъ, но даже покровительствуетъ имъ. Значитъ, Пилльтруссъ

завоеватель, а не воръ; Пилльтруссъ живетъ данью, а не грабежами. При всемъ томъ, онъ почувствовалъ необходимость завести порядокъ въ своихъ занятіяхъ, немножко бродячихъ, и не такъ рѣзко безпокоить непріятелей Франціи. Вотъ почему Пилльтруссъ съ радостью изъявилъ свою готовность статъ подъ знамя виконта д'Эксмè.

— Если ты согласенъ быть порукой, Мартэнъ-Герръ, я принимаю Пилльтрусса, отвѣчалъ Габріэль: — но только съ условіемъ, чтобъ съ-этихъ-поръ театромъ его дѣйствія были не дороги и тропинки, но укрѣпленные города и поле битвы.

— Кланяйся г. виконту, баловень, благодари; ты принятъ въ число нашихъ, сказалъ Пилльтруссу Мартэнъ-Герръ, который, казалось, имѣлъ какую-то слабость къ этому «шалуну».

— Благодарю, благодарю васъ, г. виконтъ, проговорилъ Пилльтруссъ.—Съ нынѣшняго дня, я буду сражаться одинъ не противъ двоихъ или троихъ, но противъ десятерыхъ.

— Давно бы такъ! сказалъ Габріэль.

За Пилльтруссомъ явился человѣкъ блѣдный, задумчивый, съ озабоченнымъ лицомъ, который, казалось, смотрѣлъ на весь свѣтъ съ уныніемъ и печалью. Широкіе рубцы, проведенные на его лицѣ, придавали ему отпечатокъ еще болѣе-мрачный.

Мартэнъ-Герръ, представляя этого седьмаго и послѣдняго рекрута, объявилъ, что его фамилія Мальморъ.

— Г. виконтъ сдѣлаетъ непростительный грѣхъ, если откажетъ бѣдному Мальмору, прибавилъ конюшій.—Мальморъ, дѣйствительно, питаетъ самую чистую, самую глубокую страсть къ Беллонѣ, если позволите мнѣ выразиться нѣсколько-миѳологически. Но, досихъ-поръ, эта страсть была довольно-несчастна. Бѣдняжка Мальморъ чувствуетъ непреодолимую склонность къ войнѣ; вся его отрада, все наслажденіе заключаются въ хорошей сѣчѣ, и, къ-несчастію, онъ едва прикоснулся губами къ чашѣ своего блаженства! Онъ такъ *слѣпо*, такъ яростно кидается въ кровавую схватку, что всегда съ перваго скачка получаетъ рану и отправляется въ походный госпиталь, гдѣ, лежа на боку до окончанія битвы, жалуется не столько на боль, сколько на невозможность сражаться. Все его тѣло — одна большая рана; однакожь, благодаря Бога, Мальморъ крѣпокъ и скоро поправляется. Ему только надобно подождать благопріятнаго случая; но это желаніе, долго не находя себѣ пищи, изнуряетъ его болѣе, нежели кровь, которую онъ такъ славно потерялъ въ битвахъ... Видите, г. виконтъ, что, право, грѣшно отказать этому задумчивому воителю въ радости, которую вы можете доставить ему съ выгодою для себя.

— Я очень-радъ принять Мальмора, любезный Мартэнъ, отвѣчалъ Габріэль.

Пріятная улыбка мелькнула на блѣдномъ лицѣ Мальмора; надежда оживила искрою его угасшіе глаза, и онъ пошелъ къ своимъ товарищамъ веселѣе, нежели вошелъ въ комнату виконта.

— Теперь ты представилъ всѣхъ? спросилъ Габріэль у конюшаго.

— Точно-такъ, сударь; покамѣстъ, я не привелъ еще другихъ. Я не смѣлъ надѣяться, что вы пріймете всѣхъ.

— У тебя вѣрный и хорошій вкусъ, Мартэнъ. Благодарю за счастливый выборъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я осмѣливаюсь думать, скромно отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ:—что нельзя пренебрегать такими молодцами, какъ Мальморъ, Пилльтруссъ, два Шарфенштейна, Лактанцій, Ивоннè и Амброзіо.

— Я думаю! сказалъ Габріэль.—Славные товарищи!

— Если г-ну виконту угодно будетъ присоединить къ нимъ Ландри́, Шенеля, Обріо̀, Контамина и Балю, ветерановъ лотарингскаго сраженія, я думаю, что подъ начальствомъ г-на д'Эксме́ такая труппа дастъ себя знать друзьямъ, и еще больше врагамъ.

— Да, правда! сказалъ Габріэль: — желѣзныя руки, желѣзныя головы! Постарайся, Мартэнъ, какъ-можно-скорѣе одѣть и вооружить этихъ двѣнадцать храбрецовъ. Впрочемъ, сегодня тебѣ не худо отдохнуть; ты употребилъ въ дѣло нынѣшній день, и я тебѣ благодаренъ; но мой день еще не конченъ, не смотря на то, что я также не мало дѣйствовалъ.

— Куда же, сударь, вы отправляетесь нынче вечеромъ? спросилъ Мартэнъ-Герръ.

— Въ Лувръ, къ г-ну Гизу; онъ ждетъ меня въ восемь часовъ, сказалъ Габріэль, вставая со стула. — Но, благодаря твоему быстрому усердію, Мартэнъ, надѣюсь, что кой-какія трудности, которыя могли бы мнѣ представиться въ разговорѣ съ герцогомъ, уничтожены заранѣе.

— Это, сударь, меня весьма радуетъ.

— И меня также, Мартэнъ. Ты не знаешь, ка́къ я нуждаюсь въ успѣхѣ!.. Но... я буду имѣть успѣхъ.

И благородный молодой человѣкъ, подходя къ дверямъ, повторялъ въ своемъ сердцѣ:

— Да, я спасу тебя, отецъ! Я спасу тебя, Діана!..

VIII.

Догадливость неловкаго.

Перешагнемъ мыслію шестдесятъ миль и двѣ недѣли, и возвратимся въ Кале́, въ концѣ ноября 1557 года.

Не прошло двадцати-пяти дней со времени отъѣзда виконта д'Эксме́, когда посланный отъ него явился у воротъ англійскаго города.

Посланный этотъ просилъ, чтобъ его провели къ губернатору, милорду Уэнтворту, которому онъ долженъ былъ вручить выкупъ за его бывшаго плѣнника.

Курьеръ, казалось, былъ очень-неловокъ, потому-что, кáкъ ясно ни показывали ему дорогу, кáкъ ни бились указать ему главныя ворота, онъ двадцать разъ ходилъ мимо ихъ, и стучался въ калитки и запрещенные выходы, такъ-что безтолковый понапрасну обошелъ всѣ валы, снаружи окружавшіе городъ.

Наконецъ, уступая указаніямъ, изъ которыхъ одни были яснѣе другихъ, онъ попалъ на вѣрную дорогу, и даже въ эту отдаленную эпоху волшебная сила словъ «я несу десять тысячь экю губернатору» была такъ неотразима, что городскіе стражи, не смотря на всѣ предосторожности, предписанныя лордомъ Уэнтвортомъ, пропустили въ Калé вѣстника съ такою почтенною суммой.

Право, только въ золотой вѣкъ не знали денегъ!

Безтолковый посланный Габріэля еще долго блуждалъ по улицамъ Калé прежде, чѣмъ пришелъ къ отели губернатора, хотя сострадательныя души на разстояніи каждыхъ ста шаговъ объясняли ему, гдѣ живетъ губернаторъ. Слуга виконта, видя какую-нибудь гауптвахту, думалъ, что тутъ-то непремѣнно и слѣдуетъ спросить о лордѣ Уэнтвортѣ, и бѣжалъ къ гауптвахтѣ.

Истративъ цѣлый часъ на дорогу, которую всякій другой окончилъ бы въ десять минутъ, онъ пришелъ, наконецъ, къ дому губернатора, и тотчасъ былъ допущенъ къ лорду Уэнтворту, принявшему его съ видомъ не только озабоченнымъ, но даже печальнымъ. Губернаторъ въ этотъ день былъ чрезвычайно-скученъ.

Когда посланный объяснилъ причину своего прихода и положилъ на столъ мѣшокъ, набитый золотомъ, Англичанинъ спросилъ:

— Г. виконтъ поручилъ только отдать эти деньги?.. Не просилъ ли онъ еще что сообщить мнѣ?

Пьеръ—такъ звали посланнаго — посмотрѣлъ съ удивленіемъ на лорда Уэнтворта, и наконецъ отвѣчалъ:

— Милордъ, я долженъ только отдать вамъ выкупъ. Господинъ мой больше не приказывалъ ничего, и я, право, не понимаю...

— Давно бы такъ! прервалъ лордъ Уэнтвортъ съ презрительною улыбкой. — Г. виконтъ д'Эксмé, кажется мнѣ, сдѣлался благоразумнѣе, съ чѣмъ и поздравляю твоего господина. Французскій придворный воздухъ, какъ видно, разслабляетъ память; тѣмъ лучше для тѣхъ, которые впиваютъ этотъ воздухъ.

И потомъ губернаторъ сказалъ почти шопотомъ:

— Забвеніе—половина счастія.

— Милордъ, съ своей стороны, не желаете ли что сообщить моему господину? спросилъ посланный, который, казалось, беззаботно и безсмысленно слушалъ грустное выраженіе, сказанное въ сторону Англичаниномъ.

— Если г-нъ д'Эксмé ничего не говоритъ мнѣ, такъ и мнѣ отвѣчать нечего, сказалъ лордъ Уэнтвортъ. — Впрочемъ, пожалуй,

предупреди его, что еще цѣлый мѣсяцъ, то-есть, до перваго числа января, я жду твоего господина и готовъ къ его услугамъ, какъ дворянинъ и какъ губернаторъ Калé. Онъ пойметъ.

— До перваго января, милордъ? спросилъ Пьеръ.

— Да. Вотъ тебѣ росписка, любезный другъ, и, сверхъ-того, маленькое вознагражденіе за трудности, которыя встрѣчались тебѣ во время долгаго пути. Возьми, возьми, любезный другъ!

Посланный сначала не рѣшался, но потомъ одумался и взялъ кошелекъ, предложенный ему лордомъ Уэнтвортомъ.

— Благодарю васъ, милордъ, сказалъ онъ. — Но, милордъ, у меня еще есть къ вамъ просьба.

— Какая? спросилъ губернаторъ.

— Кромѣ долга, сейчасъ заплаченнаго милорду, виконтъ д'Эксмé поручилъ мнѣ отдать еще деньги, которыя, въ бытность свою въ Калé, онъ задолжалъ одному изъ здѣшнихъ жителей... Какъ бишь его зовутъ?.. Да; Пьеру Пекуá, его бывшему хозяину.

— Ну, что жь? сказалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Позволите ли мнѣ, милордъ, пойдти къ Пьеру Пекуá и лично передать ему эти деньги?

— Безъ сомнѣнія, сказалъ ему губернаторъ. — Вотъ паспортъ, съ которымъ тебя свободно выпустятъ изъ Калé. Я очень желалъ бы позволить тебѣ пробыть здѣсь нѣсколько дней; можетъ-быть, ты нуждаешься въ отдыхѣ послѣ дороги; но, къ-сожалѣнію, мнѣ запрещено держать здѣсь иностранцевъ, и въ особенности Французовъ. Тебѣ покажутъ домъ Пьера Пекуá. Прощай, любезный другъ; счастливый путь!

— Прощайте, милордъ.

Вышедъ изъ дома губернатора, посланный еще разъ десять сбивался съ дороги, и, наконецъ, пришелъ въ Улицу-Мартруа, гдѣ, если угодно вспомнить читателямъ, жилъ оружейникъ Пьеръ Пекуá.

Посланный Габріэля нашелъ, что Пьеръ Пекуá былъ еще печальнѣе въ своей мастерской, нежели лордъ Уэнтвортъ въ своемъ кабинетѣ. Оружейникъ, принявъ вошедшаго за покупателя, встрѣтилъ его съ замѣтнымъ равнодушіемъ. Но когда тотъ объявилъ, что онъ пришелъ отъ виконта д'Эксмé, лицо честнаго горожанина вдругъ просвѣтлѣло.

— Вы пришли отъ виконта д'Эксмé? вскричалъ онъ.

И потомъ, обратившись къ одному изъ своихъ учениковъ, который, раскладывая товаръ, могъ подслушать разговоръ, оружейникъ сказалъ ему:

— Кентенъ, выйдь отсюда и увѣдомь Жана, что пріѣхалъ посланный отъ виконта д'Эксмé.

Ученикъ повиновался приказанію.

— Теперь говорите, любезный другъ, сказалъ съ живостію Пьеръ Пекуá. — О, мы очень-хорошо знали, что виконтъ не забу-

детъ насъ! Говорите скорѣе. Ну, что принесли вы намъ отъ виконта?

— Поклонъ, благодарность, кошелекъ съ деньгами и слова: «Помните пятое число». Виконтъ сказалъ, что вы поймете эти слова.

— И только-то? спросилъ Пьеръ Пекуа̀.

— Все тутъ, отвѣчалъ посланный.—Право, какой прихотливый народъ здѣшніе жители! подумалъ онъ, удивленный вопросомъ Пьера Пекуа̀.—Даже не дорожатъ деньгами! У этихъ людей есть какія-то особенныя претензіи, которыхъ самъ чортъ не разгадаетъ.

— Но, продолжалъ оружейникъ:—вѣдь насъ трое въ здѣшнемъ домѣ. Со мною живутъ мой двоюродный братъ Жанъ, и сестра Бабета. Вы исполнили порученіе, которое касалось меня; хорошо. Не надобно ли вамъ еще что сообщить Бабетѣ или Жану?

Но Жанъ Пекуа́, ткачъ, вошелъ въ комнату именно въ ту минуту, когда посланный Габріэля отвѣчалъ:

— Все, что̀ мнѣ велѣно было сказать, касалось господина Пьера Пекуа́, и я сказалъ ему все, что̀ слѣдовало, а другихъ не дано мнѣ порученій.

— Теперь ты видишь, братъ, сказалъ Пьеръ, обращаясь къ Жану: — г-нъ виконтъ д'Эксме́ благодаритъ насъ; г-нъ виконтъ д'Эксмѐ спѣшитъ заплатить намъ свой долгъ; г-нъ виконтъ д'Эксме́ велѣлъ сказать намъ: «Помните пятое число!» а самъ онъ позабылъ!

— Увы! сказалъ за дверью слабый и болѣзненный голосъ.

Это былъ голосъ бѣдной Бабеты, которая слышала весь разговоръ.

— Постойте, сказалъ Жанъ Пекуа́, еще не теряя надежды. — Пріятель, продолжалъ онъ, обращаясь къ посланному: — если вы жили въ домѣ виконта д'Эксмѐ, вы, конечно, знаете одного изъ его слугъ, вашего товарища, по имени Мартэна-Герра?

— Мартэна-Герра?.. Какъ не знать Мартэна-Герра!.. Да, сударь, я знаю конюшаго Мартэна-Герра.

— Онъ все еще служитъ г-ну д'Эксме́?

— Какъ не служить; служитъ.

— Зналъ ли онъ, что вы отправляетесь въ Кале́?

— Разумѣется, зналъ, отвѣчалъ посланный:—я засталъ его передъ своимъ отъѣздомъ въ отели г-на д'Эксме́, и они вдвоемъ проводили меня до самыхъ воротъ. Мартэнъ-Герръ видѣлъ, какъ я отправился въ дорогу.

— Онъ не просилъ васъ ничего передать ни мнѣ, ни другимъ лицамъ, живущимъ въ этомъ домѣ?

— Рѣшительно ничего, повторяю вамъ еще разъ.

— Постой, Пьеръ, не выходи изъ терпѣнія, сказалъ Жанъ. — Любезный другъ, можетъ-быть, Мартэнъ-Герръ просилъ васъ не-[illegible] его порученіе тайно; въ такомъ случаѣ, теперь всѣ предосторожности напрасны, потому-что мы знаемъ истину. Печаль

той, передъ которою такъ виноватъ Мартэнъ-Герръ, открыла намъ все, и вы можете говорить въ нашемъ присутствіи. Впрочемъ, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, мы готовы уйдти, и особа, про которую вамъ говорилъ Мартэнъ-Герръ, сейчасъ прійдетъ сюда: вы можете говорить съ нею наединѣ, не опасаясь, что васъ услышатъ.

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ посланный:—я рѣшительно не понимаю, про что вы говорите.

— Довольно, Жанъ, довольно! вскричалъ Пьеръ Пекуà, глаза котораго зажглись молніей негодованія.—Клянусь могилою своего отца, я, право, не понимаю, Жанъ, чтò тебѣ за удовольствіе повторять исторію нашего безславія?

Жанъ печально опустилъ голову, понимая всю справедливость словъ брата.

— Не угодно ли вамъ пересчитать деньги? спросилъ посланный, приведенный въ затрудненіе своею ролью.

— Къ-чему? сказалъ Жанъ.—Оставьте ихъ у себя. Я велю принести вамъ кое-что поѣсть и выпить.

— За деньги я вамъ благодаренъ, отвѣчалъ посланный, который, однакожь, казалось, не рѣшался принять ихъ.—Чтò же касается до кушанья, то мнѣ, право, не хочется ни ѣсть, ни пить; я сейчасъ обѣдалъ въ Ньёле. Притомъ, я долженъ тотчасъ ѣхать, потому-что вашъ губернаторъ запретилъ мнѣ долго оставаться въ здѣшнемъ городѣ.

— Не удерживаемъ васъ, любезный другъ, сказалъ Жанъ Пекуà.—Прощайте. Скажите Мартэну-Герру... или нѣтъ; отъ насъ ему нечего говорить. Скажите только г-ну д'Эксмè, что мы благодаримъ его, помнимъ пятое число, и надѣемся также, что, въ свою очередь, и виконтъ не забудетъ.

— Послушайте еще, прибавилъ Пьеръ Пекуà, вышедшій въ эту минуту изъ задумчивости.—Скажите своему господину, что мы будемъ ждать его цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени, вы успѣете воротиться въ Парижъ, и виконтъ пришлетъ къ намъ когонибудь съ отвѣтомъ. Если же, до окончанія нынѣшняго года, мы не получимъ отъ г. д'Эксмè никакихъ извѣстій, то принуждены будемъ думать, что его сердце лишено памяти, и сожалѣть столько же о немъ, сколько о самихъ-себѣ. Если дворянинъ такъ хорошо помнитъ о какихъ-нибудь ничтожныхъ долгахъ, то онъ еще лучше долженъ помнить о тайнахъ, которыя ввѣрены ему. За тѣмъ прощайте, любезный другъ.

— Оставайтесь съ Богомъ, сказалъ посланный Габріэля. — Всѣ ваши вопросы будутъ въ точности переданы г. д'Эксмè.

Жанъ Пекуà проводилъ его до дверей, выходившихъ на улицу. Пьеръ Пекуà остался, какъ вкопанный, въ своей комнатѣ.

Досужій вѣстникъ, проблуждавъ еще по извилинамъ запутаннаго и сбивчиваго Калè, дошелъ, наконецъ, до главныхъ воротъ,

предъявилъ свой паспортъ, и, давъ часовымъ ощупать у себя всѣ карманы, вышелъ изъ города.

Три четверти часа онъ почти бѣжалъ и убавилъ шагъ, когда отошелъ на милю отъ заставы. Тогда онъ позволилъ себѣ отдохнуть, сѣлъ на дерновый холмъ, задумался, и улыбка удовольствія оживила его глаза и губы.

— Право, не понимаю, сказалъ онъ себѣ: — отъ-чего жители этого города одни печальнѣе и таинственнѣе другихъ. Лордъ Уэнтвортъ, кажется мнѣ, имѣетъ какія-то претензіи на г-на д'Эксмѐ, братья Пекуа̀ недовольны Мартэномъ-Герромъ. Да, впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого? Мнѣ горевать нѐ о чемъ; у меня здѣсь все, чего я хочу и что мнѣ надобно. Правда, у меня нѣтъ ни черточки пера, ни клочка бумаги; да что за дѣло: у меня все—въ головѣ, и съ планомъ г. д'Эксмѐ я могу прекрасно построить воображеніемъ весь этотъ городъ, который заставилъ другихъ хмурить брови, а во мнѣ оставилъ пріятныя воспоминанія.

Посланный пересчиталъ памятью всѣ улицы, бульвары, укрѣпленные пòсты, которые такъ кстати помогла ему развѣдать его мнимая недогадливость.

— Точно, совершенно такъ! сказалъ онъ.—Все ясно и понятно, какъ-будто лежитъ у меня на ладони. Будетъ же доволенъ герцогъ Гизъ! Благодаря этому путешествію и драгоцѣннымъ показаніямъ капитана гвардіи его величества, мы силою приведемъ сюда любезнаго виконта д'Эксмѐ съ его конюшимъ, и они не опоздаютъ на свиданіе, назначенное имъ, черезъ мѣсяцъ, лордомъ Уэнтвортомъ и Пьеромъ Пекуа̀. Если угодно Богу и обстоятельствамъ, черезъ шесть недѣль мы возьмемъ Калѐ, или я сложу здѣсь свою голову!

И читатели наши согласятся, что послѣднее было бы очень-прискорбно, когда узнаютъ, что здѣсь дѣло идетъ о головѣ маршала Пьера Строцци, одного изъ знаменитѣйшихъ и самыхъ искусныхъ инженеровъ шестнадцатаго столѣтія.

Отдохнувъ нѣсколько минутъ, Пьеръ Строцци отправился въ путь, много думая о Калѐ и очень-мало объ его жителяхъ.

IX.

31-е декабря 1557 года.

Читатели, вѣроятно, догадались, отъ-чего Пьеръ Строцци нашелъ лорда Уэнтворта печальнымъ и озабоченнымъ, и отъ-чего губернаторъ Калѐ говорилъ съ такою гордостью и досадой о виконтѣ д'Эксмѐ.

Причиною этого было, что г-жа де-Кастро, казалось, все болѣе и болѣе ненавидѣла лорда.

Когда онъ просилъ позволенія видѣться съ нею, Діана всегда старалась найдти какой-нибудь предлогъ избавиться отъ его визитовъ; если же иногда она не могла избѣгнуть его присутствія —ледяной и церемонный пріемъ ея слишкомъ-ясно обнаруживалъ ея чувства и каждый разъ приводилъ лорда въ новое отчаяніе.

Между-тѣмъ, онъ еще не отказывался отъ любви. Переставъ надѣяться, онъ еще не отчаявался; онъ хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, остаться въ глазахъ Діаны совершеннѣйшимъ изъ придворныхъ, который своею утонченною любезностью составилъ себѣ извѣстное имя при дворѣ Маріи англійской. Плѣнницѣ Уэнтворта было душно отъ его услужливости. Діана жила съ царскою роскошью въ темницѣ; предупредительный лордъ назначилъ къ ней французскаго пажа, выписалъ для нея изъ Италіи музыкантовъ, которыми такъ дорожили въ вѣкъ возрожденія; иногда, г-жа де-Кастро находила у себя въ комнатѣ великолѣпные наряды, которые Уэнтвортъ нарочно для нея выписывалъ изъ Лондона, и на все это она не обращала никакого вниманія.

Однажды, губернаторъ далъ въ честь ея большой балъ, на который были приглашены всѣ англійскія знаменитости, жившія въ Кале и въ окрестностяхъ. Приглашенія были отправлены даже черезъ проливъ; но г-жа де-Кастро рѣшительно отказалась явиться на этомъ балу.

Видя такую холодность, такое пренебреженіе, лордъ Уэнтвортъ всякій день повторялъ себѣ, что для его спокойствія ему гораздо-лучше было бы принять выкупъ, предложенный ему Генрихомъ II, и возвратить Діанѣ свободу.

Но вѣдь это значило возвратить счастіе Габріэлю д'Эксме, и Англичанинъ не находилъ у себя въ сердцѣ довольно силы и мужества рѣшиться на такое ужасное пожертвованіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ губернаторъ:—если она не будетъ моею, то, по-крайней-мѣрѣ, не будетъ принадлежать никому.

Дни, недѣли, мѣсяцы проходили въ этой томительной нерѣшительности.

31-го декабря 1557 года, лорду Уэнтворту удалось, наконецъ, получить позволеніе войдти въ комнаты г-жи де-Кастро. Мы уже сказали, что только здѣсь онъ дышалъ свободнѣе, хотя постоянно уходилъ отсюда съ большею печалью. Но видѣть Діану, даже строгую, слушать ея слова, даже ироническія, сдѣлалось для него неизбѣжною, неотразимою необходимостью.

Діана сидѣла у камина; передъ нею стоялъ Уэнтвортъ; они разговаривали.

— Наконецъ, г-жа де-Кастро, сказалъ влюбленный губернаторъ:

— еслибъ я, измученный вашею жестокостью, раздраженный вашимъ презрѣніемъ, вспомнилъ, что я дворянинъ и здѣсь полный хозяинъ?...

— Милордъ, вы обезславили бы себя, но не меня, съ твердостію отвѣчала Діана.

— Мы оба лишились бы чести, возразилъ лордъ Уэнтвортъ. — Вы находитесь въ моей власти. Куда бы убѣжали вы?

— Боже мой, я найду себѣ спасеніе въ смерти, отвѣчала она спокойно.

Лордъ Уэнтвортъ поблѣднѣлъ и задрожалъ при мысли, что онъ будетъ причиною смерти Діаны.

— Такое упорство противно природѣ, сказалъ онъ, опустивъ голову:—вы все еще вѣрите въ какое-то невозможное счастіе. Скажите, отъ кого надѣетесь вы получить помощь въ настоящую минуту?

— Отъ Бога, отъ короля... отвѣчала Діана.

Лордъ Уэнтвортъ хорошо понялъ эту недоконченную фразу, недосказанную мысль.

— Она еще думаетъ о д'Эксмé, сказалъ про-себя Уэнтвортъ.

Но онъ не осмѣливался коснуться этого ужаснаго воспоминанія, не хотѣлъ разбудить его и отвѣчалъ съ досадою:

— Да, надѣйтесь на короля, надѣйтесь на Бога! Но, еслибъ небо захотѣло помочь вамъ, оно явило бы свою помощь въ первый день вашихъ страданій, а между-тѣмъ сегодня кончается годъ, и Богъ еще не простеръ надъ вами своей спасительной руки.

— Я надѣюсь на годъ, который начнется завтра, отвѣчала Діана, поднявъ прекрасные глаза, какъ-будто прося защиты у небесъ.

— Что же касается французскаго короля, вашего батюшки, продолжалъ *лордъ* Уэнтвортъ: — я думаю, что руки его слишкомъ обременены дѣлами, и ему невозможно посвятить вамъ всю свою силу, всѣ свои мысли. Франція находится еще въ бóльшей опасности, нежели его собственная дочь.

— Да, вы такъ говорите! сказала Діана сомнительнымъ тономъ.

— *Лордъ* Уэнтвортъ не обманываетъ. Знаете ли, въ какомъ положеніи теперь находятся дѣла короля, вашего августѣйшаго отца?..

— Чтò я могу знать въ этой темницѣ? отвѣчала Діана, будучи, однакожь, не въ состояніи скрыть свое любопытство.

— Вы спросили бы меня, замѣтилъ лордъ Уэнтвортъ, обрадованный, что наконецъ его выслушаютъ, хотя бы даже онъ явился вѣстникомъ несчастія.—Итакъ, знайте, госпожа де-Кастро, возвращеніе герцога Гиза въ Парижъ не улучшило положенія Франціи. До-сихъ-поръ, тамъ организовано нѣсколько полковъ, укрѣ-

плены нѣкоторыя мѣста — вотъ и все. Въ настоящую минуту, Франція не знаетъ, на что рѣшиться. Силы ея, сосредоточенныя на сѣверныхъ границахъ, могли бы остановить торжественное движеніе Испанцевъ, но Франція не предпринимаетъ ничего противъ нихъ. Двинутся ли эти силы противъ Люксанбурга, устремятся ли на Пикардію,—дѣло неизвѣстное. Не попытаются ли онѣ взять Сен-Кентенъ или Гамъ?..

— Или даже Калé? прервала Діана, устремивъ быстрый взоръ на губернатора и желая прочесть на его лицѣ дѣйствіе, произведенное этимъ именемъ.

Но лордъ Уэнтвортъ гордо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Позвольте мнѣ даже и не думать о подобномъ вопросѣ. Всякій, кто имѣетъ какое-нибудь понятіе о войнѣ, не допуститъ такого сумасброднаго предположенія ни на минуту, и герцогъ Гизъ столько опытенъ, что не рѣшится на такую странную, неисполнимую попытку, не захочетъ разсмѣшить каждаго, кто только въ Европѣ носитъ шпагу.

Въ эту самую минуту, у дверей послышался шорохъ, и въ комнату поспѣшно вошелъ егерь.

Лордъ Уэнтвортъ всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Какое обстоятельство дало вамъ смѣлость безпокоить меня здѣсь? спросилъ взбѣшенный лордъ.

— Извините, милордъ, отвѣчалъ егерь: — меня прислалъ лордъ Дэрби.

— За какимъ важнымъ дѣломъ? Говорите же.

— Господину лорду Дэрби, отвѣчалъ егерь:—дано извѣстіе, что вчера, въ десяти миляхъ отъ Калé, видѣли французскій авангардъ изъ двухъ тысячь стрѣлковъ, и потому лордъ Дэрби приказалъ предупредить васъ немедленно.

Діана вскрикнула, не стараясь скрывать свою радость.

— И вы для этого осмѣлились отъискивать меня даже здѣсь, отвѣчалъ холодно лордъ Уэнтвортъ, обращаясь къ егерю.

— Милордъ, замѣтилъ изумленный егерь:—лордъ Дэрби...

— Скажи отъ меня лорду Дэрби, прервалъ губернаторъ: — что онъ близорукій и принимаетъ бугорки за горы.

— Итакъ, милордъ, пóсты, которые лордъ Дэрби хотѣлъ усилить...

— Должны остаться по-старому! И пусть не безпокоятъ меня своимъ глупымъ страхомъ.

Егерь почтительно поклонился и вышелъ.

— Однакожъ, милордъ, сказала Діана де-Кастро: — вы видите, что мое безумное предчувствіе осуществляется во мнѣніи даже одного изъ лучшихъ вашихъ офицеровъ.

— Теперь болѣе, чѣмъ прежде, я принужденъ вывести васъ изъ заблужденія, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ невозмутимою само

увѣренностію.— Я могу объяснить вамъ въ двухъ словахъ ложное предостереженіе, которое, не понимаю какимъ образомъ, могло поколебать лорда Дэрби.

— Посмотримъ, сказала г-жа де-Кастро, желая, чтобъ ей освѣтили предметъ, въ которомъ теперь сосредоточивалась вся ея жизнь.

— Итакъ, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ:—вотъ одно изъ двухъ обстоятельствъ: или господа Гизъ и де-Неверъ, впрочемъ, полководцы искусные и благоразумные, хотятъ доставить провіантъ въ Ардръ и Булонь, и отправили туда войска, или же они, желая успокоить Гамъ и Сен-Кентень, идутъ будто-бы на Калé, а потомъ вдругъ воротятся захватить одинъ изъ этихъ двухъ городовъ.

— Но, можетъ-быть, замѣтила г-жа де-Кастро: — они дѣлаютъ притворное движеніе на Гамъ и Сен-Кентень, чтобъ вѣрнѣе захватить Калé?

Къ-счастію, Діана имѣла дѣло съ убѣжденіемъ, утвержденнымъ на гордости національной и гордости личной.

— Я уже имѣлъ честь замѣтить вамъ, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ пренебреженіемъ: — что Калé одинъ изъ тѣхъ городовъ, которыхъ нельзя ни захватить врасплохъ, ни взять силою. Прежде, нежели подойдутъ къ нему, должно овладѣть крѣпостями св. Агаты и Ньёлé, съ успѣхомъ биться въ-продолженіе пятнадцати дней на всѣхъ пунктахъ, а въ эти пятнадцать дней можно пятнадцать разъ извѣстить Англію, и она поспѣетъ на помощь своему драгоцѣнному городу. Взять Калé!.. Право, я не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю объ этомъ.

Г-жа де-Кастро, оскорбленная лордомъ, сказала съ нѣкоторою досадой:

— *То*, что печалитъ меня, доставляетъ вамъ радость. Кáкъ же вы хотите, чтобъ наши души поняли одна другую?

— Я хотѣлъ только уничтожить грезы, раздѣляющія насъ, вскричалъ, поблѣднѣвъ, лордъ Уэнтвортъ:—я хотѣлъ только доказать вамъ, что вы строите воздушные зáмки, и что французскій дворъ долженъ помѣшаться, чтобъ задумать попытку, о которой вы мечтаете.

— Есть гордое безуміе, милордъ, гордо сказала Діана: — и я дѣйствительно знаю высокихъ безумцевъ, которые, изъ любви къ славѣ, или просто изъ самоотверженія, не отступаютъ ни на шагъ отъ возвышенной попытки.

— На-примѣръ, господинъ д'Эксмé! вскричалъ лордъ Уэнтвортъ въ порывѣ ревниваго бѣшенства, котораго онъ не могъ преодолѣть.

— Отъ кого слышали вы это имя? спросила изумленная Діана.

— Признайтесь, что, при самомъ началѣ нашего разговора, это имя было у васъ на губахъ, и вы мысленно обращались къ нему, какъ своему третьему освободителю.

— Развѣ я должна отдавать вамъ отчетъ въ своихъ чувствахъ? сказала Діана.

— Не отдавайте мнѣ никакихъ отчетовъ, я знаю все, отвѣчалъ губернаторъ:—я знаю то, чего вы сами не знаете, и что я намѣренъ сообщить вамъ сегодня, чтобъ показать вамъ, много ли можно полагаться на романическую любовь. Именно, я знаю, что виконтъ д'Эксме́, взятый, въ одно время съ вами, въ плѣнъ при Сен-Кентенѣ, былъ привезенъ вмѣстѣ съ вами сюда, въ Кале̇.

— Можетъ ли быть? вскричала Діана, пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Но теперь его нѣтъ болѣе здѣсь, иначе я не сказалъ бы вамъ этой новости. Г-нъ д'Эксме́ свободенъ около двухъ мѣсяцевъ.

— И я не знала, что мой другъ страдалъ вмѣстѣ со мною, такъ близко отъ меня! произнесла Діана.

— Да, вы не знали, сударыня, но онъ, онъ зналъ, сказалъ губернаторъ.—Я долженъ также признаться вамъ, что, услышавъ объ этомъ, онъ разразился угрозами, и не только вызвалъ меня на дуэль, но въ порывѣ безумной любви, которую вы предвидѣли, слѣдуя голосу удивительной симпатіи — онъ объявилъ мнѣ свое рѣшительное намѣреніе взять Кале́.

— Теперь еще больше я могу надѣяться! сказала Діана.

— Не слишкомъ надѣйтесь, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:—потому-что, повторяю вамъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ г-нъ д'Эксме́ такъ грозно разстался со мною, прошло уже два мѣсяца. Правда, въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, я получалъ кой-какія извѣстія отъ своего соперника; въ концѣ ноября, онъ прислалъ мнѣ, съ строжайшею аккуратностью, деньги за свой выкупъ, но о гордой угрозѣ не было и помина.

— Подождите, милордъ, сказала Діана: — г-нъ д'Эксме́ заплатитъ вамъ и другіе долги.

— Не думаю; потому-что срокъ скоро кончится.

— Чтó вы хотите сказать этимъ? спросила г-жа де-Кастрò.

— Я объявилъ виконту д'Эксме́ черезъ его посланнаго, что буду ждать исполненія обѣихъ его угрозъ до перваго января 1558 года. Впрочемъ, сегодня уже тридцать-первое декабря...

— Чтò жь?.. виконту осталось еще двѣнадцать часовъ, прервала Діана.

— Ваша правда, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: — если же завтра, въ эту пору, я не получу отъ него извѣстій...

Онъ не кончилъ фразы, какъ лордъ Дэрби въ испугѣ вбѣжалъ въ комнату.

— Милордъ! кричалъ онъ: — милордъ! Я говорилъ правду: это были Французы! Они хотятъ взять Кале́!

— Перестаньте, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ, который, не смотря на свою притворную самоувѣренность, измѣнился въ лицѣ. — Перестаньте! Этого быть не можетъ! Это ни чѣмъ не доказывается... Молва, пустой страхъ...

— Къ-несчастію, не молва, но сущая правда, отвѣчалъ лордъ Дэрби.

— Тише, Дэрби, говорите потише, сказалъ губернаторъ, подошедъ къ поручику: — будьте нѣсколько хладнокровнѣе. Посмотримъ, въ чемъ заключается эта сущая правда?

Лордъ Дэрби, повинуясь приказанію своего начальника, не хотѣвшаго показать своей робости передъ Діаной, продолжалъ почти шопотомъ:

— Французы неожиданно напали на укрѣпленіе св. Агаты, и я думаю, что теперь они уже завладѣли этимъ первымъ оплотомъ Калѐ, потому-что въ крѣпости вовсе не приготовлялись встрѣтить ихъ; стѣны въ безпорядкѣ, люди распущены...

— Однакожь, они еще далеко отъ насъ! возразилъ съ живостью лордъ Уэнтвортъ.

— Да, отвѣчалъ лордъ Дэрби: — но Французы могутъ дойдти, безъ всякихъ препятствій, до моста Ньёлѐ; а мостъ Ньёле́ находится въ двухъ миляхъ отъ Калѐ.

— Послали вы нашимъ вспомогательное войско, Дэрби?

— Извините, милордъ, я послалъ безъ вашего и даже противъ вашего приказанія.

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Но эта помощь прійдетъ очень-поздно, замѣтилъ поручикъ.

— По чему знать? Не надобно только бояться. Вы сейчасъ отправитесь со мною въ Ньёле́. Мы заставимъ этихъ безумцевъ дорого заплатить за дерзость, и если они уже завладѣли укрѣпленіемъ св.-Агаты — все равно, мы выгонимъ ихъ оттуда и все тѣмъ кончится!

— Дай Богъ! сказалъ лордъ Дэрби: — но говорятъ, что они хорошо начали партію.

— Мы отъиграемся, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ. — Не знаете ли, кто ихъ ведетъ?

— Не знаю; вѣроятно, г. Гизъ или, по-крайней-мѣрѣ, г. де-Неверъ. Унтер-офицеръ, который прискакалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о ихъ неожиданномъ появленіи, сказалъ только, что онъ издалека узналъ въ передовомъ отрядѣ вашего бывшаго плѣнника, виконта д'Эксме́...

— Проклятіе! вскричалъ губернаторъ, сжимая кулаки: — пойдемте, Дэрби, пойдемте скорѣе!

Г-жа де-Кастро, съ тонкою проницательностью, которая появляется въ рѣшительныхъ случаяхъ, слышала почти все донесеніе лорда Дэрби, хотя оно было передано почти шопотомъ.

И когда лордъ Уэнтвортъ, выходя изъ комнаты, сказалъ Діанѣ:

— Извините, я долженъ оставить васъ. Чрезвычайно-важное дѣло...

Г-жа де-Кастро не дала ему досказать причины такого скораго удаленія, и сказала съ женскою насмѣшкой:

— Идите, милордъ; постарайтесь поправить свои надежды, такъ жестоко разбитыя. Но не забудьте двухъ вещей: во-первыхъ, самыя сильныя грезы именно тѣ, которыя чужды всякаго сомнѣнія, и во-вторыхъ, что должно всегда вѣрить слову французскаго дворянина. Еще не пришло первое января, милордъ.

Лордъ Уэнтвортъ, взбѣшенный, ушелъ, не отвѣчая ни слова.

X.

Во время канонады.

Лордъ Дэрби не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Вотъ что и какъ случилось:

Войска г-на де-Невера, быстро соединившись ночью съ войсками герцога Гиза, пришли форсированнымъ маршемъ къ укрѣпленію св.-Агаты. Три тысячи стрѣлковъ, подкрѣпляемые двадцатью пятью или тридцатью кавалеристами, менѣе нежели въ часъ завладѣли этимъ укрѣпленіемъ.

Лордъ Уэнтвортъ, прибывшій съ лордомъ Дэрби къ Ньёле́, засталъ свое войско въ печальномъ видѣ: оно бѣжало черезъ мостъ, искать убѣжища во второй и лучшей оградѣ Калѐ.

Лордъ Уэнтвортъ — должно отдать ему справедливость — послѣ минутнаго замѣшательства тотчасъ оправился. Дѣйствительно, это была высокая душа, почерпавшая великую энергію въ гордости, врожденной британскому племени.

— Эти Французы не шутя помѣшались! сказалъ онъ простодушно лорду Дэрби.—Но мы заставимъ ихъ дорого заплатить за безуміе. Два столѣтія назадъ, Калѐ цѣлый годъ держался противъ Англичанъ, и десять лѣтъ будетъ держаться при ихъ содѣйствіи. Впрочемъ, намъ не зачѣмъ употреблять большихъ усилій. Не пройдетъ недѣли, Дэрби, какъ непріятель будетъ постыдно искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. Онъ захватилъ все, что могъ выиграть неожиданностью. Но теперь мы постоимъ за себя и посмѣемся надъ промахомъ г-на Гиза.

— Не будете ли вы просить подкрѣпленія изъ Англіи? спросилъ лордъ Дэрби.

— Для чего? гордо спросилъ губернаторъ. — Если сумасброды будутъ упрямиться, испанскія и англійскія войска, находящіяся во Франціи, прійдутъ къ намъ на помощь и возьмутъ Ньёлé. Если же гордые побѣдители рѣшительно не захотятъ смириться, я отправлю извѣстіе въ Дувръ, и черезъ двадцать-четыре часа къ намъ явятся десять тысячь человѣкъ. Но покамѣстъ, къ-чему оказывать Французамъ слишкомъ-большую честь нашимъ вниманіемъ. Девять сотъ солдатъ и крѣпкія стѣны справятся съ ними, и незваные гости не пойдутъ дальше Ньёлé.

Однакожъ, на слѣдующій день, 1-го января 1558 г., Французы уже стояли на этомъ мосту, который лордъ Уэнтвортъ назначилъ для нихъ послѣднею границей. Ночью, они открыли траншею, и съ полудня картечи разбивали крѣпость Ньёлé.

При этомъ ужасномъ и правильномъ громѣ двухъ артиллерій, происходила торжественная и печальная сцена въ старомъ домѣ Пекуà.

Изъ настоятельныхъ вопросовъ, которыми Пьеръ Пекуà осаждалъ посланнаго отъ Габріэля, читатель уже знаетъ, что Бабета не могла долго скрывать отъ двоюроднаго брата свои слезы и причину этихъ слезъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, бѣдная дѣвушка была только въ половину виновата, и мнимый Мартэнъ-Герръ долженъ былъ поправить свою ошибку, не только для Бабеты, но и для ея ребенка...

Бабетѣ Пекуà подходилъ срокъ сдѣлаться матерью.

Но, сознавая свою вину и ея ужасныя послѣдствія, она еще не осмѣливалась сказать Пьеру и Жану, что ея будущность уже рѣшена, что Мартэнъ-Герръ женатъ.

Бѣдная дѣвушка не вѣрила даже своему сердцу; она говорила, что г-нъ д'Эксмé не могъ обмануться, и что Богъ не наказываетъ такъ жестоко несчастное созданіе, весь грѣхъ котораго заключается только въ любви! Бабета всякій день повторяла эти простодушныя размышленія — и надѣялась. Она надѣялась на Мартэна-Герра, надѣялась на виконта д'Эксмé. Въ чемъ заключались ея надежды, она и сама не знала этого; словомъ, она надѣялась.

Не смотря на то, молчаніе господина и слуги, молчаніе въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ, которые показались ей цѣлою вѣчностью, было ужаснымъ ударомъ для бѣдной Бабеты.

Съ нетерпѣніемъ и страхомъ, она ждала первое января, этотъ послѣдній срокъ, который Пьеръ Пекуà осмѣлился назначить самому виконту д'Эксмé.

Вотъ отъ-чего извѣстіе о приближеніи Французовъ къ Калé, полученное тридцать-перваго декабря, извѣстіе сначала смутное,

но потомъ ясное и опредѣленное, произвело въ Бабетѣ неизъяснимо-радостный трепетъ. Она услышала въ разговорѣ Жана съ Пьеромъ, что, вѣроятно, виконтъ д'Эксме́ находится въ числѣ осаждающихъ; стало быть, и Мартэнъ-Герръ также недалеко отъ войска, и Бабета имѣла причину надѣяться.

Однакожѐ, на слѣдующій день, перваго января, сердце ея сжалось какимъ-то непонятнымъ страхомъ, когда Пьеръ Пекуа́ пригласилъ ее сойдти въ нижнюю залу, гдѣ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Жаномъ, хотѣлъ, передъ самою Бабетой, переговорить о мѣрахъ, какія должно было имъ принять при настоящихъ обстоятельствахъ.

Блѣдная, съ трепетомъ она явилась предъ этимъ домашнимъ трибуналомъ, состоявшимъ изъ двухъ лицъ, которыя питали, можно сказать, родительскую любовь къ обвиненной.

— Садитесь, Бабета, сказалъ Пьеръ, указывая на приготовленный для нея стулъ.

И потомъ, нѣжно, однакожь серьёзно онъ продолжалъ:

— Въ самомъ началѣ, Бабета, когда, уступая нашимъ настоятельнымъ требованіямъ и угрозамъ, вы признались намъ въ печальной истинѣ, помнится мнѣ, къ-сожалѣнію, что, увлеченный первымъ порывомъ гнѣва и печали, я не могъ владѣть собою и оскорбилъ васъ даже угрозами. Къ-счастію, Жанъ явился между нами посредникомъ.

— Богъ наградитъ его за великодушіе и снисходительность! сказала Бабета, устремивъ на своего двоюроднаго брата глаза, увлаженные слезами.

— Не говорите объ этомъ, Бабета, не говорите! продолжалъ Жанъ, напрасно стараясь скрыть свое волненіе: — я поступилъ очень-просто: развѣ можно было помочь вашему горю новыми обидами?...

— Я хорошо понялъ это, сказалъ Пьеръ: — притомъ же, Бабета, ваше раскаяніе и слезы тронули меня; гнѣвъ мой обратился въ сожалѣніе, сожалѣніе въ любовь, и я простилъ вамъ пятно, которымъ вы заклеймили наше имя, до-тѣхъ-поръ еще ничѣмъ не запятнанное.

— Господь будетъ столько же милостивъ къ вамъ самимъ, какъ вы, братецъ, были добры ко мнѣ, проговорила дрожащимъ голосомъ Бабета.

— И еще, Жанъ замѣтилъ мнѣ, продолжалъ Пьеръ: — что вашему несчастію можно пособить, и что тотъ, кто вовлекъ васъ въ этотъ грѣхъ, имѣетъ право и обязанность извлечь васъ изъ пропасти.

Бабета еще ниже опустила лицо, на которомъ выступилъ яркій румянецъ.

Пьеръ продолжалъ:

— Я радовался, что твоя и наша честь можетъ возстановиться, и надѣялся; однакожь, Мартэнъ-Герръ молчалъ по-прежнему, и человѣкъ, присланный г-мъ д'Эксмѐ, назадъ тому мѣсяцъ, въ Калѐ, не принесъ никакой вѣсти отъ твоего ободьстителя. Но теперь Французы стоятъ передъ нашими стѣнами. Виконтъ д'Эксмѐ и его конюшій, вѣроятно, находятся также при войскѣ...

— Не вѣроятно, Пьеръ: скажите лучше, навѣрно! прервалъ его честный Жанъ Пекуа́.

— Я не стану противорѣчить этому, Жанъ. Допустимъ, что г. д'Эксмѐ и его конюшій отдѣлены отъ насъ только стѣнами и рвами, охраняющими насъ, или, вѣрнѣе, Англичанъ; въ такомъ случаѣ, если мы увидимъ виконта съ его конюшимъ, какимъ-образомъ должны мы поступить съ ними, Бабета? Какъ съ друзьями или какъ съ непріятелями?

— Вы лучше знаете, братецъ, что̀ надобно дѣлать, отвѣчала Бабета, испуганная оборотомъ, какой принялъ разговоръ.

— Ты не угадываешь ихъ намѣреній, Бабета?

— Нисколько... Я жду — вотъ и все.

— Итакъ, ты не знаешь, пришли они тебя спасти или покинуть, и этотъ выстрѣлъ пушки, раздающійся въ одно время съ моими словами, извѣщаетъ ли наше семейство о приходѣ освободителей, которыхъ должно благословлять, или о появленіи злодѣевъ, достойныхъ наказанія? Ты ничего не знаешь, Бабета?

— Увы! сказала Бабета: — зачѣмъ вы спрашиваете меня объ этомъ, меня, бѣдную, безсмысленную дѣвушку, которая умѣетъ только молиться и покоряться.

— Зачѣмъ я спрашиваю, Бабета?... Послушай. Помнишь, въ какихъ чувствахъ къ Франціи и Французамъ воспиталъ насъ отецъ?... Англичане всегда казались намъ не соотечественниками, но притѣснителями, и въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ никакая музыка не была такъ пріятна моимъ ушамъ, какъ та, которая звучитъ теперь.

— Да! вскричалъ Жанъ: — эта музыка всегда дѣйствуетъ на меня, какъ призывный голосъ родины.

— Родина, сказалъ Пьеръ Пекуа́: — многочисленное семейство, обширное братство. Но хорошо ли жертвовать для нея другимъ братствомъ, другимъ очагомъ, другимъ семействомъ?..

— На что намекаете вы, Пьеръ? спросила Бабета.

— На то, отвѣчалъ Пьеръ: — что въ грубыхъ, плебейскихъ, рабочихъ рукахъ твоего брата, Бабета, заключается, можетъ-быть, въ настоящую минуту судьба города Калѐ. Да, эти бѣдныя руки, каждый день чернѣющія отъ работы, могутъ отдать французскому королю ключъ Франціи.

— И не рѣшаются! вскричала Бабета, которая, дѣйствительно, всосала съ молокомъ ненависть къ ярму, наложенному на Францію иностранцами.

— Благородная дѣвушка! сказалъ Жанъ Пекуа́.—Да, ты была достойна нашего довѣрія.

— Нѣтъ, ни сердце, ни руки не поколебались бы у меня, произнесъ Пьеръ:—если бы я могъ самъ, безъ всякой помощи, возвратить прекрасный городъ королю Генриху II, или его представителю, герцогу Гизу. Но обстоятельства заставляютъ насъ употребить посредничество г-на д'Эксмѐ.

— Что̀ жь? спросила Бабета, удивленная этою оговоркой.

— Послушай, продолжалъ Пьеръ:—сколько я горжусь и считаю себя счастливымъ, что могу содѣйствовать великому подвигу нашего прежняго гостя, котораго конюшій долженъ былъ сдѣлаться моимъ братомъ, столько же я не хотѣлъ бы оказать этой чести дворянину безчувственному, который помогъ отнять у насъ честь.

— Онъ, виконтъ д'Эксмѐ, такой сострадательный, такой справедливый! вскричала Бабета.

— Однакожь, замѣтилъ Пьеръ:—г-нъ д'Эксмѐ, по твоему собственному признанію, Бабета, а Мартэнъ-Герръ, по внушенію своей совѣсти, знали о твоемъ несчастіи, и ты видишь, что они оба молчатъ.

— Но что̀ же могъ говорить и дѣлать г-нъ д'Эксмѐ! спросила Бабета.

— Онъ могъ, возвратясь въ Парижъ, прислать сюда Мартэна-Герра, и приказать ему предложить тебѣ его имя! Г-нъ д'Эксмѐ могъ, вмѣсто человѣка, намъ незнакомаго, прислать сюда своего конюшаго, и такимъ-образомъ отдать намъ, въ одно время, и долгъ кошелька и долгъ сердца.

— Нѣтъ, нѣтъ; виконтъ не могъ сдѣлать этого, отвѣчала простодушная Бабета, печально покачавъ головою.

— Какъ? Развѣ онъ не въ правѣ приказать своему слугѣ?

— Къ-чему послужитъ это приказаніе? сказала Бабета.

— Къ-чему? вскричалъ Пьеръ Пекуа̀. — Къ-чему искупать преступленіе? Къ-чему спасать доброе имя?.. Ты, право, помѣшалась, Бабета!..

— Увы! къ моему несчастію, я еще не дошла до этого! сказала бѣдная дѣвушка, заливаясь слезами: — безумцы забываютъ!..

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Пьеръ:—еслибъ ты была въ здравомъ разсудкѣ, могла ли бы ты сказать, что г-нъ д'Эксмѐ поступилъ хорошо, не воспользовавшись своею властію принудить обольстителя на тебѣ жениться!..

— Но развѣ можетъ онъ жениться на мнѣ?.. сказала Бабета.

— Но кто же помѣшаетъ ему? закричали Жанъ и Пьеръ въ одинъ голосъ.

Они оба встали со своихъ мѣстъ. Бабета упала на колѣни.

— Простите мнѣ, еще разъ простите!.. вскричала она въ безпамятствѣ:—я хотѣла скрыть отъ васъ... я скрывала отъ самой себя!.. Но вы говорите мнѣ о нашей потерянной чести, о Франціи, о г-нѣ д'Эксмё, объ этомъ гнусномъ Мартэнѣ-Геррѣ... Боже мой!.. Я забываю себя; голова кружится... Вы сейчасъ спрашивали, не сошла ли я съ ума?.. Въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣ кажется, что я помѣшалась. Скажите мнѣ, не ошибаюсь ли я, не приснилось ли мнѣ, или въ-самомъ-дѣлѣ я слышала то, что сказалъ мнѣ г. д'Эксмё?..

— Что же онъ сказалъ тебѣ! повторилъ Пьеръ, пораженный ужасомъ.

— Да, наканунѣ его отъѣзда, я просила его передать это кольцо Мартэну... Я не смѣла признаться виконту въ своемъ преступленіи... Однакожь, онъ, кажется, понялъ меня. И если понялъ, то какъ онъ рѣшился мнѣ сказать...

— Чтò жь? чтò онъ сказалъ? Докончи! вскричалъ Пьеръ Пекуá.

— Увы! Мартэнъ-Герръ женатъ, сказала Бабета.

— Несчастная! вскричалъ Пьеръ Пекуа, въ изступленіи поднявъ руки на сестру.

— Да, вы правы! сказала бѣдная дѣвушка задыхающимся голосомъ:—теперь я вижу, что вы правы!.

Бабета безъ чувствъ упала на полъ.

Жанъ схватилъ Пьера и оттолкнулъ назадъ.

— Чтó ты дѣлаешь, Пьеръ? сказалъ онъ строгимъ голосомъ.— Не несчастную, но презрѣнную можно бить.

— Правда, отвѣчалъ Пьеръ Пекуá, стыдясь своего слѣпаго гнѣва, и отошелъ въ сторону, между-тѣмъ, какъ Жанъ, наклонясь къ Бабетѣ, старался привести ее въ чувство. Въ комнатѣ воцарилось продолжительное молчаніе.

На улицѣ, почти черезъ равные промежутки времени, все еще гремѣли пушечные выстрѣлы.

Наконецъ, Бабета открыла глаза и старалась припомнить, что вокругъ нея происходило.

— Чтò случилось? спросила она, устремивъ блуждающій взоръ на лицо склонившагося къ ней Жана Пекуá.

Странное дѣло! Жанъ, казалось, былъ не очень печаленъ. На благородномъ его лицѣ выражались глубокая любовь и какое-то тайное удовольствіе.

— Добрый братъ! произнесла Бабета, протягивая къ нему руку.

— Надѣйтесь, Бабета, надѣйтесь! были первыя слова Жана Пекуá, обращенныя къ любимой имъ сестрѣ.

Но въ эту минуту взоръ Бабеты остановился на мрачномъ и озабоченномъ лицѣ другаго брата, и она затрепетала, потому-что все вдругъ ожило въ ея памяти.

— Простите меня, Пьеръ, простите! вскричала бѣдная дѣвушка.

Пьеръ, послушный знаку Жана Пекуа̀, умолявшаго его сжалиться, приблизился къ сестрѣ, поднялъ ее и, посадивъ на стулъ, сказалъ ей кроткимъ голосомъ:

— Успокойся, Бабета: я тебя не обвиняю. Ты много страдала. Успокойся. Повторяю тебѣ послѣ Жана: не теряй надежды!

— На что же я могу теперь надѣяться? сказала она.

— Разумѣется, поправить дѣло невозможно, но, по-крайней-мѣрѣ, можно отмстить, отвѣчалъ Пьеръ, нахмуривъ брови.

— Но я говорю тебѣ, шепнулъ Жанъ Бабетѣ: — мы поправимъ дѣло и, въ то же время, отмстимъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ. Но прежде, чѣмъ успѣла спросить, Пьеръ сказалъ ей съ участіемъ:

— Повторяю еще разъ: прощаю тебя, бѣдная сестра. Твой грѣхъ, въ сущности, не такъ великъ, потому-что подлецъ обманулъ тебя два раза. Бабета, я люблю тебя такъ же, какъ всегда любилъ.

Бабета кинулась на руки къ брату.

— Но, замѣтилъ Пьеръ Пекуа́, поцаловавъ сестру: — мой гнѣвъ не угасъ, а только перешелъ на другое мѣсто. Теперь, повторяю тебѣ, онъ падаетъ на гнуснаго развратника, ненавистнаго Мартэна-Герра.

— Братецъ! печально произнесла Бабета.

— Нѣтъ, вскричалъ суровый горожанинъ: — къ нему нѣтъ жалости! Но его господинъ, виконтъ д'Эксме́, еще можетъ оправдаться. Отъ этого не пострадаютъ ни моя совѣсть, ни моя вѣрность.

— Видишь, я сказалъ тебѣ, Пьеръ, замѣтилъ Жанъ Пекуа̀.

— Да, Жанъ, ты не ошибся и въ этотъ разъ, какъ всегда. Я дурно судилъ объ этомъ достойномъ человѣкѣ. Теперь все объясняется. Самое молчаніе виконта происходило отъ излишней его учтивости. Зачѣмъ же такъ жестоко онъ напомнилъ намъ о невозпаградимомъ несчастіи? Я виноватъ, я виноватъ, когда подумаю, что, увлеченный негодованіемъ, я, быть-можетъ, измѣнилъ бы своимъ убѣжденіямъ, и заставилъ любезную Францію такъ дорого заплатить за вину, которая даже не существовала.

— Боже мой, отъ какихъ ничтожныхъ причинъ зависятъ великія событія въ здѣшнемъ мірѣ! замѣтилъ съ важностью философа Жанъ Пекуа̀. — Но, къ-счастію, еще ничто не пропало, и благодаря откровенности Бабеты, мы знаемъ теперь, что виконтъ д'Эксмѐ по прежнему достоинъ нашей дружбы. О, я зналъ его благородное сердце... я всегда удивлялся ему, кромѣ только одного случая, когда виконтъ, услышавъ наше предложеніе отплатить за потерю Сен-Кентена, отвѣчалъ намъ нерѣшительностью... Но эту нерѣшительность онъ вознаграждаетъ теперь блистательнымъ образомъ.

И честный ткачъ сдѣлалъ Пьеру знакъ рукою, чтобъ тотъ прислушивался къ ужасному выстрѣлу пушки, которая, казалось, ускоряла и усиливала свои удары.

— Жанъ, замѣтилъ Пьеръ Пекуа́: — понимаешь ли ты, что̀ говоритъ намъ эта канонада?

— Она говоритъ, что г-нъ д'Эксме́ не далеко отъ насъ, отвѣчалъ Жанъ.

— Да, братъ; но, шепнулъ Пьеръ своему двоюродному брату: — она говоритъ еще: «помните пятое число».

— И мы будемъ помнить, Пьеръ, не правда ли?

Этотъ разговоръ встревожилъ Бабету и, занятая одною постоянною мыслію, она прошептала:

— Господи! Они составляютъ какой-то заговоръ... Если г-нъ д'Эксме́ здѣсь, дай Богъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, съ нимъ не было Мартэна-Герра.

— Мартэна-Герра? сказалъ Жанъ, услышавъ слова Бабеты. — О, г-нъ д'Эксмѐ прогонитъ своего презрѣннаго слугу, и поступитъ очень-хорошо, даже для самого подлеца, потому-что мы убили бы его на первомъ его шагу въ Кале́. Не правда ли, Пьеръ?

— Во всякомъ случаѣ, отвѣчалъ неумолимый Пьеръ: — я его убью, если не въ Кале́, то въ Парижѣ!

— Вотъ чего и боюсь я! вскричала Бабета: — боюсь не за него, потому-что я не люблю его, презираю, но я боюсь за васъ, Пьеръ, за васъ, Жанъ, за васъ обоихъ, добрыхъ и чувствительныхъ!

— Итакъ, Бабета, сказалъ растроганный Жанъ Пекуа̀: — еслибъ началась борьба между имъ и мною, ты стала бы не за него, но за меня молиться?

— Одинъ этотъ вопросъ — самое жестокое наказаніе за мою вину, отвѣчала Бабета. — Не-уже-ли, Жанъ, я могу теперь еще колебаться въ выборѣ между вами, добрымъ и кроткимъ, и Мартэномъ, этимъ низкимъ предателемъ?

— Благодарю! вскричалъ Жанъ: — твои слова утѣшаютъ меня, Бабета, и повѣрь, Богъ наградитъ тебя за нихъ.

— По-крайней-мѣрѣ, я увѣренъ, замѣтилъ Пьеръ: — что Богъ накажетъ виновнаго. Но еще не пришло время думать о немъ, любезный другъ, сказалъ онъ Жану. — Мы должны еще многое приготовить, а намъ остается только три дня на эти приготовленія. Намъ надо пойдти повидаться съ друзьями, пересчитать оружіе.

И, выходя изъ комнаты, онъ повторилъ тихимъ голосомъ:

— Жанъ, будемъ помнить пятое число.

Спустя четверть часа, когда Бабета, нѣсколько успокоенная, удалилась въ свою комнату и благодарила Бога, сама не понимая за что, оружейникъ и ткачъ заботливо ходили по городу.

Они, казалось, не думали болѣе о Мартэнѣ-Геррѣ, который, замѣтимъ мимоходомъ, очень-мало заботился, въ эту минуту, о непріятномъ положеніи, приготовленномъ ему въ Калé, хотя даже никогда не была его нога въ этомъ городѣ.

Между-тѣмъ, пушки все еще гремѣли и, какъ говоритъ Рабютэнъ: «то изрыгали пламя, то стрѣляли, поддерживая съ чудовищною яростію артиллерійскую бурю».

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ-ШТАТЫ.

Статья вторая.

—

Народонаселеніе Соединенныхъ-Штатовъ.—Индійцы; причины уменьшенія ихъ числа; легенда: Небесныя Сестры. — Негры; состояніе ихъ въ сѣверныхъ и южныхъ областяхъ.—Переселенцы.—Число жителей. — Земледѣліе. — Промышленность и торговля. — Каналы, пароходы и желѣзныя дороги.—Таможенный тарифъ.—Войско, милиція и флотъ.—Судопроизводство.—Тюрьмы; двѣ системы ихъ, употребляемыя въ Сѣверной-Америкѣ.

Первая статья наша посвящена была историческому образованію Сѣверо-Американской-Республики, изъ котораго непосредственно произошло настоящее состояніе ея. Къ нему и перейдемъ мы теперь.

Здѣсь первое мѣсто должны занимать разнородные элементы народонаселенія, вошедшіе въ составъ Соединенныхъ-Штатовъ. Слишкомъ-извѣстно, что организація Штатовъ принадлежитъ англійскому или, правильнѣе, англо-американскому элементу, поглотившему элементы всѣхъ прочихъ европейскихъ національностей, перенесенныхъ на почву Сѣверной-Америки; слишкомъ-извѣстно также, что, кромѣ бѣлаго европейскаго племени, Соединенные-Штаты заключаютъ въ себѣ большое число людей чернаго или африканскаго племени, и краснаго, или собствен-

но-американскаго. Участь негровъ и туземцевъ Америки или Индійцевъ (какъ ихъ привыкли называть), останавливаетъ на себѣ вниманіе мыслителя; мы не станемъ входить въ подробности относительно невольничества, столь страшно-отяготѣвшаго надъ цѣлыми массами извѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что нынѣ, къ чести человѣчества, вопросъ этотъ рѣшенъ окончательно, и только ратующіе во имя старыхъ варварскихъ привычекъ могутъ возвышать свой запоздалый голосъ противъ приговора, произнесеннаго мыслящимъ большинствомъ; мы ограничимся изложеніемъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находятся въ настоящее время извѣстные обитатели Сѣверной-Америки.

Начнемъ съ сѣверо-американскихъ Индійцевъ, какъ первыхъ обитателей западнаго материка. Ученые причислили ихъ къ особому племени, и весьма-справедливо: они рѣзко отличаются отъ прочихъ племенъ, какъ своимъ физическимъ устройствомъ, такъ и нравственнымъ характеромъ, и (не смотря на кровавыя войны различныхъ индійскихъ народовъ между собою) представляютъ такое племенное единство, какого нѣтъ между образованными народами кавказскаго племени. Вездѣ Индійцы отличаются красно-мѣднымъ цвѣтомъ кожи, жесткими черными волосами, карими глазами и скулами, рѣзко-выдавшимися впередъ; бѣлые украшаютъ себя одеждами (правда, иногда безобразными), а Индійцы преимущественно стараются исказить тѣло; для того они сдавливаютъ головы дѣтямъ при рожденіи, росписываютъ лицо разными красками, татуируютъ прочія части тѣла, прокалываютъ носы, губы, растягиваютъ уши до плечь (1); вездѣ обнаруживается отсутствіе чувства изящнаго, искаженіе природной красоты.

О происхожденіи Индійцевъ составляли много предположеній, но предположеніями и должно ограничиться, потому-что они стоятъ на такой низкой степени образованности, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ связи ея съ образованностію какого бы то ни было народа; даже подъ могильными холмами, насыпанными ихъ предками, находятъ только кости и самое грубое оружіе (2).

Различные, повидимому независимые языки Индійцевъ, въ настоящее время приведены къ тремъ главнымъ нарѣчіямъ: ирокезскому, ленапе и флоридскому (3); всѣ они содержатъ въ себѣ только выраженія, относящіяся къ чувственнымъ предметамъ и совершенно лишены словъ для изображенія понятій отвлеченныхъ.

Нѣкоторые звуки совершенно-чужды тому или другому нарѣчію; такъ, на-примѣръ—в, ф или м.

Индійцы преимущественно занимаются охотою и одну ее любятъ, а это уже противорѣчитъ условіямъ семейной жизни; къ тому необходимо прибавить, что у нихъ въ употребленіи многоженство, и что обращеніе съ женщинами совершенно несвойственно той идеѣ, съ которою обыкновенно связываютъ состояніе неиспорченныхъ дѣтей при-

(1) Lewis travels II, 33.
(2) Long Expedition I, 26.
(3) Collections of the Newyork histor. society III, 187.

роды. Жены Индійцевъ должны исправлять всѣ тяжелыя работы и вѣчно оставаться совершенными рабами мужей; онѣ заготовляютъ кормъ для лошадей, разбиваютъ и снимаютъ шатры, заботятся о сохраненіи имущества, убираютъ убитую дичь и готовятъ пищу, тогда-какъ мужчины ровно ничего не дѣлаютъ, если нѣтъ охоты и войны! Большая часть индійскихъ племенъ не употребляетъ въ пищу ни хлѣба, ни соли, ни молока, и, за исключеніемъ предметовъ первой необходимости, не имѣетъ никакой собственности.

Какъ ни многознаменательны подобные факты, горячіе защитники Индійцевъ, во имя права и человѣчества, говорятъ, что Сѣверная-Америка есть ихъ достояніе, котораго бѣлые лишили ихъ насиліемъ и обманомъ, что право, пріобрѣтаемое надъ страною открытіемъ ея, водруженіемъ флага и т. п., не можетъ назваться правомъ, и что есть другое право, данное самою природою; но имъ трудно, если не совершенно невозможно доказать, почему право Индійцевъ священнѣе, сильнѣе этого уничтожаемаго ими права? Почему цѣлая часть свѣта должна быть собственностью горсти дикарей, если они разъ въ жизни охотились на ея неизмѣримыхъ равнинахъ, или даже не охотились, а только могли бы охотиться? По праву болѣе-высокому, по праву цивилизаціи, дикари должны отступать предъ образованными людьми, тѣмъ болѣе, что для ничтожнаго числа ихъ все еще остаются неизмѣримыя пространства, гдѣ бы могли жить и питаться сотни милліоновъ трудолюбиваго населенія. По истинѣ, земля не принадлежитъ ни кому, она res nullius —до-тѣхъ-поръ, пока остается безъ пользы и употребленія; прилежаніе и трудъ—вотъ единственныя права на пріобрѣтеніе и сохраненіе собственности.

Злоупотребленія и недостатки европейскаго просвѣщенія, обнаружившіеся при колонизаціи, вызвали горячія похвалы южнымъ островитянамъ; съ тѣмъ вмѣстѣ возникло общее участіе къ судьбѣ сѣверо-американскихъ Индійцевъ. Начали осыпать похвалами ихъ присутствіе духа, гостепріимство, цвѣтистый способъ выраженія; относительно умственныхъ способностей, ихъ ставили наравнѣ съ Европейцами, а относительно физическаго устройства гораздо-выше. Другіе опредѣляли ихъ точнѣе: «Способности человѣческія въ основаніи своемъ одинаковы у бѣлыхъ и Индійцевъ (4), но ме́ньшее количество ихъ между послѣдними не только обнаруживается въ отдѣльныхъ людяхъ, но составляетъ результатъ ихъ организаціи и характеристическую черту всего племени». Еще болѣе рѣзко и едва ли менѣе справедливо слѣдующее мнѣніе: «Присутствіе духа Индійцевъ происходитъ отъ безчувственности, но глубокое, продолжительное чувство (5) обнаруживается у нихъ ненавистью, мщеніемъ и дикой жестокостью, не только противъ обманывающихъ и оскорбляющихъ ихъ бѣлыхъ, но и противъ ихъ же единоплеменниковъ, и злость ихъ ищетъ насыщенія въ убійствѣ и истребленіи. Снимать

---

(4) Bancroft III, 303.

(5) Buckingham, South-States I, 253, 525. Murray account I, 408. Schoolcraft 98. Townshend(?) Excursions II, 14.

черепы людей и красть лошадей (6) составляетъ величайшую славу мужа или индійскаго героя».

Таковы результаты изслѣдованій, представленныхъ безпристрастными наблюдателями краснаго племени. Замѣчательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи *г. Скулькрафтъ* (Schoolcraft), который, будучи долгое время агентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, посвятилъ труды свои изученію нравственнаго и общественнаго быта Индійцевъ; ему же принадлежитъ собраніе индійскихъ легендъ (7), въ которыхъ отразился характеръ дикарей. Въ этихъ преданіяхъ видна грустная, но дикая, безсвязная и неопредѣленная фантазія; нѣтъ ни глубокихъ идей, ни потрясающей душу живости разсказа, придающихъ столько прелести преданіямъ другихъ народовъ; увлекательная простота понятій, разсказа, интересъ, возрастающій по мѣрѣ приближенія къ развязкѣ, внутренняя связь и взаимныя отношенія человѣка къ природѣ, духъ истинной, прочувствованной народомъ поэзіи, проникающій цѣлое, все это чуждо легендамъ сѣверо-американскихъ Индійцевъ. Въ нихъ нѣтъ того общечеловѣческаго интереса, которымъ дышатъ легенды европейскихъ народовъ: интересъ ихъ чисто-субъективный и вся важность ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ характеризуютъ племена, посреди которыхъ возникли и образовались; для примѣра, не излишнимъ считаемъ заимствовать у г. Скулькрафта одну изъ легендъ, которая названа у него «Небесныя Сестры». Вотъ разсказъ его, переведенный нами слово-въ-слово: «Бѣлый-Соколъ жилъ въ уединенной части лѣса, гдѣ во множествѣ водятся дикія животныя и птицы; каждый вечеръ возвращался онъ домой, отягощенный богатою добычею — наградою дневныхъ трудовъ, потому-что онъ былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ и славныхъ охотниковъ своего племени. Онъ былъ ловокъ и гибокъ; огонь юности блисталъ въ глазахъ его; самый темный лѣсъ былъ ему доступенъ: не было ни птицы, ни звѣря въ лѣсной чащѣ, которыхъ бы не открылъ острый взоръ его, которыхъ бы не преслѣдовалъ онъ безъ усталости».

«Однажды онъ зашелъ далѣе обыкновеннаго и пробирался по кустарнику, который былъ довольно-рѣдокъ и далъ ему окинуть взоромъ далекое пространство. Наконецъ, онъ увидѣлъ между вѣтвями свѣтъ и убѣдился, что приближается къ одному изъ большихъ луговъ; въ-самомъ-дѣлѣ, то была обширная равнина, покрытая густою травою и цвѣтами. Долгое время шелъ онъ, не видя никакого слѣда, и вдругъ очутился посреди круга примятой травы, какъ-будто-бы недавно еще тутъ ступали человѣческія ноги; къ немалому удивленію своему, онъ вскорѣ замѣтилъ, что никакая тропинка не вела къ этому кругу; ни малѣйшаго слѣда не было видно ни въ растоптанномъ листкѣ, ни въ помятой травѣ. Онъ рѣшился спрятаться, чтобъ узнать причину такого необычайнаго явленія. Едва исполнилъ онъ это намѣреніе, какъ услышалъ надъ головою своею нѣжные звуки; онъ устремилъ взглядъ по тому

(6) Long Rocky Mountains I, 155.

(7) Algic Researches, by H. R. Schoolcraft; о томъ же у Грисвольда, стр. 456.

направленію, откуда неслись звуки, и замѣтилъ что-то, спускавшееся съ неба. Сначала, предметъ, имъ видѣнный, былъ едва замѣтенъ, но, по мѣрѣ приближенія къ землѣ, онъ быстро расширялся, и чѣмъ ниже спускался онъ, тѣмъ яснѣе и пріятнѣе раздавались звуки; наконецъ, приближаясь къ землѣ, предметъ, привлекшій его вниманіе, принялъ видъ корзины, въ которой сидѣли двѣнадцать дѣвицъ красоты необыкновенной. Едва корзина коснулась земли, онѣ выпрыгнули изъ нея и начали на примятой травѣ круговую пляску. Бѣлый-Соколъ въ изумленіи смотрѣлъ изъ своего убѣжища на ихъ очаровательныя лица и движенія; онъ любовался всѣми, но одна изъ нихъ, младшая, совершенно приковала къ себѣ его взоры. Будучи не въ состояніи удерживаться долѣе, онъ выскочилъ изъ-за дерева, скрывавшаго его, и бросился схватить красавицу; но едва сестры увидѣли человѣка, съ быстротою птицъ порхнули въ корзину и поднялись на облака. Огорченный неудачею и горько раскаяваясь въ своей поспѣшности, смотрѣлъ онъ вверхъ, пока онѣ не исчезли изъ вида, и съ безутѣшною скорбію воскликнулъ: «Онѣ улетѣли, мнѣ не видать ихъ болѣе».

«Онъ возвратился въ свое одинокое жилище; но духъ его былъ исполненъ тревоги. На другой день онъ снова отправился на лугъ, скрылся вблизи очарованнаго круга и, чтобъ обмануть сестеръ, принялъ видъ двуутробки (opossum). Не долго ждалъ онъ; снова раздалось пѣніе и снова передъ нимъ спустилась корзина. Дѣвушки начали свою вчерашнюю пляску и казались ему еще прекраснѣе, еще обольстительнѣе. Онъ тихо подкрался къ кругу, но сестры замѣтили его и такъ же быстро, какъ и прежде, ушли въ свою корзину, которая тихо поднималась, когда одна изъ сестеръ воскликнула: «Можетъ-быть, это существо «явилось къ намъ показать, какими играми занимаются смертные». — «О нѣтъ!» возразила младшая: «удалимся скорѣе!» И голоса ихъ слились въ сладкое пѣніе, и онѣ снова исчезли въ пространствѣ.

«Бѣлый-Соколъ принялъ снова свой прежній видъ и съ удвоеннымъ безпокойствомъ возвратился въ свой вигвамъ; ночь показалась ему безъ конца, и уже рано утромъ онъ пришелъ къ тому же мѣсту. Долго думалъ онъ какъ бы найдти вѣрное средство овладѣть своею возлюбленною; наконецъ придумалъ и надѣялся на успѣхъ. По близости онъ нашелъ старый древесный пень, въ которомъ жили мыши, и поднесъ его къ самому кругу; вскорѣ послѣ этого сестры прибыли по обыкновенію и начали свою пляску. «Посмотрите», воскликнула младшая: «этого пня не было здѣсь прежде!» Испуганная, она бросилась-было къ корзинѣ; но ее остановилъ смѣхъ прочихъ сестеръ; онѣ вмѣстѣ окружили пень и шутя ударяли по немъ, какъ вдругъ оттуда выбѣжали мыши и между ними Бѣлый-Соколъ, принявшій тоже видъ мыши. Онѣ перебили всѣхъ мышей; только одна, за которою гналась младшая сестра, ускользала отъ нея, и когда она уже поднимала палку, чтобъ убить ее, вдругъ Бѣлый-Соколъ поднялся изъ мышиной шкуры и крѣпко схватилъ въ руки свою добычу. Прочія 11 прыгнули въ корзину и поднялись на воздухъ.

«Бѣлый-Соколъ употребилъ всѣ силы, чтобъ понравиться своей избранной и заслужить ея любовь. Онъ изсушилъ слезы съ глазъ ея

онъ разсказалъ ей приключенія свои на охотѣ, онъ описалъ ей всѣ прелести земной жизни. Онъ неутомимо старался заслужить ея благосклонность и самыми лучшими тропинками провелъ ее домой. Сердце его запылало радостью, когда она ступила въ его вигвамъ, и съ этого мгновенія онъ сдѣлался счастливѣйшимъ изъ людей. Зима и лѣто промелькнули быстро и счастіе супруговъ увеличилось еще рожденіемъ прекраснаго мальчика. Жена Бѣлаго-Сокола была дочерью одного изъ звѣздныхъ духовъ, и когда мало-по-малу утомилась зрѣлищемъ земли, то стала тосковать о своей прежней отчизнѣ и желала свидѣться съ отцомъ; но она принуждена была скрывать эти чувства отъ своего мужа. Она помнила чары, которыя должны были увлечь ее, и, пользуясь случаемъ, когда Бѣлый-Соколъ былъ на охотѣ, сплела новую корзину и рѣшилась скрыться отъ него. Между-тѣмъ, она набрала рѣдкостей, какія нашла на землѣ и какими думала угодить отцу; также захватила съ собой самыхъ лучшихъ яствъ.

«Когда все было готово и Бѣлый-Соколъ отправился на охоту, она взяла сына и вмѣстѣ съ нимъ пошла къ очарованному кругу. Когда они сѣли въ корзину и она запѣла очень памятную ей пѣсть, корзина начала подниматься. Легкій вѣтерокъ донесъ эти звуки до слуха ея мужа; хорошо-знакомый голосъ открылъ ему его участь и онъ опрометью бросился къ лугу. Но онъ не успѣлъ еще добѣжать до круга, какъ уже увидѣлъ, что жена его и сынъ высоко несутся по воздуху. Онъ возвысилъ голосъ съ громкими мольбами, но онѣ остались безъ отвѣта. Корзина все поднималась выше и выше. Бѣлый-Соколъ провожалъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока она, постепенно уменьшаясь, не скрылась въ облакахъ; тогда онъ склонился головою на землю и чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ.

«Бѣлый-Соколъ оплакивалъ свою потерю; прошла долгая зима, за нею минуло долгое лѣто, но онъ нигдѣ не находилъ утѣшенія. Горько печалился онъ о потерѣ своей жены и еще болѣе о потерѣ сына. Между-тѣмъ, жена его достигла своего прежняго жилища между звѣздами и въ упоеніи радости почти забыла о своемъ земномъ мужѣ; одно только присутствіе сына напоминало ей о прошедшемъ; сынъ же ея, возрастая, изъявлялъ желаніе увидѣть мѣсто своего рожденія. Тогда дѣдъ его сказалъ своей дочери: «Иди, дочь моя, и возьми своего сына къ «отцу его; потомъ позови и мужа своего сюда, поселиться съ нами; но «скажи ему, чтобъ онъ взялъ съ собою образцы каждой птицы и каж«даго животнаго, которыхъ онъ убиваетъ на охотѣ». Тогда она взяла сына и спустилась на землю. Бѣлый-Соколъ, бывшій недалеко отъ очарованнаго круга, услышалъ ея голосъ, когда она спускалась съ облаковъ; нетерпѣливо билось его сердце; наконецъ онъ увидѣлъ жену и сына, бросился къ нимъ и прижалъ ихъ къ груди своей.

«Онъ согласился на предложеніе звѣзднаго духа и дѣятельно принялся за охоту, стараясь собрать дары, которыхъ отъ него требовали. День и ночь проводилъ онъ въ лѣсу, стрѣляя самыхъ красивыхъ птицъ и животныхъ, и взялъ отъ каждаго животнаго и каждой птицы или хвостъ, или крыло, или ногу, чтобъ тотчасъ же узнать ихъ породу; когда же

все было готово, онъ, жена и сынъ пошли къ кругу и поднялись на воздухъ.

«Великою радостію встрѣтили прибытіе ихъ въ звѣздныхъ поляхъ. Начальникъ звѣздныхъ духовъ созвалъ весь народъ свой на пиршество, и когда всѣ собрались, онъ громкимъ голосомъ объявилъ, что каждый изъ нихъ можетъ выбирать себѣ земные дары по желанію своему. За этимъ послѣдовало большое смятеніе. Одни выбрали ногу, другіе крыло, третьи хвостъ, четвертые лапу. Выбравшіе хвосты и лапы, были тотчасъ обращены въ четвероногихъ животныхъ и убѣжали, другіе приняли видъ птицъ и улетѣли. Бѣлый-Соколъ выбралъ себѣ перо бѣлаго сокола; жена и сынъ послѣдовали его примѣру и всѣ трое превратились въ бѣлыхъ соколовъ. Онъ взмахнулъ крылами и, сопровождаемый своими милыми, подобно прочимъ птицамъ, полетѣлъ къ землѣ, гдѣ и теперь живутъ его потомки.»

Легенды такого рода, собранныя и переданныя г. Скулькрафтомъ, интересны и въ историческомъ отношеніи, потому-что Индійцы исчезаютъ съ каждымъ годомъ, и каждый, не будучи пророкомъ, можетъ предсказать, что скоро не останется и слѣдовъ краснаго племени, переведется ли оно, утратитъ ли свою особенность, слившись съ другими племенами; обыкновенно истребленіе туземцевъ приписываютъ исключительно бѣлымъ; но если (что̀ дѣйствительно достойно порицанія и принадлежитъ къ гибельнымъ слѣдствіямъ полупросвѣщенія) бѣлые способствуютъ нѣкоторымъ образомъ уничтоженію дикарей, обманывая ихъ, продавая имъ водку, за которую, какъ извѣстно, дикари готовы пожертвовать всѣмъ, то и сами Индійцы, приходя въ соприкосновеніе съ народомъ болѣе-образованнымъ, тяготятся ихъ вліяніемъ, хотя бы это вліяніе проявлялось только въ формахъ закона, страшатся земледѣлія, правильнаго труда, и бѣгутъ въ свои лѣса убивать звѣрей или биться съ своими, украшаясь ихъ кровавыми черепами. Не-уже-ли подобный народъ, уступивъ европейскимъ переселенцамъ и исчезнувъ передъ ними, будетъ великою утратою для человѣчества? Конечно, никто не имѣетъ права насиліемъ и обманомъ губить бѣдныхъ дикарей— это понимаетъ нашъ вѣкъ, и давно уже оружіе мира замѣнило оружіе войны въ-отношеніи къ красному племени; но если Европейцы и восторжествуютъ, выиграетъ ли отъ того человѣчество? Кажется, такой вопросъ рѣшить легче, чѣмъ вопросъ о пользѣ первенства между Римлянами и Карѳагенянами, Англичанами и Французами.

Еслибъ какой-нибудь народъ кавказскаго племени пришелъ въ соприкосновеніе съ другимъ народомъ болѣе-образованнымъ, какъ быстро усвоилъ бы онъ себѣ все новое и полезное, прежде ему невѣдомое, какую бы обоюдную выгоду извлекли они изъ сношеній между собою! Въ-отношеніи же Индійцевъ, торговля была только кажущимся средствомъ къ усовершенствованію; а на-самомъ-дѣлѣ она становилась какъ-бы орудіемъ къ ихъ истребленію. Они узнали новыя потребности, не мало не увеличивъ дѣятельности своей для удовлетворенія ихъ; везде начали развиваться желанія чувственныхъ наслажденій, чувственныя страсти, тогда-какъ духъ оставался на той же низкой степени,

или, можетъ-быть, палъ еще ниже. Дикіе охотники, окруженные земледѣльцами, должны сами сдѣлаться земледѣльцами или исчезнуть; считая себя независимыми, они люди самые зависимые на свѣтѣ и сами не имѣютъ никакихъ средствъ для защиты себя отъ голода и холода. Только трудъ, благоразумно направленный, доставляетъ народу независимость, а его-то почитаютъ Индійцы унизительнымъ и рабскимъ, и одно изъ самыхъ употребительныхъ проклятій ихъ: «да заставитъ тебя голодъ приняться за воздѣлываніе земли».

Испанцы, Французы, Англичане и Американцы, католики и протестанты, іезуиты (8) и методисты употребляли всевозможныя усилія для распространенія христіанства между Индійцами, но нигдѣ не имѣли настоящаго и продолжительнаго успѣха. Индійцы принимали обыкновенно безъ возраженій все, что говорили имъ миссіонеры, но требовали такой же вѣры къ своимъ преданіямъ и обычаямъ предковъ. Правда, нелѣпо было открывать Индійцамъ тонкости догматическихъ диспутовъ и, вмѣстѣ съ проповѣданіемъ христіанства, показывать имъ вовсе не христіанскую вражду сектъ; необходимо было совсѣмъ другаго рода приготовленіе ихъ къ принятію истинъ евангельскихъ, и новые опыты благочестивыхъ проповѣдниковъ обѣщаютъ большой успѣхъ (9); но до-сихъ-поръ распространеніе чтенія, письма и первыхъ правилъ счисленія оказываетъ весьма-мало содѣйствія великому дѣлу христіанской цивилизаціи, которая требуетъ еще иныхъ занятій и трудовъ. Равно и попытки воспитывать Индійцевъ въ школахъ и гимназіяхъ до-сихъ-поръ были неудачны; даже тѣ изъ нихъ, которые при началѣ ученія подавали наибольшую надежду на успѣхъ, не хотѣли или не могли переломить своей неукротимой натуры и при первой возможности убѣгали обратно въ свои лѣса.

Когда значительныя суммы, перешедшія отъ Соединенныхъ-Штатовъ къ индійскимъ племенамъ, изсякнутъ, то состояніе этихъ племенъ будетъ вдвое бѣдственнѣе, если они не покинутъ своей праздности. Число всѣхъ дикарей, обитающихъ по-ту-сторону Миссисипи, полагаютъ отъ 300 до 332 тысячь; теперь они не тревожатъ штатовъ, но тогда легко могутъ вовлечь ихъ въ пограничную войну.

Обращаемся къ другому племени, участь котораго въ Сѣверной-Америкѣ возбуждаетъ столько противорѣчащихъ толковъ. Невольничество негровъ не возникло изъ республиканскихъ формъ Соединенныхъ-Штатовъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго (доказательствомъ служитъ то, что въ половинѣ 26 штатовъ оно не существуетъ); невольничество принесено было изъ Европы, и въ 1713 году Англія считала не только дозволеннымъ, но похвальнымъ и великимъ дѣломъ пріобрѣтеніе отъ испанскаго короля монополіи ввоза невольниковъ въ колоніи, съ тѣмъ, чтобъ самъ онъ довольствовался только долею въ этой

(8) «До-сихъ-поръ, распространеніе христіанской вѣры» говоритъ Мюленфортъ о мохиканскихъ Индійцахъ: «мало доставило имъ пользы и не произвело въ ихъ бытѣ никакого улучшенія». О томъ же смотри M'Gregor America II, 337, 97.

(9) Long, second Expedition II. 246.

постыдной торговлѣ. Даже въ то время, когда число негровъ-невольниковъ было весьма-малочисленно въ американскихъ колоніяхъ, многіе Американцы сознавали явную несправедливость и опасность подобной торговли, но ни одно предложеніе, ни одинъ проектъ закона отдѣльныхъ колоній объ ограниченіи, уменьшеніи и уничтоженіи ея не нашелъ благопріятнаго отзыва въ метрополіи.

6-го апрѣля 1776 года, конгрессъ Соединенныхъ-Штатовъ (примѣру котораго гораздо-позднѣе послѣдовали другія правительства) запретилъ ввозъ невольниковъ. Повелѣніе это исполнилось не вдругъ; но давно уже оно получило силу и съ-тѣхъ-поръ ни одинъ африканскій невольникъ не ступалъ на землю республики. Но это не препятствовало быстрому размноженію невольниковъ въ самыхъ невольничьихъ штатахъ (10). Тогда развилась противоположность между тѣми штатами, гдѣ невольничество осуждено было по нравственнымъ причинамъ и объявлено ненужнымъ по экономическимъ отношеніямъ, и тѣми, въ которыхъ естественное различіе человѣческихъ племенъ имѣло болѣе вѣса и которые объявили необходимымъ трудъ невольниковъ, потому-что безъ этого труда цѣлыя земли останутся невоздѣланными и самыя выгодныя отрасли промышлености должны будутъ прекратиться. Особенно казалось невозможнымъ, чтобъ воздѣлываніе хлопчатой бумаги, риса и сахарнаго тростника въ южныхъ штатахъ производилось руками бѣлыхъ; всѣ согласны были, что здѣсь оба человѣческія племени должны были соединиться, и бѣлому назначено было руководить и повелѣвать чернымъ. Противъ этого возражали (11) (что̀ не доказано, однако, продолжительными опытами), что бѣлаго можно употребить съ такимъ же успѣхомъ на работу въ плантаціяхъ хлопчатой бумаги и сахарнаго тростника. «Но извѣстно (говорили защитники невольничества), что каждый бѣлый, который лѣтомъ хотя одну ночь проведетъ въ плантаціяхъ риса въ Георгіи и Южной-Каролинѣ, подвергается неминуемой смерти, между-тѣмъ, какъ негръ не чувствуетъ отъ-того никакой перемѣны; впрочемъ, и работа подъ палящими лучами солнца, даже въ самыхъ здоровыхъ странахъ юга, должна убить Европейца».

Допустимъ, что причины эти дѣйствительно служатъ оправданіемъ плантаторовъ южныхъ штатовъ (если только могутъ быть оправданы личные интересы на-счетъ правъ человѣчества), то и тогда въ пользу свободныхъ штатовъ говоритъ увеличеніе народонаселенія; правда, негры размножаются и въ невольничьихъ штатахъ, но каково бы ни было состояніе бѣлаго, онъ ни за что не переселится туда,—богатый, не желая попасть въ непріятныя отношенія, бѣдный,— не желая смѣшиваться съ невольниками. Такимъ-образомъ, народонаселеніе свободныхъ

---

(10) Sklavenstaaten, «Невольничьи Штаты», такъ обыкновенно называютъ тѣ штаты, гдѣ еще существуетъ невольничество въ противоположность «Свободнымъ Штатамъ», гдѣ оно уничтожено.

(11) Hinton topography II, 205. Wappius. Южно-Американскія Республики 147.

штатовъ (12), простиравшееся въ 1790 г. до 1,930,000, достигло въ 1840 г. до 9,782,000; тогда-какъ въ невольничьихъ штатахъ въ 1790 г. оно простиралась до 1,394,000 и въ тѣ же 50 лѣтъ достигло только 4,793,000.

Подобныя явленія въ отдѣльныхъ штатахъ зависятъ отъ различныхъ причинъ, климата, плодородія почвы и т. д., но главная причина заключается безъ-сомнѣнія въ противоположности невольничества и свободнаго развитія. Быстрое размноженіе невольниковъ (въ которомъ близорукіе видятъ, можетъ-быть, увеличеніе рабочихъ капиталовъ) увеличиваетъ только опасность. Ежедневно возрастаетъ ожесточеніе между поборниками и противниками невольничества; съ ними ежедневно возрастаетъ нетерпѣніе невольниковъ, подозрѣніе къ нимъ владѣтелей, опасность страшныхъ возмущеній, чуждаго вліянія и разъединеніе великаго общественнаго союза.

Для уничтоженія невольничества въ различное время предпринимались различные опыты; мы исчислимъ самые замѣчательные изъ нихъ: прежде всего должно упомянуть о предположеніи благонамѣренныхъ людей основать въ Либеріи (въ Африкѣ, на берегу Верхней-Гвинеи) государство для поселенія американскихъ свободныхъ и африканскихъ освобожденныхъ негровъ. Имъ возражали, «что негры такъ же мало будутъ способны управляться собою въ Африкѣ, какъ и въ Америкѣ, что они и тамъ должны будутъ остаться подъ вліяніемъ бѣлыхъ или разсѣяться». Планъ дѣйствительно оказался неудачнымъ: со всѣми усиліями предпринявшихъ его, только 2500 негровъ переселено было въ Либерію въ-теченіе двѣнадцати лѣтъ, тогда-какъ въ продолженіе того же времени въ Америкѣ родилось ихъ до 700 тысячь! Совсѣмъ тѣмъ колонія въ Либеріи можетъ пріобрѣсти великое значеніе: можетъ-быть, она сдѣлается зерномъ высшаго образованія въ Африкѣ, разсадникомъ общественности и христіанства, распространитъ, въ замѣнъ унизительнаго торга людьми, выгодную и дозволенную торговлю съ внутреннею Африкою. До-сихъ-поръ не удавались всѣ опыты прекратить этотъ торгъ охраненіемъ моря, на что устремлены и договоры всѣхъ европейскихъ государствъ; ясно, что на твердой землѣ должно возникнуть ему противоборство, и тогда побѣда несомнѣнна; а если воздухъ Либеріи вреденъ для бѣлыхъ, тѣмъ крѣпче и самобытнѣе воздвигнется тамъ государство негровъ и цвѣтныхъ. Когда послѣднимъ тяжела и непріятна покажется жизнь въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ нихъ можетъ пробудиться желаніе переселяться въ Либерію, особенно, если благопріятные слухи будутъ часто доходить до нихъ и если исчезнетъ сомнѣніе въ ихъ достовѣрности; впрочемъ, и тогда всѣхъ американскихъ негровъ переселить этимъ путемъ невозможно; многіе изъ нихъ сами не согласятся оставись свое новое отечество. Другой опытъ переправить негровъ на островъ Гаити, такъ блистательно доказавшій

(12) Нынѣ въ 13 штатахъ уничтожено невольничество: Коннектикутъ, Нью-Гэмпширъ, Нью-Джерзи, Иллинойсъ, Индіана, Мэнъ, Массачузетсъ, Мичиганъ, Огіо, Пенсильванія, Вермонтъ, Родъ-Айландъ, Нью-Йоркъ.

возможность существованія государства негровъ, также оказался неудобоисполнимымъ. Третій опытъ—удалять дѣвушекъ и такимъ образомъ постепенно прекращать размноженіе негровъ, и невыполнимъ по своей безсмысленности, и противенъ человѣчеству.

При неудачномъ исполненіи этихъ опытовъ и при видѣ затрудненій, съ ними сопряженныхъ, владѣтели невольниковъ съ удвоенною ревностью возвысили свой голосъ: «вся система невольничества», говорили они: «въ-продолженіе цѣлыхъ столѣтій освящена правомъ, законами, исторіею; она возрасла вмѣстѣ съ Штатами и должна остаться навсегда неизмѣнною. Отъ-того всѣ партіи (съ основанія союза) единогласно признавали, что конгрессъ не долженъ вмѣшиваться въ вопросъ о невольничествѣ, но рѣшеніе его предоставить самимъ невольничьимъ штатамъ. Общими законами невозможно вдругъ измѣнить всѣхъ людей; только посредствомъ отдѣльныхъ лицъ, посредствомъ владѣтелей можно благотворно подѣйствовать на невольниковъ.»

Эти отношенія и возгласы раздражали противниковъ невольничества, особенно, когда невольничество введено было въ новый штатъ Миссури и удержано въ Колумбіи и Вашингтонѣ, и когда право прошеній (petitions right) объ уничтоженіи его было отвергнуто, какъ безполезное и возбуждающее споры. Въ-слѣдствіе этихъ причинъ образовался союзъ *аболиціонистовъ*, требовавшій немедленнаго и безусловнаго уничтоженія невольничества и совершеннаго уравненія правъ бѣлыхъ и негровъ. Движимые благородною ревностью, аболиціонисты съ жаромъ принялись за дѣло, во имя вѣчныхъ началъ права и святаго ученія христіанскаго, но многіе изъ нихъ не обратили вниманія на прежнія отношенія двухъ племенъ и упустили изъ вида умѣренность и спокойное благоразуміе, безъ котораго не удастся ни одно великое дѣло.

Между-тѣмъ, они вмѣшались во внутреннія распоряженія Штатовъ, начали печатать и распространять въ страшномъ множествѣ возмутительные листы и брошюры, главною тэмою которыхъ было слѣдующее: «при достиженіи такой святой цѣли, не должно нисколько стѣсняться заботою о слѣдствіяхъ»; очень-натурально, что они возбудили гнѣвъ плантаторовъ, которыхъ безпрестанно честили «разбойниками» и «преступниками», и вмѣсто улучшенія участи невольниковъ, сдѣлали ее несравненно хуже, потому-что безпрерывно навлекали на нихъ подозрѣніе владѣтелей. О неумѣренности и безразсудствѣ многихъ аболиціонистовъ, Шаннингъ (Shanning), нѣкогда горячій противникъ невольничества, замѣчаетъ: «они впали въ обыкновенную ошибку энтузіастовъ, преувеличивали зло и сбились съ настоящаго пути. Отъ-того и газетные листки ихъ были часто наполнены горечью, ругательствами, клеветами. Они до такой степени распалили свое воображеніе картиною жестокости, которой подвержены всѣ невольники, что имъ слышались вездѣ только удары бичей и вопли отчаянія. Они посылали ораторовъ, изъ которыхъ многіе, движимые слѣпою ревностью, собирали вокругъ себя юношей и стариковъ, дѣтей изъ школъ, невѣждъ и дикарей, и призывали ихъ на битву противъ утѣсненія. Цвѣтнымъ они также проповѣдывали свое ученіе, принимали ихъ въ свое общество и изда-

вали прокламаціи въ тонѣ неукротимой вражды — выставляя плантаторовъ чудовищами жестокости и преступленія».

Плантаторы, угрожаемые потерею жизни и имуществъ, сочли дозволеннымъ каждое противодѣйствіе и начали ратовать за невольничество съ такимъ же дикимъ и необузданнымъ фанатизмомъ, съ какимъ ратовали другіе за освобожденіе негровъ. Доказательствомъ тому служитъ большая часть новыхъ законовъ, установленныхъ въ невольничьихъ штатахъ, изъ которыхъ можно замѣтить слѣдующіе:

Въ Георгіи законодательное собраніе не можетъ безъ согласія самихъ владѣтелей издавать какой-либо законъ объ освобожденіи негровъ.

Въ Мерилэндѣ уничтоженіе или измѣненіе невольничества должно получить силу закона только по единогласному рѣшенію двухъ законодательныхъ собраній (13) и не приводится въ исполненіе безъ полнаго вознагражденія владѣтелей.

Въ Кентуки законодательное собраніе не имѣетъ права предписывать освобожденіе невольниковъ безъ согласія и вознагражденія владѣтелей. Послѣдніе должны освобождать невольниковъ съ сохраненіемъ права ихъ заимодавцевъ и предоставленіемъ обезпеченій, что отпущенники никогда не будутъ въ тягость штату. Между-тѣмъ, какъ прочіе штаты препятствуютъ удаленію свободныхъ негровъ, здѣсь запрещено водвореніе ихъ. Также не позволено ввозить негровъ для продажи ихъ въ Кентуки. Ни одинъ свободный цвѣтной не можетъ продавать невольникамъ водку; ни негръ, ни мулатъ не могутъ свидѣтельствовать противъ бѣлаго. Съ невольниками должно обращаться какъ съ людьми (!), въ противномъ случаѣ они имѣютъ право требовать изслѣдованія чрезъ присяжныхъ. Терпящіе жестокое обращеніе невольники могутъ по востребованію ими быть продаваемы другому господину (14).

Въ Южной-Каролинѣ уже съ 1787 года запрещенъ былъ ввозъ невольниковъ изъ Африки, а потомъ и изъ другихъ штатовъ; также не позволено было переселеніе свободныхъ негровъ или цвѣтныхъ, и если, во уваженіе особыхъ причинъ, это и допускалось, то каждый изъ нихъ долженъ былъ вносить за себя ежегодно по 50 долларовъ. Свободные негры, оставляющіе штатъ, не должны возвращаться. Освобожденіе негровъ дозволено, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ отпущенникъ доказалъ свою способность промышлять себѣ средства къ существованію. Кто переселяется въ Южную-Каролину, можетъ привозить невольниковъ для собственнаго употребленія, но отнюдь не для продажи; иначе онъ платитъ 100 доллеровъ штрафа и невольникъ получаетъ свободу; кто же противозаконно купитъ негра, платитъ штрафа 500 доллеровъ. Каждый свободный негръ долженъ представить поручительство въ своемъ добромъ поведеніи (15); иначе его не потерпятъ въ штатахъ, а продадутъ какъ противозаконнаго переселенца. Никому не дозволено покупать у

(13) Americ. Alm. 1839; 17.

(14) Laws of Kentucky. Болѣе-кроткіе законы относительно невольниковъ издала Луизіана въ 1806 г. о пищѣ, одеждѣ, рабочемъ времени и наказаніяхъ.

(15) Statutes of South Carolinas VII, 331—468; VI, 239, 516.

негра хлопчатую бумагу, рисъ, маисъ или пшеницу, подъ страхомъ пени въ 1,000 долларовъ и тюремнаго заключенія на годъ. Ни одинъ негръ не можетъ имѣть огнестрѣльнаго оружія. Собранія негровъ и цвѣтныхъ не должны имѣть мѣста въ домѣ, двери котораго заперты, и никогда до восхожденія солнца и по захожденіи его. Кто будетъ распространять возмутительныя сочиненія, подвергается штрафу въ 1,000 *долларовъ* и годовому заключенію въ тюрьму. Негры не должны учиться читать и писать. Бѣлый учитель подвергается пени въ 100 долларовъ и мѣсячному тюремному заключенію; негръ или цвѣтной учитель 50-ти долларамъ пени и 50-ти ударамъ. Конгрессъ не имѣетъ права измѣнять своихъ постановленій съ цѣлію улучшить бытъ невольниковъ.

Во многихъ свободныхъ штатахъ невольничество не только запрещено, но ни при какой перемѣнѣ не можетъ получить законной силы. За каждаго отпущенника должно представить поручительство, что онъ не будетъ въ тягость общинѣ.

Время и опытъ охладили неумѣренную ревность обѣихъ партій: только весьма-немногіе плантаторы упорствуютъ въ неизмѣнномъ сохраненіи своихъ *безукоризненныхъ* (!) постановленій, и также весьма-немногіе аболиціонисты предпочитаютъ насиліе и междоусобную войну постепенному, кроткому и добровольному улучшенію участи негровъ. Въ настоящее время, вопросъ ограничивается тѣмъ, должно ли вознаграждать плантаторовъ при освобожденіи ихъ невольниковъ, а если должно, то откуда взять сумму въ 1,500 мильйоновъ долларовъ, которой приблизительно стоютъ невольники. Впрочемъ, всѣ согласны (развѣ за исключеніемъ ничтожнаго числа плантаторовъ) въ томъ, что время освобожденія негровъ наступило, но что оно не можетъ совершиться вдругъ, безъ принятія предварительныхъ мѣръ, и что необходима строгая осторожность, чтобъ внезапнымъ освобожденіемъ ихъ не потрясти основаній государства, или, говоря словами Джеферсона, горячаго республиканца и защитника свободы, «чтобъ не дать неграмъ вмѣстѣ съ свободою кинжала въ руки».

Третью и самую главную массу сѣверо-американскаго народонаселенія составляютъ, какъ мы уже замѣтили выше, европейскіе переселенцы. До-сихъ-поръ имъ отказываютъ въ національности, потому-что они лишены далекаго прошедшаго, величавой древности, и потому еще, что сліяніе многихъ народовъ «colluvies gentium», исключаетъ возможность замкнутой, твердой, самостоятельной особенности. На это можно отвѣчать такимъ образомъ: — европейское прошедшее принадлежитъ и тѣмъ Европейцамъ, которые переселяются въ Америку; оно остается достояніемъ ихъ, основнымъ камнемъ ихъ образованія; вмѣстѣ съ народомъ переносится въ новый свѣтъ все, что достойно перенесенія. Разумѣется, имъ чуждо то недѣятельное, безсильное благоговѣніе передъ вымершей древностью, которое тѣмъ болѣе расширяется въ человѣкѣ, чѣмъ онъ равнодушнѣе къ настоящему, чѣмъ менѣе вѣритъ въ будущее. Далѣе возникаетъ вопросъ: не устраняетъ ли сліяніе многихъ народовъ односторонняго патріотизма, не пріуготовляетъ ли оно высшихъ формъ человѣческаго развитія и не уничтожаетъ ли

многозначительнымъ и спасительнымъ путемъ слишкомъ-рѣзкихъ противоположностей? Всякая несправедливая подчиненность, притязательность, нетерпимость (на-прим., относительно религіозныхъ сектъ) будутъ, безъ сомнѣнія, вытѣснены, и въ торжествѣ той или другой никто не подумаетъ искать высшей мудрости; въ замѣнъ того, все служащее къ единенію, утвержденію государства и церкви, должно выступить въ новомъ, высшемъ свѣтѣ и въ невиданной до того прочности. Тѣмъ даже, которые не вѣрятъ въ прогрессъ на этомъ пути, можно напомнить, что всѣ обитатели Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ принадлежатъ къ *одному* племени германскому, ибо къ бóльшей массѣ Англичанъ примыкаютъ близко-родственные имъ Германцы, а Французовъ и Испанцевъ такъ мало, что они не могутъ дать какого-либо косвеннаго направленія и образованія цѣлому. То же можно сказать и о переселенцахъ: какъ ни велико число ихъ, но народонаселеніе возрастаетъ несравненно въ бóльшихъ размѣрахъ внутри республики рожденіями, и пришельцы легко сливаются съ большинствомъ. Изъ Англіи переселилось въ Соединенные-Штаты въ 1835 году—26,700; въ 1836—37,700; въ 1837—36,700. Послѣ переселеній изъ Англіи и Ирландіи, самое многочисленное переселеніе Нѣмцевъ (16); число всѣхъ иностранныхъ переселенцевъ простиралось въ 1843 году до 59,513, а въ 1844 до 84,764; и по вычисленію Тукера (17), въ-продолженіе 10 лѣтъ отъ 1830 — 40 года около 631,000, изъ которыхъ многіе переселились далѣе, въ Техасъ и Канаду. Въ-продолженіе 50 лѣтъ, народонаселеніе посредствомъ переселенцевъ и ихъ потомковъ умножилось на мильйонъ. Число всѣхъ Нѣмцевъ въ Сѣверной-Америкѣ простирается до 4,886,600 человѣкъ.

По временамъ возникали опасенія, что нравы и характеръ нѣкоторыхъ переселенцевъ могутъ превратить Сѣверную-Америку въ новый Ботани-Бей (18). Правда, нѣкоторые преступники, воры, негодяи, лѣнивцы и т. п. ищутъ себѣ прибѣжища въ ней; но число ихъ весьма-незначительно, и они горькими опытами и наказаніями (19) почти всегда бываютъ принуждены въ новомъ-свѣтѣ вести новый образъ жизни.

Соединенные-Штаты даютъ переселенцамъ великое нравственное и политическое воспитаніе; кто отталкиваетъ его и высокомѣрно думаетъ возвыситься надъ нимъ, кто вѣритъ болѣе случаю, чѣмъ предусмотрительности и благоразумію, думая разбогатѣть безъ труда или воображая обновить и взволновать Америку поверхностными теоріями, тотъ будетъ скоро и по справедливости разочарованъ въ своихъ нелѣпыхъ надеждахъ.

Законы о допущеніи переселенцевъ не во всѣхъ штатахъ одинаковы; правиломъ постановлено только, что отреченіе отъ всѣхъ правиле-

---

(16) Чрезъ Бременъ переселились въ 1837 г.—14,700; 1838—8,934; въ 1839—12,421; въ 1840—12,650; въ 1841—9,505. Soetbeer—Hamburgs Handel I, 174; II, 121.

(17) Report for 1833. Стр. 33.

(18) America, a great vortex: it drags all the straw and chips, and floating sticks, drift wood and trash into it. Clockmaker Slick. 39.

(19) Amerikan Alm. 1841. Стр. 82.

гій сословія и пятилѣтнее безпорочное пребываніе необходимо для поступленія въ число гражданъ сѣверо-американскаго союза. Во многихъ штатахъ срокъ пребыванія для полученія правъ гражданства назначенъ менѣе продолжительный (20) (въ Вермонѣ, на-прим., годъ, въ Коннектикутѣ шесть мѣсяцевъ). Пріобрѣтеніе земли дозволяется каждому пришельцу.

Въ новѣйшее время (особенно въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ) образовалась партія въ пользу американскихъ уроженцевъ (natives); она старается о затрудненіи переселеній и требуетъ, чтобъ права гражданства даваемы были не прежде 25 лѣтъ (21); въ основаніи этого она поставляетъ, что ни одинъ переселенецъ не можетъ доказать ранѣе этого срока преданность свою странѣ, и что слишкомъ-скорое признаніе гражданами чужестранцевъ вредитъ правамъ туземцевъ. Но партія эта проповѣдуетъ ученіе свое подъ ложнымъ угломъ зрѣнія и руководствуется дурно-понятымъ патріотизмомъ: время не можетъ быть единственною мѣрою гражданскаго достоинства; многіе переселенцы тотчасъ же могутъ стать въ ряды туземцевъ, а чему они не въ состояніи выучиться въ пять лѣтъ, тому, вѣроятно, не выучатся никогда. Сверхъ-того, требованіе, чтобъ каждый сѣверо-американскій гражданинъ самъ понималъ совершенно всѣ труднѣйшіе вопросы администраціи, нелѣпо; всегда необходимо довѣріе къ людямъ знающимъ дѣло, а это довѣріе, при поданіи голосовъ, гораздо-ближе ведетъ къ цѣли, чѣмъ притязанія каждаго (и при неудовлетворительномъ знаніи) мѣшаться въ рѣшеніе важныхъ вопросовъ.

Еслибъ всѣ переселенцы имѣли свой особенный взглядъ на предметы первой важности (на-прим., въ дѣлѣ церкви, сословій, книгопечатанія и т. д.), еслибъ они вмѣстѣ выступили противъ Американцевъ, тогда могли бы оправдаться эти жалобы и противодѣйствія; но такъ-какъ они вездѣ примыкаютъ къ Американцамъ и согласны во всемъ съ большинствомъ туземцевъ, то какая же причина чуждаться ихъ, какъ-бы преступниковъ или глупцовъ? Съ жаромъ подвизаются Американцы за пріобрѣтеніе Орегона, жалуются, что такія обширныя полосы земли остаются незаселенными и невоздѣланными, а въ то же время эта анти-американская партія (кажется, ее можно назвать такъ), взываетъ о мѣрахъ, которыя сдѣлаютъ медвѣдей и волковъ единственными обладателями этой области. Чѣмъ же возможно привлечь переселенцевъ, если на цѣлую четверть столѣтія имъ отказываютъ въ политическихъ правахъ, въ духовномъ сочувствіи съ новымъ отечествомъ и осуждаютъ ихъ на одно пріобрѣтеніе матеріальныхъ выгодъ?

---

(20) American Alm. 1838. 83. Джефферсонъ (Messages 100) сопротивлялся всякаго рода утѣснительнымъ ограниченіямъ при зачисленіи иностранцевъ въ число гражданъ союза.

(21) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ, на-прим., въ Бостонѣ, существуютъ строгіе законы о переселеніи бѣдныхъ, больныхъ, слабоумныхъ; въ приложеніи этихъ законовъ можетъ встрѣтиться много затрудненій. Общества для поддержанія переселенцевъ дѣйствуютъ съ успѣхомъ.

Правда, Вашингтонъ, Джеферсонъ и Мадиссонъ предостерегали сограждан своихъ отъ «чуждаго вліянія» (foreign influence), но, конечно, они не разумѣли подъ этимъ вліяніемъ новыхъ американскихъ граждан. Большая часть европейскихъ правительствъ весьма-мало или совсѣмъ не препятствовала переселенію подданныхъ своихъ въ Америку, по самой простой, логической причинѣ, доступной каждому: распространеніе людей по всей землѣ, воздѣлываніе всѣхъ страхъ, вотъ цѣль, указанная самимъ провидѣніемъ; иначе слишкомъ-тѣсное населеніе приведетъ къ нищетѣ массу обитателей, тогда-какъ неизмѣримыя пространства останутся пустынями.

Было время, когда благосостояніе, богатство и успѣхи государства измѣрялись количествомъ его народонаселенія. Теперь взглядъ на этотъ предметъ во многихъ европейскихъ государствахъ такъ измѣнился, что ежедневно раздаются жалобы на излишество населенія; отдѣльныя лица почитаютъ бѣдствіемъ множество дѣтей, и правительства взъискиваютъ средства къ отвращенію несчастій, происходящихъ отъ размноженія бѣдныхъ. Но если первый взглядъ былъ односторонenъ, то второй, кромѣ своей односторонности, свидѣтельствуетъ еще о великой болѣзненности общества, которой не исцѣлитъ уменьшеніе народонаселенія. Уменьшеніе народонаселенія, возникновеніе большихъ владѣній, latifundia, конечно, и въ Римской Имперіи не были доказательствами возрастающаго или возвращающогося здоровья. Всякое размноженіе людей ведетъ къ увеличенію, распространенію духовнаго элемента въ человѣчествѣ, а духовному уже принадлежитъ обязанность изъискивать средства къ поддержанію матеріальнаго существованія. Если послѣднее по многимъ причинамъ легче для Америки, чѣмъ для прочихъ старыхъ государствъ, то возможно ли отрицать, что возрастающее народонаселеніе заключаетъ въ себѣ сѣмена прогресса? Нѣтъ сомнѣнія, что оно ведетъ ко благу страны и служитъ доказательствомъ мощной, много-обѣщающей юности...

Всемірная исторія не представляетъ ни одного государства, которое бы, на подобномъ пространствѣ, въ короткое время представляло такое правильное и огромное приращеніе народонаселенія, какъ Соединенные-Штаты. Простыя цифры говорятъ такъ много сами-собою, что мы рѣшаемся представить нѣкоторыя изъ нихъ. Все народонаселеніе Соединенныхъ-Штатовъ въ 1780 году простиралось до 2,051,000, а въ 1844 до 18,980,000 [22]).

---

(22) Вотъ еще нѣсколько подробностей: въ 1790 году было жителей 3,920,000; въ 1800 году число это возрасло до 5,309,000; въ 1810 году до 7,239,000; въ 1820 году до 9,638,000; въ 1830 году до 12,858,000; въ 1840 году до 17,062,000. Въ послѣднемъ числѣ: бѣлыхъ мужчинъ 7,249,000, женщинъ 6,939,000. Свободныхъ негровъ и цвѣтныхъ 386,000, невольниковъ 2,487,000. Изъ нихъ земледѣлію посвящаетъ себя одинъ изъ 4½ человѣкъ, мануфактурамъ одинъ изъ 21½ чел., торговлѣ одинъ изъ 145, ученымъ занятіямъ одинъ изъ 261, мореплаванію одинъ изъ 304, внутреннему судоходству одинъ изъ 516, горнымъ дѣламъ (mining) одинъ изъ 1122 человѣкъ.

Успѣхами народонасенія въ новѣйшее время особенно отличается обширная долина Огіо и Миссисипи. Въ 50 лѣтъ народонаселеніе возрасло въ Новой-Англіи на 221 процентъ.

Въ Среднихъ Штатахъ	382	—
— Южныхъ —	226	—
— Сѣв.-западн. —	5,654	—
— Юго-западн. —	6,174	—

Много причинъ имѣютъ вліяніе на разницу въ умноженія народонаселенія, какъ, на-прим., свобода, невольничество, плодородіе, переселенія и т. д.

Возьмемъ еще нѣсколько чиселъ для отдѣльныхъ штатовъ и городовъ.

Штатъ Нью-Йоркъ имѣлъ въ 1702 году 20,000 жителей, въ 1840 г. 2,428,000.

Штатъ Кентуки былъ только открытъ между 1766 и 1770 год. и до 1775 г. не имѣлъ ни одного бѣлаго обитателя; въ 1840 было въ немъ 779,000 бѣлыхъ.

Штатъ Алабама (23) въ 1800 году имѣлъ 2000 жителей, въ 1840 году 590,000.

Штатъ Огіо въ 1790 году имѣлъ 3000 жителей, а въ 1840 году — 1,519,000.

Въ такой же страшной пропорціи возрасло народонаселеніе городовъ.

Жителей было въ	1790 г.	1844 г.
Въ Бальтиморѣ	15,000.	164,000
— Бостонѣ	18,000.	118,000
— Нью-Йоркѣ	33,000.	364,000
— Филадельфіи	45,000.	301,000.

Плотность населенія также различна по различнымъ штатамъ; такъ на англійскую квадратную милю въ Мичиганѣ и Миссури приходится отъ 5 до 7 человѣкъ, а въ Массачузетсѣ по 100. Еслибъ въ Соединенныхъ-Штатахъ было 200 мильйоновъ жителей, распредѣленныхъ по ровну, то и тогда народонаселеніе было бы рѣже, чѣмъ въ Массачузетсѣ.

Не смотря на желчную горячку, свирѣпствующую во многихъ приморскихъ городахъ, не смотря на вредный климатъ болотистыхъ и лѣсистыхъ странъ, средняя долгота жизни въ Соединенныхъ-Штатахъ нисколько не менѣе, чѣмъ въ Европѣ.

Какъ ни быстро возрастаетъ народонаселеніе, можно съ достовѣрностью сказать, что *капиталы возрастаютъ еще въ большей пропорціи*, и нигдѣ такъ блистательно не оправдывается изреченіе: mens agitat molem!

То, что въ этомъ отношеніи называютъ механизмомъ и матеріализмомъ, является менѣе эгоистическимъ, нетерпимымъ, опаснымъ и жестокимъ, чѣмъ фанатическій спиритуализмъ и мистицизмъ; въ-слѣдствіе этого съ обѣихъ сторонъ должно отдѣлять золото отъ примѣси. Духъ

---

(23) Flint Mississipi I, 482; II, 315. Americ. Alm. 1844. 206. Hinton II, 563.

развивается свободнѣе по мѣрѣ утвержденія владычества своего надъ матеріею, и болѣе легкими средствами и въ болѣе короткое время достигаетъ цѣли своего стремленія; отъ-того и механизмъ, упрощая трудъ, даетъ болѣе свободы дѣйствіямъ духа, сберегаетъ время и избавляетъ человѣка отъ исключительной, всепоглощающей заботы объ удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей и, разумѣется, не для того, чтобъ возвысить самодовольную праздность, а чтобъ проложить труду болѣе высокіе, болѣе просвѣщенные пути.

Чѣмъ тверже Сѣверо-Американцы подчиняютъ себѣ природу, тѣмъ могущественнѣе становится духъ ихъ. Южныхъ Американцевъ природа надѣлила бо̀льшими дарами, но они, презирая такъ-называемую матеріальную дѣятельность, не подвигаются впередъ ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ развитіи. Слѣдовательно, для настоящаго понятія о народѣ необходимо не одно исчисленіе людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіе ихъ дѣйствій и стремленій; пособіемъ къ этому могутъ служить свѣдѣнія о занятіяхъ Сѣверо-Американцевъ. До-сихъ-поръ главное занятіе ихъ составляетъ земледѣліе; за тѣмъ уже слѣдуютъ мануфактурная промышленость и торговля.

Само-собою разумѣется, что въ странѣ столь обширной и вмѣщающей въ себѣ столько разнообразныхъ климатовъ, и производительность почвы должна быть въ высшей степени разнообразна; а потому невозможно вывести точнаго заключенія о богатствѣ штатовъ безъ тщательнаго разсмотрѣнія мѣстныхъ и личныхъ отношеній; по-крайней-мѣрѣ, необходимо имѣть въ виду слѣдующіе важнѣйшіе пункты сѣверо-американской промышлености:

1) Что главная цѣль ея состоитъ въ достиженіи самой большой прибыли съ наименьшимъ трудомъ, ибо работники такъ рѣдки и задѣльная плата такъ высока, что непремѣнно должно руководствоваться иными средствами и пролагать иные пути, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, на оборотъ, задѣльная плата низка и работники многочисленны.

2) Земля большею частію очень-дешева, сама-по-себѣ не даетъ никакого дохода и обработывается только одними владѣльцами. Отношеніе людей, поставленныхъ между земледѣльцами и работниками, т. е., арендаторовъ, возникало весьма въ рѣдкихъ случаяхъ; особенно невыгодно пріобрѣтать большія пространства земли въ свободныхъ штатахъ и отдавать ихъ на воздѣлываніе.

3) Необходимо также вспомнить, что Сѣверо-Американцы (послѣ Англичанъ) самый торговый народъ на землѣ; это нерѣдко понимали ошибочно, предполагая, что обитатели Соединенныхъ-Штатовъ состоятъ исключительно изъ алчныхъ къ деньгамъ купцовъ и торгашей; между-тѣмъ, какъ большинство ихъ занимается воздѣлываніемъ земли и $^4/_5$ или даже $^9/_{10}$ всѣхъ предметовъ вывоза принадлежатъ къ произведеніямъ земледѣлія.

Всѣ извѣстныя хлѣбныя растенія, воздѣлываемыя въ Соединенныхъ-Штатахъ, не только достаточны для потребленія ежедневно возрастающаго народонаселенія, но составляютъ еще значительный предметъ вывоза. Такъ въ Бостонѣ (вопреки теоріи Мальтуса) между 1795 и 1834 г.

подешевѣли почти всѣ жизненныя потребности: пшеница, рожь, ячмень, рисъ, рыба, мясо, кофе, чай и сахаръ.

На садоводство гибельно дѣйствуетъ быстрое измѣненіе климата, жары, засуха и холодъ; но и въ этой отрасли земледѣлія замѣтны уже большіе успѣхи. Въ Массачузетсѣ, Нью-Гэмпширѣ и другихъ штатахъ, сборъ плодовъ такъ обиленъ, что изъ нихъ дѣлается значительное количество сидра, и почти нигдѣ нельзя найдти такого множества персиковъ, какъ въ Нью-Йоркѣ и Нью-Джерзи. Кто портитъ или уничтожаетъ деревья въ Нью-Гэмпширѣ (24), тотъ подвергается штрафу, превышающему въ десять разъ цѣнность дерева.

Винодѣліемъ занимаются въ Индіанѣ и Кентуки (25), куда пересажены лозы съ Мыса-Доброй-Надежды; также въ окрестностяхъ Джоржтауна (близь Вашингтона).

Сахаръ изъ сахарнаго клена (26) добывается въ значительномъ количествѣ въ Вермонѣ, въ Виргиніи, Пенсильваніи, Мэнѣ, Огіо и Кентуки. Также изъ стеблей маиса нашли средство добывать сахаръ (cornstalk-sugars), но до-сихъ-поръ еще встрѣчаются затрудненія въ кристаллизаціи его.

Сахарный тростникъ съ успѣхомъ разводится до 31° сѣв. шир. въ Георгіи, Флоридѣ и Луизіанѣ (27). Послѣдній штатъ выдѣлывалъ въ 1810 году около 10 мильйоновъ фунтовъ сахарнаго песку, а въ 1838 г. количество это возрасло ста мильйонами фунтовъ.

Померанцовыя деревья и финиковыя пальмы разводятся до 30° шир.

Воздѣлываніемъ риса занимаются преимущественно въ невольничьихъ штатахъ, по берегамъ Анлантическаго-Моря. Въ 1840 г. Южная-Каролина выдѣлывала его 26,964,000 килограмовъ, Георгія 6,099,000, Луизіана 1,802,000 и т. д. (28).

Шелководство (29), не смотря на распространеніе его во многихъ штатахъ и не смотря на поощреніе правительства, до-сихъ-поръ еще не приноситъ значительныхъ выгодъ, частію по недостатку людей, знающихъ дѣло, частію по дороговизнѣ работниковъ. Впрочемъ, опыты, произведенные съ различными родами шелковичныхъ деревъ и червей, повели къ благопріятнымъ результатамъ.—Воздѣлываніе чая и масличныхъ деревъ возникаетъ также во многихъ мѣстахъ и (по-крайней-мѣрѣ, относительно послѣднихъ) подаетъ надежду на будущіе успѣхи.

Главное мѣсто разведенія табаку, воздѣлываемаго невольниками, есть Виргинія, изъ которой круглымъ числомъ было вывезено (30):

---

(24) Laws of New-Hampshire 1834. Стр. 167.

(25) Hinton II, 214.

(26) Большое дерево даетъ весною отъ 10—15 фунтовъ сахара. Warden I, 449. Buckingham East Stat I, 157.

(27) Ferry. 74. Encycl. amer. *Louisiana*; Buckingham South Stat. I, 307.

(28) Poussin richess. americ. II, 290.

(29) Hinton II, 210. Hamilton East States II, 89. Southern Stat. I, 205.

(30) Americ. Alman. 1838. 128.

Отъ 1772 г.	до 1775 г.	ежегодно	99	мильйоновъ	фунтовъ.
» 1776	» 1782	»	86	»	»
» 1815	» 1835	»	99	»	»

Вывозъ листоваго табаку вообще незначителенъ, но за то важную отрасль торговли составляетъ табакъ выдѣланный вообще и особенно нюхательный. Въ послѣднее время, еще болѣе увеличилось внутреннее потребленіе его въ Америкѣ, гдѣ круглымъ числомъ приходится на человѣка втрое болѣе, чѣмъ въ Англіи, и въ восемь разъ болѣе, чѣмъ во Франціи. Нѣкоторые утверждаютъ, что цѣнность табаку, потребляемаго въ Нью-Йоркѣ, превосходитъ цѣнность всего количества хлѣба, необходимаго для прокормленія жителей.

Какъ ни значительны исчисленныя нами отрасли земледѣлія, ни одна изъ нихъ не достигла такихъ быстрыхъ успѣховъ, какъ воздѣлываніе хлопчатой бумаги. Въ 1784 г. весьма-малое количество ея, въ видѣ опыта, было вывезено въ Ливерпуль; въ 1793 году вывозъ ея простирался уже до 487,000 фунтовъ (31); въ 1803 г. до 41 мильйона фунтовъ, въ 1823 г. до 174 мильйон., въ 1833 г. до 325 мильйон., въ 1841 г. до 530 мильйон. фунтовъ. По вычисленію, сдѣланному однимъ охотникомъ до странныхъ сближеній, изъ фунта хлопчатой бумаги можно выпрясть нить въ 40 нѣмецкихъ миль длиною, слѣдственно изъ бумаги, выпрядаемой ежегодно въ Англіи, составится нить, которая будто въ 51 разъ длиннѣе разстоянія земли отъ солнца.

Посредствомъ машины, которую массачузетскій урожденецъ Уитней (Witney) изобрѣлъ для очищенія хлопчатой бумаги, сберегается столько трудной ручной работы, что цѣнность бумаги упала, не сдѣлавъ значительнаго убытка плантаторамъ. Они боятся только соперничества остиндской бумаги, потому-что въ Ост-Индіи работа свободныхъ обходится дешевле работы негровъ въ Сѣверной-Америкѣ. Особенно невыгодно положеніе Каролины и восточныхъ береговъ, потому-что почва южной части долины Миссисипи гораздо плодоноснѣе и обработываніе ея обходится дешевле (32).

(31) Scabrooks Memoir of the cultivation of Cotton.

(32) Въ письмѣ изъ Колумбіи, Раумеръ (Die Vereinigten Staaten II, 373) сообщаетъ слѣдующія подробности о воздѣлываніи хлопчатой бумаги: «Есть два рода хлопчатой бумаги: тонкая, длинная, болѣе цѣнная, воздѣлывается на песчаныхъ островахъ вдоль морскаго берега; болѣе короткая и грубая во внутренности страны. Почву дѣлять, смотря по свойству ея, на гряды отъ 4 до 6 футовъ ширины, и вспахиваютъ ее два раза вдоль; во второй разъ такъ, что по срединѣ гряды дѣлается возвышеніе; тогда посредствомъ маленькаго плуга, формою похожаго на женскій башмакъ и запряженнаго одною лошадью, проводится на этомъ возвышеніи борозда, въ которую въ мартѣ мѣсяцѣ какъ-можно-чаще засѣваютъ сѣмена. Когда растеніе пуститъ отъ 4 до 6 листовъ, землю перепахиваютъ еще разъ между рядами и поправляютъ заступомъ, такъ-что сдѣланныя прежде гряды принимаютъ форму грядъ для спаржи. Сѣютъ же такъ часто (какъ мнѣ показалось) потому-что холодъ, засуха, черви и насѣкомыя разнаго рода уничтожаютъ часть растеній. Если же подобнаго истребленія не послѣдуетъ, то слабые стебли вырываютъ и тщательно выпалываютъ гряды. Въ сентябрѣ начинается жатва; каждый плодъ обрываютъ, стводъ и листья бросаютъ въ борозды, запахиваютъ ихъ снова и на слѣ-

Не-смотря на всю неполноту статистическихъ данныхъ, относящихся до промышлености и земледѣлія, изъ всѣхъ отчетовъ (33) видно, что всѣ отрасли земледѣлія постепенно распространяются; что маисъ играетъ гораздо-болѣе значительную роль, чѣмъ пшеница; что рожь, ячмень и хмѣль, сравнительно съ другими хлѣбными растеніями, воздѣлываются въ маломъ количествѣ, что воздѣлываніе льна и пеньки ничтожно въ сравненіи съ хлопчатою бумагою; что винодѣліе и шелководство едва возникаютъ, и проч. — Разумѣется, сѣверные-штаты не воздѣлываютъ ни хлопчатой бумаги, ни сахарнаго тростника; Каролина не разводитъ ни льна, ни пеньки, Луизіана не производитъ пшеницы.

Въ теоріи и практикѣ земледѣлія (плодоперемѣнное хозяйство, удобреніе, земледѣльческія машины разнаго рода, физическія и химическія средства (34), замѣтны въ новѣйшее время большія улучшенія. Многія общества и повременныя изданія, основанныя для усовершенствованія землепашества и садоводства, дѣйствуютъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ и быстро распространяютъ полезныя знанія. Такъ, на-примѣръ, Нью-йоркскому Земледѣльческому Обществу принадлежитъ планъ, въ школахъ уже знакомить дѣтей съ сельскимъ хозяйствомъ, химіею и физикою, и издавать спеціальныя книги, приспособленныя къ этой цѣли.

Къ сказанному нами о земледѣліи Соединенныхъ-Штатовъ необходимо присовокупить, что совершенно ошибочно мнѣніе, не разъ повторявшееся въ Европѣ, будто бы сѣверо-американскіе поселяне, начавшіе съ деревянныхъ укрѣпленій (log cabins) и деревянныхъ домовъ, остались навсегда недѣятельными и равнодушными къ улучшеніямъ. Вездѣ даже поверхностному наблюдателю бросаются въ глаза быстрые успѣхи земледѣльческой промышлености.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по естественнымъ отношеніямъ Сѣверной-Америки и преимущественно по легкому воздѣлыванію вездѣ дешевой земли, Соединенные-Штаты долго еще останутся государствомъ земледѣльческимъ по преимуществу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя фабрики шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій для домашняго употребленія давно уже начали совершенствоваться, равно какъ производство мыла, свѣчь и другихъ предметовъ первой необходимости. Другою побудительною причиною распространенія американскихъ мануфактуръ была послѣдняя война съ Англіею (1813—1815). Американцы, насильственно предоставленные самимъ-себѣ, должны были заводить фабрики для изготовленія разныхъ вещей, привозъ которыхъ изъ Англіи пре-

---

дующій годъ на такомъ полуудобреніи сѣютъ опять хлопчатую бумагу. Объ иномъ удобреніи почвы или перемѣнѣ сѣменъ нѣтъ и помина. Посредствомъ самой простой машины отдѣляютъ сѣмена отъ хлопчатой бумаги и употребляютъ ихъ, за исключеніемъ посѣва, въ пищу скоту и на выдѣлываніе масла. Кромѣ надсмотрщиковъ на хлопчато-бумажныхъ плантаціяхъ работаютъ только негры и негритянки американскаго происхожденія».

(33) 27 congress, third session Senate 129, Agricultural statistic. 1842.

(34) Natural History of New York I, 128. Отличныя свѣдѣнія о земледѣліи изданы также въ Массачуветсѣ.

кратился; по окончаніи же войны, многія отрасли мануфактурной дѣятельности начали развиваться, что̀ очень-естественно въ странѣ, гдѣ такъ быстро возрастаетъ народонаселеніе, гдѣ въ такихъ размѣрахъ увеличивается богатство. Прежнее мнѣніе, что основаніе обширныхъ мануфактуръ ведетъ къ невыгодному, даже безнравственному расточенію силъ, постепенно исчезало и уступало мѣсто другому, еще болѣе-ошибочному, «что усиленію мануфактуръ должно содѣйствовать искусственными и даже насильственными средствами»; законы, возникшіе подъ вліяніемъ послѣдняго мнѣнія, возбудили много жалобъ и даже были причиною жестокихъ смутъ, едва не разрушившихъ Союза.

Содѣйствіемъ этихъ законовъ или, какъ нѣкоторые увѣряютъ, вопреки имъ, мануфактуры такъ усилились, что въ 1840 г. доходъ съ нихъ простирался на 239 мил. доллеровъ (35); въ 1820 г. на всѣхъ мануфактурахъ республики занято было работою 349,000 человѣкъ, а въ 1840 г. 791,000. Болѣе всего увеличились бумаго-прядильныя фабрики, потомъ фабрики желѣзныхъ издѣлій.

О занятіяхъ дѣтей на фабрикахъ существуютъ, правда, гуманныя, но не всегда строго-исполняемыя постановленія; такъ, на-примѣръ, дѣтей до 12-ти-лѣтняго возраста, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 15-ти-лѣтняго, не дозволено допускать къ работѣ и предписано занимать ихъ не болѣе 10 часовъ, съ тѣмъ, чтобъ они посѣщали школы. Бѣдствія слишкомъ многочисленнаго, обнищавшаго населенія фабричныхъ работниковъ здѣсь почти неизвѣстны, а гдѣ они обнаруживаются, тамъ для отвращенія ихъ существуютъ обширныя пространства плодоносной, невоздѣланной почвы.

Географическое положеніе Соединенныхъ-Штатовъ доказываетъ, что сама природа назначила ихъ къ производству обширной торговли; но что одно положеніе не составляетъ еще всѣхъ условій торговли, доказывается сравненіемъ Сѣверной-Америки съ Южною. Духъ дѣятельности и предпріимчивости, господствующій между обитателями Соединенныхъ-Штатовъ, развился на этомъ поприщѣ могущественнѣе, чѣмъ желали того друзья ихъ и опасались противники.

Изумительно различіе между прежнею и настоящею Сѣверною-Америкою! Во время зависимости ея отъ Англіи, промышленость и торговля колоній были ограничены безчисленными постановленіями и стѣснены до такой степени, что нѣкоторыя отрасли ихъ (на-пр. выдѣлка желѣза, шляпъ и т. д.) были совершенно запрещены; теперь же во всѣхъ земляхъ Союза уничтожены внутреннія таможенныя линіи, вывозныхъ пошлинъ нѣтъ вовсе, привозныя пошлины однообразны, торговля безъ препятствій распространяется по всей землѣ (36), и здѣсь чи-

(35) Tucker progress of the United States. 195.

(36) Необходимо упомянуть, что въ-теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ сдѣлано въ гаваняхъ и по берегамъ много улучшеній и построено до 20 новыхъ маяковъ. Hevenson sketch of Engineering 187.

сла безъ поясненій громко говорятъ за себя (37). При страшно-возрастающемъ народонаселеніи, само собою разумѣется, что необыкновенно возрастаетъ и потребленіе нѣкоторыхъ предметовъ (38).

Не смотря на то, что торговля Соединенныхъ-Штатовъ развивается быстро во всѣхъ частяхъ своихъ, ни одно государство не представляетъ въ этомъ отношеніи такихъ внезапныхъ и рѣзкихъ перемѣнъ: не принимая даже въ разсчетъ военныхъ годовъ въ противоположность съ годами мира, находимъ, что денежныя замѣшательства, займы, усиленныя спекуляціи, банкротства, налоги и т. п. (39) нерѣдко имѣли гибельное вліяніе, и подобные кризисы будутъ возвращаться, если не пріймутъ дѣятельныхъ мѣръ къ прекращенію зла.

Остается еще замѣтить, что общія числа привоза и вывоза часто бываютъ не достовѣрны, потому-что иногда цѣнность предметовъ возрастаетъ на 70 процентовъ, когда количество ихъ не болѣе, какъ на 2; а такъ-какъ нѣкоторые предметы облагаются пошлиною по вѣсу, другіе по цѣнности ихъ, третьи, наконецъ, вывозятся безпошлинно, то вычисленія становятся вдвойнѣ затруднительными.

Шерстяныя и хлопчато-бумажныя издѣлія привозятся большею частію изъ Англіи, вина преимущественно изъ Франціи, Португаліи и Испаніи, чай непосредственно изъ Китая, кофе изъ Кубы, Гаити и Бразиліи.

Во многихъ штатахъ постановлены правила для наблюденія за отпускными товарами, которые должны быть не только годны къ употребленію и цѣнны, но также надлежащимъ образомъ уложены и взвѣшены.

Браковщики, находящіеся при отпускѣ товаровъ, обязаны наблюдать за качествомъ и укладкою мяса, масла, сала, шоколада, рыбы, хлѣба, хмѣля, воды, пороха, лѣса, бумаги, кожъ, соли и т. д. Трудно понять, какимъ образомъ успѣваютъ они, при такой обширной торговлѣ, приводить въ исполненіе всѣ предписанныя правила. Законные проценты полагаются въ большей части штатовъ по шести на сто, но въ нѣкоторыхъ новыхъ штатахъ дозволено брать по десяти; возвышеніе роста строго запрещено закономъ и кромѣ потери долга влечетъ за собою значительный штрафъ.

---

(37) Въ 1701 г. весь вывозъ въ Англію заключалъ въ себѣ цѣнности на 309,000 долларовъ, привозъ на 343,000 дол., въ 1773 вывозъ на 1,369,000 дол., привозъ на 1,979,000 дол., въ 1842 вывозъ на 104,000,000 дол., привозъ на 100,000,000 дол. Въ Нью-Йоркѣ вывозъ простирался въ 1791 г. на сумму 2½ мил. долларовъ, а въ 1838 на 33 мил.; въ Новомъ-Орлеанѣ вывозъ составлялъ въ 1811 г. цѣнность 2 мил. дол., а въ 1838 г. 33 мил.

(38) Какъ, на-прим., кофе потреблялось въ 1821 г. 11,886,000 фунт., въ 1838 г. 82,872,000 фунт., въ 1841 г. 114,000,000 фунт.

(39) Такъ цѣнность всего привоза круглыми числами простиралась: въ 1836 г. на сумму 189 мил. дол., въ 1837 г. на 140 мил. дол., въ 1838 г. на 113 мил. дол., въ 1839 г. на 157 мил. дол., въ 1842 г. на 100 мил. дол. Привозъ изъ Англіи, простиравшійся въ 1836 г. на 86 мил., упалъ въ 1837 г. на 52, а въ 1838 на 49 мил. Меньшая разница встрѣчается при вывозѣ; вся цѣнность его составляла въ 1836 г. 128 мил. дол., въ 1837 г. 117 мил. дол., въ 1842 г. 104 мильйона долларовъ.

Торговлѣ внутренней и внѣшней содѣйствуютъ водяныя и сухопутныя сообщенія, въ удобствѣ которыхъ ни одно государство не можетъ сравниться съ Соединенными-Штатами. Большая часть почвы состоитъ изъ равнинъ или умѣренныхъ возвышеній; даже длинная горная цѣпь Аллегани не воздвигаетъ значительныхъ препятствій проведенію искусственныхъ дорогъ. Обширныя озера и Рѣка-св.-Лаврентія доставляютъ удобный переѣздъ на сѣверъ; море, омывающее восточные и южные берега, представляетъ открытое сообщеніе со всѣми странами земнаго шара, а колоссальные потоки Миссури, Миссисипи и Огіо судоходны по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только основаны человѣческія жилища, или гдѣ возможно основать ихъ; даже меньшія рѣки текутъ по такому незначительному склону и такъ мало стѣснены какими-либо препятствіями, что плаваніе по нимъ вверхъ удобно и для большихъ судовъ; подобное явленіе едва-ли повторяется въ какой-нибудь странѣ.

Обитатели Соединенныхъ-Штатовъ не только вполнѣ воспользовались этими дарами природы, но съ свойственною имъ дѣятельностію и смѣлостію проложили дороги, прорыли каналы, устроили желѣзные рельсы и въ этомъ отношеніи оставили далеко за собою всѣ прочіе народы образованнаго міра. Сообразно съ массою народонаселенія, Сѣверная-Америка имѣетъ въ 32 съ половиною раза болѣе каналовъ и въ 6 съ половиною разъ болѣе желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ Англія (40) и вчетверо болѣе каналовъ и въ 17 разъ болѣе желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ Франція. Происходящія отъ того выгоды для торговли неисчислимы и сверхъ-того все тѣснѣе и тѣснѣе связываются между собою разнородные члены великаго Союза. Связь эту поддерживаютъ каналы, пароходы, желѣзныя дороги: они, выигрывая время и пространство, необыкновенно расширили внутренніе обороты, привозъ и отпускъ товаровъ, доставили важное значеніе лѣсу, не имѣвшему прежде никакой цѣнности, въ рѣдко-населенныхъ, невоздѣланныхъ странахъ внезапно открыли могущественныя средства къ быстрому развитію. Они соединили тѣснѣе Сѣверо-Американцевъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи — новый примѣръ, какъ односторонни тѣ, которые разрываютъ это двойное стремленіе или даже противополагаютъ ихъ одно другому.

Слишкомъ-много мѣста нужно было бы для исчисленія всѣхъ каналовъ Сѣверной-Америки, и потому мы назовемъ только важнѣйшій изъ нихъ, служащій къ соединенію Гудзона и Нью-Йорка съ озеромъ Эріэ. Когда Моррисъ и Клинтонъ предложили устройство этого Канала-Эріэ (41), тогда даже самъ отважный Джеферсонъ отринулъ планъ ихъ, какъ преждевременный и слишкомъ-поспѣшный. Большая часть ихъ соотечественниковъ была того же мнѣнія, и союзное правительство отказало имъ въ участіи и пособіи. Но никакое препятствіе не могло остановить Морриса и Клинтона, «этихъ витязей міра» (какъ называетъ ихъ Раумеръ), и люди толпами начали собираться подъ ихъ знамена. 4-го

(40) Chevalier, II, 549.
(41) Hall I, 173.

іюля 1817 г., въ праздникъ провозглашенія независимости республики, предпринято было великое дѣло, и чрезъ 8 лѣтъ и 4 мѣсяца (4-го сентября 1825 г.) окончено, стоивъ основателямъ девять съ половиною мильйоновъ долларовъ. Клинтонъ и его помощники первые въ мирномъ тріумфѣ проѣхали по каналу и радовались новому источнику благосостоянія и соединенія своихъ сограждан. Вездѣ, въ городахъ и мѣстечкахъ, призванныхъ ими къ новой жизни, раздавалось имъ громкое «виватъ» и сограждане привѣтствовали ихъ вездѣ словами искренней признательности и любви (42). Каналъ этотъ простирается на 78 нѣмецкихъ миль въ длину (43); склонъ его теченія достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 692 фут., и на немъ устроено 83 шлюза; такъ-какъ успѣхъ предпріятія превзошелъ всѣ ожиданія, то въ настоящее время каналъ распространенъ и какъ бы вторично выстроенъ. Необходимость распространенія возникла изъ опыта; еслибъ съ самаго начала предприняли этотъ двойной размѣръ, превосходившій всѣ силы и всѣ средства отважныхъ строителей, то все предпріятіе ихъ, подобно многимъ другимъ, могло остаться не исполненнымъ. По самому высокому вычисленію они предполагали въ десять лѣтъ выручить около полутора мил. долларовъ; въ дѣйствительности же сумма доходовъ въ теченіи этого времени достигла 10 мильйоновъ, т. е. съ избыткомъ покрыла всѣ издержки по его устроенію. Всѣ земли по берегамъ канала необыкновенно возвысились въ цѣнѣ; вездѣ выросли, какъ-будто изъ земли, домы, селенія, города, фабрики, церкви и школы. Въ 1820 г. въ Рочестерѣ считалось 1500 жителей, въ 1835 г. число это удесятерилось; въ Буффало было около 2000 жителей, и въ-теченіе того же времени народонаселеніе возрасло до 16,000. Народонаселеніе Альбани и Нью-Йорка удвоилось, и послѣдній городъ сталъ выше (и вѣроятно навсегда) Филадельфіи и Бальтимора. Но дѣло не кончилось этимъ: относительно меньшій по пространству штатъ Нью-Йоркъ продолжалъ исполненіе своихъ предпріятій, и въ 1839 г. имѣлъ уже каналовъ на 180—190 нѣмецкихъ миль, съ 547 шлюзами, чрезъ которые ежегодно провозилось товаровъ на 75 мил. долларовъ, дававшихъ около полутора мил. долларовъ дохода. Хотя въ-продолженіе 3 — 4 зимнихъ мѣсяцевъ судоходство по каналамъ прекращается, по шлюзу Шенектеди (Shenectady) ежегодно проходитъ 24,000 судовъ, по шлюзу Александра до 26,000 и очень-нерѣдко круглымъ числомъ по 10 судовъ въ часъ. Въ 1836 г. чрезъ каналъ Эріэ прошло 48,777 судовъ, чрезъ каналъ Чамплэнъ 6782, чрезъ всѣ прочіе каналы 67,270. На протяженіи 600 нѣмецкихъ миль отъ Нью-Йорка до Новаго-Орлеана, рѣчное судоходство находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и длина готовыхъ каналовъ простиралась въ 1836 г. на 2723 англійскія мили (44). Плата перевоза вездѣ чрезвычайно понизилась и много времени было выиграно (45).

---

(42) Natural History of New York I,117.

(43) Самый длинный каналъ въ Европѣ — *Лангедокскій* — едва имѣетъ 30 миль въ длину.

(44) Stevenson Engineering 213, Tanner. Canals 22.

(45) Poisson. Puissance Américaine II. 137.

Длина каналовъ въ новомъ штатѣ Огіо простирается уже до 767 англійскихъ миль (46).

Уже въ 1784 г., Рамзэ (Ramsay), въ 1785 г. Фичъ (Fitch) возъимѣли теоретическую мысль о возможности парохода; но когда Фичъ и Фультонъ возвѣстили о чудесномъ дѣйствіи паровыхъ машинъ и паровыхъ судовъ, ихъ не поняли и даже осмѣяли. Въ 1807 г., Фультонъ построилъ въ Питерсбургѣ первый пароходъ, а въ 1838 г. (47) число паровыхъ машинъ въ Соединенныхъ-Штатахъ простиралось до 3,000, изъ которыхъ 800 дѣйствовали на паровыхъ судахъ, 350 на желѣзныхъ дорогахъ, прочія же на фабрикахъ. Силу ихъ исчисляютъ во 100,000 лошадиныхъ силъ. Въ одномъ Луивиллѣ отъ 1819 до 1838 г. устроены 244 паровыя машины; въ Цинциннати, въ-теченіе одного 1836 года, окончено 35 пароходовъ. Въ 1825 году, первый пароходъ прошелъ по большимъ озерамъ (48); въ 1839, ихъ ходило тамъ уже болѣе 60. Переѣздъ изъ Буффало въ Чикаго, составляющій 1000 англійскихъ миль, стôитъ около 20 доллеровъ. Новый штатъ Огіо имѣетъ пароходовъ болѣе, чѣмъ цѣлая Франція (49), а по одному озеру Эріэ ходитъ паровыхъ судовъ столько же, сколько по всему Средиземному-Морю. Прежде, переѣздъ отъ Питсбурга до Новаго-Орлеана продолжался отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, а обратный путь (съ необычайными издержками и усиліями) четыре мѣсяца; теперь онъ совершается въ 8 и 16 дней. Прежде, большая часть кораблей уничтожалась въ Новомъ-Орлеанѣ, и экипажи ихъ съ страшными затрудненіями и опасностями возвращались (50) сухимъ путемъ. Американскіе пароходы, особенно на рѣкѣ Миссисипи, имѣютъ колоссальные размѣры, строятся въ три этажа и заключаютъ въ себѣ до 400 коекъ (51). Прежде, несчастные случаи были очень-часты; нынѣ же приняты дѣятельныя мѣры для отвращенія ихъ и положены строгія наказанія за нерадѣніе.

«На пароходахъ, которые совершаютъ рейсы по большимъ озерамъ и по огромности ихъ могутъ быть названы «плавающими дворцами», говоритъ Гриссонъ (52): «можно найдти все, чтô составляетъ необходимую принадлежность хорошаго дома. Обширныя палубы, надъ которыми устроены полотняные навѣсы, представляютъ на открытомъ воздухѣ убѣжище отъ солнечныхъ лучей и дождя. Во внутренности ихъ вы найдете обширныя залы для мужчинъ, для дамъ, комнату для куренья, буфетъ, библіотеку—однимъ словомъ, всѣ потребности ежедневной жизни. Особенно хорошо устроены пароходы на Гудзонѣ, между Нью-Йоркомъ, Альбани и Труа, такъ же какъ на Делаварѣ. Залы и комнаты (о каютахъ нѣтъ и рѣчи, потому-что все внутреннее помѣще-

(46) Americ. Alm. 1844. 279

(47) M'Cullock append. Steamvessels.

(48) North-Americ. Review XLVII. 34.

(49) Chevalier, Communications I, 41.

(50) Buckingham, Southern States I, 405.

(51) Его же. Eastern States I, 24. Information of Steamengines 1838, official documents.

(52) Beiträge zur Charakteristick der Vereinigtn Staaten von Nord-Amerika. стр. 209.

ніе назначено для пассажировъ) украшены прекрасными коврами, картинами, зеркалами и роскошною мёбелью; здѣсь вы можете заниматься чтеніемъ, пользоваться удовольствіями лучшаго общества, отлично обѣдать, однимъ словомъ, наслаждаться комфортомъ всякаго рода. Не смотря на все это, благодаря страшной конкурренціи, проѣздъ стоитъ невѣроятно дешево, и безъ преувеличенія можно сказать, что въ Америкѣ жить дешевле всего разъѣзжая на пароходахъ. И, конечно, нѣтъ ни одной земли на свѣтѣ, гдѣ бы ѣздили столько, сколько ѣздятъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Безъ предварительныхъ сборовъ, съ маленькимъ дорожнымъ мѣшкомъ, въ которомъ заключается необходимое бѣлье, въ своемъ ежедневномъ одѣяніи (въ путешествіи и въ обществѣ, на биржѣ или у должности, Американецъ одѣтъ всегда одинаково и большею частію въ черномъ платьѣ), отправляется Американецъ на пароходъ съ цѣлію совершить путешествіе въ нѣсколько сотъ миль, и съ такимъ видомъ, съ какимъ у насъ собираются на прогулку, которая должна длиться нѣсколько часовъ...

«Путешествіе по каналамъ въ пакетботахъ имѣетъ также свою прелесть. Подобный пакетботъ, не смотря на свою необширность, снабженъ всѣмъ нужнымъ даже для ночнаго странствованія и представляетъ цѣлый міръ въ маломъ видѣ; правда, на немъ бываетъ иногда такое многочисленное общество, что нѣгдѣ повернуться, и всѣ должны ждать своей очереди къ завтраку и къ обѣду, какъ бы ни мучилъ ихъ голодъ; но кто умѣетъ стать выше этихъ мелочей, кто привыкъ находить цвѣтущую сторону въ самой прозаической поѣздкѣ, того не приведутъ въ отчаяніе небольшія неудобства, на которыя такъ громко роптали путешественники съ аристократическими привычками.

«Что касается до меня, то я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю ночныя поѣздки на этихъ пакетботахъ, когда, оставляя душную, наполненную пассажирами каюту, я выходилъ на палубу и въ невозмущаемомъ одиночествѣ любовался всѣми прелестями американской ночи. Беззвучно, подобно тѣни, скользило судно по спокойнымъ водамъ канала, въ чистомъ зеркалѣ котораго ярко отражалась золотая луна и все великолѣпіе звѣздъ западнаго полушарія. Берега, мимо которыхъ мы проходили (иногда такъ близко, что легко бы можно было перешагнуть разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ пакетбота), частію простирались обширными равнинами, которыя въ отдаленіи примыкали къ холмамъ и горамъ, частію покрыты были утесами и лѣсами; иногда каналъ шелъ чрезъ длинныя цѣпи скалъ, и между двумя отвѣсными стѣнами, возвышавшимися на нѣсколько сотъ футовъ, мы плыли надъ собою не видя ничего, кромѣ узкой полосы голубаго неба; иногда воды канала лились по сводамъ, и мы смѣло летѣли отъ одной вершины до другой, скользя надъ бездною и оставляя подъ собою долины, дороги, ручьи и жилища людей; потомъ, выходя изъ равнинъ, утесовъ и горъ, путь нашъ лежалъ между вѣчно-сумрачною, непроницаемою чащею деревъ, и мы со всѣхъ сторонъ окружены были величіемъ дѣвственнаго лѣса, съ его недосягаемыми вершинами, его колоссальными растеніями, его роскошнымъ прозябеніемъ, которое цѣлые вѣка дѣй-

ствуетъ само-по-себѣ, старѣется и обновляется подъ вліяніемъ одной природы. Ничто не нарушаетъ глубокой тишины этихъ лѣсовъ, кромѣ раздающагося по-временамъ рева дикихъ звѣрей. Много миль каналъ идетъ между густо-сросшимися деревьями; наконецъ, они становятся рѣже, рѣже; и вдругъ раздается рожокъ лоцмана, и пакетботъ вступаетъ въ предѣлы образованной жизни. Ярко-освѣщенные домы, магазины, лавки, гостинницы, набережныя по обѣимъ сторонамъ канала, волненіе шумной толпы—однимъ словомъ, передъ глазами нашими городъ, полный дѣятельности и всѣхъ прихотей цивилизаціи, городъ, еще юный годами, но уже опытный заботами и надеждами, исполненіе и разрушеніе которыхъ онъ испыталъ уже не разъ, какъ испыталъ политическую и религіозную борьбу.»

Другой способъ переѣздовъ представляютъ желѣзныя дороги. Въ 1825 году, въ Сѣверной-Америкѣ положено было начало первой желѣзной дороги, а въ 1836 г. ихъ было уже на 1600 англійскихъ миль; въ настоящее время, число это удвоилось; нѣкоторыя изъ предпріятій оказались совершенно-неудачными, нѣкоторыя же доставляютъ до 8% дохода и круглымъ числомъ до 5½%. Штатъ Нью-Йоркъ до 1832 г. не имѣлъ ни одной желѣзной дороги, а въ 1839 имѣлъ уже ихъ на протяженіи 98 нѣмецкихъ миль.

Въ Новой-Англіи почва была цѣннѣе и препятствія многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ штатахъ, что необыкновенно возвысило издержки на построеніе желѣзныхъ дорогъ; но за то рельсы сдѣланы тщательнѣе и ѣзда по нимъ производится скорѣе. Въ 1840 году, въ Массачузетсѣ было кончено желѣзныхъ дорогъ на протяженіи до 337 англійскихъ миль (53), и по нимъ проѣхало до 749,000 пассажировъ.

Въ Пенсильваніи также проведены многіе каналы и желѣзныя дороги, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ еще не кончены, но уже въ общей сложности они даютъ дохода около 1,200,000 долларовъ (54).

Въ Сѣверной-Америкѣ производилось множество опытовъ при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, что необходимо было по причинѣ особыхъ опасностей, представляемыхъ суровостью зимы; впрочемъ, дешевизна лѣса и земли значительно сокращаетъ издержки; каждая англійская миля обходится отъ 1800 до 12,000 фунт. стерл.; въ общей же сложности — 5000 ф. ст.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ (съ весьма-малыми исключеніями) существуетъ только одинъ родъ вагоновъ, который сходенъ съ европейскими вагонами втораго разряда. Многія желѣзныя дороги оканчиваются въ срединѣ городовъ, гдѣ иногда вагоны перевозятся лошадьми. Почти на всѣхъ станціяхъ находятся хорошія гостинницы, содержатели которыхъ немедленно исполняютъ всѣ требованія путешественника.

Говоря о торговлѣ Сѣверо-Американской-Республики, необходимо упомянуть о ея таможенномъ тарифѣ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время вопросъ о свободной торговлѣ, о вредѣ запретительныхъ и покрови-

(53) Americ. Alm. 1841. 190, 202.
(54) Tanner, Canals and Raieroads. 22.

тельныхъ пошлинъ возбуждаетъ такой живой интересъ во всѣхъ государствахъ Европы. Слова союзнаго законодательства 1787 года, относящіяся до правъ Союзнаго Собранія налагать подати, гласятъ такъ: «Конгрессъ имѣетъ право налагать и возвышать подати, пошлины и акцизы, уплачивать долги и имѣть попеченіе (to provide) объ общей безопасности и благосостояніи (welfare) штатовъ. Всѣ означенныя подати *должны* быть одинаковы во всѣхъ штатахъ».

Съ весьма-немногими исключеніями (какъ, напр., въ случаѣ войны), союзъ никогда не налагалъ податей на предметы потребленія, но покрывалъ общественные расходы привозными пошлинами и продажею земель. Но уже въ первомъ таможенномъ законѣ отъ 4-го іюля 1789 года было сказано: «Пошлины будутъ налагаемы для уплаты долговъ и для поощренія и покровительства мануфактурамъ». Но такъ-какъ вообще эти пошлины не превышали 5-ти процентовъ, то и не возбудили большихъ противорѣчій. Въ-продолженіе послѣдней войны съ Англіею, какъ мы уже замѣтили выше, основаны были многія туземныя мануфактуры; фабриканты и по заключеніи мира требовали возвышенія таможенной пошлины, безъ чего, по мнѣнію ихъ, мануфактуры должны были пасть передъ британскою конкурренціею. Въ-слѣдствіе этого, въ 1816 г. послѣдовало первое, а въ 1824 г. второе возвышеніе тарифа. Въ 1827 г. установлены тщательныя изслѣдованія цѣнности произведеній, средствъ фабрикаціи, задѣльной платы и т. д.; изъ этихъ изслѣдованій (какъ обыкновенно) выведены шаткія, невѣрныя, односторонніе доказательства, которыя повели къ результатамъ еще болѣе ошибочнымъ, и на нихъ-то основалось новое, весьма-сильное возвышеніе покровительной пошлины (55). Вопросъ объ общественныхъ потребностяхъ былъ уже въ сторонѣ, потому-что государственный долгъ былъ почти совершенно погашенъ и при хорошемъ хозяйствѣ доходы республики превышали расходы.

Слѣдствіемъ этого новаго таможеннаго узаконенія было распространеніе по берегамъ (36) и особенно по канадской границѣ страшной контрабандной торговли; и такимъ образомъ честные торговцы терпѣли на счетъ немногихъ контрабандистовъ и фабрикантовъ. Впрочемъ, такія и подобныя тому явленія не смущали приверженцевъ покровительной системы. Они утверждали: «Слова (выше-приведенныя) законодательства даютъ конгрессу безусловное право рѣшать, что необходимо для союза и общаго блага страны. Отдѣльные штаты не защищаютъ своихъ согражданъ отъ чуждой, вредной конкурренціи, не основываютъ и не поощряютъ туземныхъ мануфактуръ, не могутъ установить цѣнъ; слѣдовательно, все это должно составлять прямую обя-

---

(55) Особенно платья всякаго рода были обложены привозною пошлиною въ 50%, какъ-будто тарифъ составляли портные и сапожники. Шерсть была обложена пошлиною отъ 15 до 20%, шерстяные товары отъ 25 до 50% и до 54%, пенька отъ 30—60% и т. д. Hinton 237. M'Gregor legislation 194.

(36) На-прим., отъ ново-брауншвейгскаго острова Кампобелло до губы Пассамакводи.—M'Gregor America II, 37.

«занность конгресса, въ рукахъ котораго сосредоточивается все тамо«женное управленіе. Вотъ въ чемъ состоитъ истинно-американская си«стема, драгоцѣнная всѣмъ преданнымъ отечеству».

На это возражали противники покровительственной системы: «Кон«грессъ имѣетъ право возвышать подати тогда только, когда это необ«ходимо для погашенія долговъ и защищенія страны, но ни въ какомъ «случаѣ онъ не можетъ объявлять, что такое-то предпріятіе кажется «ему полезнымъ и что для него онъ почитаетъ нужнымъ собирать и «выдавать деньги. При подобномъ образѣ дѣйствія, вліяніе и владыче«ство союзнаго правительства скоро уничтожатъ самостоятельность от«дѣльныхъ штатовъ. Безъ труда находимый предлогъ общественнаго «улучшенія и блестящая цѣль въ будущемъ недостаточны для того, «чтобъ по своему произволу дѣлать поборы съ гражданъ; чѣмъ болѣе «оставляютъ ихъ въ покоѣ, чѣмъ менѣе стѣсняютъ ихъ, тѣмъ болѣе «полезныхъ вещей изобрѣтутъ они собственнымъ умомъ и трудолю«біемъ. Всякое возвышеніе таможенныхъ налоговъ и пошлинъ, выхо«дящее изъ предѣловъ необходимости и имѣющее цѣлію оказать покро«вительство нѣкоторымъ мануфактурамъ, становится противнымъ зако«ну, несправедливымъ и неразумнымъ. Величайшая нелѣпость вообра«жать, чтобъ въ такомъ обширномъ союзѣ, каковъ сѣверо-американ«скій, конгрессъ былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ руководить «трудомъ и капиталами, распредѣлять занятія, поощрять промышле«ность, устанавливать цѣны и т. д. Безсмысленно и ложно такой мо«нополіи нѣкоторыхъ классовъ и отраслей промышлености придавать «великолѣпное названіе «американской системы», тогда-какъ, въ про«тивность духу республиканской свободы и буквальному смыслу наше«го законодательства, пересаживаются на нашу почву европейскія за«блужденія, во вредъ цѣлому народу, для того только, чтобъ пріоб«рѣсти расположеніе отдѣльныхъ лицъ, и неправедно-пріобрѣтенными «доходами усилять партію защитниковъ ложнаго направленія».

«Естественныя мануфактуры возникнутъ сами собою; искусственныя «обращаются въ гибель для народа и наконецъ для самыхъ предпри«нимателей. Америка можетъ и должна заводить и постепенно увеличи«вать мануфактуры разнаго рода, но на все есть свое время, а вынуж«денное и преждевременное никогда не достигнетъ своей цѣли».

Уже въ 1823 году «Сѣверо-Американское Обозрѣніе» (57) изложило отношенія эти умѣренно и основательно. «Жалобы (сказано было тамъ) на разстройство и упадокъ торговли односторонни и преувеличены. Это только преходящіе кризисы, возникающіе отъ излишней смѣлости оборотовъ, и они, въ свою очередь, могутъ считаться слѣдствіемъ слишкомъ большихъ успѣховъ. Прочія бѣдствія происходятъ отъ лѣности, невѣжества, недостатка въ машинахъ и капиталѣ; для исправленія всего этого покровительныя пошлины самое плохое средство. По крайней-мѣрѣ, проще было бы, не изъискивая ложныхъ причинъ, раздавать деньги тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ. Покровительныя пошлины даютъ

(57) North-American-Review. 1823, стр. 186.

капиталамъ гибельное направленіе, и столько же опасны и вредны для мануфактуръ, какъ и для земледѣлія. Если мы, слѣдуя здравому смыслу, будемъ смотрѣть на золото и металлы, какъ на предметы торговли, то не безсмысленно ли будетъ сказать, что такой-то народъ покупаетъ болѣе, чѣмъ продаетъ. Мѣна должна быть всегда въ равновѣсіи, будутъ ли посредниками хлопчатая бумага или серебро. Также ошибочно почитать несчастіемъ вывозъ денегъ; онъ можетъ быть очень выгоденъ, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть менѣе выгоденъ вывозъ шерсти или лѣса. Въ чемъ не нуждаются, то самособою уходитъ за границу; и что бы было, на-прим., съ Мехикою, еслибъ она не вывозила своего серебра? При свободной торговлѣ, никакой продуктъ не будетъ отпускаемъ или привозимъ выше естественной мѣры; не привезутъ ничего, въ чемъ не будутъ нуждаться жители; не вывезутъ ничего, безъ чего они не въ состояніи обйдтись у себя дома. Только близорукіе могутъ утверждать, что металлъ всегда нужнѣе другихъ предметовъ. Когда онъ нуженъ, то тотчасъ же появляется во множествѣ; когда же въ немъ нѣтъ надобности, то гораздо-лучше, если будутъ появляться другіе предметы. Кто же вздумаетъ жаловаться, что потерялъ доллеръ, если цѣною его пріобрѣтетъ необходимую для себя пару башмаковъ? Когда люди, начавшіе торговлю ничего не имѣя, должны объявить себя банкротами, то они восклицаютъ, что «въ государствѣ мало денегъ» (drain of money), и богачи присоединяются къ нимъ для пріобрѣтенія въ свою пользу монополіи и обложенія согражданъ покровительною пошлиною. Что же было бы, еслибъ кораблехозяева, производящіе торговлю главными произведеніями, слѣдуя тѣмъ же правиламъ, попробовали обложить пошлиною туземныя мануфактуры, чтобъ получить противъ нихъ защиту и привозить болѣе товаровъ?

«Каждому предмету привоза соотвѣтствуетъ другой предметъ отпуска. Англичанинъ платитъ за американскую дѣятельность, Американецъ за англійскую. Только такимъ образомъ возможна торговля и выгода обоюдной мѣны. Но нѣкоторые неразумно желаютъ владѣть иностранными предметами, не пользуясь иностранною дѣятельностью, капиталами и т. п., и не платя за нихъ. Если я покупаю менѣе, то и у меня покупаютъ менѣе, и глупо расточать *болѣе* силы и денегъ (дома или за границею) тамъ, гдѣ съ *меньшимъ* можно достигнуть цѣли. Иначе должно было бы влачить пароходы человѣческими руками, чтобъ занять бо́льшее число людей. Упадокъ цѣнъ на мануфактурные товары нисколько не доказываетъ упадка барышей, а также при покровительныхъ пошлинахъ выигрываютъ обыкновенно богатые, тогда-какъ бѣдные разоряются совершенно.»

Результаты науки и опыты, высказанные въ рѣчахъ и журналахъ противъ излишнихъ налоговъ, равно какъ и неотступныя представленія, сдѣланныя конгрессу уполномоченными южныхъ штатовъ, болѣе всего пострадавшихъ отъ возвышенія пошлинъ, оставались безъ дѣйствія въ-продолженіе многихъ лѣтъ; большинство упорно держалось своихъ одностороннихъ и ошибочныхъ мнѣній. Наконецъ, жители Юж-

ной-Королины потеряли терпѣніе, и въ декабрѣ 1832 года рѣшились на смѣлый подвигъ—объявить недѣйствительными таможенныя постановленія союза и отказать имъ въ повиновеніи.

Дѣйствіе правительства Южной-Каролины, возвѣщавшее расторженіе великаго и счастливаго союза штатовъ, обратило на себя общее вниманіе и вызвало горячее противодѣйствіе. Такое «уничтоженіе» (nullification) постановленій конгресса назвали противнымъ закону и союзу, безумнымъ и ни въ какомъ случаѣ нетерпимымъ. «Ни одному штату не предоставлено рѣшать (продолжали протекціонисты): превзошелъ ли конгрессъ дарованныя ему права. Рѣшеніе этого вопроса должно предоставить высшему союзному суду (58); если же возникнетъ сомнѣніе, входятъ ли подобныя дѣла въ кругъ его дѣйствій, тогда рѣшить можетъ нарочно для того созванный конвентъ всѣхъ штатовъ и не иначе, какъ большинствомъ трехъ четвертей голосовъ. Если условіе не исполнено съ одной стороны, то другая нисколько не имѣетъ права уничтожать этого условія, но можетъ только требовать исполненія его. Жалобы Каролины преувеличены, средства, допускаемыя закономъ, еще не испытаны, рѣшеніе не выждано. Американскій-Союзъ не составляетъ произвольнаго соединенія независимыхъ государствъ, и правительство его не прибѣгало никогда къ такимъ мѣрамъ, которыя могли бы оправдать открытое возмущеніе. Что же будетъ, если такимъ образомъ каждый штатъ, избравъ предлогомъ какое-нибудь непонравившееся ему дѣйствіе правительства (войну, подати, невольниковъ и т. п.), вздумаетъ руководствоваться нуллификаціею и отступленіемъ отъ союза? Что же будетъ, если, наоборотъ, высшее судилище или конгрессъ, или большинство конвента, вздумаютъ нуллифицировать самый нуллифицирующій штатъ или измѣнять существенныя части всего постановленія? Нигдѣ законодательство не даетъ отдѣльнымъ штатамъ права исправлять ошибки конгресса уничтоженіемъ его опредѣленій. Нуллификація есть возмущеніе; она разрываетъ союзъ и ведетъ къ войнѣ, побѣдѣ и покоренію. Ни въ какомъ случаѣ власть отдѣльнаго штата не можетъ превышать власти конгресса; никогда меньшее число не можетъ рѣшать противъ большинства, ибо въ каждомъ опредѣленіи конгресса высказывается большинство народа въ камерѣ представителей и большинство штатовъ въ сенатѣ. Потеря, сопряженная съ нуллификаціею, безъ сомнѣнія гораздо-значительнѣе всевозможной выгоды, какую она можетъ доставить; и что же будетъ тогда съ общими землями, крѣпостями, долгами, свободнымъ судоходствомъ и т. д.? Отъ-того, въ пользу нуллификаціи не объявилъ себя ни одинъ штатъ: всѣ почитаютъ ее путемъ противозаконнымъ, мятежнымъ».

Таковы общія обвиненія дѣйствій Южной-Каролины. Съ точки зрѣнія формальнаго права, они почти неопровержимы, но совершенно иными являются они при обнаруженіи тягостныхъ налоговъ и таможенныхъ злоупотребленій. Любопытно читать, какъ обвиняемый штатъ

(58) Knapp. Life of Webster 156. Оффиціальныя объясненія Джаксона. Webster Speeches I, 409.

смотрѣлъ на выше-изложенныя отношенія и старался оправдать принятыя имъ мѣры (*). Оффиціальныя и неоффиціальныя объясненія его въ существенныхъ пунктахъ заключали въ себѣ слѣдующее: «По буквальному смыслу постановленія 1787 года, конгрессъ не имѣлъ права налагать податей *для иныхъ цѣлей*, кромѣ покрытія государственныхъ нуждъ. Но если онъ, *для* покровительства монополіи одного класса обитателей на счетъ всѣхъ прочихъ, начнетъ собирать подати, то это будетъ противозаконно, несправедливо и безсмысленно. Съ 1816 г., подъ ложными предлогами все болѣе и болѣе возвышаютъ таможенныя пошлины, взимаютъ отъ 33 до 38 процентовъ съ шерстяныхъ товаровъ, возвысили другіе предметы отъ $7^1/_2$ до 100 процентовъ и назвали собраніе обмановъ и нелѣпостей «американскою системою». Южная-Каролина оказала великую заслугу, съ твердостію ополчась противъ такой несправедливости, и если средство нуллификація кажется жесткимъ и опаснымъ, тѣмъ не менѣе оно было необходимо и справедливо, если вспомнить, что десятилѣтнія, тщетныя усилія ея оставались безъ дѣйствія. Впрочемъ, явная злонамѣренность можетъ почитать такъ-называемую нуллификацію расторженіемъ союза или совершеннымъ отъ него отложеніемъ; она направлена только противъ *нѣкоторыхъ противныхъ законодательству* декретовъ, и признаетъ всѣ законы, *сообразные съ постановленіемъ союза.* Конгрессъ не имѣетъ права самъ собою измѣнять это постановленіе — на то положены особыя правила; если же эти правила не соблюдаются, то протестъ отдѣльныхъ штатовъ есть единственное и законное средство поддержать постановленіе, а, слѣдовательно, и весь составъ Союза.

«Само собою разумѣется, что, при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, большинство имѣетъ перевѣсъ надъ меньшимъ числомъ. Но опаснѣе всего, если дѣйствія этого большинства будутъ совершенно произвольны и если всякое право останется предъ нимъ безгласно;—меньшее число имѣетъ также свои неотъемлемыя права; иначе, рѣшеніе перваго будетъ жестокою тираннією. Отношенія народа къ уполномоченнымъ (*), уполномоченныхъ къ сенаторамъ, сенаторовъ къ президенту, конгресса къ штатамъ доказываютъ, что законодательство нисколько не довѣряетъ абстрактному большинству простаго числа голосовъ, но *для* покровительства свободѣ упрочило значеніе нѣкоторымъ меньшимъ числамъ. Такимъ-образомъ, буквальный смыслъ постановленія ограничиваетъ дѣйствія конгресса относительно налоговъ, а конгрессъ, въ противность закону, покровительствуетъ привилегированному классу жителей, уменьшаетъ цѣнность естественныхъ произведеній, возвышаетъ мануфактурныя издѣлія и разоряетъ южные штаты (вывозящіе одни произведенія земли), чтобъ обогатить сѣверные. А еслибъ и эти штаты потребовали покровительства для вывоза своихъ произведеній, какой бы крикъ подняли сѣверные фабриканты и законодатели. А между-

(59) Statutes I, 201. Calhoun Life 39—46. Speeches 67.
(60) Calgoun Speeches 94.

тѣмъ, на сто тысячь жителей едва-ли прійдется по одному фабриканту. Фабриканты весьма малый классъ; потребители—цѣлый народъ.

«Чѣмъ дешевле кто платитъ за удовлетвореніе одной потребности, тѣмъ болѣе остается у него средствъ для покрытія другой, а не должно, вопреки естественному праву и здравому смыслу, поощрять эгоистическое желаніе тѣхъ, которые изъ личной выгоды вздумаютъ продавать дороже. Кто при свободной конкурренціи не можетъ заниматься какимъ-нибудь промысломъ, тотъ долженъ оставить его.

«Вся торговля состоитъ въ томъ, чтобъ покупать тамъ, гдѣ продукты дешевы и изобильны; противоположная система хочетъ разводить виноградъ въ теплицахъ и изготовлять сахаръ изъ растеній, заключающихъ въ себѣ недостаточное количество сахарнаго вещества.

«Покровительныя пошлины запрещаютъ или затрудняютъ привозъ товаровъ, потому-что они хороши и дешевы, и стѣсняютъ общій рынокъ въ пользу монополіи. Сверхъ-того, пошлина, затрудняющая привозъ, затрудняетъ и отпускъ, потому-что тотъ, кто не хочетъ самъ покупать, не найдетъ, наконецъ, кому сбывать свои произведенія. Туземные мануфактуристы, подобно многимъ земледѣльцамъ, имѣютъ только мѣстный интересъ, и конгрессу не дано никакого права оказывать имъ особое поощреніе. Они требуютъ возвышенія пошлины, зная, что сами потеряютъ весьма мало, но въ той же мѣрѣ возвысятъ цѣны для личной выгоды. Безъ этой покровительной пошлины, Южная-Каролина покупала бы 45 процентами дешевле и, слѣдовательно, на столько же дешевле могла бы продавать. А теперь, въ-слѣдствіе высокой пошлины, покупщики ищутъ въ другихъ земляхъ болѣе дешевой хлопчатой бумаги, и если южные штаты лишатся этой отрасли промышлености (*), то они совершенно обнищаютъ, потому-что съ неграми имъ нечего и думать о заведеніи фабрикъ. Внезапная дешевизна товаровъ (если только она возможна при настоящемъ порядкѣ дѣлъ) будетъ явленіемъ преходящимъ, а нисколько не слѣдствіемъ покровительной пошлины, и произойдетъ отъ дешевизны матеріаловъ, улучшенія машинъ, умноженія капиталовъ, соревнованія, мира и т. д. Правительство не въ состояніи предпринять что-либо для возвышенія цѣнности произведеній американской почвы, и не должно содѣйствовать возвышенію мануфактурныхъ издѣлій. Что̀ должно обезпечить туземный рынокъ, то наноситъ убытокъ иностранному, а высокія цѣны никуда не годятся тамъ, гдѣ рынки открыты для всемірной торговли. На покровительныя пошлины Европа отвѣчаетъ такими же и, слѣдуя этимъ путемъ, можно дойдти наконецъ до китайскихъ постановленій.

«Уже Томасъ Джеферсонъ и Мадиссонъ объявили, что противъ незаконныхъ опредѣленій конгресса нуллификація есть справедливое и естественное средство. Людская хитрость не могла придумать болѣе вѣрнаго основанія деспотизму, какъ неудержимое своеволіе большин-

(61) *Джеферсонъ говорилъ:* Whenever northern and southern prejudices have come into conflict, the letter have been sacrified, ant the former soothed. Tucker I, 385.

ства и произвольно высказанный принципъ, что общее благо тамъ только и находится, куда устремлено это большинство. Верховный союзный судъ можетъ предложить перемѣну въ постановленіи, но если онъ молчитъ, то никакому новому закону нельзя подчинить отдѣльныхъ штатовъ. Только самостоятельностью послѣднихъ поддерживается право меньшаго числа противъ притязаній большинства, и отъ-того вопросъ о принятіи постановленія рѣшенъ былъ въ Сѣверной-Америкѣ не по большинству голосовъ, а по большинству соединившихся штатовъ. Въ крайнемъ случаѣ, и когда не остается инаго средства, каждому штату должно быть дозволено выйдти изъ Союза; силою же никого нельзя удерживать въ немъ.»

Вотъ основанія, на которыхъ дѣйствовала Южная-Каролина. Они пріобрѣли еще бо́льшую важность, когда Виргинія, Георгія, Сѣверная-Каролина, Алабама, Миссиссипи обнаружили свое нерасположеніе къ тарифу, хотя и не одобряли слишкомъ-смѣлаго поступка Южной-Каролины. Величайшая опасность состояла въ томъ, что Союзъ разрушится, или что покровительная система введена будетъ насильственными средствами. Возможность нуллификація должна была отклонить всѣ партіи отъ произвольныхъ дѣйствій; она произвела благотворное вліяніе и указала всю глубину пропасти, надъ которой поставило себя правительство Соединенныхъ-Штатовъ. Необходимость обоюднаго согласія и уступчивости сдѣлалась неизбѣжною; въ пользу его говорило общественное мнѣніе, достоинство союзнаго правительства, самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ и враждебное настоящей системѣ меньшее число. Каковы бы ни были обвиненія, взведенныя на Южную-Каролину, ей принадлежитъ начало новаго порядка дѣлъ, а президенту Джаксону и всѣмъ прочимъ представителямъ штатовъ сохраненіе Союза, какъ цѣли и необходимаго условія независимости и благоденствія Сѣверной-Америки.

Предсказаніе о расторженіи Союза оказалось одностороннимъ; напротивъ того, нуллификація стала залогомъ будущей умѣренности большинства и прочности Союза. Конгрессъ въ 1833 году сдѣлалъ распоряженіе: «уменьшить постепенно къ 1842 году всѣ пошлины на 20 процентовъ». Вслѣдъ за этимъ, Каролина немедленно взяла назадъ свою нуллификацію и (можно съ достовѣрностью сказать) дѣйствіями своими сдѣлала много въ пользу спокойствія, согласія и государственнаго хозяйства Соединенныхъ-Штатовъ. Скоро возникли новыя жалобы, и всѣ бѣдствія послѣднихъ лѣтъ приписаны были закрытію національнаго банка и пониженію пошлинъ, хотя безчисленное множество другихъ причинъ составляли корень зла. При поверхностномъ изложеніи торговаго баланса, забыты были существенные предметы: на-примѣръ, большіе сборы за провозъ товаровъ и судоходство, за ввозъ металла, за ссуды. Совершенно ошибочно вздумали требовать, чтобъ отпускъ товаровъ возрасталъ сравнительно съ народонаселеніемъ, и забывали, что это самое быстро-возрастающее народонаселеніе само-по-себѣ потребляло гораздо-болѣе, и т. п. Въ-слѣдствіе этого, уже въ

1837 г. президентъ Джаксонъ сказалъ въ своей прощальной рѣчи: «Различные интересы, соединившіеся вмѣстѣ для наложенія на васъ тяжкихъ податей, слишкомъ-сильны, и для нихъ было бы величайшимъ рискомъ окончить начатую борьбу. Общества и богатые люди, участвующіе въ большихъ мануфактурахъ, добиваются высокихъ покровительныхъ пошлинъ для увеличенія своихъ барышей. Хитрые политики поддерживаютъ ихъ, чтобъ привлечь на свою сторону и пріобрѣсти больше вліянія и больше денегъ на свои расходы. Если же отдѣльные штаты увлекутся обманчивою надеждою на равное распредѣленіе выгодъ и допустятъ расточительные расходы, то они тотчасъ же войдутъ въ неоплатимые долги, и тогда высокая таможенная пошлина, ко вреду всей массы народа, сдѣлается неизбѣжною. Итакъ, сограждане, не поддавайтесь обману, несправедливости, и не доведите себя до гибели» (62).

Въ томъ же смыслѣ въ 1842 г. говорилъ Калгонъ (Calhoun) (63), глубокомысленный защитникъ разумной системы податей и торговли: «Всякое возвышеніе пошлинъ есть нарушеніе уравнительнаго билля 1833 г. Дабы представить подобное нарушеніе необходимымъ, доходы съ продажи земли были предоставлены распоряженію отдѣльныхъ штатовъ, расходы увеличены, сдѣланы займы, государственный кредитъ потрясенъ до основанія и не исполнено ни одно обѣщаніе о финансовыхъ улучшеніяхъ. Даже возмутительный законъ 1828 г. менѣе достоинъ осужденія, чѣмъ обнародованный въ настоящее время, потому-что тогда не было еще передъ глазами такого множества поучительныхъ опытовъ. Съ-тѣхъ-поръ, расходы безразсудно увеличились отъ 21 мильйона до 27, долги отъ $5^1/_2$ мильйоновъ дошли до 20, и все для того, чтобъ, наконецъ, достигнуть любимыхъ цѣлей—банковъ и покровительныхъ пошлинъ. Если уже налоги необходимы для измѣненія тарифа, то по какому праву многіе предметы провозятся безпошлинно, тогда-какъ пошлины на другіе предметы несправедливо возвышены для покровительства немногихъ фабрикантовъ, и возвышены до такой степени, что онѣ уничтожаютъ всякую конкурренцію и служатъ ко вреду потребителей. Стѣсняя и ограничивая такимъ образомъ возможность привоза, онѣ уничтожаютъ до основанія самый отпускъ туземныхъ произведеній, ведутъ легкомысленныхъ и невѣжественныхъ спекулянтовъ къ искусственнымъ отраслямъ промышлености. Когда же послѣдніе подвергаются неожиданному, но весьма естественному разоренію, то съ громкими криками требуютъ новыхъ возвышеній пошлины, а законодатели неразумно соглашаются на увеличеніе общаго бѣдствія.

«Народъ, не производящій самъ грубыхъ матеріаловъ, но принужденный покупать ихъ, не можетъ съ выгодою заниматься мануфактурами, если сбытъ ихъ ограниченъ одними туземными рынками, и точно такъ же не можетъ отдѣлиться отъ другихъ народовъ неумѣренными покро-

(62) Message 594.
(63) Speeches 513—532.

вительными пошлинами тотъ народъ, который производитъ грубыхъ матеріаловъ болѣе, чѣмъ онъ можетъ потреблять или выдѣлывать.

«Какъ ни опасна была для промышлености республики система покровительныхъ и охранныхъ пошлинъ, она была еще гибельнѣе для ея политики и нравственности: въ послѣднія 15—20 лѣтъ онѣ исказились до такой степени, что мы встрѣчаемъ гораздо-рѣже чистоту нравовъ, любовь къ отечеству, и видимъ вездѣ духъ партій, эгоизмъ и развратъ; въ общественныхъ дѣлахъ менѣе постоянства, достоинства, умѣренности, истинной честности, и наконецъ, зараза коснулась нравственнаго состоянія какъ цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Вся причина зла собственно заключается въ томъ, что классъ гражданъ, пользующійся наибольшимъ вліяніемъ, рѣшительно не понимаетъ порядка распредѣленія податей, и только въ стѣсненіи всѣхъ прочихъ классовъ видитъ свою непосредственную выгоду. Въ этомъ же заключается и причина неслыханнаго явленія, что они осаждаютъ конгрессъ просьбами о возвышеніи податей, и всѣ должностныя лица, которыя при возвышеніи государственныхъ налоговъ умѣютъ всегда выигрывать что-нибудь, всѣ банки, капиталисты и спекулянты берутъ ихъ сторону.

«Но настоящая народная партія скоро соберется воедино и напишетъ на знамени своемъ: «Свободная торговля, умѣренные налоги, погашеніе долговъ, независимость финансоваго управленія отъ банковъ, бережливость и строгая преданность конституціи.»

Такія и тому подобныя мнѣнія потеряли бо́льшую часть своей важности, потому-что государственные расходы перешли далеко за сумму налоговъ и скоро вѣрная и дѣятельная помощь сдѣлалась необходимою. Тогда недостаточно стало податей, взимаемыхъ съ предметовъ потребленія, недостаточно даже займовъ, и отъ-того въ 1842 г. волею-неволею дошли до новаго тарифа, который прежнія, закономъ утвержденныя пошлины въ 20%, возвышалъ до 50%!

Легко было предугадать, что подобныя мѣры будутъ приняты въ высшей степени различно. Одна партія видѣла въ нихъ исполненіе священнаго долга къ согражданамъ и отечеству, единственное средство къ возвращенію благосостоянія и порядка, необходимую охрану отъ европейскихъ бѣдствій и европейскаго пауперизма, начало періода полной независимости, источникъ внутреннихъ улучшеній и т. п.

Въ-продолженіе волненій, возникшихъ по случаю избранія президента, лѣтомъ 1844 г. оживились надежды этой партіи. Безчисленное множество людей начали горячо отстаивать тарифъ, какъ самое вѣрное средство скоро разбогатѣть, и даже предводители умѣренныхъ увлечены были криками большинства; это было какое-то опьяненіе, произведенное мнимыми выгодами тарифа. Но эти же самыя излишества должны были вызвать реакцію, которая и выразилась побѣдою г. Полька. Обѣщаніе, сдѣланное противникомъ его Клэемъ (Clay) поддерживать тарифъ безусловно и неизмѣнно, должно было устрашить многихъ, хотя всѣ вообще признавали заслуги его относительно таможенной системы и хотя прежніе его умѣренные планы заслуживали ему одобреніе. Ма-

ло-по-малу, опытъ убѣдилъ благомыслящихъ (на сторонѣ которыхъ стало, наконецъ, и большинство Соединенныхъ-Штатовъ) въ той истинѣ, что при настоящемъ порядкѣ дѣлъ пошлины не могутъ быть уничтожены совершенно, и что онѣ даже не могутъ быть распредѣлены одинаково по всѣмъ предметамъ; что взиманіе пошлинъ по оцѣнкѣ весьма-затруднительно и ведетъ къ подлогамъ и недоразумѣніямъ; что необходимо сдѣлать опытъ, какіе предметы должны быть ввозимы безпошлинно и какія средства предпринять для взиманія пошлинъ. Слѣдовательно, сущность вопроса значительно измѣнилась. Примѣръ перевороту торговли подала уже Англія въ прошедшемъ году; какъ послѣдуютъ этому примѣру Соединенные-Штаты—рѣшитъ будущее.

Мы видѣли уже, какъ много особенностей представляетъ торговля и мануфактурная дѣятельность Соединенныхъ-Штатовъ, какъ отличны онѣ отъ дѣятельности европейскихъ государствъ; но нигдѣ такъ рѣзко не является различіе между Европою и Америкою, какъ въ войскѣ и способахъ защищенія государства.

Вотъ нѣсколько цифръ, которыя объяснятъ сущность дѣла:

Послѣ мира 1783 года постоянное войско состояло (64) изъ	800	человѣкъ.
въ 1790	1,200	»
— 1796	3,000	»
— 1812 (во время войны съ Англіею)	100,000	»
— 1821 снова только	6,000	»
— 1840	9,920	»

По закону 1842 года, войско, получающее правильное содержаніе, уменьшено до 3,920 человѣкъ; но въ 1843 г. оно состояло изъ 7,590 человѣкъ, въ томъ числѣ 650 драгунъ, 2,100 артиллеристовъ, 4,400 пѣхотинцевъ и т. д.; въ 1844 г., ряды войска заключали въ себѣ 8,616 человѣкъ; въ 1846 г., по случаю войны съ Мехикою, число это значительно возрасло, но такъ-какъ увлеченіе это случайное (подобно 1812 году) и не идетъ въ общій разсчетъ, то можно сказать утвердительно, что постояннаго войска въ Соединенныхъ-Штатахъ круглымъ числомъ отъ 8—9 тысячь человѣкъ; даже и это многіе называли излишнимъ, хотя такое число, распредѣленное по неизмѣримому пространству республики, скорѣе можетъ показаться скуднымъ (Англичане содержатъ въ Канадѣ гораздо сильнѣйшее войско). Для предупрежденія нападеній или измѣны со стороны Индійцевъ, необходима скорая помощь, и во всякомъ случаѣ долженъ существовать отрядъ опытныхъ людей, къ которому бы, въ случаѣ войны, могла примкнуть милиція.

Поэтому, въ американскомъ войскѣ втрое болѣе офицеровъ, чѣмъ въ другихъ арміяхъ, и въ Уэстпойнтѣ (Westpoint, въ штатѣ Нью-Йоркъ) въ 1809 г., для приготовленія ихъ учреждено особое училище, подъ

---

(64) North-Americ. Review XXIII, 246.
(65) Americ. Alm. 1844, 129.

названіемъ національной военной академіи. Это заведеніе заключаетъ въ себѣ 250 воспитанниковъ и 30 преподавателей, имѣетъ значительную библіотеку и снабжено всѣми пособіями для военнаго образованія (66); сверхъ-того важно постороннее обстоятельство, что молодые люди, собирающіеся сюда изъ всѣхъ частей республики, заключаютъ союзъ искренней дружбы, сохраняемый ими на всю жизнь. Президентъ или военный министръ избираютъ кандидатовъ для поступленія въ академію изъ всѣхъ штатовъ, по числу ихъ представителей; выборъ не падаетъ исключительно на какой-нибудь привилегированный классъ жителей; между воспитанниками находятся сыновья 59 земледѣльцевъ и плантаторовъ, 14 ремесленниковъ, 12 лекарей, 27 адвокатовъ и судей, 10 сухопутныхъ офицеровъ, 4-хъ морскихъ офицеровъ, 4-хъ духовныхъ, 48 сиротъ; 23 воспитанника изъ различныхъ сословій, и только пять сыновей общественныхъ чиновниковъ. Воспитаніе такъ серьёзно и строго, что многіе почитаютъ его тягостнымъ. Предметами изученія назначены: военная наука, тактика, фортификація, минералогія, геологія, химія, натуральная философія, опытная физика, математика, французскій и нѣмецкій языки, и только частію географія и исторія.

Въ инструкціи экзаменаторамъ (1842 г.) сказано было о цѣли училища: «Каждый кадетъ долженъ получить такое воспитаніе, чтобъ онъ могъ пріобрѣсти любовь и вкусъ ко всѣмъ свободнымъ наукамъ и чтобъ имъ овладѣло желаніе воспользоваться каждою минутою досуга для развитія своихъ умственныхъ способностей и распространенія высшаго образованія».

Въ Америкѣ солдатъ не ставятъ никогда по городамъ, а распредѣляютъ ихъ по границамъ и лѣсамъ. Въ этихъ военныхъ постахъ, укрѣпленныхъ частію противъ набѣга Индійцевъ, офицерамъ, кромѣ ихъ обыкновенныхъ занятій, остается еще много свободнаго времени заниматься (и они занимаются въ 80 мѣстахъ) учеными, большею частію физическими изслѣдованіями, и дѣлать наблюденія барометрами, термометрами, гигрометрами и т. д. Счастливые результаты ученой дѣятельности хорошо-образованныхъ офицеровъ послужили къ объясненію въ Сѣверной-Америкѣ (67) многихъ явленій природы, для которыхъ въ Европѣ недостаетъ изслѣдователей.

Если вспомнить, что въ Америкѣ нѣтъ вербовки, что никто не обязанъ служить въ военной службѣ, что каждый можетъ много пріобрѣсти высокою задѣльною платою, и что большое число офицеровъ увеличиваетъ государственные расходы, то ясно будетъ каждому, отъ-чего одно и то же число солдатъ гораздо-дороже обходится въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ статистическихъ оффиціальныхъ отчетахъ Соединенныхъ-Штатовъ весьма-справедливо показано время, употребленное на военныя упражненія (какъ, на-примѣръ, при сборѣ милиціи), въ видѣ

---

(66) Northern traveller 33. Mason 138.
(67) Ferry, Climate of the United States.

подати—и это также можно назвать характеристическою чертою Северной-Америки!

Не смотря на всѣ вышеизложенныя причины, посредственно или непосредственно содѣйствующія къ возвышенію расходовъ по войску, невольно изумляешься, читая въ спискѣ расходовъ, что статс-секретарь военнаго министерства требуетъ ежегодно на этотъ предметъ 12 милліоновъ долларовъ. Это служитъ доказательствомъ, какъ легко могутъ обманывать цифры, если не подвергнуть ихъ тщательному разсмотрѣнію. Въ числѣ этой суммы 12-ти милліоновъ долларовъ приходится:

На исправленіе дорогъ. . . .	587,000	доллер.
— измѣренія	71,000	—
— маяки	116,000	—
— каналы и гавани.	1,713,000	—
— выдачу Индійцамъ. . . .	842,000	—
Пенсій всякаго рода	2,409,000	—

Рядомъ съ этими и другими значительными выдачами, находится собственно жалованье войску (pay of the army) . . 550,000 долл.

Расходъ на обмундировку. . . . . 350,000 — и т. д. Однимъ словомъ, едва четвертая часть вышесказанной суммы распредѣляется на содержаніе войска, крѣпости, военно-учебныя заведенія, снаряды и т. п.

Солдаты, вступающіе въ службу обыкновенно на пять лѣтъ, должны быть отъ 18 до 35 лѣтъ, при томъ по-крайней-мѣрѣ пяти футовъ ростомъ и знать англійскій языкъ. Кто по истеченіи означеннаго срока пожелаетъ продолжать службу, тотъ получаетъ, сверхъ жалованья, въ видѣ вознагражденія, трех-мѣсячный окладъ (68). Въ числѣ съѣстныхъ припасовъ, выдаваемыхъ солдату, упоминается чай, сахаръ, рисъ, бобы, картофель, мясо и т. д. Раздача водки въ сухопутномъ войскѣ со-

(68) Рота пѣхоты заключаетъ въ себѣ капитана, старшаго поручика, младшаго поручика, четырехъ сержантовъ, двухъ капраловъ, двухъ музыкантовъ и восемьдесятъ рядовыхъ; въ артиллеріи рота имѣетъ сверхъ того трехъ фейерверкеровъ. Всего въ полку;

драгунскомъ	649	человѣкъ
артиллерійскомъ	585	»
пѣхотномъ	557	»
егерскомъ	649	»

Каждый драгунъ получаетъ на одежду, пищу и жалованье 172 долл., артиллеристъ и пѣхотинецъ по 155 долларовъ.

Содержаніе офицеровъ слѣдующее:

главный предводитель, генерал-майоръ, получаетъ	— до	7539	доллер.
два бригадира.	отъ	4436 — 4951	»
полковникъ, смотря по роду оружія . . .	»	2298 — 3787	»
майоръ	»	1580 — 2327	»
капитанъ	»	1113 — 2024	»
старшій поручикъ	»	821 — 1355	»
младшій —	»	797 — 1290	».

вершенно уничтожена (69) и замѣнена сахаромъ, кофе или денежнымъ вознагражденіемъ. Во флотѣ никто не получаетъ водки прежде достиженія 21 года; прочіе могутъ получать ее, если хотятъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что суммы, назначенныя на содержаніе войска и флота, можно было бы еще значительно уменьшить (70), или иначе: правительство, забывая предусмотрительность и бережливость, допустило такое усиленіе расходовъ на этотъ предметъ, что каждый солдатъ и матросъ въ настоящее время обходится гораздо-дороже, чѣмъ за 20 лѣтъ прежде. Можетъ-быть, это замѣчаніе не совсѣмъ несправедливо, но тѣмъ не менѣе и настоящее жалованье не такъ высоко, чтобъ привлекало Американцевъ, и отъ-того въ военную службу охотно принимаютъ иностранцевъ. Сверхъ-того, многія издержки, какъ, на-прим., на продовольствіе и военные снаряды, значительно уменьшились чрезъ устройство шоссе, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ.

Важнѣе или, по-крайней-мѣрѣ, гораздо-національнѣе малочисленнаго постояннаго войска милиція, сформированіе которой утверждено уже было закономъ 1792 года. Каждый гражданинъ, пользующійся совершеннымъ здоровьемъ и имѣющій отъ 18 до 45 лѣтъ отъ роду, обязанъ выступать на службу по востребованію (71). Президенту принадлежитъ право созывать милицію и отправлять ее въ дѣло.

Общія постановленія объ учрежденіи милиціи объясняются законами отдѣльныхъ штатовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Въ Массачузетсѣ каждый бѣлый, имѣющій отъ 18 до 40 лѣтъ отъ роду, обязанъ отправлять службу въ милиціи; чиновники и духовенство, а равно и квакеры, свободны отъ службы, хотя не всегда свободны отъ взноса за то положенной платы.

Платье и оружіе, смотря по обстоятельствамъ и особымъ распоряженіямъ, выдается изъ цейхгаузовъ или предоставляется на собственное иждивеніе каждаго. Пушки, знамена и музыкальные инструменты доставляетъ городъ. Офицеры милиціи назначаются сенатомъ или камерой представителей, а иногда избираются по опредѣленію самихъ офицеровъ. Каждый офицеръ и рядовой, находящійся въ дѣйствительной службѣ, получаетъ вознагражденіе (72). Число дней, назначенныхъ для экзерцицій и смотровъ, весьма-незначительно; за неявку и прочія уклоненія отъ службы полагается денежный штрафъ. Изъ этого общаго числа милиціи избирается 10 тысячъ волонтеровъ, которые, въ случаѣ надобности, собираются прежде другихъ, обучаются тщательнѣе, и если исполняютъ всѣ возлагаемыя на нихъ обязанности, то получаютъ большее содержаніе.

---

(69) Mason 127, 130.

(70) Calhoun Speeches 463—467.

(71) Въ 1814 г. *Джаксонъ* принялъ въ войско цвѣтныхъ, и они сдѣлали болѣе, чѣмъ отъ нихъ ожидали.

(72) Americ. Alm. 1841. 187, 170, 179.

Въ Алабамѣ, каждый милиціонный солдатъ за неявку подвергается штрафу отъ 1-го до 3-хъ долл., поручикъ отъ 3 до 30 и полковникъ отъ 10 до 100.

Въ Нью-Гемпширѣ и Кентуки существуютъ тѣ же постановленія, что и въ Массачузетсѣ (73). Кто по религіознымъ обязанностямъ не можетъ явиться на службу лично, платитъ за свое отсутствіе по доллеру ежедневно. Нѣкоторые высшіе офицеры назначаются выстрѣломъ. Военныя преступленія подлежатъ военному суду. Офицеры должны носить установленную одежду; рядовые одѣваются какъ хотятъ.

Въ Южной-Каролинѣ чиновники, духовные, школьные учителя, лоцмана и нѣкоторые работники, необходимые при мельницахъ, кузницахъ и т. п. освобождаются отъ службы (74). Если милиція употребляется на службу внѣ штата, то она получаетъ жалованье наравнѣ съ постояннымъ войскомъ. Если же она и внутри штата остается въ сборѣ долѣе положеннаго срока, то мѣсячное жалованье назначается въ $6\frac{1}{2}$ долларовъ. Вся милиція носитъ установленный мундиръ.

Въ Виргиніи, милиціонеры собираются для экзерцицій ежегодно на четыре дня (75) и, сверхъ-того, три употребляютъ на сформированіе полковъ. Общее число милиціи въ 1844 г. простиралось до 1,750 человѣкъ.

Букингэмъ (76) нашелъ, что милиція Георгіи такъ хорошо одѣта и обучена, что ее можно сравнить съ парижской національной гвардіей; въ Нью-Орлеанѣ (большею частію между французскими переселенцами), замѣчается особенное расположеніе къ военнымъ экзерціціямъ и мундиру, и милиціонные солдаты по собственному побужденію формируютъ стройные, правильные ряды, неуступающіе европейскому войску.

Опытные люди увѣряютъ, что изъ $1\frac{1}{2}$ милліона милиціи необходимо выбрать по-крайней-мѣрѣ 100 тысячь человѣкъ, и тщательнѣе обучить ихъ военному дѣлу, чтобъ, въ случаѣ надобности, они могли составить отрядъ, способный противиться непріятелю. Мнѣніе это оправдалось на дѣлѣ, когда милиціонные солдаты въ войнѣ, которую велъ Джаксонъ противъ Индійцевъ-Криковъ, неотступно требовали отпустить ихъ на родину, и, еще болѣе, въ 1813 г., когда неопытные въ дѣлѣ войны Американцы были на всѣхъ пунктахъ разбиваемы хорошо обученнымъ англійскимъ войскомъ. Но когда они увидѣли, что грозитъ ихъ отечеству и чего требуетъ ихъ собственная честь, то въ самое короткое время выучились всему необходимому для военнаго ремесла. Подъ предводительствомъ Джаксона, при Новомъ-Орлеанѣ и на канадской границѣ, они одержали блистательныя побѣды даже надъ ветеранами Веллингтона, и предводительствовавшій ими генералъ Гаррисонъ

(73) State-laws. 1167.
(74) Statutes VIII, 485.
(75) Americ. Alm. 189. стр. 170. 1844—127.
(76) Southern States, I. 126, 355; II. 69.

увидѣлъ себя въ необходимости издать слѣдующій странный приказъ, относившійся преимущественно къ милиціи Кентуки: «Солдаты должны сдерживать свою отвагу и умѣрять необузданную ревность къ битвамъ» (77).

Одинъ американскій матросъ, завербованный экипажемъ англійскаго корабля (78), отрубилъ себѣ руку, чтобъ сдѣлаться неспособнымъ къ службѣ противъ своего отечества и сказалъ: «если и этого мало, то у меня осталась другая рука и сю я могу отрубить себѣ ногу». Самоотверженіе новаго Сцеволы, внушенное чистою любовью къ родинѣ, и вдохновенное мужество милиціи доказываютъ, что настоящее понятіе о благахъ, сопряженныхъ съ миромъ, воспламеняетъ человѣка храбростью болѣе твердою и дѣятельною, чѣмъ безплодная страсть къ долгимъ, опустошительнымъ войнамъ. Въ плаваніяхъ своихъ по морямъ и по опасному Миссиссипи, въ перенесеніи трудностей и лишеній посреди болотъ и лѣсовъ, Американцамъ необходима была неслыханная твердость воли, которая встрѣчается и сознается рѣже, чѣмъ обыкновенная храбрость на войнѣ. Они самые великіе мирные завоеватели, какихъ только представляетъ намъ исторія; въ нихъ проявляется то благородное мужество, которое презираетъ славою завоеваній и разрушеній. Оно-то и составляетъ могущество Сѣверной-Америки.

Американцы почитаютъ также многочисленный постоянный флотъ совершенно безполезнымъ и отяготительнымъ для государства (79); но по новѣйшимъ извѣстіямъ, они имѣютъ десять линейныхъ кораблей (80), 17 фрегатовъ и 4 перевозныя судна (storespips), 8 бриговъ, 8 шкунъ, 8 пароходовъ и 20 военныхъ шлюповъ (sloops of war). 1814 годъ доказалъ, въ какое короткое время Американцы могутъ усилить и снарядить свой флотъ, пріискать хорошихъ матросовъ и начальниковъ, которые въ состояніи были побѣдить Англичанъ. Сверхъ-того, въ 1813 — 14 годахъ, они имѣли въ своемъ распоряженіи матросовъ на 1600 купеческихъ корабляхъ (81). Оба государства поняли всѣ невыгоды войны и, конечно, не разорвутъ легкомысленно мира, даже въ спорѣ за границы, чему доказательствомъ служитъ мирное окончаніе споровъ объ Орегонѣ (82), грозившихъ, по-видимому, неизбѣжною вой-

---

(77) Schoolcraft Travels 26.

(78) Wright, Views of America, 312.

(79) I should consider it as madness in the extreme in this government to attempt to provide a navy able to cope with the fleets of Great-Britain, when ever they might be met. Clays, Speeches 1, 25.

(80) United States Almanac 1845. стр. 120. Message на 1844 стр. 518.

(81) Warden III, 430. Флотъ стоитъ дороже войска; матросы получаютъ богатое содержаніе, отъ 300 до 750 долл. ежегодно; лейтенантъ отъ 1200—1800, капитанъ отъ 3500—4500 долл. На паровомъ суднѣ въ Алабамѣ бѣлый матросъ получаетъ по 40 долл. въ мѣсяцъ. Buckingham Southern States 1, 264.

(82) Въ слѣдующей статьѣ, мы представимъ читателямъ новѣйшія извѣстія объ этомъ краѣ, заимствованныя нами изъ Narrative of the United States Exploring Expedition. By Charles Wilkes. In five volumes. Philadelphia. 1845.

ною. Остается пожелать власти конгресса и отдѣльныхъ штатовъ пріобрѣсти столько силы, чтобъ легкомысленные и преданные духу партій люди не могли начинать междоусобій и, увлекая за собою народъ, ставить его въ опасное положеніе. «Война» (говоритъ Джефферсонъ): «самое плохое средство для поправленія бѣдствій (wrongs): она только увеличиваетъ потерю, вмѣсто того, чтобъ вознаградить ее».

Устройство войска и система охраненія государства извнѣ (какъ видѣли наши читатели), представляетъ много характеристическихъ особенностей въ Сѣверной-Америкѣ, но не менѣе вниманія заслуживаетъ и система охраненія государства внутри, т. е. судопроизводство При поверхностномъ наблюденіи, иностранцу многое покажется въ немъ непонятно по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) во время революціи, вражда противъ метрополіи почти не касалась господствовавшаго прежде частнаго права и судебнаго устройства; напротивъ того, система англійскаго судопроизводства, во многихъ случаяхъ неполная, была удержана; 2-е) при утвержденіи независимости приняты были за образецъ многія формы (даже старыя, а не новыя) англійскихъ судовъ; 3-е) національное англійское судопроизводство не могло образоваться, потому-что общественныя условія многихъ штатовъ не допускали этого, и особенно отличны были системы судопроизводства испанскаго и французскаго, господствовавшія во Флоридѣ и Луизіанѣ.

Дѣйствительно, разнообразіе отношеній въ двадцати-шести штатахъ такъ велико, что невозможно было подвести ихъ подъ одну общую систему и издать сводъ законовъ, равно удобный для всѣхъ; невозможно даже было предложить о томъ конгрессу. Штаты сами-по-себѣ составляли кодексы или собранія законовъ и (что̀ въ Америкѣ вдвойнѣ необходимо) сдѣлали ихъ доступными для народа, излагая ихъ простымъ, общепонятнымъ языкомъ, или (какъ сдѣлано было въ Огіо) переводя и объясняя ученые термины. Сверхъ-того, изданы были поучительныя сочиненія (Кента, Стора, Валькера и др.), которыя просто и понятно для каждаго излагаютъ начала правъ государственнаго, личнаго, гражданскаго и уголовнаго, а равно и порядокъ производства тяжебныхъ дѣлъ.

Юридическое образованіе въ Америкѣ во многихъ отношеніяхъ поражаетъ своею односторонностью; въ кругъ его весьма-мало входятъ (а иногда и совсѣмъ не входятъ) римское право, исторія и философія законовѣдѣнія. Послѣ двух-лѣтняго университетскаго курса (83), учащіеся съ жаромъ принимаются за выгодную практику, и званіе адвоката почитаютъ лучшею школою государственныхъ людей, хотя опытъ безпрестанно доказываетъ, что изъ самаго искуснаго адвоката нерѣдко выходитъ самый плохой государственный человѣкъ. Впрочемъ, въ Сѣверной-Америкѣ существуютъ нѣкоторыя всѣми признанныя основныя

(83) Like greyhounds when the game is started, you pant to be let Loose. Walker. Стр. 1; о студентахъ.

начала права, которыя какъ для юристовъ, такъ и для всѣхъ вообще жителей равно важны, доступны и богаты слѣдствіями. Законы относятся до правъ и дѣйствій, не касаясь ни нравственности, ни мнѣній, и т. д.

Въ Сѣверной-Америкѣ существуютъ два рода судовъ (которые частію дѣйствуютъ отдѣльно, частію въ зависимости одинъ отъ другаго): суды всего союза и суды отдѣльныхъ штатовъ. Къ первымъ принадлежатъ:

1) Верховный союзный судъ, 2) Областные суды (circuit courts) и 3) Окружные суды (district courts).

Верховный союзный судъ состоитъ изъ председателя и восьми членовъ; кругъ дѣйствій его опредѣленъ конституціею. Хотя онъ вообще возбуждаетъ менѣе вниманія и участія и не имѣетъ того политическаго вліянія, которымъ пользуются обѣ камеры конгресса и президентъ, тѣмъ не менѣе важность и польза его неоспоримы. Только въ Соединенныхъ-Штатахъ верховный судъ имѣетъ право объяснять смыслъ конституціи, уничтожать противорѣчащія ей опредѣленія конгресса и штатовъ: онъ образуетъ третью власть, *судебную*, которая стоитъ наряду съ законодательной и исполнительной. Но эта власть не простирается далѣе изъясненія смысла конституціи и не можетъ ни измѣнять ее по собственному произволу, ни ограничивать чѣмъ-либо права народа въ этомъ отношеніи; иначе они могли бы перейдти въ тираннію.

Особенныя отношенія и даже запутанность въ судопроизводствѣ происходятъ отъ-того, что верховный союзный судъ нѣкоторыя дѣла рѣшаетъ одинъ, другія переносятся къ нему, какъ въ мѣсто высшей инстанціи, третьи разсматриваетъ онъ вмѣстѣ съ судами отдѣльныхъ штатовъ.

За тѣмъ слѣдуютъ девять областныхъ судовъ (circuit cours); въ каждомъ изъ нихъ засѣдаютъ по два судьи: одинъ, избранный изъ союзнаго суда, другой изъ суда штата. Въ этотъ судъ поступаютъ дѣла какъ въ мѣсто первой инстанціи, или переносятся по аппеляціямъ изъ низшихъ судовъ; нѣкоторыя изъ нихъ отсюда идутъ на рѣшеніе верховнаго суда Соединенныхъ-Штатовъ.

Наконецъ, каждый изъ тридцати-пяти окружныхъ судовъ (district courts) состоитъ въ вѣдѣніи одного судьи. Въ кругъ дѣйствія ихъ входятъ всѣ преступленія (crime, offence) и проступки (misdemeanor) противъ Соединенныхъ-Штатовъ, также гражданскія ссоры (гдѣ они сами или чиновники ихъ выступаютъ истцами), дѣла о мореплаваніи, о консулахъ и т. д.

Члены различныхъ союзныхъ судовъ назначаются президентомъ по-большой-части съ одобренія сената; члены судовъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ же какъ и мирные судьи (которые рѣшаютъ много дѣлъ въ первой инстанціи и устнымъ приговоромъ) назначаются по распоряженію штатгальтеровъ (или губернаторовъ, завѣдывающихъ исполнительною властью въ отдѣльныхъ штатахъ), законодательныхъ собраній,

или избираются народомъ. Отправленіемъ этой должности они занимаются въ-теченіе года, трехъ и семи лѣтъ, или, по добровольному ихъ согласію, и долѣе. Несправедливо порицали нѣкоторые, что особенно въ новыхъ штатахъ, гдѣ пять ученыхъ (правовѣдовъ), земледѣльцы и подобные имъ не-юристы допускаются къ должности мирныхъ судей; но эти люди гораздо-лучше другихъ понимаютъ, что наиболѣе интересуетъ народъ и много содѣйствуютъ къ уничтоженію пагубнаго произвола и самовольной расправы.

Судебныя дѣла производятся публично и присяжнымъ предоставлено рѣшать всѣ гражданскіе и уголовные процессы; пятнадцать присяжныхъ составляютъ большой судъ присяжныхъ (jury), двѣнадцать малый — для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, пять для рѣшенія споровъ между ремесленниками, семь для засвидѣтельствованія безумія, шесть для рѣшенія споровъ о собственности. Единогласное рѣшеніе, постановленное закономъ, не нравится многимъ Американцамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается второй судъ (trial) съ девятью присяжными; когда, на-примѣръ, рѣшеніе присяжныхъ противорѣчитъ «очевидности» (evidence) правосудія, или когда открываются новыя существенныя обстоятельства (84), измѣняющія видъ дѣла.

Присяжные по закону должны имѣть всѣ качества избирателей (85) и для назначенія ихъ, увольненія и т. д. существуютъ подробныя постановленія. Обыкновенно они получаютъ содержанія отъ одного до одного съ четвертью доллеровъ въ день и, сверхъ-того, особыя деньги на проѣздъ. По буквальному смыслу закона, присяжные должны просто рѣшать вопросъ процесса; но на дѣлѣ они часто рѣшаютъ (въ Америкѣ, какъ и вездѣ) неразрывно соединенный съ нимъ общій вопросъ права и слѣдуютъ тогда собственному чувству, возбужденному обстоятельствами какого-нибудь частнаго случая. Такой порядокъ судопроизводства можетъ содѣйствовать развитію высшей и благороднѣйшей формы права и пополнить недостаточность законодательства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ также, руководствуясь пристрастіемъ и личною враждою, уничтожать иногда святость законовъ.

Уголовные законы различны въ каждомъ штатѣ; вообще же они очень умѣренны и только за убійство первой степени (wilful and premeditated murder) и измѣну полагаютъ смертную казнь (86). Бродяги и

(84) Walker 538.

(85) Въ Массачузетсѣ, на-пр., они должны быть людьми опытными, безукоризненной честности. Чиновники, духовные, врачи, люди старѣе 60 лѣтъ освобождаются отъ этой должности. Самое меньшее число присяжныхъ по одному на 100 жителей, самое большое по одному на 50.

(86) Въ Нью-Йоркѣ смертная казнь назначается за убійство, измѣну и зажигательство. Убійство ненамѣренное наказывается 2 — 7 годами тюремнаго заключенія, насиліе, вынужденный бракъ и дуэль десятью годами; двоеженство пятью. Если пья-

негодяи обыкновенно собираются туда, гдѣ законы наказываютъ ихъ снисходительнѣе. Тѣлесныя наказанія употребляются въ нѣкоторыхъ штатахъ, и то чрезвычайно-рѣдко.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ нѣтъ общаго закона о банктротахъ, отъ-чего и возникаетъ много затрудненій. Тюремное заключеніе добросовѣстныхъ должниковъ или «несчастныхъ банкротовъ» большею частію уничтожено; гдѣ нѣтъ ничего, тамъ не поможетъ тюрьма, а заключеніе отнимаетъ у должника послѣднія средства къ платежу (87); да и сами заимодавцы должны быть осторожны при ссудѣ своихъ денегъ. При каждомъ конкурсѣ, имѣніе должника раздѣляется между всѣми заимодавцами. О томъ же, имѣютъ ли право кредиторы, не совершенно удовлетворенные при раздѣлѣ имущества должника, на позднѣйшее удовлетвореніе, законы штатовъ несогласны между собою.

Что число преступленій противъ личности уменьшается, а противъ собственности увеличивается, это явленіе, обыкновенное въ государствѣ, гдѣ возрастаетъ цивилизація и богатство. Впрочемъ, причины увеличенія или уменьшенія преступленій такъ разнообразны, что по однѣмъ цифрамъ или статистическимъ таблицамъ невозможно вывести точнаго заключенія о нравственности народа.

Относительно права наслѣдства, постановленія отдѣльныхъ штатовъ представляютъ мало различія; право первородства не существуетъ: ровное раздѣленіе наслѣдственнаго имущества принято вездѣ за правило и имѣетъ самыя благодѣтельныя слѣдствія, предупреждая распространеніе бѣдности и увеличивая дѣятельность и общее благосостояніе. Сверхъ-того, во многихъ штатахъ вдова умершаго имѣетъ право на третью часть оставшейся послѣ него (right of dower) недвижимой собственности (88). По-большой-части, имѣніе супруговъ принадлежитъ имъ обоимъ нераздѣльно; впрочемъ, каждый изъ нихъ можетъ пріобрѣсти особенное имущество, хотя при жизни они пользуются имъ вмѣстѣ. Въ южныхъ

ный врачъ прописываетъ рецептъ, то это считается также за Misdemeanor и виновный подвергается наказанію.

Въ Пенсильваніи за второстепенныя преступленія, смотря по роду ихъ, назначается тюрьма отъ одного года до пожизненнаго заключенія, а при вторичномъ преступленіи, виновный наказывается строже. Въ Массачузетсѣ было сдѣлано странное предложеніе: уничтожить совершенно смертную казнь, или постановить, чтобъ духовные наблюдали за исполненіемъ ея, и чтобъ она совершалась по воскресеньямъ, передъ церковными дверьми, «ибо Богъ требуетъ крови за кровь». Во многихъ штатахъ законы противъ поединковъ очень-строги.

(87) Въ 1839 году въ Балтиморѣ 230 человѣкъ было посажено въ тюрьму, тогда какъ долгъ ихъ не превышалъ 10 долларовъ; восемь должны были менѣе 1 дол.

(88) Подъ именемъ недвижимой собственности разумѣются земля и зданія, прочно утвержденныя на мѣстѣ (слѣдовательно, домы, построенные изъ бревенъ легко переносимыхъ изъ одного мѣста въ другое, что особенно въ употребленіи на западѣ, сюда не относятся), а равно всѣ права, соединенныя съ владѣніемъ землею; все прочее причисляется къ движимости.

штатахъ, мужъ прежде или послѣ брака упрочиваетъ за женою часть своего имущества (settlement of marriage), и эта часть остается навсегда ея собственностью. Власть отца надъ дѣтьми до наступленія ихъ совершеннолѣтія (которое для женщины полагается въ 18 лѣтъ, для мужчины въ 21 годъ), почти неограниченна. Только надъ жизнію ихъ отецъ не имѣетъ власти, во всемъ прочемъ дѣйствуетъ совершенно по своему произволу. Онъ имѣетъ право употреблять въ дѣйствіе всякаго рода исправительныя наказанія; никто изъ постороннихъ, даже правительство, не имѣютъ права вступаться въ его распоряженія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда наказаніе сопряжено съ опасностію для жизни дѣтей; до совершеннолѣтія дѣтей, отецъ имѣетъ также право отдавать ихъ въ работу (to bind out или to sell) и плату, за то получаемую, употреблять для себя; само-собою разумѣется, что онъ можетъ ихъ заставлять работать и дома, но тогда обязанъ заботиться объ ихъ одеждѣ и пропитаніи. Отецъ же подлежитъ отвѣтственности за всѣ поступки (кромѣ уголовныхъ преступленій) своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, платитъ ихъ долги и вознаграждаетъ за ущербъ, причиненный ими чьей-либо собственности.

Но неограниченныя права, данныя отцу законами Соединенныхъ-Штатовъ, почти никогда не ведутъ къ злоупотребленію и очень-рѣдко случается, чтобъ кто-нибудь вздумалъ пользоваться ими во всемъ ихъ объемѣ. Гораздо-скорѣе отцовъ можно упрекнуть въ излишней снисходительности къ дѣтямъ, чѣмъ въ строгости; очень-часто дѣти, по желанію отца, распоряжаются его дѣлами и получаютъ доходы въ свою пользу; почти всегда и вездѣ съ дѣтьми обращаются кротко и доставляютъ имъ всѣ средства къ образованію и упроченію матеріальной независимости. Исключенія очень-рѣдки; дурное обращеніе съ дѣтьми, противъ котораго молчитъ законъ, наказывается такъ сильно общественнымъ мнѣніемъ, что презрѣніе всѣхъ согражданъ неумолимо преслѣдуетъ жестокаго отца.

Всѣ права родителей надъ дѣтьми оканчиваются по истеченіи положеннаго срока. Сынъ, находившійся до 21 года подъ безграничною властію отца, становится вдругъ совершенно-свободнымъ человѣкомъ, дѣйствительнымъ гражданиномъ Соединенныхъ-Штатовъ.

Если отецъ умретъ до совершеннолѣтія дѣтей, то надъ ними назначаютъ опекуна; обыкновенно попеченіе это предоставляется матери; но если она неспособна къ тому, то дѣтей отдаютъ въ другія семейства, уплачивая за ихъ воспитаніе и содержаніе изъ оставшагося имущества. Если же, до совершеннолѣтія, опекуны отдадутъ ихъ въ работу, то заработываемыя ими деньги обязаны употреблять на ихъ содержаніе или сберегать. Если несовершеннолѣтнимъ достается недвижимая собственность, то управленіе ею поручается опекунамъ; когда же найдутъ необходимымъ продать имущество малолѣтныхъ, то обязаны представить о томъ законодательному собранію штата, которое, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, разрѣшаетъ или запрещаетъ продажу. От-

носительно незаконныхъ дѣтей постановлено, что они имѣютъ неоспоримое право на имущество матери, но не пользуются имуществомъ ея родственниковъ, ни имуществомъ отца; въ случаѣ же брака родителей, они пользуются всѣми правами законныхъ дѣтей.

Бракъ почитается условіемъ гражданскимъ, и когда соблюдены всѣ правила, предписанныя въ этомъ случаѣ, священникъ можетъ приступить къ вѣнчанію. Разводъ допускается вездѣ, но причины не одинаковы во всѣхъ штатахъ; большею частію онѣ полагаются слѣдующія: невѣрность, неспособность, заключеніе въ тюрьму за преступленіе, продолжительное пьянство, жестокое обхожденіе.

Главное наказаніе за преступленія, какъ мы уже упомянули, состоитъ въ тюремномъ заключеніи. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ два рода тюремъ, или двѣ системы обхожденія съ заключенными: система *оборнская* (89) или система *молчанія*, и *филадельфійская* система или отдѣльнаго заключенія. Обѣ эти системы имѣютъ горячихъ противниковъ и защитниковъ, распри которыхъ напоминаютъ ожесточенные споры теологическихъ фанатиковъ (90). Тюрьмы, устроенныя по обѣимъ системамъ, улучшаются опытными и благонамѣренными людьми. Обѣ стороны должны бы радоваться этому, а не осыпать одна другую упреками и порицаніями, должны бы оказывать обоюдную помощь, а не затемнять существеннаго посторонними обстоятельствами. Много предметовъ, нисколько не составляющихъ ихъ особенной принадлежности, служатъ къ обвиненію то той, то другой системы. Такъ, на-прим., жестокость или кротость обхожденія со стороны смотрителей, хорошая или дурная пища и одежда, болѣе или менѣе продолжительный срокъ наказанія, просторное или тѣсное помѣщеніе, лучшее или худшее отопленіе комнатъ и очищеніе воздуха — все это можетъ быть и не быть при соблюденіи обѣихъ системъ. Въ этихъ случаяхъ, все дѣло зависитъ отъ бо́льшихъ или ме́ньшихъ денежныхъ средствъ, а еще болѣе отъ личности начальниковъ. Кто посѣщалъ тюрьмы и сравнивалъ ихъ, тотъ понимаетъ, какимъ образомъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, заведеніе можетъ получить иной характеръ, смотря потому, хорошій или дурной начальникъ управляетъ ли имъ.

---

(89) Названіе свое она получила отъ города Оборна (Auburn) въ штатѣ Нью-Йоркѣ, гдѣ была прежде всего введена въ употребленіе.

(90) Такъ, на-пр. говорятъ, что пенсильванская система терпитъ нападенія отъ itinerant book makers, or morbid hallucinations of Philanthropists. Report of the western Penitentiary of Pennsylvania, 1843. стр. 4. Или возникли противорѣчія: either from a spirit of reckless denunciation, or a prejudice which is created by a mercenary opposition. 15-th Report on the eastern Penitentiary of Philadelphia. Или: the Auburn system, is an inhuman, a debasing, a degenerate institution, conducted without shame or remorse. Симта—защищеніе Solitary system стр. 92. Когда говорятъ: the pennsylvanian system has fully satisfied its authors and advocates, то это же должно разумѣть и о противной системѣ.

Такъ-какъ эти благопріятныя и неблагопріятныя случайности найдутся въ той и другой системѣ, то все различіе ихъ будетъ состоять въ томъ только, что по системѣ филадельфійской каждаго заключеннаго днемъ и ночью держатъ въ особой тюрьмѣ, а по системѣ оборнской его заставляютъ днемъ работать вмѣстѣ съ другими и только на ночь запираютъ въ отдѣльную комнату. Кáкъ ни ревностно стараются поборники каждаго порядка выставить различіе ихъ, ни того, ни другаго невозможно отличить названіемъ «системы», которая предполагаетъ характеристическую особенность господствующей идеи, особенность дѣйствій и конечныхъ результатовъ. Свобода и неволя человѣка, возможность и невозможность исправленія, тѣлесное наказаніе, тюрьма или ссылка—вотъ на чемъ можно скорѣе основать систему, чѣмъ на простомъ различіи формъ тюремнаго заключенія; въ послѣднемъ случаѣ все дѣло состоитъ въ томъ, лучше ли держать въ одиночествѣ преступника днемъ и ночью, или только ночью? Но до-тѣхъ-поръ, пока не приведется въ ясность множество другихъ вопросовъ, пока отъ абстрактнаго не перейдутъ къ конкретному, всѣ заключенія останутся односторонними и преждевременными. Какого рода преступники подвергаются тюремному заключенію, на какой срокъ, какими работами занимаютъ ихъ, просторно или тѣсно помѣщеніе ихъ, вреденъ или невреденъ воздухъ ихъ жилища — все это должно быть тщательно разсмотрѣно, и тогда уже можно произнести окончательный приговоръ. Вмѣсто одностороннихъ споровъ, обѣ методы должны соединиться, для того, чтобъ избрать все сообразное съ цѣлію и устранить то, чтó противорѣчитъ ей. Прежде всего должно принять за правило: не подвергать одинаковому обхожденію всѣхъ разнообразныхъ преступниковъ, и не принимать конечною цѣлію общаго абстрактнаго равенства предъ лицомъ закона, кáкъ бы несходны ни были разныя обстоятельства преступленія (91), но поставить себѣ обязанностію, чтобъ общій смыслъ закона, исправленіе и наказаніе примѣнены были къ особеннымъ отношеніямъ каждаго заключеннаго.

Если мы вспомнимъ, что въ прежнія времена преступники всякаго рода запирались въ одномъ помѣщеніи, гдѣ они кричали, бранились и болтали безъ умолка, то въ системѣ молчанія и одиночества видимъ несомнѣнный шагъ къ улучшенію; но крайностей не должно имѣть и въ это похвальное учрежденіе, потому-что тогда за произнесеніе нѣсколькихъ словъ заключенные подвергаются безчисленнымъ наказаніямъ, и за ничтожными отступленіями слѣдуетъ страшное зло. Еще менѣе можно одобрить стараніе (сопряженное съ огромными издержками) водво-

(91) То же самое, чтó мы здѣсь заимствовали у Раумера, находится въ сочиненіи Ronchivecchi Sulla prigione dello Spielberg ст. 91. Онъ говоритъ (согласно съ Миттмайеромъ, Петитти, Морикини и Люкасомъ) въ пользу systema misto, nel quale debbe applicarsi solo per modo di eccezione, e a breve termine il systema pennsilvanico.

рить мертвую тишину и даже сделать невозможнымъ всякій шумъ; это не что иное, какъ педантство въ такомъ дѣлѣ, гдѣ выше всего должна дѣйствовать опытность и справедливость. На мѣсто варварской скупости, господствовавшей въ прежнихъ тюрьмахъ, въ настоящее время въ нихъ водворяется непомѣрная роскошь. Многія тюрьмы походятъ на дворцы; въ Нью-Йоркѣ тюрьма выстроена въ видѣ какого-то египетскаго храма, въ Луниллѣ и другихъ мѣстахъ въ видѣ древняго рыцарскаго замка. Если отдать преимущество принципу совершеннаго отчужденія, то въ Филадельфіи тюрьмы лучшія не только въ Соединенныхъ-Штатахъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Но здѣсь то яснѣе всего видно, какъ мало можетъ рѣшить одинъ абстрактный принципъ, ибо въ Филадельфіи, гдѣ каждому заключенному отводятъ просторную комнату и небольшой садъ, или двѣ чистыя комнаты во второмъ этажѣ, система отчужденія становится совершенно иною, чѣмъ тамъ, гдѣ преступника запираютъ въ маленькую, темную, смрадную келлью. По одному этому безусловное подражаніе филадельфійской методѣ не можетъ уже быть принято всѣми штатами. Но и въ самой Филадельфіи совершенное отчужденіе является усиленіемъ обыкновеннаго наказанія; при основаніи тюремъ въ 1790 г., постановлено было, что безусловное отчужденіе простирается на одну часть времени, положеннаго для наказанія и не должно превышать двухлѣтняго срока.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что метода филадельфійская, отчуждающая совершенно преступниковъ, препятствуетъ болѣе, чѣмъ оборнская, взаимнымъ сношеніямъ ихъ и средствамъ развращать другъ друга; но ни чѣмъ не доказано еще, всегда ли нужно такое отчужденіе и должно ли принимать его безусловно. Оборнская система лишаетъ заключенныхъ употребленія двухъ способностей и дѣлаетъ ихъ глухими и нѣмыми; филадельфійская отнимаетъ у нихъ и зрѣніе. Разумѣется, оставаться въ одиночествѣ лучше, чѣмъ быть въ дурномъ обществѣ; но какъ жестоко совершенное отчужденіе отъ людей—доказывается тѣмъ, что заключенные, не смотря на хорошее содержаніе и кротость обращенія, готовы переносить тѣлесное наказаніе, лишь-бы только имъ позволено было видѣться и говорить другъ съ другомъ.

Въ доказательство превосходства своихъ системъ, обѣ партіи представляютъ статистическія таблицы о здоровьѣ, болѣзняхъ и занятіяхъ преступниковъ. Но всѣ эти данныя такъ еще неполны, такъ сильно противорѣчатъ одна другой, такъ рѣдко показываютъ взаимную связь причины и дѣйствія, такъ мало обращаютъ вниманія на всѣ частныя обстоятельства, что трудно основать на нихъ похвалу или порицаніе. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что метода, допускающая болѣе разнородныхъ работъ и тѣлеснаго упражненія, оказываетъ благопріятное дѣйствіе на здоровье заключенныхъ и не даетъ имъ ни времени, ни случая къ размышленію, изъ котораго они рѣдко выносятъ спасительное сознаніе вины и гораздо-чаще умственное разстройство (92) или

(92) Когда безуміе происходитъ отъ тайныхъ причинъ, то отдѣльное заключеніе увеличиваетъ его гораздо-болѣе, чѣмъ общая работа.

постепенное отупѣніе. Внѣшній видъ, наружное здоровье человѣка, осужденнаго на одиночество, не доказываютъ еще благотворнаго раскаянія или твердаго намѣренія исправиться.

Несомнѣнно и то, что преступники, работающіе вмѣстѣ въ тюрьмѣ, узнаютъ другъ друга, случайно встрѣчаясь по выходѣ изъ нея; но должно ли по этой или по другой причинѣ измѣнить оборнскую систему — вотъ вопросъ, который противъ Пенсильваніи отрицательно рѣшаютъ 24 или 25 штатовъ (93). Если при такомъ рѣшеніи сильно дѣйствуютъ постороннія обстоятельства, тѣмъ не менѣе оно должно быть основано на причинахъ уважительныхъ. Къ нимъ принадлежатъ: большія издержки, менѣе разнообразныя и менѣе выгодныя работы, также вредъ для здоровья отъ тѣснаго помѣщенія.

Невозможно возражать противъ мнѣнія, что близкое сношеніе между заключенными гибельно, но справедливо и то, что система молчанія полагаетъ достаточную преграду такимъ вреднымъ сообщеніямъ. Но есть много преступленій (особенно тяжелыхъ), которыя въ жизни никогда не повторяются и нѣтъ никакой опасности, чтобъ ихъ можно было передать кому бы то ни было.

Главная цѣль тюрьмы—исправленіе преступниковъ, и защитники пенсильванской системы говорятъ, что достигнуть ея можно только посредствомъ уединенія; что во всякомъ случаѣ она, препятствуя сношеніямъ между заключенными, препятствуетъ и развитію ихъ дурной стороны: это справедливо, но невозможно согласиться, что система молчанія исключительно дѣйствуетъ на тѣло, а не имѣетъ и не можетъ имѣть вліянія на душу; изученіе полезныхъ предметовъ можетъ быть скорѣе соединено съ тихою, общественною работою, чѣмъ съ совершеннымъ одиночествомъ. Но, чтобъ одиночество само-по-себѣ возвышало нравственность, это только одно предположеніе. Каждый преступникъ можетъ въ нѣсколько дней (что̀ и бываетъ почти всегда) и при какой угодно тюремной методѣ, обдумать все, что касается до его настоящаго положенія и что ожидаетъ его въ будущемъ. Въ одиночествѣ, въ голову приходитъ менѣе мыслей, чѣмъ въ обществѣ, а сверхъ того, если человѣкъ безпрерывно будетъ думать объ одномъ себѣ (что̀ необходимо при отчужденіи), то отъ-того нисколько не сдѣлается лучшимъ. Вообще, въ свѣтѣ или въ тюрьмѣ безпрерывное размышленіе о самомъ-себѣ ведетъ часто къ эгоистической изнѣженности, не внушаетъ ни силы, ни мудрости, но возбуждаетъ въ душѣ какое-то болѣзненное чувство, безплодное горе или безуміе. Прежде думали привести заключенныхъ къ сознанію и исправленію посредствомъ тѣлесныхъ наказаній; нынѣ къ тому же думаютъ привести ихъ посредствомъ одинокихъ кел-

---

(93) Кромѣ Пенсильваніи только одна тюрьма въ Трентонѣ (Нью-Джерзи) и другая въ Джеферсонѣ (Миссури), устроены по методѣ уединенія.

лій. Одиночество, при естественной наклонности человѣка къ обществу себѣ подобныхъ, есть состояніе насильственное, противное его природѣ. Оно можетъ содѣйствовать только развитію односторонности, эгоизма, ожесточенія. Лучшимъ средствомъ къ исправленію преступника было бы хорошее общество, и многіе исправились бы гораздо-скорѣе на свободѣ, чѣмъ въ тюрьмѣ. Къ-сожалѣнію, есть преступники, которыхъ не исправитъ никакая система; а при пожизненномъ заключеніи нѣтъ и рѣчи объ исправленіи, по-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи къ обществу. Вообще, вся система наказаній распадается, когда ее хотятъ основать на одномъ нравственномъ исправленіи преступниковъ. Пока они останутся въ тюрьмѣ, невозможно еще рѣшить ничего о степени ихъ нравственнаго улучшенія. Самые ожесточенные нерѣдко оказываютъ наибольшее и часто притворное раскаяніе, и только по выходѣ на свободу начинается тяжелое испытаніе отчужденныхъ и отверженныхъ обществомъ.

Самая грубая и возмутительная нелѣпость утверждать, что преступленія умножаются съ распространеніемъ знаній. Большая часть преступниковъ отличается совершеннымъ невѣжествомъ; такъ, на-примѣръ, въ Филадельфіи изъ 217 заключенныхъ, только 85 умѣли читать и писать, а въ Оборнѣ изъ 244 только 89. Въ отчетѣ оборнскихъ тюремъ 1845 г. причины преступленій представлены слѣдующія: нищета, недостатокъ занятій и болѣе всего жажда скораго пріобрѣтенія безъ труда и терпѣнія.

Въ настоящее время, во всѣхъ тюрьмахъ тщательно заботятся объ ученіи и религіозномъ образованіи. Работы разнообразны и такъ устроены, чтобъ произведенія ихъ какъ-можно-менѣе причиняли ущерба свободнымъ ремесламъ. Работа заключенныхъ обходится дороже свободной, если принимать въ разсчетъ зданіе, надзоръ, неспособныхъ и т. п., но безъ того она будетъ дешевле. Многія тюрьмы, организованныя по оборнской системѣ, доставляютъ значительный доходъ, который поступаетъ въ казну штата или выдается заключеннымъ, по освобожденіи ихъ изъ тюрьмы.

Вездѣ число женщинъ, подвергаемыхъ тюремному заключенію, несравненно менѣе числа мужчинъ, частію потому-что онѣ дѣйствительно совершаютъ менѣе преступленій, частію потому-что присяжные осуждаютъ самыхъ преступныхъ (94) изъ нихъ. По общему исчисленію, число преступленій не увеличивается нисколько, если принять въ соображеніе возрастающее народонаселеніе. Многія преступленія были

(94) Въ тюрьмахъ Западной-Пенсильваніи на 806 бѣлыхъ и 140 цвѣтныхъ мужчинъ было только 17 бѣлыхъ и 20 цвѣтныхъ женщинъ. Въ тюрьмахъ Восточной-Пенсильваніи содержалось съ 1839 г. 1778 человѣкъ, между которыми 1145 пьяницъ (drank to intoxication); 1115 бѣлыхъ, 571 цвѣтныхъ мужчинъ, 29 бѣлыхъ и 63 цвѣтныхъ женщинъ; 1087 не женатыхъ, 582 женатыхъ, 104 вдовыхъ, 6 разведенныхъ; 1250 наказанныхъ въ 1-й разъ, прочіе во 2-й, 3-й и до девятаго раза.

слѣдствіемъ пьянства—порока, который значительно уменьшился въ новѣйшее время.

Тщательное изслѣдованіе состоянія тюремъ и самые отчеты ихъ доводятъ до слѣдующаго заключенія: ни одна тюрьма не достигнетъ своей цѣли, если нѣкоторыхъ преступниковъ не подвергнутъ одинокому заключенію, а другихъ не заставятъ работать вмѣстѣ; когда обѣ системы примирятся, когда, не увлекаясь одними принципами, они пріймутъ въ соображеніе обстоятельства въ высшей степени разнообразныя, тогда только сѣверо-американскія тюрьмы достигнутъ возможной степени совершенства.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1847 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Разрѣшено опредѣлить при Департаментахъ Хозяйственномъ и Полиціи Исполнительной Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по одному со стороны Государственнаго Контроля обер-контролеру и по одному къ нимъ помощнику, въ видѣ опыта, на четыре гооа.

— Обнародованы: 1) трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Его Императорскимъ Величествомъ и его величествомъ королемъ нидерландскимъ $^{1}/_{13}$ сентября 1846 года и три отдѣльныя статьи къ сему трактату и 2) трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Его Императорскимъ Величествомъ и его величествомъ королемъ Французовъ $^{4}/_{16}$ сентября 1846 года и три отдѣльныя статьи къ сему трактату.

— Для покрытія части расходовъ, предстоящихъ въ 1847 году по устройству санктпетербурго-московской желѣзной дороги, разрѣшенъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 21 день января сего года, выпускъ двухъ разрядовъ серій VIII и IX билетовъ государственнаго казначейства, въ три мильйона рублей серебромъ каж-

дый, и предназначены въ запасъ еще два разряда, X и XI, на случай дальнѣйшей въ томъ надобности. Нынѣ разрѣшенъ на тотъ же предметъ выпускъ X разряда, съ назначеніемъ срока теченія процентовъ съ 1 іюня 1847 года (Имен. Выс. ук. 25 апрѣля).

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше утверждены положенія о общественномъ банкѣ и богадельнѣ купца Кислова въ Коломнѣ, въ Московской-Губерніи, изъ которыхъ представляемъ краткое извлеченіе. Банкъ этотъ учреждается съ цѣлію производствомъ ссудъ доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомоществованіе въ торговыхъ ихъ оборотахъ, а на получаемые отъ сего проценты содержать общественную богадельню. Основный капиталъ банка составляется изъ суммы, пожертвованной, по духовному завѣщанію, коломенскимъ купцомъ Кисловымъ. Банку предоставляется: 1) пріемъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ; 2) учетъ векселей и 3) производство ссудъ подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества, для сохраненія всегдашняго довѣрія къ банку. Капиталы, внесенные въ оный, ни по какимъ требованіямъ въ постороннія руки выдаваемы или отпускаемы быть не должны, кромѣ передачи билетовъ банка по бланковымъ надписямъ вкладчиковъ, или представленія оныхъ залогомъ въ присутственное мѣсто; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ банкъ, въ разсужденіи выдачи капитала, обязанъ наблюдать срокъ, въ условіи при залогѣ билета назначенный. Заложенныя въ банкѣ движимыя и недвижимыя имѣнія не могутъ быть описаны по частнымъ или казеннымъ взысканіямъ. Но, въ случаѣ требованія судебнаго мѣста, продажа тѣхъ имуществъ, для удовлетворенія другихъ исковъ, допускается съ тѣмъ, чтобъ банкъ получилъ слѣдующую ему по залогу сумму съ процентами сполна. Взносъ капиталовъ дозволяется лицамъ всѣхъ сословій и на нихъ платятся по 4% по прошествіи года; а на капиталы, пробывшіе въ банкѣ менѣе года, процентовъ не полагается. Въ учетъ принимаются одни только векселя купцовъ и мѣщанъ города Коломны, производящихъ торговлю, имѣющихъ недвижимую собственность, или содержащихъ заводы и фабрики, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ участвующихъ въ векселѣ имѣлъ постоянное пребываніе въ Коломнѣ. При выдачѣ денегъ по векселю, банкъ вычитаетъ съ выдаваемой суммы по 1/2 процента за каждый мѣсяцъ, остающійся до срока, и притомъ предлагаетъ заимодавцу, или представителю векселя, сдѣлать какое-либо пожертвованіе въ пользу общественной богадельни города. За всякій просроченный вексель взыскиваются, въ пользу банка, проценты и вознагражденіе за убытки, на основаніи статей 557, 558 и 559 Уст. Учр. Торговыхъ (Св. Зак. т. XI). Банкъ принимаетъ въ залогъ: а) каменные домы, заводы и фабрики, состоящіе въ Коломнѣ, принадлежащіе тамошнимъ купцамъ и мѣщанамъ, и б) собственныя земли коломенскихъ гражданъ, приносящія доходъ отъ хлѣбопашества и огородничества. Въ послѣднемъ случаѣ, ссуда выдается въ видахъ пособія для засѣва полей. Ссуды подъ залогъ

движимаго имущества выдаются только коломенскимъ гражданамъ. Въ залогъ принимаются золотыя, платинныя, серебряныя, жемчужныя и другія драгоцѣнныя вещи, неподверженныя порчѣ; пріемъ мѣдныхъ и оловянныхъ вещей дозволяется только отъ бѣднѣйшихъ граждавъ въ незначительномъ количествѣ; прочіе же металлы, а равно мягкая рухлядь, къ залогу не допускаются. — Общественная богадельня назначается для призрѣнія людей бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, не имѣющихъ средствъ къ снисканію пропитанія собственными трудами, преимущественно изъ мѣстныхъ граждавъ. Въ богадельню поступаютъ преимущественно мѣстные граждане города Коломны обоего пола, равнымъ образомъ и тѣ изъ сихъ граждавъ, которые, находясь въ военной службѣ, по возвращеніи, послѣ отставки, на родину, не могутъ, по старости лѣтъ и увѣчьямъ, найдти для себя спокойнаго пріюта и пропитанія.

— Положено: 1) Общія постановленія, изложенныя тома XIV Св. Уст. о Паспор. и Бѣгл. въ ст. 664 — 671 о пожилыхъ и заработныхъ деньгахъ, взыскиваемыхъ за передержательство бѣглыхъ въ пользу ихъ владѣльцевъ, распространить во всей силѣ и на Закавказскій-Край; 2) симъ законамъ имѣть свое дѣйствіе только на будущее время, не распространяя ихъ на прежніе случаи; 3) для добровольнаго возвращенія владѣльцами нынѣ ими передерживаемыхъ крестьянъ къ настоящимъ ихъ помѣщикамъ, назначить годовый срокъ, и ни въ какомъ случаѣ за такое передержательство не взыскивать штрафа, ни въ пользу помѣщиковъ, ни даже въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, и 4) за тѣмъ ст. 694 т. XIV Св. Уст. о Пасп. и Бѣгл. о взысканіи съ передержателей штрафа въ пользу приказа отмѣнить. (Выс. пов. 18 апр.)

— Повелѣно: тѣмъ изъ отпущенныхъ на волю въ Закавказскомъ-Краѣ крѣпостныхъ людей, которые въ теченія одного года послѣ полученія свободы сами изберутъ родъ жизни и будутъ просить о причисленіи къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, давать двухъ-лѣтнюю отъ платежа податей и повинностей льготу, считая оную со втораго года по освобожденіи изъ крѣпостной зависимости; но если правительство само должно будетъ распорядиться, по прошествіи года, причисленіемъ отпускныхъ на волю крестьянъ, то такихъ, не давая имъ уже никакой льготы, облагать податьми соразмѣрно окладу, платимому тѣми обществами казенныхъ крестьянъ, къ которымъ они будутъ причислены.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Канцлеръ россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ входилъ съ докладомъ о томъ, что на основаніи правилъ о пенсіяхъ по Кабинету Его Императорскаго Величества и удѣльному вѣдомству, изложенныхъ въ III т. Св. Зак. Гр. въ ст. 331 и 332, чиновники сихъ вѣдомствъ, желающіе воспользоваться пенсіями, онымъ присвоенными, обязаны прослужить въ означенныхъ вѣдомствахъ не менѣе пяти лѣтъ; но въ отношеніи Капитула Орденовъ, на который статьею 291 того же тома

Св. Зак. распространены правила о пенсіяхъ для придворныхъ чиновниковъ, о семъ ограниченіи не упомянуто. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе чиновники переходятъ изъ другихъ вѣдомствъ на службу въ Капитулъ единственно для полученія пенсій возвышенныхъ окладовъ, и потомъ черезъ короткое время оставляютъ службу, воспользовавшись пенсіями, присвоенными чиновникамъ придворнаго вѣдомства. Для отвращенія такого неблаговиднаго достиженія высшихъ пенсіоновъ, опредѣленныхъ чиновникамъ за службу въ тѣхъ самыхъ вѣдомствахъ, въ которыхъ оные установлены, канцлеръ полагалъ распространить и на Капитулъ Орденовъ правило, постановленное по сему предмету для Императорскаго Кабинета и удѣльнаго вѣдомства, состоящее въ томъ, что чиновники Капитула Орденовъ въ такомъ только случаѣ могутъ пріобрѣсть право на полученіе пенсій, опредѣленныхъ по придворному вѣдомству, если прослужатъ въ Капитулѣ не менѣе пяти лѣтъ; въ противномъ же случаѣ назначать имъ пенсіи въ томъ размѣрѣ, какой присвоенъ тѣмъ вѣдомствамъ, изъ которыхъ перешли они на службу въ Капитулъ. На семъ докладѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Справедливо; но Я нахожу, что и «пяти лѣтъ во всѣхъ сихъ вѣдомствахъ *мало*, чтобъ дать столь значи«тельное преимущество, а полагалъ бы впредь срокъ сей установить «десятилѣтній». (12 марта 1847 года).

— Относительно возникшихъ по военному вѣдомству вопросовъ о награжденіи орденомъ св. Анны 3-й степени на основаніи статута, повелѣно: 1) срокъ 12-ти лѣтней безпорочной выслуги въ одной и той же должности не ниже восьмаго класса, считать со дня изданія новаго статута ордена св. Анны, т. е. съ 22 іюля 1845 года. 2) Какъ чиновникъ, прослужившій безпорочно въ одной и той же должности не ниже восьмаго класса 12 лѣтъ сряду, по штату имѣетъ право на полученіе ордена св. Анны 3 ст., слѣдовательно, и чиновники медицинскаго вѣдомства, поступающіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній прямо въ должность не ниже восьмаго класса и дѣйствительно безпорочно прослужившіе въ ней безъ перемѣщенія 12 лѣтъ сряду, имѣютъ право на награду симъ орденомъ. 3) Время, проведенное чиновникомъ въ исправленіи должности, не считать правомъ къ полученію ордена св. Анны 3 ст., если при утвержденіи его въ сей должности не было сказано, чтобъ нахожденіе въ ней считать со времени назначенія его къ исправленію той должности. 4) Командировку чиновника по должности считать дѣйствительною службою. 5) Служеніе чиновника въ-теченіе 12-ти лѣтъ сряду не въ одной и той же должности, а въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ, хотя бы и не ниже восьмаго класса, не даетъ ему права на награду орденомъ св. Анны 3-й ст. 6) Чиновники, имѣющіе право на награду орденомъ св. Анны 3-й ст. за выслуги, въ статутѣ означенныя, могутъ быть представляемы къ сему ордену, еслибъ и не имѣли еще знака отличія безпорочной службы. 7) Законъ о наградѣ орденомъ св. Анны за прослуженіе 12-ти лѣтъ сряду въ одномъ мѣстѣ и въ одной должности не ниже восьмаго класса, распространяется на всѣ подобныя должности, занимаемыя какъ военными, такъ и

гражданскими чиновниками, если онѣ помѣщены въ росписаніе должностей гражданской службы по классамъ (приложеніе къ 355 ст. III т. Св. Зак. изд. 1842 г.); на военныя же штаб-офицерскія должности, непомѣщенныя въ семъ росписаніи, сіе правило распространяться не можетъ; и 8) къ наградѣ орденомъ св. Анны могутъ быть представляемы лица, непрослужившія опредѣленныхъ лѣтъ послѣ полученной денежной или какой-либо другой награды, если награда сія не была имъ дана за то же самое отличіе, за которое они представляются къ ордену по статуту. (Высоч. повел. 1 апрѣля.)

— Постановлено, что чиновники не изъ дворянъ, увольняемые въ отставку, по просьбамъ ихъ, прежде достиженія ими по службѣ потомственнаго дворянства, награждаются слѣдующими чинами до статскаго совѣтника включительно, но въ такомъ только случаѣ, когда они выслужили уже сполна законныя лѣта для производства въ сіи чины, по званію и разряду каждаго опредѣленныя. (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 7 апрѣля.)

IV. Законы гражданскіе.

— Постановленіе 3-го сентября 1846 года о силѣ простыхъ долговыхъ росписокъ въ Закавказскомъ-Краѣ дополнено слѣдующимъ правиломъ: простыя росписки прежняго времени, совершенныя до означеннаго постановленія, безъ соблюденія установленныхъ въ немъ правилъ, принимать ко взъисканію, если только заимодавецъ представитъ по-крайней-мѣрѣ трехъ свидѣтелей, равныхъ должнику, которые подъ присягою покажутъ, что росписка дѣйствительно дана и заемъ по ней произведенъ. Если же на такой роспискѣ, кромѣ подписи должника, окажется подпись также не менѣе трехъ свидѣтелей, и они, въ случаѣ требованія должника, письменно подтвердятъ дѣйствительность займа и своей подписи, то, необращаясь уже къ требованію постороннихъ присяжныхъ свидѣтелей, принимать и эти росписки наравнѣ съ законно-совершенными. Изъ денегъ за гербовую бумагу и явку у крѣпостныхъ дѣлъ, которыя на основаніи пункта 2 постановленія 2 сентября 1846 года, должны быть вдвойнѣ взъисканы съ заимодавца и должника, одну половину обращать въ казну, а другую въ пользу приказа общественнаго призрѣнія. (Ук. Прав. Сен. 6 мая.)

— Предоставленное ст. 29 т. X. св. Зак. Гражд. Бухарцамъ право брать съ собою въ отечество женъ своихъ мухаммеданскаго закона, если согласны будутъ отцы и матери послѣднихъ, распространено на турецкихъ и персидскихъ подданныхъ изъ мухаммеданъ въ отношеніи къ Закавказскому-Краю; но если женившіеся на мухамиеданкахъ заграничные мухаммедане, при обратномъ выѣздѣ въ отечество, пожелаютъ оставить свои семейства въ Россіи, то обязаны, по примѣру ст. 91-й того же тома, давать подписки о возвращеніи къ женамъ въ опредѣленный этою послѣднею статьею срокъ и обезпечивать ихъ содержаніемъ. (Выс. повел. 21 апрѣля.)

— Постановлено, что опеки надъ малолѣтными дѣтьми и имѣніями боярнашей подлежать вѣдомству городовыхъ сиротскихъ судовъ на общемъ основаніи и что попеченіе о малолѣтныхъ сиротахъ и имѣніяхъ мазыловъ и рупташей возлагается на капитана мазыловъ, который въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ по правиламъ, вообще для сельскихъ старшинъ предписаннымъ, подъ наблюденіемъ волостныхъ правленій, гдѣ они существуютъ, или учреждены будутъ. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 10 марта.)

— Постановлено: 1) что изложенное въ примѣчаніи 2-мъ къ статьѣ 1059 Законовъ о Состояніяхъ (Св. Зак. т. IX, продолженіе IV) дозволеніе изъ состоящихъ въ залогѣ государственныхъ кредитныхъ установленій имѣній, отпускать дворовыхъ людей, числящихся таковыми по послѣдней ревизіи, на волю до десяти на каждыя сто душъ, безъ взноса выкупныхъ денегъ и безъ испрошенія предварительно согласія означенныхъ установленій, относится въ той же соразмѣрности и къ тѣмъ изъ заложенныхъ имѣній, въ которыхъ менѣе ста душъ, включительно до десяти, т. е. такъ, чтобъ число увольняемыхъ не превышало одной души мужескаго пола на каждыя десять заложенныхъ душъ, и 2) что дворовые люди свыше сего числа, хотя бы они рождены были послѣ ревизіи и принадлежали къ семьѣ увольняемаго, могутъ быть отпускаемы на волю не иначе, какъ съ дозволенія кредитныхъ установленій и со взносомъ выкупныхъ за нихъ денегъ. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 7 апрѣля.)

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАЙ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Высочайше утвержденъ проектъ о преобразованіи Либавскаго Уѣзднаго Училища, которое преобразовывается въ четырех-классное и принимаетъ названіе высшаго уѣзднаго училища. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобъ дѣти жителей города Либавы, если пожелаютъ посвятить себя службѣ или разнымъ отраслямъ промышлености, могли пріобрѣтать нужныя для будущаго ихъ назначенія пособія, а тѣ, которые изберутъ ученое званіе, могли приготовиться къ поступленію въ высшій классъ гимназіи и даже прямо въ университетъ.

— Штатному смотрителю и учителямъ Уральскаго Войсковаго Училища предоставлены, по утвержденію въ чинахъ и производству, тѣ же права, которыя предоставлены симъ лицамъ въ уѣздныхъ училищахъ.

— Правило объ утвержденіи учителей наукъ въ уѣздныхъ училищахъ въ чинѣ 12-го класса, по выслугѣ ими въ сихъ должностяхъ четырехъ лѣтъ, распространено на лица мухаммеданскаго закона, преподающихъ восточные языки въ закавказскихъ уѣздныхъ училищахъ.

— Высочайше утверждены положенія о преобразованіи Лѣснаго и Межеваго Института и Корпуса Межевщиковъ.

— Обнародованъ Высочайше утвержденный уставъ Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Представляемъ изъ сего Устава краткое извлеченіе. Это общество, распространяя вліяніе свое на губерніи Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую, имѣетъ цѣлію развивать въ нихъ и совершенствовать, по мѣрѣ возможности, всѣ свойственныя имъ отрасли сельскаго хозяйства и сельской промышлености. Для достиженія этой цѣли, общество имѣетъ свои засѣданія въ городѣ Лебедяни (Тамбовской-Губерніи), во время бывающей тамъ покровской ярмарки, и чрезъ сближеніе хозяевъ, съѣзжающихся на ярмарку, старается приглашать ихъ къ взаимному обсужденію главнѣйшихъ хозяйственныхъ вопросовъ и къ постоянному размѣну наблюденій и опытовъ. Общество имѣетъ членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Въ дѣйствительные члены избираются преимущественно жители пяти поименованныхъ выше губерній, извѣстные своими свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ и промышлености, и чаще другихъ посѣщающіе лебедянскія ярмарки. Каждый дѣйствительный членъ, вносить ежегодно по 10 р. сер. и, единовременно, при вступленіи, произвольную сумму. Въ почетные члены избираются лица, извѣстныя своими особенными познаніями, трудами и любовію къ сельскому хозяйству. Въ члены-корреспонденты могутъ быть избираемы какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, живущіе въ Россіи и внѣ ея предѣлахъ. Общество пользуется особымъ покровительствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и находится въ сношеніи съ Ученымъ Комитетомъ министерства и экономическими обществами, какъ въ

Россіи, такъ и за границею. Оно заботится о собираніи самыхъ подробныхъ свѣдѣній: 1) о земледѣліи, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ, садоводствѣ и другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства; 2) о сдѣланныхъ уже частныхъ опытахъ къ усовершенствованію отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства и о послѣдствіяхъ ихъ; 3) о сбытѣ произведеній того края, въ которомъ общество дѣйствуетъ, и 4) общество производитъ чрезъ членовъ своихъ разныя наблюденія, необходимыя для сельскаго хозяйства, какъ-то: метеорологическія и другія, и собираетъ сколько возможно полныя свѣдѣнія по части сельско-хозяйственной статистики. Основываясь на собранныхъ такимъ образомъ данныхъ и вникая въ мѣстные способы края, общество изъискиваетъ средства къ распространенію оправданныхъ опытомъ улучшеній, относящихся къ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, преимущественно же къ тѣмъ, которыя особенно-свойственны краю. Общество имѣетъ свою печать, съ изображеніемъ двухъ сноповъ, связанныхъ дубовою вѣткою, и трехъ пчелъ, съ надписью: «Лебедянское Общество Сельскаго Хозяйства».

— Выдана привилегія французскому подданному Францу Рутте на изобрѣтенный имъ аппаратъ для чески шерсти, употребляемой на камвольную пряжу. Изобрѣтатель изъяснилъ, что всѣ попытки фабрикантовъ въ Россіи приготовлять камвольную пряжу оставались безуспѣшными отъ-того, что машины для того выписывались устроенныя по англійской системѣ, приспособленной для чески длинноволосой англійской шерсти, и потому онѣ оказывались неудобными для прочеса русской короткой шерсти; его же аппаратъ приспособленъ для русской шерсти.

Благотворительность.—Высочайше разрѣшено учрежденіе въ Санктпетербургѣ лечебнаго заведенія для чиновниковъ и вообще для лицъ средняго состоянія, на первый разъ, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ по минованіи сего срока представлено было о послѣдствіяхъ. Правила этого заведенія слѣдующія:

1) Заведеніе это учреждается съ цѣлію доставить врачебное пособіе въ болѣзняхъ лицамъ благороднаго званія обоего пола, неимѣющимъ возможности пользоваться въ домахъ своихъ.

2) Заведеніе состоитъ подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, и по примѣру другихъ подобныхъ учрежденій находится подъ вліяніемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

3) Ближайшій надзоръ за порядкомъ управленія и содержанія заведенія возлагается на попечителя, который назначается покровителемъ, съ Высочайшаго утвержденія.

4) Управленіе хозяйственною и медицинскою частію ввѣряется главному доктору, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть директоръ заведенія. Онъ опредѣляется и увольняется на общемъ основаніи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

5) Опредѣленіе ординаторовъ и служащихъ при заведеніи чиновниковъ предоставляется попечителю также на общемъ основаніи. Всѣ они, а равно и главный докторъ, считаясь въ государственной службѣ,

пользуются изъ суммъ заведенія жалованьемъ и вообще правами, опредѣленными въ штатѣ заведенія. Пенсіи имъ назначаются не иначе, какъ изъ собственныхъ средствъ заведенія.

6) Одинъ изъ состоящихъ при заведеніи врачей назначается помощникомъ главнаго доктора, съ утвержденія попечителя, согласно 5-й статьи сихъ правилъ.

7) Кромѣ назначаемыхъ по штату заведенія медиковъ, состоятъ при немъ три консультанта изъ извѣстныхъ медиковъ, которыхъ приглашаетъ главный докторъ для совѣтовъ въ трудныхъ случаяхъ. Равнымъ образомъ при заведеніи находится зубной врачъ, который пользуется, на общемъ основаніи, правами службы, но жалованья не получаетъ.

8) Въ заведеніе принимаются: дворяне, служащіе и отставные чиновники, почетные граждане, негоціанты, художники и иностранцы этихъ же сословій.

9) На первый разъ заведеніе открывается на 50 кроватей; въ послѣдствіи же полагается распространить его на 250 кроватей.

10) Заведеніе содержится на счетъ платы, получаемой съ призрѣваемыхъ въ немъ, и раздѣляется на два отдѣленія: мужское и женское.

11) За пользованіе больнаго въ особой комнатѣ платится 30 р. сер. въ мѣсяцъ; въ комнатахъ, гдѣ двѣ кровати, по 18 р. с., отъ трехъ до четырехъ кроватей по 15 р. въ мѣсяцъ.

12) Означенная въ ст. 10 плата взимается, при поступленіи больнаго въ заведеніе, впередъ за мѣсяцъ и не возвращается, хотя бы больной выбылъ прежде этого срока. Но если онъ останется въ заведеніи на другой мѣсяцъ, тогда плата разсчитывается, сообразно 1386 ст. Св. Учр. и Уст. о Общ. Призр. т. XIII (изд. 1842 года).

13) Служащіе въ Санктпетербургѣ чиновники вообще, могутъ, по ихъ желанію, постоянно отдѣлять изъ жалованья каждый по 15 к. сер. въ мѣсяцъ, для пріобрѣтенія чрезъ то права на безмездное, во все время ихъ служенія, пользованіе отъ болѣзней въ лечебномъ заведеніи, какъ собственно себя, такъ и семействъ своихъ.

14) Удѣляемыя чиновниками изъ жалованья деньги отсылаются въ заведеніе, по третямъ года, тѣми начальствами, гдѣ они служатъ; если же опредѣленный въ ст. 13 сборъ не состоится, или будетъ производимъ не со всѣхъ чиновниковъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ служатъ, то министерствамъ и другимъ правительственнымъ мѣстамъ предоставляется, по ихъ усмотрѣнію, помѣщать въ заведеніе неучаствующихъ въ сказанномъ сборѣ чиновниковъ ихъ вѣдомства, съ производствомъ, изъ своихъ суммъ, за призрѣніе каждаго больнаго по 15 р. сер. въ мѣсяцъ, или содержать въ заведеніи, для пользованія больныхъ чиновниковъ, постоянно нѣсколько кроватей. Въ послѣднемъ случаѣ, вообще правительственныя мѣста платятъ заведенію за каждую кровать по 150 руб. сер. въ годъ.

15) Равнымъ образомъ благотворительныя общества и частныя лица могутъ содержать, на свой счетъ, больныхъ въ заведеніи, на томъ же самомъ основаніи, какъ и правительственныя мѣста.

16) Въ отношеніи управленія заведеніемъ, а равно пріема, содержанія и выпуска больныхъ и погребенія умершихъ, соблюдаются правила, постановленныя вообще для лечебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, кромѣ одѣянія, которое лицамъ, призрѣваемымъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, дозволяется имѣть собственное.

17) Заведеніе имѣетъ смотрителя (онъ же экономъ) и другихъ положенныхъ по штату должностныхъ лицъ, которые подчиняются директору и въ отправленіи своихъ обязанностей руководствуются общими правилами, предписанными для подобныхъ должностей.

18) Попечитель заведенія исправляетъ свою должность безвозмездно; главный же докторъ, ординаторы, смотритель и прочія должностныя лица и прислуга получаютъ опредѣленное въ штатѣ содержаніе отъ самаго заведенія.

19) Вся переписка по заведенію производится на простой бумагѣ.

20) Главный докторъ обязанъ представлять ежемѣсячно въ Санктпетербургскій Физикатъ вѣдомость о числѣ и родѣ пользуемыхъ въ заведеніи больныхъ, а по истеченіи года попечитель подноситъ Его Императорскому Высочеству Принцу Ольденбургскому отчетъ о дѣйствіяхъ заведенія. Одинъ экземпляръ этого отчета доставляется, также попечителемъ, министру внутреннихъ дѣлъ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ.

Статья первая.

—

При всеобщемъ стремленіи нашего вѣка къ усовершенствованіямъ, земледѣліе, равно какъ и всѣ другія науки, сдѣлало въ последнее время большіе успѣхи. Основанное на однихъ прадѣдовскихъ обычаяхъ, оно было доселѣ исключительнымъ занятіемъ бѣдныхъ земледѣльцевъ, которые, при ихъ невѣжествѣ и незнаніи, не могли обратить должнаго вниманія на усовершенствованіе этой главнѣйшей отрасли народной промышлености. Съ увеличеніемъ народонаселенія, недостатокъ жизненныхъ потребностей сдѣлался ощутительнѣе; эта крайность понудила многихъ ученыхъ людей посвятить себя изученію важнѣйшаго изъ всѣхъ предметовъ — земледѣлія. Не далѣе какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Германцы, Англичане, а вслѣдъ за ними и Французы, создали науку о земледѣліи. Основываясь на мѣстныхъ данностяхъ, каждый изъ нихъ примѣнялъ теорію науки къ родной

почвѣ, къ родному климату и къ потребностямъ своего края. Теорія земледѣлія осталась общею для всѣхъ націй; но практическіе выводы были различны, какъ различны почва, климатъ и потребности земель и народовъ. Перенимая все отъ иностранцевъ, наши русскіе хозяева бросились изучать вновь созданную науку; теоретическія правила они сочли непремѣннымъ ея закономъ, и, не обращая вниманія на различіе данностей, ограничились однимъ подражаніемъ иностранному. Кому не извѣстны первыя попытки и неудачи нашихъ хозяевъ-агрономовъ? Безусловное подражаніе иностранцамъ ввело многихъ русскихъ хозяевъ въ раззорительныя заблужденія, а другихъ, менѣе рѣшительныхъ и предпріимчивыхъ, устранило отъ всякихъ улучшеній. Образовавшіеся въ-послѣдствіи времени русскіе любители сельскаго хозяйства занялись, большею частію въ своихъ кабинетахъ, примѣненіемъ правилъ науки къ *общимъ* данностямъ нашего края. Создавъ мнимую русскую систему земледѣлія, они не обратили должнаго вниманія на обширность нашего огромнаго государства, столь разнообразнаго въ почвѣ, климатѣ и въ житейскихъ потребностяхъ. Какъ въ каждой практической наукѣ, такъ и въ земледѣліи, не всѣ правила останутся неизмѣнными при измѣненіи мѣстныхъ данностей и обстоятельствъ. И дѣйствительно, то, что̀ полезно на сѣверѣ, можетъ быть вредно на югѣ; то, что́ выгодно на востокѣ, неудобно на западѣ. Истины эти не новы; ихъ знаетъ каждый, но не каждый вспоминаетъ о нихъ, принимаясь за дѣло. Не опровергая заслугъ и достоинствъ нашихъ любителей земледѣлія, по долгу совѣсти должно здѣсь замѣтить, что ихъ совѣты принесли въ иныхъ мѣстахъ немного пользы, а въ другихъ причинили большой вредъ. Съ достовѣрностью сказать можно, что до-сихъ-поръ еще не создана полная система русскаго земледѣлія. Слѣпое подражаніе иностраннымъ изобрѣтеніямъ и нововведеніямъ по части сельскаго хозяйства не можетъ насъ довести до желаемаго успѣха, до котораго достигли другіе образованные, трудолюбивые и промышленые народы. Мы понимаемъ земледѣліе какъ ремесло, доставляющее намъ незначительныя выгоды и питающее огромную семью нашихъ крестьянъ. Многіе помѣщики наши считаютъ его занятіемъ вспомогательнымъ, второстепеннымъ, и оставляя большую часть своихъ обширныхъ земель необработанными, предпочитаютъ ему фабричную промышленость. Они должны постигнуть, что отъ благосостоянія земледѣльца зависитъ успѣхъ торговли, богатѣетъ промышленость и увеличивается богатство цѣлаго народа! Богатый земледѣлецъ удѣляетъ часть своего избытка воину, даетъ средства процвѣтать торговлѣ и питаетъ фабричную промышленость. Земледѣліе есть зародышъ народнаго богатства; отъ него зависитъ жизненность всѣхъ прочихъ отраслей государственнаго благосостоянія.

Не таковъ былъ ходъ сельскаго хозяйства въ другихъ европейскихъ государствахъ. Когда дошли они до состоянія, подобнаго

нашему, необходимость заставила ихъ размышлять; размышленіе повело къ соображеніямъ и переобразованіямъ, которыя возвели и поставили тамъ земледѣліе на ту степень совершенства и важности, на которой оно теперь находится.

Разнообразность произведеній установила тамъ положительныя цѣны, и такимъ-образомъ водворилось довольство въ хижинѣ пахаря.

Напрасно владѣльцы стараются вознаградить оскудѣніе земли обширными посѣвами. Плохая обработка при совершенномъ недостаткѣ навоза уничтожаетъ всю плодородную силу земли. Только въ благопріятные годы въ южной полосѣ Россіи достигаютъ желаемаго большаго количества хлѣба, который, при всеобщемъ производствѣ, понижается въ цѣнѣ до невѣроятности, между-тѣмъ, какъ цѣнность земель возрастаетъ съ быстро-увеличивающимся народонаселеніемъ. Огромное количество нашихъ сельскихъ произведеній, сбираемыхъ съ обширныхъ пространствъ, ни чуть не обогащаетъ хозяевъ, если еще они въ состояніи сбывать произведенія за цѣны, вознаграждающія издержки производства. Грѣхъ желать ближнему зла, но въ такомъ случаѣ невольно пожелаешь неурожая сосѣдамъ, какъ единственнаго средства увеличить свой собственный доходъ. Смотря на наши гумна, часто заваленныя хлѣбомъ, мы ошибочно думаемъ, что наше сельское хозяйство цвѣтетъ. Тощая почва только тогда удовлетворяетъ труды земледѣльца, при всѣхъ его умѣренныхъ желаніяхъ, когда ей все благопріятствуетъ; малѣйшее неблагопріятное обстоятельство, на-примѣръ, перемѣна погоды, влечетъ за собой ужасныя послѣдствія. Хлѣба по временамъ бываетъ дѣйствительно много, но это изобиліе доводитъ иногда до крайности. Въ южныхъ губерніяхъ, на плодородномъ черноземѣ, малоцѣнность главнѣйшихъ произведеній доходитъ до того, что крестьянинъ, владѣющій шестью десятинами хорошей земли, въ изобильный годъ съ трудомъ уплачиваетъ ничтожную въ сравненіи съ другими государствами подать, питаясь самъ самою скудною пищею.

Не станемъ доказывать превосходства нашего хозяйства большимъ количествомъ сѣна, снимаемаго съ обширныхъ, но скудныхъ луговъ. Луга эти бо́льшею частію покрыты кочками и мхомъ, и проросли до того корнями, что густо-выростающія былинки травъ заглушаютъ одна другую. Удѣляя на улучшеніе луговъ четвертую часть того времени, которое употребляется на покосъ обширныхъ нашихъ равнинъ, мы сдѣлаемъ ихъ вдвое обильнѣе.

Какого рода ни было бы хозяйство, оно необходимо должно быть устроено такъ, чтобъ утрачиваемая отъ жатвъ сила земли въ избыткѣ вознаграждалась удобреніемъ. Хозяйство, соотвѣтствующее этому требованію, можно назвать хорошимъ; неисполняющее же этихъ условій есть дурное хозяйство.

Единственное удобреніе, доступное для пахаря, есть пометъ скота или перегной растительнаго царства. Для этого необходимо держать соразмѣрно пространству удабриваемыхъ полей и луговъ соотвѣтственное число скота, устроивая хозяйство такъ, чтобъ оно безъ ущерба для производства растеній, составляющихъ цѣль хозяйства, доставляло достаточное количество корма, какъ для лѣтняго, такъ и для зимняго содержанія скота.

При первомъ взглядѣ на наше обыкновенное зерновое хозяйство, каждый, даже малоопытный хозяинъ не можетъ не видѣть его кореннаго недостатка, состоящаго въ единообразіи произведеній и несоразмѣрно маломъ количествѣ скота. Десятка два коровъ, сотня овецъ и нѣсколько свиней, вотъ все, чтó содержится на запашкѣ отъ 300 до 400 десятинъ, а часто и того нѣтъ. Этотъ скотъ обыкновенно содержатъ въ холодныхъ строеніяхъ и кормятъ его высушенною на овинѣ соломою, съ незначительною прибавкою сѣна. Поэтому, вовсе неудивительно, что отъ пичтожнаго скота, содержимаго на тощемъ овинномъ кормѣ, въ холодѣ, навоза такъ мало, что его едва достаетъ на удобреніе близкаго конопляннике и огорода; остальныя же поля, такъ-называемыя запольныя, никогда и не видятъ навоза; отъ-того и урожай на нихъ едва вознаграждаетъ труды обработки. Какъ-бы ни была плодородна почва, но давъ въ-теченіе десяти лѣтъ семь жатвъ зерноваго хлѣба, она истощается обыкновенно до того, что обращается въ запольную землю, а кому скудность послѣдней не извѣстна? Не обширность, но качество земель, зависящее отъ обработки, и цѣнность произведеній опредѣляютъ степень совершеннаго хозяйства. Цѣль занятій нашего земледѣльца составляетъ одно производство хлѣбныхъ растеній.

Бросивъ здѣсь этотъ легкій взглядъ на главнѣйшіе, общіе недостатки нашего сельскаго хозяйства, приступимъ теперь къ подробному земледѣльческому обзору разныхъ странъ нашего отечества.

Россія, въ земледѣльческомъ отношеніи, по своему огромному пространству, представляетъ такое разнообразіе климата, почвы народныхъ обычаевъ и средствъ сбыта произведеній, что кажда мѣстность по своимъ данностямъ требуетъ особой системы земледѣлія.

Для большей ясности, при изложеніи нашего мнѣнія о настоящемъ состояніи земледѣлія въ Россіи, раздѣлимъ ее на семь частей, а именно: I. Сѣверо-западъ; II. Сѣверо-востокъ; III. Юго-западъ; IV. Юго-востокъ; V. Средняя полоса Россіи; кромѣ того послѣднюю изъ этихъ полосъ раздѣлимъ еще на три части: a) восточная, b) средняя и c) западная.

=

Статья вторая.

I. *Сѣверо-западная полоса Россіи*, по своему географическому положенію, совершенно лишена плодороднаго чернозема. Тамъ бѣдный земледѣлецъ, на песчаныхъ и глинистыхъ тощихъ равнинахъ и косогорахъ, борется съ климатомъ и почвою, и за всѣ труды едва достаетъ насущный хлѣбъ: для покрытія же прочихъ домашнихъ потребностей и податей, онъ отправляется на работу въ столицу и большіе города, или промышляетъ отчасти рыбною ловлею, отчасти ничтожнымъ скотоводствомъ.

Сѣверо-западная полоса Россіи заключаетъ въ себѣ: 1) Финляндію, за исключеніемъ Улеаборгской-Губерніи, которая должна быть причислена къ полярной части Россіи; 2) Олонецкую-Губернію; 3) Новгородскую-Губернію; 4) Сѣверную часть Тверской-Губерніи до города Вышняго-Волочка; Сѣверную часть Псковской до города Пскова и уголъ Ярославской до города Мышкина; 5) Петербургскую-Губернію и 6) Эстляндію, съ сѣверною частью Лифляндіи до города Валкъ.

1) *Финляндія*, большая часть которой состоитъ изъ дикихъ скалъ, озеръ и болотъ, имѣетъ много обширныхъ сухихъ пространствъ и возвышенностей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ встрѣчается даже земля, удобная для сѣнокосовъ и посѣва хлѣба, но есть и такія мѣста, надъ которыми земледѣлецъ принужденъ трудиться много и долго, чтобъ посѣять на нихъ свои сѣмена. Берега Финскаго-Залива покрыты голыми утесами, на которыхъ изрѣдка растетъ ель, сосна и береза. Къ сѣверо-западу отъ Гельсингфорса и Або, скалы эти понижаются и представляютъ болѣе отлогую поверхность. Нѣкоторыя изъ нихъ до того заросли лѣсомъ и мхомъ, что кажутся земляными горами. Ближе къ Санктпетербургу, вмѣсто гранитныхъ скалъ мы видимъ мелкій булыжникъ, который даетъ намъ самое слабое понятіе о финляндской природѣ.

Климатъ Финляндіи чрезвычайно разнообразенъ. Разнообразіе его происходитъ отъ-того, что Финляндія не вездѣ закрыта скалами и лѣсами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Вообще климатъ южнаго берега Финляндіи болѣе умѣренный, потому-что онъ болѣе защищенъ отъ сѣвера скалами и лѣсами, и тамъ произрастаютъ растенія, которыхъ невозможно развести на сѣверѣ Россіи.

Почва Финляндіи вообще песчаная, въ сѣверной части съ примѣсью ничтожнаго количества чернозема, въ западной съ примѣсью глины, а въ восточной съ примѣсью хряща. Только Вазаскую, Куопіоскую и Тавастгусскую Губерніи можно считать способными для произрастенія хлѣба. Подъ почвою черноземнаго и болотистаго грунта, на низменностяхъ всегда лежитъ глина, а на возвышенностяхъ, если подъ растительнымъ слоемъ нѣтъ гранита, обыкновенно песокъ.

Многія рѣки прорѣзывают Финляндію, но каменистость и неровность ложа дѣлают их неудобными для судоходства. Вся внутренняя судоходная торговля Финляндіи производится на заливах Финском и Ботническом.

Недостаток водяных сообщеній в Финляндіи замѣняется устройством превосходных сухопутных дорог, которыя хотя и не широки, но чрезвычайно прочны и ровны, и не уступают наилучшим шоссе в Европѣ.

Большая часть народонаселенія Финляндіи состоит из Финнов, исповѣдующих лютеранскую вѣру; только высшее сословіе суть Шведы. Народ отличается своим трудолюбіем и крѣпостью сложенія.

Крестьяне почти во всей Финляндіи, в особенности на южном берегу, зажиточны. Зажиточность их обнаруживается не в пищѣ, которая обыкновенно бывает скудная, но в постройках, в одеждѣ и в домашних принадлежностях. Избы и всѣ хозяйственныя службы строят обыкновенно из тесаных бревен и красят снаружи красною краскою (*). Курных изб нигдѣ не встрѣтишь; в каждой избѣ ставятся печи бѣленыя, а у других даже изразцовыя. Чистота внутренности дома необыкновенная; полы всегда усыпаны ельником и песком. Финляндцы одѣваются по образцу нѣмецких крестьян. Одежда их состоит из сюртука, куртки или короткаго кафтана, преимущественно из сукна темно-синяго цвѣта с мѣдными пуговицами. Жилеты красные; при башмаках чулки с короткими брюками. Женщины носят платья нѣмецких крестьянок. Нищих в Финляндіи почти не видно.

В Финляндіи хозяин рѣдко сам обработывает свои поля; и производят эту работу посредством работников и работниц. Годовая плата работнику на хозяйских харчах рѣдко превышает 25 руб. сер., обыкновенная 15 руб. сер. мужчинѣ и 10 руб. сер. женщинѣ. Лѣтняя поденная плата 23 коп. сер., а зимняя 1[illegible] коп. сер. на харчах рабочаго.

Подушный сбор на женатаго 70 коп. сер., на холостаго 40 [illegible] сер. в год.

(*) Краска эта славится своею прочностію, так-что она держится около [illegible] лѣт, не имѣя в своем составѣ масла. Вот способ ея приготовленія:

На каждое ведро воды берется два с половиною фунта желѣзнаго купороса, 16 фунтов красной очищенной фалунской краски и полтора фунта ржаной муки. Сначала разводят в водѣ купорос, потом кладут краску, кипятят вмѣстѣ, и тогда уже подмѣшивают муки, стараясь, чтоб весь состав как можно-лучше соединился. Этой краской покрывают стѣны от одного до двух раз, но надобно непремѣнно, чтоб краска была горячая. Одного ведра краски достаточно для покрытія 350 квадратных аршин. Пуд этой краски обходится 1 руб. 20 коп. сер.

Крѣпостнаго сословія въ Финляндіи нѣтъ. Крестьяне раздѣляются тамъ на торбаровъ и ландбундовъ. Торбарами называются крестьяне, которые занимаютъ малое пространство земли у помѣщика и даютъ ему два рабочихъ дня въ недѣлю. Ландбундены, нанимающіе большое пространство земли, кромѣ двухъ и трехъ рабочихъ дней въ недѣлю, платятъ еще оброкъ разнаго рода хлѣбомъ и прочими земледѣльческими произведеніями.

При первомъ взглядѣ на поля внутреннихъ частей Финляндіи, нельзя не убѣдиться, что земледѣліе здѣсь превосходитъ всѣ крестьянскія хозяйства въ Россіи.

Рачительнымъ воздѣлываніемъ полей Финляндцы стараются побѣдить неплодовитость почвы, и можно сказать, успѣваютъ въ этомъ, потому-что землепашество въ Финляндіи идетъ довольно-успѣшно. Впрочемъ, не во всей Финляндіи земледѣліе находится на одной степени совершенства: есть мѣста, гдѣ оно болѣе чѣмъ несовершенно, но это большею частію зависитъ отъ нерадѣнія хозяина, а не отъ крестьянъ. На тяжело-глинистыхъ почвахъ, мѣстами въ Финляндіи употребляютъ для удобренія костяной порошокъ. Поля обведены широкими канавами, которыя поддерживаются въ необыкновенной чистотѣ. Эти канавы прорѣзаны на разстояніи нѣсколькихъ саженъ продольными узкими канавками, по направленію стока воды.

Осушка болотъ, очищеніе полей отъ множества крупныхъ каменьевъ и превосходная обработка песчаной почвы, имѣющей твердую подпочву, составляютъ основаніе хорошихъ хозяйствъ въ Финляндіи.

Расчистка полей отъ каменьевъ обыкновенно производится посредствомъ ручныхъ машинъ, которыми извлекаютъ каменья и вскапываютъ землю; а каменья складываются женщинами въ большія кучи.

Твердую глинистую почву воздѣлываютъ разнаго рода удобреніями и улучшенными орудіями; отъ лѣса и кустарника очищаютъ для полей болѣе болотистыя мѣста и отчасти и возвышенности. Для этого сперва вырубаютъ лѣсъ, а оставшіеся пни выжигаютъ; зола служитъ удобреніемъ.

Въ однихъ мѣстахъ Финляндіи держатся трех-польнаго, а въ другихъ двух-польнаго хозяйства. Въ двух-польномъ хозяйствѣ одно поле всегда занято рожью, овсомъ и ячменемъ, а другое паромъ, горохомъ и картофелемъ.

Картофель не вездѣ сѣется въ полѣ; небольшая часть озимаго почти всегда занята пшеницею.

При хорошей обработкѣ пшеница очень-хорошо поспѣваетъ въ мѣстахъ, которыя защищены отъ сѣвера, и родится отъ самъ-третей до самъ-пятъ. Рожь отличается чистотою зерна, вѣсомъ и плодовитостью и потому выписывается въ значительномъ количествѣ для посѣва въ Россію. Она родится отъ самъ-восемь до самъ-четырнадцати. Болѣе всего выписывается въ Россію рожь, извѣ-

стная подъ названіемъ вазы, но въ Финляндіи она сѣется только въ Вазаской-Губерніи. Эту рожь, напротивъ того, сѣютъ болѣе на глинистой почвѣ и отдаютъ ей преимущество какъ болѣе тяжеловѣсной.

Ячмень разводится въ большомъ количествѣ и родится хорошо отъ самъ-шестъ до самъ-восемъ.

Овесъ сѣютъ болѣе черный. Говорятъ, что бѣлый овесъ самъ собою перерождается въ черный. Онъ родится отъ самъ-семъ до самъ-восемь.

Кромѣ этихъ хлѣбовъ, въ Финляндіи разводится въ значительномъ количествѣ горохъ, который такъ же какъ и картофель не всегда сѣется въ полѣ. Картофель составляетъ одну изъ главныхъ статей въ хозяйствѣ.

Отъ рачительной обработки земли всѣ эти растенія родятся хорошо, такъ-что крестьянинъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, удѣляетъ часть урожая на продажу.

Ленъ сѣютъ или въ паровомъ или въ яровомъ полѣ. Въ пару сѣютъ его только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посѣвы значительны, и именно при двух-польномъ хозяйствѣ. При трех-польномъ хозяйствѣ его сѣютъ въ яровомъ полѣ.

Конопля разводится почти во всей Финляндіи, но въ весьма-маломъ количествѣ.

Скотоводство, по случаю скудости зимняго и подножнаго корма, не можетъ быть доведено до лучшаго состоянія. Большихъ конскихъ заводовъ въ Финляндіи нѣтъ, но рѣдкій крестьянинъ не держитъ пары лошадей; многіе держатъ даже по 6 и 8 лошадей. Лошади, не смотря на малый ростъ, крѣпки, везутъ большія тяжести, а въ легковой ѣздѣ быстры. Рогатый скотъ разведенъ въ довольно-большомъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Финляндіи крестьяне производятъ свои работы на волахъ, и отъ-того кромѣ коровъ держатъ значительное число воловъ. Коровы хоть и мелки, но даютъ много молока, изъ котораго Финляндцы дѣлаютъ масло и въ большомъ количествѣ возятъ его въ Петербургъ.

На луговодство обращаютъ большое вниманіе. Природные луга вездѣ осушены, но какъ они не даютъ необходимаго для содержанія скота количества травы, то теперь начинаютъ вводить травосѣяніе на болотахъ, превращенныхъ въ сѣнокосы.

Огородничество крестьянъ заключается въ посѣвѣ бобовъ, рѣпы и отчасти капусты для домашняго употребленія.

Лѣса. Изъ числа хвойныхъ породъ, коренное дерево Финляндіи есть сосна, которая покрываетъ вершины прибрежныхъ скалъ и мелкою порослью является въ отдаленномъ сѣверѣ; ель растетъ болѣе на болотистыхъ мѣстахъ. Ива, верба, рябина, береза суть также природныя деревья Финляндіи. Липа, илимъ, кленъ и орѣшникъ растутъ только въ южныхъ частяхъ. Дубъ и ясень очень-рѣдки.

Промыслы. Въ сѣверныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, крестьяне занимаются гонкою смолы и дегтя, для чего устроено много заводовъ. Прибрежные крестьяне промышляютъ рыбною ловлею и подвозомъ лѣсныхъ произведеній, которыя отправляются въ значительномъ количествѣ изъ приморскихъ городовъ Финляндіи въ Санктпетербургъ и за границу, преимущественно въ Швецію.

Дѣятельными и предусмотрительными хозяевами въ Финляндіи устроено много образцовыхъ мызъ, но въ особенности достойна вниманія земледѣльческая школа, учрежденная въ 1840 году Финляндскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства въ Тавастгусской-Губерніи. Цѣль учрежденія этой школы самая благонамѣренная: она состоитъ въ распространеніи улучшеннаго сельскаго хозяйства между крестьянами и въ образованіи сельскихъ старостъ и прикащиковъ.

Всѣ занятія направлены къ изученію чисто-практическаго земледѣлія и связанныхъ съ нимъ отраслей сельскаго хозяйства и домоводства. Теорія преподается только для необходимаго объясненія практическихъ пріемовъ; классное ученіе производится зимою, а лѣто посвящено исключительно практическимъ занятіямъ. Прежде въ школу принимали дѣтей разныхъ сословій, а теперь только крестьянскихъ дѣтей. Число учащихся состоитъ изъ 30 учениковъ и 10 ученицъ. Тѣ и другіе по положенію остаются въ училищѣ годъ, а по желанію могутъ пробыть и болѣе. Пищу получаютъ отъ школы, а одежду имѣютъ свою.

Школою управляетъ директоръ, одинъ изъ членовъ Общества Сельскаго Хозяйства въ настоящее время, г. Гриппенбергъ, бывшій прежде гельсингфорсскимъ губернаторомъ. При немъ главный надзиратель или инспекторъ, который преподаетъ земледѣліе и большую часть техническихъ знаній. Кромѣ того, при школѣ находится нѣсколько наставниковъ, какъ-то: машинистъ, столяръ и другіе мастеровые, для указанія практическихъ пріемовъ по разнымъ отраслямъ сельскихъ ремеслъ. На женской половинѣ есть также главная надзирательница и наставница рукодѣлій. Семейство Шведовъ, поселенное на землѣ, принадлежащей школѣ, обучаетъ разводить и обработывать ленъ улучшенными способами.

Все имѣніе занимаетъ 4,000 экономическихъ десятинъ.

Рабочихъ лошадей при экономіи школы содержится 12, рогатаго скота 60 штукъ. Сверхъ-того, небольшое стадо тонкорунныхъ овецъ для практическаго наставленія воспитанниковъ.

На землѣ, принадлежащей школѣ, поселено 30 семействъ торбаровъ, которые отбываютъ по 2 и по 3 рабочихъ дня въ недѣлю. Есть еще работники, имѣющіе небольшіе участки земли и обязанные четырьмя днями въ недѣлю. Итакъ, для обработки полей и содержанія всего хозяйства, экономическія школы имѣютъ 54 дня торбарскихъ, 40 отъ поселенныхъ работниковъ и 60 отъ воспитанниковъ, всего 154 дня въ недѣлю.

Земли пашутся волами, которыхъ имѣется 8 паръ, всегда готовыхъ къ упряжкѣ.

Въ имѣніи школы сѣютъ: рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и картофель.

Рожь ваза въ Мустіалѣ не сѣется по скорому ея вырожденію, а употребляется на сѣмена своя отборная рожь.

Луга въ имѣніи школы содержатся въ большомъ порядкѣ и осушены канавками; также въ имѣніи осушено довольно большое болото, на которомъ для задержанія воды, въ случаѣ необходимости орошенія, устроены два шлюза. Всѣ эти работы произведены средствами школы безъ всякаго посторонняго пособія.

Скотоводство школы, доводится до совершенства. Стада коровъ состоятъ изъ туземной породы, но своей величиною онѣ столько превосходятъ обыкновенныхъ финляндскихъ коровъ, что ихъ нельзя не принять за отродье тирольскаго племени.

Всѣ устройства въ имѣніи Финляндской Школы Земледѣлія, при ея ограниченныхъ средствахъ и недавности существованія, достойны удивленія. Эту школу смѣло можно поставить въ примѣръ всѣмъ земледѣльческимъ училищамъ въ Россіи и должно желать, чтобъ во всѣхъ губерніяхъ были заведены подобныя. Эта страна порядка, умѣренности и честности составляетъ нераздѣльную часть Россійской Имперіи съ 1809 года.

2) *Олонецкая-Губернія.* Общая поверхность Олонецкой-Губерніи заключаетъ въ себѣ 12,916,176 десятинъ.

Изъ этого числа считается:

Пахатной	257,496	десятинъ.
Сѣнокосной	87,996	—
Подъ лѣсами.	10,129,159	—
Подъ озерами, рѣками, болотами и дорогами.	2,408,660	—

Остальное количество земли занято строеніями и выгонами.

По всей Олонецкой-Губерніи расходятся невысокія горы, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Олонецкихъ. Самыя высокія изъ этихъ горъ лежатъ въ сѣверной части губерніи; прочія же части губерніи представляютъ болѣе возвышенныя равнины, покрытыя озерами и болотами. Изъ нѣкоторыхъ озеръ и болотъ берутъ свое начало многія судоходныя рѣки, протекающія Олонецкую-Губернію почти по всѣмъ направленіямъ.

Почва земли въ Олонецкой-Губерніи разнообразна. На сѣверѣ губерніи, почва болѣе каменистая, ближе къ сѣверо-западу почва песчаная, глинистая, болотистая, только мѣстами покрытая тонкимъ слоемъ растительной силы. Вообще можно сказать, что почва Олонецкой-Губерніи *безплодна*; только самыя южныя части губерніи мѣстами имѣютъ почву, удобную для произрастанія хлѣба.

Климатъ Олонецкой-Губерніи вообще суровый, холодный и влажный, по причинѣ ея возвышенности надъ поверхностью моря и отъ множества лѣсовъ и стоячихъ водъ, охлаждающихъ атмосферу.

Народонаселеніе Олонецкой-Губерніи, соображая его съ пространствомъ земли, самое незначительное. Въ 1844 году, считалось тамъ жителей обоего пола 248,799, изъ нихъ мужескаго 119,762 человѣка (*).

Кромѣ Русскихъ, Олонецкую-Губернію населяютъ еще Финны и Корелы.

Бытъ здѣшнихъ крестьянъ не вездѣ одинаковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются крестьяне очень-зажиточные, избы которыхъ просторны и чисты; но въ другихъ мѣстахъ бѣдность и нечистота, происходящія отъ лѣности, поразительны.

Земледѣліе въ Олонецкой-Губерніи въ скудномъ состояніи. Распространенію его препятствуютъ: суровый климатъ, малое народонаселеніе и неплодовитость почвы.

Не смотря на то, что здѣшніе земледѣльцы стараются по возможности удабривать свои поля, урожая хлѣба не достаетъ на ихъ пропитаніе. Этотъ недостатокъ замѣняется покупкою хлѣба изъ другихъ губерній. Только въ уѣздахъ Пудожскомъ и Каргопольскомъ земледѣліе производится довольно успѣшно, такъ-что крестьяне довольствуются своимъ хлѣбомъ и даже небольшую часть хлѣба отправляютъ на продажу въ бѣдные уѣзды.

Всей пахатной земли, по генеральному межеванію, считается 257,496 десятинъ. По общему числу ревизскихъ душъ приходится на каждую по $2^1/_2$ десятины. Разумѣется, что на каждую душу приходится гораздо-болѣе (до $7^1/_2$ десятинъ), потому-что большая часть жителей не занимается земледѣліемъ. Олонецкіе крестьяне не измѣряютъ земель своихъ десятинами, но ведутъ счетъ пахатнымъ землямъ озимымъ посѣвомъ, а луговымъ возами сѣна.

Кромѣ ржи и овса, въ Олонецкой-Губерніи разводятъ:

Ячмень, который сѣется во всѣхъ мѣстахъ успѣшно; только раннiе морозы вредятъ иногда его урожаю.

Рѣпа составляетъ главнѣйшее растеніе во всей губерніи и разводится въ большомъ количествѣ.

Картофель разводятъ съ возможнымъ стараніемъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ.

Ленъ, котораго сѣмена покупаютъ въ Псковской-Губерніи или изъ Риги, сѣется большею частію на мѣстахъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса.

Конопля и *горохъ* сѣются только въ огородахъ и рѣдко на лѣсныхъ распашкахъ и на поляхъ.

Огородничество въ Олонецкой-Губерніи ничтожно. Въ деревняхъ и селеніяхъ разводятъ огороды при домахъ, но никто не продаетъ огородныхъ произведеній, потому-что ихъ часто не достаетъ и на собственное употребленіе хозяина.

(*) Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ считается въ губерніи 213,000 душъ обоего пола, помѣщичьихъ же только 12,300 душъ обоего пола.

Луговодство. Чтобъ увеличить скотоводство, содержаніе котораго необходимо для унавоживанія полей, крестьяне Олонецкой-Губерніи стали обращать вниманіе на обработку новыхъ луговъ. Луга находятся здѣсь на мѣстахъ большею частію низменныхъ, очищенныхъ изъ-подъ лѣса, на берегахъ озеръ и рѣкъ и на долинахъ между горами. Скотъ обыкновенно пасется въ лѣсахъ, богатыхъ питательными травами; на лугахъ же ему не позволяютъ пастись, и мѣста сѣнокосовъ всегда загорожены.

Скотоводства, при суровости здѣшняго климата и недостаткѣ зимняго продовольствія, почти нельзя довести до лучшаго состоянія. Лошади довольно-крупны и славятся своею крѣпостью. Рогатый скотъ вообще во всей губерніи улучшается введеніемъ холмогорскихъ быковъ. Нѣсколько тысячь головъ рогатаго скота ежегодно выгоняется въ Петербургъ на продажу. Тонкорунныхъ овецъ въ губерніи нѣтъ; здѣсь заведены обыкновенныя простыя овцы, называемыя финскими. Свиней держатъ только для домашняго употребленія.

Птицеводствомъ крестьяне почти не занимаются, потому-что содержаніе домашнихъ птицъ стоитъ болѣе, чѣмъ продажа ихъ приноситъ дохода.

Лѣса. Олонецкая-Губернія очень-богата лѣсами. По суровости климата, лѣсъ растетъ здѣсь медленно и преимущественно состоитъ изъ ели, сосны и лиственницы. Кромѣ хвойныхъ породъ, встрѣчаются въ изобиліи береза, осина, ольха, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рябина, ива, липа, черемуха и изрѣдка кленъ.

Промыслы. Общіе промыслы всѣхъ жителей Олонецкой-Губерніи суть: рыбная ловля, которая приноситъ довольно-большія выгоды, птичій промыселъ, звѣроловство и лѣсной промыселъ.

Лѣсной промыселъ состоитъ; а) въ вырубкѣ лѣсовъ; б) въ постройкѣ судовъ; в) въ гонкѣ смолы и дегтя; г) въ жженіи уголья и д) въ продажѣ дровъ. Вообще, лѣсной промыселъ доставляетъ крестьянамъ значительныя выгоды.

3) *Новгородская-Губернія* занимаетъ 10,699,406 десятинъ. Изъ этого числа:

Подъ полями	1,218,840	десятинъ.
— лугами	496,400	—
— лѣсами	3,208,131	—
— болотами	1,626,482	—
— водою	700,796	—

остальное количество земли занято строеніями, кустами и выгонами.

Въ Новгородской-Губерніи простирается плоская возвышенность, усѣянная холмами, болотами и лѣсомъ. Возвышенность эта, называемая Валдайскою, замѣчательна потому, что служитъ началомъ Волги, Двины и всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ озера Ильмень и Чудское.

По изобилію водъ, эта губернія есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ частей Россіи.

Почва земли вообще глинистая и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно на болотахъ, верхній слой земли заключаетъ въ себѣ черноземъ.

Климатъ Новгородской-Губерніи холодный и непостоянный. Отъ весенняго разлитія множества рѣкъ и рѣчекъ, находящихся въ губерніи, и отъ испаренія болотъ, въ воздухѣ распространяется сырость. Лѣтомъ же, когда температура возвышается отъ гніенія болотной воды и растительныхъ веществъ, въ атмосферѣ распространяются вредныя зловонія.

Всѣхъ жителей въ Новгородской-Губерніи считается 887,412 человѣкъ. Изъ нихъ 426,092 мужескаго, и 461,320 женскаго пола (*).

Большая часть народонаселенія Новгородской-Губерніи состоитъ изъ Русскихъ. За ними слѣдуютъ въ небольшомъ количествѣ Финны, еще въ меньшемъ Латыши, Эсты и другіе.

Послѣдніе три народа извѣстны въ губерніи подъ общимъ названіемъ Кореловъ.

Крестьяне, привыкнувъ къ непостоянному и суровому климату своей родины, вообще здоровы. Бытъ ихъ во всей губерніи почти одинаковъ: весною, болѣе смышленые отправляются для заработокъ въ Петербургъ и въ другіе города, а остальные занимаются полевыми и домашними работами.

Избы въ Новгородской-Губерніи по-большой-части курныя, но у Русскихъ вездѣ высокія съ подполицами, въ которыхъ зимою помѣщается мелкій скотъ. У Финновъ избы гораздо-ниже и тѣснѣе, нежели у Русскихъ, и отъ-того еще чернѣе и дымнѣе. Неопрятность жилья Финновъ ужасная: тутъ же подлѣ стола, на которомъ обѣдаетъ хозяинъ, кормятся и домашнія животныя.

Земледѣліе. Не смотря на то, что природа скудно вознаграждаетъ труды при воздѣлываніи полей, земледѣліемъ занимаются почти всѣ жители Новгородской-Губерніи. Неплодородная глинистая почва, плохое скотоводство, а главное непостоянный, суровый климатъ препятствуютъ хорошимъ урожаямъ. Во многихъ мѣстахъ, отдаленность пашенъ отъ жилья не позволяетъ хорошо удобривать поля и при порядочномъ скотоводствѣ, и тѣмъ замедляются успѣхи въ земледѣліи. Кромѣ того, успѣшному всходу препятствуютъ небрежность и несвоевременность посѣва, уборки и обработки полей: весною пашутъ иногда слишкомъ-рано, когда земля еще глыбиста, отъ-чего нѣкоторая часть сѣменъ не можетъ дать сильнаго всхода.

(*) Изъ этого числа, крестьянъ казенныхъ 167,500 душъ обоего пола.

	удѣльныхъ	49,400
	ямщиковъ	19,000
Вольныхъ хлѣбопашцевъ		2,600
Пахатныхъ солдатъ		125,000
Крестьянъ помѣщичьихъ.		388,180

Соображая количество пахатной земли, которой считается въ губерніи 1,218,840 десятинъ, съ числомъ жителей мужескаго пола, видимъ, что на каждую душу приходится съ небольшимъ по три десятины.

По всей губерніи сѣютъ рожь озимую и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вазу; овесъ простой и въ небольшомъ количествѣ арабскій; ячмень четырех-рядный и двух-рядный; пшеницу, горохъ и ленъ. Въ западныхъ уѣздахъ начинаютъ сѣять картофель въ поляхъ, а въ восточныхъ еще и до-сихъ-поръ только въ огородахъ.

Собственнаго хлѣба никогда не достаетъ на пропитаніе жителей, и потому покупаютъ значительное количество его изъ низовыхъ губерній, и изъ сосѣдственныхъ, преимущественно изъ Вологодской.

Почти во всей губерніи придерживаются трех-польной системѣ хозяйства съ паромъ. Поля обработываютъ сохою, съ двумя сошниками, съ отрѣзомъ и съ лопатой для отвала, и бороною, составленною изъ еловыхъ плахъ съ обрубленными сучьями.

Хлѣбъ въ Новгородской Губерніи сѣютъ большею частію на подсѣкахъ или нови. Обыкновеніе это, общее всей сѣверной полосѣ Россіи, основано на плодовитости почвы, удобренной золою сожженныхъ деревьевъ. Хлѣбъ на подсѣкахъ родится самъ шесть и самъ десять. Для подсѣковъ истребляютъ много лѣса и кромѣ того невыгода ихъ состоитъ еще въ трудности приготовленія новей, часто отдаленныхъ отъ деревень.

Огородничествомъ въ губерніи занимаются только для домашняго употребленія. Садоводство незначительно по причинѣ суроваго и непостояннаго климата.

Пчеловодство тоже незначительно. Если и водятся пчелы, то большею частію у помѣщиковъ и зажиточныхъ крестьянъ.

Луга. Низменныя мѣста, не занятыя болотами, составляютъ луга, болѣе тучные по берегамъ озера Ильменя и большихъ рѣкъ. Искусственныхъ луговъ въ губерніи нѣтъ, да и природные содержатся въ большой небрежности. Луга почти вездѣ сыраго свойства, отъ-чего на нихъ накопляется мохъ, сквозь который проростаетъ скудная трава, иногда нестоющая труда собирать ее. Помѣщики не обращаютъ вниманія на расчистку и улучшеніе луговъ, что необходимо для усиленія покосовъ, какъ главнаго условія веденія хорошаго скотоводства.

Скотоводство. Успѣхъ земледѣлія основанъ на удобреніи почвы, слѣдовательно, на скотоводствѣ, потому-что это самый простой способъ удобренія земли. Скотоводство же основано на количествѣ собираемаго корма, на обширности и качествѣ пастбищъ; но какъ въ Новгородской-Губерніи луговодство въ пренебреженіи, то и скотъ держатъ въ весьма-маломъ числѣ.

По недостатку сѣна, лошадей кормятъ къ веснѣ такъ-называемою сѣчкою. Рогатый скотъ обыкновенно питается всю зиму яровою озимовою соломою, которую изрѣдка приправляютъ овся-

ною посыпкою. Сѣно даютъ коровамъ только нѣсколько дней послѣ теленья. Скотъ вообще мелокъ.

Лѣса. Въ Новгородской-Губерніи очень-много дровянаго и строеваго лѣса, который растетъ безъ всякаго присмотра. Лѣсъ рубятъ по мѣрѣ надобности, и кромѣ того помѣщики, а въ особенности крестьяне жгутъ его безпощадно для образованія новей или подсѣковъ. Только лѣса, находящіеся близъ береговъ сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ, не жгутъ и не рубятъ безъ пользы, но или продаютъ, или употребляютъ на постройку барокъ.

Промыслы. Большая часть Новгородцевъ занимаются *порубкою, сплавомъ лѣса* и *строеніемъ судовъ*. Этотъ промыслъ могъ бы усиляться и доставлять болѣе выгодъ, еслибъ прекратили безполезное истребленіе лѣсовъ.

Рыбная ловля, по обилію водъ, составляетъ важную отрасль народной промышлености.

Звѣриный промыслъ незначителенъ.

4) То, что было сказано о Новгородской-Губерніи, можно сказать и о сѣверныхъ частяхъ Тверской, Псковской и Ярославской Губерній, потому-что климатъ, почва и способъ удобренія полей въ этихъ мѣстахъ одинаковы.

5) *Петербургская-Губернія* представляетъ низменную равнину, немного возвышенную надъ поверхностію моря, покрытую тундрами, болотами и лѣсомъ. Почва земли вообще песчано-глинистая, лишенная плодородной силы; только на однихъ болотахъ встрѣчается черноземъ и торфъ. Въ хозяйствахъ, лежащихъ близъ столицы, улучшена мѣстность осушкою болотъ (прокапывая глубокіе рвы въ близь-текущія рѣчки), воздѣлываніемъ полей и разведеніемъ садовъ и огородовъ.

Большая часть земель Петербургской-Губерніи лежитъ подъ лѣсами; пахатной же земли находится на всемъ пространствѣ не болѣе седьмой части, а сѣнокосной еще менѣе.

Климатъ въ Санктпетербургской-Губерніи вообще холодный, сырой, непостоянный, мало благопріятствующій здоровью жителей и растеніямъ.

Петербургская-Губернія почти во всѣхъ направленіяхъ прорѣзана искусственными каналами, озерами, большими и малыми рѣками, такъ-что изобиліемъ водъ немногія губерніи Россіи могутъ равняться съ нею.

Жителей въ Петербургской-Губерніи считалось въ 1841 году 214,878 и женскаго пола 218,110 душъ (*).

Все это народонаселеніе состоитъ изъ Русскихъ и Финновъ, которые отличаются одни отъ другихъ образомъ жизни и языкомъ. Кромѣ этихъ двухъ народовъ, въ губерніи обитаютъ въ маломъ числѣ колонисты.

(*) Изъ нихъ крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ 115,700 душъ обоего пола.
— — — помѣщичьихъ . . . . 264,600 — — —
— — — колонистовъ . . . . . 2,700 — — —

Русскіе крестьяне болѣе предпріимчивы и въ хозяйственномъ быту гораздо-благоустроеннѣе, чѣмъ Финны. Избы Русскихъ устроены лучше и чище финскихъ. Вообще, отъ лѣности и склонности къ пьянству, Финны не такъ зажиточны, какъ Русскіе. Кореннаго своего языка Финны не сохранили; говорятъ же они языкомъ, составленнымъ изъ смѣси шведскаго съ финскимъ; отъ частыхъ сношеній съ Русскими, они довольно-хорошо объясняются по-русски. Большая часть Финновъ обрусѣла и приняла православную вѣру; остальные евангелическо-лютеранскаго исповѣданія.

Колонисты, поселившіеся здѣсь большею частію въ царствованіе Екатерины II-й, могутъ служить примѣромъ трудолюбія и благоустройства сельскаго быта. Они обращаютъ всѣ возможныя старанія на улучшеніе своего хозяйства, и ихъ небольшія колоніи устроены превосходно.

Земледѣліемъ мало занимаются въ Петербургской-Губерніи въ отдаленности отъ столицы, потому-что неудобная почва, при суровости климата, худо вознаграждаетъ труды поселянъ. Хлѣба засѣваютъ такъ мало, что ежегоднаго урожая почти не достаетъ на ихъ собственное продовольствіе. Впрочемъ, нѣкоторые помѣщики осушаютъ пахатныя поля, расчищаютъ луга и вообще стараются удобрять почву земли. Большею частію придерживаются системы трех-польнаго хозяйства, а многопольнаго держатся только въ сосѣднихъ столичныхъ имѣніяхъ.

Хлѣбъ рѣдко родится самъ-пятъ; чаще всего самъ-третей и менѣе.

Посѣвъ картофеля ежегодно увеличивается.

Скотоводство у крестьянъ почти заброшено; только близь столицы у нѣкоторыхъ помѣщиковъ разведены хорошія дойныя коровы.

Пчеловодствомъ и овцеводствомъ хотя и занимаются, но въ весьма-ничтожномъ объемѣ.

Огородничество составляетъ занятіе почти всѣхъ крестьянъ. На огородахъ обыкновенно разводятъ картофель, капусту, брюкву, свеклу и другія овощи. Въ садахъ разводятъ яблоки, вишни, смородину, крыжовникъ и малину. Овощи и плоды продаются большею частію въ Санктпетербургѣ и доставляютъ крестьянамъ значительныя выгоды.

Главный промыслъ жителей Санктпетербургской-Губерніи состоитъ въ ловлѣ рыбы на Финскомъ-Заливѣ, озерахъ Чудскомъ и Ладожскомъ и рѣкахъ Невѣ, Волховѣ и Лугѣ, въ продажѣ молока, масла, домашнихъ птицъ и скота, въ вырубкѣ и сплавѣ лѣса и дровъ, выгрузкѣ хлѣба изъ судовъ, въ выжиганіи угля и извести, въ добываніи песка и въ легковомъ извозничествѣ въ столицѣ. Мануфактурная и заводская промышленость въ Санктпетербургской-Губерніи находится въ цвѣтущемъ состояніи.

Къ полезнымъ земледѣльческимъ заведеніямъ надобно отнести Вольное Экономическое Общество.

Для образованія хорошихъ сельскихъ прикащиковъ или управляющихъ, обществомъ учреждена въ Санктпетербургѣ Земледѣльческая Школа. Директоръ этой школы отставной штабс-капитанъ; онъ же преподаетъ земледѣліе и читаетъ воспитанникамъ другіе предметы. Образцовая ферма, заведенная обществомъ близь столицы, основана на чисто-теоретическихъ правилахъ, въ подражаніе англійскому хозяйству.

Многія частныя хозяйства близь столицы заведены хорошо, а въособенности дачи барона Шлиппенбаха и г. Адама достойны вниманія.

Болотистыя земли близь Петербурга, взятыя Англичанами въ арендное содержаніе или купленныя ими, воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ. Способъ обработки этихъ мѣстъ, преимущественно же травосѣянія, достойны подражанія.

6) *Эстляндія*. Эстляндія граничитъ къ сѣверу съ Финскимъ-Заливомъ, къ западу съ Балтійскимъ-Моремъ, къ югу съ Лифляндіею, а на востокъ отдѣляется отъ Санктпетербургской-Губерніи озеромъ Пейпусомъ (Чудское-Озеро) и рѣкою Наровою.

Съ сѣвера и запада, Эстляндія окаймлена высокимъ плитневымъ скалистымъ берегомъ, который достигаетъ вышины отъ 6 до 20 саж. надъ уровнемъ моря. Отъ крутизны береговъ, впадающія въ море рѣчки образуютъ небольшіе водопады.

Поверхность земли представляетъ равнину, изрѣдка усѣянную холмами. Почва большею частію состоитъ изъ известковаго и песчанаго камня; мѣстами встрѣчается глина, которая обыкновенно указываетъ плодородную землю.

Весь этотъ край прорѣзанъ непрерывной полосой болотъ, которыя простираются отъ востока на западъ, и орошенъ болотистыми руслами и рѣчками. Мелкій лѣсъ покрываетъ сухія возвышенности и болота, крупный же встрѣчается изрѣдка на мѣстахъ низменныхъ. Ель, береза и ольха растутъ болѣе на болотахъ и сухихъ возвышенностяхъ; липа, кленъ и дубъ на берегахъ рѣчекъ и мѣстахъ, гдѣ глинистая подпочва изъ кустарниковъ; на сухахъ мѣстахъ во множествѣ встрѣчается можжевельникъ, на сырыхъ орѣшникъ и ольха, на болотахъ красная верба.

Въ безлѣсныхъ мѣстахъ, Эсты поселены деревушками, въ лѣсистыхъ же разбросанными хижинами. На сухихъ возвышенностяхъ воздѣлываются поля; берега болотъ и рѣчекъ составляютъ луга, которые довольно засорены кустарникомъ; ростъ же травы заглушается мхомъ. Отъ близости моря, климатъ въ Эстляндіи менѣе суровъ, нежели въ Петербургской-Губерніи. Ровная возвышенная поверхность Эстляндіи надъ морскимъ уровнемъ ничѣмъ не защищена отъ холодныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, которые вредятъ озимымъ посѣвамъ. Впрочемъ, не смотря на болотистое и сырое мѣстоположеніе, воздухъ довольно чистъ и здоровъ. Зима въ Эстляндіи непостоянна. Снѣгъ нѣсколько разъ схо-

дитъ, покуда установится зимній путь; весною же сильныя оттепели замѣняются стужами и мятелями до самаго вскрытія моря отъ льда.

Имѣнія, къ которымъ принадлежатъ нѣсколько деревушекъ и разбросанныхъ отдѣльныхъ крестьянскихъ избъ, называются въ Эстляндіи мызами. Такихъ мызъ считается 575 помѣщичьихъ. Изъ числа этихъ мызъ, около 60 помѣщиковъ имѣютъ болѣе одной, а весьма малые болѣе трехъ. Среднее пространство земли, принадлежащей къ мызѣ, составляетъ 25 квадратныхъ верстъ, на которыхъ обыкновенно поселено около 200 душъ мужескаго пола. Всѣ эти имѣнія не оцѣняются по числу душъ или пространству земли, но цѣнность ихъ опредѣляется гаками (гакъ опредѣляетъ 36 бочекъ посѣва господскаго и 36 бочекъ посѣва крестьянскаго въ трехъ поляхъ, что составляетъ 45 десятинъ пахатной земли при сообразномъ количествѣ луговъ). На каждую эстляндскую мызу такихъ гаковъ приходится среднимъ числомъ 12. Чрезполосныхъ владѣній тамъ совсѣмъ нѣтъ и границы имѣній довольно округлены. Мызы управляются большею частію самими владѣльцами, посредствомъ прикащиковъ или нарядчиковъ; только четвертая часть изъ нихъ управляется смежными владѣльцами на арендныхъ кондиціяхъ, или за десятую часть доходовъ.

Казенныхъ имѣній въ Эстляндіи семь, которыя заключаютъ въ себѣ 100 гаковъ. Имѣній, принадлежащихъ къ городамъ Ревелю и Нарвѣ—7, имѣющихъ 75 гаковъ. Фанд-гутъ, т. е. имѣній, отдающихся въ видѣ залоговъ во временное управленіе лицамъ, неимѣющимъ права покупать имѣній, 32. Церковныхъ приходовъ 44, изъ которыхъ въ каждомъ есть одно небольшое имѣніе; доходами этихъ имѣній пользуются пасторы. Всѣ эти имѣнія заключаютъ въ себѣ всего 62 гака и называются пасторатами.

Въ городѣ Ревелѣ учрежденъ для помѣщиковъ общественный заемный банкъ, называемый Кредитъ-Касса, капиталъ котораго обезпеченъ частными имѣніями.

Пахатная земля къ необработанной относится какъ 9 къ 60; пропорція земли оказывается слѣдующая: $^2/_{14}$ пахатной, $^3/_{14}$ луговой, $^4/_{14}$ лѣсу, $^2/_{14}$ безплодной каменистой земли, $^3/_{14}$ (что составляетъ 3,900 квадратныхъ верстъ) подъ болотами и водою. Всего пространства въ Эстляндіи 15,837 квадратныхъ верстъ, изъ которыхъ 14,966 принадлежатъ къ материку, а 907 находятся на 70 островахъ; уѣздовъ 4, которые раздѣляются на 12 земскихъ округовъ. Каждый округъ состоитъ подъ надзоромъ капитана-исправника въ полицейскомъ отношеніи; городовъ 5, мѣстечко 1 и церковныхъ приходовъ 47.

Народонаселеніе. Эстонцы происходятъ изъ финскаго поколѣнія. Общеупотребительный языкъ есть эстонскій, за исключеніемъ небольшаго числа Шведовъ, которые говорятъ древнимъ шведскимъ языкомъ. Эстонскій языкъ звученъ, мягокъ; грамматика издана для него Арнцомъ. Онъ раздѣляется на два діалекта: ревельскій

в дерптскій. Въ нарѣчія, этотъ языкъ столько похожъ на финскій, какъ итальянскій на французскій. Господствующее вѣроисповѣдание евангелическо-лютеранское.

Туземцы называютъ Эстляндію на народномъ языкѣ, въ буквальномъ переводѣ, «наша земля». Съ прекращеніемъ крѣпостнаго быта Эстонцевъ, дано каждому семейству фамильное имя, которое, впрочемъ, они часто забываютъ. Болѣе всего они придерживаются мѣста; на-примѣръ, Егоръ Эрстманъ, отецъ его Густавъ Эрстманъ; Егоръ изъ мызы Кирны, владѣющій мѣстомъ въ пол-гака, прозваннымъ Кули, не назоветъ себя Егоромъ Эрстманомъ, но кулискимъ Егоромъ съ мызы Кирны, а отецъ его будетъ уже кулискій Густавъ. Эстонцы до того привыкли къ этому народному обычаю, что если ихъ назвать по фамиліи, то они не понимаютъ. Дворовые же называются: мызинскій Исакъ, или садовникъ Исакъ.

По послѣдней ревизіи 1846 года, народонаселеніе мужескаго пола состояло:

Эстовъ:	крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ. . . .	105,959 душъ.
	Дворовыхъ въ этихъ имѣніяхъ.	5,277
	Крестьянъ, приписанныхъ къ пасторатамъ.	1,149
	Крестьянъ, приписанныхъ къ общимъ дворянскимъ имѣніямъ	1,714
	Крестьянъ, принадлежащихъ къ феллинскому женскому институту.	435
	Итого въ частныхъ имѣніяхъ.	114,534 души.

Кромѣ того, крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ и общественнымъ имѣніямъ:

Къ городскимъ киркамъ и богоугоднымъ заведеніямъ	1,210 душъ.
Къ городскимъ обществамъ.	488
Удѣльныхъ крестьянъ	1,036
Казенныхъ	2,140
Дворовыхъ людей въ означенныхъ имѣніяхъ.	339
Всѣхъ крестьянъ эстонскаго происхожденія.	119,747
Крестьянъ шведскаго поколѣнія въ четырехъ уѣздахъ и на островахъ	2,331
Итого Шведовъ и Эстовъ мужескаго пола, занимающихся землепашествомъ . . .	122,078 душъ.

Все народонаселеніе Эстляндіи составляетъ 280,000 жителей обоего пола, изъ которыхъ 8,850 Нѣмцевъ, 3,331 Шведъ, 14,547 иноплеменныхъ, обитающихъ въ городахъ.

Нѣмецкое поколѣніе въ Эстляндіи составляетъ классъ тамошнихъ помѣщиковъ, купцовъ и бюргеровъ, или мѣщанъ. Оно раздѣляется на 4 сословія: 1) фрейгеры, владѣльцы имѣній, происходятъ большею частію изъ ордена меченосцевъ, переселившихся въ этотъ край въ XII и XIII столѣтіяхъ, и шведскихъ и датскихъ племенъ, переселившихся во время владычества Шведовъ и Датчанъ. Эго

дворянство называется матрикулованное, доступное къ избранію и имѣющее голосъ на выборахъ. 2) Столбовое и личное дворянство, въ весьма-маломъ числѣ, пріобрѣтшее себѣ право на это званіе службою, не подлежитъ выборамъ, не имѣетъ голоса на выборахъ и не въ правѣ пріобрѣтать мызы. 3) Купечество раздѣляется на 3 гильдіи. 4) Мѣщанство, которое между собой имѣетъ еще подраздѣленія; почетнѣйшіе изъ нихъ называются бюргерами.

Вообще, Нѣмцы отличаются своею образованностью; въ первыхъ двухъ сословіяхъ, дворянскомъ и купеческомъ, воспитываются дѣти многихъ въ Дерптскомъ и германскихъ университетахъ. Дворянство и купечество достигло тамъ современнаго европейскаго образованія. Первое отличается склонностью къ военной службѣ, почему частію воспитываетъ своихъ дѣтей въ петербургскихъ кадетскихъ корпусахъ. Старшій изъ сыновей купца обыкновенно занимается торговлею, а другіе поступаютъ въ гражданскую или военную службу. Часто случается, что простой водовозъ или дворникъ воспитываетъ сына своего въ гимназіи, и, накопивъ трудовую копѣйку въ-теченіе 20 лѣтъ, жертвуетъ ею на окончательное университетское воспитаніе сына. Гордость есть отличительное характеристическое свойство обитателя остзейскихъ губерній; честность и прямодушіе — ихъ добродѣтели. Въ этомъ народѣ замѣчателенъ воинскій духъ, и часто случается, что дѣти богатыхъ купцовъ поступаютъ въ русскіе полки унтер-офицерами.

Эсты въ 1816 году начали освобождаться отъ крѣпостнаго состоянія, а въ 1822 году они всѣ освободились. Помѣщики остались владѣльцами своихъ земель.

Крестьяне въ правѣ переходить на жительство съ одной мызы на другую, объявивъ о томъ помѣщику за три мѣсяца до истеченія контракта, по которому они обязались производить работу за занимаемую ими землю.

На основаніи изданнаго законоположенія, въ 1816 году, для эстляндскихъ крестьянъ, каждый изъ нихъ имѣетъ право заключать контракты, договоры и брать въ арендное содержаніе земли за условную денежную плату, или же удовлетворять причитающійся платежъ рабочими днями. Каждый крестьянинъ долженъ быть приписанъ къ мызѣ, и помѣщикъ имѣетъ надъ живущими на землѣ его крестьянами полицейскую власть, при содѣйствіи мѣстной полиціи.

Прибрежные жители занимаются, кромѣ земледѣлія, рыбною ловлею; живущіе близь городовъ, разными работами въ городахъ; нагорные же жители ничтожнымъ лѣснымъ промысломъ; но главнѣйшее занятіе Эста есть земледѣліе.

Эсты тѣлосложенія средняго и немного сутуловаты. Большею частію они имѣютъ голубые или сѣрые глаза и свѣтлорусые волосы. Нравъ у нихъ кроткій, миролюбивый; насиліе, разбой, драка и воровство рѣдко между ними случаются. Крестьяне мало преданы своимъ владѣльцамъ, потому-что они смотрятъ на нихъ,

какъ на иноплеменныхъ, завладѣвшихъ ихъ землями. Религіозность у нихъ въ сильной степени; въ особенности въ послѣднее время общество гернгутеровъ развило въ нихъ многія добродѣтели, и почти искоренило въ нихъ пьянство и другіе пороки, столь-часто встрѣчаемые въ необразованномъ классѣ людей. Большею частію все народонаселеніе грамотное. Это происходитъ отъ-того, что каждый изъ нихъ до причастія обязанъ знать катихизисъ, умѣть читать и писать. Для этого мальчики и дѣвочки, въ осеннее время, ходятъ къ пастору учиться.

Крестьянскій бытъ раздѣляется на два разряда: оброчный и барщинскій. Участокъ земли изъ 18 бочекъ посѣва въ трехъ поляхъ, съ причитающимися ему лугами, называется хозяйственнымъ мѣстомъ въ пол-гака; въ 9 бочекъ посѣва въ трехъ поляхъ называется мѣстомъ въ четверть гака. Эти мѣста отдаются крестьянамъ обыкновенно на три года въ аренду. Пятнадцать десятинъ равняются пространству 24 бочекъ озимаго посѣва. За такое количество земли крестьянинъ обязанъ производить помѣщику ежегодный платежъ, или за пол-гака выставлять въ-продолженіе цѣлаго года, когда онъ на барщинѣ, одного работника съ лошадью и упряжью; въ лѣтнее же время работницу или мальчика пѣшихъ. Кромѣ того, онъ платитъ повинность незначительною провизіею, и, во время жатвы, выставляетъ другую работницу. Крестьянинъ, который держитъ на арендѣ землю, называется хозяиномъ. Онъ съ своею семьею обработываетъ свои поля и никогда не выходитъ на господскую работу; мало-семейные же держатъ и у себя работниковъ и работницъ, для обработки своихъ нивъ. Скотоводство крестьянина-хозяина составляетъ отъ двухъ до четырехъ лошадей, отъ двухъ до трехъ паръ воловъ, отъ двухъ до трехъ коровъ, десяти овецъ, пары свиней и нѣсколько домашнихъ птицъ.

Хозяинъ въ четверть гака земли производитъ половинную работу противъ вышеупомянутаго, и по этому случаю рѣдко держитъ работника, но большею частію самъ исправляетъ барскую работу.

Крестьяне имѣютъ собственно для нихъ установленныя законоположенія и въ правѣ требовать суда своимъ помѣщикамъ, какъ скоро условіе, по которому они живутъ на ихъ землѣ, нарушится. Первая инстанція у крестьянина есть приходскій судъ, въ которомъ предсѣдателемъ по выборамъ одинъ изъ помѣщиковъ, протоколистомъ приходскій пасторъ и, сверхъ-того, два засѣдателя изъ крестьянъ, также по общему избранію. Это присутствіе имѣетъ зерцало и называется Gemeinde-Gericht. Въ случаѣ, если это присутствіе не согласитъ помѣщика съ крестьяниномъ, то дѣло переносится въ высшую, губернскую инстанцію.

Крестьяне, приписные къ каждой мызѣ, составляютъ общину, изъ которой хозяева избираютъ на три года старшину, утверждаемаго присутственнымъ мѣстомъ. Старшина имѣетъ полную полицейскую власть надъ крестьянами своей общины и называется талитайя.

Помѣщикъ въ правѣ по своему приговору, за сдѣланный проступокъ, наказать крестьянина 15 ударами розогъ, а если проступокъ заслуживаетъ большаго наказанія, то онъ обязанъ призвать старшину, который, если признаетъ проступокъ дѣйствительно заслуживающимъ наказанія, то и наказываетъ крестьянина 40 ударами розогъ; но если проступокъ превышаетъ и это наказаніе, то крестьянина отправляютъ къ капитан-исправнику, который уже въ правѣ наказывать его 80 ударами; старшина же освобождается отъ тѣлеснаго наказанія.

Община раздѣляется на слѣдующіе разряды: 1) хозяева, которые заключаютъ контракты съ помѣщиками на взятіе въ ихъ распоряженіе участка земли. Помѣщикъ каждому изъ нихъ обязанъ отвести землю съ нивами, покосами, пастбищами и постройками; отпускать изъ лѣсовъ отопку и нужные матеріалы для поправки и возобновленія построекъ; также сѣмена для засѣва полей, которыя крестьянинъ въ томъ же количествѣ обязанъ возвратить при сдачѣ вновь поступающему на его мѣсто хозяину. Хозяинъ поселяется со своимъ скотомъ, домашнею утварью, земледѣльческими орудіями, работниками и работницами, и приписывается къ мызинскимъ общинамъ, заключивъ предварительно контрактъ съ помѣщикомъ. Контрактъ утверждается присутственнымъ мѣстомъ. 2) Лёэтрейберъ, бобыль, или семья крестьянская, проживающая на маломъ участкѣ земли, за которую производятъ помѣщику пѣшихъ одинъ или два дня въ недѣлю. 3) Работникъ или работница, обыкновенно дѣти вышеозначенныхъ лёэтрейберовъ, которые по добровольному согласію нанимаются въ работу къ хозяину; годовая плата имъ, на хозяйскомъ корму и одеждѣ, работнику отъ 3 до 10 руб. сер., а работницѣ отъ 1 до 3 руб. сер. 4) Дворовые, которые по взаимному согласію служатъ при помѣщикѣ и получаютъ плату, смотря по занимаемымъ ими должностямъ, на помѣщичьихъ харчахъ и одеждѣ.

Одинъ приходъ заключаетъ въ себѣ отъ 10 до 20 мызъ, такъ что нѣкоторымъ идти въ кирку приходится за 15 верстъ.

Рѣдко встрѣтишь празднаго и разгульнаго Эстонца. Шесть дней онъ постоянно, отъ восхода до заката солнца, въ работѣ. Въ осеннее, ночное время, онъ обязанъ сверхъ того обмолотить помѣщичій хлѣбъ, для чего, при закатѣ солнца, всѣ рабочіе собираются въ господскую ригу (молотильный сарай съ большимъ овиномъ), и отдыхаютъ тамъ до 8 часовъ, а съ 8 часовъ до полночи, при огненномъ свѣтѣ, молотятъ господскій хлѣбъ.

Въ воскресные и праздничные дни, дорога въ кирку усыпана пѣшеходами и ѣдущими, смотря по достатку. Всѣ въ нарядныхъ праздничныхъ одеждахъ; рѣдко найдешь неопрятнаго между ними; въ 10 часу сбираются они въ церковной корчмѣ, въ которой ждутъ пріѣзда пастора. Въ 1-мъ часу, послѣ окончанія службы, бо́льшая часть крестьянъ отправляется въ молельню, гдѣ въ-продолженіе двухъ часовъ одинъ изъ ихъ собратьевъ читаетъ библію и еванге-

ліе, а въ 4 часу возвращаются домой къ сытному ужину. Въ понедѣльникъ, съ восходомъ солнца всѣ опять на работѣ. Работники, и работницы, идущіе на помѣщичью работу, снабжаются недѣльнымъ запасомъ хлѣба, селедокъ, молока и масла. Они отправляются въ барскія риги или корчмы, и тѣ изъ нихъ, которые живутъ далеко, остаются тамъ до вечера субботы, а близкіе каждый вечеръ возвращаются домой.

При каждой общинѣ или мызѣ учреждены запасные магазины, въ которыхъ постоянно содержится хлѣбъ, въ примѣрномъ порядкѣ, на цѣлую годовую пропорцію. Магазины эти состоятъ подъ надзоромъ старшины и избранныхъ общиною двухъ богатыхъ хозяевъ. Крестьянинъ, которому весною выдали хлѣбъ изъ магазина, обязанъ осенью въ пользу магазина внести сверхъ занятаго хлѣба по 3 гарнца на четверть. Старшина и два избранные хозяина смотрятъ на этотъ хлѣбъ какъ на общественный, и слѣдятъ за приходомъ и расходомъ его, препятствуя выдачѣ хлѣба неблагонадежнымъ крестьянамъ.

Жилье у Эстовъ не имѣетъ никакого наружнаго вида, но для быта тамошняго крестьянина удобно. Изба его курна и высока, подъ потолкомъ помѣщены колосники, на которыхъ онъ сушитъ хлѣбъ. Въ одномъ изъ угловъ избы устраивается въ землѣ печь, которая есть не что иное, какъ каменный сводъ надъ земляною ямою, подъ которою находится каменка; въ противоположномъ углу свѣтлица съ прорубленнымъ окномъ въ задней стѣнѣ. По обоимъ концамъ избы пристроены два сарая: въ одномъ изъ нихъ помѣщается скотъ, а въ другомъ складывается сноповый хлѣбъ для молотьбы. Въ сараяхъ двое наружныхъ воротъ, а въ избѣ три двери: одна наружная, а двѣ двери ведущія къ сараямъ. Вся эта постройка, снаружи болѣе похожая на какой-нибудь сарай, чѣмъ на жилую избу, покрыта соломенною подъ оческу крышею. Эстонецъ освѣщаетъ свою избу постоянно сосновою лучиною; рѣдко увидишь у него свѣчу. Кромѣ этой постройки, находятся у крестьянина: клѣть, въ которой онъ хранитъ свое имущество; шатеръ, покрытый ельникомъ, гдѣ онъ въ лѣтнее время варитъ себѣ приварокъ; погребъ и сарай для склада земледѣльческой збруи, сѣна и прочаго. Къ каждому жилью примыкаетъ обыкновенно огородъ съ ничтожнымъ садикомъ, въ которомъ найдешь нѣсколько ульевъ пчелъ; поля окружаютъ избу эстонской семьи, а луга находятся по берегамъ рѣчекъ, обыкновенно въ отдаленныхъ мѣстахъ.

Одежда Эстовъ вообще оригинальна. Мужчины по обыкновенію брѣютъ бороды и носятъ длинные волосы, которые упадаютъ на плечи. Одежда женщинъ состоитъ изъ полосатой юбки и синей кофты, надъ которой привязывается платокъ; изъ-подъ платка выглядываетъ рубашка, застегнутая серебряною пряжкою. Замужнія женщины бóльшею частію носятъ на головѣ шапки особаго устройства; дѣвки же повязки при заплетенной косѣ. Мужчины носятъ коротенькіе штаны, которыми пристегиваются въ колѣнѣ цвѣтные

чулки, синюю куртку въ зборкахъ, изъ-подъ которой выглядываетъ рубашка, застегнутая серебряною пряжкою. Оба пола носятъ, сверхъ куртокъ и кофтъ, коричневые кафтаны особаго покроя, сверхъ которыхъ зимою надѣваютъ овчинные тулупы, а шею обвязываютъ платкомъ. Обувь они обыкновенно приготовляютъ сами, изъ сырой кожи въ видѣ сандалій; только богатыхъ мужиковъ изрѣдка встрѣтишь въ сапогахъ. Впрочемъ, нельзя положительно описать одежды Эстовъ, потому-что ея покрой измѣняется почти въ каждомъ уѣздѣ.

Эстонецъ въ пищѣ разборчивъ; утромъ онъ ѣстъ ржаной хлѣбъ съ примѣсью одной трети ячменной муки, селедку и кислое молоко. Селедка и молоко для Эстонца составляютъ необходимость, и самый бѣдный не лишаетъ себя этой пищи. Въ обѣдъ, при хлѣбѣ, селедкѣ и молокѣ, часто встрѣчаешь у него масло и сверхъ того приваръ изъ стручковыхъ растеній или капусты; вечеромъ онъ доѣдаетъ остальной приварокъ, или печетъ себѣ картофель. Кислое молоко замѣняетъ у эстляндскаго мужика — русскій квасъ, а селедка, которой ѣстъ онъ много, обыкновенную соль. Въ праздничные и воскресные дни, какъ скоро Эстонецъ возвращается изъ церкви, хозяйка замѣняетъ кислое молоко полпивомъ, которое они варятъ у себя дома, а приварокъ бываетъ обыкновенно мясной, сопровождаемый рюмкою водки. Въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ Эстонецъ умѣренъ, не смотря на то, что водка сдѣлалась для него необходимостью. Богатый мужикъ пьетъ почти ежедневно по рюмкѣ, но никогда себя не допуститъ до опьяненія.

Земледѣліе. Эстляндія представляетъ ровную плоскую возвышенность, которой подпочва раздѣляется: а) на плотную известковую, не допускающую просачиваться водѣ съ поверхности земли; б) на рыхло-известковую, увлекающую перегной чрезъ каменистыя расщелины въ нѣдра земли; в) на твердо-глинистую, г) и на рыхло-глинистую, перемѣшанную съ мелкимъ известнякомъ и допускающую просачиваться водѣ.

Почву земли можно раздѣлить на шесть разрядовъ:

1) Черноземную, которая встрѣчается весьма-рѣдко и ничтожными участками;

2) Каменистую, которая до того наполнена мелкою каменистою известковою щебенкою, что совершенно покрываетъ поверхность земли и только при распашкѣ видна земля. Этотъ грунтъ, имѣя часто твердую подпочву изъ плотнаго известняка, не пропускающаго просачиванія перегноя, бываетъ довольно изобиленъ и не соотвѣтствуетъ наружному своему виду. При распашкѣ земли, мелкій камень кишитъ около сохи и неопытный земледѣлецъ понять не можетъ, что эта почва вознаграждаетъ труды пахаря, а при сильномъ удобреніи дѣлается даже изобильною. Камни, лежащіе на ней, имѣютъ форму отрубистыхъ кусковъ, величиною отъ 2 до 10 кубич. дюймовъ. Нѣкоторые помѣщики сбирали этотъ камень съ полей, но трудъ ихъ остался неудовлетворительнымъ и ростъ

хлѣбовъ въ-послѣдствіи отъ сбора камня выгаралъ; это объясняется тѣмъ, что подобныя поля встрѣчаются всегда на высокихъ, сухихъ мѣстахъ, и мелкіе камешки, осѣняющіе сначала первые всходы хлѣба, въ-послѣдствіи питаютъ корни его влагою, которую они отъ себя отдѣляютъ въ случаѣ засухи. Сколько большіе камни препятствуютъ обработкѣ полей, столько малые необходимы въ подобныхъ мѣстахъ. Также встрѣчаются поля, покрытыя плоскимъ, кругловатымъ известнякомъ, имѣющимъ форму ладони. Такія мѣста предпочитаетъ туземецъ мѣстамъ, покрытымъ кусковатыми камнями, потому-что на нихъ родится хлѣбъ обильнѣе;

3) Песчаную равнину, имѣющую плотную подпочву; ее можно оплодотворить сильными и частыми удобреніями; но пространства, покрытыя сыпучими песками на нѣсколько саженъ глубины, не смотря на всѣ усилія земледѣльца, остаются безплодными;

4) Глинистую почву;

5) Болотистыя мѣста, брошенныя безъ всякаго вниманія; изъ нихъ большая часть удобна къ осушкѣ. Подпочву они имѣютъ твердую, глинистую и на нѣсколько аршинъ покрытую тиною, питающею толстый слой мха. На эти мѣста земледѣлецъ долженъ обратить все свое вниманіе, потому-что, осушивъ ихъ однажды, онъ получитъ богатыя нивы, не уступающія плодородіемъ своимъ нашимъ черноземнымъ полуденнымъ степямъ.

Не смотря на всѣ затрудненія, встрѣчаемыя по случаю неплодородности земли и непостоянства климата, земледѣліе въ Эстляндской Губерніи сдѣлало съ 1820 года значительные успѣхи. Мѣстами заведены многопольные сѣвообороты, но большая часть помѣщиковъ и всѣ крестьяне придерживаются трех-польной системѣ.

Употребительное удобреніе полей есть животный пометъ, который въ количествѣ значительно увеличивается посредствомъ винокуренныхъ заводовъ, учрежденныхъ на каждой мызѣ. Въ имѣніяхъ, гдѣ сѣется клеверъ, удабриваются поля алебастромъ и золою, которые весною разсѣваются по клевернымъ полямъ, считая до 20 пуд. алебастра на десятину; также мѣстами употребительна поливка сѣрною кислотою, которая разводится съ водою. Кружка сѣрной кислоты обходится отъ 60 до 70 к. с. На двѣсти ведръ воды берутъ двѣ кружки сѣрной кислоты, и этимъ количествомъ жидкости можно полить одну десятину.

Въ Эстляндіи необходимо заняться въ особенности осушкою болотъ и очищеніемъ луговъ отъ растущаго на нихъ кустарника.

Эстляндецъ пашетъ обыкновенно на волахъ, которыхъ употребляетъ также въ зимнее время для перевоза разныхъ тяжестей. Въ лѣтнее время, когда волы не заняты пахатою, онъ возитъ на нихъ навозъ, сѣно и сноповый хлѣбъ.

Употребительныя земледѣльческія орудія весьма-несовершенны, что происходитъ частію отъ каменистаго грунта, недопускающаго употреблять земледѣльческія усовершенствованныя орудія, ча-

стію отъ-того, что тамошній крестьянинъ производитъ работу на барскихъ поляхъ своими орудіями.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ сѣютъ *рожь*, которая при хорошемъ урожаѣ даетъ 6-е зерно; средняя цѣна ей въ десятилѣтней сложности 5 р. 50 к. с. за четверть; *ячмень*, который при хорошемъ урожаѣ даетъ 8-е зерно, средняя цѣна ему 4 р. с. за четверть; *овесъ*, который, при хорошемъ урожаѣ даетъ около 10-го зерна, средняя цѣна ему 3 р. с. за четверть, и въ весьма-маломъ количествѣ пшеницу и гречиху.

Изъ стручковыхъ растеній сѣютъ только для домашняго обихода бобы, горохъ и чечевицу.

Изъ корнеплодныхъ растеній въ большомъ употребленіи картофель, который сѣется большими полями и при хорошемъ урожаѣ даетъ самъ-пять. На помѣщичьихъ земляхъ его сѣютъ для винокуренія, а на крестьянскихъ поляхъ болѣе для пищи людей. Посѣвъ картофеля можно опредѣлить въ Эстляндіи до 6 десятинъ на гакъ.

Изъ прядильныхъ растеній мѣстами находятся значительные посѣвы льна, который сѣется въ яровомъ полѣ на низменныхъ мѣстахъ, и малое количество конопли, составляющей у Эстонца огородное растеніе. Каждый крестьянинъ тщательно обработываетъ свой гоородъ, сѣетъ на немъ въ большомъ количествѣ: капусту, картофель, брюкву, рѣпу, морковь и проч.

Неурожаямъ Эстляндіи содѣйствуетъ много непостоянная погода, въ особенности морозы, и ржаной червь (phalaena noctua), который часто въ августѣ мѣсяцѣ пожираетъ цѣлыя нивы озимыхъ полей. Въ 1843 году, этотъ червь оказался въ такомъ множествѣ, что нѣкоторыя поля были имъ совершенно покрыты. Въ нѣсколько дней истреблены были большія пространства посѣва, еще непустившаго роста. Вторичный посѣвъ, въ надеждѣ, что червь, насытившись, превратился въ куклу, какъ можно было предвидѣть, былъ также жертвою прожорливости червя, потому-что червь превращается въ куклу только весною. Распложенію этого червя благопріятствуетъ теплая и сухая погода.

Крестьянскія лошади въ Эстляндіи мелкія, но крѣпкія и сильныя; помѣщичьи же средняго склада, изъ породы лифляндскихъ доппель-клеперовъ, рысисты и быстры; лошадей содержатъ тамъ вообще хорошо. Крестьянинъ гордится, когда его лошадь сыта, ухаживаетъ за нею, за сотрудницею своею, и дѣлитъ съ нею свою ковригу хлѣба. Значительныхъ конныхъ заводовъ въ Эстляндіи нѣтъ. Каждый помѣщикъ выкармливаетъ отъ 5 до 6 жеребятъ; изъ нихъ лучшихъ оставляетъ себѣ, а прочихъ продаетъ; крестьянинъ же выкармливаетъ жеребенка отъ своей рабочей кобылы.

Рогатый скотъ мелокъ и нескладенъ, но довольно даетъ молока. Родившійся теленокъ поится нѣсколько недѣль молокомъ, потомъ до самаго иванова-дня (24 іюня) даютъ ему мучное пойло и сѣно. Это несообразное выкармливаніе телятъ, которые съ самаго рожде-

нія терпятъ недостатокъ въ кормѣ, причина уродливыхъ формъ и мелкости скота. На слѣдующій же годъ теленокъ поступаетъ на тощій кормъ своихъ праотцевъ, получая высушенную на овинѣ солому и осоковое сѣно. Одно винокуреніе поддерживаетъ его, и то лучшій кормъ отдѣляется быкамъ, поставленнымъ на откармливаніе. Скотоводство вообще въ Эстляндіи упущено и ничѣмъ не опередило сѣверозападную полосу Россіи.

Овцеводство сдѣлало значительные успѣхи. Во многихъ имѣніяхъ заведены мериносовыя овцы, которыя содержатся по правиламъ саксонскихъ овецъ. На улучшеніе овцеводства употреблены были всѣ усилія; но по случаю запущенныхъ болотистыхъ луговъ усилія эти остались неудовлетворительными. Въ 1842 году, поступило въ стрижку на 119 мызахъ, не включая ягнятъ, 70,418 мериносовъ, съ которыхъ снято перегонной шерсти 3,860 пуд. Эта шерсть была продана на ревельскомъ шерстяномъ рынкѣ по 20 р. 84 к. с. за пудъ.

Птицеводство находится въ первобытномъ своемъ состояніи.

Помѣщичьи усадьбы вообще отстроены щегольски. Въ каждой найдешь большой господскій, богатоубранный домъ, окруженный садами и парками. Садоводство у помѣщиковъ производится тамъ тщательно и съ большимъ успѣхомъ; рѣдко гдѣ не встрѣтишь оранжереи со всѣми удобствами и роскошью. При каждомъ имѣніи найдешь винокуренный заводъ, пивоварню, богато-отстроенныя службы, въ которыхъ живетъ дворня, амбары для ссыпки хлѣба, риги для молотьбы его, сараи для складки сноповаго хлѣба. Всѣ эти постройки производятся каменныя, съ щегольскими фасадами. Скотные дворы и конюшни снаружи отдѣланы довольно-щегольски, но внутренняго удобства не имѣютъ. Скотина по обыкновенію стоитъ тѣсно, а малыя полукруглыя окна препятствуютъ достаточному свѣту.

Къ усовершенствованію земледѣлія многимъ содѣйствовало Эстляндское Экономическое Общество, учрежденное въ 1839 году, и знаменитые хозяева: Цур-Миленъ на мызѣ Пирсаль и Бреверинъ на мызѣ Коиль.

Лѣсоводство въ Эстляндіи довольно запущено. Лѣсной промыслъ состоитъ въ порубкѣ дровянаго и бревеннаго лѣса, который первымъ путемъ свозится въ города на продажу; эстляндскіе лѣса преимущественно богаты хвойнымъ лѣсомъ, какъ сосною, елью и можжевельникомъ; между лиственнымъ лѣсомъ находятся: береза, осина, кленъ, липа, ольха и въ весьма-маломъ количествѣ дубъ и ясень. Кусты ольхи и можжевельника покрываютъ безлѣсныя мѣста. Ихъ каждый обыватель въ правѣ рубить себѣ на отопленіе.

Изъ хищныхъ животныхъ множество въ Эстляндской-Губерніи волковъ, которые причиняютъ большой вредъ стадамъ, пасущимся на свободѣ по лѣсамъ, а лисицы истребляютъ по лѣсамъ дичь.

Почтовыя, проселочныя и церковныя дороги содержатся обывателями въ примѣрномъ порядкѣ. Дороги обыкновенно два раза въ годъ исправляются гравіемъ.

Судоходство въ Эстляндіи производится на рѣкѣ Наровѣ, по Чудскому Озеру, Финскому Заливу и Балтійскому Морю, но внутри края, по неимѣнію судоходныхъ рѣкъ, оно не существуетъ.

Не смотря на неблагопріятный климатъ и на безплодную почву, надъ которой трудится Эстляндецъ, онъ успѣлъ преодолѣть недостатокъ и даже въ избыткѣ отпускаетъ произведенія своей земли за границу. Въ десятилѣтней сложности оказывается, что Эстляндія ежегодно вывозитъ своихъ произведеній цѣною на 280,000 р. сер., а именно:

Льна	58,000	пуд.
Льнянаго сѣмени	2,200	четв.
Ржи	12,000	—
Ячменя	1,000	—
Овса	1,000	—
Хлѣбной полугарной водки . . .	25,000	ведеръ.
И разныхъ прочихъ произведеній на	6000	р. сер.

тогда-какъ другія губерніи сѣверной полосы Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, не могутъ обезпечить себя въ продовольствіи однимъ земледѣліемъ.

Привозные товары суть: Соли до . . .	500,000	пуд.
Сельдей	4,000	боч.
Табака	1,000	пуд.
Разныхъ мануфактурныхъ товаровъ. . .	70,000	р. с.
Красокъ до	10,000	—
Металлическаго товара до	100,000	—
Разныхъ пряностей	3,000	—
Виноградныхъ винъ	700	анк.
Тожъ	800	бут.
Портера	30	анк.
Рома	50	—
Пшеницы	1000	четв.
Разнаго товара на	120,000	р. с.

Конечно, привозный товаръ удвоивается въ цѣнности противъ вывознаго, потому-что мы имѣемъ статистическія свѣдѣнія только о тѣхъ вывозныхъ товарахъ, которые вывозятся изъ Ревельскаго и Балтійскаго Портовъ. Значительные же транспорты хлѣба и вина, отправляемые въ Псковскую и Петербургскую Губерніи, нельзя съ точностію опредѣлить по причинѣ неполныхъ свѣдѣній.

БАРОНЪ ѲЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

V.

КРИТИКА.

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ, *или Наука Изящнаго.* Соч. В. Гегеля. *Перевелъ* Василій Модестовъ. *Двѣ части. Санктпетербургъ. 1847.*

При выходѣ въ свѣтъ книги, которой заглавіе здѣсь выписано, мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Модестовъ перевелъ эстетику Гегеля не съ подлинника, а съ *французской* передѣлки Бенара. Передѣлка эта нисколько не выходитъ изъ ряда всѣхъ французскихъ передѣлокъ сочиненій нѣмецкихъ философовъ. Поэтому, любознательные люди, неимѣющіе другихъ средствъ ознакомиться съ эстетическимъ ученіемъ Гегеля, кромѣ чтенія русскаго перевода, не могутъ найдти въ немъ полнаго удовлетворенія своей потребности. Но если положеніе ихъ незавидно съ этой стороны, то нельзя не пожалѣть еще болѣе о томъ, что и г. Бенаръ и г. Модестовъ, которые такъ охотно переиначиваютъ трудъ великаго мыслителя, не даютъ своимъ читателямъ никакихъ средствъ ознакомиться съ тѣмъ развитіемъ, которое получили эстетическія понятія и самая теорія изящнаго со времени выхода въ свѣтъ гегелевой эстетики. — Вотъ что̀ побудило автора этой статьи представить въ ней сводъ замѣчательнѣйшихъ эстетическихъ идей, высказанныхъ критиками и продолжателями Гегеля (*).

(*) Этимъ объясняется и отвлеченность техническаго философскаго языка, которымъ далѣе выражается г. П. В. *Ред.*

Первое, на что обратилась требовательность нѣмецкихъ критиковъ относительно гегелевой эстетики — это недостатокъ системы и цѣлостности въ изложеніи науки. Удачнѣйшая попытка восполнить этотъ недостатокъ принадлежитъ Фишеру, помѣстившему въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій (*) статью «Новѣйшее дѣленіе эстетики».

Фишеръ исправилъ всѣ архитектоническія несообразности гегелева творенія, развилъ всѣ стороны идеи прекраснаго и искусства (съ точки зрѣнія гегелева принципа), однимъ словомъ, сдѣлалъ то, что̀ могъ бы сдѣлать и самъ Гегель, еслибъ употребилъ на свой трудъ больше любви и вниманія. Поэтому Фишера нельзя считать однимъ изъ двигателей эстетической теоріи. Ее двинули тѣ, которые сообщили движеніе всей философіи, тѣ, которыхъ имена въ будущемъ будутъ поставлены наравнѣ съ Кантомъ и Гегелемъ.

Главное, на что обратила вниманіе новѣйшая школа философовъ-эстетиковъ, заключается въ идеалистическомъ характерѣ эстетики Гегеля. Начало этого характера въ теоріи восходитъ до Винкельмана. Странно, что Гегель не только не сознавалъ этого,

(*) Jahrbücher der Gegenwart, 1843.

но даже, отдавая полную справедливость заслугамъ Винкельмана въ исторіи искусства, отрицалъ всякое вліяніе его на теоретическое изученіе его. Однакожь, Винкельманъ первый ввелъ въ науку сравненіе прекраснаго въ природѣ и искусствѣ, доказывая, что сущность послѣдняго заключается въ идеальной красотѣ. Кантъ и его послѣдователи, принявъ этотъ догматъ, измѣнили его по-своему введеніемъ категоріи сознанія. Наконецъ, получилъ онъ болѣе умозрительное значеніе въ той философской системѣ, которая возвысилась до сознанія единства идеальнаго и реальнаго: непосредственная, натуральная красота потому только ограничена и недостаточна, что нигдѣ въ природѣ идея не проявляется въ одномъ пунктѣ вполнѣ. Чисто-прекрасное есть, слѣдовательно, искусство, ибо оно одно, въ отличіе отъ природы, съ сознаніемъ осуществляетъ идеалъ въ чувственныхъ образахъ; въ немъ одномъ содержаніе и форма совпадаютъ другъ съ другомъ и идеальное получаетъ идеальную форму.

Извѣстно, что винкельманово воззрѣніе можетъ быть возведено до Кораччи и итальянскихъ маньѐристовъ (*). Конечно, было бы совершенно несправедливо, послѣ обогащенія эстетики новѣйшею философіей, ставить ее наряду съ тою идеальною теоріей, ложность которой выказалась практически въ самомъ искусствѣ. Съ другой стороны, ошибаются и тѣ, которые думаютъ, что она совершенно освободилась отъ вреднаго вліянія этого сомнительнаго ея происхожденія. Она походитъ на домъ, надстроенный на стѣнахъ стараго зданія. Ясно видно, что онъ заложенъ по новому плану, но этотъ планъ нигдѣ вполнѣ не осуществленъ, потому-что вездѣ новое встрѣчаетъ препятствіе въ остаткахъ стараго. Хотя высокое начало, что красота искусства существуетъ только для духа и черезъ него проникло въ полу-сгнившее зданіе бездушной теоріи формъ, однакожь оно тускло и свѣтитъ только тамъ, гдѣ сама сила содержанія побѣждаетъ инерцію средины, какъ, напримѣръ, въ изслѣдованіи существа поэзіи. И то, замѣтимъ — въ видѣ исключенія! Такъ, въ этой эстетикѣ разсматриваются почти всѣ главныя задачи искусства, встрѣчаемъ глубочайшіе и вѣрнѣйшіе взгляды на искусство и художественную жизнь, между-тѣмъ, какъ ея основное направленіе, главныя движущія идеи нерѣдко не имѣютъ никакой съ ними связи и даже прямо имъ противорѣчатъ. Эти-то старыя стѣны, препятствующія новому зданію, нужно уничтожить до основанія. Но единственно-возможный способъ такой могучей критики есть построеніе на основаніи того высшаго начала новой теоріи, развитой до мельчайшихъ ея частностей. Одно дѣйствіе тутъ убѣдительно! Но этотъ трудъ требуетъ многихъ приготовленій. Простому нападенію, простому отрицанію принципа препятствуетъ то, что вездѣ, гдѣ оказывается вредное вліяніе идеалистическихъ отголосковъ, встрѣчаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по причинѣ выше объясненной, воззрѣнія, прямо противорѣчащія той идеальной теоріи, которая, однакоже, составляетъ ихъ основаніе. Оба начала: маніеристическая идеальность и болѣе глубокое, умозрительное воззрѣніе живутъ другъ подлѣ друга въ безсознательномъ мирѣ.

Основная идея эстетики все еще вполнѣ маньеристическая. Свысока смотря на природу, маньеристы ожидали спасенія искусства отъ такъ-называемыхъ идеальныхъ, или, лучше сказать, ненатуральныхъ, неестественныхъ формъ. Такъ-какъ для нихъ эта форма была главнымъ, а содержаніе, которое онѣ представляютъ — дѣломъ побочнымъ, то они лишили тѣмъ самымъ искусство его настоящаго содержанія и насильственно разорвали его необходимую связь съ жизнію и исторіей. Точно такимъ же образомъ и въ этой эстетикѣ искусство провозглашается убѣжищемъ отъ неполноты и

(*) Маньѐристы—школа въ искусствѣ въ среднихъ вѣкахъ.

разрывчатости обыкновеннаго бытія, слѣдовательно, только теоріей изящнаго предмета. Прекрасное должно существовать; но такъ-какъ его нѣтъ въ природѣ, то *искусство должно создать его*. Возвышеніе искусства надъ природой должно быть понято двоякимъ образомъ. Маньеристы поняли его чисто-формально. Гораздо тонѣе второй способъ пониманія, данный высшимъ началомъ эстетики. Сознаніе единства природы и духа ставитъ уже съ самаго начала всю природу подъ точку зрѣнія разумности, оставляя въ ней безъ вниманія все то, чтò не говоритъ прямо сознательному разуму, а относится къ воспріятію формъ, цвѣтовъ и звуковъ. Это ученіе понимаетъ искусство исключеніемъ всего того, чтò въ природѣ непонятно, противоразумно (begriffswidrig), случайно или безъ мысли, понимаетъ отдѣленіемъ всего чисто-вещественнаго. Недостаткомъ природно-прекраснаго полагается отсутствіе полнаго, прозрачнаго развитія идеи, а задачею искусства— именно представить идею во внѣшности, какъ живое недѣлимое. То, что въ природѣ тускло и разбросано, соединяется въ искусствѣ въ одно гармонически-прозрачное цѣлое.

Такой взглядъ на искусство есть именно тотъ пунктъ, гдѣ двусмысленность и внутренняя неясность, происходящія отъ маньеристическаго презрѣнія къ природѣ, выказываются самымъ очевиднымъ образомъ. Это начало органическаго самоопредѣленія и гармонической прозрачности можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что произведеніе искусства есть въ самомъ-себѣ органическій міръ и что идея его производитъ свободно изъ самой-себя свою форму, совершенно независимо отъ внѣшнихъ, постороннихъ опредѣленій (Bestimmung), вліяній. Нельзя сомнѣваться, что и умозрительная эстетика имѣетъ это сознаніе. Послѣдовательно развитое оно есть и будетъ вѣчное основаніе науки объ искусствѣ. Но такъ-какъ это начало выведено изъ недостаточности непосредственнаго бытія и изъ необходимости возвыситься надъ нимъ, то съ нимъ вмѣстѣ неразрывно связано понятіе простаго идеализированія, процесса простаго очищенія непосредственной дѣйствительности, а это понятіе не только препятствуетъ полному примѣненію начала, но даже часто выступаетъ само на первый планъ, заслоняя его собою. Въ-слѣдствіе того, искусство, по понятію умозрительной эстетики, есть не свободное чувственное выраженіе мысли, а духовное перерожденіе, воспроизведеніе или отраженіе натуральной дѣйствительности, простое возведеніе въ степень (Potenziren), или преображеніе обыкновеннаго. Такимъ образомъ, искусство дѣлается калейдоскопомъ. Его формы и òбразы имѣютъ значеніе сами по-себѣ и для себя; они суть объидеализированные, возвысившіеся надъ своею конечностью предметы природы, а не символическое въ обширномъ значеніи слова изображеніе, не индивидуальный образъ мысли, прозрачный какъ кристаллъ.

Это воззрѣніе на искусство такъ несовмѣстно съ существомъ и основаніями новой философіи, что оно объясняется только вліяніемъ старыхъ догматовъ, наслѣдуемыхъ какъ потомственная болѣзнь. Но во всякомъ случаѣ непонятно его стараніе провозгласить главнымъ своимъ моментомъ то, что въ немъ преимущественно показано различіе между прекраснымъ въ природѣ и въ искусствѣ, такъ-что даже превосходство искусства надъ природой обратилось въ пословицу. Указаніе на недостатки природной красоты, снятіе и побѣжденіе ихъ фантазіей, признано дѣломъ и назначеніемъ искусства. Не нужно ссылаться на многочисленныя сочиненія гегелистовъ объ искусствѣ, какъ, на-прим., извѣстное «Введеніе въ Исторію Искусства» Шназа, которое въ этомъ случаѣ можетъ служить образцомъ, чтобъ показать сосуществованіе высшаго начала рука-объ-руку съ этимъ низшимъ. У самаго Гегеля раздоръ обоихъ принциповъ проявляется довольно - характеристически.

Весьма-поучителенъ въ этомъ отношеніи трактатъ объ идеалѣ (часть I, стр. 193–219). Хотя на стр. 317 весьма-вѣрно положено различіе между формами искусства и формами природы въ томъ, что послѣднія имѣютъ непосредственное, самостоятельное значеніе, между-тѣмъ,какъ первыя одно символическое; однакожь самое опредѣленіе искусства двусмысленно (стр. 197): «идеалъ есть дѣйствительность, отрѣшенная отъ частностей и случайностей, ибо внутреннее этой (дѣйствительности) внѣшности проявляется въ немъ (въ идеалѣ) живою индивидуальностью». Но двойственность этого опредѣленія дѣлаетъ смыслъ его сомнительнымъ. Сомнѣніе совершенно исчезаетъ, когда при дальнѣйшемъ развитіи понятія идеала, мы встрѣчаемъ подобныя мѣста:

«Эта идеальность возвышаетъ, облагороживаетъ предметы, неимѣющіе безъ нея никакой цѣнности и которые она, не смотря на ничтожное ихъ содержаніе, ставитъ себѣ цѣлію; она обращаетъ наше вниманіе на то, что̀ мы совершенно упустили бы изъ виду. То же самое совершаетъ искусство въ отношеніи времени. Оно увѣковѣчиваетъ то, что̀ въ природѣ мимолетно, мгновенную улыбку на устахъ, бѣглый лучъ свѣта, равно и духовныя черты человѣческой жизни, дѣянія, приключенія, событія, приходящія и исчезающія, какъ метеоры, все и каждое освобождаетъ искусство отъ мимолетнаго существованія и побѣждаетъ такимъ образомъ природу».

Такое противорѣчіе въ основномъ понятіи должно необходимо отразиться на всѣхъ дальнѣйшихъ изъ него выводахъ. И дѣйствительно, въ самыхъ конечныхъ заключеніяхъ ясно видно, какъ вредно вліяніе этой идеальности. Она такъ сильна, такъ властвуетъ надъ умами, что въ ней заключается главная и единственная причина того, что значеніе искусства въ духовной жизни, равно какъ и опредѣленіе отдѣльныхъ его видовъ и ихъ задачи представляются въ совершенно-ложномъ свѣтѣ. Всегда и вездѣ встрѣчается это идеализированіе *неуклюжей* матеріи. Съ самаго начала оно уже видно въ образѣ перехода отъ природы къ искусству. Искусство должно быть отраженіемъ образа фантазіи въ чувственномъ веществѣ, т. е., единствомъ субъективнаго и объективнаго. Это понятіе есть послѣдствіе, а въ извѣстномъ смыслѣ и причина скачка въ діалектикѣ, въ которомъ Гегель и Фишеръ равно провинились. Очевидно, что въ эстетикѣ, неограничивающейся однимъ искусствомъ, а изслѣдывающей прекрасное вездѣ, гдѣ только оно проявляется въ жизни и природѣ, то мѣсто, которое здѣсь назначено образовательному искусству, должно быть занято такою степенью развитія, которое едва-ли можетъ еще назваться искусствомъ и потому съ чрезвычайно-вѣрнымъ тактомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма-неправильно съ точки зрѣнія умозрительной философіи исключена изъ систематическаго ея построенія. А именно: если безсознательность природы и безобъективность фантазіи должны слиться въ одно высшее единство, то это единство, которому присущи оба момента, есть такая ступень, на которой природное вещество, данное извнѣ и, слѣдовательно, случайное, формируется и преобразуется фантазіей и сперва такъ, что это творчество ея еще связано и условлено внѣшнимъ веществомъ. Эта еще не свободная степень распадается на столько видовъ, сколько есть видовъ непосредственности. Въ неорганической природѣ она есть садоводство; въ органической гимнастика и оркестика (часть гимнастики), въ области сознательнаго духа и его мимическаго выраженія, драматическое искусство и вообще жизнь прекрасной индивидуальности (искусство жизни, эстетическое воспитаніе Грековъ). Эти искусства суть преобразованіе и объидеализированіе непосредственной дѣйствительности, но именно по причинѣ ихъ упорной матеріи они собственно еще не искусства. Еслибъ умозрительная эстетика приняла ихъ въ свое діалектическое развитіе, то внутреннимъ ихъ противорѣчіемъ и снятіемъ его открылся бы совершенно свободный взглядъ на су-

щество искусства, которое единственно состоитъ въ выраженіи мысли, а не въ идеальномъ преобразованіи и просвѣтленіи. Теперь же, когда этотъ посредствующій членъ упущенъ изъ вида, то его назначеніе переводится на образовательныя искусства. Фишеръ опредѣляетъ ихъ группою искусствъ, произведенія которыхъ раздѣляютъ съ природой характеръ объективности, ибо они проявляются въ пространствѣ въ видѣ тяжелой массы; но, хотя существуя въ вещественной формѣ, они носятъ печать идеальности, какъ всѣ художественныя произведенія, конечно, съ ограниченіями, зависящими отъ бездушной матеріи. Существо этихъ нѣмыхъ, массивныхъ искусствъ, какъ называетъ ихъ Фишеръ, заключается, по его мнѣнію, именно въ матеріальной тяжести и массивности; они должны быть объидеализированной тяжелой матеріей, какъ-будто-бы эта матерія, а не чувственно-наглядныя формы составляетъ существо образовательныхъ искусствъ. Только посредствомъ этого объидеализированія матеріи возвышаются они надъ простымъ ремесломъ. Гегель также даетъ это значеніе образовательнымъ искусствамъ, и въ-слѣдствіе того понимаетъ ихъ выработываніемъ, исходомъ духа изъ голой матеріальности къ сосредоточенности мышленія, прогрессомъ, шествіемъ отъ крайняго предѣла объективности. Задачу архитектора полагаетъ онъ въ выработываніи внѣшней неорганической природы, такъ, чтобъ она (природа) сроднилась съ духомъ, будучи преобразована въ художественную внѣшность. «Архитектура», говоритъ онъ: «приготовляетъ путь полной дѣйствительности Божіей, и въ этомъ служеніи трудится надъ объективной природой, чтобъ извлечь ее изъ конечности и безобразія случайности. Поэзія же есть обратный переходъ въ отвлеченность мышленія, общее искусство свободнаго духа, не связаннаго внѣшнимъ матеріаломъ, созидающаго во внутреннемъ пространствѣ и внутреннемъ времени ощущеній и представленій. Искусство, какъ освобожденіе духа изъ матеріальнаго міра, выводится слѣдующимъ образомъ: «Человѣкъ, заключенный со всѣхъ сторонъ въ конечность, ищетъ области высшей, субстанціальнѣйшей истины, въ которой всѣ различія и противорѣчія конечнаго нашли бы последнее свое рѣшеніе и свобода (духа) полное удовлетвореніе». Слѣдовательно, по Гегелю, искусство есть нижайшая ступень этого міра, потому-что она первая; это непосредственное и потому чувственное знаніе, знаніе въ формѣ и образѣ объективности, между-тѣмъ, какъ задача духа—«сознать себя въ общности мысли». Отдѣльныя искусства понимаетъ Гегель различными ступенями этой лѣстницы, а поэзію разрѣшеніемъ, снятіемъ искусства вообще. Такъ-какъ въ искусствѣ духъ еще тѣлесенъ, то оно есть еще не соотвѣтственная ему, недостаточная ступень развитія, ступень, которая должна современемъ уничтожиться. Однажды только, именно въ классическомъ идеалѣ, оправдано оно совершенно; символическій идеалъ есть идея, еще не вполнѣ побѣдившая матерію, романтическій—идея, которая, какъ чистая духовность, паритъ надъ внѣшнею формой искусства, т. е., разрываетъ ея предѣлы, снимаетъ ее. Однимъ словомъ, гегелево воззрѣніе на искусство выросло прямо изъ громогласнаго изреченія Канта: «вся поэзія, начиная съ Гомера, доказываетъ только неспособность къ чистому мышленію».

Безъ всякаго сомнѣнія, художественная практика, вытекающая изъ такого ложнаго начала, должна вполнѣ ему соотвѣтствовать и неудивительно; что люди, привыкшіе къ серьёзному мышленію, не имѣютъ охоты углубляться въ эти *бездѣлки*. Практика эта никогда не превышаетъ того вялаго разукрашиванія природы, которое съ давнихъ поръ блуждаетъ по міру, какъ пустой призракъ. Въ образовательныхъ искусствахъ, ясно высказываютъ архитектора, ваятели и живописцы какой духъ управляетъ ими. Въ архитектурѣ видимъ искусство не выливающееся ра-

зомъ изъ одного внутренняго источника, по законамъ единаго самаго по себѣ необходимаго стиля, отражающаго духъ времени и національность, а только старающееся отдѣляться какою-нибудь пестрой мишурой орнаментики. Въ скульптурѣ и живописи встрѣчаемъ жалкое искусство, которое творитъ не потому - что его побуждаетъ внутреннее содержаніе, а только для произведенія красивыхъ формъ и красивыхъ предметовъ. Красивыя формы — вотъ самое главное; какое же въ нихъ будетъ вставлено содержаніе — это все равно, такъ-какъ совершенно одинаково (для содержанія) будутъ ли эти формы какъ прежде блѣдныя и тощія, или, какъ теперь у мюнхенской школы, скопированныя со стараго итальянскаго стиля. Въ обоихъ случаяхъ онѣ чистая внѣшность. Художники нашего времени—идолопоклонники, ихъ идолы—прекрасныя формы!

Отъ отсутствія содержанія происходитъ странное отсутствіе такта въ выборѣ предмета, разительно-мелочная штриховка и черезъ-чуръ заботливая отдѣлка, не дающая ни одному роду вполнѣ развиться и которая, чтобъ быть ужь особенно-красивою, набрасываетъ всѣ роды пестро одинъ на другой, безъ всякаго чувства стиля. Древніе маэстры думали иначе. Они хотѣли въ своихъ твореніяхъ что-нибудь высказать, каждый по-своему и, исполнивъ это, считали, что сдѣлали свое дѣло. Все остальное, какъ второстепенное, побочное, обозначали они только слегка. Такъ творила древняя пластика, и всѣмъ извѣстно, какъ легко отдѣлывалъ Рафаэль ландшафтный фонъ своихъ картинъ. Наконецъ, въ поэзіи мы встрѣчаемъ то идеализирующее обработываніе историческаго матеріала, которое можно назвать въ балладѣ и драмѣ драматическими анекдотами въ обширномъ смыслѣ. Обыкновенно тутъ же наряду идетъ требованіе тождества искусства съ исторіей, и данные характеры и положенія сравниваютъ съ искусственно-обработанными. Конечно, въ истинной драмѣ будетъ вѣять характеромъ того времени, откуда заимствовано содержаніе, но эта историческая эпоха есть только средство, ибо цѣль въ (драмѣ) совсѣмъ не портретъ того времени, а мысль, въ немъ воплощенная, идея. Исторія, говоритъ чрезвычайно вѣрно Геббель въ своемъ разсужденіи о драмѣ, есть для поэта средство воплощенія его воззрѣнія, а не обратно. Глубоко вкоренилось въ наши эстетическія понятія это чисто-идеализирующее подражаніе исторіи. Гуцковъ даже сдѣлалъ при разборѣ Женовевы забавный вопросъ: а куда дѣвалась сцена съ оленемъ? А гдѣ же мотивы въ самой пьесѣ?

Такому безсмысленному принципу противорѣчитъ вся исторія. Она прежде всего показываетъ намъ, что *источникъ искусства не отвлеченная идеальность и безъотносительная красота, а живая, индивидуальная мысль.* Наивныя, но полныя содержанія народныя пѣсни ясно доказываютъ, что *человѣкъ въ искусствѣ* только изливаетъ избытокъ чувства, и что образовательныя искусства не что иное, какъ стремленіе человѣка къ подобіямъ своихъ боговъ и къ памятникамъ событій своей жизни. Происхожденіе этихъ искусствъ чисто-монументальное, знаменательное. Начинаются они съ безобразныхъ камней, набросанныхъ грубыхъ кургановъ, жалкихъ хижинъ; потомъ содѣлываются эти символическіе знаки все болѣе и болѣе сообразными съ своею мыслію, пока форма и содержаніе взаимно покроютъ другъ друга и формальная ловкость превратится по-видимому въ безцѣльную и веселую игру. И потому народныя пѣсни всѣхъ временъ отличаются наивностью и простотою, задушевностью и теплотой выраженія, и, главное, прямымъ приступомъ къ настоящему предмету. Всегда въ нихъ дѣло идетъ о мысли, которая должна быть выражена; никогда нѣтъ и помысла объ абстрактной, безотносительной красотѣ, о прекрасныхъ формахъ. Природа и трагедія были для Грековъ богослуженіемъ (Якобса,

мелкія сочиненія разнаго содержанія, часть III, стр. 306, 439), которое было такъ величественно, весело и прекрасно только потому-что и боги, какъ и они сами, были вѣрны, веселы и прекрасны. Существо греческаго и всякаго искусства прекрасно изображено въ слѣдующихъ словахъ (Винкельманъ и его вѣкъ, стр. 281): «Не прекрасныя «формы были главною цѣлью греческаго искусства, а, напротивъ, сами «онѣ развились изъ его духа, какъ необходимое средство для выраженія «прекрасныхъ мыслей.»

Итакъ, умозрительная эстетика, не смотря на свое высшее воззрѣніе, на свободное саморазвитіе художественнаго содержанія, все еще крѣпко держится идеалистической теоріи подъ вліяніемъ своего историческаго происхожденія. Чтобъ освободиться отъ этихъ оковъ, она необходимо должна перестать выводить существо и происхожденіе искусства изъ недостаточности непосредственной дѣйствительности, представляющей собою частности и внѣшнія случайности. Совершенно обратно, «человѣческій духъ и его потребность выразить себя въ полномъ своемъ существѣ, должны быть приняты за исходный пунктъ». Тогда только можно надѣяться, что эстетика выдержитъ пробу эмпиріи. Притомъ же, не надобно забывать, что вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ искусствѣ, должно брать въ соображеніе еще второй моментъ—выраженіе, и условливаніе его чувственно матеріей. Предметъ можетъ быть красивъ въ природѣ и отвратителенъ въ искусствѣ, и обратно, предметъ, самъ по-себѣ непріятный, даже голый, какъ, на-примѣръ, крокодилы, жабы, будучи перенесенъ въ область искусства, можетъ производить выгодное впечатлѣніе. Руморъ достаточно доказалъ, что если мы произведеніе искусства разложимъ на изобрѣтеніе, изображеніе и предметъ, то первыя силы дѣятельныя; предметъ же въ-отношеніи къ художнику чисто-страдателенъ. Всякое ученіе объ искусствѣ, исходящее не отъ вдохновенія художника и его способности къ изобрѣтенію, а отъ выбора предмета, или даже довольствующееся однимъ опредѣленіемъ достоинства или малоцѣнности предметовъ, видимо начинаетъ съ конца, должно остаться тощимъ, поверхностнымъ и вмѣстѣ ложнымъ и кривымъ, по той причинѣ, что оно всѣ части искусства ставитъ въ фальшивое отношеніе другъ къ другу.

Итакъ, генетическое развитіе искусства, поставленное на чисто-антропологическую почву, должно начать съ признанія его (искусства) «произведеніемъ духа человѣческаго, слѣдовательно, его выраженіемъ и одѣйствотвореніемъ». Человѣкъ практически осуществляетъ себя въ жизни и ея высшей сферѣ — исторіи; теоретически изучаетъ онъ тайны всего сущаго, т. е. природы и самого себя, принимаетъ ее въ себя и въ ней наслаждается собою. Умозрительная философія разсматриваетъ науку, какъ всецѣлое познаваніе природы и духа. Элементъ науки есть мышленіе, логическая мысль, которой непосредственное выраженіе есть языкъ. Но между языкомъ и живою, чувственною дѣйствительностью — разрывъ. Первый движется только въ элементѣ общности, послѣдняя же имѣетъ исключительно чувственное, исключительно отдѣльное, единичное бытіе. Умозрительная философія сама сознаетъ это противорѣчіе между языкомъ и индивидуальною жизнью, но разрѣшаетъ его только въ пользу языка:

«Все, общее проявляется въ частностяхъ, единичностяхъ, все можетъ быть и есть дѣйствительно *это, теперь, здѣсь.* Но *это, теперь, здѣсь*, представленія, которыя я имѣю на основаніи чувственной достовѣрности, могу я только показать, но никакъ не сказать. Въ ту минуту, какъ я произношу эти частности, я обращаю ихъ во всеобщность. Слѣдовательно, языкъ выражаетъ эти частности въ ихъ всеобщности (*это, теперь, здѣсь* суть частныя формы существованія всего, общаго), въ ихъ неизмѣнности, потому-что все остает-

ся, не смотря на измѣненія единичностей, словомъ, въ ихъ истинѣ.»

Это пунктъ величайшей важности для идеи искусства и потому заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Въ извѣстныхъ сочиненіяхъ: «Критика Гегелевой Философіи», напечатанной въ «Галльскихъ Лѣтописяхъ» (Hallische Jahrbücher) 1839, № 208—216, «Философія Будущности» и «Предварительныя Положенія къ Преобразованію Философіи», разбираются преимущественно эти первыя главы гегелевой феноменологіи, т. е. о чувственной достовѣрности или о представленіяхъ *это* и *мое*. Тамъ обращается вниманіе на то, что представленія *теперь*, *здѣсь*, *это*, которыя въ языкѣ обобщаются, совсѣмъ не реальныя, а только логическія. Они не указательные hic, haec, hoc, а только схоластическое haecceitos, не дѣйствительный, чувствоподлежательный внѣшній міръ, а только мысль о другой формѣ бытія мысли, гдѣ, натурально, мысль уже заранѣе увѣрена въ своей побѣдѣ надъ противною партіей. Но потому только, что я единичное, частное, могу лишь указать, а не сказать, оно еще не ничтожно, не ложно. Реальное бытіе не есть одна мысль, какъ бытіе чисто логическое. Осуществленная, чувственно-существующая мысль должна быть нѣчто иное отъ частой мысли; она не можетъ выразиться вполнѣ въ этой послѣдней. Всѣ практическія обстоятельства жизни основаны на этой осязательной, чувствоподлежательной единичности, и потому-то дѣлаю я ихъ предметомъ не только моего мышленія, но и еще болѣе моихъ чувствъ. Пища и питье не суть опроверженія истины чувственнаго, единичнаго бытія, какъ думаетъ Гегель, а, напротивъ, тутъ-то именно эта реальная истина и дѣлается наиболѣе ощутительною. Я живу не логическимъ хлѣбомъ, не хлѣбомъ in abstracto, который есть предметъ языка, но только единичнымъ, чувственно-указуемымъ, но не сказуемымъ. Потому, если несказуемость есть неразумность, то всякое бытіе, по той причинѣ, что оно всегда *это* бытіе — нелѣпость. Но оно не нелѣпость. Бытіе имѣетъ само-по-себѣ, и безъ сказуемости, смыслъ и разумность. Философы - соціалисты упрекаютъ Фейербаха въ томъ, что онъ, въ доказательство противъ Гегеля, утверждающаго неправду и неразумность индивидуальнаго бытія, приводитъ сферу права, основанную чисто на различіи и исключительности *моего* и *твоего*. Соціалисты отрицаютъ эту исключительность *моего* и *твоего*, какъ основаніе нашихъ *правовыхъ* и соціальныхъ отношеній. Но этотъ упрекъ перемѣняетъ совершенно точки зрѣнія, потому-что у Фейербаха идетъ дѣло только объ истинѣ и разумности частнаго, реальнаго бытія; въ томъ же вопросѣ объ отношеніи моего *я* къ этому единичному бытію, о вопросѣ естественнаго права, объ исключительности владѣнія и собственности.

Итакъ, какъ ни глубоко-вѣрно воззрѣніе умозрительной философіи о природѣ и духѣ, какъ ни твердо будетъ оно вѣчно стоять, но ложно дальнѣйшее ея заключеніе, что существо духа должно вполнѣ выразиться въ мышленіи, органомъ котораго есть языкъ, мышленіи, движущемся, слѣдовательно, въ сферѣ общности и самозаключенія; ложенъ ея выводъ, что всякое познаніе должно быть общее и разумное (begrifflich). Духъ и мышленіе, въ смыслѣ чистаго, разумнаго (begrifflich) мышленія, совсѣмъ не синонимы. По той причинѣ, что слово всегда обще, предметъ же всегда индивидуаленъ, мысль, основанная только на словѣ, никогда не можетъ снять этого противорѣчія. Познаваніе сохраняетъ разрывъ въ самомъ себѣ.

Теперь будетъ ясно, куда ведетъ все предъидущее. Обратимся сперва къ конкретному примѣру. Габлеръ («Философская Пропедэвтика», стр. 140), для опроверженія чувственной достовѣрности, ссылается на описанія природы и подобныя изображенія, въ которыхъ часто ищутъ спасенія плохіе поэты и писатели. Но тѣмъ, что они

все вяло и тривіально твердятъ о невозможности ихъ описать, еще не опровергается ихъ разумность, еще не доказываетъ, что та часть, которую невозможно описать, дѣйствительно ничтожна и ничего незначуща. *Опровергается* только языкъ. Чего не въ состояніи сдѣлать словесное описаніе природы, то возможно для живописи; въ этомъ-то и заключается ихъ различіе. Это признаетъ и Гегель (гегелева «Эстетика», часть III, стр. 83). Изъ этого выводимъ, что *все индивидуальное, будучи предметомъ чувствъ, наглядности, ощущеній и любви, а не языка, должно быть и схвачено чувственно-индивидуально.* Не довольствуясь одною безцвѣтною и безчувственною абстракціей, духъ ищетъ покрыть этимъ чувственно индивидуальнымъ способомъ бездну между отвлеченнымъ, общимъ, и между единичнымъ. Онъ мыслитъ не въ одной формѣ языка, лишеннаго образности и замкнутаго въ самагосебя, но какъ цѣлостный, т. е. чувственно-духовный человѣкъ, мыслитъ всѣмъ своимъ существомъ, сердцемъ и чувствами своими, и потому обратно изображаетъ эти мысли, созерцанія и чувства такимъ способомъ, въ которомъ не улетучивается, какъ въ языкѣ, чувственно-живое существо индивидуальнаго, а, напротивъ, представляется глазамъ во всей полнотѣ. *Этотъ способъ мышленія и изображенія есть искусство.* Будучи духовною дѣятельностію, будучи мышленіемъ, оно имѣетъ въ себѣ элементы общности; какъ и наука, оно есть познаваніе общаго, вѣчнаго, идеи, только не абстрактной, безформной и безцвѣтной, а осуществленной и опоэтизированной въ индивидуальной свѣжести жизни. Поэзія, какъ и наука, имѣетъ своимъ органомъ выраженія языкъ. Но въ ней блѣдное слово согрѣто живою кровью конкретной формы: тутъ не слова говорятъ, а образы. *Искусство есть языкъ, но отличный отъ языка разумнаго* (begrifflich), и *по этому специфическому его отличію необходимо и существенное дополненіе научнаго мышленія.* Только наука и искусство, вмѣстѣ взятыя, составятъ полное выраженіе теоретическаго духа.

Тѣмъ самымъ, однакожь, не истощается понятіе искусства. Но мы можемъ пока довольствоваться этимъ очеркомъ, потому-что тутъ дѣло идетъ не столько о самыхъ тайнахъ искусства, сколько о наукообразномъ построеніи эстетики. Мы разсматривали обще-антропологическое понятіе, а не собственно эстетическое; иначе слѣдовало бы объяснить, почему не всѣ индивидуально-чувственныя созерцанія, какія мы встрѣчаемъ въ жизни, могутъ быть названы искусствомъ и въ чемъ именно заключаегся тотъ процессъ, въ-слѣдствіе котораго подобное созерцаніе кристаллизуется въ художественное. Но все это принадлежитъ къ самому развитію эстетики, а не къ ея пролегоменамъ.

Итакъ, изъ понятія, нами развитаго, остается вывесть отдѣльныя искусства и ихъ роды. Но прежде необходимо нѣсколько замѣчаній.

Руморъ такой глубокій знатокъ, и имѣетъ такое истинно-художественное воззрѣніе, что даже въ теоретическихъ вещахъ приходится часто на него ссылаться. Очевидно, что онъ приходитъ къ подобному же заключенію путемъ чисто-эмпирическимъ. Отличительною чертой искусства онъ полагаетъ то, что *оно постигаетъ и изображаетъ предметы не такъ, какъ разумъ, по частямъ и отдѣльнымъ свойствамъ, но въ цѣломъ, и притомъ не въ развитіи, а мгновенно.* Потомъ онъ продолжаетъ: «Есть люди, которые внѣ идеи, мысли, не могутъ себѣ представить никакой духовной жизни, которые еще не поняли, что въ основаніи самаго абстрактнаго мышленія, гдѣ только оно не движется въ пустыхъ формахъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, подобно упражненіямъ школьниковъ въ считаніи буквъ, что въ основаніи самаго абстрактнаго мышленія, повторяю я, гдѣ только оно имѣетъ содержаніе и глубину, необходимо лежитъ наглядное, чувственное. Этимъ господамъ можетъ

показаться, что чрезъ такое объясненіе искусство унижается и низводится въ сферу внѣшняго и матеріальнаго, между-тѣмъ, какъ мы сами вполнѣ убѣждены, что искусство должно быть перенесено въ святыню нашей духовной дѣятельности». Въ этомъ одномъ назначеніи имѣетъ искусство ручательство своей вѣчности. Только чрезъ него дѣлается понятнымъ, почему *истинное художественное произведеніе есть нѣчто таинственное, непонятное и невыразимое для чистаго мышленія. Художественное наслажденіе есть наслажденіе всего моего существа, которое вмѣстѣ и чувственно и духовно*, свободная гармоническая игра всѣхъ силъ душевныхъ, какъ выражаются кантовы ученики.

Ясно, что при такомъ понятіи искусство удаляется отъ всѣхъ практическихъ цѣлей. Точка зрѣнія умозрительной эстетики по преимуществу практическая: искусство существуетъ только потому - что въ природѣ нѣтъ истинно - прекраснаго. Капитолійская и Медичейская Венеры должны быть идеалами женской красоты; ландшафтная живопись должна очистить ландшафтъ отъ всего случайнаго. Между-тѣмъ, искусство далеко не превосходитъ природу; вездѣ уступаетъ оно ей въ свѣжести и полнотѣ жизни. Въ этомъ-то смыслѣ говоритъ Гёте, что всѣ формы искусства имѣютъ въ себѣ нѣчто ложное, даже самыя вѣрныя, самыя прочувствованныя. Пусть спроситъ себя каждый, не обращались ли невольно его глаза въ трибунѣ во Флоренціи отъ Венеры Медичейской на живыя,одушевленныя формы прекрасныхъ женщинъ, разсматривавшихъ статую, на ихъ прелестно-застѣнчивую улыбку; или, если это кажется слишкомъ-грѣшнымъ для нѣкоторыхъ набожныхъ душъ, спрашиваю, не лучше ли во сто разъ, не гармоничнѣе ли всякой прекраснѣйшей картины отзывается въ нашей душѣ Неаполитанскій-Заливъ въ своей очаровательной дѣйствительности? Но цѣль искусства и не заключается совсѣмъ въ такомъ неровномъ соперничествѣ. *Оно есть языкъ, ничто болѣе, какъ языкъ, чувственное выраженіе нашихъ чувственныхъ мыслей, ощущеній и созерцаній.* И только по той причинѣ, что это индивидуально-чувственное содержаніе не можетъ быть выражено никакимъ другимъ способомъ, какъ въ этихъ чувственныхъ формахъ природы и жизни, только потому и говоритъ ими искусство. Итакъ, если подъ *искусствомъ* будутъ понимать этотъ *чувственно-наглядный способъ мышленія и выраженія*, то уже не можетъ быть вопроса о томъ, что предметы природы должны входить въ искусство своею сущностью, или, сохраняя архитектоническій образъ Фишера, своимъ разрѣзомъ, и все вниманіе обращено только на то въ природѣ, въ чемъ проявляется ея душа, ни въ безмолвный, глубокосмысленный языкъ, ни въ символистику, ни въ физіономическія, характеристическія формы выраженія. Эта природная символистика заключается не въ реальной вещественности самыхъ предметовъ, а только въ ихъ отношеніяхъ въ пространствѣ, въ ихъ формахъ, цвѣтахъ, тонахъ и характерахъ. Это специфическій языкъ, на которомъ мыслитъ и говоритъ художникъ и формы природы имѣютъ для него точно такой же смыслъ, какъ слова для говорящаго. Принципъ подражанія природѣ и вѣренъ и ложенъ вмѣстѣ. Вѣренъ онъ въ томъ смыслѣ, что художникъ никогда не долженъ измѣнять формъ выраженія, предначертанныхъ вѣчнымъ разумомъ природы и ихъ символистики, ибо въ природѣ даны, готовы формы, какъ для чувственнаго, такъ и для духовнаго содержанія; ложенъ онъ, ибо требуетъ, чтобъ искусство рабски придерживалось самыхъ реальныхъ образовъ природы. Греческое искусство говоритъ всегда и вездѣ въ формахъ природы, въ естественныхъ формахъ, но перескакиваетъ и перемѣниваетъ между собою родовыя различія, когда дѣло идетъ о выраженіи такого содержанія, котораго нѣтъ въ самой матеріи при-

роды. Поѣзды Бахусовъ и Посидоновъ служатъ тому доказательствомъ. По этой самой причинѣ равно справедливо восхваляютъ и идеальность и вѣрность природы греческаго искусства. Тотъ же самый законъ существуетъ и для новѣйшаго искусства, хотя и измѣненный другимъ міросозерцаніемъ. Что этотъ законъ не предписываетъ аллегоріи и дидактической тенденціи, доказываютъ всѣ великія произведенія искусства. *Искусство тѣмъ отличается отъ науки, что оно имѣетъ свой предметъ не внѣ себя, какъ наука, а въ себѣ-самомъ; что оно не говоритъ о своемъ предметѣ, а осуществляетъ всю своею дѣятельностью.* Надобно искусству отдать ту справедливость, что то, что оно говоритъ, невозможно сказать въ другой формѣ.

Выше было замѣчено, что у Гегеля часто встрѣчаемъ важнѣйшія и глубочайшія опредѣленія, хотя и независимо отъ собственнаго его принципа. Особенно интересно то, что Гегель, при изслѣдованіи различія между поэзіей и прозой, опредѣляетъ поэзію почти такъ же, какъ мы опредѣлили искусство вообще. Онъ говоритъ («Эстетика» часть III, стр. 242): «разумное познаваніе не обращаетъ вниманія на случайную единичность, частность, или проходитъ безъ вниманія ея сущность и не довольствуется раздѣленіями и простыми отношеніями рефлекціи; а совокупляетъ въ свободную цѣлостность то, что для конечнаго созерцанія частію распадается на самостоятельные предметы, частію является въ одностороннемъ отношеніи. Но мышленіе имѣетъ результатомъ однѣ мысли; оно улетучиваетъ форму дѣйствительности въ форму чистаго понятія и даже тогда, когда схватываетъ дѣйствительные предметы въ ихъ конечной особливости и дѣйствительномъ бытіи, возводитъ это особенное въ общій, идеальный моментъ, въ которомъ одномъ мышленіе у себя дома. Такимъ-образомъ, насупротивъ міра явленій возникаетъ новое царство, которое хотя и есть истина дѣйствительнаго бытія, но истина уже не проявляющаяся обратно въ немъ, какъ сила имъ управляющая и собственная душа его. *Мышленіе есть только примиреніе истиннаго и реальнаго въ явленіи; поэтическое же творчество—примиреніе въ формѣ реальнаго, хотя только духовно-представленнаго явленія*».

Это исходный пунктъ и коренное начало антропологической теоріи искусства. Остается только развить выводы, въ немъ лежащіе, объясненіе которыхъ и составляетъ всю науку объ искусствѣ. Можно ясно предвидѣть тѣснѣйшую связь, долженствующую соединить теорію съ исторіей — но не будемъ заглядывать впередъ. Пока объ одной теоріи.

Эта идеальная чувственность человѣка, которую мы признали основаніемъ всякаго искусства, есть фантазія. Первая часть теоріи искусства должна заняться изслѣдованіемъ ея существа, разсматривая, что она такое сама-по-себѣ и для себя и какъ возводится въ степень чисто-художественной. Эта первая часть заключаетъ въ себѣ антропологическое происхожденіе (генезисъ) искусства; ее можно назвать ученіемъ о фантазіи или эстетикой. Тѣмъ самымъ это первоначальное названіе науки объ искусствѣ, оказавшееся тѣснымъ при дальнѣйшемъ ея развитіи, приводится къ своему чисто-психологическому происхожденію. Умозрительная эстетика разсматриваетъ фантазію въ ея субъективной градаціи какъ талантъ, частный геній и собственно геній; а въ ея главныхъ объективныхъ историческихъ формахъ, какъ классическій, романтическій и новѣйшій идеалъ. Но историческія формы не относятся къ теоріи, а такъ-какъ одному генію удается довесть свои творческіе образы до той совершенной, кристаллической прозрачности, которая и содѣлываетъ ихъ истинно-художественными произведеніями, то геній одинъ, въ строгомъ смыслѣ, и подлежитъ разсмотрѣнію. Послѣ того, какъ геній будетъ изслѣдованъ, сколько позволяютъ

немногіе для сего существующіе предварительные труды, въ цѣломъ и полномъ его развитіи и въ его процессѣ художественнаго творчества до его сокровеннѣйшихъ фибръ (*), тогда только надобно будетъ указать на талантъ и частный геній, какъ на нецѣлыя, неполныя, на половинѣ пути остановившіяся развитія, и только для того, чтобъ указать на нихъ, какъ на личности, неимѣющія права на художественное творчество (**), и вмѣстѣ съ тѣмъ обратить все вниманіе на то, что̀ одно должно быть исходнымъ пунктомъ истинно-художественной критики. Художественный геній не только принимаетъ въ себя и отражаетъ весь міровой и жизненный процессъ во всей его чувственно-индивидуальной свѣжести и полнотѣ, но онъ умѣетъ и это внутреннее отраженіе опять изъ себя олицетворить во внѣшности. Онъ изображаетъ вѣчныя силы и идеи такъ, ка̀къ онѣ существуютъ и дѣйствуютъ въ полнотѣ жизни индивидуальнаго бытія, и для него индивидуальное только въ той мѣрѣ имѣетъ цѣну и жизненную силу, какъ оно носитъ на себѣ печать того вѣчнаго содержанія. Такимъ образомъ, дѣятельность и творчество художественной фантазіи распадаются на два различныя направленія, которыя, однакожь, тѣснѣйшимъ образомъ другъ друга проникаютъ и обусловливаютъ. Съ одной стороны, фантазія связана съ общимъ, отвлеченнымъ, и представляетъ это отвлеченное въ видѣ индивидуальнаго, т. е. индивидуальное въ его необходимой связи и единствѣ съ разумомъ и вѣчнымъ порядкомъ міра, и потому бываетъ въ произведеніи различна, смотря по тому положенію, которое принимаетъ другъ къ другу разумъ и единичное бытіе. Какъ художественная діалектика, фантазія бываетъ прекрасна, когда оба момента единичности имѣютъ отдѣльныя вѣтви. Вообще, существо и задача фантазіи въ этомъ отношеніи—быть совершенно индивидуальною, отмѣченною до мелочайшихъ частностей, полною живой плоти и крови. Въ сочиненіи о высокомъ и комическомъ Фишеръ напоминаетъ полныя значенія слова Лонгина: «фантазія отъ-того получила свое названіе, что въ энтузіазмѣ и паѳосѣ ты видишь собственными глазами то, что говоришь, становясь лицомъ-къ-лицу къ самимъ формамъ.» Итакъ, языкъ искусства отличается тѣмъ, что говоритъ не понятіями, а многозначащими, полными жизни чертами и формами индивидуальнаго; то онъ распадается по самой природѣ вещей на столько различныхъ видовъ, сколько физіогномическій языкъ естественной духовной жизни представляетъ разнообразныхъ формъ для выраженія. Міръ есть или безсознательная природа, или духъ; между ними лежитъ сфера непосредственнаго, нейтральнаго единства, въ которой духъ уже существуетъ какъ духъ, но всѐ еще въ формѣ чистой естественности, какъ неопредѣленное, безъ всякаго содержанія броженіе духа внутри самаго себя, словомъ, какъ ощущеніе. По этимъ тремъ различнымъ формамъ бытія дѣлится фантазія и вмѣстѣ съ тѣмъ самое искусство. Въ формахъ чисто-матеріальной природы движется образовательная фантазія; въ формахъ сознательно-духовной — поэтическая, въ формахъ естественнаго, въ себѣ самомъ нейтральнаго, безпредметнаго

(*) Какъ это легко сказать: «когда геній будетъ изслѣдованъ до его сокровеннѣйшихъ фибръ»! А что̀, какъ этого никогда не будетъ? Для современной психологіи вѣроятность этого такъ сильна, что она навсегда отказалась отъ претензіи изслѣдовать какую бы то ни было человѣческую способность «до ея сокровеннѣйшихъ фибръ». А ужь что касается до вставочной фразы «сколько позволяютъ немногіе для сего существующіе предварительные труды, то нельзя не замѣтить, что съ помощью этихъ трудовъ ни до чего такъ не трудно добраться, какъ до «сокровеннѣйшихъ фибръ» человѣческаго духа. *Ред.*

(**) Стало-быть, частный геній и талантъ—то же, что̀ бездарность? *Ред.*

духа, т. е. въ чувственныхъ тонахъ — музыкальная. Вотъ главныя основныя формы. Онѣ тѣ же самыя, какъ и въ умозрительной эстетикѣ, потому-что даны самою природой вещей. Но способы ихъ выведенія далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли тѣмъ, что здѣсь совсѣмъ и не думаютъ о какомъ-то преобразованіи, воспроизведеніи, возведеніи въ степени этихъ трехъ царствъ природы.

Далѣе, раздѣляется образовательная фантазія опять на три главные рода, условливаемые различными родами натуральной символистики. Она бываетъ: 1) архитектоническая и, пожалуй, вообще тектоническая, когда ограничивается формами выраженія чисто-безорудной, матеріальной природы. Она движется исключительно въ линіяхъ и пропорціяхъ, посредствомъ которыхъ даетъ мертвой матеріи, употребляемой ею средствомъ изображенія, качества своей собственной натуры, то-есть, содѣлываетъ ее формой выраженія человѣческаго существа. Здѣсь, гдѣ художественная фантазія такъ близко подходитъ къ ремесленной практикѣ, здѣсь-то болѣе чѣмъ гдѣ-либо надо помнить, что искусство не есть простая передѣлка матеріи, а выраженіе опредѣленно-индивидуализированнаго содержанія. Организмъ, т. е. цѣлесообразное распредѣленіе или связь частей и отношеніе пропорцій, лежитъ во внутренней мысли. Только черезъ нее могутъ различные архитектурные стили служить зеркаломъ времени и народа. Далѣе, фантазія бываетъ: 2) пластическая, когда она мыслитъ и говоритъ во внѣшнихъ формахъ предметовъ, преимущественно въ формахъ органической природы и человѣка; 3) животная, когда она понимаетъ предметы такими, какъ они являются одухотворенными дѣйствіемъ свѣта и красокъ. По причинѣ духовной природы свѣта и красокъ, предметы входятъ въ живопись уже не въ конкретныхъ формахъ матеріальнаго, а только въ двухъ измѣреніяхъ, одухотворенными въ простое видѣніе. Эстетика должна потомъ изложить подробнѣе, какъ фантазія въ этихъ основныхъ формахъ опять обособляется и бываетъ, напр., въ поэзіи, эпическая, лирическая, драматическая и т. д.

Первая часть эстетики имѣетъ своимъ предметомъ изобрѣтеніе художественнаго произведенія, чистую дѣятельность фантазіи. Она чисто-эстетическая, такъ-сказать, физіологія фантазіи. Между-тѣмъ, фантазія должна передать во внѣшности то, что она изобрѣла, узрѣла. Изображеніемъ занимается вторая часть теоріи искусства; она заключаетъ въ себѣ ученіе о его формахъ. Различные способы изобрѣтенія, смотря по тому, будетъ ли фантазія пластическая, музыкальная или поэтическая, даютъ черезъ осуществленіе своихъ образовъ различные виды искусства. Отъ изобрѣтенія до изображенія одинъ шагъ, и потому отдѣльное ихъ разсматриваніе можетъ показаться произвольною абстракціей. Но это шагъ изъ одной области въ другую. Между-тѣмъ, какъ изобрѣтеніе остается въ себѣ-самомъ, въ своей внутренней замкнутости, въ изображеніи является новый и притомъ столько же существенный моментъ—чувственный матеріалъ и его техническая обработка. Характеристика различныхъ формъ фантазіи въ первой части должна была только показать психологически ихъ внутреннюю необходимость и раздѣленіе; здѣсь же, напротивъ, дѣло идетъ объ обусловливаніи дѣянія фантазіи, концепціи, матеріаломъ и техникой, въ которыхъ она имѣетъ проявиться.

Матеріалъ и техника разсматриваются весьма-поверхностно въ гегелевой эстетикѣ, по-крайней-мѣрѣ въ собственной систематикѣ. Это именно одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ практика нашихъ эстетиковъ далеко отбрасываетъ отъ себя узкіе кандалы бѣднаго принципа, не имѣя, впрочемъ, довольно силы, чтобъ признать свой разрывъ съ этимъ самымъ началомъ, или, что то же самое, чтобъ навсегда освободиться отъ него. На-пр.,

Фишеръ одаренъ такимъ тонкимъ и глубокимъ взглядомъ на пластическія искусства, что вездѣ, гдѣ только дѣло касается до частныхъ, конкретныхъ случаевъ, какъ въ прекрасномъ разсужденіи объ акварельныхъ копіяхъ Рамбу, объ извѣстныхъ бельгійскихъ картинахъ Галлета и Біеффра, онъ умѣетъ тонко и остроумно показать, что внутренній недостатокъ художественнаго произведенія есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ техники, или, выражая это нѣсколько общѣе, что *характеръ всѣхъ произведеній искусства вытекаетъ послѣдовательно изъ техники*. Другой техникѣ соотвѣтствуетъ и другой способъ изображенія, и оба развиваютъ и условливаютъ другъ друга въ натуральномъ взаимодѣйствіи. Почему же такъ пренебрегаютъ этими стилистическими и техническими вопросами въ построеніи эстетической системы? Зачѣмъ не разсматриваются въ пластикѣ различные матеріалы съ ихъ способами обработыванія, какъ то: мраморъ, бронза, алебастръ и т. д.; въ живописи: полотно, дерево, камень, фарфоръ, фаянсъ и различные роды живописи: фрескою, масляными красками, акварелью, равно какъ и энкавстика и мозаичная работа? Именно по той причинѣ, что основное начало занимается только прекраснымъ предметомъ самимъ-по-себѣ и его идеализаціей и, слѣдовательно, эстетикѣ нѣтъ дѣла до матеріальной, технической части. Потому-то и ограничивается систематика подробнымъ изслѣдованіемъ предмета, принимая въ соображеніе развѣ только модификацію въ изобрѣтеніи, зависящую отъ того, будетъ ли оно пластическое, или живописное. Но что изложеніе, композиція и т. д. въ одномъ и томъ же способѣ воззрѣнія бываютъ различны по матеріалу и техникѣ, въ которыхъ онъ изображается, — это до нея не касается, потому-что она не знаетъ, что въ искусствѣ дѣло идетъ не о природномъ свойствѣ предмета, какъ онъ существуетъ внѣ искусства, а столько же, если не единственно, о возможности его изображенія въ предѣлахъ и законахъ чувственнаго матеріала и рода искусствъ, имъ условливаемаго. Такъ-какъ *искусство есть особенный, для себя-самаго существующій міръ, внутренній живой организмъ, и матеріалъ для него то же самое, что матерія для природы*. Какъ матеріальная тѣлесность предмета природы и человѣка даетъ мѣру возможнаго его умственнаго развитія, такъ и индивидуально - опредѣленная мысль можетъ быть изображена именно въ такомъ, а не въ другомъ матеріалѣ. На этомъ внутреннемъ признаніи чувственнаго средства изображенія въ его существенномъ и необходимомъ вліяніи на индивидуальное олицетвореніе и освѣщеніе мысли единственно основывается дѣленіе искусствъ на различные роды. Вліяніе природы этого матеріала такъ сильно, что она именно требуетъ опредѣленнаго и сознательнаго уклоненія отъ прототиповъ внѣшняго міра, чтобъ достичь своихъ результатовъ. Простые слѣпки съ природы потому-то и отвратительны, какъ призраки, что они пренебрегаютъ требованіями и вліяніями матеріала. Кривая, выпуклая поверхность картинъ на вазахъ ясно требуетъ неправильности въ рисованіи и тогда только можетъ казаться вѣрною природѣ. По словамъ Румора: «во всѣхъ случаяхъ беретъ свои права матеріалъ, который не надобно смѣшивать съ изображающими формами, и смотря по тому, удовлетворены или нѣтъ его требованія, совокупное впечатлѣніе цѣлаго произведенія бываетъ или благопріятно, или не совсѣмъ удовлетворительно, или даже совершенно противно. Вотъ почему изученіе этихъ требованій имѣетъ величайшую важность; но оно возможно только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать матеріалъ самъ-по-себѣ, т. е. если мы отдѣлимъ его въ нашемъ воображеніи отъ всего остальнаго, общаго или особеннаго, въ искусствѣ». *Это чувство внѣшняго ограниченія искусства грубою матеріей, это до навыка доведенное согласованіе съ внутренними ея требованіями* называется

Руморъ стилемъ. Всѣмъ извѣстно, какъ важенъ былъ въ ученомъ отношеніи вопросъ о происхожденіи архитектуры отъ деревянныхъ строеній. Посему теорія искусства, какъ изслѣдующая условія матеріи, можетъ быть названа теоріей стиля. *Законъ стиля есть фундаментальный законъ всякаго художественнаго произведенія.* Дальше увидимъ, что это понятіе имѣетъ болѣе, чѣмъ историческое значеніе.

Уже Розенкранцъ въ своей критикѣ гегелевой эстетики обратилъ вниманіе на то, что понятіе стиля должно быть принято за коренное основаніе науки объ искусствѣ. Если согласиться съ этими замѣчаніями, понимая стиль въ смыслѣ постояннаго исполненія требованій матеріи, само собою слѣдуетъ, что характеръ различныхъ родовъ искусствъ и ихъ способы выраженія основаны прямо на законахъ матеріала, употребляемаго ими какъ средство изображенія, и притомъ на нихъ однихъ, какъ это ясно доказываютъ различные характеры пластики и живописи. Мы удивлялись, какъ могла умозрительная эстетика упустить изъ вида эту задачу: мы должны, однакожь, сознаться, что Гегель развиваетъ вполнѣ удовлетворительно, именно въ живописи, эти специфическія вліянія матеріала. Между-тѣмъ, это развитіе уже съ самаго начала заключаетъ въ себѣ излишекъ и вмѣстѣ недостатокъ. Излишнее состоитъ въ томъ, что Гегель слишкомъ смѣло отъ чисто-матеріальныхъ данныхъ заключаетъ á priori къ содержанію. Въ частностяхъ встрѣчаемъ у него промахи, какъ, на-прим., безцвѣтность и безкровность пластики, которыя, въ-слѣдствіе историческихъ изслѣдованій, оказались совершенно ложными; въ общемъ же ложную мысль объ уподобленіи архитектуры символическому идеалу, пластики классическому, живописи романтическому. Недостаточное же, напротивъ, въ эстетикѣ Гегеля заключается въ томъ, что онъ всегда останавливается на общей характеристикѣ извѣстнаго рода искусствъ, не изслѣдуя ближе, какъ измѣняются и расширяются стилистическіе законы въ-слѣдствіе различныхъ матеріаловъ, употребляемыхъ тѣмъ или другимъ родомъ искусствъ, и различныхъ родовъ техники, находящихся въ его расположеніи. Неизвѣстно, сохранитъ ли себя Фишеръ независимымъ отъ этого историчеекаго воззрѣнія въ обѣщанномъ дальнѣйшемъ развитіи своей эстетической системы; по-крайней-мѣрѣ онъ сознательно указалъ на этотъ взглядъ, какъ на недостатокъ гегелева принципа дѣленія. Однакожь, изъ его бѣглой предварительной характеристики отдѣльныхъ искусствъ явствуетъ, что и онъ упускаетъ изъ вида эту сторону, кажущуюся съ перваго взгляда чисто-технической. Эстетика, въ противоположность чисто-технической теоріи искусства, порождена глубокой потребностью философскаго духа, и эта противоположность не снята еще до-сихъ-поръ. Но въ искусствѣ, гдѣ мысль только тогда существуетъ, когда она, такъ-сказать, округлилась въ свободный, въ самомъ-себѣ замкнутый образъ, техника съ ея стилистическими законами составляетъ необходимую часть художественнаго творчества. Она-то именно и опредѣляетъ его характеръ. Не стоитъ доказывать далѣе истину этого положенія, потому-что, какъ выше сказано, ее уже сознаютъ: здѣсь вопросъ только о введеніи его въ собственную систематику. Достаточно одного примѣра, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ показать, что *многое, единственно приписываемое содержанію и въ основаніи его лежащему міросозерцанію извѣстной эпохи, есть простой результатъ художественной техники.* Обыкновенно приписываютъ пластическому воззрѣнію Грековъ на міръ простое дѣйствіе красокъ и преобладающій пластическій характеръ древней живописи. Гегель даже доказываетъ, что одно только христіанство могло произвести живопись. А между-тѣмъ, этотъ пластическій характеръ имѣетъ чисто техническую причину, какъ это прекрасно доказалъ Вигманъ въ своемъ сочиненіи о живописи древ-

нихъ. Древняя живопись потому только не основана, какъ новѣйшая, на дѣйствіи свѣта и тѣни, что вліяніе и прозрачность красокъ и глубина дѣйствія свѣта превышаютъ средства живописи фрескою и темперой. Великій симметрическій стиль исчезъ тотчасъ, какъ энкавстика представила болѣе средствъ для иллюзіи и живописнаго дѣйствія и навела древнихъ на совершенно-новыя начала, на живопись въ теперешнемъ значеніи слова, на чисто-эффектныя картины. Нидерландская школа, и въ особенности совершенно-различный характеръ итальянской живописи прежде и послѣ введенія масляныхъ красокъ, различіе между венеціанскою и флорентійскою школами въ стилѣ и изобрѣтеніи служатъ подобными же разительными примѣрами.

Это вліяніе матеріала и его разнородной техники видно во всѣхъ искусствахъ вообще, хотя въ образовательномъ искусствѣ оно проявляется рѣзже, по той причинѣ, что его матеріалъ самъ-по-себѣ грубѣе. Для бронзы нужна другая обработка, чѣмъ для мрамора. Точно также и тоническое произведеніе должно быть переложено съ одного инструмента на другой, и тогда даже производитъ существенно-отличное отъ перваго впечатлѣніе. Также и стихотвореніе, по-настоящему, должно быть понято и вполнѣ оцѣнено только на томъ языкѣ, на которомъ оно задумано и сложено. Матеріалъ поэзіи не единственно фантазія, какъ утверждаютъ Гегель и Фишеръ, но также и языкъ. Для поэта языкъ не просто механическій, безразличный. Правда, онъ управляетъ языкомъ и воодушевляетъ его, но равномѣрно и языкъ носитъ его фантазію и опредѣляетъ, ограничиваетъ ее, и чѣмъ болѣе онъ поэтъ, тѣмъ тѣснѣе онъ съ нимъ сроденъ. Какъ могутъ быть переведены, на-прим., Король въ Ѳулѣ, Лѣсной Царь, Рыбакъ, или лучшія пѣсни Уланда? Одна только разсудочная поэзія способна быть переливаема какъ вода изъ одного сосуда въ другой. Притомъ, развѣ не видно матеріальнаго значенія языковъ, когда одинъ изъ нихъ выражается размѣромъ, ритмосомъ, другой риѳмами (*).

Умозрительная эстетика совершенно упускаетъ изъ вида важность средства изображенія и потому самому признаетъ поэзію абсолютнымъ искусствомъ въ томъ смыслѣ, что «въ ея власти всѣ «дѣйствія, вліянія другимъ родамъ искусствъ принадлежащія, что она внутреннему воображенію представляетъ «картины, образы, внутреннему слуху — звуки и есть, слѣдовательно, духовная совокупность всѣхъ искусствъ». Но развѣ все равно: видитъ ли картину мой внутренній глазъ или мой подлинный, слышитъ ли то же мое внутреннее ухо или дѣйствительное? Поэзія имѣетъ свою границу и опредѣленность именно въ томъ, что ея матеріалъ, ея элементъ есть чисто-внутренній. Потому-то и стремится пѣснь, которая должна излиться, къ соединенію съ музыкой, а драматическое искусство, высшая ступень поэзіи, призываетъ къ себѣ на помощь обратно музыку, архитектуру, живопись и пластику. По выраженію Шлегеля, актёръ есть живая, движущаяся природа. Вообще, противъ подобной абстракціи стóитъ только вспомнить, что такъ-какъ лишь соединенныя формы всѣхъ искусствъ исчерпываютъ всевозможные óбразы выраженія міра, то одна ихъ реальная совокупность есть полное наслажденіе нашего существа. Вездѣ, гдѣ есть настоящая художественная жизнь, видимъ мы всѣ образовательныя искусства въ тѣсномъ союзѣ. Какъ они гармонически дѣйствуютъ, какъ одно искусство вызываетъ

(*) Нѣтъ нужды доказывать, что авторъ въ этомъ случаѣ слишкомъ увлекся или необдуманно позаимствовался: онъ совершенно упустилъ изъ вида, что сущность поэзіи не заключается въ музыкальности рѣчи. Сомнительно, чтобъ геній, равносильный и однородный съ Байрономъ, не могъ выразить по-русски или хоть по-китайски того же, что глава лириковъ высказалъ по-англійски. *Ред.*

другое и имъ возвышается и поддерживается, доказываютъ древніе греческіе храмы съ своей полихроніей и орнаментикой, древнія зданія, на-пр., въ Помпеѣ и Геркуланумѣ, итальянскія виллы, какъ обворожительно-прекрасная полуразрушенная вилла мадонны Джуліо Романо.

Изъ всего предъидущаго необходимо вытекаетъ выводъ, что подобное отдѣленіе технической теоріи искусства отъ философской неосновательно, и потому должно быть уничтожено. Если наука объ искусствѣ хочетъ быть вполнѣ независимою отъ всѣхъ односторонностей апріористическаго построенія, то она должна принять въ себя стилистическіе законы только необходимо-вытекающіе изъ природы чувственнаго матеріала, законы неизмѣнные, которыми никогда не пренебрегаютъ безнаказанно. Болѣе не должна и не можетъ она сдѣлать. *Ученіе о законахъ стиля есть такъ-сказать элементарная грамматика искусства и потому самому оно альфа и омега.* Оно должно вполнѣ изложить эти законы, распредѣлить отдѣльныя искусства по различнымъ матеріаламъ, надъ которыми они работаютъ и по разнородной техникѣ съ ея средствами изображенія, допускаемой этими матеріалами. Только по этому изслѣдованію требованій матеріала и средствъ техническаго изображенія, наука объ искусствѣ есть истинно развитіе идеи стиля, т. е. идеи художественнаго, ибо стиль есть самое высшее во всякомъ художественномъ изображеніи. Однакожь, подобное ученіе о стилистическихъ формахъ не должно быть простымъ, практическимъ, техническимъ указаніемъ. Разумная эмпирія и здѣсь проложила себѣ путь; отрывки въ археологіи Мюллера о техникѣ древняго искусства служатъ лучшимъ руководствомъ.

Въ наше время, когда поэты полагаютъ все свое величіе въ изуродованіи нашего прекраснаго, мужественнаго языка и пренебреженіи всѣми формами искусства, когда наши живописцы, считающіеся образцовыми, какъ, на-примѣръ, Корнеліусъ и Овербекъ, совершенно не понимаютъ красокъ, когда Листъ хвастается, что низвергнулъ генерал-басъ, за что украшенъ почетными наградами, въ наше-то время надобно безпрестанно повторять, что только стиль и одинъ стиль есть основный законъ всякаго искусства, и что всякая виртуозность техники, пренебрегающей этими вѣчными законами, есть ничто и будетъ ничто во вѣки вѣковъ. Хотя теорія стиля, ограничивающаяся выведеніемъ законовъ изображенія изъ природы матеріала и его самостоятельнаго права и кажется сухою и бѣдною, однакожь, она одна можетъ показать, что именно въ изображеніи художественно въ полномъ смыслѣ, т. е. условлено самыми вѣчными формами искусства. А эти формы должны быть выведены изъ внутренняго существа самыхъ отдѣльныхъ искусствъ. Одно и то же раздѣленіе формы, проведенное равно черезъ всѣ искусства, дѣлаетъ насиліе искусству и есть не что иное, какъ логическій схематизмъ. Самъ Фишеръ впалъ въ эту ошибку, какъ по-видимому ни остерегался.

Изслѣдованіе отдѣльныхъ искусствъ, относящееся къ этой части, не должно, посему, заботиться о такомъ общемъ принципѣ дѣленія, даже подъ опасеніемъ быть названнымъ грубою эмпиріей. Оно есть просто развитіе законовъ, вытекающихъ изъ идеи отдѣльныхъ искусствъ и изъ чувственнаго матеріала, необходимаго для ея осуществленія, и только тамъ, гдѣ внутри отдѣльныхъ искусствъ встрѣчаемъ мы специфическія различія, существуетъ единственно возможное начало для истинно-органическаго дѣленія. Руморъ опредѣлилъ общіе и особенные стилистическіе законы для образовательныхъ искусствъ. Въ архитектурѣ, изображеніе основано исключительно на законахъ тяжести и на евритміи соотношеній. Они остаются неизмѣнными, строютъ ли храмы или дворцы, въ греческомъ или въ византійскомъ вкусахъ. Всѣ различія ихъ происходятъ,

съ одной стороны, отъ внѣшняго ихъ назначенія, которое до науки не касается; съ другой стороны, отъ различныхъ историческихъ міросозерцаній, въ нихъ выражающихся, и это разнообразіе принадлежитъ исторіи искусства, а не стилистикѣ, какъ ученію о формахъ. Здѣсь вся забота только, чтобъ зданіе было само въ себѣ органическое цѣлое, всѣ части котораго были бы во внутренней живой связи, одна бы поддерживала другую, подготовляла ея жизнь или дополняла ее, и притомъ, чтобъ ничто не могло быть измѣнено безъ нарушенія той евритміи, въ которую воплотилось опредѣленное міросозерцаніе. Поэтому, дѣленіе архитектуры есть чисто-техническое. Таково же и дѣленіе скульптуры; она также тѣсно связана съ законами тяжести и тѣмъ самымъ съ архитектоническимъ равновѣсіемъ и, слѣдовательно, всякое содержаніе, ею представляемое, должно твердо опираться на самаго-себя; она имѣетъ дѣло съ чисто-прекраснымъ, ибо не можетъ отдѣлить противоположностей высокаго и комическаго, и, слѣдовательно, для изображенія все равно, представляетъ ли она комедію въ танцующемъ Фавнѣ, или трагедію въ образѣ Лаокона. Только различные матеріалы и ихъ техника основываютъ специфическія различія. Обращаемъ вниманіе именно на огромное различіе въ стилѣ между статуйною работой и барельефной въ-отношеніи изображенія (различіе, отъ котораго Гегель отдѣлывается нѣсколькими словами), равно какъ на работу въ геммахъ (драгоцѣнныхъ камняхъ) и камеяхъ. Тутъ прежде всего необходима подробная и основательная монографія. Трудъ Тёлкена недостаточенъ. Совершенно иначе устанавливается отношеніе въ живописи. Натурально, и въ ней также изображеніе, сочиненіе и исполненіе основаны на общемъ законѣ проявленія въ пространствѣ и въ себѣ-самой сущей гармоніи. Она бываетъ различна, смотря по тому, будетъ ли она мальбретная, стѣнная или живопись на вазахъ. Между-тѣмъ, какъ существо первыхъ заключается въ прелести дѣйствія красокъ, живопись на вазахъ, будетъ ли она на бѣломъ, красномъ или черномъ фонѣ, всегда силуэтообразна, проста въ рисункѣ, монохромна (одноцвѣтна) — черная на вазахъ древняго стиля, красновато-коричневая на черной глазури большей части волцентійскихъ, рувезійскихъ, нилавійскихъ. Однокожь, техническое различіе въ живописи, по причинѣ духовнаго ея существа, есть болѣе качественное, чѣмъ количественное. Различные матеріалы и ихъ различные роды техники условливаютъ содержаніе ими изображаемое. На-примѣръ, невозможно себѣ представить рода живописи, называемаго tableaux de genre фрескою, если только онъ не остается простою декоративною арабеской, какъ на стѣнахъ древнихъ зданій. Равно невозможенъ фрескою ландшафтъ, который основанъ не на перспективѣ исключительно, какъ арабескообразная живопись древнихъ, а преимущественно на магіи красокъ, какъ, на-прим., картины Клодъ Лореня и Рюисдаля. И обратно, большія масляныя картины венеціанской школы не имѣютъ высокаго историческаго стиля и впадаютъ въ peinture de genre. Къ нимъ относятся картины, находящіяся во дворцѣ дожей. Такъ неимовѣрно-тѣсно связано содержаніе и техника! Слѣдовательно, если теорія живописи не хочетъ остаться отвлеченною, то она должна, послѣ изслѣдованія различныхъ техническихъ способовъ съ ихъ стилистическими законами, разсмотрѣть главные роды живописи, историческую, peinture de genre и ландшафтную, въ ихъ внутреннемъ и внѣшнемъ способѣ изображенія.

Перейдемъ теперь къ музыкѣ. Фишеръ характеризуетъ ее такъ: музыка сначала, въ строгомъ церковномъ стилѣ, объективна; потомъ, принимая субъективное начало изъ народной пѣсни, она образуетъ ораторію, составляющую переходъ, и наконецъ соединяетъ обѣ противоположности въ

истинно-новѣйшей формѣ, въ свѣтской, вольной, оперной музыкѣ. Сюда весьма-близко подходитъ вмѣсто названій объективная и т. д. терминологія поэзіи: эпическая, лирическая и драматическая; опера уже должна быть названа драматическою. Но развѣ хоралъ, церковный гимнъ не въ той же степени лирики, какъ и свѣтская пѣснь, пѣснь застольная и т. п.? Развѣ симфонія съ ея духовными, изъ звуковъ составленными силами, борящимися другъ съ другомъ, то разбѣгающимися, то призывающими другъ друга къ примиренію, развѣ симфонія не драматична въ несравненно высшемъ значеніи, чѣмъ опера? По причинѣ неопредѣленнаго предметнаго влеченія и столь же неопредѣленнаго предчувствія, составляющихъ по-преимуществу элементъ музыки, всякое дѣленіе можетъ быть установлено не иначе, какъ съ большою осторожностію, а по особенному несчастію почти всѣ философы-эстетики совершенные профаны въ этомъ искусствѣ. Въ одной только поэзіи дѣленіе явно само-по-себѣ; ибо дано самою идеей этого искусства.

Особенная природа его матеріала требуетъ, чтобъ теорія его съ одной стороны разсмотрѣла значеніе языка, какъ языка, т. е. его образность, значеніе риѳмы для внутренняго выраженія, а съ другой стороны также вывела изъ идеи отдѣльныхъ родовъ искусствъ общіе законы формъ. Формы эти тогда только вѣчны и неизмѣнны, когда дѣйствительно вытекаютъ изъ идеи. Шекспиръ и Софоклъ слѣдовали совершенно однимъ и тѣмъ же законамъ трагическаго, хотя у одного агентомъ изображенія индивидуальное. характеръ, у другаго общее, моральная власть, даже совершенно-трансцендентальное, олицетворенное въ судьбѣ.

Итакъ, формы составляютъ сущность искусства и главный предметъ его теоріи. Тѣмъ не менѣе по природѣ своей онѣ все-таки внѣшни, абстрактны и безжизненны. *Онѣ получаютъ жизнь отъ содержанія, творчески въ нихъ дѣйствующаго, подобно тому, какъ неподвижныя очертанія лица только исторіей индивидуума въ нихъ отражающейся, преобразуются, преисполняются въ характерно-прекрасную физіономію. Это животворящее дыханіе, которое именно и составляетъ тайну искусства, вѣчно обновляя старыя формы, есть отпечатлѣвающееся въ нихъ историческое содержаніе.* Оно постоянно образуетъ ихъ съизнова въ каждый мигъ, ибо искусство живо и не приноситъ форму въ жертву содержанію. Слѣдовательно, въ художественномъ изображеніи лежатъ опять два момента. Одинъ изъ нихъ стиль, требованіемъ матеріала установленная законность, относится къ теоріи; другой, перемѣнчивый, текучій, какъ самая жизнь исторіи, отъ которой онъ зависитъ и потому исключительно предметъ историческаго изслѣдованія. Если образовательныя искусства даже въ своихъ самыхъ внѣшнихъ формахъ изображенія условлены историческимъ, даже самымъ мѣстнымъ положеніемъ художника, то здѣсь еще болѣе причины къ переходу всякой теоріи искусства въ исторію. Не съ одной всемірно-исторической его стороны, но и тѣснѣе съ формальной, технической, *существо искусства доступно только той наукѣ, которая будетъ вмѣстѣ и теоретическая и историческая.*

Неразрывность содержанія и формы художественнаго произведенія въ представленіи художника объясняетъ намъ, между прочимъ, почему понятіе стиля не осталось ограниченнымъ чисто-техническимъ его значеніемъ, а приняло въ себя то болѣе на содержаніе указывающее понятіе, которое по милости Винкельмана сдѣлалось для насъ еще болѣе знакомымъ, чѣмъ первоначальное его значеніе.

Если Розенкранцъ справедливо изъявилъ требованіе, чтобъ понятіе составляло основаніе науки объ искусствѣ, то это не имѣетъ другаго смысла, кромѣ того, что историческая часть ея должна быть органически связана съ

теоретическою. Нельзя, однакожь, не признать того, что и умозрительная эстетика поняла необходимость принять въ себя историческое содержаніе. Гегель, равно какъ и Фишеръ, даже частію и Вейссе принимаютъ въ соображеніе историческую сторону, во-первыхъ, въ общихъ ея чертахъ — именно разсматривая идеалы – символическій, классическій и романтическій (у Фишера и Вейссе—антическій, романтическій и новѣйшій), во-вторыхъ, въ большей подробности и конкретной полнотѣ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ искусствъ. Однакожь, какъ философская наука объ искусствѣ, она оставляетъ въ сторонѣ дальнѣйшія эмпирическія подробности и, по выраженію Фишера, даетъ одну философію исторіи. Чтó значитъ это? Ужь вѣрно не то, чтó фактически является у Гегеля и не можетъ быть инакая по тѣснымъ предѣламъ — жалкій очеркъ эмпиріи. Или должно это быть формалистическое построеніе исторіи, какъ его сдѣлалъ Гото (Hotho) въ своей рецензіи на Вендта и главные періоды изящныхъ искусствъ (Berl. Jahrbücher 1832 Decemb. und Januar); самъ Гото перешагнулъ черезъ него въ своей «Исторіи Живописи», какъ ни плохо и ни чисто-внѣшнимъ образомъ связаны въ ней историческое содержаніе съ теоретическимъ.

Въ чемъ же можетъ заключаться это единственное содержаніе всей философіи исторіи? Конечно, не что иное, какъ мыслящая исторіографія. Такимъ-образомъ, умозрительная эстетика приводитъ насъ къ тому же результату, который мы получили другимъ путемъ, а вливается безостановочно въ исторію искусства во всемъ объемѣ и внѣшней зависимости отъ религіи и національности. Теперь уже болѣе не стоитъ философія на одной сторонѣ, на другой эмпирія, какъ техническая теорія, историческая и положительная ученость въ искусствѣ, другъ друга враждебно исключающія; напротивъ, обѣ составляютъ одно, ибо предметъ ихъ одинъ и тотъ же. *Это единственно-возможное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ необходимое разрѣшеніе антиноміи, которою страждетъ не одна умозрительная эстетика, но и вся вообще философія.* Противорѣчіе это состоитъ въ томъ, что умозрительная эстетика, съ одной стороны, хочетъ быть самостоятельною отъ эмпиріи специфически-отличною наукой; съ другой же, полной наукой, не взирая на этотъ разрывъ; междутѣмъ, какъ она, въ-слѣдствіе своего же высшаго закона проявленія во внѣшности, должна необходимо искать въ эмпиріи своей повѣрки и конечнаго своего основанія. Эстетика и исторія искусствъ не двѣ отдѣльныя науки, а только двѣ отрасли одной органической науки объ искусствѣ.

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Іюнь.

229) Родословная Головиныхъ, *владѣльцевъ села Новоспаскаго. Собранная Баккалавромъ М. Д. Академіи,* Петромъ Казанскимъ. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1847. Въ 12-ю д. л. 229 стр.*

Головины, владѣльцы Новоспаскаго, составляютъ старшую линію изъ всей фамиліи Головиныхъ. Авторъ излагаетъ въ порядкѣ только лѣтопись прямыхъ ея родоначальниковъ. Всего любопытнѣе біографія Василья Васильевича I-го (родил. 1696 г.), который оставилъ нѣсколько замѣтокъ о своей жизни, подъ названіемъ: *Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой.* Въ этихъ «запискахъ» между-прочимъ значится, «что лѣта 1721-го марта въ 15-й день, судьбами Великаго «Бога, пришла многогрѣшному и окаянному и бѣдному человѣку злая, «бѣдственная напасть и продолжилась «до лѣта 1725-го февраля по 6-е число», т. е. до вступленія на престолъ Екатерины I-й, изъ за которой онъ и пострадалъ, по дѣлу каммергера Монса. Во время властвованія Бирона, Головинъ вновь подпалъ жестокому аресту, содержался въ заключеніи около двухъ лѣтъ до 1738 года и терпѣлъ ужасныя пытки. Причина его заключенія неизвѣстна. Чтобъ познакомить съ его характеромъ, авторъ описываетъ обыкновенный порядокъ его домашней жизни въ деревнѣ и Москвѣ. Разсказъ написанъ со словъ родственниковъ и служителей Головина, которые были очевидными свидѣтелями его странностей. Мы ничего отъ себя не прибавимъ къ вѣрному разсказу. Пусть

читатели сами отыскиваютъ причины страннаго времепровожденія и выводятъ отсюда какія угодно слѣдствія. Мы должны только сказать читателямъ, что Головинъ — какъ говоритъ авторъ, «былъ человѣкъ умный и образованный».

«Вставши рано поутру, еще до восхода солнечнаго, онъ прочитывалъ полунощницу и утреню, вмѣстѣ съ любимымъ своимъ дьячкомъ Яковомъ Дмитріевымъ. По окончаніи утреннихъ правилъ, являлись къ нему съ докладами и рапортами дворецкой, клюшникъ, выборной и староста. Они обыкновенно входили и выходили по командѣ горничной дѣвушки, испытанной честности, Пелагеи Петровны Воробьевой. Прежде всего она произносила: *Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа*, а предстоящіе отвѣчали *Аминь!* Потомъ она уже говорила: «Входите, смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и съ молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему Государю, кланяйтесь низко его боярской милости, и помните жъ, смотрите, накрѣпко!» Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: «слышимъ, матушка!» Вошедши въ кабинетъ къ барину, они кланялись до земли и говорили: «Здравія желаемъ, Государь нашъ!» — «Здравствуйте» отвѣчалъ Баринъ: «друзья мои непытанные и не мученные! неопытные и не наказанные.» Это была его всегдашняя поговорка. «Ну! что? Все ли здорово, ребята, и благополучно ли у насъ?» На этотъ вопросъ прежде всего отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ дворецкой: «Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ Господскомъ, на конномъ дворѣ и скотномъ, въ павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ, и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, Государь нашъ, Богомъ хранимо, благополучно и здорово.» Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе клюшникъ: «Въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ и овинахъ, улшниках и птяшникахъ, на витчинницахъ и сушильницахъ, милостію Господнею, находится, Государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности; свѣжую воду ключевую изъ святаго Григоровскаго колодца, по приказанію вашему Господскому, на пѣгой лошади привезли, въ стеклянную бутыль налили, въ деревянную кадку постановили, вокругъ льдомъ обложили, извнутри, кругомъ призакрыли, и сверху камень навалили.» Выборной доносилъ такъ: «Во всю ночь, Государь нашъ, вокругъ вашего Боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещетки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громогласно говорили; нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали, и барской замазки не клевали, на крыши не садились и на чердакѣ не возились.» Въ заключеніе староста доносилъ: «Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши Господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали; котъ Ванька (*) и баба Зажигалка (**) въ Ртищевѣ проживаютъ, и по приказу Вашему Боярскому невѣйку ежемѣсячно получаютъ, о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ, и Васъ, Государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы Вы гнѣвъ боярской на милость положили и ихъ бы виновныхъ рабовъ своихъ простили.» Выслушавъ донесеніе, Баринъ отпускалъ докладчиковъ, и ему приносили чай. Впереди обыкновенно шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборной съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ, для обмахиванія золы и пыли. Поставивши жаровню съ горячими угольями на желѣзный листъ, а на нее мѣдный чайникъ, и сотворивши молитву Іисусову, слуги тихо выходили. Баринъ

(*) Это былъ любимый котъ барина. Однажды онъ влѣзъ въ вятеръ, съѣлъ въ немъ приготовленную для барскаго стола животрепещущую рыбу и, увязши тамъ, удавился. Слуги, не сказавъ о смерти кота, сказали только о винѣ, и баринъ сослалъ его въ ссылку.

(**) Такъ названа та женщина, отъ неосторожности которой сгорѣло Новоспаское въ 1775 году. Василій Васильевичъ такъ былъ испуганъ этимъ пожаромъ, что всѣмъ дворовымъ людямъ велѣлъ стряпать въ одной особой комнатѣ, а дворовыхъ было у него болѣе трехъ-сотъ человѣкъ; естественно, что приказаніе никогда не было исполняемо.

посылалъ за старшимъ сыномъ своимъ Васильемъ, котораго поднимали съ постели. Напившись чаю, отправлялся къ Литургіи; въ церкви стоялъ на особенномъ мѣстѣ, и по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями, возвращался послѣ Литургіи домой. Тутъ подавали ему завтракъ, и, немного спустя, онъ садился за обѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Всегда приглашаемъ былъ священникъ благословить обѣдъ, который нерѣдко продолжался часа по три. Кушаньевъ считалось обыкновенно семь. Но число блюдъ доходило иногда до сорока и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ приносилъ свое кушанье. Сервизъ весь былъ оловянный, въ праздники серебряный, а иногда фарфоровый. Поставивши первыя блюда, всѣ семь поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись 12 офиціантовъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и предлинными на шеѣ бѣлыми косынками. Послѣ обѣда подавался десертъ, называемый заѣдками; потомъ самъ Баринъ пилъ шоколадъ; обѣдъ кончался часу въ четвертомъ передъ вечеромъ; ужина не было. Вскорѣ послѣ обѣда, Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни; изнутри, прочитывали молитву Іисусову: «Господи Іисусе Христе Сыне, Боже нашъ! помилуй насъ!—Аминь!» Отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ, съ ужаснымъ стукомъ, закрывали ставни и засовывали желѣзными болтами. Тутъ приходили дворецкой, клюшникъ, выборной и староста. Въ кабинетъ къ Барину допускался одинъ дворецкой, и отдавалъ уже прочимъ приказанія. Приказъ выборному былъ такой: «слушайте приказъ боярской; смотрите, всю ночь не спите, кругомъ барскаго дома ходите, колотушками громче стучите, въ рожокъ трубите, въ доску звоните, въ трещетку трещите, въ ясакъ ударяйте, по сторонамъ не зѣвайте, и помните накрѣпко; чтобъ птицы не летали, странным голосомъ не кричали, малыхъ дѣтей не пугали, барской замаски не клевали, на крышкѣ бъ не садились, и по чердакамъ не возились; смотрите жъ, ребята, помните накрѣпко!» Слышимъ, былъ отвѣтъ. Старостѣ былъ приказъ такой: «скажите сотскимъ и десятскимъ, чтобъ всѣ они, отъ мала и до велика, жителей хранили и строго соблюдали, обывателей отъ огня неусыпно сберегали бъ, и глядѣли бъ и смотрѣли: нѣтъ ли гдѣ въ деревняхъ Целѣевѣ, Медвѣдкахъ и Голявинѣ смятенія, не будетъ ли на рѣкахъ Икшѣ, Яхромѣ и Волгушѣ волненія, не увидите ли на небесахъ какого-нибудь страннаго явленія, не услышите ли подъ собою ужаснаго землетрясенія? Коли что такое случится, или диво какое приключится, о томъ бы сами не судили и ничего бъ такого не рядили, и въ ту бы пору къ Господину приходили, и все бъ его милости боярской доносили, и помнили бъ накрѣпко». Клюшнику отдавала приказъ дѣвица Воробьева: «Баринъ Государь тебѣ приказалъ, чтобъ ты провизію наблюдалъ, въ Григорово (*) лошадь отправлялъ и святую воду принималъ, въ кадку поставьте, льдомъ окладите, кругомъ накройте и камнемъ навалите съ чистотою и молитвою, людей облегчайте и скотовъ наблюдайте, по сторонамъ не зѣвайте и пустаго не болтайте, и помните накрѣпко!» Этимъ оканчивались приказанія. Двери комнатъ запирала и отпирала обыкновенно Воробьева; ключи она относила къ самому Барину, и, положа подъ изголовье, говорила: «Оставайтесь, Государь, съ Іисусомъ Христомъ, почивайте, сударь, подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, Ангелъ хранитель пребудетъ надъ Вами, Государь мой!» Потомъ отдавала приказъ чередным сѣннымъ дѣвицамъ: «Кошекъ-то (**) смотрите, ничѣмъ не стучите, громко говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, и помните накрѣпко!» Прочитавши вечернее

(*) Село Григорово отстоитъ отъ Деденева въ 3-хъ верстахъ и издревле принадлежитъ фамиліи господъ Лужиныхъ. А сначала ежедневно привозили воду изъ деревни Черной, отстоящей въ 12 верстахъ, на особенной парѣ пѣгихъ лошадей; подъ конецъ это было отмѣнено за отдаленностію мѣста.

(**) Въ комнатахъ у Василья Васильевича было семь кошекъ, которыя днемъ могли ходить вездѣ, а ночью привязывались къ семиножному столу. За каждой кошкой поручено было ходить особой дѣвкѣ. Если случалось, что которая изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошка и дѣвка подвергались наказанію.

правило, Василій Васильевичъ ложился въ постель и, крестясь, произносилъ: «Рабъ Божій ложится спать, на немъ печать Христова и утвержденіе, Богородицына нерушимая стѣна и защищеніе, Крестителева благословенная десница, хранителя моего ангела всесильный и всемощный животворящій крестъ, безплотныхъ силъ лики и всѣхъ святыхъ молитвы; крестомъ ограждаюсь, демона прогоняю и всю силу его вражію искореняю, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!» Ночью въ Новоспаскомъ раздавался громъ, звонъ, стукъ, свистъ, гамъ и крикъ, трещаніе и бѣганіе отъ четырехъ чередовыхъ и столькихъ же караульныхъ. Если что нибудь помѣшаетъ заснуть Барину въ первое время, то онъ уже не ложился спать и растроивался на всю ночь. Въ такомъ случаѣ онъ или начиналъ читать въ слухъ свою любимую книгу жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція, или садился въ большія кресла, начиналъ качаться въ нихъ, поправляя волосы руками на обоихъ вискахъ, закладывая ихъ за уши, и, перебирая четки, произносилъ слѣдующія слова, постепенно возвышая и понижая голосъ: «Врагъ сатана отгонись отъ меня въ мѣста пустыя, въ лѣса густые и въ пропасти земныя, идѣже непресѣщаетъ свѣтъ лица Божія! Врагъ сатана! отженись отъ меня, въ мѣста темныя, въ моря бездонныя, па горы дивія, бездомныя, безлюдныя, идѣже не присѣщаетъ свѣтъ лица Господня! Рожа окаянная, изыди отъ меня въ таръ тарары, изыди отъ меня окаянная рожа въ адъ кромѣшной и въ пекло тріисподнее, и къ тому уже не вниди. Аминь! Аминь! Аминь! Глаголю тебѣ, разсыпся, растреклятe, растрепогане, растреокаяннe! дую на тебя и плюю!» Окончивъ заклинаніе, онъ вставалъ со стула и начиналъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ семи комнатамъ, постукивая колотушкою; или во всю ночь ходилъ съ гусинымъ крыломъ обмахивать мнимую нечистоту сначала около себя, потомъ по всѣмъ комнатамъ. И если, сверхъ чаянія, находилъ гдѣ нибудь пыль, то тотчасъ же курили росным ладономъ, и окропляли то мѣсто святою водою. Эти странности естественно поджигали любопытство, и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ Баринъ. Но и на этотъ случай приняты были мѣры. Сѣнныя дѣвушки начинали крикъ съ различными прибаутками и приговорками, окачивали изъ верхняго окошка холодной водой подслушниковъ, и Баринъ одобрялъ всѣ эти поступки, приговаривая: «по дѣломъ вору и мука, ништо имъ растреклятымъ! растрепоганымъ! растреокаяннымъ! непытаннымъ! немученнымъ! и ненаказаннымъ!» топоча обѣими ногами и повторяя неоднократно одно и тоже. По всему видно, что онъ не могъ забыть жестокія пытки безчеловѣчнаго Бирона (*).

Во время зимы, отправляясь на жительство въ Москву, а лѣтомъ возвращаясь обратно въ Деденево, онъ былъ сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до семидесяти лошадей, и около двадцати различныхъ экипажей. Впереди всего, въ золотой каретѣ, везена была многочудесная икона Влахернскія Божія Матери, съ фонаремъ, внутри утвержденнымъ, и въ сопровожденіи крестоваго священника. Баринъ и барыни въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадными цугами въ восемь лошадей. Барышни въ четвероместныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа въ открытыхъ колясках или саняхъ въ четыре лошади; всѣ они сидѣли по одиначкѣ, исключая малолѣтныхъ ихъ дѣтей, которые находились вмѣстѣ съ матерію; барскія барыни и сѣнныя дѣвицы были въ брычкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня и прочія принадлежности, отправляемы были по обыкновенію въ

(*) Въ зимнее время, когда начинали топить печи, соблюдали ежедневно слѣдующій порядокъ: въ барскихъ комнатахъ было четыре печи, и къ каждой изъ нихъ былъ опредѣленъ особой истопникъ. Предъ чаемъ они обыкновенно приходили въ домъ; Воробьева, отворивъ двери въ сѣни, говорила: «слушайте, смотрите: печи огладите, хорошенько топите, отнюдь не отходите, сажей не марайте, дымомъ не воняйте, и помните накрѣпко; похаживайте, посматривайте, входите бережно и опасно, съ чистотою и съ молитвою; заворачивать правымъ бокомъ, потомъ направливать на лѣво, во имя Отца и Сына и Святаго духа». «Аминь!» отвѣчали истопники, и съ этимъ словомъ вдругъ снимали съ плечь дрова, ударяя ими громко объ полъ, и потомъ двое уходили на чердакъ открывать трубы, гдѣ ожидали снизу команды, а другіе двое отворяли заслонки, произнося въ слухъ Іисусову молитву, клали дрова въ печь, и въ одно и тоже время затопляли.

особенныхъ фурахъ. Двѣнадцать верховыхъ оберегали затейливый сей поѣздъ.

Не смотря на всѣ странности домашней жизни Василья Васильевича Головина 1-го, должно замѣтить, что онъ былъ очень умный и образованный человѣкъ. Получивъ начало своего образованія за границею, онъ довершилъ его въ Петербургѣ. Онъ зналъ хорошо Голландскій и Латинскій языки, учился Нѣмецкому и Французскому; его любимыя науки были Географія и Астрономія. Онъ былъ самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ; имѣлъ характеръ стойкій и пылкій, взыскательный за малѣйшее опущеніе порядка, но онъ никогда не былъ жестокъ, и всегда любилъ дѣлать добро. Въ отношеніи къ религіи, онъ строго сохранялъ всѣ правила и постановленія Церкви; не начиналъ ни одного дѣла безъ молитвы и благословенія, любилъ пѣть и читать на клиросѣ, дома ежедневно исполнялъ скитское, монашеское келейное правило, любилъ читать Священное Писаніе; часто повторяя слова Псалмопѣвца: «Отяготѣ на мнѣ рука Твоя. Когда пріиду и явлюся лицу Божію? Быша слезы моя хлѣбъ мнѣ день и нощь, желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни». Онъ былъ малаго роста, сухощавъ, имѣлъ темные волосы, каріе глаза, широкій носъ. Достигши 85-ти лѣтъ, онъ не употреблялъ очковъ, и не потерялъ ни одного зуба, даже страстно любилъ грысть орѣхи, которые ему мочили въ кадкахъ на цѣлый годъ. На головѣ онъ всегда носилъ стеганую зеленую шапочку, сшитую изъ трехъ одинаковыхъ полосъ, въ видѣ креста, такъ что одна полоса обходила вокругъ головы, а изъ двухъ другихъ сдѣланъ вверху крестъ; и по завѣщанію своему, въ ней былъ и положенъ во гробъ.

Василій Васильевичъ скончался отъ апоплексическаго удара въ 1781-мъ году, Маія 1-го дня, около половины третьяго часа по-полуночи, въ субботу пятыя недѣли по Пасхѣ о Самарянынѣ, и погребенъ сего же Маія 7-го числа въ селѣ Новоспаскомъ, подъ лѣвымъ клиросомъ въ прежде бывшей Сергіевской придѣльной деревянной церкви, противъ иконостаса, откуда перенесенъ, въ 1801-мъ году, Маія 11-го дня, подъ новоустроенную каменную существующую нынѣ церковь. Изъ покрова его, сдѣланнаго изъ богатѣйшей французской парчи, находится въ церкви села Новоспаскаго парное облаченіе съ жемчужными крестами.

По смерти первой, неплодной своей супруги, рожденной Хитровой, онъ вступилъ во вторичный бракъ съ дѣвицею Прасковою, дочерью Тимоѳея Ивановича и Ксеніи Васильевны Чириковыхъ, отъ которой имѣлъ осьмнадцать человѣкъ дѣтей, семеро изъ нихъ достигли совершеннолѣтія, прочіе скончались во младенчествѣ. Изъ числа сихъ, оставшихся въ живыхъ, старшія двѣ дочери Праскева и Екатерина и любимый ихъ сынъ Николай скончались еще при жизни долголѣтныхъ своихъ родителей. Остальные три сына: Василій, Алексѣй и Ѳедоръ и меньшая дочь Анна учинили раздѣлъ имѣнія между собою на законномъ основаніи. Село Новоспаское досталось, по обыкновенію, старшему брату Василію.»

Какъ все это любопытно и на какія размышленія можетъ навести инаго охотника до размышленій!

230) Первый Отчетъ *Археологическо-Нумизматическаго Общества въ Санктпетербургѣ. Засѣданія 1 — 5. Санктпетербургъ. 1847.*

17 іюня 1846 года происходило первое засѣданіе основаннаго Е. И. В. Герцогомъ Лейхтенбергскимъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ Санктпетербургѣ. Теперь передъ нашими глазами находятся результаты трудовъ Общества этого за цѣлый годъ.

Чтобъ вполнѣ оцѣнить важность подобнаго учрежденія, необходимо бросить взглядъ на исторію археологіи и нумизматики.

«Археологія имѣетъ предметомъ своимъ (замѣчаетъ г. Кене) нравы, исторію, искусства Древности; она разсматриваетъ бытъ и всю сущность Древняго Міра.

«Ей подчинена Филологія, приготовляющая лишь матерьялы для Археологіи, т. е. познаніе языковъ и древнихъ авторовъ. Эти филологическія познанія необходимы для археолога, который имѣетъ передъ филологомъ то преимущество, что онъ (,) такъ сказать (,) живетъ въ Древности, изучая древніе памятники, произведенные искусствомъ вѣковъ минувшихъ». (Отч. стр. 5—6).

Уже изъ самаго опредѣленія археологіи можно видѣть, что она могла родиться не ранѣе начала классицизма на Западѣ. И дѣйствительно, начало археологіи едва можно отнести къ 1450 году, да и то всѣ разъисканія древностей до XVIII столѣтія не имѣли никакого ученаго характера: единственнымъ побужденіемъ ихъ была любовь къ искусству. Древность — это доска спасенія, за которую ухватились Европейцы XV столѣтія, чтобъ не погибнуть среди разрушавшихся убѣжденій средневѣковаго человѣчества. Когда Ріенци, Петрарка, Микель Анджело, Бенвенуто Челлини—это художники-любители, но отнюдь не ученые. Въ эту эпоху (1450 — 1600) фанатизмъ къ древности и произведеніямъ ея вдругъ охватилъ общество. Древній міръ вторгся въ новый и утвердилъ въ немъ свое господство. Предводительницей этого новаго направленія явилась Италія: тамъ — каждый вельможа считалъ необходимостью имѣть, хотя для вида, въ виллахъ и палацахъ своихъ нѣсколько археологическихъ памятниковъ. Начавшіеся тогда поиски на почвѣ Италіи должны были увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ: мы заключаемъ это изъ того, что около 1450 года Лоренцо Медичи основываетъ во Флоренціи археологическій институтъ. Къ этой же восторженной эпохѣ изученія древностей относится громадная мысль Рафаэля отрыть древній Римъ. Но съ половины XVII до половины XVIII столѣтія, герои археологіи уже не художники-обожатели изящнаго, а quasi-ученые, педанты въ родѣ Спона, Уэлера, Монфокона, Эрнести, и т. п. Со второй половины XVIII вѣка начинается собственно изученіе археологіи, какъ науки. Около этого времени, случайныя обстоятельства сближаютъ Европу болѣе съ жизнью древняго міра: въ 1736 году открываютъ Геркуланъ и Помпею, и съ-тѣхъ-поръ города эти остаются неистощимымъ источникомъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ древней цивилизаціи. Наконецъ, Винкельманъ, своей «Исторіей Древняго Искусства» окончательно образовалъ изъ археологіи полную, самостоятельную науку. Однакожь, онъ же и сообщилъ ей то одностороннее направленіе, отъ котораго она еще до-сихъ-поръ не можетъ вполнѣ освободиться. Увлеченный фанатизмомъ къ греческому искусству, Винкельманъ вздумалъ разрѣшить вопросъ о происхожденіи искусства и исполнилъ это съ дерзостью героя, разсѣкшаго гордіевъ узелъ. Назвавъ нелѣпыми баснями всѣ преданія о заимствованіи Греками искусства отъ Египтянъ (замѣтимъ, что въ числѣ этихъ *нелѣпыхъ басень* находится *свидѣтельство Геродота)*, и тѣмъ не менѣе пораженный сходствомъ миѳологіи этихъ двухъ народовъ, Винкельманъ воскликнулъ: «Быть-можетъ, выведутъ заключеніе, что Греки, принявъ отъ Египтянъ ученіе боговъ ихъ, заимствовали вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя формы этихъ боговъ. Что до меня касается, то, никакъ не соглашаясь съ такимъ разсужденіемъ, я скорѣе предположу, что египетскіе жрецы, послѣ завоеванія Египта Александромъ и при Птоломеяхъ, *выдумали* это сходство религій для того, чтобъ поддѣлаться подъ нравы Грековъ и заставить ихъ уважать религію Изиды и Озириса».

Такимъ-образомъ, Винкельманъ ограничилъ искусство греко-римскимъ міромъ и основалъ такъ-называемую классическую археологію. Вліяніе его на науку было такъ сильно, что она до-сихъ-поръ не осмѣлилась еще высвободиться изъ предначертанной имъ границы. Между-тѣмъ, безпрерывно-пріобрѣтаемые наукою факты вопіютъ противъ этого порядка вещей. Къ-сожалѣнію, они еще не приведены въ систему, и потому сообщимъ ихъ здѣсь, что-называется, въ сыромъ видѣ.

Первымъ шагомъ науки за предѣлы греко-римскаго міра — было изученіе египетскаго искусства, образчики котораго собраны въ монументальномъ произведеніи Шампольйона («Памятни-

ки Египта и Нубіи»). Громадность памятниковъ этого искусства поразила умы Европейцевъ. Всѣмъ извѣстны огромныя пирамиды, обелиски и сфинксы, наполняющіе Египетъ. Рядомъ съ изученіемъ египетскихъ памятниковъ, нужно поставить возсозданіе этрурскаго искусства. Скажемъ объ немъ нѣсколько словъ, во-первыхъ, потому что изученіе его открыло намъ отношеніе его къ искусству египетскому; во-вторыхъ, потому-что въ одномъ изъ засѣданій Общества, отчетъ котораго здѣсь разсматривается, г-нъ Кене представилъ нѣсколько замѣчательныхъ скарабеевъ, пріобрѣтенныхъ Императорскимъ Эрмитажемъ.

До насъ не дошло почти ни одного остатка этрурской архитектуры; нѣкоторые ученые взялись, по указаніямъ Плинія и Витрувія, возсоздать эту архитектуру. Болѣе всѣхъ успѣлъ въ этомъ Катрмеръ де-Кенси. Заключеніе, къ которому онъ былъ приведенъ, состоитъ въ томъ, что архитектура Этрусковъ носила на себѣ глубокій отпечатокъ египетскаго характера. Но болѣе-положительные результаты сообщаетъ намъ изученіе отрытыхъ и отрываемыхъ произведеній другихъ искусствъ этой націи. Микали, Ингирами, Отфридъ Мюллеръ посвятили цѣлыя сочинненія изученію этого предмета. Вотъ заключенія, къ которымъ они были приведены: въ живописи этрурской замѣтно стараніе художниковъ болѣе произвести эффектъ, подѣйствовать на чувства религіозными символами, чѣмъ изобразить прекрасное. Первые опыты скульптуры, первыя статуэтки лишены всякой граціи. Въ этрурской манерѣ есть что-то важное, торжественное, совершенно чуждое греческаго ваянія. По взятіи Сиракузъ, въ этрурскомъ искусствѣ является новая школа: позы дѣлаются граціознѣе, драпировка очень-искусна. Теперь слѣдуетъ сказать два слова о родѣ глиняныхъ вазъ, вырываемыхъ въ могилахъ Италіи и необыкновенно-замѣчательныхъ по красотѣ и по археографической важности своей. Самыя древнія черны и не обожжены, но высушены для придачи имъ темнаго оттѣнка; изображенія на нихъ мистическія. Второй родъ вазъ — красныя, обожженныя, съ изображеніемъ животныхъ, птицъ и чудовищъ. Люди, изображенные на вазахъ и барельефахъ, малаго роста, съ толстыми руками и огромными головами. *Иногда встрѣчается большой, длинный носъ, напоминающій статуи, найденныя въ мехиканскихъ развалинахъ Паланке.*

Превосходное изученіе этрурскихъ памятниковъ дѣлаетъ честь новѣйшей археологіи. Можно сказать навѣрное, что еслибъ подобному изученію подверглись памятники восточнаго искусства, мы не оставались бы до-сихъ-поръ при однѣхъ догадкахъ. Этрурскіе памятники пролили новый свѣтъ на отношенія греко-римскаго искусства къ восточному (*).

Весьма - затруднительно означать опредѣленно время археологическихъ открытій. Памятники индійскаго искусства были, на-прим., извѣстны еще отцу Полену де-Сен-Бартелеми, но тѣмъ не менѣе наукообразно были они разобраны только по основаніи Калькутскаго Азіатскаго Общества, т. е. послѣ 1784 г. Эти памятники представляютъ обильный, но еще не вполнѣ обработанный матеріалъ для исторіи ис-

---

(*) «Г. Кене представилъ Обществу (11 окт. 1846) снимки съ 33 скарабеевъ, обыкновенно именуемыхъ этрусскими, которыхъ подлинники недавно поднесены Его Императорскому Величеству тит. сов. Мастросомъ. Сообщая точныя свѣдѣнія объ этихъ камняхъ, г. Кене обратилъ (вниманіе?) на тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе примѣчательны въ отношеніи къ Искусству и Миѳологіи. Сюда принадлежитъ: священный соколъ Египтянъ hогар (Ἱέραξ), надъ которымъ изображено Солнце и планета Юпитеръ».... Этотъ этрурскій камень, равно какъ и два другіе, тоже съ египетскими изображеніями, указываютъ на древнія торговыя сношенія Этруріи съ Египтомъ (Отч. ст. 11—12).» Полно только ли *торговыя*?...

кусства. Изучая ихъ, вы стоите у колыбели искусства. Здѣсь художникъ стѣснялся въ формахъ: онъ сооружалъ храмы изъ цѣлой горы. До-сихъ-поръ археологіи извѣстно только, что индійское искусство имѣло два періода. Къ первому относятся подземные храмы; ко второму — наземныя пагоды. Первые большею частію изсѣчены изъ горъ: 12,000 такихъ храмовъ разсѣяны по материку Индіи. Фигуры барельефовъ и тысячи колоннъ, изсѣченныхъ рѣзцомъ въ скалахъ (говоритъ Даніэль), свидѣтельствуютъ о долгой, постоянной работѣ». Характеръ архитектуры пагодъ представляетъ смѣсь простаго стиля съ изъисканнымъ, что производитъ эффектъ необыкновенный. Статуи большею частію состоятъ изъ трехъ колоссальныхъ фигуръ: мужчины, женщины и ребенка.

Но всѣ открытія эти еще ничего не значатъ въ сравненіи съ громадными фактами, которыхъ открытіемъ обязана археологія Гумбольдту, Роде, Риму, Марціусу и др.

Никто уже не сомнѣвается теперь въ существованіи древней цивилизаціи Америки. Она доказывается, съ одной стороны, сложностью формъ общественнаго быта Мехиканцевъ XV и XVI столѣтія (*), множествомъ историческихъ преданій и метафизическими тонкостями ихъ языка; съ другой—остатками скульптуры и архитектуры, разбросанными по всему пространству Мехики, Юкатана, Шіапы, на возвышенной долинѣ Квито и въ другихъ частяхъ Южной-Америки. Сюда же относятся остатки храмовъ, дворцовъ и укрѣпленія, открытыя въ Тенесси и во внутренности Новой-Мехики на берегахъ рѣки Жилы.

Америка имѣла два центра цивилизаціи, двѣ цивилизаціи, если угодно: одну мрачную, грозную, завоевательную цивилизацію Астековъ, другую болѣе мягкую, растлѣнную цивилизацію Перуанцевъ. Послѣдняя болѣе извѣстна: скажемъ два слова о первой.

Самое образованное племя Америки—Астеки. Они двинулись, какъ говорятъ ихъ преданія, съ сѣвера на югъ, и всюду на пути сѣяли сѣмена цивилизаціи. Памятники, встрѣчающіеся до-сихъ-поръ на означенномъ пути, доказываютъ на этотъ разъ справедливость преданій. Извѣстно, что Мехиканцы имѣютъ лѣтописи, восходящія до глубокой древности. Лѣтописи эти состоятъ въ историческихъ картинахъ и іероглифическихъ надписяхъ. Лордъ Кингсбургъ собралъ всѣ лѣтописи эти въ своей превосходной «Коллекціи исторической живописи Мехиканцевъ». Аббатъ Клавигеро, Фатеръ, Гумбольдтъ подтверждаютъ все это самымъ достовѣрнымъ образомъ. Но археологія все еще должна подвергнуть собранные такимъ образомъ факты своей критикѣ.

Итакъ, возстановленіе древней цивилизаціи Америки важно для археологіи само по себѣ уже, какъ фактъ. Но съ этимъ возстановленіемъ тѣсно связаны и другіе интересы. Вотъ въ чемъ дѣло; всѣ вышеупомянутые ученые, изучая памятники американской цивилизаціи, дошли до такихъ заключеній:

1) Архитектура Перу и Мехики имѣетъ одинаковый характеръ съ первоначальною архитектурой Индіи и Китая.

2) Графическіе знаки Мехиканцевъ очень-схожи съ письмомъ индійскимъ, и

3) наконецъ: самый символизмъ, миѳологія такъ-называемаго *новаго* материка, имѣютъ необыкновенное сходство съ символизмомъ и миѳологіею аріанскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, факты грозно возстаютъ противъ односторонности взгляда Винкельмана; археологія должна расширить свое поприще. Она должна разрѣшить намъ обстоятельно всѣ замѣченные здѣсь вопросы. А между-тѣмъ, замѣтимъ, что даже и фактиче-

(*) *Martius*, Ueber die Vergangenheit und die Zukunft der Amerikanischen Menschheit.

ская сторона археологіи крайне необработана. Довольно одного примѣра:

Всѣ знаютъ, кàкъ мало извѣстна намъ первоначальная исторія Южной и Сѣверной-Европы, а между-тѣмъ, у насъ есть богатые, хотя еще и не разработанные матеріалы для возстановленія этой исторіи. Это саркофаги, могилы и могильные склепы. Памятники такого рода-Южной Европы были описаны и разобраны Отфридомъ Мюллеромъ; но что̀ касается до могилъ Сѣверной-Европы, то мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія о нихъ только изъ небольшой статьи профессера Эшрихта въ Dansko Folkeblad. Онъ относитъ могильные остатки древнихъ европейскихъ народовъ къ тремъ періодамъ: первому соотвѣтствуютъ тѣ *tumulus*, въ которыхъ не находятся еще металлическія украшенія и издѣлія—кольца и, въ прибалтійскихъ странахъ, украшенія изъ янтаря, орудія изъ камня и стрѣлы изъ рыбьихъ костей. Скелеты, находимые въ этихъ могилахъ, имѣютъ что-то совершенно-особенное и должны были принадлежать особой, уничтожившейся націи. Могилы находятся преимущественно на британскихъ островахъ. Ко второму періоду относятся могилы, въ которыхъ находятся украшенія и издѣлія изъ разныхъ металловъ, за исключеніемъ желѣза. Находимые въ нихъ скелеты совершенно схожи съ первыми. Въ могилахъ третьяго разряда появляются желѣзныя оружія и украшенія; скелеты, по всей вѣроятности, принадлежатъ германскимъ племенамъ. Изъ этого читатели уже могутъ заключить, кàкъ важно было бы для археологіи изученіе открываемыхъ въ Сѣверной-Европѣ могилъ, для которыхъ до-сихъ-поръ еще такъ мало сдѣлано.

Нумизматика, наука, занимающаяся разсматриваніемъ монетъ и медалей, зависитъ болѣе или менѣе отъ археологіи, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свое самостоятельное бытіе. Выписываемъ здѣсь краткій очеркъ исторіи этой науки изъ книги г. Савельева, одного изъ членовъ-учредителей Археологическо - Нумизматическаго Общества въ Санктпетербургѣ:

«Нумизматика уже не разъ призываема была на помощь исторіи (говоритъ онъ) и поясняла, исправляла, даже замѣняла лѣтописи. . . . .

«Уже съ XVI-го столѣтія нумизматическіе труды многихъ ученыхъ доставили не маловажныя данныя наукѣ. Римскія лѣтописи Стефана Пигіуса основаны главнѣйше на монетахъ; Вилліамъ Чоубъ заимствовалъ изъ того же источника свое описаніе военнаго дѣла и должностей у Римлянъ; Урсинусъ, изученіемъ монетъ временъ республики, пріобрѣлъ о римскихъ фамиліяхъ свѣдѣнія, какихъ не могли доставить никакіе памятники; Андрей Шоттъ и Понніусъ объяснили исторію Малой-Азіи греческими монетами; кардиналъ Норисъ почерпнулъ изъ надписей на монетахъ, битыхъ въ городахъ Сиріи, свою хронологію Сиро-Македонянъ. Губертъ Гольціусъ первый систематически расположилъ греческія и римскія монеты по странамъ и государямъ, и его сочиненіе, не смотря на нѣкоторыя произвольныя гипотезы, способствовало къ распространенію точнѣйшихъ понятій о нумизматикѣ. Но настоящимъ основателемъ критической нумизматики былъ прусскій ученый и министръ Шпангеймъ, который сочиненіемъ своимъ о пользѣ и цѣнности древнихъ монетъ утвердилъ на прочныхъ началахъ эту науку. Послѣ него, труды Вальяна, извлекшаго изъ монетъ исторіи династій Арсакидовъ, Селевкидовъ и Птоломеевъ, и особенно сочиненіе Экгеля, критически распредѣлившаго семьдесятъ тысячъ монетъ греческихъ и римскихъ, которыхъ по крайней мѣрѣ половина представляетъ какія-нибудь данныя для исторіи, упрочили доказательства важности нумизматики для историческихъ изысканій». (Мухамед. Нум. ст. XI—XVIII).

Изъ этого краткаго очерка читатели могутъ увидѣть, что и на нумизматикѣ отразилось одностороннее направленіе археологіи. До середины XVIII вѣка, нумизматика обнимала одинъ грекоримскій міръ. Въ половинѣ XVIII столѣтія, Рейске и Керъ первые начали обращать вниманіе на арабскія монеты. Но, при изученіи арабской нумизматики, ученымъ представился самый

необыкновенный фактъ, именно нахожденіе арабскихъ монетъ въ Европѣ. «Весьма-замѣчательно (говоритъ г. академикъ Френъ), «что почти отъ 60 до 40 градуса восточной долготы, по всей Европейской-Россіи, и далѣе до 25 градуса, по прибрежнымъ странамъ Балтійскаго-Моря, на островахъ его и въ Южной-Норвегіи, въ-продолженіе слишкомъ ста лѣтъ, открыто въ землѣ, и доселѣ еще открывается, невѣроятное обиліе старинныхъ арабскихъ денегъ, отчасти вмѣстѣ съ современными, преимущественно англо-саксонскими и нѣмецкими монетами и съ различными серебряными вещами и другими предметами». Что̀ значитъ это явленіе, откуда попали сюда арабскія монеты? Такіе вопросы задали себѣ европейскіе ученые и разрѣшали ихъ самымъ различнымъ образомъ. Датскіе ученые Олай Ворміусъ и Сумъ предположили, на-прим., что арабскія монеты были занесены въ Европу Норманнами; Бартелеми утверждалъ, что ихъ оставили въ Россіи Монголы и Татары.

Олуфъ-Гергардъ Тихсенъ, изъ Ростока, первый выразилъ правдоподобную ипотезу. Онъ думалъ, что арабскія деньги были занесены въ Россію торговлей чрезъ Каспійское-Море.

Вѣрная мысль Тихсена получила бо̀льшее развитіе съ теченіемъ времени. Адлеръ, Ауривилліусъ, Галленбергъ, Адлербетъ изъисканіями своими показали, что Приволжская-Булгарія должна была быть главной посредницей въ торговлѣ Восточной-Европы съ Азіей. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Расмуссенъ, основываясь на извѣстіяхъ арабскихъ писателей и на свидѣтельствѣ скандинавскихъ сагъ, доказалъ существованіе торговыхъ сношеній Норманновъ съ древнею Русью и древней Руси съ мусульманскими народами.

Но объясненіемъ явленія куфическихъ монетъ въ Европѣ обязаны мы преимущественно нашему академику г. Френу. Разсужденіе его (Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland), читанное въ 1841 г. въ Императорской Академіи Наукъ, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ объ арабскихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи.

«*Азіатскія* монеты исхода VII вѣка, также VIII, IX, X и начала XI столѣтій, принесены въ Россію путемъ торговли съ мусульманскими народами прикаспійскихъ странъ, преимущественно Мавераннегра (нынѣшнихъ владѣній Хивы и Бухары).

«*Часть* этихъ азіатскихъ монетъ добыта Русскими въ грабительскихъ набѣгахъ, которые они совершили въ X вѣкѣ на берега Каспійскаго-Моря.

«Монеты *африкано*-арабскія и *испано*-арабскія занесены въ IV вѣкѣ Норманнами, которые неоднократно грабили Испанію и Африку, а потомъ утвердились и въ Россіи» (Мух. Нум., т. XLIV).

Такимъ образомъ, и археологія, и нумизматика должны были расширить въ послѣднее время сферу своихъ занятій. Недавно образовалось въ Европѣ довольно-много обществъ съ цѣлью разработывать еще нетронутые до-сихъ-поръ матеріалы.

Назовемъ здѣсь главнѣйшія изъ ученыхъ обществъ, составившихся въ Европѣ для обработыванія археологіи и особенно подвинувшихъ эту науку. Мы не говоримъ объ академіяхъ, которыя существовали до XIV столѣтія и для которыхъ археологическія занятія были не единственнымъ предметомъ. Упомянемъ сначала объ обществахъ, обработывавшихъ археологію греко-римскаго міра. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь Кортонская Академія Этрурскихъ Древностей (1726); потомъ Геркуланская (1755 г., въ Неаполѣ), издавшая записки свои «Antichita di Ercolano», и Флорентинская (1807). Въ 1829 году, общество иностранныхъ археологовъ въ Римѣ основало на акціяхъ *Instituto di Correspondenza Archeologica*. Общество это издаетъ превосходный бюллетень. Въ Германіи извѣстны: Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ въ

Копенгагенѣ и Нумизматическое Общество въ Берлинѣ, издающее *Jahresberichte*.

Переходимъ къ тѣмъ обществамъ, труды которыхъ обогатили науку великими фактами азіатской археологіи. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ во главѣ своей какое-нибудь знаменитое имя. Виллыямъ Джонсъ первый основалъ въ Калькуттѣ (1783) общество для изслѣдованія исторіи и археологіи Азіи. 16 томовъ изслѣдованій этого общества, подъ заглавіемъ *Asiatic Researches* (1799 — 1828) составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе новой науки. Съ именемъ этого общества тѣсно связаны имена Вильсона и Кольбрука. Послѣдній основалъ, въ 1823 г., Королевское Азіатское Общество Великобританіи и Ирландіи, съ которымъ тѣсно сопряжено *Oriental Translation fund Commitee*, печатающее переводы съ восточныхъ языковъ и издавшее 3 тома *Transactions*. Бомбей (1819), Мадрасъ и Бенкуленъ послѣдовали примѣру Калькутты. Наконецъ, въ 1823 году, Сильвестръ де-Саси основалъ въ Парижѣ Société Asiatique, издающее съ-тѣхъ-поръ Journal Asiatique. Общество это считаетъ или считало членами своими: Абеля Ремюза, Клапрота, Броссе, Сен-Мартена и, наконецъ, знаменитаго молодаго ученаго Эжена Бюрнуфа.

У насъ въ Россіи общества исторіи и археологіи занимались до-сихъ-поръ болѣе спеціальностями (Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Одесское Общество Исторіи и Древностей и Общество Исторіи и Древностей Остзейскихъ Губерній). Общіе интересы науки, обширное поприще которой было разсмотрѣно нами, не находили отголоска въ этихъ ученыхъ собраніяхъ. Все это придаетъ еще большую важность основанію «Археологическо-Нумизматическаго Общества» въ Санктпетербургѣ.

Вотъ исторія основанія этого Общества:

«Постоянно возрастающее въ Россіи стремленіе къ изученію Археологіи и въ особенности Нумизматики, равно какъ и обильные источники изслѣдованій по симъ предметамъ, находящіеся въ отечествѣ нашемъ, наиболѣе же въ столицѣ, породили желаніе въ нѣкоторыхъ изъ любителей помянутыхъ наукъ, основать въ С. Петербургѣ Общество, посредствомъ котораго любители Археологіи и Нумизматики могли бы находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ и, сообщая взаимно плоды разысканій и трудовъ своихъ, принесли нѣкоторую пользу наукамъ въ отечествѣ, распространяя въономъ и внѣ предѣловъ Имперія свѣдѣнія полезныя о фактахъ, (?) Археологіи и Нумизматики, долженствующихъ увеличить кругъ сихъ наукъ.

«Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, удостоивъ принять на себя исходатайствованіе Высочайшаго соизволенія на основаніе общества, былъ извѣщенъ оффиціальнымъ письмомъ Е. С. Господина Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26 Мая 1846 года о Всемилостивѣйше воспослѣдовавшемъ соизволеніи на учрежденіе Общества, равно какъ и о Высочайшемъ утвержденіи проекта статутовъ его». (Стр. 3).

Общество издало теперь на французскомъ языкѣ первую тетрадь своихъ «Записокъ», которая и разсмотрѣна нами въ другомъ отдѣлѣ Библіографической Хроники, именно въ отдѣлѣ «Книгъ, изданныхъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ» этой же книжки нашего журнала.

231) **Переѣзды по Финляндіи.** *Путевыя Записки* Якова Грота. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. книжнаго магазина П. Крашенинникова и Комп. Въ 8-ю д. л. 242 стр.*

До-сихъ поръ русской литературѣ какъ-то не суждено было обогащаться хорошими описаніями путешествій. Въ русскихъ сочиненіяхъ этого рода, какъ извѣстно, сочинители большею частію говорили только о самихъ-себѣ.

Если по этой канвѣ разсыпать нѣсколько извѣстій объ обществѣ, находившемся на пароходѣ или въ дилижансѣ во время переѣзда изъ одного мѣста въ другое, нѣсколько востор-

женныхъ тирадъ по случаю живописныхъ видовъ, или по поводу какихъ-нибудь исторически-замѣчательныхъ зданій — получается типъ путевыхъ записокъ нашего денди. А если по той же канвѣ набросать нѣсколько односторонних взглядовъ на судьбы Европы, выражающихъ какую-нибудь задушевную историческую или философическую натяжку — вы получите типъ путешествія ученаго.

Пять, шесть сочиненій въ родѣ «Записокъ за границей «Ф. Л.», «Самоѣдовъ въ домашнемъ и общественномъ быту», В. Иславина, «Прогулки Русскаго въ Помпеѣ» г. Левшина, «Записокъ объ Алеутскихъ Островахъ уналашкинскаго отдѣла» священника Веніаминова, составляютъ исключенія изъ общаго правила. Между-тѣмъ, путешествія за границу съ года на годъ все болѣе и болѣе входятъ у насъ въ обычай и въ потребность образованнаго класса. Что же касается до путешествій въ предѣлахъ Россіи, то стôитъ только вспомнить, сколько людей всякаго рода разъѣзжаетъ по всѣмъ концамъ ея, сколько промышлениковъ проводитъ цѣлую жизнь въ переѣздахъ изъ одного конца Имперіи въ другой; наконецъ, сколько наблюдательныхъ людей живетъ постоянно въ мѣстахъ, достойныхъ изученія!

Послушайте иногда умнаго провинціала, пріѣзжающаго изъ глубины какой-нибудь отдаленной губерніи — вы удивитесь, слушая его разсказы: отъчего этого мы не знаемъ, а разсказчикъ, котораго вы слушали съ живѣйшимъ вниманіемъ, смотритъ на васъ съ нѣкоторымъ торжествомъ и ироніей, и говоритъ: «вѣдь вотъ этого нигдѣ не встрѣтишь, а посмотрите-ко у насъ!» Но, оставя собственно Россію, вспомнимъ, сколько людей—по обязанностямъ своей службы должны проводить многіе годы въ Азіи, гдѣ золотопромышленная Сибирь одна могла бы доставить цѣлые томы любопытныхъ повѣствованій, или въ Америкѣ, на островахъ, простирающихся отъ Камчатки до Калифорніи! И чтô же? Почти никто изъ этого множества лицъ ровно ничего не сообщаетъ публикѣ изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми по неволѣ обогащается! Если же кто и рѣшится на подвигъ—новая бѣда: очень-немногіе изъ этихъ смѣльчаковъ понимаютъ, чѣмъ именно могутъ быть интересны ихъ сочиненія; большею частью они не даютъ никакой цѣны собраннымъ ими фактамъ и наполняютъ свои записки общими мѣстами, въ увѣренности, что это-то и значитъ умѣть хорошо писать.

Замѣчательно также, что изъ всѣхъ изданныхъ у насъ до-сихъ-поръ путевыхъ записокъ, нѣтъ ни одного сочиненія, которое носило бы на себѣ печать сильной страсти къ странствованіямъ,—той страсти, которая заставляетъ читателя интересоваться даже самою личностью путешественника. Въ иностранныхъ литературахъ такія явленія не рѣдкость. Для примѣра укажемъ на Англичанина Брука, который всю жизнь свою посвятилъ изслѣдованію и описанію группы острововъ, лежащихъ около Борнео, и самаго Борнео. Онъ, оставя королевскую службу, снарядилъ себѣ фрегатъ, составилъ экипажъ и отправился въ страны, куда влекло его воображеніе и рвеніе къ наукѣ, и провелъ между «дикими» многіе годы, въ-продолженіе которыхъ, частыми сношеніями съ туземцами, успѣлъ пріобрѣсти ихъ любовь и довѣренность и водвориться между ними въ качествѣ самостоятельнаго потентата. Подобно дону-Кихоту, онъ разъѣзжалъ между ними, ссорился и мирился, вездѣ являясь защитникомъ угнетенныхъ, грозою притѣснителей. Благородство и твердость его характера, неустрашимость и справедливость, снискали ему между дикими народами Борнео великое уваженіе, и на его судъ разные владѣтели переносили свои споры, смиренно покоряясь потомъ его рѣшеніямъ. Этотъ г. Брукъ, въ журналѣ своихъ дѣйствій, описавъ все пространство морей и земель между юго-восточными берегами Азіи и Новой-Голландіи, говоритъ: «Вотъ мѣста, но-

«что совсѣмъ намъ неизвѣстныя — *но* «*они могли бы быть извѣстны!* Скажите «мнѣ, развѣ это не значило бы благо-«родно употребить жизнь свою, по-«святивъ ее на изслѣдованіе этихъ «странъ?.. Если я думаю объ опасно-«стяхъ и смерти, то это только пото-«му, что они могли бы еще отодвинуть «*меня* отъ такого поприща моему че-«столюбію, твердости и любознанію».

И вотъ вамъ человѣкъ, который, начавъ съ малыми средствами, привелъ въ исполненіе свою идею; онъ не могъ равнодушно глядѣть на географическія карты, на которыхъ существуютъ большіе пробѣлы, какъ, на-примѣръ, внутренность Африки, Новой-Голландіи и др. «А вѣдь они могли бы быть изслѣдованы», говорилъ онъ, стоя передъ ними, сложивъ руки съ видомъ человѣка, принявшаго твердое намѣреніе, но еще невыразившаго его: «они могли бы быть описаны... на «этой бѣлой бумагѣ могли бы быть «означены горы, озера, рѣки, города; «а въ описаніи этихъ пробѣловъ могли «бы быть помѣщены картины совер-«шенно-неизвѣстной намъ природы; «ботаника обогатилась бы тысячью «фактовъ, тысячью новыхъ семействъ «растеній; зоологія — новыми видами «животныхъ; наконецъ, могла бы быть «начертана картина новаго человѣче-«ства, по-нашему дикаго, а въ-самомъ «дѣлѣ, можетъ-быть, только своеобраз-«наго; вѣдь открылъ же такимъ обра-«зомъ Чанслоръ и Московію... Если же «это человѣчество дикое, т. е. нераз-«витое, то можно бы пробудить въ «немъ присущія человѣку начала доб-«ра, прояснить его разумъ самосозна-«ніемъ. Наконецъ, отечество мое, Ан-«глія, могло бы и сюда открыть сбытъ «своимъ произведеніямъ, которыхъ из-«лишество давитъ производителей, и «ввести у себя новыя, до-сихъ-поръ «дорогія и немногимъ доступныя про-«изведенія, но которыя тогда подеше-«вѣли бы и сдѣлались доступны и бѣд-«няку...»

Само-собою разумѣется, что журналъ странствованія, приключеній, наблюденій и исторія этого лица, описанныя имъ въ мелочныхъ подробностяхъ—въ высшей степени занимательны. А отъчего? Отъ-того, что личность автора, отпечатокъ твердой воли, ясной рѣшимости, ума просвѣщеннаго наукой и сердца, сочувствующаго верховнымъ интересамъ человѣчества, его самопожертвованіе для того, «чтобъ не было пробѣловъ на географической картѣ»— отразились въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Вы чувствуете присутствіе высшей личности, и какъ бы подробно ни описывалъ онъ нравы и обычаи Малайцевъ и Діаковъ, населяющихъ посѣщенныя имъ группы острововъ, вы все видите и его-самого, и слѣдите за нимъ, и заинтересованы его судьбою.

Но часто ли случалось вамъ заинтересоваться до такой степени личностью какого-нибудь неиностраннаго путешественника и слѣдить съ замирающимъ сердцемъ за нимъ въ его странствованіяхъ, въ его изъисканіяхъ?.. Едва ли...

Европейскія литературы богаты еще описаніями путешествій другаго рода. Это просто путешествія свѣтскихъ людей, предпринятыя отъ скуки, такъ, безъ особенной цѣли. Разумѣется, здѣсь занимательность разсказа о видѣнномъ и слышанномъ будетъ зависѣть отъ степени таланта путешественниковъ въ изображеніи характера мѣстностей, или только того, что случилось съ путешественниками въ дорогѣ. Знаменитый авторъ «Путевыхъ Впечатлѣній» по Швейцаріи и Италіи можетъ служить прототипомъ такихъ описаній. Не смотря на то, что вы видите вездѣ хвастуна, разсказывающаго о себѣ геройскіе подвиги, которымъ вы, разумѣется, не вѣрите; не смотря на то, что онъ, надѣясь заинтересовать читателей, вводитъ разные бывалые и небывалые анекдоты и романическія исторійки, вы, прочтя его описаніе, ясно представляете себѣ характеръ посѣщенныхъ имъ странъ, и картину Генуи, которую узнали изъ его повѣствованія, не смѣшаете иногда

съ Венеціей, ни Пизы съ Флоренціей, ни Болоньи съ Анконой. Прочтя его книгу, вы скажете, что авторъ большой хвастунъ и вѣтренникъ, но поблагодарите его за тѣ образы, которые оставила въ вашемъ воображеніи его книга.

Авторъ книги, заглавіе которой выписано выше, очень-хорошо сознаётъ, что мы, Русскіе, не довольно знаемъ не только малообразованные народы, живущіе въ Россіи, но даже страну, сравнительно, можетъ-быть, болѣе насъ образованную, какова Финляндія; что, не смотря на существованіе у насъ даже журнала, имѣющаго цѣлью знакомить насъ съ сѣверомъ вообще и Финнами въ особенности, мы все-таки о нихъ столько же знаемъ теперь, сколько знали до изданія помянутаго журнала. Полный прекрасной мысли сообщить Русскимъ понятіе о домашней жизни Финляндцевъ и познакомить ихъ съ характеромъ страны, авторъ «Переѣздовъ» рѣшился записывать только то, что̀ случилось съ нимъ на пути. Что же изъ этого вышло? Тщательно избѣгая всего, что̀ походило бы собственно на *литературное сочиненіе*, т. е. выписокъ изъ книгъ, разсказовъ, преданій, историческихъ подробностей, слышанныхъ анекдотовъ и т. п., да, сверхъ того, не владѣя даромъ изображенія, такъ, чтобъ описываемая имъ страна отпечатывалась рѣзкими чертами въ вашемъ воображеніи — авторъ предложилъ вамъ свою памятную дорожную книгу, гдѣ онъ записывалъ имена станцій, какъ и гдѣ онъ останавливался, какъ зовутъ того пастора (а пасторы чрезвычайно-гостепріимны въ Финляндіи), въ семействѣ котораго онъ провелъ день, обѣдалъ и пилъ тосты... Даже встрѣчаясь съ людьми, замѣчательными въ томъ краю, гдѣ онъ ѣздилъ, каковъ, на-примѣръ, докторъ Лёвротъ, онъ не счелъ нужнымъ познакомить русскихъ читателей съ нѣкоторыми плодами его огромной эрудиціи по части финскаго міра, которые добрый и ученый докторъ, вѣроятно, сообщилъ своему спутнику, проѣзжая съ нимъ вмѣстѣ по извѣстнымъ ему дорогамъ, или отдыхая въ дымной избѣ, или на балконѣ сельскаго домика, послѣ вкуснаго обѣда, предложеннаго какимъ-нибудь любезнымъ хозяиномъ.

Съ другой стороны, авторъ еще болѣе опасался, кажется, попасть на такъ-называемые *высшіе взгляды*, и воздержался отъ того, чтобъ сообщить намъ въ-самомъ-дѣлѣ взглядъ—хотя бы на общій очеркъ характера финляндскаго народонаселенія по разнымъ его сословіямъ и племенамъ, на отношенія элементовъ, изъ которыхъ сложилось нынѣшнее населеніе Финляндіи—финскаго, шведскаго и русскаго. Ничего подобнаго вы не найдете въ «Переѣздахъ по Финляндіи» — развѣ сами составите какое-нибудь, можетъ-быть и ошибочное заключеніе изъ разныхъ незначительныхъ случаевъ, о которыхъ разсказываетъ г. Гротъ. Отъ-чего это такъ? Не-уже-ли въ Финляндіи нѣтъ ничего такого, что̀ сильно поражало бы путешественника своею особенностью? Отъ-чего, напримѣръ, не обратить вниманія на два сословія въ Финляндіи — на крестьянъ и на духовенство? Финскія племена, живущія въ Россіи, далеко уступаютъ русскимъ крестьянамъ въ сметливости, въ развитіи духовныхъ способностей вообще, и потому Русскіе пользуются своимъ преимуществомъ и постоянно во всѣхъ сдѣлкахъ имѣютъ выгоды на своей сторонѣ; отъ этого и названіе «*чухна*» есть чуть не ругательное слово въ устахъ русскаго крестьянина. Интересно было бы познакомить насъ съ этимъ народомъ тамъ, гдѣ встрѣча его съ другими промышленниками не мѣшала его собственному развитію. Въ этомъ отношеніи, кажется, удачнѣе всѣхъ схватилъ главныя черты національности Финновъ профессоръ Эманъ, котораго статья, написанная на шведскомъ языкѣ, помѣщена въ русскомъ переводѣ въ альманахѣ, изданномъ въ 1842 году г. Гротомъ, въ память празднованія двухсотлѣтія Александровска-

го Университета.—Далѣе, финляндскіе крестьяне живутъ подъ совершенно другими условіями, нежели наши въ отношеніи правъ на землю. Кромѣ того, всѣ крестьяне въ Финляндіи знаютъ грамоту: изъ этого примѣра нельзя ли бы было извлечь чего-нибудь полезнаго для насъ, особенно въ такое время, когда и правительство и частные люди особенно занялись распространеніемъ грамотности между крестьянами, и когда въ литературномъ мірѣ идетъ презанимательный споръ о томъ, какъ лучше взяться за это дѣло?..

Точно также и бытъ духовенства и отношенія пастора къ паствѣ могли бы подать поводъ къ полезнымъ сближеніямъ. Впрочемъ, цѣлая глава посвящена авторомъ этому предмету (стр. 24—34), но она недостаточна, тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются противорѣчія; на-примѣръ, говорится, что финляндскіе пасторы не могутъ похвалиться основательнымъ воспитаніемъ, а во многихъ мѣстахъ книги представляются пасторы, какъ истинные духовные отцы народа: «Во многихъ случаяхъ «на немъ (на пасторѣ) лежатъ въ-отно«шеніи къ нимъ (прихожанамъ) и обя«занности гражданскихъ властей... На«родное благосостояніе въ нѣкоторой «степени зависитъ и отъ пасторовъ» (стр. 126). Тутъ что-нибудь не такъ. Если паства любитъ и чтитъ священника и прибѣгаетъ къ нему въ затруднительныхъ случаяхъ; если притомъ прихожане стоятъ на значительной степени образованія и матеріальнаго благосостоянія—значитъ, пасторы удовлетворяютъ требованіямъ паствы, и мы скорѣе склонны, судя по дѣйствію пасторовъ на прихожанъ, заключить въ пользу финляндскаго духовенства.

Не смотря однако на эти, по нашему мнѣнію, существенные недостатки книги г. Грота, не смотря на то, что она заключаетъ въ себѣ болѣе изъявленіе благодарности автора лицамъ, которыя оказывали ему радушный пріемъ и которыхъ любезность сокращала для него часы мучительнаго одиночества,—въ «Переѣздахъ по Финляндіи» встрѣчаются иногда любопытныя мелочи. Воспоминаніе о путешествіяхъ Императора Александра, совершенныхъ имъ въ 1803 и 1819 годахъ, составляетъ любопытный эпизодъ; хотя и упоминается здѣсь только о нѣкоторыхъ незначительныхъ фактахъ, однакожь, эти факты обрисовываютъ благую личность монарха. Такъ, на-прим., при описаніи Кексгольма, авторъ разсказываетъ слѣдующее:

«Особенное отдѣленіе крѣпости, такъ называемый шлотъ, небольшое круглое зданіе съ башнею, занимаетъ третій островокъ. Тутъ въ прежнее время содержались преступники. Теперь стѣны шлота до такой степени уже ветхи, что сами собой разрушаются. Въ такомъ положеніи и деревянный мостъ, соединяющій этотъ островъ съ крѣпостнымъ. Обращенныя къ мосту ворота, какъ шлота, такъ и крѣпости, обиты старинными шведскими латами. Здѣсь заключено было семейство Пугачева, и еще лѣтъ 16 тому назадъ жили въ Кекстольмѣ двѣ дочери его. Онѣ пользовались свободою, не смѣя однакожь оставлять городскаго острова, и получали небольшую пенсію. Онѣ умерли въ глубокой старости. Въ началѣ царствованія Императора Александра сидѣлъ въ темномъ подвалѣ шлота какой-то преступникъ, котораго судьба для всѣхъ покрыта была совершенною тайной. Государь, въ 1803 году, находясь въ Кексгольмѣ, посѣтилъ темницу и милостиво освѣдомлялся объ имени каждаго изъ заключенныхъ. Когда очередь дошла до таинственнаго узника, то онъ объявилъ, что не можетъ въ присутствіи другихъ сказать, кто онъ такой. Пробывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, Государь вышелъ отъ него со слезами на глазахъ и повелѣлъ выпустить несчастнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ Кексгольмѣ. Онъ жилъ еще лѣтъ пятнадцать послѣ того, получалъ отъ казны содержаніе, и извѣстенъ былъ въ городѣ подъ названіемъ *Безъименнаго*. Проведши въ заключеніи болѣе 30 лѣтъ, онъ по выходѣ изъ темницы долго не могъ привыкнуть къ свѣту, и въ послѣдніе годы жизни совершенно ослѣпъ. Его любили жители, изъ которыхъ онъ ко многимъ часто хаживалъ». (Стр. 7).

Для путешественниковъ, которые, посѣщая какую-нибудь страну, еще не знаютъ, чтò надобно въ ней осмотрѣть, и часто увлекаемые разсказами, а еще болѣе риторическими описаніями разныхъ писателей, въ-особенности прошедшаго столѣтія, ѣдутъ смотрѣть то, чтò не такъ занимательно, оставляя дѣйствительно достойное вниманія — весьма поучительно прочесть поѣздку г. Грота на гору Авасаксу для того, чтобъ видѣть незаходящее солнце. Одинъ путешественникъ разсказывалъ намъ, что когда онъ прибылъ въ Мартиньи въ Швейцаріи, ему предстояло выбирать — ѣхать ли на Сен-Бернаръ посмотрѣть знаменитую обитель, или посѣтить шамунійскіе ледники. Воображеніе его, настроенное чтеніемъ, заставило рѣшиться взобраться на Сен-Бернаръ. Кàкъ, казалось ему, не пройдти по тому же пути, гдѣ проходили Аннибалъ и Наполеонъ; кàкъ не посмотрѣть на этихъ маститыхъ отцовъ-пустынниковъ, старцевъ, обрекшихъ свои послѣдніе дни на спасеніе погибающихъ въ горахъ; кàкъ не взглянуть, наконецъ, на этихъ собакъ, о которыхъ существуетъ столько разсказовъ, и которыхъ портреты встрѣчаются въ каждой иллюстраціи! Дà, это значитъ воскресить передъ собою картину временъ св. Бернара... Но этотъ путешественникъ чрезвычайно былъ недоволенъ своимъ выборомъ: изъ всего этого вышло, что онъ взобрался на гору (а взбираться на гору все равно на Сен-Бернаръ или на другую большую гору), увидѣлъ гостинницу, гдѣ его напоили кофеемъ, церковь, въ которой молодой монахъ до-тѣхъ-поръ водилъ его около кружки, пока наконецъ другой путешественникъ не объяснилъ ему, что надобно положить туда сумму, приблизительно равную тому, чтò онъ потребилъ въ гостинницѣ; наконецъ заставили его купить за пятнадцать франковъ дрянную книжонку, изданную въ пользу обители. Но ни очаровательныхъ видовъ ни отцовъ-отшельниковъ, ни обаянія патріархальнаго быта первыхъ вѣковъ христіанства онъ не нашелъ, и потомъ очень сожалѣлъ, что не поѣхалъ въ Шамуни. Около Неаполя тоже ведутъ васъ чрезвычайно-далеко, чтобъ показать горячія бани нероновы — а въ результатѣ выходитъ, что васъ подведутъ къ узкой дырѣ, родъ довольно-длиннаго подземнаго корридора, которымъ вы наконецъ спускаетесь, задыхаясь отъ жара, до горячаго колодезя; проводникъ зачерпываетъ ведро воды, заставляетъ васъ купить куриное яйцо, за которое заплатите, разумѣется, въ двадцать разъ дороже его цѣны, опускаетъ яйцо и черезъ минуту вынимаетъ, говоря, что оно сварилось — и дѣйствительно, кàкъ не свариться ему въ кипяткѣ! Но для этого ненужно вамъ ѣхать въ Неаполь и выдержать ужасный жаръ въ узкомъ и темномъ проходѣ, отъ-чего у васъ на нѣсколько дней послѣ разстроены нервы и дрожатъ ноги... Къ разряду этихъ сюрпризовъ въ путешествіяхъ принадлежитъ тоже и обычай въ Швеціи и Финляндіи ѣздить за Торнео, на гору Авасаксу, смотрѣть на незаходящее солнце: дѣло въ томъ, что въ двѣнадцать часовъ ночи солнце находится на горизонтѣ, и вмѣсто того, чтобъ скрыться, опять начинаетъ выходить. Англійскіе туристы пріѣзжаютъ и сюда, и о нихъ разсказываютъ здѣсь много анекдотовъ. По нашему мнѣнію, одинъ Англичанинъ поступилъ очень-хорошо: онъ пріѣхалъ, «легъ спать и отдалъ лакею приказа-«ніе, чтобъ тотъ разбудилъ его въ пол-«ночь, если солнце будетъ видно. Ла-«кей былъ человѣкъ аккуратный и въ «назначенное время явился съ докла-«домъ. Но Англичанинъ, довольный «своимъ положеніемъ, только повер-«нулся на постели и сказалъ слугѣ: «ну, хорошо» (стр. 96). Ему, дѣйствительно, только оставалось посмотрѣть на часы точно ли полночь, и если въ полночь было видно солнце, то картина должна быть точно такая же, какъ при захожденіи или восхожденіи его во всякомъ другомъ часу.

Наконецъ, приведемъ изъ книги г.

Грота переводъ стихотворенія одного финскаго крестьянина-поэта Лютинева. Въ немъ, по-крайней-мѣрѣ, видна тенденція нынѣшнихъ Финновъ, обратившихся къ собранію памятниковъ своей старины и обработкѣ своего языка. Стихотвореніе это имѣетъ такое заглавіе: *Сѣтованіе о презрѣніи къ финскому языку*. «Лютиненъ (замѣчаетъ г. Гротъ) уже не первый изъ крестьянъ поетъ объ этомъ предметѣ. «Желаніе, чтобъ финскій языкъ введенъ былъ въ употребленіе при судопроизводствѣ, и сожалѣніе о преобладаніи шведскаго во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ, составляетъ въ новѣйшее время любимую тэму здѣшней народной поэзіи и не разъ уже выражаемы были съ замѣчательною оригинальностью.»

Вотъ это стихотвореніе въ переводѣ автора «Переѣздовъ по Финляндіи» русской прозой:

«Вотъ и Лютиненъ снаряжается къ рунѣ (пѣснѣ), собирается пѣть о финскомъ языкѣ, сказать слово за родное дѣло. Горюетъ финскій языкъ о томъ, что давно его презираютъ, цѣнятъ низко, хоть по мыслямъ народа и надобно бы ему быть въ почетѣ. На все есть у него выраженіе, есть имя на всякую вещь; можетъ онъ толковать законъ, можетъ проповѣдывать и Евангеліе.

«Сперва младенецъ ростетъ въ пеленахъ, но наконецъ дѣлается же человѣкомъ не хуже другихъ или совсѣмъ погибаетъ; а бѣдный финскій языкъ все держатъ въ пеленкахъ, въ колыбели, будто въ тюрьмѣ, и весь вѣкъ онъ долженъ плакать въ своемъ горѣ, *по вечерамъ пропадать отъ скуки, смертельно тосковать въ сердцѣ*, что все ему приходится стоять за дверью и стучать по напрасну.

«Жила когда-то добрая дѣвушка, бойкая и благонравная дочь хозяйская; было у нея лицо пригожее, былъ станъ величавый, въ чертахъ пріятность, румянецъ розы на щекахъ, языкъ живой; все умѣла она сказать и хорошо и прилично. Но другія выходили замужъ, а она одна все сидѣла въ дѣвкахъ — дѣло странное и удивительное!

«Хочешь ли знать, какъ ее звали, эту благонравную дѣвушку?—Звали ее Финской рѣчью. Она-то давно горѣла желаніемъ, безпрестанно осматривалась кругомъ, сидѣла въ углу и ждала, чтобъ пришелъ женихъ, да повелъ ее къ вѣнцу, ввелъ въ брачную палату.

«Пляшутъ и кружатся другія, веселятся всякій вечеръ, живутъ покойно въ просторныхъ избахъ, сидятъ на широкихъ лавкахъ; а бѣдный Финскій языкъ стой весь вѣкъ на юру, оставайся за дверью, дрожи на морозѣ. Наконецъ уставши, началъ онъ жаловаться на судьбу свою.

«Вѣдь ребенку сродно подходить къ нѣжному отцу, сказывать въ чемъ онъ нуждается, раскрывать свою заботу. Такъ-то съ младенческой душою и мы въ старину прибѣгали къ западу; а теперь съ тѣмъ же самымъ желаніемъ обращаемъ взоръ къ востоку, гдѣ чудное утреннее солнце сіяетъ гораздо-прекраснѣе, гдѣ свѣтило образованія горитъ лучшимъ пламенемъ, свѣтъ учености выше взошелъ по тверди небесной»... и т. д. (Стр. 229).

Многія мѣста этой пьесы сверкаютъ искрами поэзіи; видно, многія строки вылились изъ сердца поэта и облеклись въ мѣстные образы, что и составляетъ ихъ достоинство. Послѣ приведеннаго отрывка, остается еще болѣе сожалѣть, что г. Гротъ мало обратилъ вниманія на это стремленіе къ возрожденію финскаго элемента, тѣмъ болѣе замѣчательное, что оно возникаетъ въ средѣ простаго класса, не чуждаго образованію: извѣстно, что многіе крестьяне финскіе посылаютъ дѣтей своихъ учиться въ университетъ.

232) Сборникъ Газеты Кавказъ, *издаваемой* О. И. Константиновымъ. *Второе полугодіе 1846 года. Тифлисъ. 1847. Въ тип. канцелярін намѣстника кавказскаго. Въ 12-ю д. л. 450 стр.*

Между-тѣмъ, какъ петербургскіе фёльетонисты безпрестанно жалуются, что имъ нечѣмъ наполнять своихъ урочныхъ бесѣдъ, писемъ и *разныхъ фруктовъ* (какъ называютъ они свои отчеты публикѣ) — на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, издаютъ цѣлыми томами фёлье-

точныя статьи. Мы извѣщали о появленіи перваго тома *Сборника Газеты Кавказъ*; теперь изданъ второй томъ за второе полугодіе 1846 года. Содержаніе его не меньше любопытно и разнообразно. Всего помѣщено тутъ около пятидесяти статей, ученыхъ, литературныхъ, въ прозѣ и въ стихахъ. Не выписываемъ заглавія всѣхъ этихъ статей, потому-что заглавія мало дали бы понятія о содержаніи ихъ. Что поймете вы, на-примѣръ, если мы скажемъ, что тамъ есть статьи: «Инчъ-Хабаре»; «Дикло и Шанако»; «Буба»; «Уста-Башъ», и тому подобныя? А между-тѣмъ, онѣ очень-любопытны своимъ содержаніемъ. *Инчъ-Хабаре* значитъ въ переводѣ: *Что новаго?* Такъ г. издатель газеты «Кавказъ» назвалъ свой послѣдній, заключительный фёльетонъ въ 1846 году, гдѣ, между прочимъ, даетъ онъ отчетъ о литературной дѣятельности Тифлиса. Выписываемъ это мѣсто потому больше, что оно даетъ понятіе и о содержаніи изданнаго нынѣ «Сборника»: «Въ нынѣшнемъ году рѣшенъ одинъ весьма-важный вопросъ литературный. Не въ *Кавказѣ* говорить объ успѣхѣ этой газеты; но справедливость требуетъ сказать, что появленіе ея доказало возможность, обратившуюся уже въ необходимость, современнаго періодическаго изданія здѣсь, органа всѣхъ интересовъ края; что появленіе *Кавказа* пробудило умственную дѣятельность въ странѣ, гдѣ доселѣ звучало только оружіе и гдѣ прежде такъ мало писали. Пробѣгите №№ *Кавказа*: сколько именъ вы встрѣтите, съ сколькихъ точекъ разсмотрѣны были разнородные элементы, составляющіе здѣшній край! К. Л. Р. познакомилъ васъ съ *Кумыками*; О. К. ввелъ васъ въ горы *Сванетіи*; въ его же «Очеркахъ» вы узнали типическія черты Тифлиса; г. Гнил. открылъ вамъ бытъ Грузинъ и обычаи ихъ при важнѣйшихъ случаяхъ жизни; г. Хицуновъ показалъ вамъ важнѣйшіе факты изъ сношеній древней Руси съ Кавказомъ; съ г. Ум—онъ вы были на тигровой охотѣ въ Талышахъ; вотъ передъ вами полная картина *Нухи*; а вотъ краснорѣчивыя цифры о движеніи торговли въ Закавказскомъ Краѣ; вотъ вамъ Джаро-Бѣлоканцы; вотъ передъ вами, въ повѣсти г. Майсурова, рельефный портретъ національнаго поэта Шоты-Руставела, изъ поэмы котораго далъ вамъ образчикъ г. Евлаховъ, а съ другой стороны г. Ханыковъ познакомилъ васъ съ мусульманскими законами о войнѣ; вотъ г. С. С., словно дагерротипомъ, представилъ вамъ *Коджоры*, *Манглисъ*, *Пріютъ*, *Бѣлый Ключъ*; вотъ предъ вами природа Кахетіи, Дагестана, Тушетія; вотъ Гурія, вотъ торговля и промышленость Шекинскаго-Уѣзда. Вы видѣли *черкесскія ярмарки*, видѣли нѣсколько сценъ изъ жизни Лезгинъ; узнали что такое *Уста-Башъ*, познакомились съ сказкою о *Кара-Оглу* и съ миѳологіею черкесскихъ народовъ; прочли о *намъздѣ Кунчука*, не забыли разсказовъ о *двухъ Узденяхъ*, о *Дикло и Шанако*... И все это статьи оригинальныя, написанныя здѣсь, здѣшними». (Стр. 443).

Замѣтимъ, что не всѣ исчисленныя здѣсь статьи помѣщены въ «Сборникѣ», и надобно пожалѣть, что любопытнѣйшія изъ нихъ не замѣнили нѣкоторыхъ, не очень-любопытныхъ для Россіи, или имѣющихъ временный интересъ въ фёльетонѣ, но не въ книгѣ. Впрочемъ, неблагодарно было бы требовать еще лучшаго, когда и то, что даютъ намъ теперь, есть плодъ величайшихъ усилій многихъ лицъ и просвѣщенной заботливости нынѣшняго кавказскаго намѣстника, котораго управленіе всегда и вездѣ сопровождается самымъ благороднымъ поощреніемъ всего, относящагося къ просвѣщенію. Давно ли не имѣли мы почти никакихъ печатныхъ свѣдѣній о Кавказѣ, а теперь тамъ издается газета, умная и любопытная, издается *Закавказскій Вѣстникъ*, выходящій по два раза въ мѣсяцъ и наполняемый учеными и занимательными статьями? Кромѣ того, въ 1846 году изданъ «Кавказскій Календарь» и «Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1845 году», съ 14-ю

прекрасно - нарисованными картами и маршрутами. Изъ «Сборника» узнаёмъ объ оживленіи общественной жизни въ Тифлисѣ, гдѣ существуетъ съ недавняго времени даже театръ.

Вообще, кто желаетъ ознакомиться съ любопытнымъ Закавказскимъ Краемъ, для тѣхъ «Сборникъ» г-на Константинова книга любопытная и необходимая.

233) Историческія Записки *и свѣдѣнія о Покровскомъ и святаго Василія Блаженнаго соборѣ, въ столичномъ градѣ Москвѣ, основанныя на вѣрныхъ фактахъ и почерпнутыя изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ.* А. Е. Бѣлянкинымъ (эти слова напечатаны мелко, въ типографскомъ украшеніи). *Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1847. Въ 8-ю д. л. 52 и 11 стр.*

Покровскій соборъ въ Москвѣ, вообще извѣстный подъ названіемъ Василія-Блаженнаго, есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ храмовъ русскихъ. Онъ построенъ въ 1554-мъ году, въ память покоренія казанскаго царства. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный далъ обѣтъ, по завоеваніи Казани, построить соборную церковь, и исполнилъ это черезъ два года послѣ своего подвига. Замѣчательно, что съ построеніемъ церкви Василія-Блаженнаго соединено басословное преданіе, будто грозный царь былъ такъ восхищенъ великолѣпіемъ вновь-воздвигнутаго храма, что призвалъ къ себѣ зодчаго и спросилъ: «Можетъ ли онъ построить храмъ еще лучше?» — Могу, отвѣчалъ архитекторъ, и царь велѣлъ ослѣпить его, говоря: «Не хочу, чтобы существовалъ еще болѣе изящный храмъ». Сказка эта перешла въ преданіе и до-сихъ-поръ повторяется въ народѣ. Имя достопамятнаго зодчаго осталось неизвѣстно.

Въ наше время, архитектура церкви Василія-Блаженнаго поражаетъ только странностью и тяжестью своею. Огромныя, пестрыя, узорчатыя главы ея представляютъ какую-то особую надстройку надъ самимъ храмомъ, отличающимся тѣсными придѣлами своими, узкими окнами, лѣсенками и угловатыми украшеніями. Снаружи вся церковь испещрена разноцвѣтными узорами. Построенная на возвышенномъ мѣстѣ, она видна издалека, даже съ Поклонныхъ-Горъ, изъ-за Москвы, и представляетъ яркую, характеристическую черту старины. Надобно сказать, что церковь Василія-Блаженнаго много разъ поправляли, перестроивали, придѣлывали къ ней разныя пристройки и украшенія, такъ-что, вѣроятно, наружный и внутренній видъ ея очень измѣнился со временъ Ивана Васильевича Грознаго. Въ 1680 году, въ ней было двадцать церквей или престоловъ, а въ наше время ихъ только одиннадцать. Подробное описаніе ихъ, со всѣми слѣдовавшими въ-продолженіе времени перемѣнами, можно прочитать въ сочиненіи г. Бѣлянкина, которое вообще составлено съ большимъ усердіемъ. Видно, что онъ старался не пропустить ни одной подробности, какъ въ описаніи самаго храма и святыни, въ немъ заключающейся, такъ и въ историческихъ событіяхъ, относящихся къ этому храму. Можемъ прибавить къ указаніямъ его одну историческую подробность: въ 1812 году, во время нашествія Французовъ на Москву, церковь Василія-Блаженнаго была не только опустошена, ограблена и храмы ея превращены въ конюшни: Наполеонъ имѣлъ намѣреніе срыть ее, когда хотѣлъ укрѣпиться въ Кремлѣ, и даже отдалъ приказъ о томъ своему генералу Ларибоассьеру, причемъ назвалъ онъ церковь нашу—мечетью! Вотъ подлинныя слова его приказа: «Démolir tous les batimens qui encombrent les ouvrages extérieurs du Kremlin, et notamment la Mosquée». Но послѣ онъ отмѣнилъ свое намѣреніе, и бѣдствіе ограничилось общимъ пожаромъ.

При царяхъ, церковь Василія-Блаженнаго пользовалась особеннымъ уваженіемъ еще потому, что каждый годъ, въ недѣлю Ваіи (Вербную), въ память входа въ Іерусалимъ, совершалось шествіе въ нее отъ Успенскаго-Собора.

Вотъ какъ описываетъ это г. Бѣляминъ: «Святитель, въ подражаніе Христу, ѣхалъ на ослѣ верхомъ и во всемъ облаченіи, отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, въ сопровожденіи духовенства и народа. Впрочемъ, этотъ достопамятнѣйшій обрядъ совершался не всегда одинаково и извѣстенъ на Руси собственно въ XVI вѣкѣ. Извѣстные иностранные писатели, каковы, на-примѣръ, Гаклюйтъ, Олеарій и другіе, описываютъ этотъ ходъ слѣдующими словами: «Въ недѣлю Ваіи, предъ «обѣднею, народъ собирался въ Кремлѣ, изъ Успенскаго собора выносили «большое дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами. Поставивъ «это дерево на двухъ саняхъ, везли его «тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ, которые пѣли молитвенныя пѣсни; за санями «шли многіе юноши съ зажженными «восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за нимъ несли двѣ хоругви, «шесть кадильницъ и шесть иконъ; за «иконами слѣдовали іереи въ великолѣпныхъ ризахъ, а за ними бояре, «сановники и народъ; наконецъ самъ «государь и патріархъ, который ѣхалъ «верхомъ на ослѣ, сидя бокомъ, покрытымъ бѣлою тканью, въ лѣвой рукѣ держалъ евангеліе, а правой благословлялъ народъ». Осла велъ бояринъ; государь шелъ съ вербою въ рукѣ. Около пятидесяти юношей, всѣ въ красномъ платьѣ, скинувъ съ себя верхнюю одежду, разстилали ее по пути шествія патріарха и царя. Изъ Успенскаго собора патріархъ шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ котораго давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣдовалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ, и совершивъ тамъ молебное пѣніе, такимъ же порядкомъ, въ сопровожденіи множества народа и при колокольномъ звонѣ въ церквахъ, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ совершалъ божественную литургію».

Не взыщите на слогъ, — а книга любопытная.

234) Рѣчи и Отчетъ, *произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 17 іюня 1847 года. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 4-ю д. л. 126 стр.*

Въ составъ этой книжки вошли: рѣчь О. П. Лешкова *О древней русской дипломатіи*, рѣчь О. П. Анке *de Hippocratis praeceptis, nostra aetate volentibus* (о положеніяхъ Иппократа, имѣющихъ силу въ наше время); наконецъ *Краткій Отчетъ о состояніи университета за 1846—47 академическій годъ.*

Рѣчь г. Лешкова по истинѣ странное явленіе! Она написана не дурно, съ знаніемъ дѣла, начитанностью; въ ней есть много любопытнаго, если хотите — и въ то же время, нельзя читать ее безъ удивленія. Это типическое произведеніе отвлеченной учености, которая ко всему, безразлично, приступаетъ съ извѣстными, заранѣе-готовыми формулами, что̀ бы это ни было, и съ наивною важностью судитъ одинаково о предметахъ самыхъ разнородныхъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Еще Пушкинъ, въ высшей степени обладавшій живымъ взглядомъ на вещи, вооружался противъ этой маневры: его «Лѣтопись Села Горохина» — геніальная сатира на историческія и научныя уродливости; но его урокъ, судя по рѣчи г. Лешкова, мало принесъ намъ пользы. На каждой страницѣ встрѣчаемъ: *дипломатія Россіи въ варяжскій періодъ; дипломатическія сношенія съ Половцами, Монголами, удѣльныхъ князей между собою.* Боже мой! Дипломатическія сношенія Святополка, Михаила и Давида съ Василькомъ! Игоря съ Древлянами! Ужь не было ли, въ-самомъ-дѣлѣ, *дипломатическихъ* сношеній съ тѣми Финнами, которыхъ капища были разрушены и идолы ниспровергнуты въ Ростовѣ?.. Скажите человѣку, одаренному простымъ здравымъ смысломъ, у котораго голова не засорена ложно-понимаемою ученостью—скажите ему, что Рюрикъ, Олегъ, Святославъ имѣли *дипломатическія* сношенія — онъ засмѣется и

не станетъ васъ слушать. На такіе отвѣты ученые смотрятъ обыкновенно съ величавымъ презрѣніемъ; но какъ они не правы! въ такихъ отвѣтахъ справедливый протестъ живаго понимавія вещей противъ отвлеченнаго схоластицизма. И какъ онъ не выгоденъ для науки! Непосвященные въ таинства формальнаго взгляда на вещи, незнающіе, что такой взглядъ далеко не дѣйствительная, нормальная наука—тѣ смотрятъ на нее недовѣрчиво, отрицаютъ ея существованіе, основываясь на сочиненіяхъ, подобныхъ рѣчи г. Лешкова. Если они заблуждаются, такъ это вина подобныхъ сочиненій. Дѣйствительная, живая наука говоритъ, что дипломатія, международныя отношенія, возможны только съ того времени, когда народъ выработалъ въ себѣ понятіе *о правѣ*, *юридическіе элементы*; далѣе, когда тѣ народы, съ которыми онъ сносится, находятся точно на такой же степени развитія. На этомъ основаніи, конечно, мы ужь имѣли дипломатическія сношенія, начиная отъ Ивана III и въ особенности Ивана IV, съ европейскими государствами, но не имѣли ихъ никогда съ сибирскими инородцами, Киргизами, тѣмъ менѣе съ Половцами, Печенѣгами и Косогами въ варяжскій періодъ. Г. Лешковъ не принимаетъ этихъ различій. Исполненный формальной учености, онъ не обращаетъ вниманія на основное начало, которое даетъ жизнь и значеніе всему остальному; есть договоръ — вотъ и дипломатическое отношеніе; есть война — вотъ и военное международное право. Отъ-того, съ крайней тщательностью и трудолюбіемъ обработана у него вся внѣшная часть международныхъ отношеній въ древней Руси: формы договоровъ, сношеній, каковы были посольства и т. д.; но внутренняя сторона или вовсе опущена, или развита весьма-неудовлетворительно. Оно и понятно. Изслѣдуя послѣднюю и не находя въ ней ничего, г. Лешковъ долженъ былъ вдаться въ натяжки, или отказаться отъ предпріятія. Отъ-чего жь было прямо не высказать этого? Нельзя: наука, видите, имѣетъ свои вѣчные, непреложные законы, которые повторяются вездѣ. Или авторъ о томъ и вовсе не думалъ? — это гораздо-вѣроятнѣе... Скажемъ въ заключеніе, что рѣчь г. Лешкова, какъ собраніе матеріаловъ, имѣетъ свои достоинства, но, какъ ученое сочиненіе — совершенно-незначительна, и болѣе затемняетъ, чѣмъ раскрываетъ истину.

Совсѣмъ-другое представляетъ коротенькая, но прекрасная рѣчь г. Анке. Это антиподъ рѣчи г. Лешкова. Какъ послѣдняя всячески ставитъ предметъ на ученыя ходули, заковываетъ въ нѣмецкую систему, вовсе ему несвойственную и чуждую, такъ первая, напротивъ, обнаруживаетъ стремленіе упростить взглядъ, противодѣйствовать узенькимъ теоріямъ, и поставить читателей и слушателей въ самое близкое, прямое отношеніе къ природѣ, безъ посредства головныхъ представленій, вносящихъ въ предметъ чуждое, ему непринадлежащее. Въ концѣ рѣчи, обращаясь къ студентамъ медицинскаго факультета, г. Анке повторяетъ мысль, на которой основана рѣчь его. «Если (говоритъ онъ) возбужденные изученіемъ этой истины, вы обратите трудъ и силы на медицину, то легко убѣдитесь, что изъ всѣхъ теорій лучшая — не полагаться ни на какую теорію, а полагаться на вещи и природу».

Такую истину отрадно читать въ наше время, когда произвольныя, не изъ предмета взятыя системы губятъ здравый смыслъ и забиваютъ его въ колодку.

Въ «Отчетѣ» университа мы находимъ многозначительный фактъ, что число студентовъ и слушающихъ въ немъ лекціи безпрестанно возрастаетъ. Въ 1846–47 году ихъ было 1129 человѣкъ. Самые многолюдные факультеты—медицинскій и юридическій (373 и 376 студентовъ); самый малолюдный—1-е отдѣленіе философскаго (прежній филологическій) (90 чел.). Въ-слѣдствіе присоединенія Медико-Хирургической Академіи къ Университету, медицин-

скій факультетъ получилъ огромные размѣры. Довольно сказать, что при немъ состоятъ теперь четыре клиники, и старшій врачъ одной изъ нихъ (Екатерининской-Больницы), равно какъ и директоръ другой (Главной-Больницы), получили каѳедры въ университетѣ.

235) Курсъ Теоріи Словесности. Михаила Чистякова. *Двѣ части. Изданія* Кораблева и Сирякова. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 238, во II-й 288 стр.*

Словесность, какъ наука, до-сихъ-поръ еще находится въ жалкомъ положеніи. Между-тѣмъ, какъ всѣ другія науки, утвержденныя на извѣстныхъ основаніяхъ, заботятся о томъ, чтобъ постепенно наполнять истиннымъ содержаніемъ опредѣленныя имъ сферы, одна словесность должна еще отъискивать свои основанія, измѣрять свою сферу, пріобрѣтать свое содержаніе. Разверните любой курсъ словесности: что вы тамъ встрѣтите? Нѣсколько заимствованій изъ логики, нѣсколько свѣдѣній психологическихъ и нѣсколько страницъ, собственно принадлежащихъ словесности, хотя законность этого собственнаго владѣнія можетъ быть оспориваема, какъ сомнительная. Отъ-чего же мы не видимъ подобнаго въ другихъ отрасляхъ знанія? Развѣ логика не общая принадлежность наукъ и состоитъ на откупу у словесности? Развѣ психологія вертится около нея, какъ ея неизмѣнный спутникъ? Геометрія и алгебра необходимо требуютъ знанія ариѳметики—однакожъ, ариѳметика не входитъ въ курсы геометріи и алгебры, какъ часть ихъ содержанія. Статистика тѣсно связана съ исторіей и географіей, однакожъ, послѣднія двѣ науки излагаются и преподаются сами-по-себѣ не пришиваясь, въ видѣ особенныхъ главъ, къ статистикѣ. Причина такого соединенія разнородныхъ предметовъ заключается единственно въ томъ, что словесность не знаетъ еще опредѣлительно своего дѣла и за неимѣніемъ собственнаго капитала пользуется чужимъ, на основаніи берегового права.

Критика словесныхъ произведеній служитъ вторымъ доказательствомъ шаткаго состоянія словесности. Что̀ такое критика вообще? приложеніе правилъ науки или искусства къ произведенію этой науки или этого искусства. Что̀ такое критика литературная? приложеніе теоріи литературы къ произведенію литературному. Но у насъ приложеніе чрезвычайно-различно, не по различію воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ—различію, возможному при всей опредѣлительности научнаго содержанія, а по незнанію, гдѣ и въ чемъ это содержаніе. Большая часть аристарховъ или требуютъ больше надлежащаго, или не требуютъ всего надлежащаго. И какъ имъ требовать? у нихъ нѣтъ истинной критической мѣрки, они ощупью отъискиваютъ достоинства и недостатки словесныхъ произведеній, не давъ себѣ отчета, въ чемъ должны заключаться эти достоинства и что̀, слѣдовательно, должно называть недостаткомъ.

Въ послѣднее время, начитанные и опытные преподаватели словесности пришли къ тому заключенію, что занятія ихъ должны ограничиться двумя предметами: обученіемъ языку (сюда входятъ грамматика, ономатика и техника, т. е. умѣнье владѣть языкомъ) и изложеніемъ исторіи литературы. Строгая же система того, что̀ мы называемъ теоріей краснорѣчія и теоріей поэзіи, невозможна да и безполезна для учащихся безъ знакомства съ матеріалами, которые доставляетъ чтеніе литературныхъ произведеній. Теорія краснорѣчія и теорія поэзіи должны быть выводомъ исторіи литературы, изложенной не критически, а въ порядкѣ хронологическомъ. Отъ этого у Нѣмцевъ, страстныхъ охотниковъ систематизировать, писать учебныя руководства, мало руководствъ для теоріи произведеній, относящихся къ краснорѣчію или къ поэзіи. Отъ этого же, въ гимназіяхъ нѣмецкихъ, учите-

ли словесности не предлагают систематическаго изложенія піитики или прозаики, но читают съ учениками Гомера, Шекспира, Шиллера, и при разборѣ читаннаго объясняютъ теорію эпоса, драмы, лирической поэзіи. Это самый полезный и самый естественный ходъ занятій: другаго быть не должно. Г. Чистяковъ думаетъ точно также. Вотъ его слова, на 90-й стр. 1-й части: «Безъ исторіи теорія невозможна, потому-что исторія представляетъ предметы для наблюденія и соображенія — явленія, дѣйствія, первые матеріалы мысли; безъ теоріи исторія будетъ знаніемъ поверхностнымъ, мелочнымъ, бездушнымъ, потому что не будетъ вести ни къ чему. Слѣдовательно, только въ соединеніи свѣдѣній историческихъ съ теоретическими состоитъ то знаніе, котораго ищетъ умъ нашъ, знаніе полное, живое, потому-что только тогда оно есть отраженіе дѣйствительности». Мнѣніе совершенно-справедливое. Однакожь, какимъ образомъ это мнѣніе прилагается къ дѣлу?—Въ книгѣ того же автора, который такъ справедливо мыслитъ, есть теорія, и нѣтъ исторіи. Откуда же извлечена его теорія? или, лучше, какую пользу извлекутъ ученики изъ его теоріи, съ которой знакомятся не чрезъ исторію? Пусть желающій узнать теорію словесности прочтетъ эту умную книгу: онъ все-таки не узнаетъ словесности. У насъ до-сихъ-поръ господствуетъ теорія краснорѣчія и піитика *отвлеченныя*, которыя излагаютъ ученіе о свойствахъ краснорѣчія и поэзіи вообще, о родахъ того и другаго, объ ораторѣ и поэтѣ. Но ученія *историческаго*, которое показало бы, какъ основныя начала краснорѣчія и поэзіи, въ-теченіе столѣтій у различныхъ народовъ различно проявлялись, и въ какомъ видѣ существуютъ они теперь, въ современной литературѣ—такого ученія у насъ нѣтъ, между-тѣмъ, какъ оно-то и есть главное дѣло, между-тѣмъ, какъ *абстрактная* піитика, *абстрактная* прозаика изъ него-то и должны выходить, между-тѣмъ, какъ въ этомъ послѣдовательномъ развитіи словесныхъ произведеній и заключается истинный интересъ науки, между-тѣмъ, какъ это движеніе родовъ и видовъ краснорѣчія и поэзіи и составляетъ, по нашему глубокому убѣжденію, настоящую теорію того и другаго...

Будемъ же говорить не о томъ, чему бы слѣдовало быть, а о томъ, что̀ есть. Отвлеченные, или абстрактные наши курсы словесности можно раздѣлить на три рода: чисто-схоластическіе, съ философскимъ воззрѣніемъ на предметъ, и срединные, стоящіе между первыми и вторыми въ какомъ-то умилительномъ недоумѣніи. Родоначальница и чистѣйшая представительница чисто-схоластическаго изложенія реторики (разумѣя подъ нею стилистику и теорію краснорѣчія) и піитики есть книга Кошанскаго. Междоумочные или срединные курсы словесности, принадлежа по духу и сердцу схоластикѣ, хотятъ, однакожь, прикрыть себя новенькими взглядами, которые пристали имъ такъ же, какъ павлиньи перья пристали извѣстной птицѣ. Современники прошлаго съ ногъ до головы, они мечтаютъ сдѣлаться современниками настоящаго движенія идей—точь-въ-точь безвласые и беззубые старички, воображающіе себя кудрявыми юношами. Но старость измѣняетъ имъ на каждомъ шагу: они хотятъ затянуть модную пѣсню, и дребезжащимъ, разбитымъ голосомъ поютъ: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ»; заговорятъ о Пушкинѣ и кончатъ вздохомъ о Херасковѣ, начнутъ за здравіе, а сведутъ за упокой. Къ такимъ курсамъ принадлежатъ учебники гг. Греча, Георгіевскаго и Плаксина... Курсовъ третьяго разряда, т. е. съ философскимъ изложеніемъ предмета, мы знаемъ только два: И. Давыдова и г. Чистякова. Первый, по содержанію и объему своему и формѣ изложенія, назначенъ для университетскихъ лекцій; послѣдній болѣе пригоденъ для гимназій. Само-собою разумѣется, что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ первыми двумя

отдѣлами, къ которымъ они состоятъ въ отношеніи противоположности.. О курсѣ г. Давыдова мы уже говорили нѣсколько разъ въ нашемъ журналѣ, отдавая ему должное: теперь обращаемся къ курсу г. Чистякова.

Г. Чистяковъ извѣстенъ переводомъ «Эстетики» Бахмана, и «Очеркомъ Теоріи Изящной Словесности», въ которомъ умно и опредѣлительно изложены законы изящнаго вообще и законы изящнаго въ поэзіи. Новый его трудъ принадлежитъ къ числу дѣльныхъ и умныхъ. Въ авторѣ виденъ человѣкъ мыслящій, который всѣ явленія словесныя подводитъ подъ законы, — который ни одного слова не говоритъ безъ достаточнаго основанія, и который, при изяществѣ ученаго изложенія, умѣетъ быть математически-точнымъ и вѣрнымъ своему взгляду. Его книгой должны воспользоваться гг. преподаватели словесности для своихъ уроковъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Другаго, лучшаго руководства для этой цѣли нѣтъ. Первую часть «Курса» можно назвать вступительной, предварительной. Въ ней содержатся три отдѣла: свѣдѣнія психологическія, свѣдѣнія логическія и краткое изложеніе эстетики. Допущеніе въ теорію словесности свѣдѣній двухъ первыхъ родовъ объясняется и оправдывается тѣмъ, что психологія не проходится у насъ особенно, а логика проходится иногда очень-поверхностно. Понятія эстетическія суть не что иное, какъ прежде-изданный «Очеркъ Теоріи Изящной Словесности», о которомъ мы упоминали. Вторая часть, или собственно наука о словесности, раздѣляется также на три отдѣла: въ первомъ изложена теорія изящной рѣчи (стилистика, или, какъ ее называютъ еще нѣкоторые, реторика), во второмъ – теорія краснорѣчія, въ третьемъ—теорія поэзіи.

Но чѣмъ умнѣе книга, тѣмъ большаго хочется отъ нея требовать, и каждое неисполненное требованіе становится, въ такой книгѣ и у такого автора, недостаткомъ. Главный недостатокъ «Курса Словесности», какъ мы уже видѣли, состоитъ въ томъ, что онъ принадлежитъ къ числу абстрактныхъ, или отвлеченныхъ, а не историческихъ. Но и какъ отвлеченный, онъ слишкомъ-сжатъ; теорія не развита съ надлежащею подробностью: вотъ второй недостатокъ, наиболѣе ощутительный въ послѣднихъ двухъ отдѣлахъ второй части — въ изложеніи теоріи краснорѣчія и теоріи поэзіи. Хота и на нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ удовлетворительныхъ курсовъ прозаики и піитики, но авторъ долженъ бы былъ воспользоваться различными монографіями, которыхъ выходитъ въ Германіи такъ много, и которыя такъ подробно развиваютъ теорію и исторію каждаго поэтическаго рода и каждаго рода краснорѣчія. Анализъ драмъ Шекспира далъ бы ему прекрасные матеріалы для драмы; разборъ многихъ эпическихъ произведеній (напримѣръ, разборъ «Германа и Доротеи», Гёте, въ сочиненіяхъ В. Гумбольдта) сдѣлалъ бы то же самое для поэзіи эпической. Въ нѣмецкихъ альманахахъ, каждый годъ являющихся въ значительномъ количествѣ, легко найдти историческое изложеніе элегіи, оды и другихъ стихотвореній лирическихъ, а отсюда, т. е. изъ показанія историческаго хода, легко бы можно было вывести и теорію. Впрочемъ, пересматривая цитаты книги, мы увидѣли, что авторъ почему-то не благоволитъ къ нѣмецкимъ ученымъ и чаще обращается къ Французамъ, плохимъ филологамъ и плохимъ эстетикамъ. Даже, при изложеніи законовъ языка, предметѣ наиболѣе-обработанномъ германскими учеными, есть ссылки на Шатобріана, Мальтбрёна, потомъ на Эдвардса, Блера, Врангеля, и нѣтъ ни Беккера, ни Гумбольдта, ни Гримма. Говоря объ аллегоріи, авторъ свидѣтельствуется Лемьеромъ и Вольнеемъ; въ общихъ замѣчаніяхъ о переносныхъ выраженіяхъ указываетъ на Дюмарсе. Психологію и логику, науки по преимуществу германскія, авторъ тоже отдалъ Французамъ и частію Ан.

тличавамъ—Бюффону, Дюгальду-Стюарту, Фредерику Кювье, Араго, Гарнье, Сегюру, Вимону, Рейду, Аддиссону, Монтаню, Дежерандо, и проч., и проч. Въ этомъ полагаемъ мы третій недостатокъ. Наконецъ, если ужь пошла рѣчь о недостаткахъ, мы недовольны (въ одномъ только отношеніи) самимъ выраженіемъ автора. Конечно, рѣчь его не только хороша, но и изящна; однакожь, это изящество не совсѣмъ умѣстно въ учебной книгѣ, въ трудѣ дидактическомъ: оно отвлекаетъ вниманіе отъ главнаго дѣла – отъ мысли, и — волей или неволей – принуждаетъ автора дать лишнее мѣсто словамъ.

Вообще же, книга г. Чистякова принадлежитъ къ числу весьма-пріятныхъ и полезныхъ явленій въ русской учебной литературѣ. Желательно было бы, чтобъ авторъ къ этимъ двумъ частямъ своего труда присоединилъ поскорѣе третью, именно исторію русской литературы.

236) Указатель Законовъ Россійской Имперіи *для купечества. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 495 стр.*

Цѣль книгъ такого рода — знакомить съ отечественнымъ законодательствомъ и предостерегать отъ послѣдствій незнанія законовъ, послѣдствій всегда вредныхъ и часто опасныхъ. Польза такихъ книгъ очевидна безъ доказательствъ, и выходъ ихъ въ свѣтъ должно считать пріятнымъ явленіемъ, особенно, если средства для достиженія этой цѣли избраны съ толкомъ. Ограничиваясь почти всегда выписками изъ «Свода Законовъ», даже одними указаніями на нумера статей и иногда на время изданія постановленій, еще невошедшихъ въ «Сводъ» или въ его «Продолженія», ихъ составляютъ двоякимъ образомъ: или избираютъ одинъ какой-нибудь предметъ законодательства и обработываютъ его, какъ особую часть законовѣдѣнія, или же указываютъ на законы, знаніе которыхъ необходимо для людей, принадлежащихъ къ одному классу или сословію. Въ примѣръ первой методы можно указать на трудъ г-на Хавскаго, собравшаго нѣкогда законы о наслѣдствѣ; примѣръ втораго способа въ «Юридической Библіотекѣ» г-на Наливкина, гдѣ изложены сокращенно права и обязанности сельскихъ обывателей въ 5-й и 6-й, городскихъ обывателей въ 7-й, дворянства и духовенства въ 8-й частяхъ, а также и въ «Указателѣ Законовъ для сельскихъ хозяевъ» г-на Дегая. Если станутъ искать въ такихъ книгахъ строгой системы, стройности въ цѣломъ, тѣсной связи частей и логической послѣдовательности, станутъ сравнивать ихъ между собою, то нѣтъ сомнѣнія, что перевѣсъ останется на сторонѣ перваго способа, потому-что подъ перомъ знатока дѣла избранный предметъ можетъ обозначиться рѣзкими чертами, совершенно отдѣлится отъ другихъ предметовъ, свѣдѣнія о немъ сгруппируются превосходно, и онъ представится въ такой полнотѣ и ясности, какихъ только возможно желать. Что же касается до другаго способа, то при всемъ искусствѣ составителя, при всей тщательности въ отдѣлкѣ, – по необходимости либо выпустится изъ вида многое, иногда весьма-важное, либо наполнится книга излишнимъ. Сверхъ того, почти невозможно размѣстить всѣ отдѣлы такъ, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ находились предметы однородные, или сохранить такую классификацію, которую правовѣдцы принимаютъ за основную при изложеніи предметовъ права. Такъ, на-примѣръ, въ «Юридической Библіотекѣ» очень-сжато изложены права и обязанности всѣхъ состояній; въ «Указателѣ Законовъ для сельскихъ хозяевъ» не помѣщены узаконенія о залогѣ фабрикъ и заводовъ въ кредитныя установленія и вообще недвижимыхъ имѣній частнымъ лицамъ; но есть правила о фабрикахъ, заводахъ и промышлености, а также и узаконенія о залогѣ деревень и земель въ кредитныя установленія. Въ чемъ-нибудь да есть недостатокъ или излишекъ; если постанов-

ленія о залогѣ фабрикъ считались ненужными, потому-что фабричныя заведенія принадлежатъ болѣе къ торговой (обработывающей?), нежели къ сельской промышлености, то для чего бы помѣщать правила о выдѣлкѣ произведеній на этихъ заведеніяхъ? Если указанія на законы о залогѣ деревень и земель частнымъ лицамъ считались неумѣстными, можетъ-быть, потому-что они относятся къ обширной части гражданскаго права о договорахъ (de obligationibus) вообще и о контрактѣ (de rebus creditis) въ особенности, то почему же умѣстны постановленія о займахъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ деревень и земель, извѣстныя въ римскомъ правѣ подъ общимъ названіемъ залога (pignus)?

И «Указатель Законовъ для Купечества» не могъ избѣжать недостатковъ подобнаго рода. Въ примѣръ можно поставить вотъ что: во второй главѣ первой части весьма-кстати бы помѣстить новое городовое положеніе Санктпетербурга. Части V раздѣла III къ главѣ VI очень идетъ Св. Зак. тома втораго Общ. Губ. Учрежд. ст. 2533. О производствѣ дѣлъ въ коммерческихъ судахъ, предметѣ слишкомъ-важномъ для купечества, особенно въ-отношеніи къ объявленію и исполненію рѣшеній и принятію на нихъ жалобъ, мало однихъ только указаній на нумера статей «Свода Законовъ». Въ параграфѣ 1615 сказано, что съ окончаніемъ откупнаго четырехлѣтія съ 1843 по 1847 годъ, нѣкоторыя статьи будутъ замѣнены постановленіями «Уложенія о Наказаніяхъ», но книга вышла въ іюнѣ 1847 года, когда давно уже дѣйствуютъ узаконенія объ акцизно-откупномъ коммиссіонерствѣ съ 1847 по 1851 годъ. Въ § 1263 названы статьи 1403 — 1407 неизвѣстно котораго тома «Свода Законовъ». Такіе же недостатки замѣчаются въ § 1281 о личномъ наймѣ, о запискѣ въ гильдію лицъ съ перемѣною прежняго состоянія, гдѣ нужно бы показать содержаніе статей «Свода Законовъ», а не нумера ихъ; въ примѣчаніи къ § 1363, гдѣ указанія и на нумера статей X тома «Свода» сдѣланы неполныя — 1462 и слѣдующія, неизвѣстно какія; во всей книгѣ ссылки на статьи «Уложенія о Наказаніяхъ» приведены означеніемъ однихъ числовыхъ ихъ названій. Съ этимъ недостаткомъ существенно-нужнаго для каждаго купца, въ поразительномъ контрастѣ находится избытокъ въ показаніяхъ о правахъ и обязанностяхъ цѣлаго сословія городскихъ обывателей, о почетныхъ гражданахъ, должностяхъ, классахъ, мундирныхъ разрядахъ, въ указаніяхъ на законы, относящіеся собственно не къ одному купечеству, на-примѣръ, о запискѣ въ гильдію дворянъ, свободной торговлѣ, ярмаркахъ, мастерствахъ, цехахъ, фабрикахъ, заводахъ, промыслахъ, охотѣ, ловлѣ рыбы и жемчуга, выдѣлкѣ вина, садоводствѣ, шелководствѣ, паспортахъ заграничныхъ для лицъ всѣхъ сословій, о наградахъ медалями и орденами, сборахъ съ подорожныхъ, пошлинахъ крѣпостныхъ и съ привилегій на изобрѣтенія, о сборѣ за проѣздъ по шоссе, монетѣ, кассахъ, Ссудной Казнѣ, объ операціяхъ Сохранной Казны, о роспискахъ въ пріемѣ на сохраненіе, о заемныхъ письмахъ, закладныхъ и прочемъ, относящемся одинаково, а иногда еще болѣе, и къ другимъ состояніямъ лицъ въ государствѣ, къ которымъ купечество не принадлежитъ. Въ системѣ расположенія частей встрѣчаются особенности: въ §§ 44 и 45 говорится уже о купцахъ первой и второй гильдіи, тогда, когда еще не сказано ни слова о раздѣленіи купцовъ на гильдіи, которое объяснено уже въ § 57. VII отдѣленіе VII главы по заглавію относится къ однимъ гласнымъ, но въ немъ же, въ § 267, сказано о головахъ. Вслѣдъ за §§ 815 — 819, въ которыхъ говорится о средствахъ исполненія системы запретительной и покровительствующей — таможняхъ, идетъ объясненіе о сухопутныхъ сообщеніяхъ. Вся вторая часть должна бы заключать въ себѣ указаніе на законы объ одной торговлѣ, а въ XI главѣ говорится о наслѣдственныхъ правахъ.

Место для объясненія объ ярмаркахъ слѣдовало бы прямо за 400 параграфомъ: «О свободной торговлѣ», въ которомъ и упомянуто объ нихъ, но это объясненіе помѣщено черезъ 362 параграфа — въ 762, а прежде его встрѣчаются узаконенія о консульствахъ, биржахъ, маклерахъ, метрологія, и проч. Вопросъ о гербовой бумагѣ для векселей представляется самъ собою послѣ указаній на законы о составленіи ихъ, а объясненія о ней помѣщены послѣ объясненій о взысканіи по векселямъ — окончаніи ихъ движенія. Часть VII заключаетъ въ себѣ предметы самые разнородные, изъ которыхъ многіе слѣдовало бы помѣстить въ другихъ частяхъ: о постоянномъ жительствѣ, паспортахъ, пошлинахъ, сборахъ, акцизѣ, взысканіяхъ за торговыя свидѣтельства, продажѣ табака, судопроизводствѣ, вкладахъ, ссудахъ, конторахъ Коммерческаго Банка, учетѣ векселей, объ обмѣнѣ крупныхъ и ветхихъ ассигнацій, о монетѣ, и проч., и все это такъ перепутано, что вышла смѣсь.

Наконецъ, встрѣчаются и неправильности, въ родѣ слѣдующихъ: въ первомъ параграфѣ, миновавъ опредѣленіе состоянія городскихъ обывателей вообще, помѣщенное «Свода Законовъ», изданія 1842 года, тома XI въ статьѣ 458, авторъ относитъ къ городскимъ обывателямъ въ особенности (причисляемымъ въ законахъ къ среднему роду людей) однихъ только купцовъ, почетныхъ гражданъ и гражданъ, переименованныхъ изъ бывшей шляхты, то-есть, онъ выписалъ только первый пунктъ 459 статьи IX тома и умолчалъ о томъ, что̀ сказано во 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ пунктахъ, по которымъ къ тому же состоянію принадлежатъ мѣщане или посадскіе, ремесленники или цеховые, вольные люди, приписанные къ нѣкоторымъ городамъ, и рабочіе люди. Въ 822 параграфѣ сказано, будто-бы фабрики и заводы могутъ быть содержимы и учреждаемы вновь одними только тѣми лицами, которыя состоятъ въ гильдіяхъ; но каждому потомственному дворянину предоставляется полная свобода учреждать въ своихъ деревняхъ фабрики и заводы безъ записки въ гильдію (Св. Зак. изд. 1842 года, т. IX, ст. 201).

Въ заключеніе должно упомянуть еще: въ § 42 внесена буквально 544 статья IX тома «Свода»; но на ней должно было остановиться особенное внимание автора. Тамъ объ удовлетвореніи за обиду дѣтей городскаго обывателя сказано: «Дѣти женскаго пола получаютъ удовлетвореніе вчетверо противъ родителей. «Наконецъ, малолѣтнымъ дѣтямъ «обидчикъ платитъ вполовину противъ «отца». Естественно и сами собою должны возникнуть вопросы: о замужнихъ или незамужнихъ дочеряхъ идетъ рѣчь; противъ кого изъ родителей, т. е. противъ отца, или матери, или же обоихъ вмѣстѣ, получаютъ удовлетвореніе вчетверо (потому-что жена получаетъ безчестья вдвое противъ мужа), и какія дѣти разумѣются подъ общимъ названіемъ малолѣтныхъ, потому-что послѣ объясненія о дѣтяхъ женскаго пола, повтореніе его было бы лишнее, и, слѣдовательно, вѣроятно, сказано о дѣтяхъ только мужескаго пола. Для разрѣшенія сомнѣній, возбуждаемыхъ этими вопросами, сто̀ило бы взглянуть на цитатъ и справиться съ «Городовымъ Положеніемъ» 1785 года, апрѣля 21 дня, или же и еще легче — сличить съ упомянутою 554 статьею IX тома, тома X Законовъ Гражданскихъ статью 553. Вотъ подлинныя слова этой статьи: «незамужнимъ дочерямъ городскаго обывателя платится за безчестье вчетверо «противъ отца; дѣтямъ мужескаго пола, до семнадцати лѣтъ отъ роду, «вполовину, а выше сего возраста «по тому же размѣру, какъ и ихъ отцу.» Ясно, свѣтлѣе дня. Эту-то статью и надобно было выписать: вѣдь авторъ не былъ обязанъ держаться одного девятаго тома.

Но, высказавъ свое мнѣніе о недостаткахъ почти-неизбѣжныхъ, мы не должны умолчать, что эти недостатки немного отнимаютъ достоинства у кни-

ги г. Колоколова, что она очень-хорошо достигаетъ своей цѣли и содержитъ въ себѣ одно изъ самыхъ лучшихъ руководствъ по этой части. Многіе и очень-многіе будутъ благодарить г. Колоколова за его трудъ, вообще довольно-удовлетворительный, о которомъ нельзя не отзываться съ уваженіемъ. Для того же, чтобъ успокоить привязчивыхъ къ мелочнымъ и даже къ ничтожнымъ недостаткамъ, укажемъ на затрудненія въ размѣщеніи предметовъ права, встрѣчавшихся и глубоко-ученымъ правовѣдцамъ, подобныя недоумѣніямъ римскихъ юристовъ, — овладѣніемъ (occupatio) или приращеніемъ (accessio) считать кладъ или сокровище (thesaurus), разрѣшенныя Адріаномъ только такъ, какъ Александръ-Македонскій развязалъ узелъ Гордія—мечомъ: римскій императоръ отнесъ кладъ къ обоимъ способамъ пріобрѣтенія собственности, т. е. и къ овладѣнію и къ приращенію, но въ сущности ничего не разрѣшилъ. Что же мудренаго, если замѣчаются отступленія отъ порядка строгихъ выводовъ въ книгѣ, предназначенной для тѣсной сферы указателей, по которымъ не систематически изучаютъ гражданскія права и обязанности?..

237) **Руководство къ сочиненію писемъ** *и дѣловыхъ бумагъ, съ образцами, примѣрами и формами. Москва. 1847. Въ тип. Семена. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й — 135, во II-й — 260 стр.*

Не можемъ сказать ничего рѣшительнаго объ этомъ «Руководствѣ къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ» до-тѣхъ-поръ, пока не выйдутъ остальныя двѣ его части. Впрочемъ, и по тѣмъ, которыя у насъ передъ глазами, можно заключать, что это изданіе принесетъ существенную пользу многимъ, особенно тѣмъ, которымъ трудно, а иногда и невозможно знать какъ написать, на-примѣръ, билетъ, вексель, письменный видъ, выводное письмо, довѣренность, завѣщаніе, заемное письмо, закладную, записи — государственную, запродажную, отдѣльную, раздѣльную, прошенія съ представленіемъ ко взысканію векселя, заемнаго письма, закладной, о вводѣ во владѣніе, мировое и проч. Къ образцамъ и формамъ присоединены объясненія, какъ составлять акты, свидѣтельствовать ихъ, представлять къ явкѣ и записки въ книги, однимъ словомъ, сохранять всѣ принадлежности, нужныя для ихъ дѣйствительности, законной силы и облеченія въ законную форму. Это изданіе можетъ замѣнить собою книги, извѣстныя подъ названіемъ письмовниковъ, секретарей, стряпчихъ и повѣренныхъ, изъ которыхъ печатанныя до 1832 года не могутъ уже приносить пользы, потому-что составлены сообразно съ прежними узаконеніями, а не съ «Сводомъ Законовъ», а изданныя послѣ — безчисленными и важными недостатками и превратными представленіями дѣлъ и вещей вводятъ въ ошибки.

238) **Руководство по Займамъ** *изъ государственныхъ кредитныхъ установленій подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, или подробные расчеты процентовъ и капитала, въ таблицахъ, по ссудамъ на 15, 26 и 37 лѣтъ, съ узаконеніями о ссудахъ изъ Государственнаго Заемнаго Банка и Сохранной Казны Императорскаго Воспитательнаго Дома, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, и съ прибавленіемъ 1) Легкаго способа исчислять по 5 процентовъ по правиламъ ариѳметики. 2) Расчета по 5 процентовъ въ таблицахъ. 3) Формы, по коей заемщики могутъ дѣлать расчетъ процентовъ и капитала на занятую сумму (на 15, 26 и 37 лѣтъ) по таблицамъ, приложеннымъ въ началѣ сей книги. 4) Объясненія, по какой формѣ заемщикамъ вести счетъ платежей по ссудамъ на 15, 26 и 37 лѣтъ. Составилъ* М. Поднебесный. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Винтебера. Въ 8-ю д. л. 72 стр. и нѣсколько таблицъ на отдѣльныхъ листахъ.*

Что можно прибавить къ этому многозначительному и краснорѣчивому за-

главію? Если вы такъ счастливы, что имѣніе у васъ еще не заложено, то лучше и не знакомьтесь съ таблицами и указаніями этой книги; а если ужь надобно вести разсчетъ за имѣніе заложенное, то въ этомъ, конечно, помогутъ вамъ таблицы. Впрочемъ, о достоинствѣ ихъ лучше спросить у *практиков*: мы судимъ наглядно и совершенно теоретически.

239) **Оршинъ Монастырь** *Тверской эпархіи. Сказаніе о найденныхъ древнихъ богослужебныхъ вещахъ. Соч.* Н. Ковшина. *Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 23 стр.*

Вознесенскій заштатный Оршинъ Монастырь находится въ 18 верстахъ отъ Твери, внизъ по теченію Волги, на лѣвомъ берегу, при устьѣ рѣчки Орши. Въ сентябрѣ 1846 года, архіепископъ Григорій приказалъ составить проектъ для новаго храма, потому-что старый уже обветшалъ. При передѣлкѣ пола, когда стали вынимать изъ-подъ стараго помоста землю, въ алтарѣ, у самой двери, ведущей изъ отдѣленія, занимаемаго жертвенникомъ, въ часть, посвященную св. престолу, найдены зарытыми на ¾ арш. въ пескѣ богослужебныя вещи: три древніе св. антиминса (1567, 1610 и 1613 г.), кадило (1603), дискосъ и три блюда (1604 г.), звѣздица, двѣ иконы въ окладахъ и проч. Изъ соображенія историческихъ данныхъ, авторъ выводитъ заключеніе, что архимандритъ Феодосій, соорудитель найденныхъ богослужебныхъ вещей (какъ значится на подписяхъ), желая укрыть ихъ, или въ 1606 г. или позже, отъ литовскихъ сконищъ, схоронилъ свое сокровище подъ помостомъ св. алтаря; что вещи были схвачены и брошены въ землю на-спѣхъ, ибо онѣ найдены безъ всякой пелены, и,стало-быть,обитель оршинская обойдена была опасностью нежданно; что разломать кирпичный полъ и опять заложить нельзя было одному архимандриту, безъ пособія кого-либо изъ братій; а какъ при освященіи храма, въ 1610 г., былъ уже другой архимандритъ и св. сосуды оставались невынутыми, то и должно полагать, что Феодосій и его сотрудники погибли насильственною смертію, во время бѣдствія, внезапно обступившаго св. обитель оршинскую, унеся съ собою тайну о сокровищѣ. Авторъ обѣщаетъ рисунки найденныхъ вещей и снимки со всѣхъ почерковъ.

240) **Валаамскій Монастырь.** *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 28 стр.*

Эта брошюра можетъ быть полезна для тѣхъ жителей Петербурга, которые, пользуясь лѣтнимъ временемъ и пароходомъ «Валаамъ», отправляются на отдаленный островъ Ладожскаго-Озера посмотрѣть замѣчательный во многихъ отношеніяхъ монастырь. Картина монастырской жизни можетъ быть очень-поучительна; уставы житія иноковъ восходятъ до отдаленной древности, до первыхъ временъ христіанства, когда поборники божественнаго ученія, негодовавшіе на формы и основы жизни древняго общества, понявъ всю неестественность положенія людей и отношеній ихъ между-собою въ тѣ времена, изъискивали, на основаніи новыхъ началъ, проповѣданныхъ христіанскою религіей, новыя формы общественнаго устройства, въ которыхъ сожитіе людей между собою было бы болѣе сообразно съ назначеніемъ человѣка. Этимъ святымъ людямъ надлежало—не говоря уже о высокой нравственной и духовной цѣли ихъ учрежденій, разсмотрѣть и обсудить матеріальный бытъ братства, и притомъ такъ, чтобъ чисто-земное существованіе, земной трудъ, не стѣснялъ возможности нравственнаго совершенствованія братіи. Для этой цѣли они старались освободить сколь-можно-болѣе человѣка отъ мелочныхъ нуждъ, ото всего, что могло препятствовать его духов-

кому совершенствованію, отъ заботъ о личномъ благосостояніи, отъ заботъ, сопряженныхъ съ частнымъ владѣніемъ имуществомъ и даже отъ кровныхъ узъ, поглощающихъ всю мірскую его дѣятельность. Обитель была, для вступающаго подъ сѣнь ея, семействомъ, которое соединялось родствомъ духовнымъ; трудъ его—принадлежалъ братіи, равно какъ и трудъ братіи принадлежалъ ему. Явленіе этихъ общинъ, основанныхъ на единствѣ и общности труда и собственности, на единствѣ стремленій и любви духовной — представляло поразительную противоположность со всѣмъ устройствомъ языческаго міра, въ которомъ всѣ вопросы общественные и частные, всѣ отношенія людей между собою, и къ труду и къ собственности, были запутаны до послѣдней крайности и требовали радикальнаго преобразованія, провозвѣщеннаго проповѣдью евангелія. Любопытно и утѣшительно видѣть всѣ усилія новаго ученія установить новыя, прочныя основанія быта человѣка на землѣ, сообразнаго съ его натурой; труды отцовъ церкви и учредителей первыхъ монастырскихъ общинъ на Востокѣ и Западѣ, независимо отъ ихъ другой цѣли—утвержденія началъ на основаніи откровенія, представляютъ богатый матеріалъ и для историка.

Въ брошюрѣ «Валаамскій Монастырь», авторъ, собравъ вкратцѣ историческія извѣстія объ основаніи его, о заслугахъ отшельниковъ, пекшихся о распространеніи греческой вѣры между окрестными жителями, обозначилъ и кой-какіе случаи, когда происшествія Россіи и Финляндіи отзывались и въ пустынной обители Валаама или воинскимъ набѣгомъ, или удаленіемъ подъ сѣнь ея какого-нибудь историческаго лица. Нельзя, однако, не замѣтить, что авторъ уже слишкомъ-легковѣрно принимаетъ разныя историческія легенды и приводитъ въ доказательство ихъ достовѣрности доводы — въ иныя времена странные и через-чуръ наивные. Напримѣръ, въ одной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Валаамскаго-Монастыря, которая тоже ссылается на другую древнюю рукопись, именуемую «Оповѣдь», сказано, что во времена язычества этого края, на островѣ Валаамѣ было идольское капище, и здѣсь совершалось «поклоненіе кумирамъ»,—и что будто-бы здѣсь проповѣдывалъ евангеліе апостолъ Андрей, пришедшій, по сказанію Нестора, изъ Кіева въ Новгородъ, и «путями морскими возвратившійся въ Южную Европу». Это преданіе говоритъ, что «Апостолъ по рѣкѣ Волхову достигъ Ладожскаго-Озера и черезъ озеро достигъ Валаама, обратилъ въ христіанство жрецовъ, обитавшихъ на немъ, и основалъ церковь христіанскую» (стр. 8).

Извѣстно, что преданіе о самомъ путешествіи апостола Андрея въ Скиѳію еще спорный пунктъ въ исторіи; но авторъ доказываетъ достовѣрность его посѣщенія Валаамскаго - Монастыря слѣдующими доводами:

«Что мудренаго? «Во всю землю взыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ», свидѣтельствуетъ Писаніе о путешествіи Апостоловъ (Псал. 18, 5). Ихъ труды принадлежали не какому-нибудь одному народу, а всему человѣчеству; заботливое вниманіе ихъ, любовь ихъ сердца, привлекались не образованностью, не гражданскимъ устройствомъ и силою,—привлекались бѣдствіемъ падшаго человѣка,—былъ ли онъ «Скиѳъ или Варваръ, Іудей или Эллинъ». *Почему же не прійдти святому Апостолу Андрею къ праотцамъ нашимъ Славянамъ, и сосѣдямъ ихъ Скандинавамъ* (т. е. авторъ разумѣлъ Финнамъ)? *Почему не посѣтить* ему мѣсто, *освященное для богослуженія* народнаго, и тамъ не насадить богопознанія и богослуженія истинныхъ? *Почему не допустить мысли, что самъ Богъ внушилъ Апостолу это высокое святое намѣреніе и далъ силу къ исполненію его? Дикость, малоизвѣстность страны,—дальность, трудность путешествія,* — не могутъ быть достаточною, даже сколько нибудь сильною, причиною, чтобы отвергнуть это преданіе.»

Всѣ эти доводы, основанные на вопросѣ «почему же?» теряютъ свою силу при томъ же вопросѣ, взятомъ отъ противнаго; и то, что̀ автору не кажется препятствіемъ — дальность, трудность пути, дикость, малоизвѣстность страны — то̀ съ другой стороны будетъ казаться весьма-сильнымъ препятствіемъ для путешествія. «Что мудренаго? почему же не прійдти?» — а почему же и прійдти? и почему же прійдти проповѣднику и просвѣтителю народовъ именно на дикій островъ, а не въ какой-нибудь многолюдный городъ, проповѣдовать свое ученіе — не скаламъ и волнамъ, а народу? Развѣ въ подтвержденіе своего положенія авторъ докажетъ, что островъ Валаамъ былъ въ свое время значительнымъ средоточіемъ финскаго міра, куда стекалось множество народа? Но, при нынѣшнемъ состояніи исторіи финскихъ племенъ, и этого доказать нельзя...

Конечно, на подобныхъ доводахъ останавливаться бы не стоило; мы остановились на нихъ потому только, что въ этой брошюрѣ есть страницы любопытныя, и что она — за недостаткомъ лучшаго — все-таки можетъ принести нѣкоторую пользу отправляющимся на Валаамъ. Жаль только, что вмѣсто статистическихъ и географическихъ свѣдѣній о положеніи этой группы острововъ, къ которой принадлежитъ островъ св.-Валаама, и вмѣсто болѣе-подробнаго описанія хозяйственнаго быта обители, авторъ пускается въ надутыя, не художественныя, а, слѣдовательно, ни къ чему-неведущія описанія бури на Ладожскомъ Озерѣ и своего плаванія, такъ-что, прочтя и это описаніе, все прійдется сказать: «лучше нѣтъ, — пригодится и это»...

241) **Жизнь и Подвиги** *схимонаха Өеодора*. **Изданіе второе**. *Оптиной Пустыни* М. П. Гри—ро—ва. *Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 16-ю д. л. 64 стр.*

Авторъ избралъ для краткаго описанія жизнь и подвиги схимонаха Өеодора «скончавшаго земное поприще жизни своей» только въ половинѣ 1822 г., потому-что «на душу нашу не столь «сильно дѣйствуютъ жизнь и дѣла лю«дей, отдаленныхъ отъ насъ, сколько «людей, близкихъ къ намъ по времени «и мѣсту. Тщетны всѣ предлоги совѣ«сти грѣховной, коль скоро смотримъ «на добрыя дѣла человѣка, подвержен«наго такимъ же слабостямъ и паденi«ямъ, какимъ подвержены и мы, и «жившаго въ томъ же мѣстѣ и въ то же «время, въ которомъ живемъ и мы». За краткимъ описаніемъ жизни слѣдуютъ нѣкоторыя писанія схимонаха Өеодора: 1) Плодъ любви, смиренія и вѣры, искреннее писаніе простаго старца къ падшему ученику; 2) два письма, подъ заглавіемъ: М. С. О. Н. Г. I. Х. Б. Н. П. Н.; 3) Отвѣты, данные имъ предъ кончиною въ Александро-Свирскомъ Монастырѣ на вопросы, предложенные учениками его.

242) **Слово** *предъ отпѣваніемъ тѣла скончавшагося февраля 27 дня, ростовскаго ставропигіальнаго первоклассшаго монастыря настоятеля, священно-архимандрита и кавалера Иннокентія, сказанное ставропигіальныхъ монастырей благочиннымъ Московскаго Донскаго Монастыря архимандритомъ и кавалеромъ* Өеофаномъ *марта 8 дня 1847 г. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Содержаніе «Слова» состоитъ въ указаніи средствъ къ мирному и блаженному окончанію настоящей жизни, ибо, въ силу условнаго умозаключенія, изложеннаго въ предложеніи, неоспоримо выходитъ, что «если смерть для «всѣхъ необходима, то для насъ, еще «живыхъ, остается одно утѣшеніе— «желать мирной кончины».

243) **Отчетъ** *Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйст-*

ва и Главнаго Общества Улучшеннаго Овцеводства за 1846 г. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 152 стр.

Годичное собранiе общества, 1847 г. января 27, начато было чтенiемъ отчета о дѣйствiяхъ общества и трудахъ членовъ; потомъ прочтены были отчеты по Земледѣльческой Школѣ, учебному хутору, по Обществу Овцеводства и по казначейской части. Всѣ эти статьи вошли въ книжку «Отчета». Сверхъ этого, напечатано въ ней приложенiе къ «Отчету» и списокъ членовъ.

244) Московская Земледѣльческая Школа. *Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 10 стр.*

Краткое, но ясное объясненiе цѣли школы и средствъ, состава ея, раздѣленiя, предметовъ преподаванiя, надзора, распредѣленiя учебнаго дня, содержанiя учениковъ и условiй при поступленiи въ школу.

245) О Причинахъ Неудовлетворительнаго Состоянiя Скотоводства въ Западныхъ Губернiяхъ *средней полосы Россiи, и о мѣрахъ къ его улучшенiю. Сочиненiе* Б. Михельсона, *исправляющаго должность практическаго агронома въ Горыгорицкой Земледѣльческой Школѣ, удостоенное золотой медали въ 50 червонцевъ отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ по конкурсу 1844 и 1845 г. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 80 стр.*

246) О Промыслахъ Земледѣльческаго Сословiя въ Новороссiйскомъ Краѣ. *Сочиненiе* К. Буницкаго, *помѣщика Александровскаго Уѣзда Екатеринославской Губернiи, удостоенное золотой медали въ 50 червонцевъ отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, по конкурсу 1844 и 1845 г. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 57 стр.*

Сельское хозяйство, какъ основанiе всякой промышлености, вездѣ составляетъ предметъ особенной попечительности правительствъ. У насъ это тѣмъ болѣе необходимо, что земледѣлiе есть почти исключительное занятiе народа, что прочiя отрасли промышлености, собственно такъ-называемые промыслы, рукодѣлiя, составляютъ предметъ подсобный, вспомогательный, большею частiю временныхъ занятiй рабочаго класса, привязаннаго почти всею своею массою къ землѣ. Съ учрежденiемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ мѣры къ развитiю и усовершенствованiю сельскаго хозяйства получили надлежащее мѣсто въ кругу высшихъ административныхъ учрежденiй, сосредоточились въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства и въ Ученомъ Комитетѣ Министерства.

Положенiе земледѣльческой промышлености зависитъ отъ многихъ общихъ и частныхъ, мѣстныхъ условiй, познанiе которыхъ необходимо для принятiя мѣръ положительныхъ, достигающихъ цѣли вѣрно, съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Вотъ почему Министерство Государственныхъ Имуществъ, независимо отъ собранiя свѣдѣнiй путемъ чисто-административнымъ, пользуется еще другимъ средствомъ—конкурсными задачами, средствомъ чрезвычайно-важнымъ, дающимъ возможность имѣть въ виду наблюденiя и соображенiя всякаго, кто съ опытностью и познанiемъ мѣстности соединяетъ благородное желанiе подѣлиться своими знанiями съ согражданами, сообщить свои мысли и правительству, и, чрезъ его посредство, всѣмъ инересующимся успѣхами отечества на пути къ улучшенiю хозяйства, ибо Министерство Государственныхъ Имуществъ, выдавая награды за одобренныя Ученымъ Комитетомъ сочиненiя, въ то же время публикуетъ ихъ и въ сво-

емъ журналѣ и отдѣльно. Нельзя пропустить безъ вниманія и того обстоятельства, что задачи Ученаго Комитета касаются всегда не столько чисто-техническихъ вопросовъ, — предмета принадлежащаго болѣе экономическимъ обществамъ, сколько изученія положенія той или другой стороны народной дѣятельности, хозяйственныхъ нуждъ извѣстнаго края, или экономическихъ условій земледѣльческаго класса. Такимъ средствомъ возбуждается размышленіе, уясняются основныя условія производимости, безъ знанія которыхъ приложеніе техническихъ свѣдѣній остается безплоднымъ. Естественно, что требованіямъ Ученаго Комитета могутъ удовлетворять лишь такія сочиненія, которыя касаются предмета со всѣхъ сторонъ, показываютъ отношенія его къ общественной жизни и законамъ ея развитія; объясняютъ то состояніе, въ которомъ находится та или другая отрасль хозяйства. Доказательствомъ тому служитъ прекрасное сочиненіе г. Михельсона. Сущность вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: отъ-чего скотоводство дурно? На это большая часть такъ-называемыхъ хозяевъ-практиковъ отвѣчала бы: «потому-что скотъ дурно кормятъ». Но это все то же, что сказать: «скотоводство дурно, потому-что дурно», и, слѣдовательно, не сказать ничего, не объяснить ничѣмъ явленія, которое всѣ замѣчаютъ, всѣ знаютъ, о которомъ всѣ спорятъ—и только г. Михельсонъ видитъ гораздо-дальше. Вотъ, что̀ онъ говоритъ:

«Пока большая часть народонаселенія какого либо государства находится въ такомъ состояніи, что съ трудомъ пріобрѣтаетъ необходимѣйшія потребности жизни; пока избытокъ и благосостояніе сосредоточены въ рукахъ немногихъ, до тѣхъ поръ не можетъ процвѣтать никакая отрасль промышлености. Какого бы рода ни были причины, препятствующія развитію народнаго благосостоянія, т. е. естественныя ли, напр. неблагопріятное положеніе страны, дурной климатъ, неплодородная почва, или гражданскія, какъ напр. монополія, — устраненіе дѣйствія такихъ причинъ должно быть первымъ условіемъ распространенія благосостоянія. Безпрепятственность торговыхъ сношеній и промышленыхъ занятій способствуетъ скорому ихъ развитію, усиливая въ трудящихся классахъ духъ предпріимчивости; народонаселеніе увеличивается въ быстро возрастающей пропорціи, капиталы скопляются, потребленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и производительность усиливаются. Эти обстоятельства, играющія столь важную роль въ промышленомъ развитіи государства вообще, имѣютъ также рѣшительное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить исторія постепеннаго развитія сельскаго хозяйства въ Бельгіи, Англіи и въ послѣднее время въ Германіи. Нидерланды были въ Европѣ первымъ государствомъ, въ которомъ, при особенно благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, возникла въ народѣ торговая и промышленая дѣятельность, и въ короткое время достигла удивительнаго развитія. Увеличеніе, вслѣдствіе этого, требованія на произведенія земли и возвышеніе цѣнъ возбудили дѣятельность въ земледѣльческомъ классѣ и дали ему возможность тщательнѣе обрабатывать поля и улучшать породы скота. Предприняты были улучшенія въ большомъ размѣрѣ, возвратившія вскорѣ съ избыткомъ употребленныя издержки, и страна, прежде пустынная, сдѣлалась истиннымъ садомъ Европы. Здѣсь все возникло изъ современной потребности и развилось само собою, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Поселянинъ былъ самъ и учителемъ и ученикомъ; земледѣліе приняло здѣсь свои формы, истекшія изъ мѣстныхъ наблюденій и опытовъ; порода скота образовалась посредствомъ улучшенія въ самой себѣ, т. е. единственно посредствомъ благоразумной случки и правильнаго ухода. Обстоятельства, сопровождавшія это преобразованіе хозяйства, должны быть приняты въ соображеніе вездѣ, гдѣ желаютъ достигнуть той же цѣли, осуществленіе которой въ настоящее время тѣмъ легче, что теперь мы уже имѣемъ предъ собою богатый запасъ опытовъ, которыхъ не имѣли Нидерландцы, и которые требуютъ только благоразумнаго примѣненія къ обстоятельствамъ каждой мѣстности. Англія, по близкому сосѣдству своему съ Нидерлан-

дами, вскорѣ явилась ихъ соперницею въ предпріимчивости и въ полезныхъ улучшеніяхъ. Торговля и ремесла имѣли здѣсь такой же успѣхъ, а вмѣстѣ съ ними возвысилось и сельское хозяйство, которое, улучшаясь постепенно, достигло высшаго развитія своего со времени Артура Юнга и Джона Синклера. Наконецъ, въ новѣйшія времена примѣру Англіи послѣдовала Германія, пробужденная въ концѣ прошедшаго столѣтія къ новой промышленой дѣятельности и устранившая у себя многія учрежденія, стѣснявшія развитіе промышлености. Ея торговля и промыслы сдѣлали быстрые успѣхи, а вмѣстѣ съ ними и сельское хозяйство, подъ вліяніемъ глубокомысленнаго Тэра, во многихъ мѣстахъ Германіи достигло такой высокой степени совершенства, какой едва можно было ожидать. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ странахъ безпрепятственность торговыхъ отношеній служила основаніемъ промышленаго развитія, которое всегда зависитъ отъ экономическаго и гражданскаго положенія промышленнаго класса. Что касается до необходимыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ цвѣтущее состояніе скотоводства, то въ этомъ отношеніи не должно упускать изъ виду одного обстоятельства, которое само собою вытекаетъ изъ вышесказаннаго, именно: необходимости обильнаго внутренняго и внѣшняго потребленія произведеній скотоводства, т. е. значительное потребленіе самими производителями и возможно большаго требованія ихъ прочими классами народа. Положеніе земледѣльца должно улучшиться въ такой степени, чтобы онъ былъ въ состояніи удовлетворять не только первымъ потребностямъ жизни, но и потребностямъ болѣе возвышеннымъ человѣческой природы, развитіе которыхъ составляетъ признакъ возвышеннаго благосостоянія. Ежедневную пищу его должно составлять мясо и молочныя произведенія, и тогда только можно надѣяться, что собственныя очевидныя выгоды заставятъ его обращать болѣе вниманія на скотоводство, состояніе котораго, вслѣдствіе этого, быстро поднимется выше посредственнаго, и вознаградитъ всѣ попеченія о немъ. Если къ этому присоединится еще удобный сбытъ произведеній въ города, въ которыхъ, при цвѣтущемъ состояніи торговли и промышлености, также должно увеличиться всякое потребленіе, то земледѣлецъ придетъ самъ собою къ убѣжденію, что скотоводство есть весьма прибыльная отрасль сельскаго хозяйства, вполнѣ заслуживающая его заботливости и попеченія. Тогда онъ легко самъ откроетъ средства къ улучшенію породы скота, и необходимымъ слѣдствіемъ этого будетъ постепенный переходъ отъ посредственнаго къ лучшему».

Обращаясь послѣ этого къ Россіи, авторъ замѣчаетъ, что здѣсь, по причинѣ обширности государства, встрѣчается чрезвычайное разнообразіе условій, имѣющихъ вліяніе на состояніе скотоводства; не имѣя полныхъ свѣдѣній о всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, онъ ограничивается западными губерніями средней полосы Россіи, и, изложивъ положеніе тамошняго скотоводства, говоритъ, что

«Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, имѣющихъ существенное вліяніе на худое содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на худыя качества нашего рогатаго скота, есть, конечно, недостаточное образованіе земледѣльцевъ. Человѣкъ, стоящій на низшей степени развитія, до нельзя ограничивающій всѣ свои потребности, мало заботится объ улучшеніяхъ въ своемъ быту и совершенно доволенъ, если можетъ идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли его прадѣдки. Чтобы улучшить хозяйственный бытъ этого человѣка, прежде всего необходимо поставить его на высшую степень нравственнаго образованія. Ему должно указать лучшее, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать въ руки средства достигнуть этого лучшаго въ своемъ быту, и тогда только можно ожидать благихъ послѣдствій.

«Второе обстоятельство, имѣющее существенное вліяніе на малое развитіе нашего скотоводства, заключается въ трудности сбыта молочныхъ произведеній, не могущихъ выносить дальней доставки, и въ незначительномъ домашнемъ потребленіи ихъ. Классъ ремесленниковъ немногочисленъ, фабрикъ немного; и потому у насъ еще незначителенъ именно тотъ классъ народа, который въ другихъ государствахъ главный потребитель вышеозначенныхъ произведеній, именно классъ работниковъ и ремесленниковъ. — Вотъ почему даже помѣщики не иначе могутъ сбывать молочные скопы отъ своего скота, остающіеся за собственнымъ потребле-

ніемъ, какъ обращая ихъ въ масло, которое можетъ быть продаваемо по порядочной цѣнѣ во всякомъ городѣ. Другія молочныя произведенія, кромѣ творога, который впрочемъ продается уже въ гораздо меньшемъ количествѣ, не имѣютъ для нихъ никакой цѣнности.

«Крестьянинъ употребляетъ мало молока; онъ совершенно доволенъ, если имѣетъ достаточно хлѣба, который еще, для большаго наполненія желудка, печется обыкновенно на половину съ просѣянною или непросѣянною мякиною. Кромѣ хлѣба, единственную необходимую потребность крестьянина составляетъ соль, которую крестьяне достаютъ нелегко. Только богатые крестьяне, т. е. такіе, которые имѣютъ нѣсколько штукъ скота, употребляютъ сверхъ сего въ пищу лѣтомъ молоко, а зимою свиное сало или изрѣдка баранину и т. п. Для усиленія домашняго потребленія необходимо стараться улучшить бытъ земледѣльца, и тогда собственная выгода заставитъ его заботиться объ улучшеніи породы скота.

«Третья причина, которой должно быть приписано неудовлетворительное состояніе нашего скотоводства, есть недостатокъ хорошихъ луговъ, равно какъ и то, что разведеніе кормовыхъ растеній вообще еще мало вошло въ употребленіе. Еслибы крестьянинъ имѣлъ корма болѣе и лучшаго качества, тогда онъ сталъ бы заботиться о томъ, какъ бы употребить его съ большею выгодою, а это необходимо привело бы его къ улучшенію породы скота.

«Наконецъ, въ числѣ причинъ малыхъ успѣховъ скотоводства въ нашихъ странахъ должно упомянуть о падежахъ и заразительныхъ болѣзняхъ, которыя весьма часто свирѣпствуютъ во всѣхъ губерніяхъ, до которыхъ относится настоящее сочиненіе. Весьма естественно, что самое пламенное стремленіе къ общему благу должно наконецъ охладѣть и отказаться отъ дальнѣйшихъ улучшеній, видя какъ плоды многолѣтнихъ трудовъ и усилій мгновенно разрушаются вслѣдствіе болѣзней, появляющихся внезапно и въ короткое время истребляющихъ цѣлыя стада».

Переходя къ мѣрамъ, которыя могутъ содѣйствовать улучшенію скотоводства, авторъ признаетъ, что первое между ними мѣсто занимаетъ общенародное образованіе.

«Въ необходимости его (говоритъ онъ): вполнѣ можетъ убѣдить насъ примѣръ всѣхъ государствъ Европы, ибо вездѣ нравственное и промышленое развитіе находилось въ тѣснѣйшей связи съ успѣхами народнаго образованія. Впрочемъ вывести массу народа изъ невѣжества не можетъ быть дѣломъ одного мгновенія; благодѣтельныя начинанія оказывали вездѣ послѣдствія по прошествіи долгаго времени, такъ вѣроятно будетъ и у насъ. Во всякомъ случаѣ потребность умственнаго образованія народа остается несомнѣнною, ибо только образованность можетъ привесть его къ познанію лучшаго, только она можетъ научить его уважать самого себя и свое званіе, и доставить ему уваженіе его согражданъ. Къ достиженію этой цѣли въ наше время сдѣланъ важный шагъ, открытіемъ, на основаніи указа 23 ноября 1842 года, повсемѣстно приходскихъ училищъ для государственныхъ крестьянъ, что и предоставлено попеченію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Относительно образованія помѣщичьихъ крестьянъ трудно указать какія либо мѣры, которыя могли бы найти всеобщее примѣненіе.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на два обстоятельства, которыя до сего времени препятствовали улучшенію крестьянскаго быта, и устраненіе котораго необходимо для усиленія образованности въ отношеніи къ хозяйству для возвышенія нравственныхъ понятій народа.

«Первое изъ нихъ заключается въ непостоянномъ владѣніи землею, которое безпрерывно измѣняется и именно въ то время, когда крестьянинъ могъ бы пользоваться возвышеннымъ доходомъ съ своего участка, вслѣдствіе сдѣланныхъ улучшеній. Предметъ этотъ подробно разсмотрѣнъ въ «Отвѣтахъ на задачи, предложенныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ на конкурсъ 1841—42 года». (Разсужденіе г. Михельсона на страницахъ 20 и 21 нѣмецкаго подлинника). Все, что тамъ говорится въ отношеніи къ луговодству, можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ скотоводству, по причинѣ тѣсной связи, въ которой находятся между собою обѣ эти отрасли сельскаго хозяйства. Что касается собственно до губерній, о которыхъ

здѣсь идетъ рѣчь, то изъ указаннаго нами сочиненія видно, что постоянное владѣніе землею между крестьянами введено уже отчасти въ Остзейскихъ губерніяхъ; въ прочихъ же западныхъ губерніяхъ будетъ введено у государственныхъ крестьянъ вслѣдствіе производимой нынѣ люстраціи казенныхъ имѣній. Частнымъ людямъ стоитъ только послѣдовать этому примѣру, чтобы воспользоваться всѣми выгодами, которыя должны быть слѣдствіемъ такого распоряженія.

«Второе обстоятельство, препятствующее улучшенію быта крестьянъ, есть барщина. Объ этомъ предметѣ, имѣющемъ столь вредное вліяніе на успѣхи нашего сельскаго хозяйства вообще, было писано такъ много (мы укажемъ здѣсь только на конкурсное сочиненіе Якоба: «О работѣ крѣпостнаго и свободнаго крестьянина», удостоенное награды и напечатанное въ Санктпетербургѣ въ 1815 году), что мы считаемъ излишнимъ входить въ подробное изслѣдованіе его. Довольно будетъ, если, соглашаясь съ неоднократно повтореннымъ мнѣніемъ, мы скажемъ, что барщина есть учрежденіе весьма невыгодное, препятствующее развитію сельскаго хозяйства и что уничтоженіе его необходимо, несмотря ни на какія пожертвованія, которыя могутъ для сего потребоваться.

«Обыкновенное возраженіе, которое дѣлаютъ противъ увольненія крестьянъ отъ барщины, именно: что они не въ состояніи будутъ платить оброкъ, совершенно неосновательно, если только оброкъ наложенъ не поголовно, но въ соразмѣрности съ возможнымъ доходомъ каждаго крестьянина. Мы утверждаемъ это тѣмъ съ большею увѣренностію, что со времени начала люстраціи государственные крестьяне западныхъ губерній, при всей своей нерасчетливости, увидѣли какъ велика тягость лежащихъ на нихъ натуральныхъ повинностей, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ времени, когда ихъ переведутъ на оброкъ. Средства заплатить оброкъ крестьянинъ найдетъ всегда, если не исключительно въ одномъ земледѣліи, то при помощи другихъ промысловъ; лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить Великороссійскія губерніи, гдѣ оброчные крестьяне по большей части находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели барщинные.

«Собственная выгода крестьянина заставитъ его изыскивать всевозможныя средства для уплаты оброчной суммы. Такимъ образомъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время богатый крестьянинъ будетъ заниматься перевозкою разныхъ товаровъ, бѣдный пойдетъ въ поденную работу (землекопы Могилевской и Витебской губерній извѣстны во всей Россіи); собственное хозяйство будетъ болѣе занимать крестьянина; онъ незамѣтно самъ будетъ дѣлать улучшенія, и различныя отрасли сельскаго хозяйства будутъ совершенствоваться безъ особыхъ побудительныхъ мѣръ. Все это можетъ быть въ полной мѣрѣ отнесено къ скотоводству, произведенія котораго, при возвышенномъ благосостояніи крестьянъ, сдѣлаются необходимыми, ежедневными потребностями его.

«Для большаго убѣжденія въ томъ, что представляющіяся при увольненіи крестьянъ отъ барщины трудности, суть болѣе мнимыя, нежели существенныя, авторъ приводитъ подробныя вычисленія».

Думаемъ, что сдѣланныхъ нами извлеченій изъ сочиненія г. Михельсона достаточно для убѣжденія въ достоинствѣ его, въ свѣтломъ, просвѣщенномъ взглядѣ автора, въ теплом сочувствіи его къ положенію земледѣльческаго класса,—сочувствіи, безъ котораго невозможны никакія улучшенія въ хозяйствѣ. Намъ остается присоединить, что остальная половина сочиненія посвящена практическимъ наставленіямъ о уходѣ за скотомъ, и потому всякій хозяинъ въ трудѣ г. Михельсона найдетъ для себя полезныя правила, о кормленіи, случкѣ, пастьбѣ и проч., и проч., почерпнутыя не столько изъ общаго изученія, сколько изъ самой практики, для которой нигдѣ нѣтъ столь богатыхъ средствъ, какъ въ Горыгорѣцкой Земледѣльческой Школѣ.

Другое изъ названныхъ нами сочиненій относится къ хозяйственной статистикѣ Новороссійскаго Края. Но вы напрасно будете искать таблицъ итоговъ, нумерацій и другихъ формулъ статистическихъ, въ книжкѣ г. Буницкаго: въ замѣну ихъ вы найдете живую картину разныхъ сторонъ сельскаго населенія страны чрезвычайно-ори-

гинальной и физическимъ своимъ положеніемъ и бытомъ жителей. Вотъ что, на-прим., авторъ говоритъ о климатѣ Новороссійскаго Края:

«Здѣшніе старые хозяева, владѣя богатымъ запасомъ опытовъ прошлыхъ лѣтъ, менѣе чѣмъ гдѣ либо полагаются на нихъ въ будущихъ своихъ предположеніяхъ. Если степные старожилы знаютъ что-нибудь вѣрное о своемъ краѣ, такъ это можетъ быть только то, что сколь здѣсь земля, питающая человѣка, сильна и богата, столь атмосфера, питающая землю, дика и необузданна. Здѣсь отъ человѣка требуется трудъ, не столько хитрый и обдуманный. Здѣсь часто случается, что «не пожнешь того, что посѣялъ, или пожнешь то, чего не сѣялъ». Еслибы кто потребовалъ отъ меня не изъявленія моихъ надеждъ и желаній, а откровеннаго, на внутреннемъ убѣжденіи основаннаго сознанія, тому бы я долженъ былъ сказать, что «пока не измѣнится климатъ нашихъ степей, до тѣхъ поръ искусственное травосѣяніе будетъ играть въ здѣшнихъ мѣстахъ самую незначительную роль предъ природными богатыми цвѣтниками многочисленныхъ породъ дикихъ растеній, которыя засѣваются невидимою рукою на такъ называемыхъ парахъ, или переложныхъ поляхъ.»

Но какъ измѣнить климатъ? Вотъ что авторъ отвѣчаетъ на это разсужденіе: разведеніемъ лѣсовъ, и указываетъ на заботливость объ этомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Обращаясь къ описанію быта новороссійскихъ поселянъ, авторъ говоритъ:

«Всматриваясь въ домашнюю жизнь крестьянъ Новороссійскаго края, можно замѣтить въ ней много хорошаго. Опрятное содержаніе жилищъ, употребленіе чистой и здоровой пищи, наклонность къ порядку — все это подаетъ надежду на успѣхъ въ усовершенствованіи ихъ домашней и общественной жизни. Но съ другой стороны недостаточное развитіе умственныхъ силъ отражается во всѣхъ ихъ дѣлахъ, отъ самыхъ мелочныхъ до самыхъ существенныхъ. Въ постройкахъ, въ земледѣльческихъ орудіяхъ, въ домашней утвари, вездѣ видна неаккуратность, непрочность и совершенное отсутствіе самаго простаго геометрическаго размѣра, соблюденіе котораго въ особенности нужно въ постройкахъ и земледѣльческихъ орудіяхъ. Одѣяніе и обувь здѣшнихъ поселянъ, по непрочности, несоразмѣрности, безобразію и несоотвѣтственности съ возрастами, полами, климатомъ и перемѣнами временъ года, доходятъ до той степени несовершенства, что всякому стороннему наблюдателю покажутся или дикарями или бѣдняками тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ и не дики и не бѣдны.»

Чрезвычайно интересна также картина движенія рабочаго класса:

«Съ открытіемъ весны являются къ намъ сперва партіи плотниковъ, кирпичниковъ, каменьщиковъ и другихъ мастеровыхъ; а съ мая мѣсяца начинается уже стеченіе большихъ массъ чернорабочаго народа, нанимаемаго для полевыхъ работъ. Первые заходятъ сюда по большей части изъ отдаленныхъ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерній, съ полугодовыми и годовыми паспортами, являясь чаще всего въ тѣ же самые околотки, въ которыхъ они уже работали въ предшествовавшіе годы, и имѣя въ виду работу въ мѣстахъ, имъ уже знакомыхъ, выполняютъ заказы тѣхъ хозяевъ, съ которыми прежде вели свои дѣла. Что касается до послѣднихъ, т. е. чернорабочихъ, то они, выходя изъ сосѣднихъ, малороссійскихъ и нѣкоторыхъ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерній, по большей части по видамъ, выдаваемымъ на одинъ, а много на два мѣсяца, стремятся прямо на югъ, находя работу тамъ, гдѣ приведетъ случай. Надобно замѣтить, что работники изъ великороссійскихъ губерній являются въ нашъ край партіями отъ 10 до 20, 30 и болѣе человѣкъ, и разъѣзжая скоро, на конныхъ подводахъ, во первыхъ мало теряютъ времени на переѣздъ изъ дома въ степныя мѣста, а во вторыхъ, имѣютъ болѣе возможности пользоваться лучшимъ заработкомъ, переѣзжая безпрестанно изъ одного мѣста въ другое, и поспѣвая во время туда, гдѣ, по доходящимъ до нихъ слухамъ, должна существовать высшая заработная плата. Другая, несравненно большая часть выходцевъ изъ малороссійскихъ губерній, пускаясь изъ своихъ мѣстъ пѣшкомъ, разсыпается многочисленными ма-

леньками партiями во всѣхъ направленiяхъ, по дорогамъ, ведущимъ въ южный край. Такiе пѣшеходы, теряя много времени на переходы, по усталости и невозможности гоняться за высшими цѣнами, часто должны пользоваться тою платою, какая представится имъ случайно. Нерѣдко движенiями такихъ скитальцевъ руководствуетъ молва о лучшемъ, въ одной какой либо сторонѣ, урожаѣ травъ и хлѣба, и тогда часто случается, что чрезмѣрное скопленiе въ одно мѣсто рабочихъ сильно понижаетъ заработную плату въ мѣстахъ урожайныхъ, а въ мѣстахъ худшаго урожая цѣна на рабочихъ сильно возвышается по причинѣ крайняго въ нихъ недостатка. Участь этихъ тружениковъ заслуживаетъ особеннаго вниманiя. Выходя изъ дома съ одною косою, сумкою съ сухарями и можетъ быть еще съ нѣсколькими мѣдными монетами, искатель работъ по необходимости подвергаетъ себя зависимости отъ всѣхъ случайностей дальняго пути. Часто случается, что работникъ, застигнутый непогодою или болѣзнiю, за одно доставленiе прiюта долженъ расплачиваться иногда цѣною всего своего заработка; бываютъ даже и такiе случаи, что они заболѣваютъ и умираютъ на самой дорогѣ, не получая помощи отъ сострадательной руки ближняго. Тѣ же, которые, пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, переходятъ съ одного мѣста въ другое, гоняясь за высшею платою, незамѣтно пробираются въ такую даль отъ своей родины, что обратный путь требуетъ отъ нихъ истраты почти всего заработка, а особливо если просрочка кратковременнаго паспорта заставитъ ихъ по необходимости прибѣгать къ тѣмъ неблагонамѣреннымъ хозяевамъ, которые привыкли пользоваться подобнаго рода обстоятельствами, принимая къ себѣ работниковъ съ просроченными паспортами и заставляя ихъ работать за самую ничтожную плату. Между этими шатающимися пѣшеходами попадаются и вовсе безпаспортные. Конечно, заработокъ ихъ долженъ быть очень жалкiй, потому что они могутъ предлагать свои услуги только тѣмъ, кто не чуждается передержательства бродягъ. За то и пристаносодержатели расплачиваются иногда очень дорого за своихъ дешевыхъ рабочихъ. Будучи обкрадываемы такими бродягами, они должны молчать о своей потерѣ, не имѣя права искать законной защиты. Всѣ эти обстоятельства, по видимому довольно мелочныя, я нахожу заслуживающими вниманiя. Кромѣ вышеописанныхъ неудобствъ для самихъ рабочихъ, такое безпорядочное шатательство пѣшихъ людей маленькими партiями поставляетъ городскiя и земскiя полицiи въ большое затрудненiе при повѣркѣ паспортовъ и преслѣдованiи бродягъ.

«Что касается до наемщиковъ, то они переносятъ много неудобствъ, забирая на рынкахъ людей, незнакомыхъ имъ ни по работѣ, ни по поведенiю. Случается, что хозяинъ, томимый лѣнью или неспособностiю рабочихъ, долженъ разсчитывать и отпускать ихъ среди недѣли, и нанимать на ихъ мѣсто другихъ, тоже неизвѣстныхъ ему людей; а между тѣмъ работа въ полѣ должна прерываться. То же самое случается иногда и въ ущербъ рабочихъ. Хозяинъ, нанявъ рабочихъ на цѣлую недѣлю, т. е. до перваго базарнаго дня, разсчитываетъ ихъ ранѣе срока, или по недостатку работы на полный срокъ, или по случаю внезапнаго пониженiя цѣнъ на рабочихъ. Этотъ послѣднiй случай ежегодно и очень часто повторяется у тѣхъ хлѣбопашцевъ, которые, имѣя малый посѣвъ хлѣба и не желая допустить его до того, чтобы онъ высыпался, нанимаютъ рабочихъ будто бы на цѣлую недѣлю, а вмѣсто того продерживаютъ день или два, а потомъ разсчитываютъ, заставляя ихъ тѣмъ самымъ среди недѣли искать работы въ другомъ мѣстѣ, или сидѣть праздно на рынкѣ въ ожиданiи слѣдующаго базарнаго дня. Такiя продѣлки хорошо извѣстны рабочимъ, которые не всегда могутъ угадать, кто именно изъ являющихся на рынокъ нанимателей въ состоянiи это сдѣлать; это и заставляетъ ихъ запрашивать слишкомъ высокую цѣну въ томъ предположенiи, что если давшiй такую и разсчитаетъ его прежде наступленiя базарнаго дня, то все онъ можетъ не быть въ убыткѣ, получивши высокую плату Какъ подобныхъ нанимателей очень много, то между ними попадаются еще и такiе, которые готовы сулить рабочему самую непомѣрную цѣну, лишь бы его хлѣбъ не остался нескошенымъ; а между тѣмъ эти мелочныя обстоятельства дѣлаютъ значительный вредъ разсчетливымъ хозяевамъ, которые нанимаютъ косарей десятками и сотнями. Однимъ словомъ, наемъ рабочихъ на рынкахъ сопряженъ съ столь многими неудобствами, что съ ежегоднымъ расширенiемъ хозяй-

ства въ Новороссійскомъ краѣ, должно ожидать такого повышенія цѣнъ на рабочихъ, что многіе хозяева, можетъ быть, откажутся сѣять хлѣбъ въ большомъ количествѣ, не будучи увѣрены въ томъ, что иногда уборка его, издержками своими, не превзойдетъ стоимости самаго урожая.»

Вообще, сочиненіе г. Буницкаго исполнено живаго интереса; и нельзя не быть благодарнымъ и автору и Ученому Комитету, вызвавшему его на столь замѣчательный трудъ.

247) **Руководство** *къ возведенію глиняныхъ и земляныхъ сельскихъ построекъ. Издано отъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 32 стр., съ чертежемъ.*

Вотъ и еще сочиненіе, свидѣтельствующее о попеченіи Министерства Государственныхъ Имуществъ въ доставленіи сельскимъ жителямъ способовъ къ улучшенію ихъ быта. Вотъ, что говорится въ приступѣ къ этой брошюрѣ:

«Въ началѣ образованія человѣческихъ обществъ, — прежде появленія не только искусства, но даже инструментовъ для обработки дерева и камня, тамъ, гдѣ природа не предлагала естественныхъ убѣжищъ — пещеръ, — первобытные люди должны были укрываться отъ непогодъ и звѣрей въ землянкахъ и мазанкахъ — изъ древесныхъ вѣтвей и глины. Этотъ образъ построенія употребляется еще нынѣ у нѣкоторыхъ народовъ. Очень вѣроятно, что набивка стѣнъ изъ глины должна была предшествовать построенію ихъ изъ малыхъ глиняныхъ кусковъ, высушенныхъ на солнцѣ. *Для* доказательства мы не имѣемъ надобности ссылаться на большую древность храмовъ монолитныхъ, т. е. высѣченныхъ въ горахъ, въ сравненіи съ тѣми позднѣйшими храмами, которые построены изъ отдѣльныхъ камней; но укажемъ на наши русскія печи, которыя, прежде устройства ихъ изъ кирпича, дѣлались монолитныя, т. е. сбивались изъ глины, какъ и нынѣ еще дѣлается. Естественно также предполагать, что высушенные на солнцѣ кирпичи, долгое время употреблялись для строеній, на что мы имѣемъ историческія доказательства, — пока не удостовѣрились вѣковыми опытами, что глина, даже въ самомъ знойномъ климатѣ, отъ продолжительнаго сушенія, не теряетъ своего природнаго свойства — поглощать влажность, смягчаться и распускаться отъ дѣйствія воды. — Когда дознано было, что этихъ свойствъ лишается глина, будучи подвергнута сильному обжиганію, принимая послѣ того всѣ свойства камня, тогда обожженую глину — въ видѣ кирпичей, начали употреблять для большей части построекъ, въ теплыхъ и холодныхъ странахъ, преимущественно передъ камнемъ. Зданія, построенныя изъ неправильныхъ, малыхъ кусковъ камня, не могутъ имѣть достаточной прочности; большіе же куски весьма затрудняютъ кладку, грубы на видъ безъ обдѣлки, а обдѣлка ихъ медленна и весьма дорога. Напротивъ того, сырой глинѣ, при помощи немногихъ самыхъ простыхъ инструментовъ, легко придаютъ такія формы, величину и видъ, какія необходимы для удобности кладки, для взаимной связи частей, для прочности и благовидности зданія. Обожженый кирпичъ, обладая всѣми свойствами камня, хуже его проводитъ теплоту и отъ того стѣны, изъ него построенныя, бываютъ теплѣе и суше каменныхъ.

«Не смотря на эти важныя свойства, кирпичъ не могъ, однакоже, быть употребляемъ на крестьянскія постройки по медленности приготовленія, для котораго крестьянинъ, занятый лѣтомъ полевыми работами, не находитъ времени, а покупать готовый кирпичъ, по недостатку средствъ, не можетъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, отъ дороговизны дровъ, употребляющихся на обжигъ кирпича, цѣна его высока. — Въ мѣстахъ изобильныхъ лѣсомъ, кирпичъ хотя бываетъ и дешевле, однако крестьянинъ находилъ для себя сподручнѣе и выгоднѣе употреблять лѣсъ не для обжиганія кирпича, но прямо на свои постройки, не расчитывая на большую прочность каменнаго жилища и безопасность его отъ огня. Но отъ значительнаго употребленія дерева на постройки и топливо, лѣса наши истощились, и во многихъ мѣстахъ оказался уже большой въ нихъ недостатокъ. Эта крайность болѣе всѣхъ тягостна для крестьянина, который все необходимое для сво-

его существованія получаетъ изъ рукъ матери-природы. Тамъ, гдѣ есть еще возможность, онъ по привычкѣ, строитъ себѣ, изъ молодаго и хилаго лѣса, избу, которая скоро прѣетъ, гніетъ и требуетъ безпрестанной поддержки. Но есть уже и такія мѣста, гдѣ съ трудомъ достаютъ даже прутья для мазанокъ и для жалкихъ лачугъ.

«О замѣнѣ лѣса и обожженнаго кирпича, для крестьянскихъ построекъ, другими подручными и дешевыми матеріялами — давно уже заботились и думали. Еще въ 1803 году г. Львовъ учредилъ въ Санктпетербургѣ школу для обученія землебитному способу построекъ. Послѣ того были испытываемы и многіе другіе способы. Но какъ, въ этомъ случаѣ, новѣйшая изобрѣтательность должна была ограничиться тѣсными предѣлами возможности, то она естественно обратилась на тѣ строительныя средства, которыя представляются вездѣ сами собою. На задачу, предложенную отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ для конкурса на 1844 — 45 годъ объ улучшеніи сельскихъ построекъ, доставлено нѣсколько отвѣтовъ, изъ разныхъ губерній, отъ разныхъ лицъ, опытами удостовѣряющихъ въ выгодности, удобствѣ, теплотѣ, сухости, прочности и безопасности отъ огня—построекъ изъ земли и глины, какъ матеріяловъ, повсемѣстно находящихся. Только сочинители отвѣтовъ не всѣ согласны между собою какъ въ выборѣ этихъ матеріяловъ, такъ и въ способахъ ихъ употребленія: одни отдаютъ преимущество набивнымъ стѣнамъ изъ земли, другіе изъ глины, а третьи изъ сырцоваго кирпича — землянаго или глинянаго. Согласить эти противорѣчія, подвести разныя системы подъ общія начала и показать легчайшіе способы исполненія, на основаніи практическихъ опытовъ,—вотъ цѣль руководства, изданнаго нынѣ Департаментомъ Сельскаго Хозяйства.»

При томъ состояніи, въ какомъ находится строительная часть въ селеніяхъ, это руководство удовлетворитъ самой настоятельной нуждѣ нашихъ хозяевъ, которые найдутъ въ немъ ясныя, простыя правила, извлеченныя изъ опытности, со всѣми расчетами и чертежами.

248) Уставъ *С. Петербургской Коммерческой Компаніи Морскаго, Рѣчнаго и Сухопутнаго Страхованія, подъ фирмою* Надежда. *Санктпетербургъ. 1847.*

«Въ-слѣдствіе просьбы нѣсколькихъ лицъ изъ санктпетербургскаго купечества, г. министръ финансовъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, о дозволеніи имъ учредить, на основаніи составленнаго ими устава, компанію морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія, подъ фирмою «Надежда».

«По положенію объ этомъ Комитета Министровъ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной компаніи, удостоивъ притомъ проектъ устава ея Высочайшаго разсмотрѣнія въ Санктпетербургѣ 15 истекшаго марта» (Сенат. Вѣд. № 28, 8 апр. 1847).

Капиталъ компаніи опредѣляется въ два мильйона руб. сер., раздѣляемый на 20 тысячь паевъ по сту руб. сер. каждый. Этотъ капиталъ вносится въ Государственный Коммерческій и Заемный Банки, на имя компаніи, для приращенія процентами. Компанія имѣетъ 6 директоровъ, изъ которыхъ не менѣе 2-хъ третей должны быть изъ коммерческаго сословія. Срокъ для разъисканія причинъ несчастія по рѣчному и сухопутному страхованію назначается:

а) Трех-мѣсячный, когда несчастіе случилось въ Европѣ; и

в) Шести-мѣсячный, если оно произошло въ Азіи.

«Во всѣхъ случаяхъ морскаго страхованія компанія руководствуется общими, изданными на этотъ предметъ узаконеніями» (стр. 13).

249) Анатомія Домашнихъ Животныхъ, *преимущественно млекопитающихъ. Соч. и изданіе* Всеволода Всеволодова, *статск. совѣтн., Имп. Мед. Хир. Акад. академика и заслуженнаго профессора, и проч. Часть вторая, отдѣленіе первое, содержащее общую и частную остеологію. Санктпетербургъ.*

Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1847. Въ 8-ю д. л. 200 стр.

О первой части «Анатоміи Домашнихъ Животныхъ», изданной академикомъ Всеволодовымъ въ прошломъ году, мы говорили въ свое время. Вышедшее нынче *первое отдѣленіе* второй части этого полезнаго сочиненія содержитъ въ себѣ общую и частную остеологію.

Наука о костяхъ, наосновaніи органическаго развитія костяной системы, какъ въ недѣлимыхъ класса млекопитающихъ, такъ и въ усовершительной лѣствицѣ всего животнаго царства, можетъ быть раздѣлена *на два раздѣла*, изъ которыхъ въ одномъ описываются *хрящи* (хондрологія), какъ первообразный видъ настоящей кости, а въ другомъ собственно *кости* (остеологія), составляющая въ животномъ тѣлѣ систему страдательныхъ органовъ движенія, между-прочимъ, такъ-называемаго произвольнаго. Хрящомъ называется часть тѣла плотная, въ свѣжемъ состояніи бѣлая, ичисто-серебристо-блестящаяили желтоватая, а высушенная бурая, постоянно-упругая, болѣе или менѣе просвѣчивающая и составляющая первообразъ костяной системы. Каждый хрящъ содержится заключеннымъ въ особливой волокнистаго свойства перепонкѣ, снабженной питательными сосудами и нервами. Перепонка эта, какъ матка хрящевая, называется *надхрящевою плевою* (perichondrium). Составъ хряща, обнаруженнаго отъ этого влагалища, представляется, подъ микроскопомъ, въ двухъ формахъ: въ видѣ клеточекъ или въ видѣ сѣточки. Всѣ хрящи, какъ провозвѣстники и вспомогатели костяной системы въ животномъ тѣлѣ, первоначально, на своемъ мѣстѣ, или на мѣстѣ костей, представляются въ характерѣ плевистыхъ мѣшечковъ, наполненныхъ безобразною (неимѣющею вида) цитобластемою. Когда стѣнки мѣшечковъ получатъ кровеносные сосуды и нервы, то среди этой безобразной массы начинаютъ показываться или образовываться означенныя клеточки или ячейки, которыя въ-послѣдствіи не только наполняются настоящими хрящевыми зернышками,но и въ количествѣ своемъ размножаются постепенно до опредѣленной величины или объятности органа. Надхрящный мѣшечекъ съ своими сосудами и нервами составляетъ, въ-продолженіе жизни животнаго, неотъемлемое прінадлежащіе хряща, такъ-что въ случаѣ его обнаженія отъ этой массы, онъ поражается гніеніемъ. Плототвореніе хрящей не велико, такъ-что потеря ихъ, причиняемая, на-примѣръ, раненіемъ, вознаграждается собственно не хрящевиною, но лишь утолщеніемъ надхрящевой плевы. Хрящи различаются, во-первыхъ, по времени пребыванія своего въ тѣлѣ, на *временные* и *постоянные*; во-вторыхъ, по формѣ своего устроенія, на *пластинчатые* и *волокнистые* и, въ-третьихъ, по своему значенію въ тѣлѣ, на *самостоятельные*, *обводящіе* и *соединительные*. Къ самостоятельнымъ принадлежатъ ушныя раковины, кольцеобразный и щитообразный ушные хрящи, хрящевая преграда носа, хрящи гортани и дыхательнаго горла. Къ обводящимъ относятся хрящи, одѣвающіе члено-составныя поверхности костей; соединительные хрящи суть: грудореберные и между-членосоставные задне-челюстной кости и колѣна.

Послѣ этого въ частности описываются: I) хрящи головы, именно: 1) ушные хрящи, 2) евстахіевы трубы, 3) хрящи глазной впадины, 4) хрящи носовые, 5) гортанные; II) хрящи туловища и между ними: 1) хрящи дыхательнаго горла, 2) грудинные хрящи, 3) реберные хрящи; III) хрящи конечностей, *физіологическое значеніе* хрящей въ тѣлѣ животныхъ, одаренныхъ костяною системою, совершенно-развившеюся, кажется очень-понятнымъ изъ одного уже помѣщенія ихъ въ частяхъ тѣла. Изъ хрящей образовано наружное ухо, служащее для принятія и проведенія звучныхъ сотрясеній тѣлъ во внутренній слуховой органъ; воздушный путь, заключающій въ себѣ

также органъ голоса, можно сказать, весь состоитъ изъ хрящей; самая грудь, содержащая легкія, которыя безпрестанно расширяются и сокращаются, для вдыханія и выдыханія воздуха, снабжена также хрящами; наконецъ, и хрящи подлопаточные, весьма-много участвующіе въ поддержаніи тяжести всей передней половины тѣла, хрящи копытные, равнымъ образомъ хрящи *обводящіе* членосоединительныя поверхности костей и хрящи межчленосоставные — имѣютъ физіологическое значеніе въ тѣлѣ собственно по свойству упругости—вспомоществовать правильному и свободному отправленію органовъ тѣла, назначенныхъ понимать окружающій животнаго міръ и пребывать въ его времени. Это назначеніе хрящей выражается ихъ устройствомъ и расположеніемъ, совершенно-примѣненнымъ, на-примѣръ, въ органѣ уха, къ законамъ акустики, въ дыхательныхъ органахъ — къ свойствамъ атмосфернаго воздуха, и т. д. Изъ *патологическихъ состояній хрящей* доселѣ извѣстны слѣдующія: 1) отъ механическихъ насилій хрящи могутъ подвергаться ушибамъ, измѣненію въ положеніи и наружномъ видѣ, раненію и переломамъ, 2) хрящи подвергаются также воспаленію.

Во второмъ раздѣлѣ, или остеологіи, описываются кости вообще и въ частности. Что же такое кости, посмотримъ въ опредѣленіи. Кости суть самыя твердыя части тѣла животнаго и отличаются: a) особенною болѣзнію; у старыхъ животныхъ онѣ желты, у молодыхъ съ краснымъ отливомъ; b) малою упругостью, но болѣе ломкостью или хрупкостью; c) способностью удерживать свой видъ и по смерти весьма-долгое время. По наружному виду раздѣляются кости на *длинныя, плоскія*, или *широкія*, и смѣшанныя. Составъ костей бываетъ: 1) сплошной, 2) губчатый, 3) сѣтчатый; химическій составъ костей слѣдующій: a) животная земля, b) животная студень и c) животный клей. Скелетъ — основаніе формы тѣла животныхъ—обыкновенно раздѣляется: I) на голову, II) туловище и III) конечности. Черепъ у лошади, свиньи, собаки и кошки состоитъ изъ 17, у животныхъ же, отрыгающихъ жвачку, изъ 16 костей; морда у лошади состоитъ изъ 66, у отрыгающихъ жвачку и у собаки изъ 52, у свиней изъ 61, у кошки изъ 40 костей. Любопытно также указаніе числа костей туловища и конечностей у помянутыхъ животныхъ.

Физіологическое значеніе костей. Въ животномъ тѣлѣ кости образуютъ особливую систему, опредѣленную *для* движенія страдательнаго и *для* опоры мышцъ — органовъ движенія дѣятельнаго. Жизнь костей, не смотря на отмѣнную ихъ плотность, твердость и крѣпость, совершается также органически, то-есть подобно всѣмъ прочимъ частямъ тѣла. Въ старости животныхъ, кости дѣлаются сухими, весьма-хрупкими и ломкими. Во время жизни животнаго, кости подвергаются патологическимъ состояніямъ: 1) неправильному развитію въ продолженіе созрѣванія зародыша въ утробѣ матерней; 2) расхожденію членосоединеній и срастенію; 3) нарушенію цѣлости состава, извѣстному подъ именемъ *перелома*; 4) воспаленію и происходящимъ отъ этого измѣненіямъ въ органическомъ процессѣ, и 5) худосочію въ питаніи. Послѣ подробнаго описанія всѣхъ этихъ предметовъ, показано техническое употребленіе костей, которое весьма-обширно въ слѣдующихъ отношеніяхъ, именно: 1) въ врачебной наукѣ изъ нихъ приготовляется скелетъ; 2) въ ремеслахъ и художествахъ кости надлежащимъ образомъ выбѣленныя, употребляются на различныя издѣлія, и 3) въ сельскомъ хозяйствѣ кости превращаются въ крупный порошокъ *для* удобренія земли. Въ частной остеологіи взглянемъ на различіе зубовъ: 1) у лошади имѣется 12 рѣзцовъ, по 6 въ каждой челюсти; 2) у жвачущихъ животныхъ имѣется восемь рѣзцовъ, которые находятся только въ задней челюсти; вообще они

короче лошадиныхъ; 3) у свиней двѣнадцать, по 6 въ каждой челюсти; 4) у собакъ и кошекъ также по 6 рѣзцовъ въ каждой челюсти. Клыки имѣются только у жеребцовъ и мериновъ и прорѣзываются на пятомъ году ихъ жизни; у кобылицъ клыки весьма-маленькіе. Жвачущія животныя не имѣютъ клыковъ; у борова и свиньи такое же число клыковъ, какъ у лошади; у собакъ и кошекъ по четыре клыка, по два въ каждой челюсти. Коренные зубы назначены у всѣхъ животныхъ для растиранія пожираемаго ими корма. У взрослой лошади и у животныхъ жвачущихъ 24 коренные зуба, по 12 въ каждой челюсти. У свиньи 28 коренныхъ зубовъ; у собакъ въ передней челюсти 12 коренныхъ зубовъ, въ задней 14; у кошекъ въ передней челюсти 8, а въ задней 6 коренныхъ зубовъ. Весьма-любопытны перемѣны, какимъ подвергаются зубы у лошадей, рогатаго скота, у овецъ, свиней, собакъ и кошекъ. Кромѣ костей, видимыхъ на скелетѣ, у животныхъ имѣются еще: 1) подъязычная кость, косточки сердца у рогатаго скота и косточка дѣтороднаго уда у собакъ и кошекъ (правильнѣе: у кобелей и котовъ). У первыхъ она имѣетъ длину въ нѣсколько дюймовъ, у вторыхъ лишь въ нѣсколько линій. Польза и употребленіе этихъ косточекъ описываются въ зоофизіологіи.

Изъ этого краткаго обзора предметовъ, содержащихся въ I-мъ отдѣленіи II-й части «Анатоміи Домашнихъ Животныхъ» можно видѣть, сколь полезно сочиненіе г-на академика Всеволодова. Хондрологія и остеологія изложены совершенно по новѣйшимъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ зоотоміи; видно, что авторъ очень-хорошо знакомъ съ дѣломъ и старался совѣстливо передать свои свѣдѣнія учащимся; описаніе хрящей и костей вовсе отличается отъ способа изложенія, какъ дѣлалось это доселѣ; словомъ, видно, что авторъ лишь послѣ многолѣтнихъ занятій анатомическими лекціями рѣшился написать руководство къ изученію анатоміи; видно, что онъ читалъ много и читанное повѣрялъ на дѣлѣ. Во многихъ мѣстахъ исправлены у него ошибки, вкравшіяся въ сочиненіе профессора Гурльта, славящагося свѣдѣніями своими въ зоотоміи. Пожелаемъ г. академику Всеволодову терпѣнія и средствъ, чтобъ онъ могъ кончить начатое имъ полезное предпріятіе—снабдить не только учащихся, но и другихъ любознательныхъ людей руководствомъ къ зоотоміи, тѣмъ болѣе, что въ наше время сравнительная анатомія признана необходимымъ пособіемъ при изученіи естественной исторіи.

245) Практическое Руководство къ Постепенному Упражненію въ сочиненіи. М. Чистякова. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 118 стр.*

Большая часть этой книжечки занята примѣрами для упражненій въ сочиненіи; но примѣрамъ этимъ предшествуетъ статья, подъ заглавіемъ: «Основаніе и развитіе руководства къ упражненію въ сочиненіи». На эту-то статью, какъ на *основаніе*, и слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Прежде всего мы сдѣлаемъ изъ нея краткое извлеченіе.

Чтобъ выучить мальчика хорошо сочинять, г. Чистяковъ предлагаетъ занимать его слѣдующими упражненіями: 1) замѣной однихъ оборотовъ рѣчи другими; 2) разборомъ внутренняго состава сочиненія; 3) различнымъ размѣщеніемъ однихъ и тѣхъ же мыслей въ сочиненіи; 4) подражаніями; 5) сокращеніями; 6) извлеченіями и 7) сочиненіями на заданныя тэмы. Пройдя эти семь искусовъ, ребенокъ изъ адепта сдѣлается мастеромъ, т. е. хорошимъ сочинителемъ. Дѣло любопытное! открытіе важное! Разсмотримъ же доводы господина изобрѣтателя отъ начала до конца.

1. «*Замѣна однихъ оборотовъ рѣчи другими.* Воспитанникъ выучиваетъ наизусть отрывокъ, или небольшое цѣлое сочиненіе

въ прозѣ, или въ стихахъ, различнымъ образомъ выражаетъ мысли автора изустно или письменно, и каждый разъ замѣчаетъ, какія сдѣлалъ онъ перемѣны и почему. Здѣсь преподаватель имѣетъ случай обратить вниманіе: 1) на бо́льшую или меньшую *точность*; 2) на большую или меньшую *живопись*; 3) на большее или меньшее *благозвучіе* выраженія; 4) на собственные или переносные обороты рѣчи; 5) на выраженія, чисто-русскія въ этимологическомъ, синтаксическомъ и эстетическомъ отношеніи.

«*При этихъ условіяхъ такое занятіе не будетъ пустою игрою словъ, а ознакомитъ воспитанника съ особенностями и разнообразіемъ формъ роднаго языка, пріучитъ его къ отчетливости въ выраженіи, пробудитъ въ немъ вкусъ и живымъ образомъ дастъ почувствовать, что такое хорошій слогъ*» (стр. 3).

Не будемъ ничего говорить противъ возможности перваго слѣдствія. Но трехъ остальныхъ мы рѣшительно не понимаемъ. Какъ это такъ? Вы берете чужую мысль, перефразируете пять или десять разъ, и это упражненіе сообщаетъ вамъ отчетливость въ выраженіи? Почему же не на оборотъ? Не пріучитъ ли оно васъ смотрѣть на форму, какъ на условіе, незаключающее въ себѣ ничего необходимаго? Если же г. Чистяковъ имѣлъ въ виду сказать, что сущность упражненія въ замѣнѣ однихъ оборотовъ рѣчи другими заключается въ выборѣ между многими формами такой, которая всѣхъ *точнѣе*, то спрашивается, отъ-чего же не сообщилъ онъ секрета, ка́къ образовать въ ребенкѣ самую способность выбора лучшей формы? Безъ этого, что̀ за радость — научить его искусству перефразированія? Точно то же можно сказать и объ образованіи вкуса посредствомъ магическаго способа г. Чистякова. Если вкусъ не образованъ какъ-нибудь иначе, именно, въ-слѣдствіе собственнаго развитія дитяти и обращенія его въ атмосферѣ изящнаго, то не-ужели вы беретесь развить въ немъ эту способность, *толкуя* ему, что вотъ это выраженіе живописно, а это блѣдно, вотъ это благозвучно, а это рѣжетъ уши? Если такъ, то вамъ—одинъ шагъ до искусства сообщать слѣпорожденному чувство гармоническаго сочетанія цвѣтовъ... Ради Бога, объяснитесь! Но «Руководство» не отвѣчаетъ на наше воззваніе и переходитъ къ второму упражненію — къ *разбору внутренняго состава сочиненія*. «Это практическая логика», какъ выражается самъ авторъ. «Не утомляясь сухими опредѣленіями законовъ и формъ логическихъ, молодой умъ ознакомится съ этими предметами опытно, на самомъ дѣлѣ, часто въ привлекательномъ покровѣ рѣчи; онъ пріобрѣтетъ навыкъ углубляться во внутреннюю связь прочитаннаго, въ немъ образуется духъ анализа — источникъ прочнаго познанія и самобытнаго взгляда»; и проч. (стр. 4). Что̀ ясно, то ясно! Во-первыхъ, здѣсь мимоходомъ высказана весьма-справедливая и всякому понятная мысль о безплодности схоластическаго преподаванія логики; во-вторыхъ, тутъ нѣтъ уже намѣренія *создать* въ человѣкѣ ту или другую способность; наконецъ, самое упражненіе безспорно полезно, потому-что заключается въ возбужденіи вниманія—способности, которая можетъ быть отнесена къ разряду пріобрѣтаемыхъ.

Третье упражненіе въ сущности то же, что̀ первое, съ тою только разницей, что «тамъ онъ (ученикъ) смотрѣлъ, какъ другіе располагаютъ свои мысли; здѣсь онъ самъ располагаетъ ихъ и убѣждается изъ опыта, что способы соединенія мыслей могутъ быть разнообразны до чрезвычайности» (стр. 5). Иными словами, здѣсь онъ собственнымъ опытомъ доходитъ до равнодушія къ формамъ, привыкая смотрѣть на нихъ какъ на камешки калейдоскопа, которые, какъ ихъ ни перевертывай — все-таки укладываются въ линіяхъ красиваго узора. Нечего сказать, удивительное средство образовать въ юношѣ *отчетливость* выраженія и *строгость* вкуса!

Четвертую ступень къ искусству сочиненія, по мнѣнію г. Чистякова, со-

ставляють — *подражанія!* Вотъ собственныя слова педагога:

«Подражаніями начинается, можно сказать, *прикладная часть практической логики и разбора рѣчи*. Чтобы это занятіе не превратилось въ механическую копировку формъ мысли и языка избранныхъ образцовъ, лучше всего заставлять воспитанника самаго отыскивать предметы, близкіе къ указаннымъ ему примѣрамъ. Эти примѣры будутъ возбуждать въ молодомъ умѣ близкія къ ихъ содержанію мысли и укажутъ ему пріемы для расположенія и выраженія ихъ» (стр. 5).

На практикѣ, эта теорія доведена г. Чистяковымъ до удивительныхъ тонкостей. Во второй части его книги, мы нашли примѣры «*подражанія цѣлому сочиненію, чрезъ сближеніе предметовъ по противоположности*» и «*подражаніе, чрезъ сближеніе предмета духовнаго съ чувственнымъ по сходству*». Выписываемъ примѣръ перваго рода подражанія:

Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ. Полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали.
Зарницы бѣгали за синею горой
И, окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И преклонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая (стр. 14).

Подражаніе: вечеръ въ ноябрѣ.

Холодный и угрюмый день быстро смѣнился вечеромъ. Густой туманъ нависъ надъ землею, и въ пяти шагахъ не видно ни зги; на небѣ ни одной звѣздочки, на полѣ ни одного цвѣтка. Луна свѣтитъ какимъ-то зловѣщимъ, кровавымъ свѣтомъ и наводитъ тоску на сердце; дуетъ сырой, пронзительный вѣтеръ и обрываетъ съ деревъ послѣдніе листья» (стр. 39).

Вникнувъ въ этотъ четвертый секретъ, мы рѣшительно доходимъ до заключенія, что авторъ «Руководства» обладаетъ особеннымъ взглядомъ на то, что называетъ онъ «сочиненіями». Въ этомъ взглядѣ нѣтъ ничего общаго съ современными понятіями о разныхъ предметахъ, по-видимому близкихъ къ дѣлу, на-примѣръ, о необходимости таланта въ писателѣ, о необходимости для него имѣть самостоятельный взглядъ на вещи, обладать способностью выражать свои чувства и мысли въ оригинальной формѣ, а не со словъ какого-нибудь образца, и т. п. Вся задача писателя, по мнѣнію словоучителя, заключается въ томъ, чтобъ всегда во что бы то ни стало умѣть *написать* или *сочинить* что бы то ни было и о какомъ бы то ни было предметѣ. Иначе, не-уже-ли не остановила бы его при изъясненіи четвертаго способа та простая и тысячи разъ повторенная мысль, что подражаніе и подражательность — единственный источникъ плохихъ произведеній во всѣхъ родахъ литературы? Понять это очень-нетрудно. Кто подражаетъ? Или человѣкъ совершенно-бездарный, или человѣкъ съ крошечнымъ талантомъ, или съ большимъ, но еще неразвитымъ талантомъ, или, наконецъ, оба послѣдніе до-тѣхъ-поръ, пока не напали на настоящую дорогу; — а этими случаями исчерпывается вся бездна литературныхъ неудачъ. Между-тѣмъ *сочиненіе*, и само-по-себѣ — какъ процессъ, какъ актъ, какъ занятіе, и по послѣдствіямъ для того, кто отправляетъ этотъ процессъ—*для сочинителя*, необыкновенно-обольстительно. Если есть люди, которыхъ занимаетъ процессъ чтенія, независимо отъ того, что̀ они читаютъ, то между грамотными людьми не менѣе и такихъ, которыхъ занимаетъ процессъ сочиненія независимо отъ того, что̀ и ка̀къ они сочиняютъ. И тѣ и другіе болѣе всего увлекаются легкостью своего занятія: такъ не трудно что-нибудь почитать или о чемъ-нибудь пописать въ свободное время! А что̀ не трудно, то̀ и увлекательно! Но это одна сторона вопроса; а что̀ еще, какъ къ ней присоединится другая—въ дѣтствѣ—успѣхи въ школѣ; въ юности — успѣхи у женщинъ, вѣчно неравно-

дущныхъ къ пошлымъ сочинителямъ, а въ пожилыя лѣта—озлобленіе на молодыхъ и даровитыхъ писателей?.. Пріучите же тысячу ребятъ упражняться въ подражаніи: сколько разведете вы такимъ образомъ бездарныхъ писакъ, и сколько талантовъ собьете съ пути истиннаго творчества! Нѣтъ, г. Чистяковъ! Ради благоденствія русской литературы, которая и безъ того довольно терпитъ отъ подражательности, возьмите назадъ свой четвертый секретъ и истребите его въ конецъ, если можете!

Упражненія пятое и шестое заключаются въ *сокращеніяхъ* и *извлеченіяхъ*. Различіе ихъ въ томъ, что первое состоитъ въ сокращеніи одного чужаго сочиненія, а послѣднее въ сокращеніи нѣсколькихъ чужихъ—въ одно. Къ чему ведутъ эти упражненія? Послушаемъ автора. Вотъ польза «сокращенія»:

«Черезъ это занятіе воспитанникъ привыкнетъ вполнѣ усвоивать себѣ прочитанное, или разсказанное, отличать красоты выраженія отъ занимательности содержанія, мелкія подробности предмета, важныя для живости его изображенія, отъ существенныхъ, характеристическихъ линій, составляющихъ его физіономію, его отличія; будетъ пріучаться давать пріобрѣтеннымъ мыслямъ свою оболочку; слѣдовательно, здѣсь опять многосторонная работа — для памяти, для воображенія, для чувства и стиля». (Стр. 6).

Еслибъ г. Чистяковъ хотѣлъ заставить учениковъ сокращать растянутыя сочиненія, то мы могли бы понять пользу такого занятія. Но изъ сдѣланной нами выписки ясно, что сущность его «сокращенія» заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ превращеніи живаго литературнаго произведенія въ скелетъ. Какой смыслъ отъищете вы въ словахъ: «отличать красоты выраженія отъ занимательности содержанія?» Въ примѣненіи къ предлагаемому имъ дѣлу, не будетъ ли это значить: упражняться въ замѣнѣ живаго выраженія мысли—мертвымъ. И что жь за польза—пріучить себя къ блѣдности выраженія? Непостижимо! А что такое значитъ отличать «*мелкія* «*подробности* предмета, важныя для «живости его изображенія, отъ *суще*«*ственныхъ, характерическихъ* линій, «составляющихъ его физіономію, его «отличія?» Въ образцовыхъ литературныхъ произведеніяхъ не можетъ быть мелкихъ подробностей, которыя не заключали бы въ себѣ чего-нибудь существеннаго и характеристическаго. Попробуйте-ка исключить какія-нибудь *подробности* изъ лучшихъ произведеній Пушкина и Гоголя: можете быть увѣрены, что этимъ «упражненіемъ» вы непремѣнно исключите какую-нибудь существенную часть цѣлаго. Слѣдовательно, опять-таки повторяемъ, сокращать образцовыя произведенія литературы значитъ искажать ихъ, мертвить, расхолаживать, однимъ словомъ, портить. И это считаете вы полезнымъ занятіемъ адепта!...

Польза шестаго упражненія, именуемаго «извлеченіями», доказывается г. Чистяковымъ самымъ косвеннымъ образомъ. Вотъ его слова:

«Воспитаннику указывается нѣсколько отрывковъ, или цѣлыхъ сочиненій, изъ которыхъ онъ долженъ выбрать происшествія, или мысли, относящіяся къ назначенной темѣ. Иногда однѣ и тѣ же статьи могутъ служить источниками для развитія различныхъ предметовъ. Писатели, которыми воспитанникъ долженъ пользоваться, могутъ принадлежать къ весьма различнымъ эпохамъ. Учитель, конечно, почтетъ за обязанность раскрывать передъ нимъ все богатство русскаго ума и поэтическаго генія, отъ начала письменности въ Россіи до настоящаго времени. Это будетъ средствомъ ознакомить юношу съ явленіями Русской словесности, хотя не вполнѣ, въ отрывкахъ, не въ хронологическомъ порядкѣ, безъ критическаго воззрѣнія, но за то съ сознаніемъ и чувствомъ, кѣмъ, что и какъ написано» (стр. 7-я).

Далѣе, авторъ находитъ нужнымъ доказывать слѣдующую непогрѣшительную мысль: «непростительная «ошибка ограничивать чтеніе воспи-

«танниковъ только новѣйшей и современной литературой» (стр. 7), и наконецъ говоритъ слѣдующее:

«Учителю представляется много случаевъ, кромѣ умственныхъ и эстетическихъ замѣчаній, указывать воспитаннику на архаизмы, грецизмы, латинизмы, полонизмы, германизмы и особенно на галлицизмы, которые встрѣчаются даже въ первоклассныхъ нашихъ писателяхъ» (стр. 8).

Спрашивается, гдѣ же доказательство пользы «извлеченій»? Изъ приведенныхъ здѣсь словъ мы заключаемъ только, что г-нъ Чистяковъ находитъ полезнымъ учить дѣтей исторіи русской литературы и русскаго языка. Прекрасно; да что же за необходимость избирать для этой цѣли тотъ способъ, который онъ предлагаетъ и по которому, какъ самъ же онъ сознается, исторія русской литературы и русскаго языка преподается имъ «не вполнѣ», «въ отрывкахъ», «не въ хронологическомъ порядкѣ» и «безъ критическаго воззрѣнія»? Мимоходомъ спросимъ также: что̀ такое значитъ изучить исторію литературы «*безъ критическаго воззрѣнія*, но за то *съ сознаніемъ и чувствомъ, кѣмъ, что̀ и какъ написано*?» Любопытно было бы знать, какое же воззрѣніе можетъ произвести это сознаніе и породить это чувство, кромѣ критическаго?

Но если и самъ г. Чистяковъ не нашелъ никакихъ прямыхъ доказательствъ въ пользу шестаго упражненія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что невыгодныя для него доказательства очень-легко приходятъ въ голову. Не считая, впрочемъ, нужнымъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, замѣтимъ только, что къ нему можетъ быть вполнѣ примѣнено все сказанное нами о «подражаніяхъ», потому-что изготовленіе изъ нѣсколькихъ пьесъ одной есть не что иное, какъ подражаніе—то же, только въ болѣе-грандіозныхъ размѣрахъ.

Теперь мы достигаемъ послѣдней высоты сочинительской практики — седьмаго упражненія, заключающагося въ *сочиненіяхъ на заданныя темы*.

«Противъ этого рода занятій вооружаются многіе (говоритъ авторъ). *Думаютъ*, что это пріучаетъ дѣтей къ пустому умничанью и къ поддѣлкѣ подъ чужія чувства. Но умничаетъ мальчикъ, когда говоритъ о предметахъ выше своего понятія, поддѣлывается подъ чужія чувства, когда говоритъ о томъ, что не производило на него впечатлѣнія, употребляетъ возгласы безъ участія, безъ душевнаго движенія. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, все зависитъ отъ умѣнья выбирать темы; на второе я буду отвѣчать вопросомъ: поддѣлывается ли подъ чужія чувства драматическій писатель, который говоритъ то языкомъ старика, то дитяти, то злодѣя, то добродѣтельнаго и честнаго человѣка? Нѣтъ, онъ отгадываетъ ихъ чувство, онъ чувствуетъ самъ за нихъ» (стр. 8-я).

Мы уже замѣтили выше, что г. Чистяковъ обладаетъ совершенно-особеннымъ взглядомъ на процессъ художественнаго созданія и логическаго развитія мысли. Въ приведенныхъ теперь словахъ видимъ новое доказательство справедливости этой догадки. Можно ли не заключить изъ сдѣланной нами выписки, что г. Чистяковъ совершенно выпустилъ изъ вида временное расположеніе писателя къ тому или другому предмету изслѣдованія и изображенія? Приведя въ доказательство своей теоріи примѣръ драматическаго писателя, изображающаго мысли и чувства людей, съ которыми тотъ не имѣетъ ничего общаго, и довольствуясь этимъ доводомъ, принялъ ли авторъ сколько-нибудь въ соображеніе, что Пушкинъ не могъ бы написать «Бориса Годунова» въ то время, какъ бѣсъ творчества рисовалъ передъ нимъ образъ Лауры, и наоборотъ? Нѣтъ, этого соображенія вовсе не было въ виду у нашего педагога, а потому-то и доводы его не требуютъ дальнѣйшаго опроверженія.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ замѣчаній или заключеній о трудѣ г. Чистякова.

Мы увѣрены, что многіе, прочитавъ нашъ разборъ скажутъ: легко опровергать старое, да трудно замѣнять опро-

вергнутое новымъ. Подобные отзывы о рецензіяхъ «Отеч. Записокъ» не рѣдки, и пора сказать что-нибудь объ этомъ предметѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ всмотришься въ характеръ нашихъ убѣжденій и въ характеръ нашихъ статей, нельзя не согласиться, что и въ тѣхъ и въ другихъ преобладаетъ отрицаніе. Но что же дѣлать? Не общая ли это судьба людей нашего времени,—разумѣется, тѣхъ, которымъ дороги ихъ убѣжденія, которые не могутъ довольствоваться полусознаваемыми истинами? И не лучше ли же ограничиться сознательнымъ отрицаніемъ того, что̀ представляется намъ неоспоримо - негоднымъ, чѣмъ обольщать себя малодушною довѣренностью къ прочности стараго, гнилаго зданія, а другихъ—искуснымъ законопачиваніемъ его разсѣлинъ? За примѣромъ ходить не далеко: стоитъ только возвратиться къ книгѣ г. Чистякова. До-сихъ-поръ мы еще не опредѣлили ея общаго характера. А знаете ли, что она такое? Она — реторика — ни больше, ни меньше, но такая реторика, которая боится самой-себя. Она сдѣлала все, что̀ могла для того, чтобъ ея не узнали; назвалась «Руководствомъ къ Упражненію въ Сочиненіяхъ», да еще прибавила къ этому эпитетъ «практическое»; прикрылась примѣрами изъ новыхъ писателей — пушкинской эпохи; запрятала очень-заботливо и искусно свои обыкновенныя формулы, втиснувъ ихъ куда-то между примѣрами (*); а между-тѣмъ, какъ вникнешь въ ея ухищренія, нельзя не убѣдиться, что она—точно реторика, да еще какая?— самая древняя, самая маститая реторика, та, которая нѣкогда смѣло восклицала: *поэтъ родится, ораторъ образуется.* Она испытала много бѣдъ и дѣлала много уступокъ; теперь ей осталось одно—хитрость. За это-то послѣднее средство схватилась она, какъ хватается утопающій за соломину, и явилась къ намъ въ видѣ книжки г. Чистякова, которая такъ усильно старается скрыть свою сущность. Какъ вамъ нравится такое поведеніе реторики? Намъ оно серьёзно не нравится, и если заставляетъ иногда улыбаться, то развѣ потому-что нѣтъ ничего забавнѣе неловкой хитрости. Прикрывшись практическимъ характеромъ, реторика г. Чистякова сдѣлала страшное salto-mortale. Замѣнивъ обыкновенныя названія главъ риторическаго руководства новыми — какъ, на-примѣръ, *подражанія, извлеченія, сокращенія,* она какъ-нельзя-яснѣе обнаружила сама то, что̀ давно уже приводилось ей въ укоръ, именно — что реторика есть искусство выражать мертвыя мысли въ мертвыхъ формахъ. Мы дважды говоримъ *мертвыя,* потому-что чужія мысли и чужія формы не могутъ быть живыми.

Другое замѣчаніе. Если справедливо, что въ идеяхъ нашего времени преобладаетъ отрицаніе, то было бы, однакожь, совершенно-несправедливо придавать этому приговору слишкомъ-рѣшительный характеръ. Для примѣра возвратимся опять къ «Практическому Руководству». Опровергая теорію г. Чистякова, мы не замѣнили ея своею. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что современная наука не создала ничего въ замѣну ниспроверженной ею реторики? Спросите у нея, на какомъ основаніи вооружается она противъ схоластической теоріи изобрѣтенія, расположенія и выраженія мыслей, и она представитъ вамъ это *основаніе.* Вотъ оно, если угодно:

Каждая отрасль дѣятельности требуетъ врожденнаго таланта, который обусловливается самой организаціей человѣка и обстоятельствами его жизни. Никакія теоретическія внушенія, никакія насилованія природы не замѣ-

(*) Такъ, вслѣдъ за примѣрами на первое упражненіе, въ скромномъ, едва-замѣтномъ примѣчаніи изложено извѣстное архириторическое правило о замѣнѣ одной формы мысли другою (стр. 12); точно также на стр. 35 — 36 помѣщена еще глава изъ реторики — о расположеніи и сочетаніи мыслей.

няютъ этого условія, и наоборотъ, человѣкъ,одаренный талантомъ отъ природы и невстрѣтившій въ обстоятельствахъ жизни могучаго противодѣйствія развитію своихъ способностей, необходимо найдетъ средства проявить свою талантливость въ свойственной ей формѣ. Кто рожденъ съ творчествомъ въ душѣ и въ комъ пламя творчества не заглохло подъ гнетомъ непріязненныхъ случайностей, тотъ и будетъ художникомъ, т. е. будетъ отличнымъ образомъ изобрѣтать, располагать и выражать свои мысли. Точно также человѣкъ, рожденный съ логическою головою, разумѣется, неуспѣвшій оглупѣть отъ многаго и многаго, отъ чего глупѣютъ другіе, будетъ понимать, разсуждать, писать, и даже, если встрѣтится надобность, сокращать и извлекать благополучнѣйшимъ образомъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ воздѣлывать теоретически и практически разныя отрасли геврпстики (науки творчества), скажите намъ лучше, какъ бы это сдѣлать, чтобъ врожденный талантъ не встрѣчалъ препятствій въ развитіи со стороны всего того, что называется обстоятельствами? Мы были бы вамъ очень-благодарны, потому-что на этомъ-то вопросѣ и остановилась современная мысль...

246) Начертаніе Русскаго Синтаксиса, *изданное* Петромъ Перевлѣсскимъ. *Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. X и 192 стр.*

Въ 1842 году, г. Перевлѣсскій издалъ «Практическій Синтаксисъ сложнаго предложенія». Теперь, исправивъ его, прибавилъ къ нему синтаксисъ простаго предложенія и синтаксисъ украшенный, такъ-что всѣ эти части, вмѣстѣ взятыя, образуютъ полный русскій синтаксисъ. Побудительныя причины прибавленія, изложенныя въ предисловіи, вполнѣ раціональны: первая состоитъ въ томъ, что объясненіе системы сложнаго предложенія зависитъ отъ изложенія простаго предложенія, вторая—въ томъ, что отступленія въ оборотахъ рѣчи, противорѣчащія повидимому правиламъ грамматики, но оправдываемыя логически, до-сихъ-поръ не вошли въ полномъ ихъ развитіи ни въ одну изъ общеупотребительныхъ нашихъ грамматикъ. Въ «Грамматикѣ» Востокова, составленію періодовъ посвящены двѣ странички; въ «Грамматикѣ» г. Греча, говорится также кратко о сочетаніи предложеній, или о составленіи предложеній сложныхъ, и ни въ той, ни въ другой нѣтъ синтаксиса украшеннаго. Составивъ такимъ образомъ «полный (но не подробный) синтаксисъ», г. Перевлѣсскій измѣнилъ и его названіе: это уже не практическій синтаксисъ, какъ былъ прежній синтаксисъ сложнаго предложенія, ибо авторъ убѣдился, что такъ-называемые практическіе учебники отечественнаго языка, при современномъ понятіи о его преподаваніи, почти безполезны. Въ гимназіяхъ изучаютъ теперь теорію языка на чтеніи классическихъ писателей, и классъ русскаго языка сдѣлалъ своею прямою и единственною задачей изученіе самого языка въ употребленіи народномъ и классическихъ писателей, а не затверживанье правилъ. Изъ прочтенной статьи, подробно объясненной учителемъ и хорошо понятой учениками, ни одинъ преподаватель не затруднится составить нѣсколько фразъ, нужныхъ для объясненія правила, съ которымъ въ извѣстный урокъ онъ хочетъ познакомить своихъ учениковъ. Къ-тому же, для лучшаго и легчайшаго изученія правилъ, преподаватели обыкновенно совѣтуютъ своимъ ученикамъ отъискивать въ прочтенномъ примѣры на правило изложенное, самимъ составлять по нѣскольку примѣровъ изъ прочтеннаго, а потомъ приготовлять по нѣскольку примѣровъ собственныхъ, независимо отъ чтенія ими придуманныхъ, и наконецъ дѣлать устно и письменно полные грамматическіе разборы съ обозначеніемъ взаимнаго отношенія словъ. Послѣ такихъ пріемовъ преподаванія, разумѣется, ученики въ состояніи будутъ выразумѣть и изучить правила грамматическія. Въ

настоящее время, живой и полнѣйшій учебникъ—самъ учитель; а руководство въ рукахъ учениковъ ни больше, ни меньше какъ только памятная книжка, съ которой подъ-часъ нужно справиться. На основаніи такихъ мыслей о преподаваніи отечественнаго языка, г. Перевлѣсскій не заботился о количествѣ примѣровъ, не хлопоталъ и о томъ, чтобъ на каждое правило брать примѣры изъ классическихъ писателей, но, не чуждаясь никого, бралъ преимущественно примѣры изъ Карамзина, Пушкина и Крылова. Кромѣ классическихъ и не-классическихъ писателей, приняты были авторомъ въ соображеніе наши пословицы и народныя пѣсни. Чрезъ пословицы ему хотѣлось познакомить учащееся юношество какъ съ оборотами русской народной рѣчи, незнавшей иноземнаго вліянія, такъ и съ тѣми народными правилами и мыслями, которыя въ нихъ заключаются. Къ синтаксису прибавлена статья о знакахъ препинанія, какъ потому, что разстановка ихъ основывается на строеніи рѣчи, такъ и для того, чтобъ дѣти съ перваго раза видѣли ближайшее приложеніе изученія синтаксиса къ дѣлу.

Нѣсколько разъ имѣли мы случай выражать мысль, что при настоящихъ требованіяхъ языкознанія, писать грамматику отечественнаго языка очень-рано. Въ послѣднее время, серьёзныя филологическія занятія заставили смотрѣть на грамматику иначе, нежели какъ смотрѣли на нее въ блаженныя времена легкаго пріобрѣтенія авторитетовъ и царства пространныхъ и сокращенныхъ грамматикъ. Они показали, что̀ нужно приготовить для построенія русской грамматики, и вмѣстѣ съ этимъ открыли намъ, что количество приготовленнаго еще очень-мало въ сравненіи съ нужными для того матеріалами, которыхъ должно быть три рода: матеріалъ философическій, или изложеніе грамматики общей, отъисканіе общихъ философскихъ законовъ во всѣхъ частныхъ грамматическихъ формахъ; матеріалъ сравнительный, или сравненіе нашего языка съ другими языками, къ которымъ онъ имѣетъ отношеніе всемірное и племенное; матеріалъ историческій, или исторія развитія языка отъ самыхъ древнихъ памятниковъ литературы до позднѣйшихъ временъ (сюда, разумѣется, войдетъ и языкъ народный и языкъ классическихъ писателей). У насъ есть уже очень-важные труды относительно этихъ способовъ изслѣдованія языка; составляя матеріалы, нужные для систематическаго изложенія грамматики, они въ то же время указываютъ путь, по которому должны идти занимающіеся изслѣдованіемъ отечественнаго языка. Не исчисляя всѣхъ сюда относящихся сочиненій, укажемъ на труды Востокова, на сочиненіе Павскаго, на книгу Буслаева, и проч. Но много еще надобно работать, чтобъ число матеріаловъ позволило наконецъ приняться за составленіе нужной намъ грамматики роднаго языка.

Чѣмъ же должны ограничиваться труды наши по части грамматики въ ожиданіи нужнаго количества грамматическихъ матеріаловъ? Ужели вовсе не излагать системы грамматики? Нѣтъ, излагать можно, но только каждое изложеніе представитъ тѣ или другіе, иногда значительные недостатки. Оно будетъ весьма-неполнымъ; или части системы выйдутъ неровны: одна, поотдѣланнѣе, займетъ много мѣста, другая окажется скудною, тощею; или, наконецъ, нѣкоторыя, необходимыя части не войдутъ вовсе, какъ неизслѣдованныя. Авторъ грамматики, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ, увидитъ въ русскомъ языкѣ такія общія правила и формы, которыя имѣютъ мѣсто только въ его данныхъ, т. е. въ извѣстномъ, ограниченномъ количествѣ случаевъ, и не имѣютъ мѣста въ другихъ случаяхъ, можетъ-быть болѣе многочисленныхъ. Частыя исключенія загромоздятъ законы—исключенія, которыя, при усиленной разработкѣ языка, перейдутъ въ законы или сольются съ ними. Желая

вывести, объяснить общее въ тѣхъ примѣрахъ, которые ему извѣстны, онъ прибѣгнетъ часто къ выводамъ не строгимъ, къ объясненіямъ натянутымъ, годнымъ только до новаго примѣра, неподмѣченнаго авторомъ, хотя очень-извѣстнаго другимъ авторамъ. Примѣръ неполноты, недостаточности грамматическихъ системъ можно видѣть частію въ «Грамматикѣ» Востокова и вполнѣ въ «Грамматикѣ» г. Греча. Содержаніе послѣдней представляетъ трехъ родовъ недостатки: многіе законы не вошли въ него, какъ-будто ихъ и нѣтъ въ языкѣ отечественномъ; многіе такъ-называемые общіе законы разрушаются безпрестанными исключеніями, и, наконецъ, многіе законы принадлежатъ къ фантастическимъ, небывалымъ и несуществующимъ въ русскомъ языкѣ. Въ примѣръ послѣднихъ приведемъ правило изъ «согласованія словъ» (Начальныя Правила Русской Грамматики, изд. 9): «Глаголы, означающіе дѣйствіе одного и того же предмета въ предложеніи, полагаются въ одномъ *времени*, видѣ, наклоненіи, числѣ, лицѣ и родѣ». Послѣ такого строгаго и опредѣлительнаго правила, ни одинъ добрый сынъ не осмѣлится сказать: «я любилъ, люблю и буду любить моихъ родителей», и ни одинъ истинный сынъ церкви не рѣшится изречь: «Богъ былъ, есть и будетъ.» И это золотое правило повторялось во всѣхъ изданіяхъ: такъ авторъ увѣренъ въ его непоколебимости!—Мы взяли высшій предѣлъ синтаксической несообразности, чтобъ показать до чего можетъ доводить одностороннее, скудное изслѣдованіе языка: можно найдти тысячу примѣровъ на предѣлы низшіе.

Излагать систему грамматики, до собранія значительнаго количества матеріаловъ, не только можно, но и должно, въ извѣстномъ отношеніи и для извѣстныхъ цѣлей. Напримѣръ, воспользовавшись изданными грамматическими руководствами, исправивъ невѣрности, согласивъ противорѣчія, сдѣлавъ дополненія, можно составить руководство, которое относительно будетъ лучше всѣхъ прежде-извѣстныхъ. Такъ мы смотримъ на каждый новый трудъ въ грамматикѣ; такъ мы смотримъ и на трудъ г. Перевлѣсскаго. Его «Синтаксисъ» полнѣе другихъ, представляетъ больше системы—и уже этимъ заслуживаетъ онъ вниманія, хотя въ немъ нѣтъ еще надлежащей полноты и системы. Нравится намъ и то, что авторъ употребилъ термины, которые у извѣстныхъ философовъ были уже въ ходу, но которыхъ наши грамматики, неизвѣстно почему, побаивались. Наконецъ, введеніе примѣровъ изъ народной русской рѣчи очень-полезно: черезъ нее всего лучше можно познакомиться съ истинными оборотами роднаго языка, ибо классическіе писатели больше или меньше платили дань вліянію иноземному.

Переходимъ къ частнымъ замѣчаніямъ. Авторъ опредѣляетъ предложеніе «*мыслью*, выраженною словами». Лучше бы, для болѣе-точной терминологіи, замѣнить мысль, какъ названіе общее, сужденіемъ, какъ названіемъ видовымъ. И понятіе и умозаключенія суть мысли.—Ссылка на «Логику» г. Новицкаго, для различія сужденій отъ положенія, недостаточна: нужно бы было объяснить это различіе; не всякій обязанъ имѣть означенную книгу.

Правила, когда сказуемое, выраженное существительнымъ или прилагательнымъ, должно ставить въ именительномъ падежѣ и когда въ творительномъ, объяснено неудовлетворительно. Авторъ говоритъ: «сказуемое ставится въ именительномъ, если оно оттѣняетъ (?) подведеніе подлежащаго подъ общее или родъ,—и въ творительномъ, если оно выражаетъ дѣйствіе или качество, какъ особенный фактъ или явленіе.» Но почему же, изъ десяти примѣровъ, именительный падежъ имѣетъ мѣсто *только* при связи, употребленной въ настоящемъ времени, а творительный *только* при связи, употребленной въ прошедшемъ времени? Развѣ первый не можетъ стоять при прошедшемъ и будущемъ временахъ глагола

быть? и на оборотъ: развѣ второй не можетъ стоять при настоящемъ времени того же глагола? Возьмемъ хоть слѣдующій примѣръ, приведенный самимъ авторомъ: «Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи ризвицкаго міра.» Почему жь нельзя сказать: Карлъ XII есть «главнымъ посредникомъ?..» Правило не совсѣмъ ясно; случаи употребленія того или другаго падежа такъ разнообразны, что слѣдовало бы анализировать ихъ съ большею тщательностью. Мы говоримъ: «ты *вина* моихъ бѣдствій» и «ты тому *виною*». Авторъ «Слова на погребеніе Бецкаго» сказалъ: смерть добродѣтельныхъ есть *доказательствомъ* безсмертія. Тотъ же падежъ находимъ и въ стихѣ князя Вяземскаго: «для коихъ *таинствомъ* есть всякая печать», и въ стихахъ Жуковскаго:

А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
«Что *усладою* утратъ?»

Какое различіе въ выраженіяхъ: «онъ будетъ *славный малый*» и «онъ будетъ славнымъ малымъ»? Изъ многихъ примѣровъ видно, что на употребленіе того или другаго падежа оказываетъ вліяніе время, въ которомъ стоитъ связь: все это нужно разсмотрѣть и потомъ постановить опредѣлительное правило.

Въ § 25 исчислены не всѣ случаи наклоненія повелительнаго. Какое, на-прим., его значеніе въ слѣдующемъ примѣрѣ: «*дай* ему денегъ, онъ ихъ истратитъ; *не дай*—онъ разсердится»?

Для выраженія такого желанія, исполненіе котораго хотимъ принять и на себя вмѣстѣ съ другими, употребляется, по словамъ автора, неопредѣленное наклоненіе съ глаголомъ *давайте* (давайте молиться и плакать). Почему жь не употребить глагола *начать* (начнемъ-те молиться и плакать)? Смыслъ выйдетъ тотъ же.

Повелительное *пошелъ*, въ разговорномъ языкѣ, авторъ объясняетъ чрезъ прибавленіе *будь* (ей, *пошелъ*, ямщикъ). Прибавивъ *будь*, получимъ: эй, *будь пошелъ*, ямщикъ! Фраза неясная и нерусская.

Неопредѣленное наклоненіе не только употребляется вмѣсто повелительнаго и сослагательнаго, вмѣсто прошедшаго и будущаго, но и можетъ замѣнять цѣлую фразу; на-примѣръ, «*наказать,* наказалъ меня Господь, но смерти не предалъ меня» (то-есть надлежало наказать меня, и Господь наказалъ меня...). Послѣдняго случая нѣтъ въ книгѣ г. Неревлѣсскаго. Не знаемъ также, куда отнесетъ онъ слѣдующее употребленіе неопредѣленнаго наклоненія: «*шутить и вѣкъ шутить*, какъ васъ на это станетъ!»

Равнымъ образомъ, время настоящее можетъ замѣнять не одно прошлое, но и будущее; на-прим., «*я завтра ѣду*».

Не совсѣмъ-опредѣлительно объяснено употребленіе и неупотребленіе родительнаго падежа послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ, передъ которыми находится частица *не*. Есть примѣры, когда дѣйствіе переходитъ на весь предметъ, и на предметъ опредѣленный, и когда не хотятъ обозначить слабѣйшее вліяніе частицы *не* на предметъ, и между-тѣмъ употребляютъ родительный падежъ; на-прим., я цѣлый день не видалъ солнц*а*, я еще не видалъ мѣсяц*а*. Въ пословицахъ, винительный падежъ часто встрѣчается безъ всякихъ требованій со стороны рифмы или мѣры, на-прим., яйцы не учатъ куриц*у*. Притомъ авторъ упустилъ изъ вида то обстоятельство, что *не* бываетъ иногда нарѣчіемъ, иногда союзомъ. Когда *не* есть союзъ, тогда винительный падежъ не измѣняется въ родительный; на-прим., онъ не купилъ книг*у*, а вымѣнялъ; я не продалъ *домъ*, а заложилъ.

При разборѣ грамматическихъ фигуръ, полезно было бы обратить вниманіе на ошибочное ихъ употребленіе. Авторъ говоритъ, на-примѣръ, объ эллипсисѣ, плеоназмѣ, усугубленіи, но не различаетъ плеоназмовъ необходимыхъ отъ плеоназмовъ безполезныхъ,

— эллипсисовъ, украшающихъ рѣчь, отъ эллипсисовъ, затемняющихъ ее..

Окончимъ тѣмъ, съ чего бы должны были начать — предисловіемъ. Авторъ написалъ его языкомъ шутливымъ, несвойственнымъ учебной книгѣ и серьёзной грамматикѣ. Смѣшно встрѣтить въ этомъ предисловіи такія выраженія: «зубренье», «вдолбяшку», «про одни дрожжи говорить трожди», «у нихъ бѣдненькихъ», «знать ужъ у нихъ такой таланъ», и проч. Это хорошо въ устахъ простонароднаго сказочника, а не въ предисловіи къ серьёзной и полезной книжкѣ. Издатель грамматическаго руководства долженъ самъ писать хорошо.

247) Краткій Учебникъ *русскаго языка и грамматики для Русскихъ*, Виктора Половцова. *Санктпетербургъ. 1847.*

Этотъ «Краткій Учебникъ» есть *первое на десять* изданіе русской грамматики для Русскихъ». Въ «Предисловіи» г. Половцовъ разсказываетъ исторію этой книги. Вотъ она:

«По порученію начальства Главнаго Инженернаго Училища была составлена Тетрадь русской грамматики для Русскихъ, напечатанная въ 1835 году по Высочайшему соизволенію.

«Въ 1836 году была она введена *для* опыта въ Московскомъ учебномъ округѣ. Поводомъ къ этому послужила мысль одного изъ г.г. штатныхъ смотрителей Рязанской дирекціи.

«Ко второму изданію, вышедшему безъ всякихъ перемѣнъ, еще былъ приложенъ «Сводъ мнѣній г.г. профессоровъ и учителей, разсматривавшихъ русскую грамматику для Русскихъ, составленную гвардіи инженеръ-капитаномъ Половцовымъ І-мъ».

«Третьему изданію было дано названіе Русской грамматики. Это тисненіе удостоилось внимательнаго разсмотрѣнія какъ *А. Д. Галахова* въ критической статьѣ Отечественныхъ Записокъ 1840 года, такъ и члена Императорской россійской академіи *А. А. Востокова*, а потомъ и особаго комитета изъ шести членовъ академіи.

«При четвертомъ изданіи въ 1841 году вышелъ особый Опытъ руководства къ преподаванію и изученію русской грамматики для Русскихъ. Это дало возможность отдѣлять отъ учебника тѣ предметы, которые нужны больше учителю, чѣмъ ученику.—Съ четвертаго изданія грамматика *для* Русскихъ дѣлится не на четыре, а только *на двѣ части*.

«Пятое изданіе напечатано въ 1843 году въ числѣ 5000 экземпляровъ для Московскаго учебнаго округа. Гоненіе, которому оно подверглось, произвело то, что въ слѣдующемъ же году вышли три изданія: *шестое* 7-го Апрѣля 1843, *седьмое* 15-го Августа и *осьмое* 11 Сентября 1843, да *первое и пятое* изданіе перепечатаны въ Сводѣ ихъ, а Опытъ руководства къ преподаванію и изученію русской грамматики для Русскихъ напечатанъ *вторымъ* изданіемъ. Все это вышло въ 1843 году изъ одной и той же типографіи военноучебныхъ заведеній, и составляетъ факты, которые говорятъ въ пользу грамотности на Святой Руси гораздо болѣе журнальныхъ восклицаній (*).

«Въ 1844 году, было начато печатаніе Краткаго Учебника, по потребности цѣлаго вѣдомства въ такой книжкѣ; но какъ потребность миновалась, то 1845-й годъ употребленъ на печатаніе въ Москвѣ девятаго изданія грамматики *для* Русскихъ подъ именемъ Учебника русскаго языка и проч. и на составленіе Краткой лѣтописи грамматической дѣятельности въ Россіи. Она была напечатана въ началѣ Февраля 1846 года въ газетѣ Русскій Инвалидъ.

«Наконецъ въ 1847 году напечатаны въ Москвѣ краткія правила преподованія русскаго языка и грамматики *для* Русскихъ и здѣсь въ Санктпетербургѣ десятое изданіе Учебника, сходное съ девятымъ изданіемъ». (Предисл. стр. I—III).

Вслѣдъ за этимъ десятымъ изданіемъ является «Краткій Учебникъ Русскаго Языка». Онъ раздѣляется на три части:

Приготовительная часть языкоученія заключаетъ въ себѣ практическое употребленіе и изученіе языка; *главная часть* представляетъ теоретическое изученіе языка, т. е. полный курсъ грамматики. Здѣсь можно замѣтитъ, что г. Половцовъ прекрасно поступилъ, выки-

(*) Если эти *восклицанія* не являются въ подтвержденіе фактамъ.

нувъ всѣ системы различныхъ спряженій глаголовъ гг. Греча и Востокова. «Русскому не трудно спрягать глаголы, не смотря на все ихъ разнообразіе», говоритъ онъ (стр. 82). Третья, *дополнительная часть* посвящена учебному употребленію языка. Въ этой части, какъ и въ предъидущихъ, обильно разсѣяны примѣры практическаго примѣненія излагаемыхъ правилъ. Это хорошо.

248) Краткая Русская Азбука, или Букварь. *Съ молитвами, заповѣдями и нравоученіями. Продается у книгопродавцевъ Кураблева и Сирякова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 12-ю д. л. 38 стр.*

Бѣдныя дѣти—жертва книгопродавческихъ спекуляцій и простодушія родителей! Попробуйте зайдти въ нѣсколько книжныхъ лавокъ, и услышите, какъ спрашиваютъ заботливые папеньки и маменьки, пекущіеся объ образованіи дѣтей своихъ, «какая «нынче лучшая азбука? нѣтъ ли чего-«нибудь хорошенькаго, новаго, *для* «дѣтскаго чтенія?» Въ каждой лавкѣ вамъ покажутъ пять-шесть книжонокъ, и въ каждой лавкѣ эти книжонки будутъ разныя. Разгадка очень простая: каждый книгопродавецъ спекулируетъ на дѣтскія книги, и стряпаетъ ихъ самъ, или за грошовую плату заказываетъ кому-нибудь едва умѣющему писать, составить *азбуку*, присоединить къ складамъ нѣсколько молитвъ, стишковъ, да еще перевести повѣсть — и вотъ готова книга, отверзающая врата науки для ребенка! Продается она только у издателя, и такъ-какъ каждый книгопродавецъ издаетъ этой дряни по нѣскольку въ годъ, то онъ тщательно скрываетъ порядочные учебники, продающіеся у него «на коммиссіи», или изданные другимъ книгопродавцемъ. Къ-сожалѣнію, родители часто не заботятся заглянуть хоть бы въ журналы, чтобъ руководствоваться чѣмъ-нибудь въ выборѣ книгъ для обученія и чтенія своихъ дѣтей,—и стряпня безграмотности идетъ и приноситъ доходъ издателямъ.

249) Руководство *къ упражненію въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій.* (Handbuch zum Uebersetzen *aus dem Deutschen ins Russische). Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 32 стр.*

Въ первой книжечкѣ находится 26 пьесокъ, которыя можно переводить съ русскаго на нѣмецкій. Во второй—тѣ же 26 пьесокъ напечатаны по-нѣмецки: ихъ можно переводить съ нѣмецкаго на русскій. Если ученикъ запасется обѣими книжечками, то онъ безъ малѣйшаго труда сдѣлается прекраснымъ переводчикомъ. Учителю остается только его похваливать да поглаживать по головкѣ.

250) Курсъ Скорописи *и практическаго правописанія* Виктора Половцова. Третье изданіе. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 8-ю д. л. 48 стр.*

Мы уже высказали свое мнѣніе объ этомъ курсѣ при прежнихъ его изданіяхъ. Этотъ фактъ — третье изданіе «Курса Скорописи» — заставляетъ насъ согласиться съ авторомъ, что онъ точно угадалъ «*потребность времени*», предлагая въ третій разъ публикѣ свое руководство къ тому, чтобъ «*писать чисто, прямо, плавно, правильно и скоро*», да къ-тому же и одинаковымъ почеркомъ. Горе тѣмъ, которые имѣютъ претензію узнавать характеръ людей по почерку: будущія поколѣнія, обучающіяся нынче писать по курсу г. Половцова, всѣ будутъ писать одинаково и безхарактерно. Оно и лучше!..

251) Новая Библіотека для Воспитанія, *издаваемая* Петромъ Рѣд-

книгъ. *Книжка VI. Москва. 1847. Въ университетской типографіи. Въ 16-ю д. л. 192 стр.*

Первая статья этой книжки—«Посланіе Даніила Заточника къ Георгію Долгорукому». Мы должны о ней сказать то же, чтò сказали по поводу «Слова о Полку Игоревѣ», разсказаннаго въ предъидущей книжкѣ «Библіотеки»: произведенія древней нашей словесности не могутъ быть интересны тѣмъ читателямъ, для которыхъ назначается «Библіотека для Воспитанія». Это—преждевременная для нихъ пища; дѣти будутъ зѣвать, читая «Посланіе» Даніила Заточника. Сверхъ того, и прочесть-то имъ всего нельзя. Такъ г. Ивановъ принужденъ былъ выбросить «ѣдкую рѣчь противъ злыхъ женъ», лучшее мѣсто «Посланія». Въ примѣчаніи своемъ, г. Ивановъ приводитъ мнѣніе г. Шевырева, который думаетъ, что виновницей заточенія Даніила была какая-нибудь злая женщина, потому-что нигдѣ шутка Даніила не переходитъ въ такую злость. Но такъ-какъ «ѣдкая рѣчь противъ злыхъ женъ» заимствована Даніиломъ изъ «Притчей» Соломона и изъ «Книги Премудрости» Іисуса сына Сирахова, то, на основаніи означеннаго мнѣнія, Соломонъ и Іисусъ сынъ Сираховъ должны были находиться въ одинакихъ положеніяхъ съ Даніиломъ Заточникомъ. Вторая статья: «О Барометрѣ» (г. Лапшина) есть отрывокъ, входящій въ составъ популярныхъ бесѣдъ о метеорологіи, которыя будутъ помѣщены въ «Библіотекѣ для Воспитанія». Хотя авторъ имѣетъ въ виду неразрывную связь части съ цѣлымъ, но статья о барометрѣ изложена такъ, что ея отдѣльное содержаніе не теряетъ надлежащей полноты. Эти популярныя бесѣды будутъ истиннымъ подаркомъ для дѣтей, которыя могутъ очень-рано знакомиться съ метеорологіей. Третья статья—«Геродотъ и его повѣствованія» (статья первая); четвертая: «Маркъ Туллій Цицеронъ», начатая Д. Л. Крюковымъ и оконченная г-мъ Шестаковымъ, — статья вдвойнѣ интересная и по имени автора, и по интересному содержанію.

252) Наставленіе *господскимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ.* Алексѣя Зилова. *Москва. 1847. Въ тип. А Семена. Въ 8-ю д. л. 86 стр.*

Чтобъ хорошо свой вѣкъ прожить,
Творцу и ближнимъ послужить,
Тебѣ поможетъ книжка эта:
Послушайся ея совѣта.

Такъ начинаетъ г. Алексѣй Зиловъ свою книжку и, вслѣдъ за этимъ четверостишіемъ, приступаетъ къ дѣвушкѣ съ вопросомъ: «Кто ты такая?» — Что жь, вы думаете, она отвѣчаетъ? Матрена Сидоровна или Мавра Ивановна? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Она пресмиренно рапортуетъ: «Я христіанка. Я господская крестьянская «дѣвушка». Этотъ непредвидѣнный отвѣтъ окураживаетъ г. Алексѣя Зилова, и онъ начинаетъ распрашивать: «Почему ты называешься христіан«кою? Къ чему еще должна пріучить «ребенка? что изъ этого выйдетъ? какъ «это? на что это?» и такъ далѣе. Просмотрѣвъ всю книжку, мы усмѣхнулись и подумали: куда-какъ легко отвѣчать на вопросы, которые самъ предлагаешь! Что, еслибъ перемѣнить декорацію — заставить крестьянскую дѣвушку поспросить кой-о-чемъ г. Алексѣя Зилова? кáкъ бы онъ сталъ отвѣчать? Можно бы отдать даровые и недаровые экземпляры «Наставленія» за присутствіе на этомъ любопытномъ экзаменѣ. На-примѣръ:

Вопросъ первый. Кто ты такой?

Отвѣтъ. Я христіанинъ. Я сочинитель «Наставленія господскимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ»... и проч., и проч.

253) Нѣсколько Словъ *на отзывы журналовъ о поэмѣ: Москва. Соч.* Н. Сушкова. *Москва. 1847. Въ университетской типографіи. Въ 12-ю д. л. 24 стр.*

Давно поэты называются irritabile genus. Названіе прибрано ловко чело-

вѣкомъ, хорошо-знавшимъ сердце стихотворцевъ,—и каждый новый стихотворецъ оправдываетъ его какъ-нельзя-лучше. Не знаемъ, имѣетъ ли право г. Сушковъ сердиться на отзывы другихъ журналовъ о его поэмѣ; но что̀ касается до нашего отзыва, то онъ нисколько не оскорбителенъ, хоть, можетъ-быть, и колокъ, по русской пословицѣ: правда глаза колетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ оскорбительнаго нашелъ г. Сушковъ въ нашей библіографической статьѣ? Мы говорили о его сочиненіи и въ-отношеніи къ искусству, и въ-отношеніи къ точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на русскую исторію. Результатъ первой части разбора состоялъ въ томъ, что поэма г. Сушкова, составленная изъ нѣсколькихъ драмъ, не поэма и не драмы, а стихотворно-прозаическіе разговоры, лѣтопись въ лицахъ... Что̀ жь тутъ оскорбительнаго? Въ нашъ требовательный вѣкъ, въ наше взыскательное время не такъ-то легко написать удовлетворительную поэму или удовлетворительную драму. Довольно-важные таланты падали въ своихъ эпическихъ и драматическихъ усиліяхъ. Покажите намъ новѣйшую эпопею, которая произвела бы хоть эффектъ? «Божественная Эпопея», Сумѐ?—она забыта. «Наполеонъ», Кинѐ?—Кинѐ самъ себя упрекаетъ за этотъ поэтическій грѣхъ. «Наполеонъ въ Египтѣ», Мери и Бартелеми?—въ ней есть хорошія отдѣльныя мѣста, а поэмы нѣтъ. Видите ли, самый родъ поэзіи потерялъ свою важность, или, пожалуй, возможность, а отдѣльное твореніе, одна поэма и подавно можетъ быть неважной, или иначе: возможно ей не быть важной. Да и тѣ поэмы, которыми привыкли мы восхищаться съ малыхъ лѣтъ (говоримъ о «Потерянномъ Раѣ», «Освобожденномъ Іерусалимѣ», «Аиріадѣ», и проч.), важны только по преданію, важны съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли на нихъ прежде, когда не имѣли надлежащаго понятія о поэзіи. Но если поэма погибла, за вами остались стихотворно-прозаическіе разговоры, недурные стихи, недурная проза... Чего жь вамъ больше?

На все есть время. Явись «Москва» лѣтъ тридцать, даже двадцать тому назадъ, ее, пожалуй, назвали бы и поэмой и драмой. Критика была бы много снисходительнѣе. Что̀ жь дѣлать, когда мы живемъ позже? Во второй части нашего разбора мы упрекнули автора за его мистическое воззрѣніе на исторію. Г. Сушковъ прямо говоритъ, что онъ «сочувствуетъ «взглядамъ на исторію и Карамзина и «Языкова и Шевырева». Ну, что жь? вольному воля. И мы съ своей стороны спорить объ этомъ не будемъ. Вы допускаете мистицизмъ въ исторіи, мы его не допускаемъ. У васъ побудительной причиной для этого «сочувствіе», у насъ есть свои противоположныя, раціональныя побужденія. Останемся каждый при своемъ. Да мы и не хотѣли своимъ разборомъ измѣнить точку зрѣнія стихотворца; мы хотѣли только высказать наше удивленіе къ тѣмъ воззрѣніямъ на науку, въ которыхъ нѣтъ ничего научнаго, при которыхъ нельзя разсуждать, а надобно чувствовать и сочувствовать, въ которыхъ силлогизмы замѣняются ощущеніями или предчувствіями, а раціональные выводы — предвидѣніями. Намъ показалось страннымъ такое соединеніе разнородныхъ предметовъ. Конечно, предки наши были легковѣрны; но стихотворецъ, увлекаемый сочувствіемъ къ извѣстнымъ взглядамъ, выбирая тѣ или другіе пункты исторіи, заставляя говорить дѣйствующія лица такъ или иначе, чувствовать то или другое, незамѣтно сообщаетъ имъ свои мысли и чувства. Ему кажется, что онъ исторически-вѣренъ, а онъ просто высказываетъ себя, свои сочувствія и воззрѣнія. Конечно, это даетъ стихотворенію, нѣкоторымъ образомъ, современное значеніе, прицѣпляетъ его къ извѣстной исторической и литературной школѣ, но нисколько не дѣлаетъ его поэмой или драмой.

254) **Кольцо.** *Повесть въ стихахъ. Соч.* М. Дрейгарфена. *Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 41 стр.*

Однажды, въ полдень, въ Москвѣ-Рѣкѣ купались дѣвы. Онѣ то «кидали струю», то «вдругъ скакали вдоль рѣки», то «пускали въ водѣ пузыри» — какимъ образомъ, неизвѣстно. Извѣстно только, что между ними плыла Агнея очень-затѣйливо, то-есть, «не шевелившися». Ныряя на дно рѣки, словно рыбка, она вдругъ сдѣлала такой отчаянный прыжокъ, что «было чѣмъ потѣшиться нахальнымъ». И было отъ чего прыгнуть: ей «надѣлось кольцо на обручальный палецъ»! Съ-тѣхъ-поръ исчезла веселость Агнеи. Она убѣгаетъ забавъ, сидитъ въ кругу старухъ и нѣжно жметъ «руку въ морщинахъ».

Въ Москвѣ есть Кремль; въ Кремлѣ есть или былъ какой-то монастырь, а въ монастырѣ спасается монахъ и при немъ пòслушникъ. Да послушникъ не простой, а какъ-будто «пригвожденный къ полу и недвижимый какъ мраморъ», стоитъ передъ монахомъ и проситъ у него постриженья. Такъ и такъ —говоритъ—три ночи сряду вижу въ нѣкоторомъ отношеніи одинъ и тотъ же сонъ, снится въ извѣстномъ родѣ дѣвица

И манитъ къ жизни мірской.
Грозитъ, на палецъ обручальный
Надѣтымъ, золотымъ кольцомъ.

Вонъ оно куда пошло! замѣчайте!.. Пòслушникъ, видите ли, десять лѣтъ тому назадъ, идучи въ монастырь, бросилъ кольцо въ Москву-Рѣку, которое кольцо и надѣлось на обручальный палецъ Агнеи.—И къ-чему жить? восклицаетъ юноша:

Что изливается чудесно
Отъ Всемогущаго Творца
Неразгадаемо тварями.

Послушай, возражаетъ ему монахъ:

Люблю тебя, мой сынъ, люблю;
Но десять лѣтъ, что миновали,
Они равняются нулю.
Нѣтъ для Предвѣчнаго итоговъ:
И въ долгой жизни пустота,
И въ кратковременности много.
Отшедшій рано въ дверь могилы
И многовѣчный патріархъ —
Они равно Маѳусаилы.

Чтобъ видѣть, какъ ты еще мало подвинулся, возьмемъ и «раскроемъ передъ собою грудь». Что мы узримъ? волненіе страстей. Слѣдовательно, терпи, смирясь, иди впередъ, и тогда уже проси благословенія.

Послѣ разговора монаха съ пòслушникомъ, является къ первому пришелица, Агнея, которая разсказываетъ ему кратко исторію своей жизни, начиная отъ состоянія и рода:

Мнѣ состояніе и родъ
Такое дали въ свѣтѣ мѣсто,
Что высшій общества полетъ
Меня почталъ считать невѣстой.
Ключи, съ богатствомъ, и съ цѣпьми
Мнѣ предлагали—отвергала.

Въ разсказѣ ея главное мѣсто занимаетъ опять кольцо съ именемъ Леона. Отъ монаха она идетъ на кладбище, встрѣчаетъ «встрѣчнаго», именно Леона:

Внезапной встрѣчею она,
Кого въ душѣ давно искала,
Была совсѣмъ оглумлена.

Послѣ объясненія, пòслушникъ идетъ къ монаху и проситъ дозволенія вступить въ бракъ съ Агнеей. Монахъ соглашается. Въ монахи, говоритъ онъ, вступить еще успѣешь:

Тебѣ достанетъ столько силъ,
Надѣвши черную мантію
Не отступить.

Въ заключеніе совѣтуетъ онъ ему не гордиться. Можно ли, спрашиваетъ онъ:

Горой пылинкѣ возноситься?

255) **Повѣсть** *изъ Складчины* Крашевскаго *и* Іоонъ-офъ-Дыкальпа. *Переводъ съ польскаго* Г.....ха Яшмовскаго. *Москва. Въ тип. скоропечатанія* В.

Кирилова. 1847. Въ 12-ю д. л. 201 стр.

Къ-несчастію, есть люди, невѣрующіе ни въ платоническую любовь, ни въ авторскую дружбу. Гг. Крашевскій и Дыкальпъ рѣшились доказать, что существуетъ и то и другое на бѣломъ свѣтѣ, что платоническая любовь есть не призракъ, а вещь, и что въ новѣйшее время разные сочинители показали рѣдкіе примѣры дружбы авторской, складчинной. И вотъ два автора, «незнакомые лично, подружились между «собою письменно, коротко, чистосер«дечно и неизмѣнно, по правамъ хо«рошаго сожительства, въ какомъ на«ходились ихъ души въ небесной сфе«рѣ». Подружившись, «поднялись они «на блестящую и новую аферу—на со«чиненіе *повѣсти изъ складчины*, но та«кимъ-образомъ, чтобъ начертаніе и «канва наступающихъ главъ не были «прежде условлены, а зависѣли отъ «вдохновенія писателя и благодѣянія «судьбы». Слѣдствіемъ такого условія вышла «Повѣсть изъ Складчины». Цѣль ея—доказать существованіе платонической любви. Вотъ какъ авторы доказали это.

Жили дядюшка и племянникъ. Племянникъ, по словамъ дядюшки, былъ «ужасно, колоссально, кубически глупъ» и влюбился въ Антосю — платонически. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорило его сердце или голова. Однажды дядя началъ объяснять ему, какъ стрѣляютъ мокрымъ порохомъ: взялъ пистолетъ, помочилъ порохъ, всыпалъ въ дуло, прибилъ пыжомъ, взвелъ курокъ, прицѣлился въ племянника — паф — и платоническій любовникъ потерялъ рѣсницы, брови, цвѣтъ лица, глаза — короче, ослѣпъ. Ну, что жь? Это не бѣда. Зачѣмъ идеальной любви зрѣніе? у ней есть духовныя очи. Ей легко отбросить всякую причину соблазновъ, ка́къ бы ни была велика или мала эта причина. Но платоникъ нашъ почувствовалъ неплатоническую надобность видѣть Антосю, имѣть ее подлѣ себя. Гдѣ ты? кричалъ онъ отчаянно. Пріиди ко мнѣ, утѣшь меня. И Антося пришла, начала ухаживать за больнымъ: иногда пожметъ ему руку, иногда обоймётъ его — все шутя и все платонически. Счастіе ослѣпленнаго возрастало болѣе и болѣе, какъ вдругъ, на бѣду его, является поручикъ Вендриговскій, вовсе не платоникъ: онъ любилъ кутить, любилъ выпить, соблазнить женщину, повеселиться въ мужской компаніи. Антося, показавъ чистѣйшую любовь къ больному, повернула въ другую сторону и прекрасно стала доказывать, что «она есть кокетка». Мы это не выдумываемъ, а говоримъ на основаніи собственныхъ словъ Антоси, которая очень-ясно, на какой-то страницѣ «Складчины» сказала: «я *есмь* кокетка». Больной ужасно сердится, ревнуетъ и посылаетъ къ чорту нежданаго друга.

Черезъ нѣсколько времени, сцена перемѣняется. Собралась гроза, блеснула яркая молнія и прогремѣлъ громъ. Больной увидѣлъ блескъ молніи... Можете представить его счастіе: слѣдовательно, онъ не совсѣмъ ослѣпъ и можетъ надѣяться не на одну платоническую любовь! Дѣйствительно, по истеченіи столькихъ-то недѣль, онъ выздоровѣлъ и женился на Антосѣ... Для чего нужна женитьба, когда идетъ дѣло объ идеальномъ влеченіи и совокупности душъ — мы, право, не понимаемъ. Счастливая супруга вскорѣ влюбляется въ Вендриговскаго, за котораго и выходитъ замужъ, получивъ согласіе на разводъ съ платоникомъ. Прекрасное окончаніе духовной любви не мѣшаетъ Антосѣ потомъ кокетничать съ первымъ мужемъ, который, отъ злобы, ревности и печали уѣзжаетъ за границу. Этимъ романъ оканчивается. Надобно признаться, авторъ прекрасно доказалъ возможность и дѣйствительность платонической любви: герои и героини его ревнуютъ другъ друга, кокетничаютъ, обнимаются, выходятъ замужъ, женятся, разводятся, вновь женятся — чудесные пріемы идеальныхъ стремленій!

Переводъ ужасный, напичканный полонизмами, галлицизмами и всякими

ними. Переводчикъ, видно, началъ только учиться русской грамотѣ. У него цалуютъ не руку, а «въ руку»; вмѣсто «съ позволенія» говорятъ «за позволеніемъ»; на каждой страницѣ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «пока я выздоровѣлъ», «смерть, *упріятненная* увѣренностью въ антосиной привязанности»; «держась обѣими руками за сердце», «хотя тебѣ не нужно бы его (день) хвалить, чтобъ ты не *заоскомился*, однако»... «я тебѣ завидую перваго зрѣнія», и проч. и проч.

256) Крылья Икара. *Романъ* Шарля Бернара. *Двѣ части. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.*

Отъ-чего множество замѣчательныхъ литературныхъ талантовъ проходитъ передъ глазами читателей какъ-то незамѣтно, остается въ неизвѣстности, или много-много, если обратитъ на себя вниманіе двухъ, трехъ человѣкъ изъ всей читающей братіи? Между-тѣмъ, посмотрите: иное довольно-ничтожное, посредственное дарованьице, но дарованьице дерзкое и въ своей незначительности, взобравшись на ходули, набросивъ на себя или драматическій котурнъ или мистическій плащъ, какъ шумящая, трескучая ракета, привлечетъ взоры большинства, заставитъ говорить о себѣ, и, еще болѣе, заставитъ о себѣ спорить! Не правда ли, странно, непонятно это безотчетное вниманіе къ однимъ, это обидное равнодушіе къ другимъ? Кажется, какъ бы такъ тихо, такъ незамѣтно, безъ слѣда, пройдти имъ, этимъ произведеніямъ, полнымъ жизни, столь богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ совѣстливо выразившимъ малѣйшіе оттѣнки дѣйствительности... И кто виноватъ въ этомъ? Писатели, критики, или публика? Конечно, публика, этотъ всепожирающій гигантъ, этотъ прихотливый, упрямый ребенокъ, капризный какъ женщина. Виновата она, виновата своими прихотливыми требованіями, налагающими на писателя тяжелыя узы покорности, изъ которыхъ ему не вырваться, если сколько-нибудь дорожитъ онъ ея благосклонностью. «Займи меня; мнѣ скучно; пошлость жизни мнѣ надоѣла; меня тяготятъ общественные интересы; а по мнѣ вся политика и всѣ ваши общественные и иные прочіе интересы хоть згинь, я люблю посмѣяться; а я поплакать», вопіютъ тысячи различныхъ голосовъ, вопіютъ громко и каждый самолюбиво требуетъ, чтобъ писатель слушалъ его предпочтительно передъ всѣми. Чтò остается дѣлать бѣдному писателю, какъ не выдумывать нелѣпой канвы, по которой нарисовать потомъ несметное множество картинъ, самыхъ разнообразныхъ, хотя бы самыхъ невѣроятныхъ, лишь бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ! Такъ и не иначе раждаются всѣ эти богатыя гремучими эффектами созданія, всѣ эти нестройныя порожденія болѣзненной фантазіи. При такихъ только условіяхъ могли явиться и занять публику «Монте-Кристо» и «Три Мушкатера» и множество другихъ романовъ въ этомъ духѣ. Сказочное содержаніе ихъ удовлетворило любопытство большинства. До людей образованныхъ, строгихъ судей, чтò за дѣло автору! Не для нихъ пишетъ онъ, да притомъ число ихъ такъ невелико, что для такой безделицы и писать-то порядочно не стòитъ. Итакъ, эти сказки пишутся по требованію самой публики, по требованію большинства. Писатели поняли ея нервическое разстройство и давай занимать ее такъ, шутя, чтобъ серьёзной мыслью еще болѣе не разстроить.

Все это пришло намъ въ голову по поводу г. Шарля Бернара.

Шарль Бернаръ именно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ прекрасныхъ талантовъ, которыхъ публика едва замѣтила, тогда-какъ онъ въ правѣ требовать отъ нея полнаго вниманія. Дѣйствительно, онъ превосходный разскащикъ. Прежде всего, какъ Французъ, онъ любезный, остроумный болтунъ; но болтунъ умѣренный. Онъ не изобрѣтаетъ тысячи

эффектовъ, не рисуетъ передъ вами сценъ, поражающихъ своимъ отвратительнымъ безобразіемъ или неправдопобіемъ. Онъ пишетъ просто, вѣрно изображая дѣйствительность жизни, мастерски подмѣчаетъ эти почти-неуловимые оттѣнки въ характерахъ. Его герои говорятъ и думаютъ по-человѣчески, носятъ общечеловѣческую физіономію и не имѣютъ въ себѣ этого неизбѣжнаго *je ne sais quoi*, которое такъ нравится французскимъ романистамъ, какъ-будто бы оно что-нибудь выражаетъ, какъ-будто бы придаетъ характеру какую-нибудь особенность.

Живой наблюдатель современнаго общества, Шарль Бернаръ въ яркой картинѣ раскрываетъ передъ вами множество сторонъ его, множество его мнѣній, привычекъ, потребностей, высокихъ и смѣшныхъ, жалкихъ и возбуждающихъ негодованіе.

Впрочемъ, читатели наши, вѣроятно, сами помнятъ нѣсколько милыхъ и остроумныхъ разсказовъ этого писателя. «Отеч. Записки», вѣрныя своему правилу знакомить публику со всѣми замѣчательными явленіями иностранныхъ литературъ, въ свое время представили въ переводѣ многіе лучшіе романы и повѣсти Бернара. Мы говоримъ о «Солидномъ Человѣкѣ», «Ловлѣ Любовниковъ», «Львиной Кожѣ», «Вотчимѣ» и «Сельскомъ Дворянинѣ», недавно помѣщенномъ въ «Отеч. Запискахъ».

«Крылья Икара» тоже очень-интересный романъ, написанный весьма-остроумно и метко выразившій нѣкоторыя подробности современныхъ французскихъ нравовъ. Жаль только, что русскій переводъ этого романа не совсѣмъ удовлетворителенъ.

257) **Сельская Красавица въ Парижѣ**, *или семейство Гого. Романъ, соч.* Поль-де-Кока. *Переводъ съ французскаго. Въ шести частяхъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. Въ I-мъ томѣ—118, во II—124, въ III—118, въ IV—114, въ V—112, въ VI—104 стр.*

Романъ Поль-де-Кока, извѣстный на французскомъ языкѣ подъ названіемъ «La famille Gogo», снабженъ отъ русскаго переводчика предисловіемъ, въ которомъ сказано между-прочимъ слѣдующее:

«Не (ни) одинъ сочинитель не умѣлъ «такъ натурально и съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ описать общественную жизнь и нравы веселаго, «остроумнаго и въ высочайшей степени общежительнаго народа французскаго. Всѣ разсказы его отличаются чрезвычайнымъ правдоподобіемъ и истиною. Это живыя картины «домашняго быта Парижанъ, безъ «всякаго преувеличенія и несообразности. Забавныя и веселыя сцены «слѣдуютъ безпрестанно однѣ за другими, непримѣтнымъ образомъ увлекаютъ читателя, *и* невольно заставляютъ смѣяться самаго мрачнаго *и* печальнаго человѣка, *и* располагаютъ «его къ *общественнымъ удовольствіямъ и* «*разговорамъ*. Не смотря на нѣкоторыя «нѣсколько вольныя мѣста *(которыхъ «легко избѣжать въ переводѣ)*, «цѣль «романовъ Поль-де-Кока всегда бываетъ *нравственная*, и они представляютъ вѣрную и занимательную картину современнаго быта и нравовъ», и т. д. (стр. 11).

Съ этимъ почти можно согласиться; въ романѣ *La famille Gogo* даже замѣтно вліяніе новой школы; почитатели таланта Поль-де-Кока могутъ утѣшиться, что ихъ словоохотливый авторъ не отсталъ отъ вѣка. Сверхъ того, въ этомъ романѣ есть одно лицо художественно-обработанное—типъ человѣка тяжелаго, который любитъ говорить о неудачахъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ они случались, который является всегда не во-время, котораго всѣ не терпятъ, но принимаютъ радушно, потому-что всѣ боятся его языка. Встрѣчаясь съ авторомъ, котораго пьеса пала на театрѣ, онъ заговоритъ объ ея паденіи; лицамъ темнаго происхожденія, которыя считаютъ постыднымъ это свое происхожденіе и лѣзутъ въ comme il faut, онъ напомнитъ, при цѣломъ обществѣ, о ка-

кихъ-нибудь ихъ близкихъ родственникахъ, обработывающихъ землю. Это cousin Brouillard. Видно, что это лицо обдумано авторомъ и изображено съ любовью: отъ-того читатель полюбитъ его въ свою очередь, и изъ всего романа у него останется въ памяти только этотъ хорошо-обработанный типъ.

258) Шутка. *Исторія въ родѣ комедіи. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 56 стр.*

Напрасно думаетъ г. Меншиковъ (авторъ пьесы, которой заглавіе здѣсь выписано), что его «Шутка» сколько-нибудь походитъ на комедію. Всякое драматическое произведеніе должно имѣть, если можно такъ выразиться, свой центръ, свою точку опоры; этотъ центръ—та минута жизни избранныхъ писателемъ лицъ, когда выступаетъ наружу все существо ихъ личности и опредѣляется вполнѣ ихъ положеніе въ мірѣ. Чѣмъ бы ни была приведена эта минута—естественнымъ ли развитіемъ одной страсти, столкновеніемъ ли нѣсколькихъ страстей, или даже просто игрою внѣшнихъ обстоятельствъ,—во всякомъ случаѣ около этой минуты группируются всѣ части драмы, ей онѣ подчинены, ею онѣ опредѣляются, ее онѣ поясняютъ, для нея онѣ существуютъ. Моментъ этотъ называется *патетическимъ*. Въ умѣньи подвести этотъ моментъ такъ, чтобъ сосредоточить на немъ всѣ силы художественнаго творчества и привлечь къ нему все вниманіе слушателя, заключается тайна драматическаго таланта. Этого-то умѣнія вовсе нѣтъ у г. Меншикова; но, къ-счастію, онъ не имѣетъ на него претензіи, какъ оказывается отчасти изъ самаго заглавія, а вполнѣ—изъ самаго его произведенія. Онъ назвалъ свою «Шутку» «исторіей *въ родѣ* комедіи», вѣроятно, принимая въ соображеніе ея внѣшнюю форму. Что же касается до самаго дѣла, то вся пьеса отъ начала до конца обнаруживаетъ постоянное намѣреніе уклоняться отъ патетическихъ сценъ. Въ авторѣ замѣтна даже особенная любовь къ изображенію избранныхъ лицъ въ самые обыкновенные, будничные моменты ихъ жизни, и самыя происшествія любитъ онъ изображать со стороны ихъ обычнаго теченія, помимо всякаго критическаго поворота. Ясно, что при такой благоразумной ограниченности претензій, можно далеко уйдти при помощи одной сильной наблюдательности, которая и составляетъ главный элементъ таланта г. Меншикова. Въ актёрѣ это было бы крайне недостаточно: обыкновенная участь такого актёра портить впечатлѣніе искусной игры именно въ ту минуту, когда слѣдуетъ выразить всю полноту роли. Но писатель несравненно скорѣе можетъ обойдтись такими средствами, потому-что онъ ихъ полный хозяинъ — преимущество, почти неизвѣстное актёру.

Изъ этихъ немногихъ строкъ читатели, вѣроятно, догадаются, что «Шутка» принадлежитъ къ разряду *физіологій*. Не ищите въ ней единства идеи и формы: это не что иное, какъ происшествіе, обстановленное характеристическими сценами обыкновеннаго, дѣйствительнаго быта; достоинство ея въ частяхъ, а не въ цѣломъ; соотношеніе самыхъ частей произвольное, или—что̀, собственно говоря, все равно—обусловленное внѣшнимъ событіемъ, какъ темой. Вотъ это событіе.

Помѣщица Мордовская живетъ въ Петербургѣ съ исключительною цѣлью — выдать замужъ двухъ зрѣлыхъ дочерей. Финансы г-жи Мордовской въ страшномъ разстройствѣ; надо употреблять всевозможныя хитрости, чтобъ укрыть это обстоятельство отъ проницательности петербургскихъ жениховъ. Мордовскіе живутъ на дачѣ на Черной-Рѣчкѣ, должаютъ въ Англійскомъ Магазинѣ, держатъ четверню лошадей и достаточную прислугу почти не кормя ни скота, ни людей, безпрестанно разъѣзжаютъ по вечерамъ и упорно ловятъ жениховъ. Юлія —одна изъ грацій—уже и поймала себѣ господина Попова, богатаго и что-называется *хорошаго* человѣка. У него есть дядя — Захаровъ, человѣкъ крот-

кій, до крайности скромный и тоже богатый. Отъ праздности, дѣвицы Мордовскія вздумали увѣрить Захарова, что въ него влюблена ихъ воспитанница Даша; а воспитанницу увѣрили, что Захаровъ влюбленъ въ нее. Дѣло приняло неожиданно-серьёзный оборотъ. Захаровъ очень радъ жениться на Дашѣ; Даша очень-рада выйдти за него замужъ. Мордовскія въ отчаяніи. Онѣ поручаютъ одному знакомому купцу—объяснить Попову, что Юлія, вышедъ замужъ, не будетъ принимать Захаровыхъ, потому-что Даша—Богъ знаетъ что̀ такое. Поповъ оскорбляется и готовъ отказаться отъ руки дѣвицы Мордовской. Къ этому присоединяются кое-какія сомнѣнія на-счетъ приданаго, и дѣло кончается тѣмъ, что Юлія остается дѣвой, а Даша выходитъ за Захарова.

Ясно, что при такомъ чисто-внѣшнемъ содержаніи, произведеніе можетъ выиграть только художественною отдѣлкою частей, т. е. отдѣльныхъ характеровъ и отдѣльныхъ сценъ. Всѣ дѣйствующія лица «Шутки» изображены какъ-нельзя-рельефнѣе, не смотря на крайнюю будничность своихъ положеній и на необыкновенную ясность кисти, которыми они написаны.

Прежде всего бросаются въ глаза дѣвицы, или, лучше сказать, невѣсты. Одно изъ преимуществъ всякаго автора физіологическихъ очерковъ въ-отношеніи къ созданію характеровъ, состоитъ въ томъ, что отъ него не требуется изображенія всего существа лицъ, выводимыхъ имъ на сцену. Если ему удалось схватить и передать одну сторону того или другаго характера—этого ужь довольно, потому-что очеркъ, по самой сущности своей, не можетъ претендовать на оконченность и полноту. Такъ, на-примѣръ, странно было бы поставлять въ вину г. Меншикову то, что его Софья и Юлія, какъ отдѣльныя личности, остаются совершенной загадкой для читателя: онъ видитъ въ нихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ невѣстъ, живые и движущіеся результаты господствующаго взгляда на женщину, какъ на такое существо, котораго жизнь осмысляется исключительно бракомъ. Въ-слѣдствіе этого взгляда, ихъ воспитаніе, обученіе и содержаніе въ родительскомъ домѣ принаровлены къ одной цѣли – къ выгодному замужству, и смыслъ такой политики не только не скрывается родителями отъ дѣтей, но даже объясняется имъ во всей своей тонкости. Дѣвица съ малыхъ лѣтъ только и слышитъ отъ матери и отъ прислуги, что назначеніе ея выйдти замужъ, что засидѣться въ дѣвкахъ — верхъ стыда и горя, что въ избѣжаніе такой напасти надо стараться развить въ себѣ всѣ добродѣтели и таланты, кидающіеся въ глаза женихамъ. Такъ-какъ замужство, помимо высшихъ умственныхъ соображеній, имѣетъ свои естественныя прелести, то дѣвица охотно покоряется этой морали. Но въ первые годы совершеннолѣтія взглядъ ея на этотъ предметъ существенно отличается отъ того, который усвоиваетъ она себѣ въ-послѣдствіи, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ томительнаго дѣвства. До двадцати лѣтъ (приблизительно), у каждой барышни есть свой идеалъ плѣнительнаго жениха, свой идеалъ брака по любви, свой идеалъ самой любви; десятая часть этого стремленія — естественна; а девять десятыхъ, разумѣется, вычитаны изъ книгъ. Лѣтъ въ пять утекаетъ много воды. Что̀ казалось плѣнительнымъ въ марціальныхъ юношахъ съ искусно-обработанными усами, въ разнаго рода художникахъ и поэтахъ,—однимъ словомъ, во всемъ блестящемъ сонмѣ первыхъ дѣвическихъ идеаловъ, созданныхъ на мягкомъ ложѣ, подъ вліяніемъ луннаго полусвѣта и никуда негодныхъ стиховъ, то̀ мало-по-малу начинаетъ терять въ глазахъ дѣвицы свой фантастическій блескъ и уступать мѣсто тайному, но болѣе-положительному взгляду на человѣческія слабости. Смотришь: тотъ идеалъ спился съ кругу, другой запутался въ темныхъ спекуляціяхъ, третій просто опошлился; вотъ и пошатнется идеализмъ... Кро-

мѣ того, примѣры разнаго рода браковъ, и по любви, и по разсчету, и ни съ того, ни съ сего — также открываютъ много поучительнаго и наводящаго на дѣльныя размышленія. А между тѣмъ, собственныя потребности развиваются своей чередой: жажда существенныхъ наслажденій и тщеславіе возрастаютъ съ каждой минутой. Присоедините къ этому нѣкоторую душевную усталость—необходимое слѣдствіе мечтательныхъ продѣлокъ, и тогда не трудно представить себѣ сущность перемѣнъ, происходящихъ въ идеяхъ о женихѣ и о бракѣ. Элементы комфорта и разсчета неизбѣжно пролагаютъ себѣ путь въ блестящій воздушный замокъ и ниспровергаютъ первосозданный образъ. Выгодное положеніе въ свѣтѣ, терпимость, ограниченность, щедрость—вотъ какія свойства замѣняютъ въ идеальномъ женихѣ мѣсто тѣлесной красоты, душевной возвышенности и эксцентрической страстности.—Дѣвицы Мордовскія находятся именно въ этомъ періодѣ развитія: онѣ совершенно согласны съ маменькой во взглядѣ на замужство и дѣйствуютъ съ ней заодно на поприщѣ уловленія мужчинъ. Особенно благоразумна дѣвица Юлія. Вотъ одинъ изъ ея разговоровъ съ матерью и съ сестрой:

Софья. Тюленевы не поѣдутъ въ Парголово, прислали сказать. Обѣдать зовутъ. Гости у нихъ.

Юлія. Ну, и хорошо. Я рада. Напрасно только Николай Петровичъ съ дядюшкой притащутся. Дядюшка-то наплевать, а Николай Петровичъ и надоѣлъ бы цѣлый день.

Софья. Ха, ха, ха! Слышите, маменька, ужъ теперь боится, что надоѣстъ Николай Петровичъ; а что же будетъ, когда ты выйдешь за него!

Юлія. Ну, не все же вмѣстѣ тогда. Да кто это выдумалъ въ такую хорошую погоду ѣхать въ Парголово! Сегодня на музыкѣ много будетъ.

Мордовская. А онъ ничего не говорилъ, когда свадьба?

Ю. Нѣтъ-съ.

Морд. Ужъ такой дурачина!

Ю. Да, можетъ быть, вотъ зачѣмъ дѣло стало: онъ заказалъ карету какому-то новому мастеру. Заведеніе у него мало, такъ оттого долго дѣлаетъ.

С. Ужь я воображаю, хороша карета будетъ! Такой выжига!

Морд. А ты знаешь ли что: когда зайдетъ у васъ рѣчь о каретѣ, такъ намекни ему, чтобы онъ не бросалъ денегъ напрасно.

Ю. Отчего такъ?

Морд. Во-первыхъ, онъ и не станетъ бросать деньги. Ну, и ему это будетъ по шерсти. Лишнее подаритъ что-нибудь. Тамъ, разумѣется, нехороша карета, такъ можно будетъ послѣ и получше купить. Слышишь?

Ю. Хорошо-съ.

С. Перчатки-то у него какія всегда!

Ю. Да, да.

Морд. Ты послѣ-то, смотри, не давай ему колотырничать.

Ю. Ужь конечно. Впрочемъ, онъ вѣдь не скупъ. Онъ повару платитъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ; а какія-то выходки жидовскія иногда (стр. 8—9).

У Софьи изрѣдка еще прорывается какой-то остатокъ того, что̀ маменьки называютъ «дурью» или «мечтами» (смотря по воспитанію). Она еще увлекается иногда фантазіями первой молодости. Въ первой сценѣ, г-жа Мордовская журитъ ее за необдуманный выборъ кавалеровъ въ танцахъ:

Морд. Съ кѣмъ ты танцовала?

Софья. Первую кадриль я танцовала съ Фигаровичемъ.

Морд. Ну, ужь этотъ вездѣ! Ты его не зови. Что онъ поминутно таскается? Въ середу обѣдалъ, въ воскресенье опять пришелъ. Не думаетъ ли онъ жениться на тебѣ?

С. (*смѣясь*). Ну, какъ же!

Морд. Много этакой дряни! . . . .
. . . .
Кто жь еще танцовалъ съ тобой?

С. Огрызковъ танцовалъ.

Морд. Тоже хорошъ! Зачѣмъ ты танцуешь со всякимъ? Проигралъ намедни четыре цѣлковыхъ, да гривенниками отдаетъ. Въ карманѣ-то сквозной вѣтеръ, должно быть. Василій Васильичъ былъ?

С. Былъ.

Морд. Онъ говорилъ съ тобой?

С. Какъ же. Объ васъ спрашивалъ.

Морд. Ну, а ты что?

С. Ничего-съ. Я сказала, что вы не такъ здоровы.

Морд. Я не помню, какъ ты была, съ пуклями?

С. Съ пуклями.

Морд. Что жь онъ еще говорилъ?

С. Гдѣ же теперь все повторять. Онъ всегда такъ любезничаетъ.

Морд. Что жь онъ не сватается, болванъ? За него бы можно... Порядочно наворовалъ, говорятъ, когда...

С. *Маменька, вѣдь ужь онъ старенекъ.*

Морд. Вотъ еще фигуры какія! (Стр. 6—7).

Видите, она еще можетъ сказать про жениха: «вѣдь ужь онъ старенекъ»; можетъ танцовать съ Фигаровичемъ и Огрызковымъ; отъ-того-то она, можетъ-быть, и отстала отъ Юліи. Впрочемъ, это пройдетъ, это должно пройдти черезъ нѣсколько дней...

Говоря о дѣвицахъ Мордовскихъ, нельзя не сознаться, что авторъ чрезвычайно-вѣрно передалъ тонъ ихъ разговора и обращенія съ мужчинами. Отличительная черта того и другаго—какой-то цинизмъ, которымъ дѣвицы средняго круга думаютъ приблизиться къ laisser - aller аристократическихъ салоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое ихъ слово такъ и дышетъ праздномысліемъ и безконечностью дѣвическаго досуга... Вотъ сцена, которую нельзя не выписать, какъ образцовую по своей естественности и характерности (стр. 20—22):

Юлія. А! Иванъ Ильичъ!

Зах. (смотритъ на часы). Не опоздалъ ли я?

Софья. Да мы не ѣдемъ въ Парголово. Насъ въ гости звали.

Зах. Очень жаль.

Юлія. Вы поѣзжайте, однако, коли хотите. Николай Петровичъ хочетъ, Александръ Карлычъ съ вами.

Зах. Очень радъ; жаль, что вы не изволите. Прекрасная погода сегодня.

Юлія. Нечего дѣлать! Садитесь-ка, Иванъ Ильичъ.

Зах. (Попову). Ты не былъ вчера въ департаментѣ?

Поповъ. Не былъ.

Зах. Андреева утвердили начальникомъ отдѣленія.

Поп. Утвердили? Однако, онъ счастливо служитъ. Въ прошломъ году чинъ, нынче годовой окладъ и утвержденъ.

Зах. Ну, чинъ-то онъ получилъ за выслугу.

Поп. За отличіе.

Зах. За выслугу.

Юлія. Ахъ, полноте спорить, пожалуйста... (Захарову.) Вы не бывали въ Парголовѣ?

Зах. Никогда не случалось.

Юлія. Ну, вотъ посмотрите сегодня.

(Молчаніе.)

Зах. (Попову). Директоръ вчера сердился, что журналистъ входящія бумаги долго продержалъ.

Поп. А были нужныя?

Зах. Двѣ были нужныя: одна...

Юлія. Ахъ, перестаньте, сдѣлайте милость: такъ скучно... Послушайте, что васъ давно не видать?

Зах. Не знаю-съ. Случилось такъ, можетъ быть.

Софья. Ну, разсказывайте намъ, что вы дѣлали все время. Гдѣ вы были вчера, напримѣръ?

Зах. У чиновника нашего, Сидорова, до третьяго часу почти.

Юлія. Что жь вы тамъ дѣлали? въ преферансъ играли?

Зах. Нѣтъ-съ, мы въ бостонъ играли.

Поп. Съ кѣмъ вы играли?

Зах. Да слѣдственный приставъ игралъ, начальникъ отдѣленія нашъ, да еще какой-то статскій совѣтникъ.

Софья. Вотъ какъ! Вы нынче въ знать пускаетесь. Кто же у васъ побѣдилъ?

Зах. Ничѣмъ-бы кончилось, да еще этотъ слѣдственный приставъ опрокинулъ бокалъ шампанскаго; стали вытирать и стерли всё почти, за карты заплатили только.

Юлія. Да вы кутите! По какому же случаю шампанское было? Именины чьи нибудь?

Зах. Жена именинница и дочка.

Софья. Ужь не она-ли, Julie? Знаете ли что̀, Иванъ Ильичъ, мы слышали, вы сбираетесь жениться?

Зах. Помилуйте-съ.

Юлія. Да, да. На Сидоровой, говорятъ.

Зах. Да ей и десяти лѣтъ не будетъ, я думаю.

Софья. Такъ на комъ же? Мы слышали навѣрное.

Юлія. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, чтò вы не женитесь?

Софья. А мы бы вамъ невѣсту сосватали.

Зах. Очень хорошо-съ... ха, ха, ха!

Софья. Ну, смотрите-же, не отговариваться послѣ. Да вотъ Даша, напримѣръ. (Захаровъ смотритъ съ удивленіемъ.)

Юлія. Вы не подумайте чтò; она вѣдь не какая нибудь: она офицерская дочь.

Поповъ (шепчетъ Захарову). Онѣ шутятъ.

Софья. Она такъ живетъ у насъ, хозяйствомъ занимается, шьетъ для насъ, одѣваетъ иногда... Право, подумайте-ка.

Зах. Ну, чтожь и прекрасно-бы-съ... ха, ха, ха!—А если Дарь... какъ по отчеству?

Софья. Степановна.

Зах. А если Дарья Степановна, я говорю, не пойдетъ за меня?

Софья. Ужъ это не ваше дѣло.

Юлія. Да. Ужь вы не безпокойтесь. Она всегда такъ рада бываетъ, когда вы приходите.

Софья. Просто, она влюблена въ васъ.

Юлія. Третьягодня слышали, какъ она про васъ во снѣ бредила.

Зах. Ужъ это, кажется, вы сочинять изволите.

Софья. Что тутъ сочинять! Маменькина горничная слышала. Она, говоритъ, не могла понять хорошо, только слышала: Иванъ Ильичъ, Иванъ Ильичъ, подождите меня.

Мужчинъ въ «Шуткѣ» трое — Поповъ, Захаровъ и Кунстъ. Ихъ личности гораздо-опредѣленнѣе, чѣмъ личности дѣвицъ это естественно: они мужчины. Поповъ и Захаровъ, мелкіе чиновники безъ образованія, разбогатѣвшіе случайно. Между ними—большое различіе въ характерахъ. Поповъ характеризуется уже тѣмъ, что, получивъ большое наслѣдство отъ отца-откупщика, онъ разсудилъ ни за что не оставаться въ прежнемъ кругу и разсчитываетъ — посредствомъ брака съ Юліей пробраться въ высшее общество. Quasi - аристократизмъ Мордовскихъ приводитъ его въ восторгъ и удивленіе. «Какъ она походитъ сегодня на графиню!» восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, смотря вслѣдъ своей невѣстѣ. Однимъ-словомъ, этотъ человѣкъ высокаго мнѣнія о себѣ и не хочетъ оставаться *въ грязи*. Дядя его, Захаровъ, напротивъ, такъ чѣмъ-то запуганъ, такъ преувеличиваетъ въ собственныхъ глазахъ свое ничтожество, что боится даже посвататься на воспитанницѣ Мордовскихъ—Дашѣ, боится, чтобъ предложеніе его не было встрѣчено смѣхомъ — и совершенно счастливъ наконецъ мыслью, что ему не отказали. Но намъ особенно нравится Александръ Карловичъ Кунстъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ никто изъ знакомыхъ не въ состояніи сказать ничего опредѣленнаго ни въ какомъ отношеніи: такъ они ничтожны и по личности своей и по положенію въ обществѣ. Они ни умны, ни глупы, ни подлы, ни честны, не нищіе, но и не богаты. Однакожь, въ общей гармоніи человѣческихъ дѣлъ, они имѣютъ свое значеніе. Почему? Потому-что, въ каждомъ кругу знакомыхъ, для всякихъ сдѣлокъ между членами его или семействами необходимо нѣсколько безличныхъ фигуръ, которыми всякій могъ бы помыкать, употребляя ихъ какъ неразумное орудіе разумныхъ сношеній. По безжизненности собственной своей натурки, они рады примкнуть къ какой ни попало группѣ, готовы играть какую ни случится роль, лишь бы сознавать, что вотъ-молъ наконецъ и мы на что-нибудь пригодились. Ими распоряжаются всѣ знакомые, никогда не предполагая встрѣтить въ нихъ самихъ какое-нибудь противодѣйствіе и въ-самомъ-дѣлѣ никогда не встрѣчая его. У барышень, живущихъ довольно-независимо отъ маменекъ, всегда найдется два-три человѣка такого рода: ихъ вовсе не считаютъ женихами, да и сами они не имѣютъ на то претензіи, и *любезностью* они не отличаются,—однимъ-словомъ, по-видимому, въ нихъ нѣтъ никакого толка для дѣвицъ. Однакожь, въ сущности, они имъ нужны, необходимы. Вникните только, какъ необходимъ

Кунстъ для дѣвицъ Мордовскихъ. Вотъ, на-примѣръ, Мордовскія сговорились съ Тюленевыми ѣхать въ Парголово; предположено взять съ собой Попова, Захарова и Кунста. Поповъ взятъ какъ женихъ; Захаровъ какъ ближайшій родственникъ жениха, да притомъ же Иванъ Иванычъ ни разу не былъ въ Парголовѣ. Ну, а Кунста-то зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ.—Тюленевы передумали ѣхать въ Парголово и зовутъ Мордовскихъ къ себѣ обѣдать: «гости будутъ». Софьѣ и Юліи хочется ѣхать на обѣдъ къ Тюленевымъ, но не хочется брать съ собою ни Попова, ни Захарова, ужь потому только, что «тамъ все по-французски». Что жь дѣлать? Надо отправить ихъ въ Парголово. Но, можетъ-быть, вдвоемъ имъ скучно покажется тащиться за десять верстъ? Приходитъ Кунстъ. Юлія говоритъ ему: «мы въ Парголово не поѣдемъ».—Отъчего?—«Тюленевы отказались. Обѣдать зовутъ къ себѣ. У нихъ гости сегодня». — Ахъ, досада какая! Я бы распорядился не такъ». «*Вы поѣзжайте себѣ. Николай Петровичъ поѣдетъ, Захаровъ поѣдетъ*». — Я пожалуй. (Стр. 12). А когда является Поповъ, Юлія и ему говоритъ: «ну, вотъ и поѣзжайте en trois: *Александръ Карлычъ съ вами*». (Стр. 16). Наконецъ, когда и Захаровъ пріѣхалъ, и его подчуютъ тѣмъ же: «Вы поѣзжайте, однако, коли хотите. Николай Петровичъ хочетъ, *Александръ Карлычъ съ вами*». (Стр. 20). (Авторъ остерегся сказать: «Александръ Карлычъ *хочетъ*», и очень-хорошо сдѣлалъ). Такимъ-образомъ, поѣздка дяди и племянника устроена, благодаря пріятной безличности Кунста. Вотъ онъ и пригодился. Но бываютъ случаи поважнѣе этого. Увѣрившись, что Захаровъ не шутя собирается жениться на Дашѣ, Мордовскія, какъ мы сказали выше, приходятъ въ отчаяніе и рѣшаются разстроить свадьбу. Кунстъ опять на сцену. Юлія говоритъ ему: «скажите (Попову), что у насъ родня все хорошихъ фамилій, такъ что объ немъ подумаютъ, коли дядя его женится вдругъ на Дашѣ. Вѣдь всѣ ее считаютъ за камер-юнгферу нашу» —«*Хорошо-съ, я скажу*».—И не надобно откладывать».—«Хорошо-съ».—«Куда же вы?»—«Мнѣ надобно сходить!..»—«Куда еще ходить! Онъ сейчасъ прійдетъ сюда». — «Да я мигомъ». (Стр. 44). Кунстъ исполнилъ порученіе съ особеннымъ удовольствіемъ; но извѣстно уже, что успѣхъ его негоціацій былъ очень-невыгоденъ для Юлія. Не зная ничего, онъ является къ Мордовскимъ очень-довольный своей рѣчью.

К. Не женится? Видите-ли, какъ я обработалъ дѣло?

М. Что такое? какое дѣло? (Юлія и Софья дѣлаютъ знаки Кунсту. Онъ не понимаетъ.)

К. Какъ же, вѣдь я урезонилъ Николая Петровича, чтобъ онъ посовѣтовалъ дядѣ не жениться.

М. Какимъ же образомъ?

К. Ну, я ему говорилъ, что ее принимать не будутъ.

М. Вотъ оно что!—Да съ чего вы взяли? Кто вамъ позволялъ это?

К. Юлія Александровна говорила.

Ю. (дѣлая ему знаки). Что такое я говорила?

М. Что ты ему говорила?

Ю. Не знаю съ чего онъ взялъ.

М. Съ чего вы взяли это? Вы суетесь не въ свое дѣло, сударь. Какое право...

К. Я не зналъ... Я полагалъ... (Стр. 56).

Въ это время входитъ лакей, и Кунстъ потихоньку уходитъ.

Даша также отличается обыкновенными чертами воспитанницы. Ни тѣни преувеличенія ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Всего слабѣе въ цѣломъ очеркѣ конецъ; потому-что тутъ нужна была патетическая сцена отчаянія г-жи Мордовской и Юліи, а г. Меншиковъ, какъ мы уже говорили, вовсе не владѣетъ паѳосомъ.

259) Царская Трость *или деревянный ходатай. Комедія-анекдотъ въ двухъ отдѣленіяхъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.*

Авторъ этой плохой комедіи состряпалъ ее изъ анекдота, разсказаннаго Голиковымъ. Какъ простодушенъ и милъ этотъ анекдотъ въ разсказѣ Голикова, такъ онъ натянутъ и скученъ въ комедіи неизвѣстнаго автора. Если эта комедія первый трудъ его, то мы не посовѣтовали бы ему испытывать силъ своихъ на драматическомъ поприщѣ. Автору вовсе незнакомы условія сцены; языкъ его, разговоръ вялъ и крайне простоватъ. О характерахъ дѣйствующихъ лицъ не спрашивайте: всѣ они похожи другъ на друга, или, лучше сказать, ни на что не похожи. И на театрѣ пьеса эта не имѣла никакого успѣха. Не смотря на трость великаго человѣка, опираясь на которую авторъ вышелъ на сцену, произведеніе его споткнулось на первомъ шагу.

Если автору удалось прочесть хоть одинъ изъ разсказовъ, почерпнутыхъ изъ Голикова г. Кукольникомъ, онъ, конечно, могъ замѣтить, какъ осторожно и какъ простодушно передалъ г. Кукольникъ поэтическія подробности, характеризующія людей того времени. Жаль, что авторъ «Царской Трости» не перенялъ у г. Кукольника манеры говорить такъ наивно. Комедія его навѣрно много бы отъ того выиграла. По-крайней-мѣрѣ, ее продолжали бы играть.

260) Женатые Повѣсы *или Дядюшка ищетъ, а племянничекъ рыщетъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго* А. Н. Андреева. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.*

Одинъ изъ тѣхъ водевилей, которые на французской сценѣ не имѣютъ успѣха, а на русской совершенно падаютъ. Сюжетъ такъ пустъ, что не стоитъ его разсказывать. Водевиль оканчивается, какъ всѣ водевили, куплетомъ слѣдующаго содержанія:

..... Женатые повѣсы
Просятъ васъ своей семьей,
Чтобъ вы ихъ въ концѣ пьесы
Не пугнули тишиной (стр. 29).

Зрители согласились — *не пугнули* женатыхъ повѣсъ *тишиной*, но за то подарили ихъ совершенно-равнодушнымъ аплодиссманомъ.

261) Толстякъ и Тощій, *шуточная сцена*, Ѳ. А. Кони. *Санктпетербургъ. 1847. Въ 16-ю д. л. 20 стр.*

Эта сцена написана для г. Мартынова и комика здѣшней нѣмецкой труппы, г. Мора. Когда аффиши возвѣстили о томъ, что гг. Мартыновъ и Моръ будутъ играть на одной сценѣ, посѣтители Александрынскаго-Театра обѣщали себѣ очень-много удовольствія, потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, изъ этой идеи можно было бы сдѣлать что-нибудь очень-забавное. Стоило бы только дать этимъ талантливымъ артистамъ какую-нибудь остроумную шутку, заимствованную изъ петербургской жизни, представляющей много комизма и большую пищу актёрамъ смѣшенностію своего населенія. Но, вмѣсто того, г. Кони сочинилъ въ стихахъ споръ о преимуществахъ толстоты или худобы...

Тощій превозноситъ достоинства худобы, — впрочемъ, доказывая свои положенія признаками, несоставляющими исключительныхъ принадлежностей худаго:

А все таки, сознайся въ томъ,
Худой почтеннѣй чѣмъ дородный:
Онъ дѣйствуетъ своимъ умомъ,
Идетъ дорогой благородной;
Худой не давитъ никого,
Онъ точно тѣнь вездѣ протрется....
«Вотъ тонокъ!» скажутъ про него....

Толстякъ.

Да вѣдь гдѣ тонко тамъ и рвется.

Тощій.

. . . .
Хоть лѣтомъ напримѣръ: худой
Какъ быкъ не прѣетъ то и дѣло—

Толстякъ.

За то не дрогнемъ мы зимой:
Намъ шуба—собственное тѣло.
Хоть я, возьми: кто поглядитъ,
Меня смѣшаетъ тотчасъ съ знатью;

Я подлинно вельможный видъ
Имѣю съ этой благодатью.
Довѣренность внушаетъ къ намъ
Прибавочка въ четыре пуда;
Насъ отличаютъ взоры дамъ,
Что жь любятъ женщины — не худо.
Вѣдь брюхо, сударь мой, хлѣбъ-соль,
Его я съ графствомъ *не смѣняю*;
Что жь до ѣды — такъ ужь позволь —
За четверыхъ я уплетаю!

Тощій.

Съ чѣмъ васъ усердно поздравляю!
Нашъ братъ всегда ѣдокъ плохой:
Живетъ онъ умственною пищей —
И бережетъ желудокъ свой;
Онъ духомъ — царь, хоть тѣломъ — нищій.
Вы обращаетесь во тьмѣ,
Онъ гонитъ мракъ и предразсудокъ;
Что онъ состряпаетъ въ умѣ —
Не переваритъ вашъ желудокъ.
За то, кто взглянетъ, говоритъ:
«*Вотъ въ этомъ, чай, ума палата;
Надъ дѣломъ вѣрно все корпитъ,
И не выходитъ изъ халата*».
Вотъ, мой любезный, эту честь
Пріятно заслужить въ народѣ.
А вамъ бы только пить да ѣсть,
. . . .

и т. д., все въ этомъ родѣ. Впрочемъ, и въ этой пьесѣ есть глубоко-нравственная мысль, которую выражаетъ Толстякъ такимъ образомъ:

Хорошъ и *толстый* и *худой*,
Когда они другимъ полезны.
Нужна намъ ближняго рука,
Чтобъ жить и цѣло и здорово:
Худой поддержитъ толстяка,
А толстый защититъ худаго!

По прочтеніи этихъ стиховъ можетъ успокоиться все тощее, блѣдное, чахоточное населеніе Петербурга; въ этихъ стихахъ выражено его историческое значеніе — поддерживать толстяковъ. Не смотрите же съ завистью, о тощіе автохтоны сѣверной Пальмиры, на дородныхъ пріѣзжихъ изъ внутреннихъ губерній! Знайте, что вы необходимы для поддержки ихъ, какъ жерди, подпирающія садовое дерево, обремененное сочными плодами! Безъ этой поддержки дерево обломится отъ собственнаго бремени. Равно и вы, цвѣтущіе здоровьемъ и одаренные румяными щеками и полнымъ брюшкомъ, не презирайте испитыхъ и тощихъ, и, въ случаѣ нужды, поступайте въ силу морали, заключающейся въ предлежащей пьесѣ — окажите защиту тѣмъ, которымъ природа отказала въ дородности и которыхъ не украсила полновѣснымъ брюшкомъ!

262) Полюбовный Дѣлежъ *или Комната съ двумя кроватями, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго* А. Н. Андреева. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 16 стр.*

Г. Пишо остановился въ гостинницѣ, въ одной комнатѣ съ г. Мишо, который пріѣхалъ прежде его и успѣлъ уже заснуть богатырскимъ сномъ. Первопріѣзжій храпитъ такъ невыносимо, что г. Пишо рѣшается его разбудить и усовѣстить. Мало-по малу онъ узнаётъ въ храпунѣ перваго мужа своей жены, толстой, злой, богатой и старой Вероники. Объ этомъ первомъ мужѣ давно уже распространенъ былъ слухъ, будто-бы онъ утонулъ въ Сенѣ. Горемычная вдова его добыла себѣ новаго мужа — г. Пишо, котораго выкупила отъ рекрутской очереди, съ условіемъ идти въ мужья. Потопленіе г. Пишо было собственной его выдумкой, пущенной въ ходъ единственно для того, чтобъ отдѣлаться отъ сварливой старухи. Теперь г. Мишо хочетъ представить его Вероникѣ и требовать развода. Вдругъ къ гостинницѣ подъѣзжаетъ дилижансъ, и кондукторъ вручаетъ г. Мишо отъ нотаріуса жены его письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что Вероника скончалась и объявила своего мужа наслѣдникомъ всего своего имѣнія, всего своего дохода. Теперь каждый изъ мужей покойницы хочетъ вступить въ права, отъ которыхъ за минуту передъ тѣмъ они отказывались какъ отъ мучительнаго бремени.

Вся эта пьеска — фарсъ, переведенный съ французскаго (Une chambre à deux lits) и имѣвшій большой успѣхъ и на нашей сценѣ; его поддержала игра гг. Мартынова и Живокини.

19) Mémoires *de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg* (Записки *Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества). Съ семью чертежами литографированными или вырѣзанными на мѣди. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л.*

20) Classement *de (des?) médailles géorgiennes au type sassanide du point de vue de l'art, par* Mr. de Bartholomaei. *S... Membre de la Société*). (Распредѣленіе *грузинскихъ монетъ сассанидскаго типа, съ точки зрѣнія искусства,* г. Бартоломея. *С..., членомъ общества).*

Первая изъ этихъ книгъ составляетъ результатъ изслѣдованій и разъисканій, совершенныхъ въ первый годъ существованія Санктпетербургскаго Археологическо - Нумизматическаго Общества. Она состоитъ изъ шести статей

Первая статья — *Большія серебряные сосуды Императорскаго Эрмитажа*, г. Кене. Авторъ описываетъ двѣ серебряныя вазы, находящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

1-я) *Кадосъ*, найденный въ Молдавіи на берегахъ Прута и богато украшенный разными изображеніями: Юпитеръ и Леда, Аполлонъ и Дафна, нимфы и Гиласъ. Г. Кене объясняетъ значеніе каждаго изъ этихъ миѳовъ. Онъ доказываетъ, что Леда никогда не была богиней и что ее невозможно смѣшивать съ Немезидой, представлявшей, по Гезіоду, какой-то дуализмъ. При этомъ онъ говоритъ и о другихъ произведеніяхъ искусства, украшенныхъ подобными же группами. Касательно эпохи этого Кадоса, г. Кене не согласенъ съ мнѣніемъ покойнаго Келера, относившаго его къ періоду греческаго искусства, и доказываетъ очевидно, что эта ваза можетъ принадлежать только къ послѣднему періоду римскаго искусства, потому-что прическа Леды совершенно схожа съ прической Луциллы, супруги Луція-Вера, какъ изображена она на монетахъ и бюстахъ. 2-я ваза съ центаврами, найденная также на берегахъ Прута. Она раздѣлена на 3 части:

1-я (средняя) представляетъ эпизодъ изъ сраженія Амазонокъ съ Греками и раздѣляется на 4 группы,

2-я верхняя—нѣсколько охотниковъ съ собаками (двѣ группы), и

3-я (нижняя) нереиды, сидящія на морскихъ чудовищахъ.

Г. Кене занялся особенно при описаніи этой вазы, Амазонками и, между прочимъ, доказалъ, что онѣ никогда не были жрицами Луны. Жилище ихъ на берегахъ Понта Эвксинскаго и Кавказа, гдѣ и понынѣ сохранились слѣды ихъ одѣянія. Слово Амазонки—скиѳское (*). Келеръ ошибался также и на-счетъ этой вазы, приписывая ее греческому искусству. Она принадлежитъ времени Александра - Севера. Какъ та, такъ и другая вазы занесены въ Молдавію варварами, грабившими Римъ.

Вторая статья принадлежитъ также г-ну Кене. Это «Письмо къ тайному совѣтнику Тёлкену, профессору археологіи при Берлинскомъ Университетѣ, о нѣсколькихъ гравированныхъ камняхъ, которыми обогатился Императорскій Эрмитажъ». Въ немъ г. Кене описываетъ 33 этрурскія скарабеи, поднесенныя Его Императорскому Величеству титулярнымъ совѣтникомъ Мастрасомъ. Между ними замѣчательны нѣкоторыя, носящія на себѣ изображенія египетскихъ миѳовъ и указывающія самымъ яснымъ образомъ на

(*) Геродотъ говоритъ, что Скиѳы называли Амазонокъ Аіорпата, отъ *аіоръ* — человѣкъ и *пата*—убивать. Кн. IV, С. X.

древнія торговыя сношенія Этруріи съ Египтомъ.

Третья статья г. Муральда: «Строгановскій Саркофагъ». Этотъ саркофагъ былъ выдаваемъ за могилу Гомера; онъ изображаетъ Ахиллеса и дочерей Ликомеда. Г. Муральдъ доказываетъ, что этотъ памятникъ принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ римскаго зодчества, къ эпохѣ Антониновъ или Септимія-Севера. Затѣмъ авторъ разбираетъ всѣ памятники, носящіе на себѣ изображеніе Ахиллеса, и выводитъ изъ этого заключеніе, что древніе народы смотрѣли на этого героя, какъ на идеалъ патріархальнаго, еще неограниченнаго героизма. Г-нъ Муральдъ замѣчаетъ, что первобытная религія стремилась всегда къ обоготворенію человѣка, къ возвышенію его до идеала.

Четвертая статья—«Краткое описаніе золотой монеты ⅓ солида V» изъ собранія г. Рейхеля — французскаго короля Дагоберта.

За этимъ описаніемъ слѣдуетъ «Дополненіе къ Русской Нумизматикѣ средняго вѣка» (среднихъ вѣковъ?) Я. Я. Рейхеля, изданное уже прежде отдѣльной брошюркой, о которой мы говорили въ одной изъ предъидущихъ книжекъ «Отеч. Записокъ».

Шестая статья — г-на Жиля. Это описаніе татарскаго вооруженія, хранящагося въ Музеумѣ Его Императорскаго Величества въ Царскомъ Селѣ. Г-нъ Жиль жалуется, что большая часть ученыхъ называютъ безъ разбора татарскимъ или монгольскимъ воинственное племя, наводнившее Европу въ началѣ XIII столѣтія. «Подъ Татарами должно разумѣть» заключаетъ онъ: «въ особенности племена Туркестана, которыхъ Монголы влекли за собою и которыя составляли главную основу Золотой Орды, расположившей свой станъ на берегахъ Волги. Вооруженіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, — татарское». Рисунокъ его приложенъ къ «Запискамъ». Особенно замѣчателенъ стальной шишакъ, богато украшенный каменьями и золотыми насѣчками. Арабскія надписи—стерлись.

Этимъ заключается первая книжка «Записокъ Археологическо-Нумизматическаго Общества». Съ нетерпѣніемъ ждемъ второй, чтобъ лучше судить о полезной дѣятельности его.

Изданная г. С. брошюрка «Распредѣленіе грузинскихъ монетъ», есть изложеніе статьи г. Бартоломея, читанной въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Археологическо-Нумизматическаго Общества. Г. Бартоломей, не зная грузинскаго языка, разсматриваетъ монеты Грузіи сассанидскаго типа со стороны искусства и поправляетъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ г. Броссè, относившаго грузинскія медали сассанидскаго типа, заимствованнаго съ монетъ Гормиздаса IV, ко времени Вахтанга Гургаслана, позабывъ, что первый царствовалъ спустя 133 года послѣ послѣдняго.

«Заключая статью свою (говоритъ г. С.) г. Бартоломей замѣтилъ, что хотя изъисканія, основанныя единственно на элементахъ искусства и лишенныя помощи филологическихъ познаній, и могутъ привести развѣ только къ неполнымъ результатамъ, ... тѣмъ не менѣе должно сознаться, что самыя обширныя познанія въ филологіи и самыя добросовѣстныя историческія розысканія, прилагаемыя къ изученію древнихъ памятниковъ безъ руководства данными искусства, не могутъ спасти отъ самыхъ важныхъ ошибокъ»... (Стр. 15—16).

Съ этимъ нельзя не согласиться.

21) Fernklaenge. *Gedichte von* Ludwig Meyer-Schenofsky. *Zum Besten der Armen*. (Отдаленные Звуки. *Стихотворенія* Лудвига Мейера-Шеновскаго. *Въ пользу бѣдныхъ*). *Выборгъ*. *1847*. *Въ 16-ю д. л. 32 стр.*

Маленькая книжечка, состоящая изъ десяти стихотвореній, между которыми есть два посланія: къ Фишеру де-Вальдгеймъ, къ моимъ московскимъ друзьямъ; три элегіи: отецъ у постели больной дочери; страданія больнаго

при дверяхъ гроба; жалоба при захожденіи солнца, и проч.

22) Association Française de Bienfaisance *à St. Petersbourg, pendant l'année 1846. Съ эпиграфомъ:* «Donnez, riches! l'aumone est soeur de la prière. *V. Hugo*». *1847*.

Въ 1820 году, докторъ Мoненъ (Monin) сообщилъ тогдашнему французскому посланнику, графу Лаферронвé, мысль учредить въ Санктпетербургѣ общество для вспомоществованія бѣднымъ Французамъ. Всякій вносившій какую бы то ни было сумму въ-теченіе года, считался членомъ этого общества и имѣлъ право присутствовать на ежемѣсячныхъ собраніяхъ комитета, состоявшаго изъ 12 избиравшихся членовъ. Между прочими благодѣяніями, комитетъ первоначально давалъ неимущимъ денегъ взаймы; но въ-послѣдствіи (1823), это было уничтожено. Въ 1829 году, докторъ Моненъ и майоръ де-Тиранъ первые подали примѣръ вѣчныхъ рентъ, положивъ каждый по 500 рублей въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій. Изъ отчета за 1846 годъ видно, что число вкладчиковъ возрасло до 9-ти. Въ 1832 году, были учреждены *Дамы Милосердія* (Dames de la Charité). Число ихъ первоначально было шесть, а въ 1846 году оно возрасло до тринадцати. Въ 1836 году, общество просмотрѣло снова и напечатало уставъ свой. Изъ этого устава узнаемъ слѣдующее:

Французское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

1) Подавать помощь Французамъ, находящимся въ бѣдности отъ старости, отъ потери силъ, отъ болѣзни, или въ-слѣдствіе какого-нибудь переворота судьбы;

2) Отсылать во Францію, на счетъ Общества, тѣхъ, которые не могутъ найдти въ Россіи средства къ существованію;

3) Воспитывать и помѣщать въ заведенія сиротъ обоего пола;

4) Хоронить на свой счетъ бѣдныхъ французской колоніи;

5) Доставлять работу и мѣстá ремесленникамъ и рабочимъ;

6) и, кромѣ того, отъискивать занятія для особъ, неимѣющихъ въ Петербургѣ другой рекомендаціи, кромѣ собственнаго достоинства своего (p. 3 Assoc. fr. de Bienf. 1836).

Изъ этого можно заключить, что Общество имѣетъ самое обширное поприще дѣятельности.

Средства Общества составляютъ: 1) завѣщанія, вклады и ренты вѣчныя; 2) ежегодныя добровольныя пожертвованія Французовъ и приношенія, которыми оно обязано великодушію Русскихъ и иностранцевъ.

Къ этимъ источникамъ доходовъ присоединенъ былъ съ 1840 года маскарадъ съ томболой и аллегри, который доставляетъ, круглымъ числомъ, Обществу до 18,000 руб. асс. въ годъ. Въ 1820 году, членовъ Общества, вносящихъ ежегодно добровольныя пожертвованія, было 146; въ 1846 году, число это возрасло до 262.

Для раздачи благодѣяній, при Обществѣ учрежденъ *Комитетъ Вспомоществованія*, состоящій изъ президента и вице-президента и изъ 10 членовъ избираемыхъ и постоянныхъ.

Постоянные члены суть:

Священникъ французской колоніи; пасторъ реформатской церкви; гг. секретари посольства и гг. французскіе медики, живущіе въ Санктпетербургѣ (p. 6, Rapport 1839).

Такимъ образомъ, Общество мало-по-малу расширяло кругъ дѣйствій своихъ, такъ-что въ «Отчетѣ» 1844 г. баронъ Баккарá, секретарь комитета, объявилъ, что со времени основанія Общества оно роздало вспомоществованій 267,769 р. 34 к. асс.

Въ 1839 году, благотворительность Общества еще усилилась въ-слѣдствіе новой идеи г-жи баронессы де-Барантъ. Г-жа де-Барантъ возъимѣла мысль завести богадельню, въ которой слабые старики, лишенные возможности работать, могли бы спокойно окончить дни свои. Для этой цѣли нанятъ былъ на Васильевскомъ-Островѣ домъ, въ

которомъ нѣсколько стариковъ получали пристанище и пищу. Въ 1846 году, увеличившееся число пансіонеровъ принудило Общество нанять болѣе просторное помѣщеніе (*).

Приходъ Общества въ 1846 году, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1845-го года, составлялъ 10,813 р. 14 к. сер. Израсходовано въ-теченіе 1846 года 8,691 р. 33 коп. Остатокъ къ 1-му января 1847 года — 2,121 р. 81 к. сер.

Нельзя не пожелать полнаго успѣха этому прекрасному благотворительному учрежденію.

23) Eléмens de la grammaire Française, *par* Lhomond, *professeur émerite en l'université de Paris. Augmentés de la syntaxe de* Letellier. Краткая Французская Грамматика, *сочиненная* Ломондомъ, *заслуженнымъ профессоромъ Парижскаго Университета Съ присовокупленіемъ правилъ* Синтаксиса Летельѐ. *Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 1847. Въ 12-ю д. л. 210 стр.*

Вѣроятно, издатели почли самымъ приличнымъ не упоминать въ заглавіи этой книги: которымъ изданіемъ напечатана она теперь? Знаемъ, что еще отцы и чуть-ли не дѣды наши учились по грамматикѣ Ломона (или, какъ называютъ его издатели, *Ломонда*), что Летельѐ кой-что исправилъ въ его грамматикѣ, и она опять издавалась сотни разъ во всѣхъ странахъ Европы; наконецъ, новыя требованія, новыя понятія о грамматикѣ заставили во Франціи давно оставить грамматику Ломона и Летельѐ и замѣнить ее другими, больше-удовлетворительными учебниками, каковы, на-примѣръ, грамматики Лефрана, Бешереллей, Ланде и проч. Но старикъ Ломонъ все еще ходитъ по свѣту, какъ новый Велисарій, съ помощью своего пособника Летельѐ! Не споримъ даже и въ томъ, что по грамматикѣ Ломона можно изучать правила французскаго языка, какъ по ариѳметикѣ Аничкова можно учиться многимъ правиламъ ариѳметики. Но въ старыхъ учебникахъ обыкновенно бываетъ много лишняго, даже ошибочнаго, много затруднительнаго, въ-послѣдствіи упрощеннаго и объясненнаго, и только есть *одна* въ мірѣ грамматика, которую печатаютъ *стереотипомъ*, точно какъ мухаммедовъ Коранъ, гдѣ нельзя осмѣлиться перемѣнить ни одной буквы. Языкъ живой, языкъ народа образованнаго измѣняется и совершенствуется вмѣстѣ съ успѣхами общества, слѣдовательно и грамматика его должна измѣняться и совершенствоваться. Не понимаемъ, кто и какъ учится по стереотипнымъ, отсталымъ грамматикамъ; но, видно, онѣ требуются, когда ихъ безпрестанно печатаютъ вновь.

(*) На Васильевскомъ-Острову, по 11-й линіи, между Среднимъ и Малымъ Проспектами, домъ *Пименова*.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Англійская критика и книга Диккенса «Картины изъ Италіи». — Путешествія. — Очерки исторіи христіанскаго искусства, соч. Лорда Линдсея.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы остановились на англійскихъ романахъ и на томъ: каковы должны быть прочія произведенія англійской бельлетристики, когда уже столько совсѣмъ *особенныхъ* качествъ въ лучшемъ и блистательнѣйшемъ произведеніи нынѣшняго сезона? И наконецъ, при подобномъ состояніи бельлетристики, какое направленіе получаетъ англійскій характеръ въ сочиненіяхъ, близко граничащихъ съ литературою? Съ этимъ намѣреніемъ мы собирались говорить объ одной книгѣ ученаго содержанія, трактующей объ искусствахъ, и еще о нѣсколькихъ путешествіяхъ, которыя составляютъ среднее между бельлетристическими и учеными сочиненіями. Но теперь мы нѣсколько отступимъ отъ преднамѣреннаго порядка, и представимъ напередъ читателямъ нашимъ любопытный фактъ, очень-хорошо характеризующій нынѣшнее состояніе англійской литературы.

Вѣроятно, во всѣхъ концахъ Европы прочитали, въ подлинникѣ или въ переводахъ, маленькую книжечку, называющуюся: *Картины изъ Италіи*, *соч. Диккенса*, переводъ которой Отечественныя Записки сообщили уже своимъ читателямъ (*). Казалось и не-

(*) 1846. Т. XLIX, 1847. Т. L и LI.

возможно, чтобъ эта книга могла гдѣ-нибудь не понравиться, заслужить неблагосклонный пріемъ, и, дѣйствительно, мнѣнія о ней не раздѣлялись: всѣ говорили о ея прекрасныхъ достоинствахъ; однакожь, одинъ изъ англійскихъ журналовъ, исключительно посвященный критикѣ, не только объявилъ этой книгѣ критическую войну, но и жестоко преслѣдуетъ ее именемъ всей публики. Диккенсъ, говоритъ онъ, своимъ неблагонамѣреннымъ сочиненіемъ распространяетъ рѣшительно какое-то досадное, непріязненно понятіе объ Италіи. Онъ съ намѣреніемъ не хочетъ замѣчать ничего хорошаго, видитъ только одно смѣшное, или то, что для Италіи неблагопріятно; Диккенсу нужно было бы приниматься за свои описанія съ совершенно-другимъ расположеніемъ духа, или, ужь если онъ не можетъ запретить себѣ всегдашней привычки схватывать самыя угловатыя и смѣшныя черты характеровъ и обычаевъ, то лучше бы ему вовсе не писать про Италію. Книга эта мало прибавила къ извѣстности автора Пиквикскаго Клуба и мало прибавляетъ къ познаніямъ читателя; между-тѣмъ, она произвела въ Италіи самое непріятное впечатлѣніе. Авторъ могъ бы найдти что-нибудь достойнѣе своего описательнаго пера, чѣмъ тѣ черты, на которыхъ онъ всегда останавливается, и это въ странѣ, которая одарена больше всѣхъ другихъ природой и искусствомъ и гдѣ каждый шагъ земли освященъ какимъ-нибудь классическимъ преданіемъ. Каррикатуры можно найдти вездѣ, во всякомъ обществѣ, во всякой странѣ, и это можетъ каждый, кто только пріймется искать; но ужь, конечно, каждый человѣкъ долженъ входить въ церковь съ инымъ чувствомъ, чѣмъ въ театръ, ходить по домашнимъ лугамъ и лѣсамъ съ другимъ чувствомъ, чѣмъ съ какимъ ступать по прелестной классической итальянской землѣ. Кто, воротясь изъ Англіи, не помыслитъ о ея коммерческомъ величіи, чудесахъ ея механическаго генія, высокомъ обработаніи ея почвы больше, чѣмъ о ея кабакахъ и джинныхъ лавочкахъ, о ея шарманщикахъ и уличной сволочи? Словомъ сказать, Диккенсъ, по выраженію англійскаго критика, точно такъ же здѣсь не на своемъ мѣстѣ, «какъ рыба на верхушкѣ страсбургской колокольни». (!)

Кто читалъ книгу Диккенса, конечно, не прійдетъ въ себя отъ такихъ обвиненій, и подумаетъ, что у Диккенса есть два разныя сочиненія, съ названіемъ «Картины изъ Италіи». Книга Диккенса въ высшей степени разнообразна: ея главное достоинство, что она не есть плодъ и выраженіе какого-нибудь одного и того же настроенія духа, которое представляетъ всѣ вещи подъ однимъ и тѣмъ же, точно будто насильно-принятымъ угломъ зрѣнія, или облекаетъ ихъ все одною и тою же какою-нибудь исключительною краскою; напротивъ, она не пропускаетъ ничего, что только представлялось Диккенсу на его пути, и такъ-какъ у автора не было никакой напередъ-принятой по какому-нибудь предубѣжденію или ограниченности мысли, съ которою бы онъ потомъ соединялъ что̀ видѣлъ, то онъ живо и просто разсказываетъ рѣшительно *все*, что̀ ему представлялось и ка́къ представлялось. Онъ не думаетъ остановиться будто-бы на томъ, что̀ въ Италіи могло бы соотвѣтствовать англійскимъ кабакамъ, джиннымъ лавочкамъ, шарманщикамъ и уличной сволочи; прямо на оборотъ подобному обвиненію, онъ изображаетъ декораціями своихъ картинъ все, что только можно встрѣтить въ Италіи. Разбиравшій книгу Диккенса сообщаетъ замѣчанія подъ видомъ письма изъ Неаполя, и притомъ еще ссылается всего больше на одинъ итальянскій журналъ, который въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ нападаетъ на Диккенса за непріятное впечатлѣніе, которое книга его произвела вездѣ въ Италіи. Пускай бы Итальянцамъ было

неприятно, что на свѣтъ Божій выносятъ всѣ многообразныя стороны ихъ нынѣшней жизни: съ незапамятныхъ временъ въ Италіи привыкли видѣть какое-то обожаніе всего существующаго въ Италіи, получившаго титло классическаго и неподражаемаго, и, однакожь, за все это классическое прячется современная ихъ жизнь, которая расходится самымъ горькимъ образомъ съ воспоминаніями, навѣваемыми классическими остатками. Итальянцы точно старая кокетка, привыкшая Богъ-знаетъ ужь сколько лѣтъ къ толпѣ обожателей, и которая хочетъ поклоненія и рыцарской любви даже тогда, когда у ней лицо пожелтѣло и сморщилось, а волосъ и зубовъ давно нѣтъ; они ни за что на свѣтѣ не могутъ сойдтись съ мыслью, чтобъ могло быть что-нибудь не-красотой въ ихъ чудной Италіи, чтобъ гдѣ-нибудь у нихъ слышался неприятный, фальшивый тонъ; они воображаютъ, что кромѣ классическаго и самаго безподобнаго въ Италіи ничего другаго и увидать нельзя. И вдругъ какой-то чудакъ, изъ того самаго народа, который, бывало, всѣхъ больше наслаждался Италіею, осмѣливается находить не великими многіе предметы, испоконь вѣка всѣми признававшіеся за великіе, такъ-что они даже вошли въ пословицы. Вдругъ Англичанинъ,—о ужасъ, Англичанинъ! а именно Англичане были прежде самые смирные и правовѣрные туристы—осмѣливается не вѣровать въ изящество церкви св. Петра, ясно и доказательно толкуетъ, что прежде бывало и другіе думывали, да только не смѣли сказать, что эта церковь гораздо-ниже своей репутаціи, и что есть другія зданія въ Европѣ, которыя должны стать на первыя мѣста; потомъ этотъ же самый дерзкій Англичанинъ осмѣливается не вѣрить въ великость нѣкоторыхъ фресковъ и картинъ Рафаэля. Вотъ злодѣй! Пусть кто хочетъ подсмѣивается точно такъ, какъ Диккенсъ, надъ всякими вѣчными бродягами, лѣностью и пр.; это все бы еще ничего; а то тронуть Рафаэля и итальянскихъ воровъ — вотъ чего нельзя прощать, а нельзя прощать потому-что это раны общественныя, такъ-сказать, раны отечества. Вслѣдствіе такихъ общественныхъ ранъ, *Giornale delle due Sicilie* бьетъ въ набатъ про грабежъ, воровство, злодѣйство, доноситъ на клеветника; словомъ, все это еще довольно-понятно.

Но отъ-чего же вдругъ въ Англіи объявляются на Диккенса точно такія же претензіи? Этого ужь, конечно, нельзя разобрать. Мало того, что журналы не довольны книгой: публика тоже не полюбила ея, а между-тѣмъ, она стóила лучшей участи, особенно, если сравнить ее съ тѣми сочиненіями, которыя пользуются сильнымъ расположеніемъ общества. Разумѣется, «Картины изъ Италіи» далеко не то, что геніальный очеркъ Рима, Гоголя,—какая же разница между Гоголемъ и Диккенсомъ!—но за то это лучшее изъ числа *не ученыхъ* путешествій по Италіи, т. е. изъ числа не тѣхъ спеціальныхъ сочиненій, которыя для путешествія имѣли особую цѣль изслѣдованія, изъ области естествознанія, статистики, политической экономіи и т. д., но тѣхъ, которыя состоятъ въ простомъ изложеніи всего видѣннаго и ощущеннаго. Теперь сдѣлалось общимъ мѣстомъ говорить, что Европа до такой степени со всѣхъ сторонъ изъѣзжена и переописана путешественниками, что нѣтъ никакой возможности сказать что-нибудь новое о которомъ-либо изъ посѣщаемыхъ уголковъ. Съ этимъ никакъ не согласишься, — если только посмотришь на путешествіе хоть сколько-нибудь самобытнаго человѣка, неподходящаго подъ общій уровень незначительности. Еслибъ даже было гораздо-меньше богатства всего существующаго, все-таки на нескончаемыя времена оставались бы неистощимыя средства для новыхъ ощущеній и новыхъ картинъ. Послѣ безчисленныхъ томовъ всякихъ описаній, Гоголь первый из-

образилъ живою и дышащею картиною обликъ и жизнь Рима и нарисовалъ портретъ такой, въ которомъ, какъ во всякомъ чудесномъ художественномъ произведеніи, заговорили всѣ жилки представляемой физіономіи; и не смотря на это, удивительный гоголевъ портретъ столько характерной и, слѣдовательно, казалось бы, разомъ исчерпнутой римской жизни, оставляетъ мѣсто безчисленнымъ *превосходнымъ* и еще гораздо-безчисленнѣйшимъ *хорошимъ* портретамъ съ Рима и его жизни. Вся тайна остается въ неисчерпаемости духа человѣческаго, который никакъ всѣми сторонами своими не выговаривается въ одномъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицахъ: у него неисчислимое множество граней, *станцій*, на которыя онъ раздѣлился въ настоящемъ и нескончаемомъ будущемъ.

Не только интересной, но и чрезвычайно нужной книги можно ожидать отъ всякаго сколько-нибудь не ничтожнаго человѣка, когда онъ, не забирая себѣ напередъ въ голову, какъ ему смотрѣть на страну, какъ на классическую или не-классическую, что̀ должно порадовать и восхитить его въ этой странѣ, что нѣтъ, а рѣшившись прямо высказывать свои впечатлѣнія, говоритъ безъ дальнѣйшихъ претензій, какой картиной ему являлась страна, и природа, и люди. По особенностямъ своего характера и способностей, каждый выскажетъ тогда особливую черту описываемаго предмета. Путешествія, наравнѣ съ хрониками, самые близкіе матеріалы исторіи, а есть ли нынче что-нибудь важнѣе и интереснѣе исторіи, когда къ ней все обратилось и стремится? Чтеніемъ путешествій въ насъ создается исторія — кто въ этомъ сомнѣвался, читая чудесные листки изъ исторіи Франціи XVIII-го столѣтія, называющіеся *письмами изъ путешествія*, фон-Визина? Конечно, у фон-Визина видна своего рода ограниченность въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которая была, можетъ-быть, не больше, какъ неразвитость понятій того времени: такъ, напримѣръ, онъ считаетъ, что поэзія (которую онъ еще зоветъ и понимаетъ стихотворствомъ), да и вообще искусства никакъ не могутъ быть сравниваемы съ чѣмъ-нибудь *положительнымъ*, какъ, напр., съ математикою; математику онъ считаетъ настоящимъ дѣломъ, а всякія искусства украшеніемъ, цвѣточками, и потому для нихъ довольно «вниманія поверхностнаго,» нѣтъ нужды «проникать въ подробности», быть глубокимъ, и вотъ почему тамъ считаютъ «одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется, дурныхъ и хорошихъ». Видя всегда множество народа на улицахъ и въ театрахъ, фон-Визинъ заключаетъ, что онъ «въ безпрерывной праздности» и удивляется, когда что̀ успѣваютъ тамъ дѣлать. Вмѣстѣ съ этимъ, фон-Визину кажется чѣмъ-то предосудительнымъ и доказательствомъ лѣности, что «подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки». Онъ съ презрѣніемъ говоритъ, что это для того, «чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить». И такъ, фон-Визину были закрыты и непонятны многія самыя существенныя, прекрасныя направленія французскаго народа, тѣмъ больше, что онъ постоянно обладается наклонностью морализировать; но при всемъ томъ путешествіе его будетъ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для будущаго историка XVIII-го столѣтія. На тогдашнихъ людей Франціи, на событія изъ вседневной жизни (пусть они мелкія, но тѣмъ не менѣе самыя характеристичныя) посмотрѣно самымъ свѣтлымъ, здоровымъ, зоркимъ взглядомъ, такимъ взглядомъ, который ни на минуту не дастъ усомниться, что то, что̀ говоритъ авторъ, сама правда, схваченная сильною, неошибающеюся рукою мастера.

«Картины» Диккенса, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ, принадлежатъ къ этой же манерѣ видѣть и писать. У Диккенса

нѣтъ на сценѣ какихъ-нибудь замѣчательныхъ лицъ нынѣшней Италіи, за тѣмъ, что нѣтъ такихъ нынче въ Италіи важныхъ людей, какими въ то время были для всѣхъ неприкосновенные Вольтеръ, Дидрò и проч.; да онъ и не важный придворный человѣкъ, какъ фон-Визинъ, къ которому на поклонъ мало ли кто пріѣзжалъ — за то у него на каждомъ шагу прелестныя картины *природы*, для которыхъ у фон-Визина не доставало ни способности, ни времени. Во всемъ прочемъ фон-Визинъ и Диккенсъ похожи въ своихъ путешествіяхъ, хотя между ними существуетъ вся разница времени, образованія и, наконецъ, разница тогдашней Франціи и нынѣшней Италіи: общаго у нихъ оригинальность видѣть *все*, конечно состоящая въ *здравости* зрѣнія, чтò тотчасъ же ведетъ къ необходимости видѣть во всемъ существующемъ другое, чѣмъ то, чтò принято по привычкѣ и предразсудкамъ, слѣдовательно, у нихъ *есть манера* признавать достоинство, классичность, не въ-слѣдствіе преданія, а въ-слѣдствіе нынче ощущеннаго отъ самой вещи, *манера* понять все, какъ оно дѣйствительно есть, и устремить тòтчасъ же вниманіе на самыя существенныя черты. Что за дѣло Диккенсу, что въ томъ или другомъ предметѣ есть классическія воспоминанія: онъ не хочетъ этого и знать, не назоветъ чего-нибудь хорошимъ или почтеннымъ изъ-за классическихъ воспоминаній. Напротивъ, воспоминанія о классическомъ служатъ ему новымъ средствомъ показывать на каждомъ шагу болотное, стоячее, какое-то ребяческое состояніе итальянскаго народа, или, чтобъ вѣрнѣе сказать, итальянскихъ народовъ. Напрасно на Диккенса напали англійскій и итальянскій критики, увѣряя, будто онъ не чувствуетъ, да и не хочетъ чувствовать красотъ Италіи, — напрасно! Обладая прекраснымъ поэтическимъ чувствомъ, онъ чудесно обнимаетъ природныя красоты этой обѣтованной земли, и только лучше даетъ имъ выдаться, когда рисуетъ рядомъ съ великолѣпными картинами природы картины удивительной нынѣшней итальянской жизни, весь этотъ странный, самый разноцвѣтный, за то и самый яркій лоскуточный мозаикъ. Кому прійдетъ въ голову подумать съ помянутыми критиками, что Диккенсъ хочетъ рисовать съ Италіи только каррикатуры, когда заключительныя строки его путешествія говорятъ: «простимся же «ласково съ Италіей, гдѣ столько дур«наго и столько нищеты, помня только «удивленіе, возбуждавшееся въ насъ «ея красотами, красоты природы и «искусства, которыхъ тамъ такая не«исчислимая бездна; сохранимъ так«же доброе воспоминаніе о народѣ, «отъ природы добродушномъ и тер«пѣливомъ. Многіе годы нерадѣнія, «дурнаго управленія и тяжелаго гнёта «трудились надъ переработаніемъ его «врожденныхъ свойствъ и подавили «духъ. Государи, для которыхъ един«ство его было пагубно, а раздѣленіе «составляло силу, подрыли корень его «національности и были причиною «искаженія его языка; но добрыя ка«чества были въ немъ всегда, и теперь, «можетъ-быть, изъ его пепла воскре«снетъ наконецъ благородная нація. «Будемъ сохранять такую надежду».

Къ этой самой надеждѣ приходятъ въ своихъ очеркахъ и Гоголь и Диккенсъ; видно, каждый изъ нихъ, довершая свою картину, слышалъ огромную разладицу между природою народа и теперешнимъ его положеніемъ; видно, на каждомъ шагу этого народа слышатся прекрасныя силы, обѣщающія скорое воскресеніе къ жизни. Точно такое же ожиданіе встрѣчаешь и въ недавно напечатанныхъ превосходныхъ *Письмахъ изъ Испаніи*, г. Боткина. И онъ, въ свою очередь, съ завлекательностью и мастерствомъ чертя картину нынѣшней Испаніи, также выговариваетъ неотступно-всеявляющуюся надежду на то будущее, котораго обѣщанія слышатся изъ могучей и прекрасной натуры народа.

У Диккенса не разъ перечитаешь прекрасныя страницы, гдѣ онъ такъ славно рисуетъ картины итальянской уличной жизни, проявляющія весь національный характеръ, или гдѣ онъ съ прелестною задумчивостью умѣетъ изобразить всю атмосферу, лежащую на какомъ-нибудь плесневѣющемъ, замирающемъ городѣ; наконецъ, сколько у него прелести въ такихъ картинахъ, какъ шумный, блестящій римскій карнавалъ,съ его масками и игрой въ *moccoli*. Въ быстромъ очеркѣ Диккенсъ умѣлъ набросать мастерскую картину цѣлаго высыпавшаго на улицы и площади города, со всѣми показавшимися въ полной красотѣ женщинами, въ чудесномъ живописномъ нарядѣ, кажущимися еще прекраснѣе во время своей шумной масляничной игры въ тушенье свѣчекъ, которою одною вдругъ занятъ цѣлый городъ, всѣ, кто только ни есть въ немъ. Всего страннѣе, что англійскій и итальянскій критики обвиняютъ Диккенса въ томъ, будто онъ не видитъ въ Италіи ничего, кромѣ каррикатурныхъ сторонъ, и тутъ же не замѣчаютъ, что именно сами пропускаютъ всѣ чудесныя мѣста диккенсова путешествія, точно будто ихъ у него не существуетъ; а между-тѣмъ, они невольно приковываютъ къ себѣ каждое вниманіе; наконецъ, еще того удивительнѣе, что *критики* могутъ считать юморъ Диккенса чѣмъ-то самымъ легко дающимся, такимъ, что захоти кто бы то ни былъ обратить особливое вниманіе на эти стороны—и будетъ то же самое, что у Диккенса; да только дѣло въ томъ, что никто по своему благоразумію этого не хочетъ, потому-что мудрость запрещаетъ все заниматься *забавнымъ, смѣшливымъ*: надобно заниматься чѣмъ-нибудь солиднымъ, серьёзнымъ, особливо когда дѣло идетъ про цѣлую страну. Какъ не удивляться, что появляются такія критики въ странѣ, имѣющей притязаніе на *лучшій* юморъ въ Европѣ, на юморъ *перваго сорта*, будто-бы и *изобрѣтенный* англійскимъ національнымъ характеромъ! Не-уже-ли жъ и вправду тамъ считаютъ юморъ за одно и то же со смѣшливостью? Еслибъ было иначе, то вѣрно бы не выходило Диккенсу запрещеній, гдѣ ему не нужно пускать въ ходъ свой юморъ, гдѣ ему нужно припереть шлюзъ, а гдѣ его и спустить: вотъ, смотри, говорятъ они, покуда дѣло идетъ объ Англіи, да объ нынѣшней какой-нибудь черни, ты себѣ пиши какъ хочешь, что хочешь, а какъ забрался въ Италію, тутъ ужь больше не смѣй писать и думать, что хочешь: это классическая страна, тамъ каждый шагъ по чему-нибудь удивителенъ; тутъ ужь изволь затягивать другую пѣсню, а не то берегись. Разомъ будетъ объявлено, что ты все равно, что рыба на верхушкѣ страсбургской колокольни.

Такимъ-образомъ, выходитъ, что послушайся Диккенсъ англійскихъ и итальянскихъ критиковъ, онъ бы написалъ книгу, какихъ есть тысячи; но какъ онъ обладаетъ настоящимъ талантомъ, то онъ ведетъ рѣчь не съ критикомъ, а съ своимъ вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ, и вотъ почему онъ подарилъ Европу такими безподобными картинами изъ Италіи, что въ-самомъ-дѣлѣ не много имъ есть подобнаго. Это такая книга, которую нельзя не считать въ числѣ прекрасныхъ произведеній, хотя автору изъ его же отечества объявляютъ, что лучше бы ему не приниматься за нее, а что когда она разъ написана, то все-таки она ничего не прибавляетъ къ прежней его славѣ. Но вспомнимъ даже однѣ только картины природы, и мы станемъ думать совсѣмъ другое, чѣмъ англійская и неаполитанская критика; мы, напротивъ, подумаемъ, что этимъ сочиненіемъ Диккенсъ пріобрѣлъ еще больше правъ на имя истиннаго художника.

Куда далеко отъ Диккенса стоятъ многочисленныя путешествія, которыми ежемѣсячно украшается поле англійской литературы, и которыя находятъ себѣ снисхожденіе у той же самой критики. Кому не извѣстно, что

Англичане самые неутомимые путешественники, что книгъ о путешествіяхъ у нихъ появляется столько же, сколько біографій и романовъ большаго свѣта, и однакожь надъ этими путешествіями можно сильно призадуматься. Опять та же исторія, что съ романами: книгъ много, а читать нéчего. А почему? потому-что у нихъ нѣтъ рѣшительнаго направленія, такого, какое мы встрѣчаемъ въ путешествіи Диккенса. Сколько въ цѣломъ свѣтѣ по-справедливости славятся ученые англійскіе путешественники, какіе-нибудь лорды Валенсіи, Портеры, братья Даніэли, Мóрисъ, Крауфордъ, Гò и др., столько же мало имѣютъ право на чье-нибудь вниманіе поминутно появляющіяся путешествія во всѣ концы свѣта. Всякій, кто понимаетъ важность путешествій, можетъ только желать, чтобъ все больше-и-больше увеличивалось число такихъ *неученыхъ* путешествій, каковы «Картины изъ Италіи» Диккенса, или «Письма изъ-за Границы» фон-Визина, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ только желать, чтобъ не размножалась порода путешествій, которыми завалены лавки англійскихъ книгопродавцевъ. Съ начала нынѣшняго года, вышло множество путешествій куда только угодно; исчислимъ главнѣйшія изъ нихъ: Путешествіе въ Перу *доктора Тшуди* (Dr. Tschudi's Travels in Peru), Жатва въ Испаніи *г. Форда* (Gatherings from Spain, by M. Ford), Мадагаскаръ *въ нынѣшнемъ и прежнемъ своемъ состояніи*, *соч. одного резидента* (Madagascar, past and present, by a resident), Трехлѣтнее путешествіе по сѣвернымъ областямъ Китая, *соч. Роберта Фортьюна* (Three year's wanderings in the northern provinces of China), Жизнь дикихъ въ Австраліи и Новой-Зеландіи *и картины того края*, *соч. Георга Ангэса* (Savage life and scenes in Australia and New Zealand, by G. Angas), Виды на пѣшеходномъ путешествіи, или Европа, пройденная съ котомкой и посохомъ, *соч. Дж. Б. Тайлора* (Views a foot, or Europe, seen with knapsack and staff), Сухопутное путешествіе въ Лиссабонъ въ концѣ 1846 г., *соч. Т. М. Гюга* (An overland journey to Lisbon at the close of 1846, by T. M. Hughes) и еще премногія другія по Европѣ, Бразиліи и т. д. Такъ точно было въ-продолженіе и предшествовавшихъ мѣсяцевъ, такъ было и весь прошлый годъ, такъ было и за годъ прежде, наконецъ, такъ, кажется, было съ незапамятныхъ временъ, и все-таки изъ такого огромнаго количества путешествій ничего не всплываетъ на поверхность рѣки забвенія. Одно имя «путешествіе» наводитъ мысль о чемъ-то серьёзномъ, дѣльномъ, такъ-что особливо когда на заглавіи стоитъ такое названіе, что путешествіе было совершено въ какую-нибудь Калифорнію, или Бразилію, или Мехику, воображаешь себѣ что-то особенное, книгу, которою можно позаняться, не то, что какой-нибудь ничтожный романъ. Но, къ-несчастію, все это только такъ кажется и такъ воображается: воображается же по той простой причинѣ, что Индія, Мехика, Гватимала ужасно какія-то далекія мѣста; туда не ѣздятъ всякій день такъ, для прогулки, какъ это дѣлается на какіе-нибудь берега Рейна или въ какой-нибудь Баденъ или Спа; представляешь себѣ, что кто отправляется въ такой далекій конецъ, тотъ уже приготовился совсѣмъ особеннымъ образомъ, и принесетъ изъ своего странствія точно какія-нибудь новыя скрижали. Но совсѣмъ нѣтъ! все это не такъ: для Англіи эти далекія путешествія потеряли свою многозначительность и важность; ни Бразилія, ни Мехика, ни Конго, ни Коконго не сохраняютъ больше для Англичанъ прежней многозначительности: теперь и въ Индію съѣздить чуть-чуть не то же самое, что у насъ бы изъ Москвы кто поѣхалъ въ Ярославль; всѣ эти путешествія вошли въ кругъ самыхъ обыкновенныхъ книгъ, на которыя никто не обращаетъ ка-

кого-либо особаго вниманія; господинъ-туристъ не предполагаетъ себѣ никакихъ особенныхъ цѣлей и книга у него выходитъ самая пошлая, самая обыкновенная. Мало ли чего ожидаешь найдти въ этихъ далекихъ путешествіяхъ; самое естественное ожидать, что путешественникъ прямо станетъ разсказывать, какъ съ нимъ что было день за днемъ, какъ на него отражалась всѣми своими явленіями чуждая природа, совсѣмъ новая жизнь, посреди которыхъ онъ очутился. Какъ мы уже говорили выше, этого рода описанія останутся необыкновенно интересными и оригинальными навсегда, сколько бы ни слѣдовало за ними описаній одно за другимъ; но, вмѣсто этого пути, бо́льшая часть путешественниковъ слѣдуютъ совсѣмъ другому: они до невѣроятности скупы въ разсказѣ обо всемъ, что съ ними случилось, что̀ они такое видѣли день за днемъ, и тутъ же страшно расточительны на общіе выводы, на цѣлыя цѣпи умозаключеній, обозрѣній, соображеній. Но, чтобъ сладить съ такими общими выводами, надобно имѣть много силъ, много спеціальнаго таланта къ судимому предмету, а это никакъ не приходится по плечу всѣмъ этимъ господамъ. Немногіе изъ нихъ понимаютъ, что гораздо-понятнѣе и впечатлительнѣе будетъ для каждаго, когда онъ станетъ говорить, на-прим., какъ онъ шелъ въ густомъ камышѣ, какъ онъ въ немъ путался, какъ потерялъ дорогу, какъ наконецъ со всѣхъ сторонъ камышъ этотъ, выпрямляясь подъ его ногами, загородилъ около него всѣ пути и образовалъ непроходимую стѣну; какъ онъ принялся ножемъ срѣзывать около себя этотъ непроходимый тростникъ, какъ потомъ терялъ всѣ силы, наконецъ, въ изнеможеніи упалъ безъ памяти, и какъ потомъ былъ спасенъ совсѣмъ-неожиданно появившимися недалеко за *тростниковымъ лѣсомъ* спутниками своими, съ которыми думалъ уже никогда болѣе не увидѣться, и проч. и проч. (см. прекрасное путешествіе Мельвиля на Острова-Маркизскіе); не многіе понимаютъ, что подобная манера разсказывать въ сто-мильйоновъ разъ завлекательнѣе, да и выходитъ у каждаго лучше, чѣмъ обыкновенно выходятъ разсужденія, у которыхъ настоящаго догматическаго изложенія не хватитъ, а отъ простаго разсказа они держатся подальше, какъ отъ чего-то ужь слишкомъ простаго: надобно-де что-нибудь посерьёзнѣе. Отъ этого сочиненія выходятъ ни то, ни сё; они, правда, разсказываютъ про разныя породы людей, иной разъ прихватываютъ кое-что изъ исторіи, изъ статистики, но это все столько поверхностно, что учиться у нихъ никто не пойдетъ, а возьмется за сочиненія настоящихъ ученыхъ путешественниковъ; если же отнять у нихъ эти взгляды и выводы, на которые они потратили бо́льшую часть страницъ, то ничего почти и не остается; не знаешь собственно на что указать въ ихъ книгѣ, потому-что обо всемъ сказано только невинное *кое-что*. Вотъ почему эти книги вскорѣ послѣ своего рожденія сходятъ со сцены, не принесши никому ни пользы, ни удовольствія, а многочисленность ихъ ровно ничего не доказываетъ. Все, что̀ объ нихъ можно сказать, это то, что изъ всѣхъ упомянутыхъ лучшее сочиненіе Фортьюна о Китаѣ. —Г. Фортьюнъ принадлежитъ къ Лондонскому Обществу Садоводства, и хотя онъ старался изъ описанія своего путешествія сдѣлать что-нибудь политературнѣе, однакожь настоящее его направленіе взяло-таки по счастью верхъ и онъ поминутно обращается къ своему предмету; лучшія части въ книгѣ тѣ страницы, гдѣ онъ разсказываетъ про чай. Это, конечно, и дѣльнѣе и важнѣе какихъ-нибудь недоношенныхъ диссертацій прежнихъ путешественниковъ о породахъ людскихъ, и всѣхъ ничѣмъ недоказываемыхъ предположеній о переселеніяхъ и о прочемъ.

Sketches of the history of christian art, *by* lord Lindsay (**Очерки исторіи христіанскаго искусства**), **соч. лорда Линдсея.**

Эта книга одна изъ современныхъ самыхъ капитальныхъ книгъ, такая, которая, смѣло можно сказать, навсегда останется полезнымъ, нужнымъ руководствомъ для занимающихся исторіей искусствъ. Но это совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ, какъ полагаетъ самъ лордъ Линдсей: онъ считаетъ свое сочиненіе исторіей христіанскаго искусства, но оно не больше, какъ прекрасный матеріалъ для составленія исторіи объ искусствѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ. Всякая исторія въ понятіи своемъ содержитъ понятіе о критикѣ; но, не смотря на все желаніе свое, лордъ Линдсей не имѣетъ никакого права на названіе историка-критика; начиная уже съ самаго заглавія своей книги, онъ тотчасъ же показываетъ, что избралъ не надлежащій исходный пунктъ, не вѣрный пунктъ зрѣнія. Если, начиная со времени паденія римской имперіи, христіанская религія водворилась всюду, стала разливаться всюду и, наконецъ, своимъ благодѣтельнымъ и всего больше нужнымъ именно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣйствіемъ наполнила весь міръ, изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что все искусство должно было необходимо носить названіе христіанскаго; такое названіе показываетъ, что авторъ избираетъ пунктъ зрѣнія исключительно религіозный, чѣмъ самымъ онъ какъ-будто собирается либо на нѣкоторую неполноту сочиненія, либо на нѣкоторую натянутость, насильное образленіе. Со времени паденія римской имперіи искусство не занималось одними только предметами религіозными: какъ же въ исторію христіанскаго искусства должны войдти какая-нибудь Галатея Рафаэля, столько знаменитая, или тиціановы любовныя похожденія боговъ, или прекрасныя произведенія Торвальдсена, относящіяся къ языческому міру? Пожалуй, можно сказать, что искусство въ этихъ произведеніяхъ опять-таки христіанское, потому-что оно принадлежало людямъ, выросшимъ въ правилахъ христіанской религіи; но какъ отъ этого обстоятельства помянутые художники въ свои представленія изъ древняго міра не внесли же какого-нибудь новаго рода обниманія искусства, навѣяннаго на нихъ новою религіею, то исповѣданіе религіи здѣсь нисколько не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, какъ не относящееся къ настоящему дѣлу. Въ искусствахъ, всякое раздѣленіе бываетъ и можетъ быть только по содержанію произведеній и ни по какому другому обстоятельству; слѣдовательно, могло быть только такое раздѣленіе: искусство древняго міра, искусство новаго міра, и книга лорда Линдсея должна была бы только объявлять, что она хочетъ заниматься разсмотрѣніемъ искусства новаго времени, начиная со времени паденія римской имперіи.

Въ заглавіи заключается еще та невѣрность, что оно обширнѣе того, что дѣйствительно содержится въ книгахъ: всѣ три до-сихъ-поръ вышедшіе тома занимаются только архитектурой, живописью и скульптурой; ни музыки, ни поэзіи въ нихъ мы не встрѣчаемъ.

Въ вышедшихъ донынѣ томахъ дѣло доведено до временъ Альбрехта Дюрера и Рафаэля, т. е. книги эти заключаютъ въ себѣ все такъ-называемое средневѣковое время, и, надобно отдать полную справедливость ученому лорду, болѣе полныхъ матеріаловъ для исторіи западно-европейскаго средневѣковаго искусства, что касается до скульптуры, живописи и архитектуры, найдти невозможно. Начиная со временъ римскихъ, все, что могло быть почерпнуто изъ сочиненій объ искусствахъ и произведеніяхъ искусствъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей, нашло себѣ настоящее мѣсто въ книгахъ лорда Линдсея. Всѣ зданія, картины и статуи, или, по-крайней-мѣрѣ, едва-ли не всѣ

онъ видѣлъ самъ; онъ собралъ объ нихъ извѣстія изъ тысячей книгъ, изъ тысячей антикварскихъ сочиненій прежняго и нынѣшняго времени. Наконецъ, онъ передъ началомъ сочиненія приложилъ богатый, полный хронологическій списокъ художниковъ по школамъ. Такимъ-образомъ, это новое сочиненіе стоитъ наряду съ сочиненіями спеціальными, каковы сочиненія Вазари (Жизнь Живописцевъ), Катр-Меръ-де-Кенси (Жизнь Рафаэля) и проч. и наряду со знаменитою исторіею Фіорилло, только съ тою разницею, что оно, какъ позднѣйшее, превосходитъ его полнотою и объемомъ.

Но здѣсь и конецъ заслугамъ этого столь важнаго сочиненія; имѣя претензію быть не собраніемъ матеріаловъ, а исторіею, оно переходитъ границы средствъ ученаго и трудолюбиваго лорда, и часто становится совершенно-несоотвѣтствующимъ цѣли сочиненія и ожиданіямъ каждаго. Конечно, читатель угадаетъ, что ахиллесова пята этого сочинителя: пристрастіе выстраивать теоріи и пускаться во всякія амплификаціи. Невѣрное, натянутое названіе книги сразу указываетъ на множество «взглядовъ» и теорій, которыми авторъ долженъ помучить читателя прежде, чѣмъ пріймется за настоящее, прекрасное свое дѣло: книга открывается изложеніемъ *понятій объ идеалѣ, о характерахъ и достоинствѣ христіанскаго искусства*, и тотчасъ же потомъ слѣдуетъ огромный отдѣлъ. подъ названіемъ: *христіанская символистика*, гдѣ послѣ таблицы символовъ (на-пр. Богъ Сынъ изображается такою-то монограммою, въ которой совокупляются первоначальныя буквы имени Христосъ по-гречески; посредствомъ скалы, посредствомъ ягненка, посредствомъ пеликана, посредствомъ виноградника, посредствомъ лампы или свѣчи—и все это съ текстами); послѣ этой таблицы съ безконечною говорливостью излагаются легенды о священныхъ предметахъ и весьма-многихъ святыхъ. Вся эта *символистика* въ этомъ сочиненіи не больше, какъ лишняя и, слѣдовательно, она не больше, какъ погрѣшность; но всего больше невозможно простить этому сочиненію странныхъ его теорій о разсматриваемыхъ искусствахъ. Чтобъ дать понятіе о нихъ, мы только упомянемъ, что лордъ Линдсей утверждаетъ, между-прочимъ (съ большою плодовитостью разсужденія), что у идеала три элемента: *матерія*, *чувство* и *духъ*; этимъ тремъ элементамъ соотвѣтствуютъ три поколѣнія людскія: хамово, іафетово и симово, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленіе трехъ искусствъ у этихъ трехъ колѣнъ, такъ-что архитектура—какъ изображеніе силы, матеріи, проявилась у поколѣнія хамова (Египтянъ); скульптура, какъ изображеніе чувства, проявилась у поколѣнія іафетова (Грековъ), и живопись, какъ проявленіе духа — у христіанъ, сыновъ Сима. — Но этого мало: архитектура (въ-слѣдствіе весьма - длинныхъ размышленій) символъ Бога Отца, скульптура—Бога Сына, живопись—Бога Духа, и, наконецъ, все вмѣстѣ образуетъ одну нераздѣльную Троицу.

Оставляя послѣднія положенія въ сторонѣ, мы желаемъ знать, почему именно архитектура есть проявленіе только одного хамова племени и силы, почему она не есть проявленіе и всякихъ другихъ племенъ, какъ то показываетъ исторія? Почему она вмѣстѣ не есть проявленіе и духа и чувства, и, наконецъ, всецѣлаго, неизвѣстно въ чемъ заключающагося «идеала» Лорда Линдсея? Вотъ она, вотъ она, несчастная страсть прилаживать теоріи, насиловать факты, вотъ въ какіе каудинскіе фуркулы приводитъ она наконецъ, такъ-что потомъ нельзя и выбраться. А между-тѣмъ, когда эта страсть начинаетъ одолѣвать, наврядъ ли кому рисуются впереди безъисходныя затрудненія и нелѣпости; напротивъ: рисуются лучезарныя, свѣтлыя, новыя открытія.

Но еслибъ даже откинуть у сочиненія лорда это непріятное обстоятель-

ство, наводящее такую странную тѣнь на историческія способности лорда, есть у него еще грѣхъ, никакъ не пускающій его въ обѣтованную храмину исторіи: у него нѣтъ оцѣнокъ, опредѣленія важности и достоинства каждаго изъ описываемыхъ художниковъ, такъ-что, если прежде чтенія книги лорда Линдсея кто не зналъ исторіи художествъ съ критической стороны, изъ этой новой книги не узнаетъ ея. У лорда Линдсея, само-собой разумѣется, встрѣчаются техническія подробности, какъ-то: о колоритѣ, рисункѣ, складкахъ и такъ-далѣе, но, во-первыхъ, и эти техническія подробности требуютъ еще новаго разсмотрѣнія, потому-что онѣ изложены столько же неопредѣленными, безразличными и произвольными чертами, какъ это всегда бываетъ въ книгахъ, гдѣ нѣтъ настоящей полной характеристики главныхъ составныхъ качествъ художества и художника; во-вторыхъ, даже подробности о цѣлыхъ школахъ изложены нерѣшительно, крайне-неопредѣлительно, такъ-что не выведешь изъ всѣхъ этихъ описаній цѣлаго, одного рѣзко-означившагося и нестирающагося въ памяти понятія о качествахъ и особенностяхъ той или другой изъ художественныхъ школъ. Обѣщаютъ вскорѣ издать и слѣдующіе томы, и когда будетъ кончено все сочиненіе, быть-можетъ, намъ представится случай говорить еще о *подробностяхъ* этой книги, столько важной и безъ сомнѣнія имѣющей остаться на всегдашнія времена въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ, но опять-таки не больше какъ собраніе прекрасныхъ матеріаловъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

=

Vorträge über alte Geschichte, *an der Universität zu Bonn gehalten von* B. G. Niebuhr. *I. B.*

(Лекціи о древней исторіи, *читанныя въ Боннскомъ Университетѣ* Б. Г. Нибуромъ. *Т. I.*)

Vorlesungen über die alte Geschichte, *von* Fr. von Raumer. *I. B.*

(Лекціи о древней исторіи, Фр. фон-Раумера. *Т. I.*)

Geschichte der Denk—und Glaubensfreiheit *im ersten Jahrhunderte der Kaiserschaft und des Christenthums, von* Dr W. Ad. Schmidt, *auss. Prof. der Gesch. an der Univ. zu Berlin.*

(Исторія свободы мысли и вѣры, *въ первое столѣтіе императорства и христіанства,* соч. доктора В. Ад. Шмидта, *экстраординарнаго профессора исторіи при Берлинскомъ Университетѣ.*)

Лекціи Нибура о древней исторіи появляются нынче въ печати въ первый разъ. Какъ извѣстно, кромѣ римской исторіи, составившей славу этого профессора, исторіи революціи, изданной его сыномъ, и небольшихъ трактатовъ о разныхъ историческихъ предметахъ, напечатанныхъ подъ на- званіемъ «мелкихъ историческихъ со- чиненій» въ разныхъ журналахъ и по- томъ перепечатанныхъ особо, ничег- не было напечатано изъ сочинені- знаменитаго профессора. Наконецъ спустя больше тринадцати лѣтъ посл- смерти Нибура, одинъ Англичанин- докторъ Леонгардъ Шмицъ, бывші- однимъ изъ ревностнѣйшихъ слуша- телей читанныхъ въ Боннѣ Нибуром- лекцій, рѣшился издать по-англійск- записныя тетради свои, сличенныя с- тетрадями другихъ слушателей, о рим- ской исторіи, какъ она была изложен- въ лекціяхъ курса 1828—1829 годов- Но такъ-какъ самимъ Нибуромъ рим- ская исторія (въ первый разъ издан- ная въ 1811 году) была доведена уж- до пуническихъ войнъ, то доктор- Шмицъ, расположивъ въ первых- 11-ти лекціяхъ своего перваго то- источники римской исторіи, начина- съ 12-й лекціи прямо продолжаетъ съ первой пунической войны и дов- дитъ въ 79-й до временъ императо- Константина. Въ 1844 году, это изд- ніе Нибура было переведено съ англі- скаго на нѣмецкій языкъ доктором- Цейсомъ и съ-тѣхъ-поръ по 1847 годъ не появлялось ничего изъ мно-

численныхъ лекцій Нибура. Нынче же сынъ Нибура, сличивъ собственныя свои тетради съ записками нѣсколькихъ другихъ слушателей (после Нибура не осталось ничего написаннаго имъ-самимъ; во время пожара въ 1830 году, у него сгорѣли всѣ его бумаги), приступилъ къ изданію лекцій своего отца о древней исторіи, составлявшихъ курсъ 1829—1830 годовъ. Нибуръ читалъ лекціи объ этомъ же самомъ предметѣ еще одинъ разъ прежде, а именно лѣтомъ 1826 года, также въ Боннѣ; но такъ-какъ въ-теченіе времени отъ 1826 до 1830 года Нибуръ измѣнилъ образъ воззрѣнія своего на нѣкоторыя части древней исторіи, то изъ курса 1826 года могли войдти въ нынѣшнее изданіе только нѣкоторыя подробности, вездѣ отмѣченныя въ книгѣ; также отмѣчены вездѣ подробности, заимствованныя для исторіи Греціи изъ курса 1825 года, когда Нибуръ (еще въ первый годъ своего профессорства въ Боннѣ) читалъ спеціальный курсъ исторіи Греціи. Въ Германіи вошло въ совершенное употребленіе, что сочиненія профессоровъ издаются съ записокъ ихъ слушателей (такъ, на-примѣръ, почти всѣ сочиненія Гегеля изданы подобнымъ образомъ), и эти записки ведутся съ такою строгою отчетливостью, что не только въ нихъ ничего не пропущено, ни одной изъ малѣйшихъ подробностей, но еще въ нихъ въ совершенной цѣлости сохраняется манера излагать каждаго профессора.

Что касается до Нибура, быть-можетъ больше, чѣмъ когда-нибудь необходимо было уловлять его способъ изложенія, — онъ былъ совершенно оригиналенъ, совершенно отдѣляясь отъ больше или меньше схожихъ между *собою* способовъ преподаванія прочихъ профессоровъ. «Нибуръ, «какъ профессоръ» говоритъ докторъ Шмицъ въ своемъ англійскомъ предисловіи: «былъ совершенно-особенное «явленіе; онъ излагалъ свой предметъ «ничѣмъ не стѣсняясь и никогда не «держалъ передъ собой какихъ - нибудь писанныхъ программъ на по«мощь своей памяти. Форма его изло«женія была форма живой и свобод«ной бесѣды съ друзьями, гдѣ онъ для «полноты излагаемаго предмета упо«треблялъ всѣ разнообразныя и не«истощимыя сокровища своихъ позна«ній и собственнаго опыта, никогда «не стѣсняя выраженія своего мощ«наго чувства, когда оно начинало въ «немъ проявляться посреди сильной «рѣчи. — Когда Нибуръ говорилъ, «всегда казалось, будто бы быстрота, «съ которою являлись въ немъ мысли, «препятствуетъ той силѣ, которая мо«гла бы укладывать ихъ въ правиль«ной послѣдовательности». Еслибъ кто даже не зналъ подробностей о способѣ изложенія Нибура, по прочтеніи нынче-изданнаго перваго тома его лекцій о древней исторіи, непремѣнно пришелъ бы къ тому убѣжденію, что лекціи Нибура были блестящія импровизаціи. Въ нихъ нѣтъ и тѣни того спокойствія (превращающагося иногда въ равнодушіе), которое встрѣчается у большей части профессоровъ: онъ ведетъ рѣчь о своемъ предметѣ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и страстью, онъ совершенно имъ объятъ, у него есть даже симпатіи и антипатіи къ нѣкоторымъ изъ частей исторіи, и это не смотря на то, что онъ знаетъ, что въ глазахъ историка всѣ народы и всѣ происшествія должны находить ничего больше, какъ неподкупнаго судію.

Вмѣстѣ съ этимъ, при первомъ же взглядѣ, всякій читатель не можетъ быть не пораженъ *неравновѣсіемъ* частей всеобщей исторіи, какъ она изложена у Нибура: одно является изображеннымъ чрезвычайно-подробно, какъ-будто онъ хотѣлъ истощить на этой части все, что только можно сказать здѣсь; наоборотъ, какая-нибудь другая часть едва тронута: наконецъ, еще третьи части и вовсе опущены, такъ-что въ цѣломъ курсѣ царствуетъ точно будто капризъ профессора или какая-то необъяснимая случайность. Сверхъ-того, еще въ введеніи Нибуръ

объявляетъ, что онъ будетъ въ изложеніи своемъ держаться того порядка, который принятъ у историка Юстина, предоставляя себѣ только пополнить то, что у него недостаточно, выправить все ошибочное. Въ-слѣдствіе такой принятой программы, въ исторіи Нибура совершенно-опущены исторія Индіи и Іудеи, а исторія Египта ограничивается критическимъ перечисленіемъ династій и только нѣкоторыми подробностями самой исторіи. Самою полною является исторія Греціи, которая и у Юстина занимаетъ главнѣйшее мѣсто; въ первомъ изданномъ томѣ, исторія Греціи останавливается на битвѣ саламинской и Периклѣ, а римская исторія совершенно исключена изъ этого курса, потому-что Нибуръ читалъ ее особо за годъ, слѣдовательно, изъ этого можно заключить, какую огромную часть всего сочиненія занимаетъ одна Греція. Кромѣ неравности распредѣленія главныхъ частей, точно такая же неравность встрѣчается и въ каждомъ изъ отдѣльныхъ изложеній. Въ исторіи Ассиріи, Персіи и т. п., Нибуръ останавливается только на нѣкоторыхъ подробностяхъ и развиваетъ ихъ; другія оставляются имъ совершенно въ тѣни, даже безъ намёка на ихъ существованіе.

Эта особенность исторіи Нибура объясняется характеромъ нибурова таланта, который былъ собственно не историческій, а историко-критическій. Полноты изложенія у него нѣтъ, потому-что ему прежде всего важенъ не разсказъ, а оцѣнка существующихъ понятій о различныхъ частяхъ исторіи, ему важно бросить новый взглядъ, а отъ-того общая связь скользитъ у него изъ рукъ. Онъ разъ остановился на исторіи Юстина, и она служитъ ему руководствующею нитью, держась за которую онъ можетъ смѣло идти въ указаніяхъ по всей дорогѣ исторіи, произнося оцѣнки событіямъ и лицамъ. Курсъ Нибура есть высшій университетскій курсъ, который обращенъ къ людямъ, совершенно-знакомымъ съ самою исторіею и съ многочисленными источниками. Нибуръ не дѣлаетъ цитатъ: онъ предполагаетъ всегда, что онѣ извѣстны его слушателямъ; онъ никогда не входитъ въ мелкое изложеніе подробностей, предоставляетъ смотрѣть ихъ въ такомъ или другомъ писателѣ (такъ, на-пр., стр. 68. Подробности о кастахъ вы можете найдти у Геродота; 69. Еслибъ я сталъ говорить о нравахъ, образѣ жизни и учрежденіяхъ Египтянъ, это отняло бы у меня слишкомъ-много времени. Я не могу ничего лучше сдѣлать, какъ отослать васъ ко II-й книгѣ Геродота. —27. Я не стану разсказывать подробности о Нинѣ, Семирамидѣ, и т. д., объ этомъ можно прочитать у Юстина, и еще отчетливѣе у Діодора Сицилійскаго; и многія другія еще мѣста). Важнѣе этихъ подробностей для него показать, что въ такомъ или такомъ мѣстѣ необходимо отклоненіе отъ принятаго порядка излагать исторію, потому ли, что нужна бóльшая полнота, или что пунктъ зрѣнія совершенно не тотъ, или, наконецъ, принято за историческіе факты то, что не можетъ и не должно, по своей натурѣ миѳа или преданія, входить въ кругъ историческаго изложенія.

Такимъ-образомъ, разсказывая взятіе Киромъ Вавилона въ 60 олимпіадѣ, онъ говоритъ:

«За взятіемъ Вавилона должно было послѣдовать подчиненіе всей страны, принадлежавшей Вавилону, и вмѣстѣ съ тѣмъ Сиріи и Палестины. Когда мы читаемъ у Іереміи, что Навуходоносоръ оставилъ въ Іудеѣ намѣстника, то это можетъ служить намъ доказательствомъ, что цари вавилонскіе не только что ограбили и опустошили страну и увели съ собой жителей, но еще, что эти покоренныя страны остались подъ началомъ у Вавилона. Но изъ книги Эздры мы видимъ, что Киръ еще въ первый годъ своего владычества, т. е. въ первый годъ, какъ онъ былъ царемъ вавилонскимъ, обложилъ Вавилонъ податью. Ему совсѣмъ не нужно было покорять себѣ эти далекія страны, онѣ тѣмъ вмѣстѣ сами подпали подъ его владычество, какъ принадлежность Вавилона. Но что справедливо о такихъ

отдаленныхъ странахъ, тò относится и къ Сиріи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что Сирія стояла къ Вавилону точно въ такомъ отношеніи, вѣроятно посредствомъ соединенія через Тадморъ или Пальмиру, и Тирійцы выпрашивали себѣ царей отъ Вавилона, точно такъ, какъ Понтъ получалъ своихъ царей отъ Рима. *На все это я долженъ обратить ваше вниманіе, потому-что вы нигдѣ не найдете это изложеннымъ такъ вѣрно; этотъ пунктъ либо совершенно пропущенъ, либо третированъ темно въ книгахъ о древней исторіи».* (Стр. 133).

Приступая же къ началу исторіи Греціи, онъ говоритъ о миѳахъ слѣдующее:

«Мы начнемъ здѣсь тѣмъ, чтò можетъ быть извѣстно о происхожденіи и связи греческихъ народовъ, пропуская притомъ миѳологическіе разсказы, которые могли бы составить предметъ особливаго чрезвычайно-интереснаго обработыванія. То, что я понимаю о сохранившемся для насъ о различныхъ колѣнахъ и народахъ, о томъ, чтò мы въ нѣкоторой степени знаемъ о нихъ, не стоитъ въ непосредственной связи съ такъ-называемыми доисторическими временами и я разскажу вамъ это. Сюда примкнетъ въ-послѣдствіи исторія. Но мы не будемъ пытаться пополнить все недостающее попытками сдѣлать миѳологическія и героическія фигуры историческими; если я скажу кое-что объ исторіи миѳическаго времени, то это больше для того, чтобъ обратить ваше вниманіе на то, что неисторично.—У насъ есть два Миноса; такъ точно два Кекропса; про одного неизвѣстно чей онъ сынъ, другой сынъ Пандіона; у насъ два Пандіона, отецъ и сынъ Эрехтея. Но все это одни и тѣ же странствующіе образы (какъ я замѣчалъ въ римской исторіи), и вѣчно основаніемъ всему лежитъ одно и то же отношеніе отъ Кекропса къ Эрехтею, а отъ этого къ Пандіону; только у одного преданія другія сказанія, чѣмъ у другаго. И, однакожь, наши новые историки, и уже хронографы, наложили на себя почтенную и забавную обязанность установить хронологію аттическихъ царей начиная съ Кекропса, какъ она стоитъ въ таблицахъ у Евсевія, и принимать ее за историческую. Мы аккуратно знаемъ въ какомъ году отъ сотворенія міра они начали царствовать! Ихъ логика такая: кто можетъ это отрицать, когда это такъ вѣрно стоитъ у насъ въ таблицахъ? Въ прежнее время, до конца XVIII столѣтія, крѣпко за нихъ держались; теперь, конечно, за это больше не принимаются: послѣдній узелъ лопнулъ и ни одинъ человѣкъ не станетъ больше ломать копья за подлинность аттическихъ царскихъ списковъ. Но найдутся, конечно, многіе, которые вязнутъ въ старинныхъ понятіяхъ объ Тезеѣ и сочтутъ за грѣхъ усомниться въ его историческомъ характерѣ, или принять, что онъ точно такъ же принадлежитъ въ героическую исторію, какъ сказанія о Геркулесѣ: горе тому, кто станетъ дѣлать изъ нихъ праздношатающихъ и странствующихъ рыцарей! Если захочешъ приводить Тезея вò время, выйдутъ самыя забавныя противорѣчія. — Нéчего и говорить, что въ послѣдніе 20 лѣтъ, при живоносныхъ занятіяхъ способныхъ и умныхъ людей древностями, произведены превосходныя работы въ греческой исторіи, и надобно радоваться на то, что сдѣлано. Но еще много есть чего дѣлать, еще много должно желать, и особливо должно остерегаться злоупотребленій, а именно употребленія и притягиванія миѳологіи, символики или того, чтò называютъ греческимъ богослуженіемъ. Исторія не можетъ принимать въ себя и признавать выводы, оттуда идущіе. Они основаны бòльшею частію на соображеніяхъ, которыя тонки и остроумны, но лишены основанія и держатся на petitio principii. Мы многаго не исключимъ изъ древней исторіи, что однакожь остается въ высшей степени неопредѣленно: здѣсь *высшая мудрость* въ томъ и состоитъ, чтобъ распознавать, чтò можно брать и до чего не дотрогиваться, различать, за что можно приниматься съ надеждою на успѣхъ, и за что нѣтъ». (Стр. 236).

О персидскихъ династіяхъ:

«На Востокѣ относятъ основаніе персидскихъ династій къ отдаленнѣйшимъ временамъ; одни приписываютъ ее царицѣ Гомаѝ, персидской Семирамидѣ, другіе сказочному царю Джемшиду, но всѣ эти персидскіе разсказы не заслуживаютъ ни въ малѣйшей степени, чтобъ на нихъ смотрѣли въ историческомъ отношеніи. Они ничего не знаютъ о династіи Кира и Дарія и всей линіи, которая есть у Гре-

ковъ, и которой строгая историчность не подвержена никакому сомнѣнію: у нихъ только есть имена двухъ Даріевъ. А потому, къ самому несчастному виду пристрастія къ своему предмету принадлежитъ то обстоятельство, что во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, люди, впрочемъ, заслуживающіе уваженія, пришли на несчастную мысль дать вѣру персидскимъ спискамъ династій Фирдузинова Шаха-Намэ, Мирхонда и другимъ преимущественно передъ свидѣтельствомъ Грековъ. То правда, что въ книгахъ Зенд-Авесты стоятъ эти воображаемые цари, что тамъ упоминаются Дземшидъ, Феридунъ и другіе древніе цари, что сказанія объ этихъ династіяхъ древни и не выдумка Фирдузи, но тѣмъ не меньше они принадлежитъ древнему преданію и поэзіи, какъ у насъ лица рыцарской повѣсти, Гугдитрихъ и Вольфдитрихъ, и, все равно, какъ эти лица изъ Нибелунгенлида (пѣсни о Нибелунгахъ), такъ точно и эти не принадлежатъ ни которому мѣсту исторіи. Въ прежнихъ своихъ лекціяхъ, я разсказывалъ эти персидскія сказанія о династіяхъ, но теперь я ихъ пропущу, потому-что я думаю, что это совсѣмъ лишнее. Они принадлежатъ совсѣмъ къ другой области, только не къ области исторіи, и относятся къ ней, какъ романы изъ времени Карла-Великаго къ Эгингарду» (стр. 120).

Можетъ-быть, многіе подумаютъ, что этотъ критическій способъ разсматривать народныя сказанія и началю исторій, начатый Нибуромъ, уже утвердился вездѣ, такъ-что въ эти 17 лѣтъ, которыя прошли со времени чтенія Нибуромъ лекцій въ Боннскомъ Университетѣ, не осталось больше никого, кто бы могъ оставаться при понятіяхъ XVIII-го вѣка о легендахъ и сказаніяхъ и это нынче выходитъ то же, что сражаться съ мельницами, проповѣдывать войну противъ неиріятеля, давно, вѣроятно, побѣжденнаго? совсѣмъ нѣтъ: каково ни есть могущество всякой новой истины, старый хламъ еще очень - долго продолжаетъ существовать въ головахъ: съ нимъ необыкновенно-трудно разстаются. Одинъ изъ самыхъ почитаемыхъ и уважаемыхъ историковъ современной Германіи, Раумеръ, въ сочиненіи котораго загла-віе выписано въ началѣ нашей статьи, *Лекціи о древней Исторіи*, съ негодованіемъ отзывается о томъ, что въ наше время не хотятъ признавать ни Ромула, ни Семирамиды, ни Тезея, ни всѣхъ прочихъ героевъ и героинь. Для утѣшенія своего, онъ хочетъ увѣрить, что это только проходящая скептическая мода, и что скоро эта *непочтительность* кончится. Конечно, Раумеру можетъ найтись много товарищей въ его вѣрѣ.

Между-тѣмъ, Нибуръ исключаетъ изъ области исторіи нетолько сказанія о Семирамидѣ, Гигесѣ, Дземшидѣ, Дейокѣ, Кирѣ (*), Зороастрѣ («З. конечно, принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ Азіи. Впрочемъ, для насъ, сколько бы тамъ ни лежало историческаго въ основаніи разсказовъ о его лицѣ, онъ не

(*) «Исторія Кира, какъ извѣстно, сохранилась у Геродота и Ксенофонта двумя совершенно-различными образами. Ни одинъ благоразумный человѣкъ въ наше время не будетъ смотрѣть на ксенофонтову исторію Кира иначе, какъ на романъ, и когда это разъ признано, я думаю, что каждый, кто хоть сколько-нибудь понимаетъ древность, будетъ считать его за плохой и жалкій романъ. Ксенофонтъ совсѣмъ не хотѣлъ обманывать, писать исторію или выдавать это за исторію, но просто написать изображеніе царя, политическій романъ. Совсѣмъ другое разсказъ Геродота. Но и здѣсь Геродотъ то же, что потомъ во всей персидской исторіи: вся исторія о Смердисѣ, Даріи, Камбизѣ не что иное, какъ народное преданіе, которое онъ слышалъ и принялъ, и на этомъ совсѣмъ нельзя исторически основываться. Моя вѣра и мое убѣжденіе такія, что въ подобныхъ случаяхъ Геродотъ разсказываетъ народныя преданія. — Въ повѣствованіи Кира я считаю историческимъ, что онъ поднялъ Персовъ къ возмущенію противъ господства Медовъ, и что не только одни, можетъ-быть, жители Фарсистана, но больше или меньше вся сила персидскаго поколѣнія помогала этому возстанію. Меды были побиты при Астіагѣ въ открытомъ полѣ, Астіагъ попалъ въ плѣнъ къ своему внуку и вся Индія досталась во владычество Киру» (стр. 117).

больше, какъ миѳическое имя, основатель религіи ормузда или свѣта» [**]), и о многихъ другихъ, но считаетъ недоказанными легендами всю исторію о Ликургѣ и разсказы Геродота о мессинскихъ войнахъ.» Вся исторія Ликурга, какъ она стоитъ въ жизняхъ Плутарха, столько же мало можетъ быть принимаема за исторически-достовѣрную, какъ жизнь Нумы Помпилія, съ которымъ Плутархъ сравниваетъ Ликурга, только съ тою разницею, что въ Ликурга все-таки я вѣрю, какъ во что-то больше историческое,» чѣмъ въ Нуму, котораго я больше считаю за неопредѣленнаго законодателя всего сабинскаго народа, чѣмъ за римскаго царя. Можетъ-быть, и былъ какой-нибудь Нума. Ликургъ же въ историческомъ отношеніи имѣетъ двоякую важность: какъ основатель олимпійскихъ игръ и законодатель Спарты. Въ-отношеніи первыхъ, онъ соединяетъ въ одно цѣлое Пелопоннезъ, который былъ разъединенъ и раздѣленъ дорическимъ нашествіемъ. — Сколько ни писано до-сихъ-поръ о спартанскомъ законодательствѣ, все-таки этого недостаточно. Все-таки остаются неразрѣшенными большіе вопросы: такъ, на-пр., по-сю-пору не отвѣчено на вопросъ, что такое въ Спартѣ былъ демосъ. У меня есть только объ этомъ предположенія и я не такъ занимался, какъ надобно, для того, чтобъ прійдти къ результату. У другихъ греческихъ народовъ я могу доказать, что̀ такое демосъ, въ Спартѣ нѣтъ; и такъ, что Ликургъ былъ законодатель, начавшій дѣйствіе свое съ помощью дельфійскаго оракула, пожалуй, мы въ этомъ не станемъ сомнѣваться, но свѣдѣнія о его жизни сомнительны въ высшей степени, чтобъ не сказать больше, и объемъ его законодательства столько же подлежитъ спору, сколько и его личность» (стр. 313).

Нибуръ утверждаетъ, что только около временъ Креза для греческой исторіи наступаетъ нѣкоторая вѣроятность и, слѣдовательно, обѣ мессинскія войны лежатъ за предѣлами достовѣрности: кромѣ Павзанія, два писателя разсказываютъ эти войны: Миронъ Пріенскій и Ріанъ Критскій. Ни одна исторія всеобщая или исторія Греціи никогда не думали сомнѣваться въ этихъ войнахъ. Не такъ Нибуръ: онъ прежде всего самъ хочетъ разсмотрѣть источники, изъ которыхъ до него исторія брала свои матеріалы, и въ-слѣдствіе такой повѣрки онъ открываетъ, что въ обѣихъ войнахъ и есть одинъ только историческій фактъ, предательство противъ Мессинцевъ Аристократа, царя аркадскаго, за которое онъ потомъ былъ побитъ своимъ собственнымъ народомъ. «Разсказъ Павзанія, говоритъ Нибуръ, былъ бы очень-интересенъ, еслибъ Павзаній былъ писатель съ большимъ тактомъ и смысломъ и взялся бы за разсказъ такимъ образомъ, что представилъ бы его не какъ историческій, а довольствовался бы тѣмъ, что разсказалъ бы его въ видѣ преданія. Но онъ ищетъ дать всему историческій видъ, разсказываетъ съ необыкновенною важностью, съ моральными и политическими размышленіями, и это производитъ отвратительное впечатлѣніе. Я не могу разсказать то, что по моему убѣжденію просто романъ, какова, на-пр., исторія Мирона. Про Ріана нельзя сказать, чтобъ онъ все̂ самъ выдумалъ; можетъ-быть, основаніями его разсказовъ служатъ мессинскія повѣствованія, но никто на свѣтѣ не можетъ сказать, на сколько въ нихъ правды» (стр. 319).

Во времена еще ближайшія, Нибуръ сомнѣвается въ подробностяхъ войны Персовъ съ Греками, какъ ихъ сообщаетъ Геродотъ. «Приготовленія къ войнѣ различныхъ народовъ, разсказываемыя Геродотомъ, такъ странны,

(*) Новѣйшія открытія въ разбираніи клинообразныхъ письменъ доказали, что *Ауромаздъ* (Ормуздъ) значитъ не *великое начало свѣта*, какъ прежде думали, а *великая живая мудрость*. См. Quart. Review, мартъ 1847.

такъ непохожи на азіатство, какъ мы его вообще знаемъ, что я твердо убѣжденъ, что онъ переложилъ здѣсь на прозу эпика Херила Самосскаго. Я отсылаю только къ VII-й книгѣ Геродота: невозможно, чтобъ это былъ историческій разсказъ! Но поэтъ могъ разсказывать такое чудное, безалаберное вооруженіе, потому-что вся картина этого азіятскаго войска казалась ему странностью и какимъ-то необыкновеннымъ похожденіемъ. Что Херилъ имѣлъ вліяніе на Геродота, подтверждается такими разсказами, будто персидское войско выпивало рѣки, что̀ просто невозможно. Это принадлежитъ къ тѣмъ опрометчивостямъ, которыя могутъ случиться съ каждымъ, и въ которыя легко могъ попасть такой живой умъ, какъ Геродотъ, потому-что иной разъ въ головѣ и правда сидитъ, да только выразишь такъ, что выходитъ нелѣпость. Но главнымъ доказательствомъ остается перечисленіе народовъ» (стр. 378).

Казалось бы, чѣмъ ближе къ намъ источники, тѣмъ меньше въ нихъ есть погрѣшностей, самъ Нибуръ провознесъ этотъ законъ исторической критики: «Чѣмъ моложе повѣствованія историческихъ источниковъ, тѣмъ опредѣленнѣе говорятъ они; чѣмъ старше, тѣмъ больше наполнены они противорѣчій. Одинаковость и гармонія переданнаго намъ позднѣйшимъ временемъ поразительны и происходятъ только отъ-того, что дали мѣсто *одному* только разсказу на счетъ всѣхъ прочихъ». Въ-слѣдствіе этого, казалось бы, навѣрное больше достовѣрности въ исторіи Греціи, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ о Египтѣ или Вавилонѣ: Греція къ намъ такъ близка, а Египетъ и Вавилонъ, казалось бы, закрыты такимъ мракомъ и туманомъ. И однакоже у Нибура выходитъ совсѣмъ иначе: «годы Набонолассара, Навуходоноссора и прочихъ вавилонскихъ царей, говоритъ онъ (стр. 126) до самаго покоренія Киромъ, мы знаемъ съ совершенною опредѣленностью; я больше вѣрю ихъ хронологіи, чѣмъ хронологіи римскихъ императоровъ III-го столѣтія, гдѣ можно съ большою основательностію сомнѣваться о цѣлыхъ годахъ. Такъ-какъ у насъ есть здѣсь точныя опредѣлительности, то можно положительно обозначить и время разрушенія Іерусалима, потому-что мы можемъ опредѣлить время отъ Іоахима до Евильмеродаха.» — «Одно изъ величайшихъ преимуществъ нашего времени то, что мы можемъ съ опредѣленностью вѣрить многому, что̀ прежде отвергалось со вздорною увѣренностью» (стр. 75).

Такимъ-образомъ, Нибуръ прямо идетъ напротивъ принятымъ историческимъ истинамъ и разсказамъ, въ которыхъ никто не сомнѣвается, потому-что, по его выраженію, къ нимъ привыкли мы съ самой нашей молодости и никому не приходитъ въ голову провѣрять ихъ. Одаренный въ высшей степени историческимъ инстинктомъ, который устремляетъ его къ тому, чтобъ вездѣ раскрывать, что̀ истина и что̀ просто народное преданіе, онъ въ лекціяхъ своихъ поминутно забываетъ, что цѣль его преподаванія изложеніе исторіи и на каждомъ шагу отъ изложенія обращается къ критикѣ; но, быть-можетъ, это выраженіе невѣрное, что Нибуръ *забываетъ* разсказывать исторію, быть-можетъ, онъ не невольно вдается въ критическія изслѣдованія, а сознательно останавливается на нихъ однихъ, считая, что теперь еще не время собрать въ одинъ стройный всѣми частями разсказъ жизнь народовъ, когда теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, раскрываются въ многочисленныхъ лабораторіяхъ ученыхъ все новые матеріалы, все новые факты, существенно измѣняющіе прежнія понятія и представленія, дающіе понимать вездѣ новый характеръ. По мнѣнію и Нибура, изученіе исторіи и вникаміе въ нее становится съ каждымъ днемъ глубже и глубже, и не только рамы ея раздвигаются внаружу во всѣ стороны, но она съ каждымъ днемъ выигрываетъ

внутреннимъ содержаніемъ. Кому же лучше, какъ такому критическому уму, чувствовать измѣнчивость и неполноту формъ, въ которыхъ бы должна была теперь излагаться исторія. Какая бы ни была тому причина, только у него нѣтъ той спокойной вѣры во все досихъ-поръ принятое за историческое, которая существуетъ слишкомъ у многихъ; курсъ его—олицетвореніе безпокойнаго, живаго невѣрія; онъ наполненъ указаніями на безчисленныя историческія неправды и невѣроятности, и, слѣдовательно, наполненъ указаніями на то, что должно быть разрабатываемо. Нибуръ много разъ говоритъ: этого я не знаю, этимъ я не занимался, это я оставляю будущимъ изслѣдованіямъ, и никогда самъ не доканчиваетъ затронутаго предмета.

«Во всемъ разсказѣ о персидскомъ походѣ на Грецію, говоритъ онъ, остается много загадочныхъ вопросовъ; если отдѣлить выдуманное и перенестись въ то время, останется очень-мало вѣроподобнаго во всемъ разсказѣ. Какое колдовство помѣшало Персамъ, пришедшимъ съ такою огромною эскадрою, отрядить эскадру въ Пелопоннезъ для того, чтобъ его опустошить и покорить? Какъ это возможно, чтобъ такая огромная толпа Персовъ была до того труслива, что нигдѣ не показала себя? Что они вездѣ стояли, точно околдованные какимъ-то страхомъ? Какъ это случилось, что они даже не пошли на Елевзисъ? Этотъ городъ въ рукахъ у Грековъ, въ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ отъ Аѳинъ, а персидская конница не идетъ дальше Рарійскаго или Тріазійскаго-Поля? Какъ это она даже не попыталась двинуться къ Мегарѣ? Какъ это возможно, что все народонаселеніе Аѳинъ отправляется на маленькій островъ Саламинъ и въ Трезену, и какъ оно тамъ помѣстилось? Всего этого я просто не могу себѣ представить» (стр. 408).

«Битва мараѳонская подняла Аѳины на такую степень величія, отъ котораго онѣ прежде были очень-далеки... Сраженіе это столько же достовѣрно, сколько какое-нибудь всемірное рѣшительное происшествіе новѣйшаго времени. Но частности этого происшествія не достовѣрны: это все поэтическіе разсказы, на которые мы можемъ радоваться и ими разогрѣвать себя, но которыхъ мы не можемъ принимать за исторію. Греческій боевой порядокъ составлялъ одинакій фронтъ, при различной глубинѣ, отъ 8 до 15 человѣкъ. Если для мараѳонскаго сраженія принять глубину въ 10 человѣкъ, то весь фронтъ состоялъ изъ 1000 человѣкъ. При подобномъ фронтѣ, противъ войска въ 300,000 человѣкъ будто бы крылья греческаго войска побѣдили, центръ пробитъ Персами, а потомъ побѣдоносныя крылья греческаго войска съ двухъ сторонъ смяли массу варваровъ. Это разсказъ поэта, у котораго совершенно ускользаютъ математическія отношенія: такъ оно и въ Иліадѣ и простирается глубоко въ исторію. Вѣроятнѣе то, что число павшихъ Персовъ было 6000, Аѳинянъ 192. Когда для Греціи разъ прійдутъ хорошіе дни, станутъ изслѣдовать и это мараѳонское поле и получатъ огромную добычу. Что за чудныя вещи остается еще изслѣдовать!» (стр. 395).

«Теперь, со времени французской экспедиціи, начали собирать египетскіе папирусы, но количество историческихъ извѣстій въ нихъ необыкновенно ограничено; большая часть папирусовъ, находимыхъ при муміяхъ, содержатъ только изложеніе обрядовъ. Но Египетъ не можетъ не прійдти подъ владычество образованной европейской державы: рано или поздно Египетъ долженъ сдѣлаться соединительною страною между Англіею и Ост-Индіею. Но европейское владычество вездѣ бываетъ помощникомъ наукъ и человѣчности, и мѣшать уничтоженію варварскаго владычества было бы уголовнымъ преступленіемъ противъ науки и человѣчества. Мы стоимъ у источниковъ новой эры для древней исторіи, и черезъ 50 лѣтъ появятся опыты объ исторіи древнихъ народовъ, противъ которыхъ познанія нашего времени то же, что химія тому 100 лѣтъ назадъ противъ химіи Берцеліуса» (стр. 76).

«Подобно письму Египтянъ, есть и на Западѣ письмо, которое, кажется, можетъ имѣть претензію на оригинальность, хотя я этого не утверждаю совершенно, а именно письмо Кельтовъ. Что же касается до нашихъ руновъ, то они ясно и рѣшительно происходятъ отъ латинскаго и греческаго языковъ. Но какая его древность? Вотъ вопросъ, который я оставляю другимъ и который, кажется, неразрѣшимъ. Ску-

ность и ограниченность их знаковъ, можетъ-быть, намекаютъ на очень-раннее принятіе греческаго языка. Но въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго и видѣть въ нихъ оригинальность ничто больше, какъ вредное искаженіе патріотизма» (стр. 65).

Очень-часто посреди своихъ импровизацій Нибуръ выходитъ даже изъ круга древней исторіи и переносится въ область новой; у него очень-много указаній на новые пути, по которымъ должна слѣдовать и эта исторія, новыхъ мыслей для разработыванія, которыхъ не встрѣтишь ни въ одной изъ исторій; вездѣ онъ указываетъ, что слишкомъ-много дѣлается довѣрія источникамъ; слишкомъ-много принято привычекъ въ употребленіи того или другаго автора, вездѣ находишь въ исторіяхъ ссылки, между-тѣмъ, какъ иногда нужно покидать одного автора и переступать къ другому, поминутно сличая и оцѣняя. На каждомъ шагу онъ подаетъ къ тому примѣръ и взвѣшиваетъ извѣстія такихъ писателей, которыхъ бо́льшею частію никогда не разсматриваютъ критически, а просто цитируютъ, какъ несомнѣнность. Отъ этого, вмѣсто разсказа исторіи, какъ другіе рѣшаются спокойно и увѣренно это дѣлать, онъ имѣетъ право указывать дорогу будущимъ работникамъ. Онъ не физіологъ, разсказывающій процессъ жизни, онъ только анатомъ-операторъ, на живомъ тѣлѣ выпытывающій тайны его существованія и устройства, слѣдовательно, безпрестанно указывающій на то, чего еще нѣтъ въ наукѣ и что въ ней ложно. Онъ смѣлою и рѣшительною рукою срѣзываетъ съ исторіи «наросты», какъ онъ ихъ называетъ, и которые принимались другими за здоровое тѣло; но для этого нужны инстинктъ и проницательность, подобные тѣмъ, которые ставили такъ высоко Дюпюитрена надъ всѣми его товарищами-операторами, и которыхъ совершенное подобіе встрѣчалось и въ Нибурѣ.

Раумеръ составляетъ рѣшительную противоположность этому историку-критику; сколько Нибуръ постоянно стремится самъ-собою все разсмотрѣть, открыть у каждаго писателя и у каждаго событія его истинную физіономію, сколько онъ не довѣряетъ сдѣланному до него, столько Раумеръ расположенъ вносить въ свою древнюю исторію все, что только другими ни сдѣлано. Въ первый разъ, книга его появилась 36 лѣтъ тому назадъ, какъ изложеніе читанныхъ имъ тогда въ Берлинѣ лекцій, и нынче онъ её вновь издаетъ, либо какъ доказательство безошибочности своего пониманія исторіи, которое въ-теченіи 36 лѣтъ не могло ни измѣниться, ни усовершенствоваться, либо въ доказательство совершившагося и закончившагося круга изученія историческаго. Противъ перваго изданія вся перемѣна состоитъ только въ томъ, что онъ помѣстилъ въ свою книгу нѣсколько новыхъ цитатъ, которыя прежде были невозможны, потому-что книги, изъ которыхъ онѣ почерпнуты, еще тогда не существовали, и больше ничего. Между Нибуромъ и Раумеромъ вся разница университетскаго профессора и гимназическаго учителя, потому-что, не смотря на то, что въ предисловіи Раумеръ говоритъ, что книга его назначена для публики, образованной въ лучшемъ смыслѣ слова, исторія его не можетъ быть принимаема иначе, какъ за гимназическій курсъ. Каждому человѣку, прежде, чѣмъ быть въ состояніи принять историческую критику, подобную нибуровской и долженствующую составлять «высшую школу», надобно напередъ быть образовану гимназически, т. е. обладать всѣми тѣми подробностями, изъ которыхъ потомъ бо́льшую часть, можетъ-быть, прійдется откидывать. А потому совершенно ложно намѣреніе Раумера дать свою книгу въ руки публикѣ, образованной въ лучшемъ смыслѣ слова: кто образованъ въ лучшемъ смыслѣ слова, тому она больше не нужна именно по этой самой причинѣ. Напротивъ, она можетъ быть очень полезною тѣмъ, которые желаютъ быть въ-послѣдствіи об-

разованными, потому-что сообщаетъ всѣ нужныя предварительныя знанія, почерпнутыя изъ очень-многихъ образцовыхъ и признанныхъ за превосходныя сочиненій. Все то, чему не вѣритъ Нибуръ, есть у Раумера, всѣ сказанія, легенды и сказки, которыя встрѣчаются и въ прочихъ подобнаго рода учебникахъ, только съ бо́льшею подробностью, потому-что нѣмецкій учитель больше ученъ, чѣмъ учитель другихъ націй и располагаетъ бо́льшимъ числомъ матеріаловъ.

Такимъ-образомъ,мало того,что исторія Раумера начинается съ доисторическихъ временъ: она сообщаетъ многочисленныя геологическія и естественно-историческія подробности объ устройствѣ земнаго шара, взятыя изъ Космоса Гумбольдта, геологіи Лайэля, Боклэнда, Линка и т. д. Потомъ идутъ различныя богословско - филологическія изслѣдованія о происхожденіи человѣка и наконецъ уже начинается сама исторія. Подобно тѣмъ историкамъ, про которыхъ говоритъ Нибуръ, что разъ взявшись за который-нибудь источникъ, они ужь его не покидаютъ, Раумеръ безразлично ссылается, безъ всякой провѣрки, на тѣхъ авторовъ, которыхъ онъ однажды началъ цитировать. Такъ, на-прим., онъ не въ-состояніи, подобно Нибуру, сказать: «еслибъ до насъ дошли солоновы законы, или, еслибъ у насъ были въ цѣлости его элегіи, то у насъ былобы довольно матеріала для полнаго понятія объ отношеніяхъ того времени, столько матеріала, сколько его было у Димитрія Фалерейскаго и Аристотеля. Они оба лучшіе источники; но Плутархъ до того некритиченъ, до такой степени безъ всякаго различія собираетъ свои свѣдѣнія, что рядомъ съ критически-строгимъ, свѣтлымъ умомъ Димитрія Фалерейскаго, употребляетъ сказочнаго Гермиппа. Онъ сгребаетъ всякую всячину, толькобы полнѣе сдѣлать свой разсказъ». Или: «Жаль, что Платонъ не писалъ греческой исторіи, которою онъ именно призванъ былъ заниматься; это было бы превосходное сочиненіе и, можетъ-быть, было бы важнѣе иныхъ созерцаній» и т. д. Ничего подобнаго Раумеръ не можетъ сказать, потому-что для него все очень-хорошо, все несомнѣнный авторитетъ. А потому онъ съ совершенно-одинаковою увѣренностью въ истинѣ разсказываетъ самыя неподверженныя сомнѣнію и самыя сказочныя вещи, къ-чему, впрочемъ, всѣ больше или меньше пріучены учебниками, въ которыхъ начали свое знакомство съ исторіей.

Собственныхъ размышленій Раумеръ позволяетъ себѣ немного; это случается съ нимъ только иной разъ, чтобъ осудить безнравственность индійской поэзіи, которой примѣровъ *даже* онъ не позволяетъ себѣ привести, (кромѣ одного гимна къ Парвати, индійской Венерѣ) или, чтобъ для окончанія обзора Индіи объявить, что какъ-бы ни было, а все-таки индійская архитектура по объему, разнообразію, оригинальности навѣрное стоитъ ниже египетской, тѣмъ еще ниже греческой и, наконецъ, нечего и сравнивать съ такимъ дивнымъ произведеніемъ, какъ страсбургская колокольня; или еще, предаваясь вольному полету пророчества, онъ говоритъ: «Какая разница между Египтомъ и Греціей! Съ признаніемъ личной свободы и самоназначенія открываются новые міры. Греки никогда не слыхивали про принужденіе для того, чтобъ производить, оцѣнять великое; оно само стремилось могущественно и безпрепятственно по всѣмъ направленіямъ и было признаваемо и оцѣняемо по своему внутреннему достоинству. Они никогда не выражали самое высшее темными аллегоріями и тѣмъ не искажали его; но находили его въ непосредственно выговаривающейся красотѣ и за ясностью не теряли глубины познаванія. Они никогда трусливо не безпокоились о смерти, потому-что все казалось имъ живымъ, даже самъ геній смерти. *Отъ этого Греки до-сихъ-поръ продолжаютъ дѣйствовать на все живущее, между-тѣмъ, какъ остатки египетскаго величія стоятъ покинутые въ пу-*

стынныхъ степяхъ. Ихъ безсмертіе только другой родъ смерти, и еслибъ даже выдавали эту продолжительность за жизнь, то все-таки Иліада будетъ существовать и жить дольше пирамидъ!» Подобно этому, онъ находитъ, что вообще очень-хорошо было въ Греціи раздѣленіе женщинъ на семейныхъ и гетеръ, потому-что «достоинство домохозяйки только въ рѣдкихъ случаяхъ соединяется съ совершенною образованностью духа и художественно прекраснымъ изображеніемъ тѣла; что̀ тогда представляетъ высшій идеалъ женственности; *напротивъ для всѣхъ среднихъ натуръ, образованіе, которое въ одно и то же время стремится по противоположнымъ направленіямъ, легко произведетъ дѣйствіе пагубное и смутное*». Изъ этого мѣста и изъ послѣдующаго за тѣмъ сравненія Гречанки, римской матроны и «настоящей древней Германки» выходитъ такое заключеніе, что настоящее назначеніе женщины сидѣть у себя дома и сохранять свое достоинство. Все прочее вредно и пагубно. Хороша исторія для людей образованныхъ въ лучшемъ смыслѣ слова, которая обращается съ такими мыслями! Еслибъ авторъ послѣ протекшаго времени съ-тѣхъ-поръ, какъ читалъ эти лекціи, навелъ бы справку, то вышло бы, что по этому предмету можно сдѣлать цитаты совсѣмъ другаго содержанія противъ того, что думали 36 лѣтъ тому назадъ. Слѣдовательно, книга очень-много выиграла тѣмъ, что авторъ былъ не расточителенъ на собственныя разсужденія, а держался только выборокъ изъ многочисленныхъ сочиненій.

Впрочемъ, такъ-какъ Раумеръ извѣстенъ какъ трудолюбивый писатель, необыкновенно много прочитавшій и съ пользою для другихъ употребляющій свои познанія (хотя собственно исторіи у него никогда нѣтъ, что̀ должно сказать и про его «Исторію Гогенштауфеновъ» и «ИсторіюЕвропы въ концѣ XV столѣтія», а только богатое собраніе историческихъ свѣдѣній), то онъ не могъ и въ древней исторіи, нынѣче изданной, представить нѣсколько весьма замѣчательныхъ частей, въ которыхъ онъ и самъ является дѣлателемъ. Такъ, между-прочимъ, особливаго вниманія заслуживаетъ статья о поземельномъ имѣніи у Евреевъ по древнему закону. Конечно, не безъ пособія предшествующихъ ему изслѣдователей (Бертò и Вивера) Раумеръ приходитъ къ заключенію, что у Евреевъ никогда не было приведено въ исполненіе законоположеніе о томъ, что: 1) дочери могли вступать въ бракъ только въ кругу своего рода, для того, чтобъ поземельная собственность не переходила въ другой родъ, такъ-какъ вообще система эта изложена была въ такомъ намѣреніи, чтобъ всѣ члены рода могли принимать участіе въ первоначальномъ отцовскомъ владѣніи. 2) Всякія пятьдесятъ лѣтъ, съ наступленіемъ юбилея, всѣ земли, по какому бы то ни было случаю поступившія отъ одного къ другому, должны были возвратиться къ первому хозяину и притомъ безъ всякаго вознагражденія; при наступленіи юбилея погашались всѣ долги. 3) Въ седьмой, субботній годъ, не должно было ни сѣять, ни жать, потому-что земля должна отдыхать, все равно какъ человѣкъ въ субботній день; въ этотъ годъ нельзя было взъискивать долговъ, и рабы получали свободу. Противъ всеобще принятаго мнѣнія Раумеръ доказываетъ, что эта система никогда не была приведена въ исполненіе, потому-что кромѣ Библіи нигдѣ нѣтъ тому историческихъ подтвержденій, а будь она приведена въ исполненіе, то много разъ объ томъ было бы помянуто въ историческихъ источникахъ уже потому одному, что вмѣсто твердости поземельнаго владѣнія и спокойствія, произошли бы величайшіе безпорядки и неустройства. Ни въ одной продажѣ и покупкѣ, ни въ одномъ заемѣ не могло быть твердости; вступленіе въ бракъ было сильно стѣснено, а между-тѣмъ, нельзя было воспрепятствовать ни бѣдности, ни богатству, потому-что приливъ и отливъ ихъ зависятъ отъ

слишкомъ многочисленныхъ причинъ. Какъ извѣстно, это законоположеніе состоялось до шествія въ обѣтованную землю и, слѣдовательно, раньше, чѣмъ началось поземельное владѣніе. Осѣдлость же Евреевъ совершилась совсѣмъ иначе, и, въ числѣ прочихъ отступленій, преемники Моисея сдѣлали и здѣсь отступленіе отъ его правилъ. Къ-тому же, зависимость отъ иноземныхъ народовъ, обязанность платить подать и проч. должны были нарушить годы юбилея, и въ Библіи именно сказано, что плѣненіе вавилонское было наказаніемъ еврейскому народу за несоблюденіе юбилейнаго года. Наконецъ, Раумеръ предполагаетъ, что книга закона не была бы потеряна, а потомъ снова найдена при царѣ Іосіи, еслибъ ее прочитывали передъ народомъ въ юбилейный годъ, по установленію Моисея. (Стр. 216–225.)

Всѣмъ извѣстно странное понятіе, нѣкоторыхъ у насъ объ изученіи древнихъ языковъ, такъ-называемыхъ классическихъ, греческаго и латинскаго. Оно коротко и ясно состоитъ въ томъ, что въ наше время эти языки совершенно лишніе, что преподаваніе ихъ сохранилось по привычкѣ отъ прежнихъ схоластическихъ временъ и, наконецъ, совершенно исчезнетъ изъ учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ риторикой и схоластической логикой. Во всей Западной Европѣ думаютъ иначе: тамъ полагаютъ, что оно, во-первыхъ, нужно какъ основа многихъ отдѣльныхъ дисциплинъ, необходимо имѣющихъ входить въ составъ хорошаго образованія, а потомъ, что нельзя довольно усиливать распространеніе ихъ между людьми, занимающимися чѣмъ-нибудь, такъ много нужно еще изслѣдовать все написанное на этихъ языкахъ и такъ важны эти изслѣдованія; но, наконецъ, и Россія не останется всегда позади всеобщаго движенія; въ свое время и въ ней станутъ заниматься изслѣдованіями, занимающими столько ученыхъ Германіи, Франціи и Англіи. Такъ что, должно ожидать, не только языки латинскій и греческій не перестанутъ у насъ преподаваться, но преподаваніе и употребленіе ихъ разовьется въ размѣрахъ далеко не такихъ, какіе нынче существуютъ, что къ нимъ вскорѣ потомъ присоединится, какъ и вездѣ на Западѣ, языкъ еврейскій. У насъ теперь вовсе не существуетъ и попытокъ на литературу, которая была бы основана на этихъ языкахъ: все дѣйствованіе ея въ будущемъ еще.

Между-тѣмъ, въ Германіи, Франціи и Англіи, гдѣ *хорошее* изученіе этихъ языковъ составляетъ непремѣнную принадлежность не только университетскихъ, но и высшихъ гимназическихъ курсовъ, результатами этого филологическаго направленія является множество сочиненій, которыя у насъ рѣшительно невозможны. Доказательствомъ того, сколько этюдъ можно и должно дѣлать надъ отдѣльными писателями, можетъ служить превосходное сочиненіе Шампаньй «Цезари», которое почти исключительно основано на историкѣ Светоніи. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій новой исторической школы нашего времени, а между-тѣмъ, не только Тацитъ, Сенека и прочіе писатели, встрѣчающіеся въ немъ, не исчерпаны, но даже и Светоній, оставляютъ матеріалы для многочисленныхъ историческихъ совсѣмъ другихъ работъ, принадлежащихъ къ одному роду съ «Цезарями» Шампаньй. Нынче начинаютъ входить во вкусъ для такихъ археологико-историческихъ работъ; онѣ вездѣ начинаютъ появляться и къ лучшимъ принадлежитъ сочиненіе доктора Шмидта: Исторія свободы мысли и вѣры въ первое столѣтіе императорства и христіанства. Авторъ не имѣетъ претензіи писать исторіи, онъ и не называетъ своей работы иначе, какъ реставраціей: «моя цѣль та», говоритъ онъ, «чтобъ «возобновить воспоминаніе объ обсто«ятельствахъ человѣческой жизни, ко-

«торыя, не смотря на ихъ многозначи-«тельность, кажется, слишкомъ исчез-«ли изъ памяти настоящаго времени, «и живое воспоминаніе о которыхъ мо-«жетъ быть ему полезно во многихъ «отношеніяхъ».

Вся книга доктора Шмидта посвящена картинному представленію, посредствомъ безчисленныхъ подробностей изъ римскихъ писателей, изображенію школъ, философскихъ сектъ. Книга эта во многихъ отношеніяхъ сходна съ «Цезарями» Шампаньи.

VIII.

СМѢСЬ.

ЕЛИЗАВЕТА КНЯЖНА ПФАЛЬЦСКАЯ, ИЛИ ПЕРВЫЕ УСПѢХИ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ КАРТЕЗІАНИЗМА (*).

«... Iopas, à la longue «chevelure, fait retentir sur «la lyre dorée les chants «qu'il apprit du grand Atlas: «il dit l'errante Phébé, les «feux éclipsés du soleil, l'o«rigine des hommes, des «animaux, des orages et de «la foudre; l'Arcture, les «deux Ourses et les Hyades «pluvieuses; pourquoi les so«leils d'hiver se hâtent de se «plonger dans l'Océan, et «quelle cause amène les «nuits tardives. Les Tyriens «redoublent d'applaudisse«ments, et les Troyens imi«tent leur exemple».

L'Énéide (Livre 1. V. 740).

Елизавета, княжна пфальцская, родилась въ 1618 году и была дочерью владѣтельнаго курфирста пфальцскаго, что̀ на Рейнѣ, Фридриха V, избраннаго въ-послѣдствіи королемъ богемскимъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ она восхищала всѣхъ ее знающихъ своимъ необыкновеннымъ разумомъ, а потомъ оказала особенныя способности къ изученію языковъ и къ самымъ разнообразнымъ знаніямъ. Она съ необычайною легкостію и скоростію понимала метафизику, и удовольствіе мыслить предпочитала всѣмъ другимъ удовольствіямъ; а чтобъ не отвлечь себя отъ этихъ занятій — отказала въ искательствѣ ея руки страстно въ нее влюбленному Владиславу VII, королю польскому. Въ этихъ важныхъ отрасляхъ знаній, она имѣла наставникомъ знаменитаго Декарта, а по-этому и посвящала всѣ свои труды на ученую переписку съ нимъ и на постиженіе вполнѣ картезіевой философіи; а какъ ея заслуги въ наукахъ имѣютъ отношеніе и связь съ заслугами Декарта, то считаемъ не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и объ немъ.

Ренѐ Декартъ или Де Картъ (Descartes или Des Cartes), называемый также Картезіемъ, по переводу его фамиліи на латинскій языкъ (Cartesius), родился въ 1596 году и принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ великимъ мыслителямъ, явленіе которыхъ составляетъ уже не эпоху, но даже, такъ-сказать,

(*) Статьи изъ вновь выходящей книги: *Женщины-Математики*.

эру въ исторіи разума человѣческаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, почти во всѣхъ исторіяхъ философіи отъ его преобразованій начинаютъ философію новѣйшихъ временъ.

Всѣ философы до Декарта основывали свои заключенія на разсматриваніи природы, и между-тѣмъ, какъ англійскій философъ Бэконъ училъ вопрошать природу и, такъ-сказать, заставлять её давать отвѣты, Декартъ избралъ человѣческій разумъ точкою отправленія. Путь дѣйствія разума по его системѣ есть путь сомнѣнія во всемъ, постигаемомъ чувствами и умозрѣніемъ и, однакожъ, человѣкъ, отнюдь не останавливаясь на этомъ сомнѣніи, долженъ идти далѣе и все провѣрить, основываясь на положеніяхъ и правилахъ, имъ предписанныхъ. Такимъ-образомъ, подчинивъ человѣческому разуму весь физическій и нравственный міръ, онъ возвысилъ значеніе человѣка на землѣ и далъ ему высокую цѣну въ собственныхъ его глазахъ.

Замѣтимъ, однакожь, что любовь къ человѣчеству увлекла слишкомъ-далеко пылкаго Декарта, и онъ не признавалъ не только никакой степени разума, но даже чувствительности и воли въ животныхъ, полагая ихъ автоматами, сдѣланными лишь несравненно высшимъ художникомъ, нежели люди, а потому имѣющими то, чего никогда люди не могутъ дать своимъ произведеніямъ, именно — инстинктъ. По этой-то причинѣ, Декартъ смотрѣлъ весьма-хладнокровно на бой быковъ, и самъ въ шутку билъ своихъ любимыхъ собакъ, будучи увѣренъ, что имъ не можетъ быть больно.

Заслуги Декарта по математикѣ весьма-важны; но главная — изобрѣтеніе новой отрасли, а именно: приложенія алгебры къ геометріи, называемой также аналитическою геометріею. Это соединеніе алгебры съ геометріею, составляетъ твердую и неоспоримую часть его славы, и пребудетъ навсегда ключомъ самыхъ глубочайшихъ открытій высшей геометріи и всѣхъ физико-математическихъ наукъ. Историки математики обыкновенно сравниваютъ Декарта съ древнимъ Платономъ, потому-что Платонъ былъ изобрѣтателемъ геометрическаго анализа древнихъ, хотя весьма различающагося отъ анализа Декарта, и если открытіе Платона произвело Архимеда, Аполлонія и другихъ, то точно также открытіе Декарта въ-послѣдствіи произвело Ньютона, Лейбница и всѣхъ великихъ аналитиковъ до нашихъ временъ; но его можно также сравнить и съ Аристотелемъ, потому-что онъ, подобно этому послѣднему, былъ одинаково способенъ преподавать философію, математику, краснорѣчіе и стихотворство.

Въ физикѣ, Декартъ изобрѣлъ такъ-называемую систему вихрей, которыми онъ объяснялъ многія явленія въ природѣ, изъяснилъ естественное происхожденіе небесной радуги, открылъ истинный законъ рефракціи и составилъ такую теорію распространенія свѣта, которая, хотя въ-продолженіе всего прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія и была оставлена и замѣнена теоріею Ньютона, но нынѣ снова принимается и уже введена почти во всѣхъ университетахъ.

Діоптрика Декарта представляетъ такую часть, которой пользы въ физикѣ никто не объяснилъ лучше его. Посредствомъ ея, онъ весьма-обстоятельно подтвердилъ бытіе Бога, различіе души отъ тѣла и невещественность духовъ.

Картезій, не смотря на то, что его система претерпѣла много гоненій, при жизни своей былъ всегда уважаемъ и цѣнимъ высоко, а потому былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со шведскою королевою Христиною, находясь при ея дворѣ, а также пользовался особымъ благоволѣніемъ Людовика XIII, короля французскаго; но ничто такъ не выражаетъ, до какой степени восходила современная оцѣнка его достоинствъ, какъ надгробная надпись надъ прахомъ его, погребеннымъ вторично въ 1667 году, въ

Парижѣ въ Церкви-св.-Женевьевы: *Здѣсь лежитъ тѣло Картезія, который отворилъ глаза слѣпцамъ смертнымъ и, храня уваженіе къ алтарямъ, показалъ имъ составъ всего свѣта. Имя его прославилось множествомъ твореній, и духъ его, измѣряя небо и землю, проникъ въ самую бездну и достигъ за облака. Однакожъ, уступаетъ и онъ законамъ судьбы человѣческой, хотя и долженствовалъ бы жить столько, сколько проживутъ его творенія.*

Извѣстно, что прахъ его во время революціи былъ перенесенъ въ Музеумъ, и наконецъ, въ 1819 году, съ большою пышностію снова погребенъ уже въ четвертый разъ.

Послѣ всего, сказаннаго о Декартѣ, должно быть понятно чувство энтузіазма, которое питала Елизавета къ его достоинствомъ и ученію, а равно и чувство самодовольствія и гордости, которое ощущала Елизавета отъ переписки съ нимъ и мысли, что была его ученицею. Но сколь высоко цѣнилъ Декартъ достоинства Елизаветы, это явствуетъ изъ того, что онъ ей посвятилъ свои *Principes de Philosophie*, сказавъ въ предисловіи, что посвятилъ бы кому-либо другому, еслибъ зналъ кого-либо, кто болѣе ея можетъ цѣнить и понимать его философію. Важная похвала со стороны Декарта, который былъ гордъ и не сталъ бы льстить. Въ-послѣдствіи мы увидимъ, были ли въ этомъ случаѣ оправданы ожиданія философа.

Но предопредѣленіемъ не было суждено Елизаветѣ въ спокойствіи предаться своимъ занятіямъ, и она испытала въ высокой степени то, что называется гоненіемъ судьбы. Въ Гагѣ былъ умерщвленъ французскій дворянинъ д'Аппинай, который былъ фаворитомъ матери Елизаветы и, по чудному стеченію обстоятельствъ, сильное подозрѣніе пало на Елизавету о участіи въ заговорѣ на это убійство, а потому она должна была жить внѣ круга своего семейства, униженною въ мнѣніи другихъ европейскихъ дворовъ, ненавидимою и всюду преслѣдуемою своею матерью. Сначала она удалилась въ Гроссенъ, потомъ въ Гейдельбергъ, а оттуда въ Кассель. Съ этого времени она старалась жить сколь можно въ неизвѣстности, утѣшая себя въ горѣ лишь подробнымъ изученіемъ философіи Декарта и его алгебраическаго анализа.

Однакожь, былъ одинъ случай, въ которомъ имя Елизаветы блеснуло между именами ученыхъ того времени. Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Незадолго предъ тѣмъ былъ ученый споръ между двумя знаменитыми геометрами: голландскимъ, Адріаномъ Романусомъ, и французскимъ, Віэтомъ (Viète). Они оба занялись рѣшеніемъ одного вопроса, а именно: *провести кругъ, касающійся тремъ даннымъ кругамъ.* Романусъ рѣшилъ тѣмъ, что далъ способъ опредѣлить центръ искомаго четвертаго круга посредствомъ пересѣченія двухъ кривыхъ линій, называемыхъ гиперболами; но Віэтъ превзошелъ Романуса, рѣшивъ тотъ же вопросъ помощію начальной геометріи, что именно Романусъ считалъ невозможнымъ; а какъ это обстоятельство встрѣчается и имѣетъ свои приложенія въ физической астрономіи, то Декартъ желалъ, чтобъ вопросъ былъ изслѣдованъ и рѣшенъ помощію приложенія алгебры къ геометріи, и предложилъ о томъ всѣмъ занимающимся этою отраслью.

Собственныя усилія Декарта въ этомъ случаѣ не были увѣнчаны успѣхомъ, и онъ, какъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ (lettres), получилъ двумя разными пріемами два столь сложные вывода, что геометрическое построеніе ихъ требовало бы труда нѣсколькихъ мѣсяцевъ. По вызову Декарта, ученые всѣхъ націй, занявшись этимъ вопросомъ, прислали къ нему свои изслѣдованія, и, къ удивленію, всѣми забытая принцесса Елизавета также прислала свои выводы. Рѣшеніе ея оказалось изъ самыхъ лучшихъ, хотя тоже не вполнѣ удовлетворяющимъ: ибо хотя она получила результатъ тоже довольно-сложный и

неудобный къ построенію, но доказала аналитически, что вопросъ этотъ опредѣленный и всегда возможный, если данные круги будутъ находиться порознь, а не одинъ внутри другаго, и своимъ заключеніемъ такъ-сказать дала свѣтъ даже къ рѣшеніямъ Романуса и Віэта.

Уже при концѣ дней своихъ, въ годахъ глубокой старости, а именно, имѣя болѣе 60 лѣтъ, получила Елизавета себѣ въ удѣлъ богатое и обширное Герворденское Аббатство, и здѣсь-то ея благонамѣренность и геніальность развернулись во всемъ блескѣ.

Всякій, какой бы онъ націи, какого званія, какой бы религіи и какого бы образа мыслей ни былъ, лишь бы былъ дѣйствительно ученый по какой бы то части ни было — находилъ прибѣжище, защиту и успокоевіе подъ кровомъ аббатства. Елизавета, со свойственною въ особенности женщинамъ проницательностью, старалась узнавать не только характеры и желанія, даже сокровенныя, но слабыя стороны, привычки и странности всѣхъ своихъ ученыхъ обитателей, чтобы, сообразуясь съ этимъ—содѣлать ихъ болѣе покойными и счастливыми. Словомъ, она все устроила такъ, что всякое злополучіе, слѣдящее за человѣкомъ по пятамъ на пути его жизни, при вратахъ аббатства должно было уже оставить его.

Со всѣхъ сторонъ Европы стекались ученые въ аббатство, которое вскорѣ сдѣлалось первою въ Европѣ картезіанскою школою или, правильнѣе, академіею. Здѣсь развивались и обработывались всѣ высокія идеи Картезія, а равно его приложеніе алгебры къ геометріи. Въ случаяхъ, требующихъ поясненія, обращались къ самой Елизаветѣ, которая все дополняла и объясняла такъ, какъ ей было извѣстно отъ самого великаго Декарта. Прошло уже 30 лѣтъ отъ его кончины, но казалось, что онъ все еще существуетъ.

Учрежденіе такого рода не могло бы не имѣть гораздо-обширнѣйшаго назначенія, но, къ-несчастію, оно продолжалось весьма-недолго, и въ концѣ 1680 года колоколъ аббатства возвѣстилъ о внезапной кончинѣ Елизаветы. Ученые разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, а нѣкоторые изъ нихъ поступили профессорами въ университеты, и въ особенности во вновь тогда открытый въ Утрехтѣ, который по этому съ самаго своего начала былъ картезіанскимъ. За тѣмъ, постояннымъ обитателямъ аббатства и ихъ преемникамъ осталось лишь воспоминаніе о бывшемъ его блестящемъ положеніи и великомъ предназначеніи. Путешественники обыкновенно посѣщаютъ это аббатство съ большимъ любопытствомъ и уваженіемъ.

Николай Навроцкій.

❋

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г-НА ЩУКИНА О ЛАМАЙСКОЙ ВѢРѢ.

Прочитавъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за мартъ мѣсяцъ 1847 года статью подъ заглавіемъ: *Ламайская Вѣра*, г-на Щукина, я невольно задумался: г. Щукинъ, до-сихъ-поръ такъ хорошо знакомившій насъ съ мѣстностію Сибири и настоящимъ бытомъ ея обитателей, теперь вдругъ вышелъ на поприще, повидимому, совершенно для него чуждое. Ему показались тѣсны границы литературной его дѣятельности; онъ соскучился описывать картины великолѣпной Сибири; нагладность ему надоѣла; онъ рѣшился углубиться въ нѣдра науки, не запасшись прежде, какъ мнѣ кажется, достаточными для того орудіями; ему удалось схватить нѣсколько повѣрьевъ Якутовъ и подметить шарлатанство шамановъ; эта попытка завлекла его въ разсужденія о буддизмѣ или, по его выраженію, ламайской вѣрѣ; но предметъ оказался труденъ, и поверхностная наблюдатель-

ность недостаточною. Чтобъ разсуждать о религіи, а тѣмъ болѣе о буддизмѣ, как глубоко-философской религіозной системѣ, нуженъ предварительный трудъ, необходимы пособія науки; безъ этого условія легко можно впасть въ большія ошибки, принять пустые разсказы за факты и нелѣпые обряды за основные догматы религіи. Это самое и случилось съ г. Щукинымъ, который въ изложеніи избраннаго имъ предмета руководствовался, какъ видно, мнѣніями людей, вовсе незнакомыхъ съ сущностію дѣла.

Разберу статью его подробно, и сказанное мною подкрѣплю доказательствами.

«*Отецъ его (Сакжамуни) былъ государь владѣнія Мункè или Джангаръ, лежащаго при источникахъ рѣки Ганга*». Фамилія Шакіевъ, изъ которой происходилъ Шакямуни, издревле владѣла царствомъ *Макзада*, занимавшимъ южную часть нынѣшняго *Багара*; оно почитается у буддистовъ священнымъ, какъ страна, гдѣ являются будды и откуда разливается, по ихъ мнѣнію, истинное ученіе (*ўнэ̆нъ номъ*); это царство въ буддійскихъ сочиненіяхъ носитъ названія: 1) *думдатў ордонъ* «срединное» т. е. такое царство, которое, по космологическимъ понятіямъ буддистовъ, лежитъ въ срединѣ *Цзамбутиба*; 2) *мўнкэ̆ ордонъ* «вѣчное», потому что отсюда истекаетъ завѣтъ вѣчности; 3) *Вачратў оронъ* «адамантовое» т. е. заключающее въ себѣ символъ неразрушимости или источникъ нетлѣнія.—Откуда же взялъ г. Щукинъ названіе *Джангаръ?* не передѣлалъ ли онъ по-своему тибетскаго слова *Чжакгаръ*, означающаго вообще Индію; такая географія Индіи до-сихъ-поръ не обнародована.

«*Сакжамуни до двадцати-девяти лѣтъ своей жизни утопалъ въ развратѣ*»... За такія выраженія буддисты не очень будутъ благодарны. По ихъ мнѣнію, Шакямуни, предназначенный судьбою (*цзаиӑ*) просвѣтить существа, погрязшія въ порокахъ, свѣтомъ ученія, пробудить въ нихъ самосознаніе и вести ихъ по пути спасенія, не былъ обыкновенный человѣкъ; по чудесному его зачатію, пребыванію въ утробѣ материей и, наконецъ, самому появленію на свѣтъ, они принимаютъ его за существо высшаго разряда—*Бодисадуя* (имѣющаго степень ближайшую къ божеству), и всю земную жизнь его почитаютъ образцомъ чистоты и непорочности. Его не занимали ни роскошь царская, которою онъ былъ окруженъ, ни удовольствія его сверстниковъ, ни красота женщинъ, ни даже самая власть царская, которую онъ долженъ былъ наслѣдовать; во всѣхъ дѣйствіяхъ его всегда проявлялось отчужденіе отъ наслажденій міра и стремленіе къ самосозерцанію. Если онъ и вступалъ въ супружество, то дѣлалъ это не по собственной наклонности, но только изъ угожденія своимъ родителямъ, которые желали видѣть въ немъ наслѣдника престола. Онъ имѣлъ у себя трехъ женъ: *алдаръ барикчй экэ̆, гацэ̆аръ тэткукчй* и *кгурукгэ̆сунъ турултў* и при нихъ 60,000 прислужницъ; отъ второй супруги у него былъ сынъ по имени *Рахўли*.

«*Разсмотрѣвъ вообще природу человѣка онъ постигъ, что тѣлесныя удовольствія, всѣ безъ исключенія, подвергаютъ людей скукѣ, болѣзнямъ, приближаютъ къ старости и смерти.*» Буддисты принимаютъ шесть разрядовъ матеріальныхъ существъ, въ которыхъ обитаетъ духовное начало: 1) *Тэнкгэ̆рй* (добрые духи), 2) *Ассўри* (недоброжелательные духи), 3) *люди*, 4) *безсмысленныя животныя* (четвероногія, пернатыя и пресмыкающіяся, 5) *бирйтъ* (существа, томящіяся голодомъ и жаждой) и 6) *Тамў* (адскія твари), слѣдовательно, говоря объ испорченности матеріальной природы, они разумѣютъ тутъ не одного человѣка, но всѣ одушевленныя существа. Матеріальная природа называется у буддистовъ по-санскритски: *сансáра*, помонгольски *орчиланнъ* (круговращеніе или кругъ перерожденій); они описываютъ ее такъ: сущность ея есть пустота, т. е. ничтожество, видъ ея об-

манчивость, признаки ея мученія; эти мученія, состоящія изъ *рожденія* (а не скуки), *болѣзней*, *старости* и *смерти*, извѣстны у нихъ подъ именемъ *четырехъ морей сансары* (по-монгольски сансар-унъ дӱрбэнъ далай).

«*Сдѣлавъ это не новое открытіе, онъ* «*(Сакжамуни) рѣшился сообщить его* «*людямъ, и потому перевелъ съ таин-* «*ственнаго языка на употребительный* «*св. книги, и началъ проповѣдывать лю-* «*дямъ содержащееся въ нихъ ученіе.*» Сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ буддійскомъ сочиненіи не говорится, чтобъ Шакямуни перевелъ священныя книги съ какого-то таинственнаго языка; онъ даже не писалъ своихъ проповѣдей, а излагалъ ихъ устно. Ученики Шакямунія, послѣ смерти (переселенія въ міръ чисто-духовный) своего наставника, собрали всѣ его поученія и передали своимъ приверженцамъ. Такихъ собраній было три: *первое* сдѣлано въ слѣдующемъ году послѣ кончины Шакямунія, во время царя *Маргашира* или *Ацзадасадору* при истокѣ рѣки Рута (въ Среднемъ Индостанѣ) тремя приближенными его учениками: *Анандой*, *Упалй* и *Маха́-Кгашйбомъ*, и названо *малымъ средствомъ* спасенія (ӱцӱкэ̂нъ кулкгэ̂нъ); оно содержитъ въ себѣ ученіе о четырехъ истинахъ, т. е. о четырехъ моряхъ Сансары, доступное существамъ съ низшими способностями; *второе* сдѣлано спустя 110 лѣтъ послѣ смерти Шакямунія, при царѣ *Гасалайъ-укгэй* въ провинціи *Вайсали* Архатомъ *Тэкгӱлдэ̂ръ Амурлингэдномъ* и названо *среднимъ средствомъ* спасенія (дундатӱ кулкгэ̂нъ); оно излагаетъ ученіе о пустотѣ (хогбсунъ) или ничтожествѣ, и предназначено для такихъ послѣдователей, которые одарены средственными способностями; *третіе* сдѣлано спустя 300 лѣтъ послѣ смерти Шакямунія, при царѣ *Киника* въ провинціи *Качэ* (Кашемирѣ) Бодисадуемъ *Вишумитрой* и названо *большимъ средствомъ* спасенія (йекэ̂ кулкгэ̂нъ); оно содержитъ въ себѣ таинственныя *тарни*, понятныя только людямъ, одареннымъ глубокимъ, проницательнымъ умомъ; такимъ-образомъ, первое собраніе заключаетъ въ себѣ излагаемое въ притчахъ, второе метафизику, третье мистеріи. Всѣ эти проповѣди составляютъ такъ-называемое *колесо ученія* (по-монгольски ном-ӱнъ курдӱ). Не растолковали ли г. Щукину доморощенные переводчики буддійское выраженіе: *ном-ӱнъ курдун-й эргикгӱлку* или *орчигӱлху*, (слово до слова: «вертѣть колесо ученія», т. е. проповѣдывать ученіе) словами: переводить св. книги съ таинственнаго языка, потому-что глаголъ *орчигулху* значитъ *вертѣть* и *переводить съ одного языка на другой*; иначе не могу придумать: откуда онъ взялъ такую сказку?

«*Основаніе этого ученія есть безсмертіе души, рай и адъ.*» Это выраженіе и послѣдующія за нимъ не ясно опредѣляютъ сущность буддизма.—Основная идея буддизма есть *духъ* и *матерія*, т. е. безпрерывная борьба перваго съ послѣдней подъ вліяніемъ *судьбы* или *провидѣнія* (цзаягá); эта судьба владычествуетъ надъ всѣмъ и даже надъ самыми богами или буддами. — По понятіямъ буддистовъ существуютъ *три міра* (по-монгольски *гурбáнъ йиртынцӱ)*, изъ которыхъ *первый* или *высшій*, называемый по-монгольски *ӱнгкэ̂ ӱкгэ̂й* или *дӱрсӱ ӱкгэ̂й* (безцвѣтный, безъобразный) есть обиталище чистѣйшаго духа или высочайшей, первобытной премудрости, гдѣ господствуетъ *совершенная пустота* (*) (*хогбсунъ*) или *нирвáна*, то-есть отсутствіе всякихъ образовъ, всего матеріальнаго; *второй* или *средній*, называемый по-монгольски *ӱнгэтӱ* или *дӱрсӱтӱ* (цвѣтной, имѣющій образы) есть явленіе духа въ блаженствѣ, то-есть, облеченіе духа въ эѳирныя формы, подъ которыми выражается

(*) *Пустотой* буддисты называютъ и *матерію* въ смыслѣ совершеннаго тлѣнія, уничтоженія, и *духъ* въ смыслѣ ничтожества или отсутствія матеріи, поглощенія духа въ самомъ-себѣ.

жизнь самосознательная и дѣятельная, и которыя свободны отъ вліянія матеріи; этотъ міръ населенъ преображенными буддами и блаженными существами; *третій* или *низшій*, называемый по-монгольски *амарамаки-унъ йиртынцу* (міръ вожделѣній) или *кусэл-унъ йиртынцу* (міръ желаній или чувственныхъ наслажденій) есть явленіе духа въ матеріи, гдѣ духовное начало, принявъ на себя оболочку, борется съ нею и старается освободиться отъ нея съ тѣмъ, чтобъ преобразиться во второмъ мірѣ, насладиться здѣсь блаженствомъ, и, наконецъ, слиться съ первобытной премудростью въ высшемъ мірѣ. Этотъ низшій міръ обнимаетъ всю органическую или матеріальную природу и заключаетъ въ себѣ всѣ обиталища одушевленныхъ существъ. Здѣсь матерія представляется подъ разными видами; она облекаетъ и высшія существа, каковы: *тэнгэри*, *асури* и *люди*, и низшія твари, каковы: *безсмысленныя животныя*, *бирйтъ* и *таму*. Первый разрядъ существъ выражаетъ собою проявленіе духа въ самосознаніи, начало торжества духа надъ матеріей; здѣсь выказывается сила духа, противоборствующая соблазнамъ матеріи и стремящаяся къ совершенному освобожденію отъ ея узъ. Напротивъ, послѣдній разрядъ существъ представляетъ жалкое, униженное состояніе духа, находящагося подъ гнетомъ самой грубой матеріи; здѣсь духовная природа обезсмыслена, самосознаніе подавлено; сюда неумолимая судьба низвергаетъ высшія существа, забывающія свое назначеніе, небрегущія объ усовершенствованіи своей самопознательной силы и предающіяся влеченію чувственныхъ наслажденій; здѣсь они обречены на тяжкія мученія, освобожденіе отъ которыхъ возможно только при искреннемъ и глубокомъ раскаяніи. — Я не могу здѣсь вполнѣ развить религіозную систему буддизма, потому-что это заняло бы слишкомъ много мѣста и вышло бы изъ предѣловъ журнальной статьи; по-крайней мѣрѣ я вкратцѣ высказалъ основную идею, на которой буддисты построили свою религію. Далѣе я войду въ нѣкоторыя подробности, необходимыя для поясненія этого предмета при разборѣ статьи г. Щукина.

« *И хотя онъ (Сакжамуни) умеръ плотію, но душа его пребываетъ въ здѣшнемъ мірѣ въ тѣлѣ божка Банчанъ-Бокдо, обитающаго въ Сѣверной Индіи въ области Мункэ* ». Тутъ замѣтно незнаніе исторіи буддизма, географіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ господствуетъ буддизмъ. Будды *на извѣстное время принимаютъ воплощеніе* въ матеріальномъ мірѣ для блага одушевленныхъ существъ; они стараются пробудить въ нихъ самосознаніе и направить ихъ на путь истины; окончивъ земное свое поприще и исполнивъ предназначеніе судьбы, они переселяются въ высшій міръ и сливаются тамъ съ первобытной премудростью; въ вещественномъ мірѣ они оставляютъ вмѣсто себя *Бодисадуевъ*, которые продолжаютъ исполнять тѣ же самыя обязанности, т. е. заботиться о благѣ существъ. Эти Бодисадуи воплощаются въ такія лица, которыя на землѣ имѣютъ сильное вліяніе на людей. Такимъ-образомъ, Шакямуни оставилъ послѣ себя въ вещественномъ мірѣ *Хонкшимъ-Бодисадуя*, который постоянно возрождается въ тѣлѣ Далай-Ламы; *Абида* или *Амитаба* будда сначала возродился въ *Субути* — одномъ изъ шакямуніевыхъ учениковъ; потомъ, послѣ многихъ перерожденій, воплотился въ *Цзункхаву* — основателя секты желтошапочниковъ, который нынѣ постоянно является въ лицѣ *Банчэнъ-Бокдо эрдэни* (по-тиб. *римбочэ*) — наставника и духовнаго отца Далай-Ламы; Богдо-Ханы или императоры китайскіе почитаются перерожденными *Манцзушири*. Далай-Лама есть глава всего буддійскаго духовенства въ Тибетѣ, Монголіи и Китаѣ и правитель (по имени) всего Тибета; онъ имѣетъ пребываніе въ *Хласѣ* — столицѣ Восточнаго Тибета; *Бан-*

чянъ Бокдо́ Эрдені́ живетъ въ монастырѣ *Даши-Хлунбо* въ Западномъ Тибетѣ. Какимъ же образомъ могъ попасть Банчанъ Бокдо въ Сѣверную Индію? «*Однимъ (т. е. божкамъ) изъ нихъ дали* «*въ управленіе стихіи, а другимъ раз*«*ные случаи изъ жизни человѣческой*». И далѣе: «*Землею и воздухомъ управля*«*етъ Сакжамуни, водою осемь лаосскихъ* «*царей, огнемъ и адомъ эрликъ-ханъ*». Замѣтно, что г. Щукинъ мало знакомъ также съ ѳеологіей буддистовъ и съ администраціей ихъ божествъ; иначе онъ не сталъ бы такъ разсыпать должности по управленію кому ни попало; былъ бы только божокъ, онъ тотчасъ и сажаетъ его въ правители, не смотря на то: есть ли вакансія, или нѣтъ; вѣдь буддисты годовыхъ отчетовъ не потребуютъ и ревизіи не назначатъ. — Для устраненія на будущія времена недоразумѣній, я разскажу здѣсь, какъ объ этомъ пишется въ буддійскихъ сочиненіяхъ. Все время существованія вещественнаго міра заключается въ такъ-называемой *великой калпѣ* (по-санскритски *маха́-калпа*, по-монгольски *йеке́ кіала́бъ*), которая раздѣляется на четыре другія калпы или періода: 1) *періодъ основанія или утвержденія* (по-монгольски *токтаху́йнъ кіала́бъ*), 2) *періодъ населенія* или *водворенія (орошиху́-йнъ кіала́бъ*), 3) *періодъ разрушенія (эбдэрэку́-йнъ кіала́бъ*) и 4) *періодъ пустоты (хоіо́сун-у кіала́бъ*). Первый періодъ обнимаетъ пространство времени съ первоначальнаго появленія стихіи воздуха, до образованія самыхъ послѣднихъ странъ ада; второй періодъ продолжается съ перваго населенія вещественнаго міра одушевленными существами до-тѣхъ-поръ, когда жизнь человѣческая, при постепенномъ уменьшеніи и возрастаніи, доходитъ до 10 лѣтъ; третій періодъ заключаетъ въ себѣ промежутокъ времени, въ который матеріальная природа истребляется мечомъ, огнемъ и водою; четвертый періодъ начинается съ совершеннаго разрушенія вещественнаго міра и оканчивается первымъ появленіемъ стихіи воздуха; такимъ-образомъ, *великая калпа или періодъ* обнимаетъ все пространство времени съ происхожденія стихіи воздуха до конца періода пустоты. Сверхъ-того, второй періодъ пустоты раздѣляется на двадцать *промежуточныхъ періодовъ* (*думдату́ или цзагу́рату кіала́бъ*), изъ которыхъ каждый продолжается во все время, когда жизнь человѣческая постоянно или уменьшается отъ 80,000 до 10 лѣтъ, или возрастаетъ отъ 10 до 80,000 лѣтъ. Такое уменьшеніе и возрастаніе жизни человѣческой зависитъ или отъ преобладанія матеріи надъ духомъ, или побѣды духа надъ матеріей. Для поддержанія слабыхъ силъ одушевленныхъ существъ въ жестокой борьбѣ съ соблазнами плоти, являются въ вещественномъ мірѣ 1000 буддъ одинъ послѣ другаго, во все время періода населенія, который по этому и называется еще *счастливымъ* или *добрымъ періодомъ* (по-санскритски *бадра́-ка́лпа*, по-монгольски *сайнъ кіала́бъ*). Эти будды поочереди преподаютъ существамъ ученіе о вѣрѣ, возбуждаютъ въ нихъ подавленное самосознаніе, и собственнымъ примѣромъ показываютъ имъ средства освобожденія отъ узъ матеріи и достиженія святости. Изъ тысячи буддъ четыре уже воплощались въ вещественномъ мірѣ, а именно: 1) *Кракуч'анда*, санскритское слово, по произношенію Монголами *Кэркэсунди* (по-монгольски Орчилайнъ эбдэкчй, т. е. разрушающій матерію или плоть) являлся тогда, когда жизнь человѣческая продолжалась до 40,000 лѣтъ; 2) *Канакамуни* (санскритское слово, по-монгольски *Алтанъ чидакчи́*, т. е. злато-могущественный или золотой побѣдитель) воплощался тогда, когда жизнь людей доходила до 30,000 лѣтъ; 3) *Касі'япа* (санскритское слово, по произношенію Монголами *Кіашибъ* (по монгольски *кіэрэл-и́ сакикчи́*, т. е. хранитель свѣта или лучей) являлся тогда, когда жизнь человѣческая продолжалась до 20,000 лѣтъ; наконецъ 4) *Шакямуни* (по-монгольски *Шакя чи-*

дакчи, т. е. могущественнѣйшій изъ поколѣнія Шакя) воплотился тогда, когда жизнь людей дошла до 100 лѣтъ; пятый будда есть *Майтрея*, санскритское слово, по произношенію Монголовъ *Майдари* (по-монгольски *асарáлъ* т. е. милосердіе или спасеніе), пришествія котораго буддисты ожидаютъ съ нетерпѣніемъ и совершаютъ по *этому случаю* особенныя торжества. Каждый будда въ свою очередь считается покровителемъ и наставникомъ существъ и правителемъ всего матеріальнаго міра, безъ раздѣла своей власти; такимъ-образомъ, въ настоящее время буддисты признаютъ владыкой всего міра Шакямунія, который, находясь въ высшемъ мірѣ, дѣйствуетъ на пользу существъ чрезъ своего Боджадуя (см. выше). Что же касается до частныхъ правителей, каковы *лооскіе* (а не лаоскіе) *цари*, *ассури*, *шимну*, то они, какъ мѣстные владыки небесныхъ или подземныхъ областей вещественнаго міра (см. ниже), подобные царямъ разныхъ странъ земли, и находятся подъ вліяніемъ обладателя всего міра.

« *Если Бурханъ, не внявъ ни молит-* « *вамъ, ни жертвоприношеніямъ проси-* « *теля, не исполнилъ его желаній, тогда* « *поклонникъ беретъ плеть и вымѣщаетъ* « *свои убытки ударами.* » Г. Щукинъ взводитъ жестокую напраслину на послѣдователей буддизма, которые высоко чтутъ не только своихъ бурхановъ, но и все то, чтò тѣсно связано съ ихъ религіей; стóитъ сличить его же объясненія о добродѣтеляхъ и грѣхахъ, и тогда всякій увидитъ, что авторъ впадаетъ въ противорѣчія. Главный предметъ вѣрованія и глубокаго уваженія буддистовъ составляетъ *троичность* или *три драгоцѣнности* (по-санскритски *триратна*, по-монгольски *гурбáнъ эрдэни́*)? *Бурханъ*, по-санскритски *Будда*) духъ, высочайшій разумъ (отъ санскритскаго глагола *буд* « знать »), *номъ* (по-санскритски *дáрма*) священное писаніе или ученіе о вѣрѣ, *ламá* (по-санскритски *Санкá*) духовенство. Отсюда происходитъ благоговѣніе буддистовъ ко всему тому, чтò только имѣетъ связь съ тремя драгоцѣнностями, какъ-то: изображенія бурхановъ, священныя книги, духовныя лица, храмы, богослужебная утварь, одежды и разныя вещи, составляющія принадлежность духовенства. Тотъ, кто не уважаетъ три драгоцѣнности, осуждается при перерожденіи на самыя ужасныя муки ада. Слѣдовательно, осмѣлится ли буддистъ на такое поруганіе бурхановъ, какое приводитъ г. Щукинъ? Подобная экзекуція дѣлается, да только не у буддистовъ. Г. Щукинъ, вѣроятно, видѣлъ или слышалъ, какъ Буряты-шаманы наказываютъ своихъ злыхъ *Онгоновъ*; но изъ того не слѣдуетъ еще, чтобы и Буряты-буддисты то же дѣлали съ своими бурханами.

Описаніе мірозданія сдѣлано невѣрно и наполнено ошибками. Въ одномъ буддійскомъ сочиненіи подъ названіемъ: *Чихулá кэрэкiлэкчи́*, этотъ предметъ излагается со всѣми подробностями. Я сдѣлаю изъ него сколько возможно краткое извлеченіе, для сравненія съ сказаніемъ г. Щукина.— Въ началѣ была пустота; изъ этой пустоты образовалась стихія воздуха — масса крѣпкая, тонкая и голубоватаго цвѣта; отъ сильнаго дуновенія вѣтра со всѣхъ десяти странъ явилось облако, изъ котораго лился безпрерывный дождь, произведшій соленое море, называемое *безпредѣльно-великимъ* или *внѣшнимъ моремъ* (по-монгольски *кицзагáлаши укióй йекó* или *гадагá-дудалди́*); оно имѣло глубины 1,120,000, ширины 1,203,450, въ окружности 3,610,350 миль. Отъ колебанія этой воды (а не отъ тишины, чтò было бы очень-неестественно) образовалась на поверхности моря толща, какъ пѣнка на молокѣ, называемая *золотой плоскостью* (по-монгольски *алтáнъ дэлэкóй*). Такъ-какъ колебаніе въ центрѣ было сильнѣе, то изъ верхнихъ волнъ произошла величественная гора *Сýмэръ* или *Сумбѣръ*, изъ второстепенныхъ—семь золотыхъ горъ, изъ дальнихъ—желѣзная гора, а изъ смѣшенія

разнородныхъ волнъ — четыре *двипа*, или, по произношенію Монголовъ, *тиба* (островъ, часть свѣта). Толщина земной массы заключаетъ въ себѣ 300,000 миль, а окружность ея равна первозданному морю, котораго глубина сдѣлалась уже въ 800.000 миль. Восточная сторона горы Сумэръ — серебряная, южная — лазуриковая, западная—рубиновая, сѣверная — золотая; отъ блеска этихъ драгоцѣнностей четыре моря, омывающія эту гору, получили различныя наименованія: восточное — бѣлое, южное — голубое, западное — красное, сѣверное — желтое. Гора Сумэръ имѣетъ четыре уступа; она возвышается надъ поверхностью земли на 800,000 миль (а не на 560 верстъ), и на столько же углубляется въ море. Семь золотыхъ горъ омываются семью морями, въ которыхъ находятся постоянныя жилища и мѣста увеселеній *царей драконовъ* (по-санскритски *нага́-рачжа́*, по-монгольски лоос-унъ хитъ, и которыя по этому называются *увеселительными морями (цэнкгэлдэкуйі далаі)*. Четыре *тиба* или *части свѣта* суть: 1) *Уламчжі бэйету* (т. е. страна прекрасныхъ обитателей), лежащая на восточной сторонѣ внѣшняго моря и имѣющая видъ треугольника, 2) *Маго́-даго́-ту* (т. е. зловѣщая; такъ-названная потому-что тамъ въ изобиліи растетъ дерево *калбарисъ*, изъ котораго выходитъ голосъ, предрекающій смерть людямъ за 7 дней впередъ), находящаяся на сѣверной сторонѣ и имѣющая видъ четыреугольника, 3) *Укэр-ту* (т. е. изобилующая рогатымъ скотомъ), лежащая на западной сторонѣ и имѣющая круглую фигуру, 4) *Цзамбу-тибъ* (такъ названная отъ звука, происходящаго при паденіи плодовъ дерева *Цзамбу-даши* въ озеро *Мапамъ*), находящаяся на южной сторонѣ и имѣющая фигуру телеги (а не треугольника). Около каждой изъ этихъ частей свѣта расположены по два малыхъ тиба; всѣ они вмѣстѣ съ семью золотыми рогами окружены желѣзной горой, имѣющей въ протяженіи своемъ видъ четыреугольника; вся земля составляетъ огромную плоскость. Подъ землей находятся царства *бирітъ* (по-санскритски *Прета*) и *Таму*, или адъ, мѣстнымъ владыкой которыхъ считается *Эрликъ ханъ* или *Ном-унъ ханъ*. Теперь скажу нѣсколько словъ о существахъ, населяющихъ эти страны. Подземныя царства служатъ мѣстомъ наказанія и исправленія для существъ, погрязшихъ въ порокахъ и совершенно забывшихъ о высокомъ своемъ дарѣ—духѣ. Существа завистливыя, скупыя и похотливыя низвергаются въ область *бирітъ*, гдѣ они томятся голодомъ и жаждой въ-продолженіе пятисотъ лѣтъ, считая каждый день за нашъ мѣсяцъ. Узилища адскія или *таму* имѣютъ два отдѣленія, *холодное* и *горячее*, куда низвергаются существа за святотатство, отцеубійство, хулу противъ святыни, убійство вообще, злорѣчіе, обманъ и т. п.; тутъ они подвергаются различнымъ истязаніямъ, которыхъ продолжительность зависитъ отъ важности преступленій. Безсмысленныя животныя разсѣяны по всей землѣ; существа, въ нихъ переселяющіяся, испытываютъ муки отъ мрака и огня; люди употребляютъ ихъ въ тяжкія работы, убиваютъ для своей пищи, застрѣливаютъ для забавы, и т. п. Четыре части свѣта или тиба населены людьми; при подошвѣ горы Сумэръ обитаютъ Ассури — недоброжелательные духи, вѣчно враждующіе съ Тэнкгэріями — добрыми духами; на четырехъ сторонахъ горы Сумэръ и ея уступахъ живутъ четыре *Махарачжи*, по произношенію Монголовъ *Махаранцза* (великіе цари), съ подвластными имъ Тэнкгэріями; на вершинѣ этой горы находится область *тридцати-трехъ Тэнкгэріевъ* (по-санскритски *Траястринса*, по-монгольски *гучинъ гурбанъ тэнкгэри*), владыкою которыхъ почитается *Хурмуста*; онъ есть и покровитель земли и ея обитателей (а г. Щукинъ помѣстилъ на вершинѣ горы Сумэръ Шакямунія, который теперь покоится, по мнѣнію буддистовъ, въ верхнемъ, чистодуховномъ мірѣ); надъ областью тридцати-

трехъ Тэнкгэріевъ расположено царство Тэнкгэріевъ, называемыхъ по-монгольски *байлдугáнъ-угкэ́й* или *байлдугáнъ эцэ анкинчжираксáнъ* (свободныхъ отъ войны); выше находится область *Тушѝтъ* (по-монгольски *тэкгусъ баясхулан-тý* «всерадостная»), гдѣ будды, имѣя временное пребываніе предъ воплощеніемъ своимъ въ человѣка, проповѣдуютъ ученіе о вѣрѣ постоянно обитающимъ тамъ Тэнкгэріямъ; выше этой области находится царство *хубилгáнъ дорь баясукчѝ тэнкгэрѝ* (т. е. духовъ, радующихся своимъ превращеніямъ); наконецъ выше этого царства лежитъ послѣдняя область матеріальнаго міра, называемая по-монгольски *Бусуд-ýнъ хубилгáн-ѝ эркé бэрь уйлэдýкчѝ тэнкгэрѝ* (т. е. область духовъ, силою которыхъ другія существа могутъ принимать на себя различные виды или дѣлать превращенія); здѣсь находится жилище *царя Шимну* (по-монгольски *шимнус-ýнъ хаганъ*) — владыка Сансары или чувственнаго міра. Надъ матеріальнымъ міромъ расположены области, одна выше другой, втораго или средняго міра, а надъ этимъ лежатъ области верхняго или чисто-духовнаго міра. Вотъ краткій очеркъ космологіи буддистовъ, изъ котораго ясно можно видѣть, какъ г. Щукинъ ошибочно думаетъ объ этомъ предметѣ.

«*Теперь управляетъ вселенной Шыгэмуни, и когда она разрушится и вновь будетъ создана, тогда владѣть ею будетъ богъ Майдари, существующій нынѣ въ тѣлѣ Тибетскаго Далай-Ламы*». Я уже выше сказалъ, что Майдари еще не *явился* на землю и живетъ въ настоящее время въ среднемъ мірѣ, откуда сначала низпустится въ царство Тушитъ и потомъ воплотится въ человѣка. Какимъ же образомъ онъ попалъ въ тѣло тибетскаго Далай-Ламы? и развѣ есть еще другой Далай-Лама, кромѣ тибетскаго? Здѣсь г. Щукинъ приписываетъ Шакямунію управленіе цѣлой вселенной, а выше этого сдѣлалъ его только владыкой земли и воздуха; и къ-чему эта разность именъ? Въ одномъ мѣстѣ употребляется *Сакжамуни*, а въ другомъ *Шыгэмуни*; иной подумаетъ, что эти имена принадлежатъ двумъ различнымъ бурханамъ.

«*Но прежде разрушенія нынѣшняго міра, Шыгэмуни опять прійдетъ на землю для исправленія даннаго имъ закона, испорченнаго людьми.*» Откуда взялъ это г. Щукинъ? ни одно будайское сочиненіе не говоритъ о новомъ пришествіи Шакямунія; онъ, по волѣ судьбы, кончилъ свою миссію и теперь покоится въ безмятежной нирванѣ; возстановленіе упадшаго духа существъ предстоитъ дѣлать другимъ буддамъ, которые будутъ воплощаться на землѣ до разрушенія вещественнаго міра одинъ за другимъ въ числѣ 966.

Описаніе населенія земли людьми сдѣлано довольно-вѣрно, кромѣ незначительныхъ ошибокъ, которыя извинительны.—Прозваніе перваго вселеннаго царя было не *Чавуарскій*, а *Чакравартинъ* (отъ санскритскаго слова *чакрá* «колесо» и *вартинъ* «вертящій», по-монгольски *курдý эргикýлукчи*).

Г. Щукинъ, объяснивъ по своему переселеніе боговъ въ тѣла знаменитыхъ лицъ, вдругъ задаетъ себѣ вопросы: «*Выше сказано, что Шигэмуни сидитъ на вершинѣ горы Сумберъ и созерцаетъ дѣла всѣхъ смертныхъ; какимъ же образомъ онъ существуетъ въ то же время въ тѣлѣ индійскаго владѣльца Банчанъ-Бокдо* (ошибоч. Банчакъ)? *Почему не было преставленія свѣта, когда принялъ онъ въ свою очередь владычество надъ міромъ, что бываетъ непремѣнно при очередной смѣнѣ боговъ?*» Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не стать въ-тупикъ отъ такой путаницы, которую, впрочемъ, надѣлалъ самъ же г. Щукинъ: онъ, вмѣсто разрѣшенія заданныхъ себѣ вопросовъ, пустился въ разсужденія о нелѣпости разныхъ вѣрованій; ему показалось это самымъ лучшимъ способомъ примирить свои противорѣчія. Чтобъ вывести его изъ затрудненія, я напомню ему изложенное мною выше: 1) Шакямуни

въ настоящее время покоится въ верхнемъ мірѣ и никогда не жилъ на горѣ Сумэръ; 2) на вершинѣ горы Сумэръ имѣетъ пребываніе хурмуста Тэнгэри; 3) Шакямуни не возрождался въ тѣлѣ Банчанъ-Бокдо; 4) Банчанъ-Бокдо не индійскій владѣлецъ, а соправитель Далай-Ламы и живетъ въ западномъ Тибетѣ; 5) преставленіе свѣта будетъ тогда, когда удалится изъ вещественнаго міра послѣдній изъ тысячи буддъ, по имени *Роча*, по-монг. *кэйкгўлунъ цзокіякчи* (предвѣщающій), а не бываетъ *непремѣнно* при очередной смѣнѣ боговъ.

«*Сверхъ того предписывается особен*» «*но духовенству шесть добродѣтелей.*» Эти добродѣтели въ буддійскихъ сочиненіяхъ называются *порамита*, по произношенію монгольскому *барамитъ* (по-монгольски *чинаду курку*, достиже» «ніе противоположной стороны, переправа чрезъ море сансары, средства къ достиженію святости»); исполненіе ихъ предписывается не только духовенству, но и всякому буддисту; съ помощію ихъ каждое существо, постепенно проходя кругъ перерожденій, можетъ достигнуть до степени будды; на этомъ ученіи основанъ политеизмъ буддистовъ.

Слово *Лама* есть тибетское, сложное, и значитъ: *б'ла* «несравненная», *ма* «мать», а не питающая мать, или мать кормящая грудью.

При описаніи пребыванія предпослѣдней нашей миссіи въ Ургѣ, есть невѣрность: 1) миссіонеры были въ Ургѣ не въ 1831, а въ 1830 году; 2) отъ предложенія ургинскихъ правителей видѣть наставника молодаго Хутукту не отказались, а приняли и исполнили это съ особеннымъ удовольствіемъ, что я могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ.

Г. Щукинъ неправильно придаетъ селенгинскимъ Бурятамъ общее названіе Сонголъ (Цонголъ); Цонголы составляютъ только одинъ изъ восьмнадцати родовъ селенгинскихъ Бурятовъ и кочуютъ по берегамъ рѣкъ Чикоя и Хилка; Хамбу-Лама живетъ не среди ихъ, а въ подгородномъ родѣ.

Не-уже-ли г. Щукинъ отъ души вѣритъ, что Буряты почитали прежняго своего Хамбу-Лама святымъ потому только, что онъ былъ чрезмѣрно толстъ? Вѣдь буддисты, какъ бы нелѣпа ни была ихъ религія, не раздаютъ святости за такія достоинства.

При исчисленіи должностей бурятскаго духовенства, г. Щукинъ опустилъ довольно-важныя должности, каковы: *умсузатъ*—уставщикъ или распорядитель богослуженія, *цзакирокчй*—правитель, одинъ изъ помощниковъ настоятеля, *чжирухайчй*—астрологъ и составитель календаря.

Женщинъ, получающихъ отъ ламъ красную пелену (эркемжи), называетъ онъ чабаганцами; это вовсе не такъ. У буддистовъ есть полудуховное званіе, въ которое посвящаются какъ мужчины, такъ и женщины всякаго возраста; первыя носятъ названіе *убашй*, а послѣднія *убагунцà;* онѣ ведутъ образъ жизни точно такой же, какъ и прочая чернь, отличаясь отъ нея соблюденіемъ нѣкоторыхъ обѣтовъ и красною или желтою перевязью *(оркимчжй)*. Чабаганцы же суть настоящія монахини: пожилыя женщины, съ посвященіемъ въ этотъ санъ совершенно уже отказываются отъ наслажденій міра, хотя и живутъ иногда въ своихъ семействахъ; онѣ брѣютъ волосы на головѣ и носятъ платье краснаго и желтаго цвѣта, покроя, присвоеннаго одеждѣ ламъ.

Богослужебные обряды, совершаемые у нашихъ бурятовъ, описаны хотя и поверхностно, но довольно вѣрно. Надобно отдать справедливость г. Щукину, что онъ обладаетъ особенною способностью подмѣчать внѣшнюю сторону предметовъ; тамъ, гдѣ нуженъ глазъ, онъ мастеръ своего дѣла.

Въ разсужденіи своемъ о молитвѣ *оммани-падмэ-хумъ* (а не *умъ-мани-падмэхумъ)*, авторъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Онъ пишетъ, что эта молитва переводится нашими оріенталистами (кѣмъ именно?) такъ «*покланяюсь премудрости, красотѣ и любви*»; и далѣе:

«*Ламайцы говорятъ, что это языкъ энэткэнскій; съ него молитва переведена на тибетскій, потомъ на монгольскій, а съ послѣдняго уже на русскій*». Помилуйте! эта молитва до-сихъ-поръ не переведена ни на тибетскій, ни на монгольскій языкъ, да и переведена быть не можетъ, потому-что она относится къ такъ-называемымъ таинственнымъ *тарни*, которыя у всѣхъ буддистовъ остаются безъ перевода; она писана на санскритскомъ языкѣ, который у Монголовъ называется *энэткэнъ-кэлэ*, языкъ Индостана. Буддисты имѣютъ большія сочиненія, въ числѣ которыхъ замѣчательнѣйшее есть *Мани-Кгамбумъ*, исключительно наполненное толкованіями на эту молитву. Знатоки санскритскаго языка даютъ ей такой смыслъ: первый слогъ *ом* состоитъ изъ трехъ буквъ *а*, *у*, *м*, и выражаетъ буддійское тройство или три драгоцѣнности, т. е. Будду, св. писаніе и духовенство; *Мани*, сокращенное изъ *Чинда-мани*, означаетъ драгоцѣнность; *падмэ* есть мѣстн. пад. слова *падма* «лотусъ»; *хумъ*, утвердительное слово, отвѣчающее русскому *воистинну*; итакъ *омма-ни-падмэ-хумъ* значитъ: «ом или тройственность-драгоцѣнность воистинну находится въ лотусѣ». Буддисты цвѣтокъ *падма* (бадма) «лотусъ» почитаютъ священнымъ, потому-что на немъ, по ихъ мнѣнію, возраждаются Будды.

Г. Щукинъ могъ бы и не дѣлать своихъ предположеній объ изобрѣтеніи монгольскихъ письменъ: для такихъ выводовъ нужно знаніе кое-какихъ восточныхъ языковъ и исторіи. Панба-Лама не вводилъ въ употребленіе между Монголами тангутскихъ литеръ, а придумалъ другія, называемыя въ буддійскихъ сочиненіяхъ *квадратными буквами*, по-монг. *дурбельчжинъ ўсўкъ*. Какая была ему надобность выдавать тангутскія или тибетскія буквы за вновь имъ изобрѣтенныя? Монголы тогда уже знали о существованіи тибетскихъ письменъ, слѣдовательно легко могли отличить ихъ отъ квадратныхъ, изобрѣтенныхъ Панбой-Ламою. Далѣе, г. Щукинъ подтверждаетъ свои предположенія надписью на серебряной дощечкѣ, найденной въ вершинахъ рѣки Енисея. Вѣроятно, онъ еще не знаетъ объ ученомъ спорѣ между гг. академикомъ Шмидтомъ и Григорьевымъ о надписи, находящейся на упоминаемой имъ дощечкѣ и разобранной о. архимандритомъ Аввакумомъ; изъ него извѣстно, что надпись эта изображена не тангутскими, а квадратными буквами.

Наконецъ, заключу статью свою замѣчаніемъ на несправедливыя сѣтованія г. Щукина на недѣятельность нашихъ оріенталистовъ. Онъ говоритъ, что «*наши оріенталисты не дѣлятся съ нами своими свѣдѣніями; одинъ только почтеннѣйшій О. Іоакинѳъ раскрылъ намъ тайны Востока*». Въ чемъ же виноваты наши оріенталисты, если г. Щукинъ не читалъ или не можетъ читать ихъ ученыхъ произведеній. Сочиненія знаменитаго нашего академика Шмидта и профессора Казанскаго Университета Ковалевскаго, извѣстныя цѣлой Европѣ, много сдѣлали для раскрытія буддійской религіи. Вотъ, еслибъ онъ прочиталъ все это, то едва ли бы рѣшился издать свою статью о ламайской вѣрѣ.

Александръ Поповъ.

Казань.
12 апрѣля,
1847.

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ.

Статья вторая.

1) Заботы золотопромышленой компаніи. 2) Сибирскіе проценты. 3) Отправленіе въ Сибирь. 4) Екатеринбургъ. 5) Открытіе золотыхъ розсыпей въ Сибири. Гг. Рязановъ и Поповъ. 6) Историческія данныя о розъискѣ драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи. 7) Столѣтняя извѣстность розсыпей. 8) Виды русскихъ царей на Индію. 9) Водокшанская провинція и Дарья-Рѣка. 10) Покупка драгоцѣнныхъ металловъ.

Вновь учрежденная *Большая Акціонерная Восточно-Сибирская Золотопромышленая Компанія въ За-Тунгузскомъ Краю*, для упроченія своей будущности, первымъ долгомъ поставила налитографировать листы акцій. Долго разсуждали объ этомъ важномъ предметѣ. Наконецъ, по большинству голосовъ акціонеровъ — голосъ имѣлъ не всякій изъ насъ, а только тотъ, кто имѣлъ не менѣе десяти акцій — было положено:

1) Заказать на бумажной фабрикѣ четыре стопы слоновой бумаги съ внутренними знаками, изображающими заглавныя буквы фирмы компаніи.

2) Первому литографу въ столицѣ приготовить камень соразмѣрной съ бумагою величины, и налитографировать проектъ акціи самыми модными и самыми крупными литерами, въ самомъ изящномъ видѣ.

3) По отпечатаніи акцій въ количествѣ четырехъ стопъ бумаги, выбрать тысячу лучшихъ экземпляровъ, остальные забраковать и сжечь въ присутствіи директоровъ.

4) Литографическій камень, въ предупрежденіе могущей произойдти кражи его и фальшивой подделки акцій посторонними лицами, уничтожить въ присутствіи директоровъ.

5) Для производства дѣлъ компаніи нанять, на счетъ компаніи, квартиру на бойкомъ мѣстѣ и помѣстить въ ней контору компаніи.

6) Дѣла конторы ввѣрить одному изъ директоровъ, облегчивъ бремя его занятій придачею ему въ помощники правителя дѣлъ.

7) Завѣдывающій дѣлами конторы директоръ и помощникъ его, правитель дѣлъ, имѣютъ квартиру при самой конторѣ.

8) Оффиціальную переписку вести всѣмъ директорамъ, а частную — посредствомъ директора, завѣдывающаго дѣлами конторы, за скрѣпою правителя дѣлъ.

9) Первому рѣщику въ столицѣ заказать штемпель и печать компаніи; штемпель прикладывать къ каждой акціи, а печать ко всѣмъ кувертамъ съ исходящими бумагами; штемпель и печать хранятся при конторѣ.

Десятымъ пунктомъ избирались въ директоры графъ, баронъ, генералъ и купецъ; одиннадцатымъ генералъ избирался въ завѣдывающіе дѣлами конторы, а всегдашній адъютантъ его, одинъ бѣдный чиновникъ, кажется, еще родственникъ его превосходительства — въ правители дѣлъ. Дополнительнымъ двѣнадцатымъ пунктомъ велѣно заготовить въ достаточномъ количествѣ печатные бланки для отношеній, съ приличными виньетками.

Скоро назначено было новое собраніе. Занялись вопросомъ: кого послать въ Сибирь главноуправляющимъ? Предложена была мысль, что для пользы общества очень было бы важно и несомнѣнно выгодно, еслибъ эту должность принялъ на себя одинъ изъ участниковъ въ дѣлѣ. Всѣ съ этимъ единогласно согласились — но главноуправляющаго не нашлось. Одинъ отзывался рѣшительнымъ незнаніемъ горнаго дѣла; другой говорилъ, что не боги же горшки обжигаютъ, — да брать-то на себя такую обузу тяжеловато; третій не рѣшался бросить государственную службу и предпочесть ей службу частную, не смотря на то, что

тутъ ему предлагали и десять тысячь жалованья и все содержанiе; иной былъ и свободенъ, да на старости лѣтъ ноги плохо его слушались, а тутъ нужна дѣятельность и расторопность. Тому по чину и по званiю было унизительно быть прикащикомъ своихъ же товарищей. Иному десять тысячь ровно ничего не значили: онъ самъ проживалъ въ годъ больше ста тысячь. Словомъ: говорить—много наговорили, а дѣла все-таки не сдѣлали. Вспомнили о Первостатейномъ; но ему ли, теперь мильйонеру, пуститься на такiя мелочи! Однако рѣшились къ нему писать и просить совѣта; намекнули тäкъ, на всякiй случай, что имъ было бы очень-прiятно, еслибъ онъ удостоилъ ихъ принятiемъ на себя званiя — мѣстнаго распорядителя дѣлъ компанiи. Письмо написали въ четырехъ экземплярахъ и разослали въ одно время въ Москву, въ Нижнiй, въ Екатеринбургъ и въ родной городъ Первостатейнаго: гдѣ же нибудь Первостатейный долженъ былъ получить это письмо.

Время день-за-день уходило; управляющаго не прiискивалось; отвѣта отъ Первостатейнаго не было. Кáкъ тутъ быть? А пора! Пожалуй, слѣдующее лѣто просидимъ безъ работъ — вотъ тебѣ и золото! Наконецъ, случай помогъ директорамъ. Они напали на какого-то человѣка: и судебную часть знаетъ, и по откупамъ служивалъ, и конторскiя дѣла водилъ, и имѣнiями управлялъ, и рекомендацiи хорошiя; но съ нимъ не могли сговориться. Надалилъ-себѣ: жалованья хоть не десять тысячь, а давай ему все содержанiе и десятый пай. Десятый пай! Каковъ вусъ? Во-первыхъ, это сто паевъ изъ тысячи; во-вторыхъ, паи всѣ разобраны: не дѣлиться же снова? не отнимать же у себя!

Разошлись! и разошлись тѣмъ охотнѣе, что въ это же время неожиданно получено письмо отъ Первостатейнаго, слѣдующаго содержанiя:

«Ваше графское сiятельство.

«Письмо ваше достопочтенно получилъ я вчера. — И за оное много благодаримъ. — А о себѣ докладываю. — Живъ и здоровъ. — Съ дороги устали токмá. — И за память благодарю. — А управляющимъ быть намъ не ладно. — Я купецъ. — Не нищiй. — Служить не хочу. — Быть на побѣгушкахъ. — Мой совѣтъ таковъ. — Я веду дѣла честно. — Прямо. — Какъ подобаетъ. — Живу по закону Божiю. — А вы пошлите отъ себя человѣка. — А гдѣ ему тутъ все узнать. — Пожалуй испортитъ. — И дорого дастъ. — Надуетъ. — На кого нападешь. — Дальше отъ грѣха. — Лучше. — А за добро добромъ. — Хочу вамъ добро сдѣлать. — Только и вы меня не обидьте. — Четыре тысячи серебромъ въ годъ. — Возьму. — И малаго научу. — Буду объѣзжать прiиски. — Все устрою. — А жить мнѣ съ семьей. — Съ женой. — Съ дѣтьми. — Дома. — Пришлите полную довѣренность. — Прозовите меня директоромъ. — Деньги по третямъ. — Впередъ. — А вашему графскому сiятельству. — Премного обязанъ.

«Съ почтеньемъ и преданностiю. — Имѣю честь. — Графъ.

«Совершенно. — всепокорнѣйшiй. — Навсегда. — Вашъ слуга

Захаръ Первостатейный.»

Надъ этимъ письмомъ директоры наши сначала призадумались было; да потомъ и разсудили, что въ-самомъ-дѣлѣ Первостатейный — находка! Конечно! четыре тысячи серебромъ! Да что жь такое? Это все-таки не десятый пай. Къ-тому же, онъ знаетъ всѣ эти дѣла какъ свои пять пальцевъ, и вѣрно, получивъ мильйонъ, не ударитъ лицомъ въ грязь и обстановитъ прiиски лучше всякаго другаго. Въ помощь ему, въ настоящiе управляющiе, послали какого-то знакомаго графу дворецкаго, вольноотпущеннаго. Правда, на прiискахъ управляющiе бываютъ, случается, и крѣпостные люди, и мѣщане, но есть и купцы первой гильдiи, есть даже чиновники очень большихъ

чиновъ. Это фактъ... виноватъ, обмолвился: говорятъ, надо сказать: это событіе! Оно, конечно, какъ-то было неловко возложить на очень-незначительное лицо обязанность поддерживать важность значенія такого громогласнаго общества, какъ наша компанія, которой акціонеровъ министры лично знали: да вѣдь тутъ, впрочемъ, будетъ Первостатейный—такъ чего жь думать!

Выбрали Первостатейнаго пятымъ директоромъ — директоромъ-распорядителемъ на мѣстѣ. Послали ему довѣренность. Кончили всѣ обряды; заключили всѣ оффиціальныя церемоніи и сѣли, поджавъ ноги, на коверъ ожиданія ста пудовъ золота.

Въ-самомъ-дѣлѣ, чего жь было безпокоиться? Все есть! Всего вдоволь! Все устроено какъ-нельзя-лучше! Хлопоты кончились: теперь давай только золота!

Мы, недесятипайные, безголосные, мелюзга, и не знали, не вѣдали, что̀ у великихъ людей происходитъ, и всю надежду нашу возлагали на Аллаха, да на директоровъ. — У директоровъ не одни же пріиски были въ головѣ! Инаго занимала служба, инаго коммерція, инаго биржевыя спекуляціи, процессы, инаго семейныя дѣла. Гдѣ жь имъ было весь пылъ своей многосторонней дѣятельности сосредоточить на одномъ дѣлѣ! Они свое сдѣлали: наняли, заплатили, однажды-навсегда отдали приказанія, и довольствовались первое время тѣмъ, что акціи ихъ стали извѣстны публикѣ, что объ нихъ поговариваютъ даже на биржѣ; что есть охотники, не видавъ результатовъ, теперь же перекупить ихъ съ наддачею процентовъ. А что̀ дѣлалось тамъ, далеко, въ Сибири, въ тайгѣ — это не наше дѣло! На это есть директоръ, завѣдывающій дѣлами конторы. Пусть онъ одинъ отдувается: вѣдь онъ не даромъ работаетъ! Вотъ другое дѣло: когда сдадутъ золото въ казну, да вышлютъ квитанцію на полученіе денегъ изъ Санктпетербургскаго Монетнаго Двора—ну, тогда всѣ важныя головы основательно обсудятъ и рѣшатъ великій вопросъ: сколько на брата прійдется. А теперь что̀ имъ пустяками-то заниматься, читать внутреннія извѣстія? Та́къ! развѣ изрѣдка... только для вида!

И генералъ-то, его превосходительство, работалъ что̀ называется спустя рукава, немножко слишкомъ по-генеральски.

— Что за бумаги? строго спросилъ онъ у своего докладчика, правителя дѣлъ.

— Донесеніе управляющаго...

— О чемъ?

— Съ приложеніемъ копіи съ фактуры желѣзныхъ инструментовъ, купленныхъ на верх-исетскомъ заводѣ и копіи съ контракта извощиковъ.

—Хорошо!.. принять къ свѣдѣнію!.. Ну, того... ну, и дать объ этомъ знать, конечно!.. Да—того... предписать ему, чтобъ все было доставлено въ возможной скорости... Все?

— Письмо Первостатейнаго: онъ извѣщаетъ, что все желѣзо онъ закупаетъ на мѣстѣ, докладываетъ опять правитель дѣлъ.

— Хорошо!.. Благодарить!.. Да, того... прибавьте, того... что, молъ-дескать, компанія надѣется... дескать, она вполнѣ увѣрена... что, молъ, то-то и то-то;... ну, ваша, молъ, заботливость... опытность, молъ.... да прибавьте, что-дескать званіе, молъ, ваше директора... вотъ въ этакомъ родѣ напишите и представьте мнѣ завтра же къ подписанію.

— Ваше превосходительство, смиренно замѣтилъ правитель дѣлъ: — не будетъ ли такимъ образомъ заподрядъ сдѣланъ вдвойнѣ?...

— Боже мой—молодой человѣкъ! Я хвалю вашу заботливость — но... того... прежде надо дѣлать то, что приказываютъ. И въ этомъ вы еще болѣе убѣдитесь, когда поразсудите, что купецъ всегда дешевле доставитъ товаръ для себя, нежели лицо не торговое для себя; если даже... того.. онъ и возьметъ, какъ и слѣдуетъ, небольшой процентикъ — такъ этотъ процентикъ

очень-много выкупаетъ потерю времени, которое *мы должны* употребить на перевозку... Такъ приготовьте же... того... къ завтрему... такъ, какъ я говорилъ... не забудьте!

А того завѣдывающій дѣлами не хочетъ взять въ толкъ, что онъ директоръ не департамента какого-нибудь, а дирижеръ коммерческаго дѣла, гдѣ *во всемъ* нуженъ разсчетъ; не потрудится прочесть много ли и чего именно закуплено на верх-исетскомъ заводѣ, и что̀ такое заподряжено Первостатейнымъ; не подумаетъ, нуженъ ли калишекъ и на что именно; не хочетъ разсудить, что теперь поздно давать предписанія, когда дѣло ужь сдѣлано управляющимъ, какъ по всему видно было, очень - дѣльнымъ малымъ; не довелось, вѣрно, испытать, каковы сибирскіе процентики!

Правда, и въ Петербургѣ эта часть доведена до удивительнаго совершенства, главнымъ основаніемъ которому служитъ—закладъ, выдача денегъ *наединѣ безъ свидѣтелей*, и десять копѣекъ въ мѣсяцъ – и то еще слава Богу!... Я зналъ одну прехорошенькую даму, процентщицу или закладчицу: она за особенную честь себѣ ставила, что беретъ законные проценты — шесть копѣекъ на рубль... только не въ годъ, а въ мѣсяцъ!... Но Сибирь перещеголяла! Тамъ есть поколѣніе людей, которые берутъ пятнадцать и двадцать процентовъ въ мѣсяцъ. Но ужь за то, если кому нужда до зарѣзу, хоть полѣзай въ петлю—ну, ужь такому не дадутъ меньше какъ за тридцать, или за тридцать за пять процентовъ.

Разъ — былъ какой случай? Одинъ человѣкъ, у котораго были въ храненіи весьма-значительныя суммы, тотчасъ же послѣ ревизіи ихъ вынулъ изъ ящика или изъ сундука тысячь восемьдесятъ, и пустилъ въ оборотъ до слѣдующей ревизіи. Только вдругъ одна особа, не любящая давать потачки, какъ-то провѣдала про это и, не говоря, кажется, никому, предположила сдѣлать экстраординарную ревизію капитала у нашего молодца. Хранитель суммъ, Богъ-знаетъ какими ужь путями, узналъ объ этомъ наканунѣ дня, назначеннаго для внезапнаго осмотра. Какъ тутъ быть? Денегъ нѣтъ! Что̀ бы ему подождать только три дня: черезъ три дня срокъ возвращенія денегъ изъ оборота. Что̀ дѣлать! Бросился къ тому, къ другому, собралъ тысячь двадцать-пять: больше не могъ достать! Мало! Побѣжалъ къ одному благодѣтелю, проситъ: «Дай, Христа ради! такъ и такъ! Не погуби! Не оставь дѣтей сиротками! Заставь вѣчно Бога молить! Только на три дня—дай пятьдесятъ-пять тысячь! Черезъ три дня я получу свои деньги—отдамъ! клянусь Богомъ!»

— Ладно, говоритъ благодѣтель: — есть у меня пятьдесятъ-пять тысячь! Изволь! Дамъ я тебѣ ихъ на три дня; только и ты, братъ, меня не обидь: дай за труды двадцать-пять тысячь!

— Помилуй! Что̀ ты? Какъ можно? На три-то дня?..

— Не хочешь — какъ хочешь! вольному воля! Въ три дни мало ли что можетъ случиться!.. Прощай!.. я тебя не неволю!

— Да побойся Бога! Не разори въ конецъ! Не пусти меня съ дѣтьми по міру!

— У меня, братъ, у самого могутъ быть свои дѣти: такъ деньги-то самому нужны! Вольно жь тебѣ не своимъ капиталомъ да по̀ боку!.. Ну, ступай подъ судъ!

Этотъ совѣтъ мало утѣшилъ несчастнаго. Онъ подумалъ, подумалъ—выбирать нѣчего — и согласился на двадцать-пять тысячь процентовъ. И все пошло по-прежнему!

Можетъ-быть, это и правда, можетъ-быть, это и выдумка: я при этомъ не былъ. Но вотъ что̀ я знаю навѣрное и что̀ ближе къ намъ. На-примѣръ, мы здѣсь платимъ у Смурова или Вьюшина два съ полтиной серебромъ за маленькій боченокъ королевскихъ сельдей. Въ Сибири, за точно такой же бо-

ченокъ, тоже съ вырѣзанными буквами, надо заплатить пять рублей серебромъ; но за то сельдей, хоть ихъ и продаютъ за настоящія королевскія, — въ ротъ нельзя взять. Это, конечно — маленькіе процентики за провозъ! Надо сахара: здѣсь мы платимъ десять рублей серебромъ за высшій сортъ, а въ Сибири за дрянь, за мелисъ, переименованный рафинадомъ перваго сорта — надо заплатить 13 руб. 70 коп.; а нашъ полурафинадъ или, по-тамошнему, рафинадъ самый отличный — стóитъ 15 рублей серебромъ пудъ. Швейцарскій сыръ — 1 р. 20 коп. серебромъ. Одни вина, съ перваго взгляда, кажется, какъ-будто не дороги, но они носятъ предикія названія. Изъ печатнаго *прейс-куранта торговли иностранныхъ и греческихъ винъ* одного сибирскаго Рауля видно, что *сотеръ шато-динемъ* стóитъ 16 р. бутылка; лафитъ перваго сорта 7 р.; *лафитъ ольдеконъ* 9 р.; *дюфирдебаръ* 11 р.; *лафитъ-бенеске* 12 р.; а *то же крюзешвейнъ* — 16 р. *Шампанскому* тоже цѣны разныя: *клико-варлъ, версенъбоцингеръ* по 15 р.; *мантеболо, жаксонъ, редиръ и романълоссеръ* по 13 р.; *судацское кричъ* и *грандъ-мусье* по 7 р. бутылка. Это все на ассигнаціи. Но зимній путь, траска, морозы и ломаніе бутылокъ, должно быть, очень-неблагопріятно дѣйствуютъ на качество вина! Самъ видишь, что это сотеръ *шато-динемъ*, а пьешь просто разбавленный квасъ; раскупоришь лафитъ перваго сорта, а пьешь обыкновенныя чернила; шестнадцати-рублевый *крюзешвейнъ* — ни дать, ни взять нашъ двух-рублевый медокъ. Остаются одни шампанскія вина; но и тѣ, если взять ихъ не у знакомаго купца, говорятъ, очень смахиваютъ на судака, да на *грандъ-мусье*. Послѣ этого и не удивительно видѣть, что у того или другаго промышленника, который, кажется, не такъ еще давно расхаживалъ съ коробомъ за плечами по городу, или разъѣзжалъ въ таратайкѣ по селеніямъ, подзадоривая крестьянскихъ бабъ и дѣвокъ на бусы и стеклярусъ, на зеркальцы, въ которыхъ зритель не узнаетъ самого себя, на пѣсенники, сонники и живописныя описанія того, какъ мыши кота погребали — не удивительно, повторяю, что у подобныхъ людей, съ такими обширными познаніями сердца человѣческаго, съ такою опытностью въ коммерческихъ операціяхъ, вдругъ — кажется, ни съ того, ни съ сего, отъ одной только честной коммерціи, какъ они тоже честятъ свою профессію—то домикъ явится, то кинется въ глаза билетъ, который идетъ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ, хоть этого разряда люди очень, очень-рѣдко пускаются въ казенные подряды.

Вездѣ много, очень-много людей прекрасныхъ, честныхъ, добрыхъ, достойныхъ всякаго уваженія. Но я говорю только о тѣхъ язвахъ общества, которыя сильнѣе выказываются на видъ изъ массы прочаго, утѣшительнаго для человѣчества. Я указываю на нихъ какъ на рѣдкость, на которую не всякому удалось посмотрѣть поближе.

Какъ, на-примѣръ, не сказать тутъ же, что когда-то разъѣзжалъ по Сибири какой-то безголосный пѣвецъ. Этотъ *пѣвецъ артистъ*, какъ онъ изволилъ величать себя въ афишѣ, пѣлъ между прочимъ *Лучину съ переходомъ въ кудри*, и за удовольствіе слушать себя бралъ цѣну, по понятіямъ артиста очень-обыкновенную—пятнадцать рублей ассигнаціями за билетъ. Конечно, тутъ былъ положенъ и процентъ за проѣздъ—но все-таки!.. Впрочемъ, что жь? За обыкновенное іодовое мыло, которое гривенника не стóитъ, берутъ же серебряными рублями, когда надѣнутъ на него цвѣтную бумажку и французское названіе въ родѣ *сарипарель, оранжинъ де-Ларейнъ, лавандъ-амбре, дали-софье-ароматикое, савонъ-дюшессъ-Асъ-Пиверъ* и тому подобныя. Чтобъ покончить дѣло о процентикахъ за провозъ, выписываю съ дипломатическою точностью — чисто-сибирскій

«Счотъ
Monsieur marchand N N.
За двацать дней.

Кушанье съ трехъ *человѣкъ*	360 р.
Квартира	200 —
Кушанье *людямъ* четверымъ	160 —
4 бутылки клика	480 —
8 — портеръ . . .	48 —
1 — медокъ. . . .	24 —
3 — лафитъ. . . .	5 —
3 — госотеръ . . .	18 —
	18 —
	1,313 р.

Получилъ съ польна N N.»

Разумѣется, тутъ не считается чай, который путешественники по Сибири всегда имѣютъ собственный. И этотъ счетъ написанъ именно тамъ, гдѣ бутылка клико стóитъ 15 р. и гдѣ на постоялыхъ дворахъ за квартиру, обѣдъ, ужинъ и самоваръ берутъ обыкновенно «по цѣлковому съ рыла», какъ выражаются иногда хозяева подобныхъ заведеній. Тутъ уже не имѣетъ въ разсчетъ баринъ или лакей, дома ли обѣдаютъ, или въ гостяхъ кушаютъ: цѣлковый съ рыла — и дѣло кончено!

Между-тѣмъ, компанія все ждала золота; ждала, ждала, да и дождалась до того, что получила отъ управляющаго донесеніе, чтобъ или уволить его вовсе отъ службы компаніи — или избавить, однажды навсегда, отъ вліянія Первостатейнаго, который мѣшаетъ только его распоряженіямъ и заботится больше о своихъ выгодахъ, чѣмъ о выгодахъ покупщиковъ его пріиска. «Я поставилъ», прибавилъ управляющій: «полтораста человѣкъ; больше поставить нѣкуда, по недостатку и неприготовкѣ изслѣдованной мѣстности. Пріискъ пойдетъ хорошо; надѣюсь, что добыча золота, не смотря на первоначальное обзаведеніе, покроетъ сдѣланныя мною издержки. А можетъ быть, если Богъ поможетъ, будутъ кой-какія и выгодишки.»

Это письмо какъ варомъ обдало директоровъ, потому-что начало ихъ показывало, что управляющій и Первостатейный, видно, того, перессорились, а конецъ явно говорилъ, что золотыхъ, молъ, дескать, горъ—не ожидай!

Донесеніе было передано на соображеніе общаго собранія.

Директоры выдавали себя за знатоковъ, но они ровно ничего не смыслили. Они знали только нѣсколько техническихъ словъ и выраженій, которыми и пускали пыль въ глаза профановъ. Имъ знакомы были слова *шурфъ*, *пластъ*, *гнѣздовое золото*, *полная площадь*, *вашгертъ*, *штейгеръ*, *промывка*, *добыча*, *разработка* и тому подобныя; но не зная дѣла и не имѣя случая приглянуться къ нему, они никакъ не могли понять: 1) отъ-чего управляющій пишетъ про 150 человѣкъ, тогда какъ они полагали имѣть въ своемъ распоряженіи 800: самъ Первостатейный сказалъ, что рабочій въ 500 рублей обойдется? 2) отъ-чего на пространствѣ пяти верстъ длиннику и ста саженъ поперечнику — нѣкуда было поставить болѣе 150 человѣкъ? 3) отъ-чего управляющій говоритъ о неизслѣдованной мѣстности, тогда-какъ самъ Первостатейный на копіи съ плана отмѣтилъ карандашикомъ и мѣсто работъ и мѣсто изслѣдованій? чтó жь было нужно еще изслѣдовать? и 4) если пріискъ, какъ и управляющій пишетъ, пойдетъ хорошо, такъ чтó жь онъ тутъ толкуетъ про кой-какія выгодишки? Они никакъ не могли допустить мысли, чтобъ въ ихъ пріискѣ — золота было меньше, чѣмъ на сто мильйоновъ.

Директоры рѣшили на томъ, что управляющій или вовсе дѣла не понимаетъ, или онъ просто-на-просто плутъ первой руки! Первостатейный, вѣроятно, мѣшаетъ ему понагрѣть руки: ему и хочется отдалить его; онъ и вздумалъ пугать кой-какими выгодишками, и жалуется на Первостатейнаго, и просится въ отставку: думаетъ, что безъ него и обойдтись нельзя. Нельзя же его теперь, среди работъ, уводить: у него и капиталы и имущество... ну, все-таки познакомился съ дѣломъ, съ людьми нужными сошелся... Нельзя

же опять и по его дудкѣ плясать. Нельзя и Первостатейнаго отстранить! А будутъ ссориться — только дѣлу повредять!.. Скверно!.. Непремѣнно нужно на первый годъ получить — хоть сто на сто!.. Нѣтъ! И это мало! Надо прежде всего воротить мильйонъ!

— Строжайше предписать!.. замѣтилъ-было директоръ, завѣдывавшій дѣлами конторы.

— Да какъ тутъ за глаза, за шесть тысячъ верстъ предпишешь? Тутъ надо дѣйствовать, сказалъ кто-то: — и дѣйствовать не на бумагѣ, а взять подорожную, да и ѣхать! Управляющаго съ Первостатейнымъ помирить: узнать, кто правъ изъ нихъ, кто виноватъ; виноватаго и удалить подальше. На мѣстѣ все дѣло разберешь, разсмотришь, увидишь чтò нужно исправить и пустить въ ходъ. Конечно, надо ѣхать тому, кому это дѣло близко—кому-нибудь изъ насъ.

— Я поѣхалъ бы, сказалъ графъ: — еслибъ эти пріиски были гдѣ-нибудь въ Крыму, около Одессы или близъ прусской границы... А то забраться Богъ-знаетъ въ какую трущобу!

— А мнѣ тоже нельзя самому—дѣла не позволяютъ, замѣтилъ генералъ.

— Мнѣ тоже: теперь такое время, что я ни за что въ мірѣ ничѣмъ не буду рисковать, сказалъ баронъ.

— Мнѣ и подавно, сказалъ купецъ. — А мы вотъ чтò! Пріищемъ кого-нибудь изъ компаньйоновъ: оно и намъ легче; пусть его на нашъ счетъ ѣдетъ, посмотритъ, посудитъ, все-таки свой человѣкъ!

Я былъ тогда рѣшительно свободенъ, искалъ серьёзныхъ развлеченій и былъ чрезвычайно радъ, когда мнѣ сдѣлали предложеніе безъ особенныхъ пожертвованій прокатиться въ Сибирь, гдѣ я сперва долженъ былъ заѣхать на одинъ пріискъ — поглядѣть на него: тамъ работъ не было, нельзя же было, какъ разсуждали директоры, оставить его безъ надзора хоть поверхностнаго; съ этого пріиска, я долженъ былъ проѣхать на другой.

Вотъ я и поѣхалъ!

Надобно сказать, что до-сихъ-пор путешествія мои ограничивались п сухому пути—Парголовымъ, по мор —Кронштадтомъ, по желѣзной дорог —Павловскомъ. Я, какъ всѣ мы грѣш ные молодые люди, зналъ многое что есть за границею, и вообра жалъ, что только тамъ можно найт что-нибудь примѣчательное и любо пытное. Ну, а про Россію мнѣ был извѣстно, что она раздѣлена на стол ко-то губерній; что въ ней такія-то р ки, что въ Крыму растетъ виногра и что тамъ очень-хорошо; что въ З кавказьѣ есть шелковичные черви; ч московскія шелковыя фабрики первы —послѣ ліонскихъ; что въ Малоросс арбузы ни-по-чемъ. Про Сибирь не одинъ ничего не знаю; извѣстно тол ко, что тамъ и холодно и голодно; м ховъ много и золото есть! Я слыха и про Уральскія и про Алтайскі Горы, но думалъ: куда намъ тянуть за Швейцаріей или за Пиренея Тамъ все такое... отличное! А у на чтò?..

До Нижняго-Новгорода я ѣхалъ с мымъ скучнымъ мѣстоположеніе но по превосходной дорогѣ. Тол двѣ вещи тутъ мнѣ не понравили Первое то, что ѣздятъ въ порядочно экипажѣ, въ своемъ, въ почтовой ка тѣ, въ дилижансѣ—кажется съ вида порядочные люди, а позволяютъ се наряжаться въ дырявые халаты и замасленные архалуки. Не може быть, чтобъ у большей части эти путешественниковъ не было прил наго костюма; не-уже-ли имъ не пр детъ въ голову, что они могутъ вст титься въ гостинницѣ или на стан и даже могутъ ѣхать вмѣстѣ, съ пос ронними людьми и съ дамами; не-у ли имъ не извѣстно, что въ наши в мена приличіе необходимая добро тель? Будь дома, у себя, чѣмъ уго и ходи какъ угодно; но коль скоро ловѣкъ вышелъ изъ черты семейн круга, до котораго никому нѣтъ д такъ, кажется, слѣдовало бы похло тать о томъ, чтобъ не навлечь с эпитета невѣжи. Второе обстояте

ство, неприятное по-крайней-мѣрѣ для меня и спутницы моей, одной петербургской дамы, которая ѣхала вмѣстѣ со мной въ почтовой каретѣ и которая тоже въ первый отъ роду разъ выѣхала изъ Петербурга, было то, что скоро кончились мосты: черезъ значительныя рѣки надобно было переправляться на паромахъ. Оно, пожалуй, что ничего; да времени сколько пропадаетъ: отпрягать лошадей, спускаться съ берега, устанавливать экипажъ, медленно переплывать рѣку, тамъ опять запрягать... а въ дорогѣ, конечно, торопишься, какъ бы скорѣй проѣхать станцію. Сосѣдка моя еще больше меня была этимъ недовольна, но отъ другой причины: она страхъ-какъ боялась воды.

Съ Нижнимъ-Новгородомъ кончается хорошая дорога и дурное, безутѣшное мѣстоположеніе. Ѣдешь и не нарадуешься хорошенькимъ мѣстамъ, съ которыми никакія картинки не могутъ сравниться. Смотришь и не налюбуешься золотистыми полями, дубовыми лѣсами, чудной Волгой, пригожеленькими бабенками, особенно, когда онѣ вечеромъ наканунѣ праздника и въ праздники расплящутся въ хороводахъ по улицѣ, конечно, въ хорошую погоду. Всему радуешься: и сарафану, и длинной косѣ, и мужику-волокитѣ, и балалайкѣ, и пріобрѣтшей право гражданства гармоникѣ, потѣшающей русскій народъ даже въ самыхъ крайнихъ предѣлахъ отдаленной Сибири. Съ Нижняго-Новгорода уже появляются ямщики Татары, далѣе Мордва, Чуваши, Черемисы, Вотяки... Но этимъ наблюденія и кончаются. Если наблюденіемъ назвать то, что́ бросается въ глаза—то, грѣшный человѣкъ! и въ глаза-то мнѣ бросилось не многое. Я замѣтилъ, что Татары ходятъ въ длинныхъ, въ родѣ женскихъ, синихъ рубахахъ съ длиннымъ воротникомъ и съ длинными рукавами и въ бѣлыхъ войлочныхъ шляпахъ, вѣсомъ каждая фунтовъ въ восемь. Татарки чернятъ зубы и очень непривлекательны собой, съ своимъ дряблымъ тѣломъ и отвислыми щеками. Между Мордвой и Черемисами, не-знатоку дѣла очень трудно отличить мужика отъ бабы: одинъ и тотъ же костюмъ съ незамѣтнымъ отличіемъ, одна и та же манера ѣздить верхомъ на лошади. Если что есть замѣчательное и особенно пріятное для путника, скачущаго сломя голову по дорогѣ не въ качествѣ путешественника, такъ это стерляди: съ Нижняго начинаешь наслаждаться ими сколько угодно и въ возможныхъ видахъ приготовленія.

Вятская и Пермская Губерніи самыя благодѣтельныя для всякаго проѣзжающаго. Лошади отличныя, дороги превосходныя, обработаны въ родѣ шоссе и содержатся въ строгой исправности; ямщики всегда въ формѣ, задержекъ на станціи и слыхомъ не слыхать: обыкновенно дѣлаютъ около двухъ-сотъ-пятидесяти верстъ въ сутки. Превосходныя богатыя деревни и села Пермской-Губерніи неожиданно поражаютъ взоры благоустройствомъ и довольствомъ, которыми запечатлѣно все: и храмъ Божій, выстроенный изъ кирпича въ обширномъ для села размѣрѣ, правильной, изящной архитектуры, и двух-этажные дома крестьянъ, часто обшитые тесомъ, и веселыя лица обитателей, одѣтыхъ чисто и опрятно, и внутреннее убранство послѣдняго домика, гдѣ можно найдти и святыя иконы, писанныя на холстѣ масляными красками, и диванъ вдоль стѣны, который, разумѣется, ничѣмъ не набитъ и есть скорѣе просто скамейка, облеченная въ форму дивана; но все-таки это чистый *прогрессъ*. Прибавьте къ тому кровать за занавѣсками, два-три огромные сундука, покрытые ковромъ, зеркальце въ простѣнкѣ, книжку «Сельское Чтеніе», а иногда и пѣсенникъ, привѣтливый разговоръ хозяевъ... вѣдь тутъ есть надъ чѣмъ и призадуматься!.. Нѣтъ! надобно знать курную избенку, попробовать пустыхъ щей, съѣсть ломоть мякиннаго хлѣба, и потомъ перенестись въ опрятную горницу «Сибиряка», какъ обыкновенно называютъ себя

обитателя Пермской-Губерніи, чтобъ понять то радостное волненіе, въ которое душа невольно погружается.

Наконецъ, проѣхавъ Уральскія-Горы, эту естественную границу, раздѣляющую Европейскую-Россію отъ Сибири, границу, которую я переѣзжалъ чуть ли не сутки, на пространствѣ двухъ-сотъ съ чѣмъ-то верстъ, я на двѣнадцатыя сутки по выѣздѣ изъ Петербурга очутился въ Екатеринбургѣ.

Екатеринбургъ, уѣздный городъ Пермской-Губерніи, лежитъ на склонахъ Урала и есть средоточіе главнаго управленія горными заводами Уральскаго Хребта. Онъ горный городъ и по этому здѣсь нельзя встрѣтить почти ни одного должностнаго лица, которое не принадлежало бы къ горному вѣдомству: — даже чиновники полиціи горные. Это придаетъ ему особенный, весьма - привлекательный характеръ. Екатеринбургъ большой, чистый, правильно и *изящно* застроенный городъ, пріобрѣтшій европейскую извѣстность своею гранильною фабрикою и главнымъ депо драгоцѣнныхъ камней. На этой фабрикѣ, составляющей собственность Кабинета Его Величества, выдѣлываются богатѣйшія колоссальныя чаши, вазы, урны и разные предметы изъ малахита, мрамора, яшмы и другихъ горныхъ породъ. Тутъ работаютъ картины, мозаики и камеи, составляющія драгоцѣнную рѣдкость. Большая часть жителей—художники по разнымъ отраслямъ искусства; больше всего здѣсь гранильщиковъ, шлифовальщиковъ, рѣзчиковъ и граверовъ. Доступныя пріобрѣтенію частными лицами произведенія здѣшнихъ артистовъ — это небольшія камеи, вазы, бездѣлки и украшенія для кабинетовъ и будуаровъ, самоцвѣтные камни для перстней и ожерелья, и печати изъ сердоликовъ, горныхъ хрусталей и другихъ горныхъ породъ. Работа здѣшнихъ художниковъ такъ искусна, хороша и отчетиста, что передъ нею произведенія нашихъ петербургскихъ мастеровъ, при безпристрастномъ сличеніи, должны показаться — просто топорною работою, не смотря на то, что они въ пять разъ дороже екатеринбургскихъ произведеній. Чтобъ дать ясное понятіе объ Екатеринбургѣ вообще, надо написать цѣлую книгу. Будь этотъ городъ гдѣ-нибудь за границей, туда стекались бы толпы путешественниковъ: каждая бездѣлица, отъ аквамариновой сережки до русскаго изумруда, и отъ топазовой печати до копіи съ римскаго камея, которую, безъ предварительнаго указанія, трудно различить отъ оригинала — все было бы давнымъ-давно описано. Но такой городъ не за границею!

Чтобъ дать хоть маленькое понятіе о частной жизни въ Екатеринбургѣ, надобно сказать, что Екатеринбургъ небольшой городъ въ сравненіи съ великороссійскими губернскими городами, но онъ обстроенъ большими каменными домами. Въ немъ есть обсерваторія, очень порядочный театръ съ постоянною труппою, есть свое собраніе, есть двѣ очень-порядочныя гостинницы, кандитерская и кафе-ресторанъ. Главные жители его—офицеры, получившіе образованіе въ Горномъ Корпусѣ и большею частію путешествовавшіе за границею, и богатое купечество: золотопромышленники, покоящіеся уже на лаврахъ, справедливо стяжанныхъ, и желѣзнозаводчики—все люди, бывавшіе и живавшіе въ Петербургѣ. Привычка къ комфорту, которымъ они пользовались въ Петербургѣ, имѣла слѣдствіемъ то, что въ нѣсколькихъ десяткахъ екатеринбургскихъ домовъ непремѣнно найдешь и паркетные полы, и библіотеки, и картинныя галереи, и кабинеты минералогическіе, и лихтенталевскіе или виртовскіе рояли, и всѣ журналы, даже иностранные, и туровскую мебель, и, наконецъ, кареты на лежачихъ рессорахъ, выдѣлываемыхъ на собственныхъ фабрикахъ. Рѣдкіе изъ достаточныхъ людей не имѣютъ своего сада и въ немъ оранжерей; рѣдко кто не щеголяетъ лошадьми, домашними по-

грибомъ и гардеробомъ первыхъ петербургскихъ портныхъ. Отъ частыхъ столкновеній съ горными офицерами, отъ постояннаго чтенія журналовъ, которыми люди недостаточные заимствуются у подписчиковъ, и прочее-то народонаселеніе наметалось и пригляделось ко всему прекрасному, прислушалось къ изящному и, незамѣтнымъ *само для себя* образомъ, усвоило себѣ тѣ понятія и тѣ манеры, которыя хоть бы и въ Петербургѣ, такъ въ пору. Прибавьте къ этому пріятное общество, любезность дамъ, художества, ремесла, заводскую промышленость, которая такъ сильно развиваетъ человѣка, театры, доступные всѣмъ, и, наконецъ, окружающую природу... и найдетъ, пожалуй, что Екатеринбургъ не чета другимъ городамъ. Въ-заключеніе прибавимъ, что здѣсь жить не очень-дорого стóитъ.

Прежде, чѣмъ разстанемся съ Екатеринбургомъ и Ураломъ, вспомнимъ, что здѣсь было открыто золото, и вотъ по какому случаю (1).

Разсказываютъ, что будто-бы въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны шартанскій *кержакъ*, то-есть раскольникъ, Ерофей Марковъ, ѣхалъ въ Екатеринбургскомъ-Округѣ по берегу рѣки Пышмы, и нашелъ на самой дорогѣ кварцевый камень съ прослойкою вкропленнаго въ него ясно для простаго глаза золота. Маркову и въ голову не приходило, чтобъ это было именно золото; онъ видѣлъ тутъ блестящій камешекъ, очень-интересный по своему наружному виду и блеску— не болѣе. Онъ видѣлъ тутъ какую-то особенность, можетъ-быть, рѣдкость, непохожую на тѣ голыши, какіе ему прежде случалось видѣть. Эту-то рѣдкость онъ и представилъ въ Екатеринбургскую Заводскую Канцелярію. Канцелярія смекнула въ чемъ тутъ дѣло, поняла, чего надобно ожидать послѣ этой находки, отобрала отъ Маркова подробное показаніе: гдѣ нашелъ, съ кѣмъ нашелъ, какъ нашелъ, сколько нашелъ, и отправила съ нимъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій своего члена. Членъ не открылъ ничего утѣшительнаго, а Канцелярія судила Маркова за намѣренную утайку и сокрытіе казеннаго интереса, осудила его и наказала. Это было за сто лѣтъ, въ 1745 году. Объ этомъ происшествіи, какъ о дѣлѣ особенной важности, донесли Государственной Бергъ-Коллегіи. Бергъ-Коллегія повела дѣло иначе. Она видѣла, что Марковъ ни сномъ ни духомъ невиноватъ; онъ сдѣлалъ то, что́, по его мнѣнію, было нужно сдѣлать, и за результатъ чужихъ изысканій и испытаній — платиться ему не слѣдуетъ. Этакъ, пожалуй, можно и другихъ отвадить отъ объявленія начальству о признакахъ или слѣдахъ, которые могутъ повести далеко. Вотъ Бергъ-Коллегія и велѣла: поступать съ Марковымъ кротко и человѣколюбиво, пригласить его позаботиться объ открытіи новаго металла и объявить ему, что если Богъ поможетъ въ этомъ дѣлѣ, ему, Маркову, дадутъ хорошую награду. Маркову было ужь не до награды; онъ хлопоталъ только о томъ, чтобъ ему опять не пришлось, ни съ того ни съ сего, расплачиваться своими боками, а главное дѣло — какъ порядочный человѣкъ— онъ не хотѣлъ, чтобъ о немъ думали дурно, будто-бы онъ скрываетъ то, что́ знаетъ—и работалъ изъ всѣхъ силъ. Люди ли даны были ему подѣльнѣе да понадежнѣе, или судьба сжалилась надъ нимъ и хотѣла загладить прежнюю свою несправедливость, только золото тогда же было открыто — золото это было рудное. Шлиховое, розсыпное или песочное золото, то-есть, золото, какъ оно есть, отдѣльными крупинками, полосками и пластинками, а не въ тѣсномъ соединеніи съ горными породами, было открыто гораздо-позже, въ 1813 или 1814 году, на нейвинскомъ заводѣ корнета Яковлева, въ екатерин-

(1) Еще Геродотъ разсказываетъ, что въ средней Азіи, у подошвы Урала, въ странѣ Аримасповъ, есть много золотыхъ рудниковъ, стерегомыхъ грифами.

бургскомъ же округѣ, при рѣчкѣ Мильковкѣ.

Это открытіе породило много толковъ. Тогда жилъ въ Екатеринбургѣ знаменитый мужъ своего времени, надолго оставившій о себѣ память въ горнозаводскомъ дѣлѣ, Григорій Ѳедоровичъ Зотовъ, взысканный за свой обширный практическій умъ и за неоцѣненныя открытія по желѣзнозаводской части милостями покойнаго Государя Императора. Г. Зотовъ, сравнивая протяженіе Уральскаго-Хребта съ расположеніемъ мѣстъ золотыхъ рудниковъ и новыхъ розсыпей, дошелъ до умозаключенія, что протяженіе золотосодержащихъ путей должно стремиться по ту сторону Урала, на востокъ. Г. Зотову нѣкогда было предаваться мечтамъ, которыя могли не осуществиться: онъ ограничился тѣмъ, что выразилъ мысль свою въ кругу знакомыхъ.

Въ то же время жили еще два человѣка, подобно Г. Ѳ. Зотову капитальные: Якимъ Меркуловичъ Рязановъ, жившій въ Екатеринбургѣ и занимавшійся большими коммерческими оборотами, и Ѳедотъ Ивановичъ Поповъ, бывшій виннымъ откупщикомъ въ городѣ Томскѣ. Оба они были пріятелями между собой, обоимъ имъ были извѣстны слухи, ходившіе о золотѣ, и обоихъ ихъ преслѣдовала мысль открыть золото. Оба они искали его въ 1826 году, г. Рязановъ по склонамъ Урала въ Тобольской-Губерніи, г. Поповъ по склонамъ Алтая (2) въ Томской-Губерніи. Но еще въ 1824 году Я. М. Рязановъ удостоился открыть свою мысль покойному Государю лично, а отъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора имѣлъ счастіе получить денежное вспомоществованіе, которое онъ и посвятилъ открытію новой отрасли государственныхъ доходовъ. Эти подробности сообщены мнѣ самимъ Я. М. Рязановымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя умолчать еще объ одномъ человѣкѣ. Это былъ ссыльный, по имени Егоръ Лѣсной. Онъ прежде былъ на уральскихъ горныхъ заводахъ. Раскольникъ и человѣкъ съ закоренѣлыми предразсудками, уроженецъ «Шартанскаго Монастыря», огромнаго селенія близь Екатеринбурга, по дорогѣ оттуда къ березовскимъ золотопромывательнымъ фабрикамъ, знаменитымъ по тѣмъ превосходнымъ усовершенствованіямъ, до которыхъ доведена тамъ техническая часть—этотъ Егоръ Лѣсной имѣлъ не очень рекомендательную профессію: занимался на Уралѣ кражею золота и перепродажею его въ частныя руки. Дѣло это было огромное, пустившее далеко корни. Наконецъ, оно стало извѣстно правительству, которое прекратило зло. Егоръ Лѣсной былъ сосланъ въ каторжную работу. Богъ-знаетъ какимъ случаемъ удалось ему оттуда бѣжать. Странствуя то туда, то сюда, Лѣсной зашелъ въ Томскую-Губернію, достигъ до Бирчикульскаго-Озера, при подошвѣ Сѣверовосточнаго-Алтая, поселился тутъ, завелъ себѣ любовницу, и наводилъ своимъ буйствомъ страхъ и трепетъ на окрестныхъ жителей. Всѣ его боялись, всѣ были увѣрены, что онъ знается съ нечистымъ, и на эту мысль упирались всѣ болѣе потому-что Егоръ Лѣсной пойдетъ, бывало, съ своей *любой* въ горы, а оттуда возвратится съ золотыми крупинками: кто жь ему давалъ ихъ, какъ не нечистый? Слухи о золотыхъ зернышкахъ отъ перваго свидѣтеля перешли къ другимъ крестьянамъ; они, сидя въ избушкѣ, украшенной елками, передавали свои соображенія объ этомъ другъ-другу; про это узналъ и цѣловальникъ; отъ цѣловальника вѣсти дошли къ подвальному; наконецъ, узналъ про это и самъ г. Поповъ. Г. Поповъ въ это время искалъ уже золото. Хлѣбъ тогда былъ ни почемъ въ Сибири, не то что нынче— онъ былъ дешевле чѣмъ гдѣ-нибудь въ Россіи; работниковъ не только было легко найдти, но они сами десятками, иногда насильно, шли въ работу только

(2) Монгольское названіе его: *Алтай-Ула*, значитъ золотыя горы.

изъ одного хлѣба, не то что̀ теперь, когда къ нимъ и подступу нѣтъ, слѣдовательно, г. Попову не дорого могло обойдтись сформирование отряда, или, говоря языкомъ золотопромышленниковъ, сооруженiе партiи не задолжа̀ло много капиталу, тѣмъ болѣе, что хлѣбъ былъ очень-дешевъ, а водка все-таки сто̀ила денегъ. Г. Поповъ отдѣлилъ часть работниковъ и послалъ ихъ къ Бирчикульскому-Озеру съ *парнемъ*, съ прикащикомъ, строго наказавъ ему развѣдать поискуснѣе отъ Егора Лѣснаго: откуда онъ беретъ золото. Чѣмъ бы парню приняться прежде всего за любу егорову, тотъ взялся съ самимъ Лѣснымъ и, конечно, ничего не узналъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Эта неудача не охладила, однакожь, рвенiя г. Попова. Онъ и г. Рязановъ, чуждые всякихъ познанiй, необходимыхъ для посвятившихъ себя занятiямъ этого рода, съ непоколебимою твердостiю и рѣдкимъ самоотверженiемъ, сопряженнымъ со всевозможными лишенiями, искали случая осуществить тревожившую ихъ мысль; сами ходили въ розыски, сами разрывали землю, подвергались влiянiю сырости и непогоды, питались однимъ чернымъ хлѣбомъ, спали на открытомъ болотѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застигала ночь, и, руководимые кой-какими поверхностными слухами о способѣ промывки золота, мучились по цѣлымъ днямъ, разводя въ водѣ черноземъ и глину и стараясь извлечь оттуда небывалое золото: они были мученики, страдальцы, люди кено̀нятые, надъ которыми почти всѣ насмѣхались.

Г. Поповъ отправился, наконецъ, самъ къ Бирчикульскому-Озеру; Лѣснаго не было уже на свѣтѣ. Отъ любы его г. Поповъ узналъ, что тотъ ходилъ въ горы на одну рѣчку, раскапывалъ землю около ложа ея и вырывалъ ямы руками, извлекалъ пески, разводилъ ихъ водою, голыми руками растиралъ ихъ — и получалъ оттуда золото. Эта женщина указала и самое мѣсто. Такимъ-образомъ первая розсыпь и была открыта г. Поповымъ въ Томскомъ-Округѣ, по рѣчкѣ Бирикулю, впадающей въ рѣку Кiю.

Рѣчка Бирикуль, съ Высочайшаго соизволенiя, отдана въ собственность г. Попова навсегда.

Первые признаки г. Поповъ получилъ въ 1827 году, а на слѣдующiй годъ у него была уже правильная разработка, и золота получено полтора пуда.

Въ 1829 году прiѣхалъ туда А. М. Рязановъ, и верстахъ въ семи отъ высокой горы Алатаги открылъ долго неизсякавшiй источникъ богатства, знаменитый Кундустуюльскiй Ключъ, до-сихъ-поръ еще разработываемый. Въ благодаренiе Богу за ниспосланiе благъ земныхъ, г. Рязановъ выстроилъ здѣсь церковь: нынѣче она единственная, въ родѣ приходской, церковь во всей томской тайгѣ, и украшена съ благолѣпiемъ, приличнымъ храму Божiю; самый же прiискъ на Кундустуюлѣ, названный Воскресенскимъ, настоящее богатое село. Здѣсь до тысячи человѣкъ рабочихъ; многiя сотни людей постоянно нѣсколько лѣтъ сряду не выѣзжаютъ отсюда, завелись домкомъ, хозяйствомъ и живутъ-себѣ припѣваючи. Воскресенскiй прiискъ—столица томской тайги; сюда на лѣто съѣзжаются всѣ прiисковыя власти Минусинскаго и Томскаго Округовъ, есть кромѣ женщинъ — *дамы*, жены прiисковыхъ управляющихъ и гостей ихъ, горныхъ чиновниковъ, и семейство духовнаго пастыря, отца Александра, уважаемаго всѣми краснорѣчиваго оратора. Здѣсь притонъ для всѣхъ: скучно дома — ѣдутъ въ гости на Воскресенку; надо занять хлѣба или взять въ долгъ рабочихъ—безъ Воскресенки дѣло не обойдется: тутъ всѣхъ поятъ, кормятъ, веселятъ пѣсенниками, медвѣжатами... всѣхъ удовольствуютъ. Зимой здѣсь устроиваютъ катанье съ горъ естественныхъ и чрезвычайно высокихъ: всему есть время — и молитвѣ, и труду, и веселью.

Съ именами золотопромышленыхъ домовъ Рязановыхъ и Поповыхъ тѣсно связаны и имена ихъ первыхъ послѣ-

дователей: Зотовыхъ, Баландиныхъ, Казанцовыхъ, Машарова, пріобрѣтшаго извѣстность непостижимою дѣятельностью и получившаго прозваніе таёжнаго Наполеона, Филимоновыхъ, Кузнецова, Горохова, Асташова, Малавинскаго, Мясниковыхъ и другихъ.

Золото стали искать вездѣ... Нынче эта промышленость немножко упала въ общественномъ мнѣніи по милости господъ какъ нашъ Первостатейный, которыхъ во всякой отрасли промышлености довольно: это своего рода Чичиковы, и не мертвыя, а живыя души, которыхъ образчикъ мы здѣсь и постараемся представить, при случаѣ.

Теперь золото открыто на Уралѣ, въ Землѣ Оренбургскаго-Казачьяго-Войска, въ башкирскихъ земляхъ, въ Киргизской-Степи, въ Томскомъ-Округѣ, въ казенныхъ горныхъ округахъ Колывановоскресенскомъ, Томской-Губерніи, и въ Нерчинскомъ, Иркутской-Губерніи, въ Ачинскомъ, Минусинскомъ, Енисейскомъ, Канскомъ, Верхне и Нижне-Удинскомъ и Иркутскомъ Округахъ и въ Забайкальскомъ-Краѣ; въ сѣверныхъ округахъ Тобольской-Губерніи также открыты *признаки* золота: однимъ словомъ, Сибирь — дѣйствительно *золотое дно* Россіи.

Было время, когда много толковали о золотѣ въ Нижегородской-Губерніи; но потолковали и оставили. Прійдетъ, однакожь, время и, вѣроятно, это время недалеко, когда заговорятъ о золотѣ въ Мингреліи, по долинѣ Цхеницхали, и въ Имеретіи. Все, и Кантабитія, и извѣстія Страбона, Аппіана и Прокопія, и древній миѳъ о золотомъ рунѣ Колхиды, и недавнее право имеретинскихъ царей собирать *для себя* песчаное золото, все это убѣждаетъ насъ въ мысли, что въ Закавказьѣ есть золото. Хотя эту мысль и не раздѣляетъ ученый путешественникъ по Южной-Россіи Дюбуа де-Монперё, основываясь на томъ, что въ тамошнихъ горахъ преобладаютъ порфировыя породы, однакожъ онъ могъ тутъ ошибиться: на югѣ Сибири, въ Минусинскомъ-Округѣ и по рѣчкамъ Бирюсѣ и Мирючину, въ Канскомъ-Округѣ, тоже преобладаютъ порфировыя породы (3), но это нисколько не мѣшаетъ быть тутъ богатымъ золотымъ розсыпямъ. Въ Кавказскихъ-Горахъ, по слухамъ, есть серебро; но были люди, которые, зная горное дѣло въ совершенствѣ, думали искать тутъ и золото, однакожь, за разными обстоятельствами — это предпріятіе остается до-сихъ-поръ только проектомъ.

Не надобно, однакожь, думать, что открытіе сибирскихъ золотосодержащихъ розсыпей было какое-нибудь чудо-чудное, диво-дивное, изобрѣтеніе девятнадцатаго столѣтія. Отнюдь нѣтъ! Воздадимъ хвалу первымъ открывателямъ, Колумбамъ золотопромышлености — но будемъ же справедливы и къ старинѣ. Для этого мы коротенько прослѣдимъ XVII и XVIII столѣтія и припомнимъ то, что̀ намъ извѣстно вообще о мѣрахъ правительства къ открытію драгоцѣнныхъ металловъ и камней въ нашемъ отечествѣ и объ успѣхѣ этихъ мѣръ.

Въ 1628 году енисейскій воевода Хрипуновъ послалъ ратныхъ людей къ Бурятамъ разузнать хорошенько: откуда они добываютъ серебро, которое замѣтили у нихъ казаки на опоясках, женскихъ нарядахъ и въ домашнихъ приборахъ (4).

Въ 1647 году, боярскій сынъ Иванъ Похабовъ добивался у кочевавшихъ по рѣкѣ Селенгѣ монгольскихъ князьковъ Турукая и Цецена: откуда у нихъ берется серебро и золото (5).

Въ 1661 году, велѣно было искать серебряную руду на Каниномъ Мысу, на Югорскомъ Шарѣ, близъ Косвы, недалеко отъ Мезенскаго Устья (6).

(3) О золотыхъ пріискахъ, полковника Гофмана.

(4 и 5) «Обозрѣніе разныхъ происшествій, до исторіи и древностей касающееся въ Иркутской-Губерніи. 1812». Тамошняго губернскаго землемѣра надворнаго совѣтника Лосева.

(6) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи № 296.

Въ 1666 году, подтверждено объ этомъ съ посылкою рудознатцевъ князей Милорадовыхъ, которымъ даны были подробныя наставленія (7).

Въ томъ же 1666 году отправленъ былъ въ архангельскій край на Двину иностранецъ Густавъ фон-Кампенъ, для прiисканiя тамъ золотыхъ и серебряныхъ рудъ (8).

Въ 1679 году Тунгусы объявили въ Нерчинскѣ боярскому сыну Шульгину, что неподалеку отъ рѣки Аргуни, по впадающимъ въ нее рѣчкамъ, они нашли серебряныя и оловянныя руды (9).

Въ 1681 году, послано было изъ Селенгинска въ Сибирскiй Приказъ донесенiе слѣдующаго содержанiя: «Государю царю и великому князю Θеодору Алексѣевичу, всея Великія, и «Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу. «Холопъ твой Ивашко Власовъ челомъ «бьетъ. По твоему, великаго государя, «указу велѣно мнѣ холопу твоему прiискивать и разспрашивать всякихъ «чиновъ людей про золотую, серебряную, мѣдную, оловянную, свинцовую «и желѣзную руду. Въ нынѣшнемъ «7189 году въ iюнѣ, пришедшiй въ «Селенгинскъ изъ Баунтовскаго Острога казачiй десятникъ Еѳимко Варламовъ съ собою привесъ полфунта оловянной руды, и сказалъ, что по твоему-де великаго государя указу былъ «онъ Еѳимко въ Баунтовскомъ для «ясашнаго соболинаго сбора, и сего жь «года принесли въ Баунтовскiй къ нему Еѳимкѣ тое руду баунтовскiе «ясашные Тунгусы наджарскаго рода «Монко и Дордую; сказали ему тѣ Тунгусы, что взяли они оную руду внизъ «по Цывѣ рѣкѣ на Боксункѣ рѣчкѣ, «отъ Баунтовскаго Острога дня съ четыре пѣшаго ходу. А той руды цѣлая гора, гдѣ по всей горѣ осыпь, но «достоинства и богатства оной не знаютъ,—и мнѣ, холопу твоему, неизвѣ«стно — потому что въ Селенгинскомъ «плавильщиковъ и рудознатныхъ мастеровъ нѣту. Да вѣдомо мнѣ, холопу «твоему, учинилось отъ селенгинскихъ «служилыхъ людей, что близъ Селенгинска есть *старыя копи*, про кои служилые слыхали отъ монгольскихъ людей, что тутъ ямаы краски разноцвѣтныя. Я, холопъ твой, посылалъ «туда служилыхъ людей двадцать человѣкъ и велѣлъ тѣ старыя копи, буде какiя краски объявятся, привезти «въ Селенгинскъ. Тѣ посыланные люди мнѣ, холопу твоему, въ Селенгинскѣ сказывали, что хотя тѣ копи расчищали, а красокъ разноцвѣтныхъ «не нашли, а только земля крушьемъ «столь же черная, какъ чернила (10), а «между чернымъ крушьемъ лежатъ «слюдянквасцы, которыхъ одинъ фунтъ «привезли ко мнѣ, холопу твоему, въ «Селенгинскъ. Я, холопъ твой, руду и «квасцы послалъ тебѣ, великому государю, на Москву, съ сею отпискою «вмѣстѣ, а оную отписку велѣлъ подать въ Сибирскомъ Приказѣ боярину «князю Ивану Борисовичу Рѣпнину, «да стольнику и воеводѣ Кириллу Аристарховичу Яковлеву, да дьяку Семену Румянцову» (11).

Въ 1695 году, присланныя къ Петру-Великому изъ Сибири серебряныя и свинцовыя руды были отправлены съ иностранцемъ Матвѣемъ Попномъ въ Германiю для пробы (12).

Въ 1696 году посланъ въ Сибирь къ томскому городу на рѣку Кондакъ Грекъ Александръ Левандiана съ десятью человѣками искать тамъ металловъ (13), такъ-какъ слухъ о чудскихъ копахъ распространялся въ это время болѣе и болѣе.

Въ 1696 же году, найдены были на Уралѣ по рѣчкѣ Тагилу магнитный ка-

(7) Тамъ же, № 392.
(8) Тамъ же, № 391.
(9) Г. Лосевъ.

(10) Въ Селенгинскѣ, въ 1666 году основанномъ, трудно было въ то время найдти чернила и бумагу; обыкновенно писали на берестѣ—дегтемъ.
(11) Г Лосевъ.
(12) П. С. З. Р. И. № 1512.
(13) Тамъ же № 1561.

мень, а по рѣчкѣ Невьѣ желѣзная руда (14).

Въ 1697 году, данъ былъ указъ о постройкѣ въ Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сыисканы желѣзныя и магнитныя руды, большаго желѣзнаго завода, такъ-какъ «по заморскимъ опытамъ тѣ «руды богатыя и желѣзо изъ нихъ выходитъ доброе» (15).

Въ 1699 году открыты слѣды золотыхъ и серебряныхъ рудъ въ Нерчинскѣ; на нихъ навели норы сурковъ, которые, выкапывая свои ямки, выбрасывали иногда и самую руду (16).

Въ 1700 году, всѣмъ разрѣшено искать золотыя и серебряныя руды по цѣлому государству (17).

Въ 1703 году, Левандіана переведенъ съ рѣчки Коштака въ Томскомъ-Уѣздѣ въ Нерчинскъ, гдѣ начата пробная разработка тамошнихъ рудъ (18).

Въ 1710 году, этому Левандіанѣ дана граммата въ томъ, что онъ нашелъ серебряную руду въ Нерчинскѣ, построилъ тамъ заводъ и выучилъ заводскому дѣлу нѣсколько человѣкъ тамошнихъ жителей (19).

Въ 1724 году найденъ близь Екатеринбурга графитъ (20).

Въ 1725 году открыты Колывановоскресенскіе Заводы (21).

Въ 1727 году указаны мѣста для пріискиванія въ Сибири золотыхъ и серебряныхъ рудъ, именно на Алтаѣ, между городами Нерчинскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ (22).

Въ 1736 году обѣщаны награды рудоискателямъ (23).

Въ 1739 году изданъ Бергъ-Регламентъ и опредѣлены права заводчиковъ (24).

Въ 1740 году изданъ указъ о розыскѣ серебряныхъ рудъ въ башкирскихъ земляхъ (27).

Въ 1744 году найдена золотая руда въ Олонецкомъ-Уѣздѣ, въ вотчинѣ Соловецкаго Монастыря, въ 220 верстахъ отъ кончезерскаго мѣднаго завода, на воецкомъ рудникѣ (26).

Въ томъ же 1744 году открыты близь Екатеринбурга самоцвѣтные камни (27).

Въ 1745 году, на Колывановоскресенскихъ Заводахъ добыто болѣе 44 пудовъ золотистаго серебра, и чистаго золота отдѣлено отъ него 12$^1/_3$ фунтовъ (28).

Въ 1752 году велѣно нерчинское серебро, для раздѣленія его отъ золота, присылать впредь въ Петербургъ, а не въ Москву, потому-что отъ неискусства тамошнихъ мастеровъ въ Москвѣ угаръ бываетъ слишкомъ-великъ, именно на 155 пудовъ два пуда угараетъ (29).

Въ 1754 году, изъ колывановоскресенскаго серебра, наличнаго по 1753 годъ, велѣно было сдѣлать рублевой монеты на мильйонъ (30).

Въ томъ же 1754 году дозволено было искать разныя руды, драгоцѣнные камни и краски въ Сибири и въ Оренбургской-Губерніи (31).

Между-тѣмъ, въ народѣ давно уже ходила молва *о песчаномъ золотѣ* въ Уральскихъ Горахъ и на Алтаѣ, и о томъ, что бродячіе инородцы Сибири, особенно Тунгусы, знаютъ многое про драгоцѣнные металлы. Вотъ что, между прочимъ, писалъ объ этомъ и объ усиленіи открытій и добычи золота и серебра чрезъ распространеніе частной горной промышлености, главный судья Монетной Канцеляріи, статскій

(14) Энц. Лекс. Т. XVI.
(15) П. С. З. Р. И. № 1588.
(16) Г. Лосевъ.
(17) П. С. З. Р. И. № 1815.
(18) Г. Лосевъ.
(19) П. С. З. Р. И. № 2259.
(20) Тамъ же № 5163.
21) Э. Л. Т. XVI.
(22) П. С. З. Р. И. № 7047.
(23) Тамъ же № 7766.
(24) Тамъ же № 8125.

(25) Тамъ же № 9489.
(26) Тамъ же №№ 9091 и 9148.
(27) Тамъ же № 9489.
(28) Э. Л. Т. XVI.
(29) П. С. З. Р. И. № 9945.
(30) Тамъ же № 10188.
(31) Тамъ же №№ 10243 и 10244.

совѣтникъ Шлаттеръ, въ 1756 и 1757 годахъ:

«Понеже не безъизвѣстно, что между колываново воскресенскими и нерчинскими заводами лежащiя горы и мѣста къ знатнымъ металламъ подаютъ не малую надежду, а особливо въ Красноярскомъ-Уѣздѣ, около бывшихъ мѣдныхъ заводовъ и въ степяхъ не малыя *чудскiя копи*, таковы же въ колыванскомъ дистриктѣ, о которыхъ извѣстно, что прежнiе народы оныя копи производили болѣе для сысканiя и добыванiя самороднаго металла, состоящаго въ мельчайшихъ частицахъ, между мягкой земли и вохры, и такъ со временемъ между настоящей работы надежныя мѣста исподоволь, безъ великаго и нарочнаго для того учрежденiя кошта, развѣданы быть могутъ. Въ Шиловсетскомъ рудникѣ, также въ Березайкѣ, неподалеку отъ Екатеринбурга, добывается въ кварцѣ самородное золото, также и Исетскiя Горы хотя великую надежду подаютъ, что въ нихъ всякихъ металловъ, наипаче серебро и золото имѣются, ибо не безъизвѣстно, что по Исети рѣкѣ, которая теченiе свое изъ оныхъ горъ имѣетъ, *вездѣ золотые признаки промыванiемъ являются;* однако оныя горы понынѣ не развѣданы и оные вышереченные рудники не такою силою и прилежанiемъ разработываются и золото въ нихъ добывается, какъ бы оному чинить надлежало, можетъ быть за неимѣнiемъ къ тому дѣлу довольнаго числа искусныхъ людей (32).

«Казеннымъ коштомъ прiискивать руду не столь способно, какъ партикулярными людьми, которые для себя гораздо проворнѣе и прилежнѣе поступаютъ и больше рудъ находятъ и добываютъ. Ибо за казенными рудоискателями надлежащее смотрѣнiе никакъ имѣть невозможно и немного съищется такихъ рачительныхъ собственною своею совѣстiю, чтобъ безъ крайняго, такъ вѣрнаго какъ хозяйскаго, за ними наблюденiя, хотѣли по пустымъ мѣстамъ, въ горахъ и лѣсахъ, прiискивая рудъ, трудиться. Напротивъ того, партикулярные рудопромышленики, яко хозяева, за таками тайно и явно присматриваютъ, и у жителей объ нихъ развѣдываютъ, и къ прiиску всякими образы принуждаютъ. Да и сами ищутъ жители около нерчинскихъ заводовъ, чаятельно, что многiе, а особливо изъ иновѣрныхъ, ясашные люди серебряныя руды знаютъ, но таятъ по той причинѣ, что когда руду имъ объявить и казенные горные служители къ работѣ опредѣлятся, — то отъ нихъ, яко отъ служилыхъ людей, тѣмъ жителямъ чинятся разными образы притѣсненiя и обиды; а вольные рудопромышленики и объявителей рудъ, кто пожелаетъ, принимаютъ къ себѣ въ компанiи въ товарищи, а сосѣдственныхъ жителей около тѣхъ рудниковъ, приласкивая, нанимаютъ въ горныя работы добровольно, безъ всякой обиды; другихъ же, кромѣ ихъ, наемныхъ работниковъ отъ обидъ прилежно удерживаютъ; да и обидѣть имъ, противу казенныхъ служителей, неудобно и не можно; почему жители тѣмъ вольнымъ рудопромышленикамъ охотнѣе руды объявляютъ, нежели въ казну. И тако хотя по апробованному Правительствующимъ Сенатомъ проекту довольное награжденiе за прiискъ серебряныхъ рудъ исправнымъ расположенiемъ учреждено, однако по вышеписаннымъ обстоятельствамъ въ самомъ дѣлѣ не столько дѣйствительно быть можетъ, какъ допущенiе вольныхъ рудопромышлениковъ. Казенные же горные служители, зная, что одинъ окладъ жалованья своего получать — мало или много руды добудутъ — и тако прилежность ихъ зависитъ отъ вѣрнаго и прилежнагоназиданiя, котораго вездѣ имѣть не можно по множеству рудниковъ и по разсѣянiю оныхъ; понеже принуждено при многихъ рудникахъ произведенiе горныхъ работъ ввѣрить въ главное смотрѣнiе штейгерамъ и подштейгерамъ, которые, съ работниками имѣя равнодѣр-

(32) П. С. З. Р. И. № 10534.

ное обхожденіе — послабляютъ; да гдѣ и офицеры бываютъ опредѣлены — и тутъ не много лучшаго примѣчается, ибо мало рачительныхъ, трудолюбивыхъ и прилежныхъ есть. Слѣдовательно, казенный пріискъ и добыча рудъ съ вольными охотниками сравниться никогда, ни коимъ образомъ не можетъ. Которые изъ тамошнихъ иновѣрцевъ ясашные люди руды собою найдутъ, объявятъ и въ тѣ дѣла вступятъ, тѣхъ отъ воеводскаго вѣдѣнія отрѣшать и отъ обидъ и всякихъ притѣсненій ихъ защищать, чѣмъ въ скоромъ времени наиболѣе можно придать охоту, и надежно, что тамошній народъ, подданные Тунгусы тѣмъ, защищеніемъ отъ обидъ и ласковымъ склоненіемъ и правдивымъ съ ними обхожденіемъ за оный рудный промыселъ охотно пріймутся; а когда *они* въ то дѣло вступятъ и въ обычай оное у нихъ войдетъ — тогда желаемое о рудахъ размноженіе за совершенное почитать надлежитъ» (33).

Въ 1778 году изъ нерчинскихъ рудниковъ добыто было *десять пудовъ золота* (34).

Въ томъ же 1778 году носился слухъ, что около Балаганска, бывшаго города по теченію рѣки Ангары, ниже Иркутска, *есть самородное золото мелкими кусочками въ пескахъ* (35).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, было *заподлинно* извѣстно, что Буряты и Тунгусы убивали птицъ, въ желудкахъ которыхъ находили самородное золото, почему многіе были увѣрены, что въ Сибири когда-нибудь да откроются золотыя розсыпи (36).

Если не скрывать всей истины, то надобно сказать, что большая часть богатѣйшихъ пріисковъ Енисейскаго и Канскаго Округовъ въ наши времена, въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, открыты именно по указаніямъ Тунгусовъ, которые вели искателей прямо на *золотыя рѣчки*, какъ, на-прим., Актолйнъ, Сезаглйконъ, Калами́, Удерей, Тагтагайнта и другіе въ Енисейскомъ Округѣ, Бирюса́, Унгурбей, Хо́рма, Катышандыгой и другіе въ Канскомъ. Такъ по-крайней-мѣрѣ, въ троекратную бытность мою въ Сибири, я слышалъ отъ многихъ достовѣрныхъ людей. Заслуги золотопромышлениковъ нисколько черезъ это не помрачаются. Имъ честь и слава за пожертвованія и траты времени, трудовъ, здоровья, денегъ, удобствъ жизни, всего... а безъ Тунгусовъ они до-сихъ-поръ бы еще бродили.

Заботы правительства нашего не ограничивались, однакожь, одними внутренними распоряженіями. Цари наши, имѣя постоянныя сношенія съ восточными народами, наслышались объ огромныхъ богатствахъ Индіи, принимали всѣ мѣры сблизиться съ нею и старались распространять свое владычество ближе къ тому краю.

Царь Алексій Михайловичъ первый привелъ въ исполненіе мысль объ этомъ сближеніи съ индійскими государями. Въ 1675 году, онъ послалъ посланника Мамет-Исупа Касимова къ Эвренг-Зебу съ любительными поминками и любительною граматою о томъ, чтобъ ему, государю-царю, обсылаться послами «съ велеможнѣйшимъ братомъ своимъ, великимъ государемъ, высокопрестольнымъ шахомъ Евренгъ-Зеповымъ величествомъ индійскимъ» и быть съ нимъ въ вѣчной дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ безъ урыву. «А буде въ сей, нашей царскаго величества грамагѣ», сказано тамъ между-прочимъ «ваше брата нашего великаго государя именованье и титла написаны не потому, какъ вы, великій государь, въ своихъ государскихъ граматахъ описуетеся, и какъ къ тебѣ иные великіе государи въ своихъ любительныхъ граматахъ васъ, брата нашего, великаго государя описуютъ, и въ томъ бы на насъ, великаго государя, не подивилися, потому-что съ предки нашими, великими государями, цари и великіе князи у прад-

(33) П. С. З. Р. И. № 10779.
(34) Г. Лосевъ.
(35) Онъ же.
(36) Онъ же.

новъ вашихъ индiйскихъ шаховъ ссылокъ не бывало, и какъ вы, братъ нашъ, великiй государь, въ своихъ грамматахъ въ именованьѣ и въ титлѣ своемъ описуетеся, того намъ великому государю, нашему царскому величеству, не вѣдомо» (37).

Къ этимъ же видамъ на Индiю надобно отнести и распоряженiя Петра-Великаго: принятiе въ подданство Россiи юргенскаго и хивинскаго хана Шаніаса въ 1700 году (38); посылку въ 1703 году къ новому тамошнему хану Аранъ-Мемету граммату съ подаркомъ тысячи золотыхъ червонныхъ, сорока соболей добрыхъ и трехъ кречетовъ (39); дружественный трактатъ съ персидскимъ шахомъ Тахмасибомъ (40), и мѣры къ принятiю подъ покровительство Россiи «высокопочтеннаго короля и владѣтеля славнаго острова Мадагаскара» въ 1723 году (41).

Но одною изъ главныхъ заботъ великаго государя было рѣчное золото по Аму-Дерьѣ, или, какъ ее тогда у насъ звали, по Дарьѣ-Рѣкѣ (42), слѣдствiемъ чего и были въ 1720 году двѣ экспедицiи: одна князя Бековича-Черкасскаго, посланнаго изъ Астрахани прямо въ Бухару для розъисковъ золотыхъ разсыпей на берегахъ Оксуса и Яркадна; другая, подъ предводительствомъ майора Ивана Лѣшкарева, отправилась туда же изъ Семиполатной по Иртышу.

Рѣка Аму-Дерья, Оксусъ древнихъ, Джейхунъ Аравитянъ, вытекаетъ изъ отлогости великой плоской возвышенности, раздѣленной на три террассы и разсѣкающей материкъ Азiи пополамъ отъ Алтая до хребтовъ Гималаи. Вмѣстѣ съ Аму-Дерьей, изъ одной съ ней окрестности, вытекаетъ другая рѣка, Сыръ-Дерья. Обѣ онѣ своимъ теченiемъ образуютъ огромную пустыню, которая раздѣляетъ Сибирь отъ Персiи и въ которой разсѣяны, какъ оазисы, Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ, Хива и другiя страны. Въ вершинахъ Аму-Дерьи, отъ хребта высочайшихъ горъ Средней-Азiи Гунлу-Кумъ, отдѣляется къ сѣверу другой хребетъ, Булутъ-тагъ. Плоская возвышенность, приставленная къ западу этого послѣдняго хребта, образуетъ обширную равнину Памиръ, для проѣзда которой Марко-Поло употребилъ сорокъ дней. Равнина эта, по суровости чрезвычайно холоднаго климата, необитаема, однакожь въ ней кочуютъ, и то не въ большомъ числѣ улусовъ, одни Киргизы, незнающiе ни муки, ни хлѣба. Ниже Памира первая обитаемая область, орошаемая Аму-Дерьей, есть Ваханъ. Къ западу отъ Вахана начинается область Бадахшанъ или Бедехшанъ, страна гористая, изрѣзанная множествомъ рѣчекъ и отраслями Булутъ-тага, который проходитъ по восточной и южной ея границамъ. Климатъ этой страны здоровый и прекрасный. Здѣшнiе жители и восточные путешественники съ восхищенiемъ говорятъ о долинахъ Бедехшана, о его ручьяхъ, романтическихъ видахъ, плодахъ, цвѣтахъ и соловьяхъ. Въ горахъ, примыкающихъ къ самой Аму-Дерьѣ, находятся копи рубиновъ, которые прославили Бедехшанъ на Востокѣ и доставили ему названiе «кали-лаалъ», рудникъ яхонтовъ. По близости рубиновыхъ копей находятся каменоломни лапис-лазули, также у берега Аму-Дерьи. Горы на востокъ отъ Бедехшана, между Читраломъ и Кабуломъ, изобилуютъ самороднымъ золотомъ (43).

Обо всемъ этомъ предки наши знали; имъ извѣстно было и свидѣтельство Ктезiаса о томъ, что все пространство между Персiей и Индiей покрыто золотосодержащимъ пескомъ.

Эти богатства и золотоносныя рѣчки Аму-Дерьи и послѣ Петра Великаго

(37) П. С. З. Р. И., № 595.
(38) Тамъ же, № 1802.
(39) Тамъ же, № 1932.
(40) Тамъ же, № 4298.
(41) Тамъ же, №№ 4356 и 4382.
(42) Тамъ же, №№ 3284 и 3292.

(43) Г. Сенковскiй (Э. Л. Т. II).

были предметомъ заботливости его преемниковъ: мысли ихъ постоянно были устремлены на *Бедехшанъ* или, какъ его у насъ звали, *Водокшанъ*.

Вотъ что писалъ обер-секретарь, статскій совѣтникъ Кириловъ, въ-послѣдствіи основатель Оренбурга, въ проектѣ своемъ 1 мая 1734 года: По рѣчкѣ Сырь, ближе Аральскаго Озера, надлежитъ быть пристани для россійскихъ купеческихъ каравановъ, кои имѣютъ ходить отъ вновь предположеннаго города у устья Оръ-рѣки отъ Бухаръ и до Водокшана въ Индію, чего императоръ Петръ-Великій весьма домогался и, не жалѣя ни казны, ни людей, князя Александра Черкасскаго послалъ отъ Астрахани: но онъ своею оплошкою въ Хивѣ пропалъ. Водокшанская провинція нужна въ россійское владѣніе для многаго въ ней имѣющагося богатства, что золота, лаловъ, ляпис-лазури въ ней довольно; та провинція принадлежала и всегда была во владѣніи самаркандскихъ, а потомъ бухарскихъ хановъ, и въ это время одного золота бухарскому хану приходило пудъ по 500 и больше, опричь дорогихъ каменьевъ. Хорошо бы, если Богъ допуститъ, въ свое владѣніе достать и богатство, какъ изъ Америки Гишпанцы и Португальцы получаютъ, сюда вывозить? Сіе учинитъ въ одномъ золотѣ безъ малаго пять мильйоновъ и, какъ извѣстно, понынѣ оттуда въ Персію золота много вывозятъ, да и въ Россію въ послѣднемъ, 729 года, караванѣ не мало бухарскихъ червонныхъ, также лаловъ и изумрудовъ вывезено (44).

Не смотря на эти планы, у насъ продолжали по прежнему покупать и вывозить золото и серебро изъ Хивы, Бухаріи, Ташкента и преимущественно изъ Китая. Такъ, въ 1735 году, иркутскій вице-губернаторъ Лангъ доносилъ, что куплено имъ тамъ китайскаго серебра 15,000 ланъ по рублю (116 ланъ 5 чиновъ равны 10 фунтамъ 54 золотникамъ), и что есть надежда купить въ томъ же году еще до 50,000 ланъ (45). А въ 1739 г. Бухарецъ Муратъ-Бачимъ вызывался провозить изъ-за китайской границы *песчаное золото*, и на первый разъ обѣщался доставить его до двадцать пудовъ, на извѣстныхъ правительству условіяхъ (46). Такъ продолжалось и въ-послѣдствіи (47).

Наконецъ колывановоскресенское серебро, нерчинское и уральское золото, свое, родное, умѣрили, казалось, всѣ безпокойства и хлопоты о привозѣ изъ чужихъ краевъ этихъ могущественныхъ двигателей.

Но надобно же было въ наши времена, на нашихъ глазахъ, именно въ послѣднее двадцатилѣтіе, когда *все* поражало *всѣхъ* своею громадностью и монументальностью, когда Россія и безъ того уже гигантомъ стояла въ виду ближнихъ и дальнихъ своихъ сосѣдей, надобно же было ко всему этому случиться, чтобъ она и въ матеріальномъ отношеніи затмила всѣхъ своею силою! Думали ли, въ-самомъ-дѣлѣ, дѣды, или даже отцы наши, что мы будемъ считать у себя ежегодную добычу сибирскаго золота *тысячами пудовъ?!*

Съ этими мыслями я выѣхалъ изъ Екатеринбурга.

П. Н.

---

(44) П. С. З. Р. И. — Ср. №№ 2809, 2811 и 2993.

(45) Тамъ же, № 6843.
(46) Тамъ же, № 8077.
(47) Тамъ же, №№ 8898, 8961 и 9882.

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗА ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacoẽs de Fernão-Mendez Pinto).

(*Переводъ съ стариннаго португальскаго языка.*)

(Продолженіе.)

I.

Выйдя изъ рѣки и порта Мутипинау, Антоніо де-Фаріа рѣшился возвратиться къ острову Ган-Нану и отъискать рѣку Мадéль, въ которой располагалъ воспользоваться приливомъ, поставить большую джонку нашу на отмель, и потомъ, когда она очутится на сушѣ во время отлива, проконопатить ея подводную часть, ибо джонка имѣла сильную течь. Дней черезъ двѣнадцать плаванія при тихихъ и противныхъ вѣтрахъ, мы прошли къ небольшому острову Пуло-Гиньйору, покрытому кокосовыми пальмами и находящемуся около сѣверной стороны Ган-Нана.

Не получивъ тамъ никакихъ свѣдѣній о врагѣ нашемъ Ходжѣ-Асемѣ, мы пошли къ югу и захватили по пути нѣсколько хорошихъ и хорошо-пріобрѣтенныхъ призовъ, ибо Антоніо де-Фаріа имѣлъ цѣлью не просто грабежъ, а наказаніе разныхъ разбойниковъ, которые убивали и грабили христіанъ, плававшихъ въ здѣшнихъ моряхъ. Разбойники эти дѣлились добычею съ мандаринами, начальствовавшими въ разныхъ портахъ острова Ган-Нана, а потому злодѣйствовали безнаказанно и безъ помѣхи продавали на берегу награбленное добро. Но Господь, дѣлающій великое зло источникомъ великаго добра, допустилъ Ходжу-Асема ограбить насъ въ Лигорѣ за тѣмъ, чтобъ Антоніо де-Фаріа, рѣшившись отправиться изъ Патана для возвращенія своего потеряннаго имущества, сдѣлался орудіемъ казни другихъ разбойниковъ, надѣлавшихъ столько вреда португальскому народу.

Черезъ нѣсколько дней, въ праздникъ рождества Пресвятой Богородицы, восьмаго сентября, около новолунія, мы прибыли въ портъ Мадéль. Въ это время года, новолуніе въ здѣшнихъ мѣстахъ всегда сопровождается страшными бурями, которыя по-китайски называются тифонами и которыхъ никакія суда не могутъ въ морѣ выдержать. Нѣсколько дней уже пасмурная погода предвѣщала приближавшуюся бурю, и множество джонокъ спѣшили укрыться въ здѣшнемъ безопасномъ портѣ; по волѣ Господа, въ числѣ ихъ вошла также джонка одного извѣстнаго и страшнаго разбойника, Гинимилау, родившагося Китайцемъ, но сдѣлавшагося недавно Мавромъ, который, по наущенію кази своего мухаммеданскаго нечестія, поклялся быть вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ христіанскаго имени. Онъ говорилъ, что заслуживаетъ отъ Бога великихъ наградъ за истребленіе, по мѣрѣ силъ своихъ, нечистаго португальскаго племени, которое отъ молока, всасываемаго еще въ младенчествѣ изъ груди материнской, находитъ наслажденіе въ одномъ только злѣ, подобно истиннымъ обитателямъ жилища пламени и дыма.

Разбойникъ этотъ вошелъ въ рѣку на большой джонкѣ, и люди его были заняты убираніемъ парусовъ, ибо погода была самая зловѣщая, съ сильными шквалами и дождями. Поровнявшись съ нами, они привѣтствовали насъ по китайскому обычаю, на что мы отвѣчали тѣмъ же, ибо разбойникъ не разсмотрѣлъ, что мы Португальцы, а мы сочли его Китайцемъ, какъ и множество другихъ, которые каждый часъ входили сюда искать убѣжища отъ приближавшагося тифона. Однако, человѣкъ пять христіанъ, которые были у него плѣнниками, узнали насъ и закричали въ голосъ: «Господи Боже,

помилуй насъ!» Услыша этотъ крикъ, мы всѣ всполошились, и, разсмотрѣвъ несчастныхъ христіанъ, громко закричали на джонку, чтобъ она привела къ вѣтру; но тѣ, въ знакъ презрѣнія, принялись стучать въ барабаны и гонги, свистѣть и кричать, показывая намъ то же самое, что показывалъ голый Кафръ на джонкѣ разбойника Симилау.

Они бросили якорь на лагу впереди насъ, и Антоніо де-Фарія, желая узнать кто они такіе, послалъ къ ихъ джонкѣ хорошо-вооруженную лодку; но лишь-только она пристала къ борту, сверху джонки посыпался на нашихъ такой градъ каменьевъ и всякой-всячины, что многихъ переранило и они нашлись вынужденными возвратиться. Португалецъ, начальствовавшій лодкою, получилъ двѣ сильныя раны въ голову; онъ явился къ Антоніо де-Фаріи съ окровавленнымъ лицомъ и отдалъ ему отчетъ о случившемся, чѣмъ главный капитанъ нашъ былъ сильно изумленъ и озадаченъ. Подумавъ нѣсколько времени, Антоніо де-Фарія обвелъ глазами всѣхъ насъ и сказалъ: «Сеньйоры и братья! Не считаю товарищемъ того изъ васъ, кто сейчасъ же не будетъ готовъ сражаться, ибо мы обязаны именемъ Христа узнать, что это значитъ: сердце говоритъ мнѣ, что тутъ долженъ быть эта собака Ходжа-Асемъ, которому сегодня суждено расплатиться съ нами».

Произнеся эти слова, Антоніо де-Фарія велѣлъ всѣмъ немедленно поднять якоря, поставить какъ-можно-скорѣе паруса и идти къ вновь-прибывшей китайской джонкѣ. Приблизясь на разстояніе выстрѣла изъ пищали, мы дали по ней залпъ изо всѣхъ своихъ тридцати-шести пушекъ и фальконетовъ, чѣмъ до того сбили съ толка оторопѣвшихъ непріятелей, что они принялись выпускать свои канаты, съ намѣреніемъ приткнуться къ берегу; но Антоніо де-Фарія угадалъ это намѣреніе и рѣшился предупредить его дружнымъ абордажемъ всѣхъ нашихъ джонокъ и лантей. Лишь-только исполнили этотъ маневръ, завязалась такая жаркая рукопашная свалка, поддерживаемая выстрѣлами и гранатами сверху нашихъ судовъ, что черезъ полчаса, по волѣ Господа, побѣда осталась за нами. Бездна убитыхъ и раненыхъ непріятелей валялась на палубѣ, а уцѣлѣвшіе бросились за бортъ и поплыли къ берегу. Антоніо де-Фарія, нуждаясь въ людяхъ для своихъ лантей, велѣлъ хватать плававшихъ и ихъ наловили человѣкъ семнадцать.

Подавъ помощь своимъ раненымъ, что было у насъ всегда первою и главною обязанностью послѣ боя, Антоніо де-Фарія велѣлъ представить къ себѣ вытащенныхъ изъ воды непріятелей. Отъискавъ въ числѣ ихъ самого разбойничьяго капитана, онъ велѣлъ перевязать его двѣ раны, а потомъ спросилъ, откуда у него взялись христіанскіе невольники? Сначала злодѣй этотъ не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ, когда ему показали орудія пытки, онъ сказалъ, чтобъ ему напередъ дали выпить воды, ибо жажда отъ ранъ не давала ему говорить. Воду принесли и онъ выпилъ ея премного, но потребовалъ еще, говоря, что клянется вѣрою въ Мухаммеда и Кораномъ разсказать всю истину, если только утолятъ его жажду.

Антоніо де-Фарія велѣлъ исполнить его желаніе и онъ влилъ въ себя еще препорядочное количество воды; потомъ, на вопросъ, гдѣ христіане, разбойникъ отвѣчалъ, что мы можемъ найдти ихъ въ трюмѣ, въ носовой части его джонки. Трое изъ нашихъ солдатъ тотчасъ же бросились туда, открыли люкъ и въ ужасѣ отшатнулись назадъ, восклицая: «О, Іисусе, Іисусе! идите сюда, ваша милость, вы увидите страшныя вещи». Антоніо де-Фарія и всѣ кто были около него, побѣжали въ носовую часть судна и увидѣли въ трюмѣ множество мертвыхъ тѣлъ; такое зрѣлище поразило ихъ неописаннымъ ужасомъ и никто не могъ удержаться отъ слезъ. «О, Господи, Іисусе Христе!» воскликнулъ Антоніо де-Фарія, поднявъ руки къ небу: «какъ во-

лико твое милосердіе, если ты терпишь такимъ злодѣямъ!» Когда трупы нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ вытащили на палубу, мы увидѣли обезглавленныя тѣла матери и двухъ дѣтей, прекрасныхъ и невинныхъ, умерщвленныхъ безъ всякой жалости; пять христіанскихъ юношей, которыхъ голоса обратили на себя наше вниманіе, когда джонка разбойника проходила мимо насъ, лежали тутъ же съ распоротыми желудками.

Антоніо де-Фаріа обратился къ разбойнику съ вопросомъ, чѣмъ эти несчастныя и невинныя существа заслужили такую жестокую смерть? Злодѣй отвѣчалъ, что юноши ему измѣнили, подавъ голосъ и обратившись къ своему Богу передъ нами, а дѣти заслужили смерть однимъ тѣмъ, что они дѣти ненавистныхъ ему Португальцевъ; на другіе подобные вопросы онъ отвѣчалъ съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, что его можно было принять за воплощеннаго демона. Когда его спросили не христіанинъ ли онъ, онъ сказалъ, что нѣтъ, но что былъ христіаниномъ, когда въ Малаккѣ губернаторствовалъ донъ-Пауло-да-Гама. «Какъ же ты могъ промѣнять законъ Христа, въ которомъ заключалось твое спасеніе, на нечестивый законъ Мухаммеда, который погубитъ душу твою на вѣки?» сказалъ Антоніо де-Фаріа.

Разбойникъ возразилъ на это, что съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сдѣлался христіаниномъ, Португальцы стали ставить его ни во что, тогда-какъ прежде, когда онъ былъ язычникомъ, они снимали передъ нимъ шапки и величали не иначе, какъ Квіай Некода, т. е. сеньйоромъ-капитаномъ; потомъ же, когда онъ сдѣлался Мавромъ въ Бинтангѣ (*), то король жантанскій, бывшій тогда на этомъ островѣ, обращался съ нимъ всегда съ большимъ уваженіемъ, а знатные люди называли его своимъ собратомъ. Съ-тѣхъ-поръ, онъ поклялся надъ Книгою Цвѣтовъ быть вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ ненавистнаго португальскаго народа и всего, что только вѣруетъ во Христа; за это всѣ его очень хвалили, а мухаммеданскіе духовные обѣщали душѣ его вѣчное блаженство. Потомъ собака эта принялся разсказывать, какъ онъ въ-продолженіе семи лѣтъ грабилъ и убивалъ Португальцевъ при всякой возможности, и вредилъ имъ гдѣ и какъ могъ; но Антоніо де-Фаріа, выведенный изъ терпѣнія такимъ рядомъ неслыханныхъ злодѣяній, не далъ ему кончить: по приказанію его, разбойника и уцѣлѣвшихъ его товарищей убили, а тѣла ихъ бросили въ море.

Совершивъ дѣло правосудія, мы привели въ извѣстность добычу, доставшуюся намъ съ разбойничьей джонки, и оказалось, что мы пріобрѣли на сорокъ тысячь таэловъ атласа, серебра и разныхъ шелковыхъ матерій, не считая множества фарфора и всякой всячины, съ которою намъ нечего было дѣлать и которую мы сожгли вмѣстѣ съ джонкою.

Теперешній подвигъ нашъ до того напугалъ Китайцевъ, что они трепетали отъ одного имени Португальцевъ. Многіе некода или хозяева стоявшихъ вмѣстѣ съ нами джонокъ, боясь, чтобъ съ каждымъ изъ нихъ не приключилось того же самаго, собрались для совѣта, который у нихъ называется *бичара*, и выбрали изъ среды своей двоихъ, наиболѣе уважаемыхъ и способныхъ, которыхъ отправили въ качествѣ пословъ къ Антоніо де-Фаріа; они просили его, какъ царя морей, принять ихъ подъ свое покровительство и позволить имъ выходить безпрепятственно изъ здѣшняго порта, пока дуетъ попутный муссонъ, за что предлагали заплатить ему, какъ владыкѣ и государю, двадцать тысячь таэловъ серебра въ видѣ подати. Антоніо де-Фаріа принялъ ихъ очень-ласково, согласился на ихъ просьбу и поклялся, что ни одинъ разбойникъ не осмѣлится поживиться ни чѣмъ изъ ихъ товаровъ.

Одинъ изъ двухъ выборныхъ остался у насъ заложникомъ, а другой не-

(*) Бинтангъ, островъ недалеко отъ Сингапура. *Прим. переводчика.*

медленно поѣхалъ на берегъ за двадцатью тысячами таэловъ серебра, которые привезъ сполна скорѣе, чѣмъ черезъ часъ времени, и, кромѣ того, еще богатый подарокъ изъ превосходныхъ шелковыхъ матерій, посланный нашему капитану отъ здѣшнихъ купцовъ.

Антоніо де-Фаріа, желая доставить выгоду одному молодому Португальцу, по имени Коста, сдѣлалъ его своимъ временнымъ секретаремъ для заготовленія охранительныхъ граммать китайскимъ капитанамъ. Цѣну за эти бумаги онъ назначилъ за каждую джонку по пяти таэловъ, а за ванконги, лантѐи и барказы по два: такимъ образомъ мальчикъ этотъ пріобрѣлъ, по словамъ тѣхъ, кто ему завидовалъ, около четырехъ тысячь таэловъ серебра въ какіе-нибудь тринадцать дней, кромѣ кусковъ разныхъ шелковыхъ матерій, которыми дарили его многіе, желавшіе получить эти грамматы прежде прочихъ. Форма бумагъ была слѣдующая:

«Завѣряю истиною моего слова такого-то некода, что онъ можетъ плавать безпрепятственно вдоль всего китайскаго берега, не опасаясь обидъ ни отъ кого изъ моихъ, съ тѣмъ, чтобъ вездѣ, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ Португальцевъ, онъ обращался съ ними какъ съ братьями.

«Антоніо де-Фаріа.»

Каждый некода свято сохранялъ у себя такую граммату. Насъ до такой степени стали бояться и уважать вдоль всего здѣшняго берега, что самъ чаэмъ или намѣстникъ острова Ган-Нана, наслышавшись объ Антоніо де-Фаріи, послалъ къ нему своего чиновника съ письмомъ и богатымъ подаркомъ, состоявшимъ изъ крупнаго жемчуга и кусковъ золота. Онъ предлагалъ Фаріи вступить въ службу сына солнца, вѣнчаннаго льва, возсѣдающаго на престолѣ вселенной, и быть главнокомандующимъ его морскихъ силъ вдоль всего берега до Ліам-по, съ жалованьемъ по десяти тысячь таэловъ въ годъ; если онъ прослужитъ три года такъ, какъ о немъ идетъ слава, то намѣстникъ обѣщалъ, что его возведутъ на степень одного изъ сорока чаэмовъ, управляющихъ областями имперіи, съ полною властью творить судъ и расправу. Наконецъ, онъ заключилъ, что изъ званія чаэма можно сдѣлаться однимъ изъ двѣнадцати *тутонговъ* правительства, съ которыми сынъ солнца дѣлится столомъ и дворцомъ, какъ съ членами своего тѣла, и которымъ даетъ по сту тысячь таэловъ въ годъ.

Антоніо де-Фаріа поблагодарилъ намѣстника за такое предложеніе, написалъ ему множество льстивыхъ привѣтствій, извинился тѣмъ, что не чувствуетъ себя способнымъ къ такимъ высокимъ должностямъ, и присовокупилъ, что готовъ безъ всякихъ денежныхъ вознагражденій служить тутонгамъ имперіи каждый разъ, когда имъ можетъ встрѣтиться надобность въ его услугахъ.

Послѣ этого, мы вышли изъ Мадѐля, гдѣ простояли всего четырнадцать дней, и снова отправились вдоль береговъ острова Ган-Нана и материка, стараясь отъискать Ходжу-Асема, котораго наказаніе было главнымъ намѣреніемъ Антоніо де-Фаріи, не дававшимъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, въ-продолженіе шести мѣсяцевъ нашего скитальчества.

Черезъ нѣсколько дней, мы пришли къ одному большому городу, Кванджинару, въ которомъ довольно-много богатыхъ зданій и храмовъ. Тамъ мы простояли около сутокъ, подъ видомъ купцовъ, миролюбиво покупая привозимые къ намъ на лодкахъ съѣстные припасы; мы ушли оттуда, не обративъ на себя ничьего вниманія, и ходили дней двѣнадцать вдоль береговъ, не встрѣчая ничего, на что бы стоило труда наложить руку. Селенія здѣсь незначительныя: въ каждомъ наберется не болѣе какъ отъ двухъ до пятисотъ жителей; хотя многія изъ нихъ обнесены стѣною, но ни одно не устоитъ противъ человѣкъ тридцати португальскихъ солдатъ, ибо люди здѣсь слабые и вооружены только кольями

да короткими ножами, насаженными на полосатыя древки, раскрашенныя чернымъ и краснымъ. Но за то мѣстоположеніе, климатъ и плодородство здѣсь такіе, какихъ я нигдѣ не видалъ. Рогатаго скота бездна; обширныя поля засѣяны пшеномъ, рисомъ, овсомъ, маисомъ и всѣхъ родовъ овощами; мѣстами огромнѣйшія каштановыя деревья и превосходный строевой лѣсъ, изъ котораго можно бы было соорудить несметное множество всякихъ судовъ; по словамъ нѣкоторыхъ купцовъ, которыхъ разспрашивалъ Антоніо де-Фарія, тамъ тьма рудниковъ съ мѣдью, серебромъ, оловомъ, селитрой, сѣрой; наконецъ, огромныя пространства плодородной земли пропадаютъ даромъ въ рукахъ безсильныхъ жителей. Еслибъ земля эта принадлежала намъ, то нѣтъ сомнѣнія, что намъ было бы несравненно-выгоднѣе обладать ею, чѣмъ Индіей, которая за грѣхи наши досталась намъ въ руки.

II.

Прошло семь мѣсяцевъ съ половиною съ-тѣхъ-поръ, какъ мы странствовали въ этихъ мѣстахъ, переходя изъ рѣки въ рѣку, отъ одного берега Тонкинскаго-Залива къ другому и скитаясь то по сѣверную, то по южную сторону Ган-Нана, отъискивая и все не находя никакого слѣда этой собаки Ходжи-Асема.

Наконецъ, всѣмъ уже надоѣли эти безплодные поиски, и мы, собравшись, стали просить Антоніо де-Фарію, чтобъ онъ выдалъ каждому слѣдующую часть добычи, по заключенному передъ нашимъ отправленіемъ уговору, ибо многимъ уже сильно хотѣлось возвратиться въ Индію. Послѣ долгихъ споровъ, положено было идти на зимовку въ Сіамъ, гдѣ продадутся товары, которыми были нагружены наши джонки, а потомъ каждый получитъ должную долю золотомъ и серебромъ.

Согласившись такимъ образомъ и скрѣпивъ этотъ новый уговоръ клятвеннымъ обѣщаніемъ, мы стали на якорь у одного острова, называемаго Разбойничьимъ; онъ былъ дальше прочихъ отъ береговъ, и Антоніо де-Фарія избралъ его за тѣмъ, чтобъ при первой же перемѣнѣ муссона удобнѣе было пуститься въ обратный путь.

Мы простояли тамъ дней двѣнадцать, ожидая съ нетерпѣніемъ благопріятной перемѣны. Къ несчастію нашему, въ новолуніе октября мѣсяца, котораго мы всегда боялись, начались жесточайшія бури съ ужаснѣйшими дождями. Канатовъ у насъ было недостаточно, да и тѣ были значительно потерты и полугнилы, а потому, когда море расходилось и дунулъ юго-восточный вѣтеръ, отъ котораго мы не были закрыты, развело такое страшное волненіе, что, не смотря на всѣ наши усилія, на то, что мы срубили мачты, разобрали надстройки носовыхъ и кормовыхъ частей, облегчили палубы, побросали за бортъ бездну товаровъ, неутомимо работали у помпъ и спустили на веревкахъ пушки въ помощь якорямъ — не смотря на все это, намъ не было спасенія. Единственная надежда была на милосердіе Господа, къ которому мы безпрестанно обращались съ громкими криками и слезными мольбами; но какъ за грѣхи наши мы не заслуживали Его святаго заступничества, правосудіе Его повелѣло, чтобъ въ два часа по полуночи налетѣлъ на насъ такой порывъ, что всѣ наши суда разомъ сорвало съ якорей и бросило на берегъ; при этомъ погибло пятьсотъ-восемьдесятъ-шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ двадцать-восемь Португальцевъ, а остальные были матросы и невольники.

Уцѣлѣвшіе по милосердію Господа (которыхъ было двадцать-два Португальца и тридцать-одинъ человѣкъ матросовъ и невольниковъ) очутились на пустынномъ, болотистомъ берегу, израненные о каменья и полунагіе. Въ такомъ горестномъ положеніи дождались мы утра. Тогда мы пошли вдоль взморья, усѣяннаго мертвыми тѣлами и обломками судовъ; печальное зрѣлище это до того поражало насъ, что

многіе падали отъ отчаянія въ обморокъ и всѣ плакали, рвали на себѣ волосы и ударяли себя въ грудь кулаками.

Такъ мы провели время до вечера. Антоніо де-Фаріа, котораго Богу угодно было сохранить къ общей нашей радости, подавивъ отчаяніе, выходившее у насъ изъ всякихъ границъ, подошелъ къ намъ въ красномъ халатѣ, снятомъ съ одного изъ валявшихся на взморьѣ покойниковъ; съ веселымъ лицомъ и ясвымъ взглядомъ обратился онъ къ намъ съ кроткою рѣчью, въ которой, сказавъ нѣсколько словъ о суетности и непостоянствѣ мірскаго счастія, убѣждалъ насъ не предаваться отчаянію, надѣяться на милость Божію и похоронить разбросанныя по берегу тѣла нашихъ несчастныхъ товарищей, ибо видъ ихъ только сильнѣе огорчалъ и подавлялъ насъ. Онъ прибавилъ, что твердо надѣется на помощь Господа нашего, который не покинетъ насъ въ этомъ пустынномъ и необитаемомъ мѣстѣ, ибо Онъ допускаетъ тяжкія бѣдствія съ тѣмъ только, чтобъ послѣ вознаградить вѣрующихъ въ Него гораздо-большими благами: если мы теперь лишились пятисотъ тысячь крузадовъ, то въ непродолжительномъ времени пріобрѣтемъ навѣрно шестьсотъ тысячь.

Выслушавъ рѣчь его со слезами неутѣшнаго унынія, мы однако приступили къ исполненію его желанія, и въ два съ половиною дня похоронили какъ могли всѣхъ покойниковъ, которыхъ нашли на прибрежьѣ. Въ-продолженіе этого времени, намъ удалось спасти значительную часть провизіи, выброшенную къ намъ волнами. Хотя ея было много, но, подмоченная соленою водою, она начала гнить и дней черезъ пять сдѣлалась совершенно-негодною, такъ-что отвратительно было взять ее въ ротъ, а между-тѣмъ необходимость заставляла питаться ею и немногими кореньями и плодами, которые мы находили въ лѣсу.

Такимъ образомъ прошло тяжкихъ пятнадцать дней. По истеченіи ихъ, Господу, который никогда не оставляетъ вѣрующихъ въ Его святую истину, угодно было спасти насъ отъ голодной смерти чудомъ своей благости, о которомъ я сейчасъ буду говорить.

Всѣ мы, спасшіеся отъ нашего бѣдственнаго крушенія, бродили полунагіе по взморью и лѣсамъ, изнуренные холодомъ и голодомъ до такой степени, что многіе, говоря съ своими товарищами, вдругъ падали на землю и умирали отъ изнеможенія; причиною этого былъ не столько недостатокъ пищи, какъ дурное ея качество, ибо, какъ я уже говорилъ, провизія была совершенно гнилая и отвратительная для вкуса. Но какъ Господь въ существѣ своемъ безконечно благъ, то для Него нѣтъ страны достаточно удаленной, въ которой могли бы укрыться отъ глазъ Его страданія несчастныхъ грѣшниковъ: Онъ спасаетъ ихъ отъ самыхъ тяжкихъ бѣдствій такими способами, которые намъ должны казаться чудесами, а не обыкновенными слѣдствіями общаго хода природы, хотя мы и не достойны особыхъ Его попеченій.

Говорю это вотъ по какому случаю: однажды, въ день праздника святаго архангела Михаила, когда мы горькими слезами оплакивали свое несчастіе и вполнѣ предавались отчаянію, внушенному человѣческою слабостью и маловѣріемъ, надъ головами нашими пронесся ястребъ, поднявшійся съ одного мыса, выдавшагося въ южной оконечности острова; онъ парилъ высоко надъ нами съ распростертыми крыльями и вдругъ выпустилъ изъ когтей своихъ рыбу порядочной величины, которая упала подлѣ того мѣста, гдѣ стоялъ Антоніо де-Фаріа.

Капитанъ нашъ былъ этимъ сначала нѣсколько озадаченъ; но потомъ, посмотрѣвъ на рыбу, онъ упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и воскликнулъ со слезами: «О, Господи Іисусе, вѣчный сынъ единаго Бога! Прости наше малодушное отчаяніе! Вижу, что Ты сжалился надъ нами; вижу заступничество святаго архангела твоего, ко-

торого день теперь празднует наша святая церковь: милосердіе Твое приведетъ насъ снова въ земли христіанскія, гдѣ мы неизмѣнно и неотступно будемъ служить славному имени Твоему!» Потомъ, взявъ обѣими руками рыбу, Антоніо де-Фаріа раздѣлилъ ее тѣмъ изъ страдальцевъ, которые болѣе прочихъ нуждались въ подкрѣпленіи.

Обратившись въ сторону мыса, съ котораго поднялся ястребъ, мы увидѣли надъ возвышеннымъ холмомъ его множество другихъ ястребовъ, которые то поднимались въ воздухѣ, то опускались, изъ чего мы заключили, что тамъ должно быть мѣсто, гдѣ эти птицы добываютъ себѣ изобильную пищу. Въ надеждѣ найдти что-нибудь *для подкрѣпленія* своихъ ослабѣвавшихъ силъ и спасенія отъ голодной смерти, мы рѣшились пойдти туда и *напередъ* усердно, съ теплыми слезами, помолились Богу. Мы составили родъ процессіи: тѣ, кто были покрѣпче, поддерживали слабыхъ и больныхъ, и мы медленно двинулись по трудной дорогѣ къ этому отдаленному холму, напѣвая со слезами хвалебные гимны святому архангелу. Взобравшись кое-какъ, черезъ долгое время, на высоту, мы увидѣли передъ собою обширную равнину, покрытую разными фруктовыми деревьями, среди которой протекала рѣчка чистой воды. Мы направились къ рѣчкѣ, радуясь такому открытію. По дорогѣ, Господу угодно было обрадовать насъ еще разъ: мы увидѣли мертваго оленя, только-что убитаго тигромъ, который начиналъ пировать надъ нимъ; закричавъ во все горло всѣ вдругъ, мы удачно спугнули тигра — онъ покинулъ свою добычу и въ нѣсколько прыжковъ скрылся отъ насъ въ чащѣ лѣса.

Мы сочли это добрымъ знакомъ и во всю ночь веселились и пировали надъ оленемъ и рыбами, которыхъ намъ удалось наловить, или которыхъ ловили ястребы и разныя другія птицы, и выронили изъ своихъ когтей и клювовъ въ воду и на берегъ, пугаясь нашихъ криковъ.

Мы прожили у этой рѣчки отъ понедѣльника до слѣдующей субботы, питаясь рыбою и плодами. Въ субботу утромъ показался приближавшійся съ моря парусъ. Не зная, броситъ ли судно это якорь у здѣшняго острова или нѣтъ, мы пошли на взморье бухты, гдѣ претерпѣли крушеніе, и разсмотрѣли оттуда черезъ полчаса, что судно было небольшое и что оно идетъ къ намъ. Тогда, чтобъ не испугать бывшихъ на немъ, мы сочли благоразумнымъ спрятаться въ лѣсу и выждать, что̀ они будутъ дѣлать. То была хорошенькая китайская гребная лантéа; она вошла въ заливъ и ошвартовилась вплоть у берега съ носа и съ кормы. Потомъ перебросили съ нея сходню, и всѣ люди, человѣкъ около тридцати, сошли на берегъ и разсыпались кто куда: одни принялись рубить дрова, другіе начали таскать воду, третьи занялись мытьемъ бѣлья; кто были помоложе, стали бѣгать другъ за другомъ, бороться, балагурить — никто и не подозрѣвалъ, что тутъ есть кто-нибудь кромѣ ихъ и что за ними наблюдаютъ съ непріязненными намѣреніями.

Тогда Антоніо де-Фаріа, видя, что они беззаботны и разбрелись въ безпорядкѣ, такъ, что на самой лантеѣ было бы нѣкому защитить ее отъ насъ, сказалъ намъ: «Вы видѣли, сеньйоры и братія мои, въ какое тяжкое положеніе Господу угодно было ввергнуть насъ за грѣхи наши и въ особенности за мои, ибо я вѣрую и каюсь, что одинъ былъ причиною гнѣва Его; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите образецъ Его святаго милосердія, не допускающаго насъ погибнуть такимъ жалкимъ образомъ и ниспосылающаго намъ чудотворное спасеніе. А потому, да будетъ святое имя Господа въ сердцахъ и на устахъ нашихъ, и когда я произнесу трижды: «Іисусе!» дѣлайте то, что̀ я буду дѣлать». Всѣ мы изъявили единодушное согласіе и свято обѣщали исполнять его при-

казаніе. Послѣ этого мы потихоньку приблизились лѣсомъ къ открытому взморью, и, по данному сигналу Антоніо де-Фаріи, побѣжали къ лантеѣ, помогая слабымъ и больнымъ, вскочили въ нее, овладѣли ею безо всякаго сопротивленія, отдали швартовы, которыми она была привязана къ берегу, и отдалились отъ него мигомъ на разстояніе выстрѣла изъ арбалета.

Китайцы, не ожидавшіе вовсе такого переворота, подбѣжали къ берегу и, видя лантеѣю въ нашихъ рукахъ, остолбенѣли до того, что совершенно растерялись, и ни одинъ не зналъ на что рѣшиться. Мы выстрѣлили по нимъ изъ маленькаго орудія, которымъ лантеа была вооружена, и они съ крикомъ и воплемъ удалились въ лѣсъ, гдѣ, вѣроятно, оплакивали свою горькую участь такъ же, какъ мы послѣ нашего горестнаго крушенія.

III.

Огладѣвшись на захваченной лантеѣ и убѣдившись, что Китайцы уже не могутъ намъ помѣшать, мы принялись за обѣдъ, приготовленный для нихъ однимъ ихъ старикомъ, и ѣли съ большимъ вкусомъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ котловъ вареннаго риса, въ которыхъ было положено нѣсколько утокъ и накрошено свинаго сала.

Наѣвшись до сыта и поблагодаривъ Господа за Его неизреченное милосердіе, мы пересмотрѣли грузъ лантѣи и нашли на ней шелку, разныхъ матерій, атласа, штофа и мускуса тысячи на четыре крузадовъ, не считая порядочнаго запаса рисовой крупы, сахарнаго песку, сѣтей, силковъ и двухъ корзинъ съ курами и цыплятами. Послѣднее показалось намъ тогда драгоцѣннѣе всего, потому-что помогло поправиться больнымъ, которыхъ было много; а изъ кусковъ матерій мы отрѣзали себѣ, сколько каждому было нужно, на платье.

Антоніо де-Фаріа, увидя мальчика лѣтъ тринадцати, бѣленькаго и хорошенькаго, который одинъ оставался на лантеѣ, когда мы ею овладѣли, спросилъ его откуда она пришла къ острову и зачѣмъ, кому она принадлежала и куда шла? «Она принадлежала моему несчастному отцу» отвѣчалъ мальчикъ со слезами: «у котораго вы отняли меньше чѣмъ въ часъ то, что̀ онъ пріобрѣлъ себѣ трудами въ тридцать лѣтъ; онъ шелъ изъ одного мѣста, которое называется Куоамангъ, гдѣ купилъ весь этотъ грузъ, и хотѣлъ продать его на сіамскія джонки, въ портѣ Комгай; на пути у насъ не достало воды, и вотъ причина, почему вы лишили его всего, ни сколько не боясь небеснаго правосудія!»

Антоніо де-Фаріа старался утѣшить его, сказалъ ему, чтобъ онъ не плакалъ и обѣщалъ замѣнить ему отца, но мальчикъ улыбнулся съ горькимъ упрекомъ и возразилъ: «Не думай, чтобъ я былъ такъ глупъ и повѣрилъ тебѣ; прошу тебя много, много, много, именемъ твоего Бога, чтобъ ты выбросилъ меня на несчастный островъ, гдѣ остался мой родной отецъ, съ которымъ я лучше желаю умереть въ лѣсу, чѣмъ жить съ такими злыми людьми, какъ вы». Нѣкоторые изъ бывшихъ подлѣ остановили его и совѣтовали не говорить такихъ вещей, потому-что это нехорошо, но мальчикъ отвѣчалъ: «Я знаю, что̀ говорю; я видѣлъ, какъ вы благодарили вашего Бога съ поднятыми къ верху руками, совершивъ дѣло дурное, какъ-будто довольно шевелить губами, обратясь къ небу, чтобъ не боясь его гнѣва грабить другихъ. По-моему, Богъ всемогущій велитъ не столько молиться и шевелить губами съ разными кривляньями, сколько запрещаетъ отнимать чужое и убивать: за эти грѣхи Онъ въ своемъ святомъ правосудіи строго наказываетъ преступниковъ послѣ смерти».

Всѣ мы были поражены словами этого китайскаго мальчика, и Антоніо де-Фаріа спросилъ его, желаетъ ли онъ быть христіаниномъ: «Я не знаю о чемъ ты говоришь» отвѣчалъ онъ, глядя ему прямо въ глаза: «объяснись

напередъ, и тогда я буду тебѣ отвѣчать». Антоніо де-Фаріа разсказалъ ему въ короткихъ словахъ и очень-разумно сущность нашей святой вѣры, но мальчикъ, выслушавъ его до конца, всплеснулъ руками и, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ съ плачемъ: «Безконечно терпѣніе твое, Владыко всесильный! ты дозволяешь жить на землѣ твоей злодѣямъ и слѣпцамъ, которые такъ хорошо о тебѣ говорятъ и такъ дурно поступаютъ; которые думаютъ, что ты допускаешь воровство и грабежъ, лишь бы тебѣ клапялись и молились! Какъ-будто ты похожъ на земныхъ государей!» Послѣ этого онъ не хотѣлъ отвѣчать ни на какіе вопросы, а только плакалъ и въ продолженіе цѣлыхъ трехъ сутокъ отказывался отъ всякой пищи.

Между-тѣмъ, мы держали совѣтъ, куда намъ идти: къ сѣверу или къ югу? Мнѣнія были различны, но наконецъ положили направиться въ Ліампоа, портъ, находящійся къ сѣверу отъ Разбойничьяго-Острова, лигъ на двѣсти-шестьдесятъ. Мы надѣялись добыть себѣ гдѣ-нибудь по пути другое судно, больше нашей маленькой и тѣсной лантеи, на которой опасно было плавать по Китайскому-Морю во время новолуній, сопровождаемыхъ тамъ всегда жестокими бурями, погубившими много судовъ и людей.

Рѣшившись такимъ-образомъ, мы ушли отъ острова, на которомъ разбились, оставивъ Китайцевъ, горько плакавшихъ на взморьѣ. Время было уже подъ вечеръ и мы шли всю ночь на ONO (востоко-сѣверо-востокъ); къ утру мы приблизились къ острову, называющемуся Гинтôо, у котораго захватили рыбацкую лодку съ большимъ количествомъ свѣжей рыбы. Мы взяли себѣ сколько нужно было рыбы и восьмерыхъ изъ двѣнадцати бывшихъ на лодкѣ Китайцевъ, для управленія нашею лантéей и для гребли, потому-что наши люди были всѣ очень-слабы отъ претерпѣнныхъ страданій.

У рыбаковъ тотчасъ же разспросили, какіе есть порты по этому берегу до Чин-Чеу, гдѣ мы надѣялись найдти суда изъ Малакки; намъ отвѣчали, что не доходя восьмнадцати лигъ отъ него есть очень-хорошая рѣка съ удобнымъ якорнымъ мѣстомъ, которая называется Шингуáу: туда постоянно ходятъ джонки, нагруженныя солью, растительными маслами, горчицей и тому подобнымъ. У входа въ рѣку есть небольшое селеніе рыбаковъ и людей бѣдныхъ, называющееся Шамôй, но лиги на три вверхъ большой городъ, гдѣ много продается шелка, фарфора, мускуса и разныхъ товаровъ, вывозимыхъ во всѣ страны.

Съ этими свѣдѣніями мы принялись отъискивать рѣку и подошли къ ней вечеромъ другаго дня; мы бросили якорь въ морѣ, на лигу отъ входа, изъ предосторожности, чтобъ грѣхи наши не причинили намъ опять какого-нибудь бѣдствія.

Въ ночь намъ удалось захватить вышедшую изъ рѣки рыбацкую парáу, и мы разспросили у Китайцевъ много ли тамъ джонокъ, какіе на нихъ люди, и о многихъ другихъ нужныхъ намъ свѣдѣніяхъ. Намъ отвѣчали, что въ рѣкѣ всего какихъ-нибудь двѣнадцать джонокъ, ибо большая часть уже ушла къ Ган-Нану, въ Сумборъ, Ланлôо и другіе порты Кохинхины; но что мы можемъ быть спокойны въ Шамоѣ, гдѣ намъ продадутъ все, въ чемъ мы можемъ нуждаться. Мы тотчасъ же вошли въ рѣку и стали на якорь передъ селеніемъ; тогда время было около полуночи.

Антоніо де-Фаріа, видя, что наша лантеа слишкомъ мала и нельзя идти на ней въ Ліампôа, гдѣ мы рѣшились перезимовать, согласился съ мыслями многихъ изъ нашихъ солдатъ и моряковъ, совѣтовавшихъ завладѣть другимъ судномъ, болѣе для насъ удобнымъ. Хотя мы были такъ слабы, что едва ли могли взять съ боя что-нибудь хорошее, однако необходимость заставляла удовольствоваться на первый случай тѣмъ, что намъ попадется по силамъ.

Недалеко отъ насъ стояла на якорѣ небольшая джонка, совершенно одна, а людей на ней было мало, да и тѣ всѣ спали. Антоніо де-Фаріа, видя случай исполнить свое намѣреніе, поднялъ якорь и подошелъ къ ней безъ шума вдоль борта; потомъ, отобравъ пятнадцать солдатъ изъ двадцати-семи уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, да восемь матросовъ, бросился съ ними на палубу джонки, гдѣ никто его не встрѣтилъ, и, найдя человѣкъ шесть или семь сонныхъ Китайцевъ, велѣлъ связать имъ руки и ноги, грозя убить перваго, кто осмѣлится подать голосъ. Всѣ они были до того испуганы, что никто и не подумалъ заговорить. У джонки тотчасъ же обрубили канаты, поставили паруса и поспѣшили выйдти изъ рѣки какъ-можно скорѣе, чтобъ не поднять тревоги. Всю ночь мы шли такимъ-образомъ вмѣстѣ съ лантеей, направляясь носомъ въ море, и на разсвѣтѣ увидѣли островъ Пуло-Квиримъ, находящійся въ девяти лигахъ отъ рѣки, изъ которой мы вышли. Господь даровалъ намъ попутные вѣтры, съ помощію которыхъ мы черезъ трое сутокъ бросили якорь у острова Лушитай, гдѣ мы пробыли пятнадцать дней, желая дать поправиться своимъ больнымъ. Воздухъ былъ тамъ очень-здоровый, вода хорошая, а жители приносили для насъ разные свѣжіе припасы и промѣнивали ихъ на рисъ.

Тамъ мы обыскали всю джонку и не нашли въ ней ничего, кромѣ риса, которымъ она нагрузилась въ Шамдѣ и котораго значительную часть мы были принуждены выбросить за бортъ, когда шли сюда, чтобъ она была легче на водѣ. Перегрузивъ все, что было на лантеѣ, на джонку, мы вытащили ее на берегъ, намѣреваясь поправить и вымазать смолою, ибо она была намъ нужна для наливки водою въ портахъ, гдѣ бы намъ пришлось останавливаться и куда джонка не могла бы подойдти къ берегу. Пока мы этимъ занимались въ-продолженіе пятнадцати дней, больные наши выздоровѣли и мы отправились въ Ліампоа, гдѣ ожидали найдти много Португальцевъ, которые обыкновенно приходятъ сюда на зимовку изъ Малакки, съ Зондскихъ-Островов, изъ Сіама и Патани.

Мы шли двое сутокъ вдоль берега Ламау при благопріятной погодѣ. На третьи, по волѣ Господа, мы встрѣтили джонку изъ Патани, шедшую отъ Ликейскихъ-Острововъ; она принадлежала одному извѣстному китайскому корсару, Квіай-Панжангу, большому другу Португальцевъ, который очень любилъ нашу одежду и наши обычаи. Съ нимъ было человѣкъ тридцать Португальцевъ, все людей отборныхъ, которымъ онъ давалъ жалованье и разныя выгоды, такъ-что всѣ они значительно обогащались въ его службѣ.

Джонка эта, увидя насъ издали, рѣшилась овладѣть нами, думая, что мы люди другаго народа. Для этого корсаръ, человѣкъ опытный въ своемъ ремеслѣ, приготовился абордировать насъ и привелъ къ вѣтру на пересѣченіе нашего курса; потомъ, когда мы сблизились, онъ вдругъ спустился и привѣтствовалъ насъ залпомъ изъ пятнадцати орудій разной величины, чѣмъ мы были значительно озадачены. Антоніо де-Фаріа, ободряя своихъ, какъ человѣкъ храбрый и добрый христіанинъ, разставилъ насъ на главныхъ пунктахъ, на носу, кормѣ и шкафутѣ, готовясь принять абордажъ, съ которой бы стороны на насъ ни напали, съ твердымъ намѣреніемъ погибнуть не даромъ. Но, къ-счастію нашему, на джонкѣ корсара подняли огромный флагъ съ крестомъ и мы разсмотрѣли на ютѣ его множество народа въ малиновыхъ шапкахъ, какія наши военные люди любили носить въ то время: изъ этого мы заключили, что имѣемъ дѣло съ Португальцами, которые могли идти изъ Ліампоа въ Малакку, какъ дѣлали многіе при этомъ муссонѣ, а потому мы сдѣлали опознательный сигналъ, чтобъ посмотрѣть, узнаютъ ли они насъ. Они тотчасъ же испустили громкій, радостный крикъ и убрали въ отвѣтъ на нашъ сигналъ передніе паруса. Потомъ, приведя къ вѣтру, они

послали къ намъ балау съ двумя Португальцами, узнать, кто мы и откуда идемъ. Подплывъ къ намъ ближе и убѣдившись, что мы земляки, они пристали къ борту и вышли на нашу палубу.

Антоніо де-Фаріа принялъ ихъ какъ-нельзя-радушнѣе; они нашли знакомыхъ между нашими, и пробыли у насъ довольно долго. Антоніо де-Фаріа велѣлъ между-тѣмъ Кристовао, Барральйо и двумъ другимъ съѣздить на джонку Квіай-Панжанга съ письмомъ, наполненнымъ самыхъ лестныхъ привѣтствій, и съ предложеніями своей дружбы и услугъ, чѣмъ китайскій корсаръ остался до крайности доволенъ. Подойдя къ нашей джонкѣ, онъ велѣлъ спустить у себя всѣ паруса и пріѣхалъ въ гости къ Антоніо де-Фаріи, на шампанѣ или барказѣ, въ сопровожденіи двадцати человѣкъ Португальцевъ; онъ привезъ нашему капитану богатый подарокъ, стоившій около двухъ тысячъ крузадовъ и состоявшій изъ жемчуга, янтаря, кусковъ золота и серебра.

Антоніо де-Фаріа принялъ корсара и Португальцевъ его свиты со всѣмъ возможнымъ радушіемъ и обворожилъ всѣхъ ихъ своею ласковостью и умѣньемъ жить въ свѣтѣ. Потомъ всѣ сѣли, и, послѣ угощенія по нашимъ скуднымъ способамъ, Антоніо де-Фаріа разсказалъ гостямъ своимъ всѣ подробности нашего крушенія и сообщилъ имъ намѣреніе свое идти въ Ліампоа, съ цѣлію поправиться на счетъ людей и судовъ, а потомъ, пройдя вдоль берега Гам-Нана и Кохинхинскаго-Залива (*), сдѣлать нападеніе на рудники Квангджапару, гдѣ добывается много серебра и гдѣ шесть домовъ наполнено имъ до верха, какъ намъ достовѣрно извѣстно; притомъ, мѣста эти почти беззащитны, слѣдовательно, всѣ мы можемъ обогатиться безъ малѣйшаго труда и безъ всякой опасности.

Панжангъ отвѣчалъ на это: «Слушай, сеньйоръ капитанъ, я не такъ богатъ, какъ многіе обо мнѣ думаютъ, но нѣкогда я былъ дѣйствительно очень богатъ. Разныя несчастія, и многія въ родѣ твоего теперешняго, лишили меня большей части моего имущества. Въ Патани у меня жена и дѣти, но я не пойду туда: тамъ король отнялъ бы у меня все, ибо я ушелъ оттуда безъ его позволенія, а онъ не упуститъ такого предлога ограбить меня, какъ дѣлалъ со многими за гораздо-меньшія вины. Вотъ почему я предлагаю себя въ товарищи на предпринимаемое тобою путешествіе, со ста человѣками, которые на моей джонкѣ, пятнадцатью орудіями и тридцатью мушкетами, не считая тѣхъ сорока, которые ты видишь на пріѣхавшихъ со мною Португальцахъ. Я буду доволенъ третьей долею добычи: если ты согласенъ на такія условія, то дай мнѣ письменное обѣщаніе и подтверди клятвою, по вашему обычаю, что ты его свято исполнишь».

Антоніо де-Фаріа принялъ его предложеніе очень-охотно, и, поблагодаривъ его много разъ, поклялся надъ святымъ евангеліемъ, что исполнитъ все, чего онъ требуетъ. Послѣ этого составили письменный актъ, который былъ засвидѣтельствованъ человѣками десятью, достойными уваженія. Потомъ мы пошли съ нашими новыми союзниками въ рѣку, отстоявшую оттуда на пять лигъ и называвшуюся Анай, гдѣ добыли себѣ все, въ чемъ нуждались, отъ мѣстнаго мандарина или губернатора, получившаго въ подарокъ сто крузадовъ.

IV.

Выйдя изъ рѣки Анай, гдѣ, какъ я уже сказалъ, мы запаслись всѣмъ, Антоніо де-Фаріа, по совѣту Квіай-Панжанга, котораго дружбу онъ всячески старался сохранить, направился въ портъ Чин-Чеу, получить кой-какія

(*) Такъ Португальцы называли Тонкинскій-Заливъ. *Прим. перев.*

необходимыя свѣдѣнія отъ Португальцевъ, приходящихъ туда изъ Зунды, Малакки, Тимора и Патáни. Намъ было особенно важно узнать, чтó дѣлается въ Ліампóа, ибо до насъ дошли слухи, будто бы китайскій государь намѣренъ послать туда большой флотъ и множество войска, съ повелѣніемъ забрать силою всѣхъ поселившихся тамъ Португальцевъ и сжечь ихъ суда: оказалось, что земляки наши вовсе не такъ спокойны и миролюбивы, какими казались, когда были слабы и нуждались въ защитѣ и покровительствѣ.

Мы пришли благополучно въ Чин-Чéу и нашли пять португальскихъ судовъ, прибывшихъ туда уже съ мѣсяцъ изъ мѣстъ, о которыхъ я говорилъ. Земляки наши приняли насъ какъ-нельзя-радушнѣе и дружелюбнѣе. Сообщивъ намъ мѣстныя новости и разныя подробности о портѣ Чин-Чéу и его торговлѣ, они сказали, что не имѣютъ изъ Ліампóа никакихъ особенныхъ извѣстій; слыхали только отъ Китайцевъ, что тамъ зимовало много нашихъ соотечественниковъ и что пришло много португальскихъ судовъ изъ Зунды, Малакки, Сіама и другихъ мѣстъ. По ихъ словамъ, торговля идетъ въ Ліампóа очень-мирно; чтó же касается до флота, которымъ насъ напугали, то онъ не тамъ, а по всей вѣроятности посланъ къ островамъ Готто (*), на помощь *сукангу* понтирскому, котораго низвергъ съ престола племянникъ его. Сукангъ этотъ поступилъ недавно въ подданство китайскаго государя и обязался платить ежегодно по сту таэловъ дани: вотъ почему пошелъ туда флотъ, который состоялъ, по разсказамъ, изъ четырехъ сотъ джонокъ, и на которомъ отправилось до ста тысячъ человѣкъ. Извѣстіе это успокоило всѣхъ насъ и мы усердно поблагодарили Господа за Его благость.

Простоявъ девять дней въ портѣ Чин-Чéу (*), мы вышли оттуда, увеличивъ число свое тридцатью-пятью португальскими солдатами, хорошо-вооруженными, которые оставили свои суда и присоединились къ намъ, подъ начальство Антоніо де-Фаріи.

Мы направили путь въ Ліампóа, но въ морѣ были встрѣчены противными вѣтрами, съ которыми боролись цѣлыхъ пять дней, лавируя и нисколько не выигрывая разстоянія. Ночью последнихъ сутокъ, мы встрѣтили небольшую пароу́, въ которой было восемь человѣкъ тяжко раненыхъ Португальцевъ; въ числѣ ихъ были Антоніо-Анрикесъ и Мемъ-Таборда, оба люди богатые, уважаемые и пользовавшіеся въ тѣхъ краяхъ большою извѣстностью, почему я и упомянулъ о нихъ особенно. Всѣ эти раненные были въ такомъ горестномъ положеніи, что на нихъ нельзя было смотрѣть безъ самаго искренняго сострадания.

Пароу́ эта пристала къ нашей джонкѣ, и Антоніо де-Фарія тотчасъ же велѣлъ пересадить къ себѣ всѣхъ восьмерыхъ Португальцевъ. Поднявшись на палубу съ большимъ трудомъ и увидѣвъ его, они бросились къ его ногамъ, а онъ принялъ ихъ съ величайшею ласкою и со слезами на глазахъ. Всѣ они были жестоко изранены, почти наги и покрыты своею кровью. Антоніо де-Фарія спросилъ ихъ о причинѣ такого бѣдственнаго положенія и они разсказали ему, какъ, отправившись изъ Ліампóа въ Малакку семнадцать дней тому назадъ, съ намѣреніемъ идти потомъ въ Индію, они были встрѣчены около острова Сумбора однимъ гузаратскимъ разбойникомъ, Хоже́ю-Асемомъ; у него было три джонки и четыре лантéи, на которыхъ размѣщалось человѣкъ до пятисотъ: полтораста изъ нихъ были Мавры съ Лусонга (**), Борнео, Явы, а остальные

(*) Острова Готто находятся по юго-западную сторону Японія, почти на одной параллели съ Нангасаки.

(**) Чин-Чéу находится подъ 25° сѣвер. широты. *Прим. перев.*

(**) Т. е. Люсона, главнаго изъ Филиппинскихъ-Островов. *Прим. перев.*

Малайцы. Земляки наши сражались съ разбойниками отъ часа до четырехъ по полудни и потеряли убитыми восемьдесятъ-два человѣка, въ числѣ которыхъ восемнадцать Португальцевъ, да столько же плѣнными; а на джонкѣ ихъ было разнаго товара и золота тысячь на сто крузадовъ. Послѣ этого они разсказали Антоніо де-Фаріи много другихъ подробностей, такихъ трогательныхъ, что въ глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ можно было безъ труда прочитать жалость и участіе.

Выслушавъ это, Антоніо де-Фаріа долго оставался въ задумчивости, размышляя обо всемъ, что̀ ему было разсказано. Потомъ, обратясь къ раненымъ землякамъ нашимъ, онъ сказалъ: «прошу васъ, сеньйоры, объясните мнѣ, какимъ же образомъ спаслись вы послѣ такого жаркаго и безпощаднаго боя?»

Они отвѣчали: «послѣ пальбы и бомбардированія, длившихся часа полтора, три разбойничьи джонки свалнвались съ нами пять разъ на абордажъ, отъ-чего у насъ открылась въ носовой части страшная течь, что̀ и было главной причиною нашей гибели. Чтобъ не пойдти ко дну, намъ было необходимо облегчить свою джонку, а потому мы принялись выбрасывать изъ нея въ море товары и разныя тяжелыя вещи; непріятели воспользовались этимъ временемъ и снова абордировали насъ, чѣмъ заставили бросить выгрузку и защищаться. Многіе изъ нашихъ были тяжело ранены во время этого новаго нападенія и нѣкоторые убиты, какъ вдругъ на одной изъ разбойничьихъ джонокъ обнаружился пожаръ, который тотчасъ же сообщился на другую. Онѣ немедленно приложили все стараніе освободиться одна отъ другой, ибо онѣ абордировали насъ, связавшись между собою; но тутъ непріятели засуетились, перепутали веревки и пожаръ усилился на одной изъ джонокъ до того, что его уже нельзя было остановить когда онѣ развязались и джонка сгорѣла до самой ватерлиніи, а люди съ нея побросались въ море, спасаясь вплавь, но многіе перетонули. Нашу джонку занесло между тѣмъ на рыбачій заколъ, находящійся подлѣ каменистой отмели, въ устьѣ рѣки, гдѣ выстроена сіамская пагода.

«Собака Ходжа-Асемъ, который все еще былъ сцѣпившись съ нами, видя, что мы приткнулись къ заколу, вдругъ выскочилъ на нашу палубу съ множествомъ Мавровъ, одѣтыхъ въ желѣзныя кольчуги и защищенныхъ желѣзными нагрудниками. Они убили у насъ въ самое короткое время человѣкъ пятьдесятъ, изъ которыхъ восемнадцать были Португальцы, а мы, которыхъ вы теперь видите ранеными и обожженными, видя, что уже все пропало, выскочили въ лодку, подвѣшенную у насъ за кормою, и Господу угодно было дозволить намъ спастись.

«Насъ было въ лодкѣ пятнадцать человѣкъ, изъ которыхъ двое умерли вчера. Чтобъ избѣгнуть преслѣдованія, мы держались между берегомъ и заколомъ, и безпрестанно стукались о камни. Разбойники, между-тѣмъ, послали лантеи ловить своихъ людей, плававшихъ и барахтавшихся въ водѣ, а потомъ всѣ устремились грабить нашу джонку, добивая всѣхъ, кого тамъ нашли: жадности ихъ мы обязаны тѣмъ, что они и не подумали преслѣдовать насъ. Около солнечнаго заката, они вошли въ рѣку съ музыкой, стукомъ въ барабаны и громкими криками, какъ-будто въ знакъ торжества и насмѣшки надъ нами несчастными.»

Антоніо де-Фаріа, подумавъ нѣсколько, сказалъ имъ: «судя по вашему разсказу, разбойники должны теперь быть въ той самой рѣкѣ и въ довольно-разстроенномъ положеніи, если и вы убили и переранили у нихъ много народа.»

— О, какъ же! мы убили у нихъ многихъ, многихъ! Да къ-тому же и суда ихъ препорядочно пострадали отъ насъ.

Тогда Антоніо де-Фаріа снялъ шапку, сталъ на колѣни, поднялъ руки и глаза къ небу, и воскликнулъ со слезами: «Господи Іисусе Христе! Я, грѣш-

нѣйшій изъ грѣшниковъ, дерзаю смиренно умолять Тебя во имя рабовъ Твоихъ, которыхъ души искуплены Твоею драгоцѣнною кровью: даруй намъ силу и побѣду надъ этимъ жестокимъ врагомъ и губителемъ Португальцевъ! Я пойду на него, во славу Твоего святаго имени, и, помощію этихъ рабовъ и воиновъ Твоихъ, заставлю его поплатиться за все зло, которое онъ сдѣлалъ намъ и другимъ!»

Всѣ присутствующіе испустили громкій крикъ и повторили: «На него, на него, во имя Христа!»

Послѣ этого мы поставили паруса какъ слѣдуетъ и направились къ порту Лаилоа, отстоявшему отъ насъ лигъ на восемь. Антоніо де-Фаріа велѣлъ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ самому жаркому бою съ врагомъ, котораго онъ такъ давно и до-сихъ-поръ такъ безуспѣшно отъискивалъ.

На слѣдующее утро, мы бросили якорь въ портѣ Лаилоа. Квіай Панжангъ, товарищъ Антоніо де-Фаріи и природный Китаецъ, имѣлъ здѣсь множество родственниковъ и былъ вообще всѣмъ извѣстенъ и всѣми уважаемъ. Онъ просилъ мандарина этого порта дать намъ за деньги все, въ чемъ мы нуждались, и тотъ, боясь отказать ему, а также въ уваженіе подарка Антоніо де-Фаріи, пославшаго ему тысячу крузадовъ, охотно согласился исполнить все, чего мы требовали.

Двое изъ нашихъ тотчасъ же съѣхали на берегъ и закупили со всевозможною поспѣшностью селитры и сѣры для дѣланія пороха, свинца для пуль, цинъ, разной провизіи, веревокъ, смолы, масла, пеньки, бревенъ, досокъ, разнаго оружія, стрѣлъ, обожженнаго дерева, разныхъ деревьевъ для рей и стенегъ, блоковъ, якорей, бочекъ, холста и такелажа; кромѣ того они распорядились на-счетъ доставки свѣжей воды и всѣхъ покупокъ прямо на суда. Потомъ Антоніо де-Фаріа озаботился набрать матросовъ, и такъ-какъ онъ платилъ всѣмъ очень-щедро, а въ здѣшнемъ портѣ было моряковъ много, то и у насъ проворно составились славные судовые экипажи. Джонки нашии Антоніо де-Фаріа промѣнялъ на другія, гораздо-большихъ размѣровъ, разумѣется, приплативъ хорошія деньги; кромѣ того, онъ купилъ три добрыя гребныя лантеи; словомъ, черезъ тринадцать дней мы вышли отсюда на крѣпкихъ и ходкихъ судахъ, имѣя стошестьдесятъ человѣкъ добрыхъ матросовъ для управленія парусами и для гребли.

Передъ вступленіемъ подъ паруса, Антоніо де-Фаріа сдѣлалъ генеральный смотръ своей армадѣ. Оказалось, что у насъ и союзника нашего Квіай Панжанга было всего-на-все до пятисотъ человѣкъ боевыхъ и рабочихъ людей, въ числѣ которыхъ девяносто-пять Португальцевъ, все храбрецовъ, отважныхъ, готовыхъ на какой угодно отчаянный подвигъ; а остальные наши люди и тѣ, которые плавали съ Квіай Панжангомъ, были также народъ опытный въ своемъ дѣлѣ, потому-что большая часть ихъ пріобрѣла навыкъ, разбойничая на моряхъ въ разныя времена. На судахъ нашихъ было стошестьдесятъ мушкетовъ, сорокъ мѣдныхъ артиллерійскихъ орудій разныхъ родовъ и величинъ, и шестьдесятъ квинталовъ пороха, изъ которыхъ пятьдесятъ - четыре пушечнаго, да шесть мушкетнаго, не считая того, что было роздано на руки каждому вооруженному огнестрѣльнымъ оружіемъ; кромѣ того, девятьсотъ гранатъ, изъ которыхъ четыреста начиненныхъ порохомъ, а остальныя негашеною известью, какія употребляли Китайцы; множество пращей, стрѣлъ, копій и огненныхъ бомбъ, которыя намъ дѣлалъ одинъ Мавръ изъ Леванта; четыре тысячи короткихъ дротиковъ, которыми во время свалки пускаютъ въ непріятеля съ-руки; нѣсколько лодочныхъ грузовъ булыжника, для осыпанія имъ лѣзущихъ на абордажъ, и двѣнадцать желѣзныхъ дреговъ (*) на здо-

---

(*) *Дреги* — четырехъ и шести-рогіе якорьки, съ остроконечными лапами, для

ровыхъ цѣпяхъ; ко всему этому множество разнаго рода зажигательныхъ и разрывающихъ снарядовъ, которыхъ Китайцы, искусные въ этомъ дѣлѣ, заготовили намъ за хорошую плату.

Запасшись такимъ образомъ, мы вышли изъ Лаилоа разукрасившись флагами и развѣсивъ на мачтахъ куски шелковыхъ матерій. На джонкахъ нашихъ и лорчахъ были устроены всѣ нужныя оборонительныя надѣлки на шкафутахъ, на носу и кормѣ, да кромѣ того съемныя настилки надъ бортами для абордажа.

Черезъ трое сутокъ, по милосердію Господа, мы подошли къ рыбачьимъ заколамъ, у которыхъ собака Ходжа-Асемъ овладѣлъ джонкою Португальцевъ. Къ наступленію ночи, Антоніо де-Фаріа послалъ толковыхъ людей осмотрѣть входъ въ рѣку, въ которой, по его мнѣнію, долженъ былъ находиться разбойникъ. Люди наши вскорѣ возвратились, приведя съ собою рыбачью параў, на которой было шесть человѣкъ прибрежныхъ жителей; отъ нихъ мы узнали, что разбойникъ находится въ двухъ лигахъ отсюда, въ рѣкѣ Тинлао, гдѣ починиваетъ взятую у Португальцевъ джонку, располагаясь потомъ уйдти въ Сіамъ съ нею и двумя другими, которыя у него были прежде. По разсказамъ рыбаковъ, Ходжа-Асемъ располагалъ уйдти дней черезъ десять.

Антоніо де-Фаріа, посовѣтовавшись съ нѣсколькими человѣками изъ опытнѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ, рѣшилъ, что необходимо высмотрѣть положеніе непріятеля какъ-можно-вѣрнѣе и подробнѣе, ибо намъ предстояло предпріятіе слишкомъ-опасное, на которое нельзя было пускаться наобумъ, очертя голову. Для этого онъ посадилъ на параў четырехъ человѣкъ изъ матросовъ Квіай Панжанга, людей ловкихъ и сметливыхъ, да двоихъ рыбаковъ, оставивъ у себя остальныхъ заложниками; начальство надъ ними онъ поручилъ одному солдату Висенте Мороса, человѣку храброму и осторожному. Всѣ они, чтобъ не возбудить подозрѣній, нарядились въ китайскую одежду, и, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ были непріятели, притворились, будто ловятъ рыбу, какъ и другія лодки, а сами высмотрѣли все, что было нужно. Возвратясь на джонку, Висенте Мороса донесъ, что непріятель вовсе не приготовленъ къ бою и что съ нимъ будетъ не много труда справиться.

Получивъ это извѣстіе, Антоніо де-Фаріа поѣхалъ на джонку Квіай Панжанга въ сопровожденіи нѣсколькихъ Португальцевъ, выбранныхъ для совѣта. Онъ сдѣлалъ это нарочно, чтобъ польстить своему китайскому союзнику и завѣрить себѣ его усердное содѣйствіе. На совѣтѣ рѣшили единогласно, что надобно тотчасъ же сняться съ якоря и пойдти къ устью рѣки, а потомъ, за нѣсколько времени до разсвѣта, напасть на враговъ во имя Христа.

Тогда Антоніо де-Фаріа сдѣлалъ нужныя распоряженія, какъ судамъ входить въ рѣку и какъ потомъ напасть на разбойниковъ. Онъ отрядилъ тридцать человѣкъ Португальцевъ на джонку Квіай Панжанга, назначилъ по шести на каждую изъ нашихъ двухъ лантёй, да двадцатерыхъ на джонку Кристовао Борральйо; у себя онъ оставилъ тридцать-три человѣка Португальцевъ, кромѣ матросовъ и разночинцевъ изъ христіанъ и невольниковъ — все людей храбрыхъ и надежныхъ. Приведя въ должный порядокъ все, какъ слѣдовало для успѣшнаго исполненія предпріятія, въ которомъ мы надѣялись на помощь Господа нашего, Антоніо де-Фаріа велѣлъ вступить подъ паруса. Мы подошли къ рѣкѣ Тинлао около часа молитвы *Ave Maria*, и провели ночь со всѣми нужными предосторожностями; въ три часа по полуночи мы снова вступили подъ паруса и направились на непрія-

---

закидыванія на непріятельскій корабль, чтобъ онъ не отошелъ во время свалки на абордажъ.

Прим. перев.

теля, который находился въ рѣкѣ нѣсколько далѣе полулиги отъ устья.

V.

Пройдя менѣе часа вверхъ по рѣкѣ, съ попутнымъ вѣтромъ и приливомъ, которые Господь намъ даровалъ, мы увидѣли непріятеля, вовсе не ожидавшаго нападенія. Но какъ они были разбойники и опасались мщенія береговыхъ жителей, которыхъ грабили и обижали каждый день, то не зѣвали и держались крѣпко на сторожѣ. Увидя насъ, они тотчасъ зазвонили въ колоколъ и подняли такую тревогу между тѣми, которые жили въ палаткахъ на берегу и которые оставались на судахъ, что сдѣлалась общая суматоха. Антоніо де-Фаріа, чтобъ не дать имъ времени поправиться, закричалъ: «Сеньйоры и братія мои! на нихъ, на нихъ, во имя Христа, пока не подоспѣли ихъ лорчи! Santiago!»

Приблизившись вскорѣ къ непріятельской джонкѣ, мы дали по ней залпъ изъ нашей артиллеріи, выстрѣлы которой Господь направилъ такъ хорошо, что изъ множества разбойниковъ, собравшихся уже на ютѣ для стрѣльбы и отпора абордажа, бо̀льшая часть попа̀дала внизъ, раненная и мертвая. Послѣ этого стрѣлки наши, которыхъ было сто пятьдесятъ человѣкъ, по данному имъ сигналу открыли огонь изъ легкаго огнестрѣльнаго оружія, да такъ метко, что разомъ очистили настилки обѣихъ непріятельскихъ джонокъ, и никто изъ разбойниковъ не осмѣливался показаться на открытыхъ мѣстахъ.

Тогда наши двѣ джонки сцѣпились на абордажъ съ непріятельскими, и завязалась такая жаркая свалка, съ такими бѣшеными криками, сопровождаемыми взрывами гранатъ, ударами въ гонги, барабаны, пушечными и ружейными выстрѣлами, которыхъ эхо перекатывалось въ горахъ и долинахъ на берегу, что я не рѣшаюсь описывать подробностей, хотя самъ былъ тутъ и работалъ не хуже другихъ.

Черезъ четверть часа этого ада, отвалили отъ берега лорчи и лантеи разбойника съ свѣжими людьми, на подкрѣпленіе своихъ. Одинъ Португалецъ, Діого Мейрелезъ, бывшій на джонкѣ Квіай Панжанга, замѣтилъ ихъ, и видя, что его начальникъ артиллеріи, растерявшійся въ этой суматохѣ, готовится выстрѣлить изъ большой пушки наобумъ, оттолкнулъ его такъ, что онъ полетѣлъ въ люкъ, говоря: «Убирайся къ чорту, дуракъ! не съ твоимъ умѣньемъ теперь стрѣлять!» Съ этими словами онъ навелъ орудіе, заряженное мелкими ядрами и каменьями, по всѣмъ правиламъ, и приложилъ къ запалу фитиль. Весь зарядъ влѣпился въ первую лорчу, которая шла впереди прочихъ, да такъ ловко, что онъ перебилъ на ней множество народа и пробилъ ее насквозь; словомъ, она пошла ко дну и никто съ нея не спасся. Тогда Діого зарядилъ орудіе снова и навелъ его на корму другой лорчи. Второй его выстрѣлъ убилъ капитана этой лорчи и человѣкъ шестерыхъ или семерыхъ. Видя это, двѣ остальныя лантеи струсили и вздумали воротиться, но въ торопяхъ одна навалила на другую и у нихъ перепутались между собою рейки парусовъ до того, что онѣ не знали, какъ отцѣпиться одна отъ другой, а между-тѣмъ не могли двигаться ни взадъ, ни впередъ.

Капитаны нашихъ двухъ лорчей, Гаспаръ Оливейра и Висенте Мороса, видя ихъ затруднительное положеніе, тотчасъ же направились къ нимъ на греблѣ и бросили на непріятельскія лантеи цѣлую кучу гранатъ и зажигательныхъ снарядовъ, отъ которыхъ вскорѣ обѣ загорѣлись, а люди на нихъ, видя, что пожара имъ не унять, побросались въ воду, чтобъ спастись вплавь. Наши принялись пускать въ нихъ стрѣлы и ручныя копья, которыми перебили всѣхъ, пробовавшихъ спасаться. Однимъ словомъ, на трехъ этихъ судахъ погибло человѣкъ двѣсти, а четвертое, съ котораго былъ убитъ капитанъ, также не спаслось, потому-что его остановилъ самъ Квіай Панжангъ

на своемъ *шампанѣ* (*); онъ настигъ эту лорчу подъ самымъ берегомъ, но овладѣлъ ею уже пустою, потому-что люди съ нея также побросались въ воду и почти всѣ перетонули.

Между-тѣмъ, на джонкахъ сраженіе продолжалось съ прежнимъ остервенѣніемъ. Непріятели, которыхъ было на джонкахъ человѣкъ полтораста Мавровъ съ Лузонга и Борнео, да Явайцевъ, видя участь приближавшагося къ нимъ подкрѣпленія, стали ослабѣвать до того, что многіе уже бросались въ воду, желая доплыть до берега. Нечестивая собака Ходжа̀ Асемъ, котораго въ темнотѣ и жару битвы не могли отличить отъ остальныхъ, возвысилъ тогда голосъ. Онъ былъ въ шелковомъ малиновомъ кафтанѣ, съ золотыми бахрамами, надѣтомъ сверхъ кольчуги и принадлежавшемъ прежде какому-нибудь несчастному Португальцу, и прокричалъ громко: «Ля иллях иль Аллахъ, Мухаммедъ росуль Аллахъ! О, мусульмане, люди праведные святаго мухаммедова закона! Не-уже-ли вы допустите, чтобъ васъ побѣдили эти собаки, у которыхъ храбрости не больше, чѣмъ у бѣлыхъ курицъ и бородатыхъ бабъ? На нихъ, на нихъ! Въ книгѣ цвѣтовъ обѣщана намъ награда великая, если мы выкупаемся въ крови этихъ беззаконныхъ кафировъ!»

Проклятыя слова этого дьявола до того одушевили непріятелей, что они обратились на насъ съ новымъ жаромъ и какъ бѣшеные бросались на наши мечи. Антоніо де-Фаріа закричалъ тогда своимъ: «Христіане и сеньйоры мои! Если этихъ нечестивцевъ подкрѣпляетъ проклятая вѣра въ дьявола, то укрѣпимся мы именемъ Господа Христа нашего, распятаго за насъ! Хотя мы и грѣшники, но Онъ насъ не оставитъ, потому-что мы его люди, а эти собаки принадлежатъ дьяволу!» Съ этими словами и одушевленный святымъ усердіемъ въ вѣрѣ истинной, Антоніо де-Фаріа схватилъ свой мечъ обѣими руками, бросился прямо на Ходжу̀ Асема и нанесъ ему въ голову такой ударъ, что разрубилъ ему подбитую желѣзомъ шапку и сшибъ его съ ногъ; потомъ онъ рубнулъ его по ногамъ такъ, что разбойникъ не могъ встать.

Видя паденіе своего начальника, разбойники испустили дикій вопль; пятеро изъ нихъ пробились до Антоніо де-Фаріи, сквозь окружавшихъ его Португальцевъ, нанесли ему двѣ раны и положили бы на мѣстѣ, еслибъ ихъ не перебили самихъ. Наши сдѣлали еще одно усиліе, и съ помощію Господа, меньше чѣмъ въ два *credo*, навалили на Ходжу̀ Асема еще сорокъ труповъ его нечестивыхъ сподвижниковъ, а нашихъ тутъ легло только четырнадцать, изъ которыхъ пять Португальцевъ, остальные же были матросы и невольники, но также добрые христіане и люди добрые.

Послѣ такихъ потерь, непріятели дрогнули и стали отступать въ безпорядкѣ на боковую настилку, съ намѣреніемъ укрѣпиться на ней; но двадцать португальскихъ солдатъ съ джонки Квіай Панжанга предупредили ихъ, бросившись туда сами, такъ-что разбойники, сжатые съ обѣихъ сторонъ, не знали куда дѣваться, и имъ оставалось одно только спасеніе — броситься въ воду. Они такъ и сдѣлали, но съ такою торопливостью, что одни падали на другихъ и топили другъ друга.

Наши, одушевленные именемъ Господа Христа, котораго мы безпрестанно призывали, добивали побѣжденныхъ непріятелей на палубѣ и въ водѣ, оставивъ только пятерыхъ, которымъ связали руки и ноги, и которыхъ спустили въ трюмъ за тѣмъ, чтобъ послѣ, пыткой, отобрать отъ нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Но они зубами растерзывали свои раны и передохли прежде, чѣмъ мы успѣли начать ихъ допрашивать. Тѣла ихъ послѣ разрубили на четверо и бросили въ воду, вмѣстѣ съ трупомъ собаки Ходжи Асема, ихъ

(*) *Шампанъ* или *сумпанъ*, китайское гребное судно. *Прим. перев.*

предводителя, который величалъ себя въ началѣ своихъ писемъ великимъ-княземъ Бинтанскаго государя, и *кровопролитцемъ* и *кровопійцею* португальской крови: Онъ публично увѣщавалъ всѣхъ Мавровъ слѣдовать его примѣру, и они уважали его, какъ святаго, по безумному суевѣрію своего поганаго нечестія.

Поблагодаривъ Господа за дарованную намъ побѣду, Антоніо де-Фарія озаботился прежде всего о поданіи всѣхъ возможныхъ пособій раненнымъ, которыхъ было девяносто-два человѣка, и въ томъ числѣ много Португальцевъ. Потомъ, когда пересчитали оставшихся, оказалось, что съ нашей стороны было убитыхъ сорокъ-два человѣка и между ними восемь Португальцевъ, о которыхъ Антоніо де-Фарія скорбѣлъ больше всего на свѣтѣ; непріятелей же погибло триста-восемьдесятъ, изъ которыхъ пало отъ меча и огня артиллеріи не больше полутораста человѣкъ, а остальные всѣ перетонули. Хотя всѣ мы радовались и торжествовали, одолѣвъ своего жестокаго врага, однако многіе плакали явно и тайно надъ тѣлами убитыхъ товарищей, которыхъ намъ предстояло хоронить; у большей части ихъ головы были разрублены топорами, употребляемыми въ сраженіяхъ Маврами —другаго рода ранъ было мало.

Антоніо де-Фарія, не взирая на свои три раны, поѣхалъ на берегъ со всѣми, кто могъ его сопровождать, распорядиться на счетъ погребенія мертвыхъ, въ чемъ прошла большая часть дня. Потомъ, онъ пошелъ развѣдывать, нѣтъ ли тутъ жителей, и, проходивъ нѣсколько времени, попалъ въ прелестную долину, въ которой были сады и огороды со множествомъ всякаго рода фруктовыхъ деревьевъ и овощей; въ ней было селеніе, состоявшее изъ сорока или пятидесяти домиковъ, разграбленное собакою Ходжёю Асемомъ, который убилъ почти всѣхъ его жителей, ибо не многимъ изъ нихъ удалось спастись бѣгствомъ.

Нѣсколько дальше, на разстояніи полета стрѣлы, у чистой рѣчки, въ которой мы видѣли много разной рыбы, былъ большой домъ, назывшійся храмомъ селенія. Онъ былъ наполненъ больными и раненными, помѣщенными туда Ходжёю Асемомъ для излеченія. Ихъ лежало тамъ девяносто-шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько Мавровъ, родственниковъ этого злодѣя, и много другихъ, по-видимому почтенныхъ людей, которые служили на его судахъ.

Всѣ они, увидя Антоніо де Фарію, испустили громкій жалобный крикъ, какъ-будто умоляя его о милосердіи; но онъ, помня, сколько христіанъ они истребили, рѣшился не давать пощады нечестивцамъ и велѣлъ зажечь домъ; онъ былъ деревянный, высмоленный снаружи и крытый сухими пальмовыми листьями, а потому разомъ запылалъ такъ, что страшно было смотрѣть: Раздались ужасные крики и стоны бѣдняковъ, когда пламя добралось до нихъ, такъ-что отчасти ихъ стало жаль; многіе, собравшись съ послѣдними силами, хотѣли выскочить изъ оконъ и дверей, но мы принимали ихъ на копья и мечи: словомъ, изъ нихъ не уцѣлѣлъ ни одинъ человѣкъ.

Кончивъ это дѣло, Антоніо де-Фарія возвратился къ прибрежію, гдѣ была вытащена на берегъ для починки джонка, отнятая Ходжёю Асемомъ у Португальцевъ. Онъ велѣлъ спустить ее на воду, видя, что она готова, и возвратилъ ее Антоніо Анриксу и Мену Таборда, ея прежнимъ хозяевамъ, какъ я уже говорилъ выше. Онъ заставилъ ихъ обоихъ положить руку на молитвенникъ и сказалъ имъ: — «Я, именемъ моихъ братій и товарищей, живыхъ и мёртвыхъ, которымъ ваша джонка стóила столько крови, дарю вамъ то, что принадлежало имъ, въ надеждѣ заслужить отъ Господа прощеніе грѣховъ нашихъ, такъ-какъ Онъ, вѣроятно, простилъ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ съ нами и которые пали, какъ добрые и вѣрные христіане, за Его святую католическую вѣру!

Но увѣщаваю васъ присягою, которую вы теперь даете, чтобъ вы взяли изъ груза ея только вашу личную собственность, которую вы везли изъ Ліампоа. Больше этого я вамъ не могу дать, а вы не должны принять, ибо тогда я согрѣшу передъ Богомъ и товарищами, давъ вамъ лишнее, а вы согрѣшите, принявъ то, чего вамъ не слѣдуетъ.»

Межъ Таборда и Антоніо Анрикесъ, не ожидавшіе такого великодушія, упали на колѣни передъ своимъ благодѣтелемъ и не находили словъ выразить ему свою благодарность. Антоніо де-Фаріа, тронутый самъ до слезъ, отвернулся, скрывая свое волненіе. Онъ послалъ въ ихъ распоряженіе человѣкъ пятьдесятъ матросовъ и невольниковъ, и они оба отправились отъискивать свое имущество. Товары ихъ были складены въ два дома разореннаго разбойникомъ селенія, да кромѣ того подмоченныя шелковыя матеріи и шелки были развѣшены для просушки на деревьяхъ. Всѣхъ товаровъ, какъ они разсказывали въ то время, когда мы ихъ взяли къ себѣ, было дѣйствительно тысячь на сто таэловъ; они принадлежали человѣкамъ ста купцовъ, которыхъ часть была въ Ліампоа, часть въ Малаккѣ, а наконецъ часть погибла въ сраженіи съ Ходжёю Асемомъ. То, что эти два человѣка собрали, могло стоить тысячь сто крузадовъ; но многое пропало отъ порчи и гнили, и многое было перелomано и растаскано.

Возвратясь на свою джонку, Антоніо де-Фаріа, такъ-какъ время было уже подъ вечеръ, отложилъ дальнѣйшія дѣла до завтра, а самъ озаботился больше всего о раненыхъ и велѣлъ угощать тѣхъ, которые остались живы и цѣлы. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, онъ поѣхалъ на взятую у непріятеля большую джонку, которая была вся завалена мертвыми тѣлами. Онъ велѣлъ ихъ по просту выбросить за бортъ, но для собаки Ходжи Асема, какъ для лица почетнаго, нужно было больше церемоній: его пріодѣли и вооружили, какъ онъ былъ во время сраженія, а потомъ, разрубивъ на четверо, бросили также въ воду, гдѣ тѣло его сдѣлалось добычею большихъ ящерицъ (*), которыхъ собралось вокругъ джонки множество, пировать надъ такими лакомыми кусками. Когда разбойника спускали за бортъ, Антоніо де Фаріа произнесъ ему слѣдующую погребальную рѣчь: «Отправляйся въ адъ вмѣстѣ съ «своими сподвижниками! Пусть ваши «черныя души наслаждаются тамъ по-«гаными наградами Мухаммеда, кото-«рому ты молился вчера такъ громко, «вмѣстѣ съ остальными собаками!»

Послѣ этого, Антоніо де-Фаріа велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ бывшихъ у насъ невольниковъ, раненыхъ и здоровыхъ, а также тѣхъ, кому они принадлежали. Онъ обратился къ нимъ съ истинно-христіанскою рѣчью, ибо самъ былъ дѣйствительно добрый христіанинъ, и убѣждалъ господъ, ради любви къ Богу, дать свободу своимъ невольникамъ, ибо онъ обѣщалъ имъ это передъ сраженіемъ. Онъ прибавилъ, что готовъ выкупить ихъ изъ своей доли добычи. Но о выкупѣ никто не хотѣлъ и слышать, а всѣ отвѣчали, что нако его милость считаетъ это хорошимъ дѣломъ, то всѣ согласны исполнить его желаніе и объявляютъ съ той же минуты невольниковъ своихъ вполнѣ свободными. Всѣ тотчасъ подтвердили свое согласіе клятвою, а послѣ, въ Ліампоа, составили письменный актъ и вручили каждому освобожденному формянное свидѣтельство о его освобожденіи.

Кончивъ это богоугодное дѣло, Антоніо де-Фаріа велѣлъ пересмотрѣть и оцѣнить добычу. Оказалось, что на джонкѣ разбойника было на сто-тридцать тысячь таэловъ японскаго серебра и всякаго рода дорогихъ товаровъ. Все это было награблено нечестивымъ псомъ Ходжёю Асемомъ въ-продолженіе его путешествій вдоль китайскихъ и кохинхинскихъ береговъ.

(*) Т. е. крокодиловъ. *Прим. перев.*

VI.

Мы простояли въ рѣкѣ Тинлáо двадцать-четыре дня, въ-продолженіе которыхъ выздоровѣли всѣ наши раненые. По прошествіи этого времени, Антоніо де-Фаріа отправился въ Ліампóа, гдѣ рѣшился перезимовать, чтобъ послѣ, съ ранней весною и попутнымъ муссономъ, сдѣлать нападеніе на рудники Квангжапарý, какъ онъ условился съ Квіай Панжáнгомъ.

Дойдя до мыса Микуй, который находится подъ двадцать-шестымъ градусомъ, мы были встрѣчены жесточайшимъ вѣтромъ отъ сѣверо-востока. Лоцмана совѣтовали бросить якоря, чтобъ переждать его и не потерять пройденнаго разстоянія. Между-тѣмъ, время подходило къ вечеру, полился страшнѣйшій дождь и развело огромное волненіе. Гребныя лантéи наши, будучи не въ силахъ выдерживать такую суровую погоду, спустились къ берегу, съ намѣреніемъ укрыться въ рѣкѣ Шиленд́ау, отстоявшей отъ насъ на полторы мили. Антоніо де-Фаріа, опасаясь, чтобъ съ ними не приключилось какого-нибудь бѣдствія, поднялъ снова якоря и послѣдовалъ за ними подъ самыми малыми парусами, отчасти для того, чтобъ не обойдти ихъ, а отчасти и потому, что сила вѣтра врядъ ли позволила бы нести больше парусовъ.

Ночь была совершенно-темная и волненіе ходило страшное, такъ, что мы не могли разглядѣть отмели между островкомъ и каменнымъ рифомъ, а потому, поднявшись вверхъ на волнѣ, мы опустились внизъ съ такимъ ударомъ объ мель, что у насъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ переломился фалшкиль и повредился самый киль. Начальникъ или коннетабль артиллеріи хотѣлъ выстрѣлить изъ фальконета, чтобъ призвать къ намъ на помощь другія джонки, но Антоніо де-Фаріа остановилъ его, говоря, что такъ-какъ Господу угодно, чтобъ мы здѣсь кончили свой вѣкъ, то не должно подвергать остальныхъ безполезной гибели; онъ увѣщавалъ и уговаривалъ всѣхъ приняться за работу, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ молить Бога о прощеніи грѣховъ нашихъ и о помилованіи насъ грѣшныхъ.

Послѣ этого онъ велѣлъ срубить грот-стеньгу у самаго эзельгофта и остальныя мачты на носу и кормѣ, чѣмъ удары джонки значительно облегчились, хотя это и стóило жизни тремъ матросамъ, ушибеннымъ до смерти паденіемъ этихъ деревъ. Потомъ Антоніо де-Фаріа велѣлъ срубить всѣ надѣлки на шкафутахъ, на бакѣ и ютѣ, и сравнять бортъ джонки съ первою палубой. Не взирая на посиѣшность, съ которою все это приводилось въ исполненіе, пользы было намъ не много, потому-что вѣтеръ ревѣлъ ужасно, съ самыми бѣшеными порывами, волны ходили горами, и дождь хлесталъ немилосердо.

Вскорѣ мы увидѣли, что остальныя джонки также дѣлаютъ сигналы, что терпятъ бѣдствіе. Антоніо де-Фаріа, возведя глаза къ небу, произнесъ тогда громко, во всеуслышаніе: «Господи, Іисусе Христе! Ты дозволилъ распять себя на крестѣ для искупленія грѣшниковъ: молю Тебя, дозволь, чтобъ праведный гнѣвъ Твой палъ на одного меня за все, чѣмъ эти люди Тебя оскорбили, ибо я былъ главною причиной грозящей имъ гибели. Умоляю Тебя, Господь, съ сокрушеннымъ сердцемъ, хотя я недостоинъ того, чтобъ молитва моя была услышана, обрати на нихъ Твое святое милосердіе!»

Всѣ присутствующіе закричали въ голосъ: «Господи, умилосердуйся надъ нами!»

Въ случаяхъ, подобныхъ теперешнему, всѣ люди помышляютъ единственно о томъ, какъ бы спасти свою жизнь, забывая всякія посторонніе побужденія. Когда оказалось необходимымъ облегчить джонку отъ лишняго груза, человѣкъ сто Португальцевъ и судовыхъ служителей бросились въ люки и принялись выбрасывать за бортъ всякіе товары, какіе только попадались подъ руки, не разбирая ихъ цѣнности и не думая нисколько о корысти. Да-

же когда дошла очередь до двѣнадцати ящиковъ съ серебряными полосами и слитками, которые намъ достались послѣ сраженія съ Ходжѣю Асемомъ, не нашлось ни одного человѣка, который бы пожалѣлъ о нихъ или воспротивился тому, что ихъ отправили за бортъ тѣмъ же путемъ, какъ все остальное.

Такимъ образомъ провели мы всю ночь въ тяжкой работѣ, полунагіе, измученные, мокрые. На разсвѣтѣ, по благости Господа, вѣтеръ нѣсколько стихъ и джонку стало бить объ мель легче. Въ ночь налилось въ нее множество воды, и люди, чтобъ не быть смытыми за бортъ волнами, которыя ходили черезъ судно, привязывались веревками въ носовой части; человѣкъ двѣнадцать погибли однако, выброшенные на камни рифа.

Когда совершенно разсвѣло, Господу угодно было, чтобъ насъ разглядѣла съ джонки Антоніо Анрикеса и Мема Таборды, которая всю ночь держалась въ дрейфѣ, безъ парусовъ, спустивъ съ навѣтренной стороны бревна, чтобъ ослабить удары волнъ. Она приближалась къ намъ со всевозможною поспѣшностью, и видя, что мы бѣдствуемъ и уже находимся въ послѣдней крайности, стала на якоря и пустила къ намъ на веревкахъ поплавки, чтобъ перетаскивать на нихъ къ себѣ людей. Мы не замедлили воспользоваться этимъ средствомъ спасенія, но тутъ всѣ такъ заторопились и всѣмъ такъ хотѣлось быть первыми спасенными, что двадцать-два человѣка потовули въ этой суматохѣ. Изъ числа погибшихъ при этомъ, пятеро были Португальцы, о которыхъ Антоніо де-Фарія жалѣлъ больше, чѣмъ о потерѣ джонки и товаровъ; а тутъ было о чемъ пожалѣть, потому-что на джонку нашу, которая была лучше и надежнѣе остальныхъ, нагрузили самую дорогую часть взятой у Ходжи Асема добычи, и одного серебра было слишкомъ на сто тысячъ таэловъ.

Когда, послѣ большихъ трудовъ и опасностей, мы, наконецъ, перебрались всѣ на джонку Мема Таборды, весь день прошелъ въ жалобахъ и оплакиваніи нашей горькой участи, тѣмъ больше, что мы не знали ничего о своихъ спутникахъ на другихъ судахъ.

Къ вечеру, однако, Господь умилосердился надъ нами, и мы увидѣли вдали два судна, которыя держались подъ парусами и ходили взадъ и впередъ короткими галсами, какъ-будто ища чего-то. Поэтому мы догадались, что онѣ принадлежали къ нашей армадѣ. Такъ-какъ уже наступила ночь, мы рѣшили, что неблагоразумно спускаться къ нимъ, а подняли на мачту фонарь, на что они намъ немедленно отвѣтили. Они сблизились съ нами передъ разсвѣтомъ и спросили, гдѣ главнокомандующій и остальные наши спутники. Имъ отвѣчали, чтобъ они дождались, когда разсвѣтаетъ совершенно, ибо зыбь все еще ходила большая и въ темнотѣ было неблагоразумно держаться для переговоровъ близко другъ отъ друга.

Когда разсвѣло, къ намъ пріѣхали два Португальца съ джонки Квіай Панжавга. Они очень удивились, увидя Антоніо де-Фарію на джонкѣ Мема Таборды; но, выслушавъ исторію нашего бѣдствія, они разсказали, какъ самимъ пришлось оттерпливаться почти не меньше нашего. На нихъ налетѣлъ между прочимъ одинъ порывъ такой сильный, что схватилъ съ палубы трехъ человѣкъ, которыхъ отбросилъ въ море далеко въ сторону. Малая джонка наша погибла въ ихъ глазахъ со всѣми людьми, а ихъ было пятьдесятъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ семь Португальцевъ и капитанъ Нуно Прето, человѣкъ достойный и весьма храбрый, который заслужилъ себѣ всеобщее уваженіе въ нашихъ прошедшихъ трудахъ и бѣдствіяхъ; остальные же матросы и прислужники были почти всѣ христіане и люди очень-хорошіе.

Вскорѣ послѣ этого подошла къ намъ одна изъ лантей, которыя мы считали погибшими, и разсказала о своихъ бѣдствіяхъ. Съ нея видѣли,

ванъ у другой лантёи оборвало канаты и все бросило на берегъ, гдѣ въ ихъ глазахъ разбило въ щепки, а изъ всѣхъ людей спаслись только тринадцать человѣкъ, пятеро Португальцевъ и восемь христіанскихъ матросовъ; всѣ они попались въ плѣнъ къ береговымъ жителямъ, которые увели ихъ въ одно селеніе, называемое Ноудай.

Такимъ-образомъ, эта несчастная буря лишила насъ двухъ джонокъ и лорчи или лантёи, при чемъ погибло больше ста человѣкъ, въ числѣ которыхъ одиннадцать Португальцевъ, не считая тѣхъ, которые попались въ плѣнъ. Потеря же грузовъ, состоявшихъ изъ серебра, дорогихъ матерій, фарфора и прочаго, а также самихъ судовъ, артиллеріи, оружія, военныхъ снарядовъ и провизіи, превосходила по разсчету сумму въ двѣсти тысячь крузадовъ. Однимъ словомъ, главнокомандующій и его солдаты лишились всего, что у нихъ было, такъ-что вся собственность наша заключалась въ мокрой полуодеждѣ, въ которой насъ спасли.

Такія бури свирѣпствуютъ у китайскихъ береговъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Никто не можетъ проплавать тамъ цѣлый годъ безъ какого-нибудь бѣдствія, если не догадается забраться во время полнолунія и около перемѣны муссоновъ въ какой-нибудь портъ, которыхъ тамъ много и входы въ которые безопасны, кромѣ развѣ береговъ Ламау и Сумбора, гдѣ есть опасные рифы и отмели по южную сторону отъ входовъ, на разстояніи отъ нихъ около лиги или полулиги.

VII.

Когда совершенно стихло, Антоніо де-Фаріа переѣхалъ на другую большую джонку, отнятую у Ходжи Асема, которою командовалъ капитанъ Перо да-Сильва де-Суза. Вся наша армада, состоявшая теперь только изъ трехъ джонокъ и лорчи, направилась въ портъ Ноудай, узнать что-нибудь объ участи тринадцати плѣнниковъ.

Мы пришли ко входу вечеромъ, и Антоніо де-Фаріа немедленно послалъ двѣ вооруженныя балау, узнать о портѣ, промѣрить глубину входа, осмотрѣть якорныя мѣста, узнать много ли тамъ судовъ и какія, словомъ, собрать всѣ нужныя ему свѣдѣнія; онъ велѣлъ также постараться захватить нѣсколькихъ береговыхъ жителей, отъ которыхъ надѣялся развѣдать обо всемъ обстоятельнѣе, а главное, узнать о томъ, что сдѣлали съ плѣнными Португальцами. Онъ опасался, что ихъ уже успѣли увести куда-нибудь во внутрь страны.

Балау отправились по назначенію и около двухъ часовъ по полуночи прибыли къ небольшой деревушкѣ, расположенной на мысѣ, выдающемся подлѣ бухточки, называемой Нипафау, въ самомъ устьѣ рѣки; тамъ онѣ дѣйствовали такъ хорошо, что передъ разсвѣтомъ возвратились съ лодкою, нагруженною разной посудой и сахарнымъ тростникомъ. Господь помогъ имъ захватить ее въ серединѣ рѣки со всѣми людьми: тамъ было восемь мужчинъ, двѣ женщины и мальчикъ лѣтъ шести или семи.

Привезенные на джонку Антоніо де-Фаріи, они совершенно растерялись отъ страха, воображая, что ихъ сейчасъ убьютъ. Когда ихъ кое-какъ успокоили и начали распрашивать, они дрожали какъ листья и только говорили: «*Сукви гамидау ніуанкаао лаванод дагатуръ*», что значило: не убивай насъ понапрасну, Богъ потребуетъ отъ тебя нашей крови; кромѣ этого, отъ нихъ нельзя было добиться ни слова.

Антоніо де-Фаріа, видя ихъ простоту и жалкое положеніе, подозвалъ къ себѣ ходившую съ нами жену лоцмана, христіанку, хотя и китайскую уроженку, и велѣлъ ей угощать и успокоивать этихъ струсившихъ бѣдняковъ, чтобъ они были въ состояніи отвѣчать на его вопросы. Она исполнила это такъ хорошо, что меньше чѣмъ черезъ часъ Китайцы сказали, что если капитанъ обѣщаетъ отпустить ихъ восвояси съ лодкою, какъ ее взяли, то они те-

перь же разскажутъ обо всемъ видѣнномъ ими своими глазами и слышанномъ на счетъ плѣнниковъ отъ другихъ. Антоніо де-Фаріа обѣщалъ отпустить ихъ невредимыми, со всѣмъ, чѣмъ лодка ихъ была нагружена, когда попалась въ руки нашихъ, посланныхъ для рекогносцировки, и подтвердилъ это многими хорошими словами.

Тогда одинъ изъ нихъ, старикъ, пользовавшійся, по-видимому, властью надъ прочими, сказалъ: «Не могу я вполнѣ ввѣриться твоимъ щедрымъ обѣщаніямъ, потому-что ты наговорилъ слишкомъ-много хорошаго; а прошу тебя, поклянись мнѣ въ истинѣ твоихъ словъ водою этого моря, которое тебя теперь держитъ. Если ты солжешь, то владыка съ могучею рукою разгнѣвается на тебя, и вѣтры сверху, а вода снизу погубятъ тебя; клянусь тебѣ красотою его звѣздъ, что ложь такъ же противна Ему, какъ гордая надменность земныхъ судей, которые презираютъ людей бѣдныхъ, вмѣсто того, чтобъ обходиться съ ними ласково и творить правосудіе по святой истинѣ».

Антоніо де-Фаріа произнесъ клятву со всею церемоніей, какой требовалъ старикъ Китаецъ, подсказывавшій ему каждое слово. Когда это кончилось, старикъ, удовлетворенный вполнѣ, сказалъ: «Я видѣлъ, какъ людей, о которыхъ ты спрашиваешь, отвели въ тюрьму города Ноудая, заковавъ ихъ напередъ въ желѣза; о нихъ объявили, что они преступники и разбойники, которые грабятъ въ моряхъ честныхъ торговцевъ».

Антоніо де-Фаріа, подумавъ немного, разсудилъ, что все это можетъ быть правда, а потому, желая освободить нашихъ какъ-можно-скорѣе, и боясь, что всякое промедленіе опасно, написалъ письмо и поручилъ доставить его нашимъ несчастливцамъ одному изъ Китайцевъ, оставивъ у себя всѣхъ остальныхъ заложниками. Посланный отправился раннимъ утромъ: то былъ мужъ одной изъ приведенныхъ на лодкѣ женщинъ, а потому, такъ-какъ всѣмъ имъ очень хотѣлось разстаться съ нами какъ-можно-скорѣе, онъ приложилъ всевозможное стараніе доставить письмо не теряя времени и около полудня возвратился съ отвѣтомъ, написаннымъ на оборотѣ и скрѣпленнымъ подписью всѣхъ пятерыхъ Португальцевъ.

Они описывали жестокую тюрьму, въ которую ихъ заключили въ ожиданіи казни, и умоляли Антоніо де-Фарію, ради ранъ Господа Спасителя нашего выручить ихъ, напоминая ему свою вѣрную службу и то, что онъ былъ причиною ихъ теперешняго бѣдственнаго положенія; словомъ, они писали очень-жалостливо, какъ плѣнники, которые въ полной власти такихъ жестокосердыхъ и малодушныхъ людей, какъ Китайцы.

Антоніо де-Фаріа прочиталъ посланіе ихъ во всеуслышаніе и спросилъ совѣта присутствующихъ, какъ тутъ поступить? Каждый сказывалъ свое мнѣніе и мнѣнія эти были такъ разнородны и противоположны одно другому, что Антоніо де-Фаріа остановилъ всѣхъ и сказалъ: «Сеньйоры и братія мои! Я поклялся Господу Богу торжественно, что не уйду отсюда, не выручивъ нашихъ несчастныхъ друзей и товарищей какимъ бы то ни было образомъ, хотя бы это тысячу разъ стоило мнѣ жизни, а подавно всего имущества, которое я ставлю рѣшительно ни во что. А потому, сеньйоры, прошу васъ очень, очень, очень убѣдительно, не мѣшайте мнѣ исполнить то, чего требуетъ моя честь, ибо клянусь храмомъ Божьей Матери, что каждый, кто мнѣ захочетъ противиться, найдетъ во мнѣ личнаго и непримиримаго врага!»

На это мы всѣ отвѣчали, что вполнѣ полагаемся на его милость, и что готовы слѣдовать за нимъ куда бы то ни было, на самыя отчаянныя дѣла, на жизнь и смерть. Онъ со слезами благодарилъ насъ и обнялъ каждаго, держа шляпу въ рукѣ и увѣряя, что онъ докажетъ на дѣлѣ то, что обѣщалъ словами.

Антоніо де-Фаріа рѣшилъ, что сначала надобно попытаться выпросить миролюбиво у мандарина нашихъ плѣнниковъ, предложивъ ему за это хорошій выкупъ, а потомъ поступать, смотря потому, какой онъ намъ дастъ отвѣтъ. Онъ тотчасъ же велѣлъ написать къ мандарину самое учтивое и почтительное прошеніе, и отправилъ его на берегъ съ двумя изъ задержанныхъ у насъ Китайцевъ, которымъ поручилъ вручить ему подарокъ, стоившій двѣсти крузадовъ.

Посланные съ прошеніемъ и подаркомъ Китайцы возвратились на другой день съ отвѣтомъ, написаннымъ на оборотѣ письма, который состоялъ въ слѣдующемъ: «Когда губы твои коснутся моихъ ногъ и я тебя выслушаю, то узнаешь мое рѣшеніе».

Антоніо де-Фаріа, видя надменность и недоброжелательность мандарина, сильно опечалился и призадумался; ибо ясно было, что выручить плѣнниковъ гораздо-труднѣе, чѣмъ онъ прежде полагалъ. Посовѣтовавшись со многими благоразумными людьми, онъ велѣлъ написать другое письмо, въ которомъ еще убѣдительнѣе упрашивалъ мандарина объ освобожденіи нашихъ земляковъ, предлагая за нихъ выкупа двѣ тысячи таэловъ серебромъ и товарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ мандарину, что рѣшился не уходить отсюда иначе, какъ взявъ съ собою нашихъ несчастныхъ товарищей: онъ надѣялся, что страхъ и корысть подѣйствуютъ, ибо письмо это было написано въ болѣе-рѣзкихъ выраженіяхъ. Антоніо де-Фаріа писалъ между-прочимъ, что онъ португальскій купецъ и отправляется съ товарами въ портъ Ліампо, куда ходятъ многіе изъ его соотечественниковъ, которые тамъ торгуютъ, платятъ должную пошлину, а не разбойничаютъ и не дѣлаютъ зла никому, какъ онъ обвинялъ плѣнныхъ Португальцевъ; а также, что португальскій король находится въ дружбѣ и союзѣ съ китайскимъ государемъ, котораго считаетъ своимъ братомъ, и что Португальцы ходятъ въ Китай, а Китайцы въ Малакку, гдѣ съ ними обходятся по правдѣ и чести, не притѣсняя и не обижая ихъ нисколько.

Получивъ это второе письмо, мандаринъ разсердился до крайности за то, что Антоніо де-Фаріа называетъ португальскаго короля братомъ китайскаго государя; онъ велѣлъ пребольно отхлестать нашихъ посланцевъ и отрѣзать имъ уши, а потомъ отправилъ ихъ назадъ, съ написаннымъ на лоскуткѣ бумаги отвѣтомъ слѣдующаго содержанія:

«Жалкое насѣкомое, родившееся отъ зараженной мухи на самой вонючей грудѣ помоевъ, какія только есть въ тюремныхъ ямахъ, которыхъ никогда не очищаютъ!

«Какъ низость твоя имѣла дерзновеніе говорить о дѣлахъ Неба?

«Когда я приказалъ прочитать себѣ твое первое письмо, въ которомъ ты умоляешь меня о жалости, какъ рабъ своего господина, я уже почувствовалъ въ своемъ величіи нѣкоторое сострадані и готовъ былъ снизойдти и принять бездѣлицу, которую ты мнѣ подносилъ.

«Но какъ могъ ты осмѣлиться говорить, что твой король братъ сыну солнца, вѣнчанному льву, возсѣдающему на тронѣ вселенной, подъ ногами котораго короны всѣхъ земныхъ государей? Знай, что всѣ они передъ нимъ ничто и только служатъ гвоздиками подошвъ его обуви, раздавленные подъ пятою его могущества, какъ свидѣтельствуютъ писатели золотыхъ книгъ?

«За такое неслыханное богохульство я велѣлъ сжечь твое посланіе, которое въ исполненіи моего правосудія представляло твою собственную презрѣнную особу, заслуживающую мучительную казнь за твой неимовѣрный грѣхъ. Повелѣваю тебѣ: уходи отсюда немедленно, не мѣшкая ни на мгновеніе, чтобъ присутствіе твое не осквернило и не сдѣлало проклятымъ моря, которое терпитъ тебя на своихъ водахъ!»

Когда переводчикъ (который тамъ называется *таису*) прочиталъ и объ-

яснилъ намъ это письмо, всѣ мы совершенно онѣмѣли отъ изумленія и негодованія, но болѣе всѣхъ былъ обиженъ и раздраженъ Антоніо де-Фарія. Видя ясно, что добромъ намъ никакъ не успѣть выручить своихъ товарищей, онъ предложилъ отбить ихъ силою, сдѣлавъ нападеніе на городъ, въ полной увѣренности, что Господь поможетъ намъ исполнить такое хорошее предпріятіе.

Всѣ согласились на это единодушно, и Антоніо де-Фарія велѣлъ приготовить гребныя суда для высадки десанта; у насъ ихъ было тогда четыре, все большія рыбачьи лодки, которыя мы захватили въ прошлую ночь. Главный капитанъ сдѣлалъ тотчасъ же общій смотръ и оказалось, что у насъ и Кві·ай Панжанга набралось около трехсотъ человѣкъ, изъ которыхъ семьдесятъ Португальцевъ, а остальные матросы и невольники; въ томъ числѣ было сто-шестьдесятъ человѣкъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а прочіе вооружились копьями, стрѣлами, огненными бомбами и разными военными снарядами, потребными для нашего предпріятія.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра, Антоніо де-Фарія вступилъ подъ паруса съ тремя джонками, лорчей и четырьмя рыбачьими лодками. Мы пошли вверхъ по рѣкѣ и стали на якоря близехонько отъ берега, противъ городскихъ стѣнъ, закрѣпивъ паруса безъ салюта артиллеріи и поднявъ торговый флагъ. Потомъ мы еще разъ послали къ мандарину письмо, обѣщая ему за плѣнниковъ выкупъ гораздо-значительнѣе предложеннаго прежде, и увѣряя его въ своей дружбѣ и почтительности. Но собака эта до того взбѣсился, что велѣлъ распять посланнаго нами несчастнаго Китайца на самомъ верху городской стѣны, въ глазахъ всей нашей армады.

Тогда Антоніо де-Фарія убѣдился вполнѣ, что поможетъ одна только сила; всѣ солдаты требовали съ громкими криками высадки, говоря, что нечего терять время и давать непріятелямъ возможность приготовиться къ оборонѣ; а потому онъ приказалъ садиться на суда людямъ, назначеннымъ для нападенія, приказавъ оставшимся на джонкахъ стрѣлять изъ орудій по городу и непріятелямъ, если гдѣ увидятъ большія скопища народа и если не будетъ опасности бить своихъ.

Мы отвалили и пристали къ берегу на выстрѣлъ изъ лука ниже якорнаго мѣста, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Потомъ, выстроившись въ боевой порядокъ, мы направились вдоль берега къ городу, на стѣнахъ котораго собралось уже много народа, размахивавшаго, чтобъ испугать насъ, большими шелковыми знаменами, съ громкими криками и стукомъ въ барабаны и гонги, какъ люди, предпочитающіе сражаться шумными словами, а не дѣйствовать оружіемъ.

Подойдя на мушкетный выстрѣлъ ко рвамъ, окружавшимъ городскія стѣны, мы увидѣли идущихъ на насъ изъ двухъ воротъ человѣкъ тысячу или тысячу-двѣсти Китайцевъ, изъ которыхъ около сотни сидѣло на лошадяхъ, или, лучше сказать, на прежалкихъ остовахъ лошадей. Эти наѣздники принялись скакать взадъ и впередъ, въ порядочномъ разстояніи отъ насъ, да такъ неловко, что многіе сталкивались между собою и падали на землю, изъ чего мы заключили, что они идутъ на насъ по принужденію, а вовсе не чувствуютъ охоты сражаться.

Антоніо де-Фарія, весело ободряя своихъ, сдѣлалъ джонкамъ условленный сигналъ и велѣлъ намъ остановиться, ожидая нападенія въ открытомъ полѣ. Но непріятели снова принялись наѣздничать и разсыпались вокругъ насъ какъ крупа изъ мѣшка, воображая, что этимъ насъ застращаютъ и заставятъ воротиться; видя, однако, что это не дѣйствуетъ, они столпились въ кучу и остановились, приблизясь нѣсколько къ намъ.

Тогда Антоніо де-Фарія велѣлъ дать по нимъ залпъ изъ всего огнестрѣльнаго оружія разомъ, и Господь направилъ наши выстрѣлы такъ хорошо,

что больше половины наѣздниковъ, бывшихъ впереди прочихъ, попадало съ лошадей. Послѣ этого мы, призывая на помощь Господа Іисуса, двинулись впередъ и непріятели побѣжали отъ насъ такъ торопливо и въ такомъ безпорядкѣ, что одни падали на другихъ, а добѣжавъ до моста, перекинутаго черезъ ровъ, они столпились и тѣснились на немъ до того, что не могли двигаться ни взадъ, ни впередъ. Въ это время мы настигли ихъ и угостили такъ хорошо, что навалили ихъ человѣкъ триста на землю и въ ровъ; ихъ даже отчасти жаль было бить, ибо ни одинъ изъ нихъ даже не поднялъ на насъ оружія. Мы, пробившись черезъ эту толпу, разсыпавшуюся передъ нами и бѣжавшую безъ оглядки, добрались до воротъ; но тамъ насъ встрѣтилъ самъ мандаринъ, на добромъ конѣ, человѣками съ шестью-стами войска.

Непріятель хотѣлъ остановить насъ и завязалъ съ нами довольно-жаркую свалку, такъ-что въ-продолженіе четырехъ или пяти *credo*, эти Китайцы оказались мужественнѣе тѣхъ воиновъ, съ которыми мы такъ легко справились у моста. Но тутъ одинъ изъ матросовъ попалъ выстрѣломъ изъ ружья прямо въ грудь самому мандарину, и Китайцы, видя паденіе съ лошади своего предводителя, оробѣли и бросились назадъ, посиѣшая запереть передъ нами ворота; но мы не допустили ихъ исполнить это намѣреніе и вытѣснили назадъ копьями, а сами ворвались въ городъ. Тогда они побѣжали отъ насъ, тѣснясь въ узкой улицѣ, и, выйдя въ противоположныя ворота, спрятались въ недальнемъ лѣсу, оставивъ насъ полными хозяевами въ городѣ.

Антоніо де-Фаріа, собравъ всѣхъ своихъ, повелъ насъ въ порядкѣ къ *чифанію* или городской тюрьмѣ, гдѣ заключались наши. Онъ тотчасъ же велѣлъ разломать ворота и затворы, и черезъ нѣсколько мгновеній плѣнные Португальцы, считавшіе себя уже погибшими, были на свободѣ. Потомъ онъ велѣлъ солдатамъ и всѣмъ участвовавшимъ въ экспедиціи хватать, что кто можетъ, говоря, что дѣлежа добычи не будетъ, а у всякаго останется все, что онъ наберетъ самъ; вмѣстѣ съ этимъ онъ просилъ насъ поторопиться и объявилъ, что даетъ срока на грабежъ не болѣе получаса.

Мы тотчасъ же разсыпались по домамъ, а самъ Антоніо де-Фаріа отправился ко дворцу мандарина, гдѣ нашелъ одного серебра тысячь на восемь таэловъ, да кромѣ того пять бочекъ мускуса; все это онъ взялъ на свою долю, а остальное предоставилъ послѣдовавшимъ туда за нимъ матросамъ и слугамъ, которымъ досталось множество шелка, дорогихъ матерій, парчи, отличныхъ фарфоровыхъ издѣлій и разныхъ другихъ вещей. Каждый изъ насъ набралъ себѣ столько всякаго добра, что мы отвозили на джонки добычу раза четыре на четырехъ большихъ лодкахъ и трехъ шампанахъ, и даже у каждаго матроса и слуги были цѣлые тюки и ящики со всякими вещами, не считая того, что каждый насовалъ себѣ въ карманы.

Антоніо де-Фаріа, видя, что прошло уже болѣе полутора часа, велѣлъ всѣмъ своимъ собираться, но мы такъ занялись грабежемъ, что это легче было приказать, чѣмъ исполнить, тѣмъ болѣе, что поживы оставалось еще очень-много. Тогда, желая предупредить какое-нибудь несчастіе, ибо уже наступала ночь, Антоніо де-Фаріа велѣлъ поджечь городъ мѣстахъ въ десяти или двѣнадцати. Такъ-какъ большая часть строеній была деревянная, то въ четверть часа всѣ они запылали такъ ярко, что городъ казался адомъ.

Тутъ уже намъ больше ничего не оставалось дѣлать, и мы въ добромъ порядкѣ, безъ малѣйшей помѣхи, сѣли на гребныя суда, богатые и довольные, забравъ съ собою много прехорошенькихъ дѣвушекъ, которыя были связаны между собою по четыре и по пяти и горько плакали, а мы между-тѣмъ радовались, смѣялись и припѣвали.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія видно, что въ вѣдѣніи этого министерства состояло:

Учебныхъ заведеній:	Въ 1845 г.	Въ 1846 г.
Педагогическій Институтъ.	1	1
Университетовъ . .	6	6
Лицеевъ.	3	3
Гимназій	79	79
Уѣздныхъ училищъ.	447	449
Приходскихъ школъ.	1047	1011
Частныхъ пансіоновъ и школъ	585	594
Всего . .	2168	2143
Учащихся:		
Въ Педагогическомъ Институтѣ. . .	179	164
— Университетахъ.	3516	3826
— Лицеяхъ . . .	294	349
— среднихъ учебн. заведеніяхъ . .	20,436	20,820
— прочихъ . . .	88,055	90,113
Всего .	112,480	115,272
Въ Царствѣ Польскомъ:		
Учебныхъ заведеній.	1335	1375
Учащихся	75,862	80,547
Произведенныхъ въ ученыя степени:		
Докторовъ по разнымъ факультетамъ (кромѣ медицинскаго). . .	2	6
Магистровъ	14	12
Кандидатовъ	195	168
Дѣйствительныхъ студентовъ	222	187
Учащихъ:		
Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	588	631
— среднихъ и низшихъ.	6007	6167
— Царствѣ Польскомъ.	1765	2024
Занимающихся домашнимъ воспитаніемъ .	1843	1904
Получившихъ свидѣтельствъ на званія домашнихъ воспитателей:		
Русскихъ подданныхъ.	337	249
Иностранцевъ. . . .	52	74
Получившихъ право на начальное обученіе .	410	382

Всего вышло въ свѣтъ въ 1846 году 872 изданія въ 9034¼ печатныхъ листа. Въ томъ числѣ оригинальныхъ сочиненій 793, переводныхъ 79. Первыя на 7769, а послѣднія на 1265¼ печатныхъ листахъ.

Періодическихъ изданій выходило съ разрѣшенія цензуры 62; они составляютъ около 5960 печатныхъ листовъ, 101 листомъ болѣе, чѣмъ въ 1845 году.

Переводы увеличились не столько числомъ (13), сколько обширностію (857 печат. лист.), и увеличеніе это относится преимущественно къ драматическимъ сочиненіямъ и къ книгамъ для легкаго чтенія. Между книгами ученаго содержанія, число переводовъ замѣтно умножилось по части всеобщей исторіи и медицины. Въ разрядѣ книгъ учебныхъ и ученаго содержанія, весьма важное умноженіе представляютъ пособія къ изученію языковъ, именно словари и грамматики древне-классическихъ и восточныхъ языковъ. Перевѣсъ книгъ этого рода по сравненію съ 1845 г. составляетъ 297 печатныхъ листовъ. Исторія, преимущественно отечественная, была разработываема съ особенною дѣятельностію; книги, посвященныя исключительно русской исторіи, превосходятъ таковыя 1845 г. 140 печатными листами, а вообще историческія изданія 174. Отдѣлъ математическихъ и военныхъ наукъ получилъ также приращеніе 10 сочиненіями и 141 печатнымъ листомъ. Естественныя науки представляютъ весьма-замѣтный перевѣсъ въ-отношеніи къ обширности сихъ изданій надъ книгами 1845 года. Географія и статистика не переставали обогащаться новыми произведеніями, которыя превышали 1845 годъ 10 изданіями и 75 печатными листами. Книги по предмету исторіи и теоріи словесности, также изящныхъ искусствъ, умножились и въ числѣ и въ объемѣ; подобное же умноженіе представляютъ сочиненія по части медицины. Книги на евреи-

скомъ языкѣ уменьшились и числомъ и обширностію.

Общее количество ввезенныхъ иностранныхъ книгъ простирается до 547,595 томовъ, между-тѣмъ, какъ въ 1844 и 1845 годахъ число ихъ доходило слишкомъ до 700,000.

Изъ книгъ неизвѣстнаго содержанія разсмотрѣно въ Комитетѣ Цензуры Иностранной 791 сочиненіе, составляющія 1177 томовъ; а въ Виленскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и отдѣльными въ Ригѣ цензорами 216, въ 401 томѣ. Въ 1846 году подвергались запрещенію для публики въ цѣлости болѣе другихъ романы и повѣсти, а исключенію предосудительныхъ мѣстъ историческія сочиненія, романы и періодическія изданія.

По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ, дозволено выслать обратно за границу 341 экземпляръ запрещенныхъ сочиненій, составлявшихъ 616 томовъ.

Что касается до Царства Польскаго, то Варшавскимъ Цензурнымъ Комитетомъ разсмотрѣно въ 1846 году 486 рукописей и книгъ. Изъ нихъ одобрено къ печатанію 386. Въ сравненіи съ 1845 годомъ, въ 1846 число поступившихъ на разсмотрѣніе Комитета книгъ и рукописей было въ общей сложности менѣе 63 сочиненіями.

Количество книгъ на разныхъ языкахъ, привезенныхъ изъ-за границы, простирается до 17,452 названій, составляющихъ около 38,456 томовъ, противъ 1845 года менѣе 30,560 томами.

Академія Наукъ состоитъ изъ 47 дѣйствительныхъ членовъ, 35 здѣшнихъ и 43 иностранныхъ почетныхъ членовъ, 57 здѣшнихъ и 76 иностранныхъ корреспондентовъ; всего 258.

Академія имѣла одно торжественное, 12 общихъ собраній и одинъ публичный актъ для присужденія демидовскихъ наградъ. Частныхъ засѣданій по отдѣленіямъ было: въ физико-математическомъ 21, въ историко филологическомъ 21, русскаго языка и словесности 74.

Сверхъ шести повременныхъ изданій Академіи и Сборника, составляемаго Беромъ и Гельмерсеномъ, *для распространенія въ чужихъ краяхъ вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи*, на-счетъ Академіи напечатано 8 отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія суть: *Буняковскаго*: «Основанія математической теоріи вѣроятностей»; *Струве* младшаго: «Описаніе хронометрической экспедиціи между Альтоною и Гриничемъ»; *Дорна*: «Афганская Хрестоматія».

По составленію Русскаго Словаря въ-теченіе 1846 года прочитано, исправлено и кончено печатаніемъ 63 листа, въ которыхъ объяснено 30,107 словъ; со времени же приступа къ дѣлу отпечатано всего 207 листовъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 100,000 словъ.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія заключаетъ этотъ *четырнадцатый* отчетъ свой слѣдующимъ общимъ взглядомъ:

«Въ настоящемъ своемъ положеніи, «общественное наше образованіе до-«стигло уже до такой степени разви-«тія, что безостановочное и повсемѣ-«стное движеніе свое впередъ совер-«шаетъ собственною, внутреннею си-«лою, не требуя ни коренныхъ измѣ-«неній, ни мѣръ рѣшительныхъ и об-«ширныхъ. Нынѣ оно имѣетъ надоб-«ность лишь въ руководствѣ, въ содѣй-«ствіи, въ нѣкоторыхъ пособіяхъ вре-«менныхъ и мѣстныхъ. Основныя на-«чала, которыми доселѣ руководство-«валось министерство, не нуждаются «ни въ изъясненіи, ни въ оправданіи: «они освящены Высочайшимъ одобре-«ніемъ и выдержали продолжитель-«ный искусъ опыта и времени. Смѣю «надѣяться, что дальнѣйшія наблюде-«нія послужатъ только къ подтвержде-«нію того, что они столько же вѣрны, «сколько благотворны. Конечная цѣль «народнаго образованія поставлена «такъ далеко по самому свойству этого «дѣла, что терпѣливость и устойчи-«вость въ принятыхъ однажды прави-«лахъ составляютъ одно изъ главныхъ «условій успѣха. Если изучать съ нѣ-

«которымъ вниманіемъ отдѣльныя явленія по учебной части, то они неоспоримо указываютъ, что эти успѣхи достигаются постоянно. Можетъ-быть, они не всѣ такъ разительны, какъ въ началѣ рѣшительныхъ дѣйствій министерства; но они также несомнѣнны и не менѣе существенны».

— На конкурсъ демидовскихъ премій за 1846 годъ представлено было 34 сочиненія; изъ нихъ Академія Наукъ признала достойными полныхъ премій четыре сочиненія:

1) Графа Кейзерлинга и флота капитан-лейтенанта Крузенштерна, Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland, im Jahr 1843.

2) А. Н. Демидова, Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatole de Démidov par M. M. de Sainson, le Play, Léveillé, Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau.

3) Графа Толстаго, Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи (рукопись).

4) Чубинова, Русско-Грузинскій Словарь.

Но какъ А. Н. Демидовъ объявилъ напередъ, что онъ на полученіе денежной преміи притязанія не имѣетъ, а довольствуется одною честію видѣть трудъ свой одобреннымъ, то открылась возможность оставшуюся за тѣмъ четвертую премію раздѣлить на двѣ второстепенныхъ, которыя и присуждены:

Статскому совѣтнику Петрушевскому за представленное имъ въ рукописи обширное сочиненіе: *Общая Метрологія*, и

Флота капитан-лейтенанту Скаловскому за «Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ».

Сверхъ того, положено упомянуть съ похвалою о двухъ книгахъ:

Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго», и архимандрита Макарія — «Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра».

По отзыву Академіи, пріобрѣтенія, которыми географія и гидрографія Печорскаго Края обязаны г. Крузенштерну, состоятъ «въ исчисленіи и отчасти описаніи большаго числа рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое-Море, а между ними особенно Печоры съ ея притоками, въ свѣдѣніяхъ о верхней Вычегдѣ и во многихъ любопытныхъ замѣчаніяхъ объ образѣ жизни и характерѣ жителей».

Сочиненіе, представленное г. Демидовымъ, состоитъ изъ 4 томовъ. «Первый содержитъ въ себѣ историческое донесеніе о путешествіи, со многими замѣчаніями и наблюденіями о многоразличнѣйшихъ предметахъ, и сочиненъ самимъ г. Демидовымъ. Во второмъ томѣ мы находимъ плоды краніологическихъ этюдовъ Гобера, медицинскія наблюденія и исчисленіе растеній, собранныхъ въ Тавридѣ г. Левельѐ, вмѣстѣ съ геологическими наблюденіями Гюо; далѣе—перечень всѣхъ въ Крыму собранныхъ окаменѣлостей и живыхъ раковинъ, краткое изображеніе нынѣшней фауны и флоры Крыма, историческій очеркъ обитающихъ тамъ племенъ; потомъ описаніе окаменѣлостей, г. Руссо, свѣдѣніе объ отпечаткахъ растеній близь Каффы, Ад. Броньяра, и наконецъ наблюденія надъ температурою въ Южной Россіи, сообщенныя г. Кнорре въ Николаевѣ. Третій томъ посвященъ трудамъ г. Нордманна по части зоологіи, а четвертый, составленный г. ле-Пле, вмѣщаетъ въ себѣ обильные результаты изъисканій, дѣланныхъ на Донцѣ подъ его руководствомъ».

Относительно Исторіи финансовыхъ учрежденій въ Россіи, со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II, г. Устряловъ, рецензировавшій это сочиненіе, говоритъ, что «все, что̀ можно было извлечь изъ актовъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, для поясненія старинныхъ финансовыхъ учрежденій нашихъ, большею частію извле-

чено графомъ Толстымъ съ особеннымъ тщаніемъ.»

По поводу «Русско-Грузинскаго Лексикона» Чубинова, Академія замѣчаетъ, что «сношенія съ Грузинами посредствомъ толмачей могли бы казаться достаточными для цѣлей правительственныхъ и для обыкновеннаго обихода; но, касаясь только верхушекъ общества, они образуютъ лишь необходимую связку народнаго быта; междутѣмъ, какъ нарѣчія, созидая связи самыя искреннія, производятъ сліяніе, котораго ничѣмъ другимъ замѣнить невозможно; повелительное мановеніе, начальственное слово даютъ всему первое направленіе и отзываются дѣйствіями повиновенія; но языкъ природный, проникая въ сердце путемъ слуха, порождаетъ привязанность, которая, предупреждая порядокъ и согласіе, предрасполагаетъ умы къ покорности». Такова именно цѣль и назначеніе труда г. Чубинова.

Въ рукописи г. Петрушевскаго (за которую присуждена ему второстепенная награда и 1000 руб. сер. на изданіе) «съ большою рачительностью собрано все, что только извѣстно о мѣрахъ и вѣсахъ у разныхъ обитающихъ на землѣ народовъ».

Вышедшая нынѣ третья и послѣдняя часть «Руководства для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ» состоитъ изъ одной только главы (V), раздѣленной на три отдѣленія, и описываетъ машины прямаго дѣйствія для пароходовъ съ гребными колесами. «Если же на долю г. Скаловскаго», говоритъ Академія, «выпала не полная, а второстепенная премія, то это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что книга его, весьма-естественно, не есть плодъ собственныхъ соображеній и разъисканій, а только умный и отчетливо-составленный сводъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій паровыхъ машинъ и приспособленія ихъ къ движенію судовъ.»

Что касается до сочиненій, удостоенныхъ, за неимѣніемъ премій, почетнаго отзыва, то представленное въ Академію второе изданіе «Исторіи Новой Сѣчи» есть сводъ старинныхъ документовъ, найденныхъ г. А. Скальковскимъ въ екатеринославскихъ присутственныхъ мѣстахъ; объ *Исторіи же Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго князя Владиміра*, Академія отзывается такъ:

«Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый содержитъ Исторію Христіанства въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія Русскаго царства. Второй отдѣлъ объемлетъ періодъ отъ 866 до 992 года, или Исторію Христіанства собственно въ царствѣ Русскомъ, до происхожденія Русской церкви при Равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ. Вообще о первомъ отдѣлѣ можно сказать, что онъ не столько есть плодъ обширныхъ, собственныхъ изъисканій автора, сколько сводъ готовыхъ уже матеріаловъ и свѣдѣній о странахъ и народахъ, имъ упоминаемыхъ, свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ разныхъ бывшихъ у него подъ рукою книгъ и источниковъ.

«Относительно втораго отдѣла должно замѣтить, что сочинитель нѣкоторымъ образомъ самъ себѣ преградилъ путь къ точному уразумѣнію водворенія въ Россіи христіанской вѣры съ 866 года; ибо во 1-хъ у Нестора и въ Житіяхъ Святыхъ подъ именемъ *Руси*, какъ и у Византійцевъ подъ именемъ Ῥῶς въ девятомъ вѣкѣ, должно разумѣть не Славянъ, а однихъ только норманскихъ князей и ихъ дружину. Безъ сомнѣнія, сочинитель, ознакомившись лучше съ взаимнымъ отношеніемъ между древнею Русью и Славянами, согласится, что о принятіи Славянами въ Россіи христіанской вѣры до Владиміра и рѣчи быть не можетъ, и что источники упоминаютъ только о крещеніи Руссовъ, нечувствительно сливавшихся съ Славянами. Во 2-хъ, нашего церковнаго историка можно упрекнуть въ томъ, что въ критическомъ разборѣ сказаній о крещеніи Норманно-Руссовъ въ IX вѣкѣ, онъ преимущественно держался латинскаго перевода Византійцевъ, а не греческаго ихъ текста.

Отъ этого, взаимное отношеніе этихъ источниковъ между собою осталось для него темнымъ. Иначе онъ нашелъ бы, между прочимъ, что прежде 866 года о крещеніи Руссовъ и рѣчи нѣтъ, что вмѣсто нѣсколькихъ, принимаемыхъ имъ крещеній, собственно выходитъ только одно, и т. д.»

При этомъ Академія замѣчаетъ, что въ послѣдніе годы число сочиненій, удостоиваемыхъ рецензентами полныхъ премій, постоянно превышаетъ число самыхъ премій, и второстепенныя преміи назначаются въ видѣ изъятій, за невыдачею всѣхъ полныхъ; между-тѣмъ, какъ весьма-недавно еще изъ тридцати и болѣе соискательныхъ сочиненій не оказывалось ни одного, достойнаго полной преміи, и Академія присуждала второстепенныя преміи только *относительно* - лучшимъ изъ нихъ.

Изъ этихъ данныхъ весьма-легко составить себѣ понятіе о вліяніи демидовскихъ премій на нашу литературу, и, слѣдя внимательно за составомъ конкурсовъ, нельзя не убѣдиться, что, несмотря на всѣ трудности, неразрывно связанныя съ такою оцѣнкою сочиненій, гдѣ изъ тридцати слишкомъ произведеній нужно выбрать не болѣе четырехъ или пяти, Академія постоянно присуждала преміи за тѣ именно заслуги, для которыхъ онѣ назначались. Разсматривая списокъ сочиненій, одобренныхъ Академіею со времени учрежденія демидовскихъ премій, видишь, что каждое изъ нихъ оказало или должно оказать «значительное вліяніе на умственное развитіе народа», принесло или необходимо принесетъ «высокую практическую пользу»; каждое свидѣтельствуетъ о «долголѣтнемъ утомительномъ трудѣ», отличается «геніальностію и новостію взгляда на предметъ», представляетъ «важное открытіе въ наукѣ, отысканіе и ученую разработку неизвѣстныхъ до того источниковъ».

— Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ приглашаетъ желающихъ доставлять къ 1-му іюля 1849 года хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ, и для побужденія къ такой истинно-полезной для отечества дѣятельности, назначаетъ награды: за сочиненія, которыя будутъ найдены вполнѣ-удовлетворительными — золотую медаль въ 300 руб. серебромъ; за труды второстепеннаго достоинства — въ 150 р. серебромъ; наконецъ, за сочиненія, несоотвѣтствующія требуемымъ условіямъ, но по чему-либо примѣчательныя — медали серебряныя и почетные отзывы. Кромѣ того, сочиненія, удостоенныя наградъ, могутъ быть печатаемы Министерствомъ на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора, который притомъ не лишается права печатать свое произведеніе и другими изданіями.

Чтобъ облегчить самую работу, устранить затрудненіе: съ чего начать и на что именно обратить вниманіе, Комитетъ составилъ особую программу желаемой статьи и напечаталъ ее въ № 6-мъ, т. е. въ іюньской книжкѣ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ», такъ-что стоитъ человѣку бывалому, знающему свой уѣздъ что называется — вдоль и поперегъ, очинить перо, положить передъ собою программу и писать свободнымъ почеркомъ хозяйственную статистику NN уѣзда. Рука устала, можно откинуться къ спинкѣ креселъ и помечтать съ пріятностію о почетной и вмѣстѣ положительно-выгодной наградѣ, или даже о томъ, съ какою завистью будутъ читать сосѣди почетный отзывъ, и съ томной грустью остановиться на мысли о безсмертіи имени автора...

Однимъ словомъ, нѣтъ, кажется, ничего пріятнѣе и полезнѣе для помѣщика, такъ часто жалующагося на скуку деревенской жизни, какъ заняться собираніемъ статистическихъ свѣдѣній, или составленіемъ статьи на предлагаемыя Комитетомъ преміи...

Но иные имѣютъ свое, имъ исключительно принадлежащее мнѣ-

ніе о хорошемъ дѣлѣ. Они готовы сдѣлать великодушный, благородный, сопряженный даже съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ подвигъ такъ, просто, по своему личному убѣжденію въ его пользѣ, по собственной мысли, и невсегда захотятъ внять самымъ логическимъ доводамъ другаго; а посулите что-нибудь — и самый корыстолюбивый по собственнымъ, ему одному извѣстнымъ разсчетамъ хорошій человѣкъ осудитъ даже другаго за то, что тотъ *польстился*... «Вотъ» скажетъ: «погнался за двумя зайцами, позарил«ся на золото, да и прозѣвалъ подъ но«сомъ», и тутъ укажетъ на какое-нибудь физическое, даже непредотвратимое бѣдствіе, случившееся по хозяйству, на пожаръ, градъ, червь или мышей... Такого человѣка не только убѣждать или взманить, даже и просить нельзя; его можно только навести на мысль; а это, согласитесь, тоже стóитъ хорошей преміи...

Собираніе статистическихъ свѣдѣній для государства то же, что сознаніе для каждаго человѣка. На немъ зиждутся всѣ надежды на будущее, оно есть самое вѣрное ручательство въ прогрессѣ и самая твердая опора для разумнаго развитія. Не много нужно соображенія, чтобъ понять, что Комитетъ, предлагая награды за хозяйственно - статистическія описанія, дѣлаетъ почти то же, что дѣлаетъ нѣжная мать, всячески уговаривая дитя сказать, чтó у него болитъ, чтобъ принять нужныя мѣры для его излеченія. Послушайте, какъ говоритъ объ этомъ самый Комитетъ:

«Мѣрамъ къ улучшенію отечественнаго хозяйства должно служить основаніемъ приведеніе въ ближайшую извѣстность настоящаго положенія этой отрасли народной промышлености во всѣхъ частяхъ Россіи.

«Постоянно дѣйствуя въ этомъ направленіи, Ученый Комитетъ не могъ упустить изъ вида одно, по его мнѣнію, весьма-важное средство къ раскрытію настоящаго положенія нашего хозяйства, а именно возбужденіе въ частныхъ лицахъ соревнованія въ доставленіи министерству нужныхъ для него свѣдѣній...»

И какъ бы, кажется, не возбудить этого соревнованія прямою, положительною выгодой! А если *можно пробудить*, то есть ли другое, болѣе вѣрное и естественное средство собрать нужныя свѣдѣнія, какъ не чрезъ тѣхъ, кому болѣе всѣхъ извѣстны эти свѣдѣнія и кому болѣе всѣхъ настоитъ потребность ихъ высказать?

Что соискатели будутъ, въ этомъ, судя по бывшимъ примѣрамъ, нельзя сомнѣваться; но намъ хотѣлось утвердиться въ заманчивой надеждѣ; заранѣе опредѣлить, чего мы должны ждать.

Но въ сторону догадки — будемъ ждать 1849 года.

— 10 марта и 17 апрѣля происходили восьмое и девятое засѣданія Археологическо-Нумизматическаго Общества. Въ числѣ предметовъ, занимавшихъ вниманіе общества въ эти два засѣданія, предметовъ крайне-любопытныхъ для любителей древности, особенно замѣчательна по своей наглядной пользѣ статья, читанная княземъ Ѳ. Г. Гагаринымъ о фальшивыхъ русскихъ монетахъ. Полезна эта статья собственно для науки, для нумизматики, потому-что здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ фальшивыхъ монетахъ, которыя только вводили ее въ заблужденіе, — о мнимо-древнихъ и мнимо-рѣдкихъ монетахъ, которыя съ давнихъ поръ поддѣлываются на Руси очень-искусно. Члены общества, гг. Рейхель и Бартоломей, первые распознали это поддѣлываніе. Авторъ статьи раздѣляетъ поддѣльныя монеты средняго вѣка на разряды и для нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ признаки, по которымъ легко открывать обманъ.

Въ 9-мъ засѣданіи, г. Бартоломей читалъ статью о сассанидскихъ медаляхъ послѣ временъ Фируза, въ которой защищаетъ Лонгперье и Ольсгаузена противъ консерватора публичной библіотеки въ Вѣнѣ, Крафта, хотѣвшаго унизить ихъ труды. Положенія г-на

Бартоломея изложены даже въ особой недавно-вышедшей брошюркѣ, составляющей извлеченіе изъ отчета засѣданія. Брошюрка носитъ заглавіе: *Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firouz*. Мы не станемъ разсказывать содержаніе брошюрки, потому-что занимающіеся нумизматикой не удовольствуются немногими словами, а захотятъ прочесть подлинную статью; для прочихъ же наше извлеченіе составило бы совершенно-безплодную страницу. Истины нумизматическія до того сухи, что если взять ихъ въ первобытномъ видѣ, прежде нежели переработаетъ ихъ исторія, они могутъ показаться совсѣмъ ничтожными, особливо, если вамъ встрѣчаются имена чуть не баснословныхъ героевъ, отъ которыхъ остались для насъ почти однѣ медали.

— Русское Географическое Общество объявляетъ, что оно учредило коммиссію для разработыванія географической терминологіи и обращается ко всѣмъ русскимъ людямъ съ просьбою: «сообщать всѣ извѣстныя имъ мѣстныя географическія слова и выраженія, относящіяся къ означенію разныхъ видоизмѣненій и особенностей: горъ, долинъ, рѣчныхъ и морскихъ береговъ, острововъ, проливовъ, заливовъ, рѣкъ, озеръ, болотъ, лѣсовъ, полей, пастбищъ — вообще, всего касающагося земной почвы и направленія или другихъ принадлежностей водъ, также всѣхъ замѣчательныхъ физическихъ явленій, облаковъ, вѣтровъ, погоды и т. п.» Всѣ эти слова и выраженія Общество проситъ сопровождать объясненіями ихъ значеній.

Нельзя не благодарить Русское Географическое Общество за его прекрасные труды и предпріятія. Кромѣ того, что его дѣйствія обѣщаютъ прямую пользу наукѣ, оно берется за дѣло такъ, что въ успѣхѣ этого дѣла невозможно сомнѣваться; да, сверхъ-того, дѣлаетъ участниками трудовъ своихъ всѣхъ желающихъ. Послѣднее обстоятельство особенно утѣшительно; хорошо, еслибъ всѣ, къ кому обращается Общество, поняли его какъ слѣдуетъ и почувствовали бы въ себѣ желаніе содѣйствовать его начинаніямъ. А ка́къ это легко! До того легко, что даже не кстати и убѣждать въ этомъ кого-нибудь.

— Въ сентябрѣ прошедшаго года пригнали въ Петербургъ съ гуртами изъ Екатеринославкой-Губерніи сѣро-бѣлаго съ бурымъ оттѣнкомъ вола необыкновенной для здѣшняго рынка величины. Для поощренія гуртовщиковъ, Вольное Экономическое Общество заплатило за этого вола 120 руб. сер., а помѣщику Павлоградскаго-Уѣзда, г. Коростовцеву, воспитавшему его, назначило медаль.

Скоро явились соревнователи, и въ маѣ мѣсяцѣ здѣшніе купцы Алябьевы представили обществу вновь-приведеннаго ими вола чистой черкасской породы, совершенно-бѣлаго, который оказался: вышиною 2 арш. 6½ вершковъ; длиною отъ роговъ до хвоста 3 арш. 11 вершковъ; толщиною у переднихъ ногъ 3 арш. 10 вершковъ, а по срединѣ 4 арш., и вѣсомъ 60½ пудъ; словомъ: на 2 вершка выше, на 5½ длиннѣе и на 9 вершковъ шире перваго вола.

Алябьевы объявили, что, радѣя о пользѣ общей, они предлагаютъ этого вола въ даръ Вольному Экономическому Обществу, съ тѣмъ, чтобъ общество распорядилось откормить его наилучшимъ образомъ, и, убѣдившись, до какого вѣса эта порода воловъ можетъ достигать при хорошемъ кормѣ, ознакомило иностранцевъ съ успѣхами скотоводства въ Россіи. Въ-слѣдствіе сего, общество положило: а) принять вола отъ Алябьевыхъ и изъявить имъ признательность; б) отправить вола на охтенскую ферму для откормленія и, буде оный по откормѣ достигнетъ значительнаго вѣса, отослать его въ Лондонъ на выставку, дабы обратить вниманіе иностранцевъ, въ особенности Англичанъ, на то, что и русскій рогатый скотъ достигаетъ до

весьма-значительной величины и тѣмъ открыть новый сбытъ нашему бойному скоту; в) когда волъ достигнетъ до возможно-высшаго вѣса, то снять съ него портретъ.

Наконецъ, говорятъ, что и въ Москву приведены огромные волы изъ Тамбовской-Губерніи съ заводовъ г. Хлопова, который также имѣетъ намѣреніе отправить одного вола въ Англію.

—

— Гоголь, да! опять онъ же, Гоголь, въ своихъ «Выбранныхъ Мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», между-прочимъ говоритъ:

«Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ только одинъ Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара, выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобъ вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей».

Читая это мѣсто въ книгѣ Гоголя, мы причислили его къ тѣмъ, къ-несчастію, весьма многочисленнымъ мѣстамъ въ ней, которыя свидѣтельствуютъ о странномъ настроеніи автора, подъ вліяніемъ котораго онъ рѣшился пустить въ свѣтъ эту книгу. И дѣйствительно, Гоголь не справедливо предпочитаетъ пушкинскій отзывъ о себѣ отзывамъ другихъ своихъ судей. Если Пушкинъ замѣтилъ въ немъ только талантъ *выставлять ярко пошлость жизни*, то это потому-что самъ онъ, Пушкинъ, еще не успѣлъ *совершенно* избавиться отъ тяготѣвшаго надъ его временемъ романтизма и не *вполнѣ сознавалъ* принципъ естественности или, если угодно, натуральности въ литературѣ. Чтобъ умѣть ярко выставить пошлость жизни, необходимо умѣть ясно понимать эту жизнь, зоркимъ глазомъ проникать въ малѣйшіе ея изгибы, видѣть отчетливо каждое ея проявленіе и хорошо знать внутреннюю связь этихъ проявленій. Надо видѣть и прочувствовать все, чтобъ постигнуть пошлость; иначе выйдетъ сборъ, куча пошлостей, а не дѣйствительная, поражающая своею естественностію пошлость. И потому, позднѣйшіе, современные судьи Гоголя, въ томъ числѣ и натуральная школа, признали его талантъ не за умѣнье выставлять ярко пошлость жизни, а за умѣнье понимать и выставлять жизнь такъ, какъ она есть, безъ романтическихъ подраздѣленій всѣхъ уже по самому существу своему глубоко знаменательныхъ проявленій ея, на пошлыя и важныя, гнусныя и возвышенныя, и т. п.

Но не такъ понимаютъ иные жизнь и естественность, и потому иными глазами смотрятъ они на приведенный Гоголемъ отзывъ о немъ Пушкина. Ихъ умъ отвергалъ мысль о какомъ бы то ни было талантѣ Гоголя.

«*Есть чѣмъ* хвалиться! Кому охота развѣдывать пошлость пошлаго человѣка, показывать ее въ увеличительное стекло, чтобы всякая *мелочь* ея бросалась *крупно* въ глаза?..»

А если кому прійдетъ такая охота, то нѣтъ ничего легче, думаютъ они, какъ выставить самымъ яркимъ образомъ пошлость пошлаго человѣка, и, чтобъ доказать это, готовы представить на судъ критики собственное литературное произведеніе...

Въ іюньской книжкѣ «Сына Отечества» помѣщена статья, написанная очевидно съ подобною цѣлью. Статья эта носитъ названіе «Ссылка на мертвыхъ». И названа такъ, вѣроятно, потому-что авторъ ея, баронъ Розенъ, разсказывая собственные литературные подвиги, подтверждаетъ свои слова ссылками на Пушкина.

Если эта статья, какъ опытъ соперничества съ авторомъ «Ревизора», и не вполнѣ уничтожаетъ отзывъ Пушкина, за то она, какъ автобіографія, въ высшей степени интересна по заключающимся въ ней матеріаламъ для пу-

шкинскаго періода исторіи нашей литературы. По этому рѣшаемся сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ.

«Десять лѣтъ», говоритъ баронъ Розенъ: «промчались надъ могилою Пушкина, и до-сихъ поръ я не говорилъ печатно о моихъ литературныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Смерть посредника развязала узелъ моихъ сношеній съ его друзьями и пріятелями. Непризванные судьи нашей словесности, по неблагосклонности ко мнѣ, за мое гордое неискательство, всячески старались предать меня забвенію; я самъ, и весьма-охотно, содѣйствовалъ имъ въ этомъ, храня молчаніе въ-продолженіе многихъ лѣтъ, отчасти по моему болѣзненному состоянію, отчасти потому, что я считалъ вкусъ нашей публики въ переходномъ состояніи, въ одномъ изъ этихъ періодическихъ моментовъ развитія, въ которые литераторъ уступаетъ слово не-литератору, журнальному афферисту, для скорѣйшаго отрезвленія умовъ и очищенія вкуса. Молчавъ десять лѣтъ, въ-продолженіе которыхъ я, по болѣзни своей, не долженъ былъ чуждаться мысли о смерти, начну свой разсказъ о Пушкинѣ одною рѣзкою, относящеюся ко мнѣ чертою его, которая перешла за предѣлъ его жизни (?) и, утаенная отъ публики, замѣчательнымъ образомъ опредѣляетъ мою литературную судьбу между современниками.»

Но вы, можетъ-быть, спросите, что побудило барона Розена нарушить десятилѣтнее молчаніе, и, не смотря на его гордое неискательство, вдругъ заговорить о себѣ въ то время, какъ онъ самъ убѣжденъ, что въ настоящемъ переходномъ состояніи нашей публики новое это замедлитъ отрезвленіе умовъ и очищеніе вкуса?

Чтобъ отвѣчать на такой вопросъ, мы должны нарушить послѣдовательность подлинника и представить выписку почти съ конца статьи..................

«Какъ я ни зналъ, говоритъ авторъ «Ссылки на мертвыхъ», что при Гоголѣ и въ бесѣдѣ съ нимъ блистаю только заимствованнымъ отъ него свѣтомъ и величіемъ, но все-таки долженъ былъ думать, что если ему случится когда-нибудь разговориться о нашихъ поэтахъ, то онъ, какъ вѣдатель, хранитель и наслѣдникъ пушкинова мнѣнія обо мнѣ, конечно и меня не забудетъ. Въ послѣдней книгѣ его есть статьи и о нашей поэзіи, и гомерическій Гоголь, мой римскій Меценатъ — обо мнѣ промолчалъ!»

Согласитесь, что послѣ этого хоть кто такъ заговоритъ! Могъ ли же умолчать баронъ Розенъ...

Во-первыхъ, Пушкинъ неоднократно вызывался метать свои меткія стрѣлы въ тѣхъ, кто не признавалъ литературнаго достоинства произведеній барона Розена. Но баронъ Розенъ всегда останавливалъ его то тѣми, то другими доводами, и, наконецъ, рѣшительно остановилъ слѣдующимъ аргументомъ:

«— Кромѣ поэтическаго таланта, который вы во мнѣ признаете, сказалъ онъ Пушкину — я еще чувствую въ себѣ способность сдѣлаться порядочнымъ критикомъ. Только на *вашихъ* сочиненіяхъ я могу развить эту способность. Если вы скажете печатно хоть одно слово въ мою пользу, то меня этимъ лишите возможности разбирать ваши сочиненія. Вы знаете нашу журналистику: сказали бы: рука руку моетъ. Дайте же мнѣ слово никогда не говорить обо мнѣ печатно!»

Пушкинъ посмотрѣлъ на барона Розена своимъ проницательнымъ взглядомъ, и, развѣдавъ въ его душѣ совершенное равнодушіе къ журнальной критикѣ — что было весьма-естественно при благосклонности Пушкина, какъ замѣчаетъ автобіографъ — протянулъ къ нему руку и сказалъ:

«— Вижу, что вы не нуждаетесь въ моей защитѣ! Извольте, я буду молчать объ васъ единственно потому, чтобъ *научиться изъ вашихъ критикъ!*»

(Истину послѣднихъ четырехъ словъ баронъ Розенъ обѣщаетъ подтвердить: почеркомъ самого Пушкина.)

Во-вторыхъ, Пушкинъ, какъ узналъ баронъ Розенъ послѣ его смерти, велъ

дневникъ или записки, въ которыхъ находится весьма-лестный отзывъ о немъ.

«Говоря объ *Хомяковѣ*, о *Кукольникѣ* и обо *мнѣ*, продолжаетъ баронъ Розенъ, Пушкинъ, изъ насъ троихъ, только за мною призналъ *талантъ драматическій*, и такой талантъ, который, еслибъ посвятилъ себя исключительно театру, *могъ бы основать русскій театръ*.

«Этотъ отзывъ его, продолжаетъ баронъ Розенъ, удивилъ меня только тѣмъ, что Пушкинъ, въ бесѣдѣ со мною, при всѣхъ похвалахъ моимъ драмамъ, все-таки, какъ мнѣ казалось, отдавалъ преимущество моему лирическому таланту. Почти при каждомъ со мною свиданіи, бывало, Пушкинъ спроситъ: не написалъ ли я новыхъ лирическихъ пьесъ? и всегда совѣтовалъ не пренебрегать, при серьёзномъ, продолжительномъ занятіи драмою, и минутами лирическаго вдохновенія.»

Въ - третьихъ — узнаемъ мы изъ «Ссылки на мертвыхъ», что баронъ Розенъ «перевелъ нѣсколько *русскихъ* пѣсенъ Дельвига и читалъ ихъ въ одной остзейской губерніи... Всѣ были въ восторгѣ, но только не вѣрили, чтобъ это былъ *переводъ* съ русскаго: полагали, что это передѣлка»; что баронъ Розенъ «самъ, изъ пристрастія къ русскому, далъ русской народности такое поэтическое выраженіе, надушилъ ее такимъ милымъ благоуханіемъ».

Въ-четвертыхъ, что баронъ Розенъ «былъ не въ числѣ обыкновенныхъ знакомствъ Пушкина, который позволялъ ему перебирать съ собою критически лучшихъ своихъ друзей-литераторовъ».

Въ-пятыхъ—что въ антологическомъ четверостишіи Пушкина «Загадка», третій стихъ исправленъ барономъ Розеномъ, который мнѣ сто *Духомъ Грекъ, родомъ Германецъ*, какъ было у Пушкина, поставилъ: *Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ*. «Пушкинъ не только не разсердился, но и налюбоваться не могъ, что перестановка двухъ его словъ составила, въ третьей стопѣ, *чистый спондей*, который такъ рѣдокъ въ гекзаметрахъ новѣйшихъ языковъ.»

Въ-шестыхъ, что когда Пушкинъ удивлялся, какимъ образомъ баронъ Розенъ могъ написать трагедію «Басмановъ», не выводя на сцену Лжедимитрія, и когда авторъ указалъ ему на другія мѣста трагедіи, болѣе достойныя, по его мнѣнію, вниманія Пушкина, то Пушкинъ отвѣчалъ ему: «Я все это выразумѣлъ, оцѣнилъ и еще коечто, чего вы, можетъ-быть, и сами не знаете, на-примѣръ: Семенъ Годуновъ былъ такъ близокъ къ тому, чтобъ сдѣлаться обыкновеннымъ героемъ мелодрамы, а вы его спасли такъ ловко, такъ удачно! Всего этого можно было отъ васъ ожидать; но трагедію «Басмановъ», въ которой обошлось бы *безъ* Лжедимитрія, я считалъ дѣломъ *несбыточнымъ*, а вы сдѣлали: какъ же это не главное!»

Въ-седьмыхъ, что однажды, при разъѣздѣ съ литературнаго вечера, когда баронъ Розенъ хотѣлъ идти, Пушкинъ сказалъ ему:

«— Останьтесь еще: намъ *одна* дорога!

Въ-осьмыхъ... но не правда ли, довольно? Гоголь поступилъ весьма-несправедливо, что въ послѣдней книжкѣ своей, говоря о нашей поэзіи, промолчалъ о баронѣ Розенѣ.

Кто теперь, послѣ статьи барона Розена, скажетъ, что Гоголь одинъ имѣетъ право на отзывъ Пушкина? Сравните съ «Ссылкою на Мертвыхъ», наприм., четвертое явленіе третьяго дѣйствія «Ревизора». Сравните, и вы необходимо согласитесь съ барономъ Розеномъ, что Гоголя прокричали Гомеромъ только *отчаянные запѣвалы, слѣпотствующіе смудрственники*, и, наконецъ, что если самъ Пушкинъ хвалилъ его, то потому только, что *считалъ нужнымъ распространить репутацію Гоголя и въ высшихъ кругахъ, и доставить ему одобреніе и другихъ значительныхъ лицъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ, безъ чего многіе люди, весьма образованные и съ чистымъ*

вкусомъ, никогда не могли бы плѣниться «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами».

Принявшись за «Ревизора» послѣ «Ссылки на Мертвыхъ», вы будете ощущать то же чувство, которое овладѣвало барономъ Розеномъ, когда за годъ съ небольшимъ до смерти Пушкина, на блистательныхъ литературныхъ вечерахъ у В. А. Жуковскаго, Гоголь читалъ свою комедію.

«Представьте себѣ, разсказываетъ баронъ Розенъ: сижу въ кругу именитѣйшихъ литераторовъ и нѣсколькихъ почтенныхъ, образованнѣйшихъ особъ, всѣ вокругъ меня апплодируютъ, восхищаются, тѣшатся. Напрягаю всячески вниманіе, чтобъ понять причину этой общей потѣхи столь образованнаго, блистательнаго общества: не разумѣю ничего, кромѣ неестественности, несообразности, каррикатурности пьесы...»

И чего не дѣлалъ баронъ Розенъ, какихъ не вымышлялъ пружинъ, «чтобъ возбудить въ себѣ чувство комизма и всякое другое чувство изящнаго...» Въ-продолженіи недѣли, до слѣдующаго литературнаго вечера, въ который ждало его чтеніе того же «Ревизора», онъ прочиталъ нѣсколько комедій Аристофана, Шекспира, Мольера... Но, нѣтъ! Ничто не помогло, и мнимо-комическій «Ревизоръ» отозвался въ баронѣ Розенѣ «тяжелою *трагедіею*, какъ ударъ молніи, сковалъ его душу, отнялъ языкъ...»

То ли дѣло—сочиненія самого барона Розена?..

«Гоголь, — разсказываетъ онъ про одно изъ этихъ сочиненій, — съ простодушіемъ проситъ всѣхъ своихъ читателей, «не питать противъ него гнѣва сокровеннаго, но, вмѣсто того, выставить всѣ недостатки его, какъ писателя, такъ и человѣка.» Я давно вызналъ въ немъ эту возвышенную любовь къ истинѣ, это благородное желаніе очищенія и усовершенствованія, и потому не усомнился, при моихъ хотя не тѣсныхъ, но нисколько и не враждебныхъ отношеніяхъ къ Гоголю, *привѣтствовать* довольно рѣзко «Поэму его объ Одиссеѣ», въ нумерѣ 181-мъ «Сѣверн. Пчелы» за 1846 годъ. Не ожидалъ я огромнаго эффекта, который произвела эта статья. Какъ неожиданная бомба упала она въ пиршествующій лагерь слѣпотствующихъ *смудрственниковъ* Гоголя и прочистила имъ глаза до того, что они, отъ изумленія, безмолвствовали около полугода. Въ то время, бывало, кто изъ знакомыхъ ни встрѣтится со мною, даже тѣ, съ кѣмъ мы давно раззнакомились — остановитъ меня на улицѣ и выскажетъ свое удовольствіе по поводу той статьи.»

Повторяемъ, что̀ вы скажете, послѣ этого, о Гоголѣ?..

Но это еще не все. Кромѣ заслугъ, оказанныхъ русской драмѣ, лирической поэзіи, критикѣ, исторіи русской литературы, Пушкину и самому себѣ, баронъ Розенъ бросилъ мимоходомъ плодовитое, вѣроятно, зерно и на почву филологіи.

Для означенія неумѣренныхъ превозносителей Гоголя, замѣчаетъ онъ, ни въ какомъ иностранномъ языкѣ не найдешь слова столь меткаго, выразительнаго, какъ наше чисто-русское: *смудренникъ*, или лучше *смудрственникъ!*»

Рѣшено! Мы, бывшіе до-сихъ-поръ смудрственники Гоголя, отказываемся на всегда возражать барону Розену, и одаренные, къ-несчастію, отъ природы заразительнымъ стремленіемъ къ самодовольству, употребимъ всѣ усилія, чтобъ сдѣлаться смудренниками барона Розена!

— Недавно, въ концѣ мая, въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена статья В. С. Порошина о сочиненіяхъ И. А. Крылова. Вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей статья эта уже извѣстна; а можетъ-быть и то, что многіе, окинувъ ее глазами, тутъ же непосредственно перешли къ другимъ статьямъ о продажахъ, покупкахъ, пропажахъ и находкахъ. Послѣднее предположеніе заставляетъ насъ сказать, что пропустившіе эту статью на-

прасно такъ поступили: ее слѣдовало прочитать, прочитать внимательно; потому-что она, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно-рѣдкое... Объяснимся!

Кто слѣдитъ за нашей современной литературой съ любовью, или, покрайней-мѣрѣ, съ живымъ любопытствомъ и участіемъ, тому, мы увѣрены—дѣлается иногда неловко, происходитъ ощущеніе, похожее на то, когда человѣкъ попалъ въ какую-нибудь упругую, постепенно стягивающуюся сѣть; онъ силится отвести руки, расправить плечи—нѣтъ! невозможно! И невозможно постигнуть, откуда берется такое ощущеніе, невозможно дотѣхъ-поръ, пока не выйдешь изъ заколдованнаго круга, не отрѣшишься отъ среды, въ которой движется литература, и издали, спокойнымъ взглядомъ не посмотришь на ея страдальческія хлопоты. Да, именно страдальческія! Сообразите ея положеніе. Назадавала она себѣ вопросовъ; изъ этихъ вопросовъ составилось цѣлое поле, подлежащее разработкѣ. Но всѣ они такіе трудные, такіе критическіе, такіе колючіе, что взяться за нихъ смѣло, обнаженной, рукой невозможно; они до того цѣпляются другъ за друга, до того сбиты и спутаны, до того слились въ одно, что нѣтъ средствъ взять и очистить одинъ, не затронувъ многаго другаго. А между-тѣмъ, почва — *новь*, полна жизненныхъ силъ, сулитъ богатые плоды. Отступиться отъ желаннаго поля и воротиться на истощенную, обезсиленную землю, гдѣ растетъ блѣдное быліе риторики... тяжело и горько. И вотъ наша литература, объятая грустью и досадой, ходитъ по своему дорогому поприщу, робко порывается то къ тому, то къ другому, и тутъ же отдергиваетъ назадъ руку, и опять за то же, и опять тотъ же конецъ: она хочетъ высказаться, и не можетъ высказаться; хочетъ сказать одно, а выходитъ другое. Она призываетъ всѣхъ желающихъ, чтобы хоть числомъ рукъ взять; но и желающіе не помогаютъ: они стараются приладиться къ чему-то; вымучиваютъ цѣли, вымышляютъ средства, не сознавая, какъ слѣдуетъ, ни тѣхъ, ни другихъ. Вымученныя мысли и вновь выученныя фразы — вотъ двѣ несчастныя черты, которыя напечатлѣло на нашей литературѣ ея тяжелое положеніе. Вотъ откуда происходитъ иногда непріятное ощущеніе у того, кто слѣдитъ за нашей литературой! Вѣчныя неясности, недомолвки, вѣчно-безплодныя попытки сказать что-то многозначущее — образуютъ натяжку, принужденность и—наводятъ унынiе.

Чтобы не показалось кому-нибудь наше разглагольствованіе страннымъ или непонятнымъ, мы рѣшаемся нарушить порядокъ собственныхъ мыслей и, еще несказавъ почти ничего о статьѣ В. С. Порошина, сейчасъ же приводимъ ея послѣднія слова:

«Ему (современному человѣку) не достаетъ спокойствія и въ нѣкоторомъ смыслѣ симпатіи къ настоящему; онъ слишкомъ тревоженъ, раздражителенъ, нетерпѣливъ: то упруго сжимаются его уста, то разглагольствуетъ онъ самъ съ собою, то хочетъ вымолвить себя,

И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ его души.

«Ему ли говорить баснями, идти околицей? Слова запекаются на устахъ; *порывы его обращаются вспять*. Современность представляетъ намъ бездну задачь, требующихъ разрѣшенія. Говорятъ, что всегда такъ было; но никогда, можетъ-статься, не было такъ живо сознаніе о скоротечности нашей жизни... Такая пора не есть пора легкихъ, ясныхъ наблюденій, равнодушія, добродушія».

Теперь просимъ читателей воротиться къ нашей собственной рѣчи и терпѣливо послушать ея продолженія. Вымученныя мысли, часто силою привкнутыя къ факту, упорно, не ровнымъ потокомъ вырывающіяся слова, и вѣчная напряженность, порываніе къ какой-то завѣтной точкѣ — тяготятъ читателя и чуетъ онъ смутно, по инстинкту, томительную жаж-

лу литературной братіи. Какъ же послѣ этого должно быть отрадно встрѣтить свѣжую личность, которая какъ-будто вовсе не рвалась насильнымъ стремленіемъ высказать что-нибудь и молча, издали смотрѣла на суетливыя хлопоты другихъ, потомъ — вдругъ высказываетъ мысль не вымученную, а горячо накипѣвшую въ душѣ, ясную, естественную, своеобразвую. Широко и свободно изливается эта мысль и несетъ за собой, также свободно, также естественно, толпу другихъ мыслей, вѣрныхъ, твердо сознанныхъ.

Взявшись за книгу, гдѣ главныя дѣйствующія лица — животныя, В. С. Порошинъ съ перваго слова объявляетъ энергическій протестъ на безжалостное обращеніе нашихъ земляковъ съ животными. Лошадь, это доброе, умное и въ высшей степени полезное созданіе, больше всѣхъ возбуждаетъ въ немъ состраданіе. Онъ слышалъ и болѣзненный хрипъ изнемогающихъ лошадей, ежеминутные удары кнута по звонкимъ ихъ ребрамъ, изступленные вопли тѣхъ, которые погоняютъ ихъ», слышалъ — и возмущенъ до глубины души. Онъ видѣлъ, какъ падала выбившаяся изъ силъ лошадь, и говоритъ: «О, тогда неразуміе является во «всемъ своемъ безобразіи! Бѣдное жи«вотное бьютъ по глазамъ, толкаютъ «въ животъ ногами, тянутъ за хвостъ; «лѣнь отпречь, и тяжесть ея та же: «прохожіе зѣваютъ...»

Вотъ что̀ значитъ имѣть потребность высказаться, высказать свѣжее, живое впечатлѣніе! Вотъ какъ льются мысли у человѣка, который не вымучиваетъ ихъ, кому нѣтъ нужды напрягать и закручивать мысль... Вся эта защитительная рѣчь дышетъ избыткомъ чувства...

Впрочемъ, намъ не слѣдуетъ разсказывать всего, что̀ заключается въ этой статьѣ; мы хотѣли только указать вамъ на нее, читатели, а потомъ прочтите лучшеее сами вполнѣ, и обратите особенное вниманіе на то мѣсто, гдѣ изложена сущность всего, что̀ сказалъ Крыловъ, сводъ мыслей и истинъ, заключающихся въ его басняхъ. Посмотрите на эти разоблаченныя сказочки, посмотрите, что вышло, когда сняли съ нихъ красивую одежду, оглянитe этотъ остовъ простой и строгой морали,—и вы увидите, какое магическое дѣйствіе произведетъ на васъ этотъ процессъ разоблаченія. Какъ измѣнится передъ вами образъ И. А. Крылова! Куда дѣнется добродушно-лукавая улыбка! вмѣсто ея явится твердый, проницательный взглядъ и суровое слово въ устахъ мыслителя. Можетъ случиться и то, что вы почувствуете потребность въ иномъ мѣстѣ и поправить этого мыслителя.—Что жь? время идетъ; надо и для него когда-нибудь настать потомству!..

— Ревнуя о нашей отечественной славѣ, мы не можемъ умолчать о томъ, что служитъ къ ея увѣковѣченію. Во-первыхъ, путиловскіе каменотесцы, братья Спиридоновы, соорудили на собственный счетъ памятникъ Петру-Первому. Онъ поставленъ въ 42 верстахъ отъ Петербурга и въ 12 отъ Шлиссельбурга, недалеко отъ Невы, на томъ мѣстѣ, гдѣ подъ сѣнію Красныхъ-Сосенъ раскинута была ставка Петра. Памятникъ состоитъ изъ гранитной пирамиды, заключенной, вмѣстѣ съ восемью окружающими ее соснами, въ ограду изъ цокольныхъ плитъ. Отъ памятника черезъ дорогу къ берегу идетъ плитной переходъ, примыкающій къ каменной лѣстницѣ о семидесяти ступенахъ съ десятью широкими площадками, которая спускается внизъ къ самой Невѣ, гдѣ устроенъ плотъ для пристанища плавателямъ... Пройдетъ много лѣтъ и имена братьевъ Спиридоновыхъ уцѣлѣютъ подъ сѣнію Красныхъ-Сосенъ, а оттуда, подъ защитою имени петрова, перейдутъ на страницы исторіи.

Во-вторыхъ: въ трехъ верстахъ отъ г. Краснаго, на Лосминской-Горѣ, лежащей по лѣвому берегу рѣчки Лосминой, воздвигнутъ чугунный памятникъ въ древнемъ византійскомъ вкусѣ, въ

воспоминаніе побѣды, одержанной здѣсь русскими войсками надъ Французами въ 1812 году.

Въ-третьихъ... но это уже не новость для васъ, читатели: вы знаете, что въ Казани открывается памятникъ Державину, знаете, что бронзовая статуя его отлита здѣсь въ Петербургѣ, что плыла она внизъ по матушкѣ по Волгѣ, зимовала въ Нижнемъ-Новгородѣ и—вотъ теперь новость: съ 9-го на 10-е мая статуя прибыла въ Казань. Пишутъ, что народъ казанскій цѣлую недѣлю толпился на Булакѣ, смотрѣлъ на «Богатыря»; а потомъ — «безъ помощи разныхъ механическихъ ухищреній» перевезъ статую, тотчасъ по выгрузкѣ, съ Булака на университетскій дворъ, гдѣ предположено быть памятнику. Кто не бывалъ въ Казани, тому да будетъ извѣстно, что отъ Булака на Воскресенскую-Улицу, гдѣ находится университетъ, ведетъ довольно-значительный взъѣздъ; а кто не видалъ статуи Державина, тому мы скажемъ, что она «колоссальная....»

— Окрестности Эчміадзина, говорятъ, скоро пріймутъ совершенно новый видъ. Съ соизволенія патріарха и католикоса всѣхъ Армянъ, Нерсеса, на этихъ окрестностяхъ разводится великолѣпный, неслыханный садъ, въ которомъ будетъ до двухъ мильйоновъ деревьевъ, кромѣ цвѣтниковъ, виноградниковъ и огородовъ. Ужь и теперь, въ короткое время, посажено 37,000 отростковъ тополей, 8000 ивъ, 930 абрикосовъ, 600 тутовыхъ и 700 разныхъ другихъ садовыхъ деревьевъ...

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Обыкновенно думаютъ, что у насѣкомыхъ система кровообращенія самая простая. У нихъ не только не замѣчали вѣтвистыхъ кровоносныхъ сосудовъ, но даже не признавали и сердца. Говорили, что единственный сосудъ, способный сжиматься и растягиваться, простирается у нихъ вдоль всей спины и содержитъ въ себѣ извѣстное количество питательной жидкости, которая, вытекая чрезъ боковыя отверстія, непосредственно вливается и проникаетъ въ органы. До такой степени упрощенное кровообращеніе составляло рѣзкій контрастъ съ богатой организаціей дыхательнаго аппарата.

Нѣтъ ничего красивѣе и нѣжнѣе воздухоносныхъ трубочекъ, расходящихся по всѣмъ направленіямъ организма насѣкомаго. При внимательномъ наблюденіи, они представляются оканчивающимися съ наружи отверстіями *(стигматами)*, правильно расположенными по сторонамъ желудочка, и по мѣрѣ углубленія во внутренность органовъ, развѣтвляются все болѣе и болѣе, проникая, наконецъ, въ прозрачныя крылушки, въ которыхъ ихъ легко можно видѣть съ помощью увеличительнаго стекла.

Эти трубочки всегда пусты, или, по-крайней-мѣрѣ, содержатъ въ себѣ только воздухъ; стѣнки ихъ состоятъ изъ двухъ перепонокъ чрезвычайно-нѣжныхъ, гибкихъ и тонкихъ, потому-что чрезъ нихъ воздухъ производитъ свое животворное вліяніе. Эти стѣнки, повидимому, не имѣютъ никакой опоры и могли бы сплюснуться, не оставивъ отверстія внутри сосуда, еслибъ особое устройство не было назначено для предотвращенія такого обстоятельства. Въ-самомъ-дѣлѣ, для этого служитъ нить, свернутая въ цилиндрическую спираль, замѣчаемая между сказанными двумя перепонками, которая своею упругостію противодѣйствуетъ

сжатію воздуховосныхъ трубочекъ. Подобное устройство употребляется и въ искусствахъ, когда хотятъ получать трубу гибкую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способную сопротивляться внѣшней силѣ. Примѣромъ могутъ служить приборы для вдыханія эѳира; въ нихъ гибкая труба поддерживается изнутри спиральною пружиной. Понятно, однакожь, что подобное устройство, представляющееся въ крайне-уменьшенномъ видѣ и съ необыкновенною правильностью внутри живаго организма, должно быть чрезвычайно-занимательно для человѣка, наблюдающаго природу въ ея нѣжнѣйшихъ твореніяхъ.

Изъ того, что система кровообращенія насѣкомыхъ такъ проста, между-тѣмъ, какъ дыхательный приборъ представляетъ замѣчательную роскошь организаціи, знаменитый Кювье заключилъ, что одно вознаграждаетъ другое. Прежде думали, что у другихъ, болѣе-совершенныхъ животныхъ кровь, возбужденная быстрымъ движеніемъ, ищетъ соприкосновенія съ воздухомъ въ опредѣленномъ органѣ—легкихъ или жабрахъ; а у насѣкомыхъ на-оборотъ, по причинѣ недвижимости крови, дыхательные органы расходятся въ разныя стороны тѣла, стремясь соприкоснуться съ кровью вездѣ, гдѣ только она находится. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь движеніе происходитъ съ обѣихъ сторонъ: и кровь, и воздухъ стремятся другъ къ другу, какъ доказалъ это г. *Бланшаръ*.

Удачно воспользовавшись очень извѣстнымъ у естествоиспытателей способомъ изслѣдованія, т. е. вбрызгиваніемъ (injection), г. Бланшаръ увидѣлъ передъ собою всю систему кровообращенія насѣкомыхъ во всей ея удивительной сложности. Если окрашенную жидкость ловко впустить въ спинной сосудъ насѣкомаго, она скоро изливается изъ этого сосуда, подобно самой питательной жидкости, въ неопредѣленно-оканчивающіяся полости, называемыя *лакунами*, а потомъ и воздушные сосуды наполняются этою жидкостью совершенно и правильно. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ наполнился самый воздушный каналъ вбрызганною жидкостью (это могло бы произойдти только отъ разрыва): наполняется кольцеобразное пространство, заключенное между двумя перепонками воздуховосныхъ сосудовъ, частію занятое уже спиральною нитью; оно-то свободно принимаетъ вбрызгнутое вещество, какъ принимало во время жизни насѣкомаго питательную жидкость. Вотъ вся вѣтвистая часть системы кровообращенія, которая до-сихъ-поръ была неизвѣстна и теперь вдругъ явилась передъ глазами счастливаго натуралиста, восхищеннаго открытіемъ этой новой тайны. Итакъ, это собраніе вѣтвей, которое полагали назначеннымъ единственно для дыханія, принадлежитъ также и системѣ кровообращенія; богатая сѣтка воздушныхъ сосудовъ какъ-будто обернута другою, совершенно-подобною ей сѣткою, гдѣ безпрерывно протекаетъ жидкость, возстановляющая организмъ.

Прежде обнародованія этого блестящаго результата, г. Бланшаръ считалъ нужнымъ дополнить свое открытіе и удостовѣриться, не былъ ли это какой-нибудь частный случай. Онъ изучалъ кровообращеніе у многихъ породъ насѣкомыхъ, пока не убѣдился, что въ этомъ отношеніи нѣтъ существенной разницы между разными ихъ типами. Онъ убѣдился, что анатомическія видоизмѣненія очень незначительны даже между представителями разныхъ отрядовъ этого обширнаго класса животныхъ.

Бланшаръ дѣлалъ свои наблюденія надъ отрядомъ *жесткокрылыхъ* (coleoptera), особенно надъ *майками* (meloë), *дитиками* (diticus), *водолюбами* (hydrophilus), *дубляками* (geotrupes), и проч. Изъ отряда *прямокрылыхъ*, преимущественно надъ тараканами; изъ *жильнокрылыхъ* (hymenoptera), надъ шмелями, осами и въ особенности надъ пчелами; изъ отряда *полужесткокрылыхъ*, надъ *непами* (nepa) и *ранатрами*

(ranatra). Многочисленныя наблюденія произведены имъ надъ отрядомъ *чешуекрылыхъ* (lepidoptera) и разныхъ гусеницъ; нѣкоторые надъ двукрылыми, какъ въ состояніи личинокъ, такъ и совершенныхъ насѣкомыхъ. Вездѣ замѣчалъ онъ то же самое, и доказалъ, что личинки и совершенныя животныя разнятся въ этомъ случаѣ очень немногимъ.

Многочисленные экземпляры насѣкомыхъ, приготовленные г. Бланшаромъ и представленные въ Парижскій Музей Натуральной Исторіи, свидѣтельствуютъ о дѣйствительности фактовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Притомъ, ничего нѣтъ легче, какъ самому произвесть опытъ для повѣрки этихъ фактовъ: стоитъ только сдѣлать одно отверстіе на желудкѣ насѣкомаго и впустить туда окрашенную жидкость, чтобъ наполнить ею всѣ лакуны, разсѣянныя въ органахъ, также сосудистую часть воздухоносныхъ трубочекъ, а, слѣдовательно, и самый спинной сосудъ.

Изслѣдованіе трудовъ Бланшара Парижская Академія поручала гг-мъ Дюмерилю, Мильну-Эдвардсу и Валансьеву.

— Въ несчастныхъ случаяхъ, когда корабли претерпѣваютъ крушеніе у береговъ, спасеніе погибающихъ было бы чрезвычайно облегчено, еслибъ можно было тотчасъ же устроить между ними и берегомъ сообщеніе посредствомъ каната или даже тонкой бичевы, потому-что бичева эта могла бы уже служить проводникомъ канату, а канатъ, прикрѣпленный однимъ концомъ къ твердой землѣ и другимъ къ мѣсту бѣдствія, составилъ бы такъ-называемое по-французски *va-et-vient*, одно изъ спасительныхъ средствъ для поданія помощи утопающимъ. Много разъ пытались устроить на значительномъ разстояніи это первое сообщеніе. Капитану Манби пришла весьма удачная мысль, привязать къ какому-нибудь тѣлу, брошенному посредствомъ пороха, на-примѣръ, къ бомбѣ, одинъ конецъ тонкой веревки, которая такимъ образомъ можетъ быть перекинута на большое разстояніе къ погибающему кораблю. Но, при быстротѣ движенія, веревка почти всегда перерывалась прежде, нежели пріобрѣтала скорость увлекавшаго ее тѣла. Предполагая даже, что этого разрыва не будетъ, оставалось еще опасаться, чтобъ бомба дѣйствіемъ вѣтра, не слишкомъ отклонилась отъ сообщеннаго ей направленія, или чтобъ не разорвало ее посреди тѣхъ самыхъ людей, которымъ желаютъ подать помощь. По такимъ-то убѣдительнымъ причинамъ, прекрасная мысль капитана Манби казалась неудобоисполнимою; но г. Дельвинь усовершенствовалъ и дополнилъ ее самымъ счастливымъ образомъ. Г. Дельвинь прежде этого былъ извѣстенъ изобрѣтеніемъ цилиндро-коническихъ пуль, которыя сообщаютъ мушкетонамъ правильность выстрѣла, не измѣняющуюся на разстояніи 800 метровъ, и успѣхъ этого изобрѣтенія, повсемѣстно доказанный, внушаетъ намъ довѣренность и къ новой его мысли, которая, кажется, гораздо-прямѣе направлена къ пользѣ человѣчества.

Представляются три неудобства при пусканіи бомбы съ прикрѣпленной къ ней веревкой: разрывъ веревки, отклоненіе бомбы отъ прямаго направленія, по причинѣ дѣйствія вѣтра, и паденіе самой бомбы. Ни одно изъ этихъ неудобствъ не будетъ существовать, если, какъ говоритъ г. Дельвинь, оставить бомбу и вмѣсто ея употребить тѣло изъ той же самой веревки, которую нужно перекинуть на корабль. Вообразимъ веревку, свернутую въ продолговатый клубокъ, вложенный въ цилиндрическій футляръ, оканчивающійся съ одной стороны въ видѣ конуса, а съ другой—отверстіемъ, изъ котораго выходитъ конецъ веревки. Это внутренній конецъ клуба, тогда-какъ наружный прикрѣпленъ къ футляру. Кому случалось разматывать клубокъ нитокъ, вытягивая внутренній конецъ, тотъ пойметъ, что веревка

можетъ выйдти изъ футляра вся безъ малѣйшаго препятствія.

Возьмемъ теперь мортиру, положимъ въ нее достаточное количество пороха, потомъ, вмѣсто бомбы, цилиндрическій футляръ съ веревкой, укрѣпимъ къ чему-нибудь свободный конецъ ея, выходящій изъ футляра, и выстрѣлимъ. Футляръ пущенъ; по мѣрѣ удаленія, онъ выпускаетъ заключающуюся въ немъ веревку и достигаетъ цѣли почти пустой, пролетѣвъ опредѣленное пространство, не подвергаясь ни разрыву, ни сильному отклоненію отъ прямой линіи. Сверхъ-того, онъ деревянный, и потому, если не совершенно достигнетъ цѣли, то будетъ плавать на поверхности воды, какъ маленькая спасительная бочка.

Намъ остается только объяснить, отъ-чего этотъ приборъ, этотъ *Porte-amarre*, какъ говоритъ г. Дельвинь, противостоитъ вѣтру, не смотря на свойственную ему легкость.

Надо прежде всего замѣтить, что этотъ ящикъ съ веревкой составляетъ тѣло очень-длинное, и потому движется въ воздухѣ не столько въ томъ положеніи, въ какомъ былъ пущенъ, сколько держась направленія, параллельнаго своей оси, почти такъ же, какъ лодка, которая, противясь теченію, движется единственно по направленію своего киля, даже и тогда, когда побудительная сила дѣйствуетъ на нее косвенно. Отсюда происходитъ то, что если вѣтеръ относитъ этотъ *Porte-amarre* въ сторону,—веревка, которую онъ оставляетъ за собою въ воздухѣ, получаетъ то же впечатлѣніе. Прикрѣпленная къ задней сторонѣ футляра, она увлекаетъ его по одному направленію, между-тѣмъ, какъ передняя его часть направляется по вѣтру. Въ силу такого положенія, *Porte-amarre* старается измѣнить свое направленіе и летѣть противъ вѣтра. Итакъ, тутъ являются два дѣйствія, которыя стремятся уничтожить другъ друга, а изъ этого стремленія происходитъ то, что снарядъ, придуманный г. Дельвинемъ, гораздо-меньше относится вѣтромъ отъ надлежащаго пути, нежели можно было предполагать съ перваго взгляда.

Опыты показали, что средній полетъ *порт-амарра*, пущеннаго изъ мортиры въ 15 сантиметровъ, простирался на 250 метровъ, когда употреблено было только 150 граммовъ пороха. Новые опыты, которые въ скоромъ времени будутъ произведены, обѣщаютъ увеличить этотъ полетъ до 500 метровъ разстоянія, что̀ весьма достаточно для большей части случаевъ.

Если описанный нами приборъ на самомъ дѣлѣ осуществитъ надежды изобрѣтателя, какое представится намъ утѣшительное зрѣлище! Назначенное для войны орудіе и смертоносный порохъ будутъ метать спасительную нить бѣдствующему, угрожаемому почти неизбѣжною смертью народу!..

— Кто бы могъ подумать, что глазъ, украшеніе всякаго живаго существа, лишенъ одного значительнаго качества, которое мы, люди, стараемся сообщить всѣмъ оптическимъ инструментамъ, приготовляемымъ нашими человѣческими руками? Никто не захочетъ, на-примѣръ, имѣть такого микроскопа или такихъ очковъ, чрезъ которые предметы казались бы окруженными радужными цвѣтами, и потому страннымъ можетъ показаться мнѣніе г. Матиссена, что глазъ нашъ не изъятъ отъ такого недостатка. Но недостатокъ этотъ такъ мало ощутителенъ въ обыкновенномъ состояніи глаза, что надо прибѣгнуть къ опытамъ, чтобъ замѣтить его.

Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить знаменитой ошибки, которая навела Эйлера на мысль о возможности ахроматизма. Ньютонъ, великій Ньютонъ признавалъ ахроматизмъ невозможнымъ. Онъ не вѣрилъ, что бѣлый лучъ можетъ преломиться въ призмѣ, неразлагаясь на свои начала, состоящія изъ тѣхъ яркихъ цвѣтовъ, которые составляютъ спектръ. Но какъ всѣ оптическія явленія, производимыя инструментами, происходятъ не иначе,

какъ чрезъ преломленіе лучей свѣта при прохожденіи ихъ сквозь чечевицеобразныя стекла, то Ньютонъ заключилъ, что всегда эти явленія должны сопровождаться чудными цвѣтами, или, какъ говорятъ, аберраціею отъ преломленія.

На это Эйлеръ отвѣчалъ: «въ глазѣ, хотя лучи преломляются, но при этомъ не бываетъ развитія ахроматическихъ цвѣтовъ». Это значило поправлять ошибку ошибкою же. Принявъ природу за типъ и представляя ее еще болѣе совершенною, чѣмъ она есть въ-самомъ-дѣлѣ, Эйлеръ углубился въ изслѣдованія, нашелъ начало ахроматизма и торжественно опровергъ Ньютона мнѣніемъ, которому мы вѣримъ до-сихъ-поръ.

Первыя сомнѣнія въ совершенствѣ глаза касательно аберраціи отъ преломленія лучей, начались съ Аламбера, который открылъ ихъ посредствомъ своихъ вычисленій. Немного спустя, докторъ Жюренъ сдѣлалъ замѣчаніе, что для яснѣйшаго наблюденія надъ тонкими нитями различныхъ цвѣтовъ, должно наблюдать ихъ въ разныхъ разстояніяхъ; на красныя нити, напримѣръ, должно смотрѣть дальше, нежели на нити голубыя или лиловыя.

Маскелинъ принадлежалъ еще къ тѣмъ, которые объявили себя противъ глазнаго ахроматизма; но его мнѣніе было основано на неточномъ наблюденіи. Онъ умозаключеніемъ дошелъ до мысли, что ахроматизмъ въ глазѣ невозможенъ, потому-что преломленія тутъ всѣ одинаковы. Но надо замѣтить, что въ глазѣ есть по-крайней-мѣрѣ двѣ точки, гдѣ преломленіе находится въ обстоятельствахъ, благопріятныхъ ахроматизму: это—на заднихъ поверхностяхъ глазной оболочки и кристалика.

Волластонъ также говорилъ объ этомъ и представилъ опытъ, доказывающій присутствіе раздробительной силы въ срединѣ глаза. Онъ открылъ это свойство, смотря на звѣзду сквозь призму; вмѣсто прямолинейнаго спектра, какъ можно было ожидать, ему представился треугольный, вершина котораго упиралась то въ красный, то фіолетовый лучъ, смотря потому, на который изъ этихъ крайнихъ цвѣтовъ внимательнѣе смотрѣлъ онъ. Мы не будемъ входить въ подробности этого замѣчанія, потому-что оно слишкомъ-спеціально.

Докторъ Іонгъ, занимаясь наблюденіемъ этого глазнаго недостатка, нашелъ, что глазъ разсѣеваетъ лучи почти точно такъ, какъ-бы онъ былъ сдѣланъ изъ стекла, называемаго кронглассъ.

Наконецъ, Матиссенъ начинаетъ смотрѣть на линіи, штрихи, трещины сквозь стекла красныя, зеленыя, голубыя и проч., находитъ, что глазъ несовершенъ; чтобъ опредѣлить его недостатокъ, онъ велѣлъ сдѣлать стекло, подобное предметнымъ стекламъ нынѣшнихъ ахроматическихъ трубъ, т. е. стекло, состоящее изъ двухъ половинокъ, наложенныхъ одна на другую, изъ которыхъ одна изъ кронгласа, а другая изъ флинтгласа. Внѣшнія поверхности при томъ должны быть разочтены такимъ-образомъ, чтобъ свойство этихъ стеколъ не было ни увеличивающее, ни уменьшающее; но внутреннія поверхности, т. е. тѣ, которыя будутъ находиться одна противъ другой, когда соединяемъ два стекла, эти поверхности, говоримъ мы, должны быть довольно сильно согнуты, чтобъ чрезъ то произошло развитіе цвѣтовъ или дѣйствіе разстоянія лучей, прямо противоположное разсѣянію въ глазѣ. Слѣдовало ожидать что, смотря сквозь такое стекло, хорошо приспособленное къ зрѣнію, мы уже не замѣтимъ тѣхъ явленій, которыя обнаруживали недостатокъ глаза, что̀ и подтвердилось опытомъ г. Матиссена, почитающаго себя съ этой минуты владѣтелемъ аппарата, который представляетъ въ довольно опредѣленной степени разсѣевательную силу человѣческаго глаза. Этотъ же аппаратъ онъ подвергнулъ въ-послѣдствіи точнымъ измѣреніямъ, чтобъ окончательно узнать степень этой силы. Впрочемъ, кажет-

ся, не весьма-легко пріобрѣсти это разсѣевательное стекло, вознаграждающее недостатокъ нашего глаза. Г. Матиссенъ утверждаетъ, что прежде, нежели онъ получилъ такое стекло, какое желалъ, долженъ былъ перепробовать ихъ болѣе трех-сотъ (если только это число не преувеличено!).

— Извѣстно, какъ необходимо бываетъ извлекать подводные камни, затрудняющіе входъ кораблей въ гавани, и съ какими ужасными препятствіями и издержками сопряжена эта работа. Въ гаваняхъ Океана обходится добываніе каждаго кубическаго метра гранитныхъ скалъ не менѣе 200 франковъ. Кромѣ другихъ трудностей, здѣсь нужно бороться съ теченіемъ, скорость котораго увеличивается отъ двухъ до трехъ метровъ въ секунду, нанося и унося съ каждымъ приливомъ и отливомъ огромныя массы мелкаго песка, мѣшающія закрывать отверстія минъ. Въ гавани Круасикъ, трудности увеличиваются еще отъ-того, что здѣсь скалы занимаютъ узкій фарватеръ, посѣщаемый многочисленными судами и смѣлыми круасикскими *каботѣрами*, которые часто входятъ въ фарватеръ, не дожидаясь морскаго прилива.

Улучшеніе порта Круасика представлялось очень-убыточнымъ. Инженеръ ла-Гурнери, которому поручены эти важныя работы, человѣкъ съ отличными свѣдѣніями по этой части.

Принимаясь за работу, онъ осмотрѣлъ разныя орудія; всѣ они, въ томъ числѣ и водолазный колоколъ, показались ему до того недостаточными, что онъ рѣшился усовершенствовать одинъ приборъ, на который только намекалъ Куломбъ, въ мемуарѣ, изданномъ въ 1779 году подъ заглавіемъ: *Recherches sur les moyens d'éxecuter sous l'eau toutes sortes de travaux hydroliques sans employer aucun épuisement*.

Приборъ этотъ состоялъ изъ деревяннаго призматическаго понтона съ тремя отдѣленіями, изъ которыхъ два крайнія, открытыя вверху, были отчасти наполнены водою и баластомъ; а среднее — закрыто сверху и открыто снизу. Этотъ понтонъ, приведенный и поставленный надъ скалой, назначенной къ уничтоженію, долженъ погрузиться и стать на нее самъ во время морскаго отлива. Тогда работники спускаются въ среднее отдѣленіе чрезъ отверстіе, которое тотчасъ за ними закрывается; потомъ, съ помощью нагнетательнаго насоса, впускаютъ туда воздухъ. Внутреннее давленіе, увеличиваясь въ этомъ отдѣленіи, вытѣсняетъ воду, которая прежде была на одной высотѣ съ внѣшнимъ уровнемъ; скала дѣлается почти сухою и работники могутъ на нее спуститься.

Этотъ проектъ Куломба представлялъ, однакожь, большія неудобства, потому что накачиваніе воздуха и распредѣленіе баласта по мѣрѣ надобности, производимыя руками рабочихъ, представляютъ естественную невозможность. Но съ помощью паровъ, эти затрудненія исчезаютъ. Г. ла-Гурнери хорошо это понялъ и, осуществляя мысль геніальную, но неудобоисполнимую, преодолѣлъ всѣ препятствія, которыя отдѣляли проектъ отъ исполненія.

Его воздушная лодка, въ которой могутъ жить до шестнадцати человѣкъ подъ водою, построена изъ листоваго желѣза и раздѣлена, какъ предполагалъ Куломбъ, на три части двумя поперечными перегородками. Крайнія отдѣленія названы *баластными камерами*. Онѣ закрыты сверху и снизу и назначены для принятія баласта неподвижнаго и баласта подвижнаго, состоящаго изъ воды. Среднее отдѣленіе составляетъ воздушную камеру, раздѣленную горизонтальною рѣшеткою на два этажа, изъ которыхъ верхній составляетъ *сборную комнату*, а нижній *рабочую*. Эта послѣдняя открыта снизу, тогда-какъ первая тщательно закрыта въ верхней своей части потолкомъ, въ которомъ продѣлано отверстіе, назначенное для входа и выхода рабочихъ. Въ одной изъ баластныхъ камеръ устроена паровая машина въ двѣ силы, приводящая въ дви-

женіе поршни, которые служатъ попеременно то для возобновленія воздуха въ средней камерѣ, то для выкачиванія воды изъ баластныхъ.

Во время отлива, лодка эта, наполненная неподвижнымъ баластомъ, приводится и устанавливается на назначенномъ пунктѣ. Работники входятъ въ отверстіе, которое надъ ними запирается, и остаются сначала въ сборной комнатѣ.

Когда высота воды надъ скалами сдѣлается не болѣе $2^1/_4$ метровъ, высоты, назначенной по исчисленію для начала работы, отворяютъ клапаны, чтобъ вода проникла сама собою въ баластныя камеры. Отъ этого увеличенія тяжести, лодка погружается и становится на скалу округленными краями воздушной камеры.

Тогда паровую машину приводятъ въ дѣйствіе, расположивъ клапаны насосовъ для накачиванія воздуха. Минутъ черезъ восемь вода, бывшая на $2^1/_4$ метра выше скалы, вытѣсняется отъ давленія воздуха, рабочая камера дѣлается почти сухою и работники спускаются туда по подвижной лѣстницѣ. Работа тотчасъ начинается и паровая машина дѣйствуетъ только для накачиванія воздуха, необходимаго для дыханія.

Если нужно дѣлать подкопы, могутъ работать вдругъ шестнадцать человѣкъ; а для того, чтобъ вынуть уже взорванныя скалы, достаточно девяти человѣкъ съ ломами.

Отдѣленные обломки кладутъ на рѣшетку, составляющую полъ сборной комнаты, или, если они слишкомъ огромны, то ихъ привѣшиваютъ на цѣпяхъ къ этой же рѣшеткѣ.

Когда, при приливѣ, уровень воды дойдетъ опять до высоты $2^1/_4$ метровъ, работники съ своими орудіями влѣзаютъ на рѣшетку сборной комнаты; а начальникъ работъ, чтобъ поднять лодку на поверхность воды, приступаетъ къ дѣйствію, почти противоположному первому, то-есть, онъ отворяетъ клапаны, чтобъ сдѣлать сообщеніе между баластными камерами и рабочею, а этой послѣдней съ наружнымъ воздухомъ; тогда происходитъ двойной токъ воздуха и воды, который приводитъ понтонъ въ первоначальное состояніе. Чтобъ окончательно выкачать подвижной баластъ, надо прибѣгнуть къ дѣйствію насосовъ, которые, посредствомъ поворотовъ клапановъ, превращаются изъ воздушныхъ въ водяные.

Эти пріемы, служащіе для поднятія лодки на поверхность воды, слѣдуютъ быстро одни за другими. Въ десять или одиннадцать минутъ вся операція оканчивается.

Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія этой работы, вполнѣ оцѣнила улучшеніе, сдѣланное г. ла-Гурнери. Успѣхъ этого улучшенія уже неоспоримъ, потому-что лодка, дѣйствовавшая все лѣто 1846 года, начинаетъ дѣйствовать и въ 1847, для извлеченія скалъ, извѣстныхъ подъ именемъ *des Médecins*.

— Самыя колоссальныя работы въ наше время производятся тамъ же, гдѣ за сорокъ столѣтій строились пирамиды, рылось Меридово-Озеро и соединялось Средиземное-Море съ Краснымъ. Запруда Нила, предпринятая Махметомъ-Али, нисколько не уступаетъ гигантскимъ сооруженіямъ древнихъ фараоновъ ни въ размѣрахъ, ни въ пользѣ. Посредствомъ этой огромной водяной системы будетъ орошаться вся Дельта и большая часть пустынь, лежащихъ по правую сторону Дамьетскаго и по лѣвую Розетскаго рукавовъ. Мысль эта принадлежитъ Наполеону, который съ одинаковою вѣрностію взгляда чертилъ планы битвъ и противъ природы и противъ непріятеля. Запруда Нила сколько колоссальное, столько же и смѣлое предпріятіе: потому-что, хотя плодотворный Нилъ часто сдерживался различными укрѣпленіями, но до-сихъ-поръ ни одно изъ нихъ не касалось своимъ основаніемъ его измѣнчиваго, иловатаго русла. Эта трудность побѣждена, и испытанная талантливость французскаго инженера

Мужель-Бея, управляющаго работами, ручается за полный успѣхъ дѣла.

А подробности этого дѣла слѣдующія:

Нильская долина, какъ и всѣ долины большихъ рѣкъ, образовалась послѣдовательными наносами Нила. (То же понимали, вѣроятно, и самые жрецы, когда говорили Геродоту, что египетская долина есть даръ рѣки). Источники Нила питаются и насыщаются правильными періодическими экваторіальными дождями, и вода, обыкновенно, начинаетъ возвышаться въ рѣкѣ съ 20 іюня — 4 іюля и спадаетъ съ 1 по 15 октября. Тамъ, куда достигаетъ разливъ, земля плодоносна и даетъ богатую жатву, между-тѣмъ, какъ за предѣлами этого разлива остается голый раскаленный песокъ, который вокругъ обработанныхъ полей ложится высокими подвижными засыпями.

Еслибы хотя одинъ годъ вода не выступила изъ береговъ, то вмѣсто долины явилась бы песчаная степь, потому-что только разливы Нила избавляютъ ее отъ песковъ, наносимыхъ вѣтромъ.

Древніе Египтяне дѣлали параллельные и перпендикулярные къ стѣнѣ оплоты, раздѣлявшіе долину на четвероугольники, и когда вода начинала выступать изъ береговъ, ее проводили непосредственно, или чрезъ особенные каналы; въ эти загороди, и по спускѣ воды, сѣяли на увлаженномъ тинистомъ грунтѣ, безъ всякаго приготовленія, рожь, пшеницу, бобы и проч., а чрезъ три мѣсяца начиналась уборка. Тотъ же образъ посѣва остался и до-сихъ-поръ, съ весьма-немногими усовершенствованіями, введенными въ послѣднее время, и ежегодно съ одной и той же почвы собирается безъ всякой обработки отъ 40 до 50 гектолитровъ ржи съ гектара.

Та же система употребляется частію и въ Нижнемъ Египтѣ; но она примѣнима только для общественныхъ полей и большую часть года земля остается невоздѣланною.

При томъ — эта система неудобна для обработки сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, сезама, риса и индиго, которые воздѣлываются лѣтомъ, т. е., когда горизонтъ рѣки гораздо-ниже поверхности грунта. Для этихъ произрастеній съ незапамятныхъ временъ вода поднимается посредствомъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе волами. Такихъ машинъ въ Нижнемъ-Египтѣ считается до 50,000. Слѣдовательно, если положить на каждую изъ нихъ 3 быка и на 6 быковъ одного человѣка, то нужно 150,000 быковъ и 25,000 человѣкъ для орошенія только 100,000 гектаровъ, тогда какъ Нижній-Египетъ занимаетъ всего 1,470,000 гектаровъ.

Чтобъ увеличить самую обработку и въ то же время уменьшить расходы, Махмедъ-Али предпринялъ запруду. У оконечности Дельты, гдѣ Нилъ развѣтвляется на два рукава, на каждомъ изъ нихъ будутъ устроены ворота и противъ нихъ три большіе канала, проходящіе чрезъ три области: восточную, центральную или дельту, и западную. Запруженная этими воротами рѣка затопила бы самый городъ, еслибъ не было каналовъ и соотвѣтствующихъ плотинъ. Такимъ образомъ, вода выпускается изъ каналовъ, куда нужно, чрезъ отверстія въ плотинахъ, и когда она подымется до извѣстной высоты, ворота отворяются. Однимъ словомъ, можно произвольно увеличить слабый разливъ, продолжить короткій и отклонить вредное вліяніе сильнаго разлива, пропуская воду въ каналы.

Проектъ, одобренный пашею и приводящійся теперь въ исполненіе, состоитъ въ томъ, чтобы: 1) утвердить оконечность Дельты каменною набережной; 2) по краямъ этой набережной устроить два запрудныхъ моста: одинъ на Розетскомъ-Рукавѣ, другой на Дамьетскомъ, и 3) вырыть противъ мостовъ три канала, удобныхъ для судоходства и для орошенія, соединивъ ихъ съ побочными, уже существующими каналами.

Набережная идетъ на 1550 метровъ.

Основаніе ея изъ бетона, и лежитъ на 2½ метра ниже уровня каналовъ. Передъ нимъ рядъ сплоченныхъ свай, укрѣпленныхъ снаружи каменною отсыпью. Устройство набережной отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что 8 метровъ ея вышины раздѣлены на четыре независимыя одна отъ другой стѣны, соединенныя горизонтальными площадками (banquette) въ 1,4 метра длиною, такъ-что эти ярусы имѣютъ въ толщи основанія только 1 метръ, что составляетъ значительную экономію въ каменной работѣ и весьма-удобно для выгрузки товаровъ. Ярусы соединяются одни съ другими посредствомъ каменныхъ лѣстницъ на разстояніи каждыхъ 100 метровъ.

Эта первая часть работъ начата въ апрѣлѣ 1846 года и кончена въ четыре мѣсяца.

Запрудные мосты имѣютъ между береговыми устоями: Розетскій 474, а Дамьетскій 543 метра; основаніе ихъ (изъ бетона и камня) въ 3,4 метра толщиною и 34 метра шириною, и укрѣплено противъ теченія двумя сплошными рядами свай въ 9 метровъ длиною, передъ которыми, для предупрежденія подмыва, нагрузятся большіе каменья. Арки, шириною въ 8 метровъ, раздѣляются по серединѣ толстыми чугунными вертикальными столбами съ фальцами, и запираются чугунными шандорными брусьями, которые будутъ спускаться горизонтально посредствомъ крючьевъ и зубчатыхъ колесъ, утвержденныхъ на парапетахъ моста.

Среднія арки для судоходства дѣлаются съ вращающимися щитами въ 15 метровъ шириною; во время высокой воды, онѣ будутъ открыты, а при запрудѣ закрыты *бато-портами* (bateau-porte). Для судоходства также устроиваются посрединѣ каждаго моста двойные шлюзы въ 16 метровъ шириною и въ 127 длиною, раздѣленные на два бассейна, съ тою цѣлью, чтобъ уменьшить силу паденія воды, которая при низкомъ горизонтѣ будетъ стоять по одну сторону запруды на 5 и на 6 метровъ выше, нежели по другую.

Каналы имѣютъ въ ширину 100 метровъ, кромѣ западнаго, въ которомъ только 60 метровъ. При началѣ, дно ихъ выше на 2½ метра противъ дна рѣки, такъ-что при запрудѣ на 5 метровъ, въ нихъ воды будетъ все-таки на 2½ метра, что весьма-достаточно для судоходства.

По опыту извѣстно, что для орошенія одного феддана земли (0,42 гектара) для лѣтняго посѣва нужно: для риса 50 кубическихъ метровъ воды; для другихъ менѣе, а среднимъ числомъ 20 куб. метровъ.

По этому разсчету, еслибы орошать весь Нижній-Египетъ, въ которомъ 2,000,000 федановъ (1,470,000 гектаровъ) удобной земли, то воды нужно бы было 70,000,000 кубич. метровъ въ день, между-тѣмъ, какъ Нилъ, при низкой водѣ, доставляетъ только около 50,000,000, или 672 метра въ секунду. Но не такова цѣль предпріятія, потому-что иначе, кромѣ неудобоисполнимости, оно было бы и безполезно: на одной и той же почвѣ нельзя дѣлать зимняго и лѣтняго посѣва уже и отъ того, что зимній хлѣбъ сбирается въ апрѣлѣ и маѣ, а лѣтній посѣвъ начинается въ мартѣ и апрѣлѣ. При томъ, теперь обработывается лѣтняго поля только 250,000 федданъ, а если сдѣлать удобнымъ хотя мильйонъ феддановъ, то настоящаго населенія Нижняго-Египта будетъ недостаточно для обработки и половины этого пространства.

Поэтому каналы устроиваются для орошенія только мильйона феддановъ, и чтобъ сократить по возможности безполезную растрату воды, на нихъ въ разныхъ мѣстахъ будутъ устроены перемычки.

Основаніе двухъ главныхъ запрудъ начато и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, должно кончиться во 100 дней.

Въ распоряженіи управляющаго работами находится: 16 паровыхъ машинъ и 10,000 рабочихъ, въ томъ чи-

слѣ 6000 сухопутныхъ солдатъ, 2000 моряковъ, 1000 простыхъ работниковъ, 400 плотниковъ и 600 другихъ мастеровыхъ.

Копка каналовъ также начата въ прошедшемъ мѣсяцѣ, и паша назначилъ для этой работы 75,000 человѣкъ, изъ которыхъ надъ каждыми десятью будетъ надсматривать одинъ солдатъ.

Земляныя работы будутъ продолжаться по 100 дней въ годъ, такъ-что чрезъ три года все будетъ окончено.

— Г-нъ Стефенсонъ, одинъ изъ первыхъ строителей желѣзныхъ дорогъ и первый пустившій въ ходъ существующіе нынѣ паровозы, въ послѣднее время снова заставилъ говорить о себѣ всѣхъ инженеровъ, по случаю задуманнаго имъ совершенно по новой системѣ моста. Дѣло идетъ о построеніи моста чрезъ Менейской Проливъ для желѣзной дороги, и притомъ такого моста, чтобъ проходъ подъ нимъ для судовъ остался совершенно чистъ и свободенъ безъ быковъ, какъ, напримѣръ, при цѣпныхъ мостахъ. Цѣпныхъ мостовъ г. Стефенсонъ, какъ видно, не любитъ; онъ задумалъ сдѣлать мостъ изъ огромной пустой желѣзной трубы, внутренность которой служила бы тонелью для ѣзды. Для этой трубы нужны только двѣ точки опоры по концамъ. Предпріятіе это такъ смѣло, такъ выходитъ изъ обыкновеннаго хода инженерныхъ работъ, что и самъ г. Стефенсонъ не рѣшается прямо приступить къ дѣлу; онъ просилъ гг. В. Ферберна и Э. Годгкинсона произвести предварительные опыты. Для опытовъ этихъ была употреблена модель въ шесть разъ менѣе настоящей величины, но все-таки имѣющая 77 футовъ длины (отверзтіе моста 462 фута). Опыты показали, что верхняя часть трубы, или потолокъ, выдерживаетъ менѣе прочихъ частей и что ее должно составлять изъ трубъ прямоугольной формы; далѣе — опыты надъ всею моделью путепровода показали, что середина его можетъ выдержать грузъ 126 тоннъ, при общемъ вѣсѣ всей трубы въ 5 тоннъ и при разстояніи между подпорными точками 75 футъ. Не смотря на удовлетворительность этихъ первоначальныхъ опытовъ, въ настоящее время они снова производятся для большаго удостовѣренія въ такомъ новомъ дѣлѣ. Результаты вторыхъ опытовъ еще неизвѣстны.

— Лучшіе парижскіе актёры простились уже съ публикой передъ своимъ лѣтнимъ отпускомъ; для театровъ настали вакансіи. Скоро на сцену выступятъ второстепенные сюжеты, называемые почему-то въ закулисномъ мірѣ: *ferblanc*. — Рашель поѣхала въ Бельгію, гдѣ намѣрена дать нѣсколько представленій, а потомъ отправится въ Баденъ—лечиться. Г-жа Вольнисъ въ Петербургѣ; между-тѣмъ, какъ мужъ ея на дорогѣ въ Алжиръ, гдѣ онъ хочетъ сдѣлаться директоромъ театра. Лижье уѣхалъ въ провинціи. Одинъ Фредерикъ Леметръ продолжаетъ привлекать почти каждый день толпу въ театръ *Сен-Мартенскихъ-Воротъ*. Въ прошлый разъ, мы разсказали анекдотъ, случившійся съ знаменитымъ трагикомъ въ Лондонѣ, на вечерѣ у королевы, когда онъ читалъ рукопись новой драмы Феликса Піа; теперь разскажемъ самую драму, имѣвшую успѣхъ блистательный, громадный, который превзошелъ ожиданія актеровъ и автора, и котораго половина, а можетъ быть и три четверти, принадлежитъ Фредерику Леметру. Роль Жана въ *Парижскихъ Ветошникахъ* есть рѣшительно лучшее созданіе великаго артиста; въ этомъ согласны между собою всѣ фельетонисты французскихъ газетъ. Анализировать подробно, сцену за сценой, *Парижскихъ Ветошниковъ* было бы слишкомъ-долго, потому-что и здѣсь, какъ въ своихъ прежнихъ драмахъ, г. Феликсъ Піа остался вѣренъ своей системѣ и не удовольствовался одной интригой, а завязалъ три или четыре. Но вотъ—*приблизительно*—о чемъ идетъ дѣло въ послѣднемъ про-

изведенія автора *Діогена* и *Двухъ Слесарей*.

Ночью, на берегу Сены сидитъ ветошникъ. Онъ бѣденъ; не видя другаго способа помочь своей бѣдности, онъ рѣшается утопить ее въ молчаливыхъ волнахъ рѣки; снялъ съ себя корзину, положилъ крючокъ, какъ вдругъ до слуха его долетаетъ вакхическая пѣсня. Къ нему приближается другой ветошникъ Жанъ, который гораздо-больше любитъ вино, чѣмъ воду, и потому идетъ, выводя по землѣ фантастическіе зигзаги и громко распѣвая пѣсню. Кромѣ того, Жанъ — философъ, считающій самоубійство преступленіемъ противъ общества и религіи. Убѣжденный совѣтами подгулявшаго философа, первый ветошникъ соглашается жить, и Жанъ, въ восхищеніи, идетъ снова въ кабакъ. Обращенный, оставшись одинъ, напалъ на прохожаго, зарѣзалъ и ограбилъ его. Возвращается Жанъ, но ужь поздно. Убійца скрылся, а жертва испускаетъ послѣдній вздохъ. Двадцать лѣтъ спустя, находимъ Жана все тѣмъ же ветошникомъ, тѣмъ же философомъ. Онъ отказался только отъ благословеннаго сока гроздій; воспоминаніе о страшной ночи сдѣлало изъ него человѣка, достойнаго быть членомъ общества трезвости. Но сердце бѣднаго ветошника не измѣнилось. Оно по прежнему благородно и согрѣто горячей любовью къ ближнему. Жанъ не могъ спасти несчастнаго, убитаго на берегу Сены почти въ глазахъ его; за то онъ сдѣлался покровителемъ и защитникомъ его дочери; и на Маріи сосредоточилъ всѣ свои привязанности. Между-тѣмъ, убійца сдѣлался барономъ Гоффманомъ. У него есть дочь Клара, наслѣдница дурныхъ наклонностей отца. Обольщенная какимъ-то молодымъ человѣкомъ, она сдѣлалась матерью, и, чтобъ скрыть свой проступокъ, поручила повивальной бабкѣ подкинуть ребенка къ Маріи. Марію любитъ Генрихъ и хочетъ на ней жениться. Но вдругъ, подкинутый ребенокъ снова исчезаетъ. Находятъ его трупъ, и Марію обвиняютъ въ дѣтоубійствѣ. Къ-счастію, у ветошника Жана много энергіи, постоянства и мужества. Онъ преслѣдуетъ настоящихъ преступниковъ днемъ и ночью, стережетъ каждый шагъ ихъ и послѣ долгой и упорной борьбы, во время которой онъ нѣсколько разъ находился на краю гибели, наконецъ торжествуетъ. Злодѣи преданы правосудію; добродѣтельные соединяются.

Всѣ элементы заключаются въ этой драмѣ: интереснѣе завязки ея трудно что-нибудь представить; эффектныя сцены ведены необыкновенно ловко. Трогательное соединено съ комическимъ самымъ искуснымъ образомъ. Одно счастливо умѣряетъ другое. Лицо Жана очерчено вѣрно, развито съ большимъ умѣньемъ и выдержано до конца. Языкъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ его званію; жаль, что другія лица часто выражаются слишкомъ-вычурно и цвѣтисто.

Нынѣшній мѣсяцъ былъ обиленъ большими пьесами. Вотъ еще двѣ пятиактныя драмы; обѣ написаны стихами: одна называется *Эгмонтъ*, другая *Робертъ Брюсъ*. *Egmont* (Эгмонтъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, г. Александра Роллана (подражаніе Гёте).

Эгмонтъ — лицо драматическое по самымъ недостаткамъ своимъ, по своей довѣрчивости, легковѣрности. — Эгмонтъ, не смотря на плутни Гранвелы, не смотря на скрытыя нападенія этого хитраго министра, никогда не думалъ, чтобъ кто осмѣлился поднять руку на него — побѣдителя Гранвелинскаго и Сен-Кентенскаго, такъ счастливо воевавшаго за Испанію. Эта самонадѣянность храбраго воина погубила его. Принцъ оранскій, болѣе предусмотрительный, болѣе ловкій, сохранилъ себя для спасенія отечества. *Молчаливый*, никогда не высказывалъ онъ того, что̀ таилось въ глубинѣ души его, тогда - какъ Эгмонтъ выражалъ громко свое негодованіе; отворялъ дворецъ свой для всѣхъ жалобъ противъ Испаніи, нѣкоторымъ образомъ самъ шелъ на встрѣчу ожидавшему его уда-

ру. Герцогъ Альба наслѣдовалъ кардиналу Гранвеллѣ и, въ угожденіе Филиппу, началъ преслѣдовать лица, стоявшія во главѣ Фландріи. „*Нѣсколько лососьихъ головъ стóютъ тысячи лягушекъ*», говорилъ Альба съ своей мрачной ироніей и, не щадя лягушекъ, которыхъ его совѣтъ умѣлъ такъ хорошо ловить, онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, сталъ предпочитать имъ *лососьи головы*. Головы Эгмонта и Горна пали на плахѣ. Гёте, создавъ образъ Гёца Берлихингена, понялъ, кáкъ много могущественнаго, высокаго и прекраснаго было въ этой эпохѣ; и какъ страсть его къ привлекательной Лилли была тогда въ полномъ разгарѣ, то онъ и въ произведеніе свое ввелъ живую, глубокую страсть. Влюбленный Гёте сдѣлалъ влюбленнымъ и Эгмонта,—въ этомъ и состоитъ величайшая прелесть его произведенія. Наивная любовь Клары смягчаетъ этотъ строгій сюжетъ. Нельзя сказать, что произведеніе Гёте вполнѣ безукоризненно. У него было слишкомъ-много фантазіи для того, чтобъ быть драматическимъ писателемъ; но въ этой драмѣ есть сцены сильныя, высокія, какъ, на-примѣръ, сцена Эгмонта съ Альбою. Шиллеръ упрекаетъ Гёте въ томъ, что онъ жену Эгмонта замѣнилъ вымышленной любовницей.—Цѣль Гёте была—выставить Эгмонта съ политической стороны, воплотить въ немъ сопротивленіе Бельгійцевъ испанскому владычеству, а не показать его вѣрнымъ мужемъ; цѣли своей онъ достигъ. Поэтъ заслуживаетъ большой похвалы—со стороны изученія эпохи и страны; каждая черта истинна, каждая подробность характерна. Чувствуешь біеніе сердца несчастной націи. Гёте дивно изобразилъ эту картину; но, можетъ-быть, слишкомъ остался при условіяхъ картины.—Дѣйствіе драмы холодно и безсвязно; она ведена по примѣру драмъ шекспировскихъ, но не имѣетъ той жизни, того движенія, которыя царствуютъ въ созданіяхъ англійскаго генія и замѣняютъ въ нихъ правильность.

Есть два способа переводить подлинникъ: или оставаться совершенно вѣрнымъ ему, или взять только идею произведенія—перестроить его по-своему, оставаясь вѣрнымъ характерамъ и нравамъ. Первый способъ, конечно, есть лучшій, но онъ не всегда возможенъ для сцены. Зрители рѣдко благосклонны къ этимъ добросовѣстнымъ трудамъ, и болѣе любятъ читать ихъ, чѣмъ видѣть на сценѣ. Потому-то у Французовъ послѣдній способъ въ большомъ ходу. Они передѣлываютъ для своей сцены всѣ замѣчательнѣйшія произведенія иностранныхъ писателей съ бóльшимъ или мéньшимъ умѣньемъ; часто характеры подлинника, основная идея, все исчезаетъ въ ихъ жалкихъ искаженіяхъ. На этотъ разъ, передѣлка гётевскаго Эгмонта, сдѣланная г. Ролланомъ, еще не такъ плоха. Г. Ролланъ оградилъ себя отъ упрековъ въ невѣрности перевода словомъ *подражаніе*, и, какъ подражаніе, пьеса его дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе. Характеры *почти всѣ* остались тѣ же, что и у Гёте; иногда только позволялъ себѣ г. Ролланъ незначительныя *поправки* (!), которыя можно отпустить ему за обиліе звучныхъ, блестящихъ стиховъ, согрѣтыхъ патріотическимъ жаромъ; видно, что онъ сильно разсчитывалъ на слова: отечество и свобода, всегда пріятно звучащія французскому слуху, потому-что дѣйствія въ его пьесѣ такъ же мало, какъ и у Гёте.

Роберту Брюсу посчастливилось въ нынѣшнемъ году; давно ли парижская публика апплодировала произведенію великаго маэстро, и вотъ, г. Боваллé съ негодованіемъ вырываетъ у генія Россини, у пѣнія бардовъ, у *brio* оркестра—подвиги шотландскаго героя, и прославляетъ ихъ въ александрійскихъ стихахъ. И по-дѣломъ! Въ оперѣ Россини, исторія Роберта Брюса совсѣмъ исчезла за превосходной музыкой композитора; можно ли было поступать такъ невѣжливо съ такимъ великимъ человѣкомъ, какъ Робертъ Брюсъ! Вотъ произведеніе г. Боваллé — другое дѣло! Уваженіе автора къ его ге-

рою простирается до того, что сама поэзія какъ-то умалилась, сдѣлалась почтительною въ его трагедіи, вѣроятно для того, чтобъ въ бо́льшей славѣ выказать Роберта Брюса.

Счастливый, право, этотъ Французскій театръ; онъ самъ создаетъ для себя пьесы... онъ никого не хочетъ знать; онъ видитъ, что Викторъ Гюго предается поэтической мечтательности, обдумываетъ какую-нибудь поэмку; что г. Александръ Дюма́ со всѣмъ багажемъ перетащился въ Историческій Театръ; что Фредерикъ Сулье́ исключительно завладѣлъ бульваромъ и властвуетъ тамъ неограниченно; что Скрибъ, постоянный, осторожный и благоразумный, боясь моря и его бурь, пріютилъ свою лодку подъ гостепріимный кровъ Драматической Гимназіи; что Казиміръ Делавинь унесъ съ собою въ могилу тѣ колоссальные успѣхи, которые онъ припасалъ въ каждые три года; видя все это, Французскій Театръ не упалъ, однакожь, духомъ; онъ гордо поднялъ голову и сказалъ: «я самъ буду производить свой насущный хлѣбъ: драмы, трагедіи, комедіи, бурлиме... Я одинъ — и довольно!.. И вотъ артистъ Французскаго Театра, г. Самсонъ ставитъ три или четыре комедіи, и обѣщаетъ драму; другой артистъ того же театра, г. Бовалле́ — начинаетъ прямо съ пятиактной стихотворной трагедіи. И посмотрите, какимъ полнымъ, необычайнымъ успѣхомъ увѣнчалъ его партеръ... Давно, давно не раздавались подобные крики и рукоплесканія подъ сводами Французскаго Театра... Г. Бовалле́ торжествовалъ какъ поэтъ и какъ актеръ... Онъ раскланивался и благодарилъ... онъ удивлялся въ душѣ своему успѣху и невольно спрашивалъ себя: не-уже-ли я написалъ такую геніальную вещь?

Назадъ тому около двухъ столѣтій, 4-го іюня 1666 года, Мольеръ исполнилъ роль *Мизантропа* въ трогательной и прелестной исторіи своего сердца, своего генія, и заслужилъ только нѣсколько весьма-умѣренныхъ рукоплесканій, вскорѣ заглушенныхъ ропотомъ залы. Зала вмигъ опустѣла; оставшись одинъ, посреди развалинъ своего произведенія, поэтъ спрашивалъ себя: не-уже-ли геній и душа его могли такъ обмануться? Другія времена... другіе нравы. Впрочемъ, мы должны разсказать вамъ, въ чемъ состоитъ эта пресловутая, скучная-скучная драма поэта-актера. Шотландскіе бароны соединяются ночью (почти вся драма происходитъ ночью) у барона Рональда, и клянутся въ ненависти къ Роберту Брюсу. Едва произнесли они свою страшную клятву, какъ Робертъ Брюсъ, въ сопровожденіи сестры своей, Изабеллы — является къ барону Рональду. Всеобщее смущеніе... но у шотландскихъ горцевъ гостепріимство *дается, а не продается*. Ка́къ же поступить въ этомъ случаѣ? Спасти жизнь врага — довольно трудно послѣ клятвы, которую мы только-что слышали; но, съ другой стороны, зарѣзать человѣка, застигнутаго у меня бурей и отвѣдавшаго моего хлѣба-соли... что́ сказали бы мои предки, что́ скажутъ потомки мои... потомки Шотландца, дворянина Рональда? Наконецъ, Рональдъ рѣшается спасти жизнь Роберта Брюса. Этой великодушной идеи совершенно достаточно для перваго акта трагедіи, но во второмъ никакое гостепріимство не выдержитъ... Г. Бовалле́ очень-хорошо понялъ это, и въ слѣдующемъ актѣ старается убѣдить себя длинными разсужденіями, что Робертъ Брюсъ долженъ непремѣнно погибнуть въ хорошей трагедіи. Притомъ, онъ тиранъ; онъ спасъ жизнь своему врагу Лорну, который никогда не проститъ ему этого оскорбленія. А клятва! клятва, которую мы произнесли двадцать минутъ тому назадъ, призывая въ свидѣтели небеса... Нѣтъ! онъ долженъ погибнуть! Такъ думаетъ Рональдъ; и нужно признаться — Робертъ Брюсъ не находился никогда въ бо́льшей опасности! Какъ положиться на гостепріимство горца? Это было хорошо, когда Рональдъ волочился за миссъ Брюсъ; а теперь — другое дѣло; теперь онъ страстно любитъ Эдиь

Лорнъ, сестру жесточайшаго врага Роберта Брюса. Когда вмѣшается страсть — простите, и долгъ и честь! Мамзель Эднеь это знаетъ, и вооружаетъ свирѣпаго Лорна на несчастнаго короля... Но нѣтъ... я не въ силахъ продолжать этой исторіи; мнѣ кажется, что и вы также не въ силахъ ее слушать. Довольно прибавить, что Лорнъ вызываетъ на поединокъ Рональда, который далъ убѣжище врагу его, что оба они погибаютъ въ этомъ поединкѣ, что дѣвицы Эднеь и Изабелла идутъ въ монастырь, и что Робертъ Брюсъ торжествуетъ.

Г. Боваллé, какъ говорятъ фёльетонисты, сильно разсчитывалъ на игру своихъ товарищей, и для каждаго изъ нихъ создалъ роль... только этимъ можетъ объясниться успѣхъ его пьесы, принадлежащей къ такъ-называемой школѣ *здраваго смысла*.

Въ концѣ прошлаго года, г. Адольфъ Дюма, молодой поэтъ, представилъ комитету Французскаго Театра пятиактную комедію въ стихахъ. Общники (sociétaires) почти единогласно отвергли это произведеніе; оскорбленный авторъ созвалъ къ себѣ всѣхъ извѣстнѣйшихъ французскихъ драматурговъ и критиковъ, и просилъ ихъ, выслушавъ его комедію, рѣшить справедливъ ли судъ, произнесенный надъ нею общниками. Литераторы исполнили просьбу г. Адольфа Дюма, и, по выслушаніи его пьесы, письменно изложили свое мнѣніе, состоявшее въ томъ, что это произведеніе художественное, и что, отказавшись исполнять его, общники поступили противъ назначенія Французскаго Театра, противъ искусства, которое въ-правѣ считать себя оскорбленнымъ въ лицѣ г. Адольфа Дюма. Этотъ протестъ былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ. Блистательнѣйшія имена французской литературы стояли подъ нимъ; колкости и насмѣшки фёльетонистовъ вызвали отвѣтъ общниковъ; этотъ отвѣтъ, написанный какъ-то неловко, возбудилъ новыя филиппики со стороны литераторовъ, и переписка продолжалась до-тѣхъ-поръ, пока г. Александръ Дюма не предложилъ поставить комедію своего однофамильца и собрата на Историческомъ Театрѣ (который тогда только-что выглядывалъ изъ земли) и такимъ образомъ окончательное рѣшеніе спора предоставить публикѣ. Предложеніе было принято съ восторгомъ, и вотъ около полугода спустя, на сценѣ Историческаго Театра является эта давно обѣщанная, и надѣлавшая столько шума: *Школа Семействъ* (L'Ecole des familles). Но полно, стóила ли она всей этой переписки? Дѣйствительно ли это произведеніе художественное, выдерживающее судъ критики? Жюль Жаненъ разсыпался въ похвалахъ «Школѣ Семействъ»; но какъ онъ ни старается превознесть ее, банальность содержанія и идеи рѣзко бросается въ глаза постороннему читателю. Судите сами: Жуліо Верноnъ, воспитанный въ нѣгѣ, какъ избалованное дитя, привыкъ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ; каждое желаніе свое считаетъ онъ потребностью; женившись, онъ скоро погрязъ въ долгахъ; промоталъ все имѣніе на экипажахъ, на удовольствіяхъ и, наконецъ, дошелъ до того, что принужденъ былъ дать фальшивый вексель. Безчестье грозитъ Жуліо. Единственное средство избѣгнуть его онъ видитъ въ самоубійствѣ; но рука стараго отца отвращаетъ ударъ, а другъ платитъ вексель, и блудный сынъ возвращается снова къ честной, умѣренной жизни.

Вотъ скелетъ этой комедіи. Нéчего сказать—ново! Право, прочтя эту комедію, невольно согласишься, что общники Французскаго-Театра не совсѣмъ лишены критическаго такта. Однакожь, пьеса имѣла успѣхъ, какъ и всѣ почти пьесы, данныя въ нынѣшній мѣсяцъ. Видно, лѣтомъ публика становится благосклоннѣе; впрочемъ, говорятъ, въ комедіи г. Адольфа Дюма есть нѣсколько сценъ весьма-эффектныхъ; есть много вѣрныхъ психологическихъ замѣчаній и, наконецъ, еще болѣе удачныхъ стиховъ.

Весна — пора стиховъ! Подлинно

такъ. Вотъ еще три пьесы, написанныя стихами, и стихамъ одолженныя своимъ успѣхомъ.

Кто не знаетъ исторіи Пиѳіаса и Дамона, этихъ образцовъ дружбы, приводимыхъ въ примѣръ, рядомъ съ Орестомъ и Пиладомъ.

Пиѳіасу не понравились стихи Діонисія, тирана сиракузскаго. Злопамятный, какъ поэтъ, Діонисій — поклялся въ смерти критика. Его заключаютъ въ тюрьму; но онъ проситъ у тирана позволенія отлучиться на два часа, чтобъ устроить дѣла свои, и Дамонъ предлагаетъ занять мѣсто его до его возвращенія. Тиранъ, питавшій къ человѣчеству то же презрѣніе, какое чувствовалъ къ себѣ-самому, вообразилъ, что Пиѳіасъ оставитъ Дамона умереть; но этого не случилось: Пиѳіасъ возвратился въ срокъ и оба друга получаютъ прощеніе.

Этотъ анекдотъ послужилъ г. маркизу де-Беллуа (Belloi) сюжетомъ для небольшой комедійки, весьма-бойко діалогированной.

Другая комедія—*Scaramouche et Pascarill*—не стóитъ того, чтобъ разсказывать ея содержаніе; это слабый сколокъ съ мольеровыхъ *Précieuses Ridicules*; но и здѣсь стихъ весьма-легкій, живой и блестящій. Авторъ ея: г. Мишель Карре̂.

Третья комедія въ стихахъ — *Антикварій*—имѣла менѣе успѣха, чѣмъ всѣ предъидущія, по причинѣ растянутости; но она обработана весьма-добросовѣстно и обличаетъ въ авторѣ человѣка, искуснаго въ версификаціи. Это исторія стараго ученаго, разорившагося на древностяхъ, и котораго спасаетъ подоспѣвшій во время братъ его, храбрый морякъ, посредствомъ комедіи, придуманной и разъигранной имъ самимъ.

Куда не мастеръ нашъ вѣкъ на изобрѣтенія... Нѣкогда, блаженной памяти Коцебу написалъ комедійку, которую онъ заимствовалъ у Пикара, и которую Пикаръ въ свой чередъ заимствовалъ изъ Лабрюйера; теперь эта комедійка съ нѣкоторыми передѣлками является на сценѣ Одеона, — подъ названіемъ: *Les Notables de l'endroit*. Въ ней есть много сценъ весьма-забавныхъ; такъ, на-примѣръ, когда городскія дамы, столпившись въ дверяхъ, даютъ одна другой дорогу, какъ Маниловъ Чичикову, и ни одна не хочетъ идти впередъ. Этой сценой оканчивается первое дѣйствіе; и когда начинается второе, дамы все еще стоятъ у дверей: Passez madame la receveuse des impositions de la ville! говоритъ та; c'est à vous madame la directrice des contributions, отвѣчаетъ другая. Но не смотря на все это, пьеска не имѣла успѣха. Интрига ея состоитъ въ слѣдующемъ: у молодой дѣвушки нашли портретъ молодаго человѣка, который она тайно отъ всѣхъ цалуетъ. Ее допрашиваютъ, кто изображенъ на портретѣ? Чтобъ отдѣлаться отъ вопросовъ, она отвѣчаетъ: король. Спустя нѣсколько времени, молодой человѣкъ, оригиналъ портрета, пріѣзжаетъ въ городокъ; его принимаютъ за короля, и это qui pro quo даетъ поводъ ко многимъ забавнымъ положеніямъ. Вообще можно сказать, что комедійка г-на Шарля Гаррея, хотя содержаніе ея и не ново, заслуживала бы лучшаго пріема, чѣмъ тотъ, который сдѣлала ей публика Одеона.—*Безсонныя Ночи* (*Les nuits blanches*) водевиль г. Баяра, такъ скученъ, что усыпилъ партеръ, и потому мы не станемъ разсказывать его содержанія, боясь, чтобъ разсказъ нашъ не произвелъ на читателей подобнаго же дѣйствія, и перейдемъ къ водевилю *Les trois portiers* (Три дворника), въ которомъ явился на сцену, послѣ продолжительной болѣзни, знаменитый комикъ Верне̂. Въ этомъ водевилѣ, Верне̂ называется Жозефомъ Потенемъ. Онъ дворникъ въ Улицѣ-Ломбардовъ; онъ чинитъ старое платье жителей своего квартала и сочиняетъ басни; да! басни, которыя можно причислить къ оригинальнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Онѣ называются *Карпъ, продающій химическія спички; Ракъ-обманщикъ*, и проч.

Въ созданіяхъ своихъ, Жозефъ По-

тель развиваетъ принципы пролетарской философіи; онъ проповѣдуетъ братство, равенство, презрѣніе къ богатству. У Жозефа Потеня нѣтъ ни гроша; но за то у него есть два двоюродныхъ брата, изъ которыхъ одинъ привратникъ въ Улицѣ-Жубера, а другой швейцаръ въ Сен-Жерменскомъ-Предмѣстьи. Первый называется Теофиль; второй носитъ весьма-аристократическое названіе — Цюриха.

Швейцаръ презрительно смотритъ на своихъ двоюродныхъ братцевъ и никакъ не хочетъ, чтобъ дочь г-на и г-жи Теофиль, мамзель Атенаиса, вышла за его сына. Дочери привратника выйдти за сына швейцара!.. Это невозможно! Теофилы раздражены отказомъ Цюриха; но Жозефъ берется утѣшить ихъ. Отдайте вашу дочь, говоритъ онъ наивно, за моего сына Станислава. Здѣсь Теофилы, въ свою очередь, не соглашаются. Дочери привратника быть женою сына дворника! Да какъ же допустить такой неровный бракъ! Вы аристократы! восклицаетъ Жозефъ: я проклинаю васъ. Вскорѣ узнаютъ странную вѣсть. Жозефъ получилъ наслѣдство: старый амьенскій дядя оставилъ ему 60 тысячь франковъ. Тогда привратникъ и швейцаръ отбрасываютъ свою гордость. У швейцара есть дочь: онъ предлагаетъ ее почтительно г. Станиславу. Всѣ склоняются передъ Жозефомъ. Швейцаръ сидитъ въ его ложѣ; г-жа Теофиль мететъ его лѣстницу; г. Теофиль чиститъ ему сапоги. Но теперь пришла очередь Жозефа — поднять носъ: онъ выгоняетъ свою родню, и воображаетъ, что сынъ его женится на герцогинѣ. Хозяинъ дома — даетъ своему дворнику полезные совѣты, а Жозефъ, въ качествѣ философа, немедленно слѣдуетъ имъ. Онъ соединяетъ Станислава съ Атенаисой.

Водевиль очень-милъ и имѣлъ полный успѣхъ. Его давали на сценѣ театра Variétés.

Говорить ли о мелодрамѣ г. Поля Фуше, подъ названіемъ *Les étouffeurs de Londre* (Лондонскіе Душители)? Нѣтъ! Лучше оставимъ въ покоѣ эту длинную исторію, имѣющую всѣ признаки бульварной мелодрамы; тайныя убійства разсыпаны здѣсь щедрою рукою. Вмѣсто этихъ странныхъ приключеній, отъ которыхъ становится дыбомъ волосъ и морозъ подираетъ по кожѣ, мы передадимъ вамъ небольшую драму, дѣйствіе которой недавно совершилось въ высшемъ кругу парижскаго общества, и вотъ какъ фёльетонистъ газеты Siècle, Эженъ Гизо, разсказываетъ ее.

Любимая игра въ Шантильи есть ланскнэ. Тамъ былъ уличенъ въ плутовствѣ одинъ офицеръ, находившійся при особѣ принцевъ. Цѣлую недѣлю толковали объ этомъ приключеніи въ салонахъ; сперва съ нѣкоторою таинственностью, но потомъ завѣса была разодрана безъ пощады, и всѣ подробности, какія только могло требовать любопытство, преданы гласности. Виновный — человѣкъ лѣтъ 34. Онъ капитанъ и скоро долженъ былъ сдѣлаться начальникомъ эскадрона. Онъ родился и жилъ въ одномъ изъ блестящихъ положеній и пользовался состояніемъ, доходившимъ до 20 тысячь франк. годоваго дохода. У матери его было 50 тысячь ливровъ; одна изъ сестеръ его — жена генерала, другая замужемъ за богатымъ парижскимъ банкиромъ; третья носитъ одно изъ блестящихъ именъ имперіи. Всѣ эти родственники, нѣжно любившіе его, поспѣшили бы ему на помощь въ случаѣ, если бъ его доходы оказались для него недостаточными. Съ этими-то средствами быть честнымъ человѣкомъ—капитанъ N. игрою думалъ увеличить свое состояніе.

Давно уже подозрѣвали его; давно замѣтили необыкновенное счастіе, бывшее вѣрнымъ спутникомъ его игры. Это счастіе даже обратило вниманіе принцевъ, у которыхъ онъ игралъ также удачно. Одна изъ принцессъ однажды вслухъ замѣтила ему, тономъ, который заключалъ въ себѣ строгое предостереженіе подъ видомъ шутки: вы очень-счастливы! Но берегитесь, я слѣжу за вами! (vous-êtes

bien heureux, mais prenez garde, je vous surveille). За нимъ слѣдили дѣйствительно. Однажды вечеромъ его пригласили на ланскнэ, въ отель, нанятый избранными спортсменами (sportsmen); когда пришла его очередь держать карты, ему подали пакетъ пересчитанныхъ картъ. Онъ металъ банкъ и выигралъ 300 луидоровъ, потомъ всталъ и вышелъ, сказавъ, что служба призываетъ его къ принцу, но что онъ возвратится тотчасъ, какъ только будетъ свободенъ.

Когда онъ ушелъ, карты, которыми онъ игралъ, сочли; оказалось нѣсколько лишнихъ. Въ ланскнэ плутуютъ самымъ простымъ и вѣрнымъ образомъ— чрезъ прибавленіе картъ.

Не было больше сомнѣнія въ обманѣ; оставалось только уличить виновнаго на мѣстѣ. Сочли другой пакетъ картъ, и положили его въ сторону до слѣдующаго испытанія.

Черезъ часъ капитанъ возвратился.

— Господа, сказалъ онъ:—мое намѣреніе не было выигрывать у васъ; я желаю, чтобъ вы отъигрались.

Ему дали сочтенные карты, которыхъ число было написано на особенной бумажкѣ, и засвидѣтельствовано всѣми присутствовавшими.

Онъ игралъ съ своимъ обыкновеннымъ счастьемъ. Когда всѣ карты вышли и онъ выложилъ послѣднюю, тотъ, на кого было возложено обличить его, сказалъ:

— М. Г. Здѣсь на суннѣ всѣ карты, которыми вы играли. Онѣ сочтены и число ихъ записано. Мы перечтемъ ихъ, потому-что васъ подозрѣваютъ въ обманѣ.

Карты сочли. Двадцать-шесть было прибавлено.

Виновный долженъ былъ опустить голову и удалиться.

Тотчасъ послѣ этой сцены, извѣстили принца обо всемъ случившемся. На другое утро, капитанъ имѣлъ смѣлость явиться на дежурство. Тогда принцъ сказалъ ему: «пойдите, черезъ четверть часа принесите мнѣ вашу отставку, и немедленно отправляйтесь въ Америку».

Одной изъ сестеръ капитана поручено было извѣстить обо всемъ его семейство. Видя ея волненіе, мать и три зятя игрока встрѣтили ее словами: «говори скорѣй! Въ Шантильи играли? Вѣрно онъ проигралъ? Мы заплатимъ, какова бы ни была сумма; хоть бы мильйонъ.

Тотчасъ послѣ этого извѣстія, зять капитана, банкиръ, вызвался заплатить всѣ суммы, которыя почитаются неправильно-выигранными капитаномъ.

Говорятъ, что несчастнаго побудили къ такимъ поступкамъ неумѣренныя прихоти львицы, не принадлежащей ни оперѣ, ни предмѣстью Notre Dame de Lorette, какъ это можно было бы предположить, но занимающей блестящее мѣсто въ самомъ аристократическомъ кругу парижскаго общества.

Но мы еще не говорили о музыкальныхъ новостяхъ нынѣшняго мѣсяца. Правда, ихъ и немного.

На Театрѣ Комической Оперы поставлена одноактная оперетка *Le Malheur d'être jolie* (Невыгода быть хорошенькой) съ музыкой г. Базена (Bazin) и текстомъ г. Шарля Денуайе (Denoyers).

Для Королевской Академіи Музыки, г. Адольфъ Аданъ написалъ оперу также въ одномъ дѣйствіи; вотъ и все; на нѣтъ и суда нѣтъ, говоритъ пословица; займемся же тѣмъ, что́ есть. Начнемъ съ первой оперы:

Скромному либретто скромная музыка. На этотъ разъ композиторъ и авторъ сошлись. Борьба между ними была равная. Тутъ не было, какъ это иногда случается, честолюбца, который бы хотѣлъ восторжествовать надъ своимъ сотрудникомъ. Слова стóютъ музыки. Публика любитъ на сценѣ контрасты; но не отъ нея зависятъ они. Во времена Карла VII, одна молодая дама имѣетъ *несчастіе быть хорошенькой*. Опекунъ ея, баронъ Бертранъ де-Мариньи, держитъ ее подъ замкóмъ, въ надеждѣ жениться на ней. Никто не проникаетъ въ жилище красавицы; въ

комнатѣ ея даже нѣтъ зеркала; старый баронъ только своимъ собственнымъ глазамъ позволяетъ смотрѣть на нее. Но къ чему служатъ всѣ предостереженія опекуновъ? Вокругъ молодой дамы есть вассалы, которые найдутъ средство достать ей зеркало, есть пажи, которые обратятъ на себя ея вниманіе. Одинъ изъ нихъ, Изолье, успѣлъ уже овладѣть ея сердцемъ, и раздѣляетъ страсть ея съ большей энергіей. Но по возвращеніи съ войны, гдѣ Изолье былъ увѣнчанъ славой и спасъ жизнь своего господина, старый баронъ, не подозрѣвая въ пажѣ виновника этого великодушнаго поступка, посылаетъ его къ своей воспитанницѣ возвѣстить, что Бертранъ де-Мариньи идетъ жениться на ней. Съ отчаянія, красавица выпиваетъ зелье, которое должно обезобразить ее. Она не можетъ принадлежать Изолье, пусть же она будетъ предметомъ отвращенія для своего опекуна и мужа. Мщеніе довольно-ново, но въ ту минуту, когда красавица выпила склянку, баронъ узнаетъ, что Изолье его избавитель, и позволяетъ ему жениться на своей воспитанницѣ.

Невѣста въ отчаяніи, но, къ-счастію, посредствомъ зеркала, ее удостовѣряютъ, что это было не зелье и что она мила по прежнему.

Въ этой опереткѣ четыре лица: двое влюбленныхъ — пажъ и дама, и двое служителей: управляющій Гадишонъ и молоденькая дѣвочка Мадлена. Между ними-то развивается простое дѣйствіе, которое мы сейчасъ разсказали и въ которомъ разбросаны—здѣсь арія, тамъ дуэтъ, далѣе тріо и два или три хора. Музыка г. Базена довольно-пріятная; особенно хорошъ—одинъ дуэтъ, написанный живо, бойко, умно. Къ-несчастію, эта опера, какъ говорятъ газеты, была довольно слабо исполнена; и только одна мамзель Левассеръ, игравшая роль дамы, которая имѣетъ несчастіе быть хорошенькой, была безукоризненна.

Что касается до *Цвѣточницы* г. Адольфа Адама, то и въ этой опереткѣ, какъ и въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, знаменитый композиторъ разсыпалъ множество оригинальныхъ, блестящихъ, живыхъ мотивовъ; хоры, шумныя сцены, какъ, на примѣръ, на цвѣточномъ рынкѣ, возлѣ котораго лотерея и игорный домъ, всего болѣе удаются г. Адольфу Адаму.

Либретто *Цвѣточницы* совершенно ничтожно и не заслуживаетъ вниманія; оно напоминаетъ одинъ старый анекдотъ, разсказанный въ полицейскихъ архивахъ Пёше (Peuchet), о Наннетѣ Лолье и виконтѣ Куртиэ. Впрочемъ, оригинальной, многосложной интриги не требуется въ подобныхъ произведеніяхъ; другое дѣло—*въ комической оперѣ*, гдѣ половина всегда діалогирована.

Концертъ *Народнаго Улья* (Ruche Populaire) привлекъ въ залу Герца многочисленную симпатическую толпу. Народный Улей — есть обозрѣніе, издаваемое работниками; оно имѣетъ цѣлію доводить до свѣдѣнія богатыхъ и счастливыхъ этого міра о несчастіяхъ бѣдныхъ и руководить благотворительность. Великодушные умы подали руку помощи этой благородной ассоціаціи; между подписчиками, положившими основаніе этого обозрѣнія, мы находимъ имена: Шатобріана, Ламнѐ, Беранжѐ, Жоржъ Занда, Ламартина, Луи Блана, Араго̀ (Франсуа), Дюпрэ, Ораса Верне, Ари и Генриха Шефферовъ, Бернарда де Ренна; множество замѣчательныхъ артистовъ принимаютъ участіе въ его редакціи; изъ статей, заслуживающихъ особеннаго вниманія, укажемъ на страницы одного художника, скульптора и живописца, о тяжеломъ поприщѣ артиста, и объ опасности предаваться этой обманчивой профессіи тому, кто не чувствуетъ въ себѣ присутствія могучаго генія, способнаго поддержать его.

Г. Циммерманъ издалъ въ свѣтъ свой героическій реквіемъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ произвелъ такой сильный эффектъ въ церкви св. Евстафія. Г. Циммерманъ принадлежитъ къ школѣ Лесюёра (Lesu-

eur) и въ героическомъ реквіемѣ его, какъ и въ созданіяхъ этого великаго композитора, музыка религіозная весьма искусно соединяется съ драматической. Самое содержаніе реквіема: героическое погребеніе, весьма-удобно для примиренія этихъ двухъ элементовъ, и композиторъ превосходно выразилъ идею человѣческой силы, склоняющейся передъ неумолимымъ уровнемъ смерти.

Г. Онсловъ отправился въ Кёльнъ, гдѣ будетъ исполнена подъ его собственнымъ руководствомъ новая симфонія его, на большомъ нижне-рейнскомъ праздиествѣ, для котораго прусскій король отдалъ въ распоряженіе комитета свой Брульскій-Замокъ.

Новая опера г. Флотова, Майда, будетъ на-дняхъ представлена на Театрѣ Коринѳскихъ-Воротъ въ Вѣнѣ.

— Кстати, если рѣчь зашла о человѣческихъ удовольствіяхъ, разскажемъ, что есть пріятнаго между послѣдними извѣстіями по части заграничной литературы.

Еслибъ пишущій эти строки принадлежалъ къ женскому полу, онъ непремѣнно подписался бы на журналъ *Les Modes Parisiennes* (въ Парижѣ 28 франковъ). Онъ получилъ бы 52 картинки самыя изящныя, 52 нумера журнала, 50 выкроекъ для шляповъ, платьевъ, мантилій—и цѣлую *Дамскую Энциклопедію*. Представьте себѣ, что *L'Encyclopédie des Dames*, съ 500 рисунками, на тридцати-шести листахъ и съ огромнымъ текстомъ, учитъ: шить бѣлье и платья, вышивать на всѣ возможныя манеры, вязать чулки, шерстяные башмаки и пр. и пр., дѣлать искусственные цвѣты, разныя вещицы изъ бисера, раковинъ, стекляруса, и пр. и пр., мыть и чистить перчатки, кружева, блонды, газы, мёбели, серебро, зеркала, и пр. и пр., выводить пятна, сохранять мѣха, и пр. и пр., учитъ домашнему хозяйству, дѣланію и заготовленію впрокъ бульйона, масла, яицъ, сливокъ, вареній, конфектъ и пр. и пр.

Въ журналѣ *La Mode* печатается очень-интересный романъ г. Мери *La circé de Paris*.

Путешественниковъ по Европѣ много; за то и угожденій для нихъ бездна; вотъ: *Guides Richard à l'usage des voyageurs pour tous pays*. Франція, Италія, Швейцарія, Востокъ, Алжиръ, Германія, Бельгія и Голландія, берега Рейна, Англія, Лондонъ, Испанія, Пиринеи, Савоя и Пьемонтъ, минеральныя воды въ Европѣ, Константинополь, Римъ, разныя желѣзныя дороги, дорожная общая для всѣхъ государствъ карта, разговоры на разныхъ языкахъ, приспособленные къ нуждамъ путешественниковъ—все это составляетъ одно полное изданіе и, если хотите, продается порознь, по предметамъ. Удобно; поѣдемте.

Journal des Journaux — собраніе 75 романовъ и повѣстей лучшихъ французскихъ писателей, въ трехъ томахъ, по 576 страницъ въ каждомъ, съ 48 картинками. Стóитъ только 7½ франковъ. На наши деньги приходится немножко поменьше трехъ коп. сер. за романъ!..

Types et caractères Russes—очень-недавно вышедшее въ Парижѣ сочиненіе, въ двухъ частяхъ, въ 8-ю долю.

«Исторія Жирондистовъ» Ламартина возбудила новую брошюру: *Réflexions critiques sur les Girondins*, par M. de Maiche.

Въ Парижѣ появился въ печати альбомъ подъ названіемъ: *Cahier des charges des chemins de Fer*. Это, по словамъ иностранныхъ журналовъ, иллюстрированный памфлетъ, самый вѣрный и самый занимательный изъ всѣхъ, какіе только появлялись со времени памфлетовъ Поль-Луи-Курье. Альбомъ этотъ разрисованъ Берталемъ и посвященъ кондукторамъ при поѣздахъ и несчастнымъ акціонерамъ; онъ заключаетъ въ себѣ 100 гравюръ и стóитъ 3 франка.

La Chine et les Chinois, par le comte Alexandre Bonacosci. Сочиненіе это украшено картами и портретами.

Oeuvres de Chateaubriand illustré, вы-

ходятъ ливрезонами, ждутъ и, вѣроятно, найдутъ своихъ читателей; что до насъ,—мы невольно задумались, и передъ нами явились... школьныя скамейки, на которыхъ мы затверживали:

«Sous les remparts de Rome et sous ces vastes plaines»...

. . . .

Потомъ — Атала, Шактасъ, и много, много чего; да! мы непремѣнно заглянемъ въ это изданіе; только съ оговоркой: если будетъ совершенно лишнее время, или когда на старости будемъ повторять зады; тогда для насъ Шатобріанъ будетъ имѣть цѣну.

Еще сочиненіе, которое, вѣроятно, займетъ почетное мѣсто между историческими книгами, потому именно, что всѣ историки, увлекаясь разсказами политическихъ или военныхъ событій, пренебрегаютъ цѣлымъ отдѣломъ, едва ли не самымъ важнымъ: мы говоримъ объ исторіи нравовъ и частной жизни народа. Г. Э. де-ла-Бедольеръ пополняетъ этотъ обычный пропускъ историковъ, издавая нынѣ: *Histoire des Moeurs et de la vie privée des Français, de leurs usages, coutumes, institutions*. Все сочиненіе будетъ состоять изъ шести частей; первая вышла. Эта исторія дѣйствительно, какъ говоритъ издатель, можетъ служить дополненіемъ ко всѣмъ другимъ исторіямъ Франціи.

Не знаемъ, заслуживаетъ ли такого же вниманія другая книга: *Histoire de Louis-Philippe, par Amedèe Boudin;* но за то эта послѣдняя должна быть полна современнаго интереса, притомъ она прекрасно издана и украшена 250 рисунками.

Французскія газеты еще рекомендуютъ *Исторію Терроризма*, сочиненіе Леона Блени. Эта исторія, какъ и книга г. де-ла-Бедольера, описываетъ не столько политическія происшествія и всю драму революціи, сколько внутреннія драмы, разъигрывавшіяся тогда въ семейной жизни французскаго народа.

— 15-го мая (по новому стилю) въ 9½ часовъ пополудни, въ Генуѣ умеръ Даніэль О'Коннель, ѣхавшій изъ Ирландіи въ Римъ. При этомъ—всѣ сдѣлали свое дѣло: журналы и газеты объявили, для всеобщаго свѣдѣнія, о кончинѣ человѣка, присовокупивъ краткое обозрѣніе жизни покойника; соотечественники сосчитали оставшіеся послѣ него долги... чего же больше? Ни одинъ усопшій не въ правѣ требовать бо́льшаго. И нельзя было ждать бо́льшаго. Чуденъ нашъ вѣкъ, и предки наши, еслибъ были живы, могли бы по справедливости удивиться ему. Ясно, что внутри его кипитъ жизнь и энергія, потому что задачи и рѣшенія несутся другъ за другомъ быстро, какъ по желѣзной дорогѣ; а между-тѣмъ — съ виду онъ ко всему равнодушенъ, и ироническая улыбка его нерѣдко готова служить отвѣтомъ тому, кто расчувствуется. Это знакъ той разумной положительности, которой онъ такъ хвалится, которую признаетъ отличительной чертой своего характера. Дѣло въ дѣлѣ, а не въ словахъ, говоритъ онъ,— и смерть О'Коннеля должна, вѣроятно, также отозваться дѣломъ, а не словомъ. Нужно ли еще говорить, что̀ такое былъ О'Коннель? Избранная, вѣковая личность, за которую долго цѣплялись надежды цѣлой страны; человѣкъ, двигавшій по произволу мильйонами людей, силою одного волшебнаго слова, силою, лежащею въ глубинѣ его натуры, безъ всякой внѣшней случайной помощи; единственный въ наше время примѣръ нравственнаго могущества человѣка, неизмѣнной воли, направленной такъ вѣрно, такъ сознательно къ одной цѣли.

Ирландія съ давнихъ поръ, чуть ли не со дня своего политическаго рожденія, была, можетъ-быть, самою несчастною въ Европѣ страною. Здѣсь не мѣсто разсказывать, какъ да какъ обижали ее въ-продолженіе вѣковъ; довольно упомянуть, что до 1829 года, т. е. почти до нашего времени, она была, можно сказать, гонима за вѣру. Какъ же иначе назвать тотъ фактъ, что ирландскіе католики не имѣли права на государственныя должности, не

могли быть членами парламента потому только, что они католики? Уничтоженіемъ этого неприличнаго факта, Ирландія обязана сыну своему О'Коннелю. За тѣмъ, не смотря на непрерывные споры за права, не смотря на партіи и народное озлобленіе, Ирландія не пострадала ни отъ одного мятежа, ни разу не видала пролитой крови. — и обязана этимъ сыну своему О'Коннелю, который говорилъ: «величайшіе успѣхи человѣческаго ума не стóютъ одной капли человѣческой крови». Сверхъ-того, это былъ человѣкъ, неспособный остановиться на полудорогѣ. Одушевленный высокой, доблестной цѣлью: сдѣлать счастливой Ирландію, онъ, совершивъ на благо ея одинъ подвигъ, тутъ же задумалъ другую великую думу и служилъ ей до конца. Такъ-называемый *реппиль*—его завѣтная мысль, залогъ будущаго благосостоянія Ирландіи. Онъ оставилъ эту мысль не осуществленною: семьдесятъ-три года жизни, трудъ, великая скорбь за страданія ближнихъ, которыхъ въ послѣднее время и природа какъ будто не возлюбила, наславъ на нихъ голодъ,—все это ослабило О'Коннеля; онъ изнемогъ и уѣхалъ съ несчастнаго острова въ Римъ, и умеръ, не доѣхавъ до Рима. Но брошенная въ общество мысль не умираетъ вмѣстѣ съ высказавшемъ ее человѣкомъ...

Въ «Illustration» (нумеръ 222) отпечатанъ прекрасный политипажъ, представляющій портретъ О'Коннеля въ ростъ; а въ русской «Иллюстраціи» (нумеръ 22) есть пародія на этотъ политипажъ. Въ первомъ — видимъ чрезвычайно выразительную фигуру, полную ума, оживленную тонкой, невыразимо пріятной улыбкой; во второмъ — простаго жесткаго старичишку — и больше ничего; привлекательной, характеристической улыбки нѣтъ и слѣда; вмѣсто ея есть выдавшаяся впередъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, верхняя губа. Въ первомъ — завернутый на руку плащъ, небрежно-сдвинутая на сторону и отчасти запрокинутая назадъ шляпа — удивительно гармонируютъ съ самой физіономіей и, вмѣстѣ съ ней, выражаютъ какую-то гордую безпечность, добродушіе, благородство; однимъ словомъ, выражаютъ О'Коннеля; во второмъ, т. е. въ рисункѣ русской «Иллюстраціи», всѣ эти наружныя примѣты можно принять за признаки небрежности пожилаго человѣка, пожалуй — неряшества, можетъ-быть, цинизма. Ну, какъ не грѣхъ было исказить до такой степени портретъ! А еще и описаніе наружности перевели слово-въ-слово изъ той же французской «Иллюстраціи»! Почему бы ужь и портретъ не скопировать съ такой же точностію?

— Вотъ еще нѣсколько некрологическихъ извѣстій:

Въ Римѣ умеръ кардиналъ *Микара* на 72 году жизни. Имя его всегда было въ устахъ народа; онъ заслужилъ всеобщее уваженіе и простотою обхожденія и строгостію жизни. Въ Римѣ еще не забыли прошлогодней его рѣчи послѣ смерти Григорія XVI, въ которой онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ необходимость приступить къ системѣ реформъ какъ въ гражданской, такъ и въ духовной администраціи. Онъ оставилъ 540 тысячь франковъ капитала и изъ нихъ 216 тысячь франковъ назначилъ для учрежденія разнаго рода *пріютовъ* и *страннопріимныхъ домовъ*.

Два другіе кардинала: *Актонъ* въ Неаполѣ и архіепископъ палермскій *Пиньятелли* — также недавно умерли; но мы не нашли ничего, чтò бы написать объ нихъ.

Не помнимъ, говорили ли мы о смерти генерала Груши́; во всякомъ случаѣ, біографія его должна быть слишкомъ пространна для нашихъ легкихъ извѣстій, и потому скажемъ только, что отпѣвать его назначено въ Инвалидномъ Домѣ, а похоронить въ семейномъ склепѣ, на кладбищѣ Отца-Лашеза.

Въ Парижѣ также похоронили одного извѣстнаго ученаго и члена Французской Академіи—г. Балланша.

Недавно, въ день смерти Наполеона,

въ Парижѣ происходила торжественная процессія перенесенія бренныхъ остатковъ маршаловъ Бертрана и Дюрока въ Домъ Инвалидовъ. Описаніе подобной церемоніи было бы излишне; всякій можетъ представить себѣ, что всѣ наполеоновскіе ветераны не пропустили случая вспомнить про старое время, воскресить въ душѣ минувшее и прослезиться надъ могилами своихъ славныхъ сослуживцевъ.

Англія похоронила недавно послѣдняго лорда-намѣстника Ирландіи, *Джона Уильяма Понсонби*, графа бесборугскаго, на 66 году отъ роду. Онъ былъ честный и прямой вигъ,—но пользовался всегдашнимъ уваженіемъ даже членовъ тори.

Въ Лондонѣ умеръ человѣкъ хотя не важный, но вѣроятно болѣе многихъ извѣстный даже и русской публикѣ. Это знаменитый Картеръ, соперникъ ван-Амбурга, укротитель звѣрей.

— Атмосферное электричество предвѣщаетъ скоро составить богатый розъисканіями отдѣлъ физики; вотъ нѣсколько новыхъ фактовъ по этой части.

Съ электрическимъ телеграфомъ сен-жерменской желѣзной дороги случилось слѣдующее происшествіе. Въ послѣднихъ числахъ мая, вечеромъ въ пять часовъ, во время дождя, колокольчикъ телеграфа далъ знать о себѣ дежурному. Вслѣдъ за тѣмъ, дежурный копии записалъ нѣсколько буквъ, показанныхъ телеграфомъ и, не находя въ нихъ никакого смысла, приготовился-было подать знакъ, что не понимаетъ; въ это самое время раздался ударъ, похожій на пистолетный выстрѣлъ, и показался яркій свѣтъ на проводникахъ, устроенныхъ въ комнатѣ. Проводники эти разорвались и разсыпались кусками до того горячими, что оставили выжженныя пятна на деревянныхъ столахъ; концы этихъ кусковъ частію даже расплавились. Проволоки разныхъ электро-магнитовъ, тутъ находившихся, также разорвались и дежурный чувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильное сотрясеніе. Все это случилось въ везинетскомъ телеграфѣ, а на другомъ концѣ проволоки, въ Парижѣ, ничего не было, кромѣ звона колокольчика. Въ 200 метрахъ отъ Везинѐ, на одномъ изъ столбиковъ, поддерживающихъ проволоку, видны явные слѣды молніи: сторона его, обращенная къ желѣзной дорогѣ, обожжена и раздроблена; недалеко отъ начала атмосферической дороги, одинъ изъ служителей желѣзной дороги, державшій въ то же самое время рукоятку стрѣлки для перемѣны направленія пути по рельсамъ, чувствовалъ очень сильное сотрясеніе; то же было и съ рабочими бывшими при немъ. Послѣднія два обстоятельства заставляютъ г. Брегета (управляющаго этимъ телеграфомъ) предполагать, что проволока телеграфа получила электричество не прямо изъ атмосферы, но отъ рельсовъ желѣзной дороги, которые служили въ этомъ случаѣ какъ бы резервуаромъ.

Мы говорили нѣсколько разъ о звукѣ, издаваемомъ натянутою проволокою, когда электрическій телеграфъ въ дѣйствіи, говорили даже о звукѣ такой проволоки, и не для телеграфа устроенной. Предметъ этотъ обратилъ вниманіе нѣкоторыхъ охотниковъ старины, и розъисканія показали, что наблюденія надъ этимъ явленіемъ были дѣланы и въ прежнее время. Такъ, г. Беллани говоритъ въ одномъ итальянскомъ журналѣ, что въ 1785 году комскій физикъ Гаттони въ восьмомъ томѣ своихъ сочиненій, въ письмѣ къ П. Москари, упоминаетъ о *метеорологической гармоникѣ*, т. е. о звукѣ, произведенномъ неизвѣстною метеорологическою причиною въ натянутой желѣзной проволокѣ. Г. Беллани ссылается въ этомъ дѣлѣ также и на самого Маскари. Потомъ приводится письмо Якова Бернульи изъ Базеля къ Ивану Бернульи, которое въ-послѣдствіи въ 1782 г. было сообщено симъ послѣднимъ Берлинской Академіи Наукъ. Въ этомъ письмѣ говорится, что нѣкто Швейцарецъ Бургленъ открылъ, что проволока, натянутая въ его саду, всегда изда-

вала звукъ при перемѣнѣ погоды. Гаттони изучалъ этотъ предметъ два года и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: звукъ не зависитъ отъ того, будетъ ли проволока сообщена съ хорошими проводниками или уединена; звукъ слышенъ только при спокойномъ состояніи воздуха; звука нѣтъ, когда проволока короче тридцати футъ; закаленная проволока лучше для этой цѣли; звукъ слабѣе, когда проволока натянута посредствомъ стеклянныхъ подставокъ, и еще слабѣе, когда для этого употреблены шелковые снуры.

Electrical Magazine и *la Bibliotheque Universelle de Genève* приводятъ такой любопытный фактъ о вліяніи атмосфернаго электричества на акустическое свойство тѣлъ, что онъ долженъ въ высшей степени обратить вниманіе ученыхъ. Въ Камбервелѣ, въ Серрейскомъ Графствѣ Англіи, 1-го августа 1846 года была чрезвычайно-сильная гроза. Во время этой грозы башенные часы остановились; по прошествіи ея, замѣтили, что звукъ колокола, изъ чистаго, пріятнаго и довольно высокаго, сдѣлался непріятнымъ для слуха и ниже. Начали дѣлать пробы надъ этимъ колоколомъ и послѣ многихъ ударовъ прежній звукъ сталъ возвращаться и, наконецъ, возстановился вполнѣ. Августа 4-го вторая гроза не остановила часовъ, но опять измѣнила звукъ колокола, и послѣ этого уже никакими средствами не могли возвратить ему прежняго тона; онъ, по-видимому, совершенно потерялъ чистоту звука, хотя по тщательномъ осмотрѣ никакихъ наружныхъ перемѣнъ, ни малѣйшихъ трещинъ въ немъ не оказалось. Въ объясненіе этого факта приводятъ, что, можетъ-быть, электричество измѣнило положеніе тончайшихъ частицъ тѣла, т. е. измѣнило такое ихъ положеніе, которое придавало тѣлу свойство издавать звукъ.

— Можетъ-быть, читатели иногда бываютъ не совсѣмъ довольны нашими заграничными новостями: можетъ-быть, не тяжелы ли онѣ? а можетъ-быть и слишкомъ легки?.. Но представьте себѣ обязанность кого бы то ни было: прочесть все, что̀ въ цѣлый мѣсяцъ наговорили новаго въ чужихъ журналахъ и газетахъ, и изъ этого всего выбрать такъ, чтобъ угодить на вкусы ближнихъ, и составить свое, сколько-нибудь занимательное для русскихъ читателей; а между-тѣмъ, часто то, что̀ очень-интересно тамъ, не имѣетъ никакого значенія здѣсь. Вотъ, на-примѣръ, въ Версали пустили всѣ фонтаны и пол-Парижа полетѣло туда; и версальская желѣзная дорога отправляетъ поѣзды черезъ каждые полчаса; какъ не разсмѣяться надъ этой способностію увлекаться первою встрѣчною новостію, и какъ мысленно не захотѣть перенестись туда же, отъ всѣхъ домашнихъ сплетней и дрязговъ, и, безпечно, безъ всякой цѣли, замѣшаться въ одушевленную, заразительно-веселую народную толпу! но у насъ въ Петергофѣ фонтаны еще лучше и праздники великолѣпнѣе, да не умѣемъ мы веселиться, просто не умѣемъ. Вздохнешь и читаешь далѣе. Лондонскій Шахматный-Клубъ, существующій уже почти пол-столѣтія, пировалъ недавно въ своемъ особомъ ежегодномъ собраніи. Представьте, что на домѣ развѣвается поднятый по этому случаю флагъ, у подъѣзда бездна богатыхъ, щегольскихъ экипажей, —все въ полномъ и гордомъ парадѣ; вездѣ внушающія чистота, порядокъ, церемоніальность; швейцары, ливреи, жокеи, офиціанты, грумы. Въ полдень, вы пріѣзжаете, и находите уже большое собраніе, и ученыхъ, и государственныхъ людей, и путешественниковъ, и наконецъ—просто любителей; передъ вами множество столовъ и столиковъ съ шашечницами и все и всѣ, и герцоги и альдермены, разсаживаются, чтобъ съиграть хоть одну партію съ людьми, которыхъ видятъ только изъ году-въ-годъ, но съ которыми считаютъ за честь съиграть; потому-что они изъ самыхъ знаменитыхъ шахматныхъ игроковъ. Все занято, все, кажется, убѣжде-

но въ важности своего занятія; на лицѣ каждаго спокойное самодовольство, въ душѣ его навсегда останется удовольствіе отъ пріятно-проведеннаго дня... Въ шесть часовъ за обѣдомъ и особенно за виннымъ десертомъ и тостами развивается весь важный юморъ Англичанъ; тутъ звучный голосъ пѣвца Стандигля обращается съ *мелодическими посланіями* то къ тому, то къ другому знаменитому игроку; тутъ раздаются народныя, освященныя временемъ излюбныя пѣсни; тутъ и общій God save the Queen; тутъ, наконецъ, и разсказъ лейтенанта о крушеніи парохода *Твиде* (о которомъ мы въ свое время сообщали читателямъ), о томъ, какъ онъ спасся съ двумя матросами на голомъ утесѣ, какъ они упали духомъ, а онъ спокойно мыслію смотрѣлъ на это происшествіе, сравнивалъ море жизни съ шахматной доской и вѣрилъ, что, не проигравъ до-сихъ-поръ ни одной шахматной партіи съ людьми, не проиграетъ и въ игрѣ съ судьбою. Кáкъ вы думаете, не вселилъ ли этотъ лейтенантъ въ матросахъ хоть сколько-нибудь надежды своею увѣренностію, что судьба не готовитъ имъ шахъ и мата? Неподдѣльное чувство, будь оно и не совсѣмъ умѣстно, всегда вселяетъ уваженіе и какъ-то успокоиваетъ вчужѣ.

— Хотите знать объ учрежденіи въ Парижѣ одной частной компаніи? Теперь, какъ желѣзныя дороги поглощаютъ очень-многіе и многіе интересы, нельзя не поблагодарить этой компаніи. Мы сообщали нѣсколько разъ о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ дѣлѣ паровозовъ и желѣзныхъ дорогъ, а въ иностранныхъ газетахъ такихъ улучшеній и изобрѣтеній еще болѣе. Но желѣзныя дороги стóютъ такихъ огромныхъ суммъ, опыты новыхъ изобрѣтеній тоже; по этому строители предпочитаютъ придерживаться уже извѣстнаго и стараго, и потому усовершенствованія существуютъ только въ проектахъ, а на дѣлѣ — нѣтъ. Теперь учредилась въ Парижѣ *Компанія усовершенствованныхъ паровозовъ;* она поставила себѣ цѣлію подвергать опыту всѣ изобрѣтенія и такимъ-образомъ давать имъ право гражданства въ инженерномъ дѣлѣ, право, котораго онѣ до-сихъ-поръ не имѣли. Для начала, компанія строитъ паровозъ, придуманный докторомъ Юліемъ Гюйó, съ тремя цилиндрами и поршнями, находящимися на одной и той же оси, но получающими паръ посредствомъ трехъ независимыхъ другъ отъ друга механизмовъ.

— Кстати о паровозахъ; около начала года мы сообщили о новой системѣ желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ г. Жуффруа. У него было устроено даже заведеніе для опытовъ. Все это заведеніе, всѣ мастерскія недавно сгорѣли; къ-счастію, паровозъ, вагоны, дорога—словомъ все, чтó было уже сдѣлано мастерскими, не подверглось истребленію.

— Мы, Русскіе, такъ переимчивы! вотъ новаго рода акціонерная компанія; намъ думается, что у насъ она нашла бы много акціонеровъ. И хорошо именно то, что она основана въ родѣ *Сберегательной Кассы* и доступна для небогатаго класса народа. Согласитесь, что вносить въ настоящія компаніи по 75, по 100, по 150 рублей серебромъ за акцію не всякому легко. У насъ часто жалуются на недовѣріе публики къ компаніямъ, и въ-слѣдствіе этого на нерасходъ акцій и на распаденіе компаній прежде начала дѣйствій (гдѣ довѣріе было, тѣ компаніи и устояли). Но всякая компанія требуетъ слишкомъ-большихъ суммъ. Начните съ малыхъ суммъ, утвердите за компаніями общее довѣріе — и тогда компаніи закипятъ одна за другой. Вотъ, послушайте, и вы сейчасъ удостовѣритесь, что такая компанія, какая существуетъ въ Парижѣ, не только скоро бы осуществилась у насъ, но даже была бы и благодѣтельна. Капиталъ компаніи — неограниченъ. Предметъ—покупка, обдѣлка

и застройка мѣстъ цѣлыми кварталами въ предмѣстіяхъ, или даже внѣ черты существующихъ уже предмѣстій Парижа. Цѣнность пригородныхъ около столицъ земель никогда не уменьшается, а, напротивъ, всегда возвышается, и потому риска тутъ быть не можетъ. Если угодно, есть акціи или билеты въ 250 франковъ есть во 100, но есть и въ 25 франковъ. Эта низкая цѣна акцій даетъ возможность участвовать въ компаніи множеству народа, которому до-сихъ-поръ всѣ акціонерныя компаніи были недоступны. Но и тутъ компанія доставляетъ еще бо́льшее удобство небогатымъ акціонерамъ тѣмъ, что вы можете не платить всѣхъ денегъ вдругъ; а это для небогатаго человѣка тоже много значитъ: вы можете вносить каждую недѣлю по 10 франковъ, по 5, или даже по 1. Такъ-что компанія эта дѣлается настоящею *сберегательною* кассою, и чрезвычайно доступною и удобною для всѣхъ и каждаго.

— Въ прошедшемъ году писали объ учрежденіи въ Вѣнѣ Академіи Наукъ. Императорскимъ манифестомъ отъ 14 мая нынѣшняго года, академія окончательно устроена. Она будетъ получать егодно отъ казны 40,000 флориновъ, не считая жалованья президенту, вице-президенту и секретарямъ; для помѣщенія ея назначается казенное зданіе. Академія раздѣляется на два класса, первый — наукъ физическихъ и математическихъ, второй—историческихъ, филологическихъ и археологическихъ; она должна состоять изъ 48 дѣйствительныхъ членовъ (по 24 въ каждомъ отдѣленіи), не болѣе какъ изъ 24 почетныхъ членовъ, и изъ неограниченнаго числа членовъ-корреспондентовъ. Дѣйствительные члены избираются императоромъ по одному изъ трехъ представленныхъ академіею кандидатовъ; прочіе члены избираются самою академіею. Академія будетъ ежегодно присуждать по четыре награды за разныя сочиненія, и, кромѣ того, можетъ еще пріобрѣтать въ свою собственность право печатать и издавать нѣкорыя сочиненія, которыя найдетъ достойными. Императорская типографія поступаетъ въ полное ея распоряженіе; и наконецъ, Академія состоитъ подъ *непосредственнымъ* покровительствомъ императора.

— Мы нѣсколько разъ говорили объ учрежденіи новыхъ пароходныхъ линій чрезъ Атлантическій-Океанъ. Дѣло быстро подвигается впередъ; одна изъ французскихъ линій едва ли уже не открыта въ настоящее время изъ Гавра въ Нью-Йоркъ. Въ послѣднихъ извѣстіяхъ упоминаютъ о прибытіи въ Европу американскаго парохода *Вашингтона*. Онъ будетъ ходить изъ Нью-Йорка въ Бременъ съ остановкою въ Сутгамптонѣ. Въ день отправленія *Вашингтона* изъ Нью-Йорка, отправился въ Англію англійской пароходъ *Британнія;* и въ Нью-Йоркѣ составилось нѣсколько пари, который пароходъ прійдетъ прежде: — англійскій опередилъ 48 часами.

—На полѣ маренгской битвы, въ день самаго сраженія, 14-го іюня, поставлена колоссальная статуя Наполеона. Виновникъ этого нѣкто г. Делаво; онъ былъ всегда особеннымъ почитателемъ генія великаго человѣка и давно задумалъ это; пріобрѣлъ въ собственность все поле сраженія, возстановилъ въ прежнемъ видѣ избушку, въ которой останавливался Наполеонъ, обвесъ ее садомъ, составилъ небольшой музеумъ изъ остатковъ военныхъ вещей, найденныхъ на мѣстѣ, и, наконецъ, нынѣче воздвигъ въ память Наполеона его статую, сдѣланную однимъ изъ лучшихъ художниковъ Италіи. Статуя смотритъ на дорогу изъ Турина въ Геную.

— Подъ рубрикой *Vol au mariage*, французскія газеты сообщаютъ объ одномъ очень-смѣло-задуманномъ и ловко исполненномъ воровствѣ или обманѣ. Виконтъ Адріанъ Ж...... пріѣзжаетъ въ Парижъ и останавливается

въ одной изъ лучшихъ гостинницъ; графиня Гермингарда К...... также прiѣзжаетъ въ Парижъ съ матерью и нанимаетъ мёблированную квартиру въ самой аристократической части города. Вскорѣ въ конторѣ мера является объявленiе о вступленiи въ бракъ этихъ двухъ лицъ; за тѣмъ пасторы въ церквахъ окликаютъ жениха и невѣсту, и со всѣхъ сторонъ ювелиры, каретники, магазинщики въ запуски летятъ предлагать свои товары жениху. Онъ не отказывается, откровенно говоритъ, что онъ имѣетъ неогромное состоянiе, но что невѣста владѣетъ мильйономъ, и что онъ расплатится на другой день свадьбы. Забравъ бездну всего на нѣсколько десятковъ, а можетъ-быть и сотенъ тысячь, и женихъ и невѣста исчезли, и теперь уже за границей Францiи. Полицiя только открыла, что женихъ былъ карточный игрокъ, а невѣста — бывшая актриса.

МОДЫ.

Легкiя креповыя мантильи, о которыхъ мы уже говорили, все болѣе-и-болѣе входятъ въ употребленiе. Мы видѣли одну такую мантилью весьма красивую: она была сдѣлана изъ бѣлаго крепа и обшита бѣлыми кружевами; кругомъ всей мантильи и по швамъ ея былъ пущенъ бѣлый тоненькiй атласный снурокъ. Очень-красивы также кружевныя мантильи, подбитыя тафтой; но придумана еще очень-легкая и простая мантилья для утренняго неглижé изъ бѣлой кисеи (mousseline à vapeur), съ фалбалой, обшитой кружевами. Фасоны для мантилiй разные; но главное условiе, чтобъ концы напереди не были очень-длинны и на бокахъ, или, лучше-сказать, на плечахъ у мантильи непремѣнно были швы, которые гораздо-лучше обрисовываютъ талiю. Сзади мантильи дѣлается довольно-пышная уборка, на-прим.: если мантилья убрана кружевами, то ихъ сзади нашиваютъ три или четыре ряда, но не густо, почти вгладь, тогда-какъ напереди они нашиваются въ одинъ, а иного въ два ряда.

О платьяхъ говорить почти уже нѣчего: они шьются тысячью фасонами; уборка тоже чрезвычайно-разнообразная — и кружева, и ленты, и тюль, и рюшъ и пр., и пр., но все же нѣтъ ничего новаго. Впрочемъ, вотъ одна уборка немного-оригинальнѣе изъ нихъ. На бѣломъ креповомъ платьѣ въ двѣ юбки нашиты буфы; положимъ, что это не

новость, но вотъ что ново: первая буфа сдѣлана изъ бѣлаго крепа, вторая изъ розоваго тюля, и такимъ-образомъ по очереди буфы нашиты въ нѣсколько рядовъ на каждой юбкѣ; лифъ и рукава убраны также.

На соломенныя шляпки очень-часто накалываютъ пучокъ колосьевъ, или одинъ большой цвѣтокъ съ темной зеленью. Очень-легки и милы шляпки изъ крепа, тюля и даже кисеи; всѣ эти шляпки убираются какъ-можно-проще —или однимъ цвѣткомъ, или двумя рядами кружевъ, или даже небольшимъ перомъ, но на нихъ накалывается какъ-можно-менѣе бантовъ.

Для утренняго неглиже́ очень-красивы пеньюары изъ сѣраго или бѣлаго батиста, съ небольшими широкими рукавами безъ воротничка, и обшитые кругомъ фалбалой, или кружевами, или рюшемъ; но роскошнѣе и удобнѣе всего, когда такой пеньюаръ вышитъ, потому-что отъ прически головы уборка на пеньюарѣ скоро мнется, тогда-какъ вышивка долго остается въ прежнемъ видѣ. Для утреннихъ загородныхъ прогулокъ дѣлаются капоты въ родѣ пеньюаровъ, но съ большой пелеринкой и съ длинными кушаками изъ такой же матеріи, какъ капотъ. Къ такимъ капотамъ непремѣнно нужна вышитая бѣлая кисейная юбка, или еще лучше, батистовая, также рукава и манишка, потому-что капотъ открытъ до самой таліи, и рукава дѣлаются широкіе.

Чепчики очень-часто убираются цвѣтнымъ тюлемъ; эта выдумка хоть не новая, но все же нельзя не сказать, что она не красива: особенно, когда буфы или кокарды положены со вкусомъ.

На воротничкахъ и носовыхъ платкахъ все обстоитъ по-прежнему чѣмъ больше вышивки, тѣмъ лучше.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

получаемыя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера библіотекъ гвардейскаго корпуса

Я. А. ИСАКОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	Р.	К.
Histoire de France sous Louis XIII et sous le ministère du Cardinal Mazarin, par Bazin. 2-e édit. 4 vol. in 12. Paris. 1847.	4	»
Diplomatie de la France et de l'Espagne depuis l'avénement de la maison de Bourbon 1698—1846, par Capefigue. Un vol. 8. Paris. 1847	2	»
Même ouvrage in 18.	»	60
Le Congrès de Vienne dans ses rapports avec la circonscription actuelle de l'Europe, par Capefigue. Un vol. 8. Paris. 1847	2	»
Même ouvrage. Un vol. in 18. .	»	60
Patria. La France ancienne et moderne, morale et materielle, ou Collection encyclopedique et statistique de tous les faits relatifs à l'histoire intellectuelle et physique de la France et de ses colonies, par une société des auteurs les plus célèbres. 2 gros vol. in 12. Paris. 1847. .	5	»
Histoire du Concile de Trente, par Bungener. 2 vol. in 12. Paris. 1846.	2	»
Code usuel de toutes les classes de la Société, ou guide complet administratif, civil, historique, etc., etc., par Sorin. 2 e édit. Un vol. 8. Paris. 1846.	3	40
Traité de la législation des chemins de fer, par Rebel et Juge. Un vol. 8. Paris 1847.	1	»
Lettres à une dame sur la charité, par Dufaut. Un vol. in 12. Paris. 1847.	1	»
Lettres philosophiques sur les vicissitudes de la philosophie rélativement aux principes des connaissances humaines, depuis Descartes jusqu'à Kant, par Gallupi. Un vol. 8. Paris.	1	70
Bluettes et boutades, par Petit-Senn, avec un avant propos de M. Louis Reybaud. Un vol. 12. Paris. 1846	1	»
Nouvelle branche de physique, ou études sur les corps à l'etat spheroidal, par Boutigny. Un vol. 8. Paris. 1846 . . .	1	25
Théorie experimentale de la formation des os, par Flourens. Un vol. 8. Paris. 1847	2	15
Théorie positive de l'ovulation spontanée et de la fecondation des mammifères et de l'éspèce humaine, basée sur l'observation de toute la serie animale, par Ponchet. Un vol. 8 et Atlas de 20 pl. in 4 color. Paris. 1847	10	»
L'Agriculture allemande, ses écoles, son organisation, ses moeurs et ses pratiques les plus récentes, par Royer. Un fort vol. 8. Paris. 1847 . . .	2	15
Le veritable Guide des cultivateurs, ou vie agricole de J. Gouyer, dit le paysan phi-		

	P. K.
losophe, par Dezeimerie. Un vol. 18. Paris	» 50
De l'industrie chevaline en France et des moyens pratiques d'en assurer la prosperité, par le Comte D'Aur. Un vol. 8. Paris. 1847	1 40
Manuel de dissection, ou élémens d'anatomie générale, descriptive et topographique, par Coste. Un vol. 8. Paris. 1847	2 25
Expériences rélatives aux éffets de l'inhalation de l'Ether sulfurique sur le systéme nerveux, par Longet. in 8. Paris. 1847	» 57
Hygiène physique et morale des prisons, ou de l'influence que les systèmes penitentiaires exercent sur le physique et le moral des prisonniers, par Bonnet. Un vol. 8. Paris. 1847. .	1 »
Hygiène de la vue, ou conseils sur la conservation des yeux, s'adressant à tontes les classes de la société, par Magne. Un vol. 8. Paris. 1847. .	1 40
Annuaire de Chimie, comprenant les applications de cette science et à la pharmacie, par Millon et Reiset. Un vol. 8. Paris. 1847.	2 15
Traité du dessin géometrique, ou éxposition complète de l'art du dessin linéaire, de la construction des ombres et du lavis, etc., trad. de l'alemand, par Regnier, 2 vol. in 4 avec 30 plan. Paris. 1847 . .	7 »
Guerres maritimes sous la Republique et l'Empire, par Jurien de la Gravière. 2 vol. 12. Paris. 1847	1 70
Rélation de la defense de Schweidnitz, avec une notice de Favé. Paris. 1846 . .	1 15

	P. K.
Des conditions des forces de l'armée et de sa réserve sans augmentation de defense, par l'auteur «*de Vauban expliqué*». Paris. 1846	» 57
Histoire de la fortification permaente, par Zastrow, trad. de l'Allemand par Neuens. Un vol. 8 avec Atlas folio. Liège. 1846.	5 70
De la cause du déraillement des wagons sur les courbes des chemins de fer, par Olivier. Un vol. 8. Paris. 1846 .	» 57
Asphaltes.—Considerations générales sur l'origine et la formation des asphaltes et de leur emploi comme ciment naturel, etc., etc., par Huguenet. in 8. Paris. 1846	» 70
Compositions d'architecture, contenant des batiments de toutes espèces, tels que maisons de villes et de campagne. Eglises, ponts, jardins, etc., etc., par Idzkowski. Livrais. 1 à 8 gr. in folio, prix de la livrais. à .	4 25
L'Elite, livre des salons, par les auteurs les plus célèbres, un magnifique vol. gr. in 8 orné de 12 fig. sur acier. Paris. 1847	5 15
La vapeur depuis sa découverte jusqu'à nos jours, par Chavanne de la Giraudière, in 18. Paris. 1847.	» 50

РОМАНЫ.

Balzac. La Cousine Bette, 3 vol.	1 80
Masson. Les Incendiaires, 3 vol.	1 80
Cooper. Le Porte-Chaine, 2 vol.	1 20
Delavergne. Un Gentilhomme d'Aujourd'hui, 2 vol. .	1 20
Robert. Le Tribunal Secret, 3 vol.	1 80

Печатать позволяется, 27 іюня 1847. Старшій цензоръ Рочфортъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
у М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Пьесы для всего оркестра.

	Серебромъ Р.	К.
CASSINO die Musikgesellschaft auf dem Lande. Favorit-Stücke aus Opern für 8 stimmiges Orchestre (2 Violinen, Alto, Bass, Flöte. Clarinette und 2 Hörner—Violoncell, Paukeu und Trompeten ad libitum) N° 4. Puritani (3 р. 43 к.), N° 5. Sonnambula (4 р.), N° 9. La fille du regiment	2	85
GUNGL. Elfen-Quadrille, op. 57. An Schleswig-Holstein. Marsch, op. 59.	3	43
— Wiener Sperl-Lust-Klänge. Walzer, op. 60.	2	85
— Grazien-Polka, op. 61. Elite-Quadrille, op. 62.	3	43
— Venus-Reigen. Walzer, op. 63.	2	85
LABITZKY. Tunnel-Fest-Walzer, op. 132	2	85
— Cambridge-Walzer, op. 133.	2	85
— Gruss an London. Drei Polkas, op. 134.	2	85
— Seraphinen-Quadrille, op. 135. Chinesen-Galop, op. 137. .	2	85
— Victoria-Walzer, op. 136.	2	85
MEYERBEER. Ouverture zur Tragoedie Struensee. Partitur und Stimmen	13	72
STRAUSS. Bouquets. Walzer, op. 197.	2	15
— Ländlich, sittlich! Walzer, op. 198.	2	85
— Neujahrs-Polka, op. 190 (1 р. 72 к.), Souvenir de Carnaval. Quadrille, op. 200	2	85
— Themis-Klänge. Walzer, op. 201 (3 р. 15 к.), Eisele und Beisele-Sprünge. Polka, op. 202.	1	15
STRAUSS, SOHN. Die Oesterreicher Walzer, op. 22.	2	85
— Zigeunerin-Quadrille, op. 24.	2	85
— Zeitgeister-Walzer, op. 25.	3	15
— Fidelen-Polka, op. 26.	1	43
MEHUL. Jagd-Ouverture. Nouvelle édition.	2	85

Пьесы для фортепьяно въ четыре руки.

	Р.	К.
BEYER. La perle. Melodie de Proch: le cor des alpes variée, op. 92. .	1	15
BURGMÜLLER. Valse et Galop sur l'opéra: le roi d'Yvetot, op. 81, N° 1 и 2, каждый	1	15
CHOTEK. Anthologie musicale. Trois fantaisies brillantes sur l'opéra: Dom Sebastien. Cah. 1, 2 и 3, каждый	1	72
DÖHLER. Andante sur une romance de Dom Sebastien, op. 54, arr. .	1	15
— 2-me Ballade, op. 55, arr.	»	85
DUVERNOY. Petites pièces sur des motifs favoris des opéras de Halevy, Meyerbeer, Weber, op. 118, liv 1 à 4, каждая.	»	85
— L'Elisire d'amore. Duetinno, op. 108.	»	72
— Une pensée de Bellini. Variations, op. 129.	1	15
— Une chanson des Alpes. Petite fantaisie, op. 140.	»	58
— Naples et Florence. Deux petites fantaisies sur des motifs de Bellini et Donizetti, op. 145. N° 1 (58 к.), N° 2. . . .	»	85
— Deux petites fantaisies, op. 159. N° 1—2, каждый. . . .	»	85
HERZ. Grand duo concertant sur des motifs favoris du Désert, musique de David, op. 156.	2	»
HUNTEN. Variations brillantes sur la Polka nationale, op. 135, arr. . .	1	43

		Р.	К.
KRUG.	Characteristisches Tongemälde: drei grosse Sonaten zu 2 und 4 Händen, op. 10, liv. 1—3, (каждый 2 р 86 к)	8	58
LISZT.	Marche funèbre de Dom Sebastien variée, arr	1	15
MARKS.	Der musikalische Kinderfreund. Eine Auswahl der schönsten Opern-Arien, Märsche, Tänze etc, im leichtesten Arrangement. Heft 1—6, каждая	»	85
—	Collection de Potpourris des meilleurs opéras. Liv. 42, Puritani (2 р. 29 к.). Liv. 43, Beatrice di Tenda (1 р. 29 к.) Liv. 44, Lombardi (2 р. 29 к.) Liv. 45, Saffo (2 р. 29 к.) Liv. 46, Ernani	2	85
MARX.	Am Nordgestade. Fantaisie, op. 11	1	43
—	Um Mitternacht. Fantaisie, op. 12.	1	15
MEYER.	Machmudier. Air guerrier des Turques, op. 22. arr.	1	43
—	Bajazeth. Air national des Turques, op. 23, arr.	1	43

Пьесы для фортепьяно.

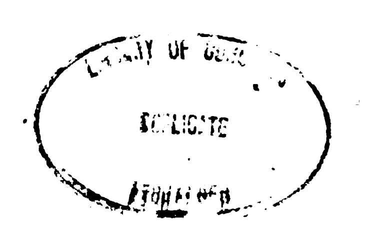
		Р.	К.
BEYER.	Fleurs italiennes. Douze amusements sur les motifs favoris des opéras, op. 87. N° 1—12, каждый	»	72
—	Les nouveautés. Morceaux agréables sur des motifs favoris, op. 91. N° 1 — 6, каждый.	1	»
BERNARD.	Souvenir d'Ernst. Le carnaval de Venise pour piano (avec portrait d'Ernst).	»	85
BURGMÜLLER.	La reveuse. Valse brillante.	»	58
CHOPIN.	Trois mazurkas, op. 59.	1	43
DOEHLER.	Une promenade en gondole. Nocturne, op 64.	»	75
GORIA.	Надежда. Mazurka originale	»	50
HENSELT.	Quatre romances sans paroles, op. 18.	1	»
—	Deuxième Impromptu.	»	75
—	Deux romances du C-te M. Wielhorsky, transcrites. Nouvelle édition	1	»
—	Concerto, op. 16, pour piano avec orchestre.	9	72
—	Concerto, op. 16, pour piano seul.	3	72
HERZ.	Les entrainantes. Nouveau quadrille varié, op. 155.	1	43
HÜNTEN.	Le désir du Pays. Air allemand varié, op. 147 (1 р.), Une fleur. Valse, op 149 (1 р.), Le retour au Chalet. Air national varié, op. 144 (1 р), Mélodie bohémienne varié, op. 145. .	1	»
MOSCHELES.	Souvenir de Ienny Lind. Fantaisie brillante, op. 114 . .	1	15

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.*, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюля седьмая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Litolff*, Souvenir de la Lucia di Lammermoor. Fantaisie, — *Stückrad*, Sur le lac, — *Goria*, Etude, — *Reissiger*, Mélodie aérienne, — *Lecarpentier*, Bagatelle sur le Stabat mater de Rossini, — *Hünten*, La sérénade. Thème de Bellini varié, — *Алябьевъ*, Романсъ, — *David*, Romance, — *Wallerstein*, Champagner-Polka, — Музыкально-Литературное Прибавленіе N° 9.

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

Гг. желающіе подписаться на «Нувелистъ» на 1847 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

ДВѢ ДІАНЫ.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

I.

Въ палаткѣ.

Черезъ три дня послѣ этой сцены, вечеромъ, четвертаго января, Французы, на зло предсказаніямъ лорда Уэнтворта, продолжали идти впередъ, и не только перешли мостъ, но даже овладѣли поутру фортомъ Ньёлè и всѣмъ оружіемъ и провіантомъ, какіе въ немъ находились.

Въ такой позиціи, Французы могли запереть дорогу всякой помощи, испанской и англійской, отправленной къ порту сухимъ путемъ.

За такой счастливый результатъ стòило заплатить тремя днями яростной и кровопролитной битвы.

— Нѣтъ, это сонъ! вскричалъ гордый губернаторъ Калè, когда увидѣлъ войска бѣгущими въ безпорядкѣ къ городу, не смотря на мужественныя усилія свои удержать ихъ на прежнемъ пòстѣ.

И, къ довершенію безславія, губернаторъ самъ принужденъ былъ слѣдовать за ними. Долгъ его былъ—умереть послѣ всѣхъ.

— Къ-счастію, что Калè и Вьё-Шатò, даже съ незначительнымъ гарнизономъ, какой остался въ нихъ, могутъ еще держаться два или три дня, сказалъ губернатору лордъ Дэрби, когда они пришли въ безопасное мѣсто. — Укрѣпленіе Рисбанкъ и входъ съ моря еще свободны, и Англія недалеко!

Совѣтъ, созванный лордомъ Уэнтвортомъ, дѣйствительно съ увѣренностью подтвердилъ мнѣніе, что только изъ Англіи можно ожидать помощи. Внимать голосу національной гордости было бы безразсудно. Если немедленно отправить извѣстіе въ Дувръ, сильное вспомогательное войско явится не позже, какъ на слѣдующій день, — и Калѐ будетъ спасенъ.

Лордъ Уэнтвортъ съ самоотверженіемъ принялъ это мнѣніе, и курьеръ тотчасъ отправленъ съ депешами къ губернатору Дувра.

Послѣ того, Англичане приняли мѣры къ защитѣ Вьё-Шатò, и рѣшили сосредоточить въ немъ всѣ свои силы.

Вьё-Шатò былъ самая больная сторона Калѐ, потому-что море, подводные камни и горсть городской милиціи могли, даже слишкомъ, сохранить фортъ Рисбанкъ.

Между-тѣмъ, какъ осажденные готовятъ въ Калѐ оборону на пунктѣ, на который устремлена аттака, посмотримъ, чтò дѣлается внѣ города, чтò дѣлаютъ осажденные, и чтò произошло вечеромъ четвертаго числа съ виконтомъ д'Эксме́, Мартэномъ-Герромъ и храбрыми ихъ рекрутами.

Такъ-какъ они исполняютъ обязанности солдатъ, а не инженеровъ, и дѣйствуютъ не въ траншеяхъ и при осадныхъ работахъ, но въ битвѣ и на приступѣ, то теперь они, вѣроятно, отдыхаютъ. Итакъ, приподнимемъ полотно палатки, раскинутой въ сторонѣ отъ французскаго лагеря, и посмотримъ на Габріэля съ его маленькою труппою волонтёровъ.

Картина, которую они представляли собою, была живописна и чрезвычайно-разнообразна.

Габріэль, опустивъ голову, сидѣлъ въ углу, на срубленномъ пнѣ, погруженный въ глубокую задумчивость.

У ногъ его Мартэнъ-Герръ чинилъ пряжку пояса, и отъ-времени-до-времени поднималъ внимательные глаза къ своему господину, не нарушая, однакожь, его молчаливой задумчивости.

Неподалеку отъ нихъ, на постели, сдѣланной изъ шинелей, лежалъ и стоналъ раненный. Увы! это былъ несчастный Мальморъ.

На другомъ концѣ палатки, благочестивый Лактанцій, стоя на колѣняхъ, быстро и съ жаромъ перебиралъ зерна четокъ. Лактанцій имѣлъ несчастіе уложить поутру, при взятіи форта Ньёлѐ, трехъ собратьевъ по духу вѣры христіанской; за то, для успокоенія своей совѣсти, долженъ былъ триста разъ прочитать *Отче нашъ* и столько же разъ *Ave Maria*. Это была обыкновенная очистительная жертва, наложенная на Лактанція его духовникомъ. Раненные считались двое за одного убитаго.

Близъ Лактанція, Ивонне́, старательно вычиствъ щеткою свое платье, забрызганное грязью и покрытое пылью, выбиралъ глазами уголокъ земли не такъ мокрый, чтобъ отдохнуть, потому-что продолжительная безсонница и усталость были несогласны съ его нѣжнымъ темпераментомъ.

Въ двухъ шагахъ отъ Ивоннѐ, Шарфенштейнъ-дядя и Шарфенштейнъ-племянникъ дѣлали чрезвычайно-важныя вычисленія на своихъ огромныхъ пальцахъ, разсуждая о выгодахъ, какія могла доставить имъ утренняя добыча. Шарфенштейнъ-племянникъ владѣлъ необыкновеннымъ талантомъ налагать свою руку на самое дорогое оружіе, и два достойные Тевтона, съ раскраснѣвшимися лицами, заранѣе раздѣляли между собою деньги, которыя они могли выручить за эту богатую добычу.

Остальные воины, составивъ кружокъ въ серединѣ палатки, играли въ кости, съ одушевленіемъ слѣдя за различными переходами партіи.

Толстая пловучая свѣчка, воткнутая въ землю, освѣщала ихъ веселыя и беззаботныя лица, бросая сквозь облака смрадной копоти дрожащій свѣтъ на другія фигуры съ совершенно противоположными выраженіями, и которыя мы постарались подсмотрѣть и обрисовали въ полусвѣтѣ.

Болѣзненный стонъ бѣднаго Мальмора, раздавшійся сильнѣе прежняго, вывелъ Габріэля изъ задумчивости. Онъ поднялъ голову и обратился къ своему конюшему.

— Мартэнъ-Герръ, который часъ можетъ быть теперь? спросилъ его Габріэль.

— Трудно сказать, отвѣчалъ Мартэнъ: — дождливая ночь погасила всѣ звѣзды. Я думаю, теперь около шести часовъ, потому-что болѣе часу, какъ на дворѣ стоитъ самая черная ночь.

— Лекарь обѣщалъ тебѣ прійдти въ шесть часовъ? спросилъ Габріэль.

— Ровно въ шесть. Да вотъ, сударь, приподнимается дверь; вотъ и самъ лекарь.

Виконтъ д'Эксмé взглянулъ на вошедшаго и тотчасъ узналъ его. Они видѣлись только одинъ разъ, но лицо хирурга принадлежало къ числу тѣхъ, которыя нельзя позабыть, даже послѣ одной встрѣчи.

— Амброазъ Паре! вскричалъ Габріэль, вставая съ своего мѣста.

— Господинъ виконтъ д'Эксмé! сказалъ Паре съ почтительнымъ поклономъ.

— Я не зналъ, что вы въ лагерѣ, такъ близко отъ насъ, продолжалъ Габріэль.

— Я всегда стараюсь находиться тамъ, гдѣ могу быть полезенъ, отвѣчалъ хирургъ.

— О, я узнаю васъ, благородное сердце, и я вдвойнѣ радъ вамъ сегодня, потому-что долженъ прибѣгнуть къ вашему искусству.

— Надѣюсь, что не для васъ? спросилъ Амброазъ Паре. — Въ чемъ дѣло?

— Дѣло идетъ объ одномъ изъ моихъ людей, отвѣчалъ Габріэль: — который нынче утромъ, бросившись съ яростью на англійскихъ бѣглецовъ, получилъ въ плечо сильный ударъ копьемъ.

— Въ плечо? Можетъ-быть, это не опасно, сказалъ хирургъ.

— Напротивъ, я опасаюсь, отвѣчалъ Габріэль, понижая голосъ: — потому-что одинъ изъ товарищей раненнаго, Шарфенштейнъ, вотъ этотъ самый, такъ грубо и неловко постарался вынуть древко копья, что переломилъ его, и желѣзо осталось въ ранѣ.

Амброазъ Паре́ сдѣлалъ гримасу, бывшую дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Посмотримъ, сказалъ онъ, однакожь, съ своимъ всегдашнимъ спокойствіемъ.

Парѐ подвели къ постели больнаго. Всѣ солдаты встали и окружили хирурга, бросивъ кто игру, кто вычисленія, кто щетку. Одинъ только Лактанцій продолжалъ бормотать въ углу.

Амброазъ Паре́, откинувъ бѣлье, которымъ было обернуто плечо Мальмора, и внимательно разсмотрѣвъ рану, покачалъ головою сомнительно и съ неудовольствіемъ, но потомъ сказалъ громко:

— Опасаться не́чего.

— Гм! проговорилъ Мальморъ. — Если не́чего, такъ завтра я могу драться?

— Не думаю, отвѣчалъ Амброазъ Паре́, вкладывая зондъ въ рану.

— Эге! Оно немножко больно!.. сказалъ Мальморъ.

— Я думаю, отвѣчалъ хирургъ: — надо потерпѣть, любезный другъ.

— На счетъ этого не безпокойтесь, замѣтилъ Мальморъ. — Досихъ-поръ еще сносно. Не будетъ ли больнѣе, когда вы станете вынимать эту проклятую занозу?

— Нѣтъ, потому-что вотъ она, сказалъ торжествующій Амброазъ Паре́, показывая Мальмору желѣзо, вынутое изъ плеча.

— Очень обязали, г-нъ хирургъ, учтиво сказалъ Мальморъ.

Шопотъ удивленія и изумленія былъ наградою Амброазу Парѐ за его искусную операцію.

— Какъ! уже все кончено? сказалъ Габріэль.—Это невѣроятно?

— Надо согласиться, замѣтилъ съ улыбкою Амброазъ: — что раненный не робокъ.

— И что операторъ — не ученикъ! сказалъ позади солдатъ человѣкъ, котораго, при всеобщемъ безпокойствѣ, никто не замѣтилъ, когда онъ вошелъ въ палатку.

При этомъ знакомомъ голосѣ, всѣ почтительно разступились.

— Г-нъ герцогъ Гизъ! сказалъ Паре́, узнавъ главнокомандующаго.

— Да, отвѣчалъ герцогъ:—г-нъ Гизъ, изумленный и восхищенный вашимъ искусствомъ. Клянусь своимъ патрономъ, святымъ Францискомъ, сейчасъ я видѣлъословъ-медиковъ, которые надѣлали нашимъ солдатамъ гораздо-больше зла своими инструментами, нежели Англичане оружіемъ. Но вы, любезный другъ, вынули этотъ осколокъ такъ свободно, какъ сѣдой волосъ... и я васъ еще не знаю! Ка́къ ваше имя?

— Амброазъ Парè, отвѣчалъ хирургъ.

— И такъ, Амброазъ Паре́, продолжалъ герцогъ Гизъ: — отвѣчаю вамъ за вашу будущность, но только съ условіемъ...

— Позволите, г-нъ герцогъ, узнать это условіе?

— Если я получу рану или ушибъ, чтò весьма-возможно, особенно теперь, вы возьметесь пользовать меня и будете лечить меня такъ же просто, какъ этого бѣдняка.

— Исполню ваше условіе, г-нъ герцогъ, отвѣчалъ Амброазъ: — всѣ люди равны передъ страданіемъ.

— Гм! вы постараетесь, чтобъ въ случаѣ, о которомъ я говорю, замѣтилъ Францискъ Лотарингскій: — они также были равны передъ исцѣленіемъ.

— Теперь, надѣюсь, г-нъ герцогъ позволитъ мнѣ заняться перевязкою раны этого больнаго, сказалъ хирургъ.—Еще другіе раненные ждутъ сегодня моей помощи.

— Продолжайте свое дѣло, г-нъ Амброазъ Паре́, и не обращайте на меня вниманія, отвѣчалъ герцогъ Гизъ. — Я поспѣшу самъ освободить отъ нашихъ записныхъ эскулаповъ и прислать къ вамъ паціентовъ сколько возможно. Притомъ, мнѣ еще надобно поговорить съ господиномъ д'Эксме́.

Амброазъ Паре́ немедленно началъ перевязывать рану Мальмора.

— Еще разъ благодарю васъ, г-нъ хирургъ, сказалъ ему раненный:—но извините, если и я попрошу васъ еще объ одной услугѣ.

— Чего хотите вы, герой? спросилъ амброазъ.

— Вотъ чего, г-нъ хирургъ, отвѣчалъ Мальморъ: — теперь я больше не чувствую въ своемъ тѣлѣ этой проклятой палки, такъ жестоко терзавшей меня и, кажется, я почти здоровъ...

— Да, почти, сказалъ Амброазъ Парè, стягивая перевязку.

— Итакъ, не потрудитесь ли вы сказать г-ну д'Эксме́, что если завтра пойдутъ драться, я совершенно могу участвовать въ сраженіи.

— Вамъ идти завтра въ сраженіе! вскричалъ Амброазъ Паре́.— Но вы не думаете о томъ, чтò говорите!

— Очень думаю, печально отвѣчалъ Мальморъ.

— Несчастный, сказалъ хирургъ: — но я предписываю вамъ по-крайней-мѣрѣ восемь дней совершеннаго спокойствія; восемь дней не вставать съ постели, быть на діэтѣ!

— Діэта пищи — это еще не бѣда, замѣтилъ Мальморъ: — но діэта битвы... Умоляю васъ, г-нъ хирургъ...

— Вы помѣшались! продолжалъ Амброазъ Паре́: — если вы только встанете — схватите горячку и вы пропали. Я назначилъ восемь дней и не сбавлю ни полчаса.

— Гм! проворчалъ Мальморъ: — въ восемь дней кончится осада, и мнѣ во все это время валяться на боку!

— Вотъ молодецъ! сказалъ герцогъ Гизъ, слышавшій этотъ странный разговоръ.

— Мальморъ всегда былъ таковъ, съ улыбкою замѣтилъ Габріэль: — и я попрошу васъ, герцогъ, приказать, чтобъ его перенесли въ походный госпиталь и держали тамъ подъ присмотромъ, потому-что, услышавъ шумъ какой-нибудь схватки, онъ готовъ встать съ постели, не смотря ни на какія запрещенія.

— Что жь, дѣло очень-простое, сказалъ герцогъ Гизъ: — велите товарищамъ Мальмора перенести его въ больницу.

— Вотъ въ этомъ и затрудненіе, отвѣчалъ Габріэль: — можетъ-быть, мнѣ будутъ нужны люди нынѣшней ночью.

— А! произнесъ герцогъ, съ удивленіемъ смотря на виконта д'Эксмé.

— Если угодно, г. д'Эксмè, сказалъ Амброазъ Парé, окончившій перевязку: — я пришлю двухъ своихъ помощниковъ съ носилками взять этого раненнаго воителя.

— Благодарю васъ и принимаю ваше предложеніе, сказалъ Габріэль: — Поручаю Мальмора вашему бдительному вниманію.

Мальморъ закричалъ въ отчаяніи.

Амброазъ Парé простился съ герцогомъ Гизомъ и вышелъ. Люди г-на д'Эксмé, по знаку, сдѣланному Мартэномъ-Герромъ, удалились на конецъ палатки, и Габріэль остался, нѣкоторымъ образомъ, безъ свидѣтелей съ главнымъ распорядителемъ осады.

II.

Маленькія лодки являются спасать большіе корабли.

Виконтъ д'Эксмé, оставшись почти наединѣ съ герцогомъ Гизомъ, сказалъ ему:

— И такъ, герцогъ, довольны ли вы мною?

— Да, другъ, отвѣчалъ Францискъ Лотарингскій: — да, я доволенъ тѣмъ, что̀ уже сдѣлано, но, признаюсь, меня безпокоитъ то, что̀ предстоитъ намъ сдѣлать. Это самое безпокойство и заставило меня выйдти изъ своей палатки, бродить по лагерю и искать у васъ ободренія и мудраго совѣта.

— Развѣ случилось что новое? спросилъ Габріэль. — Результатъ, кажется, превзошелъ наши надежды. Черезъ четыре дня, вы завладѣете обоими щитами Калѐ. Защитники самаго города и Вьё-Шато̀ не въ состояніи держаться долѣе двухъ сутокъ.

— Правда, сказалъ герцогъ: — но вѣдь они будутъ держаться двое сутокъ, а этого времени довольно имъ, чтобъ погубить насъ и спасти себя.

— Въ этомъ позвольте мнѣ сомнѣваться, г-нъ герцогъ, отвѣчалъ Габріэль.

— Нѣтъ, другъ мой, старая опытность не обманываетъ меня, возразилъ герцогъ Гизъ. — Одинъ непредвидѣнный ударъ, одинъ случай, который не подлежитъ человѣческимъ вычисленіямъ — и наше предпріятіе рушится. Вѣрите ли мнѣ?

— Объясните, сказалъ Габріэль съ улыбкою, вовсе не соотвѣтствовавшею печальному тону, съ какимъ герцогъ высказалъ свою мысль.

— Я объясню вамъ въ двухъ словахъ, и даже на вашемъ планѣ. Слушайте.

— Слушаю, сказалъ Габріэль.

— Странная и смѣлая попытка, къ которой ваша юношеская пылкость увлекла мое благоразумное честолюбіе, сказалъ герцогъ: —имѣла свое возможное основаніе въ увѣренности на разъединеніе и страхъ англійскаго гарнизона. Калé нельзя взять, положимъ такъ, но его можно захватить въ-расплохъ. И на эту мысль разсчитывала наша безумная смѣлость, не правда ли?

— И до-сихъ-поръ событія не обманули нашихъ разсчетовъ, замѣтилъ Габріэль.

— Безъ сомнѣнія нѣтъ, отвѣчалъ герцогъ Гизъ: — и вы доказали, Габріэль, что умѣете судить о людяхъ такъ же хорошо, какъ понимаете вещи, и что вы такъ же искусно изучили лорда Уэнтворта, какъ и внутренность города. Лордъ Уэнтвортъ не уклонился ни отъ одного изъ вашихъ предположеній. Онъ думалъ, что девятьсотъ человѣкъ и грозные аванпосты достаточно могутъ заставить насъ раскаяться въ своей смѣлой попыткѣ. Онъ считалъ насъ слишкомъ-ничтожными, не удостоилъ призвать себѣ на помощь ни одного полка ни съ континента, ни изъ Англіи. Благодаря этой самонадѣянной безпечности, мы взяли фортъ св. Агаты почти мгновенно, и фортъ Ньёлé въ три дня счастливой битвы...

— Такъ-что, сказалъ весело Габріэль: — еслибъ теперь Англичане или Испанцы, ихъ соотечественники или союзники, пришли сухимъ путемъ на помощь, то встрѣтили бы, вмѣсто дружескихъ пушекъ лорда Уэнтворта, грозныя баттареи герцога Гиза.

— И стали бы отъ нихъ на почтительной дистанціи, замѣтилъ съ улыбкою герцогъ Гизъ, раздѣлявшій веселость молодаго человѣка.

— Чтó жь, кажется, мы завладѣли важнымъ пунктомъ? спросилъ Габріэль.

— Развѣ я сомнѣваюсь въ этомъ! сказалъ герцогъ: — но, къ-несчастію, это одинъ только пунктъ, и притомъ не самый важный. Мы заперли внѣшнимъ вспомогательнымъ силамъ Калé одну изъ дорогъ, которая привела бы ихъ къ воротамъ города. Но есть еще другія ворота, другая дорога.

— Какая, г-нъ герцогъ? спросилъ Габріэль, подавая видъ, будто хочетъ ее вспомнить.

— Взгляните на эту карту, передѣланную маршаломъ Строцци съ плана, который вы дали ему, сказалъ главнокомандующій. —

Калé можетъ получить помощь съ двухъ сторонъ: изъ форта Ньёлé, защищаемаго рвами и насыпями...

— Но кто же станетъ теперь защищать отъ насъ эти насыпи? прервалъ Габріэль.

— Конечно, никто, продолжалъ герцогъ Гизъ:—но тамъ, близъ моря, охраняемый Океаномъ, болотами и подводными камнями, тамъ, видите ли, есть фортъ Рисбанкъ, или, если угодно, восьмиугольная башня, которая начальствуетъ надъ портомъ и отворяетъ и замыкаетъ его для кораблей. Стòитъ послать извѣстіе въ Дувръ, и черезъ нѣсколько часовъ англійскіе корабли доставятъ и вспомогательное войско и провіантъ, съ которыми городъ можетъ держаться въ-продолженіе многихъ лѣтъ. Итакъ, городъ охраняется фортомъ Рисбанкъ, а море защищаетъ фортъ Рисбанкъ. И знаете ли, Габріэль, какое распоряженіе сдѣлалъ лордъ Уэнтвортъ послѣ несчастной для него битвы?

— Очень-хорошо знаю, спокойно отвѣчалъ виконтъ д'Эксмè. — Лордъ Уэнтвортъ, по единогласному мнѣнію совѣта, тотчасъ послалъ въ Дувръ извѣстіе, къ-несчастію, очень-поздно, и надѣется получить завтра, въ это самое время, помощь, въ необходимости которой, наконецъ, убѣдили его обстоятельства.

— И послѣ? спросилъ Гизъ.

— Признаюсь, г-нъ герцогъ, я не вижу, чтò будетъ далѣе, отвѣчалъ Габріэль:—я не владѣю даромъ божескаго предвидѣнія.

— Здѣсь довольно человѣческой дальновидности, замѣтилъ Франциськъ-Лотарингскій:—и такъ-какъ ваша остановилась на половинѣ дороги, я поведу васъ далѣе.

— Удостойте меня, герцогъ, вразумить, чтò можетъ случиться, по вашему мнѣнію, сказалъ Габріэль, поклонившись.

— Дѣло очень-простое, отвѣчалъ герцогъ.—Осажденные, получивъ, въ случаѣ крайней необходимости, помощь отъ цѣлой Англіи, могутъ завтра же выставить противъ насъ, при Вьё-Шатó, силы, превосходящія насъ, непоколебимыя. Если, притомъ, мы будемъ стоять твердо, Ардръ, Гамъ, Сен-Кентенъ, всѣ Испанцы и Англичане, находящіеся во Франціи, соединятся, какъ снѣгъ зимою, въ одну массу въ окрестностяхъ Калè, и потомъ, чувствуя свою многочисленность, въ свою очередь осадятъ насъ. Положимъ даже, что они не вдругъ отнимутъ у насъ фортъ Ньёлè, однакожь, они возьмутъ фортъ св. Агаты. Этого довольно, и они могутъ насъ громить съ двухъ сторонъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, это была бы ужасная катастрофа, спокойно сказалъ Габріэль.

— И, однакожь, она весьма-возможна! произнесъ герцогъ Гизъ, въ отчаяніи склонившись головою на руку.

— Впрочемъ, г-нъ герцогъ, вѣроятно, вы думали о средствахъ предупредить эту страшную катастрофу?

— Боже мой! Я только объ этомъ и думаю! сказалъ герцогъ Гизъ.

— И что жь? небрежно спросилъ Габріэль.

— Я думаю, что намъ осталось только одно средство: завтра, во что бы ни стало, сдѣлать отчаянный приступъ къ Вьё-Шато. Вѣроятно, еще ничего не будетъ приготовлено къ завтрашнему дню, не смотря на то, что вся нынѣшняя ночь пройдетъ въ самыхъ быстрыхъ работахъ; но больше рѣшиться нè на что, и притомъ, выбрать это послѣднее средство все-таки благоразумнѣе, нежели ждать прихода вспомогательныхъ силъ изъ Англіи. *Французская ярость,* какъ говорятъ въ Италіи, дойдетъ, можетъ-быть, въ своемъ чудовищномъ стремленіи до своей цѣли у этихъ неприступныхъ стѣнъ.

— Она разобьется объ эти стѣны, холодно возразилъ Габріэль. — Простите откровенности, но мнѣ кажется, что въ настоящую минуту французская армія не такъ сильна и не такъ слаба, чтобъ рѣшаться на невозможное. На васъ, герцогъ, лежитъ тяжелая, страшная отвѣтственность. Вѣроятно, что, потерявъ половину своихъ людей, мы будемъ изгнаны окончательно. Какъ, въ такомъ случаѣ, думаетъ поступить герцогъ Гизъ?

— Не подвергать себя, по-крайней-мѣрѣ, совершенному пораженію, печально сказалъ Францискъ-Лотарингскій:—удалиться изъ этихъ проклятыхъ стѣнъ съ остаткомъ своего войска, и беречь его на лучшіе дни для короля и отечества.

— Побѣдитель при Мецѣ и Ранти ударитъ отбой! вскричалъ Габріэль.

— Все-таки это лучше, нежели упорствовать при пораженіи, какъ, на-примѣръ, коннетабль въ день св. Лорана, сказалъ герцогъ Гизъ.

— Все равно, замѣтилъ Габріэль: — ударъ этотъ будетъ разрушителенъ и для славы Франціи и для вашей славы.

— Развѣ я не знаю этого? вскричалъ герцогъ Гизъ.—Вотъ что значитъ успѣхъ и счастіе! Еслибъ мнѣ удалось — я былъ бы герой, великій геній, полубогъ. Если я упаду, меня назовутъ умомъ поверхностнымъ и пустымъ, скажутъ, что я заслужилъ стыдъ своего паденія. Одна и та же попытка заслужила бы названіе грандіозной и изумительной, еслибъ она счастливо кончилась, и она же влечетъ на меня ропотъ Европы и отложитъ на дальній срокъ или даже уничтожитъ въ зародышѣ всѣ мои предположенія, всѣ надежды. Вотъ отъ чего зависитъ въ мірѣ бѣдное честолюбіе!

Герцогъ замолчалъ чрезвычайно встревоженный. Настало продолжительное безмолвіе, которое Габріэль съ намѣреніемъ остерегался нарушить: онъ хотѣлъ, чтобъ Гизъ собственными опытными глазами измѣрилъ всѣ страшныя трудности своего положенія.

Потомъ, замѣчая, что герцогъ по-прежнему погруженъ въ мрачное раздумье, Габріэль рѣшился прервать молчаніе.

— Я вижу васъ, герцогъ, сказалъ онъ: — въ одну изъ минутъ сомнѣнія, которое находитъ на величайшихъ дѣятелей посреди ихъ величайшихъ предпріятій. Позвольте, однакожь, одно замѣчаніе.

Нѣтъ, высокій геній, подобный вамъ, совершенный полководецъ, подобный тому, съ которымъ я теперь имѣю честь говорить, не рѣшится, не обдумавъ сперва, на столь важное предпріятіе. Еще въ Парижѣ, еще въ Луврѣ предвидѣны всѣ малѣйшія подробности, всѣ самыя невѣроятныя случайности. Вы заранѣе нашли развязку всѣхъ запутанныхъ обстоятельствъ и лекарство для всѣхъ золъ. Kàкъ же теперь вы еще колеблетесь?

— Боже мой! сказалъ герцогъ Гизъ: — я думаю, что вашъ энтузіазмъ, ваша юношеская самоувѣренность околдовали и ослѣпили меня, Габріэль.

— Герцогъ!.. сказалъ съ упрекомъ виконтъ д'Эксмè.

— О, не поражайте меня, другъ! Я всегда удивлялся вашей мысли, великой и патріотической. Но дѣйствительность любитъ убивать именно самыя прекрасныя грезы. По-крайней-мѣрѣ, помнится мнѣ, что я не соглашался на крайность, въ которую мы теперь поставлены, и вы разрушили мои возраженія.

— И какимъ образомъ, г. герцогъ? спросилъ Габріэль.

— Вы обѣщали мнѣ, сказалъ Гизъ: — что если въ нѣсколько дней мы овладѣемъ фортами св. Агаты и Ньёлé, ваши союзники помогутъ намъ захватить фортъ Рисбанкъ, и такимъ образомъ Калé будетъ лишенъ всякаго подкрѣпленія какъ со стороны моря, такъ и съ материка. Дá, Габріэль, я помню это, и вы должны помнить свое обѣщаніе.

— И чтò же? сказалъ виконтъ д'Эксмé съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Надежды обманули васъ, не правда ли? Ваши друзья, оставшіеся въ Калé, какъ водится, не сдержали слова. Они еще не увѣрены въ нашей побѣдѣ; они боятся, и покажутся тогда только, когда мы не будемъ больше въ нихъ нуждаться.

— Извините, герцогъ. Кто сказалъ вамъ это? спросилъ Габріэль.

— Само ваше молчаніе. Теперь настало мгновеніе, въ которое ваши тайные союзники должны бы служить намъ и могли бы спасти насъ. И, между-тѣмъ, они не трогаются съ мѣста и вы молчите. Изъ всего этого я заключаю, что вы не разсчитываете больше на нихъ и что должно отказаться отъ этой помощи.

— Еслибъ г. герцогъ зналъ меня получше, замѣтилъ Габріэль: — онъ зналъ бы также, что я не люблю говорить, когда могу дѣйствовать.

— Какъ! вы все еще надѣетесь? сказалъ герцогъ Гизъ.

— Да, герцогъ, потому-что я живъ, отвѣчалъ Габріэль съ выраженіемъ важнымъ и печальнымъ.

— Итакъ, фортъ Рисбанкъ...?

— Необходимо будетъ принадлежать вамъ, если я не умру.

— Но, Габріэль, необходимо взять его завтра, завтра утромъ.

— И мы возьмемъ его завтра утромъ, спокойно отвѣчалъ Габріэль: — если только, повторяю вамъ, я не буду убитъ; но въ

противномъ случаѣ, вы не будете въ правѣ сдѣлать упрекъ въ несдержаніи своего слова тому, кто пожертвовалъ своею жизнію, чтобъ сдержать свое обѣщаніе.

— Габріэль, сказалъ герцогъ Гизъ: — на какой поступокъ вы рѣшаетесь? Идти противъ смертельной опасности, бороться съ безумнымъ случаемъ? Нѣтъ, я не хочу, я не хочу этого! Франція слишкомъ нуждается въ людяхъ, подобныхъ вамъ.

— Не безпокойтесь, герцогъ, отвѣчалъ Габріэль: — если опасность и велика, то также высока и цѣль, къ которой я стремлюсь, и моя игра стòитъ, чтобъ я рисковалъ. Думайте только о томъ, кàкъ воспользоваться ея послѣдствіями, и предоставьте мнѣ располагать своими средствами. Я отвѣчаю только за себя, вы отвѣчаете за всѣхъ.

— Скажите по-крайней-мѣрѣ, что̀ могу я сдѣлать, чтобъ помочь вамъ? сказалъ герцогъ Гизъ. — Какое участіе вы предоставляете мнѣ въ своихъ планахъ?

— Еслибъ, г. герцогъ, нынѣче вечеромъ вы не пожаловали въ эту палатку, отвѣчалъ Габріэль: — я намѣревался идти въ вашу для нѣкоторыхъ предложеній...

— Говорите, говорите, съ живостію сказалъ Францискъ-Лотарингскій.

— Завтра, пятаго числа, на разсвѣтѣ, то-есть въ восемь часовъ, — январьскія ночи длинны, — потрудитесь поставить кого-нибудь изъ своихъ, разумѣется, человѣка надежнаго, на мысъ, съ котораго виденъ фортъ Рисбанкъ. Если на немъ по-прежнему будетъ развѣваться англійское знамя, рѣшайтесь на отчаянный приступъ, задуманный вами, потому-что я палъ, или, другими словами, умеръ.

— Умеръ! вскричалъ герцогъ Гизъ. — Не сказалъ ли я, Габріэль, что вы погубите себя!

— И въ такомъ случаѣ не теряйте времени на сожалѣніе обо мнѣ, сказалъ молодой человѣкъ. — Пускай только у васъ будетъ все приготовлено къ вашему послѣднему усилію, и я молю Бога даровать вамъ успѣхъ. Идите впередъ и сражайтесь! Помощь явится изъ Англіи не раньше полудня; вамъ остается четыре часа героизма, чтобъ доказать предъ отступленіемъ, что Французы столько же безстрашны, какъ и благоразумны.

— Однакожъ, Габріэль, скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ, есть ли у васъ какая-нибудь надежда на успѣхъ?

— Да, есть; объ этомъ не заботьтесь, г. герцогъ. Оставайтесь спокойнымъ и терпѣливымъ, какъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ. Не дѣлайте слишкомъ-скоро сигнала къ приступу; не бросайтесь прежде необходимости въ эту невѣрную крайность. Наконецъ, прикажите маршалу Строцци и его инженерамъ продолжать осадныя работы, и ваши солдаты и артиллеристы дождутся благопріятной минуты для приступа, если въ восемь часовъ вы увидите французское знамя на фортѣ Рисбанкъ.

— Французское знамя на фортѣ Рисбанкъ! вскричалъ герцогъ Гизъ.

— Откуда одинъ видъ его, я думаю, заставитъ воротиться корабли, которые прійдутъ изъ Англіи.

— Я согласенъ съ вами, сказалъ Гизъ: — но, другъ мой, кàкъ всего этого достигнуть?

— Умоляю васъ, герцогъ, не спрашивайте моей тайны, сказалъ Габріэль. — Еслибъ вы узнали мой планъ, можетъ-быть, вы захотѣли бы удержать меня. Но теперь некогда обдумывать и сомнѣваться. Притомъ же, я своимъ поступкомъ не нанесу стыда ни арміи, ни вамъ. Люди, которыхъ я выбралъ себѣ, всѣ до одного волонтеры, нанятые мною, и потому прошу васъ оставить мнѣ полную свободу. Я желаю выполнить свой планъ безъ всякой помощи — или умереть.

— Къ-чему такая гордость? спросилъ герцогъ Гизъ.

— Нѣтъ, это не гордость, но я хочу достойнымъ образомъ отплатить за неоцѣнимую милость, обѣщанную мнѣ вами въ Парижѣ, и которой, надѣюсь, вы не забыли.

— О какой неоцѣнимой милости говорите вы, Габріэль? сказалъ герцогъ Гизъ. — У меня хорошая память, особенно для своихъ друзей. Но, къ стыду своему, признаюсь, что на этотъ разъ она измѣнила мнѣ...

— Однакожь, для меня это обстоятельство весьма-важно, господинъ-герцогъ, отвѣчалъ Габріэль. — Вотъ чего я просилъ отъ вашей благосклонности: если бы вамъ сдѣлалось извѣстно, что Франція обязана взятіемъ Калѐ единственно мнѣ, содѣйствовавшему или оружіемъ или идеей къ исполненію этого предпріятія, я просилъ васъ не свидѣтельствовать объ этомъ публично, потому-что такая честь принадлежитъ вамъ, какъ главному предводителю, но только объявить королю Генриху II объ участіи, которое, подъ вашимъ начальствомъ, я принималъ въ побѣдѣ. И вы обнадежили меня, что я получу эту награду.

— Какъ! и на эту неслыханную милость вы намекали, Габріэль? спросилъ герцогъ Гизъ.—Могъ ли я забыть о ней! Но, другъ мой, это не награда, но долгъ справедливости, и, тайно или публично, по вашему желанію, я всегда готовъ и долженъ признать и засвидѣтельствовать ваши заслуги.

— Мое честолюбіе не простирается далѣе, сказалъ Габріэль. — Пусть король только узнаетъ о моихъ стараніяхъ: въ его рукахъ есть награда, которая для меня выше всѣхъ почестей и всякаго счастія въ мірѣ.

— Королю будетъ извѣстно все, чтò вы для него сдѣлали, Габріэль.—Чѣмъ еще я могу быть вамъ полезенъ?

— Я попрошу господина герцога еще о нѣкоторыхъ услугахъ.

— Говорите, сказалъ Гизъ.

— Во-первыхъ, продолжалъ Габріэль: — въ нынѣшнюю ночь, мнѣ надобно имѣть пароль, чтобъ, въ какомъ бы то часу ни было, я могъ выйдти изъ лагеря съ своими людьми.

— Скажите только: *Калѐ и Шарль*, и часовые пропустятъ васъ.

— Во-вторыхъ, сказалъ Габріэль: — если я паду, а вы кончите свое предпріятіе съ успѣхомъ, осмѣливаюсь напомнить вамъ, что госпожа Діана де-Кастро, дочь короля, находится теперь въ темницѣ у лорда Уэнтворта, и имѣетъ самыя законныя права на ваше благородное покровительство.

— Я не забуду своего долга какъ человѣкъ и какъ дворянинъ, отвѣчалъ Францискъ-Лотарингскій. — Далѣе?

— Наконецъ, сказалъ виконтъ д'Эксмѐ: — въ нынѣшнюю ночь, я обязался заплатить значительный долгъ одному изъ рыбаковъ, живущему на здѣшнемъ берегу, по имени Ансельму. На случай, если Ансельмъ погибнетъ вмѣстѣ со мною, я написалъ старику Эліо, управляющему моимъ имѣніемъ, чтобъ онъ позаботился о существованіи и поддержаніи семейства рыбака, бѣднаго семейства, для котораго Ансельмъ былъ единственною подпорою. Для большей вѣрности, я попрошу господина-герцога присмотрѣть за исполненіемъ моихъ распоряженій, и буду чрезвычайно обязанъ ему.

— Просьба ваша будетъ исполнена, сказалъ герцогъ Гизъ. — И все?

— Все, господинъ-герцогъ, отвѣчалъ Габріэль. — Еще одна просьба: если мы не увидимся болѣе, вспоминайте обо мнѣ иногда съ сожалѣніемъ, и говорите обо мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и королю и госпожѣ де-Кастро, которая, можетъ-быть, станетъ сожалѣть меня. Теперь я больше не удерживаю васъ, господинъ-герцогъ. Прощайте.

Гизъ всталъ съ своего мѣста.

— Прогоните, другъ, эти мрачныя мысли, сказалъ онъ. — Оставляю васъ съ таинственнымъ проектомъ, хотя, должно сказать правду, онъ безпокоитъ меня и до восьми часовъ утра едва-ли дастъ мнѣ сомкнуть глаза. Впрочемъ, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что мы увидимся, и я не прощаюсь съ вами, Габріэль.

— Благодарю за предсказаніе! произнесъ д'Эксмѐ. — Если вы увидите меня, то увидите въ Калѐ, французскомъ городѣ.

— И въ такомъ случаѣ, замѣтилъ герцогъ Гизъ: — вы будете въ правѣ гордиться, что извлекли изъ великой опасности честь Франціи и мою собственную честь.

— Маленькія лодки, герцогъ, спасаютъ иногда большіе корабли, сказалъ Габріэль.

Герцогъ Гизъ сталъ на порогѣ палатки, въ послѣдній разъ дружески пожалъ руку виконту д'Эксмѐ и въ задумчивости возвратился въ свой лагерь.

—

III.

Подъ пологомъ черной ночи.

Проводивъ Гиза до дверей, Габріэль возвратился на свое прежнее мѣсто и сдѣлалъ издали знакъ Мартэну-Герру, который тотчасъ всталъ и вышелъ изъ палатки, не нуждаясь, по-видимому, въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ.

Черезъ четверть часа, конюшій воротился; за нимъ шелъ человѣкъ худощавый, одѣтый очень-бѣдно.

Мартэнъ приблизился къ своему господину, снова погруженному въ размышленія. Прочіе товарищи, бывшіе въ палаткѣ, одни играли, другіе спали, кому что нравилось.

— Вотъ, сударь, человѣкъ, о которомъ я говорилъ, сказалъ Мартэнъ.

— А, хорошо, отвѣчалъ Габріэль.— Это вы рыбакъ Ансельмъ? прибавилъ онъ, обращаясь къ вошедшему.

— Точно такъ, сударь; я рыбакъ Ансельмъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— И Мартэнъ говорилъ вамъ объ услугѣ, которой мы ожидаемъ отъ васъ? спросилъ виконтъ д'Эксмé.

— Говорилъ, сударь; я совершенно готовъ.

— Но мой конюшій долженъ былъ, однакожь, предупредить васъ, продолжалъ Габріэль: — что въ этой экспедиціи вы будете, вмѣстѣ съ нами, жертвовать жизнію.

— О, замѣтилъ рыбакъ: — объ этомъ напрасно было бы и говорить. Я хорошо зналъ это, даже лучше, нежели вашъ *конюшій*.

— И, однакожь, вы пришли? сказалъ Габріэль.

— Готовый къ вашимъ услугамъ, замѣтилъ Ансельмъ.

— Хорошо, другъ! Это признакъ смѣлаго сердца.

— Или несчастной жизни, прибавилъ рыбакъ.

— Что вы хотите сказать? спросилъ Габріэль.

— Клянусь Пречистою Богородицей, сказалъ Ансельмъ:— всякій день я пренебрегаю смертью, чтобъ наловить сколько-нибудь рыбы, и очень-часто возвращаюсь съ пустыми руками. Значитъ, съ моей стороны небольшая заслуга, если сегодня я жертвую своимъ тощимъ тѣломъ для васъ, обѣщающаго, въ случаѣ моей смерти, обезпечить судьбу моей жены и троихъ моихъ ребятишекъ.

— Да, отвѣчалъ Габріэль: — но опасность, которой вы подвергаете себя ежедневно, сомнительна и неизвѣстна. Вы никогда не пускаетесь въ лодкѣ въ сильную бурю. Въ нынѣшній разъ, опасность очевидна и вѣроятна.

— Да, только безумецъ пускается въ море въ такую ночь, сказалъ рыбакъ:— но это ваше дѣло, и я ни за что тутъ не отвѣчаю. Вы заранѣе заплатили мнѣ за мою барку и за мое тѣло, и вамъ

остается только поставить большую восковую свѣчку передъ образомъ Богородицы, если доѣдемъ мы здравы и невредимы.

— Но если мы даже благополучно достигнемъ до мѣста, продолжалъ Габріэль: — еще не кончится этимъ ваше дѣло. Исполнивъ должность гребца, вы, въ случаѣ надобности, должны будете сражаться, положивъ весла, взяться за оружіе. Вмѣсто одной опасности, васъ ожидаютъ двѣ.

— Хорошо, сказалъ Ансельмъ: — не слишкомъ пугайте меня. Я готовъ повиноваться. Вы обезпечиваете жизнь тѣхъ, которые дороги моему сердцу, и я отдаю вамъ свою жизнь. Мы сторговались—и нечего толковать.

— На-счетъ своей жены и своихъ дѣтей останьтесь спокойны, сказалъ виконтъ д'Эксмè: — они не будутъ нуждаться. Я уже писалъ объ этомъ своему управляющему Эліо, и самъ герцогъ Гизъ обѣщалъ позаботиться объ исполненіи моихъ предписаній.

— Больше я ничего и не требую, отвѣчалъ рыбакъ: — вы великодушны; еслибъ даже не дали мнѣ ничего, кромѣ этой суммы, которая въ настоящее время вывела меня изъ затруднительнаго положенія, повѣрьте, я не сталъ бы просить у васъ остальнаго. Но если я доволенъ вами, надѣюсь, что и вы останетесь довольны мною.

— Скажите, могутъ ли четырнадцать человѣкъ помѣститься въ вашей лодкѣ? спросилъ Габріэль.

— Въ ней помѣщалось до двадцати, сударь.

— Вамъ нужны руки, которыя помогали бы грести, не такъ ли?

— Это на что? сказалъ Ансельмъ. — Я одинъ справлюсь съ рулемъ и парусомъ, если только устоитъ парусъ.

— У насъ есть Амброзіо, Пилльтруссъ и Ландри, замѣтилъ Мартэнъ-Герръ:—которые гребутъ такъ искусно, какъ-будто-бы всю жизнь только этимъ и занимались, и я самъ управляю веслами такъ же хорошо, какъ своими руками.

— Значитъ, съ такими товарищами я заживу знатнымъ бариномъ! весело сказалъ Ансельмъ.—Мартэнъ не сказалъ мнѣ только объ одномъ: куда мы причалимъ?

— Къ форту Рисбанкъ, отвѣчалъ виконтъ д'Эксмè.

— Къ форту Рисбанкъ!.. Къ форту Рисбанкъ, сказали вы? вскричалъ изумленный Ансельмъ.

— Да; что̀ вы скажете на это? спросилъ Габріэль.

— Ничего, отвѣчалъ рыбакъ:—скажу только, что это мѣсто неприступное и что я никогда не кидалъ тамъ якоря. Это голый утесъ.

— И вы отказываетесь везти насъ туда? сказалъ Габріэль.

— Нисколько, и хотя я не совсѣмъ знакомъ съ этимъ мѣстомъ, однакожь сдѣлаю все, что̀ могу. Отецъ мой, природный рыбакъ, говаривалъ мнѣ: «не должно никогда повелѣвать ни рыбой, ни покупателями». И я поведу васъ къ форту Рисбанкъ, если только буду въ состояніи. Славная прогулка!

— Къ которому часу намъ надобно приготовиться? спросилъ Габріэль.

— Кажется, вы хотѣли быть тамъ къ четыремъ часамъ? замѣтилъ Ансельмъ.

— Между четырьмя и пятью, не раньше.

— Итакъ, отъ мѣста нашей отправки до Рисбанка надобно считать два часа плаванія; главное, намъ не должно утомлять себя понапрасну въ морѣ. Да еще на переходъ отсюда до бухты положимъ часъ ходьбы — всего три часа.

— Въ такомъ случаѣ, мы выйдемъ изъ лагеря въ часъ пополуночи, сказалъ Габріэль.

— Именно такъ, замѣтилъ Ансельмъ.

— Теперь мнѣ должно предупредить своихъ людей, сказалъ Габріэль.

— Дѣлайте, что̀ вамъ надобно, сударь, отвѣчалъ рыбакъ: — я попрошу васъ только позволить мнѣ заснуть до часу. Я уже простился съ домашними; лодка осторожно скрыта и крѣпко привязана канатомъ. Значитъ, мнѣ не́ за чѣмъ отлучаться.

— Отдохните, Ансельмъ, сказалъ Габріэль: — вы успѣете еще порядочно измучиться въ нынѣшнюю ночь. Теперь, Мартэнъ-Герръ, поди увѣдомить своихъ товарищей.

— Эй, вы, игроки и сонные! закричалъ Мартэнъ-Герръ.

— Что̀ тамъ? сказали они, вскочивъ съ своихъ мѣстъ и окружая конюшаго.

— Благодарите виконта: черезъ часъ, мы отправимся въ экспедицію, сказалъ Мартэнъ.

— Хорошо! Знатно! Прекрасно! вскричали хоромъ волонтёры. Мальморъ тоже присоединилъ свое радостное «ура!» къ этимъ непритворнымъ знакамъ удовольствія.

Но въ ту же минуту вошли четыре помощника Амброаза Паре́ съ извѣстіемъ, что имъ приказано перенести раненнаго въ походный госпиталь.

Мальморъ началъ громко кричать, но, не обращая вниманія на его ропотъ и сопротивленіе, его положили на носилки. Напрасно Мальморъ засыпалъ своихъ товарищей самыми жестокими упреками, называлъ ихъ дезертирами и предателями, которые идутъ безъ него сражаться: его вынесли изъ палатки.

— Теперь намъ остается, сказалъ Мартэнъ-Герръ:—сдѣлать нѣкоторыя распоряженія и назначить каждому изъ насъ свою роль и свое мѣсто.

— А на какое дѣло мы пойдемъ? спросилъ Пилльтруссъ.

— Дѣло идетъ о маленькомъ приступѣ, отвѣчалъ Мартэнъ.

— О, въ такомъ случаѣ, я иду первый на крѣпость! вскричалъ Ивонне́.

— Хорошо! сказалъ конюшій.

— Нѣтъ, это несправедливо! возразилъ Амброзіо.— Ивонне всякій разъ бросается прежде всѣхъ въ опасность, какъ-будто онъ одинъ только имѣетъ на нее право!

— Оставьте его, сказалъ виконтъ д'Эксме, вмѣшавшись въ разговоръ. — Въ опасной высадкѣ, на которую мы рѣшаемся, я думаю, легче всѣхъ будетъ тому, кто будетъ впереди. Чтобъ доказать это, я останусь послѣднимъ.

— Эге, такъ Ивонне попался на удочку! вскричалъ Амброзіо съ громкимъ смѣхомъ.

Мартэнъ-Герръ распредѣлилъ, что̀ каждый обязанъ дѣлать на дорогѣ, въ лодкѣ, или во время приступа. Амброзіо, Пилльтруссу и Ландри поручено было грести; словомъ, были приняты въ соображеніе всѣ обстоятельства, какія можно было предвидѣть, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній.

Лактанцій отвелъ на минуту Мартэна-Герра въ сторону.

— Ка̀къ вы думаете, пріидется ли намъ убить кого-нибудь?

— Не знаю навѣрное; впрочемъ, это очень-возможно, отвѣчалъ Мартэнъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Лактанцій: — въ такомъ случаѣ, я заранѣе отмолюсь за троихъ или четверыхъ убитыхъ и за столько же раненныхъ.

Когда все было улажено, Габріэль велѣлъ своимъ людямъ отдохнуть часъ или два, и обѣщалъ самъ разбудить ихъ во̀-время.

— Да, я съ удовольствіемъ отдохну немного, сказалъ Ивонне: — мои бѣдные нервы ужасно устали сегодня вечеромъ, и притомъ у меня должна быть свѣжая голова, когда я дерусь.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ палаткѣ были слышны только правильное всхрапыванье солдатъ и монотонныя молитвы Лактанція.

Скоро замолкъ и этотъ послѣдній шумъ: Лактанцій заснулъ, побѣжденный сномъ.

Одинъ только Габріэль не спалъ и думалъ.

Черезъ часъ, онъ безъ шума разбудилъ по-одиначкѣ каждаго изъ своихъ людей. Они встали, вооружились и вышли изъ палатки и лагеря.

При словахъ *Калѐ и Шарль,* тихо произнесенныхъ Габріэлемъ, часовые пропустили его безъ всякаго затрудненія.

Маленькій отрядъ, слѣдуя за рыбакомъ Ансельмомъ, прошелъ деревню и отправился вдоль по берегу. Никто не говорилъ ни слова. Слышны были только плачъ вѣтра и стонъ отдаленнаго моря.

Ночь была черная и туманная. Ни одна живая душа не встрѣчалась на дорогѣ нашимъ безстрашнымъ путникамъ. Но еслибъ даже они встрѣтились кому, онъ, можетъ-быть, не увидѣлъ бы ихъ, а если бы даже увидѣлъ въ такую пору, въ такой темнотѣ, онъ, навѣрное, принялъ бы ихъ за призраки.

. . . .

Внутри города также въ эту минуту не спалъ одинъ человѣкъ. Это былъ лордъ Уэнтвортъ, губернаторъ.

И, однакожь, разсчитывая на помощь, которую надѣялся онъ получить завтра изъ Дувра, лордъ Уэнтвортъ ушелъ къ себѣ въ комнату, сколько-нибудь отдохнуть. Дѣйствительно, онъ не спалъ трое сутокъ, дѣйствуя — должно отдать ему справедливость — съ неутомимою храбростію въ мѣстахъ самыхъ опасныхъ, являясь на всѣхъ пунктахъ, гдѣ его присутствіе было необходимо.

Вечеромъ, четвертаго января, онъ еще осмотрѣлъ брешь стараго замка, самъ поставилъ часовыхъ и сдѣлалъ смотръ городской милиціи, на которую была возложена легкая оборона форта Рисбанкъ.

Но, при всей усталости и тишинѣ, лордъ Уэнтвортъ не могъ заснуть.

Какой-то смутный, глупый страхъ безпрестанно заставлялъ его приподниматься на постели.

Однакожь, всѣ предосторожности были приняты. Непріятель физически не могъ аттаковать ночью незначительную брешь Вьё-Шато. Что же касается другихъ пунктовъ, они находились въ совершенной безопасности, охраняемые болотами и Океаномъ.

Все это лордъ Уэнтвортъ передумалъ тысячу разъ и, однакожь, онъ не могъ уснуть.

Онъ смутно чувствовалъ ночью, что вокругъ города носится грозная опасность, невидимый непріятель.

И непріятель этотъ былъ не маршалъ Строцци, не герцогъ де-Неверъ, даже не Францискъ Гизъ.

Кто же былъ этотъ непріятель? Не-уже-ли прежній его плѣнникъ, котораго нѣсколько разъ замѣчалъ съ высоты городскихъ насыпей лордъ Уэнтвортъ въ пылу отчаянныхъ схватокъ? Не-уже-ли, дѣйствительно, этотъ непріятель — виконтъ д'Эксме, безумецъ, влюбленный въ г-жу де-Кастро?

Смѣшной соперникъ для губернатора, управляющаго неприступнымъ городомъ Калé!

Какъ бы то ни было, но лордъ Уэнтвортъ не могъ ни преодолѣть, ни объяснить себѣ смутнаго страха.

Но онъ чувствовалъ этотъ страхъ и не спалъ.

IV.

Между двумя безднами.

Фортъ Рисбанкъ, иначе названный Восьміугольною-Башнею, построенъ, какъ мы уже сказали, при входѣ въ гавань Калé передъ дюнами, и лежитъ огромною массою чернаго гранита на другой, такой же мрачной и огромной массѣ утеса. Море въ сильную бу-

рю плескалось объ утесъ, но никогда не достигало волнами до подножія башни.

Въ ночь съ четвертаго на пятое января 1558 г., около четырехъ часовъ утра, море сильно бушевало, издавая продолжительные, страшные вопли, и было похоже на душу безпокойную и безнадежную.

Минуту спустя послѣ того, какъ часовой, стоявшій въ караулѣ отъ двухъ до четырехъ часовъ, смѣнился на платформѣ башни другимъ часовымъ, которому была очередь стоять отъ четырехъ до шести часовъ — человѣческій крикъ, какъ-будто вырвавшійся изъ мѣднаго рта, смѣшался съ вѣчною жалобой Океана; но такъ, что этотъ крикъ рѣзко отличался отъ шквала.

Новый часовой задрожалъ, началъ прислушиваться, и, узнавъ этотъ странный крикъ, положилъ на стѣну самострѣлъ. Потомъ, убѣдившись, что ни одинъ глазъ не замѣчаетъ за нимъ, онъ приподнялъ сильною рукою каменную будку и вытащилъ изъ-подъ нея связку веревокъ, изъ которой образовалась длинная узловатая лѣстница, и прикрѣпилъ ее къ желѣзнымъ скобкамъ, вколоченнымъ въ зубцы башни. Наконецъ, крѣпко связавъ одни съ другими отдѣльные куски веревокъ, онъ перекинулъ ихъ черезъ зубцы, и двѣ тяжелыя свинцовыя пули скоро дотянули конецъ лѣстницы до утеса, на которомъ стояла крѣпость. Лѣстница была длиною въ двѣсти двѣнадцать футовъ, а фортъ Рисбанкъ возвышался на двѣсти пятнадцать футовъ.

Едва часовой окончилъ свои таинственныя приготовленія, ночной патруль показался на верху каменной лѣстницы, ведущей на платформу.

Но патруль засталъ часоваго исправно-стоящимъ у будки, спросилъ у него пароль, получилъ отвѣтъ и прошелъ далѣе, ничего не замѣтивъ.

Часовой ждалъ нѣсколько спокойнѣе. Первая четверть пятаго часа уже прошла.

На морѣ, послѣ двухъ часовъ борьбы и сверхъчеловѣческихъ усилій, лодка съ четырнадцатью смѣльчаками наконецъ пристала къ утесу рисбанкскаго форта. Деревянная лѣстница, поставленная къ этому утесу, доходила до первой рытвины камня, въ которой могли стоя помѣститься пять или шесть человѣкъ.

Смѣлые пловцы одинъ за другимъ поднялись по этой лѣстницѣ, и, не останавливаясь въ рытвинѣ, продолжали взбираться наверхъ, единственно при помощи ногъ и рукъ, и хватались за каждую неровность утеса.

Они торопились достигнуть до основанія башни. А ночь была черная, скала скользкая, ногти ихъ ломались о камень, пальцы были въ крови. Одинъ изъ смѣльчаковъ оступился; онъ былъ не въ состояніи удержаться, покатился и упалъ въ море. Къ-счастію, послѣдній изъ четырнадцати пловцовъ былъ еще въ лодкѣ, кото-

рую онъ напрасно старался привязать канатомъ, прежде нежели рѣшился всходить на лѣстницу.

Человѣкъ, упавшій со скалы, не испустилъ ни малѣйшаго крика при своемъ паденіи, и приплылъ прямо къ лодкѣ. Другой протянулъ къ нему руку, и не смотря на то, что лодка сильно качалась подъ его ногами, невредимо вытащилъ утопавшаго.

— Ка́къ! это Мартэнъ-Герръ? спросилъ человѣкъ, находившійся въ лодкѣ, узнавъ его въ темнотѣ.

— Я, сударь, отвѣчалъ конюшій.

— Ка́къ поскользнулся ты, неловкій? сказалъ Габріэль.

— Хорошо еще, что это случилось со мною, а не съ другимъ, замѣтилъ Мартэнъ.

— Отъ-чего?

— Другой, пожалуй, еще закричалъ бы, отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ.

— Ну, если ужь судьба прислала тебя ко мнѣ, продолжалъ Габріэль:—помоги мнѣ обвить веревку вокругъ этого толстаго корня. Глупо я сдѣлалъ, отпустивъ Ансельма и прочихъ.

— Корень не удержитъ, сударь, сказалъ Мартэнъ:—вѣтеръ сломитъ его, и мы оба пропали вмѣстѣ съ лодкой.

— Но больше не́чего дѣлать, отвѣчалъ виконтъ д'Эксме́: — итакъ, будемъ лучше дѣлать, а не разсуждать.

Когда они привязали лодку, Габріэль сказалъ конюшему:

— Ну, поднимайся.

— Я пойду послѣ васъ. Кто подержитъ для васъ лѣстницу?

— Поднимайся, говорю тебѣ! повторилъ Габріэль, нетерпѣливо топнувъ ногою.

Спорить и церемониться было не́когда. Мартэнъ-Герръ вскарабкался до углубленія, и оттуда поддерживалъ сверху, всѣми силами, концы лѣстницы, по которой, въ свою очередь, взбирался Габріэль.

Онъ еще не сталъ на послѣднюю ступеньку, какъ страшная волна качнула лодку, разорвала канатъ и унесла ее въ море вмѣстѣ съ лѣстницей.

Габріэль непремѣнно бы погибъ, еслибъ Мартэнъ, рискуя погибнуть за одно съ нимъ, не склонился къ пропасти и движеніемъ болѣе быстрымъ нежели мысль не схватилъ своего господина за воротникъ камзола. Потомъ съ силою, которую придаетъ отчаяніе, смѣлый конюшій невредимо поднялъ Габріэля на утесъ.

— Ты въ свою очередь спасъ меня, храбрый Мартэнъ, сказалъ Габріэль.

— Да, но лодка далеко! замѣтилъ конюшій.

— Велика бѣда! за нее заплачено! отвѣчалъ Габріэль, стараясь беззаботностью скрыть свое безпокойство.

— Все равно, сказалъ благоразумный Мартэнъ-Герръ, качая головою:—если вашъ другъ не стоитъ на часахъ, если лѣстница не

виситъ съ башни или если веревки оборвутся подъ нашею тяжестью, если платформа занята отрядомъ, который сильнѣе нашего — вся наша надежда, все наше спасеніе пропали съ этою лодкой.

— Чтó жь, тѣмъ лучше! сказалъ Габріэль:—теперь намъ остается или побѣдить или умереть!

— Хорошо! отвѣчалъ Мартэнъ съ равнодушною и геройскою простотою.

— Пора! сказалъ Габріэль:—товарищи наши, вѣроятно, дошли до основанія башни, потому-что я не слышу больше никакого шума. Догонимъ ихъ. На этотъ разъ, Мартэнъ, держись осторожно, и не опускай одной руки, пока не ухватишься крѣпко другою.

— Будьте спокойны, постараюсь, отвѣчалъ Мартэнъ.

Они начали подниматься, и черезъ десять минутъ, преодолѣвъ безчисленныя трудности и опасности, присоединились къ своимъ двѣнадцати спутникамъ, которые, столпившись на скалѣ, съ заботливостью ждали ихъ у форта Рисбанкъ.

Оставалось нѣсколько минутъ до пяти часовъ.

Габріэль съ неизъяснимою радостью примѣтилъ веревочную лѣстницу, висѣвшую на утесѣ.

— Видите, друзья, сказалъ онъ тихимъ голосомъ своей командѣ:—насъ ожидаютъ на верху. Благодарите Бога, потому-что намъ не должно больше оглядываться: море унесло барку. Итакъ, впередъ! Да будетъ Богъ нашимъ спасителемъ.

— Аминь! сказалъ Лактанцій.

Въ-самомъ-дѣлѣ, рѣшительные были тѣ люди, которые окружали Габріэля! Предпріятіе, до-сихъ-поръ дерзкое, сдѣлалось теперь почти безумнымъ, и между-тѣмъ, при ужасномъ извѣстіи, что имъ не оставалось болѣе никакого убѣжища, ни одинъ изъ товарищей виконта д'Эксмѐ не тронулся съ мѣста.

При мерцаніи, упадающемъ съ неба самаго мрачнаго, Габріэлъ внимательно смотрѣлъ на ихъ мужественныя лица и нашелъ ихъ совершенно безстрастными.

— Впередъ! повторили смѣльчаки за Габріэлемъ.

— Помните ли вы условленный порядокъ? спросилъ виконтъ д'Эксмѐ.—Прежде всѣхъ пойдетъ Ивонне́, за нимъ Мартэнъ-Герръ, потомъ остальные, по порядку; я останусь позади всѣхъ. Надѣюсь, что веревки и узлы этой лѣстницы крѣпки!

— Желѣзная веревка, сказалъ Амброзіо:—мы уже испытали ее, сударь; она такъ же легко сдержитъ тридцать, какъ четырнадцать человѣкъ.

— Поднимайся, храбрый Ивонне́! произнесъ виконтъ д'Эксмé:—тебѣ предстоитъ не совсѣмъ безопасная роль въ этомъ предпріятіи. Иди смѣло!

— Въ смѣлости, сударь, у меня нѣтъ недостатка, сказалъ Ивонне́:—особенно, когда вокругъ меня бьетъ барабанъ и гремятъ пушки. Но, признаться, я не привыкъ ни къ безмолвному при-

ступу, ни къ зыбкимъ веревкамъ, и очень-радъ идти впереди прочихъ.

— Скромный предлогъ получить почетное мѣсто, замѣтилъ Габріэль, не желавшій входить въ опасный споръ.— Итакъ, безъ разговоровъ! Хотя вѣтеръ и море заглушаютъ наши слова, однакожь должно дѣйствовать, а не говорить. Впередъ, Ивонне! Помните, что только на сто-пятидесятой ступенькѣ позволено отдохнуть. Готовы ли? Ружье за спиной, шпага въ зубахъ?.. Смотрите вверхъ, а не внизъ! помните Бога, но не опасность. Впередъ!

Ивонне сталъ ногою на первую ступеньку.

Пробило пять часовъ. Второй ночной патруль прошелъ мимо часоваго, стоявшаго на платформѣ.

Тогда четырнадцать безстрашныхъ человѣкъ медленно и безмолвно начали одинъ за другимъ взбираться по легкой лѣстницѣ. Пока Габріэль, поднимавшійся послѣднимъ, былъ еще невысоко отъ земли, опасность казалась небольшою; но по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ и ихъ живая кисть колебалась, качаемая вѣтромъ, опасность возрастала болѣе и болѣе.

Величественное и ужасное зрѣлище представляли ночью, при воплѣ шквала, эти безмолвные четырнадцать человѣкъ, четырнадцать демоновъ, ползущихъ по черной стѣнѣ, на вершинѣ которой ожидала ихъ смерть возможная, а внизу—смерть неизбѣжная.

На сто-пятидесятомъ узлѣ, Ивонне остановился. Другіе сдѣлали то же.

Условлено было отдохнуть столько времени, чтобъ каждый прочиталъ два раза *Отче нашъ* и два *Ave*.

Мартэнъ-Герръ, кончивъ молитву, съ ужасомъ увидѣлъ, что Ивонне не трогается съ мѣста. Мартэнъ, думая, что онъ ошибся и упрекая себя въ пустомъ страхѣ, началъ въ третій разъ *Pater* и въ третій разъ *Ave*.

Но Ивонне по-прежнему оставался неподвиженъ.

Тогда Мартэнъ-Герръ —хотя имъ оставалось только сто шаговъ до платформы и говорить было бы опасно — Мартэнъ-Герръ рѣшился ударить Ивонне по ногамъ, и сказалъ:

— Иди же!

— Не могу, сказалъ Ивонне задыхающимся голосомъ.

— Не можешь, несчастный! Отъ-чего? спросилъ задрожавъ Мартэнъ.

— У меня кружится голова, сказалъ Ивонне.

Холодный потъ выступилъ зернами на лбу Мартэна-Герра.

Съ минуту онъ не зналъ, на что рѣшиться. Если Ивонне упадетъ, онъ увлечетъ всѣхъ своимъ паденіемъ. Спускаться внизъ не менѣе опасно. Мартэнъ не смѣлъ принять на себя никакой отвѣтственности въ такомъ ужасномъ положеніи, и ограничился только тѣмъ, что, наклонившись къ слѣдовавшему за нимъ Ансельму, сказалъ ему:

— Ивонне́ дурно.

Ансельмъ задрожалъ, подобно Мартэну, и сказалъ, въ свою очередь, Шарфенштейну, своему сосѣду:

— Ивонне́ дурно.

И каждый, вынувъ на минуту свой кинжалъ, стиснутый зубами, говорилъ слѣдовавшему за нимъ товарищу:

«Ивоннѐ дурно—Ивоннѐ дурно!» до-тѣхъ-поръ, пока эта роковая новость не дошла, наконецъ, до Габріэля, который, услышавъ ее, поблѣднѣлъ и задрожалъ какъ всѣ прочіе.

V.

Убійственное вліяніе, которое Арно́ дю-Тилль даже въ своемъ отсутствіи обнаруживаетъ на бѣднаго Мартэна-Герра.

Габріэль находился между тремя опасностями. Подъ нимъ стонало море и ужаснымъ голосомъ, казалось, призывало добычу. Передъ нимъ двѣнадцать человѣкъ, испуганныхъ, окаменѣлыхъ, не могли подвинуться ни впередъ, ни назадъ и загораживали ему дорогу къ третьей опасности — къ англійскимъ ружьямъ и копьямъ, можетъ-быть, ожидавшимъ его наверху.

Ужасающая смерть окружала со всѣхъ сторонъ эту зыбкую лѣстницу.

Къ-счастію, Габріэль былъ не изъ числа людей, которые долго задумываются даже между двумя безднами, и въ минуту рѣшился, ка́къ ему поступить.

Не спрашивая у себя, не измѣнитъ ли ему рука и не разобьетъ ли онъ себѣ черепа объ утесы, онъ ухватился за боковую веревку, повисъ на ней и началъ взбираться наверхъ. Изумительная сила рукъ и души спасла Габріэля. Онъ опередилъ двѣнадцать человѣкъ, которые висѣли на лѣстницѣ, благополучно добрался до Ивонне́ и, наконецъ, уперся ногами о ступеньку, рядомъ съ Мартэномъ-Герромъ.

— Пойдешь ли ты впередъ? сказалъ д'Эксме́ отрывистымъ и повелительнымъ тономъ, обращаясь къ Ивонне́.

— У меня... кружится... голова, отвѣчалъ несчастный, у котораго щелкали зубы и поднялись дыбомъ волосы.

— Пойдешь ли ты впередъ? повторилъ виконтъ д'Эксме́.

— Невозможно!.. сказалъ Ивоннѐ.—Я чувствую, что если руки и ноги соскользнутъ со ступеньки, за которую онѣ уцѣпились... я упаду.

— Увидимъ! сказалъ Габріэль.

Онъ поднялся до пояса Ивоннѐ и воткнулъ ему въ спину конецъ кинжала.

— Чувствуешь ли ты остріе кинжала? спросилъ Габріэль.

— Да... Сжальтесь... мнѣ страшно!.. сжальтесь!..

— Клинокъ острый и тонкій, продолжалъ Габріэль съ удивительнымъ хладнокровіемъ. — При малѣйшемъ движеніи, онъ вопьется. Послушай, Ивоннѐ! Мартэнъ-Герръ пойдетъ впереди тебя; я останусь сзади. Если ты не будешь слѣдовать за Мартэномъ, клянусь Богомъ, ты не упадешь и не уронишь прочихъ: я приколю тебя кинжаломъ къ стѣнѣ и буду держать до-тѣхъ-поръ, пока они всѣ не пройдутъ надъ твоимъ трупомъ.

— О, сжальтесь, г. виконтъ! я буду повиноваться! вскричалъ Ивоннѐ, вылеченный отъ страха другимъ сильнѣйшимъ страхомъ.

— Мартэнъ, сказалъ виконтъ д'Эксмé: — поднимайся.

Мартэнъ-Герръ, въ свою очередь, ухватился обѣими руками за боковую веревку и сталъ выше всѣхъ на лѣстницѣ.

— Иди, сказалъ Габріэль.

Послушный конюшій началъ смѣло подыматься, и бѣдный Ивоннé забылъ головную боль и послѣдовалъ за конюшимъ впереди Габріэля, который по-прежнему грозилъ ему кинжаломъ, держась на лѣстницѣ только ногами и лѣвою рукою.

Такъ четырнадцать человѣкъ прошли остальныя полтораста ступеней.

— Чортъ возьми! подумалъ Мартэнъ-Герръ, когда разстояніе, которое отдѣляло его отъ вершины башни, значительно уменьшилось и возвратило веселость конюшему: — чортъ возьми! виконтъ нашелъ сильное лекарство противъ головокруженія!..

Голова Мартэна, занятая этою веселою мыслію, поровнялась съ краемъ платформы.

— Наши? спросилъ у Мартэна незнакомый голосъ.

— Свои! отвѣчалъ конюшій.

— Давно бы пора, отвѣчалъ часовой. — Черезъ пять минутъ пойдетъ третій патруль.

— Тѣмъ лучше; мы встрѣтимъ его, отвѣчалъ Мартэнъ, и торжественно уперся колѣномъ о каменный край платформы.

— А ка́къ зовутъ тебя? вдругъ вскричалъ часовой, стараясь въ темнотѣ разсмотрѣть его лицо.

— Мартэнъ-Герръ...

При этихъ словахъ, Пьеръ Пекуа̀ (потому-что онъ стоялъ на часахъ) не далъ конюшему опереться другимъ колѣномъ и въ бѣшенствѣ столкнулъ его локтемъ съ платформы. Несчастный полетѣлъ въ пропасть.

— Господи! сказалъ только бѣдный Мартэнъ-Герръ, и онъ упалъ безъ крика, стараясь съ послѣднимъ, благороднымъ усиліемъ взять направленіе вкось отъ лѣстницы, чтобъ не увлечь за собою товарищей и своего господина...

Ивоннé, шедшій за Мартэномъ, снова почувствовавъ у себя подъ ногами твердую землю, сдѣлался смѣлѣе, первый вскарабкался на платформу; за нимъ поднялись Габріэль и всѣ другіе.

Пьеръ Пекуà не представилъ имъ никакого сопротивленія. Онъ стоялъ безчувственный, окаменѣлый.

— Негодяй! сказалъ виконтъ д'Эксме́, схвативъ его сильною рукою и наклонивъ къ землѣ: — какая безумная злость овладѣла тобою? Чтò тебѣ сдѣлалъ Мартэнъ-Герръ?

— Мнѣ? Ничего, отвѣчалъ глухимъ голосомъ оружейникъ.—Но Бабетѣ, моей сестрѣ!..

— Дà, я забылъ! вскричалъ Габріэль, пораженный словами Пьера. — Бѣдный Мартэнъ!.. Но вѣдь не онъ... Нельзя спасти Мартэна?

— Спасти, когда онъ упалъ на скалу съ высоты двухъ-сотъ пятидесяти футовъ! сказалъ Пьеръ Пекуà съ злобнымъ хохотомъ. — Перестаньте, г. виконтъ; подумайте лучше, кàкъ бы вамъ теперь спасти себя и своихъ товарищей.

— Моихъ товарищей, отца и Діану! подумалъ молодой человѣкъ, которому эти слова напомнили о его обязанностяхъ и опасностяхъ его положенія.—Все равно! громко сказалъ Габріэль: — мой бѣдный Мартэнъ!..

— Теперь не время оплакивать преступника, прервалъ Пьеръ Пекуà.

— Преступника! Говорю тебѣ, что онъ не виноватъ, и докажу это. Но покамѣстъ еще не пришло время... Вы сказали правду, Пьеръ. Скажите, расположены ли вы служить намъ, какъ прежде? спросилъ Габріэль оружейника.

— Я преданъ Франціи и вамъ, виконтъ, отвѣчалъ Пьеръ Пекуá.

— Чтò же остается намъ дѣлать? спросилъ Габріэль.

— Сейчасъ пойдетъ ночной патруль, состоящій изъ четырехъ человѣкъ. Ихъ надобно схватить и связать, отвѣчалъ горожанинъ. — Но, прибавилъ онъ: — выжидать ихъ нéкогда: вотъ они.

Пьеръ Пекуá еще не успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ городской патруль дѣйствительно показался на лѣстницѣ, ведущей изъ внутренней части башни на платформу. Малѣйшій крикъ дозорныхъ испортилъ бы все предпріятіе. Къ-счастію, Шарфенштейны, дядя и племянникъ, люди отъ природы очень-любопытные, уже прохаживались около лѣстницы. Патрульные не успѣли даже вскрикнуть, какъ широкая ладонь зажала ротъ каждому изъ нихъ и смѣло опрокинула ихъ на спину.

Пилльтруссъ и еще двое прибѣжали на помощь къ Шарфенштейнамъ, и безъ всякаго труда завязали ротъ и обезоружили четверыхъ стражей, приведенныхъ въ изумленіе отъ такой неожиданности.

— Начало недурно! сказалъ Пьеръ Пекуà. — Теперь надобно обезпечить себя отъ другихъ часовыхъ и потомъ смѣло отправиться къ гауптвахтамъ. Ихъ двѣ, но бояться нéчего: вы не встрѣтите легіоновъ. Притомъ же, половина городской милиціи, приготовленная Жаномъ и мною, предана Французамъ и пріиметъ ихъ

сторону. Я пойду предупредить ихъ о вашемъ успѣхѣ, а вы между-тѣмъ расправитесь съ этими часовыми. Когда я возвращусь сюда, мои слова уже произведутъ три четверти дѣйствія.

— Я очень благодарилъ бы васъ, Пекуа́, сказалъ Габріэль: — еслибъ не смерть Мартэна-Герра... Впрочемъ, это преступленіе было для васъ дѣломъ справедливости.

— Еще разъ, г. д'Эксмѐ, предоставьте судить объ этомъ грѣхѣ Богу и моей совѣсти, сурово отвѣчалъ строгій горожанинъ. — Теперь прощайте. Дѣйствуйте съ своей стороны такъ же, какъ я буду дѣйствовать.

Слова Пьера Пекуа́ сбылись почти совершенно. Часовые большею частію были на сторонѣ Франціи; только одинъ изъ нихъ думалъ-было сопротивляться, но его связали и такимъ образомъ лишили всякой возможности вредить. Когда оружейникъ, сопровождаемый Жаномъ Пекуа̀ и нѣкоторыми изъ своихъ надежныхъ друзей, воротился на платформу, вся верхняя часть крѣпости Рисбанкъ уже находилась во власти виконта д'Эксмѐ.

Оставалось только овладѣть гауптвахтою, и Габріэль, надѣясь на вспомогательный отрядъ, приведенный Пьеромъ Пекуа̀, отправился туда, не теряя ни минуты.

Удивленіе и замѣшательство часовыхъ, застигнутыхъ врасплохъ, содѣйствовали успѣху. Большая часть изъ тѣхъ, которые, по рожденію или для какихъ-либо интересовъ, держались Англіи, беззаботно спали въ такую раннюю пору на походныхъ койкахъ, и прежде, нежели успѣли образумиться, уже были захвачены.

Шумъ (потому-что еще не завязалось битвы) продолжался нѣсколько минутъ. Друзья братьевъ Пекуа́ кричали: «Да здравствуетъ Генрихъ II! Да здравствуетъ Франція!» Равнодушные приверженцы нейтралитета, какъ водится, тотчасъ перешли къ торжествующей партіи. Думавшіе сопротивляться принуждены были уступить большинству. При этомъ случаѣ, убитыхъ было только двое, раненныхъ пятеро, и раздалось только три ружейные выстрѣла. Набожный Лактанцій очень сожалѣлъ, что на его долю пришлось двое изъ раненныхъ и одинъ убитый. Къ-счастію.

Еще не пробило шести часовъ, какъ вся крѣпость Рисбанкъ была покорена Французами. Люди подозрительные были заключены въ мѣста, откуда они не могли вредить, и вся остальная часть городской стражи окружала Габріэля и привѣтствовала его, какъ освободителя.

Такъ, безъ большихъ усилій, менѣе нежели въ часъ, эта крѣпость, которую Англичане даже не думали охранять, считая море самою вѣрною защитой, эта крѣпость, бывшая ключемъ не къ одной гавани Калѐ, но къ самому Калѐ, покорилась неожиданной и сверхъестественной силѣ. Дѣло было ведено такъ быстро, что башня Рисбанкъ сдалась и виконтъ д'Эксмѐ поставилъ на ней новыхъ часовыхъ съ новымъ лозунгомъ прежде, чѣмъ слухъ объ этомъ успѣхѣ распространился въ городѣ.

— Но покамѣстъ Калè не въ нашихъ рукахъ, я не считаю дѣла конченнымъ, сказалъ Пьеръ Пекуá.—По-этому, г. виконтъ, я совѣтовалъ бы вамъ остаться здѣсь съ Жаномъ и половиною нашего отряда для удержанія крѣпости Рисбанкъ, а я между-тѣмъ съ другою половиной пойду въ городъ. Мы постараемся, въ случаѣ надобности, доставить Французамъ какое-нибудь полезное развлеченіе. Послѣ веревокъ Жана, не мѣшаетъ употребить въ дѣло оружіе Пьера.

— Остерегайтесь, чтобъ раздраженный лордъ Уэнтвортъ не сдѣлалъ вамъ чего худаго! сказалъ Габріэль.

— На этотъ счетъ будьте спокойны, отвѣчалъ Пьеръ Пекуá.— Я буду дѣйствовать хитростью: это лучшая война съ нашими двухсотлѣтними притѣснителями. Если хотите, я даже сложу всю бѣду на Жана, скажу, что онъ предалъ насъ, и что, неожиданно застигнутые силою, превосходившею нашу силу, мы принуждены были сдаться, не смотря на свое сопротивленіе. Тѣ, которые не согласились признать вашу побѣду, были изгнаны изъ крѣпости, скажу я имъ, и лордъ Уэнтвортъ, не слишкомъ-хорошо понимающій свое дѣло, повѣритъ намъ и еще станетъ благодарить насъ.

— Хорошо, идите въ Калè, сказалъ Габріэль: — вижу, что у васъ столько же ловкости, сколько мужества, и увѣренъ, что вы поможете мнѣ, если, на-примѣръ, я попробую сдѣлать вылазку.

— О, не совѣтую вамъ рѣшаться на вылазку! сказалъ Пьеръ Пекуá. — Сила ваша еще невелика, и вылазка доставитъ вамъ очень-ничтожный выигрышъ; за то она можетъ лишить васъ всего, что вы пріобрѣли бы со временемъ. Вы завладѣли неприступною башнею, и оставайтесь здѣсь за крѣпкими стѣнами. Если вы начнете наступательныя дѣйствія, лордъ Уэнтвортъ отниметъ у васъ крѣпость Рисбанкъ, и вы, послѣ столькихъ трудовъ, потеряете все, къ великому сожалѣнію.

— Не-уже-ли мнѣ оставаться здѣсь, скрестя руки, съ шпагою на боку, когда г-нъ Гизъ и всѣ мои соотечественники сражаются и жертвуютъ своею жизнію? сказалъ Габріэль.

— Каждый изъ нихъ въ правѣ располагать своею жизнію, а крѣпость Рисбанкъ принадлежитъ Франціи, отвѣчалъ благоразумный горожанинъ.—Послушайте: когда минута покажется мнѣ удобною для нападенія, достаточно будетъ одного послѣдняго рѣшительнаго удара, чтобъ отнять Калè у Англичанъ: я подниму и тѣхъ, которыхъ я привелъ сюда, и всѣхъ жителей, раздѣляющихъ мои мнѣнія. Когда всѣ средства къ побѣдѣ созрѣютъ, вы пріидете къ намъ на помощь и отворите городъ герцогу Гизу.

— Но кто же скажетъ мнѣ, когда я могу рѣшиться на вылазку? спросилъ виконтъ д'Эксмè.

— Отдайте мнѣ рожокъ, который я вручилъ вамъ и котораго звукъ помогъ мнѣ узнать васъ, сказалъ Пьеръ Пекуá.—Когда вы въ крѣпости Рисбанкъ услышите звукъ этого рожка, выходите смѣ-

ло, и во второй разъ вы будете участникомъ торжества, такъ искусно вами приготовленнаго.

Габріэль поблагодарилъ Пьера Пекуа́, выбралъ людей, которые должны были войдти въ городъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, помогать Французамъ, и проводилъ ихъ до воротъ Рисбанка, подъ предлогомъ, что они со стыдомъ изгоняются изъ крѣпости.

Было около половины восьмаго, и день начиналъ бѣлѣть на небѣ.

Габріэль, желая видѣть, ка́къ будутъ ставить на крѣпости Рисбанкъ французскія знамена, которыя должны были успокоить Гиза и устрашить англійскіе корабли, поднялся на платформу, свидѣтельницу этой ужасной и славной ночи.

Поблѣднѣвъ отъ усталости и волненія, онъ приблизился къ мѣсту, гдѣ была прикрѣплена веревочная лѣстница и откуда упалъ бѣдный Мартэнъ-Герръ, несчастнѣйшая жертва ошибки. Габріэль, дрожа отъ ужаса, наклонился къ утесу, думая увидѣть на немъ обезображенный трупъ своего вѣрнаго конюшаго, но не могъ замѣтить его съ перваго раза, и долго искалъ его глазами, въ которыхъ сначала выражалось удивленіе, но потомъ блеснули слабые лучи надежды.

Въ-самомъ-дѣлѣ, свинцовая труба, по которой стекала съ башни дождевая вода, остановила тѣло на половинѣ дороги въ ужасную пропасть, и на этой-то трубѣ висѣлъ теперь Мартэнъ, согнутый пополамъ, неподвижный.

Габріэль, при первомъ взглядѣ на бѣдное тѣло, подумалъ, что оно лишено жизни, и, считая напрасною всякую помощь, хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, отдать послѣдній долгъ своему слугѣ.

Пиллтруссъ, котораго такъ любилъ Мартэнъ-Герръ, плакалъ, стоя возлѣ Габріэля, и, съ самоотверженіемъ раздѣляя благочестивую мысль своего господина, велѣлъ крѣпко привязать себя къ веревочной лѣстницѣ, приготовленной Пьеромъ Пекуа́, и спустить себя въ бездну.

Когда Пиллтруссъ, держа тѣло своего друга, съ трудомъ поднялся на платформу, то увидѣли, что Мартэнъ еще дышалъ.

Лекарь, призванный на помощь, также нашелъ въ немъ признаки жизни, и честный конюшій дѣйствительно пришелъ въ память— для сильнѣйшихъ страданій. Мартэнъ-Герръ находился въ ужасномъ положеніи. У него была вывихнута рука около плеча, и сломано бедро.

Хирургъ еще могъ вправить руку, но бедро необходимо было отсѣчь, и между-тѣмъ, онъ не смѣлъ взяться за эту трудную операцію.

Габріэль больше прежняго досадовалъ, что ему, побѣдителю, суждено оставаться взаперти въ крѣпости Рисбанкъ. Ожиданіе, прежде нестерпимое, теперь сдѣлалось ужаснымъ.

Еслибъ увѣдомить опытнаго врача, Амброаза Парѐ, онъ, можетъ-быть, спасъ бы Мартэна-Герра.

VI.

Затруднительное положеніе лорда Уэнтворта.

Хотя герцогъ Гизъ, основательно обдумавъ такое смѣлое предпріятіе, не могъ вѣрить его успѣху, но захотѣлъ самъ удостовѣриться, удалась или нѣтъ попытка виконта д'Эксмé. Гизъ находился въ одномъ изъ тѣхъ затруднительныхъ положеній, когда вѣришь даже въ невозможное.

Въ восемь часовъ, онъ пріѣхалъ на лошади, сопровождаемый малочисленною свитою, и остановился на берегу, на томъ мѣстѣ, которое указалъ ему Габріэль, наблюдать отсюда, посредствомъ зрительной трубы, за военными дѣйствіями на крѣпости Рисбанкъ.

При первомъ взглядѣ на крѣпость, герцогъ вскрикнулъ отъ восторга. Дà; онъ не ошибся: онъ ясно видѣлъ цвѣтà французскаго знамени, которое струилось въ воздухѣ. Свита, окружавшая герцога, подтвердила то, чтò онъ увидѣлъ, и раздѣляла съ нимъ радость.

— Удивительный Габріэль! вскричалъ Гизъ.—Онъ дѣйствительно подошелъ къ своей невѣроятной цѣли! Не стоитъ ли онъ выше меня, который сомнѣвался? Теперь, благодаря Габріэлю, мы можемъ свободно приготовиться ко взятію Калé. Если прійдетъ вспомогательное войско изъ Англіи, Габріэль съумѣетъ его встрѣтить.

— Г-нъ герцогъ, кажется, накликалъ это войско, сказалъ одинъ изъ офицеровъ, составлявшихъ свиту Гиза, направляя зрительную трубу на море.—Взгляните, герцогъ, не видно ли англійскихъ кораблей на горизонтѣ?

— Да, они не потеряли времени, отвѣчалъ Гизъ.—Посмотримъ.

Онъ взялъ зрительную трубу и приставилъ ее къ глазу.

— Дà, въ-самомъ-дѣлѣ, это наши любезные Англичане поторопились. Я не ожидалъ ихъ такъ скоро! Знаете ли, господà: еслибъ мы осадили теперь Вьё-Шатò, неожиданный приходъ этихъ кораблей съигралъ бы съ нами худую шутку. Двойная благодарность виконту д'Эксмé. Онъ не только даритъ намъ побѣду, но и спасаетъ насъ отъ постыднаго пораженія. Такъ-какъ торопиться намъ нéкуда, посмотримъ, чтò станутъ дѣлать эти новые гости, и кàкъ будетъ обходиться съ ними молодой губернаторъ крѣпости Рисбанкъ.

Когда англійскіе корабли остановились въ виду крѣпости, уже совершенно разсвѣло, и французское знамя явилось имъ, какъ грозный призракъ, въ первыхъ лучахъ утра.

И, кàкъ бы желая подтвердить это неслыханное явленіе, Габріэль отсалютовалъ приближающіеся корабли тремя или четырьмя пушечными выстрѣлами.

Итакъ, нельзя было больше сомнѣваться: французское знамя развѣвалось на англійской башнѣ. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ башнею, и самый городъ уже находился во власти осаждающихъ. Вспомогательное войско, при всей своей поспѣшности, пришло очень-поздно.

Англійскіе корабли простояли нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, потомъ мало-по-малу удалились и направили путь къ Дувру. Они имѣли довольно силы помочь Калè, но не могли бы вырвать его у непріятеля.

— Слава Богу! вскричалъ въ восхищеніи герцогъ Гизъ. — Толкуйте мнѣ объ этомъ Габріэлѣ! Онъ такъ же хорошо умѣетъ беречь завоеванное, какъ и одерживать нобѣды. Онъ отдалъ Калè въ наши руки, и намъ остается только покрѣпче сжать ихъ, чтобъ не потерять этого прекраснаго города.

И, сѣвъ на лошадь, онъ весело возвратился въ лагерь ускорять осадныя работы.

Дѣла человѣческія почти всегда представляются съ двухъ сторонъ, и, заставляя однихъ смѣяться, въ то же время заставляютъ другихъ плакать. Между-тѣмъ, какъ герцогъ Гизъ въ восхищеніи потиралъ руки, лордъ Уэнтвортъ рвалъ на себѣ волосы.

Послѣ безпокойной ночи и какихъ-то страшныхъ предчувствій, онъ заснулъ, наконецъ, подъ утро, и вышелъ изъ своей комнаты только въ ту минуту, когда мнимо-побѣжденные стражи крѣпости Рисбанкъ, подъ предводительствомъ Пьера-Пекуа́, принесли въ городъ роковую новость.

Губернаторъ, можно сказать, послѣдній получилъ это извѣстіе. Въ печали и бѣшенствѣ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и приказалъ привести къ себѣ предводителя бѣглой стражи.

Ему представили Пьера Пекуа́, который вошелъ въ комнату опустивъ голову, въ испугѣ, превосходно-разъигранномъ для тогдашнихъ обстоятельствъ.

Хитрый горожанинъ разсказалъ о ночномъ нападеніи и обрисовалъ *триста* ужасныхъ смѣльчаковъ, поднявшихся вдругъ на крѣпость Рисбанкъ, безъ-сомнѣнія, при помощи предательства, которое онъ, Пьеръ Пекуа́, не успѣлъ даже объяснить себѣ.

— Но кто же былъ начальникомъ этихъ трехъ-сотъ человѣкъ? спросилъ лордъ Уэнтвортъ.

— Боже мой! вашъ прежній плѣнникъ, г. д'Эксмè! отвѣчалъ хитрый оружейникъ.

— Сбылись мои сны! вскричалъ губернаторъ.

И потомъ, пораженный воспоминаніемъ, онъ сказалъ, нахмуривъ брови:

— Однакожь, послушайте: г. д'Эксмè, во время своего пребыванія здѣсь, кажется, жилъ у васъ въ домѣ?

— Точно такъ, милордъ, отвѣчалъ Пьеръ Пекуа́, ни мало не смутившись: — и мнѣ думается—къ чему скрывать? что мой дво-

юродный братъ, Жанъ, ремесломъ ткачъ, участвовалъ въ этой продѣлкѣ г-на д'Эксмѐ больше, нежели сколько слѣдовало.

Лордъ Уэнтвортъ искоса посмотрѣлъ на горожанина, но горожанинъ смѣло смотрѣлъ въ лицо лорду Уэнтворту.

Эта смѣлость обезоружила губернатора; онъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, и зная, какое вліяніе имѣлъ Пьеръ Пекуа на городскихъ жителей, старался скрыть свои подозрѣнія.

Сдѣлавъ ему еще нѣсколько послѣднихъ разспросовъ, лордъ Уэнтвортъ разстался съ оружейникомъ печально, но дружески и, оставшись одинъ, впалъ въ глубокое уныніе.

И было отъ-чего задуматься губернатору! Городъ, ввѣренный слабому гарнизону, затворенный для всякой помощи, которая могла бы прійдти къ нему съ континента или съ моря, стѣсненный между крѣпостями Ньёлѐ и Рисбанкъ, еще болѣе препятствовавшими защищаться ему — городъ въ такомъ положеніи могъ держаться очень-недолго, нѣсколько дней, или даже нѣсколько часовъ.

Страшный ударъ для высокой гордости лорда Уэнтворта.

— Но все равно! сказалъ онъ, блѣдный отъ ужаса и гнѣва: — все равно! я дорого продамъ имъ побѣду. Калѐ навѣрно находится теперь въ ихъ рукахъ; однакожь, я буду здѣсь держаться до послѣдней крайности и заставлю ихъ заплатить трупами за это драгоцѣнное пораженіе. Чтò же касается любовника прелестной Діаны де-Кастро...

Лордъ остановился; адская мысль освѣтила радостнымъ лучомъ его мрачное лицо.

— Что же до любовника прелестной Діаны, продолжалъ онъ съ какимъ-то самодовольствіемъ: — постараемся, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ онъ не очень радовался нашей смерти. Когда, по долгу и по своему желанію, я буду засыпанъ развалинами Калѐ, пускай тогда виконтъ узнаетъ, что его соперникъ, побѣжденный и умирающій, приготовилъ ему, въ свою очередь, ужасную новость.

Потомъ онъ бросился изъ дома оживлять мужество и отдавать приказанія гарнизону. Успокоенный какимъ-то страшнымъ намѣреніемъ, Уэнтвортъ обнаруживалъ такое хладнокровіе, что возвратилъ надежду многимъ умамъ самымъ недовѣрчивымъ.

Мы не намѣрены здѣсь входить въ длинныя подробности осады Калѐ. Читатель можетъ ихъ найдти въ *Бельгійскихъ Войнахъ* Франциска Рабютэна.

Пятое и шестое января прошли въ усиліяхъ одинаково энергическихъ со стороны осажденныхъ и осаждающихъ. Солдаты обѣихъ сторонъ дѣйствовали съ одинаковымъ мужествомъ и геройскимъ самоотверженіемъ. Но благородное сопротивленіе лорда Уэнтворта должно было уступить превосходящей силѣ: маршалъ Строцци, распоряжавшій осадными работами, казалось, угадывалъ всѣ средства обороны и всѣ движенія Англичанъ, какъ-будто валы, окружавшіе Калѐ, были прозрачны, какъ хрусталь.

Вѣроятно, онъ досталъ себѣ планъ города, и мы знаемъ, кто доставилъ этотъ планъ герцогу Гизу.

Такимъ-образомъ, виконтъ д'Эксме́, даже въ своемъ бездѣйствіи, былъ еще полезенъ соотечественникамъ и, по замѣчанію г. Гиза, высказанному въ порывѣ благодарности, обнаруживалъ издалека свое спасительное вліяніе.

Однакожь, это невольное бездѣйствіе лежало свинцомъ на пылкомъ сердцѣ молодаго человѣка! Скованный своею побѣдой, онъ былъ принужденъ отдать свою дѣятельность заботамъ объ охраненіи завоеванной крѣпости, казавшимся ему слишкомъ-легкими и ничтожными.

Черезъ каждый часъ, обошедъ башню съ неусыпною внимательностью, которой научила его оборона Сен-Кентена, онъ садился къ изголовью Мартэна-Герра, утѣшалъ его, ободрялъ и честный конюшій переносилъ свои страданія съ удивительнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ души. Но злой поступокъ Пьера Пекуа́ приводилъ Мартэна въ печальное негодованіе.

Непритворная печаль и удивленіе, которыя рождались въ душѣ конюшаго, когда онъ старался объяснить себѣ темную причину злобы Пьера Пекуа, разсѣяли въ Габріэлѣ послѣднее сомнѣніе на счетъ добросовѣстности Мартэна.

Молодой человѣкъ рѣшился разсказать Мартэну-Герру его собственную исторію, по-крайней-мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась ему изъ обстоятельствъ и соображеній. Очевидно, что плутъ воспользовался своимъ удивительнымъ сходствомъ съ Мартэномъ-Герромъ, чтобъ подъ его именемъ дѣлать всѣ возможныя подлости, не подвергаясь за нихъ никакой отвѣтственности и, въ то же время, воспользоваться всѣми выгодами и преимуществами, которыя онъ могъ отклонить отъ своего Созія и обратить на самого-себя.

Габріэль высказалъ эти мысли въ присутствіи Жана Пекуа́, и честный ткачъ съ ужасомъ смотрѣлъ на послѣдствія роковой ошибки. Въ особенности безпокоилъ его человѣкъ, который такъ низко воспользовался ими. Кто былъ этотъ негодяй? Женатъ ли онъ? Гдѣ онъ скрывается?

Мартэнъ-Герръ, съ своей стороны, не могъ не ужаснуться мысли о такой превратности. Онъ радовался, видя свою совѣсть освобожденною отъ множества преступленій, тяготѣвшихъ на ней, и въ то же время приходилъ въ уныніе при мысли, что плутъ, скрывавшійся подъ его именемъ, заклеймилъ его гнусными поступками. И ка́къ знать, можетъ-быть, подъ защитою псевдонима, онъ совершалъ еще новыя преступленія въ ту самую минуту, какъ Мартэнъ лежалъ на одрѣ болѣзни?

Но въ особенности растрогала сердце добраго Мартэна-Герра исторія Бабеты Пекуа̀. Теперь онъ извинялъ жестокость Пьера и не только прощалъ, но даже одобрялъ его поступокъ, потому-что долгъ благороднаго человѣка требовалъ отмстить за такое низкое

посягательство на честь. Теперь Мартэнъ-Герръ утѣшалъ и старался успокоить Жана Пекуа́.

Добрый конюшій, одобряя поведеніе брата Бабеты, позабылъ только одно обстоятельство, именно, что онъ заплатилъ собою за дѣйствительнаго виновника несчастій бѣдной дѣвушки.

И когда Габріэль съ улыбкою напомнилъ объ этомъ своему слугѣ, Мартэнъ-Герръ отвѣчалъ:

— Велика бѣда! Напротивъ, я еще благословляю судьбу за свое несчастіе; по-крайней-мѣрѣ, если я переживу его, моя хромая нога или, вѣрнѣе, деревянная, дастъ мнѣ возможность не походить на обманщика и предателя.

Къ-сожалѣнію, ничтожное утѣшеніе, на которое надѣялся Мартэнъ, было еще очень-сомнительно, потому-что не знали, останется ли онъ въ живыхъ. Городской хирургъ не ручался за его жизнь; необходимо было скорое пособіе искуснаго врача, а между-тѣмъ уже прошло почти два дня съ-тѣхъ-поръ, какъ опасное положеніе Мартэна-Герра не находило себѣ достаточной помощи.

Страданія Мартэна были одною изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ нетерпѣніе Габріэля, и часто, днемъ и ночью, онъ приподнималъ голову и прислушивался, въ надеждѣ, не извлечетъ ли, наконецъ, его изъ невольнаго бездѣйствія такъ жадно ожидаемый звукъ рожка. Но никакой шумъ, сколько-нибудь подобный этому звуку, не прорывался сквозь отдаленный и однообразный гулъ двухъ артиллерій, англійской и французской.

И только вечеромъ шестаго января, Габріэлю, уже въ-продолженіе тридцати-шести часовъ владѣвшему крѣпостью Рисбанкъ, послышались, со стороны города, шумъ сильнѣе прежняго и необыкновенные крики торжества или отчаянія.

Французы, послѣ одной изъ самыхъ жаркихъ схватокъ, вошли побѣдителями въ Вьё-Шато̀.

Калѐ могъ держаться еще не болѣе двадцати-четырехъ часовъ.

При всемъ томъ, цѣлый день седьмаго января Англичане провели въ неимовѣрныхъ усиліяхъ занять столь важную позицію и удержаться на послѣднихъ пунктахъ, которыми они еще владѣли. Но Гизъ, не уступая непріятелю ни клочка завоеванной земли, все далѣе подвигался впередъ, такъ-что Англичане увидѣли неизбѣжную необходимость отказаться на слѣдующій день отъ своего господства въ Калѐ.

Было около трехъ часовъ пополудни. Лордъ Уэнтвортъ, который въ-теченіе семи дней дѣйствовалъ постоянно въ первомъ ряду, наносилъ другимъ смерть и ускользалъ отъ ея ударовъ, разсудилъ теперь, что его войску оставалось не болѣе двухъ часовъ физической силы и нравственной энергіи.

Въ отчаяніи, онъ позвалъ лорда Дэрби.

— Какъ вы думаете, долго ли еще мы въ состояніи держаться? спросилъ губернаторъ.

— Не больше трехъ часовъ, и то не навѣрно, отвѣчалъ печально лордъ Дэрби.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчаете вы за два часа?

— Да, если не представится какого-нибудь непредвидимаго случая, сказалъ Дэрби, измѣряя дорогу, которую оставалось еще пройдти Французамъ.

— Итакъ, другъ мой, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ: — я передаю вамъ главное начальство — и удаляюсь. Если Англичане черезъ два часа, но не прежде — понимаете—если, черезъ два часа, наши будутъ находиться все въ томъ же невыгодномъ положеніи, что̀ весьма-вѣроятно — позволяю вамъ, даже приказываю, для уменьшенія вашей же отвѣтственности, барабанить отбой и просить капитуляціи.

— Двухъ часовъ довольно, милордъ, сказалъ Дэрби.

Лордъ Уэнтвортъ сообщилъ своему намѣстнику всѣ условія, какихъ онъ могъ бы требовать и какихъ, безъ всякаго сомнѣнія, не отказался бы исполнить герцогъ Гизъ.

— Но вы забыли одно условіе, именно, условіе о самомъ-себѣ, милордъ, замѣтилъ ему лордъ Дэрби.—Я долженъ также просить г-на Гиза, чтобъ онъ принялъ васъ съ условіемъ выкупа, не такъ ли?

Огонь блеснулъ въ печальныхъ глазахъ лорда Уэнтворта.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ съ странною улыбкой: —не безпокойтесь обо мнѣ, любезный другъ. Я заранѣе позаботился обо всемъ, что̀ для меня нужно, обо всемъ, чего я еще желаю.

— Однакожъ... прервалъ лордъ Дэрби.

— Довольно! сказалъ повелительнымъ тономъ губернаторъ. — Исполняйте только мои слова — и ничего болѣе. Прощайте. Скажите Англіи, что я сдѣлалъ все, что было возможно мнѣ сдѣлать для защиты своего города, и уступилъ только роковой необходимости. Вы, въ свою очередь, старайтесь до послѣдней минуты, но берегите англійскую честь и англійскую кровь, Дэрби. Вотъ мои послѣднія слова. Прощайте.

Лордъ Уэнтвортъ не хотѣлъ больше ни слышать, ни говорить, и, пожавъ руку лорду Дэрби, оставилъ мѣсто битвы и одинъ удалился въ свой пустынный домъ, строго приказавъ не впускать туда никого ни подъ какимъ предлогомъ.

Уэнтвортъ былъ увѣренъ, что ему оставалось еще по-крайней-мѣрѣ два часа.

VII.

Отвергнутая любовь.

Лордъ Уэнтвортъ былъ твердо увѣренъ въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что ему оставалось еще два часа до сдачи Кале́, и, во-вторыхъ, что онъ найдетъ свою отель совершенно-пустою, потому-что

для предосторожности съ утра отослалъ даже свою прислугу на оборонительныя работы. Андрé, французскій пажъ г-жи де-Кастро, былъ запертъ по его приказанію. Діана оставалась только съ двумя женщинами.

Все было пусто, какъ-будто вымерло передъ Уэнтвортомъ, когда онъ возвращался къ себѣ домой, и Калé, подобно тѣлу, изъ котораго вылетаетъ жизнь, сосредоточилъ всю свою силу въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе.

Лордъ Уэнтвортъ, мрачный, свирѣпый, отуманенный отчаяніемъ, пошелъ прямо къ комнатамъ, занимаемымъ г-жею де-Кастро. Въ этотъ разъ, измѣнивъ своему обыкновенію, онъ даже не велѣлъ доложить о себѣ Діанѣ, но смѣло, господиномъ вошелъ въ комнату, въ которой она была съ своей служанкой. Губернаторъ, не поклонившись Діанѣ, изумленной такою странною перемѣною, обратился прямо къ служанкѣ:

— Уйдите отсюда сію минуту! сказалъ онъ повелительнымъ тономъ.—Можетъ-быть, нынче вечеромъ Французы вступятъ въ городъ, и у меня нѣтъ ни времени, ни средствъ защищать васъ. Пойдите къ своему отцу: тамъ ваше мѣсто. Идите немедленно, и скажите двумъ или тремъ, которыя остались еще здѣсь, что я приказываю имъ тотчасъ послѣдовать вашему примѣру.

— Милордъ... сказала служанка.

— Вы слышали, что̀ я сказалъ, вскричалъ губернаторъ, топнувъ ногою:—«я приказываю!»

— Однакожь, милордъ... возразила Діана въ свою очередь.

— Я сказалъ «приказываю», произнесъ лордъ Уэнтвортъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе рукою.

Служанка перепуганная ушла изъ комнаты.

— Право, я не узнаю васъ, милордъ, сказала Діана послѣ томительнаго молчанія.

— Потому-что вы никогда не видали меня побѣжденнымъ, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ горькою улыбкой.—Вы были для меня превосходнымъ пророчествомъ о разрушеніи и проклятіи, и я, безумецъ, еще не вѣрилъ вамъ! Я побѣжденъ, совершенно побѣжденъ, побѣжденъ такъ, что мнѣ больше не остается никакой надежды, никакихъ средствъ. Радуйтесь!

— Не-уже-ли вы такъ увѣрены въ успѣхѣ Французовъ? сказала Діана, едва скрывая свою радость.

— Ка̀къ же мнѣ еще не быть увѣреннымъ? Ньёлé, Рисбанкъ, Вьё-Шато̀ находятся въ ихъ рукахъ. Между тремя огнями не трудно взять городъ. Калé во власти Французовъ. Радуйтесь.

— О, милордъ, съ такимъ соперникомъ, какъ вы, невозможно быть увѣрену въ побѣдѣ, отвѣчала Діана:—и, не смотря на свое желаніе вѣрить, признаюсь, я все еще сомнѣваюсь.

— Но развѣ не видите вы, что я бѣгу отъ своихъ? вскричалъ лордъ Уэнтвортъ:—что, оставаясь до послѣдней крайности на полѣ битвы, я не хотѣлъ быть свидѣтелемъ пораженія, и за тѣмъ

пришелъ сюда; развѣ не видите вы этого? Черезъ полтора часа, лордъ Дэрби положитъ оружіе. Черезъ полтора часа, Французы торжественно вступятъ въ Калé—и вмѣстѣ съ ними виконтъ д'Эксмé. Радуйтесь.

— Милордъ, вы говорите такимъ тономъ, что, право, не знаешь, можно ли вамъ вѣрить, сказала Діана, у которой, однакожь, блеснула на губахъ улыбка при мысли объ освобожденіи.

— Въ такомъ случаѣ, чтобъ убѣдить васъ, потому-что мнѣ хочется убѣдить васъ, сказалъ лордъ Уэнтвортъ:—я буду иначе говорить. Черезъ полтора часа, Французы торжественно вступятъ сюда и съ ними—виконтъ д'Эксмé... Трепещите!

— Чтò это значитъ? вскричала, поблѣднѣвъ, Діана.

— Кажется, я говорю ясно, сказалъ лордъ Уэнтвортъ, съ злобнымъ смѣхомъ приблизившись къ Діанѣ. — Черезъ полтора часа, мы помѣняемся ролями. Вы будете свободны, я буду плѣнникомъ. Виконтъ д'Эксмè прійдетъ сюда возвратить вамъ свободу, любовь, счастіе, и броситъ меня въ смрадную темницу. Трепещите!

— Чего же я должна трепетать? спросила Діана, отступивъ къ стѣнѣ отъ грознаго и сверкающаго взорами губернатора.

— Боже мой! Не трудно понять, сказалъ лордъ Уэнтвортъ: — теперь — я господинъ, черезъ полтора часа я буду рабомъ, даже черезъ часъ съ четвертью, потому-что минуты проходятъ. Черезъ часъ съ четвертью, я буду въ вашей власти; теперь—вы находитесь въ моей. Черезъ часъ съ четвертью, здѣсь будетъ виконтъ д'Эксмè; въ настоящую минуту здѣсь—я. Итакъ, радуйтесь и трепещите!..

— Милордъ! милордъ! вскричала дрожа бѣдная дѣвушка, отталкивая лорда Уэнтворта:—чего хотите вы отъ меня?

— Чего я хочу отъ тебя?.. сказалъ губернаторъ глухимъ голосомъ.

— Не подходите ко мнѣ: или я буду кричать, звать на помощь, и лишу васъ чести, презрѣнный! вскричала Діана въ ужасѣ.

— Кричи, зови, мнѣ все равно, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ адскимъ спокойствіемъ: — въ домѣ нѣтъ ни души, улицы пусты, никто не явится на твой крикъ, по-крайней-мѣрѣ, раньше, какъ черезъ часъ. Видишь, я даже не заперъ ни дверей, ни оконъ: такъ я увѣренъ, что никто не прійдетъ сюда раньше, какъ черезъ часъ.

— Однакожь, черезъ часъ прійдутъ, возразила Діана:—я обвиню васъ, разскажу все, васъ убьютъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ холодно лордъ Уэнтвортъ:—я самъ убью себя. Не думаешь ли, что я захочу пережить взятіе Калé? Черезъ часъ, я убью себя... я уже рѣшился. Перестанемъ говорить объ этомъ. Но сперва я хочу тебя отнять у твоей любви... Перестаньте, моя красавица! Ваше упорство, презрѣніе теперь не у мѣста; я не прошу васъ больше — но приказываю! Я больше не умоляю васъ — но требую!

— А я... я умираю! вскричала Діана, выхвативъ ножъ изъ-за корсета.

Но прежде, нежели она успѣла поразить себя, лордъ Уэнтвортъ бросился къ ней, выхватилъ крѣпкими руками ножъ изъ ея слабыхъ рукъ и бросилъ его въ сторону.

— Еще рано! вскричалъ лордъ Уэнтвортъ съ ужасною улыбкой. — Я не хочу, чтобъ вы такъ рано убивали себя. Послѣ дѣлайте что̀ вамъ угодно, и если вы хотите лучше умереть со мною, нежели жить съ *нимъ*, разумѣется, вы будете свободны. Но въ этотъ послѣдній часъ—потому-что теперь, дѣйствительно, остается намъ только одинъ часъ —въ этотъ послѣдній часъ жизнь ваша принадлежитъ мнѣ, и въ этотъ часъ я хочу вознаградить себя за вѣчную жизнь въ аду. Повѣрьте, что я не откажусь отъ своего слова.

Онъ хотѣлъ обнять ее; но въ это время Діана, чувствуя, что силы измѣняютъ ей, въ изнеможеніи бросилась къ его ногамъ.

— Сжальтесь, милордъ! кричала она: — сжальтесь!.. на колѣняхъ умоляю васъ, сжальтесь, простите! Умоляю васъ именемъ вашей матери! вспомните, что вы дворянинъ.

— Дворянинъ! замѣтилъ лордъ Уэнтвортъ, опустивъ голову: — да, я былъ дворяниномъ, и, кажется, поступалъ, какъ слѣдовало поступать дворянину, пока я торжествовалъ, надѣялся, жилъ. Но теперь я больше не дворянинъ, я просто человѣкъ, который умираетъ и хочетъ отмстить за себя.

Онъ поднялъ г-жу де-Кастро, лежавшую въ обморокѣ у ногъ его. Прекрасное тѣло Діаны страдало отъ пряжки, которою былъ стянутъ поясъ вокругъ ея таліи. Бѣдная дѣвушка хотѣла просить, кричать, но не могла произнесть ни слова.

Въ эту минуту послышался страшный шумъ на улицѣ.

Діана лишилась чувствъ.

Но губернаторъ еще не успѣлъ приложить свои губы къ поблѣднѣвшимъ губамъ ея, какъ шумъ приблизился и дверь съ трескомъ растворилась настежь.

Виконтъ д'Эксме́, оба Пекуа́ и три или четыре французскихъ егеря явились на порогѣ.

Габріэль, со шпагою въ рукѣ, бросился на лорда Уэнтворта.

— Мерзавецъ! вскричалъ Габріэль ужаснымъ голосомъ.

Лордъ Уэнтвортъ, стиснувъ зубы, схватился за шпагу, оставленную имъ на креслахъ.

— Прочь! сказалъ Габріэль, обращаясь къ своимъ спутникамъ, хотѣвшимъ вмѣшаться въ дѣло.—Я хочу одинъ наказать негодяя.

Два соперника, не говоря ни слова, въ бѣшенствѣ скрестили шпаги.

Пьеръ и Жанъ Пекуа́ и ихъ товарищи разступились по двумъ сторонамъ, безмолвные, но не равнодушные свидѣтели смертнаго боя.

Діана все еще лежала безъ чувствъ.

Читатель, вѣроятно, догадался, какимъ образомъ эта помощь, посланная Провидѣніемъ беззащитной плѣнницѣ, явилась раньше, нежели ожидалъ ее лордъ Уэнтвортъ.

Пьеръ Пекуа́, исполняя свое обѣщаніе, данное Габріэлю, въ продолженіе двухъ предшествующихъ дней возбуждалъ и вооружалъ всѣхъ, которые, вмѣстѣ съ нимъ, тайно были на сторонѣ Франціи, и число ихъ значительно возрасло, потому-что побѣда казалась несомнѣнною. Это большею частію были благоразумные горожане, которые всѣ согласно думали, что такъ-какъ уже не оставалось средствъ сопротивляться, то гораздо-вѣрнѣе заключить выгодную капитуляцію.

Оружейникъ, желая дать рѣшительный ударъ съ совершенною увѣренностью, не хотѣлъ напрасно жертвовать жизнію тѣхъ, которые довѣряли себя ему, и отъ-того ждалъ, чтобъ союзники его сдѣлались довольно-сильны и самая осада была приготовлена. Когда Вьё-Шато̀ сдался Французамъ, Пьеръ Пекуа́ рѣшился дѣйствовать; но не вдругъ успѣлъ собрать своихъ соучастниковъ, разсѣянныхъ по городу, и только въ ту минуту, когда лордъ Уэнтвортъ оставилъ брешь, обнаружилось вслѣдъ за нимъ возстаніе въ городѣ.

Чѣмъ оно медленнѣе приготовлялось, тѣмъ болѣе было неотразимо.

Услышавъ пронзительный звукъ рожка, условленный съ Пьеромъ Пекуа́, виконтъ д'Эксме́, Жанъ и половина ихъ отряда бросились съ крѣпости Рисбанкъ, какъ-бы повинуясь силѣ волшебства. Слабый гарнизонъ, охранявшій городъ съ этой стороны, былъ тотчасъ обезоруженъ, и ворота отворились передъ Французами.

Потомъ, партія братьевъ Пекуа́, усиленная новыми товарищами и ободренная первымъ и легкимъ успѣхомъ, устремилась на брешь, гдѣ лордъ Дерби старался, сколько было возможно, пасть достойнымъ образомъ.

Но когда возстаніе съ двухъ сторонъ захватило намѣстника лорда Уэнтворта, что̀ оставалось ему дѣлать между двумя огнями? Французское знамя уже вступило въ Кале́ вмѣстѣ съ виконтомъ д'Эксмѐ. Городская милиція возмутилась и угрожала отворить ворота осаждающимъ. Лордъ Дэрби счелъ за лучшее — сдаться немедленно. Впрочемъ, онъ только ускорилъ немного то, что̀ предписывалъ ему губернаторъ; но полтора часа безполезнаго сопротивленія, даже когда оно не казалось невозможнымъ, не избавили бы отъ пораженія и только могли бы еще усилить возмездіе осаждающихъ.

Лордъ Дэрби отправилъ парламентеровъ къ герцогу Гизу.

Только этого и желали Габріэль и Пекуа̀ въ настоящую минуту. Отсутствіе лорда Уэнтворта начинало ихъ безпокоить. Они оставили брешь, гдѣ еще раздавался послѣдній громъ орудій, и, увлекаемые какимъ-то таинственнымъ предчувствіемъ, отправились

съ двумя или тремя солдатами по дорогѣ, которая вела къ дому губернатора.

Всѣ двери были растворены, и они безъ всякаго труда могли дойдти до комнаты г-жи де-Кастро, куда велъ ихъ Габріэль. Они пришли, и шпага любовника Діаны во время поднялась надъ дочерью Генриха II-го, чтобъ спасти ее отъ другаго болѣе-низкаго посягательства..

Битва между Габріэлемъ и губернаторомъ продолжалась довольно-*долго.* Оба противника, казалось, были равно опытны въ искусствѣ владѣть шпагою; оба дрались съ одинаковымъ хладнокровіемъ, хотя и пылали гнѣвомъ; шпаги обвивались одна вокругъ другой, какъ двѣ змѣи, и скрещались, какъ двѣ молніи.

Но спустя двѣ минуты, шпага выпала изъ рукъ лорда Уэнтворта отъ сильнаго удара, нанесеннаго ей виконтомъ д'Эксмѐ.

Лордъ Уэнтвортъ, желая спастись отъ удара, поскользнулся и упалъ.

Гнѣвъ, презрѣніе, месть, всѣ ужасныя чувства, волновавшія сердце Габріэля, не уступили великодушію. Онъ не хотѣлъ щадить подобнаго врага, бросился на него и приставилъ къ его груди шпагу. Ни одинъ изъ свидѣтелей этой сцены, въ душѣ которыхъ еще такъ свѣжо было негодованіе, не остановилъ мстительной руки.

Въ-продолженіе этого поединка, Діана успѣла опомниться отъ обморока. Она открыла отяжелѣвшіе глаза, она увидѣла, поняла все, и бросилась между Габріэлемъ и лордомъ Уэнтвортомъ.

По какому-то странному сходству, послѣднее слово, произнесенное Діаною, когда она падала въ обморокъ, было первымъ, которое она произнесла, когда пришла въ чувство:

— *Сжальтесь!*

Она молила теперь за того, котораго напрасно умоляла.

Габріэль, увидѣвъ драгоцѣнный образъ Діаны, услышавъ ея всемогущій голосъ, позабылъ все: нѣжность и любовь смирили его сердце; великодушіе вдругъ замѣнило собою порывы гнѣва.

— Діана, вы хотите, чтобъ онъ жилъ? спросилъ Габріэль.

— Умоляю васъ, Габріэль, сказала она: — не-уже-ли вы не дадите ему времени раскаяться?

— Извольте, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — пусть вы спасаете демона: это его назначеніе.

И упираясь колѣномъ въ грудь лорда Уэнтворта, взбѣшеннаго и проклинающаго, Габріэль сказалъ спокойно, обращаясь къ братьямъ Пекуа и троимъ егерямъ:

— Свяжите этого человѣка покамѣстъ я держу его; а потомъ вы отведете его въ темницу, находящуюся въ его собственномъ домѣ, и оставите тамъ до прихода герцога Гиза, который рѣшитъ его участь.

— Нѣтъ, убейте меня, убейте! кричалъ лордъ Уэнтвортъ, отбиваясь отъ егерей, связывавшихъ ему руки.

— Дѣлайте, что̀ я приказываю вамъ, продолжалъ Габріэль, не выпуская врага изъ-подъ своего колѣна. — Я думаю, что жизнь будетъ для него бо̀льшимъ наказаніемъ, нежели смерть.

Люди повиновались виконту д'Эксмѐ. Напрасно лордъ Уэнтвортъ противился, засыпа̀лъ ихъ проклятіями: онъ былъ связанъ въ одну минуту, и два или три егеря, взявъ его подъ руки, понесли безъ всякой церемоніи бывшаго губернатора Калѐ.

Потомъ Габріэль оборотился къ Жану Пекуа̀, и сказалъ въ присутствіи его двоюроднаго брата:

— Любезный другъ, вы слышали странную исторію, которую при васъ я разсказалъ Мартэну-Герру, а теперь у васъ есть и доказательства его невинности. Вы раскаялись, узнавъ ужасную ошибку, поразившую невиннаго вмѣсто виноватаго, и я увѣренъ, что постараетесь облегчить какъ-можно-скорѣе страданія, которыя теперь онъ терпитъ за другаго. Окажите мнѣ услугу...

— Догадываюсь, прервалъ Жанъ Пекуа́: — вы хотите послать меня за Амброазомъ Парѐ, чтобъ онъ спасъ вашего бѣднаго конюшаго? Бѣгу, г-нъ виконтъ, и велю немедленно перенести его къ намъ, если только это не будетъ для него опасно.

Пьеръ Пекуа̀, изумленный, какъ-будто во снѣ, смотрѣлъ и слушалъ Габріэля и своего двоюроднаго брата.

— Пойдемъ, Пьеръ, сказалъ ему Жанъ: — ты пособишь мнѣ обдѣлать все это. Да, тебѣ странно, ты не понимаешь? Я объясню тебѣ все на дорогѣ, и ты легко со̀ мною согласишься. Я знаю твой характеръ: ты первый захочешь загладить свой невольный проступокъ.

Жанъ поклонился Діанѣ и Габріэлю и увелъ Пьера, который уже началъ его разспрашивать.

Когда Діана осталась одна съ Габріэлемъ, она упала на колѣни въ невольномъ порывѣ благочестія и благодарности, и, поднявъ глаза и руки въ одно время и къ небесамъ и къ тому, кого они избрали оружіемъ ея спасенія, сказала:

— Благодарю тебя, Господи, дважды благодарю: за то, что я спасена, и что онъ былъ моимъ избавителемъ.

VIII.

Взаимная любовь.

Потомъ Діана упала на руки къ Габріэлю.

— Габріэль, сказала она: — и васъ я должна также благодарить и благословлять. Когда мысль моя готова была угаснуть, я призывала своего ангела-хранителя, и вы явились на мой призывъ. Благодарю, благодарю!

— О, сколько я страдалъ, Діана, съ того дня, какъ видѣлся съ вами въ послѣдній разъ! сказалъ Габріэль: — и какъ давно я васъ не видалъ!

Они начали разсказывать, что̀ каждый изъ нихъ дѣлалъ и чувствовалъ во время этой тяжелой разлуки, и должно признаться, что въ разговорѣ были длинноты, не очень драматическія.

Калѐ, герцогъ Гизъ, побѣжденные, побѣдители — все было забыто. Весь шумъ, всѣ страсти, окружавшіе любовниковъ, не доходили до ихъ слуха. Погруженные въ свой собственный міръ любви и упоенія, они больше не смотрѣли на другой печальный міръ, не вслушивались въ его отголоски.

Испытавъ столько печали, столько ужасовъ, душа слабѣетъ и, такъ-сказать, упоенная страданіемъ, дѣлается нечувствительною къ нему; но за то не можетъ устоять противъ малѣйшаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее счастіемъ. Въ этой теплой атмосферѣ чистыхъ движеній сердца, Габріэль и Діана свободно предавались спокойствію и радости — наслажденіямъ, отъ которыхъ они давно отвыкли.

За сценою бурной любви послѣдовала другая сцена, въ одно время подобная первой и отличавшаяся отъ нея.

— О, какъ отрадно быть возлѣ васъ! сказала Діана: — послѣ присутствія этого безбожника, ненавистная любовь котораго приводила меня въ трепетъ, ка̀къ упоительно мнѣ быть съ вами, ка̀къ успокоиваетъ меня ваше присутствіе.

— Послѣ дней нашего дѣтства, когда мы были такъ счастливы, не понимая своего счастія, отвѣчалъ Габріэль: — я не помню, Діана, чтобъ въ моей бѣдной жизни, тревожной и одинокой, былъ хоть одинъ мигъ, подобный настоящему.

Послѣ короткой паузы, въ-продолженіе которой любовники смотрѣли другъ на друга, Діана сказала:

— Габріэль, сядьте же возлѣ меня. Повѣрите ли, я видѣла во снѣ, я почти предвидѣла даже въ своемъ плѣну это мгновеніе, соединившее насъ такъ неожиданно. Мнѣ всегда казалось, что вы будете моимъ освободителемъ, и что, въ минуту крайней опасности, васъ, моего рыцаря, небо вдругъ пошлетъ сюда освободить меня.

— Ваша мысль, Діана, отвѣчалъ Габріэль: — привлекла меня, какъ магнитъ, и вела меня, какъ путеводная звѣзда. Признаться ли передъ вами и своею совѣстью?.. Хотя многія сильныя причины должны были навести меня на мысль — взять Калѐ, но, можетъ-быть, я отказался бы, Діана, отъ *своей* мысли — потому-что мысль эта принадлежитъ собственно мнѣ; можетъ-быть, я не рѣшился бы осуществить ее дерзкими средствами, еслибъ вы не были здѣсь въ плѣну, еслибъ воспоминаніе объ опасностяхъ, которымъ подвергались вы здѣсь, не оживляло меня и не придавало мнѣ мужества. Еслибъ надежда спасти васъ, и еще другая священная цѣль не управляли моею жизнію, Калѐ оставался бы еще

во власти Англичанъ. И правосудный Богъ накажетъ меня за то, что я хотѣлъ дѣлать добро, и дѣлалъ добро изъ корыстныхъ цѣлей.

Виконтъ д'Эксме́ думалъ въ эту минуту о сценѣ въ Улицѣ-Сен-Жакъ, о самоотверженіи Амброаза Паре́ и словахъ адмирала, сказавшаго, что небо требуетъ, чтобъ святое дѣло защищали чистыми руками.

Но полный любви голосъ Діаны нѣсколько успокоилъ Габріэля.

— Какъ?.. Небо накажетъ васъ, Габріэль, вскричала *она:* — накажетъ за высокія желанія, за великодушіе?..

— Кто знаетъ объ этомъ? сказалъ онъ, вопрошая небо взоромъ, въ которомъ выражалось какое-то печальное предчувствіе.

— Я знаю, Габріэль! сказала Діана съ очаровательною улыбкой.

Произнося эти слова, Діана была такъ восхитительна, что Габріэль, пораженный блескомъ ея красоты, забылъ все и не могъ не вскричать:

— О, какъ вы прекрасны, Діана!

— И вы мужественны, какъ герой, Габріэль! сказала Діана.

Они сидѣли очень-близко одинъ къ другому; руки ихъ случайно встрѣтились въ нѣжномъ пожатіи. Начинало смеркаться.

Румянецъ разлился на лицѣ Діаны; она встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Вы удаляетесь, вы убѣгаете отъ меня, Діана! печально произнесъ молодой человѣкъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! сказала она, съ живостью подходя къ Габріэлю: — съ вами, другъ мой, нѣчего мнѣ бояться!

Діана ошибалась. Тутъ была другая опасность, но все-таки опасность и, можетъ-быть, ей слѣдовало *бояться друга не менѣе,* чѣмъ врага.

— Давно бы такъ, Діана! сказалъ Габріэль, взявъ ея крошечную и нѣжную ручку: — давно бы такъ. Послѣ столькихъ страданій, мы, кажется, можемъ предаться на нѣсколько минутъ счастію, и отдохнуть свободною душою въ созвучіи чувствъ и радости.

— Правда, Габріэль: подлѣ васъ такъ хорошо! сказала Діана.— Забудемъ на мгновеніе свѣтъ съ его шумомъ; безмятежно и безъ страха вдохнемъ благоуханіе счастія въ этотъ отрадный и единственный часъ. Вы правы, Габріэль: за что́ мы столько страдали?..

И граціозно склонилась она прелестной головкой на плечо Габріэля; большіе бархатные глаза ея медленно закрылись; ея локоны коснулись горячихъ губъ молодаго человѣка.

Въ трепетѣ и самозабвеніи, онъ поднялся съ своего мѣста.

— Что́ съ вами? сказала Діана, открывъ изумленные и полные нѣгою глаза.

Габріэль, блѣдный, упалъ передъ нею на колѣни и обвилъ ее руками.

— Діана, я люблю тебя! вскричалъ онъ голосомъ, исполненнымъ чувства.

— Я люблю тебя, Габріэль! отвѣчала Діана, спокойно, какъ-будто повинуясь непреодолимому инстинкту сердца.

Кàкъ лица ихъ сблизились, кàкъ губы соединились и въ долгомъ поцалуѣ слились ихъ души — извѣстно Богу, потому-что ни Габріэль, ни Діана не знали этого.

Но Габріэль, чувствуя, что его разсудокъ слабѣетъ въ этомъ водоворотѣ счастія, вдругъ вырвался изъ рукъ Діаны.

— Отпустите меня, Діана!.. Я долженъ бѣжать!.. закричалъ онъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго ужаса.

— Бѣжать?.. Зачѣмъ вамъ бѣжать? спросила она съ удивленіемъ.

— Діана!.. Діана!.. Чтò, если вы моя сестра!.. произнесъ Габріэль въ безпамятствѣ.

— Ваша сестра! повторила Діана, пораженная какъ громомъ.

Габріэль остановился, изумленный и какъ-будто оглушенный своими словами, и, проведя рукою по горячему лбу, спросилъ громкимъ голосомъ:

— Чтò я сказалъ, Діана?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, чтò вы сказали? Принимать ли буквально эти странныя слова? Гдѣ разгадка этой ужасной тайны?.. Боже мой! Не-уже-ли я дѣйствительно ваша сестра?

— Моя сестра?.. Развѣ я признался, что вы моя сестра? сказалъ Габріэль.

— А, такъ это истина! вскричала Діана.

— Нѣтъ, не истина!.. Я и самъ не знаю, и кто можетъ знать это?.. *Притомъ*, я не долженъ вамъ разсказывать! Это — тайна жизни и смерти, тайна, которую клялся я хранить!.. О, небесное милосердіе!.. Я сохранилъ спокойствіе души и разсудокъ среди своихъ страданій и несчастій... Не-уже-ли первая капля блаженства, которая теперь коснулась моихъ губъ, опъянила меня до безумія, до забвенія моей клятвы?

— Габріэль, сказала съ важностью г-жа де-Кастро: — извѣстно Богу, что не пустое любопытство понуждаетъ меня. Но вы сказали много или слишкомъ-мало для моего спокойствія. Вы должны докончить то, чтò начали говорить.

— Невозможно, невозможно! вскричалъ Габріэль въ ужасѣ.

— И отъ-чего невозможно? сказала Діана.—Какое-то непонятное предчувствіе увѣряетъ меня, что тайна эта принадлежитъ столько же вамъ, какъ и мнѣ, и что вы не имѣете права скрывать ее отъ меня.

— Правда, сказалъ Габріэль: — вы не меньше моего имѣете право на участіе въ этихъ страданіяхъ; но какъ они всею тяжестію гнетутъ одного меня — не просите, чтобъ я уступилъ вамъ половину своей ноши.

— Я прошу, я хочу, я требую половины вашихъ страданій! отвѣчала Діана. — Скажу болѣе, Габріэль: я умоляю васъ... Неуже-ли вы откажете мнѣ?

— Но я далъ клятву королю, печально сказалъ Габріэль.

— Дали клятву? повторила Діана.—Итакъ, храните свято свою тайну отъ чужихъ, отъ равнодушныхъ къ ней, даже отъ друзей. Но должны ли вы хранить обидное молчаніе со мною, которая, по вашимъ же словамъ, имѣетъ наравнѣ съ вами причины участвовать въ этой тайнѣ? Нѣтъ, Габріэль, если вы сколько-нибудь сожалѣете меня, вы не захотите скрываться отъ меня! Сомнѣнія, безпокойства уже довольно истерзали мое сердце. Въ другихъ обстоятельствахъ вашей жизни, мы оба составляли одно существо. Діана была вторымъ вашимъ «я». Скажите, развѣ нарушаете вы клятву, размышляя объ этой тайнѣ въ глубинѣ своей совѣсти? Не думаете ли вы, что моя душа, созрѣвшая въ стольких испытаніяхъ, не съумѣетъ вмѣстить въ себѣ и ревниво запереть отъ радости и печали сокровище, которое вы ввѣрите ей, которое принадлежитъ столько же ей, какъ и вамъ?

И нѣжнымъ, сладостнымъ голосомъ, потрясшимъ душевныя фибры молодаго человѣка, будто струны послушнаго инструмента, Діана продолжала:

— Габріэль, если судьба запрещаетъ намъ взаимность въ любви и счастіи, не-уже-ли вы въ силахъ отвергнуть единственную взаимность, позволенную намъ — взаимность печали? Не легче ли покажутся намъ страданія, когда мы будемъ страдать вмѣстѣ? Не прискорбно ли подумать, что единственное звѣно, которое должно бы соединить насъ, раздѣляетъ насъ?

И, видя, что Габріэль, въ-половину убѣжденный, однакожь, еще не рѣшался, Діана сказала:

— Берегитесь, впрочемъ: если вы будете молчать такъ упорно, развѣ я не могу заговорить съ вами языкомъ, который теперь, не знаю почему, наводитъ на васъ столько ужаса и печали, но которому нѣкогда вы сами научили мои уста и мое сердце. Ваша невѣста имѣетъ право повторить, что она любитъ васъ, и любитъ только васъ одного. Невѣста, обрученная съ вами передъ Богомъ, можетъ съ чистою лаской прилечь головою къ вашему плечу, коснуться вашего чела губами...

Но Габріэль дрожащею рукою снова отдалилъ отъ себя Діану.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ:—умоляю васъ, Діана, сжальтесь надъ моимъ разсудкомъ. Вы непремѣнно хотите узнать страшную тайну? Итакъ, возможность совершить преступленіе заставляетъ меня открыть эту тайну. Да, пріймите буквально слова, которыя, Діана, сейчасъ вырвались у меня въ припадкѣ безумія. Діана, можетъ-быть, вы дочь графа Монгомери, моего отца; можетъ-быть, вы моя сестра!

— Пречистая Дѣва! проговорила г-жа де-Кастро, пораженная словами Габріэля. — Но какъ могло это совершиться?

— Я хотѣлъ, сказалъ Габріэль: — чтобъ ваша чистая и безмятежная душа никогда не узнала этой исторіи, исполненной ужасовъ и преступленій. Но, увы! теперь я чувствую, что мои силы не могутъ устоять противъ моей любви. Помогите мнѣ, Діана, противъ самой-себя, и я все разскажу вамъ.

— Говорите, отвѣчала Діана, испуганная, но внимательная.

Дѣйствительно, Габріэль разсказалъ ей все; разсказалъ, ка́къ отецъ его любилъ г-жу Пуатье́ и въ глазахъ цѣлаго двора казался *ея* любимцемъ; ка́къ дофинъ, нынѣшній король, сдѣлался его соперникомъ; ка̀къ графъ Монгомері́ пропалъ однажды и ка̀къ Алоиза узнала и открыла его сыну судьбу несчастнаго графа. Но больше ничего не знала кормилица, и какъ г-жа Пуатьѐ рѣшительно не соглашалась признаться, то одинъ только графъ Монгомері́, еслибъ онъ былъ еще живъ, могъ открыть тайну рожденія Діаны.

— Это ужасно! вскричала Діана, когда Габріэль окончилъ свою мрачную повѣсть.—Ка́къ бы ни началась наша судьба, но конецъ ея будетъ несчастный. Если я дочь графа Монгомері́, то вы мнѣ братъ, Габріэль. Если я дочь короля—вы справедливо-раздраженный врагъ моего отца. Во всякомъ случаѣ, между нами находится непроходимая преграда.

— Нѣтъ, Діана, отвѣчалъ Габріэль:—благодаря Бога, наше несчастіе не совсѣмъ уничтожаетъ надежду. Начавъ разсказывать вамъ, я долженъ кончить свою исторію. Теперь я чувствую, что вы правы: это довѣріе облегчило меня.

Потомъ Габріэль сообщилъ г-жѣ де-Кастро странный и опасный договоръ, который заключилъ онъ съ Генрихомъ II, и торжественное обѣщаніе короля возвратить свободу графу Монгомері́, если виконтъ Монгомері́, защищавшій Сен-Кентенъ отъ Испанцевъ, возвратитъ Кале́ отъ Англичанъ. Но уже цѣлый часъ Кале́ находился во власти Французовъ, и Габріэль безъ тщеславія могъ думать, что онъ много содѣйствовалъ достиженію этого блистательнаго результата.

По мѣрѣ того, какъ Габріэль говорилъ, надежда мало-по-малу разсѣявала печаль на лицѣ Діаны, какъ заря разгоняетъ ночную темноту.

Когда Габріэль кончилъ разсказъ, Діана задумалась на минуту, и потомъ, подавъ ему руку, сказала съ твердостью:

— Мой бѣдный Габріэль! Вспомнивъ прошлое и смотря на будущее, намъ есть о чемъ подумать, есть о чемъ страдать. Но, другъ мой, не будемъ останавливаться; намъ не должно погружаться душою въ разслабляющей нѣгѣ. Я, въ свою очередь, постараюсь показать вамъ свою силу и свое мужество, достойныя васъ. Теперь должно дѣйствовать и развязать, такъ или иначе, нашу судьбу. Страданія наши, кажется, приближаются къ концу. Вы сдержали и даже превзошли обѣщанія, данныя вами королю. Надѣюсь, что и король исполнитъ свои. На этой надеждѣ должны

сосредоточиться всѣ наши чувства и всѣ наши мысли. Чтò теперь намѣрены вы дѣлать?

— Г-нъ герцогъ Гизъ, отвѣчалъ Габріэль:—былъ знаменитымъ повѣреннымъ всѣхъ моихъ преднамѣреній. Знаю, что безъ него я ничего бы не сдѣлалъ, и ему также извѣстно, что онъ ничего бы не сдѣлалъ безъ меня. Одинъ только герцогъ Гизъ можетъ и долженъ засвидѣтельствовать королю объ участіи, которое принималъ я въ этой новой побѣдѣ. Я тѣмъ болѣе жду отъ него этой справедливости, что на-дняхъ г. Гизъ торжественно во второй разъ обѣщался мнѣ дать это доказательство признательности. Впрочемъ, я напомню объ этомъ обѣщаніи герцогу, буду просить отъ него письма къ королю, и потомъ, когда мое присутствіе здѣсь не будетъ болѣе необходимымъ, немедленно поѣду въ Парижъ...

Въ то время, какъ Габріэль съ одушевленіемъ говорилъ это и Діана слушала, устремивъ на него взоръ, блиставшій надеждою, дверь отворилась и на порогѣ явился Жанъ Пекуá, мрачный, испуганный.

— Ну, чтò? не хуже ли Мартэну-Герру? спросилъ Габріэль съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Жанъ Пекуá:—Мартэна-Герра перенесли къ намъ въ домъ. Амброазъ Парè навѣщалъ больнаго и хотя сказалъ, что необходимо отсѣчь ему бедро, однакожь увѣренъ, что вашъ храбрый слуга переживетъ эту операцію.

— Прекрасная новость! сказалъ Габріэль.—Амброазъ Парé, вѣроятно, еще сидитъ возлѣ больнаго?

— Нѣтъ, сударь, печально отвѣчалъ горожанинъ: — онъ долженъ былъ оставить его для другаго раненнаго, котораго положеніе еще опаснѣе и важнѣе для насъ...

— Кто же это? спросилъ Габріэль, измѣнившись въ лицѣ.—Маршалъ Строцци? г-нъ де-Неверъ?

— Г-нъ герцогъ Гизъ; онъ лежитъ при смерти, отвѣчалъ Жанъ Пекуà.

Габріэль и Діана вскричали отъ ужаса.

— Я сказала, что наши страданія еще не кончились! произнесла послѣ минутнаго молчанія г-жа де-Кастро. — Боже мой! Боже мой! Боже мой!

— Не призывайте Бога, сказалъ Габріэль съ печальною улыбкой. — Богъ правосуденъ и справедливо наказываетъ мое самолюбіе. Да, я взялъ Калè только для своего отца и для васъ. Богъ требуетъ, чтобъ я взялъ этотъ городъ для одной Франціи.

—

IX.

Разрубленный лобъ.

Но герцогъ Гизъ еще дышалъ, и надежда еще не умерла для Габріэля и Діаны. Несчастные жадно хватаются за самую невѣрную надежду, какъ утопающіе за щепку.

Габріэль разстался съ Діаной и пошелъ взглянуть, до какой степени поразилъ ихъ новый ударъ въ ту минуту, какъ злосчастная судьба, казалось, смягчила для нихъ свои преслѣдованія.

Жанъ Пекуа́, сопровождавшій виконта, разсказалъ ему дорогою все, что̀ случилось.

Лордъ Дэрби, уступая взбунтовавшимся горожанамъ, которые требовали сдачи города прежде срока, назначеннаго лордомъ Уэнтвортомъ, отправилъ къ герцогу Гизу парламентеровъ для переговоровъ о капитуляціи.

Между-тѣмъ, на многихъ пунктахъ битва еще продолжалась, и въ послѣднемъ пароксизмѣ своихъ усилій разгорѣлась еще сильнѣе отъ ярости побѣжденныхъ и нетерпѣнія побѣдителей.

Франциескъ-Лотарингскій, безстрашный солдатъ и искусный полководецъ, являлся тамъ, гдѣ бой казался наиболѣе жаркимъ и опаснымъ.

За брешью, вполовину взятою, на краю рва, засыпаннаго обломками, герцогъ Гизъ, на лошади, не обращая вниманія на стрѣлы, которыя летѣли на него со всѣхъ сторонъ, спокойно одушевлялъ свое войско словомъ и примѣромъ.

Вдругъ замѣтилъ онъ надъ брешью бѣлое знамя парламентеровъ. Гордая улыбка блеснула на благородномъ лицѣ герцога, потому-что въ этомъ знамени онъ видѣлъ рѣшительное приближеніе побѣды.

— Остановитесь! вскричалъ онъ посреди страшнаго шума сражающихся: —Калé сдается! Опустите оружіе!

Онъ приподнялъ забра̀ло каски и подъѣхалъ на нѣсколько шаговъ впередъ, устремивъ глаза на знамя, этотъ знакъ торжества и мира.

Между-тѣмъ, начинало смеркаться, и бой не утихалъ.

Одинъ англійскій солдатъ, который, вѣроятно, не видѣлъ парламентеровъ и въ шумѣ не разслушалъ словъ Гиза, схватилъ за узду его лошадь, и когда герцогъ въ разсѣянности, не обращая даже вниманія на препятствіе, остановившее лошадь, далъ ей шпоры, солдатъ поразилъ его копьемъ въ голову.

— Не могли сказать мнѣ, продолжалъ Жанъ Пекуа́: — въ какую часть лица получилъ ударъ господинъ герцогъ Гизъ, но достовѣрно только, что рана опасная. Древко переломилось и желѣ-

зо копья осталось въ язвѣ. Герцогъ не могъ произнести ни слова и упалъ головою на сѣдло. Кажется, что Англичанинъ, который нанесъ этотъ убійственный ударъ, былъ разорванъ въ клочки Французами; однакожь, это не спасло господина Гиза. Его унесли почти мертваго, и съ-тѣхъ-поръ онъ еще не можетъ опомниться.

— Такъ-что мы потеряли Калé? спросилъ Габріэль.

— Онъ принадлежитъ намъ, отвѣчалъ Жанъ Пекуá? —Герцогъ де-Неверъ принялъ парламентеровъ и предложилъ имъ самыя выгодныя для насъ условія. Но пріобрѣтеніе такого города едва-ли вознаградитъ Францію за потерю такого героя.

— Боже мой! вы смотрите на него, какъ на умершаго? сказалъ задрожавъ Габріэль.

— Увы! отвѣчалъ ткачъ, качая головою.

— Куда же вы такъ скоро ведете меня? спросилъ Габріэль: — знаете ли вы, куда перенесли господина Гиза?

— На гауптвахту Шатò-Нёфъ, сказалъ Амброазу Парè человѣкъ, передавшій намъ эту роковую новость. Господинъ Парé хотѣлъ бѣжать туда немедленно, Пьеръ взялся показать ему дорогу, а я между-тѣмъ побѣжалъ увѣдомить васъ. Я предчувствовалъ, что для васъ это чрезвычайно-важная новость, и что въ подобномъ обстоятельствѣ вы, безъ сомнѣнія, можете что-нибудь сдѣлать.

— Я могу только сожалѣть больше, нежели прочіе, сказалъ виконтъ д'Эксмé. — Но, прибавилъ онъ: — сколько мнѣ кажется въ этой темнотѣ, мы приближаемся къ Шатò-Нёфъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ и Шатò-Нёфъ, сказалъ Жанъ Пекуà.

Горожане и солдаты огромною, сжатою толпою тѣснились и волновались у перилъ гауптвахты, куда былъ перенесенъ герцогъ Гизъ. Вопросы, предположенія, замѣчанія пробѣгали въ безпокойныхъ группахъ, какъ дыханіе вѣтра между звучными вѣтвями лѣса.

Не мало стòило труда виконту д'Эксмè и Жану Пекуà пробраться сквозь эту густую толпу до ступеней гауптвахты, у дверей которой былъ поставленъ большой отрядъ пикенеровъ и аллебардистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ держали зажженные факелы, бросавшіе красноватый отблескъ на движущіяся массы народа.

Габріэль затрепеталъ, увидѣвъ при этомъ невѣрномъ свѣтѣ Амброаза Парè, который, нахмуривъ брови и судорожно скрестивъ руки на своей взволнованной груди, неподвижно стоялъ внизу лѣстницы. Слезы печали и негодованія сверкали въ его прекрасныхъ глазахъ. Позади Амброаза, мрачный и убитый, подобно ему, стоялъ Пьеръ Пекуá.

— А, вы здѣсь, господинъ Паре? вскричалъ Габріэль:—что̀ дѣлаете вы? Если господинъ герцогъ Гизъ еще не лишился дыханія жизни, ваше мѣсто должно быть возлѣ него.

— Не мнѣ, господинъ д'Эксмé, говорите объ этомъ! сказалъ хирургъ, когда, поднявъ глаза, онъ узналъ Габріэля.—Скажите вотъ этимъ безсмысленнымъ часовымъ, если имѣете надъ ними какую-нибудь власть.

— Какъ! вскричалъ Габріэль:—они не хотятъ пустить васъ?

— Не хотятъ ничего слышать, отвѣчалъ Амброазъ Паре́.—Подумайте, что драгоцѣнная жизнь такого человѣка зависитъ, можетъ-быть, отъ такого ничтожнаго случая!

— Но вы должны туда войдти! сказалъ Габріэль.

— Сначала, мы умоляли, сказалъ Пьеръ, вмѣшавшись въ разговоръ:—потомъ угрожали. На просьбы отвѣчали намъ смѣхомъ, на угрозы—ударами. Господинъ Паре́ хотѣлъ-было проложить себѣ дорогу силою, но его толкнули и чуть ли не ударили аллебардой.

— Дѣло весьма-простое, замѣтилъ Амброазъ Паре́ съ горькою улыбкой:—у меня нѣтъ ни золотаго ошейника, ни шпоръ; у меня есть только быстрый взглядъ и вѣрная рука.

— Погодите, сказалъ Габріэль: — я съумѣю заставить ихъ пропустить васъ.

Онъ подошелъ къ ступенькамъ гауптвахты; но пикенеръ, поклонившись ему, загородилъ дорогу.

— Извините, сказалъ онъ почтительно виконту д'Эксмé:— намъ запрещено впускать кого бы то ни было.

— Болванъ! вскричалъ Габріэль, стараясь, впрочемъ, удержать себя отъ гнѣва:—развѣ это запрещеніе относится къ виконту д'Эксмé, капитану гвардіи его величества, другу господина Гиза? Гдѣ твой начальникъ?

— Онъ охраняетъ внутреннюю дверь, отвѣчалъ пикенеръ почтительнѣе прежняго.

— Хорошо, я иду къ нему, сказалъ повелительнымъ тономъ виконтъ д'Эксмѐ:—пойдемте со мною, господинъ Паре́.

— Можете идти одни, если непремѣнно требуете этого, замѣтилъ солдатъ:—но его не пропущу.

— Почему? спросилъ Габріэль:—почему хирургу не идти къ раненному?

— Всѣ хирурги и медики, по-крайней-мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые пользуются извѣстностью и имѣютъ патентъ, отвѣчалъ часовой:—призваны къ герцогу.

— Вотъ что и ужасаетъ меня! сказалъ съ ироническимъ пренебреженіемъ Амброазъ Паре́.

— Между-тѣмъ, у этого нѣтъ патента въ карманѣ, продолжалъ солдатъ:—правда, онъ спасъ не одного на полѣ битвы, но все-таки онъ не герцогскій медикъ.

— Не разсуждай! вскричалъ Габріэль, нетерпѣливо топнувъ ногою.—Я хочу, слышишь, я хочу, чтобъ господинъ Паре́ прошелъ со мною.

— Невозможно, господинъ виконтъ.

— Говорятъ тебѣ, болванъ: я хочу.

— Вспомните, замѣтилъ солдатъ: — что мой долгъ заставляетъ меня не повиноваться вамъ.

— Ахъ! печально вскричалъ Амброазъ: — можетъ-быть, герцогъ умретъ во время нашихъ глупыхъ споровъ.

Крикъ этотъ разсѣялъ бы всѣ сомнѣнія Габріэля, еслибъ еще онъ могъ сомнѣваться въ подобную минуту.

— Вы непремѣнно хотите, чтобъ я поступилъ съ вами какъ съ Англичанами? вскричалъ онъ аллебардистамъ: — тѣмъ хуже для васъ! Жизнь Гиза дороже двадцати вашихъ существованій. Посмотримъ, осмѣлятся ли ваши пики дотронуться до моей шпаги.

Клинокъ ея сверкнулъ какъ молнія изъ ноженъ, и, таща за собою Амброаза Паре, Габріэль взбѣжалъ съ поднятой шпагой по лѣстницѣ гауптвахты.

Въ движеніи и взорѣ Габріэля было столько угрозы, столько спокойствія и силы выражалось во взорѣ и движеніяхъ хирурга, и наконецъ лицо и воля дворянина заключали въ себѣ въ эту грубую эпоху столько волшебства, что часовые покорно разступились и опустили оружіе не столько передъ шпагою, сколько передъ именемъ виконта д'Эксме.

— Пропустите ихъ! закричалъ въ толпѣ чей-то голосъ: — они похожи на божьихъ посланниковъ, избранныхъ для спасенія герцога Гиза.

Габріэль и Амброазъ Паре дошли безъ всякихъ препятствій до дверей гауптвахты. Въ узкой прихожей, находившейся передъ большою залой, былъ еще съ тремя или четырьмя солдатами поручикъ наружнаго отряда. Но виконтъ д'Эксме, не останавливаясь, сказалъ офицеру съ краткостью, не требовавшею возраженій:

— Я веду новаго хирурга.

Поручикъ поклонился и пропустилъ ихъ не говоря ни слова.

Габріэль и Паре вошли въ залу.

Вниманіе всѣхъ было съ такимъ живымъ ужасомъ отвлечено отъ окружающаго, что никто не замѣтилъ вошедшихъ.

Зрѣлище, которое представилось имъ, дѣйствительно было ужасно и раздирало сердце.

Посерединѣ залы, на походной постели, лежалъ герцогъ Гизъ неподвижно, безъ памяти, утопая въ крови. Рана проходила поперегъ всего лица; желѣзо копья попало въ щеку, ниже праваго глаза, прошло до затылка и сломанный осколокъ выходилъ подъ лѣвымъ ухомъ на полфута изъ раздробленной головы. Ужасно было видѣть эту рану.

Вокругъ постели умирающаго стояло десять или двѣнадцать медиковъ и хирурговъ въ совершенномъ отчаяніи. Ни одинъ изъ нихъ не дѣйствовалъ; они только смотрѣли и говорили.

Когда Габріэль вошелъ съ Амброазомъ Паре, какой-то изъ лекарей сказалъ громко:

— Итакъ, господа, мы видимъ печальную необходимость сознаться, что господинъ герцогъ Гизъ раненъ смертельно, безъ всякой надежды, потому-что для его спасенія должно вынуть изъ головы обломокъ копья, но такой операціи навѣрно не перенесетъ герцогъ.

— То-есть, вы хотите лучше, чтобъ онъ умеръ! сказалъ смѣло стоявшій за первымъ рядомъ зрителей Амброазъ Паре́, который издали однимъ взглядомъ понялъ дѣйствительно отчаянное положеніе знаменитаго раненнаго.

Хирургъ обернулся, отъискивая глазами, кто осмѣлился сдѣлать это дерзкое возраженіе, и, не нашедъ своего соперника въ толпѣ, продолжалъ:

— Кто дерзнетъ наложить безстыдныя руки на это высокое лицо, и, безъ увѣренности въ себѣ, окончить жизнь умирающаго?

— Я! сказалъ Амброазъ Парѐ, гордо, съ поднятымъ челомъ вступивъ въ кружокъ хирурговъ.

И, не обращая вниманія на ропотъ удивленія, возбужденный его словами, онъ наклонился къ герцогу, чтобъ ближе разсмотрѣть рану.

— А! это г-нъ Амброазъ Парѐ! сказалъ съ презрѣніемъ главный хирургъ, узнавъ безумца, дерзнувшаго не согласиться съ его мнѣніемъ. — Г-нъ Амброазъ Паре́ забываетъ, что онъ не имѣлъ чести быть въ числѣ хирурговъ герцога Гиза.

— Скажите лучше, возразилъ Амброазъ:—что я—единственный хирургъ его, потому-что постоянные хирурги герцога покидаютъ его. Впрочемъ, нѣсколько дней тому, г-нъ Гизъ, бывшій свидѣтелемъ операціи, которую мнѣ удалось сдѣлать при его глазахъ, изволилъ сказать мнѣ, и очень-серьёзно, если не оффиціально, что, въ случаѣ нужды, онъ, на будущее время, требуетъ моей услуги. Г-нъ виконтъ д'Эксмѐ слышалъ слова герцога и можетъ ихъ подтвердить.

— Объявляю, что это сущая правда, сказалъ Габріэлъ.

Амброазъ Паре́ обратился къ тѣлу герцога, по-видимому, бездушному, и снова началъ разсматривать рану.

— Ну, что̀ жь? иронически спросилъ главный хирургъ:—осмотрѣвъ рану, не-уже-ли вы еще рѣшаетесь вырвать изъ нея желѣзо.

— Разсмотрѣлъ и рѣшаюсь, твердо сказалъ Амброазъ Паре́.

— А какими, на-примѣръ, чудесными инструментами надѣетесь вы сдѣлать операцію?

— Своими руками, сказалъ Амброазъ.

— Руками?.. Нѣтъ, я громко протестую, вскричалъ взбѣшенный хирургъ.

— И мы всѣ протестуемъ вмѣстѣ съ вами, завопили его собратья.

— Скажите, нашли вы какое-нибудь средство спасти герцога? спросилъ Амброазъ Паре́.

— Нѣтъ, и невозможно найдти! отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Итакъ, предоставьте его мнѣ, сказалъ Амброазъ, закрывая больнаго рукою, какъ-будто для того, чтобъ завладѣть его тѣломъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы уйдемъ, сказалъ главный хирургъ, удаляясь отъ постели.

— Но что̀ жь вы хотите дѣлать? со всѣхъ сторонъ спрашивали Амброаза.

— Герцогъ Гизъ умеръ для всѣхъ, отвѣчалъ онъ: — и я буду поступать съ нимъ, какъ съ умершимъ.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя камзолъ и засучилъ рукава.

— Дѣлать такіе опыты надъ герцогомъ, *tanquàm in animâ vili!* сказалъ сложивъ руки старый медикъ, пораженный вольностью дерзкаго хирурга.

— Да! отвѣчалъ Амброазъ, не отводя глазъ отъ раненнаго: — дѣйствительно, я буду обходиться съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, даже не какъ съ животнымъ, но какъ съ вещью. Смотрите.

Амброазъ сталъ ногою на грудь герцога.

Шопотъ страха, сомнѣнія и угрозы пробѣжалъ по собранію.

— Берегите себя! сказалъ де-Нѐверъ, прикоснувшись къ плечу Амброаза Паре́. — Берегите себя! Если вамъ не удастся, я не отвѣчаю за гнѣвъ друзей и приверженцевъ герцога.

Амброазъ печально улыбнулся.

— Вы рискуете своею головою! замѣтилъ кто-то.

Амброазъ Паре́ взглянулъ на небо, и потомъ сказалъ съ важностью:

— Хорошо, я жертвую своею головою, только бы спасти вотъ эту. Но, по-крайней-мѣрѣ, не безпокойте меня, прибавилъ онъ, гордо взглянувъ на окружающихъ.

Всѣ разступились съ какимъ-то благоговѣніемъ передъ силою генія. Все затихло, и въ торжественной тишинѣ были слышны только тяжелые вздохи.

Амброазъ Паре́ уперся лѣвымъ колѣномъ въ грудь герцога, наклонился къ нему, взялъ ногтями дерево копья и началъ покачивать его, сперва тихо, потомъ сильнѣе. Герцогъ задрожалъ, какъ-будто чувствуя ужасную боль.

Лица присутствующихъ поблѣднѣли отъ ужаса.

Амброазъ Парѐ остановился на секунду. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Хирургъ тотчасъ опять принялся за операцію.

Черезъ минуту, показавшуюся длиннѣе часа, желѣзо вышло, наконецъ, изъ раны.

Амброазъ Паре́ бросилъ его и живо наклонился къ отворенной ранѣ. Когда онъ приподнялся, молнія радости освѣтила его лицо. Потомъ онъ упалъ на колѣни и слеза счастія медленно покатилась по его щекѣ.

Да, это была торжественная минута. Хотя великій хирургъ не говорилъ ни слова, но всѣ поняли, что теперь можно надѣяться. Слуги герцога плакали теплыми слезами, другіе цаловали сзади платье Амброаза Паре́.

Но всѣ молчали въ ожиданіи, чтò онъ скажетъ.

Наконецъ, онъ сказалъ голосомъ, полнымъ увѣренности, хотя взволнованнымъ:

— Теперь я отвѣчаю за жизнь герцога Гиза.

. . . .

И дѣйствительно, черезъ часъ, герцогъ Гизъ опомнился и даже былъ въ состояніи говорить. Амброазъ Парè продолжалъ перевязывать рану, и Габріэль сталъ у постели, куда хирургъ велѣлъ перенести своего высокаго паціента.

— Габріэль, сказалъ герцогъ:— я обязанъ вамъ не только взятіемъ Кале́, но и жизнію, потому-что вы почти силою привели сюда г-на Паре́.

— Да, г-нъ герцогъ, замѣтилъ Амброазъ: — безъ г-на д'Эксме́ не дали бы мнѣ приблизиться къ вамъ.

— Вотъ мои два спасителя! сказалъ Францискъ-Лотарингскій.

— Умоляю васъ, герцогъ, не разговаривайте, сказалъ хирургъ.

— Хорошо, я буду молчать. Позвольте только одно слово, одинъ вопросъ...

— Чтó прикажете, герцогъ?

— Ка́къ вы думаете, г-нъ Паре́, спросилъ Гизъ: — послѣдствія этой ужасной раны не будутъ опасны для моего здоровья, или для моего мозга?

— Я увѣренъ въ этомъ, г-нъ герцогъ, отвѣчалъ Амброазъ:— я боюсь только одного: можетъ-быть, останется у васъ рубецъ.

— Рубецъ! вскричалъ герцогъ: — о, это не бѣда! Напротивъ, рубецъ еще украшаетъ лицо воина! Значокъ этотъ мнѣ столько нравится, какъ прозваніе «разрубленное лицо».

Извѣстно, что современники и потомки герцога Гиза были того же мнѣнія, и герой получилъ прозваніе «разрубленное лицо»,—прозваніе, признанное вѣкомъ, въ который онъ жилъ, и сохраненное на страницахъ исторіи.

X.

Домашняя развязка.

Сцена, которую мы будемъ описывать, происходила 8-го января, на другой день послѣ того, какъ виконтъ д'Эксме́ возвратилъ Франціи прекраснѣйшій изъ потерянныхъ ею городовъ, Кале́, и извлекъ изъ опасности величайшаго ея полководца, герцога Гиза.

Здѣсь говорится не о вопросахъ, рѣшающихъ будущность наро-

довъ, но просто объ интересахъ горожанъ и семейныхъ дѣлахъ. Мы переходимъ отъ бреши, пробитой въ стѣнахъ Калé, и умирающаго Франциска-Лотарингскаго въ низенькую комнату братьевъ Пекуà, куда Жанъ Пекуà велѣлъ перенести Мартэна-Герра, и гдѣ, наканунѣ вечеромъ, Амброазъ Паре счастливо произвелъ надъ смѣлымъ конюшимъ необходимую ампутацію. Благодаря искусству Амброаза, надежда обратилась въ полную увѣренность; Мартэнъ-Герръ остался живъ.

Невозможно описать сожалѣніе, или, вѣрнѣе, упреки совѣсти Пьера Пекуá, когда онъ узналъ истину отъ Жана. Эта строгая, но честная и прямая душа не могла простить себѣ ужасной ошибки. Оружейникъ безпрестанно предлагалъ Мартэну-Герру все свое имущество, сердце и руки, деньги и жизнь въ вознагражденіе за жестокую обиду. Но читатель уже знаетъ, что Мартэнъ-Герръ, не дожидаясь этого раскаянія, не только простилъ Пьера, но даже одобрялъ его поступокъ.

Они жили вмѣстѣ какъ-нельзя-лучше, и потому не удивительно, что въ присутствіи Мартэна-Герра, сдѣлавшагося съ-тѣхъ-поръ членомъ семейства Пекуà, происходилъ домашній совѣтъ, подобный тому, какой мы видѣли во время канонады.

Виконтъ д'Эксме́, отправлявшійся въ тотъ же вечеръ въ Парижъ, также находился при этомъ совѣщаніи, но менѣе тягостномъ, нежели предъидущее, для смѣлыхъ союзниковъ Габріэля по дѣлу при фортѣ Рисбанкъ.

Дѣйствительно, удовлетвореніе, котораго требовала честь фамиліи Пекуá, казалось возможнымъ. Настоящій Мартэнъ-Герръ былъ женатъ, но это еще ничѣмъ не доказывалось, и оставалось только отъискать соблазнителя Бабеты.

Вотъ отъ-чего на лицѣ Пьера Пекуà выражалось болѣе спокойствія, и, напротивъ, лицо Жана было печально и Бабета казалась очень разстроенною.

Габріэль молча наблюдалъ за ними, а Мартэнъ-Герръ, лежа на страдальческой постели, крайне сожалѣлъ, что онъ могъ доставить новымъ друзьямъ только смутныя и неопредѣленныя свѣдѣнія о лицѣ своего Созія.

Пьеръ и Жанъ Пекуà сію минуту возвратились отъ герцога Гиза, который, желая немедленно отблагодарить достойныхъ горожанъ за ихъ успѣшное и славное участіе при взятіи Калé, настоятельно просилъ Габріэля привести къ нему обоихъ братьевъ.

Пьеръ Пекуà гордо и радостно разсказывалъ Бабетѣ подробности своего свиданія съ герцогомъ.

— Да, сестра, сказалъ оружейникъ: — когда г-нъ д'Эксме́ разсказалъ, разумѣется, въ выраженіяхъ очень лестныхъ и слишкомъ преувеличенныхъ, герцогу Гизу о нашемъ содѣйствіи во всемъ предпріятіи, этотъ достойный человѣкъ благоволилъ засвидѣтельствовать намъ, мнѣ и Жану, свое удовольствіе съ такою любезностью, которой, въ свою очередь, я никогда не забуду, хотя бы

мнѣ привелось жить болѣе ста лѣтъ. Но въ особенности обрадовалъ и тронулъ меня герцогъ, прибавивъ, что онъ желалъ бы съ своей стороны быть для насъ полезнымъ, и спрашиваетъ, чѣмъ онъ можетъ услужить намъ. Я человѣкъ не корыстолюбивый, ты знаешь меня, Бабета. Но знаешь ли ты, чего намѣренъ я просить у герцога?..

— Нѣтъ, братецъ, право, не знаю, проговорила Бабета.

— Вотъ что́, сестра, сказалъ Пьеръ Пекуа́: — какъ-только мы найдемъ того, который такъ безстыдно обманулъ тебя, а мы найдемъ его, въ этомъ будь увѣрена, я попрошу г-на Гиза, чтобъ онъ своею властію помогъ мнѣ возвратить тебѣ честь. Сами-пo-себѣ, мы люди не сильные, не богатые, и такая подпора окажется, можетъ-быть, необходимою для насъ, чтобъ получить правосудіе.

— Если же, братъ, даже при этой подпорѣ намъ будетъ отказано въ правосудіи? спросилъ Жанъ.

— При помощи этой руки, сказалъ энергически Пьеръ:—я могу по-крайней-мѣрѣ отмстить. Впрочемъ, продолжалъ онъ, устремивъ кроткій взоръ на Мартэна-Герра: — я долженъ согласиться, что жестокость не удавалась мнѣ до-сихъ-поръ.

Пьеръ замолчалъ, съ минуту оставался въ задумчивости, и когда опомнился, то увидѣлъ, что Бабета плакала.

— Что̀ съ тобою, сестра? спросилъ Пьеръ.

— О, я очень несчастна! рыдая вскричала Бабета.

— Несчастна? Отъ-чего же ты несчастна? Будущность, кажется мнѣ, проясняется...

— Она темнѣетъ, сказала дѣвушка.

— Нѣтъ, все пойдетъ хорошо, успокойся, отвѣчалъ Пьеръ: — между возможностью поправить ошибку и жестокимъ наказаніемъ теперь нѐчего колебаться. Любовникъ твой возвратится сюда и ты будешь его женою...

— Но если я откажусь отъ такого мужа? вскричала Бабета.

Жанъ Пекуа́ не могъ удержаться отъ радостнаго движенія, которое хорошо замѣтилъ Габріэль.

— Откажешься? спросилъ Пьеръ, удивленный до крайности: — но вѣдь ты любила его?

— Да, я любила того, кто оказывалъ мнѣ свою нѣжность и уваженіе. Но того, который обманулъ меня, бросилъ, и, чтобъ завладѣть бѣднымъ сердцемъ, укралъ голосъ, имя и, можетъ-быть, чужую одежду,—о, я ненавижу его и презираю.

— А если онъ женится на тебѣ? спросилъ Пьеръ Пекуа̀.

— Пожалуй, отвѣчала Бабета:—онъ женится по принужденію, или въ надеждѣ на будущія милости герцога Гиза; отдастъ свое имя изъ страха или корыстолюбія... Нѣтъ! нѣтъ! въ свою очередь, я не хочу такого мужа.

— Бабета, строго произнесъ Пьеръ Пекуа̀: — вы не въ правѣ говорить: «я не хочу его».

— Мой добрый братъ, въ слезахъ вскричала Бабета:—изъ жалости, изъ великодушія не принуждайте меня сдѣлаться женою того, котораго называли вы плутомъ и подлецомъ.

— Бабета, подумайте, что на вашемъ лбу лежитъ клеймо безчестія.

— Я лучше согласна краснѣть за свою минутную любовь, нежели всю жизнь краснѣть за своего мужа.

— Подумайте, Бабета, что у вашего ребенка не будетъ отца.

— Я думаю, сказала Бабета:—что ребенку лучше потерять отца, котораго онъ сталъ бы ненавидѣть, нежели мать, которую онъ будетъ обожать. Притомъ, если я выйду замужъ за этого человѣка, я навѣрно умру отъ стыда и печали.

— Итакъ, Бабета, вы не хотите слушать ни просьбъ, ни увѣщаній?

— Я прошу вашей любви, братъ, прошу вашей жалости.

— Хорошо, сказалъ Пьеръ Пекуа̀:—моя любовь и жалость дадутъ вамъ печальный, но твердый отвѣтъ. Такъ-какъ, Бабета, прежде всего вамъ должно позаботиться о томъ, чтобъ другіе уважали васъ и чтобъ въ своихъ собственныхъ глазахъ вы казались достойною уваженія, и такъ-какъ я лучше хотѣлъ бы видѣть васъ несчастною, нежели лишенною чести—потому-что, потерявъ честь, вы будете вдвое несчастнѣе, — то я, вашъ братъ, вашъ старшій братъ, глава семейства, къ которому вы принадлежите, я хочу — слышите ли?—я хочу, чтобъ вы сдѣлались женою того, который погубилъ васъ и одинъ только можетъ дѣйствительно возвратить вамъ отнятую у васъ честь. Законъ и религія вооружаютъ меня противъ васъ властію, и, въ случаѣ надобности — предупреждаю васъ—я воспользуюсь этимъ оружіемъ, чтобъ принудить васъ къ исполненію того, на что я смотрю, какъ на вашъ долгъ передъ Богомъ, передъ вашимъ семействомъ, передъ вашимъ ребенкомъ и, наконецъ, какъ на долгъ самой-себѣ.

— Вы осуждаете меня на смерть, произнесла Бабета дрожащимъ голосомъ:—хорошо, я покоряюсь: этого хочетъ моя судьба, мнѣ избрано такое наказаніе, и притомъ, никто не вступается за меня.

Говоря это, она смотрѣла на Габріэля и Жана Пекуа̀, которые оба молчали, потому-что послѣдній страдалъ, а первый наблюдалъ за происходившею передъ нимъ сценою.

Но при этомъ прямомъ призывѣ Бабеты, Жанъ Пекуа̀ не могъ удержаться, и, обращаясь къ ней, но смотря на Пьера, ткачъ сказалъ съ горькою ироніей, впрочемъ, бывшею не въ его характерѣ:

— Кто̀ же можетъ вступаться за васъ, Бабета? Развѣ не справедливо и вполнѣ благоразумно то, чего требуетъ отъ васъ братъ? У него, право, удивительный взглядъ на вещи! Пьеръ хлопочетъ о чести своего семейства и вашей собственной, и что̀ же дѣлаетъ онъ для возстановленія этой чести? Принуждаетъ васъ выйдти за-

мужъ за обманщика! Прекрасно! Правда, этотъ негодяй, вступивъ въ семейство, вѣроятно, обезчеститъ его своими поступками. Но нѣтъ сомнѣнія, что г-нъ д'Эксме́, присутствующій здѣсь, заставитъ его, во имя Мартэна-Герра, дать отчетъ въ гнусномъ подлогѣ, и, представъ передъ судьями, Бабета, вы будете названы женою этого ненавистнаго вора, похитившаго чужое имя. Но все равно, вы сдѣлаетесь законною женою плута, и вашъ ребенокъ законнымъ сыномъ ложнаго Мартэна-Герра. Можетъ-быть, какъ жена, вы умрете отъ стыда, но за то ваша честь, какъ дѣвушки, останется незапятнанною въ глазахъ всѣхъ.

Жанъ Пекуа́ выражался съ жаромъ и негодованіемъ, изумившими даже Бабету.

— Я не узнаю тебя, Жанъ! сказалъ удивленный Пьеръ Пекуа́. — Не-уже-ли это говоришь ты, всегда тихій и воздержный на слова?

— Именно потому-что я тихъ и воздерженъ, отвѣчалъ Жанъ: — я и лучше вижу положеніе, въ которое такъ безразсудно ты хочешь вовлечь насъ теперь.

— Не-уже-ли ты думаешь, спросилъ Пьеръ Пекуа́: — что гнусные поступки зятя для меня будутъ легче, нежели безчестіе сестры? Нѣтъ, если мы найдемъ обольстителя Бабеты, надѣюсь, что его обманъ повредитъ только намъ и Мартэну-Герру, и въ такомъ случаѣ я полагаюсь на дружбу благороднаго Мартэна: онъ откажется отъ жалобы, которая можетъ упасть на невинныхъ и, въ то же время, на виноватаго.

— О, повѣрьте, сказалъ въ постели Мартэнъ-Герръ: — у меня душа не мстительная, и я не хочу смерти грѣшника. Пускай онъ заплатитъ вамъ долгъ, и мы съ нимъ квиты.

— Это прекрасно для прошлаго, замѣтилъ Жанъ Пекуа́, повидимому, не слишкомъ-довольный снисходительностью конюшаго: — но будущее? Кто отвѣтитъ намъ за будущее?

— Я самъ стану заботиться о будущемъ, сказалъ Пьеръ: — я не спущу глазъ съ мужа Бабеты; онъ долженъ будетъ вести себя честно и идти прямою дорогою; въ противномъ случаѣ...

— Ты расправишься съ нимъ за самого себя, не такъ ли? прервалъ Жанъ. — Во̀-время вздумалъ ты образумиться! А междутѣмъ, Бабета будетъ страдать, какъ несчастная жертва!

— Но если наше положеніе такъ затруднительно, сказалъ Пьеръ съ нетерпѣніемъ: — не я былъ тому причиною, Жанъ, я только покоряюсь необходимости. Ты говоришь, а посмотримъ, нашелъ ли ты какое средство кромѣ того, которое теперь я предлагаю?

— Да, нашелъ, отвѣчалъ Жанъ Пекуа̀.

— Какое? спросили вдругъ и Пьеръ и Бабета, и должно сказать, что Пьеръ произнесъ этотъ вопросъ съ такимъ же участіемъ, какъ и Бабета.

Виконтъ д'Эксмé по-прежнему не говорилъ ни слова; онъ только смотрѣлъ съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Подождемъ, сказалъ Жанъ Пекуá:—не встрѣтится ли честный человѣкъ, который, не столько ужасаясь несчастія Бабеты, сколько будучи тронутъ ея положеніемъ, согласится дать ей свое имя?

Пьеръ недовѣрчиво покачалъ головою.

— На это нечего разсчитывать, сказалъ онъ: — надо или влюбиться до безумія или быть низкимъ человѣкомъ, чтобъ закрыть себѣ глаза. Во всякомъ случаѣ, мы принуждены будемъ посвящать постороннихъ, людей равнодушныхъ, въ нашу печальную тайну, и хотя г-нъ д'Эксмé и Мартэнъ — наши искренніе друзья, однакожь я очень-сожалѣю, что обстоятельства открыли имъ вещи, которыя должны были не выходить изъ семейства.

Жанъ Пекуá, напрасно стараясь скрыть свое волненіе, продолжалъ:

— Я не предложилъ бы какого-нибудь негодяя въ мужья Бабетѣ; но развѣ нельзя, Пьеръ, допустить ваше второе предположеніе? Если кто-нибудь любитъ мою двоюродную сестру, если онъ, зная обстоятельства ея невольнаго проступка и ея раскаяніе, рѣшится, для обезпеченія счастливой и спокойной ея будущности, забыть прошлое, которое, навѣрно, постарается Бабета загладить своею добродѣтелью... Что скажешь ты на это, Пьеръ? Чтò скажете вы, Бабета?

— О, этого не можетъ быть! Это сонъ! вскричала Бабета, у которой, однакожь, глаза вдругъ зажглись лучомъ надежды.

— А развѣ ты знаешь такого человѣка, Жанъ? спросилъ Пьеръ Пекуà:—или, можетъ-быть, это — одно предположеніе, или сонъ, какъ говоритъ Бабета?

Жанъ Пекуá, при этомъ положительномъ вопросѣ, совершенно смѣшался, растерялся, не зналъ, чтò сказать...

Онъ не замѣчалъ вниманія безмолвнаго и глубокаго, съ какимъ Пьеръ слѣдилъ за всѣми его движеніями; онъ былъ весь погруженъ въ мысли о Бабетѣ, которая, опустивъ глаза, казалось, чувствовала волненіе души честнаго ткача, неопытнаго въ дѣлахъ любви, и не знавшаго, кáкъ объяснить себѣ то, чтò онъ чувствовалъ.

Жанъ не рѣшился перевести свои желанія на языкъ болѣе-понятный, и отвѣчалъ жалобнымъ тономъ на прямой вопросъ своего брата:

— Увы, Пьеръ; очень-вѣроятно, что это не сонъ; дѣйствительно, для осуществленія моего сна необходимо только, чтобъ наша Бабета была очень-любима и чтобъ она сама немножко любила; безъ чего, разумѣется, она будетъ несчастна. Впрочемъ, тотъ, кто захотѣлъ бы купить счастіе Бабеты цѣною забвенія, конечно, въ свою очередь и пожелалъ бы, чтобъ забыли какой-нибудь его недостатокъ, какъ человѣкъ, вѣроятно, не молодой, не красивый,

словомъ, не любезный. Но, кажется, сама Бабета еще не согласна сдѣлаться его женою, и вотъ что заставляетъ меня думать, что мои слова — пустой сонъ.

— Да, это сонъ, печально сказала Бабета:—но не по тѣмъ причинамъ, которыя вы теперь высказали. Если бъ человѣкъ, такъ великодушно помогшій мнѣ, былъ даже старикъ, отцвѣтшій и угрюмый, я должна была бы считать его за молодаго, потому-что его поступокъ доказывалъ бы свѣжесть души, часто недоступную двадцатилѣтнему; онъ казался бы красавцемъ, потому-что такія добрыя и высокія мысли могутъ давать его лицу благородный отпечатокъ; наконецъ, я находила бы его любезнымъ, потому-что онъ представилъ бы мнѣ самое полное доказательство любви, какое только возможно принести въ даръ женщинѣ. Мой долгъ и моя радость заключались бы въ любви къ нему, въ любви безпредѣльной.... И это очень-просто и понятно. Но только невозможно найдти самоотверженіе, о которомъ вы говорите, братецъ, самоотверженіе для бѣдной дѣвушки, подобной мнѣ, лишенной красоты и чести. Можетъ-быть, найдутся люди съ высокимъ характеромъ и великодушные, которымъ прійдетъ на минуту мысль о такой жертвѣ: и довольно этого; но, обдумавъ хорошенько, они откажутся отъ минутнаго увлеченія состраданіемъ, и я снова упаду изъ надежды въ отчаяніе. Вотъ, мой добрый Жанъ, настоящія причины, почему ваше предположеніе—одинъ сонъ.

— Но если это истина? неожиданно спросилъ Габріэль, вставая съ своего мѣста.

— Какъ? Что́ сказали вы? вскричала въ замѣшательствѣ Бабета Пекуа́.

— Я сказалъ, Бабета, отвѣчалъ Габріэль: — что этотъ великодушный, преданный человѣкъ существуетъ.

— А вы знаете его? спросилъ изумленный Пьеръ.

— Знаю, отвѣчалъ съ улыбкою молодой человѣкъ: — онъ дѣйствительно любитъ васъ, Бабета, но любитъ нѣжною, отеческою любовью, любовью, готовою покровительствовать и прощать. Итакъ, хотите ли вы, не задумываясь, принять его жертву, чуждую всякаго презрѣнія и внушенную столько же самою нѣжною жалостью, сколько самою чистосердечною преданностью. Притомъ, вы даете столько же, сколько получаете, Бабета: вы получите честь и дадите счастіе; потому-что тотъ, который васъ любитъ, одинокъ на землѣ; нѣтъ у него ни радости, ни интересовъ, ни будущности; вы можете доставить ему все это, и отъ васъ зависитъ сдѣлать его такъ же счастливымъ сегодня, сколько, со временемъ, онъ сдѣлаетъ васъ счастливою. Не правда ли, Жанъ Пекуа́?..

— Но... г-нъ виконтъ... я не понимаю... проговорилъ Жанъ, дрожа какъ листокъ на стеблѣ.

— Да, Жанъ, продолжалъ улыбаясь Габріэль: — да, можетъ-быть, вы не знаете одного, не знаете, что Бабета въ свою очередь чувствуетъ не только глубокое уваженіе, не только благо-

дарность къ тому, который любитъ ее, она чувствуетъ еще благочестивую привязанность. Бабета если не угадала, то, по-крайней-мѣрѣ, неясно предчувствовала вашу любовь къ ней, и эта любовь сначала возвысила бѣдную дѣвушку въ ея собственныхъ глазахъ, потомъ тронула ее, послѣ дала ей надежду на счастіе. Съ тѣхъ-поръ, Бабета почувствовала такое сильное отвращеніе къ обманувшему ее мерзавцу. Вотъ отъ-чего сейчасъ на колѣняхъ она умоляла брата не соединять ее ужасными узами съ тѣмъ, къ которому, изъ какого-то страха и удивленія, она хранила привязанность, ошибочно принимая это чувство за любовь... Но только теперь Бабета поняла что̀ такое любовь, и приноситъ ее въ даръ своему избавителю... Кажется, я не ошибаюсь, Бабета?

— Право... г-нъ виконтъ... я не знаю, сказала Бабета, блѣдная какъ снѣгъ.

— Одна не знаетъ, другой не понимаетъ, продолжалъ Габріэль. — Бабета, Жанъ, не-уже-ли вы не знаете самихъ себя? Неуже-ли вы не понимаете своихъ собственныхъ чувствъ?.. Перестаньте, этого не можетъ быть! Не я долженъ говорить вамъ, Бабета, что васъ любитъ Жанъ, или увѣрять васъ, Жанъ, что вы любимы Бабетой. Вы знали это прежде меня.

— Возможно ли! вскричалъ восхищенный Пьеръ Пекуа̀:—нѣтъ, тутъ слишкомъ-много радости!..

— Посмотрите на нихъ, сказалъ ему Габріэль.

Бабета и Жанъ взглянули другъ на друга, еще не рѣшаясь и вполовину довѣряя себѣ.

И потомъ, Жанъ прочелъ въ глазахъ Бабеты такую пламенную благодарность, и Бабета прочла въ глазахъ Жана такую трогательную молитву, что они вдругъ оба увѣрились и рѣшились, и упали одинъ къ другому въ объятія, не понимая сами, ка́къ это сдѣлалось.

Пьеръ Пекуа́, въ восторгѣ, не могъ произнести ни слова; онъ только пожалъ руку Жана, но это пожатіе говорило краснорѣчивѣе всѣхъ фразъ, какія возможно придумать.

Мартэнъ-Герръ, собравъ всѣ свои силы, приподнялся на кровати, и съ крупными слезами радости на рѣсницахъ, въ восхищеніи хлопалъ руками при этой неожиданной развязкѣ.

Когда первые порывы радости нѣсколько утихли, Габріэль сказалъ:

— Вотъ заключеніе: Жанъ Пекуа̀ женится какъ-можно-скорѣе на Бабетѣ Пекуа́, и они пріѣдутъ на нѣсколько мѣсяцевъ ко мнѣ въ Парижъ, прежде нежели поселятся у брата. Такимъ-образомъ, тайна Бабеты, печальная причина этого счастливаго союза, умретъ въ груди пятерыхъ, присутствующихъ здѣсь; правда, есть человѣкъ, шестой, который могъ бы обнаружить тайну, но если онъ станетъ справляться объ участи Бабеты — что̀, впрочемъ, сомнительно, — онъ не долго будетъ ихъ безпокоить: за это

я вамъ отвѣчаю. Итакъ, добрые друзья, вы можете жить спокойно и не бояться будущаго.

— Мой благородный и великодушный гость! сказалъ Пьеръ Пекуа, цалуя руку Габріэля.

— Только вамъ, одному вамъ, произнесъ Жанъ:—мы обязаны своимъ счастіемъ, какъ король обязанъ вамъ взятіемъ Калé.

— И каждый день, утромъ и вечеромъ, сказала Бабета: — мы будемъ пламенно молиться Богу за своего спасителя.

— Да, Бабета, сказалъ тронутый Габріэль: — да, благодарю васъ за эту мысль: просите у Бога, чтобъ вашъ спаситель могъ теперь спасти самого-себя.

ВѢРА.

Романъ.

Часть третья и последняя.

═

ВСЕ КЪ ЛУЧШЕМУ.

═

I.

Свадьба.

Пасмурный осенній день вечерѣетъ. Въ селѣ Ванегѣ замѣтно необыкновенное движеніе. На улицахъ, покрытыхъ полузамерзлою грязью, толпится народъ. Группы бабъ и ребятишекъ собираются около избъ на оазисахъ притоптанной глины. Слышны громкіе разговоры. Вниманіе всѣхъ обращено къ церкви, около которой также растетъ толпа. Прошелъ дьячокъ съ ключами, отперъ наружныя двери, и все народонаселеніе, наполнявшее улицы, устремилось къ паперти храма.

Въ-это время въ село въѣхала дорожная коляска, запряженная четверкою крестьянскихъ лошадей; и экипажъ и лошади были покрыты грязью. Густой паръ валилъ отъ тощихъ бѣгуновъ, какъ видно, замученныхъ скорою и продолжительною ѣздою. Въ коляскѣ сидѣлъ Александръ съ своимъ каммердинеромъ.

— Мнѣ надобно переодѣться, сказалъ мой герой, въѣзжая въ селеніе.

— Эй, ямщикъ! закричалъ каммердинеръ: — пошелъ на постоялый дворъ.

Черезъ село Ванегу пролегаетъ *зимняя дорога* изъ одного губернскаго города въ другой. Это значитъ (я считаю не лишнимъ объяснить топографическій терминъ «зимняя дорога»), это значитъ, что въ окрестностяхъ села Ванеги лежатъ огромныя моховыя болота, которыя заставили большой столбовой трактъ между помянутыми губернскими городами совратиться съ своего прямаго и кратчайшаго направленія и сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ объѣзда около непроходимыхъ мѣстностей. Зимою, когда болота замерзаютъ, сообщеніе возстановляется по прямой линіи чрезъ село Ванегу, и такимъ образомъ, это село, уединенное и тихое въ продолженіе двухъ третей года, оживляется на четыре мѣсяца промышленою дѣятельностью, неразрывно-сопряженною съ положеніемъ на большомъ губернскомъ трактѣ. И вотъ почему въ немъ находится нѣсколько постоялыхъ дворовъ, въ одинъ изъ которыхъ «къ дядѣ Трофиму» ямщикъ привезъ своихъ пассажировъ.

Сельская гостинница отличалась снаружи отъ прочихъ избъ только огромнымъ навѣсомъ, покрывавшимъ три бока обширнаго четыреугольника, составлявшаго дворъ. Нижній этажъ былъ занятъ анбарами и скотнымъ дворомъ, а жилые покои помѣщались вверху. Когда мои путешественники подъѣхали къ воротамъ этой зимней «отели», ворота были заперты «по причинѣ лѣта».

— Эй, хозяинъ! отпирай живѣе! закричалъ ямщикъ такъ громогласно, что, не смотря на густоту воздуха, это восклицаніе раздалось во всѣхъ концахъ селенія, и прибытіе путешественниковъ сдѣлалось повсюду извѣстнымъ. Нѣсколько десятковъ головъ разнаго пола и возраста высунулись изъ оконъ, чтобъ насладиться привлекательнымъ зрѣлищемъ коляски. Изъ избы, стоявшей на другой сторонѣ, раздался пронзительный женскій голосъ.

— Баринъ! баринъ!.. Эй, милый!.. пожалуйте сюда къ намъ. У насъ стоялый дворъ! у насъ и самоваръ готовъ ужь про вашу милость; и щти есть знатные съ говядиной; и молоко есть супротивное. Пожалуйте къ намъ, сударь! И вороты вонъ ужь отперты, вели заворотить, косатикъ! У насъ и сѣно пригожее, и овесъ дешевый, и горница теплая съ лежанкою.

— Молчи ты, крикуша! возразилъ рослый, здоровый мужикъ, который въ это время отперъ ворота моимъ путешественникамъ.— Вишь-ты деретъ глотку-то! На-тко, вотъ тебѣ (крестьянинъ сдѣлалъ выразительный жестъ). Не бось, баринъ къ намъ хочетъ.

— Ладно, Матюшка! закричала соперница дяди Трофима, которой фигура едва виднѣлась въ сумракѣ.—Ладно, мошенникъ, переметная сума (эта рѣчь обращалась къ ямщику)! Не бось, о праздникѣ выпить косушку, такъ къ тёткѣ Авдотьѣ; а проѣзжихъ возить, такъ къ дядѣ Трофиму... Постой, косоротый! я тебѣ припомню, клятой ты, эдакой... пріидит-ка ко мнѣ: я тебя провожу помеломъ...

— Ишь ты расходилась! перебилъ ямщикъ, задѣтый заживо такими колкостями.—Поди-тко ты! фря какая!.. А вотъ тебѣ што... тьфу! (плюетъ въ ту сторону, гдѣ находится тётка Авдотья) только и всего!.. видали мы евдакихъ...

— И нӥшто ей! ай-да, Матюха! сказалъ смѣясь крестьянинъ, отворявшій ворота.

— Да, вотъ!.. не бось, какъ же! испужались мы! сказалъ ямщикъ съ гордымъ видомъ удовлетвореннаго самолюбія.

— Горяча, знашь ты, больно! корыстлива!.. замѣтилъ крестьянинъ.

Коляска въѣхала на дворъ, сопровождаемая ругательствами, которыя неслись за нею черезъ улицу. На дворѣ уже собрались мужики въ изорванныхъ бараньихъ полушубкахъ, привлеченные прибытіемъ путешественника.

— Куда будете, сударь, лошадокъ нанимать? спросилъ приподнявъ шапку молодой парень съ рыженькою бородкою, Александра, когда онъ, съ помощію своего каммердинера, перенесся съ подножки черезъ пучину грязи и гнилой соломы на ветхое узорчатое крыльцо постоялаго двора.

Физіономія молодаго человѣка была грустна и пасмурна, какъ осеннее небо, по которому неслись надъ его головою громады мохнатыхъ дождевыхъ тучь. Не отвѣчая ни слова, онъ быстро взбѣжалъ на крыльцо, и въ сѣняхъ встрѣтилъ его низенькій, толстый старикъ, сѣдой какъ лунь, съ сѣдою же бородою до пояса, въ красной полинявшей рубашкѣ и въ сапогахъ неизмѣримой огромности.

— Милости просимъ, баринъ, добро пожаловать! сказалъ онъ, отворяя дверь въ свѣтелку, обращенную окнами на дворъ.—*Горница*-то у насъ не топится на лѣтнее время... А тамо-тко, въ *свѣтелкѣ*, тоже, тепленько... Войдите, сударь; нагнитесь.

Но предостереженіе ужь опоздало. Въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ и днемъ было плохо видно, Александръ со всего размаха ударился лбомъ о низенькій косякъ двери, ведущей въ свѣтелку.

Трудно разгадать причину странной архитектуры нашихъ крестьянскихъ избъ, гдѣ двери и брусья полатей устроиваются словно для пигмеевъ. Только привычка и вѣчная осторожность могутъ спасти лобъ человѣка обыкновеннаго роста отъ столкновеній съ этими брусьями, которыхъ никакъ нельзя избѣгнуть при входѣ и выходѣ и которые такъ освящены обычаемъ и понятіями, что даже въ домахъ зажиточныхъ крестьянъ сохраняютъ свои безчеловѣчные размѣры. Какая мысль скрывается въ этой методѣ постройки, неимовѣрно способствующей гибкости спинной позвоночной кости? Самые умные и толковитые бородатые владѣльцы и архитекторы избъ не могли мнѣ объяснить удовлетворительно необходимости или пользы этихъ размѣровъ, принуждающихъ ихъ ходить вѣчно скорчившись.

Ударъ, полученный Александромъ, былъ такъ чувствителенъ, что молодой человѣкъ присѣлъ и вскрикнулъ, и это происшествіе, конечно, не было способно развеселить его.

— Чтобъ всѣ черти побрали и васъ и избы ваши! воскликнулъ онъ, обращаясь къ хозяину, который схватилъ его подъ руку, думая, что онъ падаетъ.

— Экая бѣда!.. ворчалъ старикъ:—экая бѣда!.. Поди ты, на!.. а!.. вишь ты, какое случилось!.. Нештò, сударь, нагнуться бы надо... темновато здѣсь, какъ съ надворья войдешь... Вотъ бѣда какая! поди ты!

Но Александръ, уже неоднократно подвергавшійся подобнымъ неудобствамъ во время своихъ странствованій, скоро оправился и нагнувшись вошелъ въ свѣтелку, изъ которой клубами несся ему навстрѣчу удушливый паръ, напитанный жирнымъ запахомъ щей и говядины.

Эта свѣтелка, составлявшая внутренній аппартаментъ хозяйской семьи, служила теперь и пріемною компатою, потому-что въ оффиціальной *горницѣ* для проѣзжающихъ, которая топилась только зимою, во время открытія тракта, царствовалъ чувствительный, осенній холодъ; копоть, тараканы и грязь покрывали потолокъ, стѣны, полъ, столы, лавки и всѣ предметы, составлявшіе мёбель и утварь въ этой темной и черной каморкѣ. Посрединѣ, на длинномъ шестѣ, продѣтомъ черезъ перегородку въ желѣзное кольцо, висѣла, подъ лоскутомъ холстины, берестовая люлька, имѣвшая форму табачной тавлинки; на черномъ столѣ, подъ толстою, черною тряпкою, лежали шесть караваевъ горячаго хлѣба, сейчасъ только вынутыхъ изъ печи; передъ рѣзнымъ кивотомъ въ переднемъ углу теплилась тоненькая свѣчка изъ желтаго воска (прилѣпленная нижнимъ концомъ къ рѣшеткѣ), едва освѣщая двойной рядъ ветхихъ образовъ. Въ углу, у двери, на досчатой кровати, лежала и охала больная старуха, блѣдная и страшная, и при тускломъ, сумрачномъ свѣтѣ, едва проходившемъ сквозь стекла двухъ маленькихъ оконъ, разбитыхъ, заткнутыхъ тряпками и покрытыхъ плотнымъ слоемъ копоти, грязи и сырости, всѣ эти предметы чуть-чуть выходили изъ мрака неясными очерками, особенно для глазъ Александра, вошедшаго съ улицы. Но картина грубаго и грязнаго быта не произвела также никакого впечатлѣнія на моего героя. Ему слишкомъ знакомы были эти подробности нищеты, выражавшей иногда (какъ въ настоящемъ случаѣ) болѣе привычку, чѣмъ нужду. Александръ почти ощупью добрался до лавки.

— Кликни скорѣе моего человѣка, сказалъ онъ хозяину.

— Самовара не изволите ли поставить?

— Нѣтъ.

— Такъ, можетъ-статься, покушать прикáжете?.. У меня шти есть отличные...

— Ничего не хочу; кликни мнѣ человѣка...

Черезъ пять минутъ, стукъ въ дверяхъ возвѣстилъ прибытіе каммердинера, который, при входѣ, заплатилъ обычную пошлину косяку.

— Пожалуйте, сударь, въ большую горницу, сказалъ Осипъ болѣзненнымъ голосомъ. — Въ этой проклятой свѣтелкѣ, чтобъ ей провалиться въ тартарары! темно и грязно словно въ свиномъ хлеву. А тамъ, въ комнатѣ, хоть и холодно, да за то свѣтло и просторно.

Александръ послѣдовалъ за путеводителемъ, и, перейдя черезъ темныя сѣни, они вошли въ свѣтлую, высокую, чистую и просторную комнату, освѣщенную тремя окнами съ улицы и двумя съ надворья. Этотъ аппартаментъ, составляющій общую залу гостинницы, отличался необыкновенною чистотою и всѣми затѣями деревенской роскоши. Тутъ, у двери, былъ новенькій *шкафъ-коммодъ*, мёбель, которую вамъ вѣрно случалось видѣть, и въ немъ, за стеклами верхняго этажа, красовались группы вложенныхъ одна въ другую полусферическихъ, фаянсовыхъ, расписанныхъ розанами крошечныхъ чашечекъ, двѣ стопы блюдечекъ, ряды стакановъ съ толстыми донышками и съ конусообразною, выпуклою внутренностью, — жертвенныя чаши бахуса, полдюжины чайныхъ посеребренныхъ ложекъ, висящихъ на задней стѣнкѣ, три графина, глиняная сахарница, въ образѣ и подобіи утки съ розовою головою и съ ярко-зелеными крыльями; деревянная чайница, обклеенная китайскими картинками и надписями; наконецъ, двѣ статуйки изъ глины, одна, представлявшая гордаго Турка, курящаго трубку, а другая фигуру, носящую условное названіе «кошки», съ качающеюся головою, приходящею въ движеніе при помощи необыкновенно-искуснаго и замысловатаго механизма. Возлѣ шкафа, на стѣнѣ, стѣнные часы съ желѣзными гирями, ходившіе только зимою, два жестяные расписанные подноса, безмѣнъ, счеты, новый ременный кнутъ и маленькая расколотая аспидная дощечка въ рамкѣ и съ грифелемъ. Внизу, на полу, гордо сіяли два самовара классической формы. Три остальныя стѣны почти сплошь были покрыты гравюрами безъ рамъ, наклеенными жованымъ хлѣбомъ; средь нихъ первое мѣсто по величинѣ, по сюжету и по помѣщенію занималъ «страшный судъ». Это классическое произведеніе типографій, наслѣдіе нашей доброй, набожной старины, было окружено значительнымъ количествомъ маленькихъ эстамповъ, тоже не-свѣтскаго содержанія, и многое-множество изображеній, пользующихся старинною и заслуженною народностью. Далѣе находились портреты фельдмаршаловъ, храбраго капитан-лейтенанта Козарскаго, Хозрева-Мирзы и князя Кутузова на конѣ, съ орломъ, парящимъ надъ его головою, и съ рядами войскъ подъ ногами. Ярко-раскрашенные и снабженные приличными подписями, эти портреты были обставлены неимовѣрнымъ множествомъ другихъ картинокъ, представлявшихъ историческія и нравственныя сцены: «встрѣчу смерти съ Аникой-воиномъ», «урокъ волокитамъ», выраженный остроумнымъ примѣне-

ніемъ *бабы* въ огромныхъ *фижмахъ*, пекущей блины, къ стихотворной сатирѣ и нравоученію счастливымъ супругамъ, и т. п.

Едва Александръ началъ свой туалетъ, какъ дверь, которую забылъ запереть его каммердинеръ, тихо отворилась, и три крестьянина, съ озабоченнымъ и таинственнымъ видомъ, осторожно вошли въ комнату, перекрестились по три раза, и всѣ трое отвѣсили по низкому поклону моему герою, который смотрѣлъ на нихъ съ недоумѣніемъ, ожидая объясненія причины ихъ появленія.

— Лошадокъ-то будете, сударь, нанимать? спросилъ одинъ изъ нихъ съ смиренною миною, сквозь которую такъ и просвѣчивались плутовскія затѣи. Но едва выговорилъ онъ эти слова, какъ, разглядѣвъ молодаго человѣка, стремительно подошелъ къ нему и кинулся въ ноги. Александръ узналъ ямщика, котораго въ прошломъ году вытащилъ онъ изъ рѣчки.

— Кормилецъ ты мой! Отецъ родной! воскликнулъ ямщикъ слезливымъ голосомъ, цалуя его ноги.—Награди тебя Господи и въ сей и въ будущей жизни! Душа твоя христіанская... и животъ-то спасъ ты мнѣ и вѣкъ Бога заставилъ молить съ пятью ребятишками!

На душѣ моего героя немного просвѣтлѣло.

— Вставай-ка, братецъ, да разскажи мнѣ, ка́къ ты теперь поживаешь?

— Господи, Ты, Боже милосердый! привелъ мнѣ еще на семъ свѣтѣ видѣть отца роднаго, продолжалъ мужикъ, стоя на колѣняхъ; потомъ, обернувшись къ образу, перекрестился и положилъ земной поклонъ; наконецъ всталъ, обтеръ рукавомъ полушубка двѣ длинныя слезы, скатившіяся по толстымъ щекамъ, и отвѣчалъ, глядя съ умиленіемъ на своего благодѣтеля:— Нештó, кормилецъ ты мой, живемъ тепере-тко твоею милостынею не хуже другихъ. Лошаденокъ тройку купилъ, да двѣ коровенки; дворишка стоялый завелъ; по милости Божіей и самъ одѣтъ и ребятишки сыты, и на черный день отложилъ копейку. Лёгко ли мѣсто изволилъ пожаловать сотню цѣлковыхъ! никто и не слыхивалъ объ ефтакой милостынѣ. На второмъ пришествіи тебѣ помянетъ Господь. За здравіе твое, да рабы Божіей Вѣры, по твоему наказу, заказали мы поминать...

Легкая краска оживила блѣдныя щеки Александра при этомъ послѣднемъ напоминаніи.

Уѣзжая въ прошломъ году изъ Ванеги, онъ добрымъ дѣломъ ознаменовалъ свое счастіе: узнавъ, что крестьянинъ, который привезъ его, добрый и честный малой, лежитъ больной въ селѣ Ванегѣ въ-слѣдствіе своего купанья, и что бѣднякъ обремененъ огромнымъ семействомъ, — Александръ подарилъ ему сто цѣлковыхъ.

— Ка́къ ты сюда попалъ? спросилъ онъ ямщика, желая перемѣнить патетическій тонъ разговора.

— Услыхалъ, сударь, что понича свадьба, пріѣхалъ проздравить, да гостинца привезъ по твоей памяти: знать, нѣшто сердце чуяло, что тебя здѣсь повижу. Нопича вѣдь у меня лошадёнки, слава Богу, сто верстъ отвезутъ «за спасибо».

— Чья пыньче свадьба? спросилъ Александръ, не понявъ разсказа.

— Чья свадьба? Чуденъ же ты, баринъ! Вѣдь, не бось, и самъ туда ѣдешь?..

Эти слова произвели въ душѣ молодаго человѣка смутное подозрѣніе. Но онъ былъ такъ далекъ отъ мысли встрѣтить Вѣру снова *невѣстою* Петра Ивановича, что спачала обратилъ свои догадки на Липочку. А между-тѣмъ, тайный внутренній голосъ проснулся въ душѣ его, взволнованной нежданною новостью; сердце сжалось тревожнымъ предчувствіемъ, и онъ сказалъ, какъ-бы говоря самъ съ собою:

— Липочка... нѣтъ... быть не можетъ; ей не должно еще быть шестнадцати лѣтъ... Не-уже-ли же?!.. Не-уже-ли она угадала истину? не-уже-ли онъ осмѣлился?.. Проклятіе!..

Александръ стиснулъ зубы и началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Невѣста... Вѣра Николавна не пріѣхала еще въ церковь? спросилъ онъ ямщика, желая удостовѣриться въ справедливости своихъ подозрѣній.

— Въ церковь-то? спросилъ въ отвѣтъ его старый знакомецъ, который, какъ вы уже знаете, никакъ не могъ отвѣтить по первому вопросу.

Александръ кивнулъ головою.

— Нѣту-тка, еще не пріѣхала.

— Ну, а женихъ, Петръ Иванычъ... не пріѣзжалъ тоже?

— Петръ Иванычъ-то?

Александръ кивнулъ головою.

— Нѣту-тка, нѣтъ еще.

— Негодяй! сказалъ Александръ глухимъ голосомъ, и кулаки его судорожно сжались.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! женихъ ѣдетъ! раздалось въ толпѣ, окружавшей церковь, и изъ всѣхъ избъ села Ванеги высыпали къ воротамъ остальные обитатели, которые еще не были у церкви. Три крестьянина, явившіеся къ Александру, послѣдовали общему примѣру.

Обернувшись къ окну, Александръ, при невѣрномъ свѣтѣ сумерекъ, увидѣлъ знакомую ему коляску, которую четверка вороныхъ быстро несла къ церкви мимо его оконъ.

— Фуражку! закричалъ онъ съ яростью; но когда каммердинеръ подалъ ее, коляска была уже далеко. Александръ ударилъ въ лобъ бѣднаго слугу еще въ первый разъ съ-тѣхъ-поръ, какъ усердный Осипъ служилъ ему, и въ глазахъ безвинно-оскорбленнаго блеснули слезы. Но, не обращая на него никакого вниманія,

Александръ въ безсильномъ бѣшенствѣ слѣдилъ глазами за своимъ соперникомъ, диковинная фуражка котораго ясно видѣлась издали... И вотъ она исчезла; Петръ Иванычъ вошелъ въ церковь, передъ которою горѣла смола въ двухъ разбитыхъ горшкахъ.

Порывъ бурнаго гнѣва, съ такою силою овладѣвшій моимъ вспыльчивымъ героемъ, быстро дошелъ до своего апогея и такъ же быстро исчезъ, какъ вспыхнулъ. Роковой мигъ, въ который онъ былъ готовъ отмстить за оскорбленіе, прошелъ... Фонтаномъ вскипѣвшая кровь отхлынула отъ сердца и потекла ровнѣе. Александръ отошелъ отъ окна и, опустя голову, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ... Черезъ нѣсколько секундъ, онъ взглянулъ на огорченнаго Осипа. «Виноватъ» сказалъ онъ отрывисто: «я безъ причины обидѣлъ тебя.»

Разложить и выразить чувства, кипѣвшія въ душѣ его въ это мгновеніе — затѣя точно такъ же несбыточная, какъ передать на холстѣ игру молніи.

Черезъ пять минутъ, мой герой въ своемъ сѣромъ сюртукѣ стоялъ уже впереди толпы народа, у паперти церкви, ярко освѣщенной красноватымъ пламенемъ плошекъ.

Еще черезъ пять минутъ, безпредѣльная коляска Николая Григорьевича, запряженная четверкой съ форрейторомъ, прорѣзала толпу, и Вѣра спускалась съ подножки при помощи неизмѣннаго Сашки въ его неизмѣнной синей ливреѣ съ краснымъ воротникомъ въ галунахъ и съ гребешкомъ на кожаной шляпѣ.

Взоръ Александра съ холодною, насмѣшливою злостью впился въ бѣдную дѣвушку, которая, не смотря на свой вѣнчальный нарядъ, больше походила на грустный, задумчивый призракъ, чѣмъ на счастливую невѣсту. Долгая, томительная болѣзнь оставила неизгладимые слѣды на лицѣ ея, нѣкогда одушевленномъ кроткою, сердечною веселостью; щеки были блѣдны и худы; глаза впали, и матовая бѣлизна лба рѣзко выказывалась подъ пестрымъ цвѣточнымъ вѣнкомъ, которымъ тётушка придумала ее украсить. Опустивъ глаза, ничего не видя и не слыша, Вѣра прошла бы мимо Александра, вовсе не замѣтивъ его. Разодѣтая въ пухъ Ненила Григорьевна тоже не могла обратить вниманія на моего героя, потому-что въ эту минуту, зацѣпившись за хитро-сплетенную желѣзную подножку своимъ пышнымъ платьемъ, бѣдная женщина употребляла всѣ чудеса искусства, чтобъ безъ ущерба красотѣ своего туалета исправить досадный безпорядокъ, который произвело въ немъ это неумѣстное сцѣпленіе обстоятельствъ.

Но Александръ вовсе не былъ расположенъ раздѣлаться незамѣченнымъ взглядомъ съ бѣдною невѣстою, которой онъ приписывалъ полное участіе въ глупой и низкой шуткѣ, такъ жестоко съ нимъ разъигранной.

— Будьте счастливы, милая Вѣра! сказалъ онъ громко въ ту минуту, когда она проходила мимо.

Этотъ голосъ, такъ знакомый сердцу несчастной Вѣры, произвелъ на нее страшное дѣйствіе.

Она затряслась всѣмъ тѣломъ, быстро подняла глаза: передъ ней стоялъ ея милый точно въ томъ же видѣ, какъ въ минуту послѣдней разлуки.

— Александръ! воскликнула она слабымъ голосомъ, протянула къ нему руки, сдѣлала движеніе впередъ и безъ чувствъ грянулась на полъ.

Эта быстрая сцена электрическимъ ударомъ потрясла моего героя. Видъ безчувственной Вѣры, лежавшей на холодномъ и грязномъ помостѣ паперти въ пышномъ вѣнчальномъ нарядѣ, возбудилъ всѣ былыя чувства, которыя умѣла нѣкогда зажечь въ душѣ его эта дѣвушка, казавшаяся ему такъ изящною и возвышенною. Но онъ не могъ подавить глубокихъ и жгучихъ порывовъ мести, кипѣвшей тамъ, въ завѣтной глубинѣ души его, куда нанесенъ былъ кровавый ударъ оскорбленія. Голова его закружилась; въ ушахъ раздался звонъ; виски сдавило. Безсознательно, машинально пробрался онъ сквозь изумленную толпу, его окружавшую, и тихо побрелъ къ постоялому двору. Тамъ въ воротахъ встрѣтилъ его старый ямщикъ, направлявшій путь свой также къ церкви, куда онъ до-сихъ-поръ не могъ пробраться, отвлеченный различными занятіями.

Свѣжій осенній воздухъ во время перехода уже успѣлъ прохладить Александра.

— Ты знаешь дорогу въ Разгулино? спросилъ онъ крестьянина.

— Въ Разгулино? ефто што тамо-тко, за Черной-Горой? што, тово-воно, гдѣ ефтотъ богатый баринъ живетъ... какъ-бишь зовутъ его, дай Господи память, — Матвѣй Матвѣичъ? (Александръ кивнулъ головою.) Еще бы не знать! Отселева, я чаю, больше десяти верстъ не будетъ.

— Сколько у тебя лошадей?

— У меня-то? Да вѣдь я же тебѣ, сударь, докладывалъ, — тройка.

— Сію же секунду запрягай ихъ въ мою коляску. Живо... слышишь? чтобъ черезъ часъ я былъ въ Разгулинѣ.

И чрезъ четверть часа, когда еще все суетилось около Вѣры, неприходившей въ чувство, когда новость объ этомъ необыкновенномъ и странномъ событіи неслась по встревоженному селенію, Александръ мчался по грязной дорогѣ далеко отъ мѣста послѣдней трагической сцены...

—

Вскорѣ потомъ Вѣра открыла глаза, и тусклый, слабый взоръ ея съ изумленіемъ остановился на странной картинѣ, бывшей передъ нею. Толпы крестьянъ, печальныя фигуры отца и тётки, такъ противорѣчившія необыкновенной пышности ихъ нарядовъ, стѣны церковной паперти и подвижной отблескъ горящей смолы—

все это скорѣе было похоже на чудный сонъ, чѣмъ на дѣйствительность. Вѣра лежала на ватной шинели Петра Ивановича, которую онъ разостлалъ для нея на помостѣ: дрожащія руки жениха поддерживали ея голову. Платье и корсетъ ея были разрѣзаны. Темныя, грязныя пятна лежали на пышной бѣлой массѣ атласа, составлявшаго вѣнчальный нарядъ ея, на бѣлыхъ рукахъ и на лбу, съ котораго тонкою розовою струйкой капала кровь. Безпорядокъ волосъ и истоптанные ногами цвѣточный вѣнокъ и вѣнчальное покрывало довершали мрачный характеръ странной картины.

Вѣра еще оставалась нѣсколько времени съ закрытыми глазами, стараясь возбудить угасшую память; потомъ приподнялась, оглядѣла все ее окружавшее и тяжело вздохнула, положа руку на сердце и устремивъ къ темному небу взоръ, полный слезъ.

— Такъ это не сонъ? сказала она едва слышнымъ голосомъ:— онъ былъ здѣсь?.. и для меня еще есть счастіе! Но гдѣ же онъ?.. гдѣ?...

Съ неожиданною быстротою она вскочила на ноги и устремила на жениха своего взоръ дикій и мутный.

— Петръ Иванычъ... гдѣ онъ?.. гдѣ Александръ?.. отвѣчайте мнѣ! гнѣвно спросила она.

— Вѣрочка, другъ мой, сказала ей на ухо Ненила Григорьевна:—Александръ у насъ, дома, въ усадьбѣ. Вспомни, что мы не одни здѣсь. Посмотри, какъ всѣ слушаютъ тебя.

— Дома? тихо повторила Вѣра и быстро удалилась съ паперти. Едва успѣли накинуть на ея голыя плечи теплый салопъ, какъ она уже сидѣла въ коляскѣ.

— Домой! скорѣе! закричала она кучеру. Ненила Григорьевна поспѣшила усѣсться возлѣ племянницы, и экипажъ отправился. Вслѣдъ за нимъ исчезли и остальныя дѣйствующія лица этой печальной сцены. Плошки погасили, церковь заперли, и толпы разошлись по домамъ. Черезъ часъ все умолкло на улицахъ; но въ избахъ еще долго, при свѣтѣ лучинъ, шли толки и пересуды о необычайныхъ событіяхъ вечера, да отецъ Иванъ молился передъ святою иконою о счастіи бѣдной невѣсты.

II.

Уѣздная политика.

Между-тѣмъ, какъ Александръ мчался въ село Разгулино, брызгая грязью по всѣмъ направленіямъ, дядюшка его Матвѣй Матвѣичъ Шершавинъ сидѣлъ покойно въ чайной комнатѣ своего огромнаго дома и держалъ совѣтъ съ своею супругою Евѳаліею Ѳедоровною и съ знакомцемъ нашимъ Макаромъ Евстигнѣевичемъ

Настойкинымъ. Дядюшка моего героя принадлежитъ къ числу колоссальныхъ особъ нашего уѣзда во всѣхъ отношеніяхъ, т. е., говоря слогомъ старинныхъ сказокъ, «по росту, дородству, по уму и пригожству» онъ представляетъ собой то, что въ Западной-Европѣ выражается словомъ «аристократъ», а у насъ протяжно и съ удареніемъ выговореннымъ словомъ «баринъ»; т. е. онъ

. . . . богатъ
И на богатой былъ женатъ,

имѣетъ чинъ полковника въ отставкѣ и происходитъ по прямой линіи отъ благороднаго царя Томара, какъ значится въ его родословной, признанной нашимъ дворянскимъ собраніемъ въ то время, когда братъ Матвѣя Матвѣевича былъ губернскимъ предводителемъ, и внесенной въ родословную книгу. Значитъ, Матвѣй Матвѣевичъ считаетъ за собою столько поколѣній, что и не можетъ даже счесть ихъ. Въ-слѣдствіе чего, образъ жизни этого благороднаго потомка знаменитыхъ, никому-неизвѣстныхъ царей совершенно соотвѣтствуетъ баснословной древности его происхожденія: онъ держитъ болѣе ста человѣкъ дворни; двух-этажный домъ его, съ колоннами и бельведеромъ, не имѣетъ себѣ подобнаго на триста верстъ въ окружности и, наконецъ, за столомъ его подаются вина «прямо изъ Франціи».

Если вы встрѣтитесь въ первый разъ съ Матвѣемъ Матвѣевичемъ, не имѣя чести знать его лично, то никакъ не догадаетесь, что предъ вами находится отрасль угасшей династіи. Эта странность, т. е. этотъ недостатокъ *аристократическаго* типа въ самой особѣ Матвѣя Матвѣевича составляетъ предметъ язвительныхъ насмѣшекъ для графа Павла Сергѣевича Верейскаго, который любитъ-таки нескромно позабавиться на счетъ ближняго. Впрочемъ, Матвѣй Матвѣевичъ совершенно прикрываетъ этотъ природный недостатокъ искусственною барскою надменностью и ультра-классическою спѣсью, при помощи наставленій и бдительнаго надзора своей супруги, которой въ этомъ искусствѣ отдаетъ пальму первенства вся наша губернія.

Въ чайной комнатѣ происходилъ слѣдующій разговоръ:

Евѳалія Ѳедоровна. — Разсказывай же намъ, Макаръ Евстигнѣичъ... какое, однако, глупое у тебя имя, Настойкинъ! Разсказывай намъ, какъ въ уѣздномъ судѣ идетъ дѣло Рыльскаго?

Настойкинъ. — Дѣло идетъ, сударыня...

Евѳалія Ѳедоровна. — Ты глупъ, мой милый; я безъ тебя знаю, что дѣло идетъ... *какъ*, я тебя спрашиваю?

Матвѣй Матвѣевичъ. — Какъ всѣ наши дѣла, ma chère... разумѣется.

Евѳалія Ѳедоровна. — Вы, мой милый другъ, имѣете несчастіе отвѣчать вѣчно некстати и тогда, какъ васъ вовсе не спрашиваютъ.

Матвѣй Матвѣевичъ (*кричитъ громко*). — Эй, человѣкъ!

Евѳалія Ѳедоровна. — Кончится тѣмъ, что я совершенно оглохну, если ты не кинешь этой ямской привычки кричать во все горло. (*Является лакей.*)

Матвѣй Матвѣевичъ. — Взгляни, братецъ, который часъ.

Евѳалія Ѳедоровна (*смотритъ на Матвѣя Матвѣевича съ досадою и презрѣніемъ и пожимаетъ плечами; потомъ, обращаясь къ Настойкину*). — Чтó я у тебя спрашивала?

Настойкинъ. — До возвращенія его сіятельства, по этому дѣлу не будетъ ничего рѣшено.

Матвѣй Матвѣевичъ. — Я это зналъ напередъ!..

Евѳалія Ѳедоровна. — Какая, мой другъ, въ тебѣ странность говорить то, чего ты не знаешь. C'est absurde, mon ange!

Матвѣй Матвѣевичъ (*кричитъ громче прежняго*). — Эй, человѣкъ!

Евѳалія Ѳедоровна. — Mais finissez donc. (*Лакей является.*)

Матвѣй Матвѣевичъ. — Подай мнѣ стаканъ воды съ виномъ.

Евѳалія Ѳедоровна. — Такъ до *его* возвращенія? Это ужасно! это нестерпимо! какъ-будто безъ графа мы не должны дышать здѣсь... А скоро ли онъ возвратится?

Настойкинъ. — Сегодня или завтра. Передовой уже пріѣхалъ.

Матвѣй Матвѣевичъ. — Это извѣстно. Мнѣ доложили объ этомъ.

Евѳалія Ѳедоровна. — Не перебивай, душенька. Разскажи намъ, Настойкинъ... ты вѣдь всѣ эти таинства знаешь, — точно правда, что графъ съ племянникомъ былъ за границею, куда, будто, жена выписала его, сдѣлавшись больна при смерти, какъ онъ разсказывалъ намъ, уѣзжая отсюда въ прошломъ году?

Настойкинъ. — Совершенная правда, сударыня...

Матвѣй Матвѣевичъ (*смѣется*). — Что? не правду говорилъ я тебѣ? А ты все спорила. Слышишь, ma chère?

Евѳалія Ѳедоровна. — Да не глуха же я, мой милый другъ; разумѣется, слышу. Дѣло, значитъ, будетъ лежать до прибытія графа и потомъ, въ угожденіе ему, все перепутается. (*Матвѣю Матвѣевичу*) Вмѣсто того, чтобъ смѣяться, ты бы, кажется, долженъ серьёзно объ этомъ подумать. Я васъ не понимаю, Матвѣй Матвѣичъ; ни ваше значеніе въ свѣтѣ, ни судьба вашей дочери, ничто васъ не занимаетъ, и даже мои совѣты не производятъ на васъ никакого дѣйствія.

Матвѣй Матвѣевичъ (*кричитъ*). — Человѣкъ!!

Евѳалія Ѳедоровна. — C'est intolerable, monsieur!.. Чтó это значитъ? Вы, кажется, изволили обратить въ систему ваши неприличные крики?? (*Является лакей.*)

Матвѣй Матвѣевичъ. — Подай, братецъ, мнѣ чистый платокъ.

Евѳалія Ѳедоровна. — Я *вамъ* говорю, Матвѣй Матвѣичъ!

Матвѣй Матвѣевичъ (*лакею*). — Да позови сюда барышню Анну Матвѣвну.

Евѳалія Ѳедоровна. — Я могу вамъ только сказать, что вы, сударь, настоящій... Продолжай, Настойкинъ.

Настойкинъ.—Дѣло еще не получило дальнѣйшаго хода, сударыня.

Евѳалія Ѳедоровна.—Да, если мы будемъ вотъ этакъ сидѣть, склавъ ручки, да только кричать на весь домъ, то оно, конечно, и никогда его не получитъ. Видите, Матвѣй Матвѣичъ, какая выходитъ гадость: графъ всѣмъ ворочаетъ, а вамъ какъ-будто и дѣла нѣтъ... Это должно перемѣниться, Настойкинъ, слышишь!.. Я тебя нарочно велѣла позвать за этимъ: ты долженъ помочь намъ... Я буду съ тобою откровенна. Ты осыпанъ нашими милостями. Ты человѣкъ преданный и сметливый. Ты доказалъ это намъ многолѣтнимъ опытомъ. Слушай меня внимательно: Рыльскій еще въ прошломъ году, какъ только узналъ, что старая дура тётка его хочетъ сдѣлать духовную въ пользу этой негодной дѣвчонки, Вѣры Бармотышиной, тотчасъ прискакалъ ко мнѣ,—ты знаешь, вѣдь онъ намъ съ родни немного,—проситъ, умоляетъ меня помочь, выцаловалъ мнѣ всѣ руки. Тебѣ извѣстно, какое у меня сердце: я обѣщала ему. Думала, думала, ка́къ бы это устроить. Меня давно ужь бѣсятъ плутни, которыя графъ позволяетъ себѣ. Что́ это такое, въ-самомъ-дѣлѣ? что̀ хочетъ, то̀ и дѣлаетъ въ цѣломъ уѣздѣ. Дѣло у кого какое —тотчасъ всѣ тащатся къ графу: ваше сіятельство! ваше сіятельство! И ваше сіятельство вездѣ и во все впутается; всѣ его слушаются; черное дѣлаютъ бѣлымъ, бѣлое чернымъ по его прихоти. Уѣздный судья его креатура. Исправникъ его какъ огня боится: проныра-графъ всѣ его дѣлишки слѣдитъ, словно шпіонъ. Засѣдатели и вся приказная мелочь у него ходятъ по стрункѣ. Довелъ теперь до того, что противъ него никто слова не смѣетъ пикнуть. Враговъ миритъ, друзей ссоритъ. Вздохнуть никто не смѣетъ безъ его приказанія... Кругомъ его точно дворъ какой-нибудь, просители, льстецы, поклонники.

Матвѣй Матвѣевичъ *(хохочетъ)*.—Этакая *каналья* продувная!

Евѳалія Ѳедоровна *(съ ироніею и презрѣніемъ)*.—Каналья продувная?.. Васъ все утѣшаетъ и забавляетъ: какую счастливую далъ Богъ вамъ натуру! Вы-то *что́*, сударь?

Матвѣй Матвѣевичъ *(обнаруживаетъ нѣкоторое нетерпѣніе и досаду)*. — Но, наконецъ, мой другъ... Ma chère, какого же чорта тебѣ отъ меня хочется? плакать мнѣ что ли прикажете?

Евѳалія Ѳедоровна. — Плакать вамъ, что ли?.. Стыдитесь, сударь... Въ васъ нѣтъ самолюбія, никакой амбиціи, никакого чувства гордости и собственнаго достоинства!.. *(Матвѣй Матвѣичъ обнаруживаетъ намѣреніе встать)* Сидите, сударь, и слушайте меня до конца... Если для васъ ничего не значитъ честь вашей жены, то для меня она драгоцѣнна, и если вы можете хладнокровно переносить оскорбленіе, то я не могу, сударь... слышите ли?.. не могу!.. Я хочу отмстить...

Матвѣй Матвѣевичъ.—Слышу, матушка. Отмстить! оскорбленіе! честь жены!.. все это очень-громко; но... виноватъ, долженъ признаться тебѣ... я ничего изъ этого не понимаю...

Евѳалія Ѳедоровна *(съ презрительною улыбкою)*.—Не понимаете?.. я очень-хорошо знаю: вы не понимаете!.. Ну, скажите мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, понимаете ли вы, что, по роду, по состоянію вашему, по положенію въ свѣтѣ, вы должны бы играть въ здѣшнемъ уѣздѣ первую роль?..

Матвѣй Матвѣевичъ.—Ma chère amie! твой вопросъ не имѣетъ смысла... Развѣ я не играю здѣсь первой роли?..

Евѳалія Ѳедоровна *(насмѣшливо)*.—За столомъ въ своемъ домѣ!.. да и тутъ, съ позволенія вашего, по принятымъ обычаямъ, первая роль моя.

Матвѣй Матвѣевичъ *(протягиваясь въ своемъ креслѣ)*.—Ну, вопросъ о твоемъ первенствѣ можно бы, кажется, отложить на этотъ разъ; онъ и такъ сидитъ у меня ужь вотъ гдѣ *(показываетъ на затылокъ)*.

Евѳалія Ѳедоровна *(глядитъ на него съ презрительною насмѣшливостью)*.—Такъ вы убѣждены, что играете здѣсь первую роль?..

Матвѣй Матвѣевичъ.—Убѣжденъ, потому-что это такъ и есть.

Евѳалія Ѳедоровна.—Стало-быть, вы не обратили никакого вниманія на то, чтó я сейчасъ говорила о графѣ?..

Матвѣй Матвѣевичъ *(съ достоинствомъ)*.—Я на все, сударыня, обращаю вниманіе... на все, чтó вы говорите и дѣлаете.

Евѳалія Ѳедоровна *(кланяется ему съ насмѣшливою почтительностью)*.—Слишкомъ-много чести!.. Лучше бы вы обратили вниманіе на то, чтó говорите и дѣлаете вы сами; да на то, чтó говорится и дѣлается кругомъ васъ... Поймите, сударь, что вы здѣсь, по милости своей безпечности, не играете никакой роли...

Матвѣй Матвѣевичъ *(съ чистосердечнымъ смѣхомъ)*.—Никакой роли!..

Евѳалія Ѳедоровна.—Никакой, говорю я вамъ... Никто васъ знать не хочетъ; вы не имѣете никакого вліянія ни на предводителя, ни на исправника, ни на судью. Едва-едва вы успѣваете обдѣлывать свои собственныя дѣлишки. Вы никому не въ состояніи помочь, никого не въ состояніи уничтожить...

Матвѣй Матвѣевичъ.—А большая надобность мнѣ уничтожать кого-нибудь!

Евѳалія Ѳедоровна.—Большая надобность!... Жалкій вы человѣкъ! Большая надобность!.. Для вашей дочери представляется выгодная партія, женихъ, у котораго наслѣдства шестьсотъ душъ и нѣсколько сотъ тысячь наличныхъ: его грабятъ въ вашихъ глазахъ, отнимаютъ у него это наслѣдство; а вы не въ состояніи его выручить, не въ состояніи защитить его противъ наглой дерзости одного человѣка, который смѣется надъ вами точно такъ, какъ всѣ надъ вами смѣются... правду ли я говорю, Настойкинъ?

Настойкинъ.—Совершенную правду, сударыня...

Евѳалія Ѳедоровна *(вспыхнувъ отъ досады)*. — Слышите?.. И вотъ какая дрянь можетъ сказать вамъ это *(Настойкинъ приходитъ въ страшное замѣшательство, начинаетъ гримасничать и бормотать подъ носъ какія-то фразы, какъ видно клонящіяся къ оправданію его слишкомъ наивной откровенности)*.

Матвѣй Матвѣевичъ *(начинаетъ также одушевляться)*.—Но послушайте, Евѳалія Ѳедоровна...

Евѳалія Ѳедоровна.—Выслушайте вы меня прежде... Графъ Павелъ Сергѣичъ распоряжается цѣлымъ уѣздомъ, управляетъ предводителемъ, приказываетъ исправнику, дѣлаетъ что̀ хочетъ изъ судьи, миритъ и ссоритъ, женитъ и разводитъ, даетъ и отнимаетъ наслѣдства; а вы изволите глядѣть на все сложа руки... наконецъ этотъ фокусникъ, этотъ лихачъ, этотъ любезникъ осмѣливается говорить *(съ видимымъ смущеніемъ)*, что нѣтъ ни одной женщины, съ которою онъ встрѣтится *(смущеніе ея возрастаетъ)* и которая бы послѣ этого... не была *его* *(съ лицомъ пылающимъ)*... Вы слышали, что онъ осмѣлился приложить эту безстыдную, эту наглую, изъ границъ выходящую дерзость къ вашей женѣ?..

Матвѣй Матвѣевичъ.—Жена Цезаря не можетъ быть оклеветана!

Евѳалія Ѳедоровна. — Что же? не хотите ли вы сказать вашею глупою фразою, что эта дерзость...

Матвѣй Матвѣевичъ.—Я ничего, матушка, не хочу сказать; я ничего не знаю. Мы съ тобою не въ медовомъ мѣсяцѣ; горячиться, стало-быть, нѐ изъ чего. Что его сіятельству вздумалось потѣшиться на твой счетъ послѣ шампанскаго... что жь прикажете? на дуэль, что ли, его вызвать?.. Романтистика, милый другъ! Вы, я думаю, сами знаете, что у насъ не слыхано этакой глупости, за пустые разговоры подставлять лобъ подъ пули!.. чтобъ отправиться послѣ туда *(показывая къ верху)*, или туда *(свищетъ и махаетъ рукою)*. Ну, ка̀къ бы не такъ! слуга покорный. И не такія вещи выслушиваются, да и то такъ, мимо ушей проходятъ; пѣтушиться нѐ передъ кѣмъ; мы здѣсь одни...

Евѳалія Ѳедоровна.—Каково положеніе!..

Матвѣй Матвѣевичъ *(разгорячившись, перебиваетъ ее)*.—Да таково положеніе, что это все вздоръ, глупости, бабьи капризы.

Евѳалія Ѳедоровна *(съ бѣшенствомъ складываетъ руки)*.—И это мужъ мой! и я должна все это слушать!..

(Водворяется продолжительное молчаніе).

Евѳалія Ѳедоровна *(Настойкину, стараясь успокоиться)*. — Видишь: я вотъ за чѣмъ позвала тебя... во-первыхъ, надобно помирить тётку съ племянникомъ...

Настойкинъ.—Съ позволенія вашего, сударыня...

Евѳалія Ѳедоровна.—Молчи, сдѣлай милость! Я тебѣ говорю, что надобно попробовать помирить ихъ, надобно употребить всѣ средства; и если ужь ничто не поможетъ, то надобно помѣшать этой дурѣ составить духовное завѣщаніе...

Настойкинъ.—Осмѣлюсь доложить вамъ, сударыня...

Евѳалія Ѳедоровна. — Да не можешь ты развѣ выслушать меня, неперебивая?!..

Настойкинъ. — Помилуйте, сударыня, Евѳалія Ѳедоровна, я считаю себя обязаннымъ...

Евѳалія Ѳедоровна.—Они всѣ взбѣсились сегодня! Чего тебѣ хочется?

Настойкинъ.—Шнипертенъ! Да извольте выслушать.

Евѳалія Ѳедоровна.—Какъ вамъ это кажется?..

Настойкинъ.—Духовное завѣщаніе...

Евѳалія Ѳедоровна.—Что такое?

Настойкинъ.—Духовное завѣщаніе сдѣлано.

Евѳалія Ѳедоровна и Матвѣй Матвѣевичъ. — Сдѣлано?!!

Настойкинъ.—Точно такъ, сударыня.

Евѳалія Ѳедоровна.—И ты до-сихъ-поръ не извѣстилъ насъ объ этомъ?

Настойкинъ.—Да я вчера только самъ узналъ. Анна Ивановна изволили прогнѣваться на послѣднее слѣдствіе... и написали актъ.

Матвѣй Матвѣевичъ.—Каково же, ma chère Euphalie! по милости этой собаки, Рыльскій теряетъ такое наслѣдство!

Евѳалія Ѳедоровна.—Вотъ, сударь, учитесь какъ умные люди умѣютъ всѣмъ пользоваться... вотъ вамъ и собака!.. Рыльскій безъ наслѣдства, вы—безъ богатаго зятя; Петръ Иванычъ, этотъ Татаринъ, Скиѳъ, мѣшокъ, будетъ богаче васъ и, вмѣсто вашей дочери, какая-нибудь дрянь, дѣвчонка получитъ такое имѣніе... А? не могу подумать объ этомъ!..

Матвѣй Матвѣевичъ *(показываетъ сильное одушевленіе)*.—Нѣтъ, этому не бывать!

Евѳалія Ѳедоровна *(съ злобною ироніею)*.—Не бывать?

Матвѣй Матвѣевичъ.—Да-съ, не бывать, говорю я вамъ! не бывать, слышите?

Евѳалія Ѳедоровна. — Молчите, сдѣлайте милость; ваша горячность не выйдетъ за эти двери. Слушай, Настойкинъ: теперь, значитъ, остается послѣднее средство... Надобно Матвѣя Матвѣича въ будущіе выборы сдѣлать предводителемъ; тогда онъ, съ помощію Рыльскаго, можетъ объявить Анну Ивановну сумасшедшей и уничтожить ея завѣщаніе, какъ написанное не въ полномъ умѣ.

Настойкинъ.—Шнипертенъ!.. Вотъ такъ это по-нашему.

Евѳалія Ѳедоровна. — Дѣло теперь въ томъ, чтобъ выбрали Матвѣя Матвѣича. Видишь ли: у насъ есть племянникъ; онъ былъ здѣсь безъ насъ въ прошломъ году, малой умный, лихой; мы хотѣли его употребить здѣсь агентомъ. Матвѣй Матвѣичъ писалъ ему; но, до-сихъ-поръ, нѣтъ ни его самого, ни даже отвѣта... Мы и придумали взяться за тебя; ты продувная штука, можешь пособить намъ совѣтомъ и дѣломъ. Только Боже тебя сохрани, если

измѣнишь и выдашь насъ графу!.. Я знаю, ты въ большихъ съ нимъ ладахъ; но намъ ты обязанъ...

Вбѣжавшая въ чайную комнату молодая дѣвушка прервала этотъ разговоръ и помѣшала отвѣчать Макару Евстигнѣевичу, готовившемуся излиться въ увѣреніяхъ.

— Maman, закричала она, обращаясь къ Евѳаліи Ѳедоровнѣ: — колокольчикъ по дорогѣ отъ Ванеги.

— Колокольчикъ?

— Да, колокольчикъ... Вотъ, спросите Дарью Терентьевну...

Эти слова относились къ пожилой, низенькой, толстой женщинѣ въ огромномъ чепцѣ, въ накладныхъ букляхъ изъ сырцоваго шелка и въ ситцовомъ платьѣ съ высокою тальею. Держа въ рукахъ неизмѣримой величины ридикюль изъ зеленаго мериноса, эта почтенная дама гордою поступью входила въ комнату.

— Изъ Ванеги колокольчикъ, нисъ моя, сказала она, обращаясь къ Евѳаліи Ѳедоровнѣ.

— Кто жь бы это такой ночью?

— Кому, кромѣ Александра.

— Конечно, maman...

— Изъ Ванеги?

— Разумѣется.

— Какъ это кстати!

— Слышите, слышите?.. Отсюда ужь слышно.

— Да, да, въ-самомъ-дѣлѣ.

Звонъ ямскаго колокольчика составляетъ *происшествіе* въ деревенской жизни. Тутъ всякій новый предметъ, всякое новое ничтожнѣйшее событіе занимаютъ и обращаютъ на себя вниманіе, потому-что могутъ развлечь хоть на минуту.

—

Я уже сказалъ, для чего такъ хлопочетъ графъ Верейскій, грозный соперникъ грозной Евѳаліи Ѳедоровны. Мишурное властительство тѣшитъ его самолюбіе, и онъ съ самодовольствомъ твердитъ знаменитую фразу: «лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ Римѣ». Евѳалія Ѳедоровна такъ много читала о политическихъ партіяхъ Запада, управляемыхъ женщинами, что ей до смерти захотѣлось самой сдѣлаться центромъ подобной котеріи; но, на бѣду ея, миролюбивый и скромный Матвѣй Матвѣевичъ понять не можетъ наслажденія въ такой сварливой забавѣ. А въ ней самой сильно только желаніе. Ей нужно, чтобъ другой ктонибудь постарался его исполнить.

—

Легко догадаться, что герой мой не въ состояніи былъ отвѣчать заботливой предупредительности и нѣжному, родственному вниманію, съ которыми встрѣтили его дипломатическая тётушка, спѣсивый дядюшка и любезная кузина. Его отвѣты и вообще по-

веденіе въ этотъ замѣчательный вечеръ никакъ не оправдали ихъ блистательныхъ предубѣжденій и обширныхъ надеждъ. Александръ жаловался на усталость отъ дороги. Раньше обыкновеннаго сѣли ужинать и тотчасъ потомъ онъ раскланялся и ушелъ въ назначенную ему комнату...

III.

Дѣла начинаютъ принимать романическій характеръ.

На другой день, прежде, чѣмъ Александръ проснулся, къ Матвѣю Матвѣевичу пріѣхалъ Рыльскій. Немедленно былъ составленъ тайный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Евѳаліи Ѳедоровны, въ видахъ зрѣлаго обсужденія важнаго предмета — прибытія моего героя.

Поутру, въ Разгулинѣ, уже были извѣстны вчерашнія ванегскія событія. Съ телеграфическою быстротою изъ избъ эта новость перелетѣла въ переднюю, а оттуда достигла до всегда-отверстыхъ къ подобнымъ разсказамъ ушей деревенской аристократки, и, вслѣдствіе этого извѣстія, произведшаго многоразличное впечатлѣніе на членовъ тайнаго совѣта, послѣ продолжительныхъ преній было положено: изъ уваженія къ разстроенному состоянію духа моего героя, скрыть отъ него до времени настоящій предметъ его призванія и дать успокоиться, занявъ его процессомъ и устройствомъ по маленькому имѣнію его, которое служило, какъ вы помните, предлогомъ приглашенія въ письмѣ къ нему отъ Матвѣя Матвѣевича. Рыльскому былъ порученъ надъ нимъ неослабный надзоръ, такъ-какъ это имѣніе находилось въ 5 верстахъ отъ его усадьбы.

Александръ разсѣянно выслушалъ всѣ казусныя подробности этого чуждаго ему предмета и объявилъ, что онъ намѣренъ немедленно имъ заняться, руководствуясь въ точности полученными имъ совѣтами и наставленіями, для выполненія чего и обнаружилъ желаніе отправиться на мѣсто. Наслѣдникъ Анны Ивановны съ настойчивой вѣжливостью предложилъ ему свою коляску. Александръ согласился, и послѣ завтрака они уѣхали.

Во всякое другое время, видъ брошенной усадьбы, въ которой отецъ его провелъ почти все свое дѣтство, произвелъ бы на Александра живѣйшее впечатлѣніе; но теперь другія думы, другія воспоминанія поглощали всю его моральную дѣятельность.

Верстахъ въ трехъ, въ лѣвой рукѣ, подъ горою, открылось село Ванега, а тамъ, за нимъ, слишкомъ-знакомый садъ, изъ-за густой чащи котораго виднѣлась черная крыша господскаго дома... Полевая дорожка, развалившаяся стѣна и даже березы аллеи—все было видно, какъ на ладони, съ вершины холма, по которому пролегалъ путь его. Александръ не могъ подавить волненія, имъ

овладѣвшаго при видѣ этихъ мѣстъ, такъ живо напомнившихъ ему сцены, которымъ онѣ служили театромъ. Общество Рыльскаго стѣсняло его, и онъ велѣлъ остановить лошадей, сказавъ, что намѣренъ обойдти пѣшкомъ свою дачу. Къ-счастію, спутникъ его не любилъ подобнаго рода прогулокъ. Сдѣлавъ нѣсколько возраженій, которыя Александръ отклонилъ съ нетерпѣливою сухостью, Рыльскій, нѣсколько обидѣвшись рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ своего новаго пріятеля, счелъ за благо выпустить его изъ коляски, простился съ нимъ до скораго свиданія и продолжалъ свой путь, оглядываясь по-временамъ на моего героя, который, къ удивленію его, все оставался на одномъ мѣстѣ до-тѣхъ-поръ, покуда мѣстность дозволила видѣть его.

Болѣе часа продолжалось это безмолвное созерцаніе мѣстъ, милыхъ воспоминаніями; воображеніе молодаго человѣка живыми и пламенными чертами рисовало ему одну за другою картины минувшаго, всѣ эти сцены, полныя жизни и тѣхъ упоеній, сумму которыхъ мы называемъ счастіемъ. И много подобныхъ картинъ пронеслось въ живой панорамѣ воображенія, и съ каждою изъ нихъ сердце прощалось грызущимъ сознаніемъ «невозвратимо». Наконецъ, видѣнія кончились, за прощаньемъ минувшему явилась грустная мысль настоящаго и смутный вопросъ о грядущемъ...

—

Въ просторной и чистой людской избѣ, освѣщенной лучиной, вокругъ большаго стола помѣщалось семейство дворовыхъ, бывшее до-сихъ-поръ стражею стараго дома, въ которомъ поселился Александръ послѣ происшествій, разсказанныхъ мною.

Семейство это составляли: старикъ Мироничъ, находившійся нѣкогда въ большемъ почетѣ у отца Александра и поставленный имъ намѣстникомъ въ этой родовой резиденціи фамиліи Шершавиныхъ; Терентьевна, жена старика, сынъ, невѣстка и двое малютокъ, внучекъ Мироныча. Странная жизнь молодаго барина, прибывшаго къ нимъ такъ неожиданно и прожившаго двѣ недѣли совершеннымъ затворникомъ, составляла предметъ вечерней бесѣды, когда раздавшійся на дворѣ лай собакъ привлекъ вниманіе мирной семьи.

Терентьевна подняла раму одного изъ оконъ и взглянула на дворъ. При яркомъ свѣтѣ мѣсяца, она увидѣла высокую старуху въ лохмотьяхъ, которая длинною клюкою отбивалась отъ трехъ собакъ, нападавшихъ на нее середи двора съ страшнымъ ожесточеніемъ и съ пронзительнымъ лаемъ.

— Съ нами крестная сила! воскликнула, перекрестившись, Терентьевна:—вѣдь это Еремевна изволила къ намъ припожаловать... Какими судьбами?

— Что ты, матушка? спросилъ съ видимымъ страхомъ молодой парень, оглянувшись на своихъ собесѣдниковъ, на лицахъ кото-

рыхъ также изображался ужасъ; малютки прижались другъ къ другу, старикъ всталъ изъ-за стола.

— Поди, выйдь, Миронычъ, продолжала Терентьевна. Смотритка, какъ собаки-то взъѣлись. Онѣ изорвутъ вѣдь ее... (Миронычъ вышелъ.) Экое диво!.. зачѣмъ-то Богъ принесъ ее въ такую пору... Ужь не даромъ! Святъ-Богъ, не даромъ. Помяните, вотъ мое слово. Тсс.—Старуха, глядя въ окошко, подняла палецъ,—жестъ, требовавшій безмолвія.

Въ это время на дворѣ раздались крики Мироныча: «цыцъ, вы, окаянныя, цыть! Шарикъ, Жучка, Полканъ!» Старикъ топнулъ ногою: «эки клятыя!» Онъ кинулъ въ собакъ маленькой чуркой, и собаки съ визгомъ и лаемъ разбѣжались въ разныя стороны, не переставая тявкать изъ угловъ большаго двора.

— Богъ помочь, Миронычъ! послышался рѣзкій, дребезжащій голосъ старухи.

— Добро пожаловать, Еремевна. Какъ тебя Богъ милуетъ? отвѣчалъ старикъ, поворачиваясь, чтобъ идти въ избу.

— Нѣтъ, постой, старый хрѣнъ, продолжала посѣтительница:— скажи-тка мнѣ напередъ, дома ли баринъ?

— Баринъ? повторилъ съ изумленіемъ Миронычъ.

— Баринъ! воскликнулъ снова молодой парень. — Слышь ты, мама, она барина спрашиваетъ.

— Сохрани его заступница, мать пресвятая Богородица, подхватила молодая баба, поднявъ глаза на образъ. Терентьевна снова возвысила палецъ.

— Чево-й-то ты пасть-то разинулъ, старый? говорила Еремевна: — диво я, што-ли, какое сказала? Мнѣ недосугъ перебивать тутъ съ тобою; сказывай скорѣе, дома ли баринъ?

— У... се...бя, отвѣчалъ, запинаясь, Миронычъ.

— Ну, такъ я, стало, въ табель попала; веди меня къ его милости.

— Къ его милости... къ барину, то-ись...?

— Да, глухой тетеревъ, къ барину; аль и теперь не слышишь?

— Перекрестись, старуха! пошто это тебѣ въ такую пору идти къ его милости?..

На крыльцѣ господскаго дома показался каммердинеръ Александра. Старуха, плюнувъ подъ носъ Миронычу, скорыми шагами пустилась къ нему. Собаки, успокоившіяся-было немного, съ новымъ неистовымъ лаемъ помчались за нею.

— Что тебѣ нужно, старуха? спросилъ ее Осипъ.

— Нужно повидать его милость.

— Александра Андреича?

Старуха кивнула головою.

— На что тебѣ его? продолжалъ Осипъ, внимательно разсматривая отвратительное желтое лицо посѣтительницы и грязные лохмотья ея наряда, черезъ-чуръ легкаго для холодной осенней ночи...

— Не тебѣ, хаму, знать это дѣло! возразила, громко стукнувъ клюкою въ деревянную ступеньку крыльца, задорная старуха, которую остановки и вопросы начинали выводить изъ терпѣнія: — веди меня къ барину.

Осипъ, на котораго эти сердитыя восклицанія не произвели благопріятнаго дѣйствія, готовился-было выразить свой образъ мыслей весьма-очевиднымъ образомъ, какъ раздавшійся невдалекѣ голосъ помѣшалъ этому.

— Поди сюда, старуха, сказалъ Александръ, сидѣвшій у раствореннаго окна съ неосвѣщенной стороны дома. Еремевна тотчасъ исполнила его приказаніе.

— Что тебѣ надобно?

Старуха осторожно вынула изъ-за пазухи свернутый платокъ, грязнѣе и отвратительнѣе котораго не можетъ ничего представить воображеніе, тихо развернула его и, доставъ маленькую записочку, запечатанную облаткою, подала Александру.

— Это ко мнѣ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Вѣстимо къ тебѣ, коли тебѣ отдаю...

— Отъ кого?

— Прочти, такъ узнаешь.

Александръ закрылъ окно, зажегъ свѣчку, нетерпѣливо распечаталъ таинственную записку, на адресѣ которой ясно было написано его имя и прочелъ слѣдующее:

«Только надежда, что *вы не забыли прошедшаго*, возвратила ме-«ня къ жизни. Прошу васъ ради всего святаго, скажите мнѣ, «ошибаюсь я, или нѣтъ? Изъ состраданія, одно только слово.

В.»

Посланіе это было написано такимъ связнымъ, неправильнымъ почеркомъ, что едва можно было прочесть его. Въ концѣ находилось огромное черное пятно, прожженное на свѣчкѣ.

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Александра, когда онъ прочелъ эти строки, и долго, склонивъ голову, оставался онъ безмолвенъ и неподвиженъ.

Какъ раненный левъ, съ сверкающимъ взоромъ вскочилъ онъ потомъ и пустился ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ такою быстротою и такою тяжелою поступью, что въ ветхихъ рамахъ звенѣли стекла; минутъ черезъ пять онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему Осипу кликнуть старуху.

— Кто далъ тебѣ эту записку?

Отвратительная гримаса, выражавшая улыбку, исказила лицо ея при этомъ вопросѣ. Она замѣтила тревожное состояніе молодаго человѣка.

— А что дашь, коли скажу? спросила она, глядя на него пристально.

Александръ съ отвращеніемъ взглянулъ на это страшное существо, обезображенное старостью и нуждою, и, торопливо вынувъ

кошелекъ, досталъ цѣлковый и бросилъ его посланницѣ, которая, замѣтивъ движеніе руки его, успѣла подхватить монету въ полу своего платья. Мутные глаза засверкали при видѣ сокровища, равнаго которому, можетъ-быть, во всю жизнь она не видала въ рукахъ своихъ; блѣдныя, покрытыя пѣною губы ея дрожали нѣсколько времени прежде, нежели она могла говорить.

— Онѣ ждутъ тамъ, выговорила наконецъ старуха, кивнувъ головою: — ступай за мною.

И въ то время, какъ Александръ надѣвалъ свой теплый сюртукъ и вынималъ изъ ящика пистолеты, старуха поспѣшно завернула цѣлковый въ платокъ. Надѣвъ фуражку, молодой человѣкъ погасилъ свѣчу, заперъ кабинетъ и, приказавъ Осипу дожидаться его возвращенія, пустился въ путь за своею водительницею, которая, не смотря на свои 75 лѣтъ, не уступала въ ходьбѣ молодому человѣку.

— Господи, владыко небесный! воскликнула Терентьевна, находившаяся въ сторожевомъ положеніи у своего окна во все время послѣдней сцены.—Она видѣла и сообщила своимъ собесѣдникамъ, ка́къ Александръ зажегъ свѣчу въ своей комнатѣ, ка́къ Осипъ ввелъ къ нему старуху, ка́къ Александръ погасилъ огонь и ка́къ, наконецъ, показался онъ на крыльцѣ.

— Поглядите-тка, отцы мои родные, продолжала наблюдательница.—Вѣдь его милость идетъ куда-то за нею... за этою, прости ее, Господи... Ужь быть тутъ бѣдѣ... Ванюшка, родной мой, сударикъ! накинь шубёнку, да бѣги тихохо́нько за ними. Погляди, желанный мой, куда это ведетъ она барина... Экая простая душа! Экой сердечный!.. А тотъ старый разиня не скажетъ ему ни слова. Ахъ ты, Господи милостивый! Мать пресвятая Богородица! Смотри-тка: пошла со двора на лѣво; эвося, вонъ они перешли на ту сторону; глядь-ко, глядь, вышли на поле, къ рѣчкѣ... Вѣдь она его къ лѣсу ведетъ, вотъ-те Христосъ, къ лѣсу!.. Ванюша, бѣги, родимый, бѣги, батюшка!

— Ни-што! такъ и пошелъ я... гляди-ка!.. сунься сама въ эту пору... Голова одна, не бось, у меня, отвѣчалъ учтиво Ванюша, шевеля руками и ногами.

— И ты, матушка, выдумала посылать Ванюшу, прибавила невѣстка, сдѣлавъ рукою выразительный жестъ.—Изъ ума, никакъ, на старости выжила... Сиди, не бось, Ваня; не слушай ея.

— Да ужь, не бось, не послушаю, возразилъ Ваня: — нѣтъ, мама, не на того наѣхала... Слыхали-ста мы про Еремевну...

Терентьевна, какъ видно, колебалась между двумя чувствами одинаково-сильными — материнскою любовью къ милому Ванѣ и привязанностью къ своему молодому барину, доходившею почти до такой же степени нѣжности по причинамъ, восходящимъ до счастливыхъ дней ея первой молодости: покойникъ, отецъ Александра, былъ первымъ предметомъ любви ея. . .

Слабое сердце ея еще было занято борьбою двух привязанностей между Александром и сыном ея, Ванюшей, когда в избу явился старик Мироныч, видимо встревоженный и разстроенный.

— И ты, старый мѣшок, прости меня, Господи, не мог сказать ему ни словечка! воскликнула Терентьевна, обращаясь к своему озабоченному супругу.

— Молчи, жена! прервал он угрюмо, и, усѣвшись медленно за стол, закинув голову к верху, устремив в потолок глаза, как-бы отъискивая на закопченных и покрытых каплями бревнах таинственные знаки, могущіе рѣшить слово загадки; но взору его представились только три креста, нѣсколько черточек, да слова: «Овса 13 мер. Житаря 10 милюк.» на брусѣ, поддер«живавшем палати, начертанныя мѣлом, рядом с маленькою «записочкою, на которой чернилами было написано: «Христос с «нами устави вчера и днесь, той же и во вѣки», — слова, ничего нерѣшавшія.

Старик с недоумѣніем глядѣл на эту записку, спрашивая себя, каким образом этот талисман, который приклеивается в крещенскій сочельник над дверьми и окнами, мог попасть на перекладину, находящуюся посреди горницы?.. Он бы еще долго был погружен в свое глубокомысленное раздумье, предметом котораго собесѣдники его считали послѣднее событіе с молодым барином, если бы вопрос Ванюши не извлек его из этого созерцательнаго положенія.

— Мама, а мама! што, правда, аль нѣт, что колдунья-то ѣст ребятишек?..

— Что ты, Господь с тобою! Ваня. Откуда ты берешь такія вѣсти? сказала мать.

— Не-ужь-то, Ванюша, и вправду она ѣст их, вѣдьма проклятая?.. спросила с любопытством Марѳа, не обращая вниманія на возраженіе свекрови.

— Вѣстимо, что ѣст, яга она этакая.

— Кто тебѣ сказывал, Ваня?

— Тётка Матрёна. Поди-тка, послушай, что̀ тётка Матрёна-то бает; так ты, знашь... вот тово этак... и будет... А то, вишь ты, матка выдумала, поди-ста за нею... к нечистому в когти... Дурака нашла.

— Ой ты, Ванюша, ужь будет тебѣ!.. страсти такія!.. как у тебя язык-то ворочается!..

В то время, как робкіе крестьяне так занимались его судьбою, Александр, полный тревожных волненій, дрожа всѣми членами, шел за проворной старухой. Извилистая, узенькая тропинка, по которой пустились они вышедши из дома, вела через озимыя поля, покрытыя яркою зеленью, к довольно-высокому и густому кустарнику, растущему далеко за полями. Вошедь в него, они без затрудненія держались путеводной тропинки при яркой

свѣтѣ мѣсяца, проникавшемъ свободно черезъ обнаженныя вѣтви; и вотъ достигли они крутаго обрыва, поросшаго лѣсомъ огромныхъ и мрачныхъ елей и развѣсистыхъ сосенъ. Внизу, у подошвы, былъ слышенъ серебристый шумъ родника, который каскадомъ струился по камнямъ и пнямъ въ чистый и быстрый ручей, обвивавшій подошву обрыва, и тамъ, далеко, сливавшійся съ рѣкою. Мѣстами, сквозь чащу вѣтвей, виднѣлись живыя искры луннаго свѣта на бѣгущихъ струяхъ быстраго тока. Старуха и спутникъ ея углубились въ мрачную чащу и, спустившись съ крутизны обрыва, достигли плетня, окружавшаго уединенную лачужку. Въ плетнѣ былъ оставленъ проходъ, и герой мой, съ біющимся сердцемъ, вслѣдъ за своею вожатою, вошелъ на маленькій дворъ, наполненный тяжелыми испареніями. Свѣтъ огня, проходившій въ отверстіе, закрытое грязными осколками стеколъ и служившее окномъ этому мрачному жилищу, показывалъ, что внутри его находились живыя существа, и Александръ, опередивъ свою путеводительницу, быстро отворилъ шаткую дверь и, нагнувшись почти до земли, проникъ во внутренность логовища.

У него не было ни времени, ни расположенія разсматривать подробности этого замѣчательнаго убѣжища, сооруженнаго собственными руками его обитательницы и похожаго на хижину Робинзона Крузе на необитаемомъ островѣ Тихаго-Океана. Эта дикая юрта состояла изъ трехъ двойныхъ рядовъ жердей, прислоненныхъ къ каменистому скату обрыва, поставленныхъ вертикально и насыпанныхъ въ промежуткахъ землею, позёмомъ, мелкими камнями и глиною, крышей которымъ служилъ тоже рядъ жердей, покрытыхъ досками, гнилою соломою и засыпанныхъ слоемъ земли, поросшей высокимъ и частымъ репейникомъ; связки соломы окружали стѣны, изъ которыхъ передняя имѣла двѣ, а боковыя по полторы сажени длины. Описать предметы, наполнявшіе маленькій дворъ, я не берусь, изъ опасенія оскорбить разборчивый вкусъ вашъ этой картиною страшной, баснословной нищеты, съ ея невѣроятными подробностями. Не могу пропустить только одинъ замѣчательный фактъ: на вершинѣ плетня сидѣлъ черный воронъ, вѣрный и преданный другъ ужасной хозяйки.

Внутренность лачуги совершенно соотвѣтствовала наружности. Уродливая масса глины занимала мѣсто печи; полусгнившая доска, положенная на двухъ бревнахъ, служила софою, а старый разсохшійся боченокъ столомъ. Нѣсколько лоскутьевъ, обрывковъ одежды, осколки битой посуды и обломки разныхъ домашнихъ орудій, разбросанныхъ по сырой землѣ, служившей паркетомъ, дополняли мёблировку этой грязной, закопченной и полуразрушившейся хижины. А сколько трудовъ стóила она дряхлой семидесяти-пятилѣтней строительницѣ!!...

При свѣтѣ горящей лучины, воткнутой въ печь, Александръ увидѣлъ возлѣ этого свѣточа группу трехъ ребятишекъ, обвѣшенныхъ лохмотьями и покрытыхъ въ полномъ значеніи слова гря-

залю и копотью; старшему изъ нихъ было едва-ли лѣтъ семь; невмовѣрно-огромный черный котъ спокойно дремалъ на боченкѣ, представляя собою фигуру таинственнаго божества мрачной пещеры; а сзади, на длинной доскѣ, у стѣны, въ тѣни, рисовались невѣрными очерками двѣ женскія фигуры.

Александръ съ перваго взгляда узналъ старую няньку Андреевну и Липочку.

Сдѣлавъ это открытіе, онъ остановился въ дверяхъ съ изумленнымъ видомъ человѣка, замѣтившаго послѣ долгаго странствованія, что онъ сбился съ дороги.

— Наконецъ-то! воскликнула Липочка, вскочивъ съ своего мѣста съ шумнымъ восторгомъ.—Вы пришли. О, какъ я счастлива!..

Александръ, не нашедъ Вѣры, съ которою думалъ встрѣтиться, былъ почти готовъ снова впасть въ свои мрачныя подозрѣнія; но видъ Липочки, этого наивнаго и веселаго созданія, напоминавшаго ему много смѣющихся сценъ счастливаго прошедшаго, и ея живой, непритворный восторгъ разгладили его морщины.

Въ порывѣ радости, Липочка, счастливая успѣхомъ своей экспедиціи, схватила за руку молодаго человѣка и съ необыкновенною быстротою увлекла его изъ лачужки за плетень, окружавшій дворъ, до самой подошвы обрыва къ ручью, черезъ который въ этомъ мѣстѣ переквнутъ былъ обломокъ березы. Освободивъ его руку, Липочка, легкая какъ серна, перебѣжала по зыбкому мосту на другой берегъ ручья, дождалась тамъ Александра, снова завладѣла его рукою и пустилась съ нимъ въ путь. Тропинка, по которой они шли усиленнымъ шагомъ, скоро привела ихъ къ небольшому пруду, гдѣ нѣкогда плавала уточка — любимица Вѣры. Подруги часто посѣщали это уединенное мѣсто, и потому на берегу пруда, подъ сѣнью вѣковаго живописнаго дуба, стояла деревянная скамейка, на которую кинулась усталая, запыхавшаяся Липочка, пригласивъ сдѣлать то же своего спутника.

— Ахъ, Александръ Андреичъ! сказала она, глядя на него съ выраженіемъ нѣжности, восторга и признательности:— вы воскресили мою бѣдную Вѣрочку... О, если бы вы знали, ка́къ страдала она, бѣдная, отъ вашего долгаго отсутствія, отъ мысли, что вы забыли ее — вы никогда, никогда, ни за что бы въ свѣтѣ не сдѣлали этого...

— Но я получилъ письмо...

— Не говорите объ этомъ письмѣ... Она никогда не писала его... Теперь мы все поняли. И ка́къ вы могли подумать, повѣрить, чтобъ Вѣрочка, которая любитъ васъ болѣе жизни, болѣе всего на свѣтѣ... Ахъ, Александръ Андреичъ, вы не знали, не могли знать, что̀ она вынесла; но не-уже-ли же вы ничего, ничего не чувствовали?.. А она всегда говорила намъ когда вы скучали, когда вы грустили; она всегда знала, были ли вы веселы или печальны...

— Одно слово. Кто написалъ это письмо?

Голосъ, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, заставилъ вздрогнуть дѣвочку. Она взглянула въ лицо Александру, и блѣдность его, имѣвшая при свѣтѣ мѣсяца дикій и свирѣпый характеръ, испугала Липочку: черты лица его были искажены, глаза сверкали.

— Кто написалъ это письмо? повторилъ Александръ.

— Вы все, все узнаете... отъ Вѣрочки.

— Отъ Вѣры?

— Да́, отъ нея; за этимъ я прислана къ вамъ; слушайте хорошенько и упомните мои слова. Я не могу быть съ вами долго. Няня подходитъ; а тамъ, вдали, какой-то верховой, видите, ѣдетъ въ эту сторону... Вѣра Николавна послала меня, чтобъ сказать вамъ, что вы можете видѣть ее въ *воскресенье*, слышите же, помните, что̀ я буду говорить вамъ: *въ воскресенье, въ городѣ, у нашей лекарки...* вы ее знаете? Ничего не сто̀итъ познакомиться съ нею... Не забудьте только: *лекарка, жена Настойкина.* Вы тамъ будете?

— Буду.

— Непремѣнно, въ это воскресенье, часа въ два послѣ обѣда?

— Непремѣнно.

— Будьте же, Александръ Андреичъ, всю жизнь такъ счастливы, какъ будетъ сейчасъ счастлива Вѣра, когда я принесу ей это извѣстіе... Что̀ еще сказать ей объ васъ? Вотъ Андревна... Пора назадъ. Посмотрите, этотъ верховой ѣдетъ прямо сюда. Говорите жь скорѣе, что̀ поручите вы Вѣрочкѣ?

— Что̀ мнѣ сказать ей? Жизни мало, чтобъ заплатить за это прошедшее, которое пережила она и которое я теперь только понялъ... Скажите ей, что оно будетъ заплачено. Клянусь (Александръ поднялъ руку къ небу), клянусь Богомъ, который слышитъ меня въ эту минуту, что это прошедшее будетъ заплачено... Вотъ что скажите ей отъ меня.

Въ клятвѣ Александра выражалась такая ярость, такая сосредоточенная, удушающая злоба и вмѣстѣ такая глубокая тоска, что Липочка, вновь испуганная его выраженіями, спѣшила удалиться, простившись съ нимъ поклономъ.

Александръ также повернулся и поспѣшно удалился по той же дорогѣ, по которой пришелъ. Кровь его кипѣла въ жилахъ; замыслы мщенія волновали его. Достигнувъ вершины обрыва мимо избушки колдуньи, откуда воронъ провожалъ его глухимъ карканьемъ черезъ темную чащу сосноваго лѣса, Александръ остановился, чтобъ перевести дыханіе. Онъ взбѣжалъ на крутизну съ такою быстротою, что ноги его тряслись отъ этихъ усилій, и онъ едва не упалъ на вершинѣ обрыва. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, вѣтви двухъ громадныхъ елей, нагнувшихся въ разныя стороны, составляли какъ-бы раму чудесной картинѣ, которая разстилалась, освѣщенная мѣсяцемъ, передъ глазами въ этомъ довольно-обширномъ промежуткѣ. На первомъ планѣ, золотистые

брызги луннаго свѣта сверкали на зеркалѣ пруда, откуда сейчасъ ушелъ Александръ; бѣлая лента тропинки вилась отъ него далеко-далеко полями, и темная масса знакомаго сада виднѣлась въ концѣ этой ленты. На половинѣ дорожки герой мой ясно увидѣлъ двѣ знакомыя тѣни; шагахъ во стѣ слѣва, наперерывъ къ нимъ, летѣлъ всадникъ, котораго Александръ замѣтилъ еще бывъ у пруда. Это странное явленіе встревожило его. Усадьба была не очень-далеко; но все-таки Липочка и ея спутница не могли достигнуть ея прежде ночнаго странника, который, какъ видно, рѣшился переѣхать имъ путь, потому-что вороной конь, явственно видный на выжатыхъ желтыхъ полосахъ яроваго хлѣба, мчался какъ молнія. Александръ быстро обдумалъ вѣроятности послѣдствій подобной встрѣчи и, разсчитавъ, что голосъ двухъ женщинъ могъ быть услышанъ изъ усадьбы, рѣшился ожидать развязки, съ твердымъ намѣреніемъ тотчасъ поспѣшить на помощь при видѣ опасности. Окрестности были облиты такимъ яркимъ свѣтомъ, что герой мой ясно видѣлъ всю группу.

Всадникъ, настигши наконецъ путешественницъ, осадилъ свою лошадь, однимъ прыжкомъ соскочилъ на земь и подошелъ къ нимъ. Лошадь его, получивъ свободу, пустилась описывать по полямъ широкіе круги, каждый разъ возвращаясь къ своему господину, который, какъ видно было, не обращалъ никакого вниманія на ея проказы. Группа спокойно подвигалась впередъ. Вдругъ вѣтерокъ, пахнувшій съ долины, принесъ слабый крикъ, и Александръ, имѣвшій столько же тонкій слухъ, какъ и зрѣніе, по звонкому морозному воздуху узналъ, или думалъ узнать голосъ Липочки.

Спуститься съ обрыва и перебѣжать черезъ ручей для него было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и вотъ, достигнувъ противоположнаго берега ручья, онъ пустился впередъ изо всей силы, осмотрѣвъ на бѣгу пистоны своихъ пистолетовъ.

Но, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, онъ началъ уменьшать скорость бѣга. Совершенная тишина, царствовавшая кругомъ, показалась ему странною,— и вотъ, видитъ онъ, ночной путешественникъ садится на лошадь, съ минуту остается неподвижнымъ и потомъ мчится къ нему съ той же быстротою, съ какою онъ догонялъ моихъ путешественницъ.

Александръ остановился и съ пистолетомъ въ рукахъ ожидалъ его...

Я долженъ разсказать теперь, что̀ происходило за минуту предъ тѣмъ между тремя дѣйствующими лицами сцены, которой онъ былъ зрителемъ. Двѣ посланницы, простившись съ Александромъ, замѣтили, что незнакомый всадникъ направилъ къ нимъ путь свой, и это открытіе заставило ихъ ускорить шаги; но до усадьбы еще оставалось около двухъ верстъ, а разстояніе, которое отдѣляло ихъ отъ всадника, было вдвое менѣе, такъ-что имъ не оставалось никакой возможности избѣгнуть встрѣчи. Черезъ нѣсколько минутъ, вороной конь, летѣвшій во весь опоръ, фыркая

остановился передъ ними, и молодой человѣкъ, осадивъ бѣгуна своего, нагнулся, чтобъ разсмотрѣть лица путешественницъ.

— Какъ! это вы, Олимпіада... (Молодой человѣкъ остановился, какъ видно, затрудняясь выговорить отчество молодой дѣвочки; наконецъ, онъ на удачу прибавилъ) Николавна?

Липочка, услыхавъ знакомый голосъ, подняла глаза и узнала Владиміра Сергѣевича, который, при лунномъ свѣтѣ, разъѣзжалъ по окрестностямъ и, увидѣвъ издали двухъ путешественницъ, ожидалъ романической встрѣчи съ какими-нибудь красавицами, обитающими въ дѣвичьей сельца Ванеги. Узнавъ подругу Вѣры, вѣжливый молодой человѣкъ счелъ своею обязанностью проводить ее до дому. Завязавъ поводья на луку сѣдла, онъ ловко спрыгнулъ съ лошади, которая, какъ вамъ извѣстно, отправилась дѣлать на свободѣ свои веселыя эволюціи.

— И вы не боитесь въ такую позднюю пору пускаться въ такія дальнія странствованія? спросилъ Владиміръ съ вѣжливою любезностью свою молоденькую спутницу.

— Чего же бояться, Владиміръ Сергѣичъ? Со мною, какъ вы видите, няня.

— Но развѣ вы не слыхали, что здѣсь въ окрестностяхъ нынѣшнюю осень шатается бездна волковъ и бѣглыхъ?

— Богъ хранитъ сиротъ, Владиміръ Сергѣичъ, возразила Липочка, сердце которой было полно счастливою новостью:—и притомъ никогда ничего не надо бояться, если дѣлаешь доброе дѣло.

Этотъ наивный отвѣтъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на Владиміра. Разспросивъ о здоровьѣ всѣхъ обитателей сельца Ванеги и получивъ удовлетворительные отвѣты, онъ продолжалъ:

— На вашемъ лицѣ и во всѣхъ словахъ вашихъ выражается такое удовольствіе, такое счастіе, что мнѣ бы хотѣлось занять у васъ частичку; бьюсь объ закладъ, что причина этой очевидной радости касается до Вѣры Николавны. Я слышалъ, что вы ее любите больше всего на свѣтѣ.

— Вы угадали, Владиміръ Сергѣичъ. Бѣдная Вѣрочка такъ давно не знала веселыхъ минутъ, что я едва владѣю собою при мысли о счастіи, которое несу ей. Я бы хотѣла имѣть крылья, чтобъ быть возлѣ нея сію же минуту... О, вы не можете представить себѣ, какое наслажденіе принести утѣшеніе тому, кого любишь!

— У васъ чудесное сердце! возразилъ Владиміръ, глядя съ нѣжностью на свою спутницу, которая въ радостномъ упоеніи готова была сдѣлать цѣлый свѣтъ повѣреннымъ чувствъ своихъ. — Счастливъ тотъ, кто имѣетъ васъ своимъ другомъ!

— У меня не много друзей, Владиміръ Сергѣичъ... или, лучше сказать, у меня нѣтъ ихъ вовсе. Кому можетъ быть нужна дружба бѣдной сироты? Вся любовь моя принадлежитъ одной Вѣрочкѣ, и это такъ удобно, когда не надобно дѣлить сердца... подобный раздѣлъ вѣрно очень-затруднителенъ...

Въ это время, рѣзвый конь Владиміра, сдѣлавшій уже нѣсколько круговъ и безчисленное количество прыжковъ, лансадъ и пируэтовъ, вздумалъ изумить пріятною нечаянностью своего господина, который, какъ видно, очень любилъ продѣлки подобнаго рода. Съ быстротою молніи онъ пролетѣлъ нѣсколько сотъ шаговъ впередъ по тропинкѣ и вдругъ, обернувшись, понесся прямо на нихъ, примчался къ Владиміру и, со всего разбѣгу остановившись какъ вкопанный передъ самымъ носомъ молодаго человѣка, тихонько схватилъ его за плечо зубами. Липочка не могла удержать невольнаго крика при этой проказѣ. Старая няня едва не упала со страха. И этотъ-то крикъ возбудилъ опасенія моего героя, какъ вы уже знаете.

Владиміръ съ гордымъ и довольнымъ видомъ погладилъ блестящую шею проказника и, обратившись къ Липочкѣ, пустился въ исчисленіе чудесныхъ качествъ стройнаго и благороднаго животнаго, которое, по его отзыву, обладало необыкновенною понятливостью, дивными инстинктами и безпредѣльною привязанностью къ своему господину. Разсказъ продолжался довольно-долго. Липочка слушала его съ большимъ участіемъ. Между ними, очевидно, водворилась взаимная симпатія...

— Вашъ шалунъ... какъ зовутъ его?

— *Добрый*.

— Вашъ *Добрый* напоминаетъ мнѣ любимую лошадь Александра Андреича, о которой онъ намъ такъ много разсказывалъ.

— Александръ Андреичъ, какъ я замѣчаю, имѣетъ также нѣкоторую частичку вашей привязанности?

— Да, я очень люблю его.

— Больше Петра Иваныча? спросилъ Владиміръ съ улыбкою. Липочка ничего не отвѣчала, она сдѣлала гримасу, которая лучше словъ выражала ея мнѣніе. Владиміръ расхохотался при видѣ этого безмолвнаго и краснорѣчиваго отвѣта.

— Знаете ли, продолжалъ онъ, принявъ важный и значительный видъ: — я вамъ скажу вещь, которая навѣрно немного удивитъ васъ. Я раздѣляю вполнѣ ваши привязанности и къ вашей подругѣ и къ этому молодому человѣку; я дорого бы далъ, чтобъ сдѣлать для нихъ обоихъ что-нибудь полезное, загладить прошедшее... я много виноватъ предъ ними... Скажите это Вѣрѣ Николавнѣ; скажите ей, что если когда-нибудь въ чемъ-нибудь ей можетъ быть нужна моя помощь, мое содѣйствіе, ей стоитъ только сказать одно слово, и она найдетъ во мнѣ друга, искренно ей преданнаго. (Липочка открыла свои большіе глаза и съ изумленіемъ устремила ихъ на Владиміра.) Я говорилъ, что удивлю васъ, продолжалъ онъ: — но нужды нѣтъ; вы мнѣ вѣрите? (Липочка молчала.) Вы сомнѣваетесь? Я понимаю это. Можетъ-быть, вы слышали, что я былъ участникомъ въ нѣкоторыхъ замыслахъ противъ вашей подруги; но не задолго до отъѣзда съ дядюшкою за границу, встрѣтился я съ Александромъ въ тотъ самый ве-

поръ, какъ онъ уѣхалъ отсюда, и Александръ умѣлъ заслужить мое уваженіе, мою искреннюю, глубокую привязанность... Людей, подобныхъ ему, такъ рѣдко можно встрѣтить! Теперь, слыша васъ, я получилъ новое понятіе о Вѣрѣ Николавнѣ... я былъ въ заблужденіи... Чтобы владѣть всею любовью двухъ такихъ благородныхъ сердецъ, какъ ваше и александрово, Вѣра Николавна должна имѣть много правъ, и съ этой минуты я рѣшаюсь показать, что умѣю цѣнить ее; скажите ей это... Я буду съ вами откровененъ; я знаю, ваша подруга находится теперь въ такомъ положеніи, что искренняя, на все готовая преданность можетъ быть ей полезна. Я до-сихъ-поръ не могъ видѣть Александра, хотя и былъ у него три раза. Чудакъ заперся и никого не принимаетъ; но я сейчасъ напишу къ нему и надѣюсь добиться желаемаго свиданія...

При этихъ послѣднихъ словахъ, Липочка инстинктивно оглянулась назадъ къ тому мѣсту, гдѣ она недавно оставила того, о комъ шла теперь рѣчь, и на тропинкѣ, съ полверсты назади, увидѣла Александра. Это неожиданное явленіе поразило ее.

— Вонъ онъ, вонъ онъ! воскликнула Липочка, указывая пальцемъ на темную фигуру, которая слабо виднѣлась въ отдаленіи.

— Кто онъ?

— Александръ Андреичъ.

— Можетъ ли быть?

— Клянусь вамъ.

— О, если это правда, если это онъ, то прощайте... Эй, Добрый, сюда! крикнулъ Владиміръ, свиснувъ громко.

— Ты, батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, смотри же, никому не разсказывай, что ты насъ здѣсь встрѣтилъ, сказала Андреевна, слышавшая весь пересказанный разговоръ и заключившая очень-основательно, что она можетъ считать Владиміра въ числѣ друзей:— ты знаешь, какіе у насъ въ уѣздѣ есть языки, прости Господи согрѣшеніе; наплетутъ и нé вѣсть что на насъ!

— Не бойся, старушка, отвѣчалъ Владиміръ: — увѣрься сама и увѣрь свою барышню, что я скорѣе соглашусь умереть сто разъ, чѣмъ сдѣлать ей хотя малѣйшую непріятность.

— Награди васъ Богъ, сказала Липочка со слезами.—Мы такъ не привыкли имѣть друзей, что я не умѣю вамъ выразить своей признательности; но вы вѣрно понимаете ее. Владиміръ взялъ и поцаловалъ руку дѣвочки; она пожала съ чувствомъ его руку.

«Добрый» явился на зовъ своего господина. Владиміръ проворно вскочилъ въ сѣдло и, поклонившись Липочкѣ, понесся на встрѣчу Александра.

— Наконецъ-то я поймалъ васъ, воскликнулъ онъ, поровнявшись съ моимъ героемъ.

— А, это вы, Владиміръ Сергѣичъ! я слышалъ крикъ... скажите мнѣ, ничего не случилось?

— Совершенно ничего: это мой «Добрый» испугалъ ихъ. Но чтó съ вами сдѣлалось? вы живете совершеннымъ отшельникомъ; три раза я былъ въ Привѣтинѣ, и всѣ три раза мнѣ отказали.

— Вѣроятно, меня не было дома... я почти всегда въ полѣ...

— Это не только не вѣроятно, но и совершенно неправда; я получилъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія, что вы цѣлые дни сидите заперщись въ своемъ кабинетѣ и только ночью дѣлаете небольшія прогулки. Сердитесь, сколько хотите, на эту неделикатность съ моей стороны; но я говорю вамъ положительно, что рѣшился во чтó бы ни стало пріобрѣсти вашу дружбу, потому-что, видите, чувствую, что только этимъ путемъ могу сдѣлать что-нибудь порядочное. Я умираю въ этой ужасной жизни, на которую осудила меня здѣсь судьба. Я попалъ въ такой омутъ, запутанъ въ такія глупыя, пустыя, дрянныя интриги, что мнѣ стыдно. Волею или неволею, вы должны выслушать мою исповѣдь. Несчастное стеченіе обстоятельствъ и болѣзнь закрыли для меня всякую возможность къ общественной дѣятельности... Я осужденъ провести здѣсь нѣсколько лѣтъ. И какую перспективу готовятъ мнѣ эти нестерпимо-длинные годы?.. Чтó я могу, чтó я долженъ дѣлать здѣсь? Видѣть безпрестанно кругомъ себя толпу куколъ; невольно присутствовать на безконечныхъ попойкахъ, за безконечнымъ преферансомъ, проживать рядъ именинъ, рожденій, вечеровъ, одинъ глупѣе другаго, участвовать въ этихъ пустыхъ совѣщаніяхъ о вещахъ пустѣйшихъ, ничтожныхъ, лишенныхъ всякаго интереса...

Разгоряченный философъ въ порывѣ своего пламеннаго негодованія сдѣлалъ выразительный жестъ рукою, державшею поводья. «Добрый», подобно Александру оглушенный грозною филиппикой, нисколько не былъ приготовленъ къ новому впечатлѣнію, произведенному на него мундштукомъ, дернутымъ съ неумѣренною силою. Какъ изступленный взвился онъ на дыбы и прежде, чѣмъ Александръ успѣлъ мигнуть, и конь и всадникъ лежали у ногъ его въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Но, мизантропъ еще огромнѣйшаго размѣра, Александръ не раздѣлялъ негодованія.

Правда, его сердце, вытерпѣвшее многолѣтній процессъ треволненій отъ причинъ, такъ сильно кипятившихъ кровь Владиміра Сергѣевича и охладѣвшее, наконецъ, въ силу привычки, не раздѣляло пылкости грустныхъ и энергическихъ жалобъ, но со всѣмъ тѣмъ онъ ихъ слушалъ съ видимымъ сочувствіемъ, и немедленно спѣшилъ протянуть руку помощи несчастному оратору, такъ жестоко прерванному. Можетъ-быть, тайное чувство самолюбія было главною причиною этого сочувствія; потому-что онъ очень-хорошо понялъ изъ предисловія, что эти громовые возгласы кончатся признаніемъ его, Александра, исключительнымъ существомъ. Чтó прикажете дѣлать? Таковъ человѣкъ! Онъ и не ошибся. Оправившись отъ своего паденія, Владиміръ объявилъ моему герою, что посредствомъ этого разлива желчи, который,

по счастію, внезапно утихъ отъ неожиданнаго потрясенія, онъ, Владиміръ, хотѣлъ именно дать почувствовать Александру, какимъ благополучіемъ считаетъ онъ для себя встрѣчу съ нимъ. При этомъ онъ объявилъ ему свое твердое и непоколебимое намѣреніе быть полезнымъ во что бы то ни стало какъ ему, такъ и другому существу другаго пола, о которомъ онъ также получилъ непоколебимое убѣжденіе въ его *исключительности* и неимѣніи ничего общаго съ толпою.

И хотя Александръ, испытанный горькимъ опытомъ, зналъ настоящую цѣну этихъ возгласовъ, хотя онъ находилъ въ поведеніи Владиміра, относительно себя и въ его претензіяхъ, то же вѣтренное легкомысліе, ту же безсознательную увлекательность, на которыя такъ горько жаловался Владиміръ, но онъ думалъ видѣть въ немъ доброту, искренность и чувствительность именно въ неопредѣленной степени. Въ-слѣдствіе чего онъ почувствовалъ влеченіе къ пламенному молодому человѣку и рѣшился принять дружбу, подносимую ему такъ чистосердечно и просто, тѣмъ болѣе, что она какъ-разъ была ему кстати: на первый случай, Владиміръ могъ служить проводникомъ къ *мадамъ* Настойкиной.

Можетъ-быть, это эгоистическое побужденіе моего героя покажется вамъ слишкомъ-черствымъ, то, не желая произвести незаслуженнаго предубѣжденія противъ его чувствительности, я спѣшу напомнить, что душа его въ эти минуты была такъ переполнена тягостною борьбою противоположныхъ и слишкомъ-сильныхъ ощущеній, что не могла раствориться для болѣе-нѣжнаго расположенія къ доброму и пылкому молодому человѣку.

Завлеченный въ самый откровенный разговоръ, изъ котораго Александръ узналъ много подробностей о намѣреніяхъ графа (котораго Владиміръ, однакожь, всячески избѣгалъ называть), новые друзья достигли ручья, протекавшаго у подошвы обрыва. Дальнѣйшее слѣдованіе оказалось рѣшительно-невозможнымъ для Добраго, и, къ крайнему прискорбію Владиміра, совершенно-очарованнаго Александромъ, имъ надобно было разстаться...

— Отъ-чего вы не служите? Вашъ умъ, познанія, таланты приготовили бы вамъ высокую судьбу. — Это былъ послѣдній вопросъ молодаго энтузіаста.

— Я служилъ, отвѣчалъ Александръ съ грустною улыбкою.

— Но вы немного служили.

— Довольно, чтобъ узнать, что *ваши* западныя понятія объ этомъ предметѣ не что иное, какъ золотые, несбыточные сны.

Владиміръ кивнулъ головою, какъ-бы говоря, что онъ понимаетъ фантастическую идеальность своего вопроса.

— Но отъ-чего вы не изберете себѣ какой-нибудь карьеры... какаго-нибудь широкаго общественнаго пути, какой-нибудь высокой цѣли, достойной ума и души вашей?.. Я убѣжденъ всею силою разсудка, что вы созданы для блестящей, возвышенной роли. Жизнь, которую вы ведете, не достойна васъ.

Александръ поглядѣлъ на него съ новою грустною улыбкою.

— Милый другъ, сказалъ онъ: — я былъ возлѣ этихъ высокихъ цѣлей, на этомъ широкомъ пути общественнаго служенія... я видѣлъ колеса машины, всю сложность и внутренность механизма... мы съ вами не созданы для этихъ блестящихъ, возвышенныхъ ролей. Я думаю, что и мнѣ и вамъ, съ нашей душею и сердцемъ *тамъ* нѣчего дѣлать; что самая достойная, самая приличная, самая благородная роль, это роль добраго семьянина и отца своихъ подчиненныхъ. Въ этой сферѣ, мы можемъ найдти истинно-человѣческіе интересы, можемъ осуществить прекраснѣйшія предначертанія: однимъ словомъ, можемъ дѣйствовать всѣми способностями ума, души и сердца для достиженія благодѣтельныхъ цѣлей... Прощайте... Я увлекся въ проповѣдь. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ, на досугѣ.

Пожавъ руку одинъ другому съ взаимнымъ сочувствіемъ, молодые люди разстались, условясь напередъ, чтобъ Владиміръ заѣхалъ въ воскресенье, часовъ въ 10 утра, за своимъ новымъ другомъ.

IV.

Комедія начинаетъ превращаться въ трагедію.

— Наконецъ-то!.. говорилъ со всѣми знаками полнаго удовольствія Настойкинъ, складывая и раскладывая, и опять складывая и опять развертывая маленькую записочку, которую онъ сейчасъ только прочелъ съ сверкающими отъ радости глазами. — Наконецъ-то мы дожили до этого казуса... и въ-отношеніи разныхъ обстоятельствъ.... ха! ха! ха!... На ловца и звѣрь бѣжитъ.... А, жена?...

— Чему ты радуешься, пустой барабанъ? возразила нѣжная половина бывшаго секретаря уѣзднаго суда. — Журавли еще въ небѣ, а ты ужь перья продалъ!.. Жестъ, выражавшій пренебреженіе, и маленькій носовой звукъ, нѣсколько похожій на мычаніе, дополнили мысль, высказанную фигурною фразою. — Надобно обдумать, да еще и очень обдумать это дѣло... Вѣдь оно знаешь чѣмъ пахнетъ... Попадешься, пожалуй, какъ куръ во щи!

— Что это съ тобою сдѣлалось, матушка? возразилъ супругъ, очевидно удивленный: — чѣмъ для тебя запахло вдругъ это дѣло? ха, ха, ха!

— Отъ-того, что ты глупъ, такъ ты и удивляешься. Что съ тобою толковать! Тебѣ еще, знать, не надоѣли уголовныя дѣла...

— Ха, ха, ха!.. уголовныя дѣла!.. экъ ты куда хватила, матушка, уголовныя дѣла! Какъ тебѣ этакія диковинки въ голову лѣзутъ?

— Да вѣдь не виновата же *я*, что у меня нѣтъ такой пустой безмозглой головы, какою тебя наградилъ Господь; не виновата я, что, не бывъ еще ни разу, какъ ты, подъ судомъ, я лучше тебя понимаю эти вещи... Вѣдь это, сударь, *насиліе* — поймите! и въ нашемъ домѣ... поймите... съ нашего вѣдома и согласія... Старикъ-то, не боєь, шутить станетъ.

— Полно, жена! прервалъ съ важностію экс-секретарь: — перестань. Ты, я вижу, пустая баба и больше ничего... Ты нагородишь сама на себя то, чтò по неволѣ запахнетъ уголовнымъ... Баба, такъ баба и есть... А вѣдь въ-отношеніи другихъ разныхъ обстоятельствъ, кажись бы, и не промахъ... да чтò прикажете дѣлать? Такъ ужь Богъ создалъ бабою.

— Ну, ужь ты!.. молчалъ бы зналъ.

— Слушай, баба... держи впередъ языкъ короче, да изъ головы дурь-то выкинь. Какое тебѣ пригрезилось насиліе съ нашего вѣдома и согласія? чтó ты городишь такое?.. Дѣло все вотъ какъ будетъ... Ты напоишь *ее* чаемъ... не твое дѣло, если она захочетъ отдохнуть немного послѣ дороги—барышня слабая, больная... ну, чтò жь тутъ за диво будетъ, если вздремлетъ она въ твоей спальнѣ? Не сидѣть же тебѣ возлѣ... безпокоить барышню. Въ-отношеніи всѣхъ обстоятельствъ, ты должна будешь уйдти, а тамъ, безъ тебя, если кто влѣзетъ въ окно, въ спальню, такъ какимъ чортомъ знать тебѣ это? Окно на аршинъ отъ земли... садъ густой... желаю знать, кàкъ тутъ приплесть насъ въ обвиненіе... Даже *ему*-то доказать будетъ нéчѣмъ... я говорю съ нимъ всегда безъ свидѣтелей... Да и кто же пойдетъ въ процессъ изъ такого дѣла? Шнипертенъ!.. баста!.. концы въ воду!.. Вотъ дѣло какъ будетъ, безмозглая баба!...

— Будетъ оно такъ... Увидишь ты, чѣмъ оно кончится.

— Ха, ха, ха, чѣмъ это кончится!.. чѣмъ это кончится, моя душечка? да тѣмъ же, чѣмъ у васъ кончилось съ его сіятельствомъ... давно, помнишь, когда тебѣ было пятнадцать лѣтъ, въ саду, въ бесѣдкѣ... Настойкинъ потиралъ руки съ какимъ-то злобно-насмѣшливымъ видомъ. Супруга его опустила глаза и нашла приличнымъ покраснѣть при этомъ напоминаніи...

— Всѣ вы таковы, мужчины! чудовищи, просто! обманете насъ, легковѣрныхъ женщинъ, да послѣ сами же смѣетесь надъ нами! сказала она голосомъ, которому придана была высочайшая степень трогательной грусти.

— Перебивать изъ пустаго въ порожнее нéчего! возразилъ мужъ:—чудовище! давай-ка мнѣ закусить чего нибудь; да надобно къ графу... Еще кàкъ онъ пріійметъ это извѣстіе, Богъ его знаетъ! Можетъ-быть, и раздумалъ.

Супруга р—скаго Фушé кликнула работницу и съ ея помощію приготовила завтракъ своему дипломату-супругу. Въ то время, какъ супругъ поспѣшно занимался уничтоженіемъ студня съ хрѣ-

номъ, трусливая половина его бормотала что-то о совѣсти, о последнемъ судѣ, какъ-будто стараясь припомнить урокъ на иностранномъ языкѣ, который она нѣкогда, много лѣтъ тому назадъ, въ дѣтствѣ еще, учила, не понимая изъ него ни одного слова. Мужъ поглядывалъ на нее по-временамъ искоса, слыша эти слова, неимѣвшія для него никакого смысла. Не возражая ни слова, окончилъ онъ завтракъ, запилъ его кружкою домашняго пива, обтеръ лицо угломъ толстой скатерти и всталъ.

— Нутка, прочесть еще эпистолу! сказалъ онъ, вынимая изъ кармана и развертывая записку.

«Милая Любовь Никитишна, я рѣшаюсь наконецъ попробовать «твой способъ леченья. Несносная болѣзнь такъ надоѣла мнѣ. «Надѣюсь, что ты не откажешь подарить меня нѣсколькими ча«сами. Въ воскресенье, въ два часа, я буду у васъ.

«Вѣра Бармотышина.»

— Гм! *ты! твой! Вѣра Бармотышина!* повторилъ Настойкинъ и даже не «готовая къ услугамъ»!.. надменная дѣвчонка! погоди!

— Въ кого же быть ей, какъ не въ батюшку, да въ матушку?.. Она вѣдь, поди, воображаетъ себѣ, что пишетъ къ своей крѣпостной... Вотъ, узнаетъ, къ кому пишетъ...

Слуга вошелъ доложить, что лошадь подана. Настойкинъ положилъ записку въ карманъ, распростился съ своею супругою нѣжнымъ поцалуемъ, и, засѣвъ въ бѣговыя дрожки вмѣстѣ съ мальчишкою, который помѣщался сзади, отправился въ путь.

Едва стукъ колесъ умолкъ въ отдаленіи, какъ Любовь Никитишна отправилась на чердакъ, и на веревку, протянутую тамъ въ полукругломъ слуховомъ окнѣ, повѣсила бѣлую простыню, послѣ чего она прошла въ спальню и заперла за собою дверь на крючокъ... Черезъ четверть часа, окно изъ сада, о которомъ упоминалось въ разговорѣ супруговъ, тихо отворилось и рослый мужчина съ атлетическими формами, съ неизмѣримыми бакенбардами, съ лицомъ, озареннымъ щедрыми жертвами Бахусу, въ поношенномъ фракѣ и въ сапогахъ, изъ которыхъ готовились выглянуть пальцы, влѣзъ въ это окно, съ осторожностью осматриваясь. Любовь Никитишна дѣлала репетицію сцены, которую она готовила для Вѣры.

Настойкинъ, между-тѣмъ, прибылъ къ графу и былъ не менѣе доволенъ успѣхомъ своей экспедиціи... Павелъ Сергѣевичъ велъ всѣ эти интриги рѣшительно отъ нѣчего-дѣлать, и потому, когда нечаянный отъѣздъ его за границу, въ прошломъ году, внезапно принудилъ оставить исполненіе своихъ политическихъ затѣй, онъ бросилъ ихъ вовсе безъ всякой заботы; но когда, по возвращеніи, онъ узналъ, что дѣла о наслѣдствѣ и замужствѣ Вѣры находились все еще почти въ томъ же видѣ, какъ онъ оставилъ ихъ, уѣздный политикъ опять схватился за нихъ съ радостію. Новость

Настойкина была какъ-нельзя-болѣе кстати. Время выборовъ приближалось, умы были въ броженіи; словомъ, наступила пора дѣйствовать. Немедленно въ подробностяхъ рѣшенъ былъ планъ операцій. Настойкинъ усѣлся опять на свои бѣговыя дрожки и поскакалъ въ усадьбу Анны Ивановны.

Графъ и Владиміръ Сергѣевичъ, съ бокалами въ рукахъ, поздравляли Авосина, который неотлучно находился при нихъ въ качествѣ актёра, готоваго выступить на сцену, и послѣ этой-то попойки Владиміръ Сергѣевичъ отправился въ свою вечернюю прогулку при свѣтѣ мѣсяца, окончившуюся такими романическими встрѣчами.

Настойкинъ прибылъ въ усадьбу Анны Ивановны и остановился у флигеля, въ которомъ жилъ ея управляющій.

— Дома Фектистъ Иванычъ? спросилъ онъ мальчика, который выбѣжалъ изъ сѣней.

— У себя-съ.

Настойкинъ вошелъ въ сѣни, раздѣлявшія квартиру Фектиста Ивановича отъ ткацкой избы, гдѣ слышался страшный стукъ бердъ и хохотъ работавшихъ дѣвокъ и бабъ.

Во второй комнатѣ, служившей залою, кабинетомъ и столовою, сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ кипою бумагъ, самъ хозяинъ, съ серебряными круглыми очками, поднятыми на лобъ, въ долгополомъ сюртукѣ четырех-рублеваго синяго сукна. Его громадная особа, украшенная огромною лысою головою и лицомъ багроваго цвѣта, съ трудомъ помѣщалась въ легкихъ деревянныхъ креслахъ, обитыхъ кожею. Пожилой рыжій мужикъ, староста, съ смиреннымъ и безпечнымъ видомъ стоялъ передъ нимъ въ почтительномъ разстояніи, и обѣ эти начальственныя особы вели серьёзный разговоръ о весьма-важномъ предметѣ, относящемся до хозяйства.

Явленіе Настойкина прекратило разговоръ.

— Здорово, Фектистъ Иванычъ! какъ вы поживаете? воскликнулъ новоприбывшій.

— А, Макаръ Евстигнѣичъ, добро пожаловать! отвѣчалъ Фектистъ Ивановичъ, узнавъ своего гостя послѣ нѣсколькихъ секундъ внимательнаго разсмотрѣнія черезъ поверхность очковъ. Радушный хозяинъ привсталъ немного вмѣстѣ съ креслами:—добро пожаловать... Садитесь-ка; милости просимъ... Естифей, подвинь его милости стулъ; да ступай, братъ, покуда, на кухню: я велю позвать тебя послѣ... Садитесь-ка. Эй, супружница! Агаша, Агаѳья Ивановна! давай намъ сюда... знаешь, тово... этова... спиртуознаго, сердцеувеселяющаго; да вели-тка самоварецъ поскорѣе... дорогой гость пріѣхалъ... Садись-ка, мой благодѣтель, да разскажи, что новенькаго...

— Новенькаго?.. ничего нѣтъ особеннаго... у васъ нѣтъ ли чего?..

— Есть, сударь мой.

Въ это время явилась супружница Фектиста Ивановича, особа, которая своими колоссальными размѣрами могла изумить хоть кого.

Едва только Макаръ Евстигнѣевичъ удовлетворилъ обязательному любопытству исполинской дамы относительно здоровья «почтенной супруги его Любови Никитишны», какъ Фектистъ Ивановичъ прервалъ дальнѣйшее изліяніе вѣжливостей.

— Погоди, милочка, сказалъ онъ съ нѣжнымъ взглядомъ:—послѣ наговоримся объ этомъ; поди-тка припри изъ сѣней двери...

— Тотчасъ, Фесинька, дружечекъ мой, отвѣчала счастливая супруга, плотно поцаловавъ самый возвышенный пунктъ на обнаженной головѣ своего дружечка, и немедленно отправилась исполнить приказаніе, потрясая на пути столы, стулья и стекла шкафа.

— Мы васъ поджидали, Макаръ Евстигнѣичъ, сказалъ тихо Фектистъ Ивановичъ, нагнувшись къ своему посѣтителю. — Дѣла наши, знаете, подвигаются быстро... барыня дѣнь-ото-дня становится плоше; ужь вечѣрась она поговаривала о священникѣ...

— Э!.. произнесъ Макаръ Евстигнѣевичъ тѣмъ же пониженнымъ тономъ.

— Смотрите, будьте готовы, не отлучайтесь далеко, продолжалъ управляющій: — мы васъ, конечно, извѣстимъ пораньше. Ну, да, однако, вы знаете, надобно быть всегда наготовѣ... Вѣдь эти дѣла въ рудѣ Божіей... неровенъ часъ, вдругъ окончится...

— Ладно, ладно!.. мы не смигнемъ ужь; не бойтесь, почтеннѣйшій... *Вы* не сплошайте. А у насъ ужь эти дѣла вѣдь... шнипертенъ... ха, ха, ха!..

— Да, да-съ, благодѣтель мой; надоть умненько обдѣлать это дѣлишко. Вѣдь для насъ, бѣдныхъ людей, знаете, на весь вѣкъ обезпеченіе...

— Знаемъ мы, знаемъ, Фектистъ Иванычъ! ха, ха, ха!.. нешто, обезпеченіе! давно ужь, не бось, киса-то въ исправности... шнипертенъ... бѣдные люди!.. гляди, ужь теперь побогаче нашего брата; да тутъ двадцать-семь тысячь.

— Полно, полно, почтеннѣйшій! не кричите такъ громко... вѣдь у насъ доли-то равныя, чему же вы раскричались?..

— Да, вы точно помните, твердо помните, что на что... останется... то-есть, что на нашу долю прійдетъ пятьдесятъ тысячь?

— Еще бы не помнить! своею рукою вѣдь написалъ я въ духовной триста двадцать-девять, а прочелъ старухѣ триста семьдесятъ-девять, какъ она мнѣ велѣла писать. А духовная укрѣплена по всѣмъ формамъ...

— Да, такъ, такъ... у насъ по наличности значится триста семьдесятъ-девять тысячь... изъ нихъ пятьдесятъ такъ ужь у меня и отмѣчено крыжиками, чтобъ, знаете, поскорѣе, не считавъ, взять билеты.

— А гдѣ хранятся они?

— Тамъ, у нея, въ кабинетѣ. Я клалъ своими руками.

— Смотри, не опростоволосься, Фектистъ Иванычъ! Рыльскій нагрянетъ вѣдь какъ снѣгъ на голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь не бойся, мой благодѣтель, мигнуть никто не поспѣетъ. Я вѣдь знаю, гдѣ ключъ и гдѣ ящикъ... Какъ-только дѣло къ концу пододвинется, я тотчасъ припрячу къ себѣ свою долю. Къ барынѣ вѣдь, кромѣ меня да жены, никто показать носа теперь не смѣетъ; я натолковалъ, что ее отравить хотятъ, и она никого ни знать, ни слушать не хочетъ, кромѣ насъ двухъ.

— Баста! Дѣло обдѣлано, хлопотать нé о чемъ... шнипертенъ!.. Не дурная будетъ вѣдь штука пятьдесятъ чистоганомъ, ха, ха, ха!

— Тсс... экій крикунъ ты, Макаръ Евстигнѣичъ!

— Ну, да, пожалуй, покуда покончимъ эту матерію. У меня есть *до* васъ просьбица, въ-отношеніи, такъ, знаете, разныхъ этакихъ обстоятельствъ.

— Приказывайте чтò вамъ угодно, благодѣтель! воскликнулъ Фектистъ Ивановичъ.

— Кàкъ вамъ не стыдно такъ церемониться съ нами! Я непремѣнно принесу жалобу на васъ вашей супругѣ, прибавила, погрозивъ съ благосклонностью пальчикомъ, Агаѳья Ивановна.

— Пошлите мнѣ, Фектистъ Иванычъ, кого-нибудь порастороппѣе, знаете... Трошку, въ Ванегу, съ запискою.

— Слушаю, сударь... Прикажи, душа моя, чтобъ Трошка тотчасъ сѣлъ на каряго, да отвезъ бы письмецо Макара Евстигнѣича... дескать, самонужнѣйшее.

— Тотчасъ, мое сокровище. Агаѳья Ивановна напечатлѣла новый поцалуй на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Фектиста Ивановича и поспѣшила сдѣлать требуемое распоряженіе.

Настойкинъ взялъ перо и написалъ небольшую записку, засыпалъ, сложилъ, надписалъ адресъ и запечаталъ сургучомъ, съ помощію фосфорической спички, которую держалъ Фектистъ Ивановичъ.

Едва онъ окончилъ эти приготовленія, какъ явилась Агаѳья Ивановна съ Трошкою. Трошка получилъ записку съ подробнѣйшими наставленіями и съ приказаніемъ привезти отвѣтъ, такъ, чтобъ «одна нога была здѣсь, а другая тамъ»; расторопный парень спряталъ записку въ кошель, который висѣлъ у него «на крестѣ», вскочилъ на лошадь, на которой, вмѣсто сѣдла, былъ постланъ сермяжный кафтанъ, а перекинутая веревка съ двумя петлями замѣняла стремена, и полетѣлъ, сломя-голову, въ сельцо Ванегу, бывшее верстахъ въ четырехъ оттуда.

Покуда посланникъ исполнялъ свое порученіе, массивные супруги занимали своего крошечнаго гостя самымъ пріятнѣйшимъ образомъ: чай, разныхъ сортовъ настойки и наливки, столовое вино, вяземскіе пряники, опортовые яблоки, волошскіе орѣхи— да я и не знаю ужь, чтó еще тутъ было или, лучше сказать, чего тутъ не было,—все это, соединившись съ нравственною занимательностью бесѣды трехъ друзей, такъ восхитительно наполнило

краткое время ожиданія, что они не замѣтили, какъ пролетѣлъ слишкомъ часъ, и только явленіе Трошки напомнило имъ, что существуетъ время и пространство.

— Ну, что? спросилъ Макаръ Евстигнѣевичъ.

— Приказали на словахъ доложить, что дескать *будутъ ожидать*.

— Такъ и сказали?

— Такъ и изволили сказать... скажи, говорятъ, Макару Евстигнѣичу, что дескать *буду ожидать*.

Удостовѣрившись въ вѣрности переданнаго отвѣта, Макаръ Евстигнѣевичъ тотчасъ всталъ и началъ прощаться съ своими любезными хозяевами, которые, стоя на ногахъ, невообразимо затруднялись объясняться съ гомеопатическимъ гостемъ, для котораго должны были принимать согнутое положеніе, нестерпимо-мучительное при ихъ корпуленціи. Накопецъ, послѣ тысячи увѣщапій «остаться и посидѣть еще немножко», послѣ тысячи увѣреній въ невозможности исполнить эти обязательныя увѣщанія, послѣ тысячи нѣжнѣйшихъ вѣжливостей и не менѣе чувствительныхъ поручетій «милой, любезной супругѣ», Макаръ Евстигнѣевичъ добрался до своихъ дрожекъ, сѣлъ и поскакалъ по дорогѣ къ сельцу Ванегѣ. Солнце давно ужь сѣло, и полный мѣсяцъ ярко освѣщалъ окрестности. Не доѣзжая съ версту до усадьбы, путешественникъ мой своротилъ на полевую дорожку, пролегавшую къ тому самому лѣсочку, гдѣ, помните, хотѣли стрѣляться Александръ и Владиміръ.

Въѣхавъ въ этотъ маленькій лѣсокъ, Макаръ Евстигнѣевичъ оставилъ свой экипажъ и лошадь на попеченіе мальчика, а самъ отправился именно на ту самую поляну, которая, годъ тому назадъ, едва не обагрилась кровью.

Долго ходилъ взадъ и впередъ по этой полянѣ рыженькій человѣкъ, нетерпѣніе котораго возрастало съ каждою минутою и выражалось бранными фразами, изливавшимися рѣкою. Прошелъ часъ. Караульный уже нѣсколько разъ сбирался оставить постъ свой, едва побѣждая свое нетерпѣніе и довольно-чувствительный холодъ... прошло еще полчаса, какъ изъ развалины садовой стѣны мелькнула фигура; скорыми шагами приблизилась она къ лѣсочку, и Макаръ Евстигнѣевичъ скоро удостовѣрился, что это была Ненила Григорьевна...

Я не нахожу нужнымъ пересказывать разговора, продолжавшагося около часа между молодою вдовою и ея собесѣдникомъ. Ненила Григорьевна въ этотъ вечеръ была въ такомъ нервномъ и разстроенномъ состояніи, что если передать всѣ ея жалобы, облитыя потоками горькихъ слезъ, то можно возмутить спокойствіе и отнять аппетитъ, по-крайней-мѣрѣ, на цѣлый день у самаго нечувствительнаго человѣка, какому когда-нибудь прійдется читать эту повѣсть... Причина такого безпредѣльнаго изліянія горести заключалась въ самомъ предметѣ ночнаго свиданія. Макаръ Евстиг-

нѣичъ сообщилъ ей, что графъ проситъ ее ни куда ни въ какомъ случаѣ не отлучаться въ воскресенье, такъ-какъ въ этотъ день его сіятельство намѣревается посѣтить Вапегу и сообщить ей, Ненилѣ Григорьевнѣ, весьма-важную новость, что его сіятельство проситъ также убѣдить Петра Иваныча, чтобъ онъ въ этотъ день, часовъ хоть до трехъ пополудни, не выѣзжалъ тоже изъ дома, потому-что графъ намѣренъ и къ нему заѣхать; но это послѣднее порученіе его сіятельство просилъ исполнить какъ-можно-искуснѣе, имѣя въ виду, что если Петръ Ивановичъ получитъ хоть тѣнь подозрѣнія о сіятельномъ посѣщеніи, то онъ, конечно, умчится на край свѣта.

Выслушавъ эти порученія, деликатная и чувствительная Ненила Григорьевна была поражена до глубины сердца тягостною мыслію о унизительномъ положеніи, до котораго довела ее измѣна ея вѣроломнаго любовника! Это оскорбленіе не могло быть прощено; оно требовало мщенія... Ненила Григорьевна готова была, еслибъ только могла, заставить ненавистнаго Петра Ивановича заплатить жизнію за его неслыханный поступокъ; но такъ-какъ къ подобной кровавой уплатѣ за ея обиды не представлялось досихъ-поръ ни малѣйшаго случая, то разобиженная женщина не могла упустить единственную возможность мести, черезъ содѣйствіе враждебнымъ замысламъ графа. И между-тѣмъ, теперь, въ эту минуту, она вспомнила, что еще не далѣе, какъ за годъ назадъ, счастливая и торжествующая любовію того, чью гибель покупала теперь цѣною униженія, она спокойно и съ сердцемъ, полнымъ веселыхъ надеждъ, ждала свѣтлой будущности, основанной на восьми тысячахъ годоваго дохода, принадлежащихъ этому же самому человѣку. Когда подобныя черныя мысли съ быстротою вихря взволновали ея живое воображеніе, все для нея покрылось трауромъ: она укоряла себя въ преступныхъ замыслахъ противъ счастія своей племянницы, противъ этого кроткаго и невиннаго существа, которому она всю жизнь платила горемъ за нѣжныя ласки. И чѣмъ, для нея, для нея-самой, могли кончиться эти тревоги, эти замыслы, которымъ она предчувствовала гибельную развязку для Вѣры. Обѣщанія графа относительно Пузинскаго даже *не начинали* исполняться.

Но когда Макаръ Евстигнѣевичъ, благоразумно дождавшись конца этому плачевному изліянію, тонко замѣтилъ, что она «ошибается», что еслибъ *даже* Пузинскій, мильйонеръ и откупщикъ, по какому-нибудь «совершенно-непредвидѣнному и неотвратимому случаю»,— по случаю «умертвія», на-примѣръ, или тому подобнаго,—не исполнилъ желанія графа (который уже закинулъ сѣти) и увѣнчалъ вѣнкомъ Гименея ея преданность и усердіе къ пользамъ его сіятельства, то можно было держать тысячу противъ одного, что Петръ Ивановичъ, потерявъ надежду жениться на Вѣрѣ, положитъ къ ногамъ своей прежней любовницы восемь тысячъ годоваго дохода, которыя ему не удастся увеличить доходами съ будущаго

наслѣдства Вѣры, и что его сіятельство, конечно, ужь настоитъ на томъ, чтобъ исполнить *это* второе предположеніе, если по непредвидимому несчастію не удастся первое. Значитъ, награда во всякомъ случаѣ обезпечена. Эта остроумная догадка пролила бальзамъ утѣшенія на больное сердце. Ненила Григорьевна утерла слезы и обѣщала исполнить все, чего отъ нея требовали.

Они уже готовились разстаться, какъ встрѣча Липочки съ Владиміромъ Сергѣевичемъ, описанная мною въ предъидущей главѣ, привлекла ихъ вниманіе, и изъ засады своей, покровительствуемыя тѣнью деревъ, они были невидимыми зрителями всѣхъ разсказанныхъ мною подробностей этой ночной сцены, равно какъ и встрѣчи Владиміра съ Александромъ. Макаръ Евстигнѣевичъ, простившись съ Ненилою Григорьевною, успѣлъ перерѣзать дорогу Владиміру и хотѣлъ-было узнать отъ него подробности этихъ двухъ таинственныхъ встрѣчъ; но Владиміръ отвѣчалъ на его вопросы градомъ такихъ сильныхъ и рѣзкихъ выраженій, что Макаръ Евстигнѣевичъ, никогда неслыхавшій подобныхъ словъ отъ деликатнаго молодаго человѣка, догадался весьма-основательно, что эта неумѣстная пылкость была не что иное, какъ послѣдствіе поздравленій, послѣдовавшихъ за привезенною имъ новостью. Владиміръ, оставивъ его предаваться на свободѣ догадкамъ, далъ шпоры своему бѣгуну и скрылся. Возвратившись домой, Ненила Григорьевна хотѣла-было немедленно приступить къ допросу Липочки и Андреевны о ихъ тайномъ путешествіи, какъ Петръ Ивановичъ пригласилъ ее въ кабинетъ *для* секретнаго совѣщанія. Можете представить себѣ, какъ изумилась Ненила Григорьевна, когда услыхала изъ устъ Петра Ивановича, что онъ намѣренъ сдѣлать въ воскресенье визитъ Александру Андреевичу и объясниться съ нимъ окончательно. Бездѣйственность моего героя казалась Петру Ивановичу неоспоримымъ доказательствомъ его охлажденія, и Петръ Ивановичъ приготовилъ такое хитросплетеніе лжей *для* усиленія этой счастливой холодности, что никакъ не сомнѣвался въ полномъ успѣхѣ своего предпріятія, котораго главнѣйшая цѣль состояла въ удаленіи Александра изъ его теперешняго убѣжища. Само собою разумѣется, что Петръ Ивановичъ былъ твердо увѣренъ въ заблужденіи Александра на счетъ письма Вѣры, и хотя онъ предчувствовалъ со стороны молодаго человѣка не совсѣмъ-выгодное *для* него истолкованіе перемѣнчивости намѣреній его невѣсты, но однакоже вполнѣ надѣялся покончить это щекотливое дѣло полюбовнымъ порядкомъ. Подвергнувъ тщательному экзамену своей лицемѣрной пріятельницы весь арсеналъ краснорѣчія и дипломатіи, который онъ готовился употребить противъ моего героя, и выслушавъ нѣкоторыя весьма-тонкія и основательныя замѣчанія по этому предмету, Петръ Ивановичъ имѣлъ, наконецъ, удовольствіе получить совершенную аппробацію своей затѣи, съ весьма-благоразумнымъ совѣтомъ привести въ дѣйствіе этотъ проектъ въ воскресенье, наѣхавъ въ Привѣтино врасплохъ, *подъ вечеръ*, часа этакъ въ четы-

ре, какъ-бы мимоходомъ. Причемъ случилось какъ-то, что, по зрѣломъ обсужденіи, Петръ Ивановичъ нашелъ приличнымъ *провести этотъ день дома*, чтобъ хорошенько все обдумать и приготовиться.

V.

«Авось» Петра Ивановича созрѣло и принесло ему плодъ.

Въ воскресенье, часовъ въ 12-ть, Владиміръ явился къ своему новому другу, съ которымъ они вмѣстѣ позавтракали и тотчасъ пустились въ путь. Коляска Александра ѣхала сзади.

Отъ Привѣтина до города не болѣе десяти верстъ; дорога порядочная, и погода стояла хотя немного облачная, но довольно-теплая и сухая. Друзья незамѣтно достигли цѣли своего путешествія.

Макара Евстигнѣевича не было дома, и ихъ приняла хозяйка съ очевиднымъ смущеніемъ.

— Я привезъ вамъ еще поклонника, воскликнулъ Владиміръ, помѣстившись тотчасъ на диванѣ самымъ покойнымъ образомъ, со всею свободою, показывавшею, что онъ пользовался правами короткости въ домѣ.—Это мой пріятель, Александръ Андреичъ Шершавинъ; онъ имѣетъ очень-странную болѣзнь, которую самъ вамъ разскажетъ со всѣми подробностями сейчасъ, какъ я выйду; но прежде я хочу знать, нѣтъ ли новостей?

Любаша, для которой подобный вызовъ обыкновенно служилъ сигналомъ начатія безконечныхъ разсказовъ, приправленныхъ остроуміемъ и немножко злословіемъ, оказалась на этотъ разъ въ самомъ неповѣствовательномъ расположеніи духа, такъ-что Владиміръ, сдѣлавъ нѣсколько попытокъ возбудить въ ней обычное краснорѣчіе, принужденъ былъ рѣшительно отказаться отъ своего намѣренія и сказалъ по этому поводу нѣсколько критическихъ замѣчаній, расцвѣченныхъ довольно-двусмысленною шутливостью. Въ это время, въ домѣ раздался далекій, глухой, едва-слышный крикъ. Молодые люди перемигнулись съ недоумѣніемъ, и Владиміръ тотчасъ всталъ, чтобъ сдѣлать какой-то короткій, необходимый визитъ, объявивъ Александру, что черезъ полчаса онъ за нимъ заѣдетъ.

Медицинская конференція также очень-плохо клеилась; но Александръ употребилъ, все свое искусство, чтобъ войдти въ подробности описанія какой-то небывалой болѣзни. Разстроенная хозяйка разсѣянно слушала хитросплетенный разсказъ и очевидно понимала значеніе этого неожиданнаго и довольно-необыкновеннаго посѣщенія; но она старалась по возможности скрыть свою догадку и кое-какъ принудила себя разсказать молодому че-

ловѣку свое мнѣніе о способѣ излеченія его болѣзни какими-то симпатическими, чрезвычайно-простыми снадобьями.

Принужденіе, царствовавшее между гостемъ и хозяйкою, было такъ неодолимо, что, не смотря на обоюдныя усилія, разговоръ ихъ прерывался безпрестанно. Полчаса, назначенные Владиміромъ, показались годомъ моему герою. Вѣра не являлась, и Александръ, не въ силахъ будучи преодолѣть страннаго, безсознательнаго волненія, похожаго на предчувствіе, взялъ фуражку и простился съ Любашею, вручивъ ей золотой въ знакъ благодарности за ея спасительные совѣты. Противъ общаго обычая уѣздной вѣжливости, ему не сдѣлали ни малѣйшаго возраженія на-счетъ его нетерпѣливаго ухода.

Вышедши изъ дому, Александръ приказалъ своему кучеру дожидаться его у городскихъ воротъ, а самъ пошелъ медленнымъ шагомъ вдоль улицы, на которой былъ домъ Настойкина. Онъ достигъ конца этой улицы, примыкавшей къ берегу большой судоходной рѣки (на которой стоитъ нашъ городъ) и избралъ на берегу мѣсто, закрытое со всѣхъ сторонъ деревьями, грудами бревенъ, досокъ, старыхъ судовъ и тому подобныхъ предметовъ, такъ-что съ этого пункта онъ могъ наблюдать домъ экс-секретаря, не будучи самъ подверженъ досужему любопытству городскихъ жителей.—Прошелъ часъ. На городскихъ часахъ пробило *три*, и не только Вѣра, но *даже* Владиміръ не показывались у воротъ дома, отъ котораго не отводилъ глазъ Александръ. Если вамъ случалось провести безконечный, мучительный часъ въ сторожевомъ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ находился герой мой, то вы поймете, что расположеніе духа его никакъ не могло быть веселымъ. Къ этому присовокупились: тягостное впечатлѣніе невыносимой принужденности, подъ вліяніемъ котораго онъ провелъ время своего посѣщенія у Любаши, смутное, грызущее предчувствіе, бывшее его послѣдствіемъ, мрачность сентябрскаго пасмурнаго дня, глухой шумъ рѣки, плескавшей подъ его ногами, раздававшіеся глухо монотонные и унылые крики работниковъ, которые вели бечевою суда, гулъ сухихъ, валившихся листьевъ и мрачный видъ обнаженной природы, разстилавшейся передъ его глазами—такъ-что когда Александръ, потерявъ терпѣніе, рѣшился оставить свою позицію, душа его была темнѣе самой темной осенней ночи. Его живое и раздражительное воображеніе соединило все, что въ его прошедшемъ и настоящемъ было мрачнаго, мучительнаго и неумолимо жгло, на этомъ медленномъ огнѣ воспоминаній, его сердце. Къ прежнимъ возмутительнымъ подозрѣніямъ объ участіи Вѣры въ нагломъ и грубомъ обманѣ, котораго онъ былъ жертвою, присоединились подозрѣнія еще болѣе ядовитыя, о двусмысленномъ поведеніи этой дѣвушки въ настоящее время. Ему казалось, что онъ сдѣлался жертвою новой, дерзкой насмѣшки, устроенной Петромъ Ивановичемъ, въ которой Вѣра, Липочка и Владиміръ приняли участіе... Легко можно представить себѣ,

что подобная мысль душила его порывами ярости; кровь его кипѣла и съ неодолимою силою приливала къ сердцу; туманъ застилалъ глаза. Въ этомъ ужасномъ состояніи, онъ достигъ до своего экипажа, дожидавшагося его за городскими воротами. — Почтальйонъ, стоявшій близъ коляски и разговарившій съ кучеромъ, подалъ ему письмо, запечатанное черною печатью; Александръ поблѣднѣлъ, трепещущею рукою взялъ его, взглянулъ на едва-видный почтовый штемпель: письмо было изъ дома, адресъ написанъ рукою женщины, которую онъ приставилъ къ Машѣ. Александръ приготовился сѣсть въ коляску, какъ почтальйонъ сказалъ ему съ умильною вѣжливостью:

— Не будетъ ли чего за трудъ, ваше высокоблагородіе?

Бросивъ ему первую монету, какая попалась подъ руку, Александръ прыгнулъ въ коляску и, приказавъ кучеру ѣхать шагомъ, торопливо распечаталъ посланіе, и вотъ что прочелъ:

«Ваше высокоблагородіе
Милостивѣйшій государь
Александръ Андреичъ.

Осмѣлюся вамъ донести что у насъ вдоме не совсѣмъ здорово. Марья Александровна приказали долго жить. Барышня изволили скончаться на моихъ рукахъ севодни поутру безъ четверти шестомъ часу, удостоившись по христіанскому обряду исповѣдатца и причаститца святыхъ таинъ, а болесть ихъ началась и продолжалась всево двое сутокъ и неписала я къ вашей милости прежде потому что непочтовые дни были, а приключилась имъ болесть отъ беременности да отъ простуды по словамъ Иванъ Иваныча, и я упросила Иванъ Иваныча чтобъ онъ отъ себя далъ вашей милости удостоверіе на что Иванъ Иванычъ согласился и письмо ево при семъ прилагаю, а простуду покойница барышня изволили по моему увѣренію получать оттово что по отъезде вашей милости они кажный божій день изволили сидѣть на тераси до вечера и все изволили плакать горючими слезами и сколько я неизволила ихъ уговаривать, ни сколько не слушали моихъ словъ, и все жаловались что дискать ваша милость изволили ихъ покинуть и досамой кончины все поминали вашу милость и все дожидались что ваша милость изволите вовворотитца и все говорили что имъ хотѣлось бы проститца съ вашей милостью и такъ и Богу душу стемъ отдать изволили съ естими словами. Мы все горючими слезами наплакались глядя на нихъ, какъ они все объ васъ поминали и сокрушались. А за Иванъ Иванычемъ я тотчасъ послала какъ только барышня стали жаловатца, и онъ, черезъ три часа пріѣхалъ, а барышня стали такъ тяжелы, что Иванъ Иванычъ сказалъ мнѣ что никакой нѣтъ надежды, а кабы почтовый былъ день, я бы тоюже минуту отписала бы къ вашей милости. Знать такова воля божія. Послѣ завтра назначены похороны, и все будетъ исполнено какъ слѣдуетъ по обряду.

За тѣмъ въ домѣ у насъ все слава Богу и я остаюсь
вашего высокоблагородія
покорная раба
Афросинья Макарова.»

Прочитавъ это посланіе, въ наивныхъ фразахъ котораго заключалась такая грустная и поразительная новость для несчастнаго молодаго человѣка, онъ судорожно стиснулъ его въ комокъ.

— И это еще!.. сказалъ онъ, задыхаясь отъ подавляющаго волненія и поднявъ къ небу сухіе глаза, для которыхъ слезы были бы благодѣяніемъ въ эту минуту. — Суди меня, Творецъ Всемогущій! но я не могу выдерживать долѣе. Жизнь давитъ меня, какъ тяжелое бремя!!.. Пошелъ! закричалъ онъ кучеру: — пошелъ! гони! Звукъ его голоса былъ такъ дикъ и страшенъ, что кучеръ вздрогнулъ, не смѣя оглянуться. Лошади понеслись изо всей силы.

— Пошелъ! повторялъ Александръ.

Быстро мелькали одинъ за другимъ предметы, мимо которыхъ мчалась коляска; но еще быстрѣе клубились въ головѣ Александра ужасныя думы.

Дорога, лежавшая черезъ поля и села, версты за три отъ Привѣтина, перерѣзываетъ оконечный мысъ того огромнаго лѣса, который окружаетъ ванегскія, архангельскія и привѣтинскія поля, тянется по берегу рѣчки и, далѣе, покрываетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, соединяясь потомъ съ безконечными болотами, окружающими значительную часть нашего уѣзда.

— Стой! закричалъ Александръ, едва только коляска въѣхала въ лѣсъ. Въ порывѣ кипучаго волненія, онъ не могъ долѣе оставаться въ неподвижномъ положеніи, однимъ прыжкомъ перенесся на маленькую площадку, которая представлялась съ лѣвой стороны дороги, и устремился въ чащу, какъ изступленный, надѣясь усиленнымъ движеніемъ утишить бурю, кипѣвшую внутри его.

Болѣе часу шелъ онъ такимъ-образомъ съ сверхъестественною быстротою, самъ не зная куда, сквозь чащу деревъ и кустарниковъ; вѣтви били его по лицу, сучья рвали одежду и обувь, потъ катился градомъ. Неимовѣрныя усилія, съ которыми онъ прокладывалъ себѣ дорогу, начали утомлять его наконецъ, и изнуреніе физическихъ силъ произвело спасительное дѣйствіе на напряженныя силы душевныя; борьба чувствъ также начала ослабѣвать понемногу. И вотъ онъ попалъ на лѣсную тропинку; она привела его къ берегу озера.

Трудно представить себѣ картину болѣе-мрачную и унылую той, которая открылась глазамъ его. Гладкое зеркало озера, черезъ которое протекала рѣчки, окаймлено было темнымъ дремучимъ боромъ, съ двухъ сторонъ подымавшимся на крутые и высокіе холмы; холодный вѣтеръ съ шумомъ качалъ вѣковыя сосны и ели, черезъ вершины которыхъ тихо неслись тяжелыя, сѣрыя тучи, обвивая ихъ тонкими клочьями. Кругомъ все пусто и дико, нѣтъ ни малѣйшаго признака жизни: толко темныя, туманныя массы лѣсовъ, да сѣрое небо, да сѣрыя, мутныя воды представлялись взору на всемъ пространствѣ, которое могъ обнимать онъ. Пасмурный день вечерѣлъ; все темнѣе и темнѣе сгущались сумраки.

Это глухое, уединенное мѣсто какъ-нельзя-лучше соотвѣтствовало расположенію духа Александра. Машинально остановился онъ на самомъ берегу озера и блуждающимъ взоромъ окинулъ

окрестность. Глубокая, но уже тихая грусть заступила мѣсто душевныхъ волненій.

Не вдалекѣ грянулъ выстрѣлъ, громкою дробью прокатился надъ поверхностью водъ и загудѣлъ отголосками въ темныхъ ущельяхъ бора; двѣ дикія утки вспорхнули съ озера и быстро понеслись черезъ дальныя ели. Александръ, погруженный въ задумчивость, вздрогнулъ, взглянулъ въ ту сторону, откуда раздался ударъ, и когда длинный клубъ дыма, разостлавшійся по зеркальной поверхности водъ, тихо свился и разсѣялся въ густомъ и сыромъ воздухѣ, онъ увидѣлъ въ двадцати шагахъ отъ себя Петра Ивановича съ ружьемъ въ рукѣ... Онъ остолбенѣлъ; казалось, мрачная судьба преслѣдовала его, ставя на его пути этого человѣка, котораго онъ всего бы менѣе желалъ встрѣтить въ подобную минуту... Кровь закипѣла въ немъ снова съ большею силою, и утихавшая ярость воспламенилась опять до изступленія. Первое движеніе его было броситься на своего врага-соперника; но онъ еще имѣлъ довольно власти надъ собою и остался неподвиженъ.

Петръ Ивановичъ едва увидѣлъ Александра, какъ, повернувшись, пошелъ къ нему. Съ трудомъ владѣя собою, молодой человѣкъ, мрачный и неподвижный, ожидалъ его приближенія. Шаговъ за десять, Петръ Ивановичъ снялъ свою фигурную фуражку и началъ привѣтливо кланяться. Этотъ дружественный приступъ уничтожилъ послѣднюю частичку холоднаго разсудка, которая еще оставалась у моего героя. Привѣтливыя манеры его соперника показались ему послѣднею степенью наглости и безстыдства... Петръ Ивановичъ, подойдя, замѣтилъ смертную блѣдность и искаженныя гнѣвомъ черты Александра и немного смутился при этомъ наблюденіи: какое-то темное опасеніе внезапно закралось въ глубину его вѣчно-спокойной души. Онъ имѣлъ случай узнать вспыльчивость и рѣшительность молодаго человѣка, и не совсѣмъ покойная совѣсть говорила ему, что обманутый имъ можетъ знать, или угадать и принять серьёзно его «маленькую хитрость». Онъ смѣрилъ его глазами. Александръ былъ молодъ и силенъ; но у Петра Ивановича было ружье: значитъ, преимущество *драки*, по понятіямъ счастливаго жениха, было на его сторонѣ; онъ никакъ не могъ бы понять вполнѣ душевное состояніе жертвы своей дипломатической тонкости и степень зла, причиненнаго его остроумною продѣлкою; а потому, скоро оправившись отъ перваго непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него мрачнымъ взглядомъ и нахмуренными бровями противника, протянулъ ему руку: руки Александра, засунутыя въ карманы его сѣраго сюртука, остались неподвижными. Это новое доказательство враждебнаго расположенія снова смутило моего дипломатическаго сосѣда.

— Вы, я вижу, такъ-сказать, крѣпко сердитесь, Александръ Андреичъ! началъ онъ самымъ медовымъ голосомъ, съ благосклонною и привѣтливою улыбкою:—я знаю, я, то-есть, угадываю по

какой причинѣ: и напрасно!.. убей меня Богъ, напрасно!.. то-есть, истинно сказать, вы ошибаетесь...

Петръ Ивановичъ, говорившій съ опущенными внизъ глазами, поднялъ ихъ на своего собесѣдника, чтобъ узнать, какой эффектъ произвело на него это вступленіе,—и встрѣтилъ все тотъ же страшный, проницающій взоръ, непоколебимый, неподвижный, сверкающій... Опасеніе сильнѣе и сильнѣе начало безпокоить смѣлаго оратора подъ этимъ огненнымъ взоромъ, въ которомъ было что-то зловѣщее. Онъ продолжалъ, однакожь, въ надеждѣ на свое краснорѣчіе и на неизмѣнную звѣзду своего счастія:

— Истинно, вы, такъ-сказать, изволите ошибаться, Александръ Андреичъ; я нарочно за этимъ хотѣлъ сегодня видѣться съ вами и заѣзжалъ-было къ вамъ, и вотъ, очень-радъ, что имѣлъ пріятнѣйшее удовольствіе такъ неожиданно встрѣтить васъ здѣсь... Если вы позволите мнѣ... то-есть, если вамъ будетъ желательно меня терпѣливо выслушать, то я убѣдительнѣйше доложу вамъ, что съ моей стороны тутъ, то-есть, въ этомъ происшествіи, то-есть, въ этой, какъ-бы сказать, перемѣнѣ обстоятельствъ не было... осмѣлюсь доложить вамъ... и убей меня Богъ, если лгу я... то-есть, покарай меня Богъ, если это неправда, что я, съ своей стороны, въ этомъ, примѣрно сказать, ни чуть не участвовалъ.

— Мерзавецъ, подлая тварь! воскликнулъ Александръ, стремительно кинувшись на безстыднаго лгуна и схвативъ его за горло. — Не доставало только этого!.. Ты смѣлъ, наконецъ, прійдти насмѣяться въ глаза надо мною! Въ бѣшеномъ порывѣ, сильный молодой человѣкъ такъ сдавилъ въ могучихъ рукахъ своихъ нѣжную особу Петра Ивановича, съ самаго рожденія лелѣемую со всѣми причудами нѣги, что бѣдный, смиренный Петръ Ивановичъ едва не испустилъ дыханіе; ружье выпало изъ ослабѣвшей руки его.

— Сама судьба свела меня здѣсь съ тобою, чтобъ дать мнѣ средство наказать тебя, дерзкое, безстыдное твореніе! продолжалъ молодой человѣкъ, потрясая яростно своего полумертваго соперника: — судьба поставила тебя здѣсь, на пути моемъ, въ этомъ глухомъ уединеніи, въ эту черную минуту, когда я упадалъ подъ тягостью страданій, которыя твоя дьявольская насмѣшка обрушила надо мною... Насмѣшка!.. подумалъ ли ты, съ кѣмъ ты шутишь? подумалъ ли ты, чѣмъ ты шутишь?.. Знаешь ли ты, что твоя адская выдумка стóила чести и жизни существу невинному и прелестному, для счастія котораго я готовъ былъ столько пожертвовать? Знаешь ли ты, что она сдѣлала меня убійцей, что она заставляетъ меня проклинать день рожденія?.. Подлое, ничтожное созданіе! чѣмъ заплатишь ты мнѣ за ея предсмертныя муки? чѣмъ заплатишь ты мнѣ за кровавыя слезы, которыя жгутъ мое сердце при одной мысли о жалкой участи этой несчастной, для которой я нѣкогда мечталъ создать такую свѣтлую будущность. Но я поклялся отмстить за нее, и теперь, клянусь ея послѣдней мину-

тою — одинъ изъ насъ не выйдетъ изъ этого лѣса... Мы оба убійцы. Пусть Богъ насъ разсудитъ и покараетъ виновнаго...

Александръ выпустилъ изъ рукъ своего полумертваго противника, и, вынувъ свои пистолеты, тщательно осмотрѣлъ ихъ.

Петръ Ивановичъ, получивъ свободу, остался все въ томъ же безчувственномъ состояніи, посинѣвшій отъ напряженія и ужаса, съ разинутымъ ртомъ, съ мутными глазами, какъ-будто онъ еще все былъ подъ желѣзною рукою Александра. Нападеніе было такъ внезапно, оборотъ, который приняла его политическая выходка, такъ неожиданъ, угрозы и движенія Александра, котораго онъ считалъ помѣшаннымъ, предвѣщали такую страшную развязку, что мирный и кроткій Петръ Ивановичъ былъ пораженъ паническимъ ужасомъ, оцѣпенившимъ всю его оборотливость, неподвергавшуюся еще такимъ испытаніямъ и небывавшую никогда отъ рода лицомъ-къ-лицу съ *смертной* опасностью... Страшная мысль «умереть безъ покаянія» поразила апоплексическимъ ударомъ набожный умъ его. Александръ молча подалъ ему оба пистолета на выборъ. Петръ Ивановичъ машинально протянулъ руку и хотѣлъ взять ихъ оба.

— Одинъ... выбирай одинъ! закричалъ Александръ: — они оба заряжены пулями.

Петръ Ивановичъ точно съ тою же безчувственностью, какъ прежде, взялъ одинъ пистолетъ.

— Я отмѣряю барьеръ, сказалъ Александръ: — мы оба пойдемъ въ одно время; стрѣляй когда хочешь.

Между-тѣмъ, какъ герой мой, сопровождая слова дѣйствіями, отмѣривалъ шаги и замѣчалъ барьеръ сломленными вѣтками, мысли Петра Ивановича начали мало-по-малу приходить въ порядокъ, и онъ, наконецъ, вполнѣ понялъ свое положеніе. Онъ увидѣлъ всю неизбѣжность опасности. Дремучій боръ и берегъ озера окружали со всѣхъ сторонъ небольшую поляну, на которой находились они. Ни дороги, ни жилья не было ближе, чѣмъ за версту; никакой крикъ не могъ достигнуть на такое разстояніе при шумѣ лѣсовъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Бѣжать, — если бы коротенькій сосѣдъ мой и надѣялся этимъ средствомъ ускользнуть отъ высокаго и легкаго своего противника, — бѣжать также не было возможности, потому-что лѣсныя тропинки были слишкомъ-неудобны для быстраго бѣга. Это сознаніе въ невозможности спасенія оледенило Петра Ивановича. Мрачна и угрюма была окружавшая его природа; но еще мрачнѣе и угрюмѣе блѣдное лицо его страшнаго соперника, и во всей ужасающей мрачности предстала уму его грозная мысль о вѣчной разлукѣ съ этой жизнію, которую такъ любилъ онъ, которая такъ постоянно улыбалась ему, такъ привѣтливо лелѣяла всѣми возможными благами, какія только понималъ онъ въ этомъ мірѣ.

— Становись! сказалъ ему Александръ, окончивъ свои приготовленія.

— Но, милостивый государь, возразилъ Петръ Ивановичъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и глядя на своего противника мутными глазами: — это смертоубійство!.. это, могу сказать... что это даже можно назвать, этакъ, то-есть... что это похоже на разбой... Вы хотите убить меня.

— Да, я хочу убить тебя, человѣкъ бездушный и ничтожный... я хочу убить тебя за кровавую обиду, которую ты нанесъ мнѣ, за несчастную жертву, которую я погубилъ черезъ твои гнусныя козни. Я хочу застрѣлить тебя, какъ негодяя, гнусный человѣкъ. Я хочу застрѣлить тебя, потому-что ты нанесъ мнѣ оскорбленіе, которое можетъ омыться только кровью, и за то, что теперь ты готовъ ускользнуть всѣми возможными средствами отъ удовлетворенія, которое долженъ дать всякій, у кого есть хотя малѣйшее понятіе о чести. Но я не хочу пользоваться своими правами; жизнь надоѣла мнѣ; предаю месть суду Божію; оставляю тебѣ свободу защищаться и даже не подыму на тебя руки прежде твоего удара... Но если Богъ спасетъ меня отъ твоей пули, тогда... о, тогда это будетъ приговоръ судьбы! тогда нѣтъ тебѣ пощады... Становись!

— Александръ Андреичъ, началъ опять Петръ Ивановичъ, не двигаясь съ мѣста (зубы его стучали одинъ о другой, онъ едва выговаривалъ слова): — Александръ Андреичъ, это ужасно, что̀ вы хотите дѣлать, это смертоубійство; я не знаю, за что вы хотите убить меня... я не знаю этого, убей меня Богъ, если лгу... Это ужасно, Александръ Андреичъ; подумайте, вѣдь это смертоубійство, — преступленіе въ сей... грѣхъ въ будущей жизни.

Александръ, выслушавъ это увѣщаніе съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія, взялъ его за руку и, не говоря ни слова, привелъ и поставилъ на барьеръ, удалившись самъ на другую оконечность дистанціи.

— Выслушайте меня, продолжалъ Петръ Ивановичъ, стараясь говорить какъ-можно-громче по мѣрѣ того, какъ Александръ удалялся: — выслушайте, прошу васъ, ради самого Бога!.. чего вамъ отъ меня хочется? чтобъ я отступился? чтобъ я отдалъ вамъ ее? Возьмите, отдаю, отступаюсь, отъ всего отступаюсь... только, ради Бога, подумайте... Одумайтесь, вѣдь это смертоубійство!.. — Я отступаюсь, слышите, отъ всего отступаюсь! закричалъ онъ съ отчаяніемъ, видя, что Александръ, поднявъ пистолетъ противъ его груди, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Ты отступаешься, говорилъ онъ глухимъ голосомъ: — ты думаешь наградить меня этою снисходительною уступчивостью, отдавъ мнѣ свою сообщницу... Какая награда за то̀, что̀ ты отнялъ у меня, за преступленіе, которымъ ты навсегда омрачилъ и безъ того мрачную жизнь мою?.. Презрѣнные! всѣ вы презрѣнныя, жалкія твари, всѣ вы не стоите жизни, не стоите воздуха, которымъ вы дышите, люди бездушные. Стрѣляй!

Это послѣднее восклицаніе раздалось въ пяти шагахъ отъ Петра Ивановича, который ни живъ ни мертвъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, неподвижно, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, смотря на приближающееся дуло пистолета. Онъ словно приросъ къ землѣ подъ обаятельною силою этого страшнаго орудія. И когда грозный, послѣдній возгласъ Александра раздался такъ близко, потрясая все существо его, смутный инстинктъ самохраненія внезапно проснулся, при видѣ близкой погибели... Петръ Ивановичъ машинально давнулъ роковую пружину; выстрѣлъ грянулъ съ глухими раскатами; черезъ секунду другой... далеко эхо повторило удары, и снова все смолкло; легкій дымокъ взвился къ сизымъ тучамъ.

VI.

Развязка.

Петръ Ивановичъ, блѣдный, безчувственный, облитый кровью, струившеюся изъ глубокой раны въ правомъ боку, лежалъ на травѣ, а Александръ стоялъ передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, почти столько же блѣдный, и жадно всматривался въ черты лица пораженнаго врага своего.

Не буду скрывать передъ вами состояніе души моего героя, — этого состоянія, столько разъ и такъ подробно описаннаго.

Смерть положила печать свою на лицѣ его жертвы; онъ схватилъ руку и... о счастіе! пульсъ еще бился. Не теряя минуты, молодой человѣкъ, въ которомъ внутреннія волненія удвоили его атлетическую силу, поднялъ на плеча бездушное тѣло и быстро пустился по лѣсной тропинкѣ, которая вела въ сторону, откуда пришелъ онъ. Во время пути, возвратившееся хладнокровіе освѣжило разсудокъ, который напомнилъ ему всю опасность его положенія; но тѣмъ не менѣе онъ, не зная какъ оказать хоть малѣйшее пособіе умирающему, рѣшился, во что бы то ни стало, призвать чью-нибудь помощь, и потому нашелъ нужнымъ вынесть раненнаго на такое мѣсто, гдѣ безъ труда могли бы найдти его. Пройдя съ четверть версты съ своею тяжелою ношею, онъ вышелъ на проѣзжую проселочную дорогу и тотчасъ узналъ въ ней ту, которая пролегаетъ изъ Ванеги въ Привѣтино. На краю этой дороги, подъ огромною развѣсистою елью, сложилъ онъ свое бремя, открылъ грудь, теръ виски, облилъ лицо безчувственнаго Петра Ивановича холодною водою, которую, по счастію, нашелъ возлѣ въ небольшой ямкѣ, образовавшейся отъ дождевыхъ потоковъ, размывшихъ покатую мѣстность. Наконецъ понемногу появились признаки жизни, и Петръ Ивановичъ сдѣлалъ движеніе. Тогда Александръ побѣжалъ со всею быстротою, къ которой онъ былъ способенъ, по дорогѣ къ своему дому. Вечерняя темнота,

сгущенная тучами, совершенно покрыла землю во время последнихъ событій. Скоро достигъ онъ усадьбы и, при входѣ въ улицу, увидѣлъ экипажъ Петра Ивановича, выѣзжавшій изъ Привѣтина на ту самую дорогу, по которой пришелъ онъ... Александръ тотчасъ своротилъ въ сторону и издали имѣлъ утѣшеніе видѣть, что коляска тихо направилась къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ умирающаго. Лакей Петра Ивановича шелъ возлѣ экипажа; значитъ, не было сомнѣнія, что онъ найдетъ своего раненнаго барина и подастъ ему помощь; но совсѣмъ тѣмъ Александръ не могъ рѣшиться возвратиться домой, не увѣрившись въ исполненіи своего ожиданія. Онъ слѣдилъ за коляскою, скрытый вечернимъ туманомъ и уже вслушавшись въ возгласы лакея и кучера на слишкомъ-хорошо извѣстномъ ему мѣстѣ, убѣдился наконецъ, что они открыли своего господина и располагаются отвезти его въ Ванегу. Полями, черезъ плетни и огороды, прошелъ онъ до частокола, окружавшаго садъ, принадлежавшій господскому дому, проникъ въ него черезъ полевую калитку и по темнымъ аллеямъ обычнымъ путемъ, которымъ онъ каждый день отправлялся въ ночныя прогулки, достигъ до стеклянныхъ дверей дома, выходившихъ въ цвѣтники, отперъ ихъ ключомъ, который всегда носилъ съ собою, и вошелъ въ свою спальню, чрезъ которую пробрался въ кабинетъ. Окна этой послѣдней комнаты были закрыты толстыми занавѣсками, и потому въ ней господствовалъ густой, непроницаемый мракъ.

Подошедъ къ столу, чтобъ взять коробочку съ фосфорными спичками, среди всеобщей мертвой тишины, царствовавшей внутри и внѣ дома, онъ ясно услышалъ въ углу кабинета тихій, но глубокій вздохъ. Это странное обстоятельство заставило вздрогнуть молодаго человѣка, который не былъ вовсе свободенъ отъ суевѣрнаго страха, и особенно въ томъ разстроенномъ положеніи, въ которомъ былъ въ это время. Ключъ отъ двери кабинета, выходившей въ сѣни, обыкновенно оставался у Осипа. Поспѣшно досталъ онъ огня, зажегъ восковую свѣчку и тотчасъ обратился къ тому мѣсту, гдѣ ему послышался вздохъ. На диванѣ, въ глубокомъ снѣ, лежала Вѣра...

Александръ не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ приблизилъ свѣтъ къ лицу спящей: это была точно Вѣра, блѣдная и худая, какою онъ еще недавно видѣлъ ее у ногъ своихъ, на паперти храма. Она спала крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ, положивъ голову на руку; распущенные волосы въ безпорядкѣ падали на стройную шею и совершенно закрывали бѣлыя плеча и грудь, тяжело подымавшуюся. Густой слой пыли покрывалъ ея маленькія, стройныя ножки.

Это непостижимое явленіе, такъ загадочно дополнившее приключеніе дня, полнаго необычайными событіями, окончательно поразило утомленнаго и измученнаго Александра. Онъ стоялъ неподвижно передъ спящею дѣвушкою, и долго глядѣлъ бы онъ на нее, не измѣняя положенія, еслибъ яркій свѣтъ не произвелъ сво-

его дѣйствія на Вѣру, спавшую до того въ совершенной темнотѣ. Она сдѣлала легкое движеніе и потомъ открыла глаза; но скоро опять закрыла, потомъ открыла вновь, отѣнивъ ихъ рукою. Александръ спѣшилъ поставить свѣчу на столъ. Видъ молодаго человѣка произвелъ на дѣвушку сильное впечатлѣніе. Она быстро поднялась, торопливо протерла глаза и сѣла, вперивъ на него взглядъ, какъ-бы не узнавая его и стараясь опомниться; но когда Александръ поставилъ свѣчу, обернулся къ ней, когда она увидѣла ярко-освѣщенное лицо моего героя, эти знакомыя, милыя черты мгновенно воскресили въ памяти все прошедшее и настоящее и, вскочивъ съ изступленіемъ, Вѣра кинулась къ молодому человѣку, крѣпко обхватила его руками и съ судорожнымъ напряженіемъ прижалась къ груди, склонивъ голову на плечо его.

— Спаси меня, шептала она, дрожа всѣмъ тѣломъ и все крѣпче и крѣпче сжимая его въ объятіяхъ:—спаси меня, Александръ, мой милый... и если нельзя... если мнѣ суждено погибнуть, дай умереть здѣсь, возлѣ тебя, на груди твоей, возлѣ твоего сердца. Не оставляй меня имъ; умоляю тебя, не оставляй!.. Теперь, когда я нашла тебя, я отдаюсь тебѣ... я вся твоя; не отдавай меня никому, никому; я твоя; дѣлай со мною, что̀ хочешь, убей меня... но не разлучай въ другой разъ съ собою... Это жестоко, Александръ; у тебя великодушное сердце; ты не знаешь, что̀ перенесла я; я не могла умереть; но то̀, что̀ перенесла я, ужаснѣе, въ тысячу разъ ужаснѣе смерти. Ты не зналъ этого; но теперь, когда ты знаешь, ты не отдашь меня имъ?.. Они губятъ меня; медленно губятъ... Нѣтъ, нѣтъ! ты не оставишь меня?.. Да? Отвѣчай же!

Этотъ безсвязный монологъ обнаруживалъ такое страшное волненіе, что опасеніе о разстройствѣ разсудка несчастной дѣвушки невольно представилось уму моего героя.

— Я не оставлю тебя, Вѣра, бѣдный другъ... не отдамъ тебя теперь никому, никому въ мірѣ, сказалъ онъ, сажая ее на софу и садясь рядомъ съ нею. — Успокойся и скажи мнѣ, что съ тобой?

— Ты ли это, Александръ?.. О, я думала, что я навсегда тебя потеряла! Но ты опять со мною,—и она сжала его въ своихъ объятіяхъ.

— Это ты! продолжала она, снова вглядываясь въ него нѣжнымъ взоромъ, въ которомъ выливалась вся страсть, наполнявшая ея душу:—да́, это ты; она взяла его руки. Но, Боже милосердый, что̀ это значитъ, ты весь облитъ кровью!

— Кровью?..

Александръ вскочилъ и поблѣднѣлъ, увидѣвъ длинную и широкую полосу крови, запекшуюся на сюртукѣ его отъ самаго плеча и почти до подола.

— Ты раненъ, Александръ! Взгляни: вотъ еще свѣжая, теплая кровь на правой рукѣ. И, закрывъ глаза руками, Вѣра упала на

софу, на которой сидѣла. Александръ стремительно кинулся къ камину, торопливо снялъ свой сюртукъ, бросилъ въ каминъ, заложилъ сухими дровами и зажегъ ихъ: все это сдѣлалось въ мгновеніе ока. Вѣра, открывъ глаза, увидѣла огромное кровавое пятно на правомъ рукавѣ его бѣлой сорочки.

— Ты раненъ? Что̀ это значитъ, Александръ? Мой милый, скажи, ради Бога, что̀ это значитъ? что̀ случилось съ тобою?

Вѣра подняла окровавленный рукавъ: выше кисти широкій рубецъ разрѣзывалъ тѣло; тонкая струя крови медленно стекала изъ раны. Пуля сорвала кожу и слегка прорѣзала мясистую часть полной, мускулистой руки молодаго человѣка.

При видѣ свѣжей раны и текущей крови, голова Вѣры снова закружилась, ноги ея задрожали; но она мгновенно побѣдила эту слабость, схватила платокъ и крѣпко перевязала пораженное мѣсто.

— Пошли сію минуту за лекаремъ.

— Невозможно и безполезно! Это ничтожная рана, возразилъ Александръ разсѣянно, не сводя глазъ съ пылающаго камина, гдѣ сухіе дрова занялись яркимъ пламенемъ и густой дымъ валилъ отъ загорѣвшейся ваты сѣраго сюртука его.

— Невозможно? Отъ-чего невозможно?.. Съ тобою случилось что-нибудь ужасное, Александръ?.. Это тайна или нѣтъ для меня?..

— Я хочу знать прежде твою исторію.

— Ты сейчас узнаешь ее; но еслибъ ты разсказалъ мнѣ прежде, что̀ было съ тобою, ты бы успокоилъ меня.

— Успокоить!.. Вѣра, бѣдный, несчастный другъ!.. Для насъ болѣе нѣтъ спокойствія. Надо мною тяготѣетъ рука гнѣвной судьбы, и я приношу бѣдствія всѣмъ, кто меня любитъ... Спокойствіе твое погибло съ той минуты, какъ ты узнала меня... погибло невозвратно...

— Неправда... о, какъ ошибаешься ты!.. Съ той минуты, когда я знаю, что̀ никто и ничто не разлучитъ меня съ тобою, оно возвратится. Но скажи, что̀ это значитъ?.. эта кровь... эта рана?

— Кровь?.. Это значитъ, Вѣра, что я убилъ его и что другъ твой, любимый тобою Алексанрдъ—убійца, дважды убійца...

— Ты убилъ его въ равномъ бою?.. Онъ тебя ранилъ?.. продолжала Вѣра слабымъ голосомъ: — но кого?.. Кто былъ это?..

— Женихъ твой...

Наступило молчаніе. Вѣра не сводила глазъ съ своего страшнаго друга: ихъ взоры часто встрѣчались. Александръ стоялъ скрестивъ на груди руки...

— Да̀, Вѣра, вотъ твоя участь. Ты отдалась человѣку, который погубилъ невинное, прелестное созданье... Я былъ ея геніемъ-хранителемъ; я готовилъ ей будущность, украшенную всѣми утѣхами счастія, и я же, я... лишилъ ее всего: и чести и жизни!

Порывы ярости давно утихли уже въ его бурной душѣ, и теперь, подъ вліяніемъ тоски болѣе кроткой и тихой, онъ закрылъ руками лицо и залился слезами.

— Я сегодня получилъ эту ужасную вѣсть о ея преждевременной смерти, и не найдя тебя, Вѣра, на мѣстѣ свиданія, думалъ быть предметомъ все той же насмѣшки, которая ей стоила жизни... Неумолимая судьба свела меня съ нимъ... съ этимъ человѣкомъ, котораго гнусный обманъ былъ причиною всѣхъ этихъ бѣдствій; я поставилъ его на барьеръ... Онъ выстрѣлилъ и слегка ранилъ меня; а я... я жаждалъ мести и убилъ его.

Александръ снова закрылъ лицо руками.

Поднявъ черезъ нѣсколько времени глаза, онъ встрѣтилъ взоръ Вѣры, полный любви и нѣжности.

— Кáкъ, Вѣра, воскликнулъ онъ въ изумленіи:—ты не бѣжишь? Ты все еще любишь меня?

— Люблю ли, мой милый? О, больше, чѣмъ когда-нибудь, и теперь я вполнѣ счастлива... Теперь, Александръ, ты узнаешь, *какъ* и *сколько* могу я любить... теперь, когда надъ тобою разразилось несчастіе, ты узнаешь, чтò можетъ любовь... Теперь, когда ты долженъ бѣжать, скрыться, гонимый и преслѣдуемый, я, одна я не оставлю тебя, и каждую минуту спокойствія, каждую минуту радости, каждую минуту горя и грусти я одна, одна я буду дѣлить съ тобою!..

— Ты, Вѣра!.. Ты рѣшишься на это?

— Я рѣшилась...

Молодой человѣкъ готовъ былъ предаться восторгу, который возбудила въ немъ эта безпредѣльная преданность, какъ снова мрачныя мысли отравили его блаженство...

— Но, Вѣра, какими судьбами ты здѣсь?

— Сегодня, въ назначенное время для свиданія съ тобою, я пріѣхала въ городъ вмѣстѣ съ Липочкой. Любаша тотчасъ подала намъ чай, и такъ-какъ я немного озябла и утомилась отъ дороги,—ты не можешь представить себѣ, кàкъ я стала слаба послѣ болѣзни,—то Любаша предложила мнѣ отдохнуть. Тебя еще не было, и я приняла съ удовольствіемъ ея предложеніе, потому-что общество этой женщины всегда для меня несносно; а сегодня она была особенно разсѣянна и отвратительна... Я легла въ ея спальнѣ... Прислушиваясь къ каждому стуку, я съ бьющимся сердцемъ ждала твоего пріѣзда, какъ вдругъ почувствовала, что сонъ начинаетъ одолѣвать меня. Эта странная, неумѣстная сонливость въ то время, какъ сердце мое такъ сильно билось, изумила меня; я употребляла всѣ усилія, чтобъ побѣдить непостижимую слабость, и не могла открыть глазъ, не могла оторвать головы отъ подушки. Эта борьба привела меня въ истерическое, раздражительное состояніе, и хотя сонъ почти совершенно овладѣлъ мною, хотя глаза мои были закрыты, но я сохраняла сознаніе о томъ, что кругомъ

меня дѣлалось. И вотъ, слышу я странный шумъ: какъ-будто отворилось окно въ моей комнатѣ, и кто-то черезъ него вошелъ въ нее. Внутренняя дѣятельность моя сильнѣе раздражилась; сонъ начиналъ уступать; я различила ясно движеніе занавѣсокъ у постели, собрала всѣ силы, открыла глаза,—передо мною стоялъ молодой мужчина.

— Кто же былъ это?

— Ты его не знаешь.

— Но я узнáю... Говори, кто онъ?

— Ты опять воспламенился, другъ мой... это не стóитъ того. Все кончилось ничѣмъ; можетъ-быть, это была игра моего воображенія.

— Но кого же ты видѣла?

— Ты непремѣнно хочешь знать?

— Непремѣнно.

— Авосина..

— Авосина?..

— Да.

— Хорошо. Продолжай.

— Страхъ возвратилъ мнѣ всѣ мои силы. Я вскочила и вскрикнула. Подъ окномъ раздался другой крикъ... Авосинъ устремился къ окну и однимъ прыжкомъ выскочилъ въ садъ. Не могу тебѣ передать, въ какомъ состояніи была я въ эту минуту... это было какъ-будто помѣшательство... однакожь, я не слишкомъ испугалась. Ты знаешь, я не имѣю нервической раздражительности моей тётушки; но голова моя, отуманенная сномъ, горѣла и кружилась; страшный хаосъ мыслей кипѣлъ въ ней съ страшною болью. Не знаю кàкъ, не знаю почему, но мнѣ показалось, что тебѣ грозитъ бѣда, и нестерпимо давила сердце мое непостижимая тоска. Въ безпамятствѣ и изступленіи я спустилась въ садъ, черезъ открытое окно, вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ; окно было на аршинъ отъ земли; изъ сада я вышла на какую-то пустую улицу; потомъ на поля и пустилась бѣжать въ лѣсокъ, примыкавшій къ знакомой мнѣ дорогѣ. По полямъ и лѣсамъ, избѣгая селеній, я странствовала почти до самаго вечера и наконецъ, возлѣ здѣшней усадьбы, встрѣтилась съ твоимъ каммердинеромъ, который привелъ меня сюда... Все время я была въ странномъ состояніи безпамятства, какъ-будто неодолимый сонъ оковывалъ всѣ мои мысли; только одно предчувствіе твоей опасности руководило меня, и едва достигла я этой софы, какъ, не владѣя болѣе собою, упала на нее и заснула...

Не прерывая слушалъ этотъ разсказъ вспыльчивый Александръ, который тотчасъ догадался, что Вѣра была жертвою какого-нибудь гнуснаго замысла. Брови его нахмурились, и порывъ гнѣва снова закипятилъ кровь; но онъ тотчасъ вспомнилъ, что его положеніе и положеніе Вѣры не позволяло ему терять времени.

Жребій брошенъ. Надобно было бѣжать и спѣшить прикрыть поступокъ несчастной дѣвушки священнымъ союзомъ. Другаго выбора не было. Герой мой позвалъ своего каммердинера и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ отъѣзду. Онъ приказалъ ему немедленно выслать тройку лошадей въ маленькую деревушку, верстъ за двадцать отъ Привѣтина, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги. Другая тройка должна была ожидать его, запряженная въ коляску, у задней садовой калитки. Осипу велѣно было сдѣлать всѣ эти приготовленія какъ можно безъ шума, безъ огласки. Мысль Александра была обвѣнчаться съ Вѣрою въ первомъ селѣ, которое они встрѣтятъ на пути при наступленіи дня, и потомъ пробраться черезъ Петербургъ за границу... Приготовленія къ отъѣзду шли быстро, какъ вдругъ на дворѣ послышался шумъ экипажа и, черезъ нѣсколько минутъ, Миронычъ постучалъ въ окно.

— Что́ тебѣ надобно, старый болванъ? тихо спросилъ его Осипъ (занимавшійся укладкою вещей въ кабинетѣ), приподнявъ немного окно:—не умѣлъ, чай, отказать... кого тамъ принесла нелегкая, на ночь глядя? Вѣдь ты знаешь, что барина нѣтъ дома. Онъ въ городѣ.

— Да̀, подите-тка вы откажите. Барыня и слушать не хочетъ... Знаю, говоритъ, что онъ никого не принимаетъ; а меня пріиметъ.

— Тьфу ты пропасть! ворчалъ Осипъ: — вотъ навязались эти барыни!

— Кто тамъ такой? шопотомъ спросилъ Александръ.

— Какая-то барыня, сударь.

— Барыня?

— Точно такъ, сударь.

— Одна?

— Одна? спросилъ Осипъ въ окно.

— Одна, отвѣчалъ Миронычъ: — вотъ она записку мнѣ дала... Покажи, говоритъ, барину.

Осипъ передалъ Александру лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано нѣсколько словъ карандашомъ. Едва молодой человѣкъ взглянулъ на эту записку, поднеся ее къ огню, какъ обернулся въ сильномъ волненіи къ каммердинеру и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Проси сюда...

Каммердинеръ, взглянувъ на него съ изумленіемъ, вышелъ.

Александръ торопливо надѣлъ сюртукъ и плотно притворилъ двери спальни, въ которой была Вѣра.

Черезъ минуту, въ кабинетъ вошла, въ сопровожденіи Осипа, женщина въ черномъ салопѣ и шляпкѣ, закрытая черною вуалью. Когда каммердинеръ удалился, она открыла лицо, и Александръ увидѣлъ Ирину Матвѣевну.

— Вы здѣсь?.. въ эту минуту?.. что̀ это значитъ?

— Это значитъ, добрый другъ мой, что я вамъ привезла новое горе, отвѣчала Ирина Матвѣевна, скинувъ салопъ и сѣвъ на кресло близь пылавшаго камина:—садитесь сюда и слушайте... Я знаю твердость души вашей... Вы поддержите, подкрѣпите меня. Да, мой добрый, благородный другъ... сердце мое разбито, уничтожено... Послѣдняя опора, поддерживавшая мою душу, уничтожена жестокимъ, безжалостнымъ образомъ. И я не могу даже искать утѣшенія въ благородномъ сердцѣ вашемъ... безъ преступленія... безъ позора...

Ирина Матвѣевна замолчала. Александръ понялъ, какую новость она привезла ему, и въ разстроенной головѣ его мелькнула мысль о самоубійствѣ. Тётка его продолжала:

— На другой день твоего отъѣзда, *онъ* прислалъ мнѣ приказаніе, чтобъ я оставила домъ *его*. Я истощила всѣ средства, чтобъ съ нимъ объясниться — и безуспѣшно; онъ не допустилъ меня къ себѣ. Онъ написалъ мнѣ, что убѣжденъ въ моемъ ужасномъ преступленіи и въ своемъ безчестіи; что хитрое лицемѣріе, съ которымъ я такъ долго скрывала отъ него позоръ свой, теперь обнаружено... что рѣшеніе его *непоколебимо*. Онъ уѣхалъ ночью—куда, не знаю... Долго... очень-долго—я ужь не знаю сколько времени ждала я его... Онъ не возвращался... Я должна была исполнить приказаніе, оставить домъ, который принадлежитъ ему... У меня нѣтъ никого, кромѣ брата. Я поѣхала къ нему, и въ селѣ, версты за три отсюда, гдѣ кормили лошадей моихъ, узнала вашу исторію и ваше убѣжище. Я не могла проѣхать мимо; Богъ-знаетъ, увидимся ли мы когда-нибудь. Я предчувствую, что мнѣ не долго страдать... Здѣсь смерть (она показала на грудь), близкая смерть...

Александръ молча выслушалъ разсказъ новой жертвы страшной судьбы, поражавшей черезъ него все, что было ему мило и дорого. Онъ склонилъ голову на грудь и погрузился въ тягостное раздумье. Собесѣдница его, также подавленная воспоминаніями, не думала прерывать молчанія. Она глядѣла на переливы огня, пробѣгавшаго по угольямъ, и долго, можетъ-быть, продолжалась бы эта нѣмая сцена, еслибъ Вѣра не прервала ея, вбѣжавъ въ кабинетъ блѣдная и испуганная. Она остановилась-было при видѣ незнакомой дамы, которой присутствія никакъ не подозрѣвала тутъ въ эту минуту; но это впечатлѣніе было мимолетно.

— Тамъ, въ саду... люди, сказала она, подойдя къ Александру и съ выраженіемъ испуга оглядываясь на дверь спальни. — Они пробовали отворять стеклянную дверь на террассу, и я слышала тихіе голоса.

Александръ вспомнилъ, что онъ, въ разсѣянности, оставилъ ключъ снаружи, войдя въ садъ черезъ эту стеклянную дверь...

Онъ быстро вскочилъ, чтобъ идти удостовѣриться въ справедливости разсказа Вѣры, какъ новый шумъ на дворѣ привлекъ его вниманіе. Вслѣдъ за тѣмъ раздались громкіе голоса и легкій стукъ въ дверь изъ сѣней.

— Это ты, Осипъ? тихо спросилъ Александръ.

— Я, сударь; крайне-нужно.

— Войди.

Осипъ вошелъ и тотчасъ заперъ дверь на крючокъ... Онъ сдѣлалъ знакъ Александру, что желаетъ сказать ему нѣсколько словъ по секрету. Александръ отошелъ съ нимъ въ уголъ комнаты.

— Здѣсь исправникъ.

— Исправникъ!..

— Точно такъ-съ, и съ нимъ цѣлая толпа.

— А! послѣдняя развязка! Коляска готова?

— Готова-съ.

— Подана?

— У садовой калитки.

— Бѣги, отвлеки эту сволочь на нѣсколько времени; потомъ возьми лошадь и догоняй насъ. Я подожду тебя у Крутаго-Рога. Смотри же, умнѣе! не мѣшкать!

— Слушаю-съ.

— Они видѣли коляску тётушки?

— Видѣли.

— И узнали чья?

— Узнали.

— Позаботься о ней. Тётушка очень-разстроена. Ну, бѣги же.

Весь этотъ разговоръ происходилъ шопотомъ. Женщины, слѣдившія глазами всѣ движенія Александра и вмѣстѣ съ тѣмъ осматривавшія по-временамъ одна другую, не слыхали ни одного слова. Осипъ вышелъ поспѣшно. Александръ заперъ дверь изнутри ключомъ, обернувъ его два раза. На блѣдномъ лицѣ его выражалась твердость и рѣшимость. Шумъ на дворѣ увеличивался.

— Прощайте, мой милый другъ, сказалъ Александръ, подойдя къ тёткѣ и поцаловавъ ее; крупная слеза навернулась на его рѣсницѣ. Ирина Матвѣевна крѣпко обняла его, прижавъ къ груди его голову. Она не могла плакать.

— Вы ужь ѣдете?.. Мы опять разстаемся? и теперь *навсегда*...

— Я не могу терять минуты. Меня преслѣдуютъ...

— Прощай. Еще поцалуй, послѣдній поцалуй дружбы для меня въ этомъ мірѣ.

— Поѣдемте, Вѣра Николавна! Онъ взялъ за руку испуганную дѣвушку. Вѣра крѣпка прижалась къ нему. Мимоходомъ Александръ захватилъ со стола пару карманныхъ пистолетовъ, накинулъ на себя плащъ, на Вѣру пальто, оба надѣли фуражки и Александръ первый вошелъ въ спальню. Тамъ никого не было.

Проворно погасилъ онъ горѣвшую на столѣ свѣчу, прошелъ въ темный, узенькій корридорчикъ, устремился быстрыми шагами въ дѣвичью и оттуда на заднее крыльцо, близь котораго былъ садовый заборъ, въ этомъ мѣстѣ изломанный. Вѣра спѣшила за нимъ, и въ то время, когда она проходила въ низенькую дверь, ведущую въ корридоръ изъ спальни, стеклянная дверь изъ сада съ шумомъ отворилась. Двѣ темныя человѣческія фигуры ясно обозначались на свѣтломъ четырехугольникѣ, образовавшемся отъ отворенной двери. Александръ остановился. Онъ слышалъ, какъ двое прибывшихъ прошли въ кабинетъ, затворивъ за собою стеклянную дверь. Бѣглецы снова пустились въ путь. Они прошли по корридору на цыпочкахъ. Сердце Вѣры билось съ невыразимою силою. И вотъ они въ дѣвичьей, въ сѣняхъ. Александръ взялся за скобку двери; толкнулъ, дверь сопротивляется... новое усиліе безполезно. Нѣтъ сомнѣнія, что эта дверь заперта снаружи. Александръ удостовѣрился, что надежда спасенія съ этой стороны совершенно уничтожилась. Какъ ни твердъ и безстрашенъ былъ онъ въ минуту опасности, но теперь, когда съ его судьбою соединялась судьба существа столько имъ любимаго, неустрашимость его поколебалась. Остались два средства къ побѣгу, и оба болѣе чѣмъ сомнительныя. Изъ сада къ крышѣ дома была приставлена лѣстница, до которой можно было добраться изъ круглаго окна чердака; но какъ подвергнуть Вѣру подобнаго рода путешествію? Еще можно было, не теряя времени, пройдти чрезъ спальню въ стеклянную дверь, которую не заперли двое вошедшихъ. Разсуждать было некогда: бѣглецы снова въ корридорѣ. Вѣра едва переводитъ дыханіе; вотъ они въ дверяхъ спальни; тамъ царствуетъ темнота; въ кабинетѣ голоса и движеніе. Александръ безъ малѣйшаго шума отворяетъ стеклянную дверь; Вѣра уже на серединѣ комнаты, какъ вдругъ въ дверяхъ кабинета явился, съ свѣчою въ рукѣ, высокій, толстый мужчина въ военномъ сюртукѣ, съ синимъ воротникомъ, краснолицый, съ сѣрыми быстрыми глазами и рядомъ съ нимъ — Николай Григорьевичъ...

Ноги бѣдной дѣвушки затряслись; она не могла сдѣлать ни шагу. Александръ также остановился у растворенной двери. Николай Григорьевичъ взглянулъ попеременно на обоихъ любовниковъ, и вѣчно-блѣдное лицо его покрылось красными пятнами. Костюмъ Вѣры произвелъ это дѣйствіе.

Нѣсколько мгновеній всѣ четверо дѣйствующихъ лицъ оставались неподвижными.

— Рекомендую себя, я здѣшній р — скій исправникъ, сказалъ наконецъ толстый господинъ, поставивъ на столъ свѣчку и обращаясь къ Александру.—Потрудитесь затворить дверь, потому-что изъ нея чертовски несетъ; а я, къ-несчастію, подверженъ флюсу... Не угодно ли вамъ пожаловать сюда къ намъ и я буду имѣть удовольствіе объяснить вамъ причину своего посѣщенія.

Александръ машинально повиновался и вошелъ въ комнату. Голосъ исправника уничтожилъ остолбенѣніе Николая Григорьевича; мрачный старикъ быстрыми шагами подошелъ къ дочери, сорвалъ съ нея фуражку и пальто, схватилъ за руку и потащилъ-было изъ комнаты...

— Александръ! воскликнула Вѣра, кинувъ умоляющій взглядъ на молодаго человѣка и протянувъ къ нему руки: — Александръ, проси его; онъ отецъ, онъ проститъ насъ... Говори. Скажи ему все. Раздраженный отецъ такъ сжалъ ея руку, что бѣдная дѣвушка вскрикнула и упала передъ нимъ на колѣни. — Батюшка, не разлучайте насъ!—Она обнимала его ноги.

— Оставьте ее, сказалъ Александръ, подходя къ старику:—она принадлежитъ мнѣ передъ Богомъ и людьми... Она жена моя...

Старикъ кинулъ на него ужасный взглядъ и не отвѣчая ни слова, съ неимовѣрною силою поднялъ дочь, лежавшую у ногъ его.

— Я убью тебя!.. шепталъ онъ ей задыхающимся голосомъ.

— Милостивый государь! началъ исправникъ, обращаясь къ Николаю Григорьевичу:—вы изволили слышать, что̀ сказалъ... этотъ молодой человѣкъ.

— Онъ безстыдный... наглый лжецъ! Николай Григорьевичъ едва могъ говорить отъ гнѣва. — Дѣлайте свое дѣло. А между мною и дочерью судья одинъ Богъ.

— Я не отдамъ ея никому въ мірѣ! воскликнулъ Александръ, поблѣднѣвъ какъ смерть, когда оскорбительные эпитеты старика коснулись его слуха. Онъ схватилъ за другую руку Вѣру, которая, стоя на колѣняхъ, едва живая отъ страха, склонила къ нему голову.

— Это кончится новымъ убійствомъ, если вы не окажете должной помощи, сказалъ старикъ, обращаясь къ исправнику; блѣдныя губы его дрожали: — этотъ изступленный попираетъ всѣ законы. Я положу мою жалобу къ стопамъ государя, если мнѣ сію же секунду не отдадутъ дочери...

— Слышите? воскликнулъ Александру исправникъ: — извольте сейчасъ оставить эту молодую дѣвицу ея родителю, или, иначе, милостивый государь, я принужу васъ силою... Отпустите ея руку, говорю я вамъ!.. Слышите?.. Вы не слушаете; я кликну людей и велю связать васъ...

Александръ оставилъ руку полумертвой Вѣры и стремительно рванулся къ исправнику; но бѣдная дѣвушка ослабѣвшими руками удержала его... Бѣшенство Александра выходило изъ предѣловъ. Глаза налились кровью, на лбу страшно напряглись жилы, посинѣвшія губы дрожали. Онъ трепеталъ какъ раненный тигръ, опутанный сѣтями и поражаемый стрѣлами охотниковъ... Послѣднее усиліе Вѣры совершенно утомило ее, и она лишилась чувствъ.

— Милостивый государь, продолжалъ хладнокровно исправникъ, осматривая съ ногъ до головы Александра самымъ ужаснымъ взглядомъ: — совѣтую вамъ удержаться. Вамъ не спугнуть меня; потрудитесь разсмотрѣть хорошенько вашего покорнѣйшаго слугу; извольте-ка вглядѣться. Мы, сударь, и не такихъ видали. Такъ не угодно ли вамъ быть поскромнѣе?.. Не забывайте, что вы обвинены... въ *убійствѣ;* что это, сударь, криминалъ; что это пахнетъ... *ссылкою*... и *лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія*... Такъ совѣтую и весьма совѣтую, мой почтеннѣйшій, быть поскромнѣе.

Едва эти страшныя, выговоренныя густымъ басомъ слова прозвучали среди гробоваго молчанія, царствовавшаго въ комнатахъ, въ кабинетѣ раздался глухой, долгій стонъ.

Александръ въ одно мгновеніе перенесся туда. На софѣ лежала Ирина Матвѣевна съ страшно-неподвижными открытыми глазами, съ посинѣвшимъ лицомъ; полуоткрытыя губы ея судорожно шевелились; правая рука была прижата къ сердцу. Александръ остановился въ двухъ шагахъ отъ нея, не смѣя подойдти ближе. Вдругъ рука ея упала; голова склонилась на плечо; она протянулась легкимъ движеніемъ и потомъ осталась неподвижною.

— Тутъ, кажется, кончено! сказалъ тихо исправникъ, нѣсколько минутъ наблюдавшій изъ-за Александра всѣ движенія его тётки. Онъ съ осторожностью подошелъ къ ней, вѣжливо взялъ ея руку: рука была холодна какъ ледъ; пульсъ остановился...

— Гм! произнесъ онъ съ легкимъ поклономъ: — мое почтеніе! Этакого сплетенія обстоятельствъ еще не было со мною ни на одномъ слѣдствіи... А, Пипкинъ? — Послѣднія слова обращались къ рябоватому молодому человѣку въ форменномъ фракѣ съ мѣдными форменными пуговицами, помѣщавшемуся очень-спокойно, какъ дома, за письменнымъ столомъ Александра.

— Да-съ, и крыжовское слѣдствіе въ подмётки не годится, — дрянь-дѣлишко передъ этимъ, отвѣчалъ письмоводитель съ значительною улыбкою.

Александръ также подошелъ къ бездушному трупу Ирины Матвѣевны, положилъ ей на сердце руку, приблизилъ лицо къ губамъ ея, чтобъ слышать дыханіе, и когда убѣдился въ ужасной истинѣ, съ безчувственнымъ равнодушіемъ сѣлъ возлѣ и подперъ голову руками.

— Какъ ваше званіе, чинъ, имя, отчество и фамилія? Какого вы вѣроисповѣданія? Бываете ли на исповѣди и у святаго причастія? возгласилъ, обращаясь къ нему, служитель благочинія.

Исправникъ, усѣвшійся въ это время очень-покойно на кресла противъ камина и подкладывавшій въ огонь маленькое полѣнцо, обернулся и устремилъ проницательный взглядъ на Александра, въ ожиданіи отвѣта, который своимъ болѣе или менѣе покорнымъ

оборотомъ долженъ былъ опредѣлить его роль. Если обвиняемый рѣшится отвѣчать смирно и кротко, то исправникъ могъ свободно остаться на своемъ мѣстѣ, у огонька, и только изрѣдка вмѣшивать свое вліяніе въ процессъ допроса, который онъ вполнѣ довѣрялъ искусству и познаніямъ своего сотрудника, ученика знаменитаго Макара Евстигнѣевича.

Но отвѣта не было никакого. Александръ оставался въ прежнемъ положеніи.

— Григорій Евдокимычъ, не отправился ли ужь и этотъ? шепнулъ, нагнувшись къ своему командиру, веселый и остроумный Пипкинъ съ ироническою гримасою.

— Э?!! отвѣчалъ исправникъ и въ недоумѣніи подбросилъ еще полѣнцо.

═

Недавно пріѣхалъ ко мнѣ нашъ губернскій стряпчій, умный и образованный молодой человѣкъ. Случай сблизилъ меня съ нимъ, и я, уѣзжая въ Петербургъ, просилъ его сообщить мнѣ подробности объ этомъ любопытномъ процессѣ. Вотъ что получилъ я отъ него:

Письмо ***скаго губернскаго стряпчаго NN.

Спѣшу удовлетворить вашему любопытству; я совершенно окончилъ извѣстное вамъ слѣдствіе, и вотъ что изъ этого вышло.

Дѣло началось такимъ образомъ. Лакей и кучеръ вашего сосѣда Петра Ивановича, пріѣхавшіе съ нимъ 29 сентября въ Привѣтино, ждали до вечера своего барина и, не дождавшись, вздумали отправиться въ Ванегу, полагая, что въ такое позднее и ненастное время онъ не воротится къ Александру Андреевичу (который также не пріѣзжалъ еще изъ города), а отправится прямо къ нареченному тестю, такъ-какъ лѣсокъ, въ который пошелъ за охотою Петръ Ивановичъ, былъ на дорогѣ къ Ванегѣ и они, во всякомъ случаѣ, надѣялись его встрѣтить.

Послѣднее ожиданіе ихъ оправдалось. Они нашли своего несчастнаго барина подъ деревомъ, раненнаго и почти умирающаго и немедленно привезли его къ Николаю Григорьевичу. Тамъ была страшная тревога. Липочка возвратилась изъ города одна и объявила, что Вѣра скрылась; а за часъ до этого прискакалъ гонецъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что возлюбленный Гриша, сынокъ Бармотышева, окончилъ карьеръ свой на койкѣ военнаго госпиталя.

Можете представить положеніе Николая Григорьевича! Вы впрочемъ ошибетесь, если подумаете, что онъ былъ убитъ горемъ. Напротивъ, онъ свирѣпѣлъ при каждомъ новомъ ударѣ судьбы, и когда нареченный зять его, пришедъ немного въ чувство, въ бреду горячки, имъ овладѣвшей, произнесъ нѣсколько разъ имя Александра въ связи съ словами «смертоубійство, разбой, отнятіе невѣсты», то старикъ тотчасъ заключилъ, что главную ролю въ двухъ послѣднихъ его несчастіяхъ играетъ молодой Шершавинъ. Оскорбленный отецъ тотчасъ поскакалъ самъ въ городъ и привезъ къ себѣ исправника и лекаря. Исправникъ приступилъ къ слѣдствію, которое, разумѣется, началось показаніемъ Николая Григорьевича, подтверждаемымъ различными подозрѣніями, но ничѣмъ-недоказаннымъ.

Болѣе свидѣтелей не было. Раненный лежалъ въ бреду. Липочка не разсказала ничего. (Помните, что я разсказалъ вамъ первое дѣло «о нанесеніи смертельной раны Петру Ивановичу»; «о побѣгѣ Вѣры»—другое дѣло). Ненила Григорьевна показала вздоръ. Исправникъ отправился въ Привѣтино и тамъ получилъ очень-темныя свѣдѣнія. Никто не видалъ, какъ воротился Александръ въ этотъ вечеръ, но онъ точно также уходилъ и возвращался каждую ночь, во все время своего пребыванія въ Привѣтинѣ. Каммердинеръ отозвался рѣшительнымъ незнаніемъ. Кучеръ, бывшій съ Александромъ въ городѣ, показалъ, что баринъ его вышелъ изъ коляски въ такомъ-то мѣстѣ и пошелъ въ лѣсъ въ такую-то сторону; что черезъ часъ онъ слышалъ три выстрѣла, въ такой-то сторонѣ, одинъ погромче; за нимъ, черезъ нѣсколько секундъ, два другіе, почти рядомъ, потише; что, дождавшись темнаго вечера, онъ воротился домой... и только. Больше рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Между-тѣмъ въ эту исторію вмѣшался графъ Верейскій, который, какъ я вижу, вмѣшивается у васъ здѣсь во всѣ дѣла,—и исправникъ вновь явился въ Привѣтино, гдѣ за Александромъ учредили наблюденіе, обязавъ его подпискою о невыѣздѣ до окончанія слѣдствія и суда; набралъ тамъ бездну разныхъ показаній, одно нелѣпѣе и крючковатѣе другаго. Декорація однако скоро перемѣнилась. По показанію Липочки, Николай Григорьевичъ началъ въ то же время слѣдствіе о побѣгѣ Вѣры, и въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно по слухамъ, замѣшанъ Верейскій.

Впрочемъ, я разскажу вамъ здѣсь, къ слову, подробности этой исторіи.

Липочка вотъ что разсказала исправнику: когда Вѣра, *напившись* у Настойкиной *чаю,* легла въ ея спальнѣ, преданная дѣвочка, подъ предлогомъ прогулки, отправилась въ садъ и ходила тамъ по тѣмъ аллеямъ, откуда видно окно спальни, гдѣ была ея подруга. Она не хотѣла ни на минуту выпустить ее изъ вида въ стра-

нѣ непріятельской, и съ тѣмъ инстинктомъ, который увѣдомляетъ насъ объ опасности существъ, горячо нами любимыхъ, не сводя глазъ, сторожила своего друга. Вотъ, видитъ она, молодой человѣкъ отворяетъ окно спальни и тихо проникаетъ черезъ него въ эту комнату. Встревоженная Липочка тотчасъ узнала Авосина и, не теряя минуты, бросилась къ окну. Она видѣла, какъ бородатый юноша открылъ занавѣсъ; какъ Вѣра вскочила—и испуганная дѣвушка вскрикнула отъ ужаса и бросилась бѣжать черезъ дворъ въ комнаты, чтобъ дать знать объ опасности. На крыльцѣ она встрѣтила Владиміра, и такъ-какъ между имъ и этой чудесной дѣвочкой существуетъ особенная дружба, то она схватила его за руку и повела къ окну. Когда прибѣжали они туда, ни Авосина, ни Вѣры уже не было; но черезъ плетеный заборъ они увидѣли Авосина на улицѣ и пустились догонять его; скоро, разумѣется, достигли, и, не смотря на всѣ угрозы, преслѣдователь не могъ рѣшительно ничего узнать о судьбѣ бѣглянки. Посадивъ съ собою въ коляску расплакавшуюся и убитую горемъ Липочку, Владиміръ долго ѣздилъ съ нею по городу и по окрестностямъ безъ всякаго успѣха; наконецъ они встрѣтили колымагу Николая Григорьевича, стоявшую за городомъ, гдѣ ее оставила Вѣра, чтобъ никто не могъ знать, что она вмѣстѣ съ Александромъ у Любаши, и Владиміръ пересадилъ въ нее свою миленькую спутницу, простившись съ нею (говорятъ) самымъ нѣжнымъ образомъ, и поскакалъ донести своему дядюшкѣ о неудачной развязкѣ гнусной затѣи, для разстройства которой онъ нарочно отправился съ Александромъ. Вамъ извѣстно, гдѣ и какъ нашлась Вѣра, которую Николай Григорьевичъ привезъ домой, безчувственную и умирающую.

Исправникъ, т. е. Пипкинъ, произвелъ изслѣдованіе по этому послѣднему дѣлу; но Владиміръ такъ хорошо настроилъ Липочку, что съ ея словъ Николай Григорьевичъ заговорилъ о сонномъ порошкѣ, которымъ напоили Вѣру и, словомъ, дѣло начало принимать угрожающій видъ, тѣмъ болѣе, что Александръ, знавшій исторію Вѣры, написалъ объ этомъ частное письмо губернатору, и его превосходительство командировалъ меня.

Вы, можетъ-быть, удивляетесь, что уголовное слѣдствіе тянулось съ конца сентября и до января безъ всякаго рѣшительнаго результата; но казусныя дѣла, гдѣ замѣшиваются лица, подобныя Верейскому, не могутъ идти скорѣе; притомъ же, болѣзнь Петра Ивановича препятствовала этому: онъ былъ такъ слабъ, что нельзя и подумать было снимать съ него допросъ, тѣмъ болѣе, что горячка и бредъ возвращались къ нему безпрестанно.

Принявъ въ уѣздномъ судѣ эти дѣла, я внимательно разсмотрѣлъ ихъ и тотчасъ послалъ узнать о здоровьѣ раненнаго. Мнѣ привезли отвѣтъ, что онъ пришелъ совершенно въ память и желаетъ видѣть меня и обвиненнаго.

Тутъ произошла чрезвычайно-драматическая сцена, которую, однакожь, я не имѣю претензіи описывать драматически.

Въ прошедшее воскресенье, я отправился въ Ванегу, взявъ съ собою вашего уѣзднаго стряпчаго, который морилъ меня всю дорогу разсказами, какъ «важно» шли дѣла при прежнемъ губернаторѣ, у котораго онъ «имѣлъ честь» служить въ канцеляріи.

Въ залѣ у Николая Григорьевича я нашелъ Александра и съ нимъ Владиміра, сопутствовавшаго своему другу для компаніи и изъ любопытства. Черезъ четверть часа, насъ позвали въ комнату раненнаго, лежавшаго въ гостиной, на той самой софѣ, гдѣ Александръ, годъ тому назадъ, провелъ три недѣли. Тутъ былъ почтенный приходскій священникъ, сейчасъ только исповѣдавшій и причастившій св. тайнъ умирающаго. Николай Григорьевичъ и сестра его сидѣли у изголовья; Вѣра въ ногахъ; возлѣ стола Лизочка. Женщины плакали навзрыдъ.

Петръ Ивановичъ сдѣлалъ знакъ Александру, чтобъ онъ подошелъ, взялъ его за руку и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ слабымъ голосомъ:

— Слушайте, милостивый государь, и запишите слова мои. Я былъ врагомъ этому молодому человѣку, и онъ имѣлъ причины ненавидѣть меня; но мой духовный отецъ сейчасъ только изъяснилъ мнѣ слова писанія: «любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ»... и я, оставляя этотъ міръ, объявляю предъ лицомъ Бога и людей, что я прощаю ему, этому молодому человѣку, все, все... прощаю все такъ, какъ желаю, чтобъ онъ простилъ меня въ сей, а судія небесный въ будущей жизни... Объявляю, что онъ обвиненъ несправедливо, что я ни въ чемъ не обвиняю его, что малѣйшее зло, какое ему сдѣлаютъ за меня, возмутитъ покой души моей, которая скоро переселится туда, гдѣ нѣтъ злобы и ненависти, нѣтъ вражды и соперничества. Если предсмертная воля моя что-нибудь значитъ для окружающихъ меня, то я требую, чтобъ этотъ молодой человѣкъ былъ немедленно освобожденъ отъ всякаго преслѣдованія за поступокъ, въ которомъ его обвиняютъ. Я самъ ранилъ себя по неосторожности.

Александръ сдѣлалъ движеніе, показывавшее желаніе говорить, но больной мановеніемъ руки просилъ его не прерывать и далъ знакъ Вѣрѣ, чтобъ она встала и подошла къ нему. Онъ взялъ ея руку другою рукою.

— Выслушайте второе желаніе мое. Вы отдали мнѣ дочь вашу, сказалъ онъ, обращаясь къ старику.—Отецъ Иванъ благословилъ нашъ назначенный союзъ. Вѣра была моею предъ лицомъ Бога, и я считаю себя въ правѣ располагать теперь ея рукою столько же,

сколько и вы. По-крайней-мѣрѣ, я считаю себя въ правѣ объявить свою волю... Я хочу, продолжалъ онъ, соединивъ руку Александра съ рукою Вѣры:—я хочу, чтобъ вы благословили союзъ ихъ. Въ такомъ случаѣ, я оставляю мое имѣніе Вѣрѣ... у меня нѣтъ близкихъ наслѣдниковъ, и это имѣніе все благопріобрѣтенное. Вѣра Николавна исполнитъ мои распоряженія, которыя она найдетъ въ моихъ бумагахъ; но если вы, Николай Григорьичъ, не согласны исполнить мое желаніе, то пусть состояніе мое переходитъ по законной принадлежности. Согласны вы? продолжалъ онъ, обращаясь къ старику.

— Вѣра теперь единственное мое утѣшеніе, отвѣчалъ угрюмый старикъ:—мой вѣкъ не дологъ... я хочу умереть спокойно... пусть исполнится ваше желаніе...

— Благословите же ихъ, сказалъ Петръ Ивановичъ.

Александръ и Вѣра стали на колѣни. Старикъ благословилъ ихъ.

Умирающій часъ-отъ-часу ослабѣвалъ, но онъ еще говорилъ нѣсколько времени; передавая свои желанія, ка́къ и гдѣ похоронить его, ка́къ поминать его душу, сколько раздать нищимъ, просилъ прощенія у всѣхъ окружающихъ въ нанесенныхъ имъ обидахъ и наконецъ объявилъ желаніе остаться одинъ съ священникомъ. Лекаря тутъ не было; упрямый сосѣдъ вашъ до послѣдней минуты оставался вѣренъ своему убѣжденію, что во всемъ есть «предѣлъ, его же не прейдеши». Мы всѣ вышли въ залу съ лицомъ, омоченнымъ слезами. Мнѣ никогда не случалось присутствовать при сценахъ подобнаго рода. Драматическая развязка моего юридическаго порученія растрогала меня до глубины души. Вѣра окончила этотъ достопамятный для меня день объявленіемъ, что она отдаетъ все имѣніе умиравшаго жениха своего Липочкѣ, какъ-скоро та найдетъ по сердцу человѣка, съ которымъ согласится раздѣлить судьбу свою... Она взглянула въ это время на Владиміра, какъ-будто между ними существовало какое-нибудь таинственное соотношеніе... За столомъ (мы остались обѣдать) я слышалъ, что Владиміръ, сидѣвшій между мною и Александромъ, что-то съ горячностью ему нашептывалъ, и оба по-временамъ поглядывали на Липочку. Такъ-что я, кажется, не ошибусь, если предскажу, что друзья и подруги въ непродолжительномъ времени составятъ завидную partie carrée. Липочкѣ остался одинъ годъ до совершеннолѣтія.

Вотъ вамъ отчетъ о моемъ изслѣдованіи. Теперь, когда я пишу къ вамъ, Петра Ивановича уже нѣтъ. Александръ готовится въ непродолжительномъ времени покончить свой романъ оффиціальнымъ порядкомъ и заняться потомъ наслѣдствомъ Вѣры, о которомъ я, кажется, забылъ упомянуть. Вы уже знаете, я думаю, что Анна Ивановна умерла, духовная ея открыта. Вѣрѣ отказано

637 душъ и 329 тысячь наличными. Графъ ни гугу! Замыслы его на Авосина разрушены непріятною исторіею этого неудачнаго обольстителя.

Ирину Матвѣевну похоронили въ Привѣтинѣ, гдѣ ей поставленъ скромный памятникъ.

И. К. О.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ-ШТАТЫ.

Статья третья и послѣдняя.

УЧИЛИЩА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ; ПОСТАНОВЛЕНІЯ ИХЪ, СРЕДСТВА И НАПРАВЛЕНІЕ.—РАСПРОСТРАНЕНІЕ ДУХОВНОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ. — ЖУРНАЛЫ. — СОСТОЯНІЕ ИСКУССТВЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ-АМЕРИКѢ. КРАСНОРѢЧІЕ. ПОЭЗІЯ. — ПОНЯТІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНЦЕВЪ О ФИЛОСОФІИ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТОВЪ. ЗНАЧЕНІЕ ПРЕЗИДЕНТА, СЕНАТА И КАМЕРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.—РЕСПУБЛИКА ОГІО. — РАЗСКАЗЪ Г. УЙЛЬКЗА О ЮЖНОМЪ-ОРЕГОНѢ.

Во второй статьѣ мы имѣли случай упомянуть, что умственная дѣятельность Сѣверо-Американцевъ устремлена преимущественно на матеріальное, непосредственно-полезное; мы сказали также, что Европейцы, отдавая справедливость огромнымъ успѣхамъ ихъ на этомъ поприщѣ, осыпаютъ упреками жителей новаго-свѣта за то, что они не обращаютъ никакого вниманія на общее духовное развитіе народа. Тѣ же самые упреки повторяютъ нѣкоторые изъ американскихъ писателей; они горько жалуются на недостатки воспитанія, представляя равнодушіе родителей къ образованію дѣтей, неспособность учителей, краткость учебнаго времени, недостатокъ учебныхъ книгъ, дурную методу, безполезную роскошь зданій, ложное направленіе, слишкомъ-разнообразное и отъ-того поверхностное преподаваніе учебныхъ предметовъ, вредное вліяніе политическихъ партій, и проч., и проч. (1).

Подобныя жалобы, свидѣтельствуя о дѣйствительныхъ недостаткахъ воспитанія, показываютъ въ то же время сильное сочувствіе къ нему, и серьёзное стремленіе къ многосторонней умственной дѣятельности. Большая же часть обвиненій ложны въ основаніи, и если, при великихъ, ко-

(1) Potter and Emerson, the School 187.

лоссальныхъ успѣхахъ Сѣверо-Американцёвъ, въ дѣлѣ матеріальнаго совершенствованія встрѣчаются большіе недостатки, то въ дѣлѣ духовнаго прогресса принципъ, стремленіе и дѣятельность ихъ заслуживаютъ полнаго и совершеннаго одобренія. Со времени первой колонизаціи, школьное ученіе и воспитаніе (особенно въ сѣверныхъ штатахъ) обратили на себя ревностное вниманіе переселенцевъ, а со времени независимости союза, всѣ Американцы признали великою истиною слѣдующее мнѣніе Вашингтона и Джеферсона: «чѣмъ бо́льшія права даетъ республика своимъ гражданамъ, тѣмъ болѣе должна она заботиться о воспитаніи ихъ и духовной образованности.» Уже въ первомъ посланіи (2) къ конгрессу Вашингтонъ говорилъ: «безъ сомнѣнія, вы, подобно мнѣ убѣждены, что наука и литература болѣе всего достойны вашего покровительства и поощренія. Въ каждой странѣ онѣ составляютъ прочную основу общественнаго блага; въ такой же странѣ, какъ наша, гдѣ мѣры правительства непосредственно опредѣляются волею народа и его образомъ мыслей, онѣ вдвойнѣ необходимы. Народъ долженъ самъ изучать права свои, понимать свое достоинство и различіе между угнетеніемъ и повиновеніемъ законной власти, между необходимыми податями и произвольными поборами, между духомъ истинной свободы и безначалія и т. д.

По общему духу законодательства и общественнаго мнѣнія, союзное правительство не имѣетъ возможности непосредственно завѣдывать воспитаніемъ; отъ-того при немъ не установлено ни министерства народнаго просвѣщенія, ни общаго правленія училищъ; всѣ учрежденія, относящіяся до общественнаго воспитанія, зависятъ отъ каждаго изъ соединенныхъ штатовъ. Причина такого разъединенія заключается въ опасеніи, чтобъ односторонняя власть и насильственное единодушіе не заступили мѣста общаго согласія и стремленія къ одной общей цѣли—необходимыхъ средствъ для достиженія успѣха. Кромѣ учителей, въ каждой школѣ для порядка дѣлъ находятся коммиссары (trustees), избираемые отъ общинъ. Не смотря на то, что они иногда жалуются другъ на друга и имѣютъ причины жаловаться, такое раздвоеніе власти гораздо благодѣтельнѣе для училищъ, чѣмъ предоставленіе управленія ими одному лицу.

Союзное правительство, упрочивъ за училищами $^{1}/_{36}$ всѣхъ земель въ штатахъ (3), доставило имъ собственность, ежедневно увеличивающуюся въ своей цѣнности. Правительства штатовъ съ осторожностію распоряжаются этимъ сокровищемъ; они требуютъ, чтобъ общины прежде всего строили дома для училищъ, избирали учителей и давали на содержаніе ихъ вдвое и втрое противъ того, что назначено по закону. Почти всѣ постановленія содержатъ въ себѣ прекрасныя правила и клонят-

---

(2) Messages of the presidents. 22.

(3) Изъ этого числа въ западныхъ штатахъ 2,166,000 акровъ принадлежатъ школамъ, и цѣнность ихъ уже за нѣсколько лѣтъ простиралась до 4,332,000 долларовъ. Long. Rockymountains 1. 53.

ся къ непосредственнымъ успѣхамъ воспитанія. Само собою разумѣется, что въ Соединенныхъ-Штатахъ (особенно на югѣ) еще не всѣ дѣти посѣщаютъ школы, и что преимущественно въ западныхъ штатахъ (при рѣдкомъ и разсѣянномъ населеніи) ощутителенъ недостатокъ въ школахъ. Но едва ли существуетъ на землѣ хотя одно государство, которое въ этомъ отношеніи удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ и желаніямъ. Между-тѣмъ M' Грегоръ увѣряетъ (4), что «поселяне въ Америкѣ не такъ грубы и невѣжественны, какъ въ Англіи»; а другой Англичанинъ, Казуаль, говоритъ, что «образованіе въ Америкѣ распространено болѣе, чѣмъ въ Англіи, хотя въ немъ замѣтно менѣе основательности и точности».

Этотъ недостатокъ «точности и основательности» относится преимущественно къ изученію древнихъ языковъ и исторіи (5) и къ господствующей наклонности Американцевъ какъ - можно-скорѣе вступать на поприще практической жизни. Эта наклонность проистекаетъ отъ легкости, съ какою можно найдти выгодное занятіе и пріобрѣсти самостоятельность. Американцу необходимо множество практическихъ свѣдѣній, о которыхъ не имѣетъ понятія Европеецъ, и первому разнообразіе предварительныхъ знаній нужнѣе, чѣмъ глубокое изученіе одного предмета. Если уже и въ Европѣ раздаются возраженія противъ методы и пользы филологическаго воспитанія, то Американцамъ гораздо-извинительнѣе уклоненіе съ этого пути, но такъ-какъ онъ одинъ ведетъ къ высшей образованности, то на немъ уже съ успѣхомъ начинаютъ дѣйствовать Соединенные-Штаты.

О направленіи и цѣли коллегіи Іэля (Yale college) (6) въ Ньюгавенѣ, одного изъ знаменитѣйшихъ учебныхъ заведеній въ Америкѣ, правительство сообщаетъ слѣдующее: «заведеніе наше основано не съ тою цѣлію, чтобъ давать одностороннее воспитаніе (partial education) и изученіе отдѣльныхъ отраслей знанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ должно не поверхностно и слегка говорить о всѣхъ предметахъ, а указывать все необходимое для опредѣленнаго призванія жизни; начинать многостороннее воспитаніе и образованіе и развивать его, сколько возможно соображаясь со временемъ пребыванія тамъ учениковъ и студентовъ; стараться о сохраненіи связи между различными отраслями литературы и наукъ, которая доставляетъ особенную симметрію и равновѣсіе ученію. Чтобъ основать подобное воспитаніе, необходимо привести въ дѣйствіе всѣ важнѣйшія способности человѣка; если же нѣкоторыя изъ нихъ будутъ развиты на счетъ другихъ, то ученый характеръ уклонится отъ прямаго направленія. Силы человѣка не достигнутъ настоящаго развитія, если его будутъ исключительно занимать языками, математикою или естественными науками. Цѣль нашего заведенія состоитъ не въ томъ,

---

(4) M' Gregor America 1. 52. Caswall 211.

(5) Fidler. 83. 121.

(6) Названіе свое это заведеніе получило отъ губернатора Коннектикута Іэля (Yale), который оказалъ ему много благодѣяній и умеръ въ 1721 г.

чтобъ научить всему нужному для одного какого-нибудь призванія въ жизни, но положить основаніе тому, чтò прилично всѣмъ званіямъ и на чемъ можно будетъ воздвигнуть все прочее. Основанія науки и литературы даютъ уму прямое направленіе и возвышенность, и это лучшее приготовленіе къ каждому поприщу дѣятельности, каково бы оно ни было».

Знаніе и образованность сами-по-себѣ и для себя собственно составляютъ уже благо, какъ можно назвать благомъ здоровое сложеніе, твердыя чувства, и т. д. Безъ знанія человѣкъ ничѣмъ бы не отличался отъ прочихъ животныхъ, и если оно не всегда ведетъ къ высочайшей мудрости и добродѣтели, то невѣжество еще менѣе можетъ идти объ-руку съ ними (7). Опасности односторонняго и эгоистическаго умственнаго развитія прекрасно изложены въ отчетѣ объ училищахъ въ Альбани г. Дуайтомъ (Dwight) (8); въ немъ сказано между-прочимъ: «Нравственное вліяніе училищъ безъ-сомнѣнія содѣйствовало къ улучшенію нашихъ общественныхъ отношеній, но оно еще не доставило добродѣтели той энергіи и силы, которыя составляютъ существенную принадлежность спокойствія и счастія. Обыкновенныя добрыя качества суть большею частію плоды простаго благоразумія; они происходятъ отъ эгоизма и ведутъ къ богатству и извѣстности, но не всегда къ истинному благу и счастію. Многіе люди потеряли вѣру въ человѣчество, потому-что искусное плутовство, подъ маскою ловкости, не краснѣя проходитъ по улицамъ и требуетъ одобренія отъ общества». Въ наше время въ Америкѣ заведены воскресныя школы, народныя или элементарныя школы, нѣсколько высшихъ грамматическихъ училищъ (grammar schools), коллегіи (которыя соотвѣтствуютъ европейскимъ гимназіямъ) и университеты съ однимъ, двумя, тремя и четырьмя факультетами. Согласно съ республиканскимъ образомъ мыслей, наибольшее вниманіе и попеченіе Сѣверо-Американцевъ устремлено на элементарныя школы; но справедливо также замѣчаніе нѣкоторыхъ писателей, что недостаточность высшаго образованія будетъ препятствовать цивилизаціи массъ.

Между гимназіями и университетами, число которыхъ необыкновенно велико, замѣтно большое различіе; тогда-какъ первыя едва возникаютъ и имѣютъ мало учителей, учениковъ и учебныхъ пособій, вторые (какъ, на-примѣръ, Кэмбриджскій-Университетъ въ Массачусетсѣ, и коллегія Уэля въ Ньюгавенѣ и въ Коннектикутѣ) содержатъ много профессоровъ и студентовъ, снабжены значительными библіотеками и учеными собраніями. По нашимъ понятіямъ, гораздо бы лучше было немного хорошо-устроенныхъ заведеній, чѣмъ множество заведеній неустроенныхъ; но при обширности Соединенныхъ-Штатовъ и разсѣянномъ народонаселеніи, каждый отецъ семейства желаетъ имѣть высшее

(7) Доказательства, что невѣжество и преступленіе идутъ рука-объ-руку, см. въ Education and labour. 1842. Hartford. Стр. 31.
(8) На 1844. Стр. 158.

заведеніе по близости отъ своего жилища, и въ этомъ случаѣ каждый штатъ почитаетъ дѣломъ чести не отставать отъ своихъ сосѣдей.

Въ коллегіяхъ или гимназіяхъ ученики остаются обыкновенно четыре года, отъ четырнадцати до восемьнадцати лѣтняго возраста, или въ другихъ высшихъ заведеніяхъ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. При вступленіи ихъ туда требуется болѣе или менѣе основательное знаніе англійской грамматики, ариѳметики, географіи, началъ латинскаго и греческаго языковъ. Тамъ продолжается изученіе этихъ языковъ, и, сверхъ того, преподается языкъ еврейскій или новые языки, математика, риторика, философія, а также часть американскаго и народнаго права. Преподаваніе исторіи по-большой-части очень-недостаточно; въ нѣкоторыхъ училищахъ оно совсѣмъ не положено. При выходѣ изъ коллегіи, почти каждый ученикъ получаетъ званіе баккалавра искусствъ или наукъ и отправляется на два или на три года въ высшее учебное заведеніе для изученія богословія, правъ и медицины.

Въ Сѣверо-Американскихъ-Штатахъ, гдѣ нѣтъ и помина о различіи сословій, поразительна противоположность между черными и бѣлыми; не смотря на всѣ ученія защитниковъ чернаго населенія, предразсудокъ противъ него такъ силенъ, что большая часть жителей не соглашается посылать дѣтей своихъ въ однѣ школы съ дѣтьми негровъ, и потому послѣдніе должны получать воспитаніе въ особыхъ училищахъ.

Чтеніе и объясненіе библіи въ школахъ и вообще религіозное воспитаніе возбудило сильное разногласіе въ постановленіяхъ. Послѣдователи нѣкоторыхъ сектъ хотѣли основою воспитанія сдѣлать собственныя вѣрованія; другіе предлагали внести въ преподаваніе только тѣ религіозныя начала, которыя равно доступны всѣмъ христіанамъ, къ какой бы религіи они ни принадлежали; третьи, наконецъ, думали совершенно отдѣлить ученое воспитаніе отъ воспитанія религіознаго, а послѣднее предоставить исключительно духовенству различныхъ исповѣданій. Согласно съ послѣднимъ мнѣніемъ, въ штатѣ Иллинойсѣ закономъ постановлено ни при какомъ учебномъ и воспитательномъ заведеніи не имѣть теологическихъ классовъ.

Во многихъ мужскихъ школахъ преподаваніе поручено женщинамъ. (Въ Огіо онѣ почти составляютъ половину, въ Массачусетсѣ около двухъ третей всѣхъ преподавателей.) Завѣдывая обыкновенно низшими классами, онѣ по единогласному приговору имѣютъ множество преимуществъ передъ мужчинами. Онѣ привѣтливѣе и терпѣливѣе въ обращеніи съ дѣтьми и (не отвлекаясь инымъ призваніемъ жизни) тщательно исполняютъ принятую на себя обязанность.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ, особенно на западѣ, ученое образованіе соединено съ работами, требующими физической дѣятельности. Ученики посвящаютъ на эти занятія по три часа въ день (между ними есть типографщики, переплетчики, столяры, земледѣльцы и т. п.), укрѣпляютъ свое здоровье и вмѣстѣ съ тѣмъ заработываютъ большую часть денегъ, употребленныхъ на ихъ воспитаніе. Одно училище въ Пальмирѣ (въ Миссури) владѣетъ землею, которую ученики берутъ на аренду, обработываютъ и тѣмъ добываютъ себѣ содержаніе.

Утомительно было бы излагать особенности, встрѣчаемыя въ училищахъ всѣхъ двадцати-шести штатовъ, и потому мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, которые послужатъ доказательствомъ, какъ несправедливо упрекаютъ Сѣверо-Американцевъ въ равнодушіи и нерасположеніи къ духовному образованію.

Въ Южной-Каролинѣ отъ податей свободны духовенство и школьные учители (9). Содержаніе имъ упрочено слѣдующее:

На библіотеку положенъ капиталъ	2000 дол. (10).
Въ пособіе выдается ежегодно .	610 —
Библіотекарю жалованья	600 —
Каждому профессору высшаго училища по	2,500 —
Для школъ ежегодно	37,000 —
На домъ для физическаго кабинета и опытовъ	6,000 —
На заведеніе для глухо-нѣмыхъ .	25,000 —

Въ 1801 году, въ Колумбіи (главномъ городѣ Южной-Каролины) основана высшая гимназія. Штатъ назначилъ сумму для постройки обширнаго дома и для увеличенія окладовъ, назначенныхъ преподавателямъ. Депутаты, избранные законодательнымъ собраніемъ, завѣдываютъ экономическою частію училищъ подъ руководствомъ губернатора, а ученая часть предоставлена вполнѣ директору гимназіи и профессорамъ. Въ избраніи депутатовъ участвуютъ всѣ профессора, которые также могутъ требовать ихъ удаленія. Профессоровъ семь:

1) Изящныхъ наукъ и логики.
2) Математики и натуральной философіи.
3) Библейской литературы и истинъ христіанства.
4) Греческой и римской словесности.
5) Химіи, геологіи и минералогіи.
6) Исторіи и политической экономіи.
7) Метафизики и нравственной философіи.

При вступленіи въ должность, каждый профессоръ обязанъ произнести рѣчь, содержаніе которой должно относиться къ предмету его преподаванія. Ученики или гимназисты раздѣлены на четыре класса и носятъ довольно-странныя названія: Freshmen, Sophomores, Juniors и Seniors. Принимаютъ ихъ четырнадцати лѣтъ, и каждое полугодіе дѣлаютъ имъ экзаменъ; каждый годъ перемѣщаютъ ихъ изъ одного класса въ другой. Гимназисты, такъ же какъ и профессора, живутъ въ общественномъ зданіи; каждому профессору поручается надзоръ надъ опредѣленнымъ числомъ учениковъ, комнаты которыхъ онъ долженъ посѣщать по-крайней-мѣрѣ разъ въ день. Всѣ гимназисты носятъ однообразную одежду изъ темно-сѣраго сукна. Всѣ деньги для гимназистовъ идутъ чрезъ руки казначея и никто изъ нихъ не можетъ израсходовать въ

(9) Statutes.
(10) Считая долларъ въ $1\frac{1}{4}$ талера, или 4 р. 78 к. асс.

годъ болѣе 350 доллеровъ. Учебное время начинается въ первыхъ числахъ октября и продолжается до 1-го іюля. Ученики присутствуютъ ежедневно при трехъ урокахъ; одинъ назначенъ послѣ утренней молитвы, другой въ одиннадцать часовъ, и третій въ четыре часа пополудни; прочее время распредѣлено также по установленнымъ правиламъ.

Въ Джорджтаунѣ (близь Вашингтона, въ округѣ Колумбіи), іезуиты основали училище, въ которомъ старались соединить гимназическое и университетское преподаваніе. Въ немъ приложены къ дѣлу правила, которыя предписываютъ ratio atque institutio studiorum societatis Iesu. Оно ограждено со всѣхъ сторонъ отъ нововведеній и отъ не-церковнаго направленія; на изученіе классиковъ (какъ вѣчныхъ образцовъ правильнаго мышленія и изящнаго слога) тамъ обращено гораздо-болѣе вниманія, чѣмъ гдѣ-либо въ Америкѣ.

Въ наше время для успѣховъ этого заведенія необходима перемѣна старой методы ученія и увеличеніе часовъ, назначенныхъ для естественныхъ наукъ, отечественнаго языка и новыхъ языковъ вообще. Курсъ продолжается отъ 15 сентября до 31 іюля. По прошествіи 4-хъ лѣтъ, проведенныхъ въ гимназическихъ классахъ, ученики поступаютъ въ высшіе классы, носящіе еще старыя названія піитики, риторики и философіи.

Каждый ученикъ обязанъ пройдти полный курсъ, и не освобождается ни отъ одного изъ учебныхъ предметовъ. Выходить изъ заведенія позволяется только къ родителямъ и опекунамъ и отъ нихъ однихъ принимать посѣщенія. Всѣ письма, получаемыя учениками, распечатываетъ начальникъ заведенія; онъ же выбираетъ имъ книги для чтенія. Ежегодные расходы на помѣщеніе, ученіе, присмотръ, мытье и врачебныя пособія простираются до 200 доллеровъ; за все прочее назначена особая плата.

Преподаваніе богословія (названнаго въ программѣ училища *седьмою философіи*) продолжается четыре года и сосредоточивается на правилахъ Ѳомы Аквинскаго.

Въ Коннектикутѣ изъ земель, пріобрѣтенныхъ прежде, составили мало-по-малу капиталъ для училищъ въ два мильйона доллеровъ, доставляющій около 12 тысячь доллеровъ ежегоднаго дохода (11) и эта сумма идетъ на воспитаніе 80 тысячь дѣтей.

Коллегія Іэля (Jale college), основанная въ Нью-Гавенѣ и постепенно распространяемая, по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній Сѣверной-Америки и соединяетъ въ себѣ гимназію и университетъ. Правила, установленныя для учениковъ и студентовъ, одинаковы съ прочими училищами; только слѣдующія заслуживаютъ вниманія. Учащіеся не могутъ занимать денегъ, живутъ внѣ училища не иначе, какъ съ разрѣшенія начальниковъ и только тогда, когда всѣ комнаты общественнаго зданія заняты. Кто не приходитъ на уроки,

(11) Duncan travels 1.110. Hinton 11. 480. Buckingham Eastern States 1. 252.

или опаздываетъ, того подвергаютъ строгому выговору. Особенные надзиратели наблюдаютъ за прилежаніемъ и поведеніемъ. Никто изъ учащихся не можетъ наряжаться въ женскія платья, ходить въ театръ или участвовать въ сценическихъ представленіяхъ или иныхъ играхъ; никто не можетъ внутри общественнаго зданія покупать лакомства. Кто вздумаетъ жениться, тотъ не можетъ уже оставаться въ числѣ студентовъ; каждое воскресенье всѣ они должны ходить въ церковь и свято соблюдать этотъ день (12). Кто осмѣлится отрицать святость св. Писанія, или только въ какомъ-нибудь изъ правилъ его не признавать божественной власти (of divine authority), тотъ исключается изъ заведенія. Управленіе имуществомъ, опредѣленіе преподавателей и общія дѣла училища поручены особому комитету; президентъ и профессоры завѣдываютъ ученіемъ и поведеніемъ слушателей. Профессоры назначаются слѣдующіе: 1) минералогіи, химіи и геологіи; 2) латинской словесности; 3) греческой словесности; 4) математики; 5) физики и астрономіи; 6) риторики и англійской словесности и 7) Закона Божія; одинъ адъюнктъ для преподаванія греческаго и латинскаго языка и семь надзирателей.

По окончаніи 4-хъ лѣтняго курса въ гимназіи и по полученіи званія баккалавра, ученикъ переходитъ въ одинъ изъ университетскихъ факультетовъ. При теологическомъ факультетѣ состоитъ 4 профессора, которые за трехлѣтній курсъ не получаютъ никакого гонорарія. Въ медицинскомъ факультетѣ пять профессоровъ и курсъ продолжается три года; въ юридическомъ три или два года и въ обоихъ профессорамъ полагается гонорарій. Вакаціи (лѣтомъ, во время Рождества и Пасхи) продолжаются около 12 недѣль. Библіотека гимназіи содержитъ въ себѣ 12 тысячь томовъ, а студенческая до 20 тысячь.

Въ 1845 году было 111 учениковъ 1-го класса (Freshmen), 88 втораго (Sophomores), 77 третьяго (Juniors) и 107 четвертаго (Seniors); 60 медиковъ, 44 юриста и 66 теологовъ. Всѣ ученики упражняются въ рѣчахъ и диспутахъ, и какъ велики успѣхи ихъ, свидѣтельствуетъ Раумеръ (13). Вотъ что сообщаетъ онъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Въ семь съ половиною часовъ отправились мы въ гимназію (college), гдѣ учащіеся должны были произносить рѣчи. Мѣстомъ собранія назначена была комната, въ видѣ капеллы; на хорахъ сидѣли большею частію дамы и дѣвицы, внизу мужчины и ученики; дѣйствующія лица стояли на возвышеніи; рядомъ съ ними сидѣли почетные слушатели, въ число которыхъ помѣстили и насъ. Ораторы отлично выучили наизусть свои прежде написанныя рѣчи и рѣдко прибѣгали къ помощи тетрадей. Предметы были хорошо выбраны и (что для меня было совершенно неожиданно) большею частію относились къ исторіи, которая здѣсь не

(12) Въ постановленіяхъ сказано: «Кто въ воскресенье занимается безполезными дѣлами, разговорами, прогулкою, кто днемъ выходитъ изъ комнаты, или пускаетъ въ нее гостей и т. п., тотъ, смотря по своему проступку, подвергается наказанію.»

(13) Reisebriefe. Ст. 368.

въ большомъ ходу, потому-что многіе находятъ ее ненужною для практической жизни. Вотъ предметъ рѣчей (мы присутствовали при двухъ собраніяхъ). Въ первый вечеръ: 1) Наполеонъ на Островѣ-Св.-Елены. 2) Взаимныя отношенія законодательства и общественнаго мнѣнія. 3) Вліяніе на общество легкой литературы. 4) Вліяніе на англійскій стиль твореній Джонсона и Гиббона. 5) Сравненіе христіанской и языческой вѣротерпимости. 6) Образованіе народнаго духа. 7) Литературный характеръ Маколея (Macauley). Во второй вечеръ предметы рѣчей были слѣдующіе: 1) Какія причины при развитіи народовъ повели къ отдаленнымъ переселеніямъ? 2) Уничтоженіе нантскаго эдикта. 3) Польза путешествій въ чужія земли. 4) Образованность Астековъ. 5) Гражданскія и религіозныя постановленія Тибета. 6) Причины упадка Нидерландовъ.

«Рѣчи вообще были написаны дѣльно и нисколько не хуже тѣхъ, которыя произносятъ лучшіе ученики нашихъ гимназій. Первый ораторъ вдавался въ излишнюю декламацію, сильно измѣняя и возвышая голосъ; прочіе говорили лучше; четверый (г. Порчеръ, Porcher) произнесъ рѣчь свою естественно, плавно и изящно. Рѣчь шестаго (г. Карлейля) была очень-умна и дала ему возможность сдѣлать много дѣльныхъ замѣчаній о будущей судьбѣ Северо-Американскихъ-Штатовъ. Каждому оратору болѣе или менѣе апплодировали, или, лучше сказать, одобрительно стучали ногами и палками. Нѣкоторые говорили такъ скоро, что и половины нельзя было разобрать.»

Въ Пенсильваніи нерѣдко слышны жалобы, что работа на фабрикахъ отвлекаетъ дѣтей отъ училищъ: но и тамъ званіе оказало изумительные успѣхи, особенно въ послѣднее время. Равнодушіе къ нему, ропотъ на дорогое ученье давно исчезли, и суммы, необходимыя на содержаніе училищъ, выплачиваются безпрекословно. По мѣрѣ образованія учителей, дешевую ланкастерскую методу замѣняетъ обыкновенная. Строятся новые дома для училищъ, размножаются библіотеки и собранія, и даже воспитаніе цвѣтныхъ дѣтей обращаетъ на себя общее вниманіе. Въ 1839 году болѣе 360 тыс. долларовъ употреблено на общественныя школы. Тогда при нихъ состояло 4,488 учителей и 2,050 учительницъ (14); первые получали круглымъ числомъ по 20 долларовъ, вторыя по 12 дол. въ мѣсяцъ. 5494 дома было занято школами, и сверхъ-того предполагалось учредить 887 новыхъ училищъ. Особеннымъ коммиссіамъ поручено назначеніе налоговъ на содержаніе школъ, и сумма ихъ вдвое значительнѣе всѣхъ прочихъ налоговъ штата.

Въ 1843 году округъ Филадельфія содержалъ 214 школъ, въ томъ числѣ одно высшее училище (High school), 40 грамматическихъ школъ, 18 низшихъ, 76 элементарныхъ, 80 въ отдѣленіяхъ внѣ города съ 499 преподавателями, между которыми 412 женщинъ. Расходъ на всѣ эти училища простирается до 200 тысячь долларовъ. Число всѣхъ учащихся 33,130; въ полтора года на это число поступило вновь 5,222.

(14) Americ. Alm. 1841. 195. North Americ Review. LI. 26.

Губернаторъ Виргиніи, Мэк-Доуэлль (M'Dowell), оказавшій существенную пользу своему штату, жалуется, что многія дѣти совсѣмъ не ходятъ въ школы или ходятъ туда изрѣдка и на короткое время. «Родители (сказано въ отчетѣ его) должны бы были по самымъ уважительнымъ причинамъ принуждать дѣтей своихъ посѣщать школы». Но мало-по-малу и тамъ увеличивается вниманіе къ училищамъ, и нынѣ на содержаніе народныхъ школъ отпускается ежегодно около 70 тыс. дол.

Давно уже замѣтилъ благородный Джефферсонъ, какъ необходимо общенародное и высшее образованіе для такого государства, какъ Соединенные-Штаты. «Воспитывайте (говоритъ онъ) и поучайте весь народъ; сдѣлайте его способнымъ (15) понимать всѣ выгоды мира и порядка, и онъ всѣми силами будетъ имъ содѣйствовать». Онъ постоянно принималъ горячее участіе въ дѣлѣ воспитанія и основалъ университетъ въ Шарлотвиллѣ. Признавая пользу его предпріятія, многіе упрекали его за то, что онъ основалъ университетъ въ уединенномъ Шарлотвиллѣ, а не въ главномъ городѣ Ричмондѣ. Вѣроятно, онъ опасался, чтобъ посреди большаго торговаго города науку не стѣснила торговая дѣятельность и чтобъ самая наука не приняла слишкомъ-практическаго направленія.

Во-вторыхъ, Джефферсона осуждали еще болѣе за то, что онъ совершенно исключилъ духовныхъ изъ числа преподавателей своего заведенія; «въ этомъ постановленіи, говорили обвинители, обнаружилось его безвѣріе, его равнодушіе къ христіанству». Такое обвиненіе въ высшей степени несправедливо: изученіе греческаго и латинскаго языка, математики, химіи и проч. не имѣетъ непосредственной связи съ изученіемъ богословія, и преподаваніе богословскихъ наукъ въ отдѣльныхъ училищахъ распространяетъ кругъ ихъ дѣятельности. Джефферсонъ хотѣлъ предоставить каждому исповѣданію свободное поприще, и какимъ-образомъ могъ онъ отдать преимущество которому-нибудь изъ нихъ и признать его господствующимъ тамъ, гдѣ существуетъ такое множество сектъ? Назначить же для каждаго исповѣданія особую каѳедру не предстояло никакой возможности: это значило бы сдѣлать училище поприщемъ теологическихъ распрей и безпрерывныхъ ссоръ.

Въ настоящее время, для университета избираются на опредѣленный срокъ духовныя лица, принадлежащія исповѣданію болѣе многочисленному; они преподаютъ въ-продолженіе положеннаго времени и потомъ уступаютъ мѣста свои другимъ. Совершенно въ духѣ Джефферсона возникъ въ Нью-Йоркѣ законъ, въ силу котораго ни одна школа, допускающая преподаваніе въ духѣ одной религіозной секты или какого-нибудь ученія (tenet), не имѣетъ части въ общественномъ капиталѣ училищъ.

Университетъ получаетъ ежегодно отъ штата до 15 тысячь долларовъ. Дѣлами его завѣдываютъ семь депутатовъ, избираемыхъ губернаторомъ; вмѣстѣ съ ними избирается ректоръ, также и казначей, въ завѣдываніи

(15) Tucker. I. 225.

котораго находится приходъ и расходъ всѣхъ суммъ, употребляемыхъ на содержаніе студентовъ. Девять профессоровъ занимаются преподаваніемъ математики, нравственной философіи, физики химіи, анатоміи и хирургіи, медицины, правъ, древнихъ и новыхъ языковъ. Круглымъ числомъ каждый профессоръ получаетъ 1000 доллеровъ содержанія, квартиру и плату за лекціи.

Студенты (въ числѣ 160 и каждый не менѣе 16 лѣтъ отъ роду) состоятъ подъ надзоромъ профессоровъ, подвергаются строгому экзамену, и, смотря по степени познаній, получаютъ званіе баккалавра или магистра. Безъ позволенія своего начальства они не могутъ жить внѣ университетскаго зданія и носятъ однообразную лѣтнюю и зимнюю одежду. Ни одинъ студентъ не можетъ получать и выдавать болѣе опредѣленной суммы; только покупка книгъ предоставлена произволу каждаго.

Постановленія, относящіяся до дисциплины и соблюденія порядка, очень-строги и до-сихъ-поръ не было злоупотребленій. Заведеніе это, подобно большей части сѣверо-американскихъ заведеній, составляетъ нѣчто среднее между гимназіею и университетомъ и имѣетъ средства для распространенія круга своей дѣятельности.

Въ Нью-Йоркѣ повторяется то печальное и вмѣстѣ утѣшительное явленіе, которое сопровождаетъ успѣхи каждаго предпріятія; чѣмъ быстрѣе идетъ оно впередъ, чѣмъ ближе подвигается къ совершенству, тѣмъ ярче выдаются его недостатки, тѣмъ сильнѣе нападаютъ на него противники. Это относится особенно къ устройству школъ въ Новой-Англіи и Нью-Йоркѣ (16).

Прежде всѣхъ къ улучшенію школъ приступилъ въ 1795 году губернаторъ Клинтонъ, который въ своемъ донесеніи сказалъ: «Я почитаю систему нашихъ училищъ за палладіумъ нашей свободы!» Многіе губернаторы и другіе ревнители просвѣщенія подвизались съ неутомимою дѣятельностью на томъ же поприщѣ. Въ 1805 году, возникло цѣлое общество для улучшенія воспитанія, и въ томъ же году назначены были земли на содержаніе школъ (теперь еще имъ принадлежитъ 400,000 акровъ). Въ 1812 году, издано было для училищъ общее постановленіе, въ которомъ (въ 1838 и 1844 годахъ) сдѣланы были значительныя перемѣны и улучшенія. Управленіе ими поручено особымъ чиновникамъ по назначенію губернатора; въ-слѣдствіе этого, школьное воспитаніе получило болѣе единства; успѣхи и недостатки, дѣятельность и небрежность преподавателей не могутъ пройдти незамѣченными. Для полугодичной ревизіи школъ, а равно и для испытанія учителей назначаются свѣдущіе люди, строго исполняющіе свою обязанность; для блага учебныхъ заведеній остается пожелать только, чтобъ политическія партіи не вторгнулись въ этотъ кругъ и не разрушили его стройности.

Въ послѣдніе годы, на содержаніе училищъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ выходила сумма въ 1,079,000 долл., и какъ ни значительна она, по-

---

(16) Randal, digest of the common school system. Americ. Alm. 1840. 225. 1841. 195. Chevalier IV. Encycl. Americ. New-York.

борники воспитанія говорятъ, что она очень-мала въ сравненіи съ тѣми суммами, которыя употребляются для другихъ цѣлей.

Выдача изъ общественной кассы распредѣляется обыкновенно по числу учениковъ, дѣйствительно посѣщающихъ школы; каждая община за содержаніе школъ платитъ подати съ имуществъ. Противъ этого замѣчено было, что самыя бѣдныя и малочисленныя общины (которыя для небольшаго числа дѣтей должны содержать школьнаго учителя) терпятъ болѣе всѣхъ другихъ, и теперь составляется планъ объ измѣненіи этой системы. Бѣдные, доказавшіе свою бѣдность, не платятъ ничего за пребываніе дѣтей въ школѣ; но говорятъ, что иногда самые достаточные люди умѣютъ освободиться отъ платы. Вообще, жалованье учителей такъ ничтожно, что они охотно переходятъ къ другимъ занятіямъ; домы же для училищъ очень-дурно устроены и не въ состояніи привлечь къ себѣ кого-либо. Наконецъ, время посѣщенія школъ чрезвычайно-кратко, и нерѣдко слышится здѣсь такое изреченіе: «Ученіе не образуетъ характера, да и не научаетъ пріобрѣтенію денегъ. Невѣжды столько же успѣваютъ въ томъ, какъ и ученые». Какъ мало основательны обвиненія училищъ во множествѣ недостатковъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Такъ, напр., въ 1816 году воспитывалось въ Нью-Йоркѣ 140,000 учениковъ, и штатъ выдавалъ на нихъ 48,000 долларовъ. Въ 1844 году, число учащихся простиралось уже до 660,000, и штатъ выдавалъ 565,000 долл. ежегодно. Общественное ученіе идетъ правильно впередъ, и стараніе раздробить его по религіознымъ сектамъ, къ-счастію для цивилизаціи штата, до-сихъ-поръ оставалось безъ успѣха.

Въ Массачусетсѣ и во всей Новой-Англіи съ первыхъ временъ колонизаціи возникли постановленія, весьма-благопріятныя для устройства и содержанія школъ; но они долго оставались безъ дѣйствія, и только въ послѣдніе годы за это дѣло принялись съ удвоеннымъ вниманіемъ, результатами котораго были слѣдующія постановленія: «Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ находится 50 семействъ или домашнихъ хозяйствъ, должна быть основана на общественный счетъ школа, въ которой преподаваніе поручается одному или нѣсколькимъ свѣдущимъ учителямъ; ученіе должно продолжаться по-крайней-мѣрѣ шесть мѣсяцевъ въ году и дѣти должны учиться чтенію, письму, ариѳметикѣ, правописанію, англійской грамматикѣ, географіи и правиламъ доброй нравственности. Гдѣ живетъ сто семействъ, тамъ ученіе продолжается цѣлый годъ; гдѣ 500 семействъ, тамъ къ предметамъ преподаванія присоединяютъ исторію Соединенныхъ-Штатовъ, геометрію, алгебру и бухгалтерію. Мѣстечко, заключающее въ себѣ до 4,000 жителей, должно имѣть гимназію съ учителями латинскаго и греческаго языка, исторіи, риторики и логики. Всѣ преподаватели должны внушать дѣтямъ правила благочестія и справедливости, святое благоговѣніе къ истинѣ, любовь къ отечеству, человѣколюбіе, умѣренность, дѣятельность, чистоту нравовъ и всѣ прочія добродѣтели, составляющія украшеніе человѣческаго общества и основаніе, на которомъ зиждется великое зданіе республики. Каждый безъ исключенія обязанъ, смотря по состоянію своему, содѣйствовать устрой-

ству школъ. Мѣсто, недоставившее денегъ, необходимыхъ для школъ, подвергается пенѣ и не получаетъ никакого пособія изъ значительной школьной кассы, основанной преимущественно на поземельныхъ доходахъ.»

Въ каждомъ мѣстѣ ежегодно избираются люди, которымъ поручено управленіе училищами; они назначаютъ учителей и учебныя книги, опредѣляютъ число учениковъ, смотрятъ за прилежнымъ посѣщеніемъ классовъ и обязаны наблюдать, чтобъ въ школахъ не появлялись книги, распространяющія мнѣніе о превосходствѣ какой-нибудь религіозной секты.

Въ 1837 году, въ Бостонѣ учреждено для всего штата одно учебное управленіе. Губернаторъ и восемь членовъ составляютъ это управленіе, принимающее отчеты отдѣльныхъ училищъ; по нимъ составляется общій годовой отчетъ. Болѣе всего они стараются распространять свѣдѣнія о направленіи воспитанія, о числѣ учителей и учениковъ, о расходахъ по школамъ, о времени, о предметахъ преподаванія и т. д. Они сравниваютъ массачусетскія постановленія съ постановленіями другихъ земель, ставятъ на видъ всѣ выгоды и недостатки воспитанія и указываютъ средства къ улучшенію и достиженію дальнѣйшихъ успѣховъ. Не смотря на трудность устраненія многихъ недостатковъ и неудобствъ, успѣхи бросаются въ глаза каждому наблюдателю. Учебныя пособія, распредѣленіе и увеличеніе учебнаго времени, число и содержаніе учителей и учительницъ, устройство школьныхъ домовъ и т. п.,— все это принимаетъ постепенно новыя благопріятныя формы.

Три училища, получающія 6,000 долл. ежегоднаго содержанія, доставляютъ образованіе учителямъ и учительницамъ; первые вступаютъ туда 17-ти лѣтъ, вторыя 16-ти и остаются до 21, 22, 23-хъ-лѣтняго возраста; по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, на народонаселеніе въ 735,000 человѣкъ приходится 2500 учителей и 4300 учительницъ. Далѣе, основаны четыре коллегіи, заключающія въ себѣ 770 учениковъ; 251 грамматическая школа съ 16,450 учащихся; 3362 низшія школы, въ которыхъ до 160,000 дѣтей воспитываются на общественный счетъ, т. е. на счетъ училищныхъ капиталовъ и особыхъ налоговъ. Въ послѣдніе годы, болѣе полмилліона долларовъ поступило въ училищный капиталъ. На построеніе новыхъ домовъ для школъ и на возобновленіе старыхъ въ-теченіе пяти лѣтъ израсходовано 634,000 долл. и почти столько же употребляютъ жители на содержаніе частныхъ училищъ.

Въ Бостонѣ же основана латинская гимназія съ пятью классами, реальное училище (high school), гдѣ преимущественно преподается математика, естественныя науки, языки англійскій и французскій; сверхъ того, 13 грамматическихъ и 95 низшихъ школъ. Для цвѣтныхъ дѣтей устроены особыя училища. Надзоръ за учениками порученъ бургомистру, предсѣдателю и 24 лицамъ, избираемымъ изъ 12 частей народа (Wards).

Высшее училище Массачусетса, заслужившее блистательную и справедливую репутацію, есть коллегія или университетъ Геруэрда (Harward College) въ Кэмбриджѣ, близь Бостона. Основаніе его въ 1636 г. при-

надлежитъ Джону Геруэрду, который, между прочими заслугами своей родинѣ, ревностно заботился о просвѣщеніи своихъ согражданъ. Заведеніе это въ XVII столѣтіи не только выдержало борьбу съ множествомъ внѣшнихъ безпокойствъ, но было насильственнымъ образомъ вовлечено въ горячія распри теологовъ того времени; даже въ половинѣ XVIII вѣка многіе старались ученому заведенію придать характеръ одной религіозной секты. Наконецъ, истина и здравый смыслъ Сѣверо-Американцевъ восторжествовали, и нынѣ Harward College, получившая новый уставъ и обогащенная значительными пожертвованіями, соединяетъ въ себѣ гимназію и университетъ. Но такъ-какъ денежныя средства до-сихъ-поръ недостаточны, то ученье въ Кэмбриджѣ обходится дорого и доходы гимназіи отдѣлены отъ доходовъ университета или факультетовъ; послѣдніе простираются до 41,000 долл. ежегодно. Жалованье профессорамъ простирается отъ 1000 до 2000 долл., президенту заведенія до 2255 долл., учителямъ языковъ до 500 долл. Плата студентовъ за лекціи поступаетъ въ общую кассу университета. Кромѣ учителей языковъ, адъюнктовъ, надзирателей (tutors), въ Кэмбриджѣ находятся 11 факультетскихъ профессоровъ (college faculty), два для теологіи, три для юридическихъ наукъ и шесть для медицины. Гимназисты раздѣляются на 4 класса и состоятъ подъ присмотромъ профессоровъ и надзирателей. Постановленія училища и университета вообще сходны съ постановленіями прочихъ учебныхъ заведеній Сѣверной-Америки. Всѣ успѣхи и проступки учениковъ вносятся въ особую книгу, по которой составляется постепенность ихъ достоинства (scale of merits). Оканчивающіе гимназическій курсъ почти всѣ безъ исключенія получаютъ званіе баккалавра; студенты получаютъ степень магистра. Число всѣхъ гимназистовъ простирается до 260, студентовъ до 240.

Всѣ воспитанники гимназіи и университета должны присутствовать при утренней и вечерней молитвѣ; отправляясь въ церковь и на торжественныя церемоніи одѣваться въ черное или темное платье; ни въ церковь, ни на лекціи не брать съ собою палокъ, жить тамъ, гдѣ дозволено университетскимъ начальствомъ, не курить за столомъ, и т. п. Вакаціи начинаются съ 12 января и съ 12 августа и продолжаются по шести недѣль. Въ библіотекѣ находится значительное количество книгъ ученаго содержанія; въ послѣднее время на пополненіе ея назначено 21 тысяча доллеровъ и 25 тысячъ на устройство обсерваторіи; ученыя собранія существуютъ, но они еще очень-скудны.

Въ 1841 году управленіе училищъ обнародовало слѣдующее постановленіе: «Отъ воли родителей и опекуновъ зависитъ, чтобъ гимназисты въ первомъ годовомъ курсѣ занимались математикою, латинскимъ и греческимъ языками». Противъ такого постановленія многіе говорили слѣдующее: «Родители и ученики не всегда понимаютъ, чему и какъ должно учиться; по-большой-части между ними господствуетъ ошибочное мнѣніе, что элементарнаго ученія достаточно на всю жизнь, и что одностороняя практическая дѣятельность гораздо-выше науки. Если коллегія Геруэрда будетъ уступать поверхностному, случайному требованію родителей, она, безъ сомнѣнія, привлечетъ большое число уче-

никовъ, но тогда потеряетъ многообъемлющее призваніе свое и повредитъ самой-себѣ и всему обществу».

Защитники нововведенія возражали на это: «Всѣмъ наукамъ учиться невозможно; между ними необходимо сдѣлать выборъ, на который родители уполномочили начальство училища. Правда, многіе изъ нихъ могутъ ошибаться и почитать излишнимъ изученіе математики, языковъ латинскаго и греческаго; но невозможно противиться общественному мнѣнію и искать надъ нимъ господства. Въ противномъ случаѣ, заведеніе постепенно будетъ терять своихъ учениковъ. Лучше же удалять всякую стѣснительную мѣру, и съ добровольными участниками идти къ достиженію высшей цѣли».

Справедливо ли было или нѣтъ мнѣніе училища и возраженіе противъ него, но успѣхъ изумилъ обѣ стороны. Мѣра, которую, по американскому образу мыслей, невозможно было принять какъ стѣснительную и насильственную, приведена была въ исполненіе по добровольному выбору родителей и учениковъ и оказала такіе успѣхи, что число учащихся математикѣ и древнимъ языкамъ нисколько не уменьшилось, а дѣятельность ихъ увеличилась. Также предоставлено на волю учениковъ изученіе итальянскаго, испанскаго или нѣмецкаго языка; бо́льшая часть училась нѣмецкому; изученіе французскаго языка поставлено въ непремѣнную обязанность. О ходѣ университетскаго преподаванія нѣтъ оффиціальныхъ извѣстій, но сравнительно съ преподаваніемъ въ европейскихъ университетахъ объемъ его гораздо-тѣснѣе.

Вниманіе теологовъ сосредоточено на училищахъ ихъ исповѣданій; лекціи медицины продолжаются около четырехъ мѣсяцевъ ежегодно, а курсъ юристовъ оканчивается въ два года. Въ число предметовъ юридическихъ не входятъ: философія и исторія права, римское право и государственное право другихъ народовъ.

Медицинскія училища во всѣхъ штатахъ основаны на одинакихъ правилахъ. Въ-слѣдствіе республиканскаго образа мыслей и частію несовершенства учебныхъ заведеній, они вообще не такъ блистательны, какъ во многихъ государствахъ Европы, за то и требованія со стороны самихъ врачей не такъ велики. Въ Сѣверной-Америкѣ ждутъ обыкновенно, чтобъ медикъ отличился чѣмъ-нибудь, и тогда уже каждый больной можетъ рѣшить, кому лучше довѣриться.

Въ 1837 году въ Вашингтонѣ изданы были постановленія врачебнаго общества. Вмѣстѣ съ предписаніями правилъ объ обращеніи врачей съ больными, установлена была такса за медицинскія пособія. Каждый визитъ медика стóитъ долларъ, первый консиліумъ пять доллеровъ, ночной визитъ отъ 5—7 долларовъ, оспопрививаніе три доллара, хирургическая операція отъ 40—100 долларовъ. Запрещено было понижать таксу или входить въ какія-нибудь условія о возвышеніи ея. Можетъ-быть, постановленіе это встрѣтило противорѣчіе. По-крайней-мѣрѣ, конгрессъ въ 1838 году далъ особенную привилегію медицинскому обществу въ Колумбіи: оно получило право подвергать испытанію молодыхъ врачей и допускать ихъ къ практикѣ въ такомъ только случаѣ, когда они окончили положенный курсъ и доказали свои познанія. Кто, не имѣя тако-

го позволенія, принимается за практику, тотъ не имѣетъ права требовать за нее платы.

Въ Нью-Йоркѣ существуетъ управленіе общественнаго здоровья, состоящее изъ бургомистра и нѣсколькихъ ратмановъ; при немъ находится врачебный кабинетъ, гдѣ каждый медикъ долженъ доказать необходимыя познанія, безъ чего не можетъ начать леченія. За дурное обращеніе съ больными, комитетъ этотъ можетъ удалить врача, даже осудить его на изгнаніе изъ округа; если же онъ не подчинится распоряженіямъ комитета, то подвергается отвѣтственности предъ судомъ. Ни одна гимназія (College) не можетъ давать званія врача, а медицинскій факультетъ университета требуетъ трехлѣтняго курса и ученой диссертаціи на латинскомъ, англійскомъ или французскомъ языкѣ; медицинскій факультетъ въ Нью-Йоркѣ получаетъ отъ правительства ежегодно три тысячи доллеровъ на свое содержаніе, и суммою этою распоряжается, недавая никому отчета. Дѣлами заведенія завѣдываютъ избранные совѣтники, которые назначаютъ профессоровъ, но утвержденіе послѣднихъ въ должности зависитъ отъ самого факультета. Число студентовъ простирается до 350. Особенно хорошею репутаціею пользуется Jeffersons Medical College въ Филадельфіи; въ ней семь профессоровъ и курсъ ученія продолжается три года.

По общему отчету за 1843 годъ, въ Соединенныхъ Штатахъ было 108 гимназій (College), 9 юридическихъ училищъ, 28 медицинскихъ и 37 теологическихъ. Число преподавателей при каждой коллегіи простирается отъ 4 до 30. При высшихъ заведеніяхъ отъ 1 до 8 профессоровъ въ каждомъ факультетѣ. Число гимназистовъ отъ 10 до 410. Студентовъ отъ 30 до 450. Въ 1840 году число учениковъ простиралось до 1,845,000. Число студентовъ до 16,238 (17). Ко всему вышесказанному можно прибавить слѣдующія замѣчанія:

1) Университеты, библіотеки, ученыя собранія (которыя не могутъ возникнуть вдругъ), стоятъ на низкой степени сравнительно съ европейскими; относительно народнаго образованія многіе изъ штатовъ Сѣверной-Америки равны съ самыми образованными государствами Европы; а многіе (даже сравнительно съ Англіею) превосходятъ ихъ.

2) Ни одинъ народъ не сдѣлалъ для училищъ въ такое короткое время такъ много, какъ Сѣверо-Американцы. Старыхъ заведеній у нихъ не было. Правда, земли, назначенныя для училищъ, не имѣли еще тогда никакой цѣнности по малому населенію; но когда въ Европѣ было много невоздѣланной земли, едва-ли при раздѣлѣ ея самая ничтожная часть выпадала на долю учителей и училищъ. Замѣчательнѣе же всего, что главные расходы училищъ покрываются не платою за ученіе, взимаемою съ бѣдныхъ, но налогами на имущества, которые падаютъ болѣе всего на богатыхъ (18), посылаютъ ли они дѣтей въ школы или

(17) Poussin. Puissance Amer. 11. 268. Повѣрку этихъ цифръ читатели могутъ сдѣлать въ Americ. Alm. на 1845. Стр. 136.

(18) Encyclop. Americ. Education Hall. II. 165.

нятъ. Въ Новой-Англіи богатые (около $^1/_6$ части всѣхъ жителей) платятъ половину суммы, потребной на содержаніе школъ, хотя они и шестой части дѣтей своихъ не посылаютъ туда. Такое учрежденіе имѣетъ косвенное вліяніе на безопасность и выгоду богатыхъ, потому-что оно сообразно съ духомъ республики и съ обще-человѣческими правами.

3) Въ Соединенныхъ-Штатахъ нѣчего опасаться, что дѣти воспитываются не по состоянію. Организація республики требуетъ, чтобъ каждый воспитывался и для повиновенія правительству и для участія въ немъ (*).

Мы сказали уже, что вообще библіотеки недостаточны и далеко уступаютъ европейскимъ, но за то (особенно въ большихъ городахъ на востокѣ) много библіотекъ основано частными людьми для спеціальныхъ цѣлей (для юристовъ, духовныхъ, врачей, купцовъ и т. д.) и эти библіотеки тщательно наполняются. Впрочемъ, онѣ мало имѣютъ вліянія на массу народа, а находящіяся по городамъ библіотеки для чтенія отнимаютъ только время и вредятъ вкусу и нравственности.

Такимъ-образомъ оправдывается жалоба, что многіе употребляютъ издержки и время, стараясь внушать народу охоту къ чтенію, гордятся своимъ успѣхомъ, а между-тѣмъ народу читать нѣчего. Поселянинъ (говорятъ обыкновенно въ Европѣ) не имѣетъ ни времени, ни охоты заниматься чтеніемъ; но охота явится сама-собою, если у него будутъ книги, доступныя его понятіямъ, а времени у иного крестьянина бываетъ болѣе свободнаго, чѣмъ у всякаго другаго человѣка, занятаго общественною должностію. Что дѣлать ему зимою? Сидѣть передъ огнемъ, браниться съ дѣтьми и женою, а остальное время проводить въ шинкахъ, харчевняхъ и кабакахъ.

Конечно, чтеніе газетъ доставило гражданину Соединенныхъ-Штатовъ болѣе средствъ къ образованію; но этотъ источникъ не всегда чистъ, не всегда удовлетворителенъ. Для исправленія этого недостатка, возникла новая, благородная и богатая слѣдствіями мысль (впервые высказанная Уадсуортомъ (Wadsworth) и Мерси (Marcy) въ Нью-Йоркѣ и потомъ приложенная къ дѣлу въ Массачусетъ), основать въ каждомъ округѣ или въ каждой общинѣ библіотеку, которою могли бы пользоваться не только ученики, но и взрослые. Первый выборъ принадлежитъ управленію мѣстными училищами (trustees), въ большихъ же округахъ назначается ученый смотритель, имѣющій право уничтожать дурно-выбранныя книги. Если мѣстное управленіе не подчинится такому распоряженію, то оно теряетъ всякое право на вспоможеніе изъ общей училищной кассы. Въ этихъ библіотекахъ исключены всѣ сочиненія, касающіяся политическихъ и теологическихъ споровъ, или носящія на себѣ характеръ секты, а равно и всѣ романы. Такъ-какъ не смотря на эти распоряженія, выборъ былъ затруднителенъ, и цѣны на книги очень-высоки, то многіе благомыслящіе и просвѣщенные люди въ Бостонѣ и Нью-Йоркѣ приступили къ изданію цѣлаго ряда книгъ, назна-

(19) Schoolmaster. III.

ченныхъ для дѣтей и взрослыхъ; много сочиненій было издано съ этою цѣлію. Между ними появились книги о земледѣліи, промышлености, физикѣ, химіи, путешествія, историческія сочиненія, біографіи, переводы классическихъ писателей и проч. Въ 1843 году эти новыя библіотеки заключали въ себѣ въ штатѣ Нью-Йоркѣ до 875 тысячь томовъ и правительство выдало на этотъ предметъ 94 тысячи долларовъ. Въ 1844 году число томовъ возрасло до мильйона.

Такіе же успѣхи оказались въ Массачусетсѣ и многихъ другихъ штатахъ; прочіе, конечно, не замедлятъ послѣдовать такому великому и благодѣтельному примѣру.

Такими только средствами духовная образованность можетъ распространиться за предѣлы школъ, пріобрѣсти вліяніе на всю жизнь народа и поставить его на высокую степень истиннаго самосознанія. Нелѣпо опасеніе, что, слѣдуя этимъ путемъ, народъ можетъ утратить религіозное чувство. Когда же и гдѣ невѣжество шло объ-руку съ истинною религіею? Скорѣе просвѣщеніе ведетъ человѣка къ настоящему пониманію божественнаго ученія, къ уничтоженію фанатизма и къ благоразумной терпимости, согласной съ истинами Евангелія.

Упрекая Сѣверо-Американцевъ въ односторонности воспитанія (которое, какъ мы видѣли, существуетъ только въ головахъ безусловныхъ порицателей новаго-свѣта), многіе утверждаютъ, что въ дѣлѣ искусства и литературы они не могутъ оказать никакихъ успѣховъ, потому-что не имѣютъ ни древнихъ памятниковъ, ни юности существованія, и все это говорится въ видѣ безусловной истины, въ видѣ приговора надъ участью цѣлаго народа.

На это безпристрастный мыслитель можетъ замѣтить, что древность и памятники, которыми такъ гордятся Англичане, принадлежатъ Американцамъ столько же, сколько имъ самимъ, и что они по справедливости могутъ назвать своими Чаусера и Шекспира. Но если захотятъ отрицать это (Богъ-знаетъ по какой причинѣ!) и считать первый день независимости Америки первымъ днемъ ея рожденія, то ее сдѣлаютъ какою-то Минервою, выходящею изъ головы Юпитера во всемъ развитіи жизненныхъ силъ. «Въ Америкѣ», продолжаютъ обвинители «каждый трудится для того, чтобъ жить, а не для того, чтобъ мыслить». Какое одностороннее, ложное мнѣніе! Трудъ никогда не можетъ существовать безъ мысли, и только праздные и лѣнивые живутъ, ни о чемъ не думая. Другіе говорятъ, что среднее число образованныхъ людей значительнѣе въ Америкѣ, но что тамъ нѣтъ многообъемлющихъ умовъ, высоко-стоящихъ надъ массою людей обыкновенныхъ. Послѣднее, конечно, не можетъ быть слѣдствіемъ перваго, потому-что изъ массы образованныхъ людей гораздо-скорѣе обнаружится геніальный человѣкъ, нежели изъ массы невѣждъ. Невѣжество и грубая чувственность проводятъ надъ всѣми людьми свой гибельный уровень и нерѣдко убиваютъ въ самомъ зародышѣ высокія природныя дарованія.

На все есть время; генія, умы всеобъемлющіе родятся не ежедневно; почему же Соединенные-Штаты, существующіе такъ недавно, должны

представить ихъ разомъ множество, тогда какъ въ Европѣ они являлись такъ рѣдко?

Америка не имѣетъ памятниковъ древности, но передъ нею природа, соединяющая все благородство старости съ полною свѣжестію и силою юности. Трудно рѣшить, о чемъ болѣе говорятъ пирамиды, колизеи, замки хищныхъ бароновъ — о достоинствѣ ли и успѣхахъ искусства, или о бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ тиранніею и насиліемъ! Поэзія Американцевъ основана не на прошедшемъ, а на будущемъ. Европейцы съ томительною нѣгою сочувствуютъ вечерней зарѣ исчезающаго дня, Американцы любуются утреннею зарею дня наступающаго! Ихъ великое, исторически-доказанное, несомнѣнное прошедшее лежитъ близко къ нимъ; ихъ отцы, а не дѣды и прадѣды, не предки совершили великіе подвиги! Аѳины во время Мильтіада, Римъ во время Сципіона также не имѣли древней исторіи, и конечно подвиги новѣйшихъ временъ для Европы важнѣе средневѣковыхъ распрей. Гораздо-лучше созидать, основывать, дѣйствовать, жить въ настоящемъ, чѣмъ искать славы на развалинахъ минувшаго. Не-уже-ли бы Америка была славнѣе, многозначительнѣе, достойнѣе удивленія, если бы она лежала теперь въ развалинахъ? не-уже-ли Аѳины болѣе имѣютъ значенія теперь, чѣмъ во время Перикла и Фидія, Платона и Софокла?

Первое условіе всѣхъ успѣховъ въ искусствѣ и наукѣ есть сознаніе ихъ достоинства. Едва ли какой-нибудь Европеецъ живѣе и опредѣленнѣе выражаетъ свои понятія объ этомъ предметѣ, нежели Девиттъ Клинтонъ, который сказалъ: «удовольствіе есть только тѣнь, богатство — суета, власть не что иное, какъ наружный блескъ; знаніе же доставляетъ величайшее наслажденіе, самую прочную славу; оно безгранично въ пространствѣ, безконечно во времени (20)». И это не одинокое, безплодное мнѣніе одного замѣчательнаго человѣка; всѣ штаты, какъ мы видѣли выше, употребляли и употребляютъ необыкновенныя усилія для устройства школъ и точно также дѣйствуютъ они на поприщѣ науки. Такъ, напр., Нью-Йоркъ и Массачусетсъ добровольными пожертвованіями (въ Нью-Йоркѣ они простирались до 200 тыс. долларовъ) содѣйствовали измѣренію страны, изготовленію картъ, составленію полной естественной исторіи, изслѣдованію минувшаго, и 18 штатовъ послѣдовали этому великому примѣру. Съ тою же цѣлію союзное правительство снарядило экспедицію кругомъ свѣта Уилькса (Wilkes) (21), которая результатами своими нисколько не ниже ученыхъ экспедицій Европы. Безусловная свобода тисненія, возможная только въ Соединенныхъ-Штатахъ, была одною изъ причинъ быстраго развитія ихъ дѣятельности; конечно, только тамъ для книгъ собственно, для настоящей литературы она оказала великую пользу и рѣдко доходила до злоупотребленій; въ этомъ согласны всѣ; противорѣчащія мнѣнія высказаны объ этой свободѣ тисненія только по отношенію ея къ журналамъ: одни видятъ въ ней палладіумъ истины и самостоятельности

(20) Отчетъ объ училищахъ въ Цинциннати. 1839. Стр. 8.
(21) Смотр. выше. Статья 1.

штатовъ, другіе ей же приписывали всѣ бѣдствія. Рѣшенію этого вопроса могутъ содѣйствовать статистическія данныя, и потому мы представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ 1704 году напечатанъ былъ въ Бостонѣ первый американскій газетный листокъ (22).

Въ 1720	году	газетъ	было	3	
— 1771	—	—	—	25	
— 1801	—	—	—	200	
— 1810	—	—	—	359	
— 1828	—	—	—	851	съ журналами.
— 1834	—	—	—	1250	и 140 журналовъ.
— 1840	—	—	—	1600	

Изъ нихъ въ Нью-Йоркѣ выходило 274, въ Пенсильваніи 253, въ Огіо 161, въ Массачусетсѣ 194, въ Индіанѣ 69, въ Виргиніи 62, въ Теннесси 50, въ Уисконсинѣ 5, въ Іовѣ 3 и т. д. Вообще на сѣверѣ гораздо болѣе литературнаго движенія, чѣмъ на югѣ, но вездѣ самая сильная дѣятельность принадлежитъ газетамъ, которыя навлекаютъ на себя жестокія укоризны. Самъ издатель многочитаемой нью-йоркской газеты помѣщаетъ обширныя выписки изъ газетъ всѣхъ партій подъ рубрикою: «Журналы различныхъ партій въ Соединенныхъ-Штатахъ, развратъ ихъ (licentiousness) и безнравственность». И это можетъ служить доказательствомъ высокой степени зла. Для достиженія цѣлей своихъ, партіи пользуются всѣми средствами, печатаютъ не только истину, но и самую черную ложь, самыя гнусныя клеветы, пересыпая ихъ не только остротами, но грубостями и площадными ругательствами. Противъ такого образа дѣйствій безсильно всякое общественное положеніе. Такъ, на-примѣръ, одному кандидату на президентство говорили, что онъ грѣшитъ противъ всѣхъ десяти заповѣдей, что онъ игрокъ, пьяница, дуэлистъ, покровитель домовъ разврата и т. д. Другая газета выбрала изъ стараго, давно забытаго путешествія анекдоты истинные или ложные о жестокомъ истязаніи невольниковъ, поставила вмѣсто имени мучителя имя г. Полька (нынѣшняго президента), и всю старую исторію нагло примѣнила къ настоящему.

Справедливо замѣтилъ епископъ Уайтъ (White) о Филадельфіи: «никто изъ обитателей Америки, жизнь которыхъ безукоризненна, не можетъ быть подавленъ клеветою. Если даже она и произведетъ минутное дѣйствіе, то онъ каждую клевету уничтожитъ чистотою своей жизни (live down)».

Но даже преходящее минутное дѣйствіе бываетъ иногда пагубно и оправдываетъ поговорку: Semper aliquid haeret! А такъ-какъ по закону очень-рѣдко, и то при самыхъ поразительныхъ клеветахъ и несправедливостяхъ, можно потребовать къ суду журналистовъ, то они и составляютъ совершенно независимый, почти неприкосновенный авторитетъ.

---

(22) Encyclop. Americ. Newspapers. Chevalier 1, 210. Americ. Alm. 1835, ст. 266. 1840, 69, 196. Разумѣется, числа мѣнялись каждый годъ.

Если же смотрѣть на этотъ предметъ съ точки зрѣнія нравственности, то журналы (23) грѣшатъ болѣе всего противъ хорошаго вкуса, а издатели ихъ, вмѣсто того, чтобъ воспитывать и поучать народъ, только сбиваютъ его съ настоящаго пути. Впрочемъ, нельзя исключительно обвинить однихъ журналистовъ и оправдать читателей; если бы вздорные и грубые газетные листки не находили читателей, ихъ бы и печатать не стали.

Дурныя средства ни въ какомъ случаѣ не оправдываются благими цѣлями, и вреднѣе всего, если этимъ недостойнымъ путемъ идутъ партіи для взаимнаго уничтоженія. Ни одинъ иностранецъ, какой бы онъ ни былъ ненавистникъ Соединенныхъ-Штатовъ, не можетъ придумать столько ложнаго, несправедливаго, возмутительнаго объ Америкѣ, сколько ежедневно разсказывается въ американскихъ газетахъ. При чтеніи различныхъ газетныхъ листковъ невольно покажется, что въ Соединенныхъ-Штатахъ нѣтъ ни истины, ни исторіи.

Зло это обнаружилось уже издавна: не только Джефферсонъ, смѣлый поборникъ свободы и просвѣщенія, былъ преслѣдуемъ газетами до неистовства, но даже благородный, добродѣтельный, умѣренный Вашингтонъ не избѣжалъ одинаковой съ нимъ участи. Въ тотъ день, когда онъ сложилъ званіе президента, въ Филадельфіи федералистская газета напечатала: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое! Вотъ возгласъ человѣка, который увидѣлъ проліяніе лучей блага на все человѣчество. Если когда-нибудь можно было повторить эти слова, то приличнѣе всего въ настоящее время. Человѣкъ, бывшій источникомъ всѣхъ бѣдъ для нашего отечества, въ настоящій день будетъ поставленъ въ уровень съ прочими гражданами и лишится средствъ умножать несчастія Соединенныхъ-Штатовъ. Много причинъ радоваться въ настоящее время. Каждое сердце, сочувствующее счастію и свободѣ отечества, должно трепетать отъ восторга, что имя Вашингтона съ этого дня перестаетъ распространять неправосудіе. Передъ народомъ открывается новое, многообѣщающее поприще. Отнынѣ общественныя мѣры будутъ основаны на собственномъ ихъ достоинствѣ, и постыдныя предпріятія не будутъ скрываться подъ эгидою одного имени. Стоитъ бросить взглядъ на восьмилѣтнее правленіе Вашингтона, и невольное изумленіе поразитъ наблюдателя, какъ могъ одинъ человѣкъ до такой степени отравить (to envenom) всѣ республиканскія постановленія просвѣщеннаго народа, какъ удалось ему предпріятіями своими оттѣснить общественную дѣятельность, которая почти утратила свое существованіе. Вотъ факты, которые бросаются въ глаза каждому, и потому настоящій день долженъ быть днемъ празднества для Соединенныхъ-Штатовъ.»

Въ доказательство, что и въ настоящее время тисненіе, по-крайней-мѣрѣ по формѣ своей, не вездѣ улучшилось, можно привести

(23) Пуссенъ (Richesses Americaines II, 272) увѣряетъ, что французскіе журналы вреднѣе и безнравственнѣе американскихъ.

слѣдующее мѣсто изъ одной газеты о послѣднемъ конгрессѣ: «Конгрессъ окончилъ вчера свои засѣданія и мы въ правѣ поговорить о немъ. Прежде всего мы замѣтимъ (на что имѣемъ основательныя причины), что настоящій конгрессъ развратомъ (degeneration) и невѣжествомъ превосходитъ всѣ конгрессы, собиравшіеся въ Америкѣ со времени учрежденія новой конституціи. Мы всегда готовы съ глубочайшимъ уваженіемъ говорить о законодательномъ собраніи, но не можемъ рѣшить, чего оно заслуживаетъ болѣе — ненависти или презрѣнія народа. Оно было скудно полезнымъ, богато постыднымъ постановленіями, ничтожно въ рѣшеніи великихъ вопросовъ, достойно презрѣнія въ рѣшеніи малыхъ. Сверхъ-того, оно дѣйствовало съ неслыханнымъ эгоизмомъ и самовластіемъ. Замѣшательство, господствовавшее въ нижней камерѣ, было единственнымъ утѣшительнымъ событіемъ, потому-что оно скрыло безобразіе нѣкоторыхъ поступковъ, и воспрепятствовало распространенію предъ лицомъ народа образцовъ безнравственности и безбожія. Просьбы народа остались неуслышанными, общественное служеніе уничтожилось и замѣнилось презрѣніемъ къ государственнымъ людямъ, нравственность народа исказилась превратнымъ толкованіемъ законовъ и правосудія. Единственное похвальное дѣйствіе этого собранія было то, что оно разошлось!»

Тѣ же жалобы (и довольно справедливыя, какъ видятъ сами читатели) слышны были о свободѣ тисненія въ Канадѣ и преимущественно въ Монреалѣ. «Оно (сказали о томъ въ одной газетѣ) производитъ болѣе зла, чѣмъ всѣ прочія бѣдствія; оно портитъ общественную нравственность и распространяетъ превратныя мнѣнія и дурныя цѣли.» Приводя эти выписки изъ газетныхъ листовъ, Раумеръ (24) прибавляетъ, что «по увѣренію самихъ Американцевъ, издатели газетъ имѣютъ вообще весьма-мало свѣдѣній и почти никакого понятія объ общественныхъ дѣлахъ, и что всѣ благородные и благомыслящіе граждане Соединенныхъ-Штатовъ сознаютъ и глубоко сожалѣютъ о недостаткахъ своей журналистики». «Помочь злу (продолжаетъ онъ) невозможно силою и принужденіемъ: здѣсь необходимо дѣйствовать кротостію, любовію къ истинѣ, презрѣніемъ къ клеветамъ и злонамѣренности газетчиковъ и прогрессивнымъ распространеніемъ цивилизаціи.»

Но журналистика Сѣверной-Америки, вмѣстѣ съ черными сторонами, имѣетъ и неотъемлемыя достоинства. Прежде всего должно вспомнить, что злоупотребленіе свободы печатанія не распространяется на людей, пишущихъ дѣльныя книги, на литературу въ собственномъ смыслѣ; на этомъ поприщѣ свобода тисненія принесла самые благодѣтельные плоды.

Всѣ злоупотребленія ограничиваются газетами, и потому очень бы несправедливо было подвергнуть осужденію хорошіе журналы за интриги и нелѣпости нѣсколькихъ пристрастныхъ и достойныхъ порицанія листковъ, а надъ всѣми произнести одинаковый приговоръ. Разумѣется, нелѣпо будетъ требованіе, чтобъ всѣ 1500 издателей были люди геніальные, образованные, добросовѣстные. Кто знаетъ, что бы-

(24) Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika, II, 404 и далѣе.

ло бы, еслибъ европейскіе журналы издавались при тѣхъ же условіяхъ, какъ сѣверо-американскіе: болѣе ли бы они щадили другъ друга, пристрастнѣе ли бы были писатели и читатели? Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, если вспомнимъ, какія вѣжливости и любезности говорятъ другъ другу англійскіе и французскіе журналисты, какъ наивно открываютъ они семейныя тайны, даже и тогда, когда надъ ними виситъ узда исправительной полиціи, когда ихъ во всякое время могутъ потребовать къ суду за оскорбленіе.

Къ чести Сѣверо Американцевъ необходимо прибавить, что ложь и клевета дѣйствуютъ у нихъ не на долго; что сила истины и права такъ глубоко вкоренилась въ ихъ общественной жизни, что они не обращаютъ вниманія на ругательства журнальныхъ листковъ и, не смущаясь ими, идутъ своею дорогою. Уже въ 1827 году на конгрессѣ зашла рѣчь о неистовыхъ нападеніяхъ журналовъ и повела къ слѣдующимъ многознаменательнымъ замѣчаніямъ (25). При этомъ случаѣ произнесъ г. Бартлэтъ (Bartelet): «Отъ души сожалѣю, что газетныя статьи служатъ иногда предметами серьёзныхъ совѣщаній. Общественное положеніе наше опирается на лучшихъ основаніяхъ. Не газетное остроуміе, не газетная брань, но вся наша жизнь и наши дѣйствія должны служить мѣрою уваженія, которымъ мы пользуемся. На кого болѣе сыпались журнальныя ругательства и клеветы, какъ не на Джеферсона, этого великаго человѣка, вѣчно достойнаго благодарности согражданъ? И онъ никогда не отвѣчалъ на нихъ, никогда не могли они уменьшить общаго къ нему уваженія». Вслѣдъ за тѣмъ г. Уймсъ (Weems) сказалъ: «28 лѣтъ меня преслѣдуютъ газетные листки, но это самое было причиною двойнаго вниманія ко мнѣ моихъ согражданъ». Замѣчательны также слова г. Ломпкина (Lumpkin): «Пусть печатаютъ и истину и ложь: духъ народа распознаетъ зло и отдастъ кому слѣдуетъ справедливость».

Конечно, не всѣ повременныя изданія носятъ на себѣ характеръ необузданности, дикаго своеволія и дурнаго вкуса; большіе американскіе журналы или критическія обозрѣнія (review) отличаются приличіемъ, умѣренностію и достоинствомъ; они обнаруживаютъ въ издателяхъ основательныя свѣдѣнія, и содержатъ въ себѣ разборы, замѣчательно-правильные по формѣ и содержанію.

За истинно-полезныя сочиненія издатели получаютъ дорогую плату; право печатанія и собственности принадлежитъ имъ въ-теченіе 28 лѣтъ и срокъ этотъ продолжается еще на 14 лѣтъ для вдовы и дѣтей умершаго сочинителя. Многія хорошія и дурныя книги, выходящія въ Европѣ, перепечатываются въ Америкѣ и продаются очень-дешево; привозъ же книгъ изъ чужихъ краевъ допущенъ только съ очень-высокою пошлиною.

Изъ всего вышесказаннаго не трудно заключить, что ни одна американская библіотека не можетъ представить такого множества рѣдкихъ сочиненій, какія находятся въ большихъ библіотекахъ Европы. Но во-

---

(25) Registers 818, 1104, 1518.

всюду видно горячее участіе къ заведенію и улучшенію ихъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самихъ жителей. Если последніе бо̀льшею частію покупаютъ книги для спеціальныхъ направленій и определенныхъ целей, то съ ними почти всегда связана польза и необходимость. Библіотеки округовъ (которыя въ одномъ Нью-Йорке заключаютъ въ себе до милльйона томовъ) даютъ народу такой путь ко всему прекрасному и благородному въ литературномъ міре, о какомъ не имеютъ понятія въ Европе. На содержаніе общественной библіотеки въ Вашингтоне отпускается ежегодно 9,000 долларовъ, и два библіотекаря, заведывающіе ею, получаютъ до 1,800 долларовъ содержанія.

Многіе западные штаты (на-примеръ, Иллинойсъ) определили часть суммы, выручаемой за продажу земли, на покупку книгъ во всехъ городахъ и местечкахъ; пожертвованія, добровольная подписка, поощреніе правительства значительно увеличиваютъ библіотеки; такъ для Уйсконсина (где было тогда 18,000 жителей) и для Іовы (21,000 жителей) конгрессъ назначилъ 10,000 долларовъ на основаніе библіотекъ (26). Библіотеки для чтенія (circulating librairies) находятся во многихъ местахъ. Нигде нетъ такого множества ученыхъ обществъ всякаго рода, какъ въ Северной Америке, и отъ-того въ едва-возникающихъ штатахъ въ большомъ количестве печатаются сочиненія, достоинство которыхъ признано всеми. Не менее пользы приносятъ разнообразныя лекціи, читаемыя сведущими и опытными людьми въ большихъ городахъ (преимущественно въ Бостоне) для слушателей всякаго рода, и по справедливости заслуживающія всякое одобреніе.

Въ изящныхъ искусствахъ Северо-Американцы не достигли еще высокой степени совершенства, что, впрочемъ, нисколько не подаетъ повода сожалеть объ нихъ, потому-что народъ, вступая на высшую точку развитія, редко переживаетъ ее и мало-по-малу начинаетъ склоняться къ паденію. Американцы идутъ еще впередъ и хотя съ большимъ трудомъ, но достигаютъ многообъемлемости взгляда и точнаго понятія объ искусствахъ. Причина, затрудняющая развитіе искусства въ Америке, заключается въ мненіи, господствующемъ объ искусстве; пуританскій образъ мыслей, можетъ-быть, очень похвальный въ другихъ случаяхъ, и соединенное съ нимъ мрачное празднованіе воскресенья, более всего противоречатъ національному развитію музыки, которая употребляется только въ высшемъ кругу, где оказывается одностороннее и непомерное уваженіе къ механизму; важною причиною замедленія искусства составляетъ также недостатокъ обширныхъ музеевъ, и трудность, сопряженная съ пріобретеніемъ въ Европе достойныхъ подражанія образцовъ. По-крайней-мере, наглядное изученіе последнихъ остается принадлежностію немногихъ; отвращеніе отъ изображенія обнаженныхъ формъ уничтожаетъ понятіе объ истинной красоте и гармоніи ихъ. Северо-Американцы не сознали еще, что изящныя произведенія искусства и общее распространеніе музыки ведутъ къ светлой, отрадной ясности жизни, какой никогда не дадутъ одни политическія и про-

(26) Americ. Alm. 1840. 255. Warden, 367.

мышленныя стремленія; въ высшей степени ошибочно цѣнятъ они одно на счетъ другаго и презираютъ одною изъ самыхъ благородныхъ дѣятельностей человѣческаго духа.

Не смотря на эти естественныя и искусственныя препятствія, успѣхи начинаютъ уже обнаруживаться на этомъ поприщѣ. Такимъ-образомъ, противъ поверхностности музыкальнаго направленія нѣсколько лѣтъ уже существуетъ въ Бостонѣ общество. Доказательствомъ успѣха служатъ настоящее понятіе о Генделѣ и Гайднѣ и энтузіазмъ къ ихъ произведеніямъ, а также исполненіе въ воскресные дни настоящихъ произведеній искусства, и начатое въ школахъ преподаваніе музыки.

То же самое стремленіе замѣтно и въ живописи (27), и, можетъ-быть, еще болѣе въ скульптурѣ, говоря о которой можно съ достойною похвалою упомянуть имена Крауфорда (Craufurd), Гриногва (Greenhow) и Гирема Поуэрса (Hiram Powers). Достойными представителями зодчества служатъ каналы, желѣзныя дороги, мосты и водопроводы; они служатъ памятниками болѣе смѣлыми и полезными, чѣмъ пирамиды, и если сами Американцы порицаютъ иногда недостатокъ вкуса въ зодчествѣ, тѣмъ не менѣе стиль зданій, хорошо-выстроенныхъ, отличается красотою и благородствомъ.

Писать исторію есть также высокое искусство и потому здѣсь должно упомянуть о немъ. «Люди, подобные Бенкфорту, Прескотту, Спэрксу такъ много сдѣлали на этомъ поприщѣ» (говоритъ Раумеръ, свидѣтельство котораго въ этомъ случаѣ лучше всѣхъ доказательствъ): «что ни одинъ изъ европейскихъ историковъ не можетъ въ настоящее время стать выше ихъ, но долженъ радоваться и быть благодарнымъ, если они подадутъ ему руку, какъ товарищу.» Съ собственною исторіею Американцы хорошо знакомы; они тщательно занимаются разработкою своего прошедшаго и получаютъ въ этомъ случаѣ содѣйствіе отъ правительства штатовъ. Такъ, на-примѣръ, Нью-Йоркъ выдалъ 12,000 долларовъ для собранія въ Европѣ историческихъ извѣстій объ Америкѣ и для изложенія ихъ. Напротивъ того, всеобщая исторія изучается слишкомъ-мало, по той же замѣченной нами причинѣ, что Европейцы ставятъ на видъ одно прошедшее, Американцы же настоящее и будущее.

Ни въ одномъ искусствѣ Американцы не оказали такихъ успѣховъ, какъ въ краснорѣчіи, хотя и на этомъ поприщѣ существуетъ еще много недостатковъ. По замѣчанію одного даровитаго Американца, «изъ рѣчей знаменитыхъ мужей его отечества можно выбрать множество примѣровъ дурнаго, отвратительнаго вкуса» (28). До-сихъ-поръ, Американцы обнаруживали болѣе природныхъ дарованій и практическаго опыта, чѣмъ искусства и вкуса, но все это должно быть соединено вмѣстѣ, если ораторы хотятъ достигнуть великихъ образцовъ Греціи и Рима. Многимъ рѣчамъ ихъ не достаетъ стройности, порядка, постепенности, нѣтъ правильнаго приступа, средины, заключенія. Иногда безъ нарушенія

(27) Начало хорошихъ собраній положено въ Ньюгавенѣ, Гертфордѣ и другихъ мѣстахъ.

(28) North American Review. July. 1844, ст. 47.

смысла многое въ рѣчахъ ихъ можно перенести изъ начала въ конецъ и обратно. Болѣе тщательное изученіе древнихъ теоретиковъ и практиковъ, Аристотеля и Квинтиліана, Демосѳена и Цицерона предохранило бы ихъ отъ страсти къ излишнимъ украшеніямъ и заставило бы ихъ понять изреченіе великаго Гёте: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister». При общемъ распространеніи знаній и проницательности, которыя обнаруживаются даже въ односторонности и пристрастіи, непріятно поражаютъ зрителя дурныя привычки Сѣверо-Американцевъ. Не каждый можетъ быть великимъ ораторомъ, но каждый долженъ сознавать истинное достоинство своего положенія и избѣгать излишествъ и безвкусія, или, по-крайней-мѣрѣ, не выдавать ихъ за геніальныя вдохновенія. Даже на конгрессѣ многіе выходятъ изъ всѣхъ границъ приличія: крики, споры, возгласы, маханье руками по воздуху, или стуканье ими по столу, качанье головою, топанья ногами встрѣчаются при каждомъ собраніи, и это много вредитъ самой важности засѣданій.

По принятому обычаю, говоря на конгрессѣ, ораторъ обращается не только къ присутствующимъ, но и къ отсутствующимъ; но это нисколько не оправдываетъ ненужной растянутости и дурныхъ пріемовъ; также мало можно оправдать ихъ вліяніемъ знойнаго климата. Боркъ и Фоксъ, люди сѣвера, не всегда были холодны и умѣренны, а Цицеронъ не всегда произносилъ рѣчи свои съ лихорадочнымъ жаромъ. Правда, Аѳиняне говорили очень-много и слишкомъ цѣнили цвѣтистый способъ выраженій; за то у нихъ было болѣе вкуса, чѣмъ у Американцевъ. Послѣднимъ очень бы трудно было дать отчетъ въ каждомъ произнесенномъ словѣ.

Не смотря на такіе недостатки, господствующіе въ массѣ безчисленныхъ ораторовъ, нѣтъ сомнѣнія, что Американцы вообще говорятъ лучше, ближе къ дѣлу, понятнѣе, и производятъ болѣе вліянія, чѣмъ ораторы другихъ народовъ. Даръ высшаго краснорѣчія встрѣчается рѣдко, какъ рѣдки дары поэзіи, искусства, и т. п., и одинъ Богъ можетъ вложить ихъ въ человѣка. Объ этомъ г. Вебстеръ (29), одинъ изъ первыхъ американскихъ ораторовъ, говоритъ слѣдующее: «При важныхъ вопросахъ, когда дѣло идетъ о великихъ интересахъ, когда возбуждёны сильныя страсти, въ рѣчи имѣетъ вѣсъ только то, что дѣйствуетъ на умъ и сердце. Ясность, сила, важность—вотъ качества, вызывающія убѣжденіе. Истинное краснорѣчіе заключается не въ однихъ словахъ и не можетъ дѣйствовать издалека. Трудъ и ученость могутъ работать надъ пріобрѣтеніемъ этой способности, но усилія ихъ будутъ тщетны. Искусственныя страсти, рѣзкія выраженія, надутость декламаціи стремятся къ этой цѣли, но никогда не достигаютъ ея. Краснорѣчіе вырывается изъ земли, подобно источнику, подобно пламени изъ пылающаго вулкана, съ первобытною свободою, съ врожденною отъ природы силою. Заученая граціозность, выработанныя украшенія, изысканные обороты рѣчи, возбуждаютъ въ слушателяхъ отвращеніе и неудовольствіе, особенно въ то время, когда жизнь ихъ, участь ихъ

(29) I. 64.

женъ, дѣтей, судьба отечества зависятъ отъ мгновеннаго рѣшенія. Тогда слова потеряли силу, реторика ни къ чему не служитъ, и искусственная рѣчь остается безъ вниманія. Самый геній умолкаетъ передъ неукротимою бурею великаго событія. Тогда краснорѣчива любовь къ отечеству, увлекательно самоотверженіе. Переносясь за предѣлы логическихъ доводовъ, высокая цѣль, твердое убѣжденіе, пламенный порывъ выражаются въ словѣ, блещутъ въ движеніяхъ, оживляютъ всѣ черты лица и безсознательно уносятъ человѣка прямо къ цѣли его желаній—это истинное краснорѣчіе, или, лучше сказать, это выше, болѣе, чѣмъ всякое краснорѣчіе: это благородное, возвышенное, богоподобное дѣйствованіе.»

Вотъ еще отрывокъ изъ рѣчи того же Вебстера: «Можно перенести много бѣдствій, можно даже изгладить слѣды ихъ; если несчастная война стѣснитъ нашу торговлю на морѣ, то другое поколѣніе можетъ снова возстановить ее въ прежнемъ видѣ; если слѣдствіемъ ея будетъ истощеніе казны, будущая дѣятельность можетъ пополнить потерю; если она опустошитъ наши поля, то они зазеленѣютъ снова подъ руками иныхъ пахарей и принесутъ обильный плодъ. Бѣдствіе будетъ не страшно и тогда, когда разрушатся стѣны этого капитолія, падутъ его высокіе столбы, и украшенія его смѣшаются съ прахомъ. Все это можно возстановить! Но кто въ состояніи будетъ возстановить разрушенное правительство, великій оплотъ благоразумной свободы? Кто въ состояніи возстановить прекрасное зданіе, такъ глубокомысленно соединяющее владычество всего народа съ правами штатовъ, личную безопасность съ общимъ благомъ? Нѣтъ, если эти столбы государства падутъ, то поднять ихъ уже невозможно. Подобно Пароенону и Колизею имъ опредѣлено грустное, печальное безсмертіе и развалины ихъ вызовутъ слезы болѣе горькія, чѣмъ развалины великихъ памятниковъ римскаго и греческаго искусства, ибо онѣ будутъ остатками болѣе славнаго зданія, чѣмъ всѣ зданія Рима и Греціи — зданія американской конституціи.»

Другой замѣчательный ораторъ есть Генри Клэй (Clay). Многіе англійскіе путешественники величали его *истиннымъ джентльменомъ*, ожидали отъ него перемѣны тѣхъ «достойныхъ порицанія и осужденія началъ», которыми руководствовался Джефферсонъ; послушаемъ же, что̀ говоритъ этотъ джентльменъ о Джефферсонѣ (30): «Ни удаленіе Джефферсона отъ общественныхъ дѣлъ, ни его великія заслуги, ни его преклонныя лѣта не въ состояніи защитить его отъ грубыхъ нападеній духа партій. Въ 1801 году онъ вырвалъ государственное постановленіе своего отечества изъ рукъ неправосудія; вотъ его преступленіе! Онъ завѣщалъ его по формѣ, содержанію и духу, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, будущимъ поколѣніямъ, и этого никогда не простятъ ему! Но какъ безсильна и суетна ярость партій противъ такого человѣка! Жилищемъ своимъ на вершинѣ любимой горы онъ не болѣе возвысился надъ окрестною равниною, какъ возвысился ясностью своего духа

(30) Speeches I, 38.

и сознаніемъ безукоризненной жизни надъ злыми страстями и безумными воплями согражданъ. Нѣтъ! его любимый Монтиселло такъ же невозмущаемо встрѣчаетъ налетающія на него со всѣхъ сторонъ бури, какъ невозмущаемо этотъ превосходный человѣкъ встрѣчаетъ ревъ всей неистовой толпы враговъ. Когда человѣкъ, о которомъ обстоятельства принуждаютъ упомянуть, будетъ преданъ забвенію или сохранится только въ альманахахъ извѣстной партіи—имя Джефферсона будетъ произноситься съ признательностью, памяти его будутъ посвящены знаки уваженія и любви, какъ памяти втораго основателя народнаго блага. Время его управленія останется навсегда одною изъ самыхъ счастливыхъ и блистательныхъ эпохъ американской исторіи.»

Если Вебстеръ и Клэй не всегда вѣрны себѣ, не всегда чужды риторическихъ фразъ и пристрастія, если они вредятъ иногда своему дѣлу и терпятъ пораженіе, то третій ораторъ, Калгоунъ (о которомъ мы имѣли случай упомянуть выше) вездѣ является послѣдовательнымъ, вѣрнымъ себѣ, обнаруживаетъ твердыя и глубокія убѣжденія, образованныя наукою и опытомъ. Даже тѣ, которые не соглашаются съ этимъ, сознаются, однакожь, что онъ всегда totus, teres, rotundus, а этого достигнуть невозможно, не имѣя великаго, достойнаго уваженія характера; самыми убѣдительными доказательствами его таланта служатъ рѣчи его о нуллификаціи, о невольничествѣ, и т. п.

Много еще искусныхъ ораторовъ можетъ представить Сѣверная-Америка; одно исчисленіе ихъ именъ и замѣчательныхъ рѣчей можетъ составить особую книгу, и потому мы оставляемъ ихъ и переходимъ къ изящной литературѣ.

Писаніе и печатаніе множества стихотвореній не могутъ никогда служить доказательствомъ присутствія въ народѣ поэзіи въ высшемъ значеніи слова; но искусство заключать мысли въ стройную рѣчь свидѣтельствуетъ нѣкоторымъ образомъ объ образованности этого народа. Въ Америкѣ нѣтъ преданій, на которыхъ бы могло основаться созданіе, подобное Иліадѣ или Нибелунгамъ, но основаніе штатовъ могло бы служить предметомъ для эпопеи, еслибъ пуританская ревность не стѣснила круга поэзіи: она же долгое время препятствовала развитію драматическаго искусства. Въ нѣкоторыхъ штатахъ комедія считалась такимъ безнравственнымъ произведеніемъ, что ее только позволяли читать. Такимъ образомъ, въ прошедшемъ столѣтіи извѣщали, что будетъ дано: «Нравственное чтеніе трогательной исторіи Джона Шора», сообщенной въ разговорахъ знаменитымъ Роу (Rowe) (31); или: «занимательная исторія бѣднаго солдата, представленная въ пѣніи и разговорѣ шутливымъ О'Кифомъ (O'Keefe)». Въ 1762 году было дано въ Провидэнсѣ первое публичное представленіе комедіи, и съ-тѣхъ-поръ исчезло предубѣжденіе духовенства. Но до-сихъ-поръ въ Америкѣ нѣтъ еще первоклассныхъ драмъ и очень-мало заимствовано ихъ изъ Англіи и Франціи.

(31) Warden III. 467.

Гораздо-болѣе успѣха Американцы оказали въ романѣ. Произведенія лучшихъ романистовъ ихъ читались и читаются во всѣхъ государствахъ Европы; они возбудили самыя разнообразныя сужденія, самые противорѣчащіе толки, но въ настоящее время слава ихъ упрочена, и едва ли кто не признаетъ несомнѣнныхъ дарованій Вашингтона-Ирвинга и Купера.

Между стихотвореніями многочисленнѣе всего стихотворенія лирическія; они появляются въ такомъ множествѣ, что большую заслугу оказали Грисуольдъ (Griswoldt) своею книгою: Poets and poetry of America, и г. Бріантъ (Bryant) своими Selections of American poets, гдѣ они представили избранныя стихотворенія американскихъ поэтовъ; но даже изъ ихъ собранія еще многое можно исключить.

Вообще, американскіе лирики и романисты уступаютъ прочимъ собратіямъ своимъ въ смѣлости мыслей, блескѣ описаній и разнообразіи воображенія; за то они никогда не нарушаютъ приличія и нравственности, и порицаютъ отсутствіе ихъ даже и въ величайшихъ поэтахъ. Вотъ что говоритъ Вальтеръ Кольтонъ (Walter Colton) о Байронѣ (стр. 257):

He might have soared a miracle of mind,
Above the thoughts that dim our mental sphere,
And pour'd from thence, as music on the wind
Those prophet tones, which men had turned to hear
As if an angels harp had sung of bliss
In some bright world begond the tears of this.
But he betray'd his trust and lent his gift
Of glorios faculties to blight and mar
The moral universe, and set adrift
The anchor'd hopes of millions;—thus the star
Of his eventful destiny became
A wild and wandering of fearful flame.
That orb had set, yet still its lurid light
Flashes abore the broad horizon verge,
As if some comet, plunging from height,
Should pause upon the ocean's builing surge,
And in defiance of its darksome doom
Light for itself a fierce, volcanic tomb.

(«Пусть дивный умъ его высоко паритъ надъ мыслями, темно мерцающими въ нашей умственной сферѣ, и съ высоты этой изливаетъ тѣ пророческіе звуки, которымъ внимаютъ люди, какъ-будто-бы арфа ангела гремѣла имъ о блаженствѣ того свѣтлаго міра, за предѣлами нашей юдоли плача. Но онъ измѣняетъ своему призванію и даръ своихъ дивныхъ способностей устремляетъ на то, чтобъ пятнать и разрушать нравственность вселенной, и пускать на волю вѣтровъ стоящія уже въ пристани надежды мильйоновъ; такимъ-образомъ, звѣзда его измѣнчивой судьбы превращается въ дикое и блуждающее пламя. Звѣзда эта закатилась, но могильный свѣтъ ея отражается еще на обширномъ краѣ небосклона, какъ-будто какая-нибудь комета, упавъ съ своей высоты, остановилась надъ кипящимъ волненіемъ океана, и недовѣряя своему мрачному разрушенію, освѣтила для самой-себя огненную, вулканическую могилу.»)

Очень-натурально, что впечатлѣнія природы и описанія господствуютъ въ стихотвореніяхъ американскихъ поэтовъ и удаются лучше всего другаго; гораздо-менѣе можно ожидать отъ нихъ чувствительности и элегической грусти, но въ послѣднемъ родѣ встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, можетъ-быть, потому-что здравое чувство Американцевъ требуетъ такого дополненія (или противоположности) къ практическому существованію (32).

---

(32) Для примѣра выписываемъ слѣдующее стихотвореніе Пирпонта (Pierpont):

My child.

I cannot mak him dead!
His fair sunshiny head
Is ever bounding round my study chair;
Yet when my eyes, now dim
With tears, I turn to him,
The vision vanishes—he is not there:

I walk my parlour floor,
And, through the open door,
I hear a foatfall on the chamber stair;
I'm stepping towards the hall
To give the boy a call;
And then bethink me that—he is not there!

I thread the crowded street;
A satchell'd lad J meet,
With the same beaming eyes and colour'd hair
And, as hi's running by,
Follow him with my eye,
Scarcely believing that—he is not there!

I know his face is hid
Under the coffin lid;
Closed are his eyes; cold is his fore head;
My hand that marble felt;
O'er it in prayer J knelt;
Yet my heart whispersthat—he is not there!

I cannot make him dead!
When passing by the bed,
So long watch'd over with parental care,
My spirit and my eye
Seek it inquiringly,
Before the thought comes that—he is not there!

When, at the cool, gray break
Of day, from sleep J wake,
With my first preathing of the morning—air
My soul goes up, withe joy,
To him who gave my boy,
Then comes the sad thought that—he is not there!

When at the day's calm close
Befor we seek repose,

Относительно философіи Американцевъ необходимо обратить вниманіе на два пункта: во-первыхъ, какое положеніе они сами принимаютъ, и рѣшеніе какого вопроса предлагаютъ себѣ; во-вторыхъ, какъ они смотрятъ на философію другихъ народовъ? Относительно перваго пункта, по-видимому, господствуютъ различные взгляды. Такъ, на-примѣръ, одинъ американскій писатель говоритъ: «Мы живемъ слишкомъ общественною жизнію и вниманіе наше слишкомъ приковано къ ней, такъ что мы не въ состояніи слѣдовать за не-практическими умствованіями»; другой говоритъ: «Мы народъ по преимуществу теоретическій, и потому общія правила скоро утверждаются и заучиваются у насъ». Третьи, наконецъ, надѣются и предсказываютъ, что Сѣверо-Американцы создадутъ собственную философскую школу, отличную отъ школъ французской, англійской и германской. И этому можно повѣрить, потому-что Сѣверная-Америка представляетъ много особеннаго и новаго, собственно ей принадлежащаго. Правда, цѣль еще далеко не достигнута, да и самый путь къ ней обозначенъ не ясно.

Матеріально-дѣятельная жизнь болѣе всего служитъ препятствіемъ къ общему распространенію философіи, и Американцы называютъ не-

---

J'm with his mother, offering up our prayer,
Whate'er J may be saying,
J am, in spirit, praying
For our boy's spirit, though—he is not there!

Not there! Wher then, is he?
The forme J used to see
Was but the raiment that he used to wear.
The grave that now does press
Upon that cast-off dress,
Is but his wardrobe lock'd;—he is not there!

He lives!—In all the past
He lives; nor to the last,
Of seeing him agaive will J despair;
In dreams I see him now;
And on his angel brow,
I see it written: «Thou shalt see me there!

Yes we all live to God!
Father, thy chastening rod
So help us, thine afflicted ones, to bear,
That, in the spirit land,
Meeting at thy right hand,
I will be our heaven to find that—he is there!

Вотъ еще другое стихотвореніе «The old man's carousal», сочиненіе Паульдинга (Paulding):

Drink! Drink! to whom shall we drink?
To friend or a mistress? come let me think!
To those who are absent, or those who are here?
To the dead that we loved, or the living still dear?
Alas! when I look, I find none of the last!
The present is barren, let's drink to the past.

практическимъ умствованіемъ многое, что заключаетъ въ себѣ истинную и благородную потребность духа. Впрочемъ, этимъ грубымъ порицателямъ не практическихъ умствованій можно напомнить, что нерѣдко самая практическая дѣятельность Американцевъ шла ложными путями и не приносила никакихъ плодовъ. Общія, по частнымъ опытамъ составляемыя правила вездѣ легко принимаются и заучиваются, но они еще нисколько не приближаютъ къ ученой философіи, и гораздо чаще приводятъ къ мысли о ея излишествѣ. Сверхъ-того, въ Америкѣ самыя различныя философскія начала были усвоены различными партіями.

Многіе поборники американской философіи вполнѣ удовлетворяются Бентэмомъ; независимо отъ нихъ другіе примыкаются къ германской школѣ, или благоговѣютъ передъ Локкомъ и одного его защищаютъ отъ всѣхъ нападеній. Но, чтобъ читатели наши могли составить себѣ понятіе о сѣверо-американскомъ воззрѣніи на философію, мы приведемъ нѣсколько словъ изъ сочиненія Боуэна (33), почитаемаго образ-

---

Come! here's to the girl with a voice sweet and low,
The eye all of fire and the bosom of snow,
Whe ere while in the days of my youth that are fled
Ome slept on my bosom, and pillow'd my head!
Would you know where to find such a delicate prize?
So seek in yon churchyard, for there she lies.

And here's to the friend, the one friend of my youth,
With a head fulle of genius, a heart full of truth
Who travell'd with me in the sunshine of life,
And stood by my side in its peace and its strife.
Would you know where to seek a blessing so rare?
Go drag the long se a you may find him there.

And here's to a brace of twin cherubs of mine,
With hearts like their mother's, as pure as this wine;
Who came but to see the first act of the play,
Grew tired of the scene, and then both went away.
Would you know where this brace of brigh cherubs have hied?
So seek them in heaven, for there they abide.

A bumper my boys! to a grayheaded pair,
Who watched over my childhood with tenderest care,
God bless them and keep them, and may the y look down,
On the head of their son withous tear, sigh or frown!
Would you know whom I drink to! go seek mid the dead,
You will find both theire names on the stone at their head.

And here's but alas! the good wine is no more
The bottle is emptied of all its bright store,
Like those who have toasted, its spirit is fled,
And nothing is left of the light that it shed,
Then a bumper of tears, boys! the banquet here ends,
With a health to our dead, since we've no living friends.

(33) Critical essays on a few subjects connected with the History and present condition of Speculative Philosophy, by Francis Bowen. Boston. 1842.

цемъ глубокомыслія. «Страсть, говоритъ онъ, къ нѣмецкой метафизикѣ влечетъ за собою много зла. Привычка сидѣть надъ нею должна произвести болѣзненное состояніе духа, разовьется ли она изъ общихъ свойствъ этого философическаго дѣйствованія или изъ слишкомъ-положительнаго направленія, даннаго ученію. Мы не имѣемъ влеченія къ выспреннему атеизму Фихте или къ открытому пантеизму Шеллинга.

«Но и посреди насъ есть люди, которые изучаютъ творенія этихъ писателей и осыпаютъ ихъ громкими похвалами, и между-тѣмъ не стыдятся обвинять философію Локка въ чувственномъ и унизительномъ вліяніи. Мы судимъ о деревѣ по его плодамъ и выводимъ такое заключеніе: изученіе этихъ писателей распаляетъ воображеніе и затемняетъ здравый смыслъ. При выраженіи мнѣній оно ведетъ къ диктаторскому тону, а при ученыхъ открытіяхъ къ грубому, пристрастному, а иногда и легкомысленному образу мыслей. Оно вредитъ великому и общему духу созерцательной философіи, воссоздавая такую рѣзкую и изолированную секту, что она не имѣетъ ничего общаго съ прежними дѣятелями, или допускаетъ общность съ такими только, которые различными путями изслѣдованія стремятся къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ.

«Великая трудность понимать философію Канта заключается въ недостаткахъ его языка. Эти изолированные и вмѣстѣ съ тѣмъ соприкасающіеся одинъ съ другимъ тэзисы, какъ-бы переносятся съ одной стороны на другую и до такой степени загромождены повтореніями и вставками, что должны устрашать многихъ при самомъ началѣ ихъ изученія. Кантъ былъ строгій логикъ, систематическій, глубокій и самобытный мыслитель, но мощь его представленій и идей оставляла далеко за собою данныя ему отъ природы средства языка, такъ-что онъ долженъ былъ слова употреблять въ видѣ символовъ, и отъ этого мнѣнія его скорѣе темно намекаются, чѣмъ ясно выражаются въ словѣ... цвѣты, которые разсыпаютъ другіе философы на пути своихъ изъисканій, не даны были ему въ удѣлъ, или, можетъ-быть, онъ презиралъ ихъ; читатель долженъ пробираться по его метафизикѣ, какъ по африканской пустынѣ.

«Германскія системы, явившіяся послѣ Канта, всѣ основаны на скептицизмѣ.

«Согражданe и современники Фихте отличались смѣлостію своихъ философическихъ изъисканій, но ему принадлежитъ пальма первенства титанской дерзости (!) умствованій.

«За Кантомъ, Фихте проповѣдуетъ безусловный идеализмъ, Шеллингъ — полный пантеизмъ, а Гегель (послѣднее великое имя между германскими метафизиками) совершенный нигилизмъ. Эти системы не объясняютъ, но взаимно уничтожаютъ одна другую. Если принять въ соображеніе притязанія каждой изъ нихъ, то очень-странною покажется быстрота, съ которою онѣ слѣдуютъ одна за другою».

«Но недовольно еще, что Локка обвиняютъ въ скептицизмѣ Юма и въ чувственномъ ученіи Кондильяка; ему же приписываютъ всѣ неистовства секты германскихъ безвѣрцевъ, хотя трудно гдѣ-либо найдти

болѣе рѣзкую противоположность идей, выраженій и ученія, какая находится между ихъ умствованіями и твореніями отца англійской философіи.»

Мы не беремъ на себя труда выставлять всѣ недостатки сужденій Боуэна: они ясны для каждаго, кто хотя нѣсколько знакомъ съ предметомъ; замѣтимъ только, что въ Америкѣ не имѣютъ никакого понятія о новомъ положеніи Шеллинга и гегеліанцевъ. Боуэнъ ратуетъ вездѣ противъ апріористическихъ элементовъ самосознанія или противъ производительной дѣятельности мышленія. Если Кантъ ссылается на Юма, это не значитъ еще, чтобъ онъ былъ подобный ему скептикъ; и еще далѣе отъ него отстоитъ догматическій Гегель, который, съ свойственною ему ясностію взгляда, во всѣхъ системахъ видѣлъ составныя части, степени развитія одной положительной философіи. Отрицаніе всѣхъ метафизическихъ доказательствъ происходитъ у Боуэна также отъ скептицизма, и къ методѣ наведенія и анализа, имъ однимъ признанной, присоединяется силлогизмъ и синтезисъ, какъ-бы для дополненія ихъ. Иногда въ немъ видны самые дикіе порывы фанатизма, пробивающіеся посреди возгласовъ, которыми онъ силится поддержать старыя привычки и уничтожить ученыхъ Германіи. Боуэнъ — представитель американской философіи и потому нетрудно вывести заключеніе, что въ этой отрасли умственной дѣятельности Американцы далеко еще отстали отъ образованныхъ народовъ Европы.

При обозрѣніи жизни, успѣховъ и общей дѣятельности Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ, мы слегка упомянули о множествѣ религіозныхъ сектъ и исповѣданій; подробное разсмотрѣніе ихъ дало бы статьѣ нашей характеръ слишкомъ односторонній, и потому переходимъ къ результатамъ всего, о чемъ было сказано выше, къ государственному праву и общественной жизни Сѣверо-Американцевъ.

Приступая къ изложенію этого предмета, мы не излишнимъ считаемъ повторить сказанное нами въ первой статьѣ нашей (34), что все хорошее и удобное для Сѣверной-Америки свойственно только ей одной, и не можетъ быть примѣнено къ государствамъ Европы; ложная мысль о возможности такого примѣненія, а равно и о возможности преобразованія американскаго общества по европейскому образцу, вводитъ многихъ въ заблужденіе относительно настоящей жизни Соединенныхъ-Штатовъ. Читая о господствѣ народа въ Америкѣ, нѣкоторые сравниваютъ его съ бурными возстаніями черни, волнующими иногда столицы Западной-Европы, и не принимаютъ въ соображеніе историческаго хода событій, организаціи штатовъ, новыхъ обычаевъ, особенностей страны и всей жизни Сѣверо-Американцевъ.

Разсматривая сѣверо-американское государственное право, не трудно убѣдиться, что оно не составлено a priori немногими, но возникло изъ двухвѣковаго опыта и было результатомъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Должно вспомнить также, что недостатки и качества, успѣхи и

(34) См. «Отеч. Записки», т. LII, Соединенные-Штаты. Статья I.

бьдствія народа не могутъ зависьть исключительно отъ его государственныхъ формъ. Такимъ-образомъ, южно-американскія республики заняли у своихъ сѣверныхъ сосѣдей только букву постановленія, но не имѣли ни опыта ихъ, ни правилъ, ни религіозной терпимости, ни трудолюбія, ни любви къ миру; и отъ-того у нихъ вездѣ обнаруживались междоусобныя войны, тираннія и безначаліе, устраненія которыхъ желаютъ всѣ, но никто не надѣется. Государственный принципъ Соединенныхъ-Штатовъ такъ тѣсно слитъ съ ихъ жизнію, что его невозможно приложить къ какому-либо другому государству стараго или новаго свѣта.

Не смотря на то, что старая конституція Союза 1778 года оказалась недостаточною, проекты измѣненія ея встрѣчали противорѣчія со всѣхъ сторонъ: однимъ казалось, что конгрессу и штатамъ предоставляли слишкомъ-много власти; другимъ, что слишкомъ-мало; одни грозили, что президентъ превратится въ тирана и сенатъ въ собраніе олигарховъ; другіе утверждали, что камера представителей сдѣлается скопищемъ неистовыхъ демократовъ (35).

Опытъ устранилъ всѣ эти возраженія, или, по-крайней-мѣрѣ, съ принятіемъ новаго постановленія они совсѣмъ прекратились.

Исполнительная власть обратила на себя первое вниманіе законодателей. Многіе боялись избраніемъ одного президента дать слишкомъ много власти одному лицу и предложили избирать по три президента въ одно время; но скоро такая мѣра оказалась неудобоисполнимою; также отвергнуто было предложеніе избрать президента на три или на семь лѣтъ большинствомъ сенаторовъ и представителей.

Образъ избранія президента, о которомъ мы упомянули выше (36), возбуждалъ также многія возраженія. Говорили, что формы избранія, различныя въ каждомъ штатѣ, должно уничтожить, а самое избраніе, безъ назначенія избирателей, непосредственно передать народу, и ему же (а не конгрессу) предоставить рѣшеніе сомнительныхъ выборовъ; при настоящемъ же порядкѣ дѣлъ (т. е. при собираніи голосовъ по штатамъ) легко можетъ быть, что мнѣніе 31 представителя меньшихъ штатовъ удержится даже при сопротивленіи прочихъ 182 представителей.

Какъ ни много говорено было въ пользу этихъ предположеній (37), но ни одно изъ нихъ не было приведено въ исполненіе, по многимъ важнымъ причинамъ, и особенно потому-что большинство Сѣверо-Американцевъ старается избѣгать всякой перемѣны, которая бы повлекла за собою новыя затрудненія. Многіе европейскіе писатели не только охуждали нѣкоторыя формы избранія президента, но даже отвергали его совершенно, находя въ немъ много сходнаго съ бурнымъ

---

(35) Carpenter speeches 1. 137.

(36) См. «Отеч. Записки», т. LII, отд. II, стр. 37.

(37) Annual. Register. 1826. Append. 120, 180. Тоже за 1838 г. и посланіе Джаксона. 130.

и мятежнымъ избраніемъ польскихъ королей; но такое сравненіе нисколько не представляетъ дѣла въ настоящемъ его видѣ.

Правда, при каждомъ избраніи волнуются страсти и раздаются громкіе клики, клеветы и ругательства газетныхъ листковъ, не прошедшихъ чрезъ руки цензора; но эти тѣни и пятна никогда не затемняли господствующаго свѣта: избраніе каждаго президента возбуждало во всей Сѣверной-Америкѣ общее національное сочувствіе, проявлявшееся въ стремленіи поставить во главѣ государства такого человѣка, который бы соединялъ благородную личность съ достойными намѣреніями и убѣжденіями. Избраніе президента никогда не рѣшалось малымъ числомъ привилегированныхъ лицъ (какъ то было при олигархическихъ избраніяхъ польскаго сейма и венеціанскаго дворянства, при избраніи курфирстовъ и т. д.), но всегда настоящимъ большинствомъ цѣлаго народа. И по утвержденіи выбора, самое смѣлое и могущественное меньшинство всегда покорялось безпрекословно общему закону. Интриги и подкупы, столь опасные въ государствѣ, сжатомъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, не могутъ имѣть никакого вліянія на три мильйона избирателей, разсѣянныхъ на пространствѣ, почти равномъ Европѣ. По-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ ни одинъ изъ одиннадцати американскихъ президентовъ (38) не имѣлъ большаго состоянія; а деньги друзей, еслибъ тѣ и захотѣли употребить ихъ, нисколько бы не могли рѣшить избранія.

Объ отношеніяхъ и правахъ президента возникло еще болѣе предположеній и несогласій, чѣмъ объ его избраніи. Сначала виги требовали, чтобъ ни одинъ (39) президентъ не оставался въ должности болѣе четырехъ лѣтъ, и чтобъ вторичное избраніе, допущенное конституціею, было отмѣнено. По мнѣнію ихъ, возможность вторичнаго избранія ставила президента въ ложное положеніе и указывала ему личную цѣль въ пріобрѣтеніи избирательныхъ голосовъ, къ чему онъ, находясь во главѣ управленія, имѣетъ много средствъ; легко можетъ быть, что назначеніе или удаленіе чиновниковъ будетъ зависѣть не отъ заслугъ ихъ, а отъ обѣщаній, которыя они дадутъ президенту въ подачѣ голосовъ на предстоящій ему второй выборъ.

Странно, что партія, называющая себя *консервативною*, думаетъ объ измѣненіи важной, зрѣло-обдуманной части конституціи, тогда-какъ демократы, прославленные безвременными нововводителями, употребляютъ всѣ усилія къ сохраненію ея. И дѣйствительно, такая перемѣна прида-

---

(38) Вотъ списокъ президентовъ: 1) Вашингтонъ 1779; 2) Джонъ-Адамсъ 1797; 3) Джефферсонъ 1801; 4) Мадиссонъ 1809; 5) Монроэ 1817; 6) Квинт-Адамсъ 1825; 7) Джаксонъ 1829; 8) фан-Бюренъ 1837. 9) Гаррисонъ 1840; 10) Тейлоръ 1840; 11) Полькъ 1844.

(39) Всѣ политическія партіи Соединенныхъ-Штатовъ примыкаютъ въ настоящее время къ двумъ разрядамъ: демократовъ и виговъ. Тѣ и другіе признаютъ Джефферсона своимъ учителемъ и образцомъ, но различно объясняютъ его правила; первые отвергаютъ распространеніе правъ конгресса и требуютъ строгаго исполненія конституціи; сверхъ того, они желаютъ свободной торговли, уничтоженія протекціонныхъ пошлинъ, упроченія всѣхъ правъ гражданства переселенцамъ и т. д. Виги во многомъ держатся противныхъ съ ними мнѣній.

ла бы и безъ того слишкомъ подвижному управленію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ еще большую подвижность; тогда исчезла бы всякая возможность привести въ исполненіе мѣры, требующія времени и постояннаго труда. Къ-тому же, въ Сѣверной-Америкѣ совсѣмъ не такъ много отличныхъ государственныхъ людей, чтобъ, по одному подозрѣнію, устранять ихъ и осуждать на бездѣйствіе. Устраненіе отъ вторичнаго президентства, можетъ-быть, самаго достойнаго, просвѣщеннаго и любимаго народомъ человѣка, было бы истинною потерею и нелѣпымъ ограниченіемъ свободы избранія. Когда избиратели вѣрны своему долгу, то всѣ нечистыя средства, которыя захотѣлъ бы употребить президентъ, остались бы безъ всякаго дѣйствія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самое употребленіе такихъ средствъ на одного пріобрѣтеннаго приверженца возстановитъ президенту сто противниковъ, и потому гораздо скорѣе можно предположить, что президентъ не изберетъ себѣ такого безсмысленнаго и недостойнаго пути, но благородными средствами и благоразумнымъ управленіемъ постарается пріобрѣсти голоса своихъ согражданъ для вторичнаго избранія. Такъ дѣйствовали Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ и Монроэ; напротивъ того, ни одинъ президентъ, котораго не хотѣлъ народъ, не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ болѣе четырехъ лѣтъ.

Другое важное требованіе виговъ состоитъ въ ограниченіи или даже совершенномъ уничтоженіи *veto*, которымъ президентъ можетъ остановить опредѣленіе сената и камеры представителей; и здѣсь опять консерваторы требуютъ уничтоженія существенной части конституціи, а демократы отстаиваютъ ее: *veto* заключаетъ въ себѣ всю важность президентскаго мѣста; безъ него значеніе его будетъ ничтожно, и самое правительство легко превратится въ анархію. *Veto* по справедливости почитается большинствомъ Сѣверо-Американцевъ сильною опорою самобытности и порядка противъ односторонности, страстныхъ увлеченій и преждевременныхъ мѣръ; по долгомъ совѣщаніи, оно единогласно было принято въ 1787 году, и никогда не вело къ злоупотребленію. Главнымъ доказательствомъ этому служитъ то (40), что 10 президентовъ, въ-продолженіе 57 лѣтъ, только 20 разъ воспользовались своимъ правомъ. Изъ нихъ восемь случаевъ были такъ незначительны, что не обратили на себя никакого вниманія; изъ важныхъ одинъ касался до уменьшенія войска при Вашингтонѣ, одинъ до распредѣленія земель, и шесть до внутреннихъ распоряженій и улучшеній (improvements). Очень натурально, что президентъ не охотно пользуется этимъ правомъ: пріятно ли ему, вмѣсто того, чтобы спокойно плыть вмѣстѣ съ большинствомъ сенаторовъ и представителей, безпрестанно противорѣчить имъ? Но не употреблять veto противъ большинства значитъ совершенно уничтожить его, а президента, изъ главы правительства, участвующаго въ

(40) Calhoun Speeches 484. Buchanan Speech on the veto. По Мазону (109) оно употреблялось 18 разъ: 2 раза Вашингтономъ, 4 раза Мадисономъ, разъ Монроэ, 1 разъ Джаксономъ и 2 раза Тейлеромъ.

законодательствѣ, низвести на степень исполнительнаго и послушнаго чиновника. Наконецъ, veto и потому не опасно, что посредствомъ его опредѣленіе останавливается только на короткое время, въ видѣ аппеляціи къ народу, и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, проектъ закона утверждается или отвергается окончательно. До-сихъ-поръ никогда двѣ трети конгресса не соединялись для уничтоженія veto: оно всегда согласовалось съ большинствомъ общественнаго мнѣнія.

Разсматривая внимательно права президента, который избирается на короткій срокъ, не имѣетъ ни безусловнаго veto, ни вліянія на составъ камеръ, ни власти надъ войскомъ и финансами, ни исключительнаго права назначать чиновниковъ; который подвергается ревизіи каждаго члена конгресса и даже не получаетъ достаточнаго содержанія, нельзя не согласиться, что права его очень ограниченны. Исторія Соединенныхъ-Штатовъ доказываетъ, что истинная власть президента зависѣла отъ его личнаго характера и популярности, отъ умѣренности или волненія партій гораздо болѣе, чѣмъ отъ правъ, данныхъ ему по закону.

Противъ Джаксона возставало много обвинителей за то, что онъ понималъ исполнительную власть совершенно въ англійскомъ духѣ; но Вебстеръ впадаетъ въ противоположную крайность, утверждая, что при истинномъ республиканскомъ управленіи законы составляютъ *все*, а люди *ничего*. Такое анатомическое разсѣченіе уничтожаетъ всю жизнь, носитъ на себѣ печать какой-то мертвенности. Законы безъ живаго содѣйствія, безъ примѣненія ихъ къ потребностямъ людей, или произвольное дѣйствіе людей безъ законовъ, въ обоихъ случаяхъ становятся великимъ зломъ, и Американцы заслуживаютъ великихъ похвалъ за то, что они никогда не отдѣляли постановленій своихъ отъ ихъ исполнителей; по большой части они умѣли поручать исполненіе законовъ достойнымъ людямъ, и отъ-того почти всегда достигали желанной цѣли.

Гармонія между постановленіями и лицами болѣе всего замѣтна при назначеніи и удаленіи чиновниковъ. Вездѣ, гдѣ дѣло касается до государственнаго постановленія, они (сенаторы, представители, губернаторы, президенты, предводители войскъ) избираются народомъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда должности ихъ относятся собственно къ администраціи, они назначаются или однимъ президентомъ, или президентомъ и сенатомъ, или министрами. Здѣсь представились два обстоятельства: во-первыхъ, число чиновниковъ, значительно, хотя и постепенно, увеличиваясь, возвысило вліяніе назначающаго ихъ президента; во-вторыхъ, возникло сомнѣніе, простирается ли власть президента на удаленіе и смѣщеніе ихъ. Раздавались уже жалобы на непомѣрное размноженіе чиновниковъ (41) и многіе проекты были отвергнуты на конгрессѣ потому только, что исполненіе ихъ влекло за собою учрежденіе новыхъ должностныхъ лицъ. Недостаточное жалованье не устрашаетъ

(41) Mortons (губернатора Массачусетса) message на 1840 годъ.

принимающихъ на себя какую-нибудь должность въ государствѣ, потому-что всегда найдутся бѣдняки, которые рады хотя малому, но вѣрному доходу, и честолюбцы, которые видятъ въ должности своей средство къ пріобрѣтенію политическаго значенія.

Особеннаго порицанія заслуживаетъ назначеніе чиновниковъ, при которомъ гораздо-болѣе вниманія обращаютъ на положеніе ихъ политической партіи, чѣмъ на личныя достоинства, и отъ-того торжество каждой партіи влечетъ за собою безчисленное множество и назначеній и смѣщеній. Многіе видятъ въ избраніи президента средство удержаться на своихъ мѣстахъ, другіе — вытѣснить старыхъ чиновниковъ и занять ихъ мѣста. Пусть даже справедливо будетъ мнѣніе Джаксона, что назначеніе чиновниковъ на всю жизнь несообразно съ конституціею Соединенныхъ-Штатовъ (42), но краткость времени, въ-продолженіе котораго они остаются при должности, гораздо-вреднѣе для государства: едва начнутъ они пріобрѣтать необходимую практическую опытность, какъ ихъ удаляютъ и совершенно произвольно замѣняютъ другими. Безусловный произволъ въ смѣщеніи чиновниковъ столь же вреденъ для государства, какъ и чрезмѣрная краткость ихъ службы. Говорятъ, что до президентства Джаксона, въ теченіе сорока лѣтъ смѣщено не болѣе семидесяти-трехъ чиновниковъ (и тѣ большею частію за неспособность ихъ или доказанное злоупотребленіе); въ послѣдующее за тѣмъ время удалено ихъ безчисленное множество и вліяніе надъ ними президента сдѣлалось несомнѣнно. Разумѣется, смѣщеніе старыхъ чиновниковъ безъ всякой причины, или раздача мѣстъ цѣлымъ толпамъ новыхъ, не есть признакъ здороваго, прочнаго управленія, и потому весьма-натурально требованіе благомыслящихъ людей, чтобъ всѣ перемѣны должностныхъ лицъ имѣли законное основаніе и чтобъ главная власть надъ ними предоставлена была сенату.

Къ особенностямъ сѣверо-американскаго управленія принадлежитъ законъ, по которому ни президентъ, ни министры не имѣютъ права присутствовать на конгрессѣ; потому (какъ утверждаютъ въ Соединенныхъ-Штатахъ), что личное участіе министровъ въ сенатѣ или въ камерѣ представителей измѣнитъ совершенно отношеніе ихъ къ президенту. Президентъ подлежитъ отвѣтственности за общее направленіе распоряженія своей администраціи, и за собственно ему принадлежащія, но не за отдѣльныя дѣйствія министровъ, которыхъ нельзя назвать ни секретарями президента, ни чиновниками, отъ него независящими; по буквальному смыслу закона, должно соблюдать строгое различіе, дѣйствуютъ ли они вмѣстѣ, какъ государственные чиновники, или предпринимаютъ дѣло, за которое можетъ отвѣчать каждый изъ нихъ отдѣльно. Предложеніе виговъ (43) сдѣлать независимымъ отъ президента министерство финансовъ и подчинить его исключительно сенату, было только отголоскомъ извѣстной партіи и противорѣчитъ духу и общей

(42) Americ. Quart. Review XVI. 255.
(43) Clay speeches II. 204. 437.

системѣ управленія. Прежде вице-президентомъ назначали того, кто послѣ президента получалъ наибольшее число избирательныхъ голосовъ, въ чемъ и находила утѣшеніе побѣжденная партія; но при такомъ порядкѣ два враждебные элемента слишкомъ-близко сталкивались, и новая форма выборовъ, по которой вице-президентъ избирается совершенно независимо отъ президента, поставила въ главѣ правительства людей одной партіи, и въ случаѣ смерти президента упрочила ему преемника, раздѣляющаго его образъ мыслей.

Вопросъ о врученіи законодательной власти одной или двумъ камерамъ рѣшенъ былъ скоро и безъ большихъ затрудненій; гораздо-болѣе возбуждалъ несогласій и противорѣчій другой вопросъ: «должны ли участвовать въ сенатѣ всѣ штаты, большіе и малые, и пользоваться одинакими правами?» Многіе находили несправедливымъ такое равенство; наконецъ, оно было утверждено и повело къ примиренію права и власти; еслибъ одинъ и тотъ же принципъ преобладалъ въ обѣихъ камерахъ, то едва ли бы правительство могло устоять противъ сильной оппозиціи. *Различная сила* штатовъ проявляется въ полнотѣ представителей; *равное право* ихъ, какъ членовъ одного союза, господствуетъ въ камерѣ сенаторовъ, и это двойное направленіе правительства сообщаетъ дѣйствіямъ его большую правильность и уничтожаетъ вліяніе односторонних интересовъ. Избраніе сенаторовъ даетъ отдѣльному правительству каждаго штата полезную самобытность и, между-тѣмъ, умѣряетъ дѣйствія его избраніемъ представителей; въ-слѣдствіе этого ни одинъ законъ не можетъ получить силы, если его не одобритъ ни большинство народа, ни большинство штатовъ. Опасность, чтобъ меньшее число народа не одержало побѣды въ сенатѣ, устранена силою общественнаго мнѣнія; но еслибъ и число сенаторовъ опредѣлялось также по силѣ и числу народонаселенія, то три-четыре штата скоро сдѣлались бы повелителями всѣхъ прочихъ.

Правила, на основаніи которыхъ дѣйствуетъ въ Сѣверной-Америкѣ камера представителей, такъ различны съ тѣми, которымъ слѣдуютъ въ конституціонныхъ государствахъ Европы, что необходимо сказать о нихъ нѣсколько словъ. Во-первыхъ, духовные не допускаются ни въ одну камеру, также ни къ какимъ гражданскимъ должностямъ, и отъ-того по временамъ раздаются жалобы, что характеръ представителей не довольно религіозенъ; на эти жалобы отвѣчаютъ обыкновенно, что духовные выполняютъ свое призваніе чище и святѣе, удаляясь отъ свѣтскихъ занятій и политическихъ волненій. Къ этому можно прибавить, что въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ сталкивается столько сектъ, каждое политическое участіе, каждое преимущество, данное лицамъ какого бы то ни было исповѣданія, повело бы къ нескончаемому злу и сдѣлалось бы причиною безпрерывныхъ раздоровъ. Порядокъ избранія уполномоченныхъ также различенъ въ Европѣ и Сѣверной-Америкѣ. Законодатели штатовъ имѣли продолжительныя пренія о томъ, должно ли назначать число уполномоченныхъ въ отдѣльныхъ штатахъ по одному числу жителей или также по оцѣнкѣ ихъ имущества? Послѣднее оказалось неисполнимымъ, потому-что въ Соединенныхъ-Штатахъ нѣтъ

общей, непосредственной оцѣнки имущества, нѣтъ общей мѣры для наложенія податей, и каждый изъ двадцати-шести штатовъ руководствуется при этомъ своими собственными правилами. Другой, еще болѣе важный предметъ совѣщаній состоялъ въ томъ, нужно ли для пользованія политическими правами, особенно правомъ избранія и принятія должности, имѣть опредѣленную собственность или доходъ? Во всѣхъ представительныхъ государствахъ вопросъ этотъ, послѣ болѣе или менѣе жаркихъ преній, рѣшенъ былъ утвердительно; одни только Соединенные-Штаты мало-по-малу уничтожили всякое различіе жителей по состоянію, и въ настоящее время такъ мало принимаютъ его въ соображеніе, что у нихъ въ дѣйствительности существуетъ общее право голосовъ. Такой порядокъ избранія, по мнѣнію всѣхъ Европейцевъ и нѣкоторыхъ Американцевъ, заключаетъ въ себѣ великое зло; большая же часть послѣднихъ видитъ въ немъ огромный шагъ къ развитію общественной жизни. Въ пользу послѣдняго мнѣнія говоритъ еще то обстоятельство, что въ Сѣверной-Америкѣ, столь богатой средствами существованія, нѣтъ черни, въ европейскомъ значеніи этого слова, или, если она и встрѣчается въ большихъ городахъ, то исчезаетъ предъ большинствомъ настоящихъ гражданъ; а оказывать болѣе довѣренности къ богатымъ, чѣмъ къ бѣднымъ, было бы и опасно и безполезно. Бо́льшее число избирателей, имѣющихъ право голоса (а въ Соединенныхъ-Штатахъ не имѣютъ его только бѣдняки, живущіе на счетъ общества) и не стѣсненныхъ условіями имущества, дѣйствуетъ гораздо успѣшнѣе къ благу государства; между-тѣмъ, какъ во Франціи на тридцать два мильйона жителей приходится 250 тысячь избирателей, въ Великобританіи на двадцать-четыре мильйона—700 тысячь, въ Соединенныхъ-Штатахъ на тринадцать мильйоновъ было два и теперь (на девятнадцать мильйоновъ) три мильйона избирателей (44) и всѣ они должны подчинять свои односторонніе интересы общей пользѣ. Представители ихъ не служатъ отголоскомъ малаго числа, дѣйствуютъ не для отдѣльныхъ интересовъ (каковы, на-примѣръ, сахарные заводы, желѣзные рудники и т. п.), но выражаютъ дѣйствительное желаніе, настоящія потребности большинства, и никогда не ведутъ за собою враждебнаго разъединенія между народомъ и законодателями.

Число избирателей нисколько не увеличиваетъ числа представителей и не грозитъ большимъ разногласіемъ въ камерѣ; избраніе представителей согласуется съ массою народонаселенія; но съ увеличеніемъ его не въ одинаковой степени умножается число представителей: такъ въ 1789 году приходилось по одному представителю на тридцать тысячь жителей, въ 1793 году на тридцать-три тысячи, въ 1813 году на тридцать-пять тысячь, въ 1823 году на сорокъ тысячь, въ 1833 году на сорокъ-семь тысячь, и въ 1843 году на семьдесять тысячь. Такимъ образомъ, общее число представителей въ 1789 году простиралось до шестидесяти-пяти и, постепенно увеличиваясь, дошло въ 1844 году до

---

(44) Encycl. Americ. United States 452.

223 человѣкъ. Не смотря на демократическія постановленія штатовъ въ сравненіи съ англійскими, нижняя камера англійскаго парламента въ два съ половиною раза превосходитъ числомъ американскую камеру представителей.

Число сенаторовъ на всѣ двадцать-шесть штатовъ простирается до 52; политическое значеніе каждаго штата остается неизмѣннымъ въ этой первой камерѣ, тогда-какъ оно, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, возрастаетъ во второй, сообразно съ числомъ жителей.

Трудно найдти оправданіе грубому нарушенію приличія и порядка, такъ-часто встрѣчаемому въ сѣверо-американскомъ конгрессѣ, но оно относится только къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя въ порывѣ гнѣва или другой страсти наносятъ оскорбленія тоже отдѣльнымъ лицамъ (45); между-тѣмъ, какъ большія, стоящія другъ противъ друга партіи никогда не доходятъ до взаимнаго оскорбленія, чего нельзя сказать, на-пр., о камерѣ депутатовъ во Франціи. Въ Вашингтонѣ большинство отличалось всегда достоинствомъ, умѣренностью и терпѣніемъ. Особенно послѣднее качество подвержено тяжкому испытанію, и жалобы на продолжительное разглагольствіе въ собраніяхъ конгресса являются основательными, если сравнить меньшее количество времени, которое въ сложности употребляютъ на свои рѣчи ораторы французскіе и англійскіе и меньшее число лицъ, выходящихъ на трибуну въ Лондонѣ и Парижѣ. Но еще надо припомнить, что на конгрессѣ штатовъ не двѣ только большія партіи выступаютъ одна противъ другой подъ предводительствомъ искусныхъ вождей, но всѣ разнообразные интересы 26 штатовъ.

Въ настоящее время, говорливость ораторовъ въ камерѣ представителей ограничена часомъ времени, а прежде нерѣдко съ успѣхомъ дѣйствовала удачно-сказанная острота; такъ, на-прим., одинъ слишкомъ-краснорѣчивый ораторъ, обращаясь къ нетерпѣливому слушателю, воскликнулъ, что «онъ говоритъ не для него, но для потомковъ»; «въ такомъ случаѣ», отвѣчалъ тотъ, «господинъ этотъ попалъ на истинный путь; прежде, чѣмъ онъ окончитъ свою рѣчь, всѣ слушатели его уже соберутся къ нему» (46). Во всякомъ случаѣ живой, дѣятельный сеймъ имѣетъ преимущество передъ молчаливымъ и недѣятельнымъ, а на излишнюю долготу рѣчи гораздо лучше можетъ дѣйствовать одобреніе, или порицаніе слушателей, чѣмъ одинаковое ограниченіе и дѣльнаго человѣка и пустаго говоруна.

Объ отношеніи отдѣльныхъ штатовъ къ союзному правительству, мнѣнія и желанія до-сихъ-поръ еще не согласны; но они уже гораздо менѣе противорѣчатъ одно другому, чѣмъ въ то время, когда одни совсѣмъ не хотѣли союзнаго правительства, другіе правительства штатовъ. Джефферсонъ съ свойственною ему проницательностью замѣтилъ, что полное развитіе государственнаго постановленія (какъ онъ понималъ его)

(45) Ira procul absit; cum qua nihil recte fieri, nihil considerate potest. Rectum est autem, etiam in illis contentionibus, quae cum inimicissimis fiunt, etiam si nobis indigna audiamus, tamen gravitatem retinere, iracundiam repellere. Cicero de officiis 1. 38.

(46) North Americ. Review. LI. III.

возможно тогда только, когда послѣднимъ предоставятъ совершенную независимость; и дѣйствительно, это повело правительства штатовъ къ исполненію великихъ предпріятій, между-тѣмъ, какъ предпріятія, руководившія союзнымъ правительствомъ, будучи лишены мѣстнаго, живаго интереса, исполнялись медленно или забывались. Не смотря на издавна-утвержденное строгое опредѣленіе правъ конгресса, не смотря на то, что опасность односторонняго перевѣса находится скорѣе на сторонѣ штатовъ, чѣмъ на сторонѣ конгресса, послѣдній имѣетъ большую силу (на-пр., относительно войска, флота, податей, законодательства) и поддерживаетъ спасительное единство и согласіе во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ; онъ охраняетъ независимое постановленіе каждаго штата и общими силами сопротивляется каждой произвольной попыткѣ уничтожить или измѣнить его. Вотъ причина, почему каждый изъ 26 штатовъ образуетъ отдѣльную республику, и между-тѣмъ всѣ Сѣверо-Американцы составляютъ одинъ народъ. Даже при самомъ принятіи конституціи, ни демократія всѣхъ жителей, ни аристократія 13 штатовъ не сдѣлались преобладающимъ элементомъ правительства. Народъ произносилъ рѣшеніе свое въ 13 собраніяхъ чрезъ уполномоченныхъ 13 штатовъ. Послѣдніе должны были повиноваться конгрессу до-тѣхъ-поръ только, пока онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ законнаго права. Во время нуллификаціи (47), конгрессъ дѣйствовалъ неблагоразумно; Южная-Каролина стремилась къ собственной опасности, а умѣренность и согласіе могли только примирить ихъ. Какъ неразумно насильственное вмѣшательство конгресса въ дѣла отдѣльныхъ штатовъ, такъ опасно вторженіе штатовъ въ кругъ дѣйствій конгресса. Примиреніе обѣихъ сторонъ было и будетъ возможно. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Квинсп Адамсъ: «Самое совершенное постановленіе не препятствуетъ различному изложенію и сомнѣнію въ томъ, что составляетъ право. Но несокрушимый союзъ между жителями различныхъ штатовъ нашего союза заключается не въ *правѣ*, а въ *сердцѣ*» (48).

Оканчивая общее обзрѣніе жизни и дѣятельности сѣверо-американскаго-союза, мы бы желали представить и историческую картину каждаго штата, которая бы могла быть интересна и поучительна, но для этого необходимо имѣть такіе матеріалы, которые едва доступны самимъ Американцамъ. Но, чтобъ видѣть, какъ дѣйствуютъ всѣ общія постановленія въ примѣненіи къ отдѣльнымъ штатамъ, какъ сами-по-себѣ развиваются эти части великаго цѣлаго, необходимо подробно разсмотрѣть хотя одну изъ нихъ. Для этого мы заимствуемъ у Раумера описаніе республики Огіо, «этой царицы, этого чуда запада», какъ выражается ученый авторъ.

За 60 лѣтъ назадъ, страна, извѣстная въ наше время подъ этимъ названіемъ, частію покрыта была первобытнымъ непроходимымъ лѣсомъ, частію состояла изъ гладкой луговой равнины, властителями которой

---

(47) См. «Отеч. Зап.», томъ LII, Соед. Штат., стат. 2.
(48) Speech on the Jubilee of the constitution. Стр. 69.

скорѣе можно было назвать медвѣдей, барсовъ и волковъ, чѣмъ небольшое число обитавшихъ тамъ Индійцевъ. Только немногіе путешественники пускались туда или приставали къ берегамъ озера Эріэ; о настоящей же колонизація не было и слуховъ до апрѣля 1788 года, когда на берегу Огіо поселилось 40 человѣкъ, давшихъ колоніи своей имя Маріетты. Только съ 1794 года, по покореніи Индійцевъ генераломъ Уайномъ (Wayne), переселенцы стали пользоваться безопасностію и необходимымъ спокойствіемъ; только въ 1802 году они получили постановленіе и образовали штатъ; но и тогда необыкновенно тягостна была жизнь новыхъ граждан, неодолимы казались затрудненія и препятствія, встрѣчавшіяся имъ на каждомъ шагу; тогда, для исправленія своей обязанности, судья долженъ былъ отправляться верхомъ, брать съ собою съѣстные припасы, ночь проводить въ лѣсу; не было ни пристанища, ни дорогъ, ни мостовъ!

Правда, природа повсюду разсыпала безчисленное богатство даровъ своихъ, но рѣдко люди умѣли воспользоваться ими такъ, и никогда въ такое короткое время, какъ въ штатѣ Огіо. Штатъ этотъ простирается между 3° 30′ и 7° 40′ зап. дол. отъ Вашингтона и 38°—42° сѣв. шир.; хотя европейскія земли, лежащія подъ тою же широтою (между Римомъ и Палермо) имѣютъ климатъ болѣе теплый, но и въ этомъ отношеніи *Огіо* почти равняется Южной Германіи. Изъ 40 тыс. англійскихъ квадратн. миль или 25,600,000 акровъ ⁷/₈ удобны для воздѣлыванія пшеницы, и слѣдовательно могутъ въ изобиліи производить и прочія хлѣбныя растенія. Богатства лѣса, торфа, соли и желѣза неисчислимы; а по приблизительному вычисленію, рудники каменнаго угля въ восточной части штата могутъ удовлетворить населеніе въ 16 мил. въ-продолженіе 10 тыс. лѣтъ. Самое удобное водное сообщеніе въ свѣтѣ на югѣ и западѣ представляетъ рѣка Огіо, на сѣверѣ озеро Эріэ, на востокѣ каналъ—Эріэ.

Первый опытъ къ установленію гражданскихъ и общественныхъ отношеній, составленный Натаномъ Деномъ (Nathan Dane) изъ Массачусетса и Жакобомъ Бюрнѐ (Jacob Burnet), и принятый въ іюлѣ 1787 г., отличался умѣренностью и благоразуміемъ.

Гораздо важнѣе и многообъемлющѣе было государственное постановленіе, утвержденное 30 апрѣля 1802 г.; оно учредило двѣ камеры сенаторовъ и представителей, съ тѣмъ, чтобъ число послѣднихъ было не менѣе 36 и не болѣе 72; а число сенаторовъ никогда не превышало половины числа представителей. Сенаторы избираются посредствомъ баллотировки на два года, представители на одинъ; послѣднихъ ежегодно выбываетъ половина. Каждый гражданинъ, который имѣетъ 21 годъ отъ роду, и годъ уже какъ поселился въ штатѣ, имѣетъ право голоса; представитель также долженъ годъ пробыть въ штатѣ и имѣть не менѣе 25 лѣтъ; сенаторъ долженъ быть 30 лѣтъ и два года пробыть въ штатѣ; губернаторъ или штатгальтеръ, избираемый на два года, долженъ быть также 30 лѣтъ и прожить 12 лѣтъ въ Соединенныхъ-Штатахъ и 4 года въ Огіо. Ни одинъ членъ обѣихъ каморъ не можетъ въ то же время занимать какую-либо другую государственную должность. Каждый изъ нихъ по-

лучаетъ ежедневно по два доллара. Высшіе судьи избираются обѣими камерами посредствомъ балотировки на 7 лѣтъ. Сами граждане избираютъ еще много другихъ чиновниковъ, такъ, на-прим., мирныхъ судей на 3 года, шерифовъ на два, и т. д. Офицеры милиціи частію назначаются правительствомъ, частію занимаютъ мѣста свои по избранію. Обѣ камеры избираютъ главныхъ предводителей, а равно и всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ; всѣ городскіе чиновники избираются жителями города.

Проекты законовъ составляются въ обѣихъ камерахъ и утверждаются послѣ троекратнаго прочтенія и разсмотрѣнія всѣми членами.

Штатгальтеру принадлежитъ начальство надъ войскомъ и милиціею, назначеніе нѣкоторыхъ низшихъ чиновниковъ, разсмотрѣніе отчетовъ по разнымъ частямъ управленія, но онъ не имѣетъ права своимъ «veto» останавливать опредѣленіе камеръ.

Главныя основанія конституціи слѣдующія: безграничная свобода книгопечатанія и религіозная терпимость, публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ, кроткіе уголовные законы, уничтоженіе тюремнаго заключенія за долги и тѣлесныхъ наказаній въ военной службѣ, отсутствіе постояннаго войска, наслѣдственныхъ привилегій и отличій, а равно невольничества, поголовной подати; одинаковое право всѣхъ гражданъ носить оружіе, посѣщать школы и университеты, составлять мирныя собранія съ цѣлію уничтоженія злоупотребленій.

Относительно измѣненій въ конституціи сказано: «Каждое республиканское правительство основано одною властію народа (authority) и «имѣетъ великую цѣль охранять права его и свободу. Въ-слѣдствіе этого, народъ во всякое время имѣетъ полную власть измѣнить свою конституцію, если только найдетъ это нужнымъ». Но чтобъ такое право не обратилось въ насильственное и произвольное, къ нему присоединены слѣдующія условія: во-первыхъ, если двѣ трети обѣихъ камеръ требуютъ перемѣны, то предложеніе идетъ на разсмотрѣніе ко всему обществу избирателей. Если на ближайшихъ выборахъ большинство послѣднихъ дастъ на то свое согласіе, то законодательное собраніе образуетъ комитетъ, который имѣетъ столько же членовъ и избирается такъ же, какъ и самое собраніе. Рѣшеніе этого комитета получаетъ силу закона безъ дальнѣйшаго участія и собранія народа.

Многіе осуждаютъ конституцію Огіо, дѣлая ошибочное примѣненіе ея къ европейскимъ государствамъ, но мы повторимъ снова замѣченное нами выше, что нелѣпо искать въ Америкѣ, образовавшейся такъ отлично отъ европейскихъ государствъ, тѣхъ же элементовъ общественной жизни, какіе встрѣчаются въ Европѣ; и обратно: нелѣпо судить объ американскихъ постановленіяхъ, сравнивая ихъ съ европейскими. Безполезны теоретическіе споры о превосходствѣ того или другаго государственнаго постановленія; что при однихъ обстоятельствахъ можетъ быть превосходно, то при другихъ поведетъ къ безпорядку и разстройству общества. Можно сказать только, что нѣкоторые Американцы сомнѣваются, не слишкомъ ли ограничена власть штатгальтера, не слишкомъ ли велики права молодыхъ избирателей, не слишкомъ ли ча-

сты перемѣны законодательнаго собранія и чиновниковъ, не грозятъ ли опасностію собранія народа и легкость, съ какою измѣняются коренные законы? И дѣйствительно: нѣкоторыя изъ означенныхъ правилъ могли повести къ злоупотребленію; но самыя вѣроятныя опасенія не оправдались; народъ, который посредствомъ частныхъ выборовъ поставлялъ во главѣ управленія тѣ лица, которымъ болѣе всего довѣрялъ, не оказалъ ни малѣйшей склонности къ созванію необыкновенныхъ собраній и къ вмѣшательству въ дѣла правительства. Хотя ему и предоставлено право произвольно измѣнять конституцію, но въ-теченіе 42-хъ лѣтъ не было сдѣлано никакой перемѣны (amendment).

Исполненіе законовъ поручено отдѣльнымъ лицамъ, которыя руководствуются гражданскимъ, уголовнымъ правомъ и формами процессовъ, заимствованными изъ англійскаго судопроизводства, хотя получившими нѣкоторыя особенныя черты. Каждый чиновникъ долженъ отличаться чистотою нравственности, быть гражданиномъ Соединенныхъ-Штатовъ, и по-крайней-мѣрѣ годъ прожить въ Огіо; онъ обязанъ по-крайней-мѣрѣ два года посвятить изученію правъ и выдержать экзаменъ передъ двумя членами верховнаго суда. Въ каждомъ округѣ ежегодно изъ числа избирателей назначается 108 присяжныхъ. Большой Jury состоитъ изъ 15 человѣкъ (изъ которыхъ 12 должны быть согласны), малый изъ 12. Наказанія назначаются слѣдующія: за убійство первой степени—смертная казнь, за убійство второй степени—пожизненное тюремное заключеніе, за ненамѣренное убійство заключеніе отъ 1 до 10 лѣтъ, двоеженство отъ 1 до 7, ложную клятву отъ 3 до 10, грабежъ отъ 3 до 15, воровство отъ 1 до 7, поединокъ отъ 1 до 10 (а если слѣдствіемъ его будетъ смерть, то наказывается какъ за убійство), дѣланіе фальшивыхъ бумагъ отъ 3 до 20 лѣтъ, нарушеніе супружеской вѣрности тридцати-дневное тюремное заключеніе и 200 долларовъ пени; сверхъ того, за жестокость къ животнымъ и бой быковъ полагается до 100 долларовъ пени, за пѣтушьи бои до 20, за продажу водки Индійцамъ отъ 25 до 100.

Тюремному заключенію не подвергаются (кромѣ измѣны, вѣроломства и нарушенія мира):

Члены обѣихъ камеръ, судьи и чиновники во время отправленія ихъ должности, избиратели во время выборовъ, солдаты милиціи во время нахожденія ихъ на службѣ.

Разводы допускаются въ случаѣ трех-лѣтней предумышленной разлуки или отчаяннаго пьянства, жестокости, обмановъ, тяжкаго пренебреженія супружескими обязанностями.

Состояніе штата лучше всего покажетъ, какъ дѣйствовали постановленія въ примѣненіи ихъ къ общественной жизни и привели ли они къ желанной цѣли. Въ 1790 году Огіо не составлялъ еще штата и народонаселеніе его не показано въ общей переписи. Жителей въ немъ было:

Въ 1800 году	45,000	человѣкъ.
— 1810 —	230,000	—
— 1820 —	581,000	—

Въ 1830 — 937,000 человѣкъ.
— 1840 — 1,519,000 —

Число это возрасло въ 1844 году до 1,784,000, и въ настоящее время, вѣроятно, достигло двухъ мильйоновъ. Изъ этого населенія въ 1844 году было 764 тысячи Нѣмцевъ. Въ 1840 году занимались

рудокопствомъ	704	человѣка.
земледѣліемъ	272,579	человѣкъ.
торговлею	9,201	—
мануфактурами	66,265	—
мореплаваніемъ	3,535	—
учеными занятіями (learned professions)	5,663	человѣка.

Изъ всѣхъ 26 штатовъ только два (Нью-Йоркъ и Виргинія) превосходятъ Огіо земледѣліемъ, два же (Нью-Йоркъ и Пенсильванія), торговлею, три (Нью-Йоркъ, Пенсильванія и Массачусетсъ) мануфактурами, два (Нью-Йоркъ и Пенсильванія), числомъ ученыхъ. Милиція Огіо считаетъ болѣе 180 тысячь человѣкъ.

Поселеніе свободныхъ негровъ и мулатовъ не запрещено, но подчинено большимъ ограниченіямъ, потому-что смѣшеніе бѣлаго и чернаго народонаселенія вообще почитается неблагопріятнымъ для государства. Каждый переселенецъ обязанъ представить свидѣтельство о своей свободѣ отъ котораго-нибудь изъ Соединенныхъ-Штатовъ, ибо по общему закону союза невольники должны быть выдаваемы ихъ владѣтелямъ; сверхъ-того, одинъ или нѣсколько осѣдлыхъ обитателей штата должны поручиться въ хорошемъ поведеніи новаго поселенца, и въ томъ, что онъ не будетъ собою отягощать общество. Негръ никогда не можетъ ни занять какой-либо государственной должности, ни подавать голоса на выборахъ; онъ не можетъ быть присяжнымъ, не можетъ свидѣтельствовать противъ бѣлаго. Такія постановленія суровы и односторонни, но они направлены къ поддержанію чистоты бѣлаго населенія и имъ многіе приписываютъ быстрое возвышеніе Огіо (49).

Въ той же пропорція, какъ возрастало народонаселеніе, возрастало количество и цѣнность имуществъ всякаго рода. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Огіо содержитъ (50) 500,000 лошадей и муловъ, 1½ мильйона головъ рогатаго скота, и по три мильйона овецъ и свиней. Въ одинъ годъ добыто было двѣнадцать мильйоновъ бушелей каменнаго угля, цѣнность которыхъ опредѣлена въ 720,000 долларовъ (столько же, какъ и въ четырехъ южныхъ штатахъ).

желѣза на сумму	1,800,000	долларовъ.
соли	9,000	—
камня	800,000	—
произведеній земледѣлія	95,400,000	—

(49) Самъ H. Clay (speeches II, 125) признается, что Кентука на пятьдесятъ лѣтъ отсталъ отъ Огіо.

(50) Hunts merchants Magasine II, 123.

торговли	13,500,000	долларовъ.
рыбной ловли	100,000	—
лѣса	900,000	—
издѣлій мануфактурныхъ .	20,100,000	—

Къ возвышенію цѣнности земли, къ облегченію торговли чрезвычайно-много содѣйствовали каналы, дороги, желѣзные рельсы, также и устройство паровыхъ судовъ. Два канала соединяютъ Огіо съ озеромъ Эріэ; восточный идетъ отъ Портсмута до Клевсленда, западный носитъ названіе (по двумъ рѣкамъ) канала Міами и Мауми. Къ окончанію приведено на 920 англійскихъ миль судоходныхъ каналовъ, на 80 миль желѣзныхъ дорогъ, и на 800 миль дорогъ по системѣ Мек-Адама, не считая при этомъ множества боковыхъ дорогъ. Устройство этихъ каналовъ и дорогъ стоило огромныхъ суммъ, которыя большею частію должно было занимать (51). При каждомъ займѣ дѣлалось тотчасъ же распоряженіе объ уплатѣ процентовъ и постепенномъ погашеніи долга; главную часть потребной на то суммы доставлялъ доходъ съ каналовъ и дорогъ, простирающійся до 400,000 долл. Главную статью доходовъ составляютъ налоги на имущества, въ числѣ которыхъ оцѣнкѣ подвергаются земли, домы, лошади, рогатый скотъ, повозки и т. п. Свободны отъ податей самыя малыя имущества, имущества школъ и академій, кладбища и два акра земли, принадлежащіе церкви каждаго исповѣданія. Весь капиталъ, обложенный податями, простирается до 133 мильйоновъ долларовъ. Говорятъ, что бѣдные и владѣльцы малыхъ земель самые аккуратные плательщики; хуже всѣхъ платятъ владѣтели большихъ земель, охотники до процессовъ (litigants) и спекулянты. Самыя малыя подати взимаются съ адвокатовъ и врачей, съ обществъ застрахованія, аукціоновъ и т. д. Изъ расходовъ (круглыми числами) можно замѣтить слѣдующее:

На законодательныя камеры	40,000	дол.
— чиновниковъ.	7,600	—
— отправленіе правосудія	25,000	—
— домы умалишенныхъ.	19,000	—
— содержаніе глухонѣмыхъ	10,000	—
— — слѣпыхъ.	10,000	—
— библіотеки	645	—
— типографію штата.	18,000	—
— На преміи за волчьи головы (scalps).	700	—
— войско.	ничего.	

Нѣкоторыя изъ этихъ статей расхода покажутся Европейцамъ очень-высокими, другія совершенно ничтожными; вообще же управленіе обходится очень-дешево, и на содержаніе училищъ назначаются и выдаются суммы, превышающія сумму всѣхъ исчисленныхъ нами статей расхода. Жалобы на излишнюю смѣлость нѣкоторыхъ предпріятій, на дур-

(51) Долги, сдѣланные для полезныхъ предпріятій, простираются до 18,000,000 долларовъ, за которые уплачиваются по 5—7 процентовъ.

ное ихъ направленіе, а равно и на несоразмѣрное обогащеніе нѣкоторыхъ лицъ раздаются также и въ Огіо, но не съ такою силою, какъ въ прочихъ штатахъ Сѣверной-Америки. Къ-тому же, правительство и народъ до-сихъ-поръ никогда не теряли мужества и въ распредѣленіи податей руководствовались строгою справедливостію.

Особенной коммиссіи порученъ надзоръ за банками, которые не могутъ выдавать билетовъ ниже пяти долларовъ и брать на себя долги и обязательства, которые бы превышали болѣе чѣмъ въ полтора раза ихъ настоящій капиталъ. Если банкъ откажется отъ уплаты по билетамъ, то его немедленно закрываютъ, распорядители его подвергаются тогда пенѣ въ 12 процентовъ и навсегда лишаются права открыть подобное заведеніе. Ни одинъ городъ, ни одно общество не можетъ безъ одобренія правительства вести банковыхъ дѣлъ и выдавать билеты.

Исправительныя заведенія Огіо устроены по системѣ Оборна, и заключенные въ нихъ занимаются общею работою. Доходъ съ этой работы отъ 10—20 тысячь долларовъ превышаетъ расходы по заведенію; занятія избираются такія, чтобъ они не наносили ущерба свободнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ.

Заведенія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ заслуживаютъ величайшей похвалы; въ нихъ принимаютъ воспитанниковъ на пять лѣтъ и научаютъ ихъ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Къ обыкновеннымъ занятіямъ принадлежитъ плетеніе корзинъ и рогожь, дѣланіе щетокъ, цвѣтовъ, вязаніе копчельковъ и сѣтокъ и т. п. Часы распредѣлены слѣдующимъ образомъ: для ученья 5 часовъ, для музыки 1 часъ, для работы 3, для ѣды и отдохновенія $7^1/_2$, для сна столько же. Ученіе идетъ успѣшно и въ тѣхъ и въ другихъ заведеніяхъ. «Послѣ двухъ, трехъ движеній рукою учителя (говоритъ Раумеръ) воспитанникъ заведенія глухонѣмыхъ правильно написалъ: Фридрихъ фон-Раумеръ, профессоръ исторіи въ Берлинѣ. Въ заведеніи для слѣпыхъ, хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ правильно исполнялъ довольно-трудныя пьесы. Даже двѣ маленькія Китаянки, присланныя сюда Потцлафомъ, бѣгло читали пальцами по-англійски и писали довольно-разборчиво» (52).

Въ домъ умалишенныхъ, основанный г. Олемъ (Awl), въ теченіе пяти лѣтъ принято было 473 человѣка, въ числѣ ихъ 248 мужчинъ, 225 женщинъ, 226 холостыхъ, 203 женатыхъ и замужнихъ, 44 вдовцевъ и вдовъ. Отъ рода имъ было менѣе 20 лѣтъ 19.

Между	20 и 30	—	187.
—	30 и 40	—	130.
—	40 и 50	—	87.
—	50 и 60	—	43.
—	60 и 70	—	6.
—	70 и 80	—	1.

Издержки на излеченіе новыхъ болѣзней составляютъ круглымъ числомъ 64 дол., издержки на излеченіе одержимыхъ застарѣлыми болѣ-

(52) Die Vereinigten Staaten II—223.

зными до 1414 долларовъ. Около трехъ четвертей всѣхъ больныхъ пользуются медицинскими пособіями на общественный счетъ. Говорятъ, что безуміе поражаетъ людей сколько по нравственнымъ, столько и по физическимъ причинамъ. Домашнія тревоги (domestic troubles) привели въ домъ сумасшедшихъ 40 женщинъ и только 10 мужчинъ; многіе помѣшаны на религіозныхъ спорахъ; труднѣе всѣхъ излечиваются эпилептики. Съ больными всегда соблюдаютъ кроткое и вмѣстѣ съ тѣмъ строгое обращеніе, и заботятся о разнообразіи ихъ занятій и развлеченій.

Въ заведеніи директора Оля какимъ-то чудомъ водворились необыкновенная чистота, спокойствіе, порядокъ и приличіе; ему одному удалось преобразить своихъ помѣшанныхъ (уже во время болѣзни) въ людей по наружности разумныхъ и образованныхъ; они собираются въ общества, читаютъ, танцуютъ, играютъ въ совершенномъ согласіи, не нарушая его ни ссорами, ни бранью. Состояніе бѣдныхъ и богадѣльни доставляютъ новому штату тѣмъ менѣе заботы, что задѣльная плата здѣсь вдвое выше, чѣмъ въ восточныхъ штатахъ. Впрочемъ, въ пособіе бѣднымъ переселенцамъ опредѣлена извѣстная сумма.

Замѣчательнѣе всего состояніе училищъ. Уже самое постановленіе штата гласитъ: «такъ-какъ религія, нравственность и просвѣщеніе составляютъ существенную необходимость хорошаго управленія и счастія людей, то училища и средства къ ученію должны быть поощраемы законодательствомъ и соединены съ свободою совѣсти». Для училищъ назначены: 1) доходъ съ принадлежащихъ имъ земель, 2) небольшая часть податей съ имущества, 3) налоги на соль, банки, мосты, театры и т. п.

Доходы эти, со включеніемъ добровольныхъ приношеній, простираются до 300,000 долларовъ. Къ этому присоединяются еще капиталы богатыхъ заведеній и плата, взимаемая за ученіе съ достаточныхъ людей; недостаточные не платятъ ничего.

Въ 1840 году, университетовъ и гимназій было въ Огіо 18, и учащихся въ нихъ 1,717 человѣкъ, грамматическихъ школъ 73 съ 4,340 учащихся, въ элементарныхъ школахъ воспитывалось до 218,109 дѣтей.

Между высшими учебными заведеніями заслуживаютъ особенное вниманіе: Kenyon College, Woodward College, Lane Seminary, Medical College, Miamy University, Ohio University и пр. Сверхъ-того, находится значительное число обществъ для ученыхъ цѣлей, для распространенія земледѣлія, миссій, печатанія библіи и пр. Наконецъ, доказательствомъ быстраго распространенія образованности можетъ служить то, что въ Огіо издаются 164 журнала, что книгопродавцы въ шесть лѣтъ напечатали 650,000 экземпляровъ шести учебныхъ книгъ, и что, сравнительно съ народонаселеніемъ, въ Огіо находится столько же ученыхъ, сколько и во Франціи. Перепись 1840 года показываетъ, что въ Огіо было 13 городовъ, изъ которыхъ самый малый имѣлъ болѣе шести тысячь жителей, а Цинциннати, первый и замѣчательный городъ всего запада, заключалъ въ себѣ 46,338 жителей. Возможность такого приращенія объясняется преимущественно его превосходнымъ мѣстопо-

ложеніемъ на берегу прекраснаго и судоходнаго Огіо, на такомъ мѣстѣ, гдѣ почва поднимается постепенно и улицы возвышаются одна надъ другой въ видѣ террассъ, нисколько не затрудняя переѣзда. Сверхъ-того, обширный полукругъ прекрасной, плодоносной долины допускаетъ удобное распространеніе города до замыкающей ее и поросшей лѣсомъ горы, откуда открывается роскошный, разнообразный видъ на городъ, рѣку и всѣ окрестности.

Цинциннати лежитъ на разстояніи 465 англійскихъ миль отъ Питтсбурга и на столько же отъ Каира, прямо въ срединѣ Огіо. Онъ отдаленъ отъ Нью-Йорка на 650 англійскихъ миль, и на 1,631 милю отъ Новаго-Орлеана, и пользуется отличнымъ воднымъ сообщеніемъ съ этими оконечностями Соединенныхъ-Штатовъ. Преимущественно же онъ служитъ средоточіемъ привоза и вывоза для Огіо, Индіаны и другихъ окрестныхъ странъ.

28 декабря 1788 года положено было основаніе перваго дома въ густотѣ дѣвственнаго лѣса; но и тогда уже по древеснымъ стволамъ смѣло назначили направленія многихъ улицъ большаго города. Миръ, заключенный въ 1795 г. съ сосѣдними дикарями, упрочилъ безопасность города; но и въ 1800 году въ немъ было не болѣе 750 жителей, а въ 1840 году число однихъ портныхъ, поселившихся тамъ, простиралось до 813. Въ 1810 году, Цинциннати имѣлъ 2,500 жителей, въ 1820 — 6,090, въ 1830 — 24,800, въ 1840 — 46,338, а въ настоящее время съ предмѣстьями въ немъ заключается уже до 70 тыс.; земля для построенія Цинциннати пріобрѣтена была въ началѣ за 35 долларовъ, а нынѣ стóитъ мильйоновъ; нѣсколько квадратныхъ футовъ въ настоящее время цѣнятся выше, чѣмъ цѣнились тогда неизмѣримыя пустыя пространства. Въ 1840 году (подобно прочимъ годамъ) выстроено 406 новыхъ домовъ. Въ 1840 году было:

Столяровъ	384.
Кузнецовъ	294.
Мѣдниковъ и оловянниковъ	208.
Сапожниковъ	652.
Сѣдельниковъ и кожевенниковъ	228.
Занимающихся изготовленіемъ свинаго сала	1377.
Портныхъ	831.
Женщинъ, изготовляющихъ платье для города и окрестностей	4000.

Сверхъ-того, въ Цинциннати много типографщиковъ, литографщиковъ, дѣлателей фортепьяно, книгопродавцевъ и т. д. Газетъ и журналовъ тамъ выходитъ 29.

Капиталъ, употребленный на заведеніе мануфактуръ въ 1840 году, полагали въ 17 — 18 мил. долл.; но ни одна отрасль промышлености не доставляетъ столько оборота деньгамъ, столько дѣятельности людямъ, какъ вновь-изобрѣтенное изготовленіе свинаго сала. Разведеніе свиней въ отдаленной странѣ не встрѣтило никакихъ препятствій, и число этихъ животныхъ возрастало очень-быстро; но мясо, не смотря на необыкновенно возрастающее народонаселеніе, не могло ни потреблять-

ся на мѣстѣ, ни перевозиться въ даль; здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, на помощь явились пары. Придумали изъ свиней вытапливать жиръ; отрѣзавъ окорока и вычиствъ внутренности, остальную часть животнаго бросаютъ въ паровой котелъ; по истеченіи 12 часовъ, сало отдѣляется отъ всего прочаго и, по мѣрѣ его качества, распредѣляется на различное употребленіе, преимущественно на освѣщеніе, на изготовленіе газа, дѣланіе свѣчей и т. п. 13 факторій въ Цинциннати заняты этою отраслью промышлености; изъ нихъ одна даетъ 750 тыс. фунтовъ масла и стеарина, изъ которыхъ $^2/_3$ идутъ на освѣщеніе; отъ декабря до февраля 1841 года въ Цинциннати убито было около 250 тыс. свиней, которыя доставили болѣе $11^1/_2$ мил. фунт. сала.

Городское управленіе имѣетъ также совершенно-демократическую форму; каждый городской житель, которому минулъ 21 годъ и который прожилъ въ городѣ не менѣе года, есть гражданинъ его, пользующійся полными политическими правами. Граждане чрезъ каждые два года избираютъ бургомистра (который долженъ прожить въ штатѣ не менѣе трехъ лѣтъ) и для каждой городской части ежегодно трехъ уполномоченныхъ (trustees), которые и составляютъ городской совѣтъ. Управленіе сосредоточивается въ ихъ рукахъ; но бываютъ случаи, когда бургомистръ и совѣтъ должны обращаться ко всему городскому обществу, которое въ собраніяхъ своихъ по городскимъ частямъ рѣшаетъ предложенные вопросы однимъ *да* или *нѣтъ*, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій и по большинству голосовъ. Если дѣло идетъ о предметахъ, выходящихъ изъ круга городскаго управленія, то рѣшеніе предоставляется не одной городской общинѣ, но утверждается законодательнымъ собраніемъ штата Огіо.

Все управленіе, распредѣленіе податей и полиція предоставлены бургомистру и городскому совѣту; имъ вмѣнено въ обязанность не только публичное исполненіе ихъ должности, но и представленіе ежегоднаго отчета городской общинѣ. Правила, постановленныя для каждой отрасли полицейскаго управленія (такъ, напр., относительно медицинской полиціи и пожарныхъ командъ), совершенно удовлетворительны. Строго запрещено закономъ продавать водку дѣтямъ моложе 17 лѣтъ, а въ настоящее время и совсѣмъ уничтожена мелочная продажа горячихъ напитковъ; домы разврата находятся также подъ строгимъ запрещеніемъ.

Подобно прочимъ городамъ Америки, Цинциннати получаетъ главный доходъ свой отъ налоговъ на имущества. Управленіе города обходится очень дешево; городскіе совѣтники получаютъ ничтожное содержаніе; бургомистръ около 700 долл. въ годъ.

Самыя дорогія и полезныя построенія относятся къ снабженію города хорошею водою. Посредствомъ машинъ она поднимается на 30 фут. надъ самою высокою частію города и на 150 фут. надъ самою низкою, проведена по всѣмъ направленіямъ въ желѣзныхъ трубахъ, и въ огромномъ количествѣ употребляется для различныхъ цѣлей.

Сказанное выше объ усовершенствованіи училищъ въ штатѣ Огіо болѣе всего относится къ Цинциннати. Главный доходъ училищъ заключается въ податяхъ, въ имуществѣ и потомъ въ платѣ за ученіе, взи-

маемой съ достаточныхъ гражданъ. Въ каждой части города находятся новые отлично-устроенные домы для помѣщенія школъ, въ которыхъ принимаются всевозможныя мѣры для удобства учащихся и для очищенія воздуха. Народныя школы раздѣляются на четыре отдѣленія или класса и стоятъ гораздо-выше такъ-называемыхъ элементарныхъ школъ, потому-что, за исключеніемъ древнихъ языковъ, содержатъ весь гимназическій курсъ, который, впрочемъ, проходятъ не всѣ ученики. Содержаніе учителя обходится отъ 25 до 45 долл. въ мѣсяцъ; содержаніе учительницы отъ 15 до 25. Каждая городская часть избираетъ ежегодно двухъ повѣренныхъ, а городской совѣтъ каждые три года семь экзаменаторовъ; первымъ принадлежитъ экономическая часть, вторымъ учебная; первые назначаютъ учителей, вторые подвергаютъ ихъ испытанію. Экзаменаторы составили между собою общество для взаимнаго сообщенія другъ другу педагогическихъ замѣтокъ, которыя распространяются по всему штату; во многихъ полезныхъ книгахъ они представили свои планы и опыты. Учебное время продолжается лѣтомъ отъ 8 — 12 и отъ 2 — 5; зимою отъ 9 — 12 и отъ 1 — 4; между каждымъ урокомъ дается 15 минутъ отдыха. Вакаціи продолжаются по четыре недѣли зимою и лѣтомъ. Число учениковъ и ревность къ посѣщенію школъ постоянно возрастаютъ; каждый ученикъ стòитъ круглымъ числомъ по 7 долл. въ годъ.

Ежегодно въ назначенный день преподаватели ведутъ торжественно всѣхъ учениковъ въ церковь, съ знаменами, музыкою и проч. По окончаніи божественной службы, прочитывается отчетъ училищъ. Говорятъ, что такая торжественность содѣйствовала увеличенію участія къ школамъ и доставила имъ значительныя пособія. Лучшихъ учениковъ собираютъ вмѣстѣ и экзаменуютъ передъ лицами, особо для того назначенными, что даетъ возможность заключить о достоинствѣ отдѣльныхъ заведеній. Всѣ религіозные споры, весь догматизмъ теологіи изгнаны изъ училищъ; тамъ читается только библія, безъ всякихъ поясненій, безъ участія какого бы то ни было исповѣданія.

Кромѣ этихъ народныхъ школъ, въ Цинциннати находятся школы частныя, вечернія, воскресныя, школы для негровъ, гимназіи, юридическія училища, врачебныя и теологическія заведенія, ремесленныя училища, соединенныя съ выставкою произведеній промышлености, общество для распространенія полезныхъ свѣдѣній, академія изящныхъ искусствъ, другая для распространенія чистаго и благороднаго вкуса въ музыкѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній заслуживаютъ болѣе-подробнаго описанія. Въ 1829 году основана теологическая семинарія, коллегія Лэна (Lane College), при которой назначены три ординарные профессора и библіотекарь. Г. Лэнъ пожертвовалъ на это заведеніе 4 тыс. долл., г. Уайтъ 15 тыс., г. Таппанъ (Tappan) два раза по 20 тыс., всего 40 тыс. долл. Не смотря на то, что заведеніе основано пресвитеріанами, студенты всѣхъ исповѣданій принимаются на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и помѣщены въ прекрасномъ зданіи; за ученіе не полагается никакой платы; курсъ продолжается три года, начинается ежегодно съ полови-

ны октября и оканчивается въ половинѣ іюня. Прекрасная, большею частію теологическая библіотека заключаетъ въ себѣ до 10 тыс. томовъ, и для пополненія ея профессоръ Стоу (Stawe) былъ отправленъ въ Европу и снабженъ значительною суммою. Заведенію принадлежитъ обширное пространство плодоносной земли, воздѣлываемое самими студентами; на это они употребляютъ ежедневно три часа и получаютъ до 150 долл., сумму, необходимую имъ для годовыхъ издержекъ. Г. Удуардъ пожертвовалъ землю для основанія коллегіи, которая и носитъ имя своего основателя (Woodward College); въ настоящее время, она содержитъ 160 учениковъ и 7 учителей, преподающихъ всѣ общіе учебные предметы. Обнаруженіе какого бы то ни было политическаго или религіознаго пристрастія строго запрещено въ этомъ заведеніи. Добровольныя пожертвованія дали ему возможность устроить обсерваторію и пріобрѣсти телескопъ цѣною въ 9 тыс. долл.

Ремесленики и молодые купцы основали также прекрасныя библіотеки; изъ библіотеки ремесленниковъ, заключавшей въ себѣ (въ 1841) до двухъ тысячь полезныхъ сочиненій, было еженедѣльно выдаваемо для чтенія до 400 томовъ безъ всякой платы. Участники и соревнователи библіотекъ избираютъ директоровъ, а тѣ въ свою очередь назначаютъ библіотекаря, который получаетъ до 100 доллеровъ ежегоднаго содержанія. Эти заведенія значительно содѣйствуютъ распространенію полезныхъ знаній и улучшенію нравственности жителей.

Можно также съ похвалою упомянуть о томъ, что во многихъ школахъ мальчики-Нѣмцы учатся по-англійски, а Англичане по-нѣмецки (53), чѣмъ они пріобрѣтаютъ знаніе двухъ языковъ и двухъ богатыхъ литературъ. По замѣчанію Раумера, самые блистательные результаты просвѣщенія представляютъ тѣ штаты, въ которыхъ Англичане и Нѣмцы соединены вмѣстѣ, и это примѣняется не къ одному Цинциннати (гдѣ однихъ Нѣмцевъ 17 тысячь), но вообще къ западнымъ штатамъ, представителемъ которыхъ служитъ Огіо, такъ сильно возбудившій сочувствіе знаменитаго историка. «Природа и человѣческій духъ» говоритъ онъ (54): «составили какой-то необычайный, изумительный союзъ для образованія западныхъ штатовъ Сѣверной-Америки, а Огіо занимаетъ между ними самое блистательное мѣсто. Назначеніе его: испытать на дѣлѣ великія общественныя проблеммы, рѣшить спорные вопросы Соединенныхъ-Штатовъ, безпристрастно примирить ихъ и руководить ими. Можно еще опасаться, не разстроитъ ли великой организаціи южныхъ штатовъ невольничество, не повредитъ ли восточнымъ штатамъ возникновеніе городской черни (tribus urbanae), являющейся вмѣстѣ съ распространеніемъ богатства и образованности; но въ Огіо мы видимъ только юность, избытокъ силъ, здоровье, успѣхи и полезныя предпріятія во всѣхъ направленіяхъ общественнаго быта. При та-

(53) They have far more than realised the expectation of their warmest friends. 15-th Annual report about the common Schools in Cincinnati. Ст. 6.

(54) Die Vereinigten Staaten II. 240.

кихъ явленіяхъ nil admirari будетъ признакомъ или зависти или безчувственности». И вотъ что прибавляетъ онъ къ этому въ подстрочномъ замѣчаніи: «У меня былъ слѣдующій разговоръ съ одною дамою: «Не тронула ли сердца вашего какая-нибудь Американка?» — Старость не исправляетъ отъ глупости, я влюбленъ безъ памяти.—«Смѣю ли спросить, кто эта избранная?»—Дѣдъ ея родился 19 апрѣля 1781 года, мать ея была Нѣмка. Во всей Америкѣ нѣтъ и тридцати такихъ красавицъ, и едва ли три могутъ стоять съ нею на ряду по красотѣ, мудрости и богатству.—«Но вѣдь вы женаты; что скажетъ на это ваша супруга?»—Она привыкла къ такимъ невѣрностямъ и не обратитъ вниманія и на эту. — «Не старались ли вы когда-нибудь засвидѣтельствовать вашей возлюбленной привязанности къ ней?» — Всегда, и она ясно дала мнѣ почувствовать, что не откажетъ мнѣ во взаимности, когда я осмѣлюсь мою любовь и удивленіе обнаружить предъ цѣлымъ свѣтомъ. «Но кто же эта необыкновенная дама?»—Республика Огіо.

Краткое обозрѣніе одного изъ образованныхъ штатовъ Сѣверной-Америки было бы недостаточно безъ указанія на другую страну, гдѣ едва начинаютъ появляться слѣды общественной жизни, и для того мы заимствуемъ отрывокъ изъ путешествія Уилькза (55), гдѣ онъ говоритъ объ Орегонѣ; пусть читатели наши сами судятъ, какъ велика должна быть энергія новыхъ поселенцевъ для совершенія такихъ быстрыхъ переходовъ, какіе видны между Огіо и Орегономъ, и вѣроятно и послѣдній превратится скоро въ сильную и цвѣтущую республику.

Корабли, на которыхъ находилась экспедиція г. Уилькза (цѣль и подробности которой не относятся къ предмету настоящей статьи), пристали къ западному берегу Орегона и остановились въ фортѣ Асторіи, лежащемъ при устьѣ рѣки Колумбіи; оттуда г. Уилькзъ продолжалъ путь свой къ форту св. Франциска (при устьѣ рѣки Сакромента) и назначилъ это мѣсто сборнымъ пунктомъ отдѣлившемуся отъ главной экспедиціи лейтенанту Иммонсу (Emmons), который изъ Асторіи отправился сухимъ путемъ для изслѣдованія Орегона и которому сопутствовали г. Пэль (Paele) натуралистъ, г. Дэна (Dana) геологъ, г. Агатъ (Agate) живописецъ и гг. Ричъ и Бракендриджъ ботаники, сверхъ того нѣсколько человѣкъ изъ экипажа, и человѣкъ сорокъ охотниковъ, состоявшихъ на службѣ Гудзон-Байской-Компаніи, и все это на 76 лошадяхъ, частію купленныхъ экспедиціею, частію составлявшихъ собственность спутниковъ ея. Его-то поѣздку мы передаемъ нашимъ читателямъ со словъ Уилькза.

«Экспедиція лейтенанта Иммонса двинулась по берегу Уильяметы: долина этой рѣки разстилается обширнымъ лугомъ, который постепенно переходитъ въ невысокіе холмы, кой-гдѣ покрытые группами разсѣянныхъ дубовъ, и похожіе болѣе на сады, насаженные рукою человѣка, чѣмъ на растенія, свободно развившіяся изъ земли; на нихъ отдыхаетъ глазъ, утомленный видомъ гладкой, частію пожелтѣвшей ра-

(55) См. Exploring Expedition. T. V. Глав. 19. Стр. 219.

вины. Извилины потоковъ обозначались рядомъ деревъ, растущихъ по обоимъ берегамъ ихъ.

«Утромъ 9 сентября былъ довольно-сильный морозъ. Совершивъ дневный переходъ, путешественники стали лагеремъ на Игнасѣ. Къ вечеру атмосфера сгустилась отъ сильнаго дыма, поднятаго степнымъ пожаромъ. Здѣсь они сдѣлали необходимыя приготовленія къ продолженію путешествія. Почва состояла изъ краснаго базальтоваго песка, очень удобнаго для луговъ и хлѣбныхъ растеній.

10-го они вступили въ страну нѣсколько болѣе холмистую, и покрытую травою; въ теченіе дня они перешли нѣсколько небольшихъ бухтъ. Утесы измѣнили видъ базальта и приняли форму бѣловатаго песчаника. Видъ окрестности былъ вовсе непривлекателенъ, потому-что недавно по ней пробѣжалъ огонь и пожегъ всѣ растенія, кромѣ дубовъ, которые, казалось, были недоступны его усиліямъ.

«11-го миновали озеро Гвардипіа, имѣющее въ длину до 500 ярдовъ и остановились на рѣкѣ Лонтомбуффѣ, протокѣ Уильяметы; это глубокій и бурный потокъ, мѣстами раскинувшійся подобно озеру, но большею частію узкій и удобный для переправы.

«12-го дорога шла по выжженной степи, часть которой покрыта была бѣлымъ пескомъ, перемѣшаннымъ съ глиною. Тропинки, неудобныя по такой почвѣ, пробиты стадами, которыя прогоняются здѣсь; становясь тверже, почва обыкновенно утомляла лошадей. Стада волковъ встрѣчались часто и вой этихъ животныхъ раздавался ночью въ разныхъ направленіяхъ степи. Вой волковъ имѣетъ какую-то поразительную особенность въ степяхъ: сначала слышится одинокій пронзительный звукъ, три и четыре голоса присоединяются къ нему, и нѣсколько минутъ спустя цѣлая стая оглашаетъ окрестность острымъ, протяжнымъ лаемъ, похожимъ то на хохотъ, то на вопли тысячи людскихъ голосовъ. Путешественники дѣлали отъ 15 до 20 миль ежедневно, и въ этотъ день лошади ихъ утомились отъ недостатка въ водѣ. Они остановились около бухты Малѐ, которая была около 30 футовъ въ ширину и выдавалась въ сѣверномъ направленіи.

«13-го имъ много труда стоило отъискать лошадей, которыя ночью отбѣжали отъ лагеря и исчезли въ густомъ туманѣ. Поэтому они не могли отправиться въ путь ранѣе трехъ часовъ пополудни; нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, мучимыя жаждою, найдены были миль за шесть отъ лагеря, въ болотѣ. Гг. Иммонсъ и мичманъ Эльдъ (Eld) употребили часы остановки для своихъ наблюденій; но не могли сдѣлать болѣе двухъ миль въ-теченіе дня, который былъ зноенъ и удушливъ.

«Нѣсколько бродячихъ Индійцевъ-Каллапуйасъ приблизились къ палаткамъ путешественниковъ въ качествѣ знакомцевъ жены Уарфайльда; они были извѣстны нѣкоторымъ изъ охотниковъ, которые съ удовольствіемъ встрѣтили старыхъ знакомыхъ, и въ изъявленіе его предлагали другъ другу часть своихъ съѣстныхъ припасовъ. Это обоюдное гостепріимство служило какъ-бы доказательствомъ самаго дружескаго расположенія. Одежда Индійцевъ большею частію состояла изъ ланьей кожи, съ шапкою изъ лисьяго мѣха; оружіе ихъ, за весьма немногими

исключеніями, состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ довольно-грубой формы; послѣднія хранятся въ кожаномъ колчанѣ, перекинутомъ черезъ плечо.

«15-го они достигли подошвы Оленьихъ-Горъ (Elk Mountains), которыя отдѣляютъ долину Уильяметы отъ долины рѣки Умпквы. Склонъ ихъ идетъ уступами и вершины покрыты были елями, соснами и дубами, между которыми густыми кустарниками растетъ орѣшникъ, земляное дерево, и пр. Сквозь эту чащу путешественники должны были прокладывать себѣ путь, и три часа провели для достиженія вершины, лежавшей не болѣе какъ на 1,500 футовъ надъ уровнемъ долины. Тамъ они нашли родъ каштановаго дерева, листья котораго были длинны и остры, и орѣхи покрыты колючею скорлупою.

«Дорога по Оленьимъ-Горамъ излучиста и загромождена упавшими деревами, стволы которыхъ имѣли отъ 4 до 5 футовъ въ діаметрѣ. До вступленія на гору, они перешли нѣсколько малыхъ потоковъ, на которыхъ Гудзон-Байская Компанія устроила мосты для переправы своихъ овецъ. Они остановились на ночь на берегу озера, которое покрыто было льдомъ, въ четверть дюйма толщиною, и термометръ упалъ на 26° (по Фар.). Почва Оленьихъ-Горъ твердая и сухая; весь хребетъ состоитъ изъ ряда обнаженныхъ утесовъ, и только мѣстами попадаются массы песчаника; а какъ почва большею частію песчаная, то и трава на ней рѣдкая, мѣстами перемѣшанная съ верескомъ.

«16-го остановились на Оленьей-Рѣкѣ (Elk-River). Охотникамъ удалось убить большаго оленя, котораго они принесли въ лагерь и раздѣлили между собою. Лейтенантъ Иммонсъ, г. Агатъ и сержантъ Стернсъ (Stearns), взявъ съ собою въ проводники Канадца, оставили лагерь и отправились къ форту Умпквѣ, находившемуся на разстояніи четырнадцати миль. Первыя пять миль дорога шла по холмамъ, поросшимъ группами елей и почва казалась удобною для земледѣлія; прочая часть состояла изъ неровнаго, но каменистаго пространства. Тропинка вела попеременно то чрезъ обнаженныя вершины, то чрезъ глубокіе рвы, которые казались иногда недоступными для лошадей. Путешественники не могли ранѣе восьми или девяти часовъ добраться до берега, противъ котораго за рѣкою находился фортъ: они увидѣли на томъ берегу огонь и нѣсколько фигуръ, двигавшихся около него въ разныхъ направленіяхъ. Ружейными выстрѣлами и громкимъ крикомъ проводника они дали знать, что нуждаются въ лодкахъ для переправы чрезъ рѣку. Г. Ганеріеръ (Gangriére, надзору котораго былъ порученъ фортъ) былъ въ страшной тревогѣ, пока не узналъ голоса Буало (или проводника), который его успокоилъ, и тогда уже онъ отправилъ лодки для ихъ переправы. Фортъ Умпква, подобно всѣмъ зданіямъ этой страны, былъ окруженъ высокимъ, плотно-сколоченнымъ частоколомъ, съ бастіонами по угламъ; онъ имѣетъ около 200 футовъ въ квадратѣ, и расположенъ въ обширной равнинѣ, на разстояніи 150 ярдовъ отъ берега; охраняемый гарнизономъ, состоящимъ изъ пяти мужчинъ, двухъ женщинъ и девяти собакъ, онъ заключаетъ въ себѣ жилище главнаго смотрителя, складочные магазины компаніи и нѣсколько меньшихъ зданій, въ которыхъ помѣщены чиновники и служители.

«По прибытіи путешественниковъ, Индійцы изъ племени Умиква собрались во множествѣ вокругъ форта и, по словамъ г. Гангріера, обнаруживали несомнѣнное намѣреніе аттаковать и зажечь фортъ. Онъ утверждалъ, что причиною вражды ихъ къ компаніи и къ бѣлымъ вообще были опустошенія, произведенныя между ними оспою, которая, какъ они говорили, занесена была къ нимъ отрядомъ компаніи, пришедшимъ подъ начальствомъ Мишеля (Michel) и Кэ (Кау); а неудовольствіе ихъ увеличилось еще болѣе, когда имъ отказали въ доставленіи боевыхъ снарядовъ. Положеніе форта казалось г. Гангріеру столь ненадежнымъ, что онъ рѣшился отправить гонца въ Ванкуверъ къ г. Лауфлину, съ увѣдомленіемъ о грозившей опасности; самъ же не рѣшился оставить форта и на нѣсколько дней.

«Г. Гангріеръ, угощая Иммонса и Агата чаемъ и т. п., объяснилъ всѣ опасности, которымъ они подвергались. Онъ сказалъ имъ, что давно уже слышалъ отъ Индійцевъ о предполагаемомъ путешествіи, и что новость эта пронеслась по всѣмъ племенамъ, которыя собрались во множествѣ, воспрепятствовать ихъ путешествію, поклявшись местію противъ всѣхъ бѣлыхъ и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ помогать имъ. Онъ прибавилъ къ этому, что недавно еще они умертвили двухъ метисцевъ, мирно жившихъ между ними, за то, что они находились прежде на службѣ Гудзонбайской-Компаніи. Въ подтвержденіе истины своего разсказа, онъ прибавилъ, что Индійцы-Шасты прислали сказать ему, что они будутъ преслѣдовать бѣлыхъ, когда тѣ появятся. Большое число Индійцевъ Умиква, по словамъ его, собралось остановить экспедицію на мѣстѣ обыкновенной переправы, и онъ совѣтовалъ Иммонсу переправиться черезъ рѣку выше этого мѣста. Г. Гангріеръ говорилъ, что по малому числу путешественниковъ, Индійцы непремѣнно нападутъ на нихъ и вѣроятно перебьютъ всѣхъ.

«Лейтенантъ Иммонсъ назначаетъ положеніе форта подъ 43° 24′ сѣв. шир. По разсказу г. Гангріера, рѣка течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи и, до вступленія своего въ озеро протекаетъ около 30 миль. Она судоходна отъ Океана до соединенія своего съ Оленьею-Рѣкою, въ трехъ миляхъ отъ форта, гдѣ она имѣетъ не болѣе 6 фут. глубины.

«Долина Умиквы доставляетъ значительное количество мѣховъ и особенно бобровыхъ, хотя большею частію незначительной величины. — Правила компаніи относительно покупки небольшихъ шкуръ, повидимому, не такъ строго соблюдаются здѣсь, какъ на сѣверѣ. Они не преслѣдуютъ за то Индійца и только отказываютъ ему въ боевыхъ снарядахъ, если онъ бьетъ молодыхъ животныхъ — этимъ думаютъ предупредить ихъ истребленіе. Здѣсь Индійцы доставляютъ нѣкоторое количество выдровыхъ и медвѣжьихъ шкуръ.

«Гг. Иммонсъ и Агатъ помѣстились въ складочномъ магазинѣ на постеляхъ, сдѣланныхъ изъ бумажныхъ одѣялъ; проводивъ ихъ туда, г. Гангріеръ пожелалъ имъ доброй ночи, заперъ дверь и унесъ съ собою ключъ; на разсвѣтѣ ихъ освободили. День былъ холодный, насмурный и туманный, препятствовавшій видѣть что-либо даже на незначительномъ разстояніи отъ форта. Рѣка здѣсь въ ширину имѣетъ 120

ярдовъ, быстра, наполнена камнями и удобна только для плаванія челноковъ. Почва въ окрестности очень-хороша, въ изобиліи производитъ хлѣбныя растенія и картофель. Въ саду, расположенномъ около форта, видны были всѣ растенія, свойственныя Соединеннымъ-Штатамъ.

«Туманъ сталъ нѣсколько рѣже, и путешественники увидѣли, что многіе Индійцы ушли отъ форта, что́ уменьшило страхъ агента за личную безопасность, но увеличило его за участь экспедиціи; онъ говоритъ, что она слишкомъ-малочисленна, и не можетъ оставаться внѣ опасности или устранить препятствіе, которое готовили имъ Индійцы.

«Не многіе изъ этихъ людей понимали причину, заставлявшую бѣлыхъ въ такомъ ничтожномъ числѣ проходить по странѣ, по-видимому, имъ враждебной, и многимъ казалось, что это дѣлается для удовольствія выказать свое мужество и ловкость. Дѣло въ томъ, что какъ скоро Индійцы завели торговлю съ бѣлыми и пришли отъ нихъ въ зависимость относительно запасовъ, тогда легко уже становится наблюдать за ними. Еслибъ они вздумали враждовать, то фортъ Умпква не въ состояніи будетъ сопротивляться ихъ нападенію; но они страшатся, что изсякнутъ всѣ запасы ихъ пороха, табаку, бумажныхъ тканей и другихъ жизненныхъ потребностей, сдѣлавшихся для нихъ необходимыми, и что это доведетъ ихъ до крайняго бѣдствія. Они понимаютъ также, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, за каждое насильственное дѣйствіе послѣдуетъ строгое возмездіе и что къ нимъ будутъ посылать вооруженные отряды; самая вѣрная охрана бѣлыхъ торговцевъ — собственный интересъ Индійцевъ.

«Лошади, убѣжавшія на значительное разстояніе отъ форта, задержали путешественниковъ до полудни; они отправились въ сопровожденіи Индіанки, жены агента, желавшей побывать въ лагерѣ и посовѣтоваться съ докторомъ.

Свѣжія лошади дали имъ возможность съ меньшими затрудненіями возвратиться по изрытой дорогѣ, приведшей ихъ къ форту.

«Во время отсутствія г. Иммонса, экспедиція не оставалась безъ дѣйствія; были сдѣланы приготовленія для вѣроятной встрѣчи съ Индійцами, патроны розданы, ружья заряжены, мясо оленя было изжарено и уложено во вьюки.

«Изслѣдованіе страны, окружавшей лагерь, обратило на себя вниманіе натуралистовъ, которые собрали много растеній и сѣменъ. Родъ дуба, неизвѣстный путешественникамъ, въ первый разъ увидѣли они здѣсь: наружною формою онъ сходенъ съ дубами, найденными на берегу Уильяметы, кромѣ листьевъ, которые на концѣ остры, и жолуди длиннѣе и шире въ разрѣзѣ.

«Ложе рѣки покрыто пескомъ и глиною; нѣсколько сотъ ярдовъ надъ потокомъ, глина изчезаетъ и переходитъ въ базальтъ. Базальтовые утесы находились на разстояніи полумили отъ горъ, по которымъ они проходили; эти горы содержатъ мало ископаемыхъ и песчаникъ носитъ на себѣ слѣды какихъ-то растеній и, кажется, каменнаго угля; но по

мнѣнію г. Дэна не возможно предполагать здѣсь большаго рудника этого вещества.

«Нѣсколько мирныхъ Индійцевъ прибыло въ лагерь; они сообщили путешественникамъ, что враждебныя племена готовятся къ нападенію на нихъ и преграждевію имъ пути. Между охотниками распространился страхъ, который обнаружился въ жалобахъ и угрозахъ оставить экспедицію. Наружною причиною ихъ неудовольствія было сдѣланное имъ запрещеніе стрѣлять во всякое время, а настоящею желаніе задержать путешественниковъ до прибытія Мишеля съ охотниками, число которыхъ простиралось до 60.

Проводникъ лейтенанта Иммонса объявилъ ему о намѣреніи своемъ разстаться съ нимъ, подъ предлогомъ опасеній, которыя внушала ему участь его маленькаго ребенка, хотя настоящею причиною такого желанія было вступленіе ихъ въ страну враждебную. Долго уговаривали его и наконецъ успѣли успокоить его опасенія и убѣдили идти съ ними далѣе.

«Въ-теченіе дня они перешли нѣсколько базальтовыхъ высотъ и вступили въ другую долину, почва которой состояла изъ мягкой глины. Кругомъ ихъ луга стояли въ огнѣ, который безъ сомнѣнія зажженъ былъ Индійцами съ цѣлію погубить нашъ отрядъ. Впрочемъ, огонь дѣйствовалъ не сильно, пламя тихо перебиралось по землѣ и въ высоту простиралось на нѣсколько дюймовъ.

«19-го Барровсъ и жена его, которые за день передъ тѣмъ вздумали было оставить путешественниковъ, рѣшились снова сопровождать ихъ. Г. Иммонсъ, желая избѣгнуть враждебной встрѣчи, своротилъ съ прямой дороги и путь свой направилъ къ верхнему броду или переправѣ чрезъ Умпкву, предполагая по многимъ причинамъ, что Индійцы постараются воспрепятствовать переправѣ ихъ на обыкновенномъ мѣстѣ. Около 9-ти часовъ они достигли брода и переправились безъ всякихъ приключеній, хотя быстрота потока и неровность его русла дѣлали переходъ чрезвычайно-затруднительнымъ. Широта его около 80 ярдовъ, глубина отъ 1 до 5 футовъ.

«Такъ-какъ нѣкоторые изъ спутниковъ г. Иммонса были нездоровы, то онъ рѣшился сдѣлать привалъ и они расположились въ прекрасной дубовой рощѣ. Съ измѣненіемъ геологическихъ свойствъ почвы измѣнилась и растительность; то же замѣчено было и относительно животныхъ. Путешественники замѣтили новый кустарникъ, похожій на гераніумъ Гаваи, прекрасное лавровое дерево (Laurus ptolemio) съ душистыми листьями, Ieanathus съ небесно-голубыми цвѣтами необыкновенно-пріятнаго запаха, табачное растеніе (Nicotiana) съ бѣлыми цвѣтами.

«На Умпквѣ они въ первый разъ встрѣтили сѣрыхъ медвѣдей; здѣсь же въ послѣдній разъ видѣли ланей съ бѣлыми хвостами, вмѣсто которыхъ стали появляться чернохвостыя. Лоси встрѣчались также во множествѣ.

«Два Индійца показались на противоположномъ берегу рѣки и изъ-

являли желаніе подойдти къ лагерю; но ихъ не допустили, подозрѣвая намѣренія ихъ освѣдомиться о силѣ отряда.

«20-го экспедиція отправилась въ дорогу рано утромъ, чрезъ долины и ущелія, обильныя хорошими пастбищами; по прошествіи двухъ часовъ они достигли южнаго поворота Умпквы, берега которой не представляли никакихъ особенностей.

«Въ-продолженіе этого дня они встрѣтили двухъ сѣрыхъ медвѣдей; когда издали охотники замѣтили перваго и хотѣли погнаться за нимъ, вблизи появился другой. Онъ былъ огромнаго роста, и тихимъ шагомъ приближался къ отряду на разстояніи сотни ярдовъ; когда охотники подошли къ нему, онъ поднялся на заднія лапы и прехладнокровно смотрѣлъ на всѣ стороны. Г. Пэль сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ него; тогда онъ поворотилъ назадъ и побѣжалъ, преслѣдуемый пулями охотниковъ; нѣкоторыя нанесли ему раны, но вѣроятно легкія, потому-что онъ успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій.

«21-го они продолжали путь вдоль берега рѣки по такой же почвѣ, какъ и прежде. Мало-по-малу они достигли горъ Умпквы и остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, прежде чѣмъ начнутъ взбираться на горы. Въ-теченіе дня они проходили мимо пустыхъ индійскихъ хижинъ и встрѣчали нѣсколько Индійцевъ, которые изъявляли желаніе присоединиться къ нимъ. Называя себя друзьями бѣлыхъ, они просили пуль и пороха, въ которыхъ, разумѣется, имъ отказали; вооруженіе ихъ состояло изъ ружей, луковъ и стрѣлъ. Болѣе всего они разспрашивали о томъ, скоро ли прибудетъ отрядъ Мишеля.

«Ночью недалеко отъ лагеря нашли вооруженнаго Индійца; его узналъ, какъ старый знакомецъ, Уарфильдъ (одинъ изъ охотниковъ), по просьбѣ котораго г. Иммонсъ позволилъ ему сопровождать ихъ до Калифорніи.

«Тогда не было уже сомнѣнія, что Индійцы наблюдали за нами. Охотники, убѣдившись въ этомъ, не уклонялись отъ исполненія принятой ими на себя обязанности. Они знали, что вступили въ страну враждебную, и что каждому опасно будетъ отдѣлиться отъ товарищей.

«22-го они начали переходъ чрезъ горы; сначала всходъ на нихъ былъ не затруднителенъ, но потомъ дорога была такъ узка и покрыта такимъ частымъ кустарникомъ, что путешественники должны были иногда прорубать его, и идти одинъ за другимъ. То поднимаясь, то опускаясь, они подошли къ горѣ, круто-возвышавшейся футовъ на тысячу; много затрудненій причинила она вьючнымъ лошадямъ, но восходъ совершился благополучно. На высотѣ разстилалась покрытая травою гладкая поверхность, по которой они шли нѣсколько времени и потомъ вдругъ спустились въ долину, по которой протекалъ ручей. Труднѣе всего былъ выходъ изъ этой долины, и на это они употребили часа три времени. Видно было, что лѣсъ недавно сгорѣлъ въ этомъ мѣстѣ и еще многія дерева тлѣли. Вѣроятно, огонь разведенъ былъ Индійцами для того, чтобъ дерева, падая на тропинку, преграждали путь. Самое непріятное было то, что люди наши покрыты были пе-

пломъ и дымомъ; видъ, открывавшійся съ вершины, представлялъ безобразную громаду крутыхъ утесовъ, между которыми виднѣлись узкія, тѣсныя долины. Кругомъ разстилался лѣсъ самыхъ разнообразныхъ деревъ, между которыми росли ели, сосны, дубы, орѣшникъ, земляничное и каштановое дерево. Въ различныхъ направленіяхъ виденъ былъ густой дымъ, служившій доказательствомъ, что дикари наблюдали за экспедиціей и подавали сигналы, выжидая благопріятнаго случая для общаго нападенія.

«Путешественники остановились на равнинѣ, области Шаетовъ, отдѣленной отъ долины Умпквы горами, по которымъ они проходили. Высочайшая возвышенность этихъ горъ простирается до 1750 фут. По прибытіи на мѣсто отдыха, они замѣтили, что г. Пэль потерялъ большую часть своихъ пожитковъ, потому-что колючіе кустарники разорвали вьюкъ, въ которомъ они были уложены. Для отъисканія ихъ рѣшились промедлить день, чтобъ лошади могли отдохнуть, и потомъ отправиться по вчерашнему слѣду.

«23-го они отправили нѣсколько человѣкъ на поиски, но тѣ не успѣли ничего отъискать, и встрѣтили только Индійцевъ; но такъ-какъ они объяснялись на языкѣ для нихъ непонятномъ, то и разспросы ихъ не повели ни къ чему.

«Окрестные утесы мѣстами пересѣчены жилами кварца, слѣды котораго видны были по всей странѣ. Вокругъ утесовъ почва песчаная, большею частію красно-кирпичнаго цвѣта. Ботаники наши собрали много сѣменъ и нѣсколько растеній.

«Рано утромъ 24-го снова пустились въ дорогу, которая шла посреди густаго лѣса; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увидѣли свѣжіе слѣды Индійцевъ, а потомъ встрѣтили трехъ Индіанокъ, которыя не успѣли скрыться. Все это доказывало, что Индійцы близко слѣдовали за путешественниками; въ подобной странѣ, небольшое число ихъ могло перерѣзать весь отрядъ безъ большой потери для себя, если бъ только имъ достало на это довольно мужества.

«Большая часть дневнаго пути шла по волнообразнымъ холмамъ, и, сдѣлавъ около 33 миль, экспедиція остановилась на берегу Юнга. Этотъ ручей, шириною въ нѣсколько ярдовъ и глубиною не болѣе фута, далеко виденъ по деревьямъ, которыми поросли берега его. Теперь путешественники достигли страны Индійцевъ Кламетовъ, болѣе извѣстныхъ подъ именемъ воровъ или разбойниковъ: имя, данное имъ охотниками за склонность ихъ къ грабежу.

«25-го шли по такой же странѣ, только лѣсъ былъ рѣже; pinus lambertiana попадалась на каждомъ шагу. Изъ этого дерева Индійцы добываютъ сахаръ; они выжигаютъ отверстіе на деревѣ, изъ котораго вытекаетъ сокъ, и засыхая образуетъ сахаристое вещество; вкусомъ сахаръ этотъ довольно-пріятенъ, хотя нѣсколько горекъ и отзывается смолою.

«Послѣ полудни вступили въ долину рѣки Тоотутасы или Рѣки-Воровъ и остановились на берегу ея. Это прекрасный потокъ, ярдовъ во сто ширины, чрезвычайно быстрый; онъ изобилуетъ множествомъ

рыбы, которая составляетъ главное средство существованія Индійцевъ; берега рѣки низки и покрыты кустарникомъ. Двѣ, три сотни ярдовъ отъ берега, почва вдругъ поднимается на 10 футовъ, и на такомъ же разстояніи далѣе переходитъ въ холмы, имѣющіе отъ 600 до 1,000 фут. вышины. На вершинахъ почва переходитъ въ гранитъ. Инассъ, индійскій охотникъ, отдалившійся на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря, убилъ лань и снялъ съ нея шкуру; онъ былъ застигнутъ толпою Индійцевъ, которые пустили въ него тучу стрѣлъ; ему удалось, однакожь, вскочить на лошадь, схватить ружье и убить одного изъ нихъ. Скорое бѣгство, необходимое для его спасенія, заставило его бросить свою добычу.»

Предъ наступленіемъ ночи, челнокъ съ двумя Индійцами приблизился къ лагерю, но его не допустили пристать. По утру въ самомъ лагерѣ была найдена индійская корзина, что̀ и заставило предположить, что ночью успѣлъ пробраться какой-нибудь Индіецъ, въ которомъ любопытство дѣйствовало сильнѣе страха.

«26-го пошли вдаль по Рѣкѣ-Воровъ, текущей въ западномъ направленіи и проходили мимо Индійцевъ, которые съ челноковъ своихъ ловили рыбу. Отойдя нѣсколько шаговъ, встрѣтили еще человѣкъ 50 дикарей; послѣдніе обнаружили удивленіе, что бѣлые открыли ихъ пріютъ; но какъ они были не вооружены, то, по-видимому, не имѣли никакихъ враждебныхъ замысловъ.

«Въ теченіе всего дня шли къ сѣверозападу по теченію рѣки. На милю отъ прежняго мѣста, по временамъ встрѣчались массы гранита и дикаго камня; по мѣрѣ того, какъ путешественники двигались, долина рѣки стѣснялась горами и береговой путь былъ очень обрывистъ. Въ-слѣдствіе тѣхъ же каменныхъ громадъ, рѣка падала быстро и берега ея превратились въ острые утесы. Мѣсто это миновали благополучно, между-тѣмъ, какъ прежніе путешественники именно тутъ и потерпѣли сильное нападеніе отъ Индійцевъ, потому-что дикари умѣли скрыться за утесами. Отрядъ нашъ не имѣлъ бы никакой возможности сопротивляться имъ. Послѣ полудня достигли ущелій и избрали южное, которое вывело на мѣсто лагеря Торнера, гдѣ отрядъ его потерпѣлъ нападеніе и большею частію былъ перерѣзанъ. Причиною этого была собственная неосторожность. Торнеръ допустилъ въ лагерь толпу Индійцевъ, вдругъ напавшихъ на бѣлыхъ, которыхъ было не болѣе девяти. Двое пали при первомъ приступѣ. Торнеръ, одаренный отъ природы атлетическимъ тѣлосложеніемъ, сидѣлъ у огня, когда началась сшибка; онъ схватилъ горящую головню и защищался ею, разсыпая вокругъ себя истребленіе; наконецъ жена его подала ему карабинъ, которымъ онъ многихъ положилъ на мѣстѣ. Огромное дерево лежало между нимъ и Индійцами, и когда онъ, съ помощію жены своей, успѣлъ страшно отмстить за погибшихъ товарищей, то Индійцы отступили и дали возможность Торнеру и его раненымъ сопутникамъ удалиться по направленію къ сѣверу. Они возвратились въ Уильяметъ, потерявъ лошадей и все имущество.

Тамъ видны были еще человѣческія кости и между ними обломки оружія, указывавшіе мѣсто кровавой схватки. Къ лагерю подошли два Индійца, посѣщавшіе прежде отряды компаніи. На одномъ изъ нихъ надѣта была для защиты отъ стрѣлъ престранная кольчуга, похожая на крестъ и только закрывавшая одно туловище, оставляя руки на свободѣ; сдѣлана она была изъ прутьевъ толщиною въ палецъ, такъ плотно перевитыхъ, что стрѣлы не могли пробить ея.

«На противоположномъ берегу Рѣки-Воровъ, путешественники увидѣли нѣсколько Индійцевъ, расположившихся около огня; когда тѣ замѣтили приближеніе отряда, то отошли далѣе отъ рѣки. Чрезъ нѣсколько времени собака, принадлежавшая одному изъ нихъ, спустилась къ берегу, и одинъ изъ охотниковъ, по имени Вудъ (Wood) поднялъ свой карабинъ и, не смотря на строгое запрещеніе и правила лагеря, застрѣлилъ ее. Нѣсколько дней назадъ, Иммонсъ сдѣлалъ этому человѣку строгій выговоръ за дурное поведеніе, и тотъ хотѣлъ-было оставить лагерь, но побоялся встрѣчи съ Индійцами. Тотчасъ послѣ выстрѣла между Индійцами обнаружилось движеніе. Ночью они собрались недалеко отъ лагеря и начали свою военную пляску.

«Многіе изъ путешественниковъ страдали лихорадкою; пароксизмы ея заставляли отрядъ останавливаться часа на два и на три, и отъ-того больные стали въ тягость всей экспедиціи, замедленіе которой безпрестанно увеличивало опасность; болѣзнь усиливалась отъ внезапныхъ и быстрыхъ перемѣнъ атмосферы; въ-теченіе дня термометръ стоялъ нерѣдко на 80° и ночью падалъ почти на точку замерзанія.

«27-го пошли далѣе по берегу рѣки и замѣтили, что Индійцы собираются вмѣстѣ на противоположномъ берегу и испускаютъ страшные крики. Нѣсколько времени спустя, увидѣли большую толпу ихъ около скалы, нависшей надъ рѣкою, гдѣ путешественникамъ неизбѣжно было проходить подъ самыми ихъ выстрѣлами. Теперь, имѣя полное право ожидать нападенія, г. Иммонсъ, принявъ всевозможныя мѣры предупредить аттаку, отправилъ часть людей своихъ пѣшкомъ въ видѣ авангарда. Высокій и почти перпендикулярный берегъ до такой степени съуживалъ путь, что весь отрядъ могъ быть истребленъ Индійцами, которые, укрываясь между скалъ на противоположномъ берегу, не подвергались никакой опасности. Не смотря на все это, нападенія не послѣдовало, можетъ-быть потому-что Индійцы увидѣли приготовленія, сдѣланныя къ отпору ихъ. Когда отрядъ миновалъ ущеліе и былъ уже внѣ ружейныхъ выстрѣловъ, Индійцы появились снова и начали осыпать путешественниковъ ругательствами, которыя были холодно выслушиваемы всѣми, кромѣ женщинъ изъ семейства г. Уалькера. Индіанки (жены охотниковъ) изготовились къ нападенію по-видимому съ большимъ хладнокровіемъ, чѣмъ ихъ мужья. Мишель ла-Фрамбуазъ (Michel la Framboise) два раза потерпѣлъ здѣсь нападеніе. Прошедъ нѣсколько миль, оставили Рѣку-Воровъ и направили путь нѣсколько къ востоку по волнообразному лугу, покрытому низкими холмами и видомъ похожему на долину Уильяметты. Почва была частію удобна для земледѣлія, частію песчана. Въ равнинѣ появилось нѣсколько индій-

скихъ всадниковъ, но они ускакали, когда сталъ приближаться отрядъ. Въ полдень, путешественники остановились и видѣли множество бобровъ, занятыхъ построеніемъ жилищъ. Охотники погнались за антилопами и убили одну; шерсть на ней была бѣловатая и необыкновенно мягкая. Индійцы ловятъ это животное, возбуждая его любопытство. Замѣтивъ нору антилопы, они прячутся въ ближній кустарникъ, особаго рода стукомъ привлекаютъ животное къ мѣсту засады и, подпустивъ на выстрѣлъ, убиваютъ его; если другія антилопы сопровождаютъ раненную, то нерѣдко остаются при ней и всѣ до одной падаютъ подъ выстрѣлами. По словамъ охотниковъ, антилопы живутъ только на лугахъ и рѣдко заходятъ въ лѣсистыя страны; по качеству мяса, ихъ предпочитаютъ ланямъ. Особаго рода кролики или зайцы во множествѣ видны были на лугу; Индійцы ловятъ ихъ, устроивая въ отверстіи деревъ родъ западни.

«28-го путешественники подошли къ подошвѣ Пограничныхъ-Горъ, гдѣ и остановились. Почва была такая же, какъ и въ равнинѣ, которою они проходили, и изъ деревъ встрѣчались также дубъ и ель, но не изъ породы pinus lambertiana. На вершинахъ горъ виденъ былъ гранитъ, и на значительномъ разстояніи отъ нихъ воздымался одинокій утесъ, который, подобно сторожевой башнѣ, господствовалъ надъ окружающимъ его лѣсомъ. Этотъ пикъ по вычисленію г. Иммонса лежитъ подъ 42° сѣв. широты. Съ вершины его видна вся окрестность, и когда отрядъ приблизился, столбъ густаго дыма поднялся съ нея; вѣроятно, то были сигналы, которые Индійцы-Кламеты подавали племени Шастовъ о нашемъ приближеніи.

«На дорогѣ они встрѣтили старую Индіанку, которая вѣткою пылающей ели зажигала траву и кустарникъ; когда настигли ее, то она осталась безъ движенія, какъ-бы пораженная тѣмъ, что видѣла. Одежда ея состояла изъ двухъ кожъ; одною обернуто было ея тѣло, другая перекинута на плечо и укрѣплена поясомъ; другихъ Индійцевъ не было въ виду. Отрядъ остановился между горами, гдѣ разсѣяно было много гранитныхъ обломковъ. Враждебныя дѣйствія Индійцевъ и пропажа лошадей у прежнихъ путешественниковъ заставили г. Иммонса принять на ночь особыя предосторожности.

«29-го начали взбираться на Пограничныя-Горы, отдѣляющія Мехику отъ Соединенныхъ-Штатовъ; онѣ представляютъ рядъ высотъ отъ 200 — 2000 футовъ, частію воздвигающихся отдѣльно надъ равниною; большею частію состоятъ онѣ изъ базальта и только нѣкоторыя изъ песчаника и содержатъ въ себѣ минералы. Во время всхода, путешественники ежеминутно ожидали нападенія, особенно на крутой и узкой тропинкѣ, по которой съ трудомъ могли пробираться лошади одна за другою. Въ числѣ спутниковъ г. Иммонса былъ Тиббатсъ, одинъ изъ пятнадцати человѣкъ, которые за три года назадъ въ этомъ самомъ мѣстѣ потерпѣли нападеніе отъ Индійцевъ; одинъ изъ его товарищей былъ тогда убитъ, и два умерли отъ ранъ въ Умпквѣ, куда съ трудомъ могли отступить, хотя и нанесли Индійцамъ большую потерю. Онъ изъявлялъ большое желаніе отмстить имъ, но случая не представилось,

потому-что отрядъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій, кромѣ перехода по обрывистой тропинкѣ, поросшей густымъ кустарникомъ; ни одного Индійца не встрѣтили на дорогѣ, хотя и очевидно было, что они готовили нападеніе; вездѣ земля носила слѣды ихъ присутствія и нѣсколько деревъ свалено было поперегъ дороги для задержанія отряда. Вся гора представляла превосходныя средства къ засадѣ.

«На вершинѣ этого хребта открылся видъ на долину Кламета, которая была недалеко отсюда и окружена съ обѣихъ сторонъ высокими, базальтовыми скалами, нагроможденными одна надъ другою. Гора-Шастъ, высокій снѣговой пикъ, имѣющій форму сахарной головы, мелькалъ издали надъ туманами, его окружающими, и съ южной стороны виденъ былъ на разстояніи 45 миль; отрядъ спустился по южному склону и остановился на берегу Оттера, на милю разстоянія отъ рѣки Кламеты.

«Эти скалы раздѣляютъ воды, текущія къ сѣверу и югу. Почва около нихъ безплодная и песчаная; нездоровье части путешественниковъ заставило ихъ простоять на мѣстѣ весь день 30-го сентября; здоровые осматривали окрестность. Страна состояла изъ обширной луговой равнины, покрытой елями и дубами и волнообразными линіями деревъ, обозначавшихъ берега потоковъ. Долина лежитъ посреди горъ, увѣнчанныхъ дубовымъ лѣсомъ, между которымъ синѣютъ воды Кламеты, пробирающіяся на западъ. Самый замѣчательный въ этомъ мѣстѣ есть одинокій конической формы пикъ, который—вдругъ изъ ровной долины подымаетъ на тысячу футовъ свою обнаженную вершину.

«Недалеко отъ лагеря видны были остатки индійской хижины, выстроенной изъ кольевъ.

«Г. Иммонсъ сдѣлалъ много любопытныхъ наблюденій. Термометръ въ-теченіе дня поднялся на 100° въ тѣни. На зарѣ слѣдующаго утра онъ показывалъ 32°. Охотникамъ не удалось сдѣлать никакого пріобрѣтенія.

«1-го октября они рано могли пуститься въ путь. Погода была чрезвычайно-знойная, и атмосфера такъ сгустилась, что даже не видно было вершины Шаста. Часа черезъ два они переправились чрезъ Кламету, которая была около восьмидесяти ярдовъ въ ширину съ низкими, совершенно обнаженными берегами. Она имѣла въ глубину четыре фута и совершенно каменистое ложе. Выше и ниже переправы, воды казались быстрѣе и рѣка имѣла большое сходство съ Умпквою; по формѣ береговъ своихъ, она должна быть подвержена наводненіямъ. Лугъ по ту сторону рѣки становится сухъ и каменистъ, и оканчивается также одинокою вершиною, возвышающеюся вдругъ отъ 500—800 футовъ вышины. Подобные переходы составляютъ характеристическое свойство страны. Обломки волканическихъ утесовъ, состоящіе изъ массъ сѣрой или красной лавы, отъ одного до десяти куб. футовъ въ объемѣ, безпорядочно разсѣяны были между горами. По направленію къ востоку массы лавы становятся многочисленнѣе.

«Путешественники остановились на южномъ протокѣ Кламеты, прекрасномъ, свѣтломъ и быстромъ ручьѣ, гдѣ они увидѣли небольшое мѣсто, покрытое густою травою, первое, которое встрѣтилось имъ въ-

теченіе цѣлаго дня. Тутъ же замѣчены два Индійца, слѣдовавшіе за ними изъ-за скалы. Г. Иммонсъ послалъ своихъ людей предупредить ихъ бѣгство, и успѣлъ приблизиться къ нимъ. Сначала они обнаружили великій страхъ, потомъ успокоились и продали ему двѣ семги, только-что пойманныя ими. Семга эта бѣлаго цвѣта и не слишкомъ пріятна на вкусъ; она ловится въ изобиліи въ здѣшнихъ рѣкахъ. Индійцы были красивѣе прежде виденныхъ и почти совершенно нагіе. Довольные продажею рыбы, они предложили купить у нихъ луки и стрѣлы, которые лежали тутъ же въ травѣ. Все это, очень искусно сдѣланное, отдали они за одинъ ножъ. Тогда они указали нѣсколько человѣкъ своего племени, сидѣвшихъ у подошвы горы на значительномъ разстояніи и изъявлявшихъ желаніе подойдти къ лагерю; но позволенія этого не послѣдовало. Тогда путешественники наши увидѣли па рѣкѣ широкія связки тростника, сплетенныя въ видѣ рогожъ, употребляемыя Индійцами вмѣсто челноковъ.

«2-го весь день шли по ровному безводному лугу; низкая почва его была по мѣстамъ покрыта солончаками, не смотря на которые она казалась лучше, чѣмъ въ прошедшіе дни, и только изрѣдка попадался на ней тощій кустарникъ.

«Большія стада антилопъ паслись въ равнинѣ, но ни одно изъ этихъ животныхъ не было убито; охотники замѣтили также горную овцу (ovis montana); она была темнаго цвѣта, гораздо-болѣе обыкновенной и съ широкими рогами. Около полудня приблизились къ нѣсколькимъ рвамъ, наполненнымъ водою; а какъ лошади измучены были жаждою, то онѣ бросились туда съ вьюками и надѣлали много хлопотъ путешественникамъ. Въ то же время они оставили долину Кламсты, лежащую ниже уровня прочей страны, и когда поднялись на вершины, то замѣтили, что почва состоитъ изъ темно-сѣраго серпентина. Они стали лагеремъ по-ту-сторону вершины и по близости отъ лагеря замѣтили цѣлыя массы сіенита.

«Въ лагерѣ появилось много Индійцевъ, и всѣ они наперерывъ предлагали вымѣнять у нихъ луки и стрѣлы. Эти Индійцы были гораздо стройнѣе сѣверныхъ и отличались болѣе правильными чертами лица; одинъ изъ молодыхъ людей былъ даже очень-красивъ собою; у него были большіе голубые глаза и на лицѣ комическое выраженіе важности; одежда его состояла изъ ланьихъ кожъ, ноги были совершенно обнажены. У всѣхъ длинные, черные волосы падали на плеча и головы были не покрыты. Г-ну Агату стоило большихъ трудовъ снять съ нихъ портреты; чтобъ успокоить ихъ, онъ вздумалъ показать имъ миніатюрный портретъ своей матери; но это произвело совершенно противное дѣйствіе тому, какого онъ ожидалъ: они вообразили, что онъ хочетъ околдовать ихъ и что онъ медикъ (56) отряда.

Путешественники, желая испытать искусство Индійцевъ въ стрѣльбѣ, поставили цѣлію пуговицу на разстояніи 20 ярдовъ, и одинъ изъ нихъ изъ пяти разъ попалъ въ нее три раза; искусный стрѣлокъ награжденъ

---

(56) Извѣстно, что Индійцы называютъ колдуновъ *медиками* (medicine-man).

былъ небольшимъ количествомъ табаку. Они дѣйствуютъ своими луками такъ ловко и съ такою силою бросаютъ стрѣлы, что одинъ изъ путешественниковъ замѣтилъ, что онъ скорѣе бы позволилъ выстрѣлить въ себя изъ мушкета на разстояніи ста ярдовъ, чѣмъ подвергнуться выстрѣлу одного изъ этихъ Индійцевъ. — Луки и стрѣлы ихъ были сдѣланы очень красиво: первые состояли изъ согнутаго тисоваго прута, фута въ три длиною, отъ одного до двухъ дюймовъ шириною, обвитаго тонкимъ ремнемъ и выкрашеннаго. Стрѣлы имѣли около 30 дюймовъ въ длину; нѣкоторыя изъ нихъ были сдѣланы изъ гладко-выструганнаго дерева изъ породы spiraea, другія изъ крѣпкаго камыша и покрыты перьями на 5—8 дюймовъ; остріе же украшено было замысловатою рѣзьбою; послѣднее имѣетъ въ длину отъ 3 до 5 дюймовъ, дѣлается изъ особаго куска и прикрѣпляется къ рукояткѣ такъ, что оно остается въ тѣлѣ, когда стрѣла уже вынута. Стрѣляя, Индійцы держатъ лукъ горизонтально, натягиваютъ большимъ пальцемъ лѣвой руки и спускаютъ стрѣлу тремя пальцами правой. Для того, чтобъ натягивая не упирать ею въ грудь, они поворачиваются нѣсколько бокомъ; спуская стрѣлу отставляютъ правую ногу назадъ и опираются на лѣвую. Колчаны ихъ сдѣланы изъ кожи лани, медвѣдя или дикой кошки.

«Между ними замѣтна была болѣзнь, по виду весьма похожая на проказу, но докторъ не нашелъ въ ней симптомовъ этого недуга, хотя одинъ изъ дикарей, удрученныхъ ею, походилъ на скелетъ.

«Что касается до одежды, то они (и то не всѣ) едва были прикрыты плащемъ изъ волчьей или ланьей кожи. Нѣкоторые изъ нихъ обернуты были ланьею кожею, которая укрѣплялась богато-украшеннымъ поясомъ».

«3-го путешественники продолжали путь свой по равнинѣ, скоро достигли окончанія ея и вступили въ лѣсъ, покрывавшій склоны хребта Шастъ; дорога была вездѣ неровная, покрытая каменьями. На высотѣ передъ ними открывался великолѣпный видъ на снѣжный пикъ Шаста и на окружающія его горы, покрытыя не снѣгомъ, но группами высокихъ зеленыхъ елей. Вся поверхность покрыта была разнообразными утесами, коническая форма которыхъ доказывала волканическое образованіе, хотя въ виду не было никакого кратера.

Пикъ Шастъ представляетъ истинно-прекрасное зрѣлище: онъ воздымается вверхъ уступами и скалистыя ребра его постепенно выходятъ изъ тумановъ, покрывающихъ его подошву, и какъ-будто висятъ въ воздухѣ; зубчатая вершина доказываетъ, что и онъ былъ нѣкогда вулканомъ. Снѣгъ лежитъ частію грядами по сторонамъ, частію покрываетъ вершину, но въ положеніи ея снѣговой линіи большое различіе съ горою Гудомъ или Св.-Елены. Говорятъ, что вершина этого пика простирается на 14,390 футовъ; но г-нъ Иммонсъ не думаетъ, чтобъ она была такъ высока. Прошедъ чрезъ эти горы, экспедиція приближалась къ рѣкѣ Сакраменто, текущей къ югу, и стала лагеремъ на берегу другаго потока, стекающаго съ высотъ Шаста.

«Путешественники наши могли свободнѣе посвятить время свое изслѣдованіямъ, потому-что благополучно миновали страну Злыхъ Индійцевъ.

«Нельзя не пожалѣть, что находясь посреди такого враждебнаго населенія, они по необходимости должны были для сохраненія отряда избѣгать всякой экскурсіи и такимъ образомъ опустить изъ вида одну изъ цѣлей экспедиціи: пріобрѣтеніе свѣдѣній о настоящемъ состояніи дикарей, о числѣ ихъ и проч.

«4-го октября они вступили въ страну елей; смѣряли одно дерево изъ породы pinus lambertiana и оно оказалось 18 футовъ въ окружности.

«Они остановились на берегу Рѣки-Разрушенія (Destruction-river), стекающей съ горъ въ южномъ направленіи и нашли тамъ въ изобиліи воду и пищу для лошадей. Воздухъ былъ прекрасный, лѣсъ защищалъ ихъ отъ солнечныхъ лучей и въ изобиліи снабдилъ ихъ дичью. Возлѣ лагеря въ сѣверномъ направленіи тянулся горный хребетъ съ коническими вершинами и обнаженными пиками. Одинъ изъ этихъ пиковъ, господствовавшихъ надъ долиною, состоялъ изъ обнаженнаго утеса въ 2,000 футовъ вышиною. Долина, примыкавшая къ нему, покрыта была обломками бѣлаго гранита. Судя по этому, нѣтъ сомнѣнія, что самый составъ горъ принадлежитъ къ гранитной формаціи. По меридіану они достигли узкой долины, замыкающей Рѣку-Разрушенія, гдѣ найденъ былъ желѣзно-минеральный источникъ; вода съ шумомъ падаетъ съ горы и потомъ катится по долинѣ; на вкусъ она показалась пріятною; температура ея 50°, тогда-какъ температура воздуха достигала 75°. Вокругъ нея разсѣяно было большое количество желѣзняка, а въ нѣсколькихъ ярдахъ оттуда находится маленькій прудъ, ложе котораго покрыто было тѣмъ же минераломъ.

«Ночью съ сѣвера поднялась страшная буря и безпрестанно слышался трескъ падающихъ елей.

«Видъ страны совершенно измѣнился и представлялъ новое и болѣе обширное поприще для наблюденій ботаника и геолога. Общее направленіе утесовъ идетъ отъ сѣвера къ югу, но всю поверхность страны можно назвать рядами долинъ и холмовъ, пересѣкающихъ другъ друга во всѣхъ направленіяхъ. Холмы большею частію покрыты плодородною почвою и роскошною растительностью. Лѣса состоятъ изъ елей и дубовъ; между ними много малыхъ растеній, цвѣтъ которыхъ долженъ быть изобиленъ весною.

«Продолжая путь по Рѣкѣ-Разрушенія до 9-го октября, они увидѣли, что она соединялась съ другою рѣкою, которая течетъ отъ сѣвера къ востоку, и принята была за сѣверо-восточный рукавъ рѣки Питта; обѣ вмѣстѣ образуютъ рѣку Сакраменто.

«Поздно вечеромъ они остановились на небольшомъ ручейкѣ, къ западу отъ Сакраменто; по утру 10-го, оставили горы; пространство, занятое горами, которыя они миновали, должно простираться по-крайнеймѣрѣ на сто миль. Въ одномъ мѣстѣ проводникъ ихъ сбился съ дороги; тогда обратились къ Индіанкѣ, женѣ Уарфильда, и она безъ труда вывела ихъ на настоящій путь.

«Скоро вступили они въ долину Сакраменто и встрѣтились съ Индійцами изъ племени Кинкла, извѣстнаго мирнымъ и дружелюбнымъ характеромъ; тогда уже спокойствіе водворилось въ отрядѣ.

«Растительность измѣнилась вдругъ; вмѣсто елей, сосенъ и т. п., они увидѣли себя посреди сикоморовъ, дубовъ, хлопчатобумажныхъ деревьевъ. Дубы доставляютъ множество желудей низкой формы, служащихъ въ пищу медвѣдямъ и Индійцамъ. Лугъ, окружающій Сакраменто въ

этомъ мѣстѣ, возвышается на 50 футовъ и на нѣсколько миль идетъ въ этомъ уровнѣ.

«Вечеромъ лагерь посѣтили нѣкоторые изъ дружелюбныхъ и мирныхъ Индійцевъ; они были очень-веселы, смѣялись, шутили и по-видимому очень-рады были прибытію путешественниковъ.

«Очертаніями лица и одеждою они очень сходны были съ Индійцами-Шастами; лица ихъ носили на себѣ отпечатокъ веселаго расположенія духа; длинные волосы, собранные въ пучокъ, на затылкѣ связаны нитками изъ ланьихъ жилъ; такія же нитки продѣты были въ уши и къ нимъ привѣшены бусы; лица ихъ преимущественно на щекахъ раскрашены были синею краскою въ видѣ треугольника. Цвѣтомъ они темнѣе своихъ сѣверныхъ собратій и вообще близко подходятъ къ островитянамъ Южнаго-Моря. Главную пищу ихъ составляетъ рыба, жолуди и плоды земляничнаго дерева, которое во множествѣ попадалось путешественникамъ, вмѣстѣ съ елями особаго рода, растущими по всей Калифорніи. Дичи было также много, особенно ланей и антилопъ; сверхъ-того, имъ попадались безчисленныя стада калифорнскихъ куропатокъ и гусей.

«Между Индійцами, посѣтившими лагерь, не было ни одной женщины; всѣ онѣ остались въ ихъ селеніи, находившемся въ полумилѣ отъ лагеря; путешественники вздумали посѣтить его, и увидѣли рядъ хижинъ, грубо построенныхъ изъ прутьевъ и перегороженныхъ рогожами на нѣсколько маленькихъ комнатъ. Женщины были гораздо-менѣе ростомъ, чѣмъ мужчины, и большею частію сгорбленныя, вѣроятно, въ-слѣдствіе тяжкой работы, потому-что онѣ должны запасать пищу на зиму и исправлять всѣ домашнія работы, между-тѣмъ какъ мужья ихъ, если только они не заняты охотою и рыбною ловлею, бродятъ безъ всякой цѣли по лѣсу, или занимаются игрою.

«11-го, г. Иммонсъ разстался съ этими Индійцами; въ продолженіе ночи они охраняли экспедицію, разставивъ часовыхъ и (къ немалому удивленію путешественниковъ) предварительно сообщивъ другъ другу пароль; отрядъ двинулся къ западу по волнообразному лугу, разстилающемуся по берегамъ Сакраменто. Въ этотъ день сдѣлали самый большой переѣздъ — 25 миль.

«Подвигаясь далѣе, отрядъ лейтенанта Иммонса достигъ ряда высокихъ холмовъ подъ 39° 08′ сѣверной широты, который въ настоящее время принимается вообще за границу между Калифорніею и Орегономъ. Оттуда они безпрепятственно достигли сборнаго мѣста. Заключаемъ выписку нашу словами г. Уилькза объ успѣхѣ этого предпріятія:

«Хотя путешествіе отъ Колумбіи до Сакраменто сопряжено было со множествомъ неудобствъ и тягостныхъ затрудненій, но трудъ и терпѣніе были болѣе чѣмъ вознаграждены свѣдѣніями, доставленными объ южной части Орегона и составляющими важное прибавленіе къ открытіямъ экспедиціи. Хотя не все исполнилось согласно моимъ ожиданіямъ, но я доволенъ, что изслѣдовано было все, чтò только возможно было изслѣдовать посреди враждебнаго племени; всѣмъ этимъ экспедиція обязана благоразумію и терпѣнію лейтенанта Иммонса и его сопутниковъ.»

Г. ГОЛОВАЧОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1847 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно: 1) при вывозѣ орѣховаго дерева изъ Гуріи черезъ николаевскій портъ во внутренніе россійскіе порты, взъискивать отпускной пошлины по двѣ съ половиною копейки серебромъ съ каждаго пуда вывозимаго орѣховаго дерева, и деньги эти обращать на устройство и исправленіе дороги отъ г. Озугертъ до укрѣпленія св. Николая, и 2) вывозъ орѣховаго дерева изъ Мингреліи и Абхазіи дозволять какъ за границу, такъ и во внутренніе россійскіе порты; но при отпускѣ сего дерева сухумъ-кальскому и редутъ-кальскому карантинно-таможеннымъ правленіямъ взъискивать отпускной пошлины: при вывозѣ въ россійскіе порты по двѣ съ половинною копейки серебромъ съ пуда орѣховаго дерева; а при вывозѣ за границу по пяти копеекъ серебромъ съ пуда, и деньги сіи обращать на содержаніе дороги, устроиваемой между Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале, и 3) означенную пошлину за вывозъ орѣховаго дерева взъискивать съ отправителей деревъ. (Высоч. повел. 13 мая.)

— Высочайше повелѣно, чтобы на будущее время товарищи министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, заступающіе мѣста сихъ послѣднихъ въ продолженіе ихъ отсутствія или болѣзни, присутствовали въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта и въ Комитетѣ Министровъ только по дѣламъ, до ихъ вѣдомствъ касающимся, на какой конецъ упомянутые товарищи о времени слушанія такихъ дѣлъ извѣщаются по распоряженію предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. (Высоч. повел. 19 мая.)

— Высочайше утверждено въ 12 день мая положеніе о садовыхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ.

— Обнародованы положенія о общественномъ банкѣ и о домѣ призрѣнія неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ Казани. Банкъ учреждается съ цѣлію производствомъ ссудъ доставить мѣстнымъ гражданамъ вспомоществованіе въ торговыхъ оборотахъ, а на получаемые проценты содержать домъ призрѣнія. Основный капиталъ банка состоитъ изъ суммы двадцати-пяти тысячь рублей, собранной казанскимъ городскимъ обществомъ посредствомъ добровольныхъ по-

жертвованій, на устройство помянутаго дома. Къ этому основному капиталу предоставляется городскому обществу присоединять, буде пожелаетъ, выморочныя имѣнія и всякія другія добровольныя приношенія. Банку предоставлены слѣдующія операціи: 1) пріемъ вкладовъ, для обращенія изъ процентовъ, отъ лицъ всѣхъ сословій; 2) учетъ векселей, которые принимаются только отъ купцовъ и мѣщанъ города Казани и губерніи, производящихъ торговлю, имѣющихъ недвижимую собственность, или содержащихъ заводы и фабрики, и 3) производство ссудъ подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества. Въ семъ послѣднемъ случаѣ принимаются въ залогъ каменные домы, заводы и фабрики, состоящіе въ Казани и въ предмѣстьяхъ оной, принадлежащіе казанскимъ жителямъ всѣхъ сословій. Ссуда же подъ залогъ движимаго имущества выдается предпочтительно казанскимъ гражданамъ и въ залогъ принимаются золотыя, серебряныя, жемчужныя и другія драгоцѣнныя вещи, неподверженныя порчѣ, равно желѣзо, мѣдь, свинецъ, поташъ и шадрикъ. Домъ призрѣнія неимущихъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ учреждается въ память Высочайшаго пребыванія Государя Императора въ 1836 году въ Казани. Число призрѣваемыхъ назначается до 50 обоего пола, преимущественно гражданъ города Казани.

— Высочайше утверждены: 1) положеніе объ устройствѣ, дѣйствіяхъ и управленіи частей карантинной и таможенной на Кавказѣ и за Кавказомъ; 2) общій штатъ карантинно-таможеннаго вѣдомства въ Закавказскомъ-Краѣ, и 3) таможенныя правила для восточнаго берега Чернаго-Моря.

— Для устройства состава докладывающихъ на консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, по положенію Комитета Министровъ Высочайше повелѣно:

1) Вмѣсто нынѣ-существующихъ трехъ юрисконсультовъ, изъ коихъ каждому производится содержаніе: жалованья 857 р. 76 к., столовыхъ 428 р. 88 к., итого 1286 руб. 64 коп., оставить одного юрисконсульта на прежнемъ основаніи. 2) Назначить двухъ исправляющихъ должность юрисконсультовъ изъ числа обер-секретарей Сената, получающихъ въ Санктпетербургѣ одинаковое содержаніе съ юрисконсультами. 3) Четырехъ исправляющихъ должность помощниковъ юрисконсультовъ изъ числа секретарей Правительствующаго Сената, получающихъ въ Санктпетербургѣ жалованья 514 р. 60 к., и столовыхъ 214 р. 43 к., итого 729 руб. 3 коп. 4) Четырехъ кончившихъ въ россійскихъ университетахъ курсъ юридическихъ наукъ кандидатовъ, для приготовленія къ званію докладчиковъ, съ правами государственной службы, съ тѣмъ чиномъ, которымъ они на основаніи существующихъ узаконеній пользуются, и съ жалованьемъ, которое получаютъ адъюнкты университетовъ, по 714 руб. 80 коп. сер. въ годъ. Кандидаты эти, независимо отъ занятій по консультаціи, будутъ прикомандированы къ 1, 4, 5 и Межевому Департаментамъ Сената, для узнанія практическаго дѣлопроизводства. Чрезъ два года они будутъ замѣнены другими четырьмя кандидатами, и сами по мѣрѣ способностей и наклонностей получатъ мѣ-

ста исправляющихъ должности юрисконсультовъ, или займутъ должности секретарей въ Сенатѣ, или, наконецъ, по сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, мѣста преподавателей. 5) Для постояннаго наблюденію за единствомъ направленія консультаціонныхъ дѣлъ и изложеніемъ исходящихъ по онымъ отъ министерства заключеній, назначить старшаго юрисконсульта съ жалованьемъ по 1430 руб., что составитъ прибавки противъ получаемаго нынѣ юрисконсультомъ содержанія 143 р. 36 к. сер. Старшій юрисконсультъ, самъ не докладывая на консультаціи, обязанъ наблюдать за своевременнымъ поступленіемъ въ оную дѣлъ по доставленнымъ о сихъ дѣлахъ отъ обер-прокуроровъ реестрамъ, за точностію и правильностью составляемыхъ докладовъ, за непремѣннымъ пополненіемъ оныхъ всѣми нужными справками, какъ изъ консультаціонныхъ дѣлъ Департамента Министерства Юстиціи, по связи оныхъ съ дѣлами, на консультаціи разсматриваемыми, и наконецъ, за своевременнымъ, правильнымъ и точнымъ изготовленіемъ по консультаціоннымъ дѣламъ предложеній. Какъ лицо отвѣтственное во всемъ, до наблюденія его относящемся, старшій юрисконсультъ скрѣпляетъ всѣ исходящія по консультаціоннымъ дѣламъ бумаги, и за его скрѣпою бумаги эти идутъ къ утвержденію подписомъ министра. 6) Предполагаемую на содержаніе вышеозначеннымъ лицамъ, сверхъ отпускаемыхъ нынѣ на содержаніе трехъ юрисконсультовъ 3859 р. 92 к. сер. прибавку, а именно: 7205 р. 32 к., до возможности произвести этотъ расходъ изъ государственнаго казначейства, отнести на счетъ прибыльныхъ суммъ сенатской типографіи. 7) Присвоить старшему юрисконсульту, юрисконсульту и двумъ исправляющимъ должность юрисконсультовъ одинаковые разряды по должностямъ, мундирамъ и пенсіямъ, а именно по должности V классъ, по мундиру VI разрядъ, а по пенсіи 1 степень III разряда. 8) Исправляющимъ должность помощниковъ юрисконсультовъ присвоить разряды по должности, мундирамъ и пенсіямъ одинаковые съ должностями старшихъ секретарей Правительствующаго Сената, а именно: по должности и мундиру VII, а по пенсіи V разрядъ. 9) Кандидатамъ юридическихъ наукъ, приготовляемымъ къ званію докладчиковъ, съ правами государственной службы, въ случаѣ выбытія изъ вѣдомства Министерства Юстиціи и поступленія на службу по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія, предоставить права службы учебной, съ зачетомъ, по чинопроизводству, службы ихъ по Сенату и на консультаціи, но не распространяя такого зачета на пенсію; ибо сроки пенсіонные на службѣ по учебной части различны отъ сроковъ по общей гражданской службѣ. Для переходящихъ изъ послѣдней въ первую существуетъ особое правило (Св. Зак. тома III Уст. о Пенс. ст. 498), которому должны подчиниться и лица, поступающія изъ университетовъ первоначально къ дѣламъ консультаціи и получающія въ-послѣдствіи званіе преподавателей.

— По положенію Комитета Министровъ Высочайше повелѣно:

1) Для вымѣна ассигнацій и депозитныхъ билетовъ на кредитные билеты, съ додачею серебромъ и мѣдью за ассигнаціи, назначить окон-

чательнымъ срокомъ: по всѣмъ вообще губерніямъ Европейской Россіи 1-е января 1848 года, по Сибирскому-Краю 1-е іюля 1848 же года, а по Колоніямъ Россійско-Американской Компаніи 1-е января 1849 года. 2) Обмѣнъ сей производить въ-теченіе означеннаго срока въ Экспедиціи Кредитныхъ Билетовъ и конторахъ Коммерческаго Банка, а также во всѣхъ уѣздныхъ казначействахъ, гдѣ не находится конторъ Коммерческаго Банка, на точномъ основаніи Высочайше-утвержденнаго 14 ноября 1844 г. положенія: объ обмѣнѣ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ на кредитные билеты. 3) Для сего снабжать конторы и уѣздныя казначейства, по мѣрѣ надобности, достаточнымъ количествомъ кредитныхъ билетовъ и размѣнной серебряной и мѣдной монеты, съ отдѣленіемъ первыхъ изъ размѣннаго капитала Экспедиціи Кредитныхъ Билетовъ, а серебряной и мѣдной монеты изъ суммъ государственнаго казначейства. 4) Поступающія къ обмѣну ассигнаціи и депозитные билеты высылать изъ конторъ Коммерческаго Банка прямо въ Экспедицію Кредитныхъ Билетовъ, а изъ казначействъ въ Главное Казначейство, для передачи оныхъ также въ Кредитную Экспедицію, которая имѣетъ поступать съ оными на основаніи § 7 устава своего. 5) Пересылку какъ размѣннаго капитала въ конторы Банка и въ уѣздныя казначейства, такъ и вымѣненныхъ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ производить чрезъ почту безъ платежа страховыхъ денегъ. 6) Объ окончательномъ срокѣ для вымѣна ассигнацій и депозитныхъ билетовъ публиковать чрезъ Правительствующій Сенатъ и сверхъ того въ газетахъ обѣихъ столицъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ. 7) Возложить на попеченіе начальниковъ губерній, чтобъ таковыя объявленія, напечатанныя отдѣльно, прибиты были по городамъ на видныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ бываютъ народныя сборища. 8) Губернскимъ предводителямъ дворянства поручить: помянутыя объявленія повторять въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; по казеннымъ же и удѣльнымъ селеніямъ предоставить это распоряженію палатъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ конторъ. 9) Независимо отъ этого, объявленія эти прочитывать какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, по церквамъ въ нѣкоторые праздничные дни, по окончаніи богослуженія. 10) Повсемѣстно, кромѣ Сибирскаго-Края, за два мѣсяца, а въ губерніяхъ и областяхъ онаго за три мѣсяца до наступленія окончательнаго срока вымѣна ассигнацій и депозитныхъ билетовъ, прекратить пріемъ оныхъ на почтѣ отъ частныхъ лицъ, для пересылки въ другіе города, и объявить вновь вышеписаннымъ порядкомъ, что окончательный срокъ обмѣна наступаетъ такого-то числа; послѣ чего никакихъ отсрочекъ допущено не будетъ и оказавшіеся въ рукахъ частныхъ людей ассигнаціи и депозитные билеты ни въ какіе платежи принимаемы не будутъ и 11) разрѣшить министра финансовъ, независимо отъ вышеизложенныхъ распоряженій, принять и всякія другія мѣры, какія по усмотрѣнію его и по обстоятельствамъ могутъ быть признаны имъ полезными, чтобы настоящее распоряженіе сдѣлать сколь-возможно болѣе гласнымъ и извѣстнымъ; а равно предоставить ему войдти въ сношенія съ гг. намѣстниками Царства Польскаго и кавказскимъ и съ статс-секретаремъ Великаго Княжества Фин-

ляндскаго, о примѣненіи такого порядка вымѣна помянутыхъ бумажныхъ денегъ въ тѣхъ краяхъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ.)

— Высочайше повелѣно: 1) Гражданской Канцеляріи Начальника Черноморской Береговой Линіи присвоить тотъ мундиръ, который употребляется канцеляріями военныхъ губернаторовъ, управляющихъ гражданскою частію. 2) Гражданскимъ канцеляріямъ начальниковъ отдѣленій черноморской береговой линіи имѣть мундиръ, предоставленный канцеляріямъ градоначальниковъ. 3) Пуговицы на мундирахъ чиновникамъ гражданскаго управленія восточнаго берега Чернаго-Моря употреблять тѣ же, которыя предоставлены тому вѣдомству вообще, мундиръ котораго они будутъ носить на основаніи настоящаго положенія, и 4) Анапскому Правленію Закубанскихъ Поселянъ имѣть мундиръ мѣстъ, подвѣдомственныхъ Военному Министерству, по положенію, Высочайше утвержденному 22 іюля 1836 года, присвоивъ чиновникамъ онаго шитье сообразно классамъ занимаемыхъ ими должностей и оставивъ впрочемъ это Правленіе при всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ оно должно быть по положенію 15 декабря 1846 года. (Высоч. повел. мая 16).

— Избраніе браковщиковъ и аукціонеровъ при таганрогскомъ портѣ предоставлено тамошней градской думѣ, по подписамъ купцовъ въ выставляемыхъ для сего книгахъ, съ соблюденіемъ со стороны думы установленныхъ для санктпетербургскаго порта правилъ, заключающихся въ 2127—2234 ст. Учр. и Уст. Тор. (Св. Зак. Т. XI). При семъ постановлено, что число браковщиковъ должно быть опредѣлено по мѣрѣ надобности, соразмѣрно съ количествомъ вывозимыхъ изъ порта за границу товаровъ и что утвержденіе и увольненіе браковщиковъ и аукціонеровъ предоставляется таганрогскому градоначальнику, по представленіямъ къ нему (согласно 2119 ст. тѣхъ же учрежденій и уставовъ) коммерческаго суда, обязаннаго, сверхъ того, снабжать браковщиковъ книгами и инструкціями (ст. 1313), а равно имѣть за дѣйствіями ихъ, на основаніи 1315 ст., наблюденіе. (Высоч. утв. мн. Госуд. Сов. 14 апр.).

— Для удобнѣйшаго раздѣленія дѣлъ между двумя департаментами Московской Гражданской Палаты, повелѣно отнести къ вѣдомству 1-го департамента: а) жалобы апелляціонныя и частныя на судебныя мѣста московской столицы и уѣзда ея; б) вносимыя изъ сихъ мѣстъ на ревизію дѣла слѣдственныя; в) дѣла по спорамъ о правѣ собственности на сочиненія и другія произведенія наукъ и словесности, и по спорамъ о собственности художественной, въ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, если притомъ отвѣтчикъ имѣетъ жительство въ Москвѣ или ея уѣздахъ; г) дѣла по тяжбамъ о общественной собственности, состоящей въ Москвѣ или въ ея уѣздѣ; д) дѣла по опекамъ и опекунской отчетности, какъ по столицѣ, такъ и по губерніи; е) дѣла о правахъ наслѣдства и по спорамъ на недвижимыя имѣнія, когда часть ихъ состоитъ въ Мо-

сквѣ и ея уѣздѣ, хотя бы другая часть того же имѣнія находилась въ прочихъ уѣздахъ Московской-Губерніи; ж) явку вѣрющихъ писемъ. Къ вѣдомству 2-го департамента: а) жалобы апелляціонныя и частныя на уѣздныя судебныя мѣста, внѣ Москвы находящіяся; б) слѣдственныя дѣла, вносимыя изъ тѣхъ мѣстъ; в) выдачу данныхъ, свидѣтельствъ о свободности имѣній и отдачу послѣднихъ на выкупъ; г) производство по просроченнымъ закладнымъ, взысканіе и вводъ во владѣніе по онымъ; д) дѣла о правахъ наслѣдства и по спорамъ на имѣнія, состоящія внѣ московской столицы и уѣзда ея; е) дѣла по спорамъ о правѣ собственности на сочиненія и другія произведенія наукъ и словесности и по спорамъ о собственности художественной, въ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, если отвѣтчикъ имѣетъ жительство внѣ Москвы и ея уѣзда; ж) дѣла по тяжбамъ о общественной городской собственности, состоящей внѣ столицы и московскаго уѣзда и з) совершеніе и явку актовъ всякаго рода у крѣпостныхъ дѣлъ (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 14 апрѣля).

— Установленный для Москвы 16-мъ пун. Высочайше утвержденнаго 4 марта 1836 года положенія въ пользу городскихъ доходовъ сборъ съ фабрикантовъ и заводчиковъ, имѣющихъ заведенія свои въ чертѣ города, по тридцати копеекъ серебромъ въ годъ съ каждаго работника, повелѣно взимать въ томъ же размѣрѣ и съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которыя находятся за камер-коллежскимъ валомъ на мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи городскихъ полицій. (Высоч. повел. 13 мая).

— На Сольвычегодскій и Яренскій Уѣзды Вологодской-Губерніи распространено дѣйствіе примѣчанія къ ст. 1038 Св. Меж. Зак. т. X Продолж. III; а уѣзднымъ судьямъ пяти уѣздовъ той губерніи (Никольскаго, Тотемскаго, Устюжскаго, Сольвычегодскаго и Яренскаго) повелѣно отпускать по 25 р. с. въ годъ на прогоны для выѣзда на мѣста межеванія, съ отнесеніемъ этой издержки на счетъ земскихъ сборовъ. (Выс. повел. 13 мая).

— Въ видахъ сохраненія для потомства памяти подвиговъ предка обѣльныхъ крестьянъ деревни Срѣльниковой, Вытегорскаго Уѣзда Олонецкой-Губерніи, повелѣно: 1) исключивъ ихъ изъ состава волости и сельскаго общества, подчинить защитѣ и надзору палаты и окружнаго управленія государственныхъ имуществъ; 2) освободить ихъ отъ платежа общественнаго сбора и отъ всѣхъ земскихъ повинностей и 3) за симъ оставить ихъ при платежѣ подушныхъ денегъ, при сборѣ на обезпеченіе продовольствія и отъ пожаровъ и на содержаніе собственнаго ихъ сельскаго старосты. (Выс. повел. 20 мая).

— Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что къ находящимся въ окрестности Санктпетербурга городамъ Царскому Селу, Гатчинѣ, Павловску и Ораніенбауму, на основаніи узаконеній о состояніяхъ, приписываются въ мѣщане разнаго званія свободные люди безъ согласія на то городскихъ обществъ, и что многіе изъ приписавшихся такимъ образомъ оказываются дурнаго поведенія, и даже несостоятельными въ платежѣ податей, Высочайше повелѣть соизволилъ: городамъ симъ, удостоиваемымъ въ лѣтнее время присутствіемъ Императорской

фамилія, даровать въ отношеніи приписки въ мѣщане предоставленное столицамъ въ 496 ст. X т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) преимущество, т. е. безъ согласія городскихъ обществъ не дозволять никому къ онымъ приписываться. Притомъ Его Величеству угодно было, чтобъ сила сего закона распространена была также на Петергофъ, Стрѣльну и Ропшу, когда будутъ городами.

— Постановлено, чтобъ въ губернскихъ городахъ и тамъ, гдѣ есть градоначальники, начальники полиціи именовались полицеймейстерами, во всѣхъ же прочихъ городахъ они назывались городничими. (Ук. Прав. Сен. 9 іюня).

III. Законы относительно службы гражданской.

— Судьямъ и засѣдателямъ всѣхъ вообще межевыхъ судовъ, гдѣ они существуютъ, предоставлены равныя права съ судьями и засѣдателями уѣздныхъ судовъ. (Ук. Прав. Сен. 26 мая).

— Не включенные нынѣ въ росписаніе о пенсіонныхъ окладахъ (Св. Зак. т. III Устава о Пенс. прилож. къ ст. 55) должности Государственной Канцеляріи отнесены: старшихъ помощниковъ экспедиторовъ къ IV, младшихъ помощниковъ экспедиторовъ къ V, журналистовъ къ VI, помощниковъ журналистовъ и актуаріусовъ къ VII разрядамъ.

— Постановлено, что со времени состоянія указа 9 сентября 1809 года, которымъ Домъ Московскаго Городскаго Общества признанъ частію или особою экспедиціею тамошней думы, всѣ служащіе въ канцеляріи означеннаго дома считаются въ государственной службѣ и пользуются правами, съ нею сопряженными (ук. Пр. Сен. 5 іюня).

IV. Законы уголовные.

— Впредь до изданія общаго для всѣхъ ссыльныхъ закона о судѣ и наказаніи за убійство, разбой и зажигательство, постановлены, въ видѣ временной мѣры, собственно для ссыльно-каторжныхъ, слѣдующія правила:

1) Каторжные перваго и третьяго разряда, поступившіе, по лишеніи правъ состоянія, въ работу, за учиненіе вновь тяжкихъ злодѣяній, и именно: умышленныхъ убійства и зажигательства или разбоя въ Сибири или внѣ оной, по побѣгѣ съ каторги, либо съ дороги туда, предаются суду военному. 2) Судъ сей производится или въ постоянныхъ, смѣшанныхъ изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ коммисіяхъ, гдѣ таковыя существуютъ, или въ коммисіяхъ временныхъ, составляемыхъ по распоряженію начальниковъ губерній и областей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ признано будетъ удобнымъ. 3) Въ составъ временныхъ коммисій назначаются: презусъ и два ассесора изъ штаб-офицеровъ, а въ случаѣ недостатка оныхъ, изъ обер-офицеровъ ближайшихъ линейныхъ или внутреннихъ гарнизонныхъ батальйоновъ и такое же число ассесоровъ изъ членовъ уѣзднаго суда, гдѣ эти коммиссіи учреждены будутъ; для производства же дѣлъ коммандируется аудиторъ ближайшей воинской команды или секретарь мѣстнаго уѣзднаго, или земскаго суда.—*Примѣчаніе*. Надъ каторжными, учинившими означенныя въ пун. 1-мъ злодѣянія во время побѣга, судъ производится тамъ, гдѣ они совершили

преступленіе и пойманы, и самые приговоры приводятся, на другой день по полученіи на оныя утвержденія, въ исполненіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся преступникъ. По наказаніи, преступники эти отправляются въ Сибирь, согласно ст. 1807-й Уст. о Ссыл. (Св. Зак. Т. XIV изд. 1842 г.) тотчасъ, коль скоро, по удостовѣренію врача, они въ состояніи предпринять путь, и препровождаются за крѣпкимъ карауломъ, съ строгимъ наблюденіемъ правила (примѣчаніе 2-е къ ст. 1133-й Уст. о Ссыл.), по силѣ котораго убійцы и другіе важнѣйшіе преступники не должны быть освобождаемы отъ оковъ и во время пребыванія въ острогахъ для ночлега или отдыха. 4) Каторжные, изобличенные въ умышленномъ убійствѣ и зажигательствѣ или разбоѣ, приговариваются военно-судными коммисіями за *первое* сего рода преступленіе къ прогнанію сквозь строй 4-хъ разъ чрезъ тысячу человѣкъ, за *второе* 5-ти разъ, за *третье* 6-ти разъ, прибавляя такимъ-образомъ за каждое новое того же рода преступленіе по тысячѣ ударовъ шпицрутенами. Съ симъ вмѣстѣ возобновляются и клейма, если прежніе штемпельные знаки окажутся невявственными. 5) Послѣ сего означенные преступники, по распоряженію главнаго мѣстнаго начальства, обращаются въ работу на слѣдующемъ основаніи: а) безсрочные каторжные приковываются къ тележкѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ оставленіемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 10-ти и до 20-ти лѣтъ, или же и навсегда, если совершенное ими въ ссылкѣ преступленіе относится къ разряду тѣхъ, за которыя по общимъ постановленіямъ Уложенія о Наказаніяхъ опредѣляются безсрочныя каторжныя работы. б) Срочные (по первоначальному приговору) каторжные въ рудникахъ оставляются въ работѣ безсрочно и содержатся въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 8-ми до 20 лѣтъ. в) Срочные (также по первоначальному приговору) каторжные на заводахъ обращаются въ рудники или безсрочно, съ оставленіемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 8-ми до 12 лѣтъ, или на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ, съ оставленіемъ въ отрядѣ испытуемыхъ четыре года. 6) Приговоры военно-судныхъ коммисій вносятся въ Сибири на ревизію непосредственно къ подлежащему генерал-губернатору. Тотъ же порядокъ соблюдается и во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ есть генерал-губернаторы, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ означенные приговоры представляются начальникамъ губерній и областей, и, по утвержденіи ихъ, обращаются немедленно къ дѣйствительному исполненію, не смотря на число подсудимыхъ. 7) Издержки, употребленныя по производству военно-судныхъ и каторжныхъ дѣлъ, принимаются на-счетъ казны.

═

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮНЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Черниговскому, полтавскому и харьковскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту Кокошкину Высочайше повелѣно принять въ свое главное наблюденіе Харьковскій Университетъ съ учебнымъ округомъ на правахъ попечительскихъ.

— Въ измѣненіе существующаго нынѣ правила относительно распредѣленія открывающихся въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ послѣ выпуска казенныхъ вакансій, повелѣно 1198 ст. I Прод. III кн. I части Св. Воен. Постановленій изложить слѣдующимъ образомъ: изъ открывающихся послѣ каждаго выпуска казенныхъ вакансій половина, а въ случаѣ нечетнаго ихъ числа, одною болѣе, назначается для отличнѣйшихъ воспитанниковъ 1-й, 2-й и Ларинской Санктпетербургскихъ Гимназій и Московскаго Дворянскаго Института; другая же половина для сыновей военныхъ генераловъ и заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ не ниже 4-го класса.

— Четыре низшіе класса Второй Московской Гимназіи раздѣлены на два отдѣленія каждый, съ отнесеніемъ нужныхъ на сей предметъ расходовъ въ текущемъ году на счетъ суммъ гимназіи, а съ 1-го января 1848 года, всего по 3,787 руб. 83 коп. сер. въ годъ на счетъ государственнаго казначейства. При семъ опредѣленнымъ во вторыя отдѣленія добавочнымъ учителямъ предоставлено пользоваться преимуществами, предоставленными учителямъ гимназій, сообразно преподаваемымъ ими предметамъ.

— Высочайше утверждена инструкція начальнику надъ русскими художниками въ Римѣ, которой содержаніе слѣдующее:

I.

Начальнику надъ русскими художниками въ Римѣ подчиняются находящіеся тамъ русскіе художники, какъ пенсіонеры Императорской Академіи Художествъ, такъ и пенсіонеры Царства Польскаго.

II.

Онъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ министра императорскаго двора.

III.

Онъ обязанъ оказывать художникамъ возможное во всѣхъ случаяхъ покровительство; наблюдать за ихъ поведеніемъ и успѣхами, ободряя дарованіе и возбуждая къ трудамъ; доставлять имъ доступъ въ художественныя и ученыя заведенія; знакомить ихъ съ извѣстными художниками, однимъ словомъ, открывать имъ всѣ способы къ ихъ усовершенствованію и нравственному образованію.

IV.

Со всѣхъ письменныхъ наставленій, которыми Академія Художествъ снабжаетъ пенсіонеровъ при отправленіи ихъ за границу, она своевременно доставляетъ копіи къ начальнику художниковъ, для его свѣдѣнія и соображенія.

V.

Если пенсіонеры должны будутъ посѣтить другіе города Италіи, кромѣ Рима, или даже другія государства, то онъ содѣйствуетъ тому всѣми отъ него зависящими средствами, предваряетъ мѣстныя россійскія миссіи и своевременно увѣдомляетъ Академію Художествъ о томъ, когда и куда именно пенсіонеръ выѣхалъ.

VI.

Получая векселя на суммы, слѣдующія пенсіонерамъ, онъ записываетъ

оные въ шнуровую приходо-расходную книгу, доставляемую ему изъ россійскаго посольства въ Римѣ, и выдаетъ по принадлежности съ росписками въ той книгѣ, а сверхъ того и подъ особыя росписки, которыя своевременно препровождаетъ въ Академію.

VII.

Назначенныя ежегодно на художественные заказы двѣ тысячи рублей серебромъ ассигнуются въ завѣдываніе россійскаго посланника въ Римѣ, но заказы на-счетъ сей суммы пенсіонерамъ-художникамъ дѣлаются ихъ начальникомъ, по предварительному сношенію съ Академіею Художествъ. Распредѣляя работы эти, онъ своевременно доноситъ министру императорскаго двора о томъ, кому, что именно и за сколько заказано, и сообщаетъ о семъ же посланнику, изъ канцеляріи котораго и получаютъ художники, по мѣрѣ надобности и назначенію начальника ихъ, слѣдующія имъ суммы, каковыя не должны быть выдаваемы сполна до совершеннаго окончанія работъ.

VIII.

Послику дознано на опытѣ, что художники-пенсіонеры, получая иногда заказы большихъ работъ въ послѣдніе годы пребыванія ихъ за границею, не успѣваютъ оканчивать опыя къ назначенному сроку, то, въ отвращеніе сего, таковые заказы должны быть имъ дѣлаемы за четыре года до времени, опредѣленнаго для ихъ возвращенія въ Россію.

IV.

По окончаніи пенсіонеромъ какой-либо работы, начальникъ художниковъ распоряжается отправленіемъ оной въ Академію Художествъ, о чемъ предварительно оную увѣдомляетъ.

X.

Имѣя возможность знать коротко всѣхъ находящихся въ Римѣ русскихъ художниковъ, ихъ образъ жизни и занятія, онъ внимательно слѣдитъ за ихъ поступками, и въ случаѣ надобности дѣлаетъ имъ надлежащія замѣчанія и внушенія.

XI.

Сюда въ особенности относятся тѣ случаи, когда пенсіонеры правительства, обязанные ему своимъ образованіемъ и удостоенные отъ него заказовъ, не будутъ прилагать должнаго старанія къ возможно-лучшему выполненію оныхъ.

XII.

Если же, противъ чаянія, пенсіонеръ, по лѣности или дурному поведенію, окажется недостойнымъ милостей правительства, то начальникъ надъ художниками, по предварительному сношенію съ посланникомъ, представляетъ министру императорскаго двора о высылкѣ таковаго пенсіонера обратно въ Россію. Само собою разумѣется, что къ сей мѣрѣ слѣдуетъ приступать не прежде, какъ послѣ неоднократныхъ увѣщаній виновному.

XIII.

Въ случаѣ смерти пенсіонера, начальникъ надъ художниками наблюдаетъ, чтобы деньги, вещи и художественныя произведенія умершаго были описаны и сданы въ посольство, для храненія; а опись всему

оставшемуся доставляетъ безъ промедленія въ Академію Художествъ и ожидаетъ ея распоряженій.

XIV.

Въ обстоятельствахъ особой важности и непредвидѣнныхъ, а потому въ сей инструкціи неупомянутыхъ, онъ испрашиваетъ разрѣшенія министра императорскаго двора; въ случаяхъ же, нетерпящихъ отлагательства, дѣйствуетъ самъ, по совѣщанію съ посланникомъ, донеся немедленно о всемъ подробно министру.

XV.

По истеченіи года, онъ представляетъ министру императорскаго двора отчетъ о занятіяхъ, успѣхахъ и поведеніи пенсіонеровъ.

XVI.

Въ случаѣ отсутствія начальника художниковъ изъ Рима, обязанности его переходятъ къ пребывающему тамъ россійскому посланнику.

Промышленость.—Одесскимъ 1-й гильдіи купцамъ Родокопаки, Ралли, Мавро, Ираклиди и Миллiоти дозволено учредить въ Одессѣ морскую страховую компанію подъ названіемъ «Черное Море». Представляемъ краткое извлеченіе изъ Высочайше утвержденнаго устава ея. Срокъ существованія этой компаніи назначается на десять лѣтъ съ тѣмъ, что если она признаетъ удобнымъ продлить свои дѣйствія и послѣ срока, то обязана за шесть мѣсяцевъ до истеченія его испросить установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе правительства на дальнѣйшее свое существованіе. Она имѣетъ цѣлію — обезпеченіе отъ морскихъ опасностей судовъ и грузовъ, отправляемыхъ по черноморской торговлѣ, и будетъ принимать па страхъ, на всякіе рейсы и сроки, всякаго рода грузы, корпуса судовъ, оснастку и такелажъ. По этому страхованію, компанія руководствуется общими правилами о страхованіи морскомъ, Высочайше утвержденными 5-го іюня 1846 года. Капиталъ ея опредѣляется во сто тысячь руб. сер. посредствомъ раздачи двухсотъ акцій, каждая въ пятьсотъ руб. сер.; но можетъ быть увеличенъ еще такимъ же числомъ акцій, по той же цѣнѣ, если явятся желающіе разобрать ихъ. Соотвѣтственно капиталу, компанія обязана снабжать себя ежегодно установленнымъ торговымъ свидѣтельствомъ. Правленіе компаніи будетъ находиться въ Одессѣ, но свои конторы или агентовъ можетъ имѣть въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ. Акціонеры и директоры, въ случаѣ исковъ на компанію, отвѣчаютъ только вкладами своими, и сверхъ-того, личной отвѣтственности, или дополнительному какому-либо платежу, свыше опредѣленнаго за акцію, не могутъ быть подвергаемы по дѣламъ компаніи. Въ случаѣ несостоятельности акціонеровъ по долгамъ казеннымъ или частнымъ, деньги, внесенныя ими за акціи, остаются собственностью компаніи; но акціи, въ его рукахъ находящіяся, какъ личная его собственность, обращаются на удовлетвореніе опредѣленныхъ съ него взысканій, на общемъ законномъ основаніи, вмѣстѣ со всеми причитающимися на нихъ прибылями, которыя въ это время еще не выданы. Всѣ споры по дѣламъ компаніи между акціонерами и между ими и директорами окончательно рѣшаются или въ общемъ собраніи акціонеровъ, если на такой раз-

боръ объ тяжущіяся стороны будутъ согласны, или же узаконеннымъ третейскимъ судомъ. Въ случаѣ закрытія компаніи, правленіе ея, донеся объ этомъ мѣстному начальству и Министерству Финансовъ, и также объявивъ въ вѣдомостяхъ, приступаетъ къ ликвидаціи своихъ дѣлъ по порядку, установленному вообще въ торговыхъ домахъ, и о томъ извѣститъ какъ акціонеровъ, такъ и всѣхъ постороннихъ прикосновенныхъ къ дѣламъ компаніи лицъ. Никто изъ акціонеровъ не можетъ получить обратно никакой части изъ своего капитала, пока отъ компаніи не будетъ внесена въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій сумма, необходимая на уплату всѣхъ ея обязательствъ, если они окажутся. По очисткѣ обязательствъ, правленіе приступаетъ къ удовлетворенію акціонеровъ изъ остающагося въ распоряженіи компаніи имущества.

— Выданы привилегіи: 1) фортепьянному мастеру Лихтенталю на изобрѣтенный имъ музыкальный инструментъ съ поперечными струнами, подъ названіемъ имперіаль. Въ описаніи изъяснено, что этотъ инструментъ имѣетъ съ двухъ сторонъ круглыя выемки, для удобнѣйшаго помѣщенія онаго въ разныхъ мѣстахъ комнаты, и отличается чрезвычайнымъ тономъ и необыкновенною вибраціею резонанса, достигаемаго соединеніемъ формы инструмента съ устройствомъ поперечныхъ струнъ и третьей подставки, помѣщаемой посрединѣ резонанса. Выгоды этого изобрѣтенія, по объясненію Лихтенталя, заключаются въ слѣдующемъ: 1) сжимаемая въ разныхъ направленіяхъ резонансовая доска инструмента подлежитъ гораздо меньшему вліянію сгибающей его силы натянутыхъ струнъ, и слѣдственно несравненно менѣе подвергается порчѣ и перелому. 2) Форма инструмента даетъ возможность дѣлать гораздо крѣпче и плотнѣе деревянный ящикъ, вмѣщающій въ себѣ всю механику и струны инструмента, и по этому подобные инструменты несравненно крѣпче и плотнѣе всѣхъ доселѣ существующихъ; 3) округленная съ обѣихъ сторонъ форма имперіаля граціознѣе формы роялей, и даетъ возможность помѣщать инструментъ во всякомъ направленіи, и слѣдственно лучше меблировать комнату; 4) круглая форма имперіаля, счастливо заимствованная у скрипки и віолончеля, сообщаетъ ему свойство, какъ и этимъ инструментамъ, пріобрѣтать отъ игры на нихъ и времени новыя улучшенія въ тонѣ, вмѣсто того, чтобъ терять свои качества отъ употребленія, что зависитъ отъ правильнаго сотрясенія раската, достигаемаго круглою формою. 5) Форма эта даетъ возможность дѣлать инструменты гораздо болѣе и просторнѣе, увеличивать размѣръ раската, употреблять съ помощію примѣненія поперечныхъ струнъ струны несравненно длиннѣе обыкновенныхъ, располагать ихъ шире одну отъ другой, давать большій кругъ сотрясеніямъ, и такимъ-образомъ достигать силы тоновъ.

— 2) Французскому горному-инженеру Риго де-ла-Ферражъ на новый способъ добыванія освѣтительнаго газа, и

3) Шоколадному фабриканту Флорентину Аганонъ на способъ скораго приготовленія шеколада, названнаго à la Minute. Польза этого изобрѣтенія, по объясненію Аганона, заключается въ быстротѣ производства, дающей возможность понижать цѣну издѣлія.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССІИ.

Статья третья.

Осушка болотъ.

Болотистыя мѣста сѣверо-западной полосы Россіи, покрытыя толстымъ слоемъ растительнаго перегноя, остаются необработанными, между-тѣмъ, какъ осушивъ ихъ отъ стоячей воды, мы имѣли бы новыя пашни, ни въ чемъ не уступающія плодородному чернозему нашихъ степей. Постоянно высокія цѣны на земледѣльческія произведенія и множество судоходныхъ рѣкъ, дѣлаютъ сбытъ въ этой странѣ весьма-удобнымъ. Недовольный скуднымъ вознагражденіемъ неблагодарной почвы, земледѣлецъ не заботится здѣсь объ ея улучшеніи, подъ предлогомъ суроваго климата и худаго грунта земли. Не разсматривая причинъ застоя воды на болотистой почвѣ, онъ признаетъ ее неудобною и оставляетъ безъ употребленія огромное количество перегноя, который вмѣстѣ со стокомъ воды тысячи лѣтъ скоплялся въ это мѣсто. Тучная почва всегда бываетъ покрыта могучимъ лѣсомъ, но земледѣлецъ никогда не изъискиваетъ причинъ, почему тутъ лѣсъ растетъ лучше, чѣмъ на другомъ мѣстѣ, а избираетъ себѣ кормилицей песчаную или глинистую равнину или хребетъ, покрытый корявымъ лѣсомъ. Посмотримъ, что дѣлаютъ наши западные сосѣди, гдѣ климатъ и почва соотвѣтственны нашей сѣверо-западной полосѣ. У нихъ сухія высокія земли или гривы покрыты лѣсомъ, а для пашень и покосовъ избраны осушенныя болота и мѣста, гдѣ прежде росъ самый могучій лѣсъ. Сама природа указываетъ человѣку мѣсто, гдѣ онъ долженъ извлекать трудами богатые дары земли.

Болота бываютъ двухъ родовъ: доступныя къ осушкѣ и недоступныя. Недоступныя къ осушкѣ болота суть тѣ, которыя лежатъ между озерами, возлѣ рѣкъ или морей, наравнѣ съ ихъ уровнемъ воды. Доступныя къ осушкѣ болота лежатъ выше уровня окружающихъ ихъ рѣкъ, озеръ или морей. Удобныя къ осушкѣ болота можно осушить двоякимъ образомъ: 1) посредствомъ разрытія земляныхъ гривъ и 2) посредствомъ буравленія подпочвы.

Болота, удобныя къ осушкѣ, образуются отъ стока въ равнины дождевой и снѣжной воды, которая увлекаетъ съ собою съ высокихъ мѣстъ всѣ остатки растительнаго перегноя. Плотная глинистая почва этихъ мѣстъ не допускаетъ водѣ просачиваться. Болота бываютъ окружены земляными гривами, которыя препятствуютъ стоку воды (тарелка, наполненная землею, въ которую мы постоянно будемъ подливать воды, представитъ истинное подобіе бо̀льшей части нашихъ болотъ. Сколько бы тутъ ни бороздили землю, вода не будетъ стекать, покуда не пробьемъ края тарелки или не просверлимъ ея дна. Въ послѣднемъ случаѣ не нужно и бороздъ, потому-что вода сама-собой просочится сквозь землю); формація большой части нашихъ болотъ очень проста и однообразна: скопленіе воды образуетъ озера, потомъ озера эти заростаютъ травою и образуютъ вязкую массу перегноя, получающаго отъ окисленія буроватый цвѣтъ. Нѣкоторые хозяева пытались осушить болотистыя мѣста, прорѣзывая ихъ лѣтомъ, когда они осыхаютъ, канавами, но видя, что канавы постоянно наполняются водою, бросали свою работу. Другіе, устрашенные неуспѣшными попытками своихъ сосѣдей, рѣшили, что болотъ осушать не сто̀итъ, и что труды и издержки, употребленные на осушку, не вознаградятся ожидаемыми въ будущности выгодами.

Пусть каждый хозяинъ, весною, во время стока снѣжной воды, замѣчаетъ, гдѣ вода по излишеству своему переливается черезъ земляную гриву. Замѣченныя мѣста должно тотчасъ обозначить кольями и когда земля высохнетъ, не рыться въ тинѣ, но прокопать только земляную гриву до основанія болота, затѣмъ, прокопавъ продольные и поперечные рвы, довершить средства къ стоку воды.

Если это болото, которое до-сихъ-поръ считали неосушаемымъ, зависѣло отъ задержанія стока воды гривами, то въ такомъ случаѣ оно совершенно осушится.

Въ жаркіе лѣтніе дни сжечь наросшій на болотѣ мохъ и запахать тотчасъ оставшуюся на поверхности его золу, которая вмѣстѣ съ атмосферою будетъ содѣйствовать уничтоженію въ почвѣ вредной кислоты. Передайте подобнымъ образомъ осушенное и обработанное болото бѣдному крестьянину, и онъ броситъ свою

прежнюю неблагодарную почву, *благословляя* того, кто осушилъ непроходимое болото и превратилъ его въ плодородное поле. Подражая нашимъ западнымъ сосѣдямъ, слѣдуетъ на тощихъ сухихъ мѣстахъ производить *ирригацію* (искусственное наводненіе), и воду, которая тысячи лѣтъ дѣлала эту почву неплодотворною, употребить на пользу произрастеній.

Помѣщикъ, стремясь къ улучшенію хозяйства въ сѣверо-западной полосѣ Россіи, буквально подражаетъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ только въ улучшеніи земледѣльческихъ орудій, не разсматривая почвы, надъ которою онъ тщетно трудится. Подобнаго помѣщика можно сравнить съ домовладѣльцемъ, котораго домъ построенъ на шаткомъ фундаментѣ. Чтобъ исправить основную ошибку и дать болѣе цѣнности своей постройкѣ, онъ украшаетъ ее снаружи, и не смотря на то, что онъ каждый годъ замазываетъ только образовавшіяся трещины и исправляетъ кривизну стѣнъ, постройка его остается въ первобытномъ положеніи и расходы никогда не покрываются доходами.

Чтобъ улучшить хозяйства, лежащія въ подобныхъ мѣстахъ, слѣдуетъ приступить къ совершенному ихъ преобразованію и тѣмъ лишиться первые годы нѣкоторой части дохода. Приступая къ переобразованію, необходимо изслѣдовать всю почву. Подъ поля избрать мѣста съ твердою подпочвою, недопускающею просачиванія перегноя, перерыть мѣста, препятствующія стоку воды, сжечь всякое тунеядное растеніе и корни, за тѣмъ распахать землю, оплодотворить ее навозомъ, а старыя поля засѣять лѣсомъ. Изъ лѣсистыхъ мѣстъ избрать подъ пашню тѣ мѣста, на которыхъ ростетъ частый и могучій лѣсъ, потому-что подобныя мѣста указываютъ плотную подпочву и сильную почву, способную вознаграждать труды земледѣльца. Вотъ правила, которыя могутъ служить основаніемъ хорошаго хозяйства.

Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ часто встрѣчаются ямы, глубиною отъ 3 до 4 аршинъ и болѣе, въ которыхъ съ необыкновеннымъ стремленіемъ исчезаетъ дождевая и снѣжная вода, но въ сухое время нельзя отъискать никакихъ подземныхъ ходовъ. Это именно обстоятельство подало мнѣ мысль, что, подражая природѣ, можно сдѣлать искусственные водостоки, если пробить плотную подпочву. Эту мысль въ первый разъ я осуществилъ въ моемъ саду въ Тульской-Губерніи, на днѣ пруда, который высохъ въ сухое лѣто 1836 года. Потомъ всѣ усилія уничтожить водостокъ оказались тщетными, и не смотря на трамбовку, вода исчезала довольно-быстро, такъ-что я долженъ былъ превратить въ огородъ лощину, на которой прежде находился прудъ.

Въ слѣдующемъ 1837 году, лѣтомъ, проѣзжая Минскую-Губернію, я былъ приглашенъ осмотрѣть одно большое имѣніе, которое давало ничтожный доходъ. Не смотря на большое пространство земли, крестьяне жаловались на малоземельность. Болѣе 23,000 десятинъ земли не могли пропитать 3000 ревизскихъ душъ. Причина тому была слѣдующая: болото, занимающее около 12,000 десятинъ, по случаю твердой подпочвы, не допускало стока дождевой и снѣжной воды, и питало слой мха, наросшій болѣе аршина толщины. Я нигдѣ не могъ открыть стока воды для осушки болота, потому-что оно было окружено хрящеватою возвышенною поляною, простирающеюся на четыре версты протяженія. На этой полянѣ росъ негодный лѣсъ, и землю нельзя было употреблять подъ пашню, потому-что рыхлая подпочва какъ сито пропускала всякую влагу и увлекала въ нѣдра земли весь растительный перегной. На этой безплодной землѣ, 3000 душъ съ трудомъ доставали насущный хлѣбъ, а подать и оброкъ выручали съ коряваго лѣса, изъ котораго они жгли уголья и гнали смолу и деготь. Къ осушкѣ этого болота, имѣющаго толстый слой перегноя, приступлено было слѣдующимъ образомъ: сдѣланъ былъ деревянный срубъ въ полтора аршина въ поперечникѣ; онъ опускался по мѣрѣ выноски изъ-подъ него земли. Сначала, разрыли на одинъ аршинъ толщины слой мха, потомъ, около двухъ съ половиною аршина слой буроватой слизистой земли, образовавшейся отъ перегнившаго мха; эту землю черпали ковшами. На четвертомъ аршинѣ, почувствовали глинистый грунтъ, перемѣшанный съ мелкимъ известнякомъ; тутъ работа сдѣлалась труднѣе, потому-что отъ неплотности звеньевъ сруба въ щели проходила вода. Законопативъ щели въ срубѣ и устроивъ въ одномъ изъ угловъ его насосъ, стали прорубать твердую почву, и чѣмъ глубже срубъ уходилъ въ землю, тѣмъ встрѣчался каменистѣе и крѣпче грунтъ. На шестомъ аршинѣ наткнулись на иловатую, сѣро-синеватую глину, а на одиннадцатомъ аршинѣ на сыпучій песокъ, на двѣнадцатомъ аршинѣ изъ сруба внезапно исчезла вода: онъ обсохъ. Законопативъ и засмоливъ срубъ тщательно, засыпали его крупнымъ рѣчнымъ пескомъ и сдѣлали около него насыпь для стока воды. Пробивъ такимъ образомъ твердую подпочву, удерживавшую досихъ-поръ воду, устроили искусственный водостокъ.

Въ томъ же году, хозяинъ устроилъ своими рабочими еще четыре подобныхъ водостока, которые всѣ были наполнены пескомъ и съ необыкновеннымъ стремленіемъ увлекали воду въ нѣдро земли. Въ 1840 году, я встрѣтилъ владѣльца помянутаго имѣнія: онъ благодарилъ меня за совѣтъ, и говорилъ, что онъ нашелъ способъ, посредствомъ землянаго бурава, гораздо проще осушать боло-

та, нежели ставить срубы. Буравя подпочву, онъ ставилъ временно желѣзныя трубы въ полтора фута въ поперечникѣ, набивалъ ихъ рѣчнымъ пескомъ и около нихъ дѣлалъ бассейны для стока воды. Эти бассейны образовали стоячіе прудки, которые въ теченіе лѣта высыхали, что доказываетъ превосходство водостоковъ, постоянно просачивающихъ воду. Такимъ образомъ предпріимчивый и умный помѣщикъ въ короткое время успѣлъ осушить болѣе 500 десятинъ, которыя даютъ ему теперь обильный урожай пшеницы. Испытавъ такимъ образомъ два раза дѣйствительность описаннаго здѣсь способа осушки болотъ, я смѣло предлагаю его, какъ вѣрнѣйшее средство осушать тѣ болота, которыя по широкому разстоянію земляныхъ гривъ не могутъ быть осушены посредствомъ прокапыванія ихъ.

Статья четвертая.

Сѣвооборотъ для сѣверо-западной полосы Россіи.

Сѣвооборотъ. Когда выборъ земель сдѣланъ и почва удобрена, тогда можно приступить къ приличному сѣвообороту. Условія его должны быть слѣдующія: а) чтобъ онъ соотвѣтствовалъ сбыту и цѣнности произведеній; б) чтобъ растенія его были свойственны климату и почвѣ; в) чтобъ перегной въ избыткѣ вознаграждалъ производительную силу почвы. Гдѣ нѣтъ луговъ, или ихъ мало, тамъ основать искусственные луга; гдѣ есть природные луга, тамъ надо ихъ улучшить.

Сѣвооборотъ, свойственный сѣверо-западнымъ сторонамъ Россіи, есть слѣдующій:

1) *Паровое поле*, съ полнымъ и достаточнымъ удобреніемъ и тщательною обработкою. Глинистое поле должно быть не менѣе четырехъ разъ вспахано. На немъ засѣять рожь.

2) *Ржаное поле.* По снятіи ржи, вспахать жниво подъ картофель.

3) *Картофель*, который долженъ при посадкѣ получить вторичное удобреніе въ бороздахъ.

4) *Яровое поле.* Съ посѣвомъ ячменя или овса съ клеверомъ. На низменныхъ мѣстахъ сѣять ленъ.

5) Клеверъ съ тимоѳеевой травой для посѣва.

6) Тоже для покоса.

7) Тоже для пастбища съ осенней перепашкою и засѣвомъ ржи.
8) Рожь.
9) Овесъ.

Вотъ сѣвооборотъ, большею частію свойственный сѣверо-западной полосѣ, за исключеніемъ хозяйствъ, лежащихъ близъ столицъ и большихъ городовъ. Послѣднія хозяйства, по разности цѣнъ и сбыта произведеній, не могутъ подойдти подъ это опредѣленіе.

Основательный недостатокъ нашихъ сѣверо-западныхъ хозяйствъ есть неправильное назначеніе мѣстъ для пашни. Большею частію ихъ выбираютъ по удобству мѣстности, не обращая вниманія на почву и подпочву земли.

Устроивъ такимъ-образомъ совершенное переобразованіе въ коренныхъ правилахъ хозяйства, мы можемъ приступить къ подражанію нашимъ западнымъ сосѣдямъ въ улучшеніи земледѣльческихъ орудій, въ устройствѣ щегольскихъ хозяйственныхъ построекъ и прочихъ мелочныхъ затѣй, за которыя мы брались досихъ-поръ охотнѣе, потому-что они удобопонятнѣе для нашихъ поверхностныхъ хозяйственныхъ познаній.

1) *Какимъ образомъ превратить осушенное болото въ пашню, и какъ приступить къ правильному сѣвообороту.*

Спустивъ изъ болота всю воду посредствомъ прорытія земляной гривы или пробуравливанія дна, нужно прорыть продольные и поперечные рвы, направивъ ихъ къ истоку воды. Глубина рвовъ должна соотвѣтствовать волнистости почвы такъ, чтобъ остальная вода могла свободно истекать со всѣхъ мѣстъ, по-крайней-мѣрѣ на полтора аршина ниже предполагаемаго уровня пашни. Для того, чтобъ рвы не осыпались, ихъ обыкновенно роютъ сверху вдвое шире противъ ихъ глубины, такъ-что снизу они сходятся тупымъ угломъ. Вынимаемую изъ рвовъ землю не должно выбрасывать на берега, потому-что тяжестью своею она сожметъ рыхлую почву и тѣмъ будетъ препятствовать какъ стоку воды, такъ и просачиванію сквозь почву всякой влаги; должно свозить ее въ конусы и въ-послѣдствіи разсыпать по полямъ въ видѣ удобренія.

Осушивъ такимъ-образомъ болотистую почву, въ жаркій лѣтній день жечь съ подвѣтренной стороны высохшій мохъ; недогорѣвшій же собрать въ кучи. Послѣ пожарища необходимо запахать тотчасъ пашню, для того, чтобъ не сдуло вѣтромъ оставшуюся золу съ приготовляемаго подъ пашню болота, и потомъ уже дать землѣ полную паровую обработку. При этомъ должно стараться сберегать золу, которая, удобряя землю, уничтожаетъ находящуюся въ болотистой почвѣ кислоту. Приготовляемая подъ пашню осушенная поляна должна быть непремѣнно вспахана четыре раза въ-продолженіе лѣта и заборонована три раза. Послѣ четвертой за-

пашки, которая произойдетъ уже поздно осенью, должно оставить землю на зиму въ бороздахъ. Для того, чтобъ мохъ перегнилъ, слѣдуетъ зимою собрать мелкія кучи его въ большія четвероугольныя кучи, или свезти на подстилку въ скотные дворы.

Съ наступленіемъ весны размѣшать землю, выбранную изъ канавъ, взборонoвать пашню, вспахать ее и по вспаханнымъ бороздамъ засѣять ленъ.

На второй годъ по снятіи льна, приготовленной землѣ дать полную паровую обработку и тогда она должна поступить подъ засѣвъ ржи, слѣдуя вышеупомянутому сѣвообороту.

Въ первые годы, на осушенной почвѣ урожаи будутъ весьма неудовлетворительны по причинѣ содержащейся въ землѣ кислоты. Скорость уничтоженія кислоты зависитъ отъ количества золы, которая впашется въ почву, а также и отъ доступа къ почвѣ воздуха.

2) *Какую землю слѣдуетъ выбирать подъ пашню въ сухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ, и какъ приготовлять пашню?*

При выборѣ такой земли обращать болѣе вниманія на подпочву, нежели на поверхность земли. Легко оплодотворить песчаную равнину съ твердою подпочвою, но на землѣ съ рыхлою подпочвою, при самыхъ благопріятныхъ наружныхъ ея видахъ, труды земледѣльца постоянно останутся неудовлетворительными.

Почву, благопріятную для произрастанія хлѣба, указываетъ густой прямостойный лѣсъ, растущій высоко и не пускающій большихъ боковыхъ сучьевъ. Лѣсъ корявый, рѣдкій, котораго стволы покрыты мхомъ, особенно растущій въ сучья, обыкновенно указываетъ рыхлую подпочву.

При общемъ обозрѣніи земли, ростъ деревьевъ и кустарниковъ, на ней находящихся, ихъ сила, здоровье, высота ихъ вѣтвей, чистота ихъ коры, суть одни изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ хорошей почвы.

Преимущественно должно стараться выбирать мѣста, на которыхъ ростетъ ольха и осина, а избѣгать тѣхъ, гдѣ почва покрыта верескомъ, можжевельникомъ, корявою сосною и елью. Въ сѣверозападной полосѣ Россіи на отличной почвѣ въ особенности ростутъ липовые и мѣстами дубовые лѣса.

Выбравъ по виду растеній удобнѣйшее мѣсто для пашни, необходимо послѣ того удостовѣриться, дѣйствительно ли его подпочва твердая. Для этого нужно прорывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землю до материка, или производить опыты ручнымъ землянымъ буравомъ. Если все соотвѣтствуетъ желанію хозяина, то осенью можно приступить къ выкарчиванію лѣса. Для этого надобно подрубить побѣги корней, подкопать корень вмѣстѣ съ тѣмъ и качать

дерево за вершину, покуда оно не повалится. Зимою очистить всѣ деревья отъ сучьевъ, вывезти крупный лѣсъ, мелкій же и сучья связать въ пучки и сложить въ штабели.

Весною, когда по сырости земли еще нельзя приступить къ распашкѣ полей, вспахать очищенную землю. Собранный на пашнѣ хворостъ положить параллельными грядами, потомъ собрать дернъ и покрыть имъ каждый пукъ хворосту. Какъ скоро дернъ высохнетъ, сжечь его съ подвѣтренной стороны и немедля перепахать землю въ другой разъ, чтобъ вѣтромъ не снесло золы. Послѣ того выборновать желѣзными боронами, очистить пашню отъ крупныхъ каменьевъ и осенью вспахать землю въ третій разъ, оставивъ ее на зиму въ бороздахъ. Весною выборонoвать, вспахать въ четвертый разъ, засѣять ячмень, запахать, заборонить и укатать.

Въ слѣдующій годъ дать пашнѣ полную паровую обработку съ сильнымъ удобреніемъ и засѣять рожь, слѣдуя показанному выше сѣвообороту.

3) *Какъ выбирать землю на выгонныхъ и полянныхъ высокихъ мѣстахъ?*

При распашкѣ выгонныхъ мѣстъ и высокихъ полянъ, не покрытыхъ лѣсомъ, наблюдать также, чтобъ была твердая подпочва, безъ которой не приступать къ распашкѣ земли.

Хорошую почву также могутъ показывать и травы, свободно растущія на поляхъ, даже и вредныя, но изрѣдка встрѣчающіяся и растущія во множествѣ и сильно; такъ *полевая серпуха* (serratula arvensis) означаетъ почву иловатую, сильную и плодовитую; *бѣлокопытникъ котовый* (tussilago petasites) почву глинистую, *бѣлокопытникъ обыкновенный* (tussilago farfara) и ежевика (rubur fructicosus) землю рухляково-иловатую; *макрица средняя* (alsine media), *молочайникъ* (sonchus oleraceus) и *полевая горчица* (sinapis arvensis) ростутъ на земляхъ рыхлыхъ и сильныхъ; напротивъ, хрѣнъ (raphanus raphanistrum) ростетъ хорошо и на земляхъ тощихъ и сухихъ; *медунка хмѣлевая* (люцерна, medicago lupulina) есть весьма-хорошій признакъ земли, содержащей рухлякъ. Сила роста травъ, по которому оцѣнщики имѣній дѣлаютъ свои заключенія, есть очень-невѣрный признакъ, потому-что онъ часто зависитъ или отъ предшествовавшей влажной погоды, или отъ свѣжаго назема, а иногда и отъ худаго состоянія хлѣбныхъ посѣвовъ.

Снявъ сохою съ этихъ мѣстъ дернъ, сложить его въ кучи, переложить навозомъ и пересыпать известкою, если она есть. Потомъ дать землѣ полную паровую обработку, а черезъ годъ разсыпать по ней искусственный компостъ съ сильнымъ удобреніемъ и, запахавъ, приступить къ засѣву ржи, слѣдуя принятому сѣвообороту.

Тяжелую и глинистую почву полезно удобривать, кромѣ навоза, мергелемъ, который обыкновенно находится въ такихъ мѣстахъ подъ материкомъ. Онъ имѣетъ видъ плотной кусковатой коричневой глины. Бѣловатые крапины на мергелѣ показываютъ, что онъ сильно напитанъ известью. Присутствіе извести въ мергелѣ легко узнать можно, наливъ на него кислоты, отъ примѣси которой онъ шипитъ и силою шипѣнія указываетъ количество содержащихся въ немъ известковыхъ частей. По недостатку мергеля, для удобриванія почвы можно употреблять жженую известь, которая производитъ то же дѣйствіе, т. е. содѣйствуетъ разложенію вязкихъ глинистыхъ частей.

4) Какъ запускать подъ лѣсъ оставленныя пашни?

Высокія сухія мѣста, большею частію употребляемыя подъ пашню у нашихъ сѣверо-западныхъ соотечественниковъ, по мѣрѣ избранія новыхъ полей слѣдуетъ оставлять подъ ростъ лѣса. Подъ осень, по снятіи послѣдняго хлѣба, надо эти мѣста вспахать и оставить въ бороздахъ. Поля засѣются сами отъ близъ-лежащихъ лѣсовъ, а если въ близости ихъ нѣтъ, то надо засѣвать поля сосновыми и еловыми шишками, т. е. сажать ихъ какъ картофель, не скучивая, такъ, чтобъ онѣ находились не болѣе, какъ на 1 вершокъ подъ землею. Въ первыя 10 лѣтъ не пускать на эти мѣста скотъ, потому-что онъ уничтожаетъ всѣ молодые побѣги и тѣмъ дѣлаетъ трудъ неуспѣшнымъ.

Разсмотримъ теперь настоящее положеніе скотоводства въ сѣверо-западной полосѣ Россіи.

Число рогатаго скота бываетъ случайное и рѣдко соотвѣтствуетъ количеству корма и требуемому для пашни удобренію. Скотъ помѣщается зимою въ низкихъ и тѣсныхъ хлѣвахъ, содержится большею частію на овинной соломѣ, со скудною прибавкою дурнаго сѣна. Съ начала зимы его кормятъ безъ всякаго разсчета, такъ-что къ веснѣ происходитъ ощутительный недостатокъ корма. Весною, тощій скотъ поднимаютъ на рукахъ съ его логовища, и онъ, едва переступая, отправляется въ лѣсъ на подножный кормъ. Какого улучшенія ожидать отъ подобнаго содержанія? Теленокъ родится уродомъ; при самомъ рожденіи, онъ уже не удовлетворяется вполнѣ пищею; растетъ медленно, и лишь-только начнетъ чувствовать нѣкоторыя силы, какъ снова истощается на скудномъ кормѣ. При подножномъ содержаніи, скотъ даетъ молока мало, приплодъ его незначителенъ, навозъ худой, потому-что броженіе его прекращается съ зимнимъ морозомъ; въ теплыхъ коровникахъ, отъ недостатка подстилки, скотъ по колѣни вязнетъ въ навозной жижѣ.

Овцеводство. Число овецъ чрезвычайно-малое съ грубою и рѣдкою шерстью. Онѣ содержатся такъ же, какъ и рогатый скотъ,

съ тою только разницею, что во время ягненія овца помѣщается въ избѣ, подъ палатями, и на то время дѣлается постоялицею своего хозяина, котораго едва обуваетъ своею шерстью. Тонкорунныя овцы очень-рѣдки. Только въ остзейскихъ губерніяхъ онѣ заведены въ довольно-большомъ числѣ и приносятъ владѣльцамъ большія выгоды. Овцеводство въ этихъ мѣстахъ идетъ довольно-успѣшно; но, не смотря на то, что овецъ содержатъ по всѣмъ правиламъ содержанія овецъ въ Саксоніи, смертность ихъ велика отъ множества болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ.

Птицеводство совершенно въ упадкѣ; оно не подведено ни подъ какую систему и ходъ его вполнѣ предоставленъ случаю. Доходъ, получаемый отъ птицеводства, ничтоженъ въ сравненіи съ расходами, употребляемыми на его содержаніе.

Свиноводство. Свиней держатъ при имѣніяхъ только для домашняго обихода. На свинью хозяинъ обращаетъ вниманіе только тогда, когда приходится откармливать ее на убой.

Выборъ рода содержимаго скота опредѣляется частію по качеству земли, частію по мѣстнымъ выгодамъ, получаемымъ отъ разныхъ домашнихъ животныхъ. Въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ слѣдуетъ заводить рогатый скотъ, въ особенности если цѣны на мясо, масло и сыръ высоки. Близъ городовъ выгодно держать дойныхъ коровъ, а на сухихъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ мясо не имѣетъ цѣны и климатъ не такъ суровъ, тонкорунныхъ овецъ, которыя доставляютъ болѣе выгодъ, чѣмъ другаго рода домашнія животныя. Въ такихъ мѣстахъ выгоднѣе разводить овецъ, потому-что онѣ находятъ достаточный кормъ на поляхъ, едва покрытыхъ былинками, и требуя менѣе роскошнаго корма зимою, менѣе подвергаются болѣзнямъ. Овцы удобно размножаются и безспорно одною шерстью вознаграждаютъ съ избыткомъ всѣ употребленные на содержаніе ихъ расходы.

Какого рода ни содержалось бы скотоводство, оно необходимо для успѣшнаго хода хозяйства, потому-что доставляетъ ему для земли удобреніе, а безъ удобренія полей хозяйство, по истеченіи нѣкотораго времени, приходитъ въ такой упадокъ, что не вознаграждаетъ трудовъ хозяина.

Если судить по наружности, то кажется, что наши хозяева еще не постигли этой истины. Правда, они вывозятъ на поле весь навозъ, скопившійся въ зиму на скотномъ дворѣ и въ конюшнѣ, но этотъ навозъ такъ бѣденъ качествомъ и количествомъ, что его едва достаетъ на слабое удовлетвореніе какого-нибудь десятка десятинъ.

Чтобъ скотоводство было успѣшно, необходимо наблюдать слѣдующія правила: а) уничтожить овинную сушку хлѣбовъ до вымолачиванія ихъ, потому-что солома, проникнутая дымомъ, высы-

хаетъ до того, что дѣлается хрупкою и теряетъ бо́льшую часть своей питательной силы. Объ особаго рода овинахъ и молотильныхъ сараяхъ, въ которыхъ вымолоченное зерно сушится впрокъ, а солома въ сыромъ видѣ переходитъ въ кормъ скоту, будетъ сказано подробно въ отдѣльныхъ статьяхъ; б) число скота, оставляемаго на зиму, хозяинъ долженъ опредѣлить осенью по количеству корма въ хозяйствѣ, то-есть, сѣна, картофеля и соломы, а гдѣ есть винокуренные заводы, по количеству барды. Однимъ-словомъ: хозяинъ долженъ разсчитать, чтобы скотъ содержался въ избыткѣ до подножнаго корма, и в) хлѣва и коровники должны быть теплые, чтобъ навозъ успѣлъ перепрѣть, а скотъ постоянно находился въ нихъ въ температурѣ не менѣе 3° тепла. Голландскіе коровники удобнѣе всѣхъ другихъ, до-сихъ-поръ мнѣ извѣстныхъ, и потому преимущественно передъ другими совѣтую заводить ихъ. Подобный коровникъ устроенъ на мызѣ «Ново-Лисино», каммергеромъ Вонлярскимъ, въ восьмнадцати верстахъ отъ Павловска.

О скотоводствѣ будетъ сказано подробнѣе въ отдѣльной статьѣ, гдѣ будетъ описанъ и голландскій коровникъ съ планомъ.

Каждый владѣлецъ имѣнія, въ которомъ устроены теплые хлѣва и находится достаточное количество корма, можетъ разсчесть, по получаемымъ доходамъ, что̀ выгоднѣе держать ему, овецъ или рогатый скотъ. Если десять овецъ при соотвѣтствующей имъ мѣстности дадутъ болѣе дохода, нежели одна корова, то овца неоспоримо будетъ имѣть преимущество.

Близость столицы совершенно измѣняетъ систему хозяйства. Тутъ предстоятъ два рода хозяйства: въ одномъ, гдѣ можно добывать удобреніе внѣ имѣнія, изъ постороннихъ источниковъ, на-примѣръ, покупкою изъ города, тамъ выгоднѣе разводить и продавать для дохода одно сѣно; въ другомъ, гдѣ хозяйство должно имѣть удобреніе у себя въ имѣніи, необходимо держать молочныхъ коровъ и весь доходъ долженъ быть основанъ на продажѣ молока и сливокъ.

Въ хозяйствахъ перваго рода, близъ столицы лежащихъ, должно обращать особенное вниманіе на искусственные луга, засѣвать ихъ клеверомъ и тимоѳеевою травою. Считаю излишнимъ описывать этого рода хозяйство. Живущимъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ совѣтую осмотрѣть превосходную ферму генерал-лейтенанта барона Шлиппенбаха, устроенную на 6-й верстѣ по шлиссельбургской дорогѣ. На этой фермѣ осуществлено все, что̀ можетъ произвести наука, приспособленная къ долголѣтней практикѣ. Никакое описаніе не въ состояніи передать того, что̀ совершенное знаніе мѣстности, климата и науки произвело здѣсь на дѣлѣ.

Другаго рода хозяйство есть молочное, которое съ выгодою мо-

жно завести не далѣе 40-верстнаго разстоянія отъ столицы. Въ этомъ хозяйствѣ все производство земли употребляется на содержаніе коровъ, а доходъ извлекается сливками и молокомъ.

Осматривая въ прошедшее лѣто ферму Пріютино, принадлежащую надворному совѣтнику Адаму, я былъ изумленъ этимъ хозяйствомъ.

Все хозяйство г. Адама доказываетъ глубокое познаніе теоріи сельскаго хозяйства, примѣненной къ практикѣ. Его заботливостію и познаніями цѣнность имѣнія удесятерилась. Всякому, желающему завести у себя правильное, хорошее молочное хозяйство, совѣтую подражать г. Адаму. Видѣть его ферму чрезвычайно удобно, потому-что Пріютино лежитъ по дорогѣ къ пороховымъ заводамъ на 12 верстѣ отъ Санктпетербурга.

Приводя въ примѣръ ближайшимъ отъ столицы владѣльцамъ эти два совершенныя хозяйства, смѣло могу сказать, что, видя ихъ, не остается ни въ чемъ подражать иностранному.

БАРОНЪ ѲЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

—

О НАГРАДАХЪ, ПРЕДЛАГАЕМЫХЪ ЗА ХОЗЯЙСТВЕННО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ ОПИСАНІЯ ГУБЕРНІЙ И УѢЗДОВЪ РОССІИ.

Мѣрамъ къ улучшенію отечественнаго сельскаго хозяйства должно служить основаніемъ приведеніе въ ближайшую извѣстность настоящаго положенія этой отрасли народной промышлености во всѣхъ частяхъ Россіи.

Постоянно дѣйствуя въ этомъ направленіи, Ученый Комитетъ не могъ упустить изъ вида одно, по его мнѣнію, весьма-важное средство къ раскрытію настоящаго положенія нашего хозяйства, а именно—возбужденіе въ частныхъ лицахъ соревнованія въ доставленіи министерству нужныхъ для него свѣдѣній, и вслѣдствіе сего, съ разрѣшенія его сіятельства господина министра государственныхъ имуществъ, приглашаетъ желающихъ—доставлять въ комитетъ хозяйственно-статистическія описанія губерній и уѣздовъ Россіи на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Сочиненіе можетъ относиться къ одному или къ нѣсколькимъ уѣздамъ, или же къ цѣлой губерніи, и наконецъ можетъ имѣть предметомъ нѣсколько губерній вмѣстѣ. Естественно, что изъ двухъ сочиненій, одинаково хорошо написанныхъ, то, которое относится къ болѣе обширной мѣстности, будетъ имѣть право и на большее отличіе.

2) Порядокъ расположенія предметовъ и степень подробности изложенія предоставляются на усмотрѣніе сочинителя; но необходимо, чтобъ сочиненіе обнимало всѣ существенные предметы, входящіе въ составъ хозяйственно-статистическаго изображенія страны. При семъ комитетъ счелъ полезнымъ приложить программу для сего рода сочиненій, не ставя, однакожь, необходимымъ условіемъ, чтобъ сочиненія непремѣнно были расположены по сей про-

граммѣ, а полагая только, что для нѣкоторыхъ она можетъ служить къ облегченію работы и къ поясненію предметовъ, на которые должно быть обращено особенное вниманіе.

3) Численныя показанія, относящіяся къ пространству земли, къ народонаселенію, и т. п., собраніе которыхъ возможно только правительству, не ставятся въ непремѣнное условіе означенныхъ сочиненій; но въ томъ случаѣ, еслибъ авторъ пожелалъ придать своему труду большую полноту включеніемъ и сего рода показаній, непремѣннымъ условіемъ полагается, чтобъ при каждомъ числовомъ свѣдѣніи было указано, откуда оно взято, или на чемъ основано, и къ какому году относится.

4) За сочиненія, которыя будутъ комитетомъ найдены вполнѣ удовлетворительными, назначается первостепенная награда—золотая медаль въ 300 р. с.

Труды, которые наиболѣе приблизятся къ требованіямъ сего рода сочиненій, будутъ награждаемы золотыми медалями второй величины, въ 150 р. с.

Наконецъ сочиненія, не соотвѣтствующія предложеннымъ условіямъ, но признанныя почему-либо примѣчательными, будутъ удостоиваемы серебряныхъ медалей и почетныхъ отзывовъ.

Сочиненія, удостоенныя награды, могутъ быть печатаемы министерствомъ на свой счетъ, и въ такомъ случаѣ 300 экземпляровъ предоставляются безденежно въ пользу автора, который притомъ не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній.

5) Сочиненія печатныя или представленныя въ рукописи, но прежде гдѣ-либо напечатанныя, къ соисканію не допускаются; равнымъ образомъ не могутъ быть допущены къ соисканію сочиненія, представленныя съ подобною же цѣлію куда-либо, кромѣ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

6) Срокомъ для присылки сочиненій назначается 1-е іюля 1849 г.

Каждая рукопись имѣетъ быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на обертке приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей имя, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, неудостоенныя наградъ, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, но не иначе, какъ по объявленіи избраннаго имъ девиза.

Если, по истеченіи года, авторъ такого сочиненія не объявитъ желанія получить оное обратно, то записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета.

ПРОГРАММА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ.

I. Физическія свойства страны.

Земля. Общій характеръ мѣстности; наружный видъ земли; равнины, горы, долины, съ объясненіемъ вліянія этихъ условій мѣстности на климатъ и хозяйственныя отношенія.—Почва и подпочва, и вліяніе ихъ на растительность.

Воды. Рѣки: сплавныя и судоходныя: рѣчки, ключи, озера, болота.—Выгодное или невыгодное вліяніе оказываетъ на хозяйство естественное распредѣленіе водъ.—Искусственныя водохранилища, запруды, колодцы и проч.

Климатъ. Степень холода и тепла; средняя температура цѣлаго года и каждаго мѣсяца въ особенности.—Наблюденія надъ временемъ цвѣтенія извѣстныхъ растеній, и временемъ опаденія листьевъ на деревьяхъ.—Общія замѣчанія о вліяніи климата на хозяйство, а равно на здоровье человѣка и животныхъ.

II. Жители и ихъ хозяйственный бытъ.

Общее число жителей. Раздѣленіе ихъ, по занятіямъ, на земледѣльцевъ, промышлениковъ и торговцевъ; число лицъ другихъ сословій, не занимающихся указанными отраслями промышлености.—Раздѣленіе жителей по племенамъ; вліяніе племенныхъ условій на хозяйство.—Распредѣленіе жителей по пространству: отношеніе общаго числа жителей къ поверхности земли; мѣста наибольшей и наименьшей населенности. Изъ какихъ сословій состоитъ классъ собственно земледѣльческій: крестьяне государственные, удѣльные, помѣщичьи и пр.

Физическое состояніе рибочаго класса: здоровье, крѣпость силъ, господствующія болѣзни и проч.

Нравственное состояніе рабочаго класса: образованность, распространеніе грамотности, господствующія добродѣтели и пороки, мѣстные предразсудки, суевѣрія и проч.

Хозяйственный бытъ жителей: способы пользованія землею. — Число владѣльцевъ, живущихъ въ имѣніяхъ; способы управленія помѣщичьими имѣніями. — Движеніе поземельной собственности: въ какомъ количествѣ и какъ часто продаются недвижимыя имущества. — Продажныя цѣны земли. — Округлость или чрезполосность дачъ.—Какимъ образомъ пользуются государственные крестьяне предоставленными имъ землями: дѣлятъ ли по душамъ, какъ часто, и проч.—Помѣщичьи крестьяне: издѣльные, оброчные, мѣ-

сячники и проч. — Обработка земли наемными работниками. — Наемная цѣна земли, а равно плата годовая, мѣсячная, поденная или задѣльная работникамъ-земледѣльцамъ. — Приливъ и отливъ рабочаго класса. — Переходъ крестьянъ въ другія сословія. — Повинности, лежащія на земледѣльческомъ классѣ. — Вліяніе всѣхъ вышеозначенныхъ условій на сельское хозяйство и на благосостояніе сельскихъ жителей. — Жилища, пища, одежда, домашняя утварь земледѣльцевъ, отопленіе и освѣщеніе. — Величина и расположеніе селеній; выгодно ли они расположены для производства земледѣльческихъ работъ. — Общія замѣчанія о зажиточности крестьянъ, о запасахъ продовольствія, о денежныхъ средствахъ, объ обычныхъ условіяхъ займовъ и проч.

III. Описаніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ.

Земледѣліе. Воздѣлываніе хозяйственныхъ растеній. — Системы хозяйства. — Земледѣльческія орудія. — Способы воздѣлыванія земли подъ разные посѣвы. — Удобреніе. — Количество воздѣлываемыхъ земель и высѣваемаго зерна. — Тутъ, буде можно, упомянуть и о взаимномъ отношеніи пространствъ, засѣваемыхъ растеніями разнаго рода, и показать пропорцію удобриваемыхъ къ неудобриваемымъ. — Луга и другія сѣнокосныя мѣста, ихъ качество; количество снимаемаго сѣна; отношеніе количества луговъ къ пространству пашней и количеству домашняго скота. — Уборка хлѣба, сѣна и проч. — Урожай и доходъ отъ десятины земли, при разныхъ посѣвахъ. — Храненіе хлѣба и сѣна. — Довольствуется ли описываемый край своимъ хлѣбомъ или же потребляется покупной. — Способы и пути сбыта, и среднія цѣны хлѣба.

Огородничество. Какія разводятся огородныя растенія? — Степень развитія огородничества и доходъ, получаемый отъ огородовъ и бакчей.

Садоводство и винодѣліе. Въ какой мѣрѣ развито садоводство? — Породы фруктовыхъ деревъ, разводимыхъ въ садахъ. — Какой доходъ получается отъ садоводства. — Способъ сбыта плодовъ. — Сбереженіе плодовъ въ свѣжемъ видѣ, въ сушеномъ и проч. — Подобныя свѣдѣнія и о виноградномъ садоводствѣ, если имъ занимаются въ краѣ. — Разные сорты винограда. — Выдѣлка винъ. Сбереженіе и зрѣлость ихъ. — Какъ сбываются вина и на какихъ условіяхъ?

Примѣч. Такимъ же образомъ описываются и другія отрасли хозяйства, какъ то: шелководство, пчеловодство и проч., если они въ краѣ существуютъ.

Лѣсоводство. Пространство лѣсовъ вообще. Какъ оно относится къ общему пространству земель.—Корабельныя рощи, лѣса казенные, общественные, частные. Сравненіе между собою пространствъ, занимаемыхъ этими лѣсами.—О древесныхъ породахъ, дико-произрастающихъ.—Количественное отношеніе разныхъ лѣсовъ (по древеснымъ породамъ). — Много ли земли подъ лѣсистыми и кустарными выгонами и покосами. Много ли лѣсистыхъ болотъ?—Сколько земли подъ лѣсами, за исключеніемъ лѣсистыхъ покосовъ, выгоновъ и болотъ, не считая лѣсами тѣ заросли, которыя принадлежатъ къ землѣ пахатной, тамъ, гдѣ ведется ляданное или подсѣчное хозяйство. — Густо ли растутъ лѣса и какая часть лѣсной почвы занята крупнымъ высокоствольнымъ лѣсомъ. — Достаточно ли лѣса для жителей?—Уменьшается ли пространство лѣсовъ и въ какой мѣрѣ?—Лѣсное хозяйство и гдѣ именно оно введено въ казенныхъ или частныхъ лѣсахъ.—Охраненіе лѣсовъ.—Производятся ли лѣсные посѣвы или насажденія и съ какимъ успѣхомъ, въ томъ числѣ и для укрѣпленія сыпучихъ песковъ. — Цѣна лѣса, покупаемаго съ землею или на срубъ.—Бываютъ ли заморскіе отпуски лѣса?—Лѣсные промыслы.

Скотоводство — Коневодство. Содержаніе крестьянской лошади; уходъ за нею.—Въ какой мѣрѣ жители пользуются случными конюшнями.—Замѣчается ли улучшеніе породы.—Цѣна лошадей.—Отношеніе числа лошадей къ числу жителей, въ особенности числа рабочихъ лошадей къ числу крестьянскихъ семействъ и числу работниковъ.—Сколько приходится лошадей на квадратную версту всего описываемаго пространства и на квадратную версту пахатной земли.

Рогатый скотъ. Мѣстныя породы рогатаго скота. — Польза, извлекаемая отъ него работою, мясомъ, молочными скопами.—Средній вѣсъ скотины. — Сила рабочихъ воловъ. — Цѣна на рогатый скотъ и на говядину.—Уходъ за рогатымъ скотомъ.—Количество рогатаго скота, причитающагося на каждаго жителя или на семейство, также на квадратную версту.

Овцеводство. Породы разводимыхъ овецъ.—Главныя овчарни и число въ нихъ овецъ.—Содержаніе овецъ въ овчарняхъ и у крестьянъ, и уходъ за ними. — Количество получаемой шерсти: грязной, перегонной или мытой.—Цѣны на шерсть.—Куда она сбывается. —Цѣна мяса. —Доходъ отъ овцеводства. —Число овецъ, общее и приходящееся на каждаго жителя и на квадратную версту.

Примѣч. Такимъ же образомъ излагаются свѣдѣнія и о другихъ породахъ домашняго скота, если онѣ составляютъ особую отрасль хозяйства.

Сельскіе промыслы. Мѣстные и отхожіе; способъ ихъ производства, число лицъ, занимающихся ими, выгоды, получаемыя промышленниками, и вліяніе ихъ на хозяйственный бытъ поселянъ.— Мѣстныя заведенія и заводы, занимающіеся переработкою земледѣльческихъ произведеній: винокуренные, свеклосахарные, [illegible], крахмальные, салотопенные, кожевенные, и проч. — Вліяніе ихъ на мѣстное земледѣліе и на бытъ сельскихъ жителей; способы производства работъ на сихъ заведеніяхъ: вольными работниками или барщинными.

IV. Общія замѣчанія о торговлѣ и сбытѣ сельскихъ произведеній.

Мѣстные рынки, ярмарки, базары, пристани, и проч. — Способы сбыта. — Закупаются ли сельскія произведенія у крестьянъ на дому, или сами они отвозятъ оныя куда-либо для продажи. — Прасолы, булыни, ходебщики, разнощики, зосим, и проч. — Коммерческіе тракты (сухопутные и водяные торговые сообщенія).

СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. (*Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ*). *Изданіе* Александра Смирдина. *Санктпетербургъ. 1846.*

Статья первая.

Пушкинъ такъ говаривалъ нѣкогда о Сумароковѣ, Фонвизинѣ и Ломоносовѣ: «Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ «тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, «у Панина, его дразнили, подстрекали «и забавлялись его выходками. *Фон«визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду «въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ пе«редразнивая Александра Петровича* «(Сумарокова) въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-тишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ «ни въ чемъ не бывалъ, наслаждаться «его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ «иного покроя. Съ нимъ шутить было «накладно... Послушайте, какъ пи«шетъ онъ Шувалову, который выду«малъ-было надъ нимъ пошутить: «я «ваше высокопревосходительство, не «только у вельможъ, но ниже у Госпо«да моего Бога дуракомъ быть не хо«чу» (Томъ XI, стр. 33 и 35).

Что жь заставило Пушкина сказать, будто характеръ Фонвизина имѣетъ нужду въ оправданіи и будто онъ забавлялъ знатныхъ передразнивая Сумарокова? Не оправдывая и не обвиняя пока характера Фонвизина, посмотримъ, когда онъ забавлялъ знатныхъ и кто въ этой забавѣ больше виноватъ — тѣ ли, кто забавлялся имъ, или самъ Фонвизинъ.

По примѣру «славнаго французскаго писателя Жанъ-Жака Руссо, который издалъ свои признанія» (confessions), Фонвизинъ также написалъ «Чистосердечное Признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ»: въ этихъ признаніяхъ онъ такъ говоритъ о своихъ успѣхахъ въ общественномъ мнѣніи при началѣ своей извѣстности:

«Я пріѣхалъ въ Петербургъ и при«везъ съ собою Бригадира и Іосифа «(переводъ). Надобно примѣтить, что «я обѣ сіи книги читалъ мастерски. «Чтеніе мое заслужило вниманіе Але«ксандра Ильича Бибикова и графа «Григорья Григорьевича Орлова, кото«рый не преминулъ донести о томъ Го«сударынѣ. Въ самый Петровъ день «графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду «ли я въ Петергофъ и если ѣду, то «взялъ бы съ собою мою комедію Бри«гадира. Я отвѣчалъ, что исполню его «повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ «графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: ея «величество приказала послѣ балу «вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею «извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣй«ствительно, я нашелъ ея величество «готовую слушать мое чтеніе. Никогда «не бывъ столь близко государя, при«знаюсь, я началъ-было нѣсколько ро«бѣть, но взоръ россійской благотво-

«рительницы и глас ея, идущій къ «сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько «словъ, произнесенныхъ монаршими «устами, привели меня въ состояніе «читать мою комедію предъ нею съ «обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. «Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ, что «послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣ«которымъ шуткамъ и потомъ облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ «нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за «мое чтеніе.

«Дни черезъ три положилъ я изъ «Петергофа возвратиться въ городъ, а «между-тѣмъ встрѣтился въ саду съ «графомъ Никитою Ивановичемъ Па«нинымъ, которому я никогда пред«ставленъ не былъ; но онъ самъ оста«новивъ меня «слуга покорный» ска«залъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣ«хомъ вашей комедіи; я васъ увѣряю, «что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о «чемъ другомъ не говорятъ, какъ о ко«медіи и чтеніи вашемъ... Я еще хочу, «сударь, продолжалъ онъ, попросить «васъ: его высочество желаетъ весьма «слышать чтеніе ваше и для того по «пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не уме«длите ко мнѣ явиться съ вашею коме«діею, а я представлю васъ великому «князю и вы можете прочитать ее «намъ». Я не премину исполнить по«велѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту «за верхъ счастія моего имѣть моими «слушателями его императорское вы«сочество и ваше сіятельство.—«Госу«дарыня похваляетъ сочиненіе ваше и «всѣ вообще очень довольны», гово«рилъ графъ. «Но я тогда только со«вершенно доволенъ буду, когда ваше «сіятельство удостоите меня своимъ «покровительствомъ», отвѣтствовалъ я. «Мнѣ будетъ очень пріятно», сказалъ «онъ: «если могу быть вамъ въ чемъ «полезенъ». Сіе слово произнесъ онъ «съ такимъ видомъ чистосердечія и «честности, что сердце мое съ сей ми«нуты къ нему привержено стало и «какъ-будто предчувствовало, что онъ «будетъ мнѣ первый и истинный бла«годѣтель...

«Паче всего вниманіе графа Никиты «Ивановича возбудила бригадирша: «я «вижу», сказалъ онъ мнѣ, «что вы «очень хорошо нравы наши знаете: «ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; «ни кто сказать не можетъ, что такую «же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ «или бабушку или тётушку, или ка«кую-нибудь свойственницу. По окон«чаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣ«лалъ свое разсужденіе на мою коме«дію. «Это въ нашихъ нравахъ первая «комедія», говорилъ онъ, «и я удивля«юсь вашему искусству, какъ вы, за«ставя говорить такую дурищу во всѣ «пять актовъ, сдѣлали однако рѣчь ея «столько интересною, что все хочется «ея слушать; я не удивляюсь, если сія «комедія столь много имѣетъ успѣха; «совѣтую вамъ не оставлять вашего да«рованія».

«Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ «принимать на себя лицо и говорить «голосомъ весьма многихъ людей. То«гда передразнивалъ я покойнаго Су«марокова, могу сказать, мастерски и «говорилъ не только его голосомъ, но «и умомъ, такъ, что онъ бы и самъ не «могъ сказать другаго, какъ то, что я «говорилъ его голосомъ.»

Потомъ Фонвизинъ читалъ свою комедію на вечерахъ у графа Панина, у графовъ Чернышевыхъ, у гр. Строгонова, у гр. Шувалова, у графинь Румянцовой, Бутурлиной и Воронцовой.

Это чтеніе и искательство покровительства находилъ Пушкинъ у Фонвизина двусмысленнымъ, между-тѣмъ, какъ самъ же говоритъ (Т. XI, стр. 36), что благородное покровительство нисколько не можетъ унизить писателя, что оно до сей поры сохраняется въ англійской литературѣ, что почтенный Креббъ поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck, что въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, которыхъ онъ удостоился...

Мы можемъ вывести изъ этого такое заключеніе, что если почтенный Креббъ остался почтеннымъ не смотря

на свои посвященія, то отъ-чего жъ почтенный Фонвизинъ, который также искалъ покровительства и по призыву вельможъ читалъ имъ свою комедію, сдѣлался двусмысленнымъ въ глазахъ Пушкина?

Не думалъ ли Пушкинъ того же и о Фонвизинѣ, что́ о позднѣйшихъ писателяхъ, когда онъ говорилъ, что «нынѣче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безъименные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ». Но Фонвизинъ не писалъ безъименныхъ пасквилей, былъ благодаренъ людямъ, которые его вывели въ свѣтъ и если смѣялся, то надъ тѣмъ, надъ чѣмъ глумились всѣ образованные люди того времени, а жать руку журналистамъ не находилъ совершенно никакой надобности, да и журналистовъ тогда не было.

Еще разъ спрашиваемъ: почему жъ Пушкинъ находилъ двусмысленнымъ поведеніе Фонвизина? Не заключалось ли этого въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ Фонвизина, съ которыми не былъ согласенъ авторъ «Родословной Моего Героя»?..

Авторъ «Бригадира» и «Недоросля» читалъ въ домахъ вельможъ свои произведенія, какъ молодой человѣкъ, который только-что вступалъ въ свѣтъ, котораго ласкали и приглашали читать или потому-что въ-самомъ-дѣлѣ находили его комедіи смѣшными, или потому-что весело было смотрѣть, какъ онъ передразнивалъ Сумарокова, или, наконецъ, потому-что его приглашала къ себѣ императрица, слѣдовательно, должны были приглашать и вельможи, такимъ же точно образомъ составлявшіе себѣ библіотеки, потому-что у императрицы была большая библіотека... Ка́къ знать, почему слушали чтеніе Фонвизина? но могъ ли онъ отказаться отъ этого чтенія? вотъ другой вопросъ. Могъ ли онъ не уважить желанія высшихъ, когда Ломоносовъ, тотъ Ломоносовъ, который сдѣлалъ Шувалову отвѣтъ, выше нами приведенный, говоритъ самъ, что онъ между прочимъ, «въ 1751 году сочинялъ стихи на иллюминаціи, въ 1752 году изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября; въ 1753 году сочинилъ пять проэктовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1-е января, на 25-е апрѣля, на 5-е сентября, на 25-е ноября и на 18-е декабря; въ 1754 году изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ на новый 1754 годъ и стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проэкты на иллюминаціи и фейерверкъ...» И конца нѣтъ этимъ стихамъ, иллюминаціямъ и фейерверкамъ... Обращеніе съ Тредьяковскимъ и Сумароковымъ извѣстно всѣмъ. А Пушкинъ, между-тѣмъ, Богъ знаетъ почему говаривалъ, что «у насъ литература имѣла особенную физіономію, потому-что ею занимались дворяне, что у насъ писатели не могутъ изъискивать милости и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу въ надеждѣ получить отъ него 500 рублей»...

Нѣтъ, положеніе нашихъ литераторовъ, со времени ихъ появленія, было незавидное! Эти люди начали появляться послѣ реформы Петра-Великаго; но публика не знала, зачѣмъ они появляются, думала, что можно бы, кажется, обойдтись безъ нихъ, и поэтому-то не знала, куда ихъ причислить. Слово «сочинитель» и до-сихъ-поръ имѣетъ какое-то странное значеніе въ устахъ народа, нисколько неговорящее въ пользу этого класса людей; а что́ же было прежде?

Но мы хотимъ вѣрить, что Фонвизина дѣйствительно цѣнили и сама императрица и ея вельможи не только

какъ актёра, но и какъ писателя. Это былъ вѣкъ не подъ пару предшествовавшимъ, — вѣкъ чрезвычайно-многозначительный въ нашей литературѣ, а Фонвизинъ составляетъ одно изъ замѣчательныхъ выраженій этого вѣка. Онъ точно такъ же выражалъ одну сторону его, какъ Державинъ былъ представителемъ другой, болѣе-блестящей стороны. Оба эти лица неотдѣлимы отъ эпохи, совершенно проникнуты ею и успѣли ее выразить довольно-ощутительно. Чтобъ понять ихъ, слѣдовательно, нужно понять вѣкъ.

Вѣкъ Екатерины-Второй—вѣкъ нашей славы, побѣдъ и политическаго могущества, вѣкъ блеска и роскоши, вѣкъ великихъ людей: Суворова, Румянцова, Потемкина, Панина, Орловыхъ... и вѣкъ маленькихъ заблужденій. Съ какой точки ни посмотрите на эту эпоху, она васъ непремѣнно поразитъ блестящимъ событіемъ. Взгляните ли на сношенія Россіи съ иностранными державами—вы видите политику твердую, сильную, руководимую одною идеею, подкрѣпленную рядомъ побѣдъ почти-баснословныхъ и рядомъ дипломатическихъ соображеній, осуществленныхъ съ пользою для Россіи, наперекоръ всѣмъ врагамъ. Взгляните ли внутрь Россіи—вы видите новые уставы, положенія, которыя довершали или продолжали дѣло, начатое Петромъ-Великимъ. Городовое положеніе, дворянская граммата, учрежденіе о губерніяхъ... изумятъ васъ своимъ величіемъ и благодѣтельными результатами, которые они принесли уже Россіи, не смотря на то, что мы слишкомъ-близко находимся отъ этихъ событій и не можемъ вполнѣ оцѣнить ихъ.

Державинъ—лучшее выраженіе этой стороны жизни. Онъ можетъ быть объясненъ и понятъ нами, его потомками, только потому, что онъ жилъ въ екатеринино время. Поэзія его — неопредѣленный, многосторонній восторгъ человѣка, который видитъ предъ собою свершеніе великихъ дѣлъ, событій славныхъ и благодѣтельныхъ для отечества, который пишетъ оды отъ того, что чувство благодарности наполняетъ его душу, или скорбитъ о томъ, что видитъ смерть великихъ современниковъ. Его оды такъ же блестящи, какъ вѣкъ, о которомъ говоритъ онъ; онѣ такъ же исполнены великихъ картинъ, какъ картинны люди, двигавшіе этими событіями. Его поэзія — современное ощущеніе, въ которомъ онъ самъ не могъ отдать отчета и которая поэтому очень-часто лишена художественной отдѣлки. Въ ней видите человѣка, который пораженъ величіемъ предмета, старается высказать все, что онъ чувствуетъ и, какъ каждый человѣкъ сильно-чувствующій, не можетъ въ то же время, когда чувствуетъ, отчетливо выразить свое чувство.

Вѣкъ Екатерины оставилъ сильное впечатлѣніе на умы; произнесите имя Екатерины - Великой, и воображеніе каждаго Русскаго представитъ себѣ, какъ мы говорили, цѣлый рядъ людей знаменитыхъ и происшествій историческихъ. Но это же самое время имѣетъ и другую сторону не менѣе-блестящую и чрезвычайно-важную въ нашей исторіи: это *направленіе образованія*, подвигавшее людей государственныхъ на реформы—направленіе, одушевлявшее руку императрицы, начертавшую «Наказъ Коммиссіи»,—направленіе, которое влекло Бецкаго создать уставы воспитательныхъ заведеній, которое поддерживало Фонвизина въ борьбѣ съ слоями невѣжественной массы населенія. Образованіе екатеринина вѣка имѣетъ другой оттѣнокъ, нежели образованіе петровой эпохи. Извѣстно, какимъ образомъ познакомилъ насъ съ европейскою цивилизаціей Петръ-Великій. Онъ хотѣлъ Русскихъ учить ариѳметикѣ, геометріи, географіи, языкамъ съ тою же цѣлію, какъ училъ кораблестроенію, военному искусству, выдѣлкѣ солдатскаго сукна, искусству лить пушки, строить домы на голландскій манеръ, т. е. чтобъ удовлетворить самыя первыя потребности государства,

которое отстало отъ Западной Европы, было необразовано, бѣдно, грубо и имѣло въ его глазахъ полудикій образъ. Какъ мать, выучивъ ребенка читать по складамъ и одѣвъ его въ чистенькую блузу, старается пощеголять имъ предъ гостьми, такъ онъ, выучивъ Русскихъ читать и писать, воевать па европейскій маперъ и плавать по морямъ, обрилъ имъ и бороды, чтобъ похвастаться предъ Европою, что и мы Европейцы. Это было хвастовство отца, который нѣжно любитъ своего сына и хочетъ пощеголять имъ.

Всего лучше это направленіе образованія видно изъ двухъ проектовъ Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Первая имѣла видъ педагогическаго института, а во второй вмѣстѣ съ живописью предположено было учить искусствамъ оптическому, механическому и инструментальному, токарному, столярному, типографическому, словолитному, гранёнію камней и пр. Не говоря уже о спеціальныхъ школахъ, которыя заводилъ Петръ-Великій и въ которыхъ преподавали курсъ грамматики, ариѳметики и географіи, требовавшейся отъ чиновниковъ, военныхъ и духовныхъ, изъ двухъ уставовъ академій видно, что онъ старался удовлетворить *первымъ, самымъ необходимымъ потребностямъ Россіи на пути образованія*.

Образованность наша носитъ этотъ отпечатокъ до самаго царствованія Екатерины - Великой, когда высшій классъ общества вмѣстѣ съ образованіемъ представлялъ и *идею, которая господствуетъ въ этомъ образованіи*, представилъ начало, которымъ одушевляется общество — однимъ-словомъ, когда къ намъ съ наукою принесена была идея, философскій выводъ пріобрѣтенныхъ званій, а не одна практическая ея сторона и примѣняемость къ флоту, войску, къ фабрикамъ, къ торговлѣ и прочему. Отъ-этого, царствованіе Екатерины носитъ на себѣ другой отпечатокъ. Понятно, что идеи эти не наши собственныя, но принесенныя изъ-за границы, такъ же какъ при Петрѣ-Великомъ были принесены первыя начала образованія; идеи эти принадлежатъ той націи, которая имѣла на насъ преимущественное вліяніе, которая въ XVIII вѣкѣ господствовала въ Европѣ въ умственномъ отношеніи. Это—идеи Франціи. Вмѣстѣ съ прочими государствами Европы, онѣ коснулись и насъ. Въ философіи, искусствѣ и политикѣ, Франція была законодательницею міра. Съ Франціею вмѣстѣ вся Европа и мы преклонялись предъ созвѣздіемъ, состоявшимъ изъ Вольтера, Руссо, Монтескьё. Эта философія влилась въ наше общество, которое дышало тѣмъ же блескомъ, роскошью, утонченностью образованія, какъ и общество французскихъ маркизовъ, виконтовъ, графовъ, дюковъ... общество, которое любило науку и искусство и хотя не совсѣмъ ихъ понимало, однакожь преклонялось предъ великими учеными. Мы видѣли міръ сквозь призму французскаго образованія, мы обожали Вольтера, Расина, Корнеля, т. е. французско-классическую трагедію; мы, утопая въ роскоши, также вздыхали объ идиллической простотѣ природы, какъ и Французы; мы такъ же высоко ставили ученыхъ Французовъ, какъ они сами себя высоко ставили во Франціи. Екатерина-Вторая, бывшая въ этомъ случаѣ путеводительницею, сама переписывалась съ Вольтеромъ, Дидро и д'Аламберомъ. Это былъ вѣкъ безотчетнаго увлеченія западною образованностью и вѣкъ подражательности. Вмѣстѣ съ образованностью къ намъ перешли и недостатки Запада.

Эту другую сторону жизни выражаетъ собою Фонвизинъ. Самое его образованіе характеристично для той эпохи, въ которую жилъ онъ. Фонвизинъ, подобно бо́льшей части молодыхъ людей того времени, не получивъ никакого основательнаго образованія, попалъ прямо подъ власть французской литературы. Едва зная церковный языкъ, онъ отданъ былъ во вновь-учрежденный въ Москвѣ университетъ. Но что такое былъ университетъ въ

то время, можно судить по экзамену въ латинскомъ языкѣ. Самъ Фонвизинъ разсказываетъ, что наканунѣ экзамена происходило приготовленіе, состоявшее въ слѣдующемъ. Учитель латинскаго языка пришелъ въ кафтанѣ, на которомъ было пять пуговицъ, и въ камзолѣ, на которомъ было только четыре пуговицы. Фон-Визинъ, удивленный этою странностью, указалъ учителю на небрежность. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны» отвѣчалъ учитель: «но онѣ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ» продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, «извольте слушать все, что̀ говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы и никогда ошибки не сдѣлаете»... И это было въ университетѣ! Еще интереснѣе университетскій экзаменъ въ географіи. «Учитель» (говоритъ Фонвизинъ) «былъ недогадливъ и явился съ полнымъ портищемъ пуговицъ. Учениковъ было трое. У одного изъ нихъ спросили, куда течетъ Волга? Въ *Черное-Море*, отвѣчалъ тотъ; спросили у другаго: въ *Бѣлое-Море*, сказалъ этотъ. Наконецъ, дошло дѣло до меня. Мнѣ сдѣланъ былъ тотъ же вопросъ. *Не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили».

Однакожь, не смотря на то, что Фонвизинъ не отличался прилежаніемъ, что ариѳметическій учитель «пилъ смертную чашу», а учитель латинскаго языка былъ «примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ», университетъ былъ полезенъ молодому Фонвизину потому, что онъ выучился въ немъ нѣмецкому и латинскому языкамъ и полюбилъ литературу.

Этимъ для него кончилось образованіе; наступила другая школа — общество. Отъ общества и людей, его окружавшихъ, зависѣло его дальнѣйшее поприще. Съ такими познаніями, какія онъ пріобрѣлъ, можно было и навсегда погрязнуть въ тинѣ, и идти дальше, смотря по обстоятельствамъ. Природный умъ и благопріятныя обстоятельства рѣшили дѣло въ пользу послѣдняго направленія. Попавъ въ общество, онъ почувствовалъ необходимость во французскомъ языкѣ и началъ ему учиться. Выучившись, онъ продолжалъ свое образованіе по Вольтеру и даже началъ переводить его «Альзиру». Въ этомъ обществѣ завязалась у Фонвизина тѣсная дружба съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, а чрезъ него и съ цѣлымъ обществомъ людей, въ которомъ не мало кощунствовали надъ религіею. Фонвизинъ не могъ удержаться отъ своей слабости острить и принималъ дѣятельное участіе въ этомъ обществѣ. Никто не обуздывалъ молодыхъ порывовъ его ума, никто не стѣснялъ юношеской фантазіи, которая создала *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*. Вся пьеса показываетъ юношеское броженіе идей по поводу вопроса «на что сей созданъ свѣтъ?» Художественности въ этой пьесѣ нѣтъ, но изъ нея очень-хорошо виденъ самъ авторъ, который говоритъ:

Скажи, Шумиловъ, мнѣ, на что сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ.
. . . .
Боишься Бога ты, боишься Сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!

Въ эффектѣ такого вопроса на Ваньку много ироніи, которая въ авторѣ начинала проглядывать:

Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ;
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщилась его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ онъ: «На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ...»

Объ этой пьесѣ мы бы и не говорили, еслибъ она не была выраженіемъ одного изъ звеньевъ въ цѣпи умственнаго развитія Фонвизина, и еслибъ она болѣе или менѣе не была выраженіемъ мнѣній, начинавшихъ появляться въ нашемъ обществѣ.

Въ числѣ вельможъ, которымъ Фонвизинъ читалъ «Бригадира», былъ нѣкто графъ Чеб...

«Сей графъ былъ человѣкъ знатный «по чинамъ, почитаемый умнымъ че«ловѣкомъ, но погрязшій въ сладостра«стье. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и «все дозволялъ себѣ, потому что ниче«му не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ «отвергалъ даже бытіе Вышняго Су«щества... Разсужденія его были со«фистическія и безуміе явное; но со«всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою».

И по-видимому такъ поколебали, что Фонвизинъ принялъ твердое намѣреніе возвратиться въ лоно христіанства и началъ читать библію. Долго боролся онъ съ своими сомнѣніями; наконецъ на помощь къ нему подоспѣлъ сенаторъ Тепловъ. Этотъ взялся ему опредѣлить «систему въ разсужденіи вѣры» и успокоить совѣсть его «въ томъ важномъ дѣлѣ, каково есть удостовѣреніе о бытіи божескомъ». Ихъ разговоръ такъ интересенъ и такъ много говоритъ о состояніи тогдашняго общества, что мы постараемся передать его въ короткихъ словахъ. Видимо, главные вопросы, бывшіе тогда въ ходу, принадлежали къ области религіи. Они первые поразили развернувшійся умъ молодыхъ людей, заинтересовали его своею таинственностью и внесли въ душу сомнѣніе. Сомнѣніе составляло девизъ нашего просвѣщенія въ царствованіе Екатерины-Второй; къ намъ оно было навѣяно такъ точно, какъ развернулось оно на Западѣ изъ собственныхъ силъ. Что нынѣшній вѣкъ считаетъ заблужденіемъ, то имѣло сильный ходъ въ XVIII вѣкѣ. Разговоръ Теплова и Фонвизина былъ о «безбожникахъ». Фонвизинъ говорилъ, что, по его мнѣнію, этихъ господъ можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ невѣжды и глупые люди, «которые ничего «не разсмотрѣвъ, а прочитавъ Воль«тера и не понявъ, отвергаютъ бытіе «Божіе для того, что полагаютъ себѣ «славою почитаться выше всѣхъ пред«разсудковъ; ибо они считаютъ пред«разсудкомъ то, чего слабый ихъ раз«судокъ понять не можетъ». Ко второму разряду принадлежали, по его мнѣнію тѣ, «которые умствуютъ и дума«ютъ доказать доводами, что Богъ не «существуетъ.»

Это доказываетъ, что въ тогдашнемъ обществѣ было много людей, сбившихся со стези религіи и впадшихъ въ невѣріе, когда ихъ можно было даже раздѣлить на разряды! И въ-самомъ-дѣлѣ, слова Теплова подтверждаютъ это; о первомъ разрядѣ безбожниковъ онъ, какъ человѣкъ опытный, сказалъ:

«Сіи людишки не не вѣруютъ, а желаютъ, чтобъ ихъ считали невѣрующими; ибо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Вольтеръ развратилъ многихъ молодыхъ людей въ Европѣ; однако вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ вольтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, *сдѣлалъ для Россіи не меньше разврата Вольтерова,* имѣвъ голову довольно ограни-

ченную. Я знаю, что молодаго, слабеньнаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа. На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтерофицеровъ. Они имѣли большое между собою преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «нечего пустяки молоть; а Бога нѣтъ.» Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» — «Петръ Петровичъ Чеб... вчера на гостиномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ.—«Нашелъ и мѣсто!» сказалъ я.»

Ка́къ бы то ни было, это доказываетъ состояніе нѣкоторыхъ умовъ того времени; извѣстны были сочиненія pro и contra по этому предмету, и Тепловъ, совѣтуя Фонвизину болѣе остерегаться атеистовъ втораго разряда, которые «умствуютъ и думаютъ», указываетъ на сочиненіе Кларка противъ Гоббса и Спинозы: «Доказательства Бытія Божія и Истины Христіанской Вѣры».

Фонвизинъ хотѣлъ даже перевести эту книгу на русскій языкъ, но Теплову сказалъ, что онъ «встрѣтитъ затру«дненіе со стороны Синода, потому«что Петръ Петровичъ Чеб... обер«прокуроромъ въ немъ.»

Фонвизинъ оправился отъ этого перваго толчка своихъ убѣжденій и въ зрѣломъ возрастѣ сознавался въ своихъ заблужденіяхъ. Дальше его жизнь была раздѣлена между успѣхами на государственномъ поприщѣ и литературной дѣятельности. Увлеченій болѣе не замѣтно: ихъ смѣнила разсудительность. Но умъ Фонвизина въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, не могъ постоянно оставаться на одномъ мѣстѣ. Онъ своею дѣятельностью примыкалъ къ важнѣйшимъ государственнымъ сановникамъ, а эти сановники были люди образованнѣйшіе, министры Екатерины-Второй, двигавшей всѣмъ образованіемъ вѣка у насъ. Посмотрите на проявленіе этого образованія.

Княгиня Дашкова говоритъ, что во время своей молодости, въ то время, когда она въ уединеніи проводила дни и ночи за чтеніемъ любимыхъ писателей, познакомилась она съ другою женщиной, также удаленною отъ свѣта и въ тишинѣ изучившею все, что̀ представляла лучшаго тогдашняя литература. Это женщина была Екатерина-Великая. Образъ мыслей и одно увлеченіе установило между ними тѣсную дружбу. Какое жь это увлеченіе? «Съ-тѣхъ-поръ, какъ только я мо«гла читать», говоритъ княгиня Дашкова, «я посвятила свою молодость чте«нію. Байль, Монтескьё, Буало и Воль«теръ были мои любимѣйшіе авторы. «Цѣлыя ночи проводила я за чтеніемъ; «сильное напряженіе умственныхъ спо«собностей было причиной разстрой«ства моего организма; наружность «моя сдѣлалась болѣзненною, причи«няла много безпокойства моему по«чтенному дядюшкѣ и возбудила уча«стіе императрицы Елисаветы». Она говоритъ, что дважды прочитала сочиненіе Гельвеція «Объ Умѣ»!! Но политика составляла предметъ самый интересный для нея съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Всѣ иностранцы, артисты, литераторы, бывавшіе въ домѣ ея дяди, испытывали на себѣ ея ненасытимую любознательность. Она разспрашивала ихъ о чужихъ краяхъ, о ихъ отечествѣ, правленіи, законахъ. Шуваловъ, узнавъ объ этой страсти къ чтенію, вызвался доставлять ей всѣ новыя произведенія французской литературы, которыя онъ постоянно выписывалъ. «Это было для меня ис«точникомъ безконечнаго наслажденія, «въ особенности, въ первый годъ по«слѣ моего замужства, когда я жила «въ Москвѣ; тамъ публичныя библіо«теки содержали въ себѣ почти только «то, что я уже прочитала; въ нихъ бы«ло немного больше книгъ, нежели «сколько было ихъ у меня; моя библіо«тека состояла изъ 900 томовъ, на ко«торые я истратила всѣ свои карман«ныя деньги. Въ этомъ году были при«соединены къ моей библіотекѣ «Эн-

«циклопедія» и «Лексиконъ» Морери; «не помню пріобрѣтеній, которыя бы «мнѣ доставили болѣе-пріятныя насла-«жденія.»

Сколько жара и увлеченія въ этой молодой душѣ, передъ которою литература открыла новый міръ, немногимъ вѣдомый до-тѣхъ-поръ въ Россіи!.. Чтеніе возбуждало въ ней охоту путешествовать, и вотъ она посѣтила Парижъ, Женеву, познакомилась съ Дидрò, Вольтеромъ, Малербомъ; мадамъ Неккеръ ввела ее въ салоны, гдѣ аристократы разсуждали о новой философіи. Долго она воспитывала сына своего въ Эдинборгѣ и проводила все это время въ обществѣ Робертсона, Блера, Адама Смита и Фергюсона... Возвратясь, она имѣла всѣ права быть директоромъ тогдашней академіи наукъ...

Возьмите переписку Екатерины-Великой (*), и посмотрите на развитіе самой императрицы. Оно для Россіи въ особенности важно, потому-что императрица преимущественно давала направленіе зарождавшемуся образованію.

Въ 1765 году она такъ писала къ Вольтеру:

«Съ 1746 года, т. е. съ-тѣхъ-поръ, «какъ я начала располагать своимъ «временемъ, я вамъ очень-много обя-«зана. До того времени я не читала «другихъ книгъ, кромѣ романовъ; но «когда по случаю попались мнѣ сочи-«ненія ваши, съ-тѣхъ-поръ я не пере-«ставала ихъ читать; я ничего больше «не хотѣла читать; изъ другихъ книгъ «меньше можно почерпнуть пользы. И «потому я всегда возвращалась къ ви-«новнику моего вкуса и пріятнѣйшаго «удовольствія. Дѣйствительно, если я «имѣю какія-нибудь познанія, то ему «одному обязана ими.»

Въ этомъ случаѣ императрица сказала комплиментъ старику, потому-что она еще многое читала; въ слѣдующихъ письмахъ она говоритъ о полученіи «Энциклопедіи», сочиненія Дидрò и д'Аламбера. Тѣ длинные вечера, которые проводила Екатерина-Великая въ Петергофѣ, когда была еще великой княгиней, были посвящены изученію Монтескьё, Локка и другихъ знаменитостей Англіи и Франціи. Сумароковъ, въ «Обозрѣніи Царствованія Императрицы Екатерины» говоритъ, что послѣ обѣда она обыкновенно уходила въ кабинетъ, а Бецкій читалъ ей Лейбница, Вольфа, Нютона, Декарта, Пуффендорфа, Монтескьё, Бюффона, Попе, Локка, Мильтона, Тассо, Вольтера, д'Аламбера, Руссо, Лагарпа, Дидрò. Гриммъ имѣлъ отъ нея порученіе доставлять ей всѣ достойныя вниманія сочиненія ..

И отъ этой императрицы исходила вся власть въ Россіи: она была законодательницею и въ политическомъ отношеніи, и въ ученомъ и въ литературномъ. Занятіямъ ея старались подражать вельможи; то, что любила Екатерина, старались любить и приближенные къ ней—по-крайней-мѣрѣ показывали видъ, что любятъ и увлекаются тѣмъ же. Екатерина не любила при дворѣ шутовъ и дураковъ, которые прежде составляли увеселеніе—и вельможи перестали ихъ держать при себѣ; у императрицы была большая библіотека — и вельможи, вмѣсто шутовъ, пріобрѣтали сочиненія, которыя когда-нибудь на досугѣ, можетъ-быть, и прочитывали. Знатный человѣкъ заходилъ къ извѣстному книгопродавцу и заказывалъ ему приготовить книгъ. «Какихъ?» спрашивалъ книгопродавецъ: «Vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire. Des gros livres en bas, de petits en haut: voilà comment ils sont chez l'imperatrice». Императрица покровительствовала каждому раждающемуся таланту въ Россіи — тѣмъ же старались отличаться и придворные; императрица слушала комедіи Фонвизина, и вельможи просили его читать комедіи на вечерахъ у нихъ. Императрица переписывалась съ Вольтеромъ, Дидро и Д'Аламберомъ — и

(*) Изданную въ 1802-мъ году, въ Москвѣ.

вельможи, начавшіе ѣздить за границу по дѣламъ или безъ дѣла, старались непремѣнно видѣться съ тѣми людьми, которыхъ такъ уважала государыня. Императрица любила искусства — и вельможи начали вывозить изъ Италіи картины и статуи. Однимъ-словомъ все то вліяніе, которое имѣетъ дворъ и геніальность на окружающихъ, при императрицѣ обратилось въ пользу нашего образованія въ такой сильной степени, что умы высшаго общества являются совсѣмъ въ другомъ оттѣнкѣ, нежели въ какомъ были до временъ Екатерины. Одинъ Петръ - Великій могъ бы такъ сильно дѣйствовать на общество, но онъ былъ занятъ другими дѣлами, и образованіе при немъ, какъ мы сказали выше, ограничивалось одною грамотою.

Императрица дѣйствовала на русское общество законами, правленіемъ и образомъ мыслей; въ этихъ случаяхъ она уже явно высказывала тѣ начала, которыя находили одобреніе въ умѣ ея. Начала эти составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе нашей общественной жизни, потому-что они въ первый разъ были высказаны въ нашемъ обществѣ русскимъ языкомъ. Постараемся передать нѣкоторыя изъ этихъ началъ, чтобъ лучше очертить ту точку исхода нашей литературы, которую указывалъ ей геній Екатерины, чтобъ лучше показать тѣ результаты, которые принимало въ себя русское общество при первомъ, такъ-сказать, внутреннемъ столкновеніи съ обществомъ западнымъ. Въ этомъ случаѣ для насъ матеріалами будутъ «Наказъ» императрицы и ея переписка съ учеными.

Девизомъ для Русскихъ императрица сдѣлала слѣдующее капитальное положеніе: «Homo sum, nihil humani a me alienum puto». Оно высказано въ «Дополненіи къ Наказу», въ главѣ XXII, ст. 567 и 573 такимъ образомъ:

«Всякъ долженъ самому себѣ сказать: я человѣкъ; ничего, чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себѣ не почитаю.

«Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, «владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный «хлѣбоядца или прилежаніемъ и раченіемъ своимъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый—все есть человѣкъ.»

Это точка, съ которой, по словамъ Екатерины, должно смотрѣть на каждаго подданнаго, на которую прежде всего должно обращать вниманіе при оцѣнкѣ людей... Сколько у насъ съ вами, почтенный читатель, человѣческихъ достоинствъ, столько намъ съ вами и почету. Честь и славу вѣку Екатерины, въ который каждый о себѣ говорилъ: «я человѣкъ»! Философія XVIII вѣка, разсматривая психологическую сторону человѣка, нашла въ ней много достоинствъ, за которыя человѣку подобаетъ всякая честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашла и много недостатковъ. За слабость и уклоненіе отъ совершенства, за недостатки—она не презирала человѣка, но признавала ихъ слѣдствіемъ ограниченной человѣческой природы и была къ нимъ снисходительна; за личныя достоинства, за силу душевную, она выдвигала человѣка изъ ряда существъ обыкновенныхъ. Отъ этого въ XVIII вѣкѣ насъ поражаютъ два великія, чисто-человѣческія явленія: почетъ геніальности и таланту и филантропія, снисходительность къ человѣку падшему, увлеченному слабостію, убитому общественными обстоятельствами и часто дѣлавшемуся врагомъ общества. Императрица Екатерина, какъ одна изъ геніальныхъ представительницъ XVIII вѣка, ясно высказала это начало, какъ мы видѣли выше, и въ оцѣнкѣ людей всегда ему слѣдовала. Она привѣтствовала каждый успѣхъ Вольтера и гордилась каждымъ новымъ произведеніемъ ума человѣческаго, какъ лучшимъ украшеніемъ человѣчества. Она поддерживала ученыхъ, славу тогдашняго общества, и доставляла имъ средства идти смѣло и постоянно по проложенному пути; она просила Вольтера, Дидро и д'Аламбера пріѣхать въ Петер-

бургъ и жить подъ ея покровительствомъ; она требовала отъ нихъ только постояннаго сообщества. Она умѣла открыть великое поприще геніальнымъ людямъ въ Россіи и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, великихъ внутреннихъ преобразованій, постоянная и сильная политика внѣшняя доказали, что императрица руководствовалась истиннымъ началомъ при оцѣнкѣ людей. Она дорожила этими людьми, какъ собственной славой, и они дѣйствительно были ея славой, потому-что были узнаны и оцѣнены ею. Она умѣла въ одно и то же время занять и дать направленіе Потемкину и Суворову, которые другъ друга не могли терпѣть на военномъ поприщѣ, она умѣла цѣнить и сохранить привязанность Панина и Потемкина, которыхъ часто разъединяли виды внѣшней политики.

Вторая сторона взгляда на человѣка, какъ человѣка, выразилась въ филантропіи къ человѣчеству, въ снисходительности къ слабости. Этотъ взглядъ, исполненный кротости и любви христіанской, могъ быть принятъ и оцѣненъ только такимъ обществомъ, которое вполнѣ знало человѣка, знало и его величіе, и его слабости, — словомъ, постигало, что̀ такое природа человѣка. XVIII-й вѣкъ подозрѣвалъ, что тотъ же человѣкъ, который при однихъ обстоятельствахъ можетъ заслужить названіе благодѣтеля рода человѣческаго, при другихъ можетъ сдѣлаться великимъ злодѣемъ, что тотъ, кто сегодня сдѣлался преступникомъ отъ бѣдности, на другой день можетъ раскаяться и выкупить свое паденіе великою жертвою, что, наконецъ, бѣдность и болѣзнь, уничтожая физическія силы въ томъ классѣ народа, который живетъ однимъ трудомъ, лишаютъ его совершенно-безвинно всякой возможности не только пользоваться жизнію, но иногда и спасти эту жизнь отъ смерти. XVIII-й вѣкъ видѣлъ съ грустію, что съ каждымъ днемъ прибываетъ въ міръ нѣсколько существъ, всѣмъ чуждыхъ, незнающихъ родства и потому отвергнутыхъ обществомъ, но существъ совершенно невинныхъ въ своемъ рожденіи, имѣющихъ, *какъ люди*, всѣ права на жизнь съ ея благами, существъ, которыя когда-нибудь съ избыткомъ заплатятъ обществу за то, что оно ихъ призрѣло. Философія XVIII вѣка освѣтила эти темныя стороны человѣческой природы, указала на несправедливость такъ-называемой судьбы къ нѣкоторымъ членамъ общества и требовала для нихъ пощады, снисхожденія и любви, какъ для существъ безпомощныхъ. Этотъ взглядъ, благодѣтельный для общества, былъ принесенъ къ намъ вмѣстѣ съ образованностію. Екатерина-Великая при самомъ началѣ своего царствованія основала воспитательные домы для безродныхъ младенцевъ, приказы общественнаго призрѣнія для вспоможенія слабымъ, больнымъ, умалишеннымъ, старалась смягчить казни и царствовать кротостью и милостью. Въ этомъ случаѣ она совершенно выполнила слова одного изъ оракуловъ XVIII-го вѣка, Монтескьё, который сказалъ: «Монархи такъ «много выигрываютъ кротостію, кото«рая влечетъ за собою любовь народ«ную; они извлекаютъ изъ нея столько «славы, что должны быть счастливы, «когда представляется случай ее выка«зать, а въ нашихъ государствахъ та«кіе случаи часто встрѣчаются».

Эта кротость, это начало снисходительности къ ближнимъ выражено не разъ въ «Наказѣ»; напр., въ ст. 255-й императрица говоритъ: «Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы»; въ ст. 83: «Приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобъ вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями»; въ ст. 85: «Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими»; въ ст. 256: «Петръ I узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ

мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. Въ первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя, для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно»... Но мы никогда не кончили бы выписокъ, еслибъ захотѣли привести всѣ мѣста, гдѣ торжественно объявляется кротость, какъ одно изъ началъ жизни общественной, которыя императрица Екатерина хотѣла вкоренить въ русскомъ обществѣ. Приведемъ примѣръ, разсказываемый Сумароковымъ (*):

«Госпожа С.....ва тирански поступа»ла съ подвластными, терзала ихъ раз»нымъ образомъ, утюжила спины го»рячимъ желѣзомъ и совершила нѣ»сколько убійствъ. Екатерина, не тер»пя безчеловѣчія и для обузданія дру»гихъ отъ подобнаго, опредѣлила на»казаніе, приличное содѣянному. По»велѣла, для прикрытія именитой фа»миліи, огласить виновную только име»немъ Дарьи Николаевой, выставить »на эшафотъ и приковать къ столбу съ »надписью: *мучительница, душегубка.* »Потомъ жить навсегда въ вырытой у »монастыря подземельной, куда бы »слышимо было церковное пѣніе, но »свѣтъ не проникалъ и пищу спускать »внизъ съ фонаремъ.»

Вотъ одна изъ тѣхъ человѣческихъ сторонъ жизни, которая принесена была къ намъ въ-слѣдствіе столкновенія нашего съ философіею Запада, съ ученіемъ Монтескьё, Филанжьери и Беккаріи, которыхъ у насъ перевели во время царствованія Екатерины и начала которыхъ наша императрица вводила въ русское общество и проповѣдывала въ первый разъ на русскомъ языкѣ.

Прежде нежели приведемъ другія стороны жизни, которыя были озарены новымъ свѣтомъ съ распространеніемъ между высшимъ классомъ образованности европейской, объяснимся, почему мы это дѣлаемъ.

(*) Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великой. Ч. I, стр. 136.

Мы сказали выше, что Фонвизинъ, болѣе нежели кто-либо другой, выражаетъ собою эту новую сторону жизни, которая вливалась въ наше общество въ-слѣдствіе принятія идей западныхъ. Въ другихъ писателяхъ она менѣе ощутительна и не такъ прямо высказана, какъ въ немъ. Поэтому-то мы и будемъ его здѣсь прежде всего разсматривать какъ человѣка, который въ своихъ комедіяхъ и письмахъ изъ-за границы высказывалъ это новое направленіе. Это будетъ первая сторона, съ которой мы будемъ его цѣнить здѣсь; о другой сторонѣ его сочиненій скажемъ послѣ. Итакъ, возвратимся къ Фонвизину.

Мы оставили его занятаго религіозными вопросами... Что перерабатывалось потомъ въ умѣ его, строго-послѣдовательномъ, намъ неизвѣстно. Но онъ служилъ у графа Панина, былъ въ обществѣ людей, дѣйствовавшихъ подъ направленіемъ Екатерины, и поэтому, кажется, наука западная не переставала на него дѣйствовать. По-крайней-мѣрѣ, въ комедіяхъ его мы безпрестанно сталкиваемся съ нѣкоторыми изъ началъ, высказанныхъ императрицею въ «Наказѣ», въ дѣйствіяхъ ея и въ перепискѣ съ учеными. Видимо, что источникъ, откуда приходили эти убѣжденія, былъ общій...

Въ комедіи «Недоросль» есть два лица: Правдинъ и Стародумъ, которыхъ характеры безцвѣтны, нехудожественны въ такой же степени, какъ характеры Нельстецова и Сеума въ «Выборѣ Гувернера», или, какъ у Грибоѣдова, характеръ Чацкаго въ «Горѣ отъ Ума». Эти лица введены Фонвизинымъ для того, чтобъ они говорили цѣлыми тирадами о честности, добронравіи, о дѣйствительныхъ выгодахъ общества; они высказываютъ обыкновенно мнѣніе самого автора о тѣхъ лицахъ, которыя играютъ роль въ комедіи; они вовсе нехудожественны, повторяемъ, но важны для насъ по своему послѣднему значенію. Такимъ образомъ, Правдинъ пріѣхалъ въ деревню по слѣдующей причинѣ: онъ имѣетъ повелѣніе

отъ намѣстника объѣхать округъ и по собственному влеченію не оставляетъ замѣчать «тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, «которые, имѣя надъ людьми полную «власть, употребляютъ ее во зло безче«ловѣчно». Онъ исполняетъ только образъ мыслей намѣстника, который старается помогать страждущему человѣчеству. Онъ нашелъ безчеловѣчіе въ домѣ Простаковыхъ, ибо жена Простакова разсуждаетъ такъ, что дворянинъ властенъ въ своихъ людяхъ, иначе «на что жь намъ данъ указъ о вольности дворянства?» Результатъ всего этого выходитъ тотъ, что Правдинъ, вынувъ бумагу, объявляетъ Простакову: «Именемъ правительства вамъ при«казываю сейчасъ же собрать людей и «крестьянъ, для объявленія имъ указа, «что за безчеловѣчіе жены вашей, до «котораго попустило ее ваше крайнее «слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ прави«тельство принять въ опеку домъ вашъ «и деревни». Мысль объ оцѣнкѣ людей по ихъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ — это почти конекъ Стародума. Объ этомъ онъ разсуждаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Стародумъ былъ на войнѣ, отличился, но его обошли. Это даетъ ему случай сказать, что «прямо *любочестивый* человѣкъ «ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; «что чины нерѣдко выпрашиваются, а «истинное почтеніе необходимо заслу«живается; что гораздо честнѣе быть «безъ вины обойдену, нежели безъ за«слугъ пожаловану». Это заставляетъ Правдина спросить у Стародума: «По разъ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ случаѣ?»

«Стародумъ. — Въ одномъ только, «когда онъ внутренно удостовѣренъ, «что служба его отечеству прямой «пользы не приноситъ. А! тогда поди.

«Правдинъ. — Вы даете чувство«вать истинное существо должности «дворянина!»

А насъ, для поясненія, это мѣсто заставляетъ обратиться къ «Наказу» Екатерины, въ которомъ говорится (стр. 363), что «на степень дворянства «возводитъ людей *добродѣтель съ заслугою*», что (стр. 364) «добродѣтель «и *честь* должны быть оному правила«ми, предписывающими любовь къ «отечеству, ревность къ службѣ, и по«слушаніе и вѣрность къ государю и «безпрестанно внушающими оному не «дѣлать никогда *безчестнаго дѣла*».

Между словами Фонвизина и словами «Наказа» нѣтъ никакой разницы: они проникнуты одной идеей. Но когда вы вникнете въ историческое развитіе нашего дворянства, въ его прежнее значеніе, когда припомните, что дворянство, недавно избавленное отъ тѣлесныхъ наказаній, дворянство полуобразованное, получаетъ вдругъ такое духовное значеніе, когда императрица объявила, что всякій обманъ, противный чести, нарушеніе клятвы и даннаго слова, а наипаче тѣ дѣйствія, которыя за собою влекутъ *уничиженіе*, исключаютъ изъ дворянства, — вы невольно спрашиваете себя, откуда такое быстрое преобразованіе? откуда эти тонкіе оттѣнки, до того времени мало извѣстные русскому обществу? Откуда этотъ рыцарскій point d'honneur, свойственный одному утонченному и образованному обществу?

Въ XVIII вѣкѣ господствовало ученіе Монтескьё; по этому ученію, начало, принципъ монархическихъ правленій составляетъ *l'honneur* — «почётъ»; это начало поддерживается дворянскимъ, высшимъ классомъ, исполняющимъ волю монарха. Чтобъ этотъ классъ народа соотвѣтствовалъ своему назначенію, должно, по ученію Монтескьё, устроить нѣсколько ранговъ, степеней, которыя бы безпрестанно поддерживали начало почёта, безпрестанно обѣщая въ будущемъ новыя и новыя награды. Классъ этотъ, какъ хранитель принципа государственнаго, долженъ носить въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыя необходимы для славы государства, ибо, по словамъ «Наказа» (стр. 16), «самодержавныхъ «правленій намѣреніе есть *слава граждань, государства и государя*». Монтескьё провелъ идею чести по всей жизни частной и общественной этого со-

словія. Для него настоящая школа — свѣтъ, общество. Поступки этихъ людей должны быть не столько добры, сколько прекрасны, велики, необыкновенны. Это поражаетъ воображеніе. Отъ того-то, по ученію Монтескьё, дворянство должно служить монарху преимущественно на войнѣ, потому-что эта служба своими случайностями, успѣхами и даже несчастіями ведетъ къ величію. Но, налагая эту обязанность, должно оставить дворянству свободу располагать ею, и если честь оскорблена, должно позволить оставлять службу... Это же самое начало чести требуетъ свободы вступать въ службу или отказываться отъ нея; этимъ оно дорожитъ больше, нежели своимъ имуществомъ...

Посмотрите послѣ этого на жалованную дворянству граммату, сравните приведенныя нами выше слова изъ «Наказа» императрицы, и скажите, развѣ въ нашихъ учрежденіяхъ нѣтъ плодовъ перваго столкновенія съ западными идеями? Посмотрите послѣ этого на подвиги Русскихъ при Екатеринѣ и скажите, какъ удачно умѣла она примѣнить къ Россіи занесенныя начала!

Фонвизинъ совершенно-счастливъ, когда ему представляется возможность раскрыть эту мысль по какому бы то ни было случаю. На-прим., Правдинъ говоритъ Стародуму, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе. На это Стародумъ отвѣчаетъ: «Почтеніе! Одно почтеніе «должно быть лестно человѣку — ду«шевное, а душевнаго почтенія досто«инъ только тотъ, кто въ чинахъ не по «деньгамъ, а въ знати не по чинамъ».

Наивный Правдинъ отвѣчалъ, будто это заключеніе неоспоримо; должно быть, въ его время въ письмахъ не приписывали «остаюсь съ душевнымъ по«чтеніемъ и преданностію...» Въ другомъ мѣстѣ Стародумъ читаетъ свою неумолимую мораль Софьѣ: «Такъ, «мой другъ; и я согласенъ назвать сча«стливымъ знатнаго и богатаго. Да «сперва согласимся, кто знатенъ и кто «богатъ. У меня мой разсчетъ. Степе«ни знатности разсчитываю я по чи«слу дѣлъ, которыя большой господинъ «сдѣлалъ для отечества, а не по числу «дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ «высокомѣрія; не по числу людей, ко«торые шатаются въ его передней, а «по числу людей, довольныхъ его по«веденіемъ и дѣлами...» Далѣе разговоръ въ «Выборѣ Гувернера» княгини и Сеума о княжеской породѣ и о томъ, что̀ такое природа и что̀ такое порода, развиваетъ ту же мысль. Да и вообще, вся пьеса «Выборъ Гувернера» въ этомъ отношеніи очень-замѣчательна.

Какъ заслуги отечеству поставлялись главнымъ основаніемъ дворянству, такъ заслуги на поприщѣ промышлености, наукъ и искусствъ должны были служить основаніемъ другому классу народа— *среднему*. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ то же начало при оцѣнкѣ достоинства, только обращаемое на другую сферу дѣятельности, почти новую для Россіи. Сфера эта была очень-нова для насъ. До Петра собственно было два класса народа: высшій и нисшій; о среднемъ и помина не было. Не смотря на всѣ усилія Петра-Великаго создать эту опору государства, его начало и его органы, магистраты, не успѣвъ утвердиться на русской почвѣ, были ослаблены въ конецъ и совсѣмъ уничтожены при его преемникахъ. Разсѣянность населенія по всему пространству государства, малочисленность и малолюдность городовъ, недостатокъ богатства, нравственнаго развитія и образованности, оставляли существовать магистраты Петра-Великаго болѣе по имени, нежели на самомъ дѣлѣ. Форма предшествовала содержанію и не имѣла никакого значенія. Извѣстно, что въ городахъ нашихъ можно было найдти нѣсколько ремесленниковъ нисшей руки, нѣсколько обывателей, занимавшихся мелочною торговлею, нѣсколько отставныхъ бѣдныхъ чиновниковъ, отставныхъ военныхъ мелкаго разряда,—все остальное населеніе состоя-

ло изъ людей служилыхъ: чиновниковъ, военныхъ, духовныхъ, зависѣвшихъ отъ своего начальства, неимѣвшихъ общихъ потребностей съ жителями городовъ, составлявшими городское общество. И этому обществу дано было учрежденіе общественное, къ которому оно не привыкло, потому-что и въ городѣ жили раздѣльными интересами. Послѣ уничтоженія магистратовъ при преемникахъ Петра, Екатерина-Вторая вздумала воскресить это учрежденіе. Она невольно была поражена силою, богатствомъ и образованностью средняго класса на Западѣ и, желая блага Россіи, рѣшилась снова «воздвигнуть разсѣянную храмину», какъ выражался Петръ-Великій о среднемъ сословіи. Но какъ соединить то, что разсѣяно? Учрежденіемъ ли общественнымъ, или развитіемъ богатства, промышлености, образованности и нравственнаго достоинства гражданъ? Конечно, цѣль можетъ быть достигнута тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ; но развить послѣднее, т. е. матеріальныя и нравственныя силы народа, нельзя скоро; это требуетъ много времени. Екатерина приняла мѣры къ образованію этого класса и къ освобожденію промышлености отъ оковъ и монополій, ее стѣснявшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь осуществила забытую мысль Петра — учредила думы, магистраты, ратуши. Но этимъ еще не создавался классъ народа; это была одна форма. Должно было по-крайней-мѣрѣ опредѣлить, что будетъ составлять душу этого сословія, отъ котораго (по словамъ «Наказа» стр. 378) государство много добра ожидаетъ. Итакъ, основу средняго класса должно составлять *добронравіе и трудолюбіе*. И вотъ она назначила, что къ среднему классу будутъ принадлежать всѣ тѣ (стр. 380), которые, не бывъ ни дворянами, ни хлѣбопашцами, упражняются *въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ;* сверхъ того всѣ тѣ, которые, не бывъ дворянами, будутъ выходить изъ всѣхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія; наконецъ, дѣти приказныхъ. Вотъ перечень тѣхъ лицъ, которыя должны были составить средній классъ; но гдѣ же можно было тогда найдти городъ, въ которомъ бы жителями были художники, ученые и негоціанты, ведущіе на своихъ корабляхъ заграничный торгъ, предположивъ даже, что купцы и ремесленники были въ каждомъ городѣ? Очевидно, идея этого учрежденія перенесена отъ народа, далеко ушедшаго впередъ и въ образованности, и въ богатствѣ, и въ мореплаваніи, отъ такого народа, гдѣ ученый, художникъ и кораблехозяинъ — не рѣдкость. У насъ большею частію люди ученые и художники находятся на службѣ государственной, получаютъ чины и достигаютъ дворянства, а о нашихъ кораблехозяевахъ и говорить нечего: они извѣстны на перечетъ. Слѣдовательно, это начало привесено оттуда, гдѣ художникъ и ученый есть просто гражданинъ, не состоящій на службѣ, точно, такъ же, какъ адвокатъ, докторъ, купецъ и фабрикантъ; гдѣ высшій классъ рѣзко отдѣленъ отъ средняго родовымъ достоинствомъ, и заслуги въ наукахъ и художествахъ не дѣлаютъ, на основаніи закона, членомъ высшаго сословія...

Такъ-какъ въ царствованіе Екатерины средній классъ существовалъ въ идеѣ, а не на-самомъ-дѣлѣ, въ возможности, а не de facto, то Фонвизину, какъ комику, который беретъ сюжеты изъ жизни дѣйствительной, онъ не далъ никакого содержанія. Не было ни достоинствъ, ни недостатковъ средняго класса, потому-что онъ вовсе не существовалъ; слѣдовательно, въ комедіяхъ Фонвизина нѣтъ ни нападковъ на этотъ классъ, ни защиты его. Въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы русскимъ комикомъ...

Укажемъ еще на черты образованности екатерининскаго вѣка, чтобъ подтвердить еще болѣе нашу мысль, что эта образованность привесла съ собою и направленіе, и жизнь, и идею. Мы уже

показали нѣкоторые результаты того взгляда на каждаго человѣка, какъ человѣка, которые отзывались въ нашемъ обществѣ; сдѣлаемъ еще нѣкоторые выводы.

Человѣкъ, которому нѣтъ ничего чуждаго въ человѣческой природѣ, сочувствуетъ всѣмъ проявленіямъ мысли и чувства. Для такого человѣка, слѣдовательно, драгоцѣнно проявленіе достоинства человѣческаго въ какомъ бы народѣ оно ни показалось, въ какое бы время ни обнаружилось. Онъ любитъ въ природѣ все, что въ ней есть прекраснаго, уважаетъ въ человѣчествѣ все, что проистекаетъ изъ разумной его природы. Онъ уважаетъ законы мысли и влеченіе чувства, какъ начала развитія въ человѣчествѣ. Для такого человѣка нѣтъ фанатизма религіознаго, нѣтъ исключительности политической, замкнутости каждаго человѣка въ свои собственныя силы, эгоизма, индивидуальности. Для него всѣ религіи терпимы, всѣ народности имѣютъ свои достоинства и недостатки, всѣ люди имѣютъ свои слабости и свою долю совершенства. Эта философская сторона вѣка имѣла самыя благодѣтельныя вліянія на общество европейское. Одно прекращеніе религіозныхъ гоненій сдѣлало счастливыми не только цѣлыя области государствъ, но возстановило права цѣлыхъ народовъ. Екатерина-Вторая въ «Наказѣ» обратила на этотъ пунктъ особенное вниманіе и слѣдующія четыре статьи назвала *правилами весьма важными и нужными*. Вотъ эти правила: (стр. 494) «Въ толь великомъ «государствѣ, распространяющемъ «свое владѣніе надъ толь многими раз«ными народами, весьма бы вредный «для спокойства и безопасности своихъ «гражданъ былъ порокъ, запрещеніе «или недозволеніе ихъ различныхъ «вѣръ (стр. 495). И нѣтъ подлинно ина«го средства кромѣ разумнаго иныхъ «законовъ дозволенія, православною «нашею вѣрою и политикою неотвер«гаемаго, которымъ бы можно всѣхъ «сихъ заблуждшихъ овецъ паки приве«сти къ истинному вѣрныхъ стаду «(стр. 496). Гоненіе человѣческіе умы «раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по «своему закону умягчаетъ и самыя «жестоковыйныя сердца, и отводитъ «ихъ отъ заматерѣлаго упорства, уту«шая споры ихъ противныя тишинѣ «государства и соединенію гражданъ.»

За обнародованіе этихъ правилъ Вольтеръ писалъ къ Екатеринѣ, что она сдѣлала его язычникомъ, что онъ повергается къ стопамъ ея болѣе съ боготвореніемъ, нежели съ глубочайшимъ почтеніемъ, и что онъ дѣлается жрецомъ въ ея храмѣ. Старику это было кстати, а еслибъ онъ пріѣхалъ въ Россію, то императрица, вѣроятно, въ день крещенія посадила бы его за столъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ. Сумароковъ говоритъ, что духовникъ императрицы 6 декабря угощалъ духовенство всѣхъ исповѣданій —католиковъ, уніатовъ, пасторовъ галликанской церкви, лютеранъ, кальвинистовъ, Армянъ, квакеровъ и анабаптистовъ.

Надъ приведеніемъ въ исполненіе начала вѣротерпимости хлопотали вмѣстѣ и философія вѣка, и Іосифъ II, и Фридрихъ-Великій, и Екатерина-Вторая. Въ особенности много пользы принесло это начало при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. Императрица Екатерина въ томъ же «Наказѣ», на стр. 497, говорила, что обвиненіе въ этихъ двухъ преступленіяхъ можетъ нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ положено не будетъ. Ибо, такъ-какъ такое обвиненіе не падаетъ прямо на дѣйствія гражданина, но больше относится къ тому понятію, которое создали себѣ люди, то оно бываетъ опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества. А невѣжество, въ особенности между низшимъ классомъ народа, было въ то время значительно. Мы свыклись теперь съ понятіемъ, что такія преступленія, какъ чародѣйство, нужно преслѣдовать осторожно; но тогда обнародова-

ніе такого начала было важнымъ пріобрѣтеніемъ въ законодательствѣ.

Объявляя терпимость вѣръ въ своемъ государствѣ, Екатерина не менѣе терпѣливо выслушивала и мнѣнія, часто несогласныя съ ея образомъ мыслей. Въ этомъ отношенія Сумароковъ приводитъ характеристическій споръ императрицы съ графомъ Петромъ Панинымъ. Однажды, говоритъ онъ, императрица привезла съ собою новыя правила о соли и прочла ихъ сама въ Сенатѣ. Всѣ сенаторы встали съ своихъ мѣстъ, превозносили ихъ похвалами, благодарили отъ цѣлаго Сената. Одинъ графъ Панинъ сидѣлъ и молчалъ. Удивленная Екатерина спросила его: «вы, я вижу, графъ, противнаго съ нами мнѣнія». — Такъ, государыня; но разсуждать мнѣ, послѣ сдѣланнаго вами постановленія, уже непристойно.— «Нѣтъ, сказала она, это только предположеніе, взгляните: бумага неподписана мною; говорите свободно, я васъ о томъ прошу». — О, когда такъ, позвольте же снова выслушать! Всѣ опять усѣлись, и Екатерина читала въ другой разъ. Графъ возражалъ противъ каждой статьи, она хладнокровно соглашалась и до того вымарывала, что почти ничего не осталось изъ прославленнаго начертанія. По окончаніи этого примѣрнаго пренія, она велѣла придвинуть къ окну двое кресел̂ъ, долго разсуждала съ Панинымъ тихо и отходя благодарила его за благородство мыслей, за справедливость, пригласила его къ своему столу и увезла съ собою. (Истор. Обозр. Царств. Екатерины II. Сумарок. ч. I, стр. 84 и 85).

По этому не мудрено, если мы въ «Наказѣ» встрѣчаемъ слѣдующія слова о министрахъ (стр. 516): «Министръ «тотъ очень-неискусенъ въ званіи своемъ, который вамъ всегда станетъ «сказывать, что государь досадуетъ, «что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ «въ томъ поступитъ по своей волѣ», т. е. министръ поступитъ очень-неискусно, если прежде рѣшенія дѣла по закону выскажетъ волю государя, потому-что рѣшеніе должно быть произнесено нелицепріятно, на основаніи законовъ. По этому-то императрица требовала, чтобы всѣ свободно высказывали свое мнѣніе; иначе, говоритъ она въ ст. 517, это будетъ несчастіемъ въ государствѣ: «Еще бы сіе великое было «несчастіе въ государствѣ, еслибъ не «смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключе«нія, ни извинять своихъ худыхъ ус«пѣховъ, отъ упорства счастія проис«шедшихъ, ни же свободно говорить «своего мнѣнія».

Фонвизинъ понималъ мысль Екатерины, и потому говоритъ отъ лица Стародума (стр. 533): «Богу благодаре«ніе, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ ко«торомъ *честный* человѣкъ можетъ «мысль свою сказать безбоязненно... «Екатерина, отверзая пути къ просвѣ«щенію, сняла съ рукъ писателей око«вы и позволила вездѣ охотникамъ за«водить вольныя типографіи, дабы «умы имѣли повсюду способы выда«вать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, «россійскіе писатели! Какое обширное «поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая-нибудь робкая ду«ша, обитающая въ тѣлѣ знатнаго «вельможи, устремится на васъ, отъ «страха, чтобъ не терпѣть униженія «отъ великихъ обличеній; если какой«нибудь безсовѣстный лихоимецъ дер«знетъ, подкапываясь подъ законы, «простирать хищную руку на грабежъ «отечества и своихъ согражданъ: то «перо ваше можетъ ясно обличить «ихъ»... А въ другомъ мѣстѣ Фонвизинъ говоритъ: «Недоросль мой слу«житъ тому доказательствомъ, ибо «лѣтъ за тридцать назадъ тому, роль «Стародума могла ли быть представ«лена и напечатана»...

Мы видимъ, что Фонвизинъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, былъ только отголоскомъ императрицы, былъ первымъ путешественникомъ на пути, проложенномъ Екатериною. Потомство поставитъ ему въ великую заслугу то, что онъ такъ вѣрно могъ схватить мысль великой государыни...

Не забудемъ еще одной важной черты царствованія Екатерины — плана воспитательныхъ домовъ. Молодые люди, поступивъ въ эти заведенія, никогда не должны были покидать ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не окончатъ курса наукъ. Этимъ хотѣли образовать новое поколѣніе, съ новыми понятіями, изъятое изъ предразсудковъ народа, нераздѣльныхъ съ жизнію молодыхъ людей въ семействѣ. Хотѣли, чтобъ воспитанникъ, окончившій курсъ, былъ *человѣкъ* по преимуществу. Опять черта чрезвычайно-характеристическая! Принято за основаніе, что умъ ребенка есть tabula rasa, что содержаніе этого ума зависитъ отъ впечатлѣній перваго возраста, что, однажды начертавъ въ этомъ умѣ правила благородства и любви къ истинѣ, можно будетъ ручаться за его дальнѣйшее человѣческое развитіе!..

Послѣ всего этого, императрица могла писать къ Циммерману (*), что она въ политическомъ своемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое ей казалось полезнѣйшимъ *для* государства и нетягостнымъ *для* другихъ: «Еслибъ я знала лучшее, предпочла бы оное... Вообще, *человѣчество* имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ... Я уважаю философію»... Дѣйствительно, она старалась быть другомъ человѣчества, которымъ, *для* блага общаго, должны управлять законы. Въ этомъ отношеніи она высказала, въ параграфѣ 39 «Наказа», великую мысль: «Государственная вольность въ гражданахъ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; а чтобъ люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ *одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ одних законовъ.*» Отъ этого-то императрица старалась соблюдать законы непоколебимо; законамъ давала она то же самое значеніе, какъ и Монтескьё — именно, что законы въ обширномъ значеніи суть необходимыя отношенія, происходящія изъ самой природы вещей. По ученію Монтескьё, въ этомъ смыслѣ всѣ существа имѣютъ свои законы: божество, міръ физическій, животныя и наконецъ человѣкъ. Въ-отношеніи къ обществу, законъ есть разумъ человѣческій, управляющій всѣми народами земли, и законы государственные и гражданскіе каждой націи не что иное, какъ частные случаи, къ которымъ примѣняется разумъ человѣческій. Понимая такое значеніе закона, императрица говорила, что (параграфъ 7 Генер. Прокур. Наказа): «правленіе самое сходственное съ естественнымъ есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ всего лучше расположенію народа, *для* котораго оно создано». Изъ этого же выводила императрица и необходимость самодержавнаго правленія *для* Россіи.

Вотъ краткое указаніе на нѣкоторые пункты ученія, развитаго въ «Наказѣ» императрицы Екатерины-Великой, который *для* исторіи просвѣщенія Россіи есть такой же краеугольный камень, какъ *для* царствованія Петра-Великаго его уставы морскіе и воинскіе, его коллегіи, его флотъ, войско... «Наказъ» — памятникъ того времени, когда Россія познакомилась съ европейской литературою, и въ немъ эта литература выразилась больше, нежели во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ вѣка. Поэтому-то, Екатерину мы ставимъ во главу движенія, которое ея образованность давала Россіи; на Фонвизина же смотримъ только, какъ на человѣка, который развивалъ начала, изложенныя въ «Наказѣ», слѣдовательно, брошенныя въ русское общество. Не надо забывать, что этотъ «Наказъ» былъ предложенъ депутатамъ, собраннымъ изъ всей Россіи *для* составленія новаго уложенія. Мы указали на нѣкоторыя черты «Наказа»; всѣхъ не осмѣливаемся передавать, чтобъ не утом-

(*) Истор. Обозр. Цар. Им. Ек. Сумарокова, Ч. I. стр. 75.

лять читателей выписками, и безъ того уже слишкомъ частыми; въ другой же формѣ передать этихъ началъ мы не могли.

Послѣдняя мысль, взятая нами изъ «Наказа», также нашла отголосокъ въ Фонвизинѣ; въ «Недорослѣ» Стародумъ говоритъ Правдину: «Великій государь есть государь премудрый. «Его дѣло показать людямъ прямое «ихъ благо. Слава премудрости есть «та, чтобъ править людьми, потому «что уживаться съ обезьянами нѣтъ «премудрости... Достойный престола «государь стремится возвысить души «своихъ подданныхъ. Мы это видимъ «своими глазами...» И далѣе—весь разговоръ Стародума съ Правдинымъ написанъ въ томъ же духѣ.

Мы сказали, что образованность екатерининна вѣка, которой начала заключены въ «Наказѣ», не осталась безъ вліянія на общество: она и не могла остаться безплодною. «Наказъ» былъ экстрактомъ того новаго законодательства, которое должны были составить для Россіи собранные депутаты. Писала его сама императрица; иначе кто бы указалъ путь этому собранію, кто предложилъ бы ему правила новыхъ законовъ, которые бы связали Россію съ Европой внутреннею, а не одною внѣшнею жизнію, какъ это было до ея царствованія? Кто могъ поручиться императрицѣ, что депутаты не заблагоразсудятъ рѣзать руки, уши, носы за каждое ничтожное преступленіе? Кто могъ сказать, что депутаты не ограничатся одними мелкими гражданскими отношеніями, а займутся разсужденіемъ объ общихъ началахъ права, которыя должны быть положены въ основаніе великаго труда? Она не ввѣрила этого труда никому и сама предложила на разсужденіе депутатовъ начала права, извлеченныя изъ жизни всѣхъ образованныхъ государствъ, и на нихъ хотѣла построить новое европейское государство—Россію. Въ этомъ дѣлѣ она приняла на себя весь трудъ преобразованія, какъ Петръ-Великій принялъ на себя всю отвѣтственность за тѣ нововведенія, которыми онъ въ-продолженіе своего царствованія сокрушалъ привязанность къ азіатскому быту. Начала права изумили тогдашнихъ Русскихъ; они увидѣли предъ собою бездну премудрости... Историки наши, приближаясь къ этому пункту царствованія Екатерины, прославляютъ мудрость великой императрицы, хотя, сказать правду, очень-мало объясняютъ, почему «Наказъ» такое великое явленіе, почему онъ имѣетъ такое важное значеніе для Россіи.

Депутатское собраніе не свершило заданнаго ему дѣла; тѣмъ не менѣе брошенныя въ общество начала дѣйствовали: Русскіе больше нежели прежде начали ѣздить за границу, писатели смѣлѣе начали высказывать недостатки полуобразованности и загрубѣлости; Сумароковъ продолжалъ *шпынять*, какъ выражается Фонвизинъ, надъ русскимъ обществомъ; Фонвизинъ открыто говорилъ правду; Десницкій, переведшій, по приказанію императрицы, «Истолкованіе законовъ англійскихъ» Блакстона, въ своихъ энергическихъ рѣчахъ безпрестанно указывалъ на новый путь, проложенный наукѣ Екатериною. Въ одной рѣчи онъ говоритъ: «Долговременнымъ чтеніемъ и упражненіемъ совершается философъ, богословъ, врачъ и законоискусникъ. Но знатный всякъ думаетъ и считаетъ себя рожденнымъ судьею». Говоря о приказной и дьяческой юриспруденціи, онъ прибавляетъ: «симъ средствомъ и поднесь въ канцеляріяхъ всѣ учиться приступаютъ законознанію: начиная сперва копіистомъ и прорываясь сквозь всѣ огромности бумагъ, выходятъ по долговременномъ изможденіи на перѣ въ канцеляристы и высшіе чины. Всѣ почти отсылаютъ дѣтей своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому приготовленія, даже и безъ знанія грамматики и безъ пра-

вописанія» (*). Первое знакомство съ образованностью западною было безотчетное увлеченіе: не знали за что взяться, чтò читать, чтò переводить. Хотѣли передать русскому обществу все, чтò пріобрѣтено Европой посредствомъ долговременнаго ученія. Переводили Вольтера, Дидрó, Далямбера, Монтескьё, Руссо, Бюффона, Боссюэта, Локка, Фергюссона, Гютчесона, Блакстона, Бильфельда, Эразма Роттердамскаго, Тацита, Горація, Виргилія, Авла Геллія, Платона… все, чтò находили у народовъ древнихъ и новыхъ. Въ Московскомъ Университетѣ читали лекціи по Монтескьё, по Блакстону, Пуфендорфу… И все это вдругъ возникло; общество вдругъ оживилось!.. Переводы эти теперь устарѣли, но они оставили слѣдъ въ обществѣ. Имена Державина, Фонвизина — спаслись отъ забвенія… Вникните въ движеніе литературы, которое совершилась въ царствованіе Екатерины, и вы принуждены будете сказать: какое плодовитое, разностороннее и оживленное начало!

Такія лица, какъ императрица Екатерина, Дашкова, Шуваловъ, Фонвизинъ, Панинъ — такъ многосторонне образованные люди, конечно, были рѣдки; но они давали сильное движеніе, а въ этомъ-то движеніи заключается и вся важность; языкъ устарѣлъ, стихи тогда знаменитые не читаются теперь; но мысли, зароненныя въ общество, остались въ немъ, живутъ и быстро развиваются.

Фонвизинъ принадлежитъ къ этому времени; въ какой мѣрѣ онъ понималъ то направленіе, которое ему указывала Екатерина, мы видѣли выше. Чтобъ высказать это его достоинство, мы принуждены были вкратцѣ очертить значеніе вѣка Екатерины въ нашемъ духовномъ развитіи. Теперь надобно объяснить, какъ Фонвизинъ дѣйствовалъ на это общество, какія черты поразили его особенно, всѣ ли недостатки этого общества указалъ онъ въ своихъ комедіяхъ и въ какой мѣрѣ онъ художникъ. Все это постараемся сдѣлать въ слѣдующей статьѣ.

(*) См. рѣчи профессоровъ Имп. Моск. Универ. IV. Москва. 1823.

СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. *Изданіе* К. Крайя. *Томъ первый. Санктпетербургъ. 1847.*

=

Въ послѣднія тридцать лѣтъ, въ Германіи, Англіи и Франціи энциклопедіи и энциклопедическіе лексиконы всякаго рода расплодились въ невѣроятномъ множествѣ и, не смотря на сильную конкурренцію, имѣли почти всѣ огромный успѣхъ и разошлись въ числѣ нѣсколькихъ тысячь экземпляровъ; нѣкоторые же изъ нихъ имѣли даже по нѣскольку изданій. Ясный признакъ, что изданія этого рода удовлетворяютъ одну изъ самыхъ сильныхъ и живыхъ потребностей образованныхъ классовъ въ современныхъ обществахъ! У насъ эта потребность можетъ быть сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, отъ особенности характера нашего образованія, характера по-преимуществу энциклопедическаго, въ-слѣдствіе недостатка спеціальныхъ познаній и совершенной безполезности этихъ познаній для практической жизни въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества, въ-слѣдствіе, наконецъ, множества другихъ причинъ, которыхъ нѣтъ надобности перечислять, потому-что онѣ всѣмъ извѣстны и давно уже сознаны. Но если эта потребность дѣйствительно существуетъ въ русской публикѣ, то естественно рождается вопросъ: почему она остается до-сихъ-поръ безъ удовлетворенія и почему, послѣ неудачной попытки г. Плюшара, не нашлось никого, кто рѣшился бы привести къ концу начатое имъ предпріятіе, или возобновить его на новыхъ началахъ, болѣе-раціональныхъ и болѣе-соотвѣтствующихъ настоящимъ нуждамъ общества? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изданіе полнаго энциклопедическаго словаря, обнимающаго всѣ отрасли человѣческихъ знаній, есть дѣло, сопряженное съ большими трудностями вездѣ, особенно же у насъ въ Россіи, гдѣ недостатокъ въ способныхъ сотрудникахъ и капиталахъ гораздо-ощутительнѣе, а ясное сознаніе нуждъ и желаній общества гораздо-затруднительнѣе и неудобнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ. Тѣмъ не менѣе однако эти затрудненія не принадлежатъ вовсе къ числу тѣхъ, которыхъ бы уже вовсе невозможно было преодолѣть; напротивъ, всѣ эти препятствія легко бы могли быть устранены, еслибъ за предпріятіе взялись люди, знающіе свое дѣло, и еслибъ новые издатели, не приступая, подобно прежнимъ, къ столь важному труду безъ всякой заранѣе принятой системы, дѣйствовали, напротивъ, по плану хорошо-обдуманному и основанному на точномъ соображеніи цѣли, которой слѣдуетъ достигнуть съ средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи.

Самая мысль — отважиться на такое

обширное изданіе, какъ энциклопедическій лексиконъ, должна необходимо соединять въ себѣ два различные, но вовсе не противоположные характера: промышленый и литературный. Съ одной стороны, принимая въ соображеніе общую пользу и интересы публики, мы имѣемъ всегда полное право требовать, чтобъ вновь-издаваемый словарь не только остался чуждъ всѣмъ тѣмъ недостаткамъ и ошибкамъ, которыхъ легко и возможно избѣгнуть, но чтобъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по своему достоинству въ учено-литературномъ отношеніи доведенъ былъ до той степени совершенства, при которой сдѣлалось бы возможнымъ съ его стороны благодѣтельное вліяніе на развитіе общественнаго сознанія посредствомъ распространенія въ публикѣ подробныхъ, вѣрныхъ фактическихъ свѣдѣній и основательнаго, современнаго взгляда на различныя отрасли наукъ. Съ другой стороны, частныя выгоды издателей не могутъ быть также упущены изъ вида безъ явной несправедливости, такъ-что одно изъ самыхъ необходимыхъ условій, безъ котораго, конечно, нельзя и надѣяться на осуществленіе предпріятія, состоитъ въ хозяйственномъ успѣхѣ изданія, достаточномъ для покрытія всѣхъ издержекъ и для доставленія антрепренёрамъ извѣстныхъ барышей, соотвѣтствующихъ положенному капиталу. Между интересомъ частнымъ и общественнымъ въ этомъ случаѣ, точно такъ же, какъ и почти во всѣхъ другихъ, не можетъ быть никакого противорѣчія; напротивъ, оба они тѣсно между собою связаны и обусловливаются одинъ другимъ. На этой простой и вполнѣ-очевидной истинѣ не стоило бы, собственно говоря, и настаивать, еслибъ въ этомъ отношеніи не случалось въ нашей литературѣ встрѣчаться до-сихъ-поръ съ самыми смѣшными понятіями. Что во всякомъ предпріятіи чисто-промышленомъ, капиталистъ, пускающій свои капиталы въ оборотъ и приносящій оживленіемъ промышлености несомнѣнную пользу обществу, имѣетъ также полное право заботиться и о своихъ личныхъ выгодахъ и пріобрѣтать себѣ барыши,—этого никто не отрицаетъ и не оспориваетъ; всѣ сознаются, что фабрикантъ или заводчикъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ потерять свои права на всеобщее уваженіе только потому, что руководствуется въ своей полезной дѣятельности не безкорыстными побужденіями общественной пользы, а весьма-естественной и законной заботой о самомъ-себѣ и о своихъ личныхъ интересахъ. Но какъ-скоро рѣчь зайдетъ о литературѣ и литературныхъ предпріятіяхъ, это единогласіе немедленно исчезаетъ — являются вдругъ добродѣтельные и нравственные люди, поднимающіе страшный крикъ противъ промышленаго направленія нашей эпохи, преклоняющейся передъ золотымъ тельцомъ, противъ корыстолюбія спекуляторовъ, не дающихъ своихъ капиталовъ даромъ, а требующихъ себѣ законнаго вознагражденія, противъ униженія литературнаго труда, предпринимаемаго нынче не ради безкорыстной жажды безсмертія, какъ бывало въ прежнее блаженное время, а только ради вѣрнаго и достаточнаго заработка. Еще весьма-недавно въ одной русской газетѣ, которая перешла, мѣсяцъ тому назадъ, въ руки новой редакціи, отличающейся своимъ *особеннымъ* направленіемъ, прочли мы весьма-забавное объясненіе, въ которомъ, послѣ грозной филиппики, устремленной противъ литераторовъ-экономистовъ, дерзающихъ унижать литературу покупкой и продажей статей за презрѣнный металлъ, объявлялось въ весьма наивныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, что новая редакція газеты вызываетъ къ сотрудничеству всѣхъ безкорыстныхъ патріотовъ со всѣхъ концовъ Россіи, и что, не слѣдуя пагубному примѣру прочихъ журналистовъ, она отказывается заранѣе отъ всякаго денежнаго вознагражденія за присылаемые ей статьи и рисунки. Со стороны редакціи, такое благородное

презрѣніе къ промышленой сторонѣ литературныхъ предпріятій весьма-понятно и законно; но въ людяхъ, которые считаютъ себя современными и вполнѣ допускаютъ законность барышей, получаемыхъ капиталистами съ пущенныхъ ими въ оборотъ капиталовъ, подобное направленіе обнаруживаетъ недостатокъ логики. Какъ-скоро эта законность вознагражденія, получаемаго капиталистомъ, допущена и признана по отношенію къ предпріятіямъ промышленымъ, она очевидно должна быть на столько же признана и допущена въ предпріятіяхъ литературныхъ, невозможныхъ безъ употребленія значительныхъ капиталовъ, и слѣдовательно, имѣющихъ также промышленый характеръ. Для чести литературы, выигрывающей отъ какого-либо полезнаго и дѣльнаго изданія, вовсе не нужно, чтобъ издатель, оказавшій ей эту услугу, непремѣнно понесъ убытки и обанкротился. Напротивъ, для литературы гораздо-выгоднѣе, чтобъ онъ пріобрѣлъ себѣ достаточный и соразмѣрный съ своимъ трудомъ и капиталомъ барышъ, въ которомъ бы нашелъ для себя побудительную причину и средство новыми предпріятіями принести обществу новую пользу, а себѣ новую выгоду. Конечно, тотъ, кто жертвуетъ своими капиталами, не требуя себѣ никакого возмездія, единственно для пользы и успѣховъ литературы, совершаетъ подвигъ весьма-похвальный и почтенный; но если возложить всѣ надежды на такихъ великодушныхъ жертвователей и наложить запрещеніе на всѣ литературныя предпріятія, основанныя на побужденіяхъ эгоистическихъ, то очевидно, что литература не только не выиграетъ, но проиграетъ отъ такого ригоризма, и множество полезныхъ изданій вовсе не увидитъ свѣта въ-слѣдствіе недостатка капиталовъ, которые, по общему экономическому закону, ссужаются только тогда, когда могутъ доставить своимъ владѣльцамъ достаточное вознагражденіе и законный барышъ. Всякое полезное и важное предпріятіе можетъ быть произведено не иначе, какъ въ-слѣдствіе встрѣчи и слiянія двухъ интересовъ: частнаго и общественнаго; разрознивать насильственно эти интересы значитъ добровольно уничтожать возможность всякаго значительнаго литературнаго труда и осуждать самую литературу на апатію и безжизненность... Для того, чтобъ добрые люди не перетолковали нашихъ словъ въ худую сторону, спѣшимъ прибавить, что вовсе и не думаемъ утверждать невозможность коллизіи между выгодами антрепренёровъ и потребностями публики, и вовсе не оправдываемъ тѣхъ безстыдныхъ спекуляторовъ, которые для своей личной пользы готовы писать и издавать что угодно, хотя бы этимъ они унижали значеніе писателя и достоинство литературы. Глубоко презирая литературное торгашество, въ какихъ бы видахъ оно ни проявлялось, мы однако не считаемъ себя въ правѣ смѣшивать исключенія съ общимъ правиломъ и злоупотребленія принципа съ самимъ принципомъ. Вооружаясь съ негодованіемъ противъ всякаго литературнаго предпріятія, въ которомъ частнымъ интересамъ приносятся въ жертву истинныя выгоды общества, мы полагаемъ при всемъ томъ, что въ бо́льшей части случаевъ между этими двумя интересами существуетъ не противоположность, а зависимость и солидарность. При всѣхъ такихъ случаяхъ не видимъ мы ничего несправедливаго или незаконнаго въ томъ, когда оба эти интереса, каждый въ своей сферѣ, ищутъ и находятъ для себя равное удовлетвореніе.

При изданіи энциклопедическаго словаря, точно такъ же, какъ и при всякомъ другомъ литературномъ предпріятіи, интересъ издателей и интересъ публики сливаются между собой въ томъ отношеніи, что зависятъ оба отъ выполненія одного и того же условія — отъ возможно-полнаго и всесторонняго удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей и нуждъ общества. Если это условіе выполнено, то

хозяйственный успѣхъ предпріятія будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ученому достоинству и степени совершенства изданія; если же, напротивъ, составители словаря не прiймутъ въ соображеніе потребностей публики, а будутъ руководствоваться своими личными, произвольными мнѣніями, то ихъ трудъ сгніётъ въ книжныхъ лавкахъ и повлечетъ за собой не барышъ, а вѣрный убытокъ. Какъ для пользы издателей, такъ и для пользы общей необходимо прежде всего сознать ясно и отчетливо потребности публики и потомъ уже принять мѣры для отъисканія средствъ, которыя окажутся нужными къ удовлетворенію этихъ потребностей. Итакъ, прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ: въ чемъ именно заключаются самыя дѣйствительныя и настоятельныя нужды современной русской публики? какого рода изданіе для нея всего нужнѣе въ настоящую минуту, и какое можетъ, слѣдовательно, принести наибольшую пользу капиталисту, рѣшившемуся положить свои капиталы на это общеполезное дѣло? Для рѣшенія такого вопроса всего удобнѣе перечислить разные роды словарей, какіе могутъ существовать или дѣйствительно существуютъ въ Европѣ; этимъ путемъ откроется само-собою, который изъ нихъ всего болѣе сообразуется съ нынѣшнимъ положеніемъ русскаго общества и всего ближе соотвѣтствуетъ настоящимъ нуждамъ нашей публики и степени ея образованія.

Первое, по важности, мѣсто между всѣми энциклопедическими лексиконами занимаютъ такъ-называемыя философскія энциклопедіи, т. е. сборники статей, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, но имѣющихъ внутреннюю связь, состоящую въ единствѣ мысли и направленія; вслѣдствіе чего всѣ части такого труда образуютъ одно цѣлое, проникнутое одной общей идеей. Такого рода словари отличаются рѣдко полнотой свѣдѣній и обиліемъ матеріаловъ. Цѣль ихъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобъ распространить въ публикѣ фактическія свѣдѣнія, или представить собой собраніе статей для легкаго и вмѣстѣ полезнаго чтенія. Составители ихъ имѣютъ обыкновенно въ виду приложить какую-либо новую философскую мысль къ рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ науки и жизни, или распространить въ образованномъ классѣ общества извѣстный кругъ идей, составляющій ихъ *profession de foi*; поэтому они обыкновенно весьма-мало заботятся о помѣщеніи въ словарь всѣхъ безъ исключенія терминовъ, встрѣчающихся въ наукѣ или въ жизни и требующихъ объясненія. Они выбираютъ изъ нихъ только тѣ слова, которыя доставляютъ имъ поводъ высказать свои убѣжденія и развить свои идеи. Изъ числа такихъ энциклопедій мы можемъ здѣсь привести въ примѣръ двѣ: во-первыхъ, извѣстную энциклопедію XVIII вѣка, которая служила полнымъ выраженіемъ всѣхъ результатовъ умственной дѣятельности той эпохи и была особенно-замѣчательна по своему огромному вліянію на тогдашнее общество и на историческія событія послѣдующаго времени; во-вторыхъ, выходящую нынѣ «Encyclopédie Nouvelle», Пьерра Лёру и Рено, которая представляетъ сводъ различныхъ мнѣній и взглядовъ одной изъ важнѣйшихъ философскихъ школъ, существующихъ нынче во Франціи. Подобныя энциклопедіи не могутъ имѣть у насъ ни значенія, ни успѣха, потому-что самыя обстоятельства, которыми вызваны были изданія этого рода въ другихъ странахъ, на-прим. во Франціи, у насъ вовсе не существуютъ. Тамъ, гдѣ являются такіе философскіе словари, они бываютъ дѣломъ философскихъ школъ или особыхъ партій, которыя стараются этимъ путемъ популяризировать въ массахъ свои ученія съ тѣмъ, чтобъ произвести черезъ это вліяніе и на самую практическую жизнь; у насъ, между тѣмъ, существуютъ только партіи чисто-литературныя, которыя, ограничиваясь сферой книжной и журнальной, имѣютъ весьма-мало вліянія

на жизнь и даже почти вовсе не приходятъ съ ней въ соприкосновеніе. Съ другой стороны, не говоря уже объ отсутствіи достаточныхъ причинъ для появленія подобнаго философскаго словаря, можно предполагать съ полной достовѣрностью, что и самая публика наша, по степени ея развитія и по свойству интересовъ, ее занимающихъ, не будетъ нуждаться въ подобномъ изданіи и не приметъ его съ надлежащей симпатіей. Послѣднее условіе тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда въ общественномъ сознаніи установляется рядъ извѣстныхъ новыхъ идей, выработанныхъ самой жизнію и стремящихся въ свою очередь дѣйствовать на жизнь, — когда не только въ книгахъ, но и въ самой дѣйствительности происходитъ раздвоеніе и борьба между защитниками этихъ новыхъ идей и приверженцами старыхъ, и когда, слѣдовательно, изданіе книги, заключающей въ себѣ популярное и подробное изложеніе вновь-образовавшихся въ обществѣ мыслей, является въ рукахъ одной изъ партій средствомъ для побѣды надъ другой и для пріобрѣтенія себѣ новыхъ послѣдователей. Но очевидно, что у насъ ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ...

После философскихъ словарей первое мѣсто, по своей важности, занимаютъ тѣ энциклопедіи, которыя издаются исключительно для пользы самой науки и для употребленія однихъ ученыхъ. Составители подобныхъ лексиконовъ вовсе не имѣютъ въ виду дѣйствовать на направленіе практической дѣятельности народа или содѣйствовать его образованію посредствомъ распространенія въ массѣ читателей извѣстныхъ философскихъ идей или наибольшаго количества фактическихъ свѣдѣній. Они трудятся для цѣли, повидимому, болѣе скромной, но въ сущности чрезвычайно-важной и почтенной. Они хотятъ посредствомъ изданія словаря, представляющаго въ себѣ изображеніе историческаго развитія и окончательныхъ результатовъ науки по отношенію къ каждому изъ важнѣйшихъ ея вопросовъ, — установить науку и подвинуть ее впередъ. Поэтому для составленія такихъ лексиконовъ призываются обыкновенно люди спеціальные, уже успѣвшіе занять своими трудами почетное мѣсто въ ряду знаменитостей науки; такіе лексиконы предназначаются не для большинства публики, не для профановъ, а для настоящихъ ученыхъ, нуждающихся въ подобномъ изданіи для облегченія своихъ трудовъ и изъисканій: поэтому и пишутся они по-большой-части тѣмъ же самымъ языкомъ, какимъ пишутся и собственно-ученыя сочиненія; наконецъ, такіе словари, по свойству самой цѣли, для которой издаются, рѣдко обнимаютъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, а всего чаще ограничиваются только извѣстной сферой наукъ, часто даже одной только наукой. Для примѣра можемъ указать на лексиконъ политическихъ наукъ, изданный въ Германіи Роттекомъ и Велькеромъ, лексиконъ, значительно способствовавшій успѣшному развитію этихъ наукъ и составляющій нынче одно изъ важнѣйшихъ руководствъ для ихъ изученія. Съ перваго взгляда очевидно, что тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ появленіе и успѣхъ подобныхъ словарей, не могутъ имѣть мѣсто въ Россіи. Потребность, вызвавшая ихъ въ другихъ странахъ, основывалась на существованіи множества ученыхъ знаменитостей въ каждой отдѣльной сферѣ познаній и множества спеціальныхъ людей, посвятившихъ свои труды обработыванію спеціальныхъ наукъ. Весьма-понятно, напримѣръ, появленіе словаря философскихъ наукъ въ Германіи, гдѣ любовь къ философскимъ изслѣдованіямъ такъ сильно распространена, что въ образованномъ классѣ число людей, занимающихся философіей, далеко превосходитъ число незанимающихся ею. Понятно было бы, далѣе, появленіе словаря политико-экономическихъ наукъ въ Англіи, гдѣ основательное знаніе политической экономіи входитъ

въ кругъ предметовъ общаго образованія и составляетъ необходимое условіе успѣха на каждомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Но едва ли было бы выгодно изданіе такого рода лексиконовъ въ Россіи, гдѣ наука до-сихъ-поръ еще составляетъ удѣлъ весьма немногихъ избранныхъ, гдѣ ученые въ каждой отрасли познаній извѣстны по именамъ, гдѣ, наконецъ, недостатокъ спеціальныхъ свѣдѣній и энциклопедическій характеръ общаго образованія кидаются въ глаза каждому. Какой бы успѣхъ, на-примѣръ, могло имѣть въ Россіи изданіе какого-нибудь юридическаго лексикона, и какой потребности могло бы удовлетворить такое изданіе? Для подобнаго предпріятія не нашлось бы, конечно, ни достаточнаго числа способныхъ сотрудниковъ, ни надлежащаго обезпеченія въ потребностяхъ и средствахъ покупателей. Всего лучше это видно изъ того, что наша публика читаетъ только тѣ статьи ученаго содержанія, которыя помѣщаются въ журналахъ, и то потому, что эти статьи рѣдко имѣютъ настоящее ученое значеніе, большею частію пишутся языкомъ общедоступнымъ и всегда почти касаются вопросовъ болѣе или менѣе живыхъ и современныхъ. Между книгами, появляющимися у насъ ежемѣсячно въ довольно-значительномъ числѣ, весьма-рѣдко встрѣчаются книги ученаго содержанія, если только не принимать въ соображеніе педагогическихъ руководствъ, издаваемыхъ для учебныхъ заведеній; а если и являются иногда добросовѣстные ученые труды, результатъ многолѣтней и усидчивой дѣятельности, то они рѣдко приносятъ авторамъ достаточное вознагражденіе и по-большой-части расходятся въ самомъ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Этотъ фактъ, извѣстный всякому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ обыкновеннымъ ходомъ нашей книжной торговли, всего лучше свидѣтельствуетъ, что у насъ еще не настало время для такихъ ученыхъ трудовъ, которые предпринимаются не для одного распространенія свѣдѣній, а для установленія и развитія самой науки... Правда, у насъ являлись прежде, являются изрѣдка и теперь самостоятельныя ученыя произведенія, въ которыхъ можно иногда найдти или новые взгляды на науку, или открытіе новыхъ ея законовъ; но эти блистательныя, хотя и рѣдкія исключенія изъ общаго правила не имѣютъ никакой живой связи съ прочими произведеніями нашей ученой литературы и носятъ обыкновенно на себѣ характеръ явленій совершенно - случайныхъ и служащихъ признакомъ только высокаго индивидуальнаго развитія.

Послѣднее замѣчаніе наводитъ насъ прямо на ту дѣйствительную потребность русской публики, которая въ настоящую минуту обнаруживается всего сильнѣе, и которая должна быть у насъ необходимо главнымъ руководительнымъ началомъ при всякомъ литературномъ предпріятіи, а тѣмъ болѣе при такомъ предпріятіи, какъ изданіе энциклопедическаго словаря. Оставляя въ сторонѣ всѣ многочисленныя категоріи энциклопедій, образовавшихся въ Западной Европѣ въ-слѣдствіе существованія множества временныхъ и мѣстныхъ потребностей, у насъ вовсе несуществующихъ, перейдемъ прямо къ тѣмъ словарямъ, которые теперь встрѣчаются чаще всѣхъ другихъ и имѣютъ обыкновенно наибольшій успѣхъ. Мы говоримъ объ энциклопедіяхъ, имѣющихъ цѣлью доставить большинству публики средства для легкаго и вмѣстѣ полезнаго чтенія и распространять такимъ путемъ возможно-большую массу теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній. Нѣтъ никакой надобности подробнѣе характеризовать эту категорію словарей и распространяться о ихъ пользѣ: и то и другое извѣстно каждому, кому случалось хоть на минуту имѣть въ рукахъ своихъ одинъ изъ иностранныхъ лексиконовъ этого рода или даже русскій лексиконъ г. Плюшара. Мы не считаемъ также нужнымъ приводить какіе-либо аргументы въ пользу той мысли

(кажется, всѣми единогласно признаваемой), что при нынѣшнемъ состояніи нашего образованія, подобные словари для насъ гораздо-полезнѣе и нужнѣе всѣхъ другихъ, и что самая настоятельная изъ современныхъ потребностей русской публики состоитъ именно въ томъ, чтобъ *читать* и *учиться*, чтобъ возможно-легкимъ и краткимъ путемъ пріобрѣтать возможно-бо́льшее количество свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Съ этимъ, какъ мы уже замѣтили, соглашаются почти всѣ; но, согласившись, необходимо должно признать, что изданіе, которое будетъ имѣть въ виду удовлетвореніе этой потребности, сдѣлается предпріятіемъ самымъ похвальнымъ и полезнымъ и вмѣстѣ самымъ успѣшнымъ и выгоднымъ для антрепренёровъ. Весь вопросъ состоитъ только въ томъ: какой способъ исполненія этой мысли представляется самымъ надежнымъ и вѣрнымъ для достиженія цѣли, и по какому плану слѣдуетъ издавать такой словарь для того, чтобъ интересы публики и интересы издателей были одинаково обезпечены и удовлетворены? Огромный успѣхъ первыхъ томовъ лексикона г. Плюшара ясно доказалъ, что люди, отваживающіе свои капиталы на подобное же предпріятіе, не будутъ имѣть никакой причины опасаться на-счетъ его хозяйственной участи; но въ то же время примѣръ того же самаго лексикона долженъ предостеречь насъ отъ прежнихъ ошибокъ, убѣдить въ необходимости новаго, болѣе-раціональнаго плана и доказать всѣмъ и каждому, что выгоды самихъ издателей зависятъ всего болѣе отъ достоинства предпринимаемаго изданія и отъ степени его сообразности съ существенными нуждами и желаніями читателей. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе тѣхъ условій, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ и литературный и торговый успѣхъ подобнаго предпріятія. Мы замѣтимъ только, что словарь, предпринятый съ цѣлью доставить русской публикѣ сводъ популярно-изложенныхъ и дѣльно-составленныхъ статей, достаточныхъ для того, чтобъ ознакомить ее съ важнѣйшими и послѣдними результатами современной науки, при добросовѣстномъ и успѣшномъ исполненіи предпріятія, можетъ весьма-удобно соединить въ себѣ свойства энциклопедій разнаго рода и удовлетворить въ одно и то же время самыя многочисленныя и разнородныя потребности. Онъ можетъ, напримѣръ, независимо отъ своего главнаго назначенія, служить самой подробной и полной справочной книгой, содѣйствовать далѣе успѣхамъ самой науки преимущественно во всемъ, что̀ касается прошедшей исторіи и настоящаго быта русскаго народа, и наконецъ можетъ до извѣстной степени содѣйствовать и достиженію той цѣли, для которой издаются обыкновенно философскіе словари. Послѣднее можетъ случиться тогда только, когда посредствомъ удачнаго выбора сотрудниковъ изъ людей, стоящихъ на одинакой степени развитія и имѣющихъ одинакій образъ мыслей, и также посредствомъ постояннаго сосредоточенія общей редакціей всѣхъ частныхъ трудовъ къ одной и той же цѣли, обезпечено будетъ внутреннее единство мысли и направленія во всѣхъ безъ исключенія статьяхъ, которыя должны будутъ войдти въ составъ словаря. Мы уже замѣтили выше, что философскія энциклопедіи въ настоящемъ значеніи этого слова едва-ли могутъ у насъ принести пользу обществу и выгоду издателямъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы допускали возможность и пользу такого изданія, въ которомъ, при совершенномъ отсутствіи общей мысли, исполненіе предпріятія предоставлено было бы совершенно на произволъ случая и личныхъ мнѣній каждаго изъ частныхъ редакторовъ или сотрудниковъ. Мы полагаемъ, что назначить распространеніе извѣстныхъ идей единственною цѣлью изданія далеко не то, что̀ положить тѣ же самыя идеи въ основаніе словаря, предпринимаемаго съ совсѣмъ-другою цѣлью. Мы нако-

димъ также и другое важное различіе между собственно-философской энциклопедіей и энциклопедическимъ словаремъ, отличающимся отсутствіемъ противорѣчій и единствомъ общей тенденціи. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ только выраженіе болѣе или менѣе узкихъ и одностороннихъ взглядовъ той или другой партіи или школы; во второмъ — можемъ весьма-легко найдти надежное средство для примиренія двухъ требованій, вовсе другъ другу непротивоположныхъ и для соединенія единства направленія съ отсутствіемъ односторонности въ убѣжденіяхъ. Какъ скоро развитіе тѣхъ или другихъ идей не составляетъ исключительной цѣли изданія, то нѣтъ ничего легче, какъ предоставить — безъ вреда для внутренняго единства статей и строго придерживаясь предѣловъ, назначаемыхъ общимъ, однажды-принятымъ направленіемъ — извѣстную степень и простора мышленію и дѣятельности сотрудниковъ, чѣмъ въ то же время легко можетъ быть устранена и та односторонность, которая составляетъ удѣлъ всякаго произведенія, представляющаго въ себѣ не голосъ самой науки, а голосъ партіи или школы. Что же касается до мысли о возможности издать хорошій лексиконъ, уничтоживъ руководительную дѣятельность главной редакціи и [illegible] доставивъ все дѣло частному произв[illegible] сотрудниковъ, или, напротивъ, огр[illegible] свободу и самобытность последствій, [illegible] однимъ только правомъ излагать [illegible] мнѣнія и не позволяя имъ [illegible] томъ случаѣ «имѣть свое сужд[illegible] показывать къ тому или другому [illegible] изъ этихъ мнѣній симпатію, или недовѣрчивость,—то оба эти средства для предупрежденія односторонности въ направленіи словаря должны имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ безжизненность, безобразіе и паденіе самого лексикона. Примѣръ у насъ передъ глазами. Если лексиконъ г. Плюшара не удался, не смотря на все участіе, показанное ему сначала публикой, то на эту участь его имѣло сильное вліяніе отсутствіе общей мысли и заранѣе-обдуманнаго плана, которое составляю отличительный признакъ этого предпріятія.

Все, что прочли вы теперь, пришло намъ въ голову по поводу появленія «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» г-на Крайя, первый томъ котораго вышелъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Словарь этотъ изданъ вовсе не съ той цѣлью, чтобъ удовлетворить потребности, на которую мы сейчасъ указали: по словамъ самого редактора, онъ составленъ для однѣхъ только *справокъ* и долженъ заключать въ себѣ, какъ указываетъ самое его названіе, «краткій и отчетливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый полный сводъ разныхъ свѣдѣній для справокъ». Въ краткомъ предисловіи къ первому тому, редакторъ, г. А. Старчевскій настаиваетъ на пользѣ и необходимости подобнаго словаря. — Вопросъ о полезности не можетъ, конечно, подлежать никакому сомнѣнію; но что касается до степени полезности, то тутъ можно сильно сомнѣваться на-счетъ дѣйствительности того важнаго значенія, которое приписываетъ г. Старчевскій, предпринятому имъ дѣлу. Если принять въ соображеніе сказанное выше о потребностяхъ русской публики, то очевидно, что изданіе энциклопедическаго словаря въ тѣхъ сжатыхъ предѣлахъ, какіе указаны ему названіемъ *справочнаго*, доставляетъ удовлетвореніе одной изъ наименѣе-чувствительныхъ и наиболѣе-слабыхъ потребностей русской публики и составляетъ для нашей литературы, если не излишнюю, то по-крайней-мѣрѣ и не слишкомъ нужную роскошь. Всего лучше свидѣтельствуетъ это самъ редакторъ «Словаря» тѣми доказательствами, которыя приводитъ въ оправданіе своей мысли о пользѣ подобнаго изданія, будто-бы «самаго необходимаго въ настоящее время»:

«Въ послѣднія двадцать лѣтъ (говоритъ онъ) образованіе такъ быстро и повсемѣстно проникло почти во всѣ классы нашего общества, что чтеніе не осталось роскошью,

какъ было прежде, а сдѣлалось необходимой потребностію жизни. Доказательствомъ тому служитъ необыкновенное развитіе нашей журнальной литературы, обнимающей всѣ отрасли человѣческихъ познаній, и потому требующей изученія такихъ предметовъ, о которыхъ прежде людямъ, не принадлежавшимъ къ числу ученыхъ, не приходилось и слышать. При постоянномъ чтеніи журналовъ и книгъ стали встрѣчаться понятія, термины и названія, вовсе незнакомые читателямъ съ образованіемъ только общимъ (?!).

«Эти термины и названія приходилось изучать для того, чтобы вполнѣ понять книгу или журнальную статью. Но какъ отрасли знаній человѣческихъ слишкомъ разнообразны, то представилась необходимость въ книгѣ, которая заключала бы въ себѣ краткій и отчетливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый полный сводъ разныхъ свѣдѣній для справокъ. Не смотря на то, у насъ до сихъ поръ нѣтъ изданія, въ которомъ бы можно было справиться о разныхъ предметахъ, и въ которомъ именно нуждается каждый образованный человѣкъ. Эти причины побудили насъ составить «Справочный Энциклопедическій Словарь», какъ самое необходимое изданіе въ настоящее время, когда литература наша стала основательно знакомить читателей съ результатами наукъ и искусствъ.»

Намъ кажется, что силлогизмъ, на которомъ опирается г. А. Старчевскій, построенъ не совсѣмъ-вѣрно. Изъ того, что любовь къ чтенію распространяется съ каждымъ днемъ въ нашей публикѣ, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ справочные словари были дѣйствительно изданіями самыми необходимыми. Эта посредствующая посылка не доказана авторомъ предисловія и не можетъ быть доказана, потому-что она противорѣчитъ всему, что̀ намъ извѣстно о степени образованія большинства русскихъ читателей. Примѣръ Германіи и Франціи, на которыхъ ссылается г-нъ Старчевскій, вовсе неубѣдителенъ, потому-что тамъ существуетъ именно то условіе для необходимости справочныхъ словарей, котораго у насъ еще не достаетъ: тамъ существуетъ богатая ученая литература, между-тѣмъ, какъ у насъ встрѣчаются только ея зародыши и зачатки. Для того, чтобъ справляться, нужно сперва читать и имѣть средства для чтенія; но мы увѣрены, что не найдется ни одного человѣка, который бы рѣшился серьёзно утверждать, что въ настоящую минуту наша публика читаетъ именно столько, сколько нужно, и что она имѣетъ въ рукахъ своихъ всѣ средства, въ которыхъ нуждается, для того, чтобъ ознакомиться основательно, какъ говоритъ г. Старчевскій, со всѣми результатами наукъ и искусствъ. Въ справочномъ словарѣ нѣтъ ни одной статьи, назначенной для чтенія; но между-тѣмъ, какъ первая и самая настоятельная потребность русской публики состоитъ именно въ томъ, чтобъ *читать*, то издатели и предприниматели словарей должны были бы позаботиться прежде всего объ удовлетвореніи этой потребности; справочный словарь понадобится гораздо позже и будетъ только тогда необходимъ, когда читатель уже будетъ имѣть въ рукахъ своихъ полный энциклопедическій словарь, достаточный для чтенія и неудобный для справокъ; въ настоящую же минуту изданіе *справочной* книги есть изданіе, предпринятое совершенно некстати и не во̀-время... Притомъ же, хорошо составленная статья или книга не можетъ и возбудить надобности въ справкахъ; если въ ней употребляются термины иностранные или техническіе, то непремѣнно указывается и на самое ихъ значеніе. Наконецъ, слишкомъ странно было бы требовать отъ русскихъ читателей, чтобъ они для устраненія недоумѣній, могущихъ встрѣчаться имъ изрѣдка при чтеніи журнальныхъ статей, покупали *справочный* лексиконъ, неудобный для справокъ по своей огромности и доступный весьма-немногимъ по своей дороговизнѣ,—лексиконъ, который изданъ не въ миньятюрномъ видѣ и продается не по дешевой цѣнѣ, какъ это дѣлается во Франціи и въ Германіи, а будетъ заключать въ себѣ цѣлыхъ двѣнадцать томовъ большаго формата, нѣ-

ной по 3 рубля серебромъ за каждый, и будетъ, слѣдовательно, обходиться весь въ *тридцать шесть рублей серебромъ*!..

Такимъ-образомъ мысль, положенная въ основаніи «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», выбрана не совсѣмъ-удачно и вѣрно. Остается сказать, въ какой степени удачно выполненіе этой мысли и сдержано ли редакціей обѣщаніе представить краткій, отчетливый и полный сводъ разныхъ свѣдѣній для справокъ? Судить объ этомъ по одному только тому рѣшительно невозможно, и мы дождемся выхода послѣдующихъ томовъ, чтобъ произнести объ этомъ окончательный приговоръ, а покуда ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями, изъ которыхъ читатели увидятъ, что изданный нынѣче первый томъ словаря далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, на которыя даютъ намъ право обѣщанія, сдѣланныя редакціей въ предисловіи.

Главныя и существенныя условія, отъ которыхъ зависятъ достоинство и польза справочнаго словаря, должны быть: соразмѣрность, полнота и точность сообщаемыхъ свѣдѣній. Посмотримъ, до какой степени лексиконъ г. Крайя удовлетворяетъ каждому изъ этихъ трехъ равно-необходимыхъ условій.

Во-первыхъ, относительно соразмѣрности частей нельзя не замѣтить, что отсутствіе ея въ лексиконѣ г-на Крайя бросается въ глаза прежде всего. Намъ неизвѣстны начала, которыми руководилась редакція при назначеніи количества строкъ для каждой статьи, но можно предполагать съ полной вѣроятностью, что, опредѣливъ однообразные и общіе minimum и maximum количества строкъ для всѣхъ вообще статей, она строго держалась принятыхъ ею предѣловъ, не обращая вниманія на важность самыхъ словъ и необходимость болѣе-подробныхъ объясненій для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это можно заключить изъ того, что почти всѣ статьи «Справочнаго Словаря» имѣютъ одинаковую величину, независимо отъ ихъ внутренняго содержанія, и что нѣтъ ни одной статьи, которая бы занимала болѣе четырехъ страницъ. Спрашивается теперь: есть ли какая-нибудь возможность изложить основательно такія статьи, какъ *Азія* или *Англія*, помѣстивъ первую на двухъ страничкахъ съ половиной, а вторую на четырехъ съ нѣсколькими строками?.. Само собой разумѣется, что обѣ статьи вышли чрезвычайно-плохи, такъ-что рѣшительно не годятся ни для чтенія, ни для справокъ. Далѣе, безпрестанно встрѣчается на одной и той же страницѣ нѣсколько словъ, весьма-различныхъ по своей важности и значенію, о которыхъ помѣщены однако статьи совершенно-равнаго объема. Такъ, на-примѣръ, одинаковое число строкъ употреблено для объясненія словъ: *Альбигойцы* и *Амазго*, для біографій *Абелара* и генерал-майора *Аммосова*, *Анаксагора* и генерал-лейтенанта *Амбразанцова*, *герцога Ангіенскаго* и г-жи *Авдѣевой*, и т. д. Очевидно, что такая несоразмѣрность статей должна была имѣть самое неблагопріятное вліяніе на полноту свѣдѣній. Одни слова, менѣе важныя, объяснены съ излишней подробностью, о другихъ, болѣе важныхъ, не сказано самаго необходимаго, такъ-что, въ-отношеніи къ полнотѣ свѣдѣній, лексиконъ страдаетъ постоянно, то отъ избытка совершенно-излишнихъ фактовъ, то отъ недостатка самыхъ нужныхъ свѣдѣній. Въ статьѣ: *Археографическая Коммиссія* помѣщены, на-примѣръ, имена всѣхъ нынѣшнихъ ея членовъ. Спрашивается: какое значеніе можетъ имѣть такое свѣдѣніе въ книгѣ, которая должна быть справочнымъ лексикономъ, а не адрес-календаремъ? «Справочный Словарь» не будетъ, вѣроятно, издаваться ежегодно, подобно памятнымъ книжкамъ и календарямъ; стало-быть, и извѣстіе о членахъ той или другой коммиссіи не будетъ уже имѣть никакого значенія

въ слѣдующемъ году, когда, можетъ-быть, нынѣшніе члены выйдутъ, а на мѣсто ихъ поступятъ новые. Формулярные списки разныхъ русскихъ генераловъ и біографическія свѣдѣнія о совершенно-неизвѣстныхъ писателяхъ, русскихъ и иностранныхъ, изложены чрезвычайно подробно, между-тѣмъ, какъ біографіи людей знаменитыхъ отличаются часто крайней недостаточностью свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что всего слабѣе изложены біографіи философовъ, особенно древнихъ. Редакція словаря не держалась по-видимому никакихъ опредѣленныхъ правилъ относительно указанія или неуказанія на самыя мнѣнія и системы различныхъ философовъ. Такъ, на-примѣръ, мнѣнія *Анаксимандра*, неимѣющаго большаго значенія въ исторіи философіи, изложены довольно-подробно, а объ *Анаксагорѣ*, составляющемъ такую важную эпоху въ развитіи науки, сказано только, что онъ родился въ Клазоменѣ, въ 500 г. до Р. Х., что онъ объѣхалъ Азію, Африку и Европу для пріобрѣтенія познаній, поселился, наконецъ, въ Аѳинахъ, изучалъ геометрію и астрономію, открылъ причины землетрясеній и затмѣнія луны, и умеръ въ 469 г. до Р. Х. Предположимъ теперь, что, встрѣтивъ въ какой-нибудь журнальной статьѣ имя Анаксагора съ присоединеніемъ къ нему, какъ это дѣлается обыкновенно, самыхъ громкихъ эпитетовъ, читатель полюбопытствуетъ узнать, какими заслугами наукѣ пріобрѣлъ этотъ философъ то уваженіе, съ которымъ произносится всегда его имя. Очевидно, вы ничего не узнаете объ этомъ изъ статьи, помѣщенной въ «Справочномъ Словарѣ». Точно также и въ статьяхъ: *Абеларъ*, *Альбертъ-Великій*, *Амперъ*, *Ансильонъ*, *Абенъ*—не сказано ни слова объ историческомъ значеніи этихъ мыслителей, а помѣщены только отрывочныя біографическія свѣдѣнія о ихъ частной жизни. Въ статьѣ «Абеларъ» не упомянуто даже о томъ, что составляетъ наиболѣе замѣчательную черту въ жизни этого философа — о его любви къ Элоизѣ и о главной причинѣ всѣхъ его несчастій и страданій. За то подъ словомъ: *Алтамира* мы прочли слѣдующее:

«Древній и богатый домъ въ Испаніи. Въ концѣ прошедшаго столѣтія глава Алтамирской фамиліи былъ человѣкъ весьма малаго роста. «Боже мой! какъ ты малъ!» сказалъ ему однажды въ шутку Карлъ IX. «Государь», отвѣчалъ ему гордо графъ; «Алтамиры всегда были велики!»

Къ-чему разсказанъ здѣсь этотъ анекдотецъ и какое значеніе могутъ имѣть подобныя статейки въ лексиконѣ, который долженъ представить въ себѣ полный и отчетливый сводъ различныхъ свѣдѣній для справокъ?

Что̀ касается до полноты свѣдѣній, сообщаемыхъ словаремъ, и числа объясненныхъ въ немъ словъ, то безъ сомнѣнія читатель, которому понадобилось, положимъ, справиться объ *Аристофанѣ*, *философіи Абелара*, *д'Аламберѣ*, состояніи *художествъ въ Англіи*, прочитавъ эти статьи, или, вѣрнѣе, посмотрѣвъ на пробѣлъ, который онѣ должны бы занимать, закроетъ книгу и скажетъ: *полно!* Любознательность ваша не удовлетворена нисколько... Вы хотите узнать развитіе художествъ въ Англіи—и не нашли ни слова объ этомъ. Правда, англійская школа живописи собственно начинается не дальше, какъ съ половины прошлаго столѣтія, именно между 1740 и 1760 годомъ, но въ царствованіе Георга III, покровительствовавшаго художникамъ, въ Лондонѣ явились люди съ талантомъ, образовавшіе національную школу, запечатлѣнную своимъ національнымъ характеромъ. Рейнольдсъ, Гогартъ, Уильсонъ, Уэстъ, пейзажистъ Гэнсбору дали оригинальное движеніе искуству, еще несовершенному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но полному жизни и энергіи, характеризующему произведенія большей части этихъ артистовъ, движеніе, которое Флаксманъ и Чентри, въ своемъ родѣ, и Лауренсъ, Уилкіе, Мартинъ и Тернеръ съ бли-

стательнымъ успѣхомъ поддерживали до настоящаго времени. Г. Рачинскій вычислилъ, что въ 1838 году на лондонской выставкѣ находилось около трехъ тысячъ картинъ, статуй и барельефовъ, сдѣланныхъ *одними* англійскими художниками Значитъ, въ Англіи есть художества, притомъ своя школа,—и объ этомъ не сказано ровно ни слова въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ», который съ такимъ участіемъ говоритъ объ *арзамасской живописи!*

Объ *Аристофанѣ*, котораго комедіи имѣли великое политическое значеніе и своимъ критическимъ направленіемъ разрушили до основанія старинныя вѣрованія и необходимость приносить жертвы богамъ, объ Аристофанѣ говорится въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» меньше, чѣмъ о какомъ-нибудь *Анслò*.

Теперь, имѣя понятіе о полнотѣ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», не хотите ли познакомиться съ точностью свѣдѣній, которою отличаются статьи его? Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Князь *Ангальтъ*-Дессаускій, Леопольдъ I, родился въ 1576 г , выигралъ сраженіе при Кессельдорфѣ въ 1748 г., потомъ возвратился въ свое княжество, послѣдніе годы своей жизни посвятилъ устройству его, и умеръ въ 1747 году, отъ апоплексическаго удара (см. «Справочный Энциклопедическій Словарь», стр. 292).

По «Справочному Энциклопедическому Словарю», *Аристотель*, знаменитѣйшій изъ греческихъ философовъ, родился *за 354* года до Р. Х. (стр. 414). Извѣстно, что въ 343 году, царь Филиппъ-Македонскій пригласилъ Аристотеля къ своему двору и поручилъ ему воспитаніе своего тринадцатилѣтняго сына, Александра. Слѣдовательно, изъ «Справочнаго Словаря» выходитъ, что *одиннадцатилѣтній* Аристотель сдѣлался воспитателемъ Александра, и умеръ 32 лѣтъ!

Въ числѣ важнѣйшихъ переводовъ, сдѣланныхъ извѣстнымъ *Амело де-ла-Гуссе*, показана «Исторія *Совѣта Тридцати*», соч. Фра-Паоло, между-тѣмъ, какъ Фра-Паоло написалъ «Исторію *Тридентскаго Собора*». Чему приписать такой промахъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря»—небрежности или незнанію французскаго языка? (стр. 254).

«*Антологія*, названіе, составленное изъ греческихъ словъ λέγω, цвѣтокъ, и ἄντος (т. е. ἄνθος), собираю» (стр. 352). Если вы знаете по-гречески, разумѣется, вы и не пойдете въ «Словарь» справляться, чтò значитъ «антологія»; но вѣдь можно быть образованнымъ человѣкомъ, не читая даже Плутарха въ подлинникѣ. Положимъ, что вамъ понадобилось узнать, кàкъ переводится слово «антологія». Разумѣется, гдѣ же лучше справиться объ этомъ, какъ не въ книгѣ, которая берется «рѣшить вопросы, безпрестанно возникающіе въ ученомъ кабинетѣ и въ общежитіи?» Вы открываете «Справочный Энциклопедическій Словарь», узнаете, что «антологія» состоитъ изъ греческихъ словъ λέγω, цвѣтокъ, и ἄντος, собираю, и потомъ, въ совершенной увѣренности въ этимологическія истины «Словаря», говорите совершенно не то, чтò должно, ибо λέγω значитъ «собираю», а ἄνθος «цвѣтокъ»... Положимъ, что «Справочный Энциклопедическій Словарь» *опечатался*, но такія опечатки доказываютъ значительную небрежность изданія.

Аррасскій миръ заключенъ не въ 1485 году, какъ сказано въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» (стр. 441), но въ 1435-мъ. Разница самая пустая: только полстолѣтія! Не говоримъ уже о томъ, что въ «Справочномъ Словарѣ» вовсе не изложены событія, предшествовавшія заключенію этого мира, ни обстоятельства, заста-

вившія заключить его, хотя аррасскій миръ, заключенный между Франціею и Англіею, былъ для Франціи въ средніе вѣка тѣмъ же, чѣмъ парижскій трактатъ 1815 года. Намъ кажется, будто статейка «Аррасскій миръ», помѣщенная въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ», находится въ родственной связи съ извѣстною исторіей г. Кайданова...

«*Амидонъ*. Вещество это плотно, упруго, *безвѣсно*» (стр. 260). Странно! тутъ по неволѣ скажешь:

Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

По-крайней-мѣрѣ, *безвѣсной* амидонъ еще не снился ни Орфилѣ, ни Дэви, не говоримъ уже объ *Араго*, который, по мнѣнію «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», такой незначительный человѣкъ, что даже не удостоился войдти въ эту книгу, рѣшающую всѣ вопросы, какіе только могутъ встрѣтиться въ ученомъ кабинетѣ и въ общежитіи... Впрочемъ, «Справочный Энциклопедическій Словарь» занимается не только рѣшеніемъ вопросовъ; онъ дѣлаетъ иногда чрезвычайно-любопытныя, даже не совсѣмъ - правдоподобныя открытія. Такъ, на-примѣръ, въ статьѣ «Атмосфера» вы узнаёте, что *верхніе слои ея гораздо теплѣе, нежели нижніе*. Вѣроятно, на этомъ основаніи воздухоплаватели, поднимаясь на аэростатахъ, берутъ съ собою шубы. Кстати объ аэростатахъ. Если вы не знаете устройства этого снаряда, то «Справочный Энциклопедическій Словарь» рѣшительно не удовлетворитъ вашей любознательности: *аэростату* въ «Словарѣ» посвящено десять строчекъ съ половиною. *Армяне* занимаютъ 28 строкъ, изъ чего и слѣдуетъ, что «статьи» относящіяся къ Россіи, вообще гораздо *полнѣе обработаны прочихъ*».

Арнъ, композиторъ, *преобразователь англійскаго вкуса въ оперѣ*, написалъ оперы: «Rosamond, Comus, Tom Thumb» и много пьесъ для пѣнія.—«Розамунда», «Комусъ» и «Томъ-Тумбъ»—три отдѣльныя оперы, и вторая изъ нихъ комическая, сплавлены «Справочнымъ Энциклопедическимъ Словаремъ» въ одну оперу!

Арнольдъ (Даніилъ Георгъ), профессоръ правъ въ Страсбургѣ, написалъ комедію «Понедѣльникъ Духова Дня»... По-нѣмецки эта комедія называется «Der Pfingstmontag» (въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Pfingsmontag), то-есть, «Духовъ День». «Справочный Энциклопедическій Словарь» перевелъ названіе буквально, и вышла какъ-бы сказать — вышла вещь довольно-странная; «Словарь» сдѣлалъ открытіе—для лексиконовъ Рейфа, Эртеля, и проч. Въ той же статейкѣ сказано: «Замѣчателенъ также трудъ Арнольда «Elementa juris Justiniani» (т. е. Justinianei) въ сравненіи съ кодексомъ страсбургскимъ и законами Франціи». По смыслу, или, если угодно, по недостатку смысла фразы, можно заключить, что трудъ Арнольда замѣчателенъ, если сравнить его съ кодексомъ страсбургскимъ и законами Франціи; а на самомъ дѣлѣ выходитъ, что «Справочный Словарь» или не справился о названіи книги Арнольда, или же не могъ справиться съ переводомъ этого названія, потому-что книга Арнольда называется *Elementa juris civilis Justinianei cum codice Napoleoneo et reliquis legum codicibus collata*», тоесть: «Основанія гражданскаго юстиніанова права, сравненныя съ кодексомъ Наполеона и другими кодексами законовъ».

Алоиды (миѳол.). Отъ и Эѳіальта (т. е. Эфіальтъ), знаменитые титаны, увѣренные въ своей силѣ, рѣшились свергнуть съ престола Юпитера (т. е. свергнуть Юпитера съ престола), и чтобъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, взгромоздили горы на горы. Марсъ задержалъ ихъ тринадцать мѣсяцевъ въ *мѣдной* тюрьмѣ; наконецъ Юпитеръ

поразилъ ихъ своими перунами и низвергнулъ въ тартаръ» (стр. 208). Не говоря уже объ антилогическомъ построеніи фразы, изъ которой можно подумать, что Марсъ заключилъ горы въ *мѣдную* тюрьму, а Юпитеръ поразилъ ихъ перунами и бросилъ въ тартаръ,—въ статьѣ «Алоиды» не соблюдена даже миѳологическая вѣрность. Кто читалъ миѳологію, знаетъ, что Отусъ и Эфіальтъ не были посажены разгнѣваннымъ Марсомъ въ мѣдную тюрьму, но сами долгое время содержали его въ неволѣ, и пораженные—не перунами Юпитера, но стрѣлами Аполлона, были низвергнуты въ тартаръ, и тамъ прикованы къ столбу, на которомъ сидѣли совы, терзая ихъ слухъ ужаснымъ крикомъ, между-тѣмъ, какъ змѣи жалили ихъ тѣло.

Антрополиты, «цѣлые остовы или отдѣльныя кости и другія части человѣческаго тѣла, находимыя (находимые) въ слояхъ земной коры и измѣнившіяся (измѣнившіеся) втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ... Настоящіе допотопные антрополиты вообще рѣдки, *но попадаются* въ Германіи и Франціи, въ окрестностяхъ Биза (Bise), Пондра (Pondres)» и проч. (стр. 361).—Эта статейка перепечатана почти буквально изъ «Энциклопедическаго Лексикона» г-на Плюшара; но, вѣроятно для того, чтобъ она сколько-нибудь отличалась отъ статьи г. Горянинова, «Справочный Энциклопедическій Словарь» сдѣлалъ въ ней маленькую перемѣну, и вышла колоссальная опечатка. Въ плюшаровомъ лексиконѣ сказано: «Настоящіе допотопные антрополиты вообще рѣдки, и нѣкоторые геологи усомнились даже въ допотопномъ существованіи человѣка; но *найденные* вновь (1830) въ Германіи и Франціи, въ окрестностяхъ Биза (Bize), Пондра (Pondres), и проч. окаменѣлые останки допотопнаго человѣка опровергаютъ такія нелѣпыя предположенія», и проч. Изъ словъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» можно подумать, будто антрополиты, однажды найденные во Франціи и Германіи, принадлежатъ къ числу естественныхъ произведеній этихъ странъ, и родятся въ нихъ, какъ зеленый горохъ и цвѣтная капуста. Если перепечатать статью не надобно, то тѣмъ менѣе слѣдуетъ уже перепечатывать ее съ опечатками.

Амедей V, *Великій*, герцогъ савойскій, сынъ и наслѣдникъ Ѳомы II-го, вступившій на престолъ въ 1285 году, названъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ «Справочномъ Словарѣ» сыномъ Филиппа I-го (стр. 253), графа пьемонтскаго, морьенскаго и брессскаго, между-тѣмъ, какъ Филиппъ, и притомъ не *первый*, былъ только дядею и воспитателемъ Амедея и не владѣлъ графствами, приписанными ему «Словаремъ», но довольствовался графствами савойскимъ и титуломъ архіепископа ліонскаго.

Еще позвольте два слова о г-жѣ Виргиніи Ансло, или, какъ пишетъ «Справочный Словарь», Ансело: «*Ансело* (Virginie Ancelot), жена предъидущаго; *род.* «въ 1806, и *очень рано* вышла замужъ. «Свои досуги она посвящала музыкѣ и «живописи и написала картину (1828), «*представляющую чтеніе г. Анселд*; (?) «потомъ она написала комедію: Marie «ou les trois époques. Успѣхъ былъ «блестящій. Послѣ этого на всѣхъ те- «атрахъ появились ея пьесы и *всѣ* при- «няты съ восторгомъ. Замѣчательнѣй- «шая изъ нихъ называется Pierre le «millionaire. Она также написала нѣ- «сколько романовъ, и занимаетъ нынѣ «почетное мѣсто между писательница- «ми нашего времени».

Мы нарочно привели эту такъ-называемую «Справочнымъ Словаремъ» *біографію:* она можетъ служить образчикомъ статеекъ этого рода, помѣщенныхъ въ этомъ «Словарѣ», гдѣ «Аристофанъ», «Анакреонъ», «Октавій Августъ» и «Америкъ Веспуцій», всѣ вмѣстѣ составляютъ 99 строкъ, то-есть, столько же, какъ и «Арзамасъ», уѣздный разсадникъ гусей и живописи; а

знаменитый сотрудникъ Ивана-Грознаго «Адашевъ», описанный въ семнадцати строчкахъ, совершенно сравненъ съ Литвиномъ «Аршинскимъ» и польскимъ королемъ «Александромъ Ягеллономъ», который примѣчателенъ развѣ только потому, что, по лѣтосчисленію «СправочнагоСловаря», родился въ 1641, а умеръ въ 1506 году.

Вообще, біографіи, помѣщенныя въ «Справочномъ Словарѣ», не даютъ удовлетворительнаго понятія о лицахъ, которыя должны онѣ обрисовать. Если статейка длинна, если она занимаетъ цѣлую страницу, какъ, на-прим., «Алексѣевъ» (генер.-лейт.), «Арсеньевъ» (тоже генер.-лейт.), то это не болѣе, какъ копія съ формулярнаго списка, для котораго мѣсто назначено въ архивѣ. Притомъ, даже эти послужные списки большею частію эмальированы опечатками въ годахъ и мѣстахъ рожденія описываемыхъ лицъ. Такъ, на-прим., объ Ив. Осип. *Айстетѣ* сказано, что онъ родился въ Санктпетербургѣ, между-тѣмъ, какъ Айстетъ родился въ Страсбургѣ, гдѣ отецъ его былъ королевскимъ совѣтникомъ и судьею. Но характеристика лицъ, имѣющихъ обширное значеніе въ области образованности, находящаяся въ «Справочномъ Словарѣ», не даетъ рѣшительно никакого понятія объ этихъ лицахъ. Что можно узнать, на-прим., объ «Абелларѣ», знаменитомъ въ исторіи философіи, когда о немъ сказано въ тринадцати строчкахъ?.. Всѣ эти микроскопическія вещицы, называемыя въ «Справочномъ Словарѣ» біографіями, похожи на рамки, въ которыя не вставлено не только рисунка, но даже листа бумаги. Если «Справочный Словарь» не вдается въ оцѣнку лицъ и ихъ дѣйствій, то помѣщая біографіи писателей, художниковъ, ученыхъ, музыкантовъ, онъ долженъ по-крайней-мѣрѣ перечислять ихъ произведенія, если не всѣ, то хотя наиболѣе-замѣчательныя. Возвращаемся къ статейкѣ о г-жѣ Ансело. «Справочный Словарь» говоритъ, что она написала нѣсколько *романовъ*, что ея драматическія пьесы являлись на всѣхъ театрахъ, а между-тѣмъ, названы только двѣ пьесы, и то самыя незначительныя; о романахъ же ни слова. Въ вознагражденіе за такое молчаніе, вы узнаёте, что госпожа Ансло́ *нарисовала картину, представляющую чтеніе г. Анселб*(?), хотя это извѣстіе для насъ совершенная роскошь, какъ и самый «Справочный Словарь», если онъ и въ слѣдующихъ томахъ будетъ содержать статьи не лучше тѣхъ, какія мы сейчас привели для образчика.

Вы хотите узнать названія оперъ Адольфа Адана. Въ «Справочномъ Словарѣ» (стр. 75) сказано: «*Адамъ*, одинъ «изъ *отличнѣйшихъ* современныхъ ком«*позистовъ* (т. е. композиторовъ); род. «въ 1803 г., въ Парижѣ; получилъ му«зыкальное образованіе у своего отца, «потомъ у Рейхи, въ консерваторіи, и «наконецъ у Боальдьё; отличается «игрою *своею* на фортепіано и извѣ«стенъ музыкальными сочиненіями для «этого инструмента (какими?). Онъ на«писалъ нѣсколько оперъ, изъ кото«рыхъ наибольшій успѣхъ имѣли «Фе«нелла», «Фра Діаволо», «Осада Ко«ринеа», «Вильгельмъ Телль» и «По«чтальйонъ изъ Лонжюмо́». Имѣете ли вы теперь понятіе о характерѣ музыки Адана? Нѣтъ. По-крайней-мѣрѣ вы знаете, какія написалъ онъ оперы... И того нѣтъ, потому-что *Фенелла* опера Обера, а *Вильгельмъ Телль* и *Осада Коринеа*—оперы Россини. Редакція «Справочнаго Словаря», кромѣ того, что не указываетъ произведеній композитора, написавшаго девять оперъ и нѣсколько балетовъ, опечаталась, и подобныя опечатки встрѣчаются почти въ *каждой* статейкѣ «Справочнаго Словаря», такъ-что первый томъ его можетъ доставить ту же пользу, какъ и вторая часть грамматики Ноэля и Шапсаля, гдѣ помѣщены только опечатки для того, чтобъ дѣти, исправляя ихъ, пріучались не дѣлать ошибокъ, находящихся въ книгѣ.

Мы могли бы выписать для примѣра

еще сотню промаховъ «Справочнаго Словаря», а это было бы для насъ чрезвычайно - легко, потому - что въ книгѣ столько же опечатокъ, сколько словъ; но одно обстоятельство заставляетъ насъ отложить до времени эти выписки. Кто-то сказалъ, что въ письмѣ надо обращать вниманіе въ особенности на post-scriptum. Въ «Справочномъ Словарѣ» есть своего рода post-scriptum: на послѣдней страницѣ напечатано: «*При* второмъ томѣ будетъ *приложенъ* списокъ опечатокъ, вкравшихся въ первый томъ Справочнаго Энциклопедическаго Словаря». Приписка не совсѣмъ грамотная: вещь прилагается *къ* чему-нибудь, а не *при* чемъ-нибудь, но мы не будемъ останавливаться на подобныхъ бездѣлицахъ, потому-что большая часть статеекъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» грѣшитъ противъ логики, разошлась съ грамматикой и не хочетъ носить ихъ стѣснительныхъ узъ. Дѣло въ томъ, что многозначительное post-scriptum обведено рамочкой: значитъ, редакція хотѣла обратить на него особенное вниманіе. Это post-scriptum совершенно обезоруживаетъ критику и заставляетъ ее ждать выхода *Списка опечатокъ*, который, безъ сомнѣнія, будетъ такъ же объемистъ, какъ и первый томъ «Справочнаго Словаря», потому-что, пересмотрѣвъ его, мы начали думать, будто теперь вышелъ только *первый томъ опечатокъ* «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», но что первый томъ «Словаря» еще не поступилъ въ продажу. Вотъ почему и намѣрены мы отложить подробный разборъ его до того времени, когда выйдетъ въ свѣтъ «Списокъ Опечатокъ», т. е. самый «Справочный Энциклопедическій Словарь».

А кажется намъ, что первый томъ его хорошо издать было бы не трудно, особенно при содѣйствіи «Энциклопедическаго Лексикона» г-на Плюшара. Статьи «Справочнаго Словаря», которые еще можно назвать *не опечатками*, заимствованы почти всѣ изъ «Энциклопедическаго Лексикона»; однѣ изъ нихъ перепечатаны буквально, другія сокращены, но такъ, что всѣ фразы какой-нибудь статьи «Справочнаго Словаря», сокращенной изъ «Лексикона» г. Плюшара, перепечатаны изъ него буквально, и въ этихъ статьяхъ нѣтъ слова, принадлежащаго «Справочному Энциклопедическому Словарю», въ подтвержденіе чего приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Справочный Энциклопедическій Словарь.	Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара.
Амгунъ, рѣка. Въ 1681 г., нерчинскій воевода приказалъ Албазинцамъ идти внизъ по рѣкѣ Амуру до океана для осмотра морскихъ береговъ. Въ указѣ его упоминается между прочимъ о недавно-найденной рѣкѣ Хамуни. Въ 1782 г. Албазинцы отправились въ походъ и пришли на рѣку Амгунъ, гдѣ построили Усть-Дукичанское зимовье. Не задолго передъ тѣмъ отрядъ якутскихъ казаковъ и промышленниковъ пришелъ на ту же рѣку и поставилъ зимовье при устьѣ рѣки Немихана. Въ *этихъ* извѣстіяхъ уже не говорится о рѣкѣ Хамунѣ, слѣдовательно ее можно принять за Амгунъ. Миллеръ полагаетъ, что Амгунъ есть рѣка, *называющался на китайскихъ картахъ* Генконъ.	*Амгунъ*, рѣка. Въ 1681 г. Нерчинскій воевода приказалъ Албазинцамъ итти внизъ по р. Амуру до Океана для осмотра морскихъ *береговъ*. Въ указѣ его упоминается между прочимъ о недавно найденной р. *Хамунѣ*. Въ 1682 Албазинцы отправились въ походъ и пришли на р. *Амгунъ*, гдѣ построили Усть-Дукичанское зимовье. Не задолго передъ тѣмъ, отрядъ якутскихъ казаковъ и промышленниковъ пришелъ на ту же рѣку и поставилъ зимовье при устьѣ р. Немихана. Въ *сихъ* извѣстіяхъ, о рѣкѣ Хамунѣ уже не говорится, слѣдственно ее можно принять за Амгунъ. Миллеръ полагаетъ, что Амгунъ есть та рѣка, *которая на Китайскихъ картахъ* называется Генконъ. *Яз.*
—	—
Анатомическій театръ, зала для преподаванія анатоміи. Скамьи для слушателей располагаются амфитеатромъ для того, чтобы всѣ мог-	*Анатомическій театръ*, зала для преподаванія Анатоміи. Скамьи для слушателей обыкновенно располагаются амфитеатромъ (отъ чего и

ли видѣть трупъ, лежащій по срединѣ залы на столѣ, устроенномъ такъ, что его удобно можно обращать во всѣ стороны. Достаточное освѣщеніе залы составляетъ необходимое условіе анатомическаго театра.

—

Андрусова, деревня Смоленской Губерніи Краснинскаго уѣзда, на лѣвой сторонѣ рѣчки Городеньки, при впаденіи ея въ Вѣхру, между городами Краснымъ и Мстиславлемъ, верстахъ въ 30 къ ю. отъ перваго. Здѣсь 30 января 1667 года заключено было между Россіею и Польшею перемиріе на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Уполномоченными были: съ русской стороны, славный Ординъ-Нащокинъ, а съ польской Глѣбовичъ, Завиша и Бржостовскій. Кіевъ, Смоленскъ и вся Сѣверная земля, въ силу Андрусовскаго перемирія, оставлены за Россіею.

—

Антреме (entremêt), терминъ повареннаго искусства, означающій блюда, которыя подаются на столъ послѣ жаркаго, но прежде плодовъ или дессерта. Во Франціи эти блюда состоятъ обыкновенно изъ зелени, какъ то: спаржи, цвѣтной капусты и т. п.

—

Антитеза (отъ ἀντὶ противъ, и θέσις положеніе, тезисъ), риторическая фигура, состоящая изъ противоположныхъ мыслей или выраженій для приданія имъ большей силы и живости. Она показываетъ противныя отношенія или между качествами, образомъ существованія и дѣйствія какого-нибудь предмета. Державинъ въ своей одѣ «Богъ» употребилъ превосходную антитезу: «Безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества».

названіе), дабы всѣ могли видѣть трупъ, лежащій по срединѣ залы на столѣ, устроенномъ такъ, что его удобно можно обращать во всѣ стороны. Достаточное освѣщеніе залы составляетъ необходимое условіе Анатомическаго Театра. *Д-ръ А. З—ій.*

—

Андрусова, деревня, Смоленской Губерніи, Краснинскаго Уѣзда, на лѣвой сторонѣ рѣчки Городеньки, между городами Краснымъ и Мстиславлемъ, отъ перваго къ югу верстахъ въ 30. Здѣсь 30 Января 1667 заключено было между Россіею и Польшею перемиріе на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Уполномоченными были: съ Русской стороны, славный Ординъ-Нащокинъ, а съ Польской, Глѣбовичъ, Завиша и Бржостовскій. Кіевъ, Смоленскъ и вся Сѣверная Земля, въ силу Андрусовскаго перемирія, оставлены за Россіею. *К. Б.*

—

Антреме (Entremêt), терминъ повареннаго искусства, означающій блюда, которыя подаются на столъ послѣ жаркаго, но прежде плодовъ, или дессерта. Во Франціи эти блюда состоятъ обыкновенно изъ зелени, какъ то: спаржи, цвѣтной капусты и т. п.

—

Антитеза (Antithesis), слово Греческое, составленное изъ ἀντὶ, противъ θέσις, предложеніе, положеніе тезисъ. Антитеза, или *противоположеніе*, есть риторическая фигура, состоящая изъ противоположныхъ мыслей или выраженій, для приданія большей силы и живости. Она показываетъ противныя отношенія или между разными предметами, или между качествами, образомъ существованія и дѣйствія одного какого-нибудь предмета... Державинъ въ своей одѣ «Богъ» употребилъ превосходную Антитезу: «Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!»

Мы нарочно привели статьи изъ разныхъ отраслей знанія,—изъ географіи, медицины, русской исторіи, повареннаго искусства и риторики, подтверждающія, до какой степени «Справочный Энциклопедическій Словарь» пользовался «Лексикономъ» г. Плюшара, и еслибъ предѣлы нашей статьи позволяли выписать еще нѣсколько статеекъ, перепечатанныхъ буквально или сокращенныхъ «Словаремъ» г. Крайя изъ большаго «Энциклопедическаго Лексикона», мы не затруднились бы доставить сотню примѣровъ этого заимствованія. Впрочемъ, на всякій случай, не угодно ли будетъ читателю сравнить съ «Энциклопедическимъ Лексикономъ» хоть слѣдующія слова «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря»: Аломантія, Амальгама, Амбронинъ, Амбуранъ, Амбушюръ, Амгерстъ, Аменьйонъ, Амендоментъ, Амигдалинъ, Амманъ (должность), Амманъ (ботаникъ), Амуратъ-Ханъ, Амурсана, Амфибологія, Амфикростиль, Анфискіи, Акабарскій Заливъ, Анабасъ, Аналемма, Анатолико, Анафора, Анджели, Андаверъ, Андре, Андрековичь, Андрискъ, Андрихъ, Андромахъ Старшій, Анемонинъ, Анкилотомъ

Ансамбль, Анти, Антестатъ, Антивари, Антиква, Антикваріусъ, Антикира, Антикъ, Антилогія, Анти-Мило, Антиподы, Антескія, Антиципація, Антоновка, Антримпусъ, Антропогенія, Антрополитъ, Антропотомія, Анциле, Анабукитъ, Апевраде, A piacere, Апотидеріусъ, Апосепедикъ, Апостиль, Апотома, Апофореты, Аппеліусъ, Аппликатура, Апплодисменты, Аппретура, Аптекарская такса, Арбузный Островъ, Арбутнотъ, Арва, Арганнагой, Аргилассъ, Арджаспъ, Аретино, Аржантёйль, Аристофанъ Византійскій, Арицинъ, Арндтъ, Арура, и пр., и пр., и проч.

Иногда «Справочный Энциклоп. Словарь», заимствуя слова изъ «Энциклопедическаго Лексикона», старается дать имъ другой, новый видъ, переставляя фразы до того, что, наконецъ, онѣ теряютъ всякій смыслъ: годы, событія, лица роятся, толкаются, путаются, какъ гномы и карлики въ «Ундинѣ» Ламоттъ-Фуке. Чего же ждать отъ послѣдующихъ томовъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», если даже первый, который такъ легко было издать при помощи «Энциклопедическаго Лексикона» и другихъ спеціальныхъ словарей, вышелъ сборникомъ опечатокъ, несообразностей?.. Улучшеніе для этой книги весьма трудно, потому-что въ объявленіи о выходѣ перваго тома «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» сказано, что «всѣ матеріалы для Справочнаго Энциклопедическаго Словаря уже заготовлены, и что послѣ этого *не могутъ* послѣдовать никакія перемѣны въ планѣ изданія.» Очень-жаль!..

Но мы чуть не пропустили одного чрезвычайно-важнаго обстоятельства. Вамъ уже извѣстно, что «Справочный Энциклопедическій Словарь» сдѣлалъ нѣсколько удивительныхъ открытій: такъ, онъ нашелъ, что амидонъ есть вещество безвѣсное, что верхніе слои атмосферы теплѣе нижнихъ, что во Франціи водятся допотопные люди. Подобныя открытія могутъ подвинуть науку очень, очень-далеко, до китайской стѣны... что я говорю? до Аляски! Но это еще не всѣ открытія «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря». Углубляясь въ мыслящую способность человѣка, «Справочный Словарь» нашелъ способъ «*сосредоточивать вниманіе мимоходомъ*» (Предисловіе къ Спр. Энц. Слов., стр. 23), чего не приходило въ голову ни Лейбницу, ни Галилею, ни Шеллингу, ни Гегелю. Этотъ способъ созерцанія произведетъ такой же сильный переворотъ въ философіи, какой произвело книгопечатаніе въ исторіи образованности. Но вы знаете, что Гуттенбергъ, изобрѣтатель величайшаго искусства, производилъ надъ нимъ множество опытовъ, и первые изъ нихъ были такъ неудачны, что на первыхъ оттискахъ, выходившихъ изъ-подъ типографскаго станка гуттенбергова, приходилось читать справа на лѣво, и нѣмецкій шрифтъ походилъ на іероглифы или скандинавскія руны. Искуство «сосредоточивать вниманіе мимоходомъ», можетъ-быть, принесетъ со-временемъ обильные плоды, но до-тѣхъ-поръ изобрѣтателю надо произвести еще много, очень-много опытовъ, и усовершенствовать свое изобрѣніе. А что первые опыты редакціи «Справочнаго Энциклопедическаг Словаря» *сосредоточивать вниманіе мимоходомъ* не удались, доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ первомъ томѣ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» пропущены многія статьи, вошедшія въ Энциклопедическій Лексиконъ, редакторы котораго не изобрѣтали средства «сосредоточивать вниманіе мимоходомъ». Къ числу этихъ статей,

ускользнувшихъ отъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», принадлежатъ:

Россійско-Американская Компанія, Аракчеевы Острова, Арденнскій Департаментъ, Арто, Абдуль-Меджидъ, Арминій, Архитектура Египетская, Аналогія, Анекдотъ, и множество другихъ словъ, такихъ же *незначительныхъ*, какъ тѣ, которыя мы привели сію минуту.

Что же касается до современности свѣдѣній, обѣщанной «Справочнымъ Энциклопедическимъ Словаремъ», то эти свѣдѣнія современны двадцатымъ и много если тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Видно, что на этихъ статьяхъ вниманіе было «сосредоточено только мимоходомъ»; иначе нельзя объяснить себѣ, почему въ «Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ», который берется объяснять и описывать «понятія, термины и названія, встрѣчающіяся при постоянномъ чтеніи книгъ и журналовъ», не говорится ни слова объ *Арнимѣ*, прусскомъ министрѣ, объ *Алкудіи*, *Араго*, о современномъ состояніи *Алжира*, и проч.

При чтеніи медицинскихъ статей (числомъ 104), мы вздохнули о кончинѣ плюшарова «Энциклопедическаго Лексикона», который многіе охуждали за обширный размѣръ. За то «Справочный Энциклопедическій Словарь» ужь слишкомъ уютенъ, и предметы, содержащіеся въ немъ, изложены слишкомъ-гомеопатически. Касательно медицинскихъ статей замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, на-прим., *Аневризма*, описываются въ пяти-шести строкахъ. «Справочный Энциклопедическій Словарь» сдѣланъ, какъ видно, точно лишь для справки о названіяхъ статей, но не для того, чтобъ знать что-нибудь о предметахъ этихъ статей. Не-уже-ли статьи *Альбиносъ*, *Акупунктура*, превосходно-описанныя извѣстнымъ ученымъ, докторомъ Спасскимъ, такъ незначительны, что «Справочный Энциклопедическій Словарь» едва удѣлилъ имъ нѣсколько строчекъ? Кажется, «Справочный Энциклопедическій Словарь», который не мало разныхъ статеекъ позаимствовалъ у «Энциклопедическаго Лексикона», могъ свободно почерпнуть въ немъ болѣе-обширныя медицинскія свѣдѣнія. Странно также, что редакція «Справочнаго Энциклопическаго Словаря» помѣстила жизнеописанія врачей, которые еще живы. Что можно говорить о живомъ? Вѣроятно, врачи, описанные въ этомъ «Словарѣ», не согласились бы видѣть свои біографіи, составленныя при ихъ жизни. Вмѣсто врачей, еще живущихъ съ нами, лучше было бы помѣстить другихъ, которые со славою кончили земное свое поприще. Но редакція «Справочнаго Словаря», какъ видно, сочла излишнимъ выполнить это, и заняла у плюшаровскаго «Лексикона» помѣщенныя тамъ біографіи: оно и легче — списываніе гораздо легче писанія. Кто-то сказалъ, что у Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ лексиконы, издаваемые по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, составляютъ уже роскошь, т.е., что изданіе подобныхъ книгъ предполагаетъ предварительныя знанія. Мы, напротивъ, ищемъ въ лексиконахъ поученія, которое состоитъ именно въ подробномъ изложеніи предметовъ. Основываясь на этихъ причинахъ, можно сказать заранѣе, что если программа, съ какою издается «Справочный Словарь», не измѣнится, то мы едва-ли пріобрѣтемъ отъ этой книги большую пользу. Какое понятіе можно составить объ *Ампутаціи*, *Апатіи*, *Апоплексіи*, описанныхъ въ шести или по-большей-мѣрѣ десяти строчкахъ?

...е-
...ертво-

...я, что всякая
6

Историческія статьи «Справочнаго Словаря» крайне-безцвѣтны; не говоримъ уже о томъ, что въ нихъ не указываются причины явленія, — самые факты перебиты, запутаны, важнѣйшіе изъ нихъ пропущены, самые ничтожные рисуются на первомъ планѣ, такъ-что въ отношеніи къ исторической вѣрности, по-крайней-мѣрѣ школьной, утвердившейся въ то время, когда наука исторіи была въ пеленкахъ и училась ходить на помочахъ повѣрій, даже «Краткая Всеобщая Исторія» Кайданова нисколько не ниже «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря»...

Но пока—довольно!

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Іюль.

263) **Историческое Обозрѣніе Царствованія Государя Императора Николая I.** *Сочиненіе* Н. Устрялова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Эксп. Загот. Госуд. Бумагъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 175 стр.*

Вопросъ давно рѣшенный, что писать современную исторію нельзя. Еслибъ не доказывали этого тысячи опытовъ, то самое простое сужденіе привело бы къ тому же выводу. Современники не знаютъ и не могутъ знать множества видимыхъ ими событій; не знаютъ причинъ самыхъ событій, потому-что часто онѣ скрываются въ недосягаемой для нихъ глубинѣ, или въ неподозрѣваемомъ ими историческомъ отдаленіи; наконецъ, для многихъ и даже самыхъ важныхъ событій существуютъ — какъ бы сказать—современныя, политическія приличія, которыхъ нарушеніе было бы гораздо-больше неумѣстно, нежели нарушеніе всѣхъ возможныхъ приличій. Въ смыслѣ науки, исторія невозможна для современниковъ уже потому, что тогда она должна обнимать полное, оконченное событіе, а не такое, которое еще совершается или находится въ полномъ разгарѣ. Но, какъ все видимое и не совсѣмъ ясное, не совсѣмъ-постигаемое, современность заключаетъ въ себѣ особенную прелесть и увлекаетъ насъ больше, нежели старинныя или древнія происшествія: видя передъ собой торжество, грустное происшествіе, затруднительное положеніе, хотимъ знать причину всего этого, хотимъ раздѣлять радость и грусть, тревожимся или, по-крайней-мѣрѣ, интересуемся развязкою великаго, затруднительнаго сцѣпленія обстоятельствъ. Здѣсь причина необходимой потребности даже въ самыхъ поверхностныхъ газетныхъ извѣстіяхъ, причина любопытства, съ какимъ въ наше время читаютъ записки извѣстныхъ лицъ и всякаго рода современныя извѣстія. Вездѣ хотятъ узнать, открыть, извѣдать исторію современнаго общества: Homo sum, humani nihil a me alienum puto. Но если, какъ человѣкъ, каждый интересуется всѣмъ человѣчественнымъ, то, какъ гражданинъ своей страны, онъ еще больше желаетъ знать событія своего отечества. Описанія современныхъ отечественныхъ событій увлекаютъ его, потому-что въ нихъ онъ видитъ самого-себя, свою судьбу, свою жизнь—эгоизмъ, если угодно, но тотъ высокій, благородный эгоизмъ, который заставляетъ проливать кровь за благо своей страны и служитъ источникомъ всѣхъ великихъ пожертвованій.

Вотъ почему, даже зная, что всякая

современная исторія бываетъ неполна и не договариваетъ многаго, съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ ея сказанія. Впрочемъ, размышленія наши не относятся къ сочиненію г-на Устрялова, который писалъ его по оффиціальнымъ актамъ и руководствовался самыми достовѣрными указаніями. Отъ-того книга его носитъ характеръ истины въ разсказѣ своемъ, и можно сожалѣть только о томъ, что она не довольно-подробно излагаетъ событія, совершившіяся въ послѣднія двадцать слишкомъ лѣтъ, то-есть со времени вступленія на престолъ Государя Императора Николая I. Причиной краткости было то, что авторъ соображался съ размѣромъ своей «Русской Исторіи», изданной первоначально въ 1840 году въ пяти томахъ, и соразмѣрно съ объемомъ ихъ составилъ изданное нынѣ *Историческое Обозрѣніе*, служащее окончательнымъ дополненіемъ къ нимъ. Но за всѣмъ тѣмъ, сколько свѣдѣній сообщаетъ онъ въ своей книгѣ! какой рядъ событій проходитъ передъ глазами читателя!... Отличительный характеръ новой русской исторіи, и особливо современной намъ, состоитъ въ томъ, что она объемлетъ не одни внутреннія событія нашей имперіи, но касается многихъ событій цѣлаго міра, и русскій Монархъ, по выраженію автора, «благовременно принимаетъ «дѣятельное участіе во всѣхъ вели«кихъ событіяхъ европейскихъ, и сво«имъ могущественнымъ вліяніемъ, сво«имъ грознымъ положеніемъ, не обна«жая меча, однимъ такъ сказать взгля«домъ, уничтожаетъ замыслы поколе«бать общій миръ Европы...» (стр. 20).

Исторія государства, гдѣ событія достигли такого размѣра, можетъ быть написана только въ связи со всемірною исторіею и займетъ много томовъ у самаго скупаго на слова историка. Потому г. Устряловъ поступилъ очень-благоразумно, представивъ лишь очеркъ событій за послѣднія двадцать лѣтъ жизни Россіи и назвавъ его *Историческимъ Обозрѣніемъ*, конечно еще по тому соображенію, что онъ не излагаетъ событій въ общей ихъ связи, а, избирая только главнѣйшія, почти отдѣльно представляетъ каждое изъ нихъ. Отъ-того и книга его раздѣлена на главы, почти неимѣющія между собою связи. Вотъ заглавія всѣхъ этихъ главъ: Часть I-я. Гл. 1-я, Восшествіе на престолъ; Гл. 2-я, Аккерманская конвенція; Гл. 3-я, Война персидская; Гл. 4-я, Война турецкая; Гл. 5-я, Дѣла египетскія.—Часть II-я. Гл. 1-я, Усмиреніе мятежа польскаго; Гл. 2-я, Холера.—Часть III-я. Гл. 1-я, Законодательство; Гл. 2-я, Прекращеніе уніи; Гл. 3-я, Современное состояніе Россіи. Въ самомъ изложеніи событій не соблюдено хронологическаго порядка: дѣла египетскія, относящіяся къ 1840 году, описаны прежде холеры и усмиренія польскаго мятежа, относящихся къ 1830 и 1831 годамъ; внутреннія событія въ имперіи соединены въ отдѣльныя главы. По всему этому, книга г. Устрялова есть не исторія въ прямомъ смыслѣ, а именно очеркъ или обозрѣніе, какъ и самъ онъ называетъ его.

Но по близости къ намъ описываемыхъ событій и по какому-то родному для насъ интересу въ каждомъ изъ нихъ, нельзя не читать книги г. Устрялова безъ любопытства. Особливо тѣ мѣста въ ней, гдѣ въ первый разъ описываются многія важнѣйшія событія, приковываютъ къ себѣ вниманіе. Таково, почти въ самомъ началѣ, описаніе восшествія на престолъ Государя Императора Николая I:

«Роковая вѣсть о кончинѣ Императо«ра Александра достигла Санктпетер«бурга въ восьмой день, въ ту самую «минуту, когда Государыня Марія Ѳе«одоровна, съ императорскою фами«ліею, въ храмѣ Зимняго Дворца во«сылала теплыя мольбы ко Всевышне«му о здравіи державнаго сына своего. «Во время молебствія, графъ Милора«довичъ вызвалъ Великаго Князя Ни«колая Павловича изъ церкви и ска«залъ о полученномъ извѣстіи. Оба

«они вошли въ ризницу, гдѣ была Императрица Марія Θеодоровна, и объявили ей ужасную вѣсть.— Оставивъ скорбящую мать въ рукахъ супруги своей, Великой Княгини Александры Θеодоровны, Великій Князь тотчасъ пошелъ ко внутреннему пикету, бывшему въ тотъ день отъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, и объявилъ ему, что Россія лишилась общаго отца, что теперь всѣ обязаны присягою законному Государю Константину и что онъ идетъ присягать ему. То же объявилъ онъ двумъ другимъ внутреннимъ карауламъ, кавалергардскому и конногвардейскому, и поручилъ тогдашнему дежурному генералу, генералъ-адъютанту Потапову, объявить главному дворцовому караулу и принять отъ него присягу; самъ же съ графомъ Милорадовичемъ и бывшими тутъ генералъ-адъютантами пошелъ въ большую церковь, гдѣ присягнулъ Императору Константину и подписалъ присяжный листъ со всѣми присутствовавшими. Примѣру его послѣдовали всѣ чины военные и гражданскіе, во дворцѣ бывшіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, согласно съ волею покойнаго Императора, въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта раскрытъ предъявленный ему еще въ 1823 году пакетъ, за императорскою печатью, съ собственноручною надписью Александра: «Хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины, раскрыть прежде всякаго другаго дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи». Пакетъ сей заключалъ въ себѣ: 1) Письмо Цесаревича Константина къ покойному Государю отъ 14 января 1822 г., о добровольномъ отреченіи его отъ престола, на который по рожденію своему онъ могъ когда либо имѣть право, съ просьбою утвердить таковое намѣреніе Императорскимъ словомъ и согласіемъ Государыни Маріи Θеодоровны; 2) отвѣтъ Александра отъ 2 февраля того же года, о согласіи какъ съ его стороны, такъ и со стороны Императрицы на просьбу Цесаревича; 3) манифестъ 16 августа 1823 года, утверждающій право на престолъ, по случаю добровольнаго отреченія Цесаревича, за Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, на точномъ основаніи акта о престолонаслѣдіи. Изъ манифеста открылось, что такіе же акты и съ тою же надписью хранились въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ Святѣйшемъ Синодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Великій Князь, которому акты сіи были совершенно неизвѣстны, не желая и не считая себя въ правѣ, отреченіе Цесаревича, въ свое время не обнародованное и въ законъ не обращенное, признавать невозвратнымъ, настоялъ о немедленномъ приведеніи къ присягѣ всего государства старшему брату своему, Константину Павловичу, чтобъ оградить коренной законъ престолонаслѣдія отъ всякаго прикосновенія, отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній своихъ и предохранить отечество отъ малѣйшей, даже мгновенной неизвѣстности о законномъ Государѣ. Вслѣдствіе сего, по распоряженію Правительствующаго Сената, Россія присягнула Императору Константину, и министръ юстиціи довелъ о томъ до свѣдѣнія его всеподданнѣйшимъ рапортомъ. Между-тѣмъ, извѣстіе о кончинѣ Александра пришло въ Варшаву прямо изъ Таганрога двумя днями ранѣе, нежели въ С. Петербургъ. Цесаревичъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и письмомъ отъ 26 ноября, снова уступая всѣ права на престолъ брату своему Николаю Павловичу, просилъ принять отъ него перваго вѣрноподданническую присягу. Сколь ни положительны были всѣ сіи акты, какъ ни ясно представлялось въ нихъ отреченіе Государя Цесаревича непоколебимымъ и невозвратнымъ, Великій Князь Николай Павловичъ не провозглашалъ себя Императоромъ до окончательнаго изъявленія воли старшаго брата на присягу, уже всѣмъ государствомъ ему принесенную. Цесаревичъ не замедлилъ подтвердить свое намѣреніе, и рапортъ министра юстиціи возвратилъ нераспечатаннымъ. Тогда наконецъ обнародованъ манифестъ 12 декабря о восшествіи на престолъ Государя Императора Николая I. Россія съ умиленіемъ узнала о великодушной, беспримѣрной въ исторіи борьбѣ двухъ братьевъ, уступавшихъ другъ другу права на вѣнецъ, блистательнѣйшій въ мірѣ» (стр. 13—16).

Къ числу важныхъ событій, мало извѣстныхъ въ подробностяхъ своихъ, принадлежитъ также описаніе могущественной помощи, оказанной русскимъ Монархомъ Оттоманской Портѣ противъ египетскаго паши Мехмеда-Али, когда, послѣ битвы близь Коніи, турецкія войска были разсѣяны имъ и самъ визирь попался ему въ плѣнъ... Султанъ остался безъ арміи; дорога въ Константинополь была открыта. Передовыя войска Ибрагима заняли Смирну и появились въ окрестностяхъ Бруссы.

«Еще при началѣ войны, какъ-бы «предчувствуя угрожавшую опасность, «Султанъ просилъ содѣйствія къ усми«ренію мятежнаго подданнаго у тѣхъ «державъ европейскихъ, которыя од«нимъ изъ главныхъ правилъ своей по«литики всегда провозглашали само«стоятельность Порты Оттоманской. «Болѣе всего надѣялся онъ на Англію «и Францію: надежда его была тщет«ная. Ни та, ни другая держава не «приняла заблаговременно никакихъ «мѣръ къ защитѣ султана; обѣ онѣ до«вольствовались одними увѣреніями въ «дружбѣ, и вели безплодные перего«воры съ Мегмедомъ-Али, даже скло«нялись на его сторону. Иначе посту«пила Россія. При первомъ извѣстіи о «возстаніи въ Египтѣ, Государь Импе«раторъ повелѣлъ россійскому консулу «немедленно выѣхать изъ Алексан«дріи. Столь дружелюбное расположе«ніе нашего Кабинета къ Портѣ Отто«манской принято было султаномъ съ «живѣйшею признательностью, и воз«будило въ немъ мысль, въ случаѣ на«добности прибѣгнуть къ пособію Рос«сіи. Государь Императоръ, изъявивъ «готовность помочь вѣрному союзнику «своему, полагалъ, что со стороны «Россіи существенною услугою султа«ну будетъ торжественное порицаніе «мятежа египетскаго, и съ этою цѣлью «отправилъ въ Александрію генерала «Муравьева; въ то же время Черно«морскому флоту дано повелѣніе, по «первому требованію посланника на«шего при Портѣ, отправиться на «защиту Константинополя. Генералъ «Муравьевъ былъ принятъ въ Алексан«дріи съ особенными почестями: Ме«гмедъ-Али далъ обѣщаніе покориться «Султану, и въ присутствіи нашего ге«нерала отправилъ приказаніе къ Иб«рагиму прекратить непріязненныя «дѣйствія. Между тѣмъ, Султанъ, не «имѣя никакого свѣдѣнія объ успѣхѣ «посольства Муравьева, и устрашен«ный грознымъ движеніемъ Ибрагима «къ Бруссѣ, обратился къ посланнику «нашему Бутеневу, съ убѣдительною «просьбою поспѣшить присылкою изъ «Россіи войскъ вспомогательныхъ. Же«ланіе его было исполнено. Эскадра «контръ-адмирала Лазарева снялась «съ якоря въ Севастополѣ и на всѣхъ «парусахъ полетѣла къ Босфору. Она «была уже въ морѣ, когда генералъ «Муравьевъ привезъ въ Константино«поль утѣшительное извѣстіе о согла«сіи Паши покориться своему Госуда«рю; въ то же самое время Ибрагимъ «далъ знать Портѣ, что, въ слѣдствіе «повелѣнія своего отца, онъ прекра«тилъ движеніе египетской арміи и «остановился въ Кутахіи. Султанъ не «находилъ словъ къ выраженію своей «благодарности Россійскому Импера«тору, столь безкорыстно и велико«душно принявшему участіе въ бѣд«ствіяхъ Турціи, и своимъ благолѣ«тельнымъ вліяніемъ остановившему «движеніе египетской арміи. Дѣло «тѣмъ однакожь не кончилось. Уже «отправлено было посланникомъ на«шимъ, согласно съ желаніемъ Порты, «повелѣніе контръ-адмиралу Лазареву «возвратиться съ эскадрою въ Севасто«поль, когда Султанъ узналъ, что «Ибрагимъ, вопреки данному отцомъ «его обѣщанію и собственному увѣре«нію, возобновилъ военныя дѣйствія «въ Малой Азіи, овладѣлъ Магнезіею, «низложилъ Турецкія власти въ Смир«нѣ; Мегмедъ же Али собираетъ но«выя войска, для подкрѣпленія сына. «Къ счастію, контръ-адмиралъ Лаза«ревъ не встрѣтилъ курьера, отпра«вленнаго Бутеневымъ, прибылъ съ «эскадрою въ Босфоръ и бросилъ «якорь въ виду Константинополя. Онъ «привелъ 5 линейныхъ кораблей и 4 «фрегата. Появленіе нашей эскадры «подъ стѣнами Стамбула, въ такую «сомнительную минуту, встревожило «его жителей и произвело недоумѣніе «въ самомъ диванѣ; а французскій по«сланникъ, адмиралъ Руссенъ, даже «грозилъ Султану разрывомъ Фран-

ціи, если не удалятся Русскіе корабли изъ Босфора. Но Махмудъ, не взирая на ропотъ народа, на опасенія своего дивана, на угрозы французскаго посланника, не поколебался въ безусловной довѣренности къ безкорыстію и великодушію Россійскаго Императора. Наша эскадра осталась предъ Константинополемъ, и по требованію Султана, была еще усилена: 20 русскихъ кораблей, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Орлова, стояли на якорѣ передъ Буюкдере, а 10,000 человѣкъ пѣхоты расположились лагеремъ на азіатскомъ берегу у Хункіаръ-Скелеси, подъ начальствомъ генерала Муравьева, готовые встрѣтить и отразить побѣдоноснаго Ибрагима. Мало того: когда вѣсть о появленіи Русскихъ передъ вратами беззащитнаго Константинополя встревожила умы въ Англіи и Франціи, и общее мнѣніе въ той и другой странѣ, обвиняя министровъ въ оплошности, предавшей Турцію произволу Россіи, громко требовало отъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ къ удаленію нашихъ войскъ изъ Босфора, Государь Императоръ возвѣстилъ Европѣ, «что флотъ и войско его останутся въ занятой ими позиціи, доколѣ египетская армія не перейдетъ обратно за горы Таврскія». Столь рѣшительное изъявленіе воли могущественнаго Государя Россіи обезоружило завистниковъ нашей славы и спасло Турцію. Мегмедъ-Али отозвалъ войска свои изъ Малой Азіи. Русскій офицеръ проводилъ Ибрагима до предѣловъ Сиріи, и какъ скоро египетская армія перешла горы Таврскія, графъ Орловъ посадилъ отрядъ Муравьева на суда и возвратилъ флотъ въ Севастополь. Признательный Султанъ въ доказательство искренняго дружелюбія къ Россійскому Государю, заключилъ съ нимъ оборонительный договоръ въ Хункіаръ-Скелеси, которымъ обязался, между прочимъ, запереть Босфоръ и Дарданеллы для военныхъ судовъ всѣхъ державъ иностранныхъ.

Призванная единственно для спасенія Турціи отъ грознаго завоевателя, Россія должна была ограничиться въ предѣлахъ, предначертанныхъ ей самымъ дѣломъ, и не могла принять участія въ условіяхъ договора, примирившаго Султана съ пашею египетскимъ. Посредничества нашего не требовали и мы его не предлагали. Договоръ заключенъ подъ вліяніемъ Англіи и Франціи. Мегмедъ-Али не только остался пашею египетскимъ, но и получилъ сверхъ того въ управленіе Сирію съ Дамаскомъ и Алепомъ, а сыну его Ибрагиму предоставлены доходы съ округа Аданскаго въ Малой Азіи.

Водворенное такимъ образомъ спокойствіе на Востокѣ не могло быть продолжительно. Султанъ, вынужденный уступить мятежному подданному значительную часть своей имперіи, болѣе чѣмъ когда-либо искалъ случая сокрушить его; Мегмедъ-Али, съ своей стороны, не сомнѣваясь въ содѣйствіи Франціи, замышлялъ свергнуть съ себя самую тѣнь господства Порты. Явно возраставшая непокорность его вынудила Султана еще разъ испытать счастіе оружія. Оно вновь ему измѣнило. Войско его было разсѣяно и уничтожено блестящею побѣдою Ибрагима при Низибіи, на берегахъ Евфрата. Злосчастный Махмудъ не въ силахъ былъ перенести столь жестокаго удара, и умеръ. Вслѣдъ за тѣмъ весь турецкій флотъ, посланный къ Александріи, измѣною капитана-паши, передался на сторону непріятеля. Турція осталась безъ войска и безъ флота. Торжествующій Мегмедъ потребовалъ отъ юнаго преемника Махмудова, Султана Абдулъ-Меджида, удаленія недруга своего, верховнаго визиря, и наслѣдственной власти надъ Египтомъ, Сиріею, Аданою, Кандіею, угрожая въ противномъ случаѣ овладѣть Константинополемъ.

Вся Европа, за исключеніемъ одной Франціи, убѣдилась въ необходимости принять рѣшительныя мѣры, сообразно съ политикою нашего двора, къ обузданію опаснаго честолюбца, грозившаго поколебать общій миръ Европы. Посланники главныхъ державъ въ Константинополѣ объявили Портѣ, что кабинеты ихъ условились съ общаго согласія устроить окончательно дѣла восточныя, и предложили султану: не входя ни въ какія сношенія съ Мегмедомъ-Али, предоставить все дѣло безпристрастному суду державъ европейскихъ. Султанъ при-

«нялъ это предложеніе съ радостью. «Въ слѣдствіе сего, въ Лондонѣ составилась конференція изъ полномочныхъ министровъ пяти державъ: Россіи, Англіи, Австріи, Франціи и Пруссіи. Представителемъ Россіи былъ баронъ Бруновъ. При самомъ началѣ «переговоровъ, Англія согласилась съ «Россіею въ основной идеѣ объ устройствѣ дѣлъ восточныхъ. Австрія и «Пруссія также раздѣляли ее. Но «упорная наклонность французскаго «правительства на сторону Мегмеда-«Али долго мѣшала успѣшному ходу «дѣлъ. Полномочные Россіи, Англіи, «Австріи и Пруссіи рѣшились наконецъ подписать протоколъ безъ участія французскаго посла, и положили: «предоставить Мегмеду-Али наслѣдственную власть въ Египтѣ; сверхъ «того, отдать ему лично южную часть «Сиріи, съ тѣмъ однакожь условіемъ, «чтобы онъ безпрекословно признавалъ верховную власть султана и платилъ Портѣ дань; всѣ прочія мѣста, «невходившія въ Пашалыкъ Египетскій, сѣверную часть Сиріи, Адану, «Кандію, онъ долженъ былъ возвратить Портѣ, равно какъ и флотъ ея, «въ теченіе 10 дней. Въ случаѣ же отказа его, рѣшено было не входить съ «нимъ ни въ какія условія и смирить «его силою оружія: для сего соединенному англійско-австрійскому флоту «предоставить блокаду береговъ Сиріи «и Египта, а русской эскадрѣ поручить защиту Константинополя, въ «случаѣ нападенія Ибрагима. Мегмедъ-«Али отвергъ предложеніе союзныхъ «кабинетовъ, въ полной увѣренности «на помощь Франціи, досадовавшей на «устраненіе ея въ столь важномъ дѣлѣ. «Рѣшительность союзниковъ отклонила отъ Европы бѣдствія всеобщей «войны. Соединенный англійско-австрійскій флотъ быстро овладѣлъ береговыми крѣпостями въ Сиріи, Бейрутомъ, Саидомъ, Тиромъ, Акрою, и «угрожая разрушить самую Александрію, вынудилъ пашу согласиться на «безусловную покорность султану, который, только по ходатайству союзныхъ державъ, оставилъ ему въ наслѣдственное управленіе одинъ Египетъ. Мегмедъ-Али съ своей стороны «обязался, самымъ положительнымъ «образомъ, признавать надъ собою господство Порты и платить ей дань «наравнѣ съ другими пашами. Франція, послѣ нѣкотораго прекословія, «должна была согласиться на мѣры, «принятыя Россіею и ея союзниками. «Справедливая и прямодушная политика нашего кабинета восторжествовала надъ всѣми кознями, и, водворивъ прочный миръ на Востокѣ, «утвердила общее спокойствіе европейскихъ народовъ» (стр. 79—87).

Приведемъ еще изъ книги г. Устрялова тѣ строки, гдѣ, обозрѣвая современное состояніе русскаго законодательства, онъ говоритъ:

«Еще въ свѣжей памяти то время, «когда правители и судьи блуждали «въ какомъ-то хаосѣ, встрѣчая въ законахъ безпрерывныя недоразумѣнія, темноты, противорѣчія, когда «ябеда имѣла обширное для себя поприще, когда требовался необыкновенный навыкъ въ пріисканіи приличныхъ дѣлу законовъ, и криводушный судья могъ запутать, затемнить «самую чистую истину своимъ произволомъ: время это миновало какъ тяжкое сновидѣніе. Все, что имѣетъ силу «закона, что̀ обезпечиваетъ нашу честь «и собственность, все теперь доступно «и понятно всѣмъ и каждому, все изложено въ Сводѣ съ точностію и ясностію. Это важное, первое условіе каждаго кодекса есть слѣдствіе плана, «глубоко обдуманнаго и тщательно исполненнаго, плана, равно сообразнаго и съ коренными уставами нашими, «и съ цѣлью практическаго употребленія, и съ требованіями науки» (стр. 146 и 147).

Въ заключеніе, авторъ объясняетъ благотворныя слѣдствія великаго подвига въ нашемъ законодательствѣ:

«Есть, были и всегда будутъ» говоритъ онъ: «преступные нарушители «законовъ, люди, забывающіе честь и «долгъ присяги; но въ слѣдствіе установленнаго порядка во всѣхъ частяхъ «управленія, подобные враги общественные являются рѣже и рѣже. По «крайней мѣрѣ не столь часты, не «столь возмутительны, какъ бывало «прежде, примѣры злоупотребленія «силы, безсовѣстнаго лихоимства, от-

«крытаго неправосудія. Строгая отчетность, тщательная ревизія, постоянное наблюденіе высшихъ властей надъ низшими, увеличеніе окладовъ, надежда за ревностное исполненіе обязанностей на отличіе, каждому нынѣ доступное, призрѣніе правительствомъ нашей преклонной старости, нашихъ вдовъ и сиротъ, постепенное удаленіе отъ службы людей съ черствою душою, постоянное замѣщеніе ихъ воспитанниками университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній,— все сіе въ совокупности дало иной видъ классу чиновному и произвело въ присутственныхъ мѣстахъ благодѣтельную перемѣну, понятную каждому, кто помнитъ прежній порядокъ вещей лѣтъ за двадцать» (стр. 168 и 169).

264) **Путевыя Замѣтки.** *Соч.* Т. Ч. *Изданіе* К. Тотти. *Одесса. Въ тип. Т. Неймана и Комп. 1847. Въ 18-ю д. л. 146 стр.*

Не смотря на заглавіе, успокойтесь! Это не замѣтки русскаго путешественника за границей, не ученое пѣшехожденіе и переѣзды: это просто замѣтки *на пути жизни*. Такъ автору угодно было назвать свою книжку. Болѣе всего дорожа точностью выраженій, мы скажемъ, что «Путевыя Замѣтки» — просто небольшая, миленькая, чрезвычайно-опрятная книжечка, заключающая въ себѣ двѣ небольшія, миленькія и чрезвычайно-опрятныя повѣсти. Одна изъ этихъ повѣстей называется «Три варіаціи на одну тему», другая «Гувернантка». Наружный видъ книжки, равно какъ и заключающіяся въ ней повѣсти, производятъ весьма-пріятное впечатлѣніе на читателя: издана она скромно, напечатана чистымъ, тонкимъ англійскимъ шрифтомъ, и во всей книгѣ найдется не болѣе двухъ или трехъ опечатокъ; повѣсти отличаются тѣми же достоинствами: писаны скромно, безъ претензій на мастерство и безпрестанныя coup de maitre, часто съ увлеченіемъ, нимало не оскорбляя художественнаго такта читателя — и читатель остается совершенно-доволенъ и книжкой и повѣстями, и прощаетъ автору двѣ или три неловкія, лишнія сцены и нѣкоторыя лирическія отступленія—за то, что эти отступленія хороши и дышатъ часто неподдѣльнымъ чувствомъ, чуждымъ реторики. Критикъ, сверхъ-того, радуется этому явленію, потому-что можетъ поздравить читателей съ новымъ бельлетристическимъ талантомъ, который выступаетъ на сцену съ такими счастливыми залогами будущаго. Итакъ, всѣ довольны, и читатель, и критикъ: доволенъ ли самъ авторъ? Дай Богъ, чтобъ онъ-то самъ или, точнѣе, она сама (потому-что авторъ — дама) былъ недоволенъ своимъ произведеніемъ! Это было бы ему-самому ручательствомъ, что въ будущемъ талантъ его разовьется и произведетъ что-нибудь еще лучшее.

Всякое художественное произведеніе, будь оно произведеніе самаго объективнаго таланта, непремѣнно носитъ на себѣ отпечатокъ личности автора, какъ выраженіе по-крайней-мѣрѣ его взгляда на вещи, а взглядъ на вещи каждаго человѣка есть результатъ его личныхъ силъ или способностей и всего прожитаго, передуманнаго, перечувствованнаго. Отъ-этого всѣ произведенія, вышедшія изъ-подъ пера женщины, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, достоинства или недостатки, которые именно потому и суть достоинства и недостатки, что авторъ — женщина. Это и не можетъ быть иначе по физіологическимъ законамъ. Женщина-авторъ, какъ и въ жизни вообще всякая женщина, никогда не равнодушна къ своимъ героямъ: она или любитъ ихъ, или не любитъ; середины нѣтъ; они или хороши или дурны: или герои добродѣтели или негодяи; въ томъ и другомъ случаѣ — они всегда идеальные герои, идеальныя добродѣтели, идеальные негодяи. Обыкновеннаго человѣка, пошлаго по натурѣ или въ-слѣдствіе общественнаго своего положенія, она изобразить не можетъ; даже изображая негодяя, она рѣдко

питаетъ къ нему художественную любовь, т. е. съ любовью не изображаетъ его личности, не развиваетъ ея, не углубляется въ него, и не заставляетъ васъ ни полюбить его какъ типъ, какъ вы любите, на-прим., Плюшкина или Чичикова, ни пожалѣть о немъ. Романы Диккенса никогда не могли бы быть написаны женщиною, не смотря на то, что у Диккенса много теплоты и любви; романы Жоржа Занда не могли бы быть написаны никѣмъ, кромѣ женщины...

Сверхъ-того, такъ-какъ умъ женщины постоянно вращается въ сферѣ частныхъ отношеній, она обогащается тысячью мелкихъ психологическихъ замѣтокъ; она знаетъ тысячи движеній сердца, для насъ почти неуловимыхъ. Съ другой стороны, разсказываетъ ли она, пишетъ ли — у нея главную роль во всемъ играетъ чувство. Отъ-этого въ жизни ея, всякое потрясающее ее чувство выражается иногда дивной лирической тирадой, краснорѣчіемъ необыкновеннымъ, и именно въ такія минуты, когда мужчина говорить бы не сталъ, или выражался бы междометіями и отрывочными фразами. Отъ-этого и въ произведеніяхъ женщины вы встрѣчаете множество лирическихъ отступленій. Часто этотъ лиризмъ достигаетъ высокой степени увлекательности, дышетъ всею силой глубокаго чувства, горитъ блескомъ мысли, внезапно-охватившей воображеніе автора-женщины и непремѣнно затронувшей ея сердце. Такими мѣстами богаты многія страницы въ повѣстяхъ г-жи Т. Ч. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ первой повѣсти «Три Варьяціи» одна дама описываетъ свою исторію; она говоритъ, между-прочимъ:

«...Онъ отвѣчалъ мнѣ страстнымъ пожатіемъ руки и благодарнымъ взглядомъ.

«Боже мой, какая это была минута! Много лѣтъ проскользнуло съ тѣхъ поръ, много чувствъ и мыслей заставляли биться это сердце и склоняли эту голову. И я состарѣлась, и волоса посѣдѣли, и нѣсколько морщинъ прорѣзались вдоль лоба, рѣзче отдѣливъ блѣдныя щеки: но отъ чего же эта минута прошла рѣзкой, огнистой полосой чрезъ мои воспоминанія? отъ чего теперь, когда я пишу это, щеки мои горятъ и грудь томительно трепещетъ? Скажите отъ чего?

«Блаженъ, кто хоть разъ, во всю безцвѣтную, многотрудную жизнь, испыталъ роскошь чувствъ, упоеніе страсти, блаженство любви; въ коихъ кратковременность блаженства не позволила развиться чувствамъ болѣе грубымъ и порочнымъ. Блаженъ, блаженъ!... Но какъ звать того, кто тихо, одиноко прошелъ незамѣтную жизнь, кто ложится въ тѣсный гробъ, не оставляя въ своемъ прошедшемъ ни одного сердечнаго увлеченія, ни одного сердечнаго вѣрованія, кто ничего не ждалъ, ни къ чему не готовился; кто не жилъ, а переносилъ только жизнь; не роптадъ на горе, потому что не понималъ возможности радостей; кто оградилъ себя отъ страстей, но не могъ оградить отъ желаній; кто отталкивалъ даже возможность любви, и потому болѣзненнымъ сердцемъ привязывался къ себѣ, — какъ назовемъ мы того?..

«*Страсть есть усиленное чувство, чувства даются Богомъ*; но направленіе чувствъ или страстей даетсялюдьми и въ волѣ человѣка дать имъ направленіе благородное. Отсюда страсти благородныя и страсти низкія. Но живущій безъ страстей живетъ отрицательно, то есть жизнь его можно назвать только — не смертью: въ немъ жизнь дыханья, но нѣтъ жизни духовной. Если вы любите и боитесь бросить на долю васъ любящаго и любимаго вами нѣсколько минутъ чистаго блаженства,—не останавливайтесь болѣе и дайте ему эту минуту»... (Стр. 35).

Сколько тутъ силы, сколько тутъ правды — и правды такой, которая не есть плодъ обдуманной теоріи, долгаго размышленія, а такой правды, которую человѣкъ говоритъ вдохновенный чувствомъ, просвѣтленный имъ, какъ Пиѳія, прослышавшая зовъ дельфійскаго бога! Но наряду съ этими порывами высокаго лиризма, въ произведеніяхъ женщины, вы непремѣнно найдете какую-нибудь странную натяжку; подлѣ словъ дышащихъ силой правды, какой-то капризъ мысли, къ кото-

рому авторъ привяжется и не отстаетъ отъ него, обработываетъ и доказываетъ его, гораздо болѣе, чѣмъ тѣ непосредственно-высказанныя истины. Часто такія натяжки стоятъ въ основаніи цѣлой повѣсти. Такъ и здѣсь, въ той же повѣсти, «Три Варьціи», да и самая повѣсть будто-бы къ тому и написана, чтобъ доказать доводами разума и примѣромъ, что двадцатилѣтняя дѣвушка можетъ влюбиться въ ребенка. Спросите всякаго домашняго Ларошфуко́, онъ скажетъ вамъ, возможно ли это, и въ какихъ обстоятельствахъ; можетъ-быть, онъ прибавитъ, что влюбиться въ златокудраго, румянаго, свѣжаго отрока, въ которомъ только-что пробуждаются первыя, неясныя понятія о женщинѣ и сердце начинаетъ безотчетно биться при шелестѣ шелковаго платья, при прикосновеніи къ женской рукѣ, — что влюбиться въ такого отрока способна женщина, уже утратившая много первоначальной дѣвственной чистоты и достигшая уже зрѣлыхъ лѣтъ; тогда эта любовь можетъ быть для нея только пріятною, необыкновенною новостью, quelque chose de piquant. Такъ Лукреція Борджіа, уже въ послѣдніе годы своей красоты, могла влюбиться въ красиваго юношу, у котораго только-что начинали пробиваться усики...

Съ другой стороны, и пятнадцатилѣтній мальчикъ не будетъ долго холоденъ къ женщинѣ, оказавшей ему вниманіе, какъ Лёля, герой перваго разсказа. Мальчикъ этого возраста влюбится въ первую кузину, которая неосторожно-крѣпко пожала ему руку; онъ вспыхнетъ и полюбитъ вдругъ послѣ одного нѣсколько-страстнаго поцалуя, и надъ покореніемъ его сердца нечего долго трудиться женщинѣ, которая вздумала бы побѣдить его. Между-тѣмъ, героиня этой повѣсти, двадцатилѣтняя дѣвица, живущая въ свѣтѣ, окруженная молодыми людьми всякаго возраста и вида, истощаетъ все свое кокетство, мучится ревностью и сомнѣніемъ, впадаетъ въ отчаяніе отъ-того, что очень-долго не можетъ добиться взаимности отъ пятнадцатилѣтняго ребенка... Натяжка, психологическая невѣрность! Такія эксцентрическія явленія производятъ чрезвычайно-непріятное впечатлѣніе, какъ нравственное уродство. Было когда-то особенно въ модѣ изображать разныя необыкновенныя проявленія природы; французская литература за послѣдніе двадцать лѣтъ можетъ представить тысячу подобныхъ неестественностей; наша, какъ подражательная—тоже; упомянемъ на этотъ разъ хоть только объ одной драматической фантазіи «Джакобо Саннazаръ». Эстетическое чувство сильно оскорбляется въ васъ, когда вы видите, ка́къ маленькій мальчикъ таетъ въ объятіяхъ взрослой женщины, любитъ и умомъ и сердцемъ и раздраженной чувственностью, и притомъ безъ оттѣнка дѣтскости, а, какъ взрослый, подъ вліяніемъ этой любви, онъ еще начинаетъ резонёрствовать, импровизировать, и вы слышите изъ устъ ребенка стихи:

Сердце бѣдное не знаетъ,
Отчего и для чего
Гимнъ божественный слагаетъ —
Умъ не видитъ ничего.

Отуманенный любовью,
Онъ не можетъ разсуждать,
Онъ не можетъ понимать,
Что играетъ жаркой кровью...

Дайте такую неестественную добычу самому талантливому писателю, пусть онъ обстановитъ ее самыми яркими красками, прекрасными картинами— уродство все остается уродствомъ и никакъ не войдетъ въ область искусства. Преждевременное, необычайное развитіе ребенка, нравственная мораль въ десять лѣтъ, жизнь и приключенія какихъ-нибудь сіамскихъ близнецовъ, какой-нибудь романъ о Каспарѣ Гаузерѣ, или другомъ лицѣ, сильно уклоняющемся отъ законовъ природы, болѣе подлежатъ разсмотрѣнію медицинскихъ академій, и исторія ихъ должна быть внесена въ ихъ журналы, какъ странный физіологическій фактъ, а

никакъ не входить въ область чистаго искусства... Правда, такіе случаи бываютъ, но это случаи, это рѣдкости, это уклоненія отъ законовъ природы, которые суть тоже законы искусства, и все, что противорѣчитъ первымъ, отвергается безпощадно послѣдними.

Мы не намѣрены разсказывать содержанія повѣстей г-жи Т. Ч.; не смотря на нѣкоторыя натяжки и неполноты, онѣ прочтутся съ удовольствіемъ, и читателей займутъ многія сцены художественно обработанныя. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ двѣ сцены изъ повѣсти «Три Варьяціи», въ которыхъ нельзя не подивиться простотѣ и граціи въ изображеніи такого момента, гдѣ именно всего чаще нувелисты впадаютъ или въ реторику, или изобрѣтаютъ эффекты.

Лёля—ребенокъ, въ котораго была влюблена героиня разсказа, сдѣлался уже двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, мосьё Алексисомъ; дѣвушка, которая любила его, когда онъ былъ мальчикомъ, вышла уже замужъ; онъ пріѣзжалъ часто гостить въ деревню къ ея мужу. Прежняя любовь ея возродилась, или, какъ угодно утверждать автору, не прекращалась, не смотря на замужство...

« . . . На другой день я читала книгу въ бесѣдкѣ, когда пришелъ Алексисъ.

— Ваша кузина вамъ кланяется. Que faites vous de bon?

— Читаю, а теперь думаю поболтать съ вами.

— Нѣтъ, пожалуйста; я тоже хочу читать: дайте мнѣ другую книгу.

— Да это второй томъ!

— Нужды нѣтъ, вы увидите, какъ я имъ займусь.

Мы принялись за чтеніе; но Алексисъ не читалъ: поминутно взглядывалъ на меня изъ-за книги и улыбался; я подшучивала надъ его вниманіемъ къ чтенію. Мы смѣялись оба; наконецъ, не говоря уже ни слова, мы взглядывали другъ на друга и улыбались. Никогда я его не видала такимъ очаровательнымъ: румянецъ пылалъ жарче, чѣмъ когда-либо; взоръ его свѣтился необыкновенно ярко; лукавая улыбка пробѣгала по алымъ губамъ, оттѣненнымъ едва раждающимися усиками. Щеки мои также горѣли, я тоже невольно улыбалась. Вдругъ Алексисъ далеко отбросилъ свою книгу, быстро сѣлъ на скамейку подлѣ меня, схватилъ мою руку и крѣпко, жарко поцаловалъ ее. Мы оба были взволнованы.

— Этого не должно быть, Mr. Alexis! сказала я, стараясь казаться спокойной.

Онъ въ мигъ опомнился и, принявъ беззаботную мину, отвѣчалъ:

— Вотъ ужасное преступленіе поцаловать вашу ручку! Вѣра Михайловна менѣе меня знаетъ, а обращеніе ея со мной болѣе дружеское. Впрочемъ, вѣдь я это дѣлалъ двадцать разъ съ вами обѣими, и вы не сердились. Нѣтъ, здѣсь скрывается особенная причина: сдѣлайте одолженіе, скажите ее. Если она важна, я покорюсь вашему рѣшенію.

И онъ смѣло смотрѣлъ мнѣ въ глаза, и шутилъ и улыбался: ни тѣни прежняго волненія, ни признака страсти. Я готова была думать, что я ошибаюсь; я боюсь, чтобы онъ не отгадалъ моихъ мыслей: столь смѣшнымъ казался мнѣ мой испугъ, такой жалкой pruderie и самонадѣянностью отзывалось вырвавшіяся у меня слова. Я покраснѣла отъ стыда и досады и молчала.

— Вы молчите, продолжалъ шутя Алексисъ: слѣдовательно, вы сознаете свою несправедливость. Но, какъ старые друзья, мы помиримся, не правда ли?

Смѣясь, я протянула ему руку. Онъ поцѣловалъ ее, но въ этотъ разъ въ его движеніи, кромѣ дружеской ласки и разсчитанной вѣжливости, ничего нельзя было замѣтить.»

Вотъ другая сцена, въ которой столько же граціи и вѣрности психологическихъ движеній, какъ и въ предъидущей:

«... Но въ одну изъ нашихъ прогулокъ, Вѣра была такъ хороша, Алексисъ такъ исключительно занятъ ея разговоромъ, что я задумалась. Гуляющихъ было много; всякая изъ насъ имѣла кавалера. Я шла молча подъ руку съ Алексисомъ: мы оставили далеко другихъ и повернули въ узенькую, пустую аллею. Во все время мы не промолвили ни слова. Мы были одни, Алексисъ улыбнулся.

— Вы сердитесь? спросилъ онъ.

— Помилуйте, за что же?

— Нѣтъ, я вижу, что вы сердитесь!

И онъ взялъ нѣжно мою руку. Мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно: я не только отняла руку, которую онъ взялъ, но даже выдернула ту, которою опиралась во все время прогулки на его руку. Я остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ смущеніемъ и испугомъ.

— Да что съ вами, Анна Федоровна? вы какъ будто меня боитесь!

— Совсѣмъ нѣтъ, сказала я покраснѣвъ, глядя ему въ глаза и протягивая сама ему руку.

Въ одинъ мигъ онъ схватилъ ее, другая рука какъ змѣя обвилась вокругъ моей тальи, и лицо его нагнулось быстро къ моему съ страстнымъ выраженіемъ.

— Божество! ангелъ! жизнь! прошепталъ онъ, наклоняясь еще ближе. Я готова была вскрикнуть и страшно поблѣднѣла. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и остановился; медленно и нѣжно поцаловалъ мою руку, осторожно оглянулся и спокойно сказалъ:

— Если бы вы крикнули, я не знаю, на что бы это было похоже! Если вы будете итти со мной до самаго дома и покажете имъ свое встревоженное лицо, вы себя окомпрометируете.

— О, вы это прекрасно разсчитали, сказала я. Голосъ мой дрожалъ отъ гнѣва, на лицѣ выражалось негодованіе:

— Теперь я васъ понимаю совершенно. Вы не побоялись меня компрометировать, но не хотите, чтобы я сама себя окомпрометировала. Благодарю васъ за заботы о моей репутаціи; но я постараюсь оградить себя отъ нихъ. Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, я бы уѣхала. Надѣюсь, что вы это сдѣлаете, если въ васъ есть хоть искра чести.

— Такъ вы хотите, чтобы я непремѣнно уѣхалъ? Зачѣмъ вамъ этого желать, сказалъ онъ съ грустной улыбкой. Вы меня не любите и никогда не будете любить, слѣдовательно не должны бояться моей любви. Я оскорбилъ васъ, и прошу простить меня, какъ простили бы вы пьянаго или безумнаго.

Онъ оглянулся; отсталые спутники были въ двухъ шагахъ.

— Нравится ли вамъ этотъ цвѣтокъ, Анна Федоровна? спросилъ онъ, громко смѣясь и ощипывая полевую астру.

Я съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ, смотрѣла на него, и, возвратясь, тотчасъ уѣхала домой.»

Обѣ повѣсти г-жи Т. Ч. вводятъ насъ въ сферу любви; читая ихъ мы постоянно находимся въ этой сферѣ,—и вотъ ихъ недостатокъ. Отъ чисто-художественнаго произведенія требовалось бы болѣе-яснаго пониманія и изображенія характеровъ, художественнаго, не голословнаго анализа ихъ, и возведенія ихъ до типа. Тогда бы всякое проявленіе ихъ, хотя бы и въ сферѣ любви, проистекало изъ ихъ внутреннихъ законовъ, изъ самой ихъ сущности, и они не были бы блѣдными тѣнями, не были бы случайною обстановкою интереснаго разсказа. А при этой исключительности, дѣйствующія лица вышли неполны, неопредѣленны; мы о нихъ знаемъ только то, что они любили, но ка́къ они любили, ка́къ они страдали, какія силы пробуждала въ нихъ страсть, какой характеръ и направленіе получили основныя черты ихъ личности подъ вліяніемъ страсти—ничего этого не видно. Объ этомъ капитальномъ недостаткѣ нельзя не жалѣть, потому-что лица, дѣйствующія въ повѣстяхъ г-жи Т. Ч., поставлены весьма-ловко въ драматическое положеніе. Мы совѣтовали бы автору не столько увлекаться такъ-называемыми «повѣстями изъ большаго свѣта», а нѣсколько-поболѣе обдумать характеры Гоголя, понять тайну ихъ занимательности и рѣзкости, заключающуюся въ полнотѣ ихъ концепціи, и такимъ образомъ, усвоивъ этотъ объективно-художественный образъ воззрѣнія, брать сюжеты повѣстей хоть изъ самаго большаго свѣта... Такой совѣтъ мы смѣло предлагаемъ г-жѣ Т. Ч., потому-что талантъ ея не подлежитъ сомнѣнію.

Высказанный нами упрекъ—неполнота и нетипичность характеровъ, всего болѣе относится къ мужчинамъ, героямъ разсказовъ. Женщины гораздо-лучше и опредѣленнѣе,—видно въ авторѣ болѣе наблюденій сердца, нежели ума...

Во второй повѣсти, называемой «Гувернантка», гораздо-болѣе содержанія, гораздо-менѣе софизмовъ и натянутыхъ идей. Самый выборъ сюжета уже подаетъ богатую пищу таланту и открываетъ обширное поприще, тѣмъ болѣе, что тутъ присоединяются уже факты, принадлежащіе чисто нашему обществу. Всѣ, «даже иностранцы» удивляются величинѣ и обширности русской земли и быстротѣ, съ которою она въ послѣднее столѣтіе идетъ впередъ по пути цивилизаціи. Это фактъ въ-самомъ-дѣлѣ утѣшительный, достойный удивленія, великій въ своей громадности и обѣщающій еще болѣе въ будущемъ. Но нѣтъ такого великаго историческаго событія, богатаго результатами въ настоящемъ и въ будущемъ, которое не сопровождалось бы частными жертвами, частными страданіями, падающими на долю тѣхъ именно, кому досталось, хотя въ маленькой сферѣ, служить общему великому ходу цѣлаго. *Гувернантка* и *учитель*,— съ-тѣхъ-поръ, какъ потребность образованія вызвала у насъ эти два лица, — суть тѣ проводники хотя первыхъ началъ, которыми цивилизація влилась въ русское общество. Перенеситесь въ то время, когда родители только-что начинали понимать необходимость образованія дѣтей своихъ и должны были брать въ домъ свой *мусье* и *мадамъ* или *мамзель*. Представьте себѣ жизнь этихъ новыхъ тогда лицъ въ русскомъ обществѣ,—сколько горя выпало на долю этимъ ничтожнымъ, безгласнымъ, непонятымъ лицамъ, обязаннымъ въ частности воспитывать, умывать и чесать, учить и наказывать маленькихъ дѣтей, — и за все это терпѣть, страдать, отъ-того, что никто имъ не симпатизируетъ, отъ-того, что родители скорѣе готовы ихъ обвинить въ жестокости, въ нерадивости, чѣмъ наклепать на родное дѣтище, которое они, по ихъ понятіямъ, мучатъ? А въ цѣломъ — смотрите: эти дѣти уже умыты, они пріучены къ нѣкоторой опрятности и порядку, не уроды, не съ синяками, не калѣки, умѣютъ читать, писать, иногда выразить свою мысль довольно-послѣдовательно, и даже умѣютъ сказать кой-какія французскія фразы. Это — произведеніе гувернантки и учителя! Потомъ они, in brutto уже зародыши порядочныхъ людей, присылаются въ Петербургъ, поступаютъ въ общественныя заведенія. Сѣмена, посѣянныя гувернанткой или учителемъ, уже приносятъ нѣкоторые плоды: по ихъ милости, они лепетали по-французски въ дѣтствѣ еще въ деревнѣ; теперь передъ ними открываются богатства и идеи иностранныхъ литературъ, и выходитъ человѣкъ — худъ ли, хорошъ ли, но все лучше прежняго. И все гувернантка, и все учитель! Ихъ страдальческая жизнь была принесена въ жертву для того, чтобъ вышло цѣлое поколѣніе, которое ихъ трудами и заботами уже лучше предъидущаго, уже живетъ болѣе развитою жизнію! И явленіе этихъ лицъ началось уже давно, съ реформы Петра; конечно, тысячи мелкихъ эгоистическихъ причинъ заставили иныхъ взяться за дѣло наставника, но таковы всегда побужденія, видимые поводы великихъ историческихъ событій.

Мы много и часто говоримъ о женщинѣ въ Россіи; почти единогласно утверждаемъ, что кругъ ея дѣйствій такъ ограниченъ, что она проходитъ едва замѣтно по пути жизни, не развивъ, не проявивъ богатаго содержанія, заключающагося въ женской натурѣ. Все это такъ, и противъ этого нечего спорить; но посмотрите съ другой стороны, что сдѣлала женщина у насъ и въ тѣсной сферѣ своей дѣятельности. Взгляните опять на историческій ходъ цивилизаціи, восходите отъ поколѣнія къ поколѣнію—и вы увидите, сколько наше общество обязано женщинѣ. Великая мысль возникла въ государственномъ умѣ Екатерины II и приведена въ исполненіе, можемъ смѣло сказать, другомъ русскаго человѣчества—Бецкимъ, мысль учредить институты, гдѣ воспитывались бы дѣвочки со всего государства. Воспитаніе ихъ

совершалось по огромному плану; въ институтахъ ихъ окружали всѣмъ, чтобъ развить въ нихъ истинно-человѣческія потребности, просвѣтить умъ, пробудить въ сердцѣ благородныя наклонности. Потомъ бѣдныя дѣти со слезами оставляютъ благодѣтельный пріютъ и удаляются въ нѣдра семействъ, въ кругъ людей, имъ чуждыхъ по мысли, по чувствамъ, по потребностямъ, — людей, которые принимаютъ ихъ подъ власть свою или какъ дѣтей, или какъ супругъ. И въ этомъ печальномъ кругу, слабое созданіе, взлелѣянное въ нѣкоторой роскоши, привыкшее удовлетворять благороднѣйшія потребности, обязано было дѣйствовать—и не могло дѣйствовать: ихъ любили отцы и мужья, угождали имъ, исполняли ихъ прихоти, часто вовсе имъ не сочувствуя, покупали имъ книги, фортепьяно, слушали музыку, должны были стѣсняться, уважать существо, котораго превосходство надъ собою не могли не чувствовать... Этотъ жребій по-преимуществу выпалъ на долю женщинъ: мальчики, привезенные въ Петербургъ, посвящали себя службѣ, дѣламъ внѣ отеческаго дома, а къ домашнему очагу возвращались только дочери.

Но не всѣ же изъ нихъ, этихъ двигательницъ возникавшей цивилизаціи, попадали подъ родительскій кровъ или поступали въ чужой домъ къ мужу. Значительная часть ихъ должна была снискивать себѣ пропитаніе трудомъ— идти въ гувернантки. И вотъ картина истинной бѣдности, скрытая отъ сверкающаго слезой взора филантропа маскою приличія и благородной скромности. Вотъ истинная бѣдность, которая не проситъ милостыни, не ищетъ средствъ жизни путемъ разврата. Вотъ существа, развитыя умственно и нравственно, которыя должны отказаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, пожертвовать свободой своей не по выбору сердца, не по чувству матери, а потому-что имъ общество дало только двѣ дороги жизни: — или нищенство и развратъ, или отшельническое житьё вдали отъ людей, посреди чуждой семьи, безъ всякихъ надеждъ на будущее, безъ всякой награды въ настоящемъ. Между-тѣмъ, сердце просится жить; оно предъявляетъ права свои на наслажденія, которыя покупаются только богатствомъ. Вы скажете: кто виноватъ? мы тоже скажемъ въ отвѣтъ: кто виноватъ!.. Вотъ, повторяемъ, гдѣ истинная бѣдность; вотъ куда должны обратиться заботы филантроповъ. Задача филантропіи будетъ состоять въ томъ, чтобъ филантропы сдѣлались ненужны. . А между-тѣмъ обратимся къ г-жѣ Т. Ч , и пусть она покажетъ намъ жизнь гувернантки.

«Прошелъ годъ. Елена провела его въ закоулкѣ отдаленной губерніи, въ домѣ богатаго помѣщика. Тихо, одиноко, однообразно, убійственно прошелъ этотъ годъ въ занятіяхъ съ двумя учениками и ученицей. Она изнуряла себя, утомляла дѣтей безпрерывными уроками. Не съ кѣмъ ей было раздѣлить досужее время: хозяйка въ грязномъ капотѣ и измятомъ чепцѣ, почти безвыходно просиживала въ булочной, кухнѣ и кладовой. Хозяинъ дома, съ арапникомъ въ рукахъ, въ своей истертой венгеркѣ, а по утрамъ въ полосатомъ халатѣ изъ бумажнаго кашемира, по цѣлымъ днямъ бранился съ прикащикамъ, устраивалъ винокурню и кормилъ двухъ гончихъ щенковъ, подаренныхъ ему предводителемъ дворянства. Елена обратилась къ дѣтямъ, но ихъ непослушныя сердца и упрямыя, тупыя головы чуждались понятій, которыя она имъ внушала; на ея замѣчанія мальчики отвѣчали грубостями, дѣвочка принималась со злости плакать, — и отчаяніе сдѣлало Елену неутомимой. Ея дѣятельность развилась въ ужасномъ размѣрѣ, силы были раздражены непостижимо. Дѣти возненавидѣли ее за сверхъестественное прилежаніе. Когда пріѣзжали гости, хозяйка говорила длинному, не выбритому лакею:

— Позвать мамзель съ дѣтьми!

Не рѣдко подобное приказаніе отдавалось очень громко, не смотря на то, что Елена была въ слѣдующей комнатѣ. Она должна была по очереди заставлять дѣтей разыгрывать мазурки, вальсы, экосезы, содрагаясь отъ фальшивыхъ нотъ и

произвольныхъ allegro и adagio, которыми она пестрили свои піесы, не щадя ушей своихъ слушателей. Потомъ ей говорили: «Сыиграйте что нибудь!» И если она отказывалась, то хозяйка прибавляла съ упрекомъ: «Нѣтъ, Елена Ивановна не будетъ играть: Елена Ивановна никогда не играетъ, когда я ее прошу!» Потомъ цѣлый день на неё косились, а она не разъ слыхала, проходя мимо: «Вишь, принцесса! просить себя заставляетъ!» Если же Елена садилась за фортепіано, если невольно ее заслушивались гости,—то ея игру прерывали словами: «Что это какъ дѣти расшалились: и не мудрено,—вѣдь одни; чего добраго, еще себѣ шею сломаютъ!» Тогда Елена уводила дѣтей, сажала ихъ за книгу, а сама молча плакала. Если рыданія измѣняли ей, она бросалась на постель и прижималась лицомъ къ безотвѣтной подушкѣ, чтобы заглушить ихъ»... (Стр. 126).

Мы не хотимъ лишать читателей удовольствія прочесть всю повѣсть «Гувернантку» и не беремъ на себя знакомить ихъ съ ея содержаніемъ. Повѣсть эта нравится намъ гораздо-болѣе «Трехъ Варьяцій», хотя высказанные нами недостатки равно относятся и къ ней. Въ «Гувернанткѣ» можетъ казаться лишнею только сцена двухъ игроковъ, тѣмъ болѣе, что она ничего не объясняетъ и не йдетъ къ дѣлу; въ ней автору хотѣлось показать только умѣнье вести разговоръ мужчинъ, — и это не совсѣмъ удалось г-жѣ Т. Ч., потому-что, повторяемъ, она умѣетъ только *передразнивать* мужчинъ, поддѣлываться къ ихъ тону и голосу. Еще можно было бы замѣтить о журналѣ Елены: она разсказываетъ, что съ нею случилось, и читатель узнаётъ въ немъ весь ходъ одной интриги. Вообще, прибѣгать къ журналамъ дѣйствующихъ лицъ — послѣднее средство въ искусствѣ и можетъ быть употребляемо съ крайнею осторожностью; да кромѣ того, обыкновенно эти журналы ведутся совсѣмъ иначе: дѣвушка никогда не станетъ разсказывать въ дневникѣ своемъ происшествій, а скорѣе высказываетъ только мысли и чувства свои по поводу разныхъ случаевъ и разсужденія о любви вообще, о ревности, о непостоянствѣ и другихъ невинныхъ вещахъ, смотря по ходу событій; собственныхъ же имянъ въ этихъ листкахъ вы и не встрѣтите. И притомъ, самый журналъ пишется какъ-бы только отъ праздности, а въ критическія эпохи въ немъ непремѣнно будетъ пробѣлъ.

Какъ бы то ни было, но мы не можемъ не поздравить публики съ новымъ прекраснымъ дарованіемъ и будемъ надѣяться, что г-жа Т. Ч. не измѣнитъ своимъ словамъ, сказаннымъ ею въ предисловіи:

«....Подобно всѣмъ вамъ, я путешествую; подобно всѣмъ, встрѣчаю людей. Но порой въ этихъ лицахъ я доискиваюсь какого-то значенія, не понятаго вами или пропущеннаго безъ вниманія. Невольно останавливаюсь я и слѣжу за ними: то тутъ неуловимо мелькаетъ что-то благородное, то тамъ, сквозь копоть и накипь смѣшнаго, вспыхнетъ искра прекраснаго, и душа освѣжается явленіемъ нежданнаго, не желаннаго метеора. Но если мнѣ и не суждено видѣть подобные проблески, если все дурное, смѣшное, жалкое должно мнѣ встрѣтиться на пути, то и въ этомъ много, много любопытнаго»...

Въ этихъ немногихъ словахъ высказана цѣль, къ которой стремится искусство, и впечатлѣніе, которое должно производить на душу читателя всякое художественное произведеніе.

265) Баронъ Фанфаронъ и Маркизъ Петиметръ, *быль времен Петра-Великаго. Сочиненіе* Н. В Кукольника. *Две части. Санктпетербургъ. 1847. Въ 12-ю д. л. Въ І-й части 384, во ІІ-й—226 стр.*

Ничего нѣтъ пріятнѣе и полезнѣе умѣнья остановиться во-время, когда уже произведенъ весь эффектъ и сказано и сдѣлано все, что нужно для окончательнаго утвержденія эффекта. Есть, на-примѣръ, люди, которымъ удается сдѣлать порядочное и благородное дѣло: они выказали рѣшительность, совершили подвигъ, или, наконецъ, обнаружили извѣстную

степень таланта, и проч. Тутъ бы и сойдти со сцены; того требуетъ деликатность, собственное достоинство и даже разсчетъ самолюбія, если человѣкъ самолюбивъ. Но нѣтъ! иныхъ влечетъ желаніе распространить свой эффектъ и прославить о немъ самимъ, разумѣется, чрезвычайно-прилично и съ надлежащею ловкостью. Но, къ-несчастью, ка́къ бы прилично самохваленіе ни было сдѣлано, васъ тотчасъ замѣтятъ. Человѣкъ ненавидитъ самолюбіе въ другомъ человѣкѣ, именно потому, что оно оскорбляетъ его собственное. Умѣнье во́-время остановиться полезно во всемъ: въ любви, въ службѣ, когда вы сказали остроту, когда вы вытащили кого-нибудь изъ воды и сознаёте достоинство своего подвига, и даже когда вы написали порядочный романъ. Умѣйте остановиться въ литературѣ, не ввѣряясь излишне своимъ силамъ — спасеніе и вамъ, если вы литераторъ, и читателю (но болѣе всего читателю). Вотъ г. Кукольникъ ни разу не хотѣлъ остановиться во́-время. Написалъ онъ свою первую драматическую фантазію, которую въ шутку расхвалили до небесъ. Тутъ бы и остановиться; а г. Кукольникъ увлекся удачей, не разсчелъ на терпѣніе читателей, устроилъ цѣлый рядъ фантастическихъ драмъ—и драмы его безвозвратно пали. Написалъ г-нъ Кукольникъ двѣ-три хорошія повѣсти изъ временъ Петра-Великаго; ну, тутъ бы и остановиться: нѣтъ! послѣдовали десятки повѣстей изъ временъ Петра-Великаго, — мало того: составленъ былъ цѣлый романъ изъ тѣхъ же временъ, а потомъ и другой, опять изъ временъ Петра-Великаго, лежащій теперь передъ нами... Что же вышло? Дорога избита; скучно; все извѣстное, и авторъ истощился. Видно, ка́къ онъ старается изъ всѣхъ силъ, чтобъ сказать что-нибудь новенькое о времени Петра-Великаго, а между-тѣмъ новенькое упорно прячется отъ г. Кукольника и никакъ не дается ему. Въ такихъ случаяхъ нужно немедленно перемѣнить родъ, а нѣтъ новаго рода, такъ лучше совсѣмъ не писать. Послѣдній романъ г. Кукольника, «Баронъ Фанфаронъ и Маркизъ Петиметръ», слабѣе всѣхъ прежнихъ произведеній его въ этомъ родѣ. Судя по достоинству романа, съ перваго взгляда можно бъ было подумать, что г. Кукольникъ именно поставилъ себѣ за непремѣнную цѣль — не написать художественнаго произведенія. А между-тѣмъ, вглядѣвшись поближе, увидите множество претензій на художественность и явное желаніе быть естественнымъ, натуральнымъ. Сильная воля и сильное желаніе, такія полезнѣйшія качества во всѣхъ случаяхъ жизни, только вредятъ въ произведеніяхъ таланта. Тутъ не только не поможетъ никакое стараніе, но даже, если слишкомъ будете стараться, выйдетъ хуже, мы въ этомъ увѣрены, ибо психологическая причина созданія должна быть совершенно свободная.

Баронъ Колотай (онъ же и Фанфаронъ) и маркизъ Калистратьинъ (онъ же и Петиметръ) пріѣзжаютъ въ Москву изъ чужихъ земель, — зачѣмъ? это навсегда останется тайною для читателей: такъ предопредѣлено сочинителемъ. Но мимо, — мы покамѣстъ разсказываемъ сюжетъ. Баронъ нанимаетъ квартиру, при чемъ знакомится съ Варенькой, дочерью одной разслабленной вдовы, а потомъ и съ Вильгельминою Штраухкундъ, горемычною сиротою, дочерью аптекаря, невѣстою подлекаря Имке и жертвою сластолюбиваго старичишки-бригадира. Узнавъ, что бригадиръ ищетъ Вильгельминѣ мужа, съ тѣмъ, чтобъ быть съ ней и послѣ брака совершенно по-старому, баронъ предлагаетъ ей руку, идетъ къ бригадиру, объявляетъ себя прежнимъ женихомъ Вильгельмины, пугаетъ его жалобою, вынуждаетъ его обѣщать приданое и наконецъ сходится съ нимъ дружелюбно, при чемъ бригадиръ для какихъ-то цѣлей обѣщается выхлопотать ему выгодное мѣсто черезъ барона Шафирова. Маркизъ сходится съ барономъ изъ какихъ-то плутовскихъ видовъ, тутъ же обманываетъ

его, нанимаетъ квартиру у бригадира, учитъ его «парижской галантереѣ» (мы говоримъ слогомъ г. Кукольника), и втирается въ его довѣренность, при чемъ и ему обѣщяютъ мѣсто черезъ посредство барона Шафирова. Между-тѣмъ, по Москвѣ ходитъ Дмитріевна, ворожея, съ цѣлой ватагой воровъ и воришекъ. Походка ея чрезвычайно-трагическая, и читатель съ перваго ея появленія видитъ, что она предназначена къ чему-то чрезвычайно-величественному. Дѣйствительно, выходитъ на повѣрку, что она жена барона Колотая, а самозванецъ - баронъ не кто иной, какъ сынъ старика Колотая, ростовщика и скряги, женившійся по волѣ отца, по принужденью, на женщинѣ десятью годами старѣе себя и ѣздившій за подставнаго въ нѣмецкія земли. Баронъ Колотай идетъ на свиданіе съ отцомъ. Отецъ принимаетъ его какъ-нельзя хуже, но кстати умираетъ отъ горести, взявъ въ закладъ посуду изъ фальшиваго серебра, фабрикованную маркизомъ. Баронъ-богачъ прячетъ всѣ деньги въ тайникъ и начинаетъ серьёзно думать о Варенькѣ, не забывая Вильгельмины. Но Вареньку любитъ и бригадиръ, у котораго есть еще одна Аграфена Кириловна, выданная за совѣтника, и къ которой подбивается маркизъ, сверхъ-того бездна другихъ любовницъ, такъ что этотъ герой г-на Кукольника есть нѣкоторымъ образомъ любопытная, даже немного-медицинская рѣдкость и диковинка въ своемъ родѣ. Чтобъ овладѣть Варенькой, которая чудо красоты и невинности, да сверхъ-того невѣста сержанта Пятеркина, бригадиръ взводитъ на вдову, мать Вареньки, фальшивое обвиненіе; но является сержантъ Пятеркинъ и прогоняетъ бригадира. За тѣмъ, тотчасъ же у бригадира начинается ассамблея, въ-слѣдствіе которой маркизъ и баронъ выходятъ въ люди и поступаютъ въ шпіоны къ Шафировцамъ противъ приверженцевъ Меньшикова. Между-тѣмъ, баронъ завлекаетъ Вильгельмину Штраухкухъ въ свои сѣти; но спасителями Вильгельмины въ рѣшительную минуту являются маркизъ и самъ подлекарь Имке, настоящій женихъ Вильгельмины, пребывавшій въ отсутствіи. Имке, баронъ и маркизъ тотчасъ же сходятся, и первый, узнавъ, что за Вильгельминой даютъ денегъ, хочетъ на ней жениться; баронъ, между-тѣмъ, домогается Вареньки, въ отсутствіи Пятеркина входитъ въ домъ, какъ защитникъ ея противъ бригадира, похищаетъ ее обманомъ, но въ рѣшительную минуту является Ванечка, т. е. маркизъ, немедленно оказывается братомъ Вареньки и спасаетъ сестру.

Затѣмъ маркизъ объигрываетъ всю Москву, но маркиза объигрываетъ типографскій подмастерье Осипенко, влюбленный въ дочь Шафирова. Потомъ маркизъ заводитъ любовную связь съ женою бригадира, сватаетъ бригадиру сестру, требуя въ замѣнъ руки его дочери и подмосковную деревню, бьетъ сестру, запираетъ ее, потомъ женится; но въ рѣшительную минуту является настоящій женихъ бригадирской дочки, гдѣ-то пропадавшій, сынъ боярина Радомскаго, и тотчасъ же женится вмѣсто маркиза. Маркизъ уѣзжаетъ съ горя въ подмосковную, опять бьетъ сестру и заводитъ связь съ Пульхеріей Семеновной, знатной барыней и своей сосѣдкой. Тѣмъ временемъ начался и походъ въ Персію, куда отправился и сержантъ Пятеркинъ. Шафировцы и меньшиковцы въ отсутствіе Петра начинаютъ ожесточенную войну между собою; все приходитъ въ разстройство, и всѣ другъ на друга пишутъ доносы. Но является Петръ. Баронъ Шафировъ подпадаетъ подъ наказаніе за лихоимство и другія вины и отсылается въ Новгородъ. Маркизъ, бригадиръ и баронъ, нашедшій наконецъ жену, ворожею Дмитріевну, въ ту минуту, когда онъ вѣнчался съ Варенькой, купленной имъ у брата,— всѣ трое подвергаются площадной казни и ссылкѣ въ Сибирь; Пятеркинъ женится на Варенькѣ, Имке на Вильгельминѣ, а Осипенко хотя и не женился, но тоже доволенъ и счастливъ, и

такимъ образомъ все кончается.—Вотъ сюжетъ романа г. Кукольника.

Мы говоримъ сюжетъ: содержанья въ романѣ нѣтъ ни малѣйшаго. Кромѣ того, все происшествіе и почти всѣ лица романа дѣйствуютъ какъ-будто во снѣ, какимъ-то страннымъ, фантастическимъ образомъ. Они являются, исчезаютъ, умираютъ, ломаются передъ читателемъ всѣми средствами и дѣлаютъ Богъ-знаетъ — что, — безъ всякой логической необходимости. Мы бы и ничего не говорили о романѣ г. Кукольника, еслибъ на каждой страницѣ не встрѣчали желанія быть простымъ, свободнымъ, изящнымъ и художественнымъ.

Вообще, весь романъ похожъ на дурно-поставленный балетъ, въ которомъ повсюду неизящно проглядываютъ веревки, приводящія въ движеніе механизмъ. Каждое лицо романа стоитъ передъ читателемъ какъ-будто съ ярлычкомъ на лбу и говоритъ: «я то-то и то-то, и вотъ именно это хочу собой выразить». Особенно досаждаетъ совѣстливому читателю одинъ старикъ-ростовщикъ. По всему видно, что г-нъ Кукольникъ хотѣлъ сдѣлать изъ него какое-то колоссальное изображеніе; но все въ этомъ характерѣ скупаго безлично, заимствовано, ложно и натянуто. Это чучело, набитое авторомъ по образцу Гарпагона и Плюшкина, но чучело — не живой человѣкъ и годится только стоять въ огородѣ. Конечно, замѣтно, что г. Кукольникъ хотѣлъ изобразить типъ скупаго, но особенной черты не далъ ему никакой, за то не поскупился придать бездну ложныхъ и натянутыхъ черть. Въ рѣшительныя минуты, когда характеръ старика-скупца долженъ непремѣнно проявиться съ какою-нибудь особенностью и тѣмъ засвидѣтельствовать въ себѣ хоть какую-нибудь свою индивидуальную личность и жизнь, — г. Кукольникъ заставляетъ своего героя кривляться, свистать, прыгать, скакать по-воробьи и «бѣгать на рысяхъ». У Вильгельмины встрѣчаетъ баронъ Россомаху, одно растрепанное существо, безъ всякаго толку, но тоже съ колоссальнымъ характеромъ и съ птичьей походкой. Этотъ тоже пляшетъ, свиститъ, «бѣгаетъ на рысяхъ», говоритъ риѳму, приговариваетъ безпрестанно: «га! га!», ощетинивается безъ всякой причины и съ налитыми кровью глазами и съ поднятыми вверхъ кулаками «не идетъ, а прыгаетъ обѣими ногами вмѣстѣ, какъ сорока» (часть I, стр. 105). Просимъ замѣтить, что это изображеніе «итальянскихъ страстей»; ибо Россомаха была любовницей старика Колотая, съ которымъ прижила какого-то уродца и пылаетъ къ Колотаю страшною ненавистью. Зачѣмъ появились маркизъ и баронъ? для чего они пріѣхали въ Москву? для чего такъ ходятъ, такъ движутся, дѣлаютъ то, а не это?—нельзя понять. Но по настоящему ярлычокъ говоритъ, что г. Кукольникъ хотѣлъ изобразить въ нихъ людей, какъ они есть, съ большими способностями, но безъ достаточнаго нравственнаго основанья Видно только, что они мелкіе безличные плуты. Весь романъ Кукольника наполненъ такими плутами, самыми грязными картинами, картежомъ, развратомъ — и хоть бы это характеризовало эпоху! хоть бы что-нибудь выражала собой эта грязь! Однакожь замѣтьте: ни одного сальнаго выраженія; каждая строчка благовоспитана! Правда, читателю станетъ непріятно, какъ-будто онъ побывалъ въ харчевнѣ, а между-тѣмъ онъ не имѣетъ права сказать, что грязно: нѣтъ ни одного слова грязнаго! Но пора взять въ толкъ, что нѣтъ такой грязи, которая бы не очистилась, какъ алмазъ, пройдя чрезъ искусство. «Жилъ-Блазъ», «Донъ-Кихотъ», весь Мольеръ покрыты этой художественною грязью. Когда Шекспиръ ставитъ передъ вами фигуру Фальстафа, состоящую изъ чего-то хуже грязи, то вѣдь не дѣлается же тошно ни одному читателю. Какая тому причина? Искусство! Попробуйте встрѣтить Фальстафа на улицѣ,—вы его, можетъ-быть, каждодневно встрѣчаете: вѣдь омерзительно, не правда ли? Почему же вытакъ

любите эту милую личность въ драмѣ Шекспира, въ то же время отдавая ей вполнѣ справедливость, т. е. сознавая всю гадость ея нравственнаго основанія? — Отъ-чего, когда на эти глыбы грязи ляжетъ творческая сила художника, заблещутъ онѣ мгновенно всеобщей истиной, возвысятся до типа и оставятъ въ читателѣ радостное, свѣтлое впечатлѣніе, а не омерзѣніе? Вы прочтете, и польза принесена; вы насладились художественнымъ произведеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнали, что̀ такое Фальстафъ, — узнали, ка̀къ назвать того господина, котораго вы да̀внымъ-давно знали, но только не знали до-сихъ-поръ, что онъ называется Ноздревымъ, Фальстафомъ или Чичиковымъ. Вспомните слова Гоголя о смѣхѣ и роль, которую играетъ смѣхъ въ комедіи «Ревизоръ». Безъ него, т. е. безъ смѣха невозможно было бы сидѣть въ театрѣ, и правда не была̀ бы высказана. Что̀ создало этотъ смѣхъ?—искусство, художественность. Но искусство требуетъ любви, вдохновенія и истины прежде всего!

Такъ ли у г-на Кукольника? Бригадиръ торгуетъ у маркиза его сестру и предлагаетъ маркизу, любовнику своей жены, свою дочь. Вотъ эта сцена:

«Варвара Петровна!» сказалъ Бригадиръ внѣ себя отъ вина и отъ страсти: «Вы меня ненавидите»...

— Я... Варинька взглянула на двери; тамъ стоялъ Маркизъ и грозно смотрѣлъ на нее ужасающимъ взоромъ! я... нѣтъ!..

— Я вамъ не противенъ...

— Нѣтъ...

— «А вотъ и завѣтное!» кричалъ Маркизъ: «Ну-ка Варинька ступай себѣ; ступай; не женское дѣло съ мужчинами вино усиживать; прощай, мой ангелъ, прощай; Сдѣлай реверансъ Петру Иванычу, какъ я тебя училъ. Вотъ такъ моя красавица!.. *Что, Петруша, а, какова?*..

— Ты пытаешь меня, Маркизъ! Вороти ее! Я хочу на нее любоваться...

— Мало-ли ты чего хочешь да руки коротки! Сегодня ты ее видѣлъ въ послѣдній разъ; надѣюсь, прибавилъ онъ шопотомъ: завтра она уже не будетъ въ моей компатѣ.... *Хотѣлъ баринъ сегодня порѣшить*...

— Но, Маркизъ, если такъ, то почему же онъ, а не я?

— Ты? — Гдѣ тебѣ, старому фофону, скрягѣ этакому! У тебя любовницъ полкъ, да все дешевенькіе; а *тотъ баринъ и трехъ дочерей и жены за Варю не пожалѣетъ*. Такая любовь братецъ надежна... Конечно всѣ его три дочери не твоей чета. Клеопатрушка лучше, и мнѣ болѣе по сердцу; и за нее я не постоялъ бы за Варю... И тебѣ сходнѣе! Клеопатрино подмосковное помѣстье не мнѣ, другому отдашь...

Начался торгъ страшный! Я не смѣю продолжать разговора, который вино и волненіе страстей упестряло выраженіями годными для либретто какой нибудь французской оперы». (Стр. 48 и 49. Часть 2).

Мы сами считаемъ неистовый родъ романовъ Сулье и Сю недостойнымъ искусства, но извиняемъ въ то же время ихъ нравственную цѣль, въ то же время мы видимъ логическую причину такого направленія въ искусствѣ, причину, заключающуюся во всей органической жизни всего французскаго общества: эти сцены пишутся у нихъ съ жаромъ, отъ сердца, со слезами благороднаго негодованья; тамъ еще можно извинить заблужденіе—а здѣсь? какая причина понудила написать такую сцену? для чего она была нужна? гдѣ эти страсти, направленныя на ложную дорогу настоящимъ не нормальнымъ положеніемъ общества, страсти, при которыхъ сердце разрывается у самаго преступника, слышится раздирающій вопль и читается между строкъ слово: *предопредѣленіе*, или *необходимое слѣдствіе?* Что же здѣсь?—хладнокровный развратъ, страстишка, которая не вынесетъ первой острастки... Просто нужна была эта сцена, чтобъ какъ-нибудь напичкать романъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что характеры женщинъ въ романѣ г. Кукольника представляютъ зрѣлище довольно-отрадное, хотя они мелки, довольно-безличны и часто невѣрны. Но изъ благодарности мы укажемъ на одно хорошее. Лучше всѣхъ удалась автору Варинька. Посмотрите сами,

г. авторъ: Варенька не отличается особеннымъ изяществомъ выраженій; въ ней много наружной грубости, свойственной тогдашнему времени. Но взгляните, какъ прекрасенъ и граціозенъ ея дѣвическій свободный смѣхъ, когда она сорвала парикъ съ бригадира, за минуту передъ тѣмъ оскорблявшаго ея безнаказанно! Ни желчи, ни злобы въ ней, потому-что она женственна, потому-что она выше обиды, —и какъ это вѣрно! Даже презрѣніе ея къ такому низкому созданію такъ женственно-добродушно. Она смѣется какъ дитя, грозится облить бригадира горячими щами, стращаетъ, что проводитъ его полѣномъ и, сорвавъ парикъ, кричитъ: «Сѣна копна!» И вся эта наружная грубость выраженій нисколько не оскорбляетъ читателя: все легко и свободно.—Удались также характеры матери Вареньки и Надиньки Шафировой, влюбленной въ типографщика.

Скажемъ еще два слова о языкѣ г. Кукольника. Гдѣ-то, при разборѣ одного изъ романовъ того же автора сказано было, что г. Кукольникъ удивительно хорошо уловилъ языкъ времени Петра Великаго и тутъ же поставилось ему это въ большое достоинство. Странная ошибка! Напротивъ, языкъ г. Кукольника самое нехудожественное изъ всего нехудожественнаго въ его романахъ. Почему?–потому-что этотъ языкъ чистая натура безъ малѣйшаго искусства, и не возведенъ до типа. Когда-то давали, да и теперь даютъ въ Александрынскомъ-Театрѣ водевиль г. Каратыгина 2-го «Булочная или Петербургскій Нѣмецъ»; вотъ тутъ языкъ Нѣмца возведенъ до художественности, до типа. Нѣмецъ не говоритъ, на-пр., такихъ выраженій, «ви милястифа касудари шостока нафраль». Онъ говоритъ чисто по-русски, хорошо выговариваетъ, и между-тѣмъ все-таки это не русскій языкъ. Такъ и видишь передъ собой типъ обрусѣвшаго Нѣмца; слышишь даже общій нѣмецкій типъ: видно ужасное стараніе этого Нѣмца въ изученіи русской грамоты; и въ то же время видна вѣчная, національная исключительность его по-крайней-мѣрѣ въ языкознаніи. Онъ все мѣряетъ на свой аршинъ, всему даетъ свой оборотъ и заморскій нѣмецкій духъ самымъ кореннымъ русскимъ пословицамъ. А весь секретъ языка повѣстей г. Кукольника состоитъ въ томъ, чтобъ вмѣсто слова «благородный»—вставить «шляхетный», вмѣсто честь—«гоноръ», вмѣсто почтенія—«решпектъ», вмѣсто поклона — «реверансъ», вмѣсто представлять—«презентовать» и т. д., и т. д. Самъ г. Кукольникъ до того увлекся такимъ языкомъ, что, говоря отъ себя, употребляетъ безъ всякой осторожности слова временъ Петра-Великаго. Сверхъ того, въ романѣ встрѣчается бездна выраженій семинарскихъ и устарѣлыхъ. Г. Кукольникъ поминутно пишетъ: *купно*, *важно* (вмѣсто хорошо), *тако* (вмѣсто такъ), *учинили* (вмѣсто сдѣлали) и т. п.

Въ заключеніе выскажемъ свое мнѣніе вообще о талантѣ г. Кукольника, мнѣніе, неоднократно приведенное на страницахъ нашего журнала; именно: талантъ этого автора не художественный, а беллетристическій и чисто-внѣшній; для него всего нужнѣе сюжетъ; сюжетъ внутренній, художественный, мысль, содержаніе — недоступны ему, и, наконецъ, такъ-какъ талантъ г. Кукольника чисто-внѣшній, сюжетный, легкій, то для полнаго успѣха ему прежде всего необходимъ слогъ: безъ слога произведенія его читаться не будутъ, а чтобъ *укрѣпиться въ слогѣ*, прежде всего не нужно пускаться въ изображеніе «итальянскихъ страстей». Для слога необходима свобода духа; но гибель для него всякая претензія! Если же такой талантъ, которому не дались «итальянскія страсти», пустится въ изображеніе колоссальныхъ характеровъ, то произведеніе будетъ манерно, неестественно и натянуто, а натуга отзовется и въ слогѣ. Слогъ есть душа и личность писателя.

Книга издана опрятно и красиво; но опечатокъ бездна.

266) Проблески. *Стихотворенія* князя Михаила Голицына. *Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 8-ю д. л. 49 стр.*

Не знаю, кто-то сказалъ: «въ поэтическомъ произведеніи мысль сама-по-себѣ дрянь; главное дѣло—форма мысли». При всей невѣжливости выраженія, оно справедливо. Мысль въ поэтическомъ произведеніи становится тогда только ясною, граціозною, скажемъ изящною, когда прозрачна ея оболочка, когда граціозна, изящна самая форма; мысль выступаетъ на свѣтъ черезъ форму, такъ-что положеніе германской эстетики: «форма тождественна мысли въ изящномъ созданіи», сколько остроумно, столько жь и вѣрно. А для красоты формы необходима тщательная отдѣлка каждой части, каждаго стиха, каждой рифмы. Мы ужь избалованы стихомъ Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, и не хотимъ стиховъ посредственныхъ, которые не дурны, но которые вмѣстѣ съ этимъ и не хороши. Извините за откровенность; но что жь намъ дѣлать, когда мы еще можемъ дозволить не-художественность въ романѣ или повѣсти, гдѣ отсутствіе художественности замѣняется нѣсколько изяществомъ отдѣльныхъ мѣстъ, обработкою двухъ или трехъ характеровъ, красотою двухъ или трехъ драматическихъ положеній; но не можемъ дозволить не-художественности въ короткихъ стихотвореніяхъ, въ лирическихъ пьескахъ, въ которыхъ красота формы есть условіе необходимое? Въ нихъ поражаютъ насъ непріятно слѣдующія выраженія:

Мѣсяцъ всплылъ. Засеребрился
Млечный вѣчности потокъ.

Что это за «млечный потокъ вѣчности»? не-уже-ли «млечный путь»? Или:

Кто не пускался въ даль, не спорилъ
кто съ волнами,
Свой парусъ *не грудилъ.*

Морской терминъ, не всѣмъ извѣстный, рѣдко употребляемый, и потому нарушающій ясность понятія—первое качество изящества.

Или подобныя рифмы:

Много странъ изъѣздилъ я
Но задумывался-ль я...

У Жуковскаго употребленіе одного и того же слова на концѣ разныхъ стиховъ составляетъ особенную гармонію, какъ и все, что вышло изъ-подъ пера его, на примѣръ:

Мнѣ, Владычица, *являла ты...*
И вѣнецъ мнѣ обѣщ*ала ты...*

Здѣсь собственно не *ты* рифмуетъ другому *ты*, а цѣлые три слога: *яла ты* тремъ другимъ слогамъ: *ала ты...* Не говорите: это мелочи! Въ поэтическомъ произведеніи, самое мелкое отступленіе отъ изящества есть оскорбленіе вкуса, изощреннаго на вполнѣ изящныхъ произведеніяхъ.

Что касается до содержанія стихотвореній, то, конечно, въ каждомъ изъ нихъ есть мысль, но эта мысль изъ ряда отцвѣтшихъ, точно такъ же, какъ есть «общія мѣста» и проч. Больше всего авторъ выражаетъ печаль, разочарованіе, горестное будущее... Пора настроить мысли и лиры на другой ладъ!

267) Стихотворенія барона Н. К. Нольде. *1846 года. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 46 стр.*

Для чего баронъ написалъ свои стихотворенія, мы рѣшительно не постигаемъ. Такимъ образомъ увеличилось число «тайнъ, непостижимыхъ для ума, но открываемыхъ душевнымъ созерцаніемъ, въ минуты грусти и восторговъ» (эпиграфъ, взятый авторомъ для своихъ произведеній). И вотъ, въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ, во время чтенія стихотворенія барона—душа наша начала созерцать, созерцать и открыла, что баронъ долженъ быть еще очень-молодой человѣкъ и написалъ книжечку стихотвореній, какъ примѣры на элементарныя основанія версификаціи, недавно имъ пройденной. Иначе нельзя объяснить себѣ появленія четырнадцати стихо-

творенiй, самыхъ ученическихъ и выражающихъ самыя обыкновенныя, будничныя мысли. Читатель съ удовольствiемъ можетъ замѣтить, что въ стихотворенiяхъ барона есть и ямбы, и амфибрахiи, хореи съ дактилическимъ окончанiемъ, хореи безъ дактилическихъ окончанiй, и все это не одной и той же мѣры, а разной. Труды учителя не пропали даромъ. Совѣтуемъ почтенному автору изложить стихами мысли еще болѣе-обыкновенныя, на-примѣръ: съ добрымъ утромъ поздравляю васъ, папенька (ямбами), покойной ночи желаю вамъ, милая маменька (хореями), цалую заочно ваши ручки (амфибрахiями), честь имѣю быть вашъ покорный и послушный сынъ (анапестами): тогда книжка стихотворенiй окажетъ еще ту пользу, что послужитъ источникомъ дѣтскихъ поздравленiй на разные торжественные случаи семейнаго быта.

268) Кузма Петровичъ Мирошевъ. *Русская быль временъ Екатерины II. Сочиненiе* М. Н. Загоскина. *Въ четырехъ частяхъ.* Изданiе второе. *Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1847. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 200, во 2-й—251, въ 3-й—279, въ 4-й—290 стр.*

Благодаря разнообразiю читающихъ классовъ нашего общества, романы г. Загоскина надолго еще останутся любимымъ чтенiемъ многочисленнаго класса. Любимые герои нашего романиста принадлежатъ къ двумъ родамъ людей: это, съ одной стороны, типы физической силы, съ другой – типы душевнаго безсилiя; богатые тѣломъ и нищiе духомъ. Многiе изъ насъ любятъ то и другое. Такъ и въ этомъ романѣ, вѣрный своей цѣли, г. Загоскинъ создалъ два любимыя лица: Кузьму Петровича Мирошева – образъ душевнаго безсилiя; и Ваньку Каина – образъ тѣлесной крѣпости, – слабаго внутреннимъ значенiемъ и сильнаго мышцами. Къ романической основѣ, въ которой всего виднѣе направленiе автора, присоединяется обыкновенно какое-нибудь историческое событiе, которое авторъ разсказываетъ очень-прiятнымъ, хорошимъ языкомъ, особенно тамъ, гдѣ заставляетъ дѣйствующiя лица разговаривать, или гдѣ описываетъ комическiя сцены. Вотъ тайна успѣховъ, причина нѣсколькихъ изданiй.

269) Невскiй Альманахъ на 1847 и 1848 годы. *Выпускъ первый. (Въ пользу воспитанниковъ Николаевской Школы). Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 314 стр.*

«Невскiй Альманахъ» напоминаетъ собою цѣлую исторiю. Въ прошлыя времена успѣха русскихъ альмаховъ, издатель его началъ волею и неволею притягивать въ свой альманахъ сочиненiя разныхъ авторовъ; авторы отрекались, сердились, отказывались отъ участiя въ «Невскомъ Альманахѣ», писывали на него эпиграммы, изъ которыхъ всѣмъ памятны двѣ презлыя эпиграммы Пушкина; но это не помѣшало «Невскому Альманаху» являться нѣсколько лѣтъ сряду. Потомъ забыли о немъ. Года два-три назадъ, онъ опять сталъ появляться передъ новымъ годомъ, но уже въ скромномъ видѣ, въ пользу какихъ-то бѣдныхъ людей. Прошедшiй годъ прошелъ безъ «Невскаго Альмаха»; но теперь, въ самые жары каникулъ, онъ опять является, уже въ пользу школы для бѣдныхъ, и вмѣстѣ на 1847-й и 1848-й годы. Тутъ выходитъ что-то смѣшное: вмѣсто цѣлаго альманаха на одинъ годъ, напечатано *пол-альманаха* на два года! Издатель объясняется о томъ въ шутливомъ тонѣ, фамильярно обращаясь съ публикою, и говоритъ фразы, приличныя за преферансомъ героевъ «Мертвыхъ Душъ», а не передъ публикою, которую даже изъ учтивости надобно всегда почитать высоко-образованною, потому-что именно къ этой-то публикѣ и относятся всѣ произведенiя литературы и всѣ обращенiя литераторовъ.

«Бѣдовыя, право, эти обстоятельства, называемыя обыкновенно *непредвидѣнными*, *отъ насъ независящими!*» (говоритъ издатель) «чего не дѣлаютъ они на свѣтѣ, въ какія дѣла не мѣшаются? *Да, пусть бы ихъ, Богъ съ ними! Нѣтъ, нужно было имъ подшутить и надъ Невскимъ Альманахомъ!*»

Далѣе идутъ пустыя объясненія, гдѣ говорится о портретѣ, *нарочито*-писанномъ (видно, сочинителю предисловія неизвѣстно различіе между словами: *нарочито* и *нарочно)*, о виньеткѣ, *созданной игривою кистью*, о текстѣ, который *ложился* на бумагу въ типографіи.

«Казалось бы, не зачѣмъ стать дѣлу; такъ нѣтъ, подвернулись, какъ подвернулись эти *непредвидѣнныя, независящія отъ насъ обстоятельства:* сперва море замерзло, а изъ Лондона въ Петербургъ по льду не ѣздятъ» (остро сказано!), «портретъ и виньетка зазимовали за моремъ; потомъ издатель заболѣлъ, и пр. и пр.—а между тѣмъ и лѣто пришло. Что дѣлать Невскому Альманаху? Поправиться, выходить разомъ за два года 1847 и 1848, только двумя выпусками. Первый изъ нихъ имѣетъ честь явиться почтеннѣйшей публикѣ»....

Почтеннѣйшая публика обыкновенно не внимаетъ такимъ шуточкамъ и возгласамъ. Она требуетъ хорошаго, какимъ бы путемъ ни дошло оно къ ней, а шуточки обращаетъ на того же, кто изобрѣтаетъ ихъ. Не оправдаетъ ли себя «Невскій Альманахъ» содержаніемъ своимъ? Кто вкладчики въ него и какіе вклады принесли они въ пользу «Невскаго Альманаха»? Самъ издатель ограничилъ свою дѣятельность предисловіемъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь: предисловіе очень-хорошее, какъ мы видѣли — точно отрывокъ изъ какого-нибудь романа г-на Загоскина. За нимъ слѣдуютъ: *Дѣдъ русскаго флота* (А. В. Висковатова), статья дѣльная, любопытная, которая, вѣроятно, писана была не для альманаха и отдана туда единственно въ пользу бѣдныхъ.— *Три Дороги,* очерки, П. Р. Фурмана. Можно назвать это *капитальною* статьею «Невскаго Альманаха», потому-что «Очерки» г. Фурмана занимаютъ почти *половину* книги; содержаніе очерковъ — романъ, даже довольно-интересный. Авторъ уже написалъ нѣсколько романовъ и повѣстей, а перевелъ ихъ безъ числа, набилъ руку, какъ говорится въ ремеслахъ, и, право, не хуже другихъ составляетъ романы.—*Халатникъ*, г. Дурова, также очерки, но только самой грязной природы. — *Сонъ на бивуакѣ*, (то-есть, на *бивакѣ)*, статейка Ѳ. Н. Глинки, ровно въ 28 строчекъ крупной печати. Кажется, это отрывочекъ изъ какихъ - то воспоминаньицъ. — *Умъ и страсть, рукопись, найденная въ житейскомъ морѣ*, Д. Н. Прозоровскаго. Съ-тѣхъ-поръ, какъ г. Вельтманъ печатаетъ въ журналахъ длиннѣйшіе разсказы, названные имъ *Приключеніями изъ моря житейскаго*, прекрасныя и выразительныя слова: «житейское море» стали означать на языкѣ нѣкоторыхъ писакъ все грязное и отвратительное. Пьяницы, картежники, кабацкія сцены, дураки, мошенники, выставленные на сцену безъ толку и безъ связи, сопровождаемые полицейскими сценами — вотъ что называютъ моремъ житейскимъ г. Вельтманъ и его послѣдователи. Г. Прозоровскій остается вѣренъ этому направленію въ своихъ очеркахъ.—*Еще кое-что изъ мячика*, покойнаго Хмѣльницкаго, который писалъ легкими стихами свои легонькія комедіи и разныя драматическія пьесы; но какъ прозаикъ онъ ниже посредственности, и его *Мячикъ* такъ пустъ и скученъ, что остается только забросить его куда-нибудь и забыть, изъ уваженія къ другимъ произведеніямъ автора.

Вотъ всѣ прозаическія статьи «Невскаго Альманаха». Кромѣ сочиненія г-на Висковатова и, съ грѣхомъ пополамъ, сочиненія г. Фурмана, всѣ другія статьи не стоили печати, и едва-ли принесутъ онѣ даже пользу бѣднымъ, потому - что есть много другихъ средствъ благотворить имъ, не покупая всякаго печатнаго вздора.

Отдѣлъ стихотвореній въ «Невскомъ Альманахѣ» еще бѣднѣе прозы. Кромѣ двухъ стихотвореній Ѳ. Н. Глинки, въ которыхъ есть по-крайней-мѣрѣ чувство, не смотря на странность стиховъ, каковы, на-примѣръ:

Дымы! дымы!
Московскіе дымы!

всѣ другія стихотворенія — гг. Бенедиктова, Пальма, Н. П. Жандра, Д. П. Сушкова, А. Н. М—ва, Дурова, Ротчева — куда-какъ плохи! Странное дѣло: съ-тѣхъ-поръ, какъ строгость новой критики заставила пріумолкнуть многихъ стихотворцевъ, они почти вовсе не издаютъ своихъ произведеній отдѣльно, а въ журналахъ нѣтъ мѣста для нихъ — подумаете, что весь родъ стихотворцевъ у насъ истребился. Но чуть является случай — новый альманахъ или какой-нибудь сборникъ—откуда налетятъ стихотворцы съ своими стихотвореніями! Являются забытыя имена, или имена новыхъ ихъ послѣдователей! Видно, у этихъ господъ всегда есть запасъ стихотвореній, и они только не знаютъ куда дѣваться съ ними; но если кто кликнетъ кличъ — запасы являются наружу, и насъ заставляютъ читать отрывки изъ стихотворныхъ романовъ, переводы изъ Байрона, альбомные и пріятельскіе стихи,— словомъ, все, чѣмъ въ старину заслуживали имя поэта и литератора. Въ наше время это смѣшно и почти жалко!.. Жаль времени, которое стихотворцы употребляютъ на свой трудъ, жаль бумаги, на которой пишутъ они и печатаютъ, жаль и читателей, которые больше всѣхъ остаются въ накладѣ. Удивительно-какъ кстати при этомъ стихи г-на Бенедиктова, напечатанные въ «Невскомъ Альманахѣ», и которые очень-хорошо высказываютъ внутреннее сознаніе стихотворца:

И долго я упорствовалъ *безмолвно*,
Предъ чувствами разсудка ставилъ грань,
И сердцу говорилъ: ну, *полно! полно!*
Не стыдно ли? Уймись же, перестань!

Но, видно, стихотворцы неизлечимы и неисправимы!..

270) Справочный Энциклопедическій Словарь. *Изданіе* К. Крайя. *Томъ первый.* А—Аѳ. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. 572 стр.*

Объ этой книгѣ мы помѣстили довольно-обстоятельный отчетъ въ отдѣлѣ Критики.

271) Словарь Достопамятныхъ Людей Русской Земли, *составленный* Бантышъ-Каменскимъ. *Три части. 1-я съ изображеніемъ св. Димитрія, митрополита ростовскаго.* А—Д. *2-я съ приложеніемъ портрета князя Меншикова.* Е—П. *3-я съ портретомъ графа Ростопчина.* Р—Ѳ. *Санктпетербургъ. 1847. Части 1-я и 2-я въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, часть 3-я въ тип. Карла Крайя. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части VII, 570, во 2-й — 573 и 105, въ 3-й — 627 стр.*

Изданные нынѣ три тома «Словаря Достопамятныхъ Людей» составляютъ прибавленіе къ изданнымъ подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ Москвѣ, въ 1836 году, пяти томамъ, гдѣ читатели съ удивленіемъ не находили въ числѣ «достопамятныхъ людей русской земли» ни *Суворова*, ни *Меншикова*, ни *Ростопчина*, ни многихъ другихъ громкихъ именъ русской исторіи, а встрѣчали имена людей очень «недостопамятныхъ». Сочинитель оправдывался тѣмъ, что ему нѣкогда, что онъ занятъ службой. Нѣкогда, такъ не издавайте книги неполной, худо-обработанной, потому-что неполные отрывки должно издавать только изъ какихъ-нибудь драгоцѣнныхъ сочиненій, которыя важны и тѣмъ, что нашлось изъ нихъ. Такъ издана въ наше время «Республика» Цицерона, отъисканная не вполнѣ въ палимпсестахъ; что касается до сочиненія г-на Бантышъ-Каменскаго, то публика охотно согласилась бы ждать отъ него чего-нибудь больше-совершеннаго. Не такъ думаетъ онъ самъ, полагая, что онъ одинъ занимается историческимъ словаремъ нашего отечества. Доказательствомъ служатъ его слова въ предисловіи: «Трудно од-

«*кому* замѣнять сословіе литтерато- «ровъ, которые, въ чужихъ краяхъ «печатаютъ *полные словари*, едва упо «миная о Россіи». Авторъ почитаетъ себя *однимъ*, который замѣняетъ у насъ цѣлое *сословіе* литераторовъ. Далѣе говоритъ онъ: «Кромѣ желанія «познакомить иноземцевъ» (почему же одинхъ иноземцевъ?) «съ знамениты- «ми моими соотечественниками, цѣль «моя: сохранить для потомства по- «двиги, достойные подражанія, и, «осмѣивая слабости, описывая пре- «ступленія, возвысить цѣну добро- «дѣтели.» Лѣтописецъ Несторъ могъ сказать, что пишетъ свою простодушную повѣсть желая сохранить для потомства подвиги предковъ; но въ наше время, когда сотни людей занимаются исторіею русскою, когда для нея учреждены общества, отдѣлъ въ Академіи, Археографическая Коммиссія, когда выходятъ безпрестанно книги о частныхъ и общихъ событіяхъ нашего прошедшаго, основательно ли думать, что только труды одного человѣка сохранятъ для потомства подвиги предковъ? И какимъ-образомъ осмѣяніе слабостей и описаніе преступленій возвысятъ цѣну добродѣтели? Добродѣтель не товаръ, котораго цѣна возвышается при недостаткѣ въ немъ. Въ наше время и комики увѣрились, что, изображая слабости и пороки, они работаютъ не для успѣховъ добродѣтели; тѣмъ меньше можетъ быть это цѣлью историка. Описывайте, изображайте, творите безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, но съ истинною любовью къ своему предмету, съ одушевленіемъ, съ вдохновеніемъ — и всѣ благія послѣдствія вашего труда явятся сами-собою. Въ томъ же предисловіи авторъ прибавляетъ съ какою-то горечью: «Если Словарь мой и не при- «несетъ ожидаемой пользы, то, по «крайней мѣрѣ, будетъ не безполезенъ «*для нѣкоторыхъ* нашихъ ученыхъ, ко- «торые любятъ выдавать *чужое* за «свое, старое *за новое*.» Онъ даже поясняетъ, что изъ Словаря его составятъ и исторіи и словари и всякія извлеченія. «Обширное поле для выписокъ!» говоритъ онъ въ заключеніе.

Тѣмъ болѣе должны мы обратить вниманіе на новый трудъ г. Бантышъ-Каменскаго. До-сихъ-поръ Плутархъ оставался неподражаемымъ образцомъ въ сочиненіи біографій, и примѣръ его показываетъ, что для этого рода сочиненій надобно имѣть особенное дарованіе. Плутархъ великъ и удивителенъ не тщательностью своихъ изъисканій, не подборомъ событій, не множествомъ представляемыхъ имъ свѣдѣній и подробностей, а вѣрнымъ своимъ взглядомъ на описываемое лицо, характеристическими чертами, которыя умѣетъ онъ приводить кстати, и особеннымъ колоритомъ для каждой біографіи, такъ-что, читая ее, вы видите передъ собою изображаемое лицо, переноситесь въ описываемый вамъ міръ, и составляете себѣ ясное, вѣрное понятіе о немъ и его событіяхъ. Величайшій знатокъ древностей и одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и проницательныхъ умовъ, Поль-Луи Курьё, справедливо сказалъ, что для вѣрности характеристики, для рѣзкаго выраженія, западающаго въ душу, Плутархъ готовъ приписать побѣду Антонію надъ Цесаремъ, только бы выразить тѣмъ внутреннюю идею событія. Онъ былъ столько же поэтъ, сколько историкъ, и его біографіи больше удивительны какъ произведенія искусства, нежели какъ сборники фактовъ. Отъ-того онъ и остается единственнымъ, что еще не родился подобный ему поэтъ для труднаго рода біографій. Посмотримъ, какого рода особенностями отличается нашъ русскій біографъ.

У него, какъ видно, не было никакой системы для составленія задуманной имъ книги. Еслибъ онъ избралъ нѣсколько характеристическихъ лицъ въ русской исторіи, какъ Плутархъ въ исторіи Греціи и Рима, его сочиненіе имѣло бы опредѣленный объемъ; еслибъ онъ избралъ лица духовныя, какъ покойный митрополитъ Евгеній, или рѣшился составить словарь литераторовъ, какъ тотъ же заслуженный ав-

торъ, или описывалъ жизнь достопамятныхъ русскихъ воиновъ — тогда книга его имѣла бы сомкнутый кругъ. Но теперь она будетъ продолжаться безконечно, и все-таки не представитъ ничего определеннаго, ничего полнаго. Гдѣ мѣрило, которымъ опредѣлялись бы достопамятные люди? Къ числу ихъ авторъ присоединяетъ лица вовсе-неисторическія. Можно быть почтеннымъ, заслуженымъ человѣкомъ, и въ то же время не лицомъ историческимъ. Что нашелъ авторъ исторически-достопамятнаго въ такихъ лицахъ, какъ князь Барбошинъ, Иванъ Басмановъ, Александръ Глѣбовъ, Өеодоръ Глѣбовъ, Генрихъ Гроссъ, архіепископъ Леонидъ, Петръ Мелиссино, дѣти Меншикова, Мишуковъ, Перекусихина, Пименъ Черный, Надаржинскій, маркизъ де-Траверсе, Шубинъ и еще много подобныхъ? Послѣ этого всѣ значительные военные и гражданскіе чиновники, исполнявшіе обязанности свои по крайнему разумѣнію или по обстоятельствамъ, и даже незначительные потомки знаменитыхъ людей, достойны исторіи? Отъ-того-то г. Бантышъ-Каменскій издалъ уже восемь толстыхъ томовъ, и все еще не кончилъ своей книги, и никогда не кончитъ: причиной тому неразборчивость его въ выборѣ біографій и совершенное отсутствіе всякаго плана. Толщину томовъ его увеличиваетъ также несообразность въ самомъ объемѣ біографій: истинно-достопамятнымъ людямъ посвящаетъ онъ по нѣскольку страничекъ, а многимъ не интереснымъ лицамъ по нѣскольку листовъ. На-примѣръ, біографія графа Сперанскаго занимаетъ только десять страницъ, а біографія князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго 32 страницы, Капниста 38 страницъ, Д. И. Языкова 30 страницъ! Это отъ-того, что если у автора есть подъ рукою готовые матеріалы, то онъ очень-охотно вноситъ ихъ, или, лучше сказать, переписываетъ въ свою книгу, почти безъ всякой обработки; но гдѣ надобны изъисканія, собственный трудъ, тамъ онъ довольствуется краткими извѣстіями. Такъ было и съ біографіей графа Сперанскаго: нѣтъ печатныхъ матеріаловъ для нея, и онъ довольствуется поверхностными извѣстіями... Онъ не принимаетъ на себя такого труда, какой принялъ, на-примѣръ, одинъ изъ высшихъ нашихъ сановниковъ и вмѣстѣ извѣстный литераторъ, который уже нѣсколько лѣтъ занимается *одною* біографіею графа Сперанскаго.

Г. Бантышъ-Каменскій, полагающій, что другіе литераторы изъ его книгъ составляютъ свои исторіи и словари, именно самъ составляетъ свои біографіи изъ готовыхъ чужихъ трудовъ. На-примѣръ, всѣ знаменитыя и извѣстныя лица нашей отечественной войны, вошедшія въ его словарь — Барклай-де-Толли, Витгенштейнъ, Кутузовъ, Ланжеронъ, Дибичъ, Капцевичъ — описаны почти словами историковъ славной войны нашей, гг. Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина. Авторъ выписываетъ изъ нихъ буквально цѣлыя страницы, не означая того, и только довольствуясь указаніемъ на источникъ, какъ дѣлается это единственно для подтвержденія какой-нибудь истины? На-примѣръ, еслибъ авторъ утверждалъ, что Французы были отбиты при Бородинѣ, то могъ бы въ подтвержденіе *своихъ* словъ сослаться на гг. Михайловскаго-Данилевскаго и Бутурлина; но выписывать изъ нихъ цѣлыя страницы и не упомянуть о томъ или не означить выписки вводными знаками—не слѣдуетъ. Такимъ-образомъ легко составлять толстыя книги! Въ описаніи другихъ лицъ, авторъ точно такъ же *пользовался* трудами Карамзина, митрополита Евгенія, гг. Греча, Снегирева и разными отдѣльными статьями, напечатанными въ журналахъ. Мы не говоримъ, чтобъ въ изданной имъ книгѣ не было принадлежащаго ему-самому; нѣтъ, всѣ ошибки, странныя сужденія, и даже цѣлыя біографіи принадлежатъ ему по праву, хотя едва-ли не въ каждой встрѣчаются чужія фразы. Біографія И. И. Дмитріева вся сшита изъ чужихъ

лоскутьевъ. Сначала идетъ анекдотъ о казни Пугачева, заимствованный у Пушкина, который самъ взялъ его изъ записокъ Дмитріева; потомъ — выписки изъ біографіи Дмитріева, написанной княземъ Вяземскимъ, выписки разныхъ стихотвореній Дмитріева и письмо его къ князю Шаликову. Если исключить все это буквально переписанное, то на долю автора и остаются только анекдоты, иногда очень странные, и сужденія слишкомъ устарѣлыя для нашего времени. Дѣйствительно, кто сравниваетъ теперь Дмитріева съ Крыловымъ? Кто почитаетъ В. В. Капниста поэтомъ? Кто рѣшится, для поясненія характера описываемаго лица, разсказать вотъ какой анекдотъ: «Одна дама привезла Дмитріеву «*гостинецъ* изъ чужихъ краевъ. Дмитріевъ, тронутый ея *лестною* внимательностью, терялся въ словахъ при «изъявленіи сердечной благодарности; «можно представить себѣ его смущеніе, когда, по неотступной просьбѣ «*нашей* путешественницы, развернулъ «онъ бумагу, скрывавшую подарокъ, и «увидѣлъ въ ней — *трико на панталоны!*» (Ч. I, стр. 558). Такими-то характерными анекдотами дополняетъ авторъ заимствуемое имъ у другихъ! біографію Карамзина (которая могла бы быть любопытна во многихъ отношеніяхъ), авторъ наполнилъ выписками изъ его же *Писемъ Русскаго Путешественника!* Взята обильная дань и изъ частныхъ писемъ Карамзина, также напечатанныхъ и всѣмъ извѣстныхъ, и ко всему чужому прибавлено нѣсколько невѣрныхъ и неполныхъ извѣстій собственно отъ автора. Напримѣръ, изданіе «Вѣстника Европы» предпринялъ не Карамзинъ, а И. В. Поповъ, бывшій содержатель университетской типографіи, и Карамзинъ взялъ на себя только редакцію журнала за *тысячу рублей* въ годъ; когда подписка на журналъ превзошла всѣ ожиданія, то онъ потребовалъ еще тысячу рублей, и получалъ, слѣдовательно, *двѣ* тысячи рублей, а не 12 тысячь, какъ говоритъ авторъ. Карамзинъ былъ тогда въ стѣсненномъ положеніи, и оно-то заставило его составлять коротенькія біографіи русскихъ авторовъ для *Пантеона* Бекетова. Началомъ перемѣны въ положеніи Карамзина была вторая женитьба его; тогда онъ бросилъ «Вѣстникъ» и всѣ мелочныя работы, получивъ званіе исторіографа. Если-бы авторъ не перенесъ въ біографію графа Сперанскаго любопытнаго извѣстія о рукописномъ сочиненіи Карамзина: *О древней и новой Россіи*, мы видѣли бы, что исторіографъ стремился даже быть лицомъ политическимъ, хотя неудачно. Но для такихъ біографическихъ изъисканій необходимъ трудъ, время, а нашъ авторъ спѣшитъ издавать толстые томы и мало заботится о вѣрности представляемыхъ имъ извѣстій, какъ видимъ изъ приведенныхъ здѣсь доказательствъ.

Какъ можно было описать всю юность и воспитаніе Суворова въ нѣсколькихъ строчкахъ, въ такихъ выраженіяхъ: «оказывалъ предпочтеніе военной службѣ, обучался съ успѣхомъ отечественному языку»? Такъ можно говорить о какомъ-нибудь прапорщикѣ за урядъ, а не о величайшемъ полководцѣ, не о геніи войны. Юность такихъ людей любопытна не меньше ихъ подвиговъ, которые бываютъ только развитіемъ внутренней ихъ силы. Не лучше ли было бы заняться изъисканіемъ, какъ созрѣвалъ этотъ необыкновенный геній, нежели выписывать страницы и анекдоты изъ недостовѣрныхъ, составленныхъ безъ критики сочиненій Лаверна и Фукса?

Но не такова система автора разсматриваемыхъ нами біографій. Въ біографіи поэта Пушкина, также наполненной голословными выписками изъ его собственныхъ сочиненій, изъ писемъ князя Вяземскаго, Жуковскаго, г. Бантышъ-Каменскій говоритъ на 87 стран. (Прибавленія ко II-й части): «Никогда «Пушкинъ столько не трудился; но онъ «былъ въ то время помолвленъ съ На«тальею Николаевною Гончаровою, «которая съ душевными качествами

«соединяла образованный умъ, неописанную красоту — и нуждался въ деньгахъ, а сочиненія его пріобрѣтались, «къ чести нашихъ книгопродавцевъ, «особливо Смирдина, дорогою платою. «Увѣряютъ, будто послѣдній платилъ «ему по червонцу за каждый стихъ.» Выходитъ, что Пушкинъ писалъ тогда много для денегъ и бралъ по червонцу за каждый стихъ своихъ вдохновенныхъ пѣснопѣній... Такъ понимаетъ біографъ великаго поэта!.. Знавшіе лично Пушкина, знаютъ, что нашъ поэтъ каждую осень удалялся въ деревню и большею частію писалъ въ это время года, проводя остальные мѣсяцы въ разсѣяніяхъ столицы. Въ 1830 году, по случаю холеры, онъ долѣе обыкновеннаго прожилъ въ деревнѣ, былъ въ особенномъ вдохновеніи, и отъ-того написалъ много, но не думалъ о червонцахъ! Самое извѣстіе, что г. Смирдинъ платилъ ему по червонцу за каждый стихъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Бахчисарайскаго Фонтана» невѣрно: первый изданъ въ то время, когда Смирдинъ еще не былъ въ полной своей дѣятельности, а второй напечатанъ въ Москвѣ, подъ распоряженіемъ князя Вяземскаго.

Наконецъ, замѣтимъ, что книга г-на Бантышъ-Каменскаго утолщается отъ множества безполезныхъ повтореній, ненужныхъ выписокъ и совершенно-постороннихъ для предмета извѣстій. Такъ, на-примѣръ, въ біографіи Пушкина приведено довольно-длинное сужденіе его о Грибоѣдовѣ, и въ выноскѣ, что-то похожее на біографію самого Грибоѣдова. Тутъ же описаніе, какъ парился Пушкинъ въ тифлисской банѣ. Къ-чему въ біографіи почти каждаго писателя выписки изъ его сочиненій, неимѣющія никакого отношенія къ его жизни, какъ, напримѣръ, въ біографіи Капниста отрывки изъ комедіи «Ябеда»? Въ разныхъ біографіяхъ полководцевъ и генераловъ излагаются подробности, вовсе-ненужныя къ дѣлу. Напримѣръ, авторъ пишетъ о Барклаѣ де-Толли и включаетъ тутъ описаніе не только войны 1812, 1813 и 1814 годовъ, но даже подробности ея, разныя выраженія генераловъ о разныхъ событіяхъ: говоритъ о лейпцигской битвѣ на всѣхъ ея пунктахъ, хотя Барклай командовалъ тутъ одною частью войскъ, и выше его были Шварценбергъ и Императоръ Александръ; находитъ случай упомянуть даже о дѣйствіяхъ партизановъ, подробно описываетъ отреченіе Наполеона отъ престола и даже включаетъ прощальную рѣчь его къ войскамъ. А что̀ причиною такихъ ненужныхъ подробностей, когда вся остальная жизнь Барклая описана на нѣсколькихъ страницахъ?... Матеріалъ былъ готовый: г. Бантышъ-Каменскій просто выписывалъ изъ книгъ г-на Михайловскаго-Данилевскаго всѣ подробности войнъ, а чего нѣтъ въ нихъ, того нѣтъ и у него. О другихъ эпохахъ жизни Барклая — ни слова. Отъ-того біографія Барклая представляетъ странную аномалію: черезъ-чуръ подробная въ нѣкоторыхъ частяхъ, она до неясности кратка въ другихъ. Напротивъ біографія Кутузова-Смоленскаго, вполнѣ изданная г. Михайловскимъ-Данилевскимъ, очень-полна и у г-на Бантышъ-Каменскаго. Правда, онъ упоминаетъ въ одномъ примѣчаніи, что при описаніи событій 1812 года *руководствовался* сочиненіемъ г-на Бутурлина, но больше *руководствовался* онъ сочиненіемъ г-на Данилевскаго, изъ котораго выписокъ гораздо-больше, нежели изъ книги г-на Бутурлина.

Въ трехъ томахъ «Словаря Достопамятныхъ Людей», нынѣ-изданныхъ г. Бантышъ-Каменскимъ, помѣщено стоннять біографій. Къ этому присоединено шесть біографій изъ другой книги г-на Бантышъ-Каменскаго: «Дѣянія Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго», и тринадцать еще изъ его же сочиненія «О Генералиссимусахъ и Генералъ-Фельдмаршалахъ» Способъ составлять книги, довольно-замѣчательный: брать изъ своихъ же старыхъ сочиненій нѣкоторыя части и выдавать ихъ за новость! Не знаемъ, которому способу

отдать преимущество: буквальному заимствованію у другихъ, или выпискѣ изъ собственныхъ старыхъ сочиненій.

272) Штейнъ и Поццо-ди-Борго *Переводъ съ французскаго. Дерптъ. 1847. Въ тип. Г. Лаакманна Въ 8-ю д. л. 23 стр.*

Другой переводъ того самаго сочиненія, которое уже было напечатано въ 1-мъ № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года. Изъ предисловія къ новому переводу видимъ, что онъ воспроизведенъ г-мъ «Михайломъ Розбергомъ, іюня 6 дня 1847 года, въ Дерптѣ». Переводу предпослано предисловіе, гдѣ переводчикъ, говоря о подлинникѣ, заключаетъ такъ:

«Между тѣмъ, главные размѣры (чего?) столь точны, *округлость* выраженія, смѣю сказать, *столь обаятельно отдѣляется* отъ всего посторонняго, побочнаго, что, сначала недоумѣваешь — создала ли ихъ бойкая, нѣжная кисть, или радужный лучъ, играя, совершилъ тутъ дѣло какого-то волшебнаго рѣзца».

Переводъ отзывается неопытностью въ русскомъ слогѣ и языкѣ. Переводчикъ употребляетъ слова несвойственныя предмету и часто грѣшитъ не только противъ литературныхъ приличій, но и противъ грамматики. На страницѣ 6-й читаемъ: «Поццо былъ «если не душей, по-крайней мѣрѣ од«нимъ изъ самыхъ ревностныхъ, са«мыхъ неустрашимыхъ двигателей «огромнаго *военнаго снаряда*, *коего* важ«ность признавалъ и повелитель Фран«ціи». Не имѣя теперь передъ глазами подлинника, какъ извѣстно, отличающагося высокими достоинствами, не знаемъ, что̀ такое переведено словами: «военный снарядъ», но по-русски выходитъ тутъ совершенно непонятно, особливо когда прочтете слѣдующее за тѣмъ:

«Не разъ, своей желѣзною рукою, онъ (повелитель Франціи) пытался *раздробить его* (то есть снарядъ), но снарядъ оказывался *неуловимымъ*(?): онъ *проглядывалъ* всюду и *не выставлялся* нигдѣ; онъ не имѣлъ *безусловнаго сосредоточія*, а лишь нѣсколько *точекъ соединенія*».

Всякой видитъ, что это не могло быть въ подлинникѣ, и что такія фразы явились только подъ перомъ неопытнаго переводчика. Можно помѣстить въ любое собраніе загадокъ этотъ «снарядъ» *неуловимый*, который *проглядываетъ* всюду, а *не выставляется* нигдѣ, не имѣетъ *безусловнаго средоточія*, а имѣетъ нѣсколько *точекъ соединенія*. Загадка о сфинксѣ была не мудренѣе! Замѣтимъ также, что грамотному человѣку непростительно написать: «*не* имѣлъ средоточія, а лишь «точки соединенія». Глаголъ съ отрицаніемъ не можетъ управлять придаточнымъ членомъ. Слабое знаніе языка видно и въ томъ, что переводчикъ пишетъ: *позджe* (стр. 9), *кой*, *коя* (вмѣсто *который*, *которая*), *оный*, *купно*— слова, несуществующія или устарѣлыя. Не знаемъ также, что̀ онъ переводитъ словами: «Учредительное Собраніе»? Ни одно изъ временныхъ правительствъ во время французской революціи не называется такъ по-русски.

Довольно доказательствъ, что новый переводъ не хорошъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что читающіе по-русски не могутъ судить по немъ о достоинствахъ подлинника, который въ изображеніи двухъ достопамятныхъ историческихъ лицъ, Поццо-ди-Борго и Штейна, отличается многими смѣлыми, оригинальными мыслями. Слѣдующія строки могутъ служить доказательствомъ того даже и въ плохомъ переводѣ г-на Розберга:

«Здѣсь, какъ и въ иныхъ мѣстахъ (?), замѣтимъ, что Поццо, плебей, возникшій изъ одной школы съ Наполеономъ *былъ* собственно мужемъ власти, питалъ отвращеніе къ стихіи (стихіи) демократической, а довѣріе только къ постановленіямъ, крѣпко утвержденнымъ, и, даже охотно облекъ бы *оныя* отличительными признаками самодержавія. Патрицій Штейнъ, аристократъ, дорожившій своимъ гербомъ, обнару-

живалъ, напротивъ, рѣшительную наклонность — доставить богатую долю преимуществъ сословіямъ низшимъ. Пораженный упадкомъ касты дворянъ, упадкомъ княжескихъ семействъ, Штейнъ, съ государственными сановниками своей школы, восхищался любовью къ отечеству, просвѣщеніемъ германскаго мѣщанства; въ его-то (!) добронравіи, въ его неустрашимости онъ искалъ блага отчизны и, естественно, ощущалъ болѣе со страстію къ (съ) среднимъ(ними) разрядамъ(ами) гражданъ, уважая ихъ народное одушевленіе, умѣя приводить въ содраганіе ихъ тайныя думы, нежели къ высшимъ, *коимъ* принужденъ былъ говорить въ глаза горькія, кровавые упреки. Такая двоякая связь, зависѣвшая отъ извѣстнаго положенія *вещей* и вызванныя ихъ природой (чувствуете, что въ подлинникѣ должно быть не то, или не такъ!), заставила смотрѣть на Штейна, какъ на причину нѣмецкихъ демагогическихъ смутъ, обвиненіе, понятное развѣ въ устахъ людей, неимѣющихъ никакого точнаго свѣдѣнія о теченіи мыслей и дѣлъ тогдашняго времени. На взглядъ Штейна, на взглядъ Поццо, разрушеніе французскаго самовластительства составляло предварительное условіе возсозданія Европы: достигнувъ, разъ, главной цѣли, они расходились по разнымъ путямъ, и, странность!—тутъ-то именно *выступало* (?) скользкое состояніе вопроса почти для каждаго, кто подвизался на поприщѣ великаго предпріятія. Всѣ соглашались *касательно* перваго дѣйствія драмы, не многіе *уступали* другъ другу, когда рѣчь *зашла* (*) о второмъ: повѣрія самыя искреннія раздѣлились, сочетанія мнѣній, самыя прочныя, *расторглись*, подвижники самые основательные *терялись* (**) при исполненіи своихъ предначертаній; такъ справедливо, что въ существахъ избранныхъ, сотворенныхъ для борьбы, сила отпора одна беретъ перевѣсъ. Поццо участвовалъ въ совѣтахъ Бурбоновъ во Франціи, въ Испаніи, раздражаясь лишь неловкостью ихъ правленія и отчаяваясь въ его успѣхахъ; Штейнъ умеръ съ прискорбіемъ въ сердцѣ, краснѣя отъ стыда, при взорѣ на Германію въ томъ видѣ, какой она получила послѣ; оба разочаровались въ мечтахъ цѣлой жизни, въ завѣтныхъ убѣжденіяхъ, которымъ предавались тѣломъ и душею.»

(*) Сочетаніе временъ глаголовъ неправильно.

(**) Тоже нѣтъ сочетанія временъ глаголовъ.

Такъ ли было бы это сильно и выразительно въ другомъ, лучшемъ переводѣ?..

273) **Патріархъ Іоакимъ** *и заслуги его отечеству, въ гражданскомъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Историческое изслѣдованіе* Н. Е — на. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Н. Греча. Въ 12-ю д. л. 32 стр.*

Эта статья была напечатана въ газетахъ и теперь является отдѣльно-изданною. Сочинитель ея пристрастенъ къ патріарху Іоакиму и приписываетъ ему многія мнимыя заслуги. Выхваляя нравственныя качества патріарха, онъ говоритъ: «Проникнутый глубокимъ «сознаніемъ грѣховности падшей при«роды человѣка, онъ желалъ окончить «жизнь уединенно, въ пустынѣ» (стр. 3), а черезъ нѣсколько строчекъ пишетъ о немъ же: «Чудовскій архимандритъ (т. е. Іоакимъ) не забывалъ своего дворянскаго происхожденія, и находилъ неприличною гордость патріарха (Никона), котораго родители были простые поселяне.» Такія противорѣчія происходятъ отъ того, что Іоакимъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ усиливается представить его сочинитель: онъ былъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ сильныхъ противниковъ Никона, и низверженіемъ этого достопамятнаго іерарха проложилъ себѣ путь къ патріаршему престолу. Вся жизнь его шла въ такомъ направленіи, и отъ-того противоположные выводы изъ нея никакъ не ладятъ съ историческою правдою.

274) **О Почитаніи Святыхъ Мощей.** *Сочиненіе* Павла Острова. *Москва. Въ тип. А. Семена. 1847. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Авторъ разсматриваетъ, почему мы почитаемъ святыя мощи, показываетъ ихъ сверхъестественныя дѣйствія, и

потомъ излагаетъ, какъ должно выражаться наше къ нимъ благоговѣніе. Онъ заимствуетъ здѣсь нѣсколько словъ изъ поученій Златоуста, который говоритъ: «возлюби сіе мѣсто (гробъ мученика), пригвозди себя къ ковчегу останковъ» (стр. 39).

275) Зерцало или Оглѣдало Христіанское, *кое то содержава мысли спасительны и увѣщанія душеполезны и весьма нужны за всякаго христіанина, кой то желае да познай свое то христіанско живѣяны и евангельска та истина. Переведи отъ славянскій на булгарскій языкъ съ дополненіе, Афонско-Зографского Монастыря* Монахъ Нафанаилъ *и братъ его* Захарій Княжескій. *1844. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 170 стр.*

276) Введеніе въ Исторію Болгарскихъ Славянъ. З. Княжескій. (*Вхождаміе въ исторія та на Булгарски те Славяне отъ 5-я вѣка, до 1396 та година). Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 52 стр.*

«Настало время» говорятъ переводчики первой книжки: «отворить свои очи и поглядѣть вокругъ себя на другіе народы. Всѣ они просвѣщаются: слѣдовательно, и Болгаре должны просвѣщаться, тѣмъ болѣе, что булгарскій народъ былъ нѣкогда украшенъ просвѣщеніемъ» Для образованія же нужны книги, и потому Монахъ Нафанаилъ и братъ его Захарій Княжескій перевели съ русскаго на булгарскій три книги: первая—*Святительское Поученіе за новопоставленнаго священника,* вторая—*Сокращенный Катихизисъ,* третья—*Зерцало Христіанское.* Переводчики присовокупляютъ, что ложно мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ гражданскихъ книгахъ больше пользы, чѣмъ въ духовныхъ. Напротивъ, утверждаютъ они, всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ доказать, что ни одинъ народъ не просвѣщается ни душевно, ни тѣлесно безъ духовнаго умственнаго развитія. Въ концѣ приложены стихи, которые мы выписываемъ:

О! Вѣтре сѣверный на Болгарія повѣй,
И отъ очи те нейни мгла та развѣй.
О! сѣверное солнце
Пусти твои свѣтлыя лучи,
Открой умни те нейни очи.
Неостана веки на никого вѣрна надежда.
Кате сестра да я облече въ свѣтла одежда.
На тебя само тя се надява.
Като жадна земля душѣ ожидава.

277) О весеннемъ, лѣтнемъ и осеннемъ леченіи болѣзней *травяными соками, молокомъ, сывороткою, морскими ваннами, ягодами и плодами. Доктора* Рудольфа Шметтау. *Москва. Въ тип. Лазар. Инст. Вост. Языковъ.*

Нѣкоторыя книги являются въ извѣстное время года, подобно пассатнымъ вѣтрамъ или перелетнымъ птицамъ. Та, которой титулъ мы сейчасъ выписали, разумѣется, не прилична зимѣ, но имѣетъ интересъ въ-теченіи трехъ временъ года. Долговѣчность удивительная, если сообразить, какъ все скоропреходяще на свѣтѣ! Впрочемъ, этой книжкѣ мы желаемъ пожить, потому-что она сама даетъ дѣльные совѣты для продолженія нашей жизни. Гуфландъ предписывалъ отдыхать часа два послѣ обѣда для продолженія жизни. Кантъ, прочитавъ книгу своего пріятеля, замѣтилъ: не понимаю, какая охота прожить лишнія лѣтъ пять для того, чтобъ имѣть возможность спать лишніе два часа въ сутки. Нѣкоторые совѣты Шметтау похожи на гуфландовы. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: удаляйся отъ страстей (даже отъ любви), не работай головою, не давай воли душевнымъ движеніямъ — и еще что-то хорошее въ томъ же родѣ; другими словами: не живи, если хочешь жить подольше.

278) Изслѣдованіе Началъ Уголовнаго Права, *изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича. Сочиненіе профессора Ришельевскаго Лицея* Владиміра Линовскаго. *Одесса. 1847. Въ городской тип. Въ 4-ю д. л. III и 127 стр.*

Объ «Уложеніи» царя Алексѣя Михайловича у насъ писали гг. Строевъ и Морошкинъ. «Рѣчь объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи» профессора Морошкина заключаетъ въ себѣ изслѣдованія источниковъ «Уложенія», государственныхъ и гражданскихъ законовъ и судопроизводства. Вновь-вышедшее сочиненіе г. Линовскаго относится къ однимъ уголовнымъ законамъ и уголовному судопроизводству: г. Линовскій пространнѣе разсматриваетъ предметъ, нежели предшествовавшіе ему изъискатели; однакожь, сочиненіе его мы не назвали бы *изслѣдованіемъ началъ уголовнаго права*, изложенныхъ въ «Уложеніи». Сочиненіе его есть скорѣе систематическое изложеніе уголовныхъ законовъ «Уложенія» и краткій историческій очеркъ этихъ законовъ отъ «Русской Правды» до царя Алексѣя Михайловича. Полной оцѣнки началъ уголовныхъ законовъ «Уложенія» по требованію науки уголовнаго права въ настоящемъ ея положеніи, и по отношенію къ духу времени, въ которое издано «Уложеніе», и къ состоянію Европы XVII столѣтія, мы не находимъ, и не въ правѣ требовать по малочисленности предшествовавшихъ пріуготовительныхъ трудовъ. Впрочемъ, при каждомъ удобномъ случаѣ авторъ старался показать вкратцѣ, что́ дѣлалось въ то же время съ главными пунктами ученія на Западѣ.

Какое главное начало проникаетъ уголовные законы Алексѣя Михайловича?

«Возмездіе, встрѣчаемое въ Уложеніи, было формальное; матеріальное, господствовавшее въ древнемъ русскомъ правѣ, начало исчезать прежде Уложенія. Оно существовало во время господство кровной или родовой мести и являлось еще иногда во времена близкія къ изданію судебника, чему примѣры находимъ въ исторіи: во первыхъ въ убіеніи Дмитріемъ Тверскимъ, по прозванію *грозные очи*, въ ордѣ дяди его Георгія Даниловича, по навѣтамъ котораго былъ лишенъ жизни отецъ Дмитрія, Святый Михаилъ Тверской, и во вторыхъ въ ослѣпленіи Димитріемъ Шемякою великаго князя Василія, получившаго отъ того названіе Темнаго: Шемяка мстилъ за ослѣпленіе своего брата Василія Косаго, и потому считалъ это достаточнымъ оправданіемъ своей жестокости въ глазахъ народа и Великаго князя. Когда наказаніе сдѣлалось принадлежностію верховной власти, замѣтны были вначалѣ слѣды вліянія матеріальнаго взгляда; сюда относятся съ одной стороны, наказанія, подвергавшія преступника тому же злу, какое онъ причинилъ своимъ преступленіемъ; съ другой—лишеніе членовъ, которые служили орудіемъ для исполненія тѣхъ или другихъ преступленій. За воровство отсѣкали руки, за клевету и злорѣчіе языкъ, за ослѣпленіе лишали зрѣнія, за отравленіе умерщвляли ядомъ.

«Въ Уложеніи остались весьма слабые слѣды физическаго или матеріальнаго возмездія; въ немъ основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ, служило формальное или юридическое возмездіе. Всѣ преступленія, которыя уничтожали бытіе частныхъ лицъ или угрожали общественному быту, наказывались отнятіемъ юридическаго бытія у того, кто совершалъ такія преступленія. Это наказаніе было смертная казнь, которая по чистымъ юридическимъ началамъ справедливости, только одна можетъ соотвѣтствовать величинѣ совершеннаго противузаконнаго дѣйствія и самымъ удовлетворительнымъ образомъ можетъ уравновѣсить это дѣйствіе. Второй родъ преступленій состоялъ изъ дѣйствій, которыя производятъ нарушеніе правъ не въ цѣлости, но въ какой нибудь части и при томъ такихъ, которыя могутъ быть возстановлены. Противу этихъ преступленій, Уложеніе полагаетъ отнятіе членовъ; это наказаніе преимущественно было заимствовано изъ Литовскаго Статута и Градскихъ законовъ. Въ Уложеніи отнятіе членовъ теряетъ свой прежній характеръ матеріальнаго возмездія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ отмѣна отсѣченія руки за воровство, отрѣзанія языка за клевету и т. п. Кромѣ отсѣченія членовъ за этотъ родъ преступленій Уложеніе опредѣляетъ тяжкія тѣлесныя наказанія и тюремное заключеніе. Третій родъ преступленій составляютъ Полицейскіе проступки, къ которымъ относятся такія дѣйствія, которыя не нарушаютъ самаго права, но только

ограничиваютъ средства, употребляемыя для обезпеченія правъ. Противъ нарушеній третьяго рода, Уложеніе опредѣлило денежныя наказанія, кратковременное тюремное заключеніе и легчайшія тѣлесныя наказанія» (стр. 111 и 112).

Вотъ главная мысль автора объ уголовномъ законодательствѣ царя Алексѣя Михайловича. По ученію г. Линовскаго, юридическое, формальное возмездіе служило основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ. Но была ли выполнена на самомъ дѣлѣ эта мысль? Намъ встрѣчаются въ «Уложеніи» случаи, которые могутъ поколебать подобное убѣжденіе. На-примѣръ:

Купецъ, ѣздившій въ другое государство безъ проѣзжей граммaты для торговаго промысла, а не для измѣны, подвергался наказанію кнутомъ, *чтобы на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлать*. Въ этомъ случаѣ «Уложеніе» наказываетъ не столько за вину купца, сколько *для устрашенія* другихъ отъ подобныхъ поѣздокъ. Оно и само высказало эту причину, какъ и въ слѣдующихъ случаяхъ:

Сотенный голова, отпустившій своего ратнаго человѣка безъ государева указа и безъ воеводскаго вѣдома, наказывался батогами, для того, чтобъ, на то смотря, инымъ сотеннымъ головамъ *не повадно было такъ дѣлать*.

Ратникъ, который, имѣя свои запасы и кормы, принуждалъ жителей къ продажѣ ихъ по указной цѣнѣ, долженъ былъ заплатить обиженному деньги вдвое противъ указной цѣны, *чтобъ, на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлать*.

Проситель, подававшій просьбу прямо государю, не бивъ челомъ въ приказахъ, гдѣ онъ подсуденъ, подвергался наказанію батогами, а кто почестнѣе, того сажали въ тюрьму на недѣлю, *чтобъ, на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлать*.

Съ тою же самою цѣлію наказывали похвалявшагося въ убійствѣ и неимѣвшаго чѣмъ заплатить заповѣди холопа, который бѣжалъ отъ стараго боярина своего и билъ челомъ во дворъ иному и тѣмъ учинилъ ссору; — укрывателей татей и разбойниковъ, и пр.

Слѣдственно, есть преступленія, за которыя наказывая, «Уложеніе» имѣло въ виду не юридическое возмездіе. Съ этимъ авторъ самъ согласенъ, и потому говоритъ (стр 90), что система устрашенія допущена только въ преступленіяхъ менѣе тяжкихъ, ненарушающихъ бытія государства и непричиняющихъ невозвратныхъ потерь частнымъ лицамъ. Но зачѣмъ же допускать систему устрашенія въ маловажныхъ преступленіяхъ, если она не принята при наказаніи за преступленія, нарушающія бытіе государственное? Скорѣе бы, казалось, допустить ее въ послѣднемъ случаѣ.

Какія же наказанія допускались за преступленія болѣе-важныя? Смертная казнь опредѣлялась за 36 родовъ преступленій, и между-прочимъ, она постигала иноземцевъ и русскихъ людей, которые держали у себя табакъ и табакомъ торговали. Виды смертной казни были: 1) *сожженіе*—за богохульство; 2) *вѣшаніе*—за измѣну ратныхъ людей; 3) *закапываніе въ землю живаго*—за умерщвленіе женами мужей своихъ, и 4) *залитіе горла расплавленнымъ металломъ*—за дѣланіе фальшивой монеты. Изъ Кошихина видимъ, что еще были казни, сверхъ опредѣленныхъ «Уложеніемъ»: *четвертованіе*, за другія преступленія ратныхъ людей сверхъ измѣны; что сожженіемъ еще наказывали за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижничество; женщинамъ за чаровство и убійство отсѣкалась голова, а закапыванію въ землю подвергались женщины, сверхъ умерщвленія мужей своихъ, за погубленіе дѣтей и за иныя такія злыя дѣла.

Спрашиваемъ: развѣ усиленная смертная казнь не есть порожденіе системы устрашенія?

За преступленія менѣе-важныя допускались членовредительныя тѣлесныя наказанія: отсѣченіе ушей, носа, уха, рукъ.

Слѣдующая статья доказываетъ грубое матеріальное возмездіе (гл. 22, ст. 10):

«А будетъ кто, не боясь Бога и не «опасаясь государскіе опалы и казни, «учинитъ надъ кѣмъ-нибудь мучительское наругательство, отсѣчетъ руку «или ногу, или носъ или ухо, или гу«бы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, а «сыщется про то допряма и за такое «его наругательство, *самому ему тоже «учинити*, да на немъ же взяти изъ вот«чинъ его и изъ животовъ тому, надъ «кѣмъ онъ такое ругательство учинитъ, «будетъ отсѣчетъ руку, и за руку «пятьдесятъ рублевъ; и будетъ отсѣ«четъ ногу и за ногу пятьдесятъ же «рублевъ; а за носъ и за ухо и за гу«бы и за глазъ, потому же за всякую «рану по пятидесятъ рублевъ».

Всѣ эти случаи доказываютъ, что къ «Уложенію», какъ и ко всякому другому законодательству, нельзя примѣнить исключительно ни одной ученой системы. Въ «Уложеніи» есть и возмездіе матеріальное—остатки того періода, когда месть замѣняла наказаніе, опредѣляемое верховною властію; есть и денежныя наказанія, удовлетворявшія обиженнаго за лишеніе его права самому мстить обиду; есть наказанія, которыя налагались для устрашенія другихъ (эти наказанія развились при усиленіи верховной власти въ московскомъ государствѣ); есть, наконецъ, и примѣры формальнаго возмездія, начала, для развитія которыхъ требуется много жизни государственной и учрежденія порядка общественнаго. Всѣ эти начала перемѣшаны и проникнуты духомъ времени и состояніемъ общественнаго образованія. Отъ положенія общества зависитъ преобладаніе системы устрашенія, или началъ соразмѣрности наказаній съ преступленіями; но начала эти находятся въ каждомъ законодательствѣ. Развитію образованности и духа народнаго предоставляется только смягченіе наказаній, но не построеніе уголовнаго кодекса на одномъ изъ этихъ началъ исключительно. Новѣйшіе криминалисты, желая подвести какое-нибудь законодательство подъ идею, составленную ими, не замѣчаютъ, что этою самою системою они убиваютъ жизнь законодательства, точно такъ же, какъ обыкновенно уродуютъ исторію, когда ее хотятъ написать по приготовленной впередъ идеѣ. Мы этого не говоримъ о г. Линовскомъ, у котораго главная идея не навязывается каждому отдѣльному факту; но фактъ этотъ представляется у него въ томъ же видѣ, въ какомъ вывесла его къ намъ исторія изъ временъ минувшихъ. Книга г. Линовскаго—лучшее руководство для исторіи нашего уголовнаго права.

279) Руководство *къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Съ образцами, примѣрами и формами. Изданіе* Ѳедора Палицына. *Части III и IV. Москва. Въ тип. А. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. Въ III части–314, VI; въ IV-й–185, IV стр.*

Продолженіе полезнаго труда, о началѣ котораго говорили мы въ предъидущей книжкѣ нашего журнала. Здѣсь, во второмъ отдѣленіи второй части, изложены контракты, объявленія, довѣренности, отпускныя, паспорты, прошенія явочныя, росписки, свидѣтельства и проч. Изложеніе показываетъ человѣка опытнаго, знающаго свое дѣло практическимъ образомъ. Практика въ этомъ случаѣ важнѣе всякихъ теоретическихъ воззрѣній.

280) Записки XIII-го Комитета гг. Сахароваровъ, *учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 74 стр.*

Главнѣйшія статьи «Записокъ» суть слѣдующія: «Историческій взглядъ на свеклосахарное производство въ Европѣ до нашихъ временъ» (барона Котца), «Послѣдовательный ходъ усовершенствованій свеклосахарной промышленности въ Россіи» (Шишкова), «Наблюденія надъ свекловицею» (Соймонова) и «Общій выводъ изъ двадцати-пяти-лѣт-

наго развитія свеклосахарной промышлености въ Россіи» (г. Маслова).

Остановимся на *Общемъ Выводѣ* г. С. Маслова.

Въ этой статьѣ содержатся многія любопытныя цифры; такъ, на-прим., мы узнаёмъ, что за двадцать-пять лѣтъ предъ симъ, въ Россіи было два небольшіе свеклосахарные завода, которые производили сахарнаго песку до 1,500 пудовъ, цѣною тысячь на 50 руб. асс.; но въ настоящее время, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, существуетъ свыше 200 сахарныхъ заводовъ, производящихъ до 300,000 пудовъ сахара изъ свекловицы, цѣною на 7,500,000 руб. асс. Въ 1825 году ввезено колоніальнаго сахара 1,113,308 пудовъ, а въ 1844 году 2,133,454 пуда; наконецъ, что по тарифу 1822 года колоніальный сахаръ былъ обложенъ пошлиною 2 р. 50 сер., а съ 1841 года 3 р. 80 коп. Эти цифры сами-по-себѣ весьма-интересны; изъ нихъ можно получить слѣдующіе выводы:

1) Что потребленіе сахара въ Россіи въ-теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ по-крайней-мѣрѣ удвоилось; а такъ-какъ въ это же время народонаселеніе возрасло, конечно, не въ такой же степени, то очевидно, что потребленіе сахара распространилось и между тѣмъ классомъ народа, который прежде, не зная сахара, услаждалъ себя запеканкою или рюмкою ерофеича, а теперь замѣнялъ этотъ національный, коренной напитокъ—чашкою чая.

2) Не смотря на то, что пошлина на сахаръ возвышена въ $1\frac{1}{2}$ раза, привозъ его и потребленіе не уменьшились, — значитъ, произведеніе это сдѣлалось предметомъ необходимости потребителей, и они находятъ средства удовлетворять ее.

3) Что возрастаніе ввоза колоніальнаго сахара не помѣшало развитію собственнаго свеклосахарнаго производства, и обратно.

Вотъ выводы, противъ которыхъ, конечно, никто не станетъ спорить: они очевидны. И всегда бываетъ такъ, когда статистика беретъ достовѣрныя данныя, выводя изъ нихъ заключенія безъ всякой преднамѣренной цѣли. Совершенно-другое выходитъ, когда въ цифрѣ видятъ не существо факта народной жизни, а лишь орудіе для защищенія мысли, созрѣвшей подъ вліяніемъ обстоятельствъ и случайныхъ личныхъ отношеній. Чѣмъ настоятельнѣе нужда защищаться, чѣмъ ближе дѣйствительная, или кажущаяся опасность, тѣмъ естественнѣе хвататься за всякое орудіе, за шпагу или палку, и дѣйствовать ими во всѣ стороны, не заботясь о искусствѣ, которое предписываетъ правила, кáкъ нападать и кáкъ защищаться.

Все это пришло намъ невольно на мысль, когда мы читали означенную статью г. С. Маслова. Для отстраненія всякихъ на насъ нареканій въ пристрастіи, считаемъ долгомъ объявить, что мы не принадлежимъ ни къ свеклосахарнымъ заводчикамъ, ни къ рафинерамъ, ни къ биржевымъ негоціантамъ, выписывающимъ сахаръ изъ колоній, ни къ арматорамъ, занимающимся перевозкою сахара. Наши отношенія къ сахару ограничиваются потребленіемъ его на нашу собственную особу около 50 фунтовъ въ годъ; желанія наши въ-отношеніи къ сахару ограничиваются лишь тѣмъ, чтобъ онъ былъ дешевле; какой онъ, свекловичный или тростниковый—для насъ этотъ вопросъ рѣшительно не имѣетъ никакого значенія. Въ экономіи народной, мы исповѣдуемъ одно начало — *начало дешевой жизни;* чѣмъ дешевле жизнь, тѣмъ она привольнѣе, тѣмъ блага ея доступнѣе большинству, массѣ народа —тѣмъ онъ довольнѣе, тѣмъ онъ счастливѣе.

Это маленькое отступленіе, какъ увидятъ читатели, съ нашей стороны было необходимо.

Г. С. Масловъ изъ приведенныхъ выше цифръ выводитъ такое заключеніе, что съ умноженіемъ производства у насъ свекловичнаго сахара началъ умножаться и привозъ колоніальнаго. Отъ чего же это? спрашиваетъ онъ: «отъ-того, » отвѣчаетъ, «что привозный

сахаръ сталъ слишкомъ нежели на половину дешевле противъ 1825 года, слѣдовательно, и потребленіе его сдѣлалось доступнѣе для всѣхъ классовъ народа.»

Хотя способъ выраженія г. Маслова далеко не точенъ и запутанъ, однакожь, изъ приведенныхъ словъ ясно, что, по его мнѣнію, привозъ колоніальнаго сахара отъ-того увеличился, что онъ, т. е. сахаръ, сталъ дешевле. Противъ такого заключенія, конечно, никто не станетъ спорить. Но г. С. Масловъ не останавливается на этомъ заключеніи: обставивъ свои аргументы цифрами, которыя, какъ увидятъ читатели, повинуются автору безропотно, онъ заключаетъ, «что «*свеклосахарная промышленость* оказала наивеличайшую услугу Россіи навсегда тѣмъ, *что открыла намъ постоянную цѣнность привознаго сахара...*» и поясняетъ это слѣдующимъ разсказомъ: «Когда не было у насъ «свеклосахарныхъ заводовъ, то иностранцы, поселившіеся съ своими «конторами на берегахъ Невы, выписывали сахаръ чрезъ Англію сколько нужно, соображаясь съ потребностію, и назначали ему цѣну, какую «хотѣли. Мы платили даже по 80 р. за «пудъ, какъ это было во время войны; «при этомъ мы не могли ни чѣмъ повѣрить, дорога ли эта цѣна, или нѣтъ. «Но съ заведеніемъ туземныхъ свеклосахарныхъ заводовъ всякій помѣщикъ, оцѣнивъ свою землю и трудъ, «зная чего стоилъ ему заводъ и что «стоитъ переработка четверти свекловицы,—видитъ ясно, во что обходится «ему пудъ своего сахара, такъ что «иностранцамъ нельзя теперь—пока «существуетъ у насъ свеклосахарная «промышленость — своевольно назначать цѣну на привозный сахаръ. Напротивъ, они должны придерживаться уже средней цѣны туземнаго сахара, и *вотъ почему привозный песокъ сдѣлался слишкомъ на половину дешевле въ 1845 году противъ 1825 года.* Это «неотрицаемая истина.»

Истины отрицать нельзя, но можно и должно отрицать то, что̀ противоположно истинѣ; мы это считаемъ первою, священною обязанностію человѣка, принимающаго теплое участіе въ общественныхъ интересахъ; сознаніе этой обязанности, а не другое что, заставляетъ насъ сказать, что во всѣхъ выводахъ г. Маслова нѣтъ и тѣни истины, что̀ и постараемся доказать сейчасъ же.

Начнемъ съ факта. Г-нъ Масловъ утверждаетъ, что въ 1845 году сахарный песокъ сталъ на половину дешевле противъ 1825 года; на чемъ основано это показаніе? Вотъ на чемъ:

Г. Масловъ беретъ слѣдующія цифры. Привезено песку:

Въ 1825 г. 1,113.303 п., на 9.994.130 р.
Въ 1844 г. 2.133,454 п., на 7.860,483 р.

Конечно, изъ этихъ цифръ выходитъ, что въ 1825 году пудъ сахарнаго песка сто̀илъ 8 р. 97 к. с., а въ 1844 г. только 3 р. 68 к. с.; эти послѣднія числа и служатъ основаніемъ выводу г-на Маслова, что привозный сахаръ понизился слишкомъ на половину своей цѣны. Но если приведенныя цифры и справедливы, то слѣдовало бы сказать, что сахаръ въ 1844 году продавался болѣе нежели вдвое дешевле противъ 1825 года. Неточность выраженія еще не главное; главное то, что сахарный песокъ еще никогда въ Россіи не продавался по 3 р. 68 к. с. Но если прибавить 3 р. 80 к. пошлины, тогда цифра 7 р. 48 к. с. будетъ именно выражать цѣну, по которой въ послѣдніе годы продавался сахарный песокъ въ Россіи; эта цѣна въ сравненіи съ 8 р. 97 к. (1825 г.), далеко не на половину меньше. Какимъ же образомъ авторъ вывелъ заключеніе о такомъ страшномъ пониженіи цѣны сахарнаго песка? Очевидно, что это сдѣлалось такимъ образомъ: цѣну сахарнаго песка въ 1825 г. г. Масловъ принялъ *вмѣстѣ съ пошлиною*, а въ 1844 г. взялъ цѣну *безъ пошлины!..*

Не можемъ теперь привести точныя цифры о цѣнахъ на сахарный песокъ въ 1825 году, но можемъ удостовѣрить, что въ 1830 году, въ Санктпетербургѣ,

бѣлый гаванскій сахаръ продавался по 24 руб. асс. и даже дешевле за пудъ; лучшій же рафинадъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года стоилъ 36 р. асс.; слѣдовательно, цѣны за 16 лѣтъ были почти тѣ же, что и нынѣ. Гдѣ же пониженіе цѣнъ на сахаръ болѣе нежели на половину? Итакъ, первый главный выводъ г. Маслова не имѣетъ никакого основанія и есть не болѣе, какъ игра цифръ; а между-тѣмъ, на немъ г. Масловъ основываетъ свое заключеніе, что отъ этого пониженія Россія въ 1844 году заплатила за иностранный сахаръ не 19,138,268 р. сер., а только 7,860,483 р.; слѣдовательно, въ пользу Россіи осталось 11,277.785 р. с.! Вотъ куда доводитъ ложное основаніе! Хорошо еще, что отъ этихъ 11 мильйоновъ никому ни тепло, ни холодно, — страдаетъ только бумага и самое дѣло, которое авторъ взялся защищать. Дѣйствительно, г. Масловъ, приписывая пониженіе цѣны на сахаръ туземной свекловичной промышлености, говоритъ прямо, что она доставила Россіи въ одномъ 1844 году эти 11 мильйоновъ руб. сер. Хорошо еще, что авторъ ограничился однимъ годомъ; а еслибъ онъ, напр., вздумалъ взять хоть послѣднія 10 лѣтъ, тогда ему легко было бы сказать, что свекловичная промышленость на одномъ пониженіи цѣнъ иностраннаго сахара доставила Россіи по-крайней-мѣрѣ 100,000,000 р. с., и что эти мильйоны разлили благосостояніе въ сотняхъ тысячь рабочаго народа, и пр. и пр., что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ...

Вслѣдъ за тѣмъ г. Масловъ выводитъ, что отъ пошлины на сахаръ въ 1825 г. поступило въ казну 2,783,237 р. с., а въ 1844 г. 8,103,742 р. с., слѣдовательно, болѣе 5,320,485 р. с. Эти 5 мильйоновъ руб. сер., по словамъ автора, суть также слѣдствія туземной свеклосахарной промышлености. Здѣсь мы уже совершенно не понимаемъ г-на Маслова, который даже не обращаетъ вниманія и на то, что пошлина въ 1844 году ровно въ полтора раза была выше, нежели въ 1825-мъ...

Теперь о главной, или, какъ говоритъ авторъ, о «наивеличайшей услугѣ», оказанной Россіи свеклосахарною промышленостью. Наивеличайшая услуга состоитъ въ томъ, что эта промышленость открыла намъ настоящую цѣнность привознаго сахара, что въ прежнее время мы не могли повѣрить ничѣмъ, дорогá ли цѣна привознаго сахара, или нѣтъ; что теперь иностранцамъ нельзя «своевольно назначать цѣну за привозный сахаръ». Если это такъ, то очевидно, что и въ другихъ отрасляхъ промышлености, находящихся въ тѣхъ же обстоятельствахъ, должно быть то же самое. Такъ, напр., мы не производимъ ни индиго, ни хлопчатой бумаги (*) и принуждены ихъ покупать у тѣхъ же иностранцевъ, которые снабжаютъ насъ сахаромъ; слѣдовательно, намъ нечѣмъ повѣрить, дорогá ли цѣна индиго, или нѣтъ? Иностранцы «своевольно» назначаютъ за нихъ цѣну! Слѣдуя теоріи г-на Маслова, мы должны были бы воскликнуть: кáкъ жалка участь нашихъ хлопчатобумажныхъ фабрикантовъ и всѣхъ тѣхъ, которые одѣваются въ ихъ ткани! Намъ одно только непонятно: почему же иностранцы, имѣя возможность «своевольно» назначать цѣну за хлопчатую бумагу, не требуютъ, вмѣсто 6 или 7 руб. сер. за пудъ, 30 или 20 р. с., или даже хоть бы 10 р. с.? И почему они въ 1825 году, когда въ Россіи, по словамъ г. Маслова, свекловичнаго сахара производилось только 1,500 пудовъ, не требовали за колоніальный песокъ если не болѣе, то по-крайней-мѣрѣ 50 р. асс. за пудъ? А между-тѣмъ, тогдашнія цѣны отъ нынѣшнихъ разнились немного. Ужь когда своевольничать, такъ своевольничать, — было бы изъ чего! А тутъ, кажется, есть изъ чего похлопотать: вѣдь бумаги привозится къ намъ въ

(*) Хлопчатая бумага, производимая за Кавказомъ, не можетъ идти въ разсчетъ: она другаго рода и потребляется почти вся на мѣстѣ.

хлопкѣ около 600,000 пудовъ, да столько же пряденой!

Вотъ что значитъ судить о дѣлахъ торговли безъ знанія основаній экономіи народной!

Г. Масловъ говоритъ: «Мы платили «даже по 80 р. за пудъ, какъ это было во время войны, и весьма недавно «55 и 50 р. за пудъ». Не знаемъ, какое продолженіе времени разумѣетъ г. Масловъ подъ словомъ «недавно». Изъ вышеизложеннаго видно, что приводимыя г. Масловымъ цѣны уже не существовали за 20 лѣтъ предъ симъ. Но главное дѣло не въ томъ, а въ разрѣшеніи слѣдующаго вопроса: во Франціи полукилограммъ ($1^1/_8$ ф.) сахара рафинада въ 1815 году стóилъ 1 фр. 80 сант., а въ 1831 только 1 фр. 5 сант. Отъ-чего это? Г. Масловъ, конечно, скажетъ, потому-что и во Франціи именно съ 1815 года начала развиваться сахарная промышленость. Положимъ, что и такъ; но вотъ другое обстоятельство: въ Лондонѣ центнеръ бразильскаго сахара въ 1822 году стóилъ 28 ш. 9 пенсовъ, а въ 1844 только 17 шил. Въ Англіи, какъ извѣстно, свекловичнаго сахара не выдѣлываютъ, а потребленіе колоніальнаго возрасло въ эти 22 года отъ 3,275,947 центнеровъ до 4,129,994. Факты тѣ же, что и въ Россіи, только въ другихъ размѣрахъ. Слѣдуя логикѣ г. Маслова, мы неизбѣжно должны заключить, что пониженіе цѣны на сахаръ и увеличеніе ввоза и потребленіе въ Великобританіи было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія свеклосахарной промышлености у насъ въ Россіи, «предназначенной (по словамъ г. Маслова) «снабжать Европу сахаромъ съ своихъ «черноземовъ». Если согласиться съ этимъ, то почему же не йдти далѣе? Почему не объяснить пониженія цѣнъ на шелкъ и шелковыя издѣлія, и у насъ и особенно на Западѣ, тѣмъ, что въ Москвѣ нашлись люди, которые хлопочутъ о воспитаніи шелковичнаго червя? Вѣдь земли у насъ много, шелковица, говорятъ, растетъ и въ Москвѣ! Подождемъ еще лѣтъ пятнадцать, и кто-нибудь напишетъ статью подъ заглавіемъ: «Общій выводъ изъ двадцати-пяти-лѣтняго развитія шелководства въ Сѣверной Россіи»... Но обратимся вновь къ статьѣ г. Маслова. Исчисливъ, что общая польза отъ свеклосахарной промышлености для Россіи простирается уже до 18,740,270 р. сер. ежегодно, указавъ на увеличившійся привозъ чая и кофе, авторъ спрашиваетъ: «Можно ли приписать «эту огромную выгоду для государ«ства преимущественно туземной све«клосахарной промышлености, и не «отъ изобилія ли колоніальнаго сахара «понизились цѣны его? Непремѣнно «можно (отвѣчаетъ самъ авторъ), и «вотъ почему: въ 1845 году, по прось«бѣ санктпетербургскихъ рафинад«ныхъ заводчиковъ, по случаю скуд«наго сбора сахарнаго песка на остро«вѣ Кубѣ, разрѣшенъ имъ привозъ «изъ Англіи сахара лумпа толченаго «и въ мелкихъ кускахъ, съ пошлиною, «опредѣленною на сахаръ сырецъ, т. «е. по 3 р. 80 к. съ пуда. Эта же по«шлина оставлена на 1846 и 1847 годъ. «Явное доказательство, по признанію «самихъ петербургскихъ рафинеровъ, «что производство сахара въ колоні«яхъ не увеличилось, а уменьшилось.»

Мы не знаемъ, просили или нѣтъ петербургскіе рафинеры о дозволеніи ввозить толченый лумпъ; но знаемъ заподлинно, что отъ этой правительственной мѣры мы, потребители сахара, не почувствовали возвышенія цѣны на рафинадъ, чтó было бы непремѣнно, еслибъ законъ о сахарѣ остался безъ измѣненія.

Г. Масловъ исчисляетъ, что, вслѣдствіе этой мѣры, рафинадные заводчики въ 1845 году получили *безпошлинно* болѣе 152,000 пудовъ сырца, за который они должны были бы заплатить таможенной пошлины 579,000 р. сер. Если это и такъ, то все-таки мы не можемъ не удивляться, какимъ образомъ авторъ, разсуждающій о народномъ хозяйствѣ, забываетъ, что всякій косвенный налогъ окончательно падаетъ не на производителей, а на

насъ, потребителей, и потому мы, т. е. потребители, остаемся признательными правительству за его распоряженіе о допущеніи ввоза лумпа. Еслибъ въ 1845 году цѣна на сахаръ колоніальный поднялась у насъ, положимъ, до 10 р. сер. за пудъ, не-уже-ли свеклосахарные заводчики продавали бы свой сахаръ по 7 р. сер.? Мы просили бы г. Маслова отвѣчать намъ на этотъ вопросъ откровенно...

Г. Масловъ признаетъ, что производство сахара въ колоніяхъ не увеличилось, а уменьшилось. Еслибъ это было справедливо, то спрашивается, отъ-чего же въ послѣдніе три года ввозъ сахара въ Англіи увеличился и вотъ въ какой пропорціи:

По оффиціальному отчету, недавно обнародованному англійскимъ министерствомъ, привозъ и потребленіе сахарнаго песка въ первые четыре мѣсяца по 5 мая, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Привезено:	Потреблено:
1845	1.349.850	1.496.404 центн.
1846	1.542.404	1.617.084 —
1847	1.987,553	1.903.942 —

Откуда же взялись эти 600,000 центнеровъ, которые ввезены въ Англію въ 1847 болѣе нежели въ 1845 г.? Кто ихъ доставилъ? Не наши ли черноземы? Мы думаемъ, ихъ доставили колоніи и пониженіе пошлины, давшее возможность англійскому народу потребить одною третью больше того, сколько онъ потреблялъ два года назадъ. Вотъ каковы результаты *теоріи дешевой жизни*, которой мы постоянные и ревностные поборники!

Г. Масловъ говоритъ, что съ заведеніемъ туземныхъ свеклосахарныхъ заводовъ всякій помѣщикъ, оцѣнивъ свою землю и трудъ (?) для полученія съ десятины отъ 80 до 100 четвертей свекловицы, зная чего стóитъ ему заводъ и что стóитъ переработка четверти свекловицы, видитъ ясно, во что ему обходится пудъ своего сахара. Мы желали бы видѣть доказательство подобныхъ разсчетовъ, ибо весьма сомнѣваемся, чтобъ наши помѣщики достигли положительныхъ въ этомъ вопросѣ результатовъ. На это есть множество причинъ. Въ свеклосахарной промышлености г-нъ Масловъ видитъ соперницу колоніальныхъ плантацій и утверждаетъ не шутя, что «южныя и юго-западныя «черноземныя губерніи наши то же для «Россія, что заатлантическія колоніи «для Англіи и Франціи»... Вотъ оно куда пошло! можно сказать съ Гоголемъ. И море, и тропическое солнце, все это для насъ замѣняетъ нашъ черноземъ, на которомъ, скажемъ мимоходомъ, не могли водворить свекловицы въ южныхъ степяхъ, страдающихъ отъ засухи. Странно въ серьёзномъ, образованномъ человѣкѣ видѣть какую-то односторонность. Вѣдь въ народномъ хозяйствѣ сила не въ томъ, кому принадлежатъ капиталы, а въ томъ, чтобъ они были и обращались на дѣло полезное. Вы не хотите колоніальнаго сахара; но для торговли открытъ не одинъ путь, а цѣлый міръ. Колоніальнаго сахара производится и потребляется до 45,000,000 пудовъ ежегодно; Россія изъ этого достается 2,000,000. Если бъ мы и отказались отъ колоніальнаго сахара, то торговля легко помѣститъ тамъ 2, гдѣ помѣщаются 43. Это очень просто, и потому ясно.

Да не подумаетъ, однакоже, г. Масловъ, что мы враги свекловицы. Не мало! Мы только убѣждены, что свеклосахарное производство существуетъ у насъ единственно при пособіи тарифа. Пусть намъ докажутъ, въ какой мѣрѣ эта промышленость можетъ вынести пониженіе тарифа и соперничество съ колоніальнымъ сахаромъ, который съ доставкою въ Европу обходится не дороже 3 р. сер. за пудъ!..

Есть одна сторона свекловичной промышлености, которой г. Масловъ вовсе не коснулся въ своей статьѣ: это польза ея для земледѣлія. Извѣстно, что выжимки свекловицы употребляются для корма скота; а такъ-какъ у насъ существуютъ заводы болѣе 20 лѣтъ, то желательно было бы знать, въ какой мѣрѣ свекловица способствовала улуч-

шенію скотоводства, и въ свою очередь — на сколько отъ улучшенія скотоводства выиграли хозяйства, въ которыхъ засѣвается свекловица; больше ли такимъ образомъ пріобрѣтается въ хозяйствѣ удобренія, и, слѣдовательно, увеличивается плодородіе почвы, нежели отъ введенія искусственнаго травосѣянія, улучшенія естественныхъ луговъ, плодопеременнаго хозяйства?

Въ разрѣшеніи только этихъ вопросовъ, а не въ игрѣ таможенными цифрами, можно найдти тѣ основанія, которыхъ должна держаться свеклосахарная промышленость...

Замѣчанія наши кончены. Кажется, мы доказали, что г. Масловъ ничего не доказалъ. Если читатели согласятся съ нами, то мы вполнѣ удовлетворены. Мы хотѣли показать, что за серьёзное дѣло надобно приниматься серьёзно,— что съ двумя или тремя цифрами въ запасѣ нельзя судить о народной экономіи,—что цифры можно складывать и вычитать: онѣ гибки; не гнутся только факты, событія, законы природы и человѣческой дѣятельности...

281) **Промышленная Химія**, *публичныя бесѣды о важнѣйшихъ химическихъ производствахъ*, Н. Витта.(,) *преподавателя химіи въ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ и Горной Технологической Школѣ. Часть I.* (,) *заключающая въ себѣ первую половину бесѣдъ зимы 1846 и 1847 годовъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. VI и 329 стр.*

Читателямъ «Отеч. Записокъ» извѣстно, что профессоръ Московскаго Университета г. Гейманъ въ-продолженіе нѣсколькихъ уже лѣтъ постоянно читаетъ для московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ публичныя лекціи промышленой химіи. Многолѣтняя опытность профессора въ преподаваніи этого предмета, который имъ глубоко изученъ, постоянное слѣдованіе за всѣми открытіями въ области науки и тѣми приложеніями химіи, которыя въ послѣднее время безпрерывно дѣлаются во всѣхъ родахъ промышлености, близкое знакомство его съ состояніемъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ и вообще въ Московской-Губерніи, центрѣ русской мануфактурной промышлености, нарочно предпринятое имъ путешествіе за границу для обозрѣнія всѣхъ лучшихъ тамошнихъ фабрикъ, — все это дало возможность г. Гейману сдѣлать свои лекціи въ высшей степени любопытными для тѣхъ изъ слушателей, которые не посвящали себя исключительно химіи и ея приложенію къ другимъ знаніямъ, и вмѣстѣ доставить дѣйствительную пользу большинству слушателей, состоявшему изъ московскихъ мануфактуристовъ. Года два назадъ, г. Гейманъ предпринялъ изданіе выпусками своихъ лекцій подъ названіемъ: *Курсъ химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу*. Курсъ этотъ доступенъ всѣмъ, даже совершенно-незнакомымъ (какими и предполагалъ профессоръ своихъ слушателей) съ первыми началами химіи и физики.

Съ осени прошедшаго года, по примѣру Москвы, начались публичныя лекціи о важнѣйшихъ предметахъ промышленой химіи въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, и лекціи эти читались въ-продолженіе всей зимы г. Виттомъ, преподавателемъ химіи въ Технологическомъ Институтѣ. Нынѣ, по желанію слушателей, г. Виттъ печатаетъ свои лекціи, или, какъ называетъ онъ свое сочиненіе — «Бесѣды», подъ выписаннымъ нами заглавіемъ. Цѣль выпуска въ свѣтъ «Промышленой Химіи», кромѣ желанія слушателей видѣть лекціи въ печати, авторъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, объясняетъ слѣдующими словами: «Издать сочиненіе, которое «могло бы служить въ Россіи нѣкотораго «рода руководствомъ къ изученію промышленой химіи или по крайней мѣрѣ «справочною книгою при заводскихъ «занятіяхъ, до этой науки касающихся». Кто бы что ни вздумалъ печатать, причина всегда одна — недостатокъ руководствъ. При изданіи книги для руководства къ изученію извѣстнаго пред-

нега, автору не излишне было бы указать читателямъ на тѣ сочиненія, которыя прежде его изданы съ тою же цѣлью, если они существуютъ, и показать, почему они не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, какимъ удовлетворяетъ его руководство, и какихъ въ нихъ нѣтъ свѣдѣній, которыя заключаются въ печатаемомъ имъ сочиненіи; если же по предмету промышленой химіи у насъ до-сихъ-поръ ничего не издано, то не мѣшало бы упомянуть объ этомъ, ибо въ такомъ случаѣ читатели лучше могутъ оцѣнить заслуги автора и яснѣе видѣть цѣль предлагаемаго имъ руководства. Разборомъ прежде - изданныхъ сочиненій по тому же предмету другими, авторъ никогда не навлекъ бы на себя неудовольствія публики и самихъ сочинителей въ желаніи унизить ихъ произведенія и возвысить свое. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ того, съ какой точки разсматривать литературу науки и какъ избѣжать въ своемъ сочиненіи недостатковъ, находящихся въ прежде-изданныхъ; въ этомъ-то и состоитъ вся задача издателя. Сказать же только, что цѣль изданія книги — дать руководство, непремѣнно раждаетъ со стороны читателей вопросы: не-уже-ли мы такъ бѣдны, что не имѣли никакого? чѣмъ же это лучше прежде изданныхъ?—и вопросы справедливые. Нельзя же предположить, что изданіе промышленой химіи, какъ руководства при изученіи этого предмета, было цѣлью побочною, а главная состояла въ томъ, чтобъ исполнить желаніе своихъ слушателей — видѣть въ печати прослушанныя ими лекціи. При этомъ намъ пришли на память слова одного профессора, читавшаго гдѣ-то публичныя лекціи этотъ профессоръ, выслушавъ подобныя желанія своихъ слушателей, и выходя изъ аудиторіи съ однимъ изъ своихъ товарищей, сказалъ: «охъ, ужь эти мнѣ желанія!..» Г. Виттъ въ своемъ предисловіи, немного-далѣе выписанныхъ нами строкъ, говоритъ: «Весьма сожалѣю, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ составить полнаго, систематическаго учебника для промышленой химіи; ибо предлагаемыя бесѣды составляютъ только объясненіе важнѣйшихъ химическихъ производствъ». Слѣдовательно, эти бесѣды, по неполнотѣ содержанія, не могутъ служить ни руководствомъ, ни справочною книгою, ибо въ нихъ не все можно найдти, что̀ нужно при заводскихъ занятіяхъ... «Но» продолжаетъ авторъ: «руководствуясь въ этомъ случаѣ правиломъ, что лучше сдѣлать кое что» (*не хотѣлъ ли онъ сказать что-нибудь?*), «чѣмъ ничего, я рѣшился выпустить ихъ въ свѣтъ въ той послѣдовательности, какъ изъяснялъ публично, съ нѣкоторыми(,) разумѣется(,) дополненіями». Что касается до насъ, признаемся, мы не держимся правила, что лучше сдѣлать кое-что, чѣмъ ничего; напротивъ, по нашему мнѣнію, лучше ужь ничего не дѣлать, нежели сдѣлать только кое-что, а то того и смотри, что это кое-что выйдетъ еще *какъ-нибудь*. «Въ розданной гг. посѣтителямъ (,) при открытіи публичныхъ лекцій (,) печатной программѣ, помѣщены были тѣ производства (?), которыя въ Россіи или въ ходу или могутъ быть съ выгодою предприняты, потому что естественно полезнѣе слышать то, что ближе къ намъ, нежели то, что до насъ менѣе касается и можетъ служить только предметомъ любопытства. Предметы (,) подлежавшіе моему разсмотрѣнію(,) раздѣлены были въ программѣ на двѣ половины, въ первой заключались *вещи* не органическаго, а во второй растительнаго и животнаго происхожденія». Авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать «тѣла»; слово «вещи» совершенно измѣняетъ смыслъ, или, лучше, въ химіи оно не имѣетъ никакого смысла. Въ вышедшей нынѣ первой части «Промышленной Химіи» разсматриваются важнѣйшія неметаллическія тѣла и соединенія ихъ между собою, исключая амміака и его солей, отнесенныхъ, вмѣстѣ съ неорганическими солями, ко второй части, «последующей (говоритъ г. Виттъ) въ скоромъ времени за первою».

Въ сдѣланныхъ нами выпискахъ изъ предисловія къ книгѣ г. Витта, заключаются всѣ главныя его мысли относительно содержанія «Промышленной Химіи» и цѣли ея изданія. Поэтому не мудрено, что, прочтя все предисловіе, мы не могли судить, какихъ слушателей предполагалъ имѣть г. Виттъ на своихъ бесѣдахъ, для какихъ читателей, кромѣ бывшихъ его слушателями, которые не могутъ же раскупить все изданіе, назначалъ онъ свое сочиненіе, какого плана держался авторъ въ изложеніи предмета, и, наконецъ, что̀ вошло въ составъ «Промышленной Химіи». Ясно, что такихъ слушателей, какіе наполняли химическую лабораторію Московскаго Университета въ каждую лекцію г. Геймана, трудно найдти въ Петербургѣ, гдѣ, сколько намъ извѣстно, заводы большею частью принадлежатъ иностранцамъ и управляются не Русскими. Можетъ-быть бесѣды и «Промышленная Химія» предназначены для молодаго поколѣнія русскаго промышленаго класса, которое со-временемъ возьметъ въ свои руки всю фабрикацію въ Россіи вообще и въ Петербургѣ въ-особенности. Въ такомъ случаѣ дѣло другое.

Не найдя въ предисловіи отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые естественно родились у насъ, когда мы прочли его, мы обратились сперва къ оглавленію книги, чтобъ узнать, что̀ же въ ней заключается относительно неметаллическихъ тѣлъ и ихъ соединеній между собой. Изъ оглавленія узнали мы, что въ бесѣдахъ разсматривалось нѣсколько простыхъ тѣлъ, какъ-то: сѣра, хлоръ, фосфоръ и азотъ, ихъ соединенія съ другими въ видѣ сѣрной кислоты, водохлорной кислоты, водосѣрнаго газа или сѣрнистаго водорода, азотной кислоты, крѣпкой водки, водофосфорнаго газа или фосфористаго водорода, длиннѣйшій трактатъ о свѣтильномъ газѣ, куда входитъ — и устройство завода для добыванія этого газа, застраховка завода и управленіе имъ, освѣщеніе города газомъ и прикосновенность механики и химіи съ изложеннымъ дѣломъ; всему этому предпослано нѣсколько статей, носящихъ названіе: воздухъ, горѣніе, вода, о химическихъ эквивалентахъ, о принятомъ въ химіи способѣ обозначенія тѣлъ, съ слѣдующими къ этимъ статьямъ примѣчаніями. Само собою разумѣется, что изъ этого оглавленія, какъ и изъ предисловія, мы также мало узнали о способѣ изложенія «Промышленной Химіи», а увидѣли только, что въ ней помѣщены означенныя статьи безъ всякаго порядка и плана. Прочитавъ же самую книгу, мы узнали, что статьи о воздухѣ, горѣніи, водѣ, химическихъ эквивалентахъ и о способѣ обозначенія тѣлъ въ химіи, составляли предметъ вступительныхъ бесѣдъ, а остальныя—самыя бесѣды. Но почему, на-примѣръ, объясненіе различія основаній отъ кислотъ помѣщены въ примѣчаніи къ статьямъ о воздухѣ и водѣ, а не въ самыхъ статьяхъ (то же самое о степеняхъ окисленія простыхъ тѣлъ), этого въ книгѣ г. Витта не разрѣшено. Намъ скажутъ, что это обстоятельство не важно, а мы отвѣтимъ: напротивъ! если книга называется справочною, то читателю необходимо знать, что̀ гдѣ найдти, что̀ находится въ книгѣ и чего нѣтъ.

Изложеніе самыхъ статей, составлявшихъ предметъ бесѣдъ, весьма-подробно, даже болѣе, нежели сколько слѣдовало войдти, по нашему мнѣнію, въ составъ промышленой химіи. Такъ изслѣдованія г. Витта о свѣтильномъ газѣ скорѣе могли быть изданы отдѣльной брошюрой, чѣмъ составлять статью въ его книгѣ, которой онѣ заняли почти половину. Тогда бы и мнѣнія автора о выгодахъ постройки полукаменнаго, полудеревяннаго завода для добыванія газа, также мнѣнія объ управленіи имъ и его застрахованіи были бы у мѣста; теперь же всѣ подобныя разсужденія выходятъ изъ области промышленой химіи и относятся прямо къ промышленой экономіи. Что же касается до искаженія тѣхъ предметовъ, которые разсматривались г. Виттомъ во вступительныхъ бесѣдахъ, то въ этомъ случаѣ вы-

но желаніе объяснить ихъ популярно; но это желаніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перешло границы и сдѣлало, на-примѣръ, изъ водянаго пара газъ. На 2-й страницѣ авторъ говоритъ, что «атмосферный воздухъ состоитъ изъ 4 «газовъ: 2 постоянныхъ и не сгущаемыхъ (т. е. такихъ (,) которые никакими до сихъ поръ извѣстными способами не могли быть превращены ни въ твердое, ни въ жидкое состояніе) «*кислорода* и *азота;* изъ одного сгущаемаго: *углекислоты* и одного непостояннаго *водяного пара*». Спрашивается, что значитъ здѣсь постоянный и непостоянный газъ, и къ какому изъ нихъ относится углекислота? — Темно!

Любопытно также, что авторъ придаетъ слову «горѣніе» три смысла: учено-химическій, отвлеченный и обыкновенный (стр. 10–11). Это, по нашему мнѣнію, уже слишкомъ отвлеченно. «Въ приложеніи къ общественнымъ «нуждамъ горѣніе производится съ «двоякою цѣлію: или *для* доставленія «посредствомъ его теплоты, при чемъ «оно называется отопленіемъ; или свѣта и тогда оно называется освѣщені«емъ» (стр. 8 — 9). А сожиганіе, напримѣръ, дерева *для* добыванія смолы, къ какому роду горѣнія относится?

О языкѣ, которымъ написана «Промышленная Химія», читатели могутъ уже судить по сдѣланнымъ нами выпискамъ. Объ ореографическихъ ошибкахъ говорить нечего: вся книга наполнена ими отъ начала до конца; въ-особенности страдаютъ знаки препинанія. Вотъ хоть *для* примѣра послѣдняя страница книги:

«На счетъ гремучей смѣси, составленной изъ каменно-угольнаго газа и кислорода можно здѣсь также замѣтить то, что она должна быть предпочитаема смѣси изъ водорода и кислорода, при практическомъ употребленіи ея *для* спаекъ и т. п. Потому что по большому стремленію послѣдней произвести взрывъ по необходимости даютъ струѣ этой смѣси назначаемой къ выпиванію весьма небольшую толщину, тогда какъ»... и пр.

За вѣрность съ подлинникомъ отвѣчаемъ. Называть эти ошибки опечатками, читателю отъ этого легче не будетъ, особенно, когда книга предназначается не *для* однихъ хорошо-знакомыхъ съ естественными науками вообще и съ химіею преимущественно. Да и *для* нихъ отъ опечатокъ какъ-то пестритъ въ глазахъ. Какого же стоитъ труда выпутываться читателю, который, по предмету химіи, въ первый разъ попадется «Промышленая Химія» г. Витта? Прошу покорно вымутаться изъ слѣдующаго мѣста:

«Если однакожъ углерода въ сравненіи съ другими двумя составными частями слишкомъ много и изъ воздуха нѣтъ достаточнаго доступа кислороду, то часть его можетъ отдѣлиться или остаться въ твердомъ видѣ, потому что другаго онъ принять не можетъ» (стр. 11).

Впрочемъ, отвѣтственность за погрѣшности противъ языка, за грамматическія ошибки и опечатки не падаетъ на г. Витта: въ началѣ предисловія авторъ говоритъ, что онъ на желаніе слушателей видѣть бесѣды въ печати, долженъ былъ отозваться сначала трудностью этого дѣла по недостаточному знанію русскаго языка и рѣшился издать въ свѣтъ «Промышленную Химію» только тогда, когда Л. Г. Егерскаго Полка поручикъ Львовъ предложилъ ему свое содѣйствіе *для* составленія, подъ его руководствомъ, бесѣдъ и *для* приготовленія ихъ къ печати.

282) О главнѣйшихъ повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ. *Сочиненіе* Христоеора Бунге, *заслуженнаго профессора, Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства дѣйствительнаго члена. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 300 стр.*

Сочиненіе это, по объявленію самого автора, не надобно считать совершенно-полнымъ, оригинальнымъ, или претендующимъ на ученую обработку

предмета: оно содержитъ въ себѣ простое, согласное съ природою изложеніе обыкновеннѣйшихъ болѣзней домашнихъ животныхъ, и назначается, во-первыхъ, для употребленія сельскихъ хозяевъ, которые, въ случаѣ появленія скотскихъ падежей въ ихъ владѣніяхъ, не всегда имѣя подъ рукою ветеринаровъ, терпятъ часто отъ-того немаловажные убытки; во-вторыхъ, для младшихъ ветеринаровъ и врачей, не имѣвшихъ случая вполнѣ изучить ветеринарную науку. Чтобъ облегчить труднѣйшій предметъ—распознаваніе болѣзней—авторъ, при описаніи ихъ, не исчислялъ всѣхъ припадковъ, а помѣщалъ только тѣ, которые каждой болѣзни существенно свойственны и ей одной принадлежатъ, такъ, чтобъ каждый безъ труда могъ рѣшить, какою именно болѣзнію одержимо животное.

288) **Непрерывная Волчья Западня**, *или способъ ловить волковъ стадами. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 15 стр. Съ чертежемъ.*

Главное достоинство этой брошюры состоитъ, конечно, въ томъ, что она даетъ совершенно-ясное и полное понятіе объ устройствѣ *непрерывной волчьей западни* и *о способѣ ловить волковъ стадами*. Чтеніе ея не только не причиняетъ читателю тѣхъ непріятностей, на которыя въ подобныхъ произведеніяхъ мы привыкли уже смотрѣть, какъ на зло неизбѣжное; но даже въ извѣстное время дня, на-примѣръ, вскорѣ послѣ обѣда, можетъ доставить удовольствіе, какого рѣшительно не купишь такъ дешево (20 к. с.). Судя по собственному опыту, скажемъ больше: въ этой книжкѣ есть что-то особенно-привлекательное. Когда мы читали ее, намъ приходила даже охота взглянуть на дикаго звѣря въ драматическую минуту его разгульной жизни. Посмотрите, какъ драматизируетъ брошюра состояніе волка, попавшаго въ *непрерывную западню*, устроенную посредствомъ упругихъ остроконечныхъ спицъ, чрезъ которыя звѣрь можетъ пройдти впередъ, раздвигая ихъ, и не можетъ возвратиться назадъ, когда онѣ устремлены прямо противъ него:

«Охотникамъ хорошо извѣстенъ зимній волчій обычай: днемъ волкъ, пріютившись въ лѣсу, наблюдаетъ полетъ воронъ и разсчитываетъ, въ какомъ селеніи большая часть ихъ находятъ себѣ пищу; ночью же онъ и самъ отправляется въ тѣ мѣста, съ твердою надеждою, что найдетъ добычу. И дѣйствительно, эти разсчеты волка большею частію бываютъ вѣрны и безошибочны: и потому, палый скотъ, вывозимый въ загороду (часть западни), будетъ постоянно привлекать волка... Подойдя къ загородѣ и чуя съѣстное, волки не преминутъ пробраться внутрь загороды (чрезъ короткій проходъ съ упругими остріями); но когда послѣ захотятъ выйти обратно, то за остреями не найдутъ возможности выйти входнымъ переулкомъ, и по-неволѣ отыщутъ другое отверстіе, въ выходный переулокъ (тоже съ остріями, но весьма длинный и ведущій прямо къ мѣсту погибели). Войдя въ этотъ переулокъ, волкъ уже не имѣетъ возможности попятиться назадъ: при первой попыткѣ онъ будетъ уколотъ остреемъ, и съ невольной живостью бросится впередъ. Другіе, смотря издали, сочтутъ за какую нибудь радостную находку и поспѣшатъ въ переулокъ, для раздѣла добычи, и съ тѣмъ вмѣстѣ для выхода. Каждый изъ стада подвергнется въ свою очередь такой же участи, и въ непродолжительномъ времени выходный переулокъ будетъ представлять довольно забавное зрѣлище. Уколовшійся всегда дѣлаетъ прыжокъ и кидается на сосѣда, а тотъ, не имѣя другой обороны сзади кромѣ хвоста, не можетъ иначе выразить своей досады, какъ кинуться на слѣдующаго или укусить его, чтобы открыть себѣ сколько-нибудь простору. Такія обстоятельства невольно подвигаютъ сборище хищниковъ впередъ. Хотя за приближеніемъ къ селенію страхъ нашептываетъ имъ обратный походъ, но дѣйствительная боль и живѣйшая досада перемогаютъ все и съ неодолимой силою тѣснятъ ихъ въ роковой сарай, гдѣ эти ночные бродяги сами дѣлаются добычею охотника...» (Стр. 6).

Право, хорошо! И вообще въ описательномъ и повѣствовательномъ отно-

шеніяхъ достоинства брошюры весьма-удовлетворительны. Не удовлетворителенъ только высшій взглядъ на непрерывную западню и на истребленіе волковъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ вообще.

Волки, конечно, хищники, ночные бродаги, и непрерывная западня, можетъ-быть, дѣйствительно лучшее средство для истребленія ихъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что полезно было бы озаботиться устройствомъ такихъ западней во всемъ государствѣ. Развѣ брошюра не знаетъ, что у насъ неохотно строютъ даже запасные хлѣбные магазины, предохраняющіе отъ гораздо-опаснѣйшаго врага, нежели волки, на прокормленіе которыхъ, можетъ-быть, и не каждые сто жителей Россіи теряютъ по 3 руб. сер., какъ предполагаетъ брошюра, Богъ-знаетъ на какомъ основаніи. Къчему такіе маниловскіе планы, ни съ чѣмъ несоображенные? Непрерывную западню построютъ тамъ, гдѣ найдутъ полезною и выгодною; и авторъ брошюры сдѣлалъ бы гораздо-лучше, еслибы, вмѣсто ни на чемъ неоснованныхъ предположеній, позаботился для дѣльныхъ выводовъ собрать побольше фактовъ о дѣйствительномъ вредѣ отъ волковъ, и сообразить, при какихъ обстоятельствахъ особенно удобно устройство его западни.

284) Карманная Поваренная Книга, *составленная* К. Авдѣевой. Изданіе второе. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. книжнаго магазина П. Крашенинникова и комп. Въ 16-ю д. л. 179 стр.*

Второе изданіе книги почти всегда показываетъ, что публика требуетъ ее и одобряетъ книгу. Впрочемъ, такова участь всѣхъ хозяйственныхъ и поваренныхъ книгъ, издаваемыхъ г-жею Авдѣевой. Онѣ единогласно признаны лучшими въ своемъ родѣ.

285) Новая Библіотека для Воспитанія, *издаваемая* Петромъ Рѣдкинымъ. *Книжка VII. Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 16-ю д. л. 190 стр.*

Мы слышимъ совершенно-различныя мнѣнія объ этомъ изданіи. Одни столько же его хвалятъ, сколько другіе имъ недовольны. Между-тѣмъ, акуратно просматривая каждую книжку «Библіотеки», въ каждой находимъ одну или двѣ статьи любопытныя и полезныя. Такъ, на-прим., и въ седьмой книжкѣ читатель съ удовольствіемъ прочтетъ «Похожденія Энея» (сокращеніе «Энеиды», подобное сокращеніямъ «Иліады» и «Одиссеи», помѣщеннымъ въ прежнихъ годахъ), «Домашній бытъ древняго Рима» (очень-интересное извлеченіе изъ Беккера), «Геродотъ и его повѣствованія» (статья вторая) и «Бронзовый Вепрь» (разсказъ Андерсена). Здѣсь, въ четырехъ статьяхъ, «и пріятность и польза», какъ обыкновенно говорится: матеріалы и для пріобрѣтенія познаній и для занимательнаго чтенія.—Намъ кажется, два противоположныя мнѣнія можно по возможности объяснить. Недовольные «Библіотекой» правы потому, что, по ихъ мнѣнію, содержаніе этого изданія не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его цѣли: дитя не можетъ оцѣнить по достоинству такія статьи, каковы, на-примѣръ, «Домашній бытъ древняго Рима» и «Геродотъ и его повѣствованія», не можетъ понять прелести древнихъ поэмъ, которыя, при простомъ изложеніи, теряютъ свою поэтическую форму и обращаются въ довольно-сухую сказку. Тѣ же, которые хвалятъ «Библіотеку», хвалятъ ее потому, что въ ней, наряду съ статьями, составляющими матеріалъ для изученія, находятся, однакожь, статьи, составляющія занимательное чтеніе, что доказывается признаніемъ самихъ дѣтей. Надобно же имъ вѣрить, потому-что нѣтъ причины подозрѣвать искренность дѣтей. Разногласіе толковъ произошло отъ-того, что издатель не объяснилъ удовлетворительно цѣли своего изданія, плана, который онъ себѣ начерталъ, системы, которой будетъ держаться. Дѣти дѣтямъ рознь: одни съ удовольствіемъ

будутъ читать то, отъ чего другіе морщатся. Для многихъ воспитывающихся нужны и «Домашній бытъ древняго Рима» и прочія древности; для другихъ еще преждевременна каждая древность. Признаёмъ справедливость нѣкоторыхъ упрековъ, дѣлаемыхъ «Библіотекѣ для Воспитанія», но вмѣстѣ съ тѣмъ должны признаться также, что многія статьи ея и полезны и занимательны для дѣтей.

286) **Сцены изъ жизни великихъ людей.** *Изданіе* Ѳедора Наливкина. *Москва. Въ тип. А. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 172 стр.*

Нельзя не отдать справедливости издателю за красивыя и занимательныя книжки, которыми онъ дарить дѣтей. Картинки, печать, бумага— все въ такомъ видѣ, къ которому не успѣли еще, я думаю, привыкнуть ни дѣти, услаждавшія свои взоры безобразными произведеніями типографскихъ станковъ, ни книжная торговля, задававшая безобразную работу этимъ станкамъ. Но та же справедливость требуетъ замѣтить, что текстъ (вѣроятно, переведенный съ французскаго или составленный по французской книгѣ) не вездѣ исправенъ: есть неправильности въ языкѣ, есть шероховатость и для слуха,—недостатки, которыхъ легко избѣжать при бóльшей осмотрительности.

287) **Полный Нѣмецко-Русскій Словарь,** *составленный по лучшимъ источникамъ* В. Эртелемъ. *Томъ первый. Выпускъ второй. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Военныхъ Поселеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 240 стр.*

Надобно подождать послѣдняго выпуска новаго «Словаря» г-на Эртеля, чтобъ составить себѣ о немъ полное понятіе. Теперь изданъ второй выпускъ, состоящій, подобно первому, изъ 15-ти печатныхъ листовъ. Онъ оканчивается словомъ Eichel-förmig — слѣдовательно, до конца еще очень-далеко. Сколько можно судить по напечатанному, въ этомъ «Словарѣ» скорѣе окажется излишество словъ, нежели недостатокъ. Составитель вмѣстилъ въ него множество словъ, чуждыхъ чистому нѣмецкому языку, вѣроятно потому, что не только обитатели биргерклубовъ, но и образованные Нѣмцы не разборчивы въ употребленіи настоящихъ словъ своего языка. Даже покойный Е. И. Ольдекопъ употребилъ въ одномъ изъ своихъ писаній фразу, памятную намъ страннымъ сближеніемъ французскаго слова съ нѣмецкимъ. Разсказывая какой-то анекдотъ, онъ началъ его такъ: «Eine *noble* Dame»... не-уже-ли и въ «Словарѣ» г-на Эртеля явится *нѣмецкое* слово: noble?.. Впрочемъ, въ словаряхъ излишняя полнота не порокъ, лишь бы не пропускалось главнѣйшее.

288) **Новѣйшій Самоучитель Французскаго Языка,** *или руководство научиться, безъ помощи учителя*(,) *правильно читать* (,) *писать и говорить по-французски. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Вингебера. 1847. Въ 12-ю д. л. 192 стр.*

Безъ помощи учителя, и по этой книжкѣ, можно научиться, но не читать, писать и говорить правильно по-французски, а говорить тѣмъ языкомъ, какимъ говорили наши солдаты, возвратившіеся изъ Франціи послѣ славныхъ походовъ. Составитель книги такъ и учитъ своихъ читателей, означая французскія слова русскими буквами. На-примѣръ, угадайте, что значитъ: *ж'е фе-т-ён' бон' рела?..*

289) **Памяти** *истинно русскаго вельможи князя Илларіона Васильевича Васильчикова. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1847. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Брошюра, въ которой на шестнадцати страничкахъ напечатана крупнымъ разгонистымъ шрифтомъ выписка изъ формулярнаго списка покойнаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта объ участіи его въ разныхъ сраженіяхъ въ достопамятную эпоху наполеоновскихъ войнъ; а въ на-

ключеніе, на послѣднихъ двухъ страничкахъ, приведенъ титулъ покойнаго и упомянуто о нѣкоторыхъ прекрасныхъ душевныхъ его свойствахъ. Авторъ брошюры и самъ не называетъ своего сочиненія біографіей князя Васильчикова; хорошая біографія какого бы то ни было лица есть живая и полная реставрація его личности, и для изображенія его дѣятельности потребны, кромѣ формулярнаго списка, тысячи другихъ источниковъ и памятниковъ, въ которыхъ бы отпечатлѣлась изображаемая личность. Наша литература не можетъ похвалиться образцовыми въ этомъ родѣ произведеніями; литературы европейскія, напротивъ, богаты ими: почти каждый изъ великихъ дѣйствователей на политическомъ поприщѣ живетъ въ біографіи. Но ошиблись бы тѣ, которые приписали бы это недостатку у насъ великихъ личностей, или равнодушію Русскихъ къ заслугамъ великихъ людей: много именъ живетъ въ памяти народа, много великихъ дѣлъ совершено великими дѣйствователями; еще больше великихъ дѣлъ совершалось... но какъ-то безгласно, какъ-бы безъ участія лицъ, такъ-что самыя дѣла заслоняютъ тѣхъ, въ чьемъ умѣ возникла мысль ихъ; не видно, какія препятствія она должна была побѣдить, и какъ, восторжествовавъ надъ всѣми преградами, излилась на общество. Общее поглощаетъ частности, фактъ заслоняетъ личность, общество живетъ мыслью замѣчательной личности, часто благословляетъ эту мысль, но не знаетъ истиннаго ея виновника.

290) Пѣсни Крестьянъ *Владимірской и Костромской Губерній. Собраны и изданы съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора* Александромъ Смирновымъ. *Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 16-ю д. л. 188 стр.*

Сборникъ очень-полезный, какъ по отношенію къ самимъ пѣснямъ, такъ и по отношенію къ провинціализмамъ, которые встрѣчаются въ пѣсняхъ. Въ ожиданіи по возможности полнаго собранія отечественныхъ пѣсень (когда-то это будетъ? и что̀ сталось съ трудомъ г-на П. Кирѣевскаго?), специальные сборники послужатъ прекраснымъ матеріаломъ, если только этотъ матеріалъ подслушанъ въ самомъ источникѣ и переданъ вѣрно. Жаль, что издатель не приложилъ ни предисловія, въ которомъ объяснилъ бы значеніе своего труда, ни какихъ-либо поясненій или словаря. Провинціализмы въ пѣсняхъ, какъ и во всякой областной рѣчи, могутъ быть трехъ родовъ: одни состоятъ въ измѣненіи звуковъ (*цяша* вмѣсто *чаша*, *нютолино* вм. *неутолино*, *тѣвли* вм. *цвѣли*, *тѣтники* вм. *цвѣтники* и проч.); другіе—въ словахъ (окидь—иней, окинуло мѣсяцъ—ущербъ мѣсяца, истылъ—умеръ, рымъ—домъ, натура—наука, сходцы—лѣстница и пр.); третьи—въ конструкціи словъ. Издатель не означилъ ни одного изъ этихъ трехъ родовъ, отъ чего нѣкоторыя мѣста въ его собраніи непонятны, на-пр.

Пошла Варя подъ задоръ
Раззаверила заверъ,

Или:

Любить Ваньку не хочу,
Я не ваньку, я не Ваньку,
Я Егора *Подмаря.*
Ужъ и та моя бѣда —
Подмарица молода.

291) Гакравъ. (Битва). *Переведъ съ еврейскаго* О. Рабиновичъ. *Одесса. Въ тип. А. Брауна. 1847. Въ 16-ю д. л. 56 стр.*

Изъ предисловія переводчика этой поэмы узнаёмъ, что она «сочинена лѣтъ семь тому назадъ Я. Эйхенбаумомъ, извѣстнымъ въ литературномъ мірѣ Евреевъ своимъ прекраснымъ поэтическимъ талантомъ». Далѣе переводчикъ присовокупляетъ, что «она въ свое время надѣлала много шуму между занимающимися еврейскою литературою...» Что̀ же, вы думаете, это такое? въ чемъ заключается содержаніе этой поэмы? Какіе звуки издаетъ нынѣ лира, которая, въ дни плѣна, угрюмо и безгласно висѣла на ивовыхъ вѣтвяхъ у рѣкъ вавилонскихъ?.. И что

поэтъ дерновоенный, нашедшій эту лиру, уже много вѣковъ, послѣ разсѣянія іудеевъ по лицу земли, забытую, вѣроятно, тоже при какихъ-нибудь рѣкахъ, на вѣтвяхъ зеленыхъ ивъ? и какіе звуки онъ извлекъ изъ нея?.. Увы, это уже не тѣ пѣсни, которыя воспѣвались передъ Сіономъ; не пророчества Исаіи, грозящія пожаромъ и кровью ликующимъ градамъ и весямъ; не вопли Іереміи, посыпавшаго главу пепломъ и ходившаго по развалинамъ соломонова града; не яркій, дышащій Востокомъ стихъ «Пѣсни Пѣсней»... Нѣтъ, еврейская муза, *слѣдуя* за разсѣянными потомками Израиля, должна была принять въ себя много чуждаго! Но тѣмъ не менѣе любопытно взглянуть, чтò сталось съ нею въ ея вѣчномъ странствіи... Увы! отъ гнѣва Іеговы, отъ громоподобныхъ стиховъ, какими она возвѣщала народамъ его кары, она обратилась къ предметамъ болѣе-темнымъ, и изъ земныхъ предметовъ остановилась на одномъ, который европейскіе народы вызывалъ только на глубокомысленныя размышленія и не былъ еще никогда предметомъ пѣсенъ: это просто игра въ шахматы, представленная въ видѣ битвы!

Сначала авторъ разсказываетъ стихами значеніе каждой фигуры:

Такъ съ каждой стороны готовыхъ
Идетъ шестнадцать удальцовъ (пѣшки),
Смѣсь пестрая вельможъ суровыхъ,
Съ толпою преданныхъ рабовъ.
Всю славу, почесть отъ народа
Имѣетъ вѣнценосный *царь*;
За нимъ всесильный *воевода*,
За этимъ доблестный *пушкарь*;
А [illegible] и [illegible] и [illegible]
Съ [illegible] въ одномъ считаютъ [illegible].
(Стр. 16).

Потомъ правила игры:

Всякъ воинъ, выступая въ бой,
Занять не смѣетъ клѣтки той,
Гдѣ другъ иль врагъ остановился:
Итти онъ долженъ лишь туда,
Гдѣ нѣтъ чужаго и *слѣда*;
Но если на пути случился
Ему пѣхотой врагъ лихой,
[illegible] ударнаго онъ [illegible]
Сшибаетъ съ ногъ, и вонъ за строй
Убитаго бросаетъ тѣло,
И постъ того, кого убьетъ,
Себѣ въ награду онъ беретъ.» (Стр. 17).

Да это чрезвычайно-любопытно! Это какая-то совершенно-особенная, оригинальная муза! На древне-еврейскую она не похожа; на европейскую тоже... то-есть, если хотите, она и напоминаетъ какую-то странную музу, которая вдохновляла въ былое время своимъ любимцамъ стихи въ этомъ родѣ:

Si declinare domus vis,—

и другія, часто весьма-длинныя поэмы, которыя писались въ средніе вѣка латинскими мертвыми виршами... Именно это та же муза, особенная, *филистерская*, если угодно; должно быть десятая; она жительствуетъ не на священныхъ вершинахъ Пинда, отъ-чего и не была извѣстна древнимъ, а въ дымномъ полумракѣ нѣмецкихъ трактировъ, гдѣ курятся грошевыя сигары, пьется бездонными кружками баварское или богемское пиво, читаются готическія газеты, постукиваютъ кости домино, и за шахматной доской возсѣдаютъ толстые счастливые филистеры, доставляющіе себѣ невинное развлеченіе умной игрой, нѣсколько приводящей въ движеніе спокойную кровь... Оно и не мудрено: еврейская муза, скитаясь по лицу земли, завернула въ эти шинки, освоилась съ ихъ ларами, подружилась съ ихъ посѣтителями—а извѣстно, съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Впрочемъ, она сохранила еще нѣкоторыя азіатскія черты,—эти яркіе глаза и кудреватую рѣчь. Послушайте, кáкъ она воспѣваетъ битву своихъ костлявыхъ героевъ:

Быстрѣй чѣмъ *мановенье ока*,
Неумолимѣй чѣмъ судьба,
Стрѣлокъ пустился на раба
И бросилъ трупъ его далеко.
Но громко завопила честь
У воеводскаго солдата:
Его душѣ потребна месть
За смерть товарища собрата;
Онъ собралъ духъ, ступилъ — и вотъ
Къ убійцѣ дерзкому идетъ.

. . . .
Вдругъ бѣлый конь, *какъ злобный геній,*
Помчался быстро на раба—
Не много длилася борьба:
Солдатъ погибъ, а *всадникъ* бѣлый
На *воеводу* мещетъ стрѣлы
И стало князю *горячо*
Отъ этой удали *упорной*....
Онъ двинулъ правое плечо
Къ наѣзднику изъ рати черной,
И вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно тылъ
Къ *защитѣ* царской обратилъ.
Тогда наѣздникъ, что дотолѣ
Стоялъ безъ дѣла въ бранномъ полѣ,
Коню лихому шпоры давъ,
На лѣво бросился стремглавъ.

Но тщетно славы добивался
Наѣздникъ храбрый: онъ какъ разъ
Стрѣлку подъ выстрѣлы попался —
А у того *надеженъ глазъ*—
И въ вѣчный мракъ сырой могилы
Его низвергъ онъ въ цвѣтѣ силы...
(стр. 33).

...Наѣздникъ вдругъ съ ожесточеньемъ
Пустился вскачь въ обратный путь,
Лишь вьется пыль подъ *копытами*,
И воеводѣ цѣля въ грудь,
Скрежещетъ яростно зубами.
Его жестокости страшась,
Сталъ отступать вельможный князь,
И чтобъ подальше быть отъ сѣчи,
Онъ къ пушкарю подвинулъ плечи....
Тогда на битву бѣглый взоръ
Бросаетъ *воевода* бѣлый;
Какъ будто воинъ опьянѣлый,
Стоялъ онъ молча до тѣхъ поръ, —
Теперь *пуститься въ упражненье*
Пора, пора его рукѣ, —
Онъ *взялъ кривое направленье*
И сталъ *сзади* при ѣздокѣ....
(Стр. 38).

...и т. д., до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ поле битвы не огласилось крикомъ *шахъ* и *матъ!*.. Обыкновенный конецъ шахматной игры, да и шахматныхъ поэмъ...

292) При Счастьи бранятся (,) при Бѣдѣ мирятся. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго* П. С. Федорова. *Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 32 стр.*

Всякій или почти всякій французскій водевиль составляется по извѣстному рецепту: въ немъ есть какая-нибудь глупость, но обставленная мило и пересыпанная остроуміемъ, и большая часть водевилей, шутя, стороною, задѣнетъ непремѣнно какой-нибудь живой вопросъ, занимающій въ свое время общество. Скрибъ и компанія, подобно Дюма съ компаніею, какъ-будто завладѣли вниманіемъ Французовъ, а за нимъ и остальной Европы: вездѣ переводятся романы Дюма и его подражателей, вездѣ ставятъ на сцену водевили Скриба съ его школой. Многіе, увлекшись силой факта, не могутъ достаточно осыпать похвалами ловкаго романиста и ловкаго водевилиста, и пораженные повсемѣстнымъ успѣхомъ обоихъ, смѣло отводятъ одному первое мѣсто въ пантеонѣ современныхъ нувеллистовъ, другому не смѣютъ отвести перваго мѣста въ кругу современныхъ драматурговъ только потому, что, при господствѣ еще старыхъ преданій, не смѣютъ водевиль поставить на ряду съ пятіактной трагедіей. Трагедія, по ихъ понятіямъ, все выше водевиля и комедіи, отъ-того, что она трагедія, хотя водевили Скриба безспорно гораздо-выше всякой французской трагедіи. Подобно пѣснямъ Беранже, водевиль есть чистое произведеніе французской націи, въ которомъ она выразилась со всей своей легкостью, граціей, непринужденной веселостью, живымъ остроуміемъ, ловкими фарсами и часто весьма-трогательною наивностью. Другіе, болѣе ревнуя къ чистотѣ эстетическихъ началъ и величію строгаго искусства, оскорбляются господствомъ дюмасовской и скрибовской школы. Они страдаютъ, во-первыхъ, за то, что эти писатели, забавляя публику—одинъ прекраснымъ слогомъ написанными арабскими сказками, переложенными на европейскіе нравы разныхъ эпохъ и народовъ, а другой мастерскою постановкою на сцену однихъ простыхъ случаевъ ежедневной жизни — отвлекаютъ вниманіе публики отъ болѣе-дѣльныхъ вопросовъ. Съ этой точки зрѣнія и романы г. Сю, писанные

уже съ голоса общественныхъ нуждъ, хотя и погрѣшающіе въ художественномъ отношеніи, были встрѣчены болѣе нежели снисходительно. Кромѣ того, негодованіе этихъ антагонистовъ дюмасовой и скрибовой школы возбуждалось дерзкимъ забвеніемъ главныхъ началъ и требованій эстетики. Ихъ болѣе всего оскорбляетъ то обстоятельство, что эти школы выше всего въ романахъ ставятъ собственно *сказочный* интересъ, что читатель съ первой страницы до послѣдней занятъ вопросомъ: что̀ случится съ героями романа, и ка̀къ они выпутаются изъ бѣды, достанетъ ли у одного силы отбиться въ рукопашномъ бою отъ двухъ десятковъ мерзавцевъ; выплыветъ ли онъ со дна моря, зашитый въ кожаный мѣшокъ и брошенный въ глубину съ камнями и чугунными ядрами,—и читатель радуется, какъ ребенокъ, когда узнаётъ потомъ, что герой отбился, или, что у него, зашитаго въ мѣшокъ, нашелся въ карманѣ перочинный ножикъ, которымъ, разумѣется, не трудно распороть кожу, а потомъ всплыть, а потомъ достигнуть берега, или напасть на плывущее судно. Что мудренаго: вѣдь много судовъ плаваетъ по морю! почему жъ тутъ не случиться одному?.. Точно также въ скрибовской школѣ, въ тысячахъ произведенныхъ ею водевиляхъ и комедіяхъ, негодуютъ эти господа на то, что все приносится въ жертву *интригѣ* и минутнымъ интересамъ, ежедневнымъ сплетнямъ, и т. п. Они при этомъ случаѣ ссылаются на Мольера и Шекспира и припоминаютъ, что всѣ геніальные писатели выше всего ставили развитіе личностей, и идеѣ главнаго характера подчиняли обстановку; случай, неожиданность, все невытекающее изъ внутреннихъ законовъ, отвергалось строгимъ искусствомъ. И, въ отчаяніи, эти господа восклицаютъ: не-уже-ли въ наше время мы должны оплакивать паденіе искусства? Или: не-уже-ли истинны новые принципы, внесенные новыми господствующими школами?

По нашему мнѣнію, негодованіе этихъ господъ, хотя и дѣлаетъ честь ихъ любви къ чистотѣ строгаго искусства, не совсѣмъ справедливо. Они забываютъ одинъ фактъ — исторію *чтенія* публики, *исторію* театровъ и значеніе водевиля *для* Французовъ. Мы разумѣемъ здѣсь *исторію чтенія* и *исторію театра* во Франціи, и преимущественно въ Парижѣ. По ближайшемъ разсмотрѣніи фактъ явленія школъ, о которыхъ мы говоримъ, представился намъ менѣе-плачевнымъ. Надобно, во-первыхъ, знать, на какихъ театрахъ Парижа ставятся эти пьесы, и какая публика въ нихъ стекается. Это отнюдь не Théâtre Français, а маленькіе театры при бульварахъ и заставахъ; публика, въ нихъ сбирающаяся, —рабочій классъ, гризетки, маленькіе bourgeois, словомъ, та публика, которая не посѣщаетъ Французскаго-Театра, ни Итальянской-Оперы. Вспомните теперь, чѣмъ забавлялась прежде эта публика, надъ чѣмъ она хохотала – и вы увидите великій шагъ впередъ, вспомните, что прежде эти театры были просто балаганы, въ которыхъ кривлялись паяцы и веселилъ зрителей пьеро въ бѣлой курткѣ, съ подушкой на головѣ, въ видѣ треугольной шляпы... А что̀ читала эта публика до романовъ Дюма̀?.. Теперь спасибо Дюма̀, что онъ далъ ей чтеніе!

Слѣдовательно, въ Парижѣ, гдѣ всякій классъ общества находитъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ сообразно съ степенью своего эстетическаго развитія, явленіе пьесъ и писателей, замѣнившихъ площадныя штуки паяцовъ и нелѣпыя сказки, свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ созрѣваніи націи и облагороженіи ея потребностей и вкуса. Значитъ — для этой массы уже нуженъ ловкій разсказчикъ Дюма́, нуженъ Скрибъ, который бы занималъ ее не безсмысленнымъ коверканіемъ, а воспроизвелъ бы на театрѣ то, что̀ занимаетъ ее дома, что̀ печалитъ и радуетъ ее въ обиходной жизни; Скрибу же необходимы артисты съ большимъ талантомъ для исполненія его пьесъ, ко

торыя и хотя далеко уклоняются отъ требованій чистаго искусства, ибо остроуміе и интрига въ нихъ главное, однако важны для націи и любимы ею... Самая даже постепенность театровъ отъ маленькаго театра à la barrière, до высокой трагедіи или комедіи въ Théâtre Français — представляетъ лѣстницу, по которой артисты достигаютъ до апогеи развитія своего таланта и своей знаменитости.

Въ другихъ странахъ, гдѣ еще нѣтъ собственно народныхъ театровъ и не развита потребность чтенія, эти самые факты, утѣшительные для Франціи, получаютъ совершенно - другое значеніе. Тамъ случается, что на одной сценѣ, въ одинъ вечеръ, рядомъ съ геніальнымъ произведеніемъ классическаго писателя, идетъ бульварная пьеса. Произведенія Французовъ принимаются за-урядъ, не разбирая для чего и для кого онѣ писаны и кто на нихъ смотритъ. На этихъ театрахъ французскія пьесы чужды главнаго своего достоинства: онѣ чужія, нравы въ нихъ чужіе, остроуміе чужое, взглядъ на вещи не свой, и самыя лица часто не существуютъ въ томъ обществѣ, какъ, на-примѣръ, у насъ непонятенъ французскій portier и portière. Остается только судить ихъ съ самой ихъ невыгодной стороны—съ точки зрѣнія эстетической. Для того, чтобъ дѣйствовать на свою публику, которая есть цѣлый народъ, Скрибъ часто прибѣгаетъ къ довольно-грубымъ эффектамъ, извлекаетъ слезы часто дѣйствуя просто на чувство жалости. Такая пестрота французскаго репертуара и явленій литературныхъ указываетъ на многое дурное и можетъ повести къ хорошему. Дурно здѣсь то, что эти факты показываютъ чрезвычайно малое развитіе эстетическихъ потребностей въ народѣ, который долженъ заимствовать чужое; хорошо то, что сравнительно небольшое число такъ-называемой образованной публики, видя на ряду произведенія площадныя и великія, читая романы Дюма, Занда и Вальтера Скотта, непремѣнно должно отдать преимущество хорошему. Отъ-этого, требованія, на-примѣръ, наши чище, и критика строже, чѣмъ гдѣ-нибудь. Писатель у насъ, зная, что имѣетъ дѣло не съ массой, а съ нѣсколькими избранными кружками, не отважится натягивать разныя небывальщины, а долженъ сообразоваться съ условіемъ искусства. Онъ не можетъ надѣяться и разсчитывать на то, что негодованіе немногихъ будетъ заглушено неистовыми криками восторга толпы, потому-что этой толпы — нѣтъ, или почти нѣтъ. Отъ-того-то у него не станетъ дерзости презрѣть условія изящнаго, и, отбросивъ въ сторону художественность и психологію, затянуть длинную сказку, начинить ее странными случаями, облечь таинственностью и призвать чуть не волшебство для занимательности разсказа... Справедливы или нѣтъ наши требованія, но во всякомъ случаѣ они законны, потому - что основаны на чистомъ стремленіи уразумѣть и примѣнить законы изящнаго, строгаго какъ жизнь, многообразнаго какъ жизнь, и труднаго и величественно-простаго какъ жизнь...

Впрочемъ, это еще вопросъ, который мы пока оставляемъ безъ рѣшенія—вопросъ о томъ, что болѣе ведетъ къ благимъ, желаннымъ результатамъ — распространеніе ли сочиненій, написанныхъ сообразно съ понятіями массы, гдѣ бы авторъ приводилъ полезную мысль, или образованіе этой массы созерцаніемъ чисто-прекраснаго?

Что же сказать о самомъ водевилѣ, заглавіе котораго выписано выше? — Онъ милъ, не лишенъ остроты и смѣшныхъ глупостей; а это не послѣднее достоинство подобныхъ произведеній.

293) **Сказка о Мельникѣ Колдунѣ**, *о хлопотливой старухѣ о жидкахъ и батракахъ*. Соч. А. Алипанова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1847. Въ 24-ю д. л. 59 стр.*

Содержаніе этой сказки, переносе-

тываемой чуть-ли не въ десятый разъ, и внѣшній видъ ея, опредѣляютъ ея мѣсто въ русской литературѣ: она будетъ красоваться на лоткахъ бродящихъ по улицамъ мальчишекъ, подлѣ «Еруслана Лазаревича» и «Похожденій Милорда Георга». Судите сами:

> Въ это время, какъ старуха
> Бормотала сказку *въ ухо*,
> Жидъ выдумывалъ, чтобъ къ ней
> Прикленть свою ладьей;
> И въ дѣлахъ, (во чтобъ ни стало!)
> А свести съ концомъ начало,
> Молвилъ: «*бабуска* не такъ.
> Не давалъ казны батракъ,
> А *засилъ* ее въ *подуску*
> И носилъ *какъ бы игруску*.
> Вотъ *присолъ* къ нему *Зидокъ*,
> *Цто* закинулъ неводокъ.
> *Моцевать* онъ попросился,
> *Да къ подускѣ* прислонился:
> Испугался *батрацёнъ*,
> *Съ полцаса лезалъ Зидокъ*.
> А потомъ онъ приподнялся,
> За *подуску* хоть не брался,
> А виситъ *она* на немъ,
> Какъ *прикована гвоздемъ* (!?)
> Съ нею Зидъ идетъ къ порогу,
> Съ нею *хоцетъ* и въ дорогу;
> А батракъ за нимъ; *цто* силъ
> За *подуску* ухватилъ.
> *Дернулъ*... го! не тутъ-то было?
> Руки плотно приклеило,
> *Цо съ подуски не сорветъ*, —
> И *за Зидокъ съ прудъ идетъ*.
>
> (Стр. 56.)

294) Майдрагора, *комическая опера въ пяти дѣйствіяхъ. Санктпетербургъ Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. 1847. Въ 8-ю д. л. 71 стр.*

Что это такое? мистификація? или въ-самомъ-дѣлѣ смыслъ человѣческій можетъ упадать до того униженія, въ какомъ является онъ въ этой «комической оперѣ *въ пяти дѣйствіяхъ*»? Мы желали бы удостовѣриться въ первомъ нашемъ предположеніи; но самая мистификація выходила бы тутъ изъ всякихъ границъ шутки, и еслибъ нашелся герой, который рѣшился бы такъ мистифировать кого-нибудь, то это уже показывало бы въ немъ отсутствіе разсудительной силы. Читая «Майдрагору», увѣряетесь, что авторъ ея и не думалъ шутить: онъ такъ искренно, трудолюбиво написалъ цѣлую книжку вздора, что видно, какъ нравилось ему-самому превзойдти все, что только было написано безтолковаго на русскомъ языкѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ драма, опера, стихи, разговоръ; но это бы еще ничего: вообразимъ, что неопытный ребенокъ написалъ драму или оперу; но въ драмѣ и оперѣ десятилѣтняго ребенка все-таки будетъ какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь связь, — тутъ нѣтъ ничего этого! Невѣроятно? Послушайте, покуда у васъ достанетъ терпѣнія слушать, а у насъ говорить о такомъ удивительномъ явленіи.

Леонидъ, сынъ барона Адельмара, Евгеній и Ларисса, дѣти фабриканта Валеріана, поютъ какой-то вздоръ о любви. Евгеній уходитъ. Приходитъ шутъ Сидоръ, живущій у Валеріана; Леонидъ даетъ ему червонецъ, чтобъ онъ ушелъ, и начинаетъ объяснять любовь свою Лариссѣ, подаетъ ей *книжку своего сочиненія* и говоритъ: «Позвольте въ знакъ памяти и любви *презентовать* вамъ это колечко». Ларисса отговаривается, а Леонидъ междутѣмъ услышалъ, что кто-то идетъ, *блѣднѣетъ* и говоритъ: «Идетъ родитель вашъ — куда намъ спрятаться?» и скрывается — подъ столъ, а Ларисса собираетъ книжку, кольцо, платокъ и *нотную арію* (!), оставленные имъ, и укладываетъ въ ящикъ стола. Приходитъ Валеріанъ и добивается, кто тутъ пѣлъ, а шутъ увѣряетъ, что онъ пѣлъ. Ларисса говоритъ: «Батюшка, папенька, мы ваши дѣти, любимъ васъ, почитаемъ ваши старыя лѣта, не доведемъ васъ и себя *до посмѣянья*. *Имѣемъ разсудокъ нравственный*; но согласитесь, мы все дѣти... Впредь не будемъ во время сна вашего пѣть.» Уходитъ. Къ Валеріану приходятъ баронъ Адельмаръ и полковникъ *Зороастръ* (!). Баронъ ищетъ своего сына Леонида. Валеріанъ съ радости кричитъ: «Эй,

человѣкъ, принеси намъ *мёду, ликеру и языкъ* — чтобъ можно было пріятнѣе говорить». Баронъ говоритъ ему: «Прежде вы жили хорошо. Послѣ жены у васъ ничего не стало». Между-тѣмъ, *наливаютъ*, пьютъ, ѣдятъ. Шутъ приходитъ и пьетъ. Лариса съ Евгеніемъ является *въ локонахъ*, а Зороастръ говоритъ: «Ахъ, какая она хорошенькая; я *подобныхъ* и въ Парижѣ не видывалъ!» Шутъ поетъ дурачества, Евгеній *бьетъ* его. Баронъ находитъ въ столѣ кольцо и проч. и еще больше добивается, гдѣ сынъ его. Ларисса убѣгаетъ, Евгеній уходитъ; шутъ опрокидываетъ столъ и открываетъ Леонида. Баронъ кричитъ: «Сейчасъ, сейчасъ въ полкъ его.» А полковникъ Зороастръ философствуетъ: «Валеріанъ былъ богатъ. Нынѣ все прожилъ. Послѣ супруги у него никакого порядка нѣтъ. «Прежде музыка у него гремѣла, гостепріимство, театры и увеселенія «восхищали... Нынѣ имѣніе и фабрика — все пролетѣло... Такъ иногда «вѣкъ нашъ... пройдетъ, какъ на землѣ многіе города исчезли. Гдѣ Сизика, Ниневія и Карѳагенъ? Неизвѣстно.»—Какого общества, какого міра всѣ эти люди? Всего больше сходства въ нихъ съ бѣжавшими изъ дома безумныхъ.

Но второе дѣйствіе изображаетъ ихъ какими-то животными четвероногими. Являются и новыя лица. На сценѣ два павильйона. Въ одномъ играютъ въ бостонъ: Самуилъ, содержатель питейныхъ сборовъ, судья, исправникъ и управляющій имѣніями помѣщиковъ. Стряпчій и — мулла (!) ходятъ. Въ другомъ павильйонѣ Ларисса поетъ, но увидѣвъ муллу, убѣгаетъ, а онъ поетъ:

> Наведу я на Лариссу сонъ,
> И тогда-то нашъ правитель
> Можетъ сдѣлать — что желаетъ онъ.
> . . . .
> Есть при мнѣ изъ травъ листъ Майдрагоры,
> Ночью ходятъ съ сей травою воры.

(Трясетъ листокъ травы и сыплетъ возлѣ дивана). Шутъ схватываетъ его, заставляетъ *пускать изъ палки воду* и плещетъ ему этой водой въ лицо, которое дѣлается пестрымъ. Приходятъ Леонидъ и Евгеній, и ужь тутъ опять Ларисса, съ которою они прощаются — ѣдутъ въ полкъ. Ларисса засыпаетъ на диванѣ, подъ которымъ *волшебникъ* сыпалъ траву. Шутъ говоритъ и поетъ во все это время крайнія нелѣпости, а въ другомъ павильйонѣ все играютъ въ бостонъ и спорятъ о *козырной шестеркѣ*. Только управляющій, для котораго, сколько можно догадаться, явился и глупый волшебникъ, выходитъ и хочетъ поцаловать спящую Лариссу, но она гладитъ его по лицу рукою, въ которую шутъ насыпалъ *сажи*, просыпается и, видя черное лицо управляющаго, кричитъ: «*чертъ! чертъ!*» всѣ кричатъ: «чертъ! чертъ!» и хохочутъ... Приходитъ Валеріанъ *съ тростью* и говоритъ разныя угрозы, на-примѣръ: «Кто являлся къ моей дочери въ сажѣ съ комплиментами? Какое дерзновеніе! каково это покажется! Какъ возможно это дѣлать! да, дамъ же я!» Между-тѣмъ, управляющій вытеръ себѣ лицо платкомъ и выпачкалъ имъ лицо муллы, котораго всѣ принимаютъ за виноватаго, *бьютъ*, и онъ съ трудомъ убѣгаетъ. Остается Самуилъ съ Валеріяномъ, который жалуется, что ему кормить нечѣмъ своихъ людей. «Какъ мнѣ поправить свое состояніе?» спрашиваетъ онъ. — «Отдай за меня Лариссу» говоритъ Самуилъ: «я дамъ на поправку тебѣ 50,000 рублей.» Поторговавшись, Валеріянъ беретъ въ задатокъ 5,000 рублей. Ларисса не соглашается идти за него, переодѣвается въ крестьянское платье и убѣгаетъ. Самуилъ не знаетъ какъ быть, но Валеріянъ говоритъ ему: «Эхъ, братецъ, не молодецъ же ты!.. Схватить ее, да и *повѣнчаться;* тѣмъ и дѣло кончится!» (хорошъ папенька!). Самуилъ приказываетъ конторщику *украсть* Лариссу (по совѣту папеньки). «Она у насъ ночуетъ, а завтра повѣнчаемся. Теперь прикажи подать водки» говоритъ онъ. Пьютъ, пьютъ, и Самуилъ въ восхищеніи, которое выражаетъ онъ какъ жи

вотное. Приходятъ дочери его, Елена и Марія, *въ платкахъ на головѣ*, и говорятъ: «Папенька! позвольте намъ расположиться къ ночному отдохновенію.» Онъ велитъ имъ лечь въ боковой комнатѣ, прибавляя: «Вамъ скоро приведутъ гостью. Вы примите ее къ себѣ.» Тутъ служители приносятъ спящаго шута, который надѣлъ на себя платье убѣжавшей Ларисcы и въ немъ заснулъ на волшебномъ диванѣ. Его вмѣсто Ларисcы вносятъ къ дочерямъ Самуила. Вскорѣ у нихъ въ комнатѣ раздается *визгъ и крикъ*. Шутъ не хочетъ отперетъ дверей. Является отецъ Самуила, Иванъ *съ бородою*. Вотъ какъ говоритъ онъ: «15 тысячь рублей ухлопалъ и купилъ вмѣсто жены не знаю что. Какъ теперь дочерямъ твоимъ показаться? Вѣдь всё узнаютъ. Ты заперъ къ нимъ мужчину: что люди будутъ говорить? Теперь больше тебѣ нечего дѣлать. Ты долженъ вмѣсто своей женитьбы выдать дочь за того, кто съ ними запертъ здѣсь. *Почтенный*, отопрись; я старикъ...» Благородные люди и отецъ и дѣдъ! Сидоръ шутъ выходитъ, и одна дочь согласна идти за него. Ей даютъ въ приданое 20 тысячь рублей.

Дѣйствіе третіе. Ударъ грома. *Валеріанъ сидитъ на камнѣ, оплакиваетъ участь дѣтей, говоря:* «Гдѣ мой сынъ, гдѣ дочь, гдѣ Сидоръ? Всѣ оставили меня... Что мнѣ деньги!» Онъ вынимаевъ пачку ассигнацій, бросаетъ ихъ и поетъ какую-то турусу на колесахъ. Приходитъ Самуилъ, видитъ разбросанныя деньги, собираетъ ихъ, считаетъ и говоритъ: «Здѣсь только двѣ тысячи.» Приходитъ Сидоръ съ женою. Приходитъ почтальйонъ съ письмомъ къ Валеріяну, который читаетъ, что сынъ его уже штабс-ротмистръ гусарскаго полка и получилъ крестъ за храбрость, а Леонидъ корпусный адъютантъ и тоже штабс-ротмистръ. Скоро выслужились, потому-что, по ходу пьесы, не прошло еще и нѣсколькихъ дней, не только мѣсяцевъ! Приходитъ гувернантка Ксенія; Самуилъ беретъ ее, Сидоръ свою жену, *поютъ съ музыкой и припласываютъ;* Валеріянъ *дѣлаетъ ногою* тактъ. Тутъ начинается лучшее во всей пьесѣ явленіе. *Гелена* (прежде названная Еленой), дочь Самуила, приходитъ съ маленькой дѣвочкой, *имѣющей на ногахъ подвязные панталоны*, и когда *человѣкъ докладываетъ*, что пріѣхалъ полковникъ Зороастръ, она — говоримъ словами автора (стр. 42) — «сажаетъ маленькую дѣвочку на стулъ, снимаетъ у нея съ одной ножки панталону и поспѣшно оную навязываетъ себѣ вмѣсто чепчика на голову. — Зороастръ (*кланяется весьма*). Чья это малютка? — Гелена. Вы знаете. — Сидоръ. Вы можете припомнить, какъ были... — Зороастръ (*къ Самуилу*). Я слышалъ, что у васъ начинается свадьба? — Самуилъ. Да ужъ... — Зороастръ (*перебиваетъ рѣчь*). Нѣтъ, нѣтъ! Геленушка моя! Геленушку я беру! Развѣ вы не знаете, что она, по сдѣланному мною съ ней залогу, мнѣ принадлежитъ? — Самуилъ. Судьбѣ угодно васъ съ нею соединить. Я радъ. И предъ свадьбою вамъ съ нею дано будетъ 40 тысячь рублей. — Зороастръ (*подходитъ къ Геленѣ, цѣлуетъ ее и говоритъ*). Вы согласны идти за меня замужъ? — Гелена. Я давно этого ожидала (*и обнимаетъ полковника, павши на его грудь. Онъ ее тоже обнимаетъ и цѣлуетъ*). — Зороастръ. Отъ чего это дитя *не имѣетъ на одной ножкѣ панталоны?* — Гелена. Я хотѣла *ее* отправить къ вамъ (панталону?). Вы знаете, что она ваша, и съ одной ножки я сняла панталону, *ношу на головѣ въ знакъ памяти*. Эти панталоны сшиты изъ вашего платка. (*Снимаетъ чепчикъ съ головы, показываетъ клеймо и надѣваетъ малюткѣ на ножку.*)» Слѣдуетъ безсмысленное пѣніе.

Кажется, сочинитель истощилъ всѣ нелѣпости и несообразности; но нѣтъ, онъ неистощимъ! Дѣйствіе четвертое происходитъ *на толкучемъ рынкѣ*, гдѣ рыночные торговцы обманываютъ Самуила, который неразлучно ходитъ съ гувернанткой, а Сидоръ обманываетъ

торговцевъ, тутъ же прогуливаясь съ женою. Отвратительна сцена, гдѣ женщина, обманутая солдатомъ, роняетъ изъ подола деньги. Наконецъ, являются пять человѣкъ рядовыхъ, бесчинствуютъ, грабятъ; приходитъ квартальный съ городовыми, и посреди всей этой рыночной, грязной сцены, Самуилъ сватается на гувернанткѣ, говоря ей: «Ксенія! пойдешь за меня?» — Съ удовольствіемъ! отвѣчаетъ она.

Дѣйствіе пятое. Ларисса живетъ у какихъ-то благодѣтельныхъ крестьянъ; туда приходятъ Сидоръ и Евгеній, отъискиваютъ Лариссу, а баронъ Адельмаръ извѣщаетъ Евгенія, что отецъ его получилъ милліонъ рублей въ наслѣдство. Зороастръ *отставленъ за жестокое обращеніе съ солдатами*. Самуилъ утѣшаетъ его, говоря: «Ну, зять, не тужи. Я дамъ должность и назначу тебѣ на первый разъ 6000 рублей въ годъ.» Всѣ эти нелѣпицы оканчиваются отъисканіемъ Лариссы, которая и выходитъ за Леонида. Чтó и кáкъ говорится при этомъ и кáкъ *уклюже* все это дѣлается, можно судить изъ всѣхъ нашихъ выписокъ. Ни складу, ни ладу, ни тѣни какого-нибудь правдоподобія нѣтъ ни въ одномъ явленіи! Еслибъ сочинитель не украсилъ всего этого своимъ уморительнымъ языкомъ и какою-то поразительною, невѣроятною нескладицею, то не было бы возможности прочитать его книжку. Но мы прочли ее и приняли трудъ представить ее въ возможномъ изложеніи, чтобъ читатели могли судить, до какой степени можетъ дойдти страсть къ авторству. Видно, что сочинитель дорожилъ своимъ дѣтищемъ, — прибавилъ къ нему ноты, прибавилъ даже Наставленіе, *какъ пустить воду, чтобъ зрителямъ представилось волшебствомъ!..* Но вѣроятнѣе такое волшебство, нежели то, что въ наше время выходятъ подобныя книги!..

═

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

24) Bemerkungen *über den Morbus cardiacus (pericarditis scorbutica) und über die Paracentese des Herzbeutels in demselben. Von Dr* A. Kyber, *Medicinal-inspector und Ober Arzt am Marinehospital in Cronstadt* (Наблюденія *надъ болѣзнію околосердечной сумки (скорбутнымъ воспаленіемъ околосердечной сумки) и о прободеніи послѣдней. Санктпетербургъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 77 стр.*

Многимъ, кромѣ врачей, извѣстно, что за болѣзнь цинга, сколько жертвъ похищаетъ она, особенно въ сѣверныхъ странахъ и близь поморья: отъ-этого весьма интересны монографіи цинги, составляемыя врачами, которымъ наиболѣе случалось видѣть одержимыхъ цингою. Однимъ изъ главныхъ видовъ цинготнаго страданія, которому подвергаются наиболѣе моряки, есть болѣзненное выпотѣніе (эксудатъ), образующееся въ серозныхъ плевахъ или перепонкахъ; сюда принадлежитъ описываемая докторомъ Киберомъ болѣзнь — *скорбутное воспаленіе околосердечной сумки*. Между многими писателями, старавшимися объяснить это страданіе, извѣстнѣйшіе суть профессоры Зейдлицъ и Сансонъ; статья послѣдняго объ этомъ предметѣ напечатана въ «Запискахъ Врачебныхъ Наукъ» 1844 г., издаваемыхъ Императорскою Медико-Хирургическою Академіею.

Но отъ-чего доньшѣ мало было говорено въ практическихъ руководствахъ объ этомъ страданіи, не смотря на то, что всегда существовала цинга? Причиною, во-первыхъ, то, что болѣзнь эта наиболѣе свойственна сѣвернымъ странамъ и прибрежью поморскому; во-вторыхъ, что она болѣе поражаетъ одинъ извѣстный классъ людей — матросовъ; въ-третьихъ; что лишь въ послѣдніе десятилѣтія стали хорошенько изучать физическое при-

знаки, которые ведутъ къ распознанію *выпотѣній* вообще: лишь аускультація способствовала въ открытію этого же страданія въ околосердечной сумкѣ, а прежде все относили къ грудной водяной болѣзни или даже къ апоплексіи; въ-четвертыхъ, трупоразъятіе поясняетъ все вышесказанное,—но оно возможно лишь въ большихъ госпиталяхъ и больницахъ, въ частной же практикѣ почти неудобоисполнимо.

Весьма-интересны явленія, открываемыя въ трупахъ людей, умершихъ отъ выпотѣнія (эксудата), образовавшагося въ околосердечной сумкѣ. По отдѣленіи грудной кости, околосердечная сумка всегда представляется въ видѣ синяго, напряженнаго пузыря, безъ всякаго другаго измѣненія фиброзной перепонки и покрывающей ее клѣтчатой плевы. Растяженіе околосердечной сумки, смотря по большему или меньшему количеству выпотѣвшаго въ нее вещества, бываетъ весьма-значительно. Иногда изъ этой вскрытой околосердечной сумки отдѣлялось 3—8 фунтовъ жидкости темной, черноватой. Но не въ одной лишь околосердечной сумкѣ дѣлается выпотѣніе этого вещества; серозныя плевы другихъ органовъ также подвергаются этому патологическому измѣненію. Какого свойства это выпотѣвающее вещество,—кровь ли это, или что-либо другое? Микроскопическія изслѣдованія показали, что это кровь. Ближайшая причина этого эксудата есть изліяніе крови изъ венозныхъ сосудовъ серозной перепонки околосердечной сумки, что дѣлается или внезапно, подобно апоплексіи, или въ-слѣдствіе имѣющихся болѣзненныхъ припадковъ; все же это имѣетъ условіемъ паралитическое состояніе волосныхъ сосудовъ серозной перепонки околосердечной сумки при общемъ скорбутномъ расположеніи, соединенное съ разслабленіемъ и вялостью мышечныхъ волоконъ. Къ этому присоединяется еще состояніе атмосферы, отъ чего развиваются ревматическіе, катарральные и гастрическіе припадки серозной перепонки околосердечной сумки вообще и другихъ грудныхъ органовъ. Опытъ показалъ, что появленіе *скорбутнаго воспаленія околосердечной сумки* дѣлается въ извѣстныя времена года, какъ-будто эпидемически, когда цынга бываетъ постоянна, т. е. отъ ранней весны до начала осени. Въ подтвержденіе сказаннаго приводитъ авторъ много наблюденій, собранныхъ имъ въ Кронштадтѣ.

Послѣ подробнаго описанія припадковъ, авторъ переходитъ къ предсказанію объ исходѣ болѣзни, которая, если эксудатъ послѣдовалъ внезапно, весьма-опасна; смерть поражаетъ въ нѣсколько часовъ, смотря по тому, какъ велико препятствіе кровообращенія въ легкихъ. Смерть въ этомъ случаѣ безболѣзненная, вѣроятно отъ внезапнаго онѣмѣнія сердца и мозга. Часто случается, что больной, незадолго предъ смертію, явственно отвѣчаетъ на вопросы. Когда выпотѣніе дѣлается медленно, тогда больные не умираютъ скоро; но такъ-какъ во всякомъ случаѣ нельзя ожидать, чтобъ эксудатъ могъ исчезнуть чрезъ всасываніе, то болѣзнь эта угрожаетъ большою опасностью. Цынготное воспаленіе околосердечной сумки во многомъ отличается отъ обыкновеннаго воспаленія этой же части. Въ первомъ случаѣ боль очень-незначительная и пульсъ не скорый; въ послѣднемъ же больные не могутъ выносить жестокой боли, отчаянной тоски и палящаго жара во всемъ тѣлѣ. По вскрытіи умершихъ отъ обыкновеннаго воспаленія околосердечной сумки, никогда не находили 3, 4 или 5 фунт. количества эксудата. Касательно леченія авторъ говоритъ, что оно большею частію бываетъ неудачно. Когда больной, поступивъ въ госпиталь, не представляетъ явленій, по которымъ можно было бы судить объ образовавшемся эксудатѣ, то можно еще надѣяться успѣха отъ леченія противовоспалительными средствами. Но такъ-какъ почти всегда уже имѣется выпотѣніе въ серозныхъ перепонкахъ околосердечной сумки, то необходимо дѣятель-

нѣйшее пособіе. Когда все тщетно и нѣтъ надежды спасти больнаго, то авторъ совѣтуетъ самое рѣшительное средство—прободеніе околосердечной сумки, чтò испыталъ онъ (1840 г.) надъ многими подобными больными въ морскомъ госпиталѣ, въ Кронштадтѣ. Операція прободенія околосердечной сумки, конечно, не нова, говоритъ авторъ; Дево, Ларрей, и еще прежде нихъ Ріоланъ и Сенакъ производили ее счастливо; но всѣ случаи, когда эта операція была предпринимаема, разнятся отъ скорбутнаго воспаленія околосердечной сумки. Касательно опасности, съ которою соединено, можетъ-быть, *прободеніе околосердечной сумки*, авторъ говоритъ подробно и предлагаетъ достаточныя мѣры къ ея отвращенію. Въ концѣ сочиненія приложены три скорбные листа (т. е. исторіи трехъ больныхъ), гдѣ описано производство операціи *прободенія* съ большею или меньшею удачею. Дѣйствіе хинина особенно замѣчательно въ этой болѣзни.

Вообще авторъ очень-занимательно изложилъ предметъ свой, такъ-что мы съ удовольствіемъ прочитали его книгу, и не скроемъ желанія имѣть случай чаще поучаться изъ практическихъ наблюденій, подобныхъ тѣмъ, какія представилъ намъ докторъ Киберъ. Извѣстно, что монографіи болѣзней, составляемыя главными врачами госпиталей, весьма-полезны, ибо практическія наблюденія всегда цѣнятся болѣе, нежели превыспреннія теоріи.

25) Anweisung *zur curgemässen Benutzung der Mineral wasser nebst mehreren auf die Mineralwasseranstalt in St. Petersburg bezüglichen Anzeigen und Abhandlungen, Herausgegeben von Dr.* G. Schultz, *Arzt der Anstalt.* (Указанія *къ правильному употребленію минеральныхъ водъ, и проч. Издано докторомъ* Шульцомъ, *врачомъ при Заведеніи Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ въ Санктпетербургѣ*). *Санктпетербургъ. 1847. Во французской тип. Въ 16-ю д. л. VIII и 63 стр.*

Когда открылось Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ въ Петербургѣ, много было *мнѣній* о пользѣ этого лечебнаго средства; чего не говорили тогда въ выгоду и невыгоду искусственныхъ минеральныхъ водъ? Но дѣло пошло счастливо, такъ-что чрезъ десять лѣтъ понадобилось устроить еще другое подобное заведеніе, которое также посѣщается больными. Оба заведенія устроены превосходно; какъ первое, такъ и второе представляютъ много удобства для лечащихся водами уже потому, что оба они окружены прекрасными парками. Напившись воды, паціенты выходятъ въ паркъ и тамъ прогуливаются сколько кто можетъ и сколько кому угодно. Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, устроенное въ 1832 году въ Новой-Деревнѣ, весьма-кстати для больныхъ, живущихъ по дачамъ, расположеннымъ по островамъ; проѣздъ туда и обратно весьма-удобенъ. Напрасно было бы много распространяться объ этомъ первомъ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ; оно подробно было описано врачами, состоявшими при немъ; въ этомъ описаніи были также краткія разсужденія о пользѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ, о томъ, какъ и когда должно употреблять ихъ. Касательно этого описанія, скажемъ лишь одно, что оно имѣло двоякую выгоду, будучи издано на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; слѣдовательно, оно было полезно не для однихъ знающихъ нѣмецкій языкъ.

Взгляните теперь на книгу, которой заглавіе приведено выше, т. е. на описаніе новаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, устроеннаго въ 1844 году на гласисѣ Санктпетербургской Крѣпости, на гласисѣ, обращенномъ въ превосходный паркъ, названный Александровскимъ. Не станемъ повторять за авторомъ, какъ устроенъ этотъ новый домъ для пользованія искусственными минеральными водами, но скажемъ только, что въ-продолженіе двухъ лѣтъ заведеніе это посѣщали 2,500 больныхъ и взято тамъ 7,000 ваннъ или употреблено бу-

ло это число ваннъ; отпущено на домъ къ больнымъ въ этотъ же срокъ времени круглымъ числомъ въ годъ по 60,000 бутылокъ воды. Это новое заведеніе управляется комитетомъ, состоящимъ изъ извѣстнѣйшихъ врачей. Авторъ брошюры говоритъ, что цѣлью его было «настоящимъ сочиненіемъ доставить публикѣ руководство, какую должны соблюдать діэту и какъ вести себя больнымъ вообще при употребленіи искусственныхъ минеральныхъ «водъ». Брошюра состоитъ изъ трехъ отдѣленій: I) діэтетики, II) общаго обзора минеральныхъ водъ (это собственно для врачей) и III) прибавленія. Въ діэтетикѣ говорится, какъ-бы о неизвѣстной вещи, что минеральныя воды никогда не употребляются въ острыхъ болѣзняхъ, потому-что онѣ производятъ болѣе или менѣе возбужденіе въ организмѣ; напротивъ, изъ хроническихъ болѣзней нѣтъ ни одной, гдѣ нельзя было бы испытывать леченіе водами. Старики и дѣти могутъ также лечиться минеральными водами; особенно полезно это леченіе золотушнымъ дѣтямъ: для нихъ хороши старорусскія, крейцнахскія, ишльскія и карлсбадскія воды. Беременныя женщины не должны употреблять крѣпкихъ (?) минеральныхъ водъ, развѣ когда имѣютъ сильный приливъ крови, угрожающій выкидышемъ. По опыту извѣстно, что легкіе (?) ключи, на-пр., оберзальцбруннскіе, имѣли благотворное вліяніе на ходъ беременности. Для одержимыхъ водяною болѣзнію, должно съ осторожностью назначать употребленіе минеральныхъ водъ. Но какъ покажется, что авторъ совѣтуетъ небольнымъ пить минеральныя воды? Это, говоритъ онъ, отвратитъ *будущія* болѣзни!.. Послѣ выбора водъ, времени леченія ими, авторъ приступаетъ къ указанію діэты, образа жизни, одѣянія, правилъ касательно питья воды. Когда больной напился воды, то онъ долженъ, по совѣту автора, пить чашку кофе со сливками и съ бѣлымъ хлѣбомъ. Спасибо автору, что не запрещаетъ онъ употребленія чая, какъ это дѣлается на минеральныхъ водахъ въ Германіи. Впрочемъ, это запрещено только по неимѣнію въ Германіи такого чаю, какой пьютъ у насъ на Руси.

Далѣе, авторъ говоритъ весьма-основательно о послѣобѣденномъ снѣ, о занятіяхъ паціентовъ, и проч. и переходитъ къ ваннамъ или наружному употребленію минеральныхъ водъ. Все, что сказано о пищѣ рыбной и мясной, о напиткахъ дозволенныхъ и недозволенныхъ, очень-хорошо. *Въ общемъ обзорѣ* минеральныхъ водъ находимъ раздѣленіе ихъ на четыре класса: I) соляные источники, II) желѣзные источники, III) сѣрные источники и IV) кислые ключи. Въ новѣйшее время принимаются два рода минеральныхъ водъ: *акратопегическія* (не смѣшанныя) и *синкратопегическія* (смѣшанныя). Указаніе, какія воды находятся въ заведеніи, по какой цѣнѣ и гдѣ продаются онѣ, мы оставляемъ, и перейдемъ къ *Прибавленію*, которое называетъ авторъ «ученою частію» своей брошюры. Точно, здѣсь найдете вы изъясненіе дѣйствія минеральныхъ водъ на организмъ, и это изъясненіе написано не *просто*, но изложено въ длинномъ (стр. 39—53 мелкой печати) письмѣ врача къ больному. Письмо очень замысловато: въ немъ находятся отвѣты на слѣдующіе вопросы: можно ли больному надѣяться выздоровленія отъ употребленія минеральныхъ водъ, и если можно, то лучше ли для него ѣхать къ заграничнымъ ключамъ, или нельзя ли достигнуть того же въ Заведеніи Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ, или когда бы онъ сталъ пить воды у себя въ деревнѣ? Вопросы эти, какъ видно очень-важные, но рѣшенія на нихъ приводить здѣсь не нужно... Авторъ присоединяетъ къ брошюркѣ своей извѣстіе о минеральныхъ водахъ Виши (Vichy); это хорошо и интересно для многихъ, потому-что теперь легко можно посѣтить ихъ.

26) Grammaire *théorique et pratique de la langue francaise. 3 part. Exercices raisonnés sur la syntaxe, extraits des meilleurs écrivains et classés dans l'ordre*

des règles, et Recueil de morceaux *en prose et en vers destinés à servir de modèles de style et de composition; 4 partie*: Corrigé *des exercices raisonnés sur la syntaxe*, *par* P. Nouqué, *ouvrage adopté dans plusieurs établissements d'Instruction publique*. *Санктпетербургъ*. *1847*. *Во франц. тип*. *Въ 12-ю д. л*. *Въ III-й части 251*, *въ IV-й—159 стр*.

Мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе о «Теорической и Практической Грамматикѣ» г. Нукè. Въ дополненіе къ двумъ прежде вышедшимъ томамъ, издалъ онъ теперь еще два тома упражненій на правила синтаксиса, приложивъ къ нимъ образцы слога и сочиненія въ стихахъ и прозѣ разныхъ авторовъ. Мы всегда говорили и будемъ говорить, что въ хорошей грамматикѣ, практика должна предшествовать теоріи, которая, естественно, изъ нея вытекаетъ. Грамматика г. Нукè, написанная для Русскихъ, не могла никакимъ образомъ подчиниться вышеприведенному правилу; тѣмъ не менѣе практическая часть играетъ въ ней весьма-важную роль. Въ введеніи къ труду своему, на которое мы уже не разъ указывали, г. Нукè говоритъ, что по его мнѣнію, отвлеченная грамматическая теорія такъ мертвенна, что не представляетъ рѣшительно никакого интереса учащемуся. Грамматическія правила, какъ законы языка, не могутъ быть уловлены юнымъ умомъ во всей своей отвлеченности. Что жь дѣлать въ такомъ случаѣ? Надобно доставить учащемуся возможность провѣрить, осязать правила эти на практикѣ. Надобно, чтобъ сочинитель грамматики никогда не заставлялъ вѣрить себѣ на слово, а приводилъ примѣры, которые, поясняя правила, заставляли бы ощущать дѣйствительность ихъ. Иначе вся теорія грамматики покажется чѣмъ-то совершенно - произвольнымъ. Въ этомъ отношеніи грамматика г. Нукè совершенно достигла предположенной авторомъ цѣли. Объ упражненіяхъ на правила синтаксиса говорить не будемъ: они подобраны добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Замѣтимъ одно: авторъ умно поступилъ, не снабдивъ «сборника образцовъ слога и сочиненія въ стихахъ и прозѣ» классическимъ, «необходимымъ» объясненіемъ правилъ слога и сочиненія. Правила эти, то сжимаемыя въ экстракты, то раздуваемыя въ толстыя реторики, уже давно доказали de facto всю безплодность и пошлость свою. Школа человѣка, желающаго образовать слогъ и научиться писать—чтеніе произведеній лучшихъ авторовъ.

Изданіе всѣхъ четырехъ томовъ прекрасно.

27) Tableau général de l'état actuel des chemins de fer et de la navigation à la vapeur *dans tous les pays de l'Europe* (,) *à l'usage des Voyageurs*, *Commerçants*, *Capitalistes*, *Statisticiens*, *Militaires et Ingénieurs*, *indiquant les chemins de fer de l'Europe terminés*, *en construction*, *votés*, *concédés et projetés*, *avec leur désignation*, *stations principales*, *longueurs*, *durée du trajet*, *prix des places*, *capitaux et valeur d'émission des actions*, *largeur des voies*, *passages des rivières*, *canaux*, *montagnes et limites*; *villes fortifiées et principaux points desservis par bateaux à vapeur*; *prix des chevaux de poste et malle-postes en Russie*; *monnaies et mesures et leur valeur comparative*, *transports militaires*. *Accompagné d'un tableau comparatif sur les grandes lignes de fer*, *dont se formera le grand réseau européen* (.) *Avec une carte des chemins de fer de l'Europe*, *par* A. de Gonzenbach, *Ing-r*. *St. Pétersbourg*. *1847*. (Общая Картина нынѣшняго состоянія желѣзныхъ дорогъ и пароходства во всѣхъ странахъ Европы, *для употребленія путешественниковъ*, *коммерсантовъ*, *капиталистовъ*, *статистиковъ*, *военныхъ и инженеровъ*, *показывающая желѣзныя дороги въ Европѣ оконченныя*, *устроиваемыя*, *утвержденныя*, *дозволенныя къ устройству и проектированныя*, *съ означеніемъ ихъ и главныхъ станцій*, *длины*, *продолжительности переѣзда*, *цѣны мѣстъ*, *капиталовъ и цѣны акцій*, *ширины путей*, *переѣздовъ черезъ рѣки*, *каналы*, *горы и границы*; *укрѣпленныхъ городовъ и глав-*

ныхъ пунктовъ, куда ходятъ пароходы; цѣны за почтовыхъ лошадей и малль-посты въ Россіи; монетъ, мѣры и ихъ сравнительной цѣнности; военныхъ сообщеній. Съ прибавленіемъ сравнительной таблицы главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, которыя покроютъ своею сѣтью Европу. Съ картою желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ. Составлена инженеромъ фонъ-Гонценбахомъ). *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Гинце. 36 таблицъ въ 4-ю д. л. и литографированная карта на большомъ листѣ.*

Заглавіе такъ подробно означаетъ содержаніе этихъ таблицъ, что намъ остается прибавить только, что объясненія ихъ напечатаны не на одномъ французскомъ, но еще на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Выписывать разныя подробности о желѣзныхъ дорогахъ изъ таблицъ невозможно: надобно видѣть ихъ вполнѣ, чтобъ составить себѣ понятіе объ этой удивительной сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, которыя въ наше время преобразуютъ міръ, а не одну Европу.

28) Neues Deutsches ABC-Buch (,) *zum Gebrauch für kleine Kinder. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Глазунова. Въ 8-ю д. л.*

Азбука, неотличающаяся ничѣмъ отъ безчисленнаго множества подобныхъ произведеній, выходящихъ изъ-подъ станковъ нашихъ неутомимыхъ типографій. То же неизбѣжное изображеніе трудолюбивыхъ пчелъ на заглавномъ листкѣ; та же пребa различныхъ типографическихъ шрифтовъ и, въ заключеніе, тѣ же плохенькіе стишонки на послѣднихъ страничкахъ.

═

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Русскія пословицы, издаваемыя И. М. Снегиревымъ.

Между-тѣмъ, какъ В. И. Даль занимается въ Петербургѣ собраніемъ *русскихъ пословицъ*, въ Москвѣ И. М. Снегиревъ уже печатаетъ сводъ этихъ изреченій такъ-называемой народной мудрости. Хотя содержаніе обоихъ изданій, по-видимому одинаково; но г. Даль располагаетъ пословицы въ послѣдовательныхъ разрядахъ, а г. Снегиревъ по азбучному порядку, какому слѣдовали ученые нѣмецкіе паремiографы. Какъ гг. Снегиревъ и Даль почерпали изъ разныхъ источниковъ и въ разныхъ сторонахъ Россіи, то легко можетъ случиться, что одно изданіе будетъ дополненіемъ другому, слѣдовательно, не лишнее одно при другомъ. Предметъ этотъ столь многосложенъ и обиленъ, что трудно его исчерпать; довольно того, если сводъ пословицъ представится намъ въ возможно-полномъ и отчетливомъ видѣ, откроетъ довольно-много новаго, неизвѣстнаго и, вѣроятно, любопытнаго. Назадъ тому шестнадцать лѣтъ, г. Снегиревъ издалъ въ четырехъ томахъ сочиненіе: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, удостоенное преміею отъ Санктпетербургской Академіи Наукъ; теперь онъ издаетъ самый текстъ пословицъ, собранныхъ имъ въ-теченіе двухъ или трехъ десятилѣтій изъ лѣтописей, гравюръ и изъ устъ народа въ разныхъ россійскихъ губерніяхъ, по которымъ онъ путешествовалъ; сверхъ того, онъ входилъ по этому предмету въ переписку съ иногородными корреспондентами, сообщавшими ему мѣстныя пословицы. При изданіи текста онъ пользовался тремя рукописными сборниками XVII и начала XVIII вѣка; одинъ изъ нихъ — въ сборникѣ Симеона Полоцкаго, принадлежащемъ главному архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ въ предисловіи редакторъ пишетъ, что «онъ дерзнулъ малая отъ многихъ собрати во едино, ова писана издревле, «иныя, лѣтъ аки за сто или больше, «иная же на словахъ обносящаяся. Не «въ ново бо, ни нами начало пріятъ, «но стародавная живая, точію нынѣ во «едино собра, аще отъ иногихъ уже

«лѣтъ въ мірѣ утвердившася». Заглавіе этого собранія: *Повѣсти и пословицы всенароднѣйшія по алфавиту*. Изъ сказаннаго заключить можно, что первая редакція русскихъ пословицъ относится къ XVI вѣку. Но какъ время и мѣсто измѣняли форму пословицъ и притчей, то г. Снегиревъ подводитъ въ примѣчаніяхъ варіанты или разночтенія изъ древнихъ памятниковъ русской письменности, гдѣ встрѣчались ему пословицы,—также и изъ областныхъ; съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ паралельныя мѣста изъ св. писанія, изъ греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, славянскихъ и польскихъ пословицъ, сходныхъ съ русскими. *Поговорки* не входятъ въ составъ этого изданія. Не имѣя притязанія объяснить въ пословицахъ все, что̀ утратило смыслъ, что̀ принадлежало обществу, уже несуществующему, издатель часто ограничивался простымъ указаніемъ. Разумѣется, что подобный трудъ, невзвистый и неблестящій, требовалъ многихъ справокъ, изслѣдованій, терпѣнія и разборчивости; но въ отношеніи историческомъ и филологическомъ онъ необходимъ. Чтобъ видѣть разницу этого изданія съ полнымъ собраніемъ русскихъ пословицъ, изданнымъ г-мъ Д. К. въ С. Петербургѣ, 1822 года, довольно сказать, что у г. Снегирева только на первую букву 128 однѣхъ пословицъ, а у г-на Д. К. только 28 пословицъ и поговорокъ.

Представивъ въ алфавитномъ порядкѣ русскія пословицы и притчи, г. Снегиревъ заключаетъ обозрѣніемъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ; въ введеніи предложено будетъ о ихъ содержаніи, отношеніи, формѣ и литературѣ.

Въ теченіе шестнадцати лѣтъ собравъ много матеріаловъ для перваго сочиненія, которому предпосылается текстъ пословицъ, г. Снегиревъ по частямъ разработываетъ его и вновь пишетъ.

Какъ сочиненіе г Снегирева о *Русскихъ простонародныхъ праздникахъ и повѣрьяхъ*, въ четырехъ выпускахъ, частію распродано, частію осталось съ другими его книгами въ конкурсѣ послѣ смерти книгопродавца г. Ширяева, то г. Снегиревъ заботится о новомъ исправнѣйшемъ изданіи этого сочиненія, тѣмъ болѣе, что оно требуется.

Любители русской народности, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ трудовъ г. Снегирева.

—

Замѣтки на разборъ книги: «Босфоръ Киммерійскій» и пр., помѣщенный въ 1-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года.

Милостивый государь, А. А.

Пріймите усерднѣйшую благодарность мою за то, что чрезъ разборъ моего «Босфора Киммерійскаго», помѣщенный, въ «Отечественныхъ Запискахъ» вы познакомили съ нимъ многочисленныхъ своихъ читателей, и позвольте, для бо̀льшаго упроченія столь лестнаго для меня знакомства, сообщить вамъ по этому случаю нѣкоторыя мои замѣтки, тѣмъ болѣе, что до рѣдкихъ изъ читателей «Отеч. Записокъ» дойдетъ самая книга, какъ по ученому ея содержанію, такъ и по малому числу напечатанныхъ экземпляровъ; слѣдовательно, большинство ихъ должно оставаться только при томъ неопредѣленномъ мнѣніи о ней, какое первоначально получило.

Разборъ «Босфора Киммерійскаго» состоитъ: 1) изъ выписокъ слово-въслово изъ книги съ немногими измѣненіями и означеніями курсивомъ тѣхъ мѣстъ, которыя, вѣроятно, показались странными рецензенту, хотя онъ и не сказалъ о томъ, можетъ-быть, потому-что de gustibus non est disputandum, или по другой какой причинѣ; 2) изъ такихъ же выписокъ, но не отмѣченныхъ, либо сокращенныхъ, и 3) изъ собственныхъ мнѣній и выводовъ рецензента.

Разборъ начинается посвятительнымъ письмомъ (стр. 12). Оно списано почти все, кромѣ того, что вмѣсто словъ «то обращенная въ *торжество*

Генуэзцевъ», какъ въ подлинникѣ, здѣсь напечатано: «то обращаемая въ *поприще* Генуэзцевъ(,)». Эта корректорская ошибка, по мнѣнію моему, портитъ смыслъ, ибо рѣчь идетъ о завладѣніи Крымомъ отъ торговаго сословія Генуэзцевъ: какое же тутъ поприще? Знакъ запятой поставленъ излишне; онъ есть въ подлинникѣ, какъ и при словахъ «общій взглядъ». Слова: «мракъ могаммеданства, тяготѣвшій надъ главою Чатыръ дага», отмѣченныя курсивомъ, я нахожу правильными: они въ видѣ иперболы выражаютъ то невѣжественное состояніе жителей Крыма, въ которомъ они коснѣли до обладанія ими Россіею. Въ словахъ же «отдѣльная совокупность свѣдѣній», употребленіе первыхъ двухъ напечатанныхъ курсивомъ, оправдывается предъидущими и послѣдующими выраженіями. Вмѣсто словъ: «Мухаммеданъ» и «Мухаммеданство», я употребилъ «Могаммеданъ» и «Могаммеданство», признавая ихъ болѣе согласными съ арабскимъ ихъ произношеніемъ, чѣмъ первыя, и особенно «Магоммеданъ и Магоммеданство», употребленныхъ рецензентомъ, которыя столько же не правильны, какъ и прежнія «Магометъ и Магометанство». Всякому, сколько-нибудь знакомому съ именемъ этого лжепророка изъ восточныхъ писателей, извѣстно, что почти невозможно выразить его въ точности на русскомъ и всякомъ европейскомъ языкѣ, по недостатку тожественныхъ буквъ и знаковъ. Французы пишутъ это слово, хотя и близко къ правильному произношенію «Mouhammed», но первыя гласныя ихъ буквы не выражаютъ вполнѣ арабскаго знака, составляющаго нѣчто между нашими *о* и *ё*; буква же *h* могла быть употреблена и по недостатку у нихъ греческаго и нашего *х* и отъ-того, что этой буквы вовсе нѣтъ въ самомъ имени. Извините, что, кстати или не кстати, такъ много объ этомъ заговорился.

Далѣе слѣдуетъ у рецензента разсужденіе о невозможности въ настоящее время возсоздать по уцѣлѣвшимъ памятникамъ историческую жизнь Крыма. Раздѣляя болѣе или менѣе его мнѣніе, не могу согласиться только съ его миѳологическими легендами, повторяемыми будто-бы «нѣсколько десятковъ тысячелѣтій». Конечно, онъ не имѣлъ въ виду страннаго китайскаго счисленія, составляющаго 60,000 лѣтъ отъ сотворенія міра; а по нашему нынѣшній годъ есть только 7355; развѣ, вмѣсто тысячелѣтій, должно читать «столѣтій» (*). Поэзія тутъ неумѣстна! Орестъ и Пиладъ названы братьями Ифигеніи: «а они — ея братья». Братъ Ифигеніи былъ одинъ Орестъ, а Пиладъ только его другъ, и послѣ мужъ Ифигеніи, что можно видѣть и изъ помѣщеннаго за тѣмъ введенія къ разсматриваемой книгѣ, частію подлинникомъ и частію сокращенно, гдѣ въ началѣ втораго періода, послѣ слова «если», пропускъ частицы «бъ» дѣлаетъ смыслъ неполнымъ. О напечатанныхъ же и тутъ курсивомъ выраженіяхъ остаюсь при первомъ своемъ мнѣніи.

Рецензентъ все это заключаетъ выписками изъ книги неотмѣченными, или сокращенно изложенными, гдѣ нахожу нелишнимъ замѣтить, что къ числу 147 монетъ, изображенныхъ на VI таблицахъ, должно прибавить еще двѣ, помѣщенныя въ виньеткахъ, и что свѣдѣніе объ открытіи древностей и разрытіи кургановъ въ Крыму, вошедшія въ третью часть «Босфора Киммерійскаго», не всѣ вообще, а только нѣкоторыя, почерпнуты изъ другихъ сочиненій, указанныхъ по принадлежности; прочія же или собраны на мѣстѣ, или взяты съ неизданныхъ еще рукописей, что можно было видѣть (стр. 127) и въ самой разсматриваемой книгѣ.

Для пополненія сказаннаго рецензентомъ о цѣли сочиненія «Босфоръ Киммерійскій» (стр. 12 и 14) должно присовокупить, что авторъ имѣлъ еще въ виду и практическую цѣль, доставить средство хранителямъ и собира-

(*) Именно такъ. Это типографская ошибка. *Ред.*

телямъ босфорскихъ монетъ къ опредѣленію, какія изъ нихъ должно считать рѣдкими, по отношенію ихъ къ царямъ, которыхъ не открыто монетъ, или которыхъ всѣ извѣстные досёлѣ памятники не опредѣляютъ въ точности ихъ царствованій. Хотя эта цѣль и не вполнѣ еще достигнута по краткости времени и по неимѣнію въ рукахъ многихъ самаго сочиненія, по-крайней-мѣрѣ видимъ тому начало, въ полученномъ изъ Крыма (отъ г-на тайн. совѣт. А. И. Казначеева) собраніи монетъ. Онѣ открываютъ уже босфорскаго царя *Арсанеева*, досёлѣ неизвѣстнаго ни по исторіи, ни по монетамъ, и котораго имя несправедливо приписываемо было прежде *Фарсансесу*, также совершенно - утвержденному теперь новыми монетами. Подробности о всемъ этомъ изложены мною въ особой статьѣ.

Г. Спасскій.

—

Напечатанная въ прошломъ мѣсяцѣ, въ отдѣлѣ Критики «Отеч. Записокъ» статья о «Курсѣ Эстетики В. Гегеля», принадлежитъ не редакціи, но г-ну П. В., одному изъ постороннихъ литераторовъ, приславшихъ ее въ нашъ журналъ для напечатанія. Хотя это можно было бы замѣтить и изъ подстрочныхъ выносокъ, сдѣланныхъ при этой статьѣ редакціею и отмѣченныхъ буквами *Ред.*, но мы сочли нелишнимъ оговориться во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній.

—

Въ концѣ прошлаго мѣсяца мы были очень-удивлены появленіемъ книги, или, лучше, брошюры, подъ такимъ названіемъ: Библіотека Иностранныхъ Писателей о Россіи. *Отдѣленіе первое. Томъ второй. Сигизмунда Герберштейна (?). Часть первая.* Помнимъ мы, что лѣтъ десять назадъ, книгопродавецъ г. Калистратовъ предпринялъ изданіе «Библіотеки Иностранныхъ Писателей о Россіи», собралъ подписку на 12 томовъ, а выпустилъ одинъ томъ, и изданіе остановилось на первомъ томѣ. Теперь, когда уже всѣ забыли объ этой книгѣ, неожиданно является *томъ второй*, безъ всякихъ объясненій, кто издалъ этотъ томъ, служитъ ли онъ продолженіемъ изданія г. Калистратова, или составляетъ второй томъ какого-нибудь новаго изданія такой же «Библіотеки»,—ничего этого неизвѣстно; а между-тѣмъ спасибо тому, кто принялся за доброе дѣло: пусть смѣло издаютъ теперь иностранныхъ писателей о Россіи — такихъ, какъ Герберштейнъ, Олеарій, Флетчеръ и др. За успѣхъ подобныхъ изданій смѣло можно ручаться: именно *теперь* настала пора переводить ихъ и предлагать русской публикѣ, которая прочтетъ ихъ съ жадностью. Изданная нынѣ книжка есть только отрывокъ, *начало* «Записокъ о Московіи» Герберштейна—тетрадь, заключающая въ себѣ лишь первые восемь листовъ перевода цѣлаго сочиненія и оканчивающаяся словами: «шалаши изъ кустарниковъ, ко-», и только. Ясно, что издатель намѣревается продолжать печатаніе, чего отъ души желаемъ. Къ русскому тексту приложены два листа и латинскаго подлинника, помѣщенные на первыхъ 65 страницахъ русскаго перевода, такъ-что русскаго текста напечатано почти вдвое болѣе, нежели латинскаго. — Все это доказываетъ, что мы еще дождемся продолженія этой тетради, и тогда поговоримъ подробнѣе и о переводѣ и о значеніи сочиненія Герберштейна для русской исторіи.

—

Появилось *второе изданіе* «Сочиненій Озерова» въ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ», г. Смирдина. Вотъ что значитъ угадать потребность публики! Году еще нѣтъ, какъ г. Смирдинъ предпринялъ это прекрасное и дешевое изданіе—и вотъ уже долженъ былъ напечатать во второй разъ первый его выпускъ. Душевно рады такому заслуженному успѣху! —На дняхъ вышелъ и второй томъ *Сочиненій Державина* въ томъ же «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторовъ».

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Преобладаніе историческаго направленія въ французской литературѣ выразилось вполнѣ въ сочиненіяхъ послѣдняго времени. Большая часть этихъ сочиненій относится къ поясненію двухъ эпохъ западной жизни: революціи и реформаціи. По-этому мы постараемся теперь сгруппировать въ этихъ двухъ пунктахъ главныя явленія французской литературы.

Обратимся къ эпохѣ революціи и начнемъ XVIII вѣкомъ, для поясненія котораго вышло чрезвычайно-важное сочиненіе, именно:

Histoire philosophique *du règne de Louis XV par* le comte de Tocqueville. (Философская Исторія *царствованія Лудовика XV*, графа Токвилля).

Долгое, очень-долгое царствованіе Лудовика XIV такъ прискучило Франціи своими побѣдами, которыя стоили много денегъ, и своимъ блескомъ, поглощавшимъ личность націи, что при самой смерти великаго короля народъ уже громко роптал и на умершаго и на мадамъ Ментенонъ. Этотъ ропотъ, это неудовольствіе были многозначительны; они направились противъ расточительности и блеска двора, противъ царства наперсниковъ и наперсницъ королевскихъ, противъ фанатическаго духовенства. Мнѣніе общественное, долгое время подавленное безмолвнымъ удивленіемъ, наконецъ проснулось; имѣя случай цѣлые полвѣка наблюдать величіе и его недостатки, оно запаслось опытностью и выступило на сцену, которую уже никогда не покидало. Вся исторія Лудовика XV — не что иное, какъ постоянное развитіе этого общественнаго мнѣнія во Франціи до самаго восшествія на престолъ Лудовика XVI. Графъ Токвилль понялъ эту истину и, не обращая преимущественно вниманія на однѣ дипломатическія или военныя дѣйствія, исключительно хотѣлъ показать ходъ идей, ихъ рожденіе, развитіе и водвореніе въ государствѣ. — Эта сторона сочиненія отличается многими достоинствами, за то другая, оцѣнка идей, его сужденія собственныя — не всегда справедливы. Впрочемъ, не одинъ Токвилль впалъ въ погрѣшности, произносясудъ надъ XVIII столѣтіемъ; это такая эпоха, надъ которою до настоящаго времени изрекаются приговоры самые разнородные, самые пристрастные; она такъ близка къ намъ, что ее не могутъ оцѣнять хладнокровно и вдаются въ самыя ожесточенныя распри. Многіе историки согласятся въ мнѣніяхъ на-счетъ эпохи Карла-Великаго, Фридриха-Барбарусссы или св. Лудовика, но укажите намъ на двухъ французскихъ писателей, которые представили бы въ одинаковомъ цвѣтѣ XVIII-й и даже XVI-й вѣкъ? Причина заключается въ положеніи общества, измѣнившаго своимъ вѣрованіямъ въ авторитеты. Пока люди не имѣютъ собственнаго сознанія, пока они не имѣютъ довѣрія къ своему образованію и своимъ силамъ, — они слѣпо идутъ за тѣмъ началомъ, которое поставлено

во главу ихъ жизни, и сама исторія должна быть однообразнѣе, проще, слѣдовательно, удобопостижимѣе; но возьмите другое общество, которое перестало вѣрить людямъ на слово, которое усомнилось въ авторитетѣ, которое, сознавъ себя и получивъ довѣріе къ своимъ силамъ, слѣдовательно, одушевившись сознаніемъ, двинется впередъ,—возьмите такое общество и попробуйте схватить всѣ оттѣнки его движеній, его волненія, надежды, сомнѣнія: вы увидите, какъ вашъ горизонтъ будетъ все больше-и-больше расширяться, какъ многосторонни будутъ дѣлаться явленія по-видимому неважныя, какъ вы будете схватывать одну сторону факта и упускать изъ вида другую, какъ, наконецъ, сами будете дѣлаться односторонними,—а все отъ-того, что сама эпоха слишкомъ переполнена жизнью, что и жизнь эта будетъ являться въ мильйонахъ новыхъ оттѣнковъ, до того времени неизвѣстныхъ и легко-ускользающихъ отъ наблюдателя. И вотъ вы, человѣкъ, рѣшившійся написать безпристрастную исторію такого-то вѣка, становитесь одностороннимъ, слѣдовательно, и пристрастнымъ. До Лютера, въ исторіи европейской было гораздо-больше однообразія: авторитетъ разныхъ родовъ былъ господствующимъ началомъ жизни, и массами народа болѣе двигалъ инстинктъ, нежели полное самообладаніе мысли. Со временъ Лютера, исторія западныхъ государствъ получаетъ другой характеръ: народы начинаютъ оцѣнять тѣ идеи, которыя должны двигать ихъ жизнію; однѣ изъ нихъ они отвергаютъ, другимъ слѣдуютъ, однѣ признаютъ согласными съ духомъ евангелія, въ другихъ видятъ противоположность съ разумною природою человѣка — и вотъ образуется *мнѣніе*, начало, дающее другой оборотъ дѣлу.

Чтобъ лучше удостовѣриться, что мнѣніе общественное и разумъ не переставали быть спутниками другъ друга, и что они себя взаимно поддерживаютъ,—посмотрите на факты. Едва протестанты представили публично основанія своихъ вѣрованій въ Аугсбургѣ, уже Монтень, нѣсколько разъ потомъ повторенный Паскалемъ, воскликнулъ: «мнѣніе есть властитель міра». Это слово содержало въ себѣ всю будущность запада. Гасконскій философъ показалъ самъ примѣръ новаго владычества идей, которыхъ испугался католицизмъ; эти идеи, имъ высказанныя, заключали въ себѣ много ереси, потому-что шли по прямой линіи отъ Эпикура и Люціана, — однакожь ихъ читали съ большимъ удовольствіемъ, даже въ то время, когда католики и кальвинисты рѣзали другъ друга безпощадно; этими идеями образовался рядъ новыхъ философовъ, кончившихся Вольтеромъ въ XVIII столѣтіи.

Смѣлость мыслителей, которыхъ поднялъ XVI вѣкъ, ихъ насмѣшки, ихъ энергическія требованія, успѣхъ, котораго они достигли, невольно заставляютъ остановиться надъ XVII вѣкомъ, когда свобода мнѣній во Франціи какъ-будто затихла. Но въ XVI и XVIII вѣкѣ вы найдете много общаго; Вольтеръ наслѣдовалъ сарказмъ Раблѐ и поэтическій, беззаботный скептицизмъ Монтеня. Сколько аналогіи между политическими идеями Бодена и Монтескьё, между догматизмомъ Кальвина и Жанъ-Жакомъ Руссо, между колкими сатирами Эразма Роттердамскаго и Бомаршѐ! Мечты Боэти и Шаррона напоминаютъ Мабли и Кондорсѐ. Утописты XVIII вѣка припоминаютъ намъ Томаса Мура и заносчивыхъ сектаторовъ, порожденныхъ реформою. Въ-самомъ-дѣлѣ, сходства въ мірѣ нравственномъ и умственномъ между этими вѣками чрезвычайно-много, и однакожь ихъ отдѣляетъ другъ отъ друга, во Франціи, цѣлый міръ—Лудовикъ XIV и Ришльё! XVI и XVIII вѣкъ напоминаютъ огромныя озера Центральной-Азіи, соединенныя между собою подъ землею и имѣющія одинъ общій источникъ. Эти вѣка отдѣлены между собою такимъ царствованіемъ, въ которомъ сомнѣніе [illegible]

малю успѣховъ, когда царствовали единство и порядокъ, когда власть королевская достигла своего апогея и не встрѣчала препятствій, когда религія была окружена глубокимъ уваженіемъ. Литература носила тотъ же отпечатокъ: Лудовикъ XIV *eloquentiam sicut omnia pacavit;* на литературу низошло вожделѣнное спокойствіе... Но посреди этой продолжительной литературной тишины образовывались люди, которые должны были продолжать дѣло, начатое XVI столѣтіемъ. Духъ испытанія и сомнѣнія существовалъ, хотя и не проявлялся въ рѣзкихъ чертахъ; онъ собиралъ новыя доказательства и съ любовію вслушивался въ сатирическія выходки Лабрюйера и Буалô, любилъ поученія Паскаля и здравый умъ Мольера... Какъ-только Лудовикъ XIV умеръ, общественное мнѣніе снова выступило на сцену, высказало свои неудовольствія и взялось за продолженіе драмы, начатой Лютеромъ, Монтенемъ и Раблè.

Время регентства съ самаго начала доказало быстрый разрывъ съ прошедшимъ; всѣ вещи получили новый видъ – и положеніе парламента, и политика регента, и его частное поведеніе, и сильный развратъ, появившійся въ публикѣ, и вновь-возникшія мнѣнія. Все это было ново и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлено, потому-что духъ испытанія существовалъ и никогда не былъ побѣжденъ, не смотря на всѣ старанія сдержать и умѣрить его. Какъ при Лудовикѣ XIV появилась школа публицистовъ, старавшаяся поддержать и философски доказать необходимость чистой монархіи, такъ послѣ его смерти явились мыслители, которые, хотя робко, старались высказать нѣсколько словъ, противорѣчившихъ великимъ писателямъ XVII вѣка. Уже начинали опасаться этого духа изъисканія, потому-что брали противъ него предосторожности. Такимъ-образомъ, Байль, человѣкъ рожденный для философіи и философствовавшій всю свою жизнь о всѣхъ предметахъ, долженъ былъ удалиться въ Голландію. Литераторы того времени, исключительно жившіе въ области воображенія, которыхъ любилъ самъ Лудовикъ XIV, нерѣдко спотыкались и компрометтировали себя въ глазахъ короля, когда имъ случалось удаляться изъ круга изящной литературы того времени и соприкоснуться съ вещами міра сего; доказательствомъ тому Лафонтенъ, бросившій нѣсколько меткихъ стрѣлъ, которыя ему никогда не могъ простить дворъ; Сен-Эвремонъ долженъ былъ ѣхать въ Англію и тамъ кончить дни свои; даже нѣжный Расинъ навлекъ на себя подозрѣніе, потому-что ему случилось, къ-несчастію, одинъ разъ сжалиться надъ участью бѣднаго класса людей и спросить: не-уже-ли нѣтъ никакихъ средствъ помочь этимъ несчастнымъ? Фенелонъ попалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора за то, что въ своемъ «Телемакѣ» нарисовалъ нѣсколько портретовъ, показавшихся сатирами. Лудовикъ XIV-й, по смерти герцога Бургонскаго, тщательно собралъ всѣ манускрипты Фенелона, которые хранилъ воспитанникъ, и сжегъ ихъ. Лудовикъ XIV имѣлъ въ свою пользу всю великую литературу; однакожь за этой классической областью, которая не могла пережить его царствованія, скрывалась другая литература, менѣе важная, но полная великихъ результатовъ. Ей въ будущемъ предстояло первенство во Франціи; Фонтенель, смѣявшійся и надъ Римомъ и надъ Женевой, приготовлялъ дорогу Вольтеру и былъ тотъ же Вольтеръ, только въ уменьшенномъ видѣ; аббатъ де-Сен-Пьеръ называлъ Лудовика XIV великимъ дитятей и посмѣивался надъ его администраціей; Вобанъ находилъ положеніе Франціи недостаточнымъ, а исполнителей власти безчеловѣчными. Критика смѣнила восторгъ; вдругъ по смерти короля, она появилась въ области политики и общественнаго хозяйства; едва Лудовикъ XIV былъ погребенъ въ Сен-Дени, она уже продолжала свой путь. Летелье, недавно еще столь страшный,

былъ уже въ изгнаніи, а мадамъ Ментенонъ пала навсегда; дворъ сбросилъ съ себя маску религіозности, которую носилъ до того времени, толпа съ жадностью бросилась на творенія Байля и ходила въ церковь слушать только Массильйона, который торжественно провозглашалъ: «Всякая власть происходитъ отъ Бога и установлена для пользы людей. Великіе земли были бы безполезны, еслибъ не существовало бѣдныхъ и несчастныхъ; первые обязаны своимъ возвышеніемъ нуждамъ общественнымъ и не народъ созданъ для нихъ, но они сами живутъ для народа. Народъ даетъ имъ право приближаться къ трону, воздвигнутому для блага подданныхъ. Властители земные – тотъ же народъ».

Самый характеръ регента чрезвычайно-замѣчателенъ. Этотъ человѣкъ, въ угоду публикѣ, явно отказался отъ всѣхъ привычекъ и повѣрій предшествующаго царствованія, былъ развратенъ и кощунствовалъ вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ; онъ былъ свой между народомъ и не отдѣлялъ себя отъ него неприступною стѣною. Вмѣстѣ съ этимъ онъ ошибался во всѣхъ требованіяхъ времени и положеніи Франціи, не зналъ истинной политики внѣшней, а внутри государства бросилъ начало дискредита къ власти, потому-что ничего не уважалъ и вѣрилъ одному началу *divide et impera.* Но самое замѣчательное явленіе въ правленіе регента — появленіе системы Лò, «иностранца, одареннаго «умомъ необычайнымъ, краснорѣчі«емъ увлекательнымъ, владѣвшаго ис«кусствомъ дѣлать ясными самыя су«хія выкладки финансовыя и прида«вать своимъ планамъ убѣдительность «и вѣроятность успѣха».—Такъ говоритъ о Лò гр. Токвилль, хотя онъ и не приписалъ его системѣ всей той важности, которую она имѣла. Мнѣніе общественное было поражено въ самое сердце этимъ иностранцемъ. Онъ говорилъ, что «высокое титло даетъ «право только воспользоваться деньга«ми для наслажденій и удовлетворенія «потребностямъ; но употребленіе де«негъ принадлежитъ всѣмъ согражда«намъ, и нельзя лишить гражданъ этого «права не нарушивъ справедливости и «не совершивъ государственнаго пре«ступленія». Этими словами возстановлялось царство труда, и первое мѣсто въ быту гражданскомъ указано промышлености. Но Лò явился во Франціи преждевременно: онъ проповѣдывалъ свое ученіе, когда еще не имѣли понятія о кредитѣ и не могли сдѣлать въ государствѣ твердыхъ опоръ для него; поэтому, начала, высказанныя Лò, измѣнялись на практикѣ. Между-тѣмъ, характеристическая черта XVIII вѣка заключается именно въ томъ, что это былъ вѣкъ, жаждавшій перемѣнъ и прогресса, что въ этотъ вѣкъ забывали правила благоразумія, когда видѣли впереди увлекательную новизну. Хотѣли лучше дѣйствовать безразсудно и идти впередъ, нежели быть благоразумными и оставаться неподвижно на одномъ мѣстѣ, и потому народъ кричалъ: «да здравствуетъ король и монсеньёръ Лò!»

Много упрековъ дѣлали этому удивительному человѣку, искавшему приключеній и дѣятельности во всѣхъ главныхъ торговыхъ городахъ Европы: въ Лондонѣ, Амстердамѣ, Генуѣ, Венеціи. Онъ остановился на Парижѣ и предложилъ регенту свою систему. Какъ ни была несовершенна эта система, однакожь не осталась безплодною для Франціи и много способствовала къ сближенію классовъ народа. Высшій и средній классы за одно ринулись въ спекуляціи, и начало *почета*, которое Монтескьё положилъ во главу монархіи и которое должно было поддерживать дворянство, выплыло изъ этого омута съ новыми оттѣнками и пострадало сильно. Гр. Токвилль говоритъ: «Дворянство этой эпо«хи погрѣшило противъ своего прин«ципа, предавшись необузданной жад«ности, развитой системою. Оно пере«стало внушать къ себѣ уваженіе, по«тому-что находило недостаточнымъ «одно родовое достоинство; оно хотѣ-

«ло имѣть вѣсъ денежный: отъ этого «произошло весьма-значительное и «глубокое измѣненіе въ нравахъ. Бо«гатство начали уважать наравнѣ съ «породою. Между вельможами и про«стымъ классомъ народа было много «общаго».

Это нравственное паденіе дворянства не осталось безъ послѣдствій. Хотѣли помочь злу, но кàкъ ему помочь?

Періодъ между 1745 и 1764 годами, есть эпоха, въ которую мадамъ Помпадуръ была опекуншей надъ Лудовикомъ XV, эпоха вмѣстѣ и самая несчастная и самая замѣчательная въ исторіи Франціи потому-что она переполнена контрастами. Съ одной стороны, Франція терпитъ пораженія во всѣхъ частяхъ свѣта и теряетъ свои колоніи, морскія силы, арміи, славу и уваженіе; съ другой стороны, внутри этой самой державы, возникаетъ общество мыслителей, которыхъ идеи вознаграждаютъ за матеріальныя потери и одерживаютъ побѣды, которымъ границы опредѣлить трудно. Въ то время, какъ высшіе классы забываютъ всѣ приличія, появляются «Discours sur l'inégalité des conditions» (Разсужденіе о неравенствѣ состояній), «La Nouvelle Heloise» и «l'Esprit des lois».

Въ правленіе мадамъ Помпадуръ совершается новое движеніе умовъ. Сочиненія, вышедшія въ это время, были проникнуты не одними насмѣшками и скептицизмомъ: они были замѣчательны своимъ краснорѣчіемъ, оживленіемъ, горечью чувства, догматическимъ изложеніемъ принциповъ. Это было явленіе новое; мнѣніе общественное, значитъ, подвергалось еще измѣненію. Государство ушло отъ періода эпикурейскихъ любезностей, остротъ и блестящихъ собраній, въ которыхъ красовались Шолье, Лафаръ, Нинонъ Анкло, Шатобріанъ. Не должно упускать изъ вида и этого факта. Насмѣшка логически предшествуетъ болѣе-серьёзнымъ изъисканіямъ. Умъ человѣческій сперва шутилъ и насмѣхался, потомъ увлекся, проникся страстію, и наконецъ уже получилъ характеръ догматическій. Читайте Раблѐ, и вы увидите, посреди неисчерпаемаго плутовства этого циническаго философа, перечень всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетворенія требовалъ умъ. Послѣ Раблѐ насмѣшка была долго въ модѣ; еще Монтескьё шутилъ, когда издавалъ свои «Персидскія Письма»; но эта шутовская оболочка, которою Рабле́ одѣлъ Пантагрюеля и Панюржа, которою Фонтенель прикрылъ Меро и Енегю, которою, наконецъ, Монтескьё украсилъ Персіянъ, — должна же была пасть, и пала, когда явился Руссо, Монтескьё (съ своимъ сочиненіемъ «Духъ Законовъ»), Мабли, Даламберъ, Кондорсé; они были уже догматики.

Самое положеніе мадамъ Помпадуръ, мѣщанки, сдѣлавшейся повелительницей Франціи, много содѣйствовало ходу и развитію философіи. Надъ ея низкимъ происхожденіемъ смѣялись въ высшемъ обществѣ; она хотѣла отмстить аристократіи и пристала къ партіи философской, отъ которой Лудовикъ XV благоразумно уклонялся. Такимъ-образомъ всѣ древніе оплоты монархіи разрушились: она была подкопана со всѣхъ сторонъ. И могло ли быть иначе, когда самые сильные умы восстали противъ нея, когда правила философовъ проникли во всѣ классы общества, когда усиліямъ писателей апплодировала вся Европа и даже монархи? Одинъ Лудовикъ XV оставался нечувствителенъ къ ихъ соблазнамъ и успѣхамъ, постоянно враждовалъ съ ихъ намѣреніями и дѣлалъ имъ гораздо-больше помѣхи, нежели обыкновенно думаютъ. Инстинктъ запрещалъ ему вѣрить словамъ Вольтера, который называлъ его своимъ Траяномъ и превозносилъ предъ нимъ благодѣянія, долженствовавшія возникнуть отъ союза короля съ философами. Инстинктъ, напротивъ, говорилъ ему, что эта самая толпа мыслителей были страшные враги его, потому-что ихъ анализъ искалъ источника всѣхъ причинъ. Поэтому-то онъ не оказывалъ

дить ни малѣйшей благосклонности и постоянно насмѣхался надъ придворными, ѣздившими въ Англію учиться мыслить. Изъ всѣхъ писателей онъ любилъ одного Кене́, отца экономистовъ, потому-что Кене́ мечталъ о возвращеніи патріархальнаго состоянія общества. Но король очень-хорошо зналъ, что эта мечта не имѣла за собою большинства во Франціи. Лудовикъ XV не любилъ средняго сословія и не довѣрялъ людямъ, которые трудились и съ каждымъ днемъ обогащались, просвѣщались и дѣлались все болѣе-и-болѣе гордыми. Гдѣ же средній классъ находилъ свою опору? Посреди парламентовъ, янсенистовъ, философовъ и литераторовъ. Поэтому Лудовикъ XV объявилъ всѣмъ имъ непримиримую войну. Онъ отнялъ у парламентовъ право дѣлать представленія, янсенистовъ подчинилъ власти папы, жегъ книги философовъ, сажалъ въ тюрьмы литераторовъ. Эта война продолжалась около 50 лѣтъ, и настойчивость, съ которою дѣйствовало правительство, показываетъ, что опасность положенія была ему хорошо извѣстна, что если у Лудовика XV было менѣе настойчивости и величія, нежели у его предшественника, за то его дѣйствія были болѣе-логичны: фактъ этотъ — постоянная борьба съ послѣдствіями, которыя вытекали отъ знаменитой деклараціи французскаго духовенства, основавшей свободу галликанской церкви. Все его царствованіе было постояннымъ протестомъ противъ акта 1682 года. Катонъ древній не желалъ усерднѣе разрушенія Карѳагена, — и очевидно, что, смотря на этотъ актъ со стороны выгодъ королевской власти, Боссюэтъ заставилъ Лудовика XIV сдѣлать большую ошибку, уговоривъ его утвердить декларацію. Тутъ была реформа, положившая правила авторитету, котораго сѣдалищемъ и источникомъ, по древнимъ преданіямъ, былъ Римъ. Слѣдовательно, авторитетъ — этотъ великій принципъ прежней жизни, былъ боленъ, и его нужно было спасать! Не было ли это ошибкой со стороны правительства, пришедшаго въ міръ послѣ Лютера и Кальвина? Оно ослабляло тотъ принципъ, въ которомъ само имѣло нужду и опору! Эту ошибку понялъ Лудовикъ XV и старался поправить ее съ такою энергіей, какой онъ по-видимому не имѣлъ въ другихъ дѣлахъ. Но онъ скоро увидѣлъ, что янсенисты были фанатики, парламенты несговорчивы, философы вооружены отъ начала до конца всѣми своими сочиненіями; тутъ оставалось уже спасать не авторитетъ въ церкви, а авторитетъ въ государствѣ, и онъ, видя свое собственное безсиліе, воскликнулъ: «Послѣ меня — потопъ!»

Не могли ли по-крайней-мѣрѣ побѣды дипломатическія и блескъ оружія заглушить внутреннюю тревогу общества? Но кому ихъ было одерживать? Люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ и считавшіе въ своихъ рядахъ въ-теченіе цѣлаго столѣтія много именъ знаменитыхъ, были по разсчету удалены отъ высшихъ должностей, а, къ довершенію несчастія, благородное дворянство, на которое возложены были эти обязанности, выполняя ихъ, доказывало только свою неспособность. Какое-то разслабленіе напало на аристократію, которую хотѣли поднять какъ-можно-выше и которая только безславила себя въ политикѣ. И все это было въ ту эпоху, когда Фридрихъ-Великій, Екатерина-Великая и Марія-Терезія со славою управляли тремя могущественными государствами Европы. Во Франціи въ это время дворянство, духовенство и королевская власть были въ совершенномъ упадкѣ...

Вліяніе Англіи на Францію неоспоримо; но броженіе умовъ и ходъ вещей были такъ быстры во Франціи, что въ 1791 году уже сама Англія вмѣстѣ съ остальною Европою испугалась быстрыхъ успѣховъ французскаго общества. Сравните начала, принесенныя изъ Англіи, съ ученіемъ французскихъ философовъ, и вы увидите причину такого испуга. На одной

сторонѣ пролива допускалась тогда, какъ и теперь допускается, разница между Норманнами и Саксонцами, — двѣ касты, привилегіи и господствующая религія; на другой сторонѣ того же пролива требовали уничтоженія государственнаго значенія церкви, различія между Франками и Галлами, уничтоженія привилегій и различій общественныхъ. Тамъ законъ искалъ оправданія въ пользѣ и опытности, здѣсь онъ основывался на теоретическомъ началѣ правъ и обязанностей. Въ Англіи, странѣ торговой аристократіи, искали союза древнихъ преданій съ настоящею пользою, союза старинныхъ формъ съ полезными нововведеніями; на материкѣ философы и публицисты гордились тѣмъ, что они признавали справедливыми только тѣ старинныя формы, которыя согласовались съ началами права естественнаго и говорили, по ихъ понятію, въ пользу всего человѣчества. Разница огромная! И по-этому-то не удивителенъ совершенно-иной видъ, который приняла французская революція въ самомъ началѣ, и то огромное разстояніе, которое сущесвуетъ между *объявленіемъ правъ человѣка* и *билемъ правъ*: одинъ изъ этихъ актовъ имѣетъ характеръ мѣстный, другой всеобщій...

Отъ этого-то гр. Токвилль говоритъ, что вся философія этой эпохи — не что иное, какъ нечестіе, по-временамъ то своевольное, то насмѣшливое, то догматическое, которое привело наконецъ людей къ нравственному разслабленію, признаку паденія государствъ. Эта философія испортила душу матеріализмомъ и породила эгоизмъ, кончившійся великою катастрофой. Катастрофа эта была порождена, слѣдовательно, не мгновенно, но подготовлялась долго и разнородными причинами, которыя прекрасно описалъ гр. Токвилль въ своемъ сочиненіи. Не изучая внимательно царствованія Лудовика XV, до настоящаго времени не знали, съ какими огромными усиліями цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ подготовлялся мало-по-малу этотъ переворотъ и распаденіе общества. Его подготовляли и высшіе круги общества, гдѣ разсуждали о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые старались разрѣшить философы, и средній классъ народа, съ жадностью читавшій памфлеты на іезуитовъ и отомщавшій права парламента. Припомнимъ, что въ послѣдніе годы своего царствованія еще Лудовикъ XIV произнесъ такую фразу: «Въ то время, когда я былъ королемъ...»

Графъ Токвилль, написавшій эту исторію царствованія Лудовика XV, — тотъ самый графъ Токвилль, который въ 1793 году, вмѣстѣ съ Мальзэрбомъ, съ президентомъ Розанбо и Шатобріаномъ былъ посаженъ въ тюрьму. Изъ нея вышли только Розанбо и Токвилль; остальные пали на гильйотинѣ. Впечатлѣніе 1793 года не могло изгладиться изъ его памяти. Какъ человѣкъ благородный и полный христіанской кротости, онъ не можетъ понять, зачѣмъ нужна была кровь невинныхъ за грѣхи другихъ. Какъ истинный христіанинъ, въ своихъ ближнихъ онъ видитъ друзей и дѣтей единаго Бога; какъ роялистъ, онъ хочетъ, чтобъ королевская власть носила печать благородства и нравственной чистоты на всѣхъ своихъ поступкахъ, и поэтому онъ столько же строгъ къ королямъ, сколько убѣжденъ въ необходимости власти королевской.

Разсказъ графа Токвилля увлекателенъ. Его сочиненіе есть какъ-бы введеніе ко многимъ вновь вышедшимъ исторіямъ революціи. Вообще періодъ революціи нынѣче сильно занимаетъ французскихъ ученыхъ и литераторовъ, и лучшія сочиненія принадлежатъ этому вопросу. Но прежде, нежели скажемъ о самыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ продолжается драма, начатая въ исторіи графа Токвилля, упомянемъ объ огромномъ предпріятіи, недавно оконченномъ, предпріятіи, которое должно составить фундаментъ всѣхъ этихъ сочиненій и служить пробнымъ камнемъ для ихъ оцѣнки: это Reimpression de l'an-

сien Moniteur, *seule histoire authentique et inaltérée de la révolution française, depuis la reunion des états-géneraux jusqu'au consulat (1789—1800)* (Новое изданіе прежняго Монитёра, *единственно достовѣрной и неиспорченной исторіи французской революціи, отъ собранія генеральныхъ штатовъ до консульства (1789—1800 г.) 32 тома, въ 8-ю д. л.*).—Вновь вышедшія исторіи Ламартина, Мишлѐ, Луи Блана, даютъ этому огромному труду интересъ современности. Конечно, нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ французская революція выразилась бы полнѣе, достовѣрнѣе, какъ въ этомъ зеркалѣ: въ немъ она отражалась деньза-день, даже каждый часъ. Это собраніе находилось до настоящаго времени только въ рѣдкихъ библіотекахъ, теперь оно дѣлается доступнымъ многимъ. Издатели говорятъ, что при этомъ перепечатываніи «Монитёра» они считали обязанностью и необходимостью передать прежній «Монитёръ» во всей его подробности и точности. Литература, поэзія, театральныя аффиши, объявленія — все здѣсь включено, потому-что между мелочами есть подробности, по-видимому незначительныя, но которыя наблюдательному глазу могутъ казаться важными и послужить къ начертанію полной картины нравовъ историку, философу и романисту. Впрочемъ, не должно думать, говорятъ издатели, чтобъ «Монитёръ» былъ наполненъ такими же пошлостями, къ которымъ прибѣгаютъ газеты новѣйшаго времени: важныя событія наполняли столбцы его, и вся хроника его есть исторія. Дѣла разрушенія и возсозданія общественнаго, парламентскіе споры, страсти, волновавшія трибуну, схватки на улицахъ, сраженія на границахъ государства, на Рейнѣ, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Египтѣ, въ Вандеѣ, труды законодательные, донесенія комитетовъ, дипломація, стратегія, морскія силы, финансы, администрація, движеніе науки, развитіе литературное— все здѣсь есть... Всякій можетъ присутствовать при великой драмѣ, которая отпечатлѣвалась въ «Монитёрѣ» со всѣми своими страстями.

Histoire des Girondins, *par M.* A. de Lamartine (Исторія Жирондистовъ А. Ламартина. *8 том. въ 8-ю д. л.*). — Исторія Жирондистовъ есть только эпизодъ изъ исторіи французской революціи. Сочиненіе г. Ламартина начинается смертью Мирабб̀о и кончается паденіемъ жирондистовъ. Самъ Ламартинъ говоритъ о своемъ сочиненіи, что его книга не имѣетъ претензіи быть исключительно исторіей: она нѣчто среднее между исторіею и мемуарами. Происшествія играютъ въ ней второстепенную роль; первую занимаютъ люди и идеи. Въ ней много самыхъ сокровенныхъ подробностей; частности составляютъ физіономію характеровъ; эти частности врѣзываютъ характеры въ воображеніе. «Великіе писатели (говоритъ г. Ламартинъ) писали исторію этой великой эпохи; многіе вскорѣ еще напишутъ. Но кто будетъ сравнивать исторію Жирондистовъ съ ихъ Исторіями, тотъ поступитъ несправедливо. Они написали или напишутъ исторію цѣлаго столѣтія, я же старался набросать очерки одной группы людей и нѣсколькихъ мѣсяцовъ революціи.»

Эти очерки, должны мы сказать, имѣютъ важность исторіи, а во многихъ случаяхъ переходятъ ея границы. Ламартинъ является въ своемъ новомъ сочиненіи какъ историкъ, какъ философъ, какъ государственный мужъ, біографъ, поэтъ и романистъ. Еслибъ его очерки имѣли претензію быть исторіей, то ей бы можно было сдѣлать много упрековъ за пропуски, повторенія, длинноты и изъисканный языкъ. Но слово *очерки* оправдываетъ и извиняетъ многое. Оригинальность и увлекательность этого сочиненія составляютъ многочисленные портреты знаменитыхъ людей, которые Ламартинъ мастеръ рисовать. Описаніе этихъ лицъ, ихъ обращенія, манеры, разсказъ о ихъ жизни во всей подробности, о

ихъ привычкахъ и даже тайнахъ сердца, анализъ характеровъ, оцѣнка ролей, которыя они играли — все это сдѣлано съ великимъ искусствомъ и наблюдательностію художника. Въ этомъ отношеніи, Ламартинъ не имѣетъ еще пока соперниковъ. Въ числѣ главныхъ портретовъ интересной его галереи упомянемъ Мирабо, Лудовика XVI-го, Марію-Антуанету, Робеспьера, Лафайета, Барнава, Вольтера, Верньйо, мадамъ Сталь, мадамъ Роланъ, Бриссо, Дантона, Камилля Демулена, Дюмурьѐ, принца Орлеанскаго, Барбару и другихъ. Но языкъ Ламартина выигралъ бы гораздо-больше, еслибъ онъ былъ проще, прозаичнѣе и естественнѣе; изъисканность утомляетъ умъ, а маркизъ Ламартинъ неутомимъ въ изъисканномъ краснорѣчіи. Впрочемъ, автору «Meditations», можетъ-быть, трудно избавиться отъ многословія и напыщенности, которыя такъ монотонно царствовали въ его поэтическихъ произведеніяхъ, и къ которымъ часто принуждала его поддѣльная муза. Въ-отношеніи къ содержанію, «Исторія Жирондистовъ» гораздо-выше всѣхъ прежнихъ произведеній маркиза, и это очень-естественно, потому-что онъ измѣнилъ свой прежній образъ мыслей, несообразный съ настоящимъ ходомъ идей и запоздалый для политическаго развитія Франціи. Это превращеніе изъ плохаго поэта въ одного изъ благороднѣйшихъ государственныхъ людей настоящей Франціи приноситъ вдвойнѣ честь Ламартину, потому-что онъ увидѣлъ, кажется, тщету своего перваго направленія и потому-что съумѣлъ отказаться отъ многихъ принциповъ, несвойственныхъ нашему вѣку и совладѣлъ съ врожденною наклонностью къ этимъ принципамъ.

О двухъ другихъ сочиненіяхъ, которыя также имѣютъ предметомъ французскую революцію и которыхъ вышли только первыя части, именно: ***Histoire de la Revolution Française*** Луи Блана, и ***Histoire de la Revolution Française*** Мишлѐ, мы поговоримъ тогда, когда каждаго изъ нихъ выйдетъ по нѣскольку частей, ибо по первымъ ничего нельзя сказать о нихъ. Эти первыя части похожи на «введеніе», въ которомъ обозначается только направленіе ихъ авторовъ, уже извѣстное нашимъ читателямъ.

Mémoires de Claude-Victor Perrin, *duc de Bellune, pair et maréchal de France, mis en ordre par son fils aîné*, Victor-François Perrin, duc de Bellune (Записки Виктора, *герцога Бельлюнскаго, пэра и маршала Франціи, приведенныя въ порядокъ старшимъ сыномъ его* Франсуа, герцогомъ Бельлюнскимъ).

Объявлено, что мемуары эти будутъ состоять изъ девяти томовъ, и что къ нимъ будетъ приложено семь частей подлинныхъ документовъ. Объявленіе возбудило интересъ въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что записки эти принадлежатъ одному изъ замѣчательныхъ лицъ конца прошедшаго столѣтія. Но при чтеніи перваго тома уже оказалось, что многое въ немъ передѣлано сыномъ; передъ выходомъ «Записокъ», часть ихъ была напечатана отдѣльно, именно: «Битва Маренгская». Эта книга издана какъ опроверженіе тьеровой «Исторіи Консульства и Имперіи». Трудъ издателя обезобразилъ первоначальную физіономію сочиненія, возбудивъ неприятное удивленіе и журнальную полемику. ***Nouvelle Revue Encyclopedique*** взялся оцѣнить критику герцога и говоритъ слѣдующее:

«Въ одной книгѣ, недавно отпечатанной, представлено описаніе кампаніи 1800 г.; въ этой книгѣ показано, что разсказъ Тьера объ этой же самой кампаніи заключаетъ въ себѣ погрѣшности болѣе или менѣе важныя; ихъ даже сосчитали, и оказалось, что Тьеръ ошибся сто-два раза. Это, конечно, слишкомъ-много, и если доказано, что Тьеръ дѣйствительно виноватъ въ этихъ ста-двухъ ошибкахъ, то мы въ правѣ заключить, что все его сочиненіе внушаетъ мало довѣрія, потому-что въ одной главѣ столько ошибокъ. Въ такомъ случаѣ, Тьера, который могъ почерпать свѣдѣнія изъ всѣхъ источниковъ,

даже изъ такихъ, которые закрыты для другихъ, который могъ совѣтоваться съ свидѣтелями происшествій, съ лицами, игравшими роль въ событіяхъ имъ описываемыхъ, который могъ справляться съ трудами еще неизданными лицъ умершихъ — Тьера, въ этомъ случаѣ нельзя ничѣмъ извинить за такую небрежность; значитъ, онъ воспользовался авторитетомъ своего имени, чтобъ продать свое сочиненіе, сдѣлалъ спекуляцію...

«Ошибки, приписываемыя Тьеру, двухъ родовъ: однѣ относятся къ самому плану военныхъ операцій; другія, къ частностямъ ихъ. Мы не имѣемъ намѣренія предпринимать здѣсь полнаго опроверженія всѣхъ упрековъ, сдѣланныхъ Тьеру. Все относящее къ подробностямъ, можетъ быть легко объяснено разницею и даже противорѣчіями въ донесеніяхъ разныхъ военачальниковъ, въ реляціяхъ генераловъ обѣихъ сторонъ. Мы лучше хотимъ вѣрить, что Тьеръ взвѣсилъ всѣ показанія и объявилъ свое мнѣніе въ пользу тѣхъ, которыя казались ему болѣе правдоподобными. Другой писатель можетъ допустить тѣ показанія, которыя отвергъ Тьеръ, и такимъ образомъ доставить себѣ удовольствіе противорѣчить ему; но въ этомъ случаѣ можно подвергнуться опасности быть мало разборчивымъ...

«Мы будемъ отвѣчать здѣсь только на нѣкоторыя обвиненія, имѣющія цѣлію доказать, что Тьеръ замѣнилъ порожденіями своей собственной фантазіи планы перваго консула, придумалъ проекты, которые не существовали, предположилъ соображенія фантастическія, маневры, которые были выполнены только въ мечтахъ его. Авторъ «Исторіи Консульства и Имперіи» не понялъ, что вся честь битвы маренгской принадлежитъ не Наполеону, а Виктору, и что если этого никто не зналъ до настоящаго времени, то тѣмъ хуже; по-видимому это хотѣлъ доказать герцогъ Беллюнскій.

«Конечно, мы нисколько не хотимъ уменьшать ту часть славы и почестей, которая должна упасть на долю генераловъ республики и имперіи. Мы всегда изъявляемъ своимъ военнымъ знаменитостямъ полное уваженіе, не смотря на то, что съ нѣкотораго времени хотятъ обратить въ смѣшную сторону чувство гордости, обнаруживаемое при воспоминаніи нашихъ протекшихъ тріумфовъ. Но при всемъ уваженіи къ генераламъ, мы не думаемъ, чтобы Наполеонъ компенсовалъ ихъ подвиги въ свою пользу. Къ несчастію, очень-достовѣрно, что маршалы, удалявшіеся отъ инструкцій консула, или по обстоятельствамъ принужденные дѣйствовать собственными силами, большею частію дѣлали ошибки и терпѣли пораженія. Итакъ, каждому своя доля: Наполеону — честь за военныя соображенія и планы, генераламъ, находившимся подъ его начальствомъ — честь за удивительное усвоеніе плановъ вождя и ихъ исполненіе.

«Тьеръ смотритъ, какъ на военную хитрость, на сборъ резервной арміи, который Наполеонъ назначилъ въ Дижонѣ. Онъ хотѣлъ, говоритъ Тьеръ, только привлечь вниманіе иностранныхъ шпіоновъ на этотъ городъ, гдѣ было собрано нѣсколько рекрутъ и инвалидовъ; настоящая армія направилась на Женеву и Лозанну различными путями; первый консулъ, прибывъ въ Дижонъ, осмотрѣлъ склады и рекрутъ.

«Герцогъ Беллюнскій утверждаетъ, что Наполеонъ не хотѣлъ содержать въ тайнѣ образованіе резервной арміи; что несправедливо, будто-бы въ Дижонѣ были собраны одни инвалиды и рекруты, что войска не были направлены на Женеву и Лозанну; наконецъ, онъ шутитъ надъ Тьеромъ насчетъ мнимаго смотра въ Дижонѣ, куда Бонапартъ прибылъ ночью и откуда онъ выѣхалъ до разсвѣта, гдѣ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ дѣлать смотръ при факелахъ.

«Кто только ни писалъ до герцога Беллюнскаго о кампаніи 1800 г., всѣ согласны, что образованіе резервной арміи было сдѣлано для отвлеченія вниманія иностранцевъ на Дижонъ, чтобъ удобнѣе ихъ обмануть. Мы приведемъ сперва двухъ историковъ, которые въ ту эпоху были государственными сановниками и могли знать и оцѣнить факты.

«Вотъ какимъ образомъ выражается Тибодо (Исторія Консульства и Имперіи. Т. 1. Стр. 263): «Образованіе резервной арміи было сдѣлано съ скоростью неслыханною и *такъ велика была тайна, которою покрыло его правительство,* что Европа не вѣрила существованію этой арміи. Она думала, что республика истощила свои деньги и была безъ солдатъ. Для перваго консула было чрезвычайно важно держать въ тайнѣ движеніе и силу резервной арміи; по-этому-то въ Австріи, въ Англіи, даже въ лагерѣ Меласа были твердо убѣжде-

ны, что армія эта была не что иное, какъ жалкая толпа десяти или двѣнадцати тысячь инвалидовъ и рекрутъ необмундированыхъ и безоружныхъ. Первый консулъ выѣхалъ изъ Парижа 16-го флореаля... Въ двадцать-пять часовъ онъ прибылъ въ Дижонъ, остановился тамъ на нѣсколько времени и осмотрѣлъ формировавшіеся батальоны» (Тибодо стр. 259 и 260).

«Биньйонъ еще точнѣе: «Незнаніе этого генерала (Меласа) и его приближенныхъ извинительно. Въ самой Франціи мнѣніе было ошибочно. Не извѣстно, былъ ли чуждъ этимъ распоряженіямъ до послѣдняго дня военный министръ Карнò, по-крайней-мѣрѣ достовѣрно, что начальники военнаго управленія Петье, Дежанъ и Дарю, узнавъ, что консулъ уѣхалъ въ Дижонъ, спрашивали другъ у друга, что онъ будетъ дѣлать въ такомъ городѣ, гдѣ нѣтъ войска. Мало военныхъ хитростей, которыя бы имѣли такой огромный результатъ. Тайна перваго консула заключалась въ томъ, чтобъ не имѣть тайны. Онъ объявилъ образованіе резервной арміи и говорилъ правду. Онъ объявилъ, что эта армія будетъ формироваться въ Дижонѣ, и это назначеніе было также справедливо; отсюда вышло заблужденіе. Правда, что въ Дижонѣ находился центръ образованія арміи, начальникъ ея Бертье и штабъ; но большая часть корпусовъ, назначенныхъ въ эту армію, не показывались въ городѣ, *который былъ точкой наблюденія иностранцевъ*. Видѣли только отдѣльные отряды, нѣсколько полковъ, проходившихъ чрезъ Дижонъ, но не останавливавшихся въ немъ. *Когда первый консулъ прибылъ туда для осмотра арміи*, на этомъ смотру явилось отъ семи до восьми тысячь. Европа имѣла право думать, что торжественное объявленіе о резервной арміи былъ не что иное, какъ фантомъ, пущенный въ ходъ для того, чтобъ испугать Австрійцевъ и не допустить вторженія на югъ Франціи... Наконецъ, повсюду убѣдились, что резервная армія не существовала...Корпуса, изъ которыхъ эта армія состояла, образованные на различныхъ пунктахъ, соединявшіеся по частямъ на условленныхъ дорогахъ, сошлись вмѣстѣ къ 8-му мая въ числѣ почти сорока тысячь, съ сорока пушками, и расположились у Женевы» (Исторія Франціи послѣ 18 брюмера, т. 1. стр. 183, 184).

«Окончимъ слѣдующею цитатою, заимствованною у Жомини, на авторитетъ котораго въ этомъ случаѣ можно положиться, потому-что онъ принадлежитъ къ числу военныхъ писателей неимѣющихъ пристрастія къ Наполеону: «Въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ все приготовлялось на различныхъ пунктахъ съ удивительною тайною (томъ XIII, стр. 171)... Больше всего нужно было хранить въ тайнѣ эту операцію, потому-что малѣйшее подозрѣніе непремѣнно испортило бы дѣло. Бонапарте придумалъ дать своему проекту публичность, которая увѣнчала его успѣхомъ. Сенатъ, законодательный корпусъ и всѣ журналы заговорили о приготовленіи резервной арміи и о намѣреніи перваго консула видѣть ее лично. Между-тѣмъ въ Дижонѣ не было никакого сбора войскъ, кромѣ главнаго штаба и нѣсколькихъ отрядовъ рекрутъ; артиллерія, съѣстные припасы, старыя войска были отправлены отдѣльно по сосѣднимъ департаментамъ, чтобъ не обратить на себя вниманія. Дивизіоны образовались на различныхъ дорогахъ во время марша, и ни одинъ человѣкъ не показывался въ Дижонѣ... Шпіоны вѣнскіе и лондонскіе, совершенно обманутые этими маневрами, увѣряли въ той и другой столицѣ, что Бонапарте объявилъ объ этой арміи съ такимъ шумомъ и хвастовствомъ только для того, чтобъ остановить побѣдоносный путь Меласа...» (Т. XIII, стр. 174 и 175).

«Спрашиваемъ, не-уже-ли виноватъ Тьеръ, повѣрившій военной хитрости послѣ такихъ положительныхъ словъ, сказанныхъ людьми, имѣющими авторитетъ? Если предположимъ, что сами эти авторитеты обманулись... и что шпіоны иностранные были слѣпы, какъ говоритъ герцогъ Бельлюнскій, не-уже-ли Тьеръ виноватъ, что у нихъ не было прозорливости?

«Слѣдуя Тьеру, австрійскій генералъ Меласъ назначилъ два пункта для сосредоточенія своихъ войскъ: Алессандрію для войскъ расположеныхъ въ Сѣверномъ Пьемонтѣ, и Пьяченцу для войскъ, стоявшихъ около Генуи. Герцогъ Бельлюнскій отвергаетъ этотъ фактъ по отношенію къ Пьяченцѣ, въ которую, по словамъ его, Меласъ послалъ одну бригаду. Въ этомъ случаѣ герцогъ Бельлюнскій противорѣчитъ документамъ австрійскимъ, которые онъ самъ собралъ; тамъ сказано: .....«Занятіе Пьяченцы было дѣломъ чрезвычайно-важнымъ... Полученъ приказъ по-

слать туда бригаду по самой краткой дорогѣ. Меласъ приказалъ Орельй занять Пьяченцу пятью батальйонами и восемью эскадронами... и вскорѣ послѣ далъ то же назначеніе *цѣлому корпусу, окружавшему Генуя.*»

«Бонапарте (говоритъ Тьеръ) послѣ сдачи Генуи меньше торопился идти на встрѣчу Австрійцамъ. Герцогъ Бельлюнскій не находитъ для этого достаточной причины и говоритъ, что первый консулъ поступилъ совершенно противоположно, нежели какъ предполагаетъ Тьеръ. Между-тѣмъ, причина эта казалась достаточною Тибодо, Биньйону, Жомини и даже историку *европейскихъ войнъ*, котораго цитируетъ самъ герцогъ Бельлюнскій. Уже не первый разъ герцогъ Бельлюнскій противорѣчитъ самъ своимъ документамъ, — и не не послѣдній разъ.

«Тьеръ находитъ *удивительнымъ* выборъ позиціи у Страделлы, сдѣланный Бонапарте. Герцогъ Бельлюнскій смѣется надъ этимъ удивленіемъ Тьера къ такому соображенію, котораго честь принадлежитъ только ему самому. Но въ этомъ случаѣ герцогъ Бельлюнскій несправедливъ; въ пользу Тьера такъ говоритъ генералъ Жомини: «Бонапарте утвердился въ Страделлѣ и рѣшился сосредоточить въ ней свои войска. Дефилея, образованная здѣсь сближеніемъ Апеннинъ и По, дѣлала эту *позицію совершенною* для выжиданія непріятеля и противополагала непреодолимыя преграды на такомъ мѣстѣ, гдѣ одна пѣхота должна была рѣшить конецъ сраженія (т. XIII, стр. 260). Даже не прибѣгая къ этому военному писателю, котораго долженъ былъ знать герцогъ Бельлюнскій, онъ могъ бы прочесть на 372 страницѣ своей собственной книги бюллетень резервной арміи, гдѣ говорится о соединеніи французской арміи на *знаменитой* позиціи у Страделлы, которой всю важность чувствуетъ непріятель. Но герцогъ Бельлюнскій, вѣроятно, не имѣлъ досуга прочитать то, что перепечатывалъ.

«Тьеръ говоритъ, что Бонапарте писалъ своимъ генераламъ: «Сосредоточтесь у Страделлы 8-го или не позже 9-го; вы будете имѣть подъ руками пятьнадцать или восмнадцать тысячь Австрійцевъ, идущихъ изъ Генуи; идите имъ на встрѣчу, разбейте ихъ и проч.» Герцогъ Бельлюнскій съ насмѣшкой спрашиваетъ, гдѣ нашелъ эти инструкціи Тьеръ, когда онъ, герцогъ, самъ ихъ не знаетъ? Мы положительно не знаетъ, гдѣ нашелъ эти инструкціи Тьеръ, но читаемъ ихъ по-крайней-мѣрѣ отчасти въ одномъ письмѣ Бонапарте къ Бертьè изъ Милана, 19 преріаля: «Это вѣрно, что не позже 20 числа Страделла будетъ аттакована двадцатью тысячами человѣкъ... Прикажите ему (генералу Ланну) держаться съ остаткомъ своей дивизіи очень недалеко отъ Страделлы... Сосредоточте позицію съ той стороны, гдѣ ваши понтоны»... Если герцогъ Бельлюнскій желаетъ видѣть это письмо, мы можемъ ему указать, гдѣ найдти его: это на стр. 275 его собственной книги.

«Герцогъ Бельлюнскій никакъ не хочетъ, чтобъ послѣ сраженія у Монтебелло Бонапарте возвратился въ Страделлу и провелъ тамъ два дня, желая дать время соединиться войскамъ, и, наконецъ, 12 іюня, удивленный тѣмъ, что еще не видно Австрійцевъ, самъ пошелъ искать ихъ. Онъ видитъ въ этомъ однѣ мечты Тьера, которыми историкъ консульства и имперіи надѣляетъ перваго консула. Но должно быть у Тибодо и Жомини точно также кружилась голова, когда они разсказывали эти самые факты и не-уже-ли они писали противное тому, что дѣлалъ Бонапарте?

«Герцогъ Бельлюнскій утверждаетъ, что накавунѣ маренгской битвы смятеніе не царствовало въ Алессандріи посреди Австрійцевъ, и что офицеры императорской арміи не слагали на вину правительства затруднительности своего положенія. Все это ему кажется романомъ, сочиненнымъ Тьеромъ. Генералъ Жомини и Тибодо подтверждаютъ своими свидѣтельствами разсказъ Тьера.

«Въ описаніи маренгской битвы Тьеръ говоритъ, *что на разсвѣтѣ дня австрійская армія перешла черезъ два моста* Бормиды. Герцогъ Бельлюнскій обвиняетъ Тьера въ томъ, что онъ сдѣлалъ здѣсь ошибку въ нѣсколькихъ часахъ, и приводитъ, въ подтвержденіе своего обвиненія, донесенія французскихъ офицеровъ, что армія республиканская была аттакована около девяти часовъ. Герцогъ Бельлюнскій желая доставить себѣ удовольствіе найдти ошибку у своего противника, немного играетъ словами. Всѣ историки консульства и имперіи говорятъ, что сраженіе началось на разсвѣтѣ; слѣдовательно, Тьеръ воспроизвелъ ошибку нѣ-

которымъ образомъ освященную; но на самомъ дѣлѣ онъ менѣе виновенъ, нежели какъ хотятъ его сдѣлать. Сраженіе, т. е. огонь дѣйствительно начался не ранѣе 8 часовъ утра; но австрійская армія двинулась и перешла Бормиду на разсвѣтѣ дня. Это положительно говорятъ австрійскіе документы, которые внушаютъ герцогу Бельлюнскому такое сильное довѣріе и которые по-крайней-мѣрѣ въ этомъ случаѣ должны быть точны. Описаніе Жомини согласно съ этими показаніями.

«Герцогъ Бельлюнскій очень недоволенъ Тьеромъ за то, что онъ утверждаетъ, будто войска генерала Виктора были разбиты при Маренго; но нѣжность сыновняя въ этомъ случаѣ неумѣстна. Генералъ Викторъ храбро сражался при Маренго; его войска съ героизмомъ противостояли цѣлое утро непріятельскимъ силамъ въ гораздо-большемъ числѣ; но энергія человѣческая имѣетъ свой предѣлъ и... должно сознаться, что дивизія Виктора была разбита.

«Болѣе мы не будемъ продолжать спора...»

Послѣ этого ничего не остается говорить о «Запискахъ» герцога Бельлюнскаго. Посмотримъ, что̀ скажутъ «Записки» маршала Массены, о которыхъ объявлено, что онѣ скоро выйдутъ въ свѣтъ. Это сочиненіе должно быть посерьёзнѣе, потому-что изданіе бумагъ знаменитаго маршала поручено извѣстному генералу Кошу.

Вышли Documens biographiques sur P. C. F. Daunou, *par* A. H. Taillandier (Документы къ жизнеописанію Дону, *изданныя* А. Тальяндьё). Исторія революціи драматичностью своею оставляетъ въ тѣни частную жизнь людей, дѣйствовавшихъ на ея поприщѣ и принимавшихъ участіе въ движеніи идей. Миньё, въ своихъ краснорѣчивыхъ запискахъ, читанныхъ имъ въ Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, представилъ увлекательные и серьёзные образцы этихъ біографій. Нельзя не одобрять такихъ трудовъ. Г. Тальяндьё, членъ палаты депутатовъ, во второй разъ издалъ свой интересный трудъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ людей, котораго судьба была тѣсно соединена съ судьбою отечества. Первое изданіе этихъ «Записокъ» была уже книга очень-замѣчательная, второе изданіе — почти совершенно новое сочиненіе. Многіе неизданные труды знаменитаго писателя тщательно собраны: прежде всего поименуемъ письма, которыя Дону́ писалъ изъ Рима въ 1798 году. Читая эту переписку, вы присутствуете при трудахъ коммиссіи, которой поручено было учредить въ Папскихъ Владѣніяхъ республиканское правленіе вмѣсто свѣтской власти папъ. Кромѣ значенія историческаго, эти письма имѣютъ увлекательность чисто-литературную; контрастъ идей французскихъ и нравовъ итальянскихъ представляетъ картины самыя интересныя. «Съ-тѣхъ-поръ» говоритъ коммиссаръ директоріи: «съ-тѣхъ-поръ, какъ законъ объявилъ священниковъ отвѣтственными за всѣ возмутительныя движенія, которымъ они не воспрепятствуютъ, — всѣ на перебой начали проповѣдывать во славу республики; въ проповѣдяхъ ихъ столько же говорится о свободѣ, равенствѣ, платежѣ податей и о службѣ національной гвардіи, сколько и о священныхъ предметахъ. Однимъ словомъ, я не могу сказать, чтобъ было много патріотизма у Итальянцевъ, потому-что никто не будетъ отвѣчать за ихъ душу; но по-крайнѣй-мѣрѣ у нихъ много патріотизма во внѣшности». Особенно рекомендуемъ исторію Конвента, въ новомъ изданія которой прибавлены записки, написанныя Дону́ во время заключенія его въ тюрьмѣ. Въ этихъ запискахъ разсказано все, что̀ произошло послѣ 31-го мая, тріумфъ коммюны, униженіе Конвента, царство анархіи и, наконецъ, непреклонный деспотизмъ Робеспьера.

Mémoires du général Guillaume Pepé *sur les principaux événements de l'Italie moderne. Trois vol.* (Записки генерала Гильйома Пепе *о главнѣйшихъ политическихъ военныхъ происшествіяхъ нынѣшней Италіи. Три тома*).

Эти мемуары напечатаны въ одно время на италъянскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ. Въ Лондонѣ они возбудили энтузіазмъ; газеты и журналы, тори и виги указываютъ на нихъ, какъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній новѣйшей исторической литературы. Во Франціи они имѣютъ тотъ же успѣхъ. Генералъ Пепе—знаменитый изгнанникъ и гость во Франціи. Въ Парижѣ, въ тишинѣ ссылки, написалъ онъ этотъ совѣстливый разсказъ своей собственной жизни, славной во многихъ отношеніяхъ. Его біографія соприкасается во многихъ мѣстахъ съ исторіею Франціи; на всякой страницѣ мемуаровъ встрѣчаются знаменитости имперіи: Шампіонѐ, Ренье, Массена, Ламаркъ, Іосифъ Бонапарте, а больше всѣхъ Мюратъ, котораго характеръ и судьба, въ равной мѣрѣ странные, нигдѣ еще не были описаны такъ живо и осязательно.

Патріотизмъ былъ съ самой юности всегда единственнымъ чувствомъ Гильйома Пепе. Онъ Неаполитанецъ. Когда онъ вышелъ изъ корпуса, королевство неаполитанское было преобразовано въ Партенопейскую Республику. Онъ поступилъ на службу въ луканскій легіонъ и сражался въ 1799 году, подъ начальствомъ генераловъ Матеры и Шиппани, противъ отрядовъ бурбонскихъ, которыми командовалъ Руффо. Раненный при Портичи, онъ былъ заключенъ въ тюрьму, потомъ изгнанъ. Тогда ему было только шестнадцать лѣтъ. Прибывъ во Францію, онъ былъ причисленъ къ итальянскому легіону и принималъ участіе въ кампаніи подъ Маренго. Потомъ, по возвращеніи на родину, онъ опять былъ посаженъ въ тюрьму на всю жизнь. Подробности этого жестокаго заключенія на островѣ Маритимо, перенесенныя съ удивительною твердостью молодымъ девятнадцатилѣтнимъ юношей, превосходятъ своимъ интересомъ всѣ изобрѣтенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ романистовъ. Въ этомъ заключеніи онъ занимался науками. Когда въ 1805 году получилъ онъ свободу, Фердинандъ и Каролина уже не царствовали: вмѣсто ихъ былъ королемъ Іосифъ. Въ 23 года онъ былъ полковникомъ и сражался въ Калабріи противъ Англичанъ и войскъ бурбонскихъ; потомъ служилъ подъ начальствомъ Бертье на Іоническихъ-Островахъ. Въ 1808 году, когда Мюратъ былъ сдѣланъ королемъ неаполитанскимъ и сицилійскимъ, Пепе командовалъ бригадою въ Испаніи и потомъ сдѣланъ маршаломъ. Между Мюратомъ и его маршаломъ было съ одной стороны много симпатіи въ нѣкоторыхъ чувствахъ, а съ другой много недовѣрчивости. Пепе желалъ политическаго возрожденія своему отечеству, Мюратъ, подобно Наполеону, не любилъ подобныхъ вещей. Послѣ паденія Мюрата, Пепе былъ оставленъ въ Неаполѣ возвратившеюся на престолъ бурбонскою линіею, какъ храбрый генералъ, и служилъ тамъ до 1821 года. Тогда онъ снова оставилъ отечество, и вотъ уже 27 лѣтъ скитается то въ Англіи, то въ Бельгіи, то во Франціи. Въ Парижѣ онъ съ 1830 года. Много и здѣсь онъ, на старости, велъ переговоровъ въ пользу своего отечества, но они не имѣли успѣха.

Вся книга его интересна въ высочайшей степени.

Еще одно вышедшее сочиненіе, замыкающее собою періодъ имперіи,—это: Histoire authentique et secrète *des traités de 1815, par* Capefigue. *1 vol.* (Подлинная и секретная Исторія *договоровъ 1815 года, соч.* Капфига).

Это исторія того года, который открылъ собою новую эпоху въ сношеніяхъ и интересахъ народовъ. Но Капфигъ—довольно-пошлый компиляторъ: на слова его нельзя полагаться.

— Другая, не менѣе важная эпоха исторіи Запада, эпоха возрожденія наукъ и реформаціи, также постоянно обращаетъ на себя вниманіе историковъ и отъ времени-до-времени обогащаетъ литературу прекрасными про-

изведеніями. Впрочемъ очень-естественно обращеніе исторіи на Западѣ къ эпохамъ, преимущественно важнымъ въ развитіи рода человѣческаго, къ эпохамъ, когда рѣшены были тѣ великіе вопросы, которыхъ результаты развивались въ вѣкахъ послѣдующихъ. Объяснивъ главные пункты, историческая критика легко обозначитъ эпохи переходныя, менѣе-значительныя; къ-тому же, эпохи эти дышатъ болѣе-живымъ и разумнымъ интересомъ. Хотя и говорятъ, что въ исторіи народовъ каждая эпоха важна, потому-что народы не проживаютъ ея даромъ, и въ ней заключается результатъ прежней жизни и начало новой, и что изъ исторіи, какъ изъ цѣпи, нельзя выбросить ни одного звѣна, не разрушивъ цѣлости системы, однакожъ въ числѣ этихъ звѣньевъ одни болѣе важны, другіе менѣе. Какъ въ жизни частнаго лица есть эпохи рѣшительныя, въ которыхъ оно, взвѣсивъ свои силы, желанія и потребности, бросается на извѣстный путь дѣятельности, и вся эта дѣятельность будетъ уже слѣдствіемъ принятаго рѣшенія, такъ точно и во всемірной исторіи есть пункты рѣшительные, въ которыхъ сосредоточиваются, волнуются надежды, желанія и помыслы цѣлыхъ народовъ. Они долго колеблются, пока наконецъ не пріймутъ рѣшительнаго направленія и не потекутъ по вновь-начертанному ими и сознанному пути. Вотъ почему XV и XVI вѣка должно изучать внимательно и глубоко. Философія возрожденія и реформаціи сосредоточиваетъ въ себѣ все, что произвелъ геній древности и новыя усилія мысли, самобытные порывы ея, какъ слѣдствіе средневѣковой жизни и изученія древности. Къ лучшимъ сочиненіямъ, освѣщающимъ эту эпоху, должно отнести Jordano Bruno *2 vol. in 8, par* M. Bartolomess (Джіордано Бруно, *соч.* Бартоломесса). Авторъ хотѣлъ, съ одной стороны, сдѣлать извѣстною жизнь этого знаменитаго мыслителя XIV-го столѣтія, съ другой — дать вѣрное понятіе о его сочиненіяхъ. Книга его — результатъ десятилѣтнихъ изъисканій, не только объ одномъ Бруно, но и о всей его эпохѣ. Два великіе человѣка сосредоточиваютъ около себя цѣлыя группы философовъ, богослововъ, моралистовъ и натуралистовъ: въ Италіи Джіордано Бруно, въ Германіи Яковъ Бёмъ. Представитель Италіи исполненъ огня и вдохновенія своей родины; представитель сѣвера обладаетъ глубиною изъисканій и мистицизмомъ германскимъ. Около Бруно сосредоточиваются Саванарола, Корданъ, Телезіо, Ванини, Кампанелла; около Бёма — Агриппа, Парацельсъ, Экартъ, Таулеръ, Вейгель и другіе.

Вышелъ четвертый томъ Histoire de la Réformation *du XVI-e siècle, par* J. H. Merle d'Aubigné. *4 vol. in 8. 728 pages* (Исторія Реформаціи *XVI-го столѣтія, соч.* Мерль Обиньé). — Въ этомъ томѣ заключается самая замѣчательная эпоха реформаціи въ Германіи: аугсбургское исповѣданіе вѣры и реформа въ большей части кантоновъ швейцарскихъ. Плодъ долгаго изученія и терпѣливыхъ изъисканій, книга г. Мерля можетъ назваться самою подробною картиною религіознаго движенія въ Европѣ въ XVI столѣтіи.

Etudes sur Montaigne, *analyse de sa philosophie, par* Etienne Catalan, *4 vol. in 18* (Анализъ Философіи Монтеня, *соч.* Этьена Каталана).

Мало людей, которыхъ ученіе внушало къ себѣ столько сочувствія, сколько философія Монтеня; мало именъ, которыя въ-продолженіе долгаго времени были бы болѣе извѣстны публикѣ, и между-тѣмъ уже очень-рѣдко найдете человѣка, который прочелъ бы что-нибудь изъ этого оригинальнаго сочинителя. Уже давно одни ученые, привыкшіе къ стариннымъ формамъ языка, могутъ читать съ удовольствіемъ глубокаго мыслителя, котораго книга, по словамъ кардинала Перрона, должна быть ручною для всѣхъ честныхъ людей. Французскіе писатели новѣй-

ли и достоинство сочинений Монтеня и темноту ихъ въ–слѣдствіе измѣненія формъ языка, а потому каждый изъ нихъ черпалъ на свою долю съ бόльшею или меньшею умѣренностью. Такимъ образомъ Монтенемъ воспользовались Шарронъ, Ламотъ Вайѐ, Лабрюйеръ, Сен-Эвремонъ, Фонтенелль, Байль и даже Вольтеръ. Но ни одинъ изъ нихъ не превзошелъ Паскаля въ этомъ отношеніи. Кто только со вниманіемъ прочтетъ *Essais* Монтеня и *Pensées* Паскаля, тотъ изумится множеству выписокъ, которыя онъ съ безстыдствомъ сдѣлалъ, не упомянувъ даже нигдѣ объ имени Монтеня. Если отнять у Паскаля все, чтὸ онъ взялъ у Монтеня и чтὸ позаимствовалъ у древнихъ, то на собственную его долю прійдется такъ мало мудрости, что ее должно будетъ ограничить одними «примѣчаніями»...

Поэтому понятно желаніе возстановить Монтеня и сдѣлать его доступнымъ бόльшему кругу читателей. Это желаніе обнаруживается не въ первый разъ. Въ половинѣ XVIII-го вѣка, Пессельѐ старался выполнить его и сдѣлалъ собраніе правилъ, извлеченныхъ изъ сочиненій Монтеня, не подновивъ впрочемъ языка; поэтому всякій, кто могъ понять языкъ автора, читалъ его въ подлинной книгѣ, а не въ сокращеніи. Недавно графъ Вернье написалъ передъ каждою главою вкратцѣ ея содержаніе, чтобъ лучше схватить мысль автора; но и эти комментаріи читаются еще меньше, нежели подлинникъ. Но вотъ теперь новый поклонникъ французскаго философа, проведя съ нимъ въ тиши кабинета десять лѣтъ, почти перевелъ и собралъ въ одну книгу, въ методическомъ порядкѣ, всѣ мысли, разбросанныя Монтенемъ въ «Опытахъ». Но и здѣсь невольно представляется вопросъ: полезенъ ли такой трудъ? не повредитъ ли сократитель самому автору? По нашему мнѣнію, гораздо-лучше знать сколько-нибудь, нежели ничего не знать, и потому, если бы читатели не узнали совершенно Монтеня въ этомъ сокращеніи, то они многое узнаютъ изъ него, а кто хочетъ читать автора въ подлинникѣ, тому никто этого не запрещаетъ. Несравненно-важнѣе заслуга этого сокращенія въ томъ, что она дѣлаетъ популярнымъ, доступнымъ всякому одного изъ самобытнѣйшихъ французскихъ моралистовъ. Кто читалъ подлинникъ, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ въ новой формѣ мысли, которыя его поразили; а кто не читалъ подлинника и не намѣренъ читать, тотъ, можетъ-быть, пріобрѣтетъ книжку Каталлана и поставитъ ее въ своей библіотекѣ рядомъ съ «Мыслями» Паскаля, «Характерами» *Лабрюйера*, «Правилами» Рошфукὸ и «Разсужденіями» Вовнарга.

La guerre des Paysans *par* Alexandre Weill 1 vol. in 18. (Крестьянская Война, *соч.* Александра *Вейля*. *1 томъ*).

Александръ Вейль былъ первоначально лѣтъ около семи сотрудникомъ разныхъ нѣмецкихъ журналовъ, но потомъ вспомнилъ, что онъ Французъ, пріѣхалъ въ Парижъ и написалъ приведенное нами сочиненіе. Крестьянская война, исторію которой составилъ г. Вейль, относится ко временамъ Лютера и реформаціи. Война нѣмецкихъ крестьянъ противъ тѣхъ, кто утѣснялъ ихъ, была однимъ изъ кровавыхъ и страшныхъ эпизодовъ нѣмецкой исторіи временъ реформы. Крестьяне были поражены, но разрушили около тысячи зàмковъ и монастырей. Время бургграфовъ миновалось—разсѣянные зàмки не могли болѣе служить убѣжищемъ, и монастыри не могли подняться. Сами князья, хотя и остались побѣдителями, продолжали дѣло, начатое крестьянами, и секуляризировали пощаженные монастыри. До крестьянской войны, дворянство, посредствомъ зàмковъ, а духовенство посредствомъ монастырей, господствовали надъ среднимъ классомъ и управляли имъ, подъ видомъ покровительства. Послѣ этой войны, среднее сословіе начало господствовать въ Гер-

манія; дворянство скрылось въ рядахъ придворныхъ, заняло мѣста въ арміи, въ дипломаціи, въ администраціи, и создало для себя титла, привилегіи и новые источники власти и богатства. Во Франціи феодалы и духовенство были поражены королевскою властію; въ Германіи ихъ поразилъ самъ народъ, но за то, какъ Самсонъ, этотъ народъ зарылъ себя развалинами зданія, имъ разрушеннаго. Такъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ г. Вейль.

Интересная исторія этой войны написана на нѣмецкомъ языкѣ Циммерманомъ. Нельзя сказать, чтобъ Вейль перевелъ ее, онъ большею частію ее передѣлалъ и измѣнилъ во многомъ. Книга Вейля читается съ большимъ интересомъ, но нельзя сказать съ удовольствіемъ, потому-что становится горько, когда смотришь на безпрестанныя казни и убійство. «Увы!» (говоритъ добродушный г. Вейль): «когда наконецъ люди убѣдятся, что насиліе, какого бы рода оно ни было и кто бы его ни дѣлалъ, всегда останется насиліемъ? Когда, наконецъ, люди убѣдятся, что единственный, истинный героизмъ состоитъ въ сраженіяхъ съ своими вредными страстями, въ битвахъ противъ своихъ предразсудковъ, въ побѣдахъ надъ невѣжествомъ, фанатизмомъ и ложною моралью? Жестокости, которыя вытерпѣли крестьяне, были отомщены спустя два столѣтія; но ни тѣ, ни другія побѣды не подвинули человѣчества ни на одинъ шагъ. Феодалы послѣ побѣды надъ крестьянами были жестоки къ побѣжденнымъ. Такъ маркграфъ Казиміръ ходилъ изъ одной деревни въ другую и возилъ съ собою висѣлицы. Не теряя времени на разборъ, кто правъ, кто виноватъ, онъ приказывалъ обыкновенно хватать сто первыхъ попавшихся крестьянъ, и изъ нихъ двадцати отсѣкалъ головы или выкалывалъ глаза, а остальнымъ отрубалъ кисти рукъ. Въ Кицингенѣ онъ ослѣпилъ пятьдесятъ-девять крестьянъ, которые просили, чтобъ онъ имъ отрубилъ головы.—Вы поклялись, говорилъ онъ имъ, не видѣть больше моего лица: ну, такъ нужно сдержать свое слово.—Онъ самъ присутствовалъ при этомъ адскомъ наказаніи, выгналъ ихъ изъ деревни и запретилъ подъ страхомъ смертной казни давать имъ вожатыхъ. Большая часть наказанныхъ попадала на дорогахъ и умерла во рвахъ и рытвинахъ; самое малое число прожило нѣсколько времени, прося милостыни на дорогахъ и проклиная маркграфа. Однажды самъ маркграфъ вздумалъ подать одному изъ нихъ милостыню.—«Да благословитъ васъ Богъ, говорилъ ему слѣпой, если вы только не другъ маркграфа; въ противномъ случаѣ, будьте вы прокляты!» — Вотъ еще одинъ любопытный фактъ, разсказанный авторомъ въ IV главѣ, для объясненія причинъ бунта крестьянъ. Генрихъ Эйнзидель, видя, что его крестьяне бѣднѣютъ отъ отягощенія, почувствовалъ столь сильное угрызеніе совѣсти, что даже адресовался къ Лютеру и спрашивалъ у него: не грѣхъ ли лишать этихъ несчастныхъ времени и труда. Лютеръ ему отвѣчалъ, что онъ можетъ сохранить свои права по чистой совѣсти, ибо порядокъ вещей требуетъ, чтобъ простой человѣкъ былъ подъ повинностями: отъ этого онъ будетъ оказывать менѣе сопротивленія. Этотъ отвѣтъ Лютера хранится въ королевскомъ архивѣ въ Штутгартѣ...

— Мы говорили о сочиненіяхъ появившихся въ послѣднее время по части исторіи; всѣ они относятся къ одной изъ двухъ главныхъ эпохъ западной жизни—или къ эпохѣ реформаціи, или ко временамъ революціи. Но вотъ книга, наполняющая промежутокъ между этими двумя эпохами и относящаяся къ XVII вѣку:

Essai sur l'histoire de la philosophie en France, *au dix-septième siècle*, *par* M. Ph. Damiron. *2 vol.* (Опытъ исторіи философіи во Франціи, *въ семнадцатомъ вѣкѣ*, *соч.* Дамирона. *Два тома*).

Мысль, господствующая въ филосо-

фіи нашего вѣка, есть приложеніе исторіи къ философіи. Философы наши, вмѣсто того, чтобъ искать истину въ уединенномъ мышленіи, предоставленномъ собственнымъ своимъ силамъ, или дѣлаться послѣдователями какой-нибудь одной системы, рѣшились просвѣтиться знаніями всѣхъ вѣковъ и извлечь истину изъ изученія различныхъ системъ и различныхъ школъ. Нельзя не замѣтить и въ этой отрасли преимущественной любви къ исторіи. Исторія философіи имѣетъ тотъ недостатокъ, что она часто разсужденіе, мышленіе, однимъ словомъ, настоящую науку замѣняетъ начитанностью, ученостью. Незначительнѣйшій профессоръ, едва совладѣвшій съ чужою мыслію, послѣ нѣкотораго упраженія въ критикѣ, начинаетъ компилировать древнія книги, изучать системы мало извѣстныя и наконецъ издаетъ философское сочиненіе. Большая часть публики не довѣряетъ автору, когда онъ начинаетъ проповѣдывать свое ученіе; но за то, когда онъ изложитъ мнѣнія древняго философа, то ей интересно знать это старое ученіе, потому-что ему уже готова критика, которую можно произнести въ случаѣ надобности. Такимъ-образомъ, если направленіе историческое въ философіи принесло мало пользы до настоящаго времени, причину этому должно искать въ злоупотребленіи учености. Впрочемъ, сказанное нами не относится къ трудамъ г. Дамирона. Какъ рѣдкое исключеніе, въ его изъисканіяхъ наряду съ исторіею много догматизма. Въ курсѣ философіи, который г. Дамиронъ напечаталъ нѣсколько лѣтъ назадъ, много новыхъ взглядовъ на темныя мѣста психологіи и морали; въ историческихъ трудахъ своихъ онъ никогда не ограничивался однимъ изложеніемъ и критикою мнѣній философскихъ, но самъ рѣшалъ главные вопросы, о которыхъ шла рѣчь. Теперь, въ сочиненіи, которое онъ издалъ о философіи семнадцатаго вѣка, представлено новое доказательсто тому, что онъ никогда не жертвуетъ философіей въ пользу исторіи. Въ введеніи, въ заключеніяхъ и различныхъ частяхъ книги поднимаетъ онъ и рѣшаетъ много вопросовъ философскихъ, при всемъ томъ не выпуская изъ вида и историческихъ изъисканій, и въ такихъ предметахъ, которые по-видимому исчерпаны, умѣетъ быть новъ. Часть біографическая составлена весьма-старательно; въ жизни философовъ, авторъ преимущественно обращаетъ вниманіе на тѣ факты, которые могли имѣть вліяніе на ихъ идеи. Хотя уже съ давняго времени многое высказано о Спинозѣ, Мальбраншѣ и Декартѣ, однакожь г. Дамиронъ, посвятивъ имъ много трудовъ, пояснилъ много подробностей, оставленныхъ до настоящаго времени въ тѣни и освятилъ не одинъ пунктъ, доселѣ темный. Въ-особенности эти ученыя изъисканія важны по безпристрастію, съ которымъ совершены они.

Преимущественно отличается новостью та часть книги, въ которой говорится о философахъ нисшаго разряда, объ ученикахъ и противникахъ Декарта и Мальбранша. Между-прочимъ, укажемъ на главы о Гоббсѣ и Гассенди. Гоббса преимущественно знаютъ по его политическимъ сочиненіямъ, а между-тѣмъ, онъ очень замѣчателенъ какъ метафизикъ. Этотъ порывистый умъ, искавшій во всемъ крайностей и къ нимъ доводившій свои начала, не побоялся основать мораль на эгоизмѣ и политику на деспотизмѣ; онъ принесъ и въ метафизику тотъ же духъ, ту же строгость выводовъ, ту же смѣлость. Это самый послѣдовательный философъ школы матеріалистовъ и сенсуалистовъ, и потому выказавшій всю слабость и недостатки ихъ. По его мнѣнію, единственный предметъ науки — тѣла и ихъ измѣненія; потому-что нельзя анализировать того, что̀ не подлежитъ сложенію, разложенію и возрожденію...

Гассенди, принадлежащій къ той же школѣ, гораздо-болѣе благоразуменъ, и потому не такъ послѣдователенъ. Его духовный санъ нала-

галъ на него нѣкоторую умѣренность, къ чему онъ, впрочемъ, былъ расположенъ и своимъ мирнымъ характеромъ. Но онъ высоко ставитъ начало сенсуализма и говоритъ: всѣ идеи, которыми нашъ умъ богатъ, происходятъ отъ чувствъ; но Гассенди колеблется и останавливается предъ крайними выводами этого начала. Между-тѣмъ, у него невольно вырывается такое признаніе: «Сколько мы ни дѣлаемъ усилій понять безтѣлесное существо и божественную субстанцію, но чувствуемъ, что она всегда представляется нашему уму въ видѣ образа и существа тѣлеснаго».

Непосредственные ученики Декарта: Рого, Режисъ, Делафоржъ, Клоберъ, Гелинѐ, по большой части мало извѣстны самимъ Французамъ. Нельзя сказать, чтобъ они были очень-замѣчательны, но интересно видѣть, какъ посреди ихъ постепенно преобразовываются идеи учителя, развитіе, которое они даютъ ученію и нечувствительныя измѣненія, которыя въ него вводятъ. Г. Дамиронъ очень-хорошо обозначилъ сѣмена спинозизма въ ученіи Клобера и Гелинѐ. По Клоберу, души наши находятся къ Богу въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ мысли къ душѣ; чтобъ не породить никакого сомнѣнія, онъ кончаетъ знаменитою выпискою изъ св. Павла. Извѣстно, что, по ученію Спинозы, души наши не что иное, какъ видоизмѣненія божественной субстанціи. Гелинѐ еще ближе къ Спинозѣ: онъ говоритъ, что духъ—одинъ и тѣло—одно, они всеобщи и недѣлимы; души и тѣла отдѣльныя, частныя — только видоизмѣненія.

Въ наше время, во Франціи старались показать связь Мальбранша и Спинозы. Недавно открытая переписка Мальбранша съ Дарту де-Мираномъ о спинозизмѣ много способствовала этому сближенію. Не смотря на упреки, которые Мальбраншъ расточаетъ автору «Этики», онъ не такъ далекъ отъ него, какъ ему кажется. Жаль, что въ этотъ пунктъ г. Дамиронъ не совсѣмъ глубоко вникнулъ.

Сочиненіе г. Дамирона кончается интересными изъисканіями объ особомъ классѣ писателей, которые, не будучи въ собственномъ смыслѣ философами, много однакожь участвовали въ движеніи идей картезіанскихъ, и которые къ богословскимъ спорамъ, преимущественному предмету ихъ занятій, присоединяли часто метафизическія разсужденія. Таковы Лами, Бурсье, и особенно Фенелонъ и Боссюэтъ. При оцѣнкѣ послѣдняго, къ-сожалѣнію, опущено «Разсужденіе о всеобщей исторіи». Богословы XVII вѣка, вдававшіеся въ философію, преимущественно занимались естественнымъ объясненіемъ таинствъ и отношеній провидѣнія и любви божественной къ несовершенству и свободѣ человѣческой. — Всѣ они оцѣнены по достоинству.

Поименовавъ новые историческіе труды подъ разными заглавіями собственно исторіи, біографій, мемуаровъ, исторій философіи и пр., мы должны упомянуть еще объ одной очень-любопытной исторіи, и притомъ самой свѣжей, именно

Histoire de l'esclavage pendant les deux dernières années, *par* M. Victor Schoelcher. 1 vol. in 8. (**Исторія рабства въ-теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ**, *соч.* Виктора Шельхера *1 т. въ 8-ю д. л.*). Г. Викторъ Шельхеръ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые неуклонно преслѣдуютъ одну идею; идея его — постоянное изученіе рабства и его гибельныхъ послѣдствій на Востокѣ и Западѣ и въ Америкѣ. Это сочиненіе относится къ рабству американскому во французскихъ колоніяхъ. Давно уже онъ стыдитъ французское правительство за слабость мѣръ, которыя оно принимаетъ противъ рабства и которыя до настоящаго времени не могутъ искоренить этого зла въ колоніяхъ. Въ изданномъ имъ сочиненіи онъ поименовываетъ всѣ дѣйствія

съ рабами, поименовываетъ лица и сознается, что наконецъ принужденъ прибѣгать къ этому средству по слѣдующей причинѣ: «говорить общими словами о всѣхъ невыгодахъ и злоупотребленiяхъ этого состоянiя, значитъ доказывать уже доказаное; поэтому онъ выставляетъ факты, чтобъ изумить нашъ вѣкъ такими поступками, которымъ бы онъ никогда не повѣрилъ, еслибъ не были поименованы лица, ихъ совершившiя».

Потомъ г. Шельхеръ вычисляетъ, что̀ сто̀итъ содержанiе рабовъ въ колонiяхъ и цифра выходитъ довольно значительная. По его соображенiю, можно бы возстановить свободу въ колонiяхъ за 140 мильйоновъ законнаго вознагражденiя, а содержанiе рабовъ сто̀итъ гораздо-дороже. Даже онъ говоритъ, ка̀къ бы оживились колонiи, которыя теперь томятся въ переходномъ состоянiи, ка̀къ онѣ сдѣлались бы центрами промышлености, и указываетъ на счастливые результаты освобожденiя въ колонiяхъ англiйскихъ. Послѣдняя глава — о результатахъ освобожденiя, въ-особенности интересна.

— Вотъ въ краткомъ очеркѣ новости французской литературы послѣдняго времени; большое число историческихъ трудовъ указываютъ на ея главное направленiе, о другихъ сочиненiяхъ мы уже упоминали въ предшествующихъ книжкахъ нашего журнала.

А что же поэты французскiе? гдѣ же ихъ нѣжная и сладкая муза?—Мы было-хотѣли отвѣчать: «поэтовъ нѣтъ», но насъ остановило недавно-вышедшее сочиненiе подъ названiемъ: Galerie des poètes vivants *par* Auguste Desplaces. — Слѣдовательно, насъ обманывали; намъ всякой день говорили, что поэты перемерли во Францiи, что ихъ убилъ промышленый вѣкъ, что любовь къ деньгамъ замѣнила любовь къ идеаламъ, и пр., и пр. Совершенная клевета! Вотъ критикъ, онъ же и поэтъ, перечислилъ всѣхъ живыхъ пѣвцовъ Францiи, и оказалось, что ихъ на лицо *семнадцать*. Этимъ семнадцати избраннымъ онъ посвятилъ по портрету, и къ нимъ присоединилъ премиленькую коллекцiю поэтовъ раждающихся или поэтовъ низшаго разряда, которымъ онъ подарилъ по медальйону. Но всего отраднѣе то, что г. Деплассъ, перечисливъ и эту коллекцiю, сдѣлалъ намъ сюрпризъ въ концѣ книги, сказавъ: «это еще не все, есть и получше». Это насъ совершенно успокоиваетъ въ будущемъ!

Г. Деплассъ, очень-снисходительный критикъ, любитъ больше похвалить и польстить братiи, чѣмъ побранить, — безподобное расположенiе! Такой критикъ, можетъ-быть, даже лучше тѣхъ людей, которые вѣчно поютъ однѣ iеремiады о прекращенiи поэзiи въ нашъ вѣкъ, которымъ что̀ вы ни говорите, вѣчно вопятъ одно и то же, плачутъ, стонутъ и ихъ ничѣмъ не поколеблешь, — такъ-что наконецъ съ отчаянiя махнешь рукою и скажешь о нихъ то же, что̀ говорили о iезуитахъ въ западной церкви: *sint ut sunt*, пусть остаются тѣмъ, чѣмъ они теперь, — *aut non sint* (еще бы лучше, еслибъ ихъ не было) невольно подумаешь про себя.

Но за то г. Деплассъ почти неумолимъ къ публикѣ, нечитающей произведенiй французскихъ поэтовъ, которые отъ этого должны страдать, къ правительству, непокровительствующему имъ, наконецъ къ промышленой, фёльетонной литературѣ, убивающей поэзiю.—Вотъ въ этомъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ; тутъ есть кой-что, чего нельзя назвать правдою. Что публика читаетъ всѣхъ поэтовъ, которыхъ сто̀итъ читать, объ этомъ спросите у издателей, сколько разъ напечатали они такихъ поэтовъ. Если же она не читаетъ нѣкоторыхъ пѣвцовъ, то мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ публика не совсѣмъ виновата: можетъ-быть, тутъ много вины прiйдется и на долю поэтовъ. Большая часть изъ нихъ смотрятъ на поэзiю какъ на заколдованные сапоги ис-

фантастической повѣсти, имѣвшіе способность съуживаться и распространяться и такимъ-образомъ приходиться каждому по ногѣ; отъ этого поэты думаютъ, что стòитъ только надѣть такіе сапоги, и непремѣнно будешь дѣлать шаги по семи миль, нисколько не принимая въ соображеніе, надѣваетъ ли ихъ великій поэтъ или малый.— Что касается до страданій поэтовъ отъ-того, что ихъ не читаютъ, то, какъ видно изъ словъ автора, состраданіе его преимущественно относится къ лирическимъ поэтамъ. — Но вѣдь и эти господа не совсѣмъ справедливы. Развѣ сердце ихъ не облегчено тѣмъ, что они излили свои страданія передъ цѣлымъ свѣтомъ? Иногда самыя сильныя огорченія ихъ трогаютъ читателя только посредственно, потому-что ему приходитъ въ голову, такое размышленіе: «вѣдь достало же твердости у поэта разсказать свои страданія рифмованными стихами, и отчаяніе не лишило его силъ наблюдать надъ печатаніемъ книги... для большаго ея успѣха; значитъ, отчаяніе не совсѣмъ велико».—Мы думаемъ, что фальшивые лирическіе поэты должны много страдать не отъ своихъ чувствъ и стиховъ и не отъ равнодушія публики, а отъ неестественнаго положенія своего въ обществѣ. Нужно жизнь свою сообразовать съ произведеніемъ, нужно, чтобъ одно пополнялось другимъ, по-крайней - мѣрѣ, чтобъ не было между ними разлада. Представьте же себѣ положеніе несчастнаго поэта, отъ природы веселаго, но имѣвшаго слабость напечатать томъ плаксивыхъ стихотвореній! Онъ принужденъ, для поддержанія своей славы, вѣчно морщить лобъ, казаться печальнымъ, горько улыбаться и когда захочетъ повеселиться, быть инкогнито. Эта фальшивая роль можетъ сдѣлаться наконецъ естественною; безпрестанно растравляя свои раны, наконецъ увеличишь ихъ сколько-нибудь... и тутъ-то поэты находятъ горькое наслажденіе обливать ядомъ эти раны. Такая эгоистическая чувствительность, такое вѣчное состраданіе къ самому-себѣ, дѣлаетъ ихъ несправедливыми, заставляетъ думать, что одно желѣзное сердце не умилится надъ ними: ихъ даже жаль. Но самолюбіе принимаетъ иногда формы болѣе-веселые: иной до того займется своею личностью, что малѣйшее происшествіе, которое случится съ нимъ, принимаетъ въ его глазахъ размѣры колоссальные, и онъ считаетъ священною обязанностью сообщить объ этомъ публикѣ. Публика, дѣйствительно, иногда принимаетъ участіе, но не всегда въ такой мѣрѣ, какъ этого желалъ бы поэтъ.—Но самый маленькій поэтъ всегда считаетъ себя *почти геніемъ*... чтò дѣлать! до настоящаго времени всегда были скромны одни прозаики, и это наконецъ, кажется, сдѣлалось для нихъ обязательнымъ, по правиламъ реторики.

Можетъ - быть, самый промышленый матеріализмъ нашего вѣка совсѣмъ не такъ пагубенъ, какъ думаетъ г. Деплась. Когда жизнь полна событіями великими, когда событія эти до того грандіозны, что невольно приковываютъ къ себѣ воображеніе, когда общество одушевлено, когда исторія дѣлается романомъ—такое зрѣлище жизни дѣйствительной поглощаетъ фантазію и не даетъ мѣста поэзіи. Но когда дѣйствительная жизнь течетъ мирной чередой, когда сегодня будетъ то же, чтò было вчера, а завтра — чтò сегодня, тогда искусство дѣлается страстью, поэзія перестаетъ быть роскошью и удовольствіемъ, она дѣлается утѣшеніемъ, потребностью, фантазія ищетъ себѣ пищи въ другомъ мірѣ. Въ тюрьмахъ особенно пріятенъ свѣтъ дневной; дождливая осень заставляетъ припомнить сухіе лѣтніе, а иногда и зимніе дни. Когда революція и побѣды Наполеона останавливали на себѣ взоры всѣхъ, тогда не было времени углубляться въ себя и забываться въ мечтахъ: сама эпоха убивала поэзію. Въ настоящее же время, напрасно мы будемъ дѣлать такой упрекъ.

Г. Деплась жалуется, что литература и литераторы въ небреженіи у

французскаго правительства... Но развѣ единственное полезное покровительство публики ничего не значитъ? развѣ она не вознаграждаетъ достойно тѣхъ, кто заслуживаетъ вознагражденія? — Но г. Деплясъ принадлежитъ къ людямъ, любящимъ прошедшее по многимъ причинамъ, и говоритъ, что не въ его привычкахъ *ставить вѣкъ промышлености и эгоизма выше вѣка искусства и любезности*. Итакъ, посмотримъ, о чемъ онъ жалѣетъ въ прошедшей исторіи Франціи.

Много пущено въ ходъ академическихъ фразъ на-счетъ щедрости Людовика XIV и покровительства наукамъ и искусствамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не забылъ ихъ; но припомнимъ и то, что въ эпоху, когда поэты имѣли во сто разъ больше нужды въ опорѣ и покровительствѣ, нежели въ наше время, Лафонтенъ и Корнель умирали отъ нищеты, а Расинъ попалъ въ немилость за то, что осмѣлился подавать голосъ въ пользу народа. Это покровительство, такъ много прославленное, стóило очень-немного тѣмъ, которые его оказывали. Посмотрите на таблицу пенсіоновъ, раздававшихся въ 1663г. пишущей братіи: Мольеру тамъ назначено тысячу ливровъ, а Шаплену три тысячи. Впрочемъ, если вѣрить этой таблицѣ, то *Шапленъ есть величайшій поэтъ французскій, какой когда-либо существовалъ и... человѣкъ самыхъ солидныхъ сужденій*. На этой таблицѣ написано тридцать-два пансіона; двадцать писателей получали пансіона больше, нежели Мольеръ, четверо такой же, какъ и онъ, а семеро самый нисшій окладъ. Между этими-то семью находился и Расинъ!

Но дамы, изящныя метрессы, развѣ онѣ не были благосклонны къ поэтамъ? — Раскройте современные мемуары, и вы увидите, кáкъ онѣ усердно награждали Бенсерада и Воатюра, которые имъ писали мадригалы. Такихъ только поэтовъ дамы принимали и честили, а о Лафонтенѣ такъ отнесся Таллеманъ, историкъ Отеля Рамбульé: *Un garçon de belles lettres et qui fait des vers, M. de La Fontaine*...

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Вольтеръ и Руссо уже не пользовались никакимъ покровительствомъ... Между - тѣмъ, литература XVIII вѣка была могущественна. Въ XVII вѣкѣ, поэты, покровительствуемые дворомъ, были люди незначительные въ обществѣ; въ XVIII, когда имъ перестали уже покровительствовать, они были окружены почетомъ. Къ нимъ можно примѣнить слова Мухаммеда: «Если гора не прійдетъ ко мнѣ, я самъ пойду къ ней»...

Жаль, что г. Деплясъ не понялъ этого!

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗА ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacoẽs de Fernão-Mendez Pinto).

(*Переводъ съ старинпаго португальскаго языка.*)

I.

Нападеніе на городъ стоило намъ девятерыхъ человѣкъ убитыми, изъ которыхъ одинъ былъ Португалецъ, да пятьдесятъ человѣкъ было раненныхъ, и въ томъ числѣ восемь Португальцевъ. Проведя ночь со всѣми нужными предосторожностями, ибо въ рѣкѣ стояло на якорѣ много китайскихъ джонокъ, мы перешли на слѣдующее утро къ селенію, расположенному на противоположномъ берегу рѣки; но вчерашніе наши подвиги до того напугали жителей, что мы не нашли тамъ ни одной живой души. За то домы были наполнены разнымъ добромъ, а главное, провизіей всякаго рода. Антоніо де-Фаріа велѣлъ нагрузить ею всѣ наши суда, разсчитывая, что теперь врядъ-ли въ какомъ-нибудь китайскомъ городѣ захотятъ намъ продать что-нибудь.

Антоніо де-Фаріа рѣшился пережидать три мѣсяца противнаго муссона у одного необитаемаго острова, находящагося въ морѣ, въ пятнадцати лигахъ отъ Ліампо̀а, зная, что тамъ есть хорошія якорныя мѣста и удобно наливаться водою; а главное, онъ не хотѣлъ идти въ Ліампо̀а, какъ располагалъ прежде, чтобъ не повредить своимъ присутствіемъ торговымъ дѣламъ зимующихъ тамъ Португальцевъ: за такое честное намѣреніе всѣ похвалили его единогласно.

Выйдя изъ порта Ноуда́й, мы держались дней пять между островами Комоле́мъ и твердою землею, какъ вдругъ—это было въ субботу, въ самый полдень — на насъ напалъ одинъ извѣстный въ здѣшнихъ моряхъ разбойникъ, по имени Премата́, величайшій врагъ Португальцевъ, которымъ онъ надѣлалъ много зла въ Патáни, у Зоундскихъ-Острововъ, въ Сіамѣ, и вездѣ, гдѣ могъ. Онъ принялъ насъ за Китайцевъ и атаковалъ съ двумя большими джонками, на которыхъ у него было человѣкъ двѣсти военныхъ людей, не считая множества матросовъ и невольниковъ. Одно изъ его судовъ абордировало джонку Мема Таборды и чуть-было не овладѣло ею, но къ-счастію подоспѣлъ на выручку Квіай Панжангъ, который съ размаха такъ сильно ударился въ непріятельскій правый бортъ, что въ обоихъ судахъ открылась страшная течь; они стали быстро наливаться водою и погружаться. Мемъ Таборда освободился этимъ отъ грозившей ему гибели; стукнувшіяся джонки пошли ко дну, а три лорчи, взятыя нами въ Ноудаѣ, поспѣшили на помощь Квіай Панжангу, гребя изо всѣхъ силъ, и вытащили большую часть его людей, а непріятелей, барахтавшихся въ водѣ, разумѣется, перетопили.

Около этого времени самъ Премата̀ Гундель свалился на абордажъ съ большою джонкой Антоніо де-Фаріи, на которую отъ него закинули прездоровые крючья на крѣпкихъ цѣпяхъ, и оба судна сцѣпились между собою съ носа и кормы. Между ними завязалась страшная рѣзня, длившаяся около получаса, и разбойники напирали на насъ съ такою стремительностью, что переранили у насъ множество людей, а самъ Антоніо де-Фаріа былъ два раза въ опасности попасть въ плѣнъ; но тутъ подошли наши лорчи и небольшая джонка Перо де-Сильвы, и мы съ этимъ подкрѣпленіемъ опрокинули непріятеля, положивъ на мѣстѣ восемьдесятъ-шесть мавровъ, которые уже были на джонкѣ Антоніо де-Фаріи и почти совершенно овладѣли ею, до того, что намъ оставалось одно только мѣсто, ютъ, куда они насъ вытѣснили. Послѣ этого, мы перешли на джонку

разбойника, и послѣ непродолжительной свалки изрубили всѣхъ, кто намъ попадался подъ мечи, не давая пощады никому.

Побѣда эта обошлась намъ однако не дешево: у насъ было семнадцать человѣкъ убитыхъ, въ числѣ которыхъ пять Португальцевъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ людей, да сорокъ-три человѣка тяжело-раненныхъ. Самъ Антоніо де-Фаріа получилъ одну сильную рану абордажнымъ топоромъ, да двѣ сабельныхъ.

Когда бой кончился и мертвыхъ непріятелей побросали за бортъ, мы приступили къ осмотру нашей добычи: оказалось, что грузъ взятой джонки стоилъ около восьмидесяти тысячь таэловъ и состоялъ бо́льшею частію изъ японскаго серебра, которое досталось разбойнику съ трехъ купеческихъ джонокъ, шедшихъ изъ Фирондо (*) въ Чин-Чеу. Словомъ, на одной этой джонкѣ было добра слишкомъ на сто-двадцать тысячь крузадовъ, да на другой, какъ говорили, было около того же, такъ-что мы всѣ пожалѣли о ней.

Съ этимъ призомъ Антоніо де-Фаріа направился къ небольшому острову Бункалоу, находящемуся отъ мѣста нашего боя лиги на три или четыре къ западу. Тамъ мы нашли хорошую якорную стоянку, хорошую воду и прожили восемьнадцать дней на берегу, въ шалашахъ, которые выстроили сами для помѣщенія раненныхъ.

Въ-продолженіе этого времени, всѣ они, по милосердію Господа, выздоровѣли, и мы пошли дальше, какъ было предположено. Антоніо де-Фаріа шелъ на своей большой джонкѣ; Мемъ Таборда и Антоніо Анрикесъ на своей; Перо да-Сильва на малой, а Квіай Панжангъ на отнятой у разбойниковъ, въ вознагражденіе той, которой онъ лишился и за которую получилъ въ добавокъ двадцать тысячь таэловъ.

(*) Фирондо, одинъ изъ небольшихъ японскихъ островов въ Корейскомъ-Проливѣ. *Прим. перев.*

Идучи такимъ-образомъ, мы подошли черезъ шесть дней къ Ліампоасскимъ-Воротамъ — такъ называются два островка, лиги на три отъ мѣста, гдѣ въ то время Португальцы складывали свои товары для торговли, въ селеніи, основанномъ ими на берегу и состоявшемъ изъ тысячи домовъ. Въ селеніи этомъ былъ устроенъ магистратъ съ судьями, аудиторомъ и алькадами, да кромѣ того нѣсколько другихъ низшаго разряда судилищъ. Чиновники тамошніе подписывались вотъ какъ: «Я, такой-то, публичный нотаріусъ или секретарь города Ліампоа, во имя короля, нашего повелителя», такъ же смѣло и самоувѣренно, какъ-будто селеніе это или городъ, какъ наши его величали, находился между Лиссабономъ и Сантаремомъ. Тамъ были нѣкоторые домы, сто́ившіе до трехъ или четырехъ тысячь крузадовъ; но всѣ они, большіе и малые, дорогіе и дешевые, были послѣ за грѣхи наши разорены и срыты до земли Китайцами, такъ-что не осталось тамъ ровно ничего, какъ я въ-послѣдствіи разскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ этого можно будетъ видѣть, какъ непрочны наши дѣла въ Китаѣ, хотя до́ма, въ отечествѣ, они обращаютъ на себя много любопытства, и многіе, обманутые лживыми разсказами, считаютъ ихъ очень-важными; но это неправда, потому-что они ежечасно подвержены большимъ опасностямъ и очень ненадежны.

Между этими двумя островами, которые мѣстные жители и люди, плавающіе въ здѣшнихъ водахъ, называютъ Воротами Ліампоаскими, тянется проливъ, шириною на два выстрѣла изъ пищали; глубина его отъ двадцати до двадцати пяти саженъ и во многихъ мѣстахъ хорошія якорныя стоянки, куда съ горъ, между разнаго рода деревьями, стекаютъ ручьи чистой воды.

Антоніо де-Фаріа сталъ на якорь во входѣ въ проливъ, утромъ въ одну среду. Мемъ-Таборда и Антоніо-Анрикесъ попросили у него позволенія идти впередъ, извѣстить въ селеніи о на-

шемъ приходѣ и узнать мѣстныя новости, а также развѣдать, не дошли ли туда какія-нибудь извѣстія изъ Ноудáя, ибо главнокомандующій нашъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ не хочетъ вредить своимъ присутствіемъ торговлѣ Португальцевъ, а лучше пойдетъ зимовать къ необитаемому острову Пуло-Гиньйóру. Онъ согласился на ихъ просьбу и послалъ съ ними письма къ почетнѣйшимъ изъ управлявшихъ селеніемъ, извѣщая ихъ о своемъ приходѣ, о происшествіяхъ, которыя съ нимъ приключились, и прося у нихъ совѣта, какъ ему поступать; онъ обѣщалъ послѣдовать вполнѣ ихъ мудрому мнѣнію и насказалъ имъ много лестныхъ вещей, которыя ничего не стóютъ, а между-тѣмъ часто бываютъ очень-полезны.

Антоніо-Анрикесъ и Мемъ-Таборда отправились вечеромъ того же дня, а Антоніо де Фаріа рѣшился не трогаться съ мѣста, пока не дождется ихъ отвѣта. Оба они прибыли въ селеніе часовъ около двухъ ночи. Извѣстіе о ихъ приходѣ и приключеніяхъ распространилось вскорѣ между жителями, и главные изъ нихъ собрались по звону колоколовъ въ Церковь Зачатія-Пресвятой-Дѣвы, которая здѣсь была въ родѣ соборной надъ шестью или семью другими, и принялись разсуждать тамъ о томъ, чтó имъ сообщили эти два человѣка.

Видя, съ какимъ великодушіемъ Антоніо де-Фаріа поступилъ съ Анрикесомъ и Табордой, и со всѣми, которые имѣли долю въ грузѣ джонки, взятой Ходжéю Асемомъ и отбитой у него послѣ нами, они рѣшили, что долгъ ихъ требуетъ изъявить нашему главному капитану свою любовь и благодарность, сколько у нихъ станетъ силъ; на письма его къ разнымъ лицамъ, они отвѣчали однимъ общимъ, на которомъ подписались всѣ, какъ на актѣ государственнаго совѣта, и которое отправили къ нему съ однимъ дворяниномъ, Жеронимо де-Рего, человѣкомъ ученымъ и весьма-почтеннымъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ на двухъ лантéяхъ, нагруженныхъ всякаго рода свѣжими съѣстными припасами, фруктами и лакомствами.

Письмо ихъ было наполнено изъявленіями глубочайшей благодарности за благодѣяніе, которое имъ сдѣлалъ Антоніо де-Фаріа, отбивъ ихъ имущество изъ рукъ разбойниковъ, и за великодушіе, съ которымъ онъ съ ними поступилъ и за которое они надѣялись, что Господь Богъ вознаградитъ его щедрѣйшими благами во славѣ своей. А касательно опасеній его зимовать здѣсь, они успокоили его совершенно, говоря, что теперь дѣло въ Ноудаѣ не обратитъ на себя ничьего вниманія, ибо весь Китай взволнованъ смертью своего государя, на престолъ котораго имѣютъ притязаніе тринадцать наслѣдниковъ, отъ-чего вся земля въ такомъ безпорядкѣ, что еслибъ мы даже сожгли самый Кантонъ, то объ этомъ никто бы и не подумалъ; а въ Китаѣ Ноудáй въ сравненіи съ Кантономъ то же самое, чтó у насъ какой-нибудь Оэйрасъ въ сравненіи съ Лиссабономъ. Письмо это заключалось просьбою, чтобъ Антоніо де-Фарія оказалъ имъ милость и простоялъ на мѣстѣ шесть дней, дабы они имѣли время приготовить домы для его помѣщенія и сдѣлать ему въ городѣ такой пріемъ, который бы выражалъ хотя слабо чувства ихъ всеобщей признательности и уваженія къ его достоинствамъ.

Антоніо де-Фарія отвѣчалъ имъ, что вполнѣ согласенъ на все, чего они желаютъ, и благодаритъ ихъ за такую честь. На лантéяхъ же, привезшихъ провизію, онъ отправилъ въ селеніе всѣхъ раненныхъ и больныхъ, какіе только были на нашихъ судахъ, и тамъ ихъ размѣстили по домамъ богатѣйшихъ жителей и обращались съ ними съ самою нѣжною заботливостью.

Въ-продолженіе шести дней стоянки нашей въ этомъ проливѣ, не проходило ни одного, чтобъ къ Антоніо де-Фаріи не пріѣзжали въ гости почетнѣйшіе изъ жителей селенія или города, какъ они его называли; каждый привозилъ съ собою разныя кушанья, ла-

комства и плоды въ такомъ изобиліи и съ такими роскошными принадлежностями, что мы не могли надивиться этому богатству и пышности.

II.

Послѣдній день шестидневнаго ожиданія нашего былъ суббота, а въ воскресенье передъ разсвѣтомъ, когда мы должны были идти въ портъ, намъ дали серенаду на отличныхъ и самыхъ нѣжныхъ инструментахъ, которую мы всѣ слушали съ большимъ наслажденіемъ; по окончаніи ея раздались для разнообразія звуки трубъ, барабановъ и разныхъ шумныхъ инструментовъ, что̀ было также не дурно.

Часа за два до разсвѣта, при тихомъ вѣтрѣ, ясной погодѣ и чудесномъ лунномъ свѣтѣ, вся наша армада снялась съ якоря, разукрасившись флагами и развѣсивъ на мачтахъ и по бортамъ куски разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, атласовъ и парчей. Насъ окружала бездна гребныхъ судовъ, на которыхъ не умолкали ни на минуту трубы, барабаны, флейты, волынки и всякіе инструменты какъ португальскіе, такъ и китайскіе.

Когда совершенно разсвѣло, вѣтръ совсѣмъ затихъ, а мы были еще на разстояніи полулиги отъ порта; въ это время выѣхало къ намъ на встрѣчу двадцать лантей съ полнымъ числомъ гребцовъ, и, подлавъ буксиры всей армадѣ, привели ее на рейдъ меньше чѣмъ въ полчаса. Пока мы шли, къ джонкѣ Антонiо де-Фаріи приставало по очереди и по нѣскольку вдругъ, больше шестидесяти лодокъ и шампановъ, украшенныхъ шелковыми флагами и устланныхъ богатыми коврами; на нихъ пріѣзжало къ нему съ привѣтствіями человѣкъ около трехъ-сотъ, одѣтыхъ въ самые богатые наряды, съ золотыми цѣпочками и ожерельями, съ мечами, которыхъ перевязи были вышиты золотомъ, а ножны и рукояти также раззолочены: все это было устроено такъ великолѣпно и съ такимъ вкусомъ, что мы всѣ только удивлялись и любовались.

Такимъ-образомъ пришелъ Антоніо де-Фаріа на рейдъ, на которомъ стояли, выстроившись въ порядкѣ, двадцать-шесть большихъ кораблей и восемьдесятъ джонокъ разной величины; кромѣ-того, несчетное множество ванконговъ, барказовъ и шампановъ, расположенныхъ въ двѣ линіи и составлявшихъ изъ себя предлинную и широкую улицу. Всѣ меньшаго разряда суда были украшены вѣтвями разныхъ фруктовыхъ и другихъ деревьевъ, съ плодами и безъ нихъ, цвѣтами и всякаго рода зеленью и благоуханными травами.

Ставъ на якорь подъ городомъ, Антоніо де-Фаріа отсалютовалъ изо всей своей артиллеріи, на что̀ ему отвѣтили пальбой изъ пушекъ съ кораблей и джонокъ, и выстрѣлами изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія съ гребныхъ судовъ. Китайцы не могли прійдти въ себя отъ изумленія, видя такія почести, и спрашивали, кто этотъ человѣкъ, братъ или родственникъ португальскаго короля, что его такъ принимаютъ? Нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ отвѣчали на это въ шутку, что нѣтъ; но отецъ этого вельможи подковывалъ нѣкогда лошадей португальскаго короля, и этимъ возвысился надъ всѣми, которые могутъ теперь служить ему, какъ невольники господину.

Китайцы повѣрили такой нелѣпости и удивлялись, разсуждая между собою, какимъ образомъ ихъ писатели такіе невѣжды, что не знаютъ о могущественныхъ государяхъ, которые есть на землѣ и вѣрно богаче и сильнѣе, и обладаютъ государствами бо́льшаго размѣра, чѣмъ государи Татаріи или Кохинхины; нѣкоторые замѣтили даже, что еслибъ не было грѣшно говорить такія вещи, то, чего добраго, португальскій король не многимъ ниже самого Сына-Солнца. Другіе отвѣчали на это: «Конечно, очень-возможно, что этотъ бородатый народъ богатъ и силенъ; сто̀итъ только посмотрѣть, какія богатства они набираютъ себѣ мечомъ и огнемъ на всей землѣ, на обиду всѣмъ другимъ народамъ».

Когда салюты съ обѣихъ сторонъ кончились, подъѣхала къ джонкѣ Антоніо де-Фаріа, на греблѣ, украшенная самымъ необычайнымъ образомъ лантéа: вся она была покрыта какъ-будто каштановою рощей, съ зеленью и плодами; между сучьями и вѣтками были присажены розы, гвоздичные цвѣты и еще другаго рода зелень, благоуханнѣе всего этого. Каштановыя вѣтви разстилались такъ широко по сторонамъ, что совершенно скрывали гребцовъ и весла. На кормѣ лантéи, на шести шестахъ, была устроена довольно-высокая каѳедра, обтянутая парчею; на вершинѣ ея стояли серебряныя кресла, а вокругъ нихъ шесть дѣвушекъ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, необычайно - прелестныхъ, которыя играли на музыкальныхъ инструментахъ и пѣли очень-пріятными голосами. Такія лантéи со всѣми украшеніями и дѣвушками можно было нанимать за деньги изъ настоящаго города Ліампóа, который отсюда въ семи лигахъ, равно какъ и другія изобрѣтенія въ томъ же родѣ; тамъ есть купцы, которые этимъ промышляютъ и обогащаются, снабжая такими вещами на-прокатъ, а это дѣлаютъ тамъ часто при разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Антоніо де-Фаріа поѣхалъ на этой лантéѣ къ пристани, гдѣ его ожидала цѣлая толпа Китайцевъ, Малайцевъ, Сіамцевъ, Ликейцевъ и моряковъ и купцевъ всѣхъ народовъ, зимовавшихъ здѣсь подъ защитою Португальцевъ, потому-что моря были наполнены разбойниками: всѣ эти люди играли прегромко на своихъ инструментахъ.

На пристани Антоніо де-Фаріа сѣлъ въ богатыя кресла, употребляемыя въ китайскихъ церемоніяхъ, и его понесли восемь человѣкъ, одѣтыхъ въ тонкія полотняныя одежды; спереди пошли двѣнадцать человѣкъ съ серебряными булавами, а сзади шестьдесятъ аллебардистовъ съ раззолоченными сѣкирами; процессіи предшествовали восемь всадниковъ, съ бѣлыми штофными знаменами, да столько же съ зелеными и малиновыми зонтиками — всѣ они кричали по временамъ народу, чтобъ онъ раздавался, и были также наняты по этому случаю изъ города, со всѣми уборами и принадлежностями.

Прежде, чѣмъ тронуться впередъ, Антоніо де-Фаріа былъ привѣтствованъ депутаціей изъ самыхъ почетныхъ и богатыхъ жителей селенія, которые поздравили его съ прибытіемъ сюда, простершись передъ нимъ изъ учтивости на землѣ. Послѣ нихъ подошли къ нему два старые дворянина, жившіе здѣсь дольше всѣхъ прочихъ и всѣми уважаемые; они назывались Тристанъ де-Гáа и Жеронимо до-Рего, и произнесли ему отъ имени всѣхъ рѣчь, исполненную многихъ похвалъ и краснорѣчивыхъ выраженій, въ которой сравнивали его по великодушію съ Александромъ-Македонскимъ, а по доблестямъ съ Аннибаломъ, Сципіономъ, Помпеемъ и Юліемъ Цесаремъ.

Когда эта остановка кончилась, его понесли къ церкви по длинной улицѣ, усыпанной лавровыми и другими вѣтками, а домы и заборы были увѣшаны кусками разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій и коврами; во многихъ мѣстахъ стояли столы, на которыхъ въ серебряныхъ курильницахъ дымились дорогія благовонія. Въ концѣ улицы возвышалась деревянная башня, раскрашенная такимъ-образомъ, какъ-будто она была сложена изъ тесанаго камня; вершина ея увѣнчивалась тремя шпицами съ позолоченными флюгерами и бѣлыми шелковыми флагами съ королевскимъ гербомъ. Въ одномъ окнѣ этой башни виднѣлась пожилая женщина съ двумя малолѣтними дѣтьми, а внизу былъ человѣкъ израненный — чтó было сдѣлано очень-натурально — котораго убивали двѣнадцать Кастильцевъ въ полномъ вооруженіи, съ окровавленными сѣкирами и копьями. Это зрѣлище было очень-красиво и занимательно; намъ говорили, что оно представляло, кáкъ въ старину, во время одной изъ войнъ между Португаліей и Кастиліей, предокъ фамиліи

Фаріевъ заслужилъ себѣ дворянское достоинство.

Но вдругъ колоколъ, привѣшенный на вершинѣ этой башни, прозвонилъ три раза; весь народъ, который шумѣлъ препорядочно, разомъ замолкъ, ожидая, что будетъ. Тогда показался изнутри башни старикъ, одѣтый въ длинную малиновую мантію, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ съ серебряными булавами.

Отвѣсивъ Антоніо де-Фаріа низкій поклонъ, онъ изъявилъ ему въ разумныхъ словахъ, какъ много всѣ ему обязаны за великодушное возвращеніе ихъ собственности; въ знакъ благодарности за это и за освобожденіе ихъ отъ такого страшнаго разбойника, какъ Ходжа́ Асемъ, и многихъ другихъ, онъ просилъ нашего главнаго капитана считать жителей города Ліампо́а своими васаллами и данниками, пока они живы. Для ознаменованія перваго дня этого васальства, онъ предложилъ Антоніо де-Фаріа отъ имени всѣхъ, на покупку фитилей для нашихъ храбрыхъ солдатъ, пять ящиковъ съ серебряными полосами, цѣною въ десять тысячь таэловъ. Антоніо де-Фаріа поблагодарилъ его за такую честь въ самыхъ отборныхъ и ласковыхъ выраженіяхъ, но рѣшительно отказался принять подарокъ, какъ его объ этомъ ни упрашивали.

Чтобъ идти въ церковь, почетнѣйшіе изъ здѣшнихъ предложили Антонію де-Фаріа кресла подъ богатымъ балдахиномъ, который хотѣли нести шестеро главныхъ лицъ селенія; но онъ отказался отъ такой чести, говоря, что считаетъ себя недостойнымъ ея, а пошелъ къ церкви просто, въ сопровожденіи несметной толпы какъ Португальцевъ, такъ и людей всѣхъ народовъ, которые жили въ Ліампо́а по торговымъ дѣламъ, потому-что портъ этотъ былъ самый лучшій и богатый въ тѣхъ мѣстахъ. Впереди шествія множество разноплеменнаго народа пѣло, плясало, играло на инструментахъ и дѣлало разныя забавныя штуки и продѣлки: однихъ попросили объ этомъ, другимъ пригрозили, но всѣ дѣлали по желанію и примѣру Португальцевъ.

У воротъ церкви, Антоніо де-Фаріа былъ встрѣченъ восемью духовными отцами въ богатыхъ облаченіяхъ. Они, вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ, запѣли: *Te Deum laudamus*, да такъ хорошо, что можно было вообразить себя въ капеллѣ какого-нибудь могущественнаго европейскаго государя. При этомъ пѣніи, Антоніо де-Фаріа медленно дошелъ до назначеннаго ему кресла, обтянутаго малиновымъ бархатомъ, съ такою же подушкой для ногъ. Усѣвшись въ креслахъ, онъ выслушалъ обѣдню, которую отслужили отлично, съ прекраснымъ пѣніемъ и игрою на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ.

Священнодѣйствіе производилъ нѣкто Эстевао Ногейра, викарій, человѣкъ пожилой и очень почтенный; но съ непривычки онъ былъ проповѣдникъ довольно плохой, да къ-тому же очень-мало и даже вовсе не ученый, а между-тѣмъ, тщеславный и самолюбивый не хуже любаго дворянина. Онъ, желая отличиться въ такой торжественный день и показать себя великимъ риторомъ, основалъ всю свою проповѣдь на похвалахъ доблестямъ Антоніо де-Фаріа, и говорилъ такъ безсвязно и безтолково, что многіе изъ слушателей, видя, какъ это непріятно нашему главному капитану, подергивали старика за рясу, чтобъ онъ замолчалъ. Но онъ, не желая уступить и притворясь, будто отвѣчаетъ друзьямъ своимъ, сказалъ громко: «Я говорю правду, а потому не мѣшайте мнѣ: я поклялся именемъ Господа, что готовъ разбить себѣ голову о церковныя плиты за человѣка, который спасъ мнѣ семь тысячь крузадовъ! У меня было на эту сумму послано товаровъ на джонкѣ, которую песъ Хаджа Асѣмъ проглотилъ было. Да будетъ ему въ аду, гдѣ душа его теперь сидитъ, хуже, чѣмъ всѣмъ прочимъ проклятымъ!»

Всѣ присутствующіе сказали: «аминь!» но никто не могъ удержаться отъ смѣха.

Когда шумъ затихъ, изъ ризницы вышли шесть молодыхъ дѣвочекъ, съ раззолоченными музыкальными инструментами въ рукахъ. Старикъ-викарій преклонилъ колѣни передъ алтаремъ Пречистой Дѣвы, около котораго расположились и дѣти, и, обратясь къ образу Ея со слезами, сказалъ чувствительнымъ голосомъ: «Ты Владычица наша!» Всѣ шесть дѣвочекъ повторили за нимъ: «Ты Владычица наша!» распѣвая слова эти такими нѣжными голосами подъ музыку своихъ инструментовъ, что всѣ были растроганы до слезъ. Послѣ этого викарій взялъ віолончель и пропѣлъ нѣсколько разъ хвалы Пречистой Дѣвѣ, въ прекрасныхъ и благочестивыхъ выраженіяхъ; а предъ каждымъ разомъ дѣвочки пѣли своими голосами: «Ты Владычица наша!» Концертъ этотъ былъ удивительно хорошъ, какъ по музыкѣ, которая тогда играла, такъ и по прекрасному пѣнію. Всѣ были въ восторгѣ и очень-многіе плакали отъ умиленія.

Наконецъ обѣдня кончилась и четверо изъ почетнѣйшихъ членовъ здѣшняго магистрата, Матеусъ де-Брито, Лансароте Перейра, Жеронимо де-Рего и Тристао де-Гаа, подошли къ Антоніо де-Фаріи и повели его на большую площадь, бывшую передъ ихъ домами; за ними послѣдовали всѣ Португальцы, которыхъ здѣсь тогда набралось больше тысячи человѣкъ.

Площадь была окружена воткнутыми въ землю каштановыми сучьями, съ плодами и цвѣтами, какъ ихъ вырубили въ лѣсу; кромѣ того, ее украсили множествомъ шелковыхъ флаговъ и наставили несчетную бездну розъ и всякихъ прекрасныхъ цвѣтовъ, которые у насъ были бы очень-рѣдки, а въ Китаѣ они очень-обыкновенны. На площади было накрыто три длинные стола, вдоль миртовыхъ шпалеръ, а между ними были устроены фонтаны, которые Китайцы умѣютъ дѣлать очень-искусно; но мы никакъ не могли понять ихъ секрета. Передъ каждымъ изъ этихъ трехъ столовъ стояло еще по столу, уставленному отличною фарфоровою посудой. На одномъ изъ нихъ было, между прочимъ, шесть золотыхъ вазъ для воды, добытыхъ на этотъ случай китайскими купцами изъ города Ліампо, отъ мандарина — извѣстно, что мандарины ѣдятъ не иначе, какъ на золотой посудѣ, а серебряную употребляютъ люди менѣе знатные. Тутъ же были золотыя блюда, солонки и кубки, на которые глазамъ было пріятно смотрѣть, хотя по временамъ и становилось завидно.

Всѣ неприглашенные на банкетъ ушли тогда съ площади, а остались только приглашенные, которыхъ набралось человѣкъ семьдесятъ или восемьдесятъ, не считая солдатъ Антоніо де-Фаріи, которыхъ было около пятидесяти. Наконецъ, всѣ мы усѣлись за столы и намъ прислуживали прехорошенькія дѣвушки въ щегольскихъ китайскихъ одеждахъ. При каждой перемѣнѣ кушанья, однѣ изъ нихъ пѣли пріятными голосами, а другія играли на инструментахъ. Антоніо де-Фаріа прислуживали одному восемь молодыхъ красавицъ — все дочери почетныхъ Китайцевъ, которыхъ родители привезли сюда изъ города, по просьбѣ Матеуса де-Брито и Тристао де-Гаа, весьма любимыхъ и уважаемыхъ Китайцами. Всѣ онѣ были наряжены сиренами и подносили Антоніо де-Фаріа кушанья съ разными стройными движеніями, въ родѣ танцевъ, подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. Мы были въ восторгѣ отъ этого угощенія и только похваливали порядокъ и совершенство всего, что видѣли и вкушали; а каждый разъ, что намъ наливали вино, раздавались громкіе звуки трубъ, бубновъ и волынокъ.

Въ такомъ порядкѣ пиръ продолжался больше двухъ часовъ, а въ промежуткахъ между перемѣнами насъ потѣшали то Португальцы, то Китайцы разными представленіями. Я не хочу распространяться о изобиліи и совершенствѣ кушаньевъ, а скажу

только, что врядъ ли въ какой странѣ можно было бы устроить пиръ великолѣпнѣе и лучше этого.

Вставъ изъ-за столовъ около двухъ часовъ пополудни, мы перешли на другую площадь, окруженную родомъ амфитеатра, на скамьяхъ котораго сидѣла бездна народа. Тамъ, при звукѣ трубъ, барабановъ, флейтъ и литавровъ, затравили восемь воловъ и пять дикихъ лошадей, да кромѣ того были разныя другія потѣхи.

Когда все кончилось, что̀ было уже подъ-вечеръ, Антоніо де-Фаріа хотѣлъ возвратиться на свою джонку, но Тристао де-Га́а и Матеусъ де-Брито не согласились на это, а упросили его поселиться въ ихъ домахъ, которые соединялись между собою коррилоромъ и были нарочно приготовлены для его помѣщенія. Тамъ онъ прожилъ всѣ пять мѣсяцевъ пребыванія нашего въ Ліампо̀а въ полномъ удовольствіи. Хозяева наши устроивали безпрестанно охоты псовыя и соколиныя, потѣшныя рыбныя ловли, воловьи травли, и т. п. Каждое воскресенье и каждый церковный праздникъ, а иногда и на недѣлѣ, они давали намъ великолѣпные банкеты, такъ-что для всѣхъ насъ пять мѣсяцевъ пролетѣли, какъ пять дней.

По истеченіи этого времени, Антоніо де-Фаріа принялся за приготовленія къ экспедиціи на Квангжепару́; но тутъ умеръ Кваіай Панжангъ, о которомъ онъ очень сожалѣлъ, и ему отсовѣтовали нападеніе на тамошніе серебряные рудники, потому-что въ Ліампо̀а получили достовѣрныя извѣстія о междоусобныхъ войнахъ, которыя въ тѣхъ краяхъ свирѣпствовали съ ужаснымъ кровопролитіемъ.

Антоніо де-Фаріа наслышался здѣсь объ одномъ знаменитомъ корсарѣ, по имени Симила́у, а потому онъ постарался сойтись съ нимъ и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ. Симила́у разсказалъ ему много чудесъ объ одномъ островѣ, называвшемся Калемплу́й, на которомъ находится семьнадцать царскихъ гробницъ китайскихъ государей въ богатѣйшемъ монастырѣ, гдѣ множество золотыхъ идоловъ и другихъ драгоцѣнностей. По его словамъ, не было никакого труда наложить на это руки, а сто̀ило только нагружать суда. Кромѣ того онъ наговорилъ такъ много чудеснаго и невѣроятнаго о тамошнихъ сокровищахъ, что я боюсь повторять его рѣчи, чтобъ меня не сочли выдумщикомъ.

Такъ-какъ Антоніо де-Фаріа былъ отъ природы человѣкъ весьма-любопытный и предпріимчивый, да, кромѣ того, не имѣлъ недостатка въ алчности, то сблизился и сдружился съ этимъ Китайцемъ и рѣшился пуститься на предложенное имъ предпріятіе, основываясь на однихъ его разсказахъ и не спрашивая ничьего совѣта, чѣмъ друзья его были значительно огорчены, да и не безъ причины.

III.

Приготовившись какъ слѣдуетъ для этого новаго путешествія, Антоніо де-Фаріа вышелъ изъ порта Ліампо̀а 14 мая 1542 года, на двухъ *пандурахъ* (*): ему отсовѣтовали идти на джонкахъ, во-первыхъ, потому-что это возбудило бы подозрѣнія, а, во-вторыхъ, джонки были бы по своей неповоротливости неудобны на сильныхъ теченіяхъ и сулояхъ Нанкинскаго-Залива, гдѣ въ это время года большія суда не могутъ съ ними справиться по причинѣ разливовъ рѣкъ, бухнущихъ отъ проливныхъ дождей, которые господствуютъ въ Татаріи въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ.

На судахъ нашихъ было пятьдесятъ-шесть Португальцевъ и одинъ отецъ-миссіонеръ, Діого Лобато; сорокъ-восемь матросовъ для гребли и управленія парусами, все урожденцы Патаніи, народъ вѣрный и надежный, да кромѣ того сорокъ-два человѣка нашихъ невольниковъ — всего сто-сорокъ-шесть человѣкъ. Большаго числа людей корсаръ Симила́у, шедшій въ качествѣ лоцмана, не совѣтовалъ брать съ собою, такъ же какъ и бо̀льшаго числа судовъ, потому-что тогда, проходя че-

(*) *Panoura*, родъ галеры. *Прим. перев.*

резъ Нанкинскій-Заливъ и по рѣкамъ, по которымъ ходитъ много народа, намъ было бы недолго дожить до какой-нибудь бѣды.

Въ тотъ день и въ слѣдующую ночь мы выбрались за всѣ Анжитýрскіе-Острова и шли по морю, по которому еще не плавалъ ни одинъ Португалецъ. Воображеніе наше было наполнено предстоящими опасностями и мы первые пять дней шли съ попутными вѣтрами, въ виду береговъ, до устья залива, гдѣ начинаются нанкинскіе рыбные промыслы; у этого мѣста мы пустились на перевалъ черезъ заливъ, и, пройдя сорокъ лигъ, очутились въ виду высокаго хребта горъ, называвшихся Навгафáу, вдоль которыхъ мы направились носомъ къ сѣверу и шли еще пять сутокъ. Тогда вѣтръ стихъ, но такъ-какъ зыбь ходила большая, то Симилáу привелъ насъ въ небольшую рѣку съ хорошимъ якорнымъ мѣстомъ, гдѣ мы и простояли трое сутокъ.

Жители селенія были хорошаго роста и бѣлолицые, съ маленькими глазами, какъ у Китайцевъ, но вообще непохожіе на нихъ ни языкомъ, ни одеждою. Во все время нашей стоянки они не хотѣли имѣть съ нами никакого сообщенія, а только подбѣгали иногда толпами къ берегу, около котораго мы были, съ сердитыми криками и свистомъ, бросали въ насъ изъ пращей камни и пускали стрѣлы, а потомъ, какъ-будто испугавшись своей храбрости, бѣгали взадъ-и-впередъ и скрывались.

Черезъ трое сутокъ погода позволила намъ идти дальше, и Симилáу, которому всѣ повиновались, направилъ путь на востоко-сѣверо-востокъ, и мы шли такимъ-образомъ семь дней все въ виду береговъ; потомъ, переваливъ черезъ другой заливъ, мы вошли съ восточной стороны въ проливъ, шириною лигъ около десяти, называющійся Силеупакúмъ. Имъ мы шли еще пять дней, въ виду многолюдныхъ и богатыхъ городóвъ и селеній, а въ рѣкѣ этой или проливѣ было премножество судовъ.

Антоніо де-Фаріа, боясь, что насъ узнаютъ и видя, что намъ тогда нѣтъ никакого спасенія, вздумалъ-было воротиться отсюда, но Симилáу воспротивился этому общему мнѣнію и сказалъ: «До-сихъ-поръ вы еще не могли обвинять меня ни въ чемъ; помните, что въ Ліампóа, на общемъ совѣтѣ въ церкви, въ присутствіи больше ста Португальцевъ, я говорилъ вамъ о величайшихъ опасностяхъ, съ которыми сопряжено наше предпріятіе. Я рискую тутъ больше, чѣмъ всѣ вы, потому-что васъ предадутъ одной только смерти, тогда-какъ я, Китаецъ и лоцманъ вашъ, подвергаюсь двумъ тысячамъ смертей, еслибъ ими можно было наказать человѣка. А потому ясно, что я не могу вамъ измѣнить, но долженъ по необходимости быть вамъ вѣрнымъ и преданнымъ, не смотря даже на ропотъ и болтовню, которыми теперь меня оскорбляютъ. Если же вы боитесь опасности быть узнанными въ этихъ мѣстахъ, то я могу повести васъ другимъ путемъ, на которомъ мы встрѣтимъ гораздо-меньше судовъ и людей, но за то мы должны будемъ употребить больше времени. Рѣшайте же сейчасъ, идти ли дальше или воротиться — я готовъ служить вамъ въ обоихъ случаяхъ».

Антоніо де-Фаріа обнялъ и поблагодарилъ его много разъ, а потомъ принялся разсуждать съ нимъ о новомъ и болѣе-долгомъ пути. Симилáу сообразилъ, что къ сѣверу, на сто сорокъ лигъ, есть рѣка, шириною около полулиги, которая называется Сумгепадао и населена гораздо-меньше, чѣмъ Нанкинскій-Заливъ, гдѣ мы теперь находимся, а потому тамъ гораздо-безопаснѣе идти; но за то нужно будетъ употребить на дорогу лишній мѣсяцъ, потому-что предстоитъ сдѣлать большой обходъ.

Антоніо де-Фаріа разсудилъ, что благоразумнѣе пожертвовать мѣсяцемъ времени, чѣмъ жизнью всѣхъ насъ, а потому согласился на предложеніе Си-

милау и мы немедленно вышли изъ Нанкинскаго-Залива и направились вдоль береговъ къ сѣверу. Черезъ пять дней, по благости Господа, мы увидѣли высокій горный хребетъ; Симилау сказалъ, что онъ называется Фанжусъ. Подойдя къ нему ближе, мы вскорѣ вышли на прекрасный рейдъ, расположенный въ видѣ полукруга, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ и такой просторный, что на немъ помѣстилось бы удобно тысячи двѣ судовъ.

Антоніо де-Фаріа съѣхалъ на берегъ, взявъ съ собою человѣкъ десять солдатъ, и обошелъ кругомъ всей губы, но не встрѣтилъ ни одной живой души, у кого бы могъ разузнать о предстоявшемъ намъ пути; это его значительно огорчило и онъ уже начиналъ раскаяваться, что пустился на такое отчаянное предпріятіе, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, совершенно наобумъ. Возвратясь на судно, онъ сталъ при всѣхъ говоритъ Симилау объ этомъ путешествіи, которое мы дѣлали какъ слѣпые, не имѣя на чемъ основаться.

Симилау отвѣчалъ ему: «Сеньйоръ капитанъ! Еслибъ я могъ оставить тебѣ подъ залогъ какую-нибудь драгоцѣнность, которая бы стоила мнѣ дороже моей бѣдной головы, то повѣрь, что я бы это сдѣлалъ. Я иду по теперешнему пути нашему съ такою увѣренностью, что не побоялся бы оставить въ Ліампоа заложниками тысячу сыновей, еслибъ они у меня были. Если ты боишься идти впередъ, слушая наговоры, которые твои товарищи безпрестанно шепчутъ тебѣ на уши противъ меня, что̀ я очень-хорошо вижу и понимаю, то скажи мнѣ, чего ты хочешь? Тебѣ говорятъ, что теперешній путь длиннѣе того, который я обѣщалъ въ Ліампоа, но развѣ я не объяснилъ причину этого? Успокойся лучше, не отступай отъ принятаго намѣренія и увидишь, какіе плоды вознаградятъ тебя за всѣ труды».

Антоніо де-Фаріа дѣйствительно успокоился и сказалъ ему, что готовъ идти куда онъ его поведетъ; а что касается до ропота солдатъ, то нѣчего обращать вниманія на болтовню людей праздныхъ. Онъ обѣщалъ, что они будутъ впередъ скромнѣе, иначе онъ принудитъ ихъ молчать, и этимъ Симилау остался доволенъ.

Выйдя отсюда, мы шли еще тринадцать дней вдоль берега и прибыли въ заливъ Бушипалёнъ, гдѣ нашли климатъ уже прохладнѣе, чѣмъ на прежнихъ якорныхъ стоянкахъ (*). Тамъ мы видѣли множество рыбъ и змѣй такихъ удивительныхъ и разнообразныхъ, что я боюсь говорить о нихъ. Симилау разсказывалъ о нихъ Антоніо де-Фаріи много чудесъ, а также о томъ, что̀ здѣсь происходитъ по ночамъ въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, въ бурную и дождливую погоду. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій мы видѣли своими собственными глазами, а потому можетъ-статься, что онъ выдумывалъ не все, что̀ разсказывалъ.

Видѣли мы тутъ большихъ рыбъ, наподобіе скотовъ, въ обхватѣ сажени на три, и другихъ, похожихъ на большихъ ящерицъ, черно-зеленаго цвѣта, съ тремя рядами колючекъ на спинѣ; колючки величиною съ стрѣлу, весьма-остроконечны, а внизу ладони въ три въ обхватѣ; остальное тѣло у нихъ также въ колючкахъ, но не такихъ длинныхъ и толстыхъ. Рыбы эти повременамъ съёживаются, какъ ёжи, рыло у нихъ черное и острое, а зубы похожи на кабаньи клыки.— Симилау говорилъ, что Китайцы называютъ эту рыбу *пучиссуконъ*. Видѣли мы также другихъ рыбъ, черныхъ, преуродливыхъ и преогромныхъ: но я не хочу распространяться обо всемъ этомъ, потому-что завлекся бы слишкомъ-далеко; скажу только, что въ-продолженіе двухъ ночей, проведенныхъ нами

(*) Пинто говоритъ, что этотъ заливъ на высотѣ (т. е. въ широтѣ) сорока-девяти градусовъ: это явная ошибка, которую можно приписать невѣжеству человѣка безъ всякаго образованія, а также скудости тогдашнихъ астрономическихъ средствъ. *Прим. перев.*

здѣсь, мы не имѣли покоя отъ ящерицъ, китовъ, рыбъ и змѣй, да тюленей подъ берегомъ, которыхъ видѣли днемъ, потому-что все это плескалось, сопѣло, фыркало и шумѣло такъ, что я не могу выразить словами (*).

Выйдя изъ залива Бушипалèмъ, который наши назвали Змѣиною-Рѣкой, мы прошли пятнадцать лигъ, и, по совѣту Симилàу, стали на якорь въ другомъ заливѣ, гораздо-прекраснѣйшемъ и болѣе-глубокомъ, называвшемся Калиндàнгъ; онъ по берегу тянется лигъ на шесть разстоянія, окруженъ высокими горами, поросшими густымъ лѣсомъ, и въ него впадаетъ четыре рѣки. Симилàу сказалъ, что намъ прійдется идти по одной изъ нихъ, называющейся Паатебенàнъ, и что, поднимаясь по ней, мы снова очутимся по близости Нанкинскаго-Залива, отъ котораго до-сихъ-поръ удалялись. Онъ убѣждалъ Антоніо де-Фарію не тревожиться предстоящими намъ теперь трудами, обѣщая привести все къ хорошему концу. На вопросъ долго ли намъ идти этою рѣкою, Симилàу отвѣчалъ, что дней четырнадцать или пятнадцать, а потомъ, когда выйдемъ изъ нея, онъ обѣщалъ, что приведетъ насъ черезъ пять дней къ острову Калемплуй, гдѣ мы щедро вознаградимъ себя за всѣ труды, на которые теперь жалуемся.

Антоніо де-Фарія обнялъ его, увѣрилъ въ своей дружбѣ и примирилъ съ солдатами, которые на него ворчали и роптали. Потомъ, какъ намъ могла встрѣтиться надобность въ военной силѣ, Антоніо де-Фарія велѣлъ сдѣлать всѣ нужныя на такіе случаи приготовленія, а падре Діого Лобато, священникъ нашъ, о которомъ я говорилъ выше, произнесъ краткую проповѣдь, въ которой убѣждалъ не унывать, не упадать духомъ, а смѣло, во имя Господа, идти и довершить начатое. Разумныя и краснорѣчивыя слова его подѣйствовали на насъ такъ, что мы всѣ ободрились и у всѣхъ явились новыя силы и новая твердость.

Послѣ этого мы благочестиво преклонились передъ образомъ Пречистой Дѣвы и дали обѣтъ кончить безъ страха предпринятую экспедицію. Потомъ, поставивъ паруса какъ слѣдуетъ, мы вошли въ рѣку, по указанію Симилàу, призывая со слезами помощь Господа, сѣдящаго одесную Предвѣчнаго Отца.

IV.

Продолжая путь нашъ подъ парусами и на веслахъ по изворотамъ рѣки, мы прибыли на другой день къ высокому горному хребту, съ котораго стекало много ручьевъ и рѣчекъ, и который Симилàу назвалъ намъ Ботинафàу. На берегу мы видѣли множество тигровъ, львовъ, носороговъ, леопардовъ и разныхъ другихъ хищныхъ звѣрей, которые скакали и гонялись за животными менѣе-сильными, какъ-то: оленями, свиньями, обезьянами, дикими козами и т. п. Они нисколько не пугались нашихъ криковъ и выстрѣловъ, какъ животныя, незнакомыя съ преслѣдованіями охотниковъ.

Шесть дней шли мы этими горами, по разстоянію отъ сорока до пятидесяти лигъ. Потомъ мы вошли въ другой горный хребетъ, не менѣе-дикій, называющійся Ганжитанду. Далѣе земля была очень-гориста, безплодна и до того лѣсиста, что солнечные лучи навѣрное не могутъ ее согрѣвать. Страна эта, по словамъ Симилàу, была необитаема на разстояніи девятидесяти лигъ, потому-что тутъ нѣтъ удобной для воздѣлыванія земли; только мѣстами, въ долинахъ, у подошвы горъ, живетъ дикое и безобразное племя, называемое *Жигауи*, которое существуетъ только охотою, да изрѣдка ѣстъ рисъ, промѣниваемый ему китайскими купцами на звѣриныя шкуры; а мѣха эти

(*) Въ этихъ описаніяхъ Мендезъ Пинто пользуется, по-видимому, правомъ путешественниковъ, посѣщавшихъ отдаленныя и малоизвѣстныя страны: «A beau mentir qui vient de loin», т. е. «хорошо тому лгать, кто пришелъ издалека».

Прим. перев.

въ большомъ употребленіи въ холодныхъ частяхъ Китая.

Антоніо де-Фаріа, удивленный подробностями, которыя разсказалъ ему Симилáу объ этихъ дикихъ людяхъ и о безобразіи ихъ, попросилъ нашего путеводителя, чтобъ онъ доставилъ ему возможность хоть взглянуть на такого человѣка, увѣряя его, что желаетъ этого больше всѣхъ сокровищъ Китая. Симилáу отвѣчалъ ему: «Вижу ясно, что это важно и для меня самого, потому-что тогда ты убѣдишься въ истинѣ другихъ моихъ словъ и это зажметъ ротъ ворчунамъ, которые толкаютъ другъ друга локтемъ когда я о чемъ-нибудь говорю; ты увидишь ихъ сколько хочешь, прежде чѣмъ зайдетъ солнце, но совѣтую тебѣ не сходить на берегъ, какъ ты до-сихъ-поръ вездѣ дѣлалъ, чтобъ тебѣ не приключилось бѣды: люди эти сильны и кровожадны, какъ лѣсные звѣри, которыхъ мясомъ и кровью они питаются; къ-тому же, они вѣроломны и часто убивали промышлениковъ, имѣвшихъ дерзость отваживаться въ ихъ лѣса».

Идучи все впередъ въ дикихъ мѣстахъ, на веслахъ и подъ парусами, мы увлекались разнообразіемъ безпрестанно измѣнявшихся видовъ и продѣлками дикихъ животныхъ, показывавшихся на прибережьѣ и между деревьями. Вдругъ, обогнувъ одинъ мысъ, мы увидѣли идущаго черезъ него безбородаго молодаго человѣка, который гналъ передъ собою шесть или семь коровъ. Симилáу махнулъ ему платкомъ; онъ остановился и дождался подлѣ самой воды, пока мы къ нему приближались; потомъ Симилáу показалъ ему кусокъ зеленой тафты, которую по словамъ его дикари эти очень любятъ, и спросилъ его знаками, желаетъ ли онъ купить ее? Дикарь отвѣчалъ хриплымъ и непріятнымъ голосомъ: *китеу парао фауфяу*, но никто не понялъ его словъ, ибо никто у насъ не умѣлъ говорить на этомъ языкѣ.

Антоніо де-Фаріа велѣлъ дать ему нѣсколько локтей тафты и шесть кусковъ фарфора, чѣмъ онъ остался очень доволенъ и снова заговорилъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ; потомъ онъ показалъ рукою въ ту сторону, откуда вышелъ, и скрылся въ лѣсу, оставивъ своихъ коровъ.

Дикарь этотъ былъ одѣтъ въ тигровую шкуру, шерстью вверхъ, съ голыми руками и ногами, и открытою головой. Онъ держалъ въ правой рукѣ шестъ, былъ довольно строенъ и высокъ ростомъ; жоствіе, всклоченные волосы его упадали ему на плечи. Черезъ четверть часа, онъ воротился съ живымъ оленемъ на плечахъ, въ сопровожденіи тринадцати человѣкъ — восьми мужчинъ и пяти женщинъ, которые привели за собою три коровы на веревкахъ, привязанныхъ за рога. Люди эти кривлялись и плясали, ударяя въ грубый тамбуринъ, хлопали въ ладоши и приговаривали: *куръ, куръ, гинау фалемъ*, рѣзкими и нестройными голосами.

Всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, были одѣты одинаково, только женщины имѣли на рукахъ, выше локтей, толстые оловянные браслеты; да кромѣ того волосы ихъ были длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ и убраны разными лѣсными цвѣтами, а на шеѣ были надѣты ожерелья изъ большихъ красныхъ раковинъ, похожихъ на устрицы. Мужчины и женщины были всѣ большаго роста, дюжи, грубы въ движеніяхъ, съ толстыми губами, сплющенными носами и широкими ноздрями. Тѣлосложеніе ихъ было не очень безобразное, но вообще они не походили ни на одинъ народъ, видѣнный нашими мореплавателями и завоевателями.

Антоніо де-Фаріа велѣлъ дать имъ кучу разной фарфоровой дряни, кусокъ зеленой тафты и небольшой мѣшокъ перцу; всѣ они бросились на землю, поднявъ къ верху руки съ сжатыми кулаками и прокричали что-то непонятное, вѣроятно, изъявленіе своей благодарности. Они отдали намъ оленя и трехъ коровъ, и долго еще говорили всѣ разомъ своими грубыми и непріятными голосами. Послѣ этого

мы бесѣдовали съ ними знаками, почти вовсе не понимая другъ друга, часа три; мы удивлялись и смѣялись глядя на нихъ, а они глядя на насъ, и наконецъ они скрылись въ лѣсу, припрыгивая и припѣвая.

Оттуда мы прошли еще шесть дней вверхъ по рѣкѣ и повременамъ видали другихъ дикарей, иногда совершенно нагихъ, но уже не останавливались для нихъ и не имѣли съ ними больше сообщенія. Пройдя эту землю, мы шли на веслахъ и подъ парусами еще семнадцать дней по совершенно-безлюднымъ мѣстамъ; только два раза, ночью намъ случалось видѣть огни далеко внутри земли. Наконецъ, черезъ этотъ промежутокъ времени, достигли мы по благости Господа Нанкинской-Рѣки (*), какъ намъ обѣщалъ Симилаў. Тутъ всѣ мы ободрились, въ надеждѣ добраться дней черезъ пять или шесть до цѣли нашего плаванія.

Тогда Симилаў посовѣтовалъ Антоніо де-Фаріи, чтобъ онъ остерегался больше всего на свѣтѣ показывать Португальцевъ мѣстнымъ жителямъ, зная очень-хорошо, что еслибъ Китайцы насъ увидѣли, то сейчасъ бы подняли тревогу, ибо въ этихъ мѣстахъ иностранцы еще никогда не показывались; онъ совѣтовалъ также удаляться отъ береговъ, а держаться ближе къ серединѣ, потому-что вдоль береговъ безпрестанно ходятъ взадъ и впередъ китайскія лорчи и лантеи. Всѣ вполнѣ согласились съ его мнѣніемъ. Идучи шесть дней противъ теченія, мы увидѣли большой городъ Силеупаморъ, къ которому и направились, а часовъ около двухъ по полуночи вошли на рейдъ его, очень-хорошій, лиги двѣ въ окружности, гдѣ стояло на якорѣ множество судовъ: по соображеніямъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ, ихъ тутъ было тысячь около двухъ. Это напугало насъ до того, что мы поспѣшно поворотили назадъ, перешли къ другому берегу рѣки и продолжали идти впередъ вдоль обширной равнины, съ намѣреніемъ добыть себѣ провизіи гдѣ окажется удобнымъ: мы уже терпѣли недостатокъ въ ней и цѣлыхъ тринадцать дней голодали, ибо выдавалось каждому человѣку не больше, какъ по три горсти риса, который мы варили въ водѣ и ѣли, не имѣя ничего другаго.

Въ такомъ скудномъ положеніи пришли мы къ весьма-древнимъ строеніямъ, называвшимся Танамадѐль, гдѣ съѣхали на берегъ до разсвѣта и вошли въ одинъ домъ недалеко отъ нихъ. Домъ этотъ, по благости Господа, былъ наполненъ большимъ изобиліемъ риса и бобовъ; кромѣ того мы нашли тамъ множество горшковъ съ медомъ, соленыхъ утокъ, сахарнаго тростника, лука и чеснока. Всѣмъ этимъ мы запаслись въ волю. Домъ этотъ, какъ намъ сказали, былъ амбаромъ богадѣльни, отстоявшей оттуда лиги на двѣ и устроенной нарочно для пилигримовъ, идущихъ на поклоненіе въ царскимъ гробницамъ.

Нагрузившись провизіей, мы возвратились на свои суда и продолжали идти еще семь дней, что̀ все вмѣстѣ составляло два съ половиною мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ мы отправились изъ Ліампо̀а. Въ это время Антоніо де-Фаріа потерялъ уже довѣріе къ Симилаў и очень раскаявался въ томъ, что предпринялъ такое безконечное путешествіе, въ чемъ сознался публично передъ всѣми, ибо ясно было, что намъ оставалось только возложить все упованіе на Господа и вооружиться мужествомъ, благоразуміемъ и терпѣніемъ.

Однажды утромъ, онъ спросилъ Симилаў, въ какихъ мы находимся странахъ и тотъ отвѣчалъ совершенно безтолково, какъ человѣкъ, сбившійся съ разсчета и потерявшій счисленіе; это разгнѣвало Антоніо де-Фаріа до того, что онъ выхватилъ кинжалъ и навѣрно закололь бы нашего вожатаго на мѣстѣ, еслибъ не вступились другіе и не остановили его. Когда прошелъ этотъ

(*) *Судя* по предъидущему описанію, то *должна быть Желтая-Рѣка или Гоангъ-го, а не Янгъ-се-кіангъ*, при которой находится городъ Нанкинъ. *Прим. перев.*

первый порывъ, онъ схватилъ за бороду Симилау и поклялся, что если черезъ трое сутокъ мы не будемъ у обѣщаннаго острова, то онъ убьетъ его.

Симилау былъ этимъ до того испуганъ, что въ слѣдующую же ночь, когда мы стояли на якорѣ подъ берегомъ, онъ потихоньку спустился за бортъ и уплылъ на берегъ, незамѣченный даже часовыми. Только передъ смѣною съ часовъ они спохватились, что онъ исчезъ. Антоніо де-Фаріа, когда ему объ этомъ сказали, совершенно вышелъ изъ себя; онъ убилъ обоихъ часовыхъ за ихъ нерадѣніе, а также и затѣмъ, чтобъ задать острастку другимъ, ибо въ это время начиналъ-было составляться заговоръ противъ него-самаго. Потомъ онъ поѣхалъ на берегъ со многими солдатами и они до самаго утра искали вездѣ Симилау, но не нашли ни слѣда его, ни какой-либо живой души, которая могла бы сказать о немъ что-нибудь. Возвратясь на суда послѣ этихъ безполезныхъ поисковъ, они узнали, что изъ сорока-шести взятыхъ нами въ Ліампо̀а китайскихъ матросовъ, тридцать-два исчезло, боясь, вѣроятно, грозившихъ намъ опасностей.

Антоніо де-Фаріа и всѣ бывшіе съ нимъ совершенно растерялись отъ этого новаго удара; всплеснувъ руками и воздѣвъ глаза къ небу, они не были въ силахъ произнести ни одного слова, а только слезы катились изъ ихъ глазъ. Опомнясь, стали держать совѣтъ, какъ поступить въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Сначала долго не могли рѣшить ничего, потому-что мнѣнія были весьма-различны, но наконецъ остановились на томъ, чтобъ продолжать идти впередъ и стараться всячески захватить кого-нибудь изъ жителей какъ-можно-осторожнѣе и скрытнѣе, и развѣдать, далеко ли до острова Калемплуй, и такъ ли легко имъ овладѣть, какъ увѣрялъ Симилау: тогда, судя по тому, что мы узнаемъ, можно будетъ видѣть, идти ли намъ впередъ, или воротиться, пускаясь по теченію потока и держась самой середины его, до моря.

Рѣшившись такимъ-образомъ, мы продолжали путь не безъ страха, потому-что всѣ мы отчаявались воротиться отсюда цѣлыми и невредимыми, и у всѣхъ была передъ глазами вѣрная смерть. Въ слѣдующую ночь, послѣ смѣны полуночной вахты, увидѣли мы у себя передъ носомъ, на серединѣ рѣки, стоявшую на якорѣ большую лодку. Мы пристали къ ней потихоньку, взошли на нее безъ шума и захватили бывшихъ на ней пятерыхъ спящихъ Китайцевъ. Антоніо де-Фаріа, перевезя ихъ къ себѣ, принялся разспрашивать каждаго по одиначкѣ, и всѣ отвѣчали, что мѣсто, гдѣ мы находимся, называется Танкилѐмъ и что отсюда только десять лигъ до острова, цѣли нашихъ стремленій; вообще, на всѣ вопросы, касавшіеся нашей безопасности, мы получали отъ всѣхъ одни и тѣ же удовлетворительные отвѣты, чѣмъ Антоніо де-Фаріа и всѣ мы остались довольны, и всѣ сожалѣли, что такъ дурно поступили съ Симилау, безъ котораго намъ бы ничего нельзя было сдѣлать.

Мы взяли съ собою этихъ пятерыхъ Китайцевъ и посадили ихъ въ весла, потому-что людей у насъ было мало, и прошли еще двое съ половиною сутокъ тѣмъ же путемъ. Наконецъ, по благости Господа, обогнувъ одинъ мысъ Гинайтарао, мы увидѣли островъ Калемплуй, котораго искали восемьдесятъ три дня съ трудами, опасеніями и тревогами, какія не всякому прійдется испытать.

V.

Обогнувъ, какъ я сказалъ, мысъ Гинайтарао, мы увидѣли передъ собою лигахъ въ двухъ низменный островъ, находящійся по срединѣ рѣки и, по-видимому, имѣвшій въ окружности не менѣе лиги. Антоніо де-Фаріа приближался къ нему со страхомъ, не зная, чѣмъ нашей экспедиціи суждено кон-

читься, и мы подошли туда часовъ около трехъ ночи, на разстояніи выстрѣла изъ лука.

Когда начало разсвѣтать, мы стали совѣтоваться, какъ поступить, потому-что всѣ были увѣрены, что такое огромное зданіе, въ которомъ хранились невѣроятныя сокровища, не могло оставаться безъ сильной и бдительной стражи. Поспоривъ и потолковавъ между собою, рѣшили, наконецъ, обойдти вокругъ острова съ величайшею осторожностію и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, чтобъ знать навѣрное, гдѣ можно будетъ пристать и съ какого рода препятствіями намъ прійдется бороться.

Мы тотчасъ же, безъ шума, снялись снова съ якоря и обошли вокругъ острова, близехонько отъ берега. Весь онъ окруженъ стѣною изъ тесаной яшмы въ двадцать-шесть ладоней вышины; каждый камень отдѣланъ и положенъ такъ правильно, что вся стѣна казалась составленною изъ одного куска, чѣмъ всѣ мы были изумлены до крайности, потому-что никому изъ насъ не случалось видѣть ничего подобнаго ни въ Индіи, ни въ другихъ мѣстахъ. Стѣна эта поднималась отъ самаго дна рѣки, такъ-что подъ водою было ея навѣрно также не меньше, какъ на другихъ двадцать-шесть ладоней. Вершина ея, устроенная въ видѣ террассы, была окружена закраиною изъ того же тесанаго камня, походившею на веревку, толщиною съ боченокъ. Закраина эта служила основаніемъ крученой рѣшеткѣ изъ желтой мѣди, которая на каждыхъ шести саженяхъ разстоянія окружала четыреугольники, имѣвшіе въ серединѣ по пьедесталу изъ такой же мѣди, а на пьедесталахъ стояли истуканы-женщины, каждая съ шаромъ въ рукѣ. Мы никакъ не могли понять, что̀ бы это означало.

За рѣшетками, во внутрь тянулся рядъ безчисленнаго множества чугунныхъ чудовищъ, которыя подавали другъ другу руку, какъ-будто въ пляскѣ, и окружали такимъ образомъ весь островъ, а онъ, какъ я уже сказывалъ, былъ около лиги въ окружности. За чудовищами былъ рядъ арокъ самой богатѣйшей работы, на которыя мы смотрѣли съ восхищеніемъ; а за ними, далѣе во внутрь, была роща, состоявшая изъ однихъ только апельсинныхъ деревьевъ карликовой породы. Посреди этой рощи были расположены триста-шестьдесятъ часовень, посвященныхъ божествамъ года, о которыхъ эти язычники разсказываютъ удивительныя басни въ оправданіе своей слѣпоты.

На четверть лиги отъ часовень, на возвышеніи, поднимавшемся съ восточной стороны, красовалось семь фасадовъ строеній, похожихъ на храмы, съ высокими башнями, раззолоченныхъ сверху до низу самымъ затѣйливымъ образомъ; по фигурѣ башень, ихъ должно было счесть колокольнями. Зданія были окружены двумя рядами арокъ, раззолоченныхъ какъ и все остальное, что̀ дало намъ идею о необычайномъ великолѣпіи этого монастыря.

Разсмотрѣвъ снаружи сколько можно было этотъ чудный островъ, Антоніо де-Фаріа рѣшился съѣхать на берегъ, и добыть языка въ которой-нибудь изъ часовень. Тогда уже совершенно наступила ночь. Оставивъ на судахъ нужное для ихъ охраненія число людей и поручивъ ихъ падре Діого Лобато, человѣку разумному и осторожному, Антоніо де-Фаріа взялъ съ собою сорокъ солдатъ и двадцать матросовъ и невольниковъ, вооруженныхъ пищалями и холоднымъ оружіемъ, да захваченныхъ наканунѣ пятерыхъ Китайцевъ, знавшихъ мѣстность, и вышелъ на берегъ безъ шума, съ величайшею осторожностію. Мы пристали къ одному изъ восьми входовъ, продѣланныхъ въ каменной стѣнѣ, и направились потихоньку прямо сквозь апельсинную рощу къ первой часовнѣ, которая намъ тутъ попалась, на разстояніи выстрѣловъ двухъ изъ пища-

ли отъ мѣста, гдѣ мы оставили свои суда.

Мы шли, наблюдая совершенное молчаніе и не безъ нѣкотораго страха, потому-что не знали, что̀ насъ ждетъ впереди; у всѣхъ было на устахъ и въ сердцѣ имя Господа Іисуса, къ которому мы втайнѣ возсылали теплыя мольбы. Такимъ-образомъ приблизились мы къ небольшой площадкѣ передъ часовнею, не встрѣтивъ ни одной живой души. Антоніо де-Фаріа, шедшій впереди всѣхъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ, ощупалъ дверь, и убѣдившись, что она заперта изнутри, велѣлъ одному изъ Китайцевъ постучаться. Тотъ сдѣлалъ это два раза и мы услышали изнутри дряхлый голосъ, говорившій: «Да будетъ восхваленъ Творецъ, усыпавшій звѣздами красоту небесъ! Зайди съ другой стороны и отвори двери самъ».

Китаецъ обошелъ часовню, и, войдя въ нее боковою дверью, отворилъ ту, у которой стоялъ Антоніо де Фаріа. Мы всѣ ввалили въ часовню вслѣдъ за нашимъ начальникомъ и увидѣли въ ней старика, которому было, по-видимому, больше ста лѣтъ, одѣтаго въ длинную штофную рясу малиноваго цвѣта. Онъ казался человѣкомъ знатнымъ—мы послѣ узнали, что не ошиблись въ своей догадкѣ — и упалъ на колѣни, дрожа всѣмъ тѣломъ и совершенно растерявшись отъ ужаса при видѣ вооруженной толпы людей неизвѣстнаго ему племени.

Сначала онъ не могъ произнести ни одного слова, но потомъ, пріида нѣсколько въ себя, онъ обвелъ всѣхъ насъ спокойнымъ взглядомъ и спросилъ строгимъ голосомъ, что̀ мы за люди? Антоніо де-Фаріа отвѣчалъ ему черезъ переводчика, что онъ изъ Сіама и капитанъ всѣхъ этихъ иностранцевъ; что, идучи съ товарищами въ портъ Ліампоа, онъ претерпѣлъ крушеніе и спасся чудымъ образомъ со всѣми людьми, которые теперь съ нимъ, а потому онъ далъ обѣтъ пріидти къ этой святой землѣ, чтобъ благодарить Бога за свое спасеніе; что онъ исполнилъ свой обѣтъ и проситъ старца дать ему и людямъ его какое-нибудь подаяніе, которое помогло бы ихъ нищетѣ, обѣщая возвратить черезъ три года вдвое больше того, что̀ онъ теперь получитъ.

Гитикоу — такъ назывался жрецъ — выслушалъ все это и потомъ, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ: «Понялъ я твою рѣчь; понялъ также святотатственное намѣреніе твое, внушенное слѣпотою и корыстію, которое поведетъ тебя и твоихъ, какъ адскій кормчій, въ бездонную глубину озера ночи! Спрашиваю, чего ты надѣешься отъ небеснаго правосудія при послѣднемъ издыханіи жизни, если ты теперь, вмѣсто того, чтобъ благодарить Творца за оказанное тебѣ милосердіе, какъ ты самъ сейчасъ говорилъ, пришелъ грабить Его достояніе? Отступись отъ своей проклятой цѣли, изгони помышленіе о такомъ неслыханномъ грѣхѣ и тогда Богъ отвратитъ отъ тебя кару, которую ты заслуживаешь! Вѣрь словамъ моимъ, потому-что я говорю истину.»

Антоніо де-Фаріа, притворившись, будто считаетъ совѣтъ его прекраснымъ, убѣдительно просилъ старика не сердиться, увѣряя, что ему нѣтъ никакого другаго способа къ пропитанію; но старый жрецъ, поднявъ глаза и руки къ небу, воскликнулъ со слезами: «Благословенъ Ты, Владыко, что терпишь на землѣ своей людей, которые ищутъ себѣ пропитаніе въ оскорбленіи Тебя, а не въ славѣ служить Твоему имени!»

Потомъ, помолчавъ немного и пораженный горестію отъ всего, что видѣлъ передъ глазами, онъ обратилъ вниманіе на шумъ, который мы подняли, открывая и разламывая ящики и гробы; тогда онъ снова обратился къ Антоніо де-Фаріа, стоявшему передъ нимъ, опершись обѣими руками на обнаженный мечъ, и просилъ его сѣсть подлѣ себя и выслушать его.

Антоніо де-Фаріа исполнилъ его просьбу съ большою учтивостію, сдѣлавъ намъ, между-прочимъ, знакъ, чтобъ мы продолжали свое дѣло; а мы въ это время вынимали серебро и золото, которое находили въ гробахъ вмѣстѣ съ прахомъ и костями покойниковъ, чѣмъ старикъ-жрецъ былъ огорченъ до такой степени, что нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ.

Видя, что тутъ помочь нѣчѣмъ, онъ сказалъ Антоніо де-Фаріи съ неописанною горестію: «Хочу указать тебѣ, какъ человѣку разумному, какимъ ты кажешься, чѣмъ ты можешь заслужить прощеніе твоего теперешняго тяжкаго грѣха, чтобъ тебѣ не погибнуть на вѣки при послѣднемъ издыханіи. Ты сказалъ мнѣ, что одна только крайность вовлекла тебя въ преступленіе, которому нѣтъ мѣры, и что ты обѣщаешь отдать черезъ три года то, что̀ берешь теперь. Исполни же три дѣла: первое, возврати сюда всю сегодняшнюю добычу прежде, чѣмъ умрешь, чтобъ не лишиться всякой надежды на пощаду разгнѣваннаго верховнаго Владыки небесъ; второе, моли Его со слезами о помилованіи, потому-что теперешнее дѣло твое Ему несказанно противно, и карай свою плоть днемъ и ночью; наконецъ, третье, дѣлись щедро пріобрѣтеннымъ неправдою съ бѣдными, но дѣлай это съ разборчивостію и благоразуміемъ, чтобъ рабъ вѣчной ночи не могъ обвинить тебя въ день великой расправы. Теперь же, для начала примиренія съ небесами, вели людямъ своимъ положить на мѣсто разбросанные и поруганные ими останки святыхъ, чтобъ они не валялись на землѣ.»

Антоніо де-Фаріа обѣщалъ со многими ласковыми словами исполнить все это и жрецъ нѣсколько успокоился; потомъ онъ началъ утѣшать его, увѣряя, что сильно раскаявается въ своемъ предпріятіи, но что не отъ него зависѣло отказаться, потому-что люди его — и это онъ сообщилъ ему за большую тайну — объявили, что убьютъ его, если онъ вздумаетъ возвратиться. Старикъ отвѣчалъ на это: «Молю Творца, чтобъ слова твои были неложны, потому-что тогда тебѣ будетъ легче, чѣмъ этимъ служителямъ ночи, которые роются тутъ, какъ жадные псы, и которыхъ бы не насытило все серебро, какое есть на свѣтѣ.»

Забравъ все, что̀ сто́ило этого труда, мы рѣшились возвратиться, съ тѣмъ, чтобъ завтра наложить руки на другую часовню и такъ далѣе. Антоніо де-Фаріа, прощаясь съ жрецомъ, сталъ снова увѣрять его, что до крайности сожалѣетъ объ этой экспедиціи, которой беззаконіе постигъ вполнѣ, поговоривъ съ нимъ, но что онъ не могъ отказаться отъ нея, потому-что жизнь его была въ безпрестанной опасности; но что теперь онъ рѣшился, лишь-только освободится отъ своихъ сподвижниковъ, провести жизнь въ постѣ и покаяніи, чтобъ искупить свое тяжкое преступленіе.

На это жрецъ отвѣчалъ: «Молю Владыку, царствующаго надъ красотою своихъ звѣздъ, чтобъ вина твоя не усилилась передъ Его глазами тѣмъ, что ты знаешь Его волю и понимаешь Его, какъ показываютъ твои слова; знай, что тотъ, кто понимаетъ это и дѣлаетъ дурныя дѣла, несравненно виновнѣе слѣпотствующаго и неразумнаго, которому невѣдѣніе можетъ еще нѣсколько служить извиненіемъ передъ Богомъ и свѣтомъ.» Тогда вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ нашихъ, по имени Нуво Коэльйо, и сказалъ жрецу, чтобъ онъ не приходилъ въ отчаяніе отъ потери такой малости; но тотъ возразилъ ему: «Гораздо-меньше этой малости боишься ты смерти, потому-что проводишь жизнь свою въ такихъ же грязныхъ дѣлахъ, какою грязною выйдетъ душа твоя изъ этой плотской одежды! Если тебѣ нужно больше серебра, чтобъ утолить твою адскую не-

насытную корысть, то знай, въ каждой изъ этихъ часовень найдется его столько же и даже больше, чѣмъ здѣсь. Чѣмъ больше грѣха ты возьмешь на свою черную душу, тѣмъ глубже и скорѣе опустится она въ адскія пропасти!»

Нуно Коэльйо, желая его утѣшить, совѣтовалъ ему вооружиться терпѣніемъ, потому-что это повелѣваетъ Богъ въ своемъ законѣ; но жрецъ схватился обѣими руками за голову и, покачавъ ею разъ пять, отвѣчалъ: «Теперь я понимаю, что вижу и слышу такія вещи, какихъ бы я никогда не могъ себѣ вообразить — природную злобу и притворную добродѣтель, разбой и молитву. Велика слѣпота твоя, если ты проводишь жизнь въ дурныхъ дѣлахъ, думая загладить ихъ хорошими словами!»

Сказавъ это, онъ отвернулся отъ него, и, обратясь къ Антоніо де-Фаріи, сталъ упрашивать его съ поднятыми кверху руками, чтобъ онъ запретилъ нашимъ людямъ плевать на алтарь, потому-что такое оскверненіе для него мучительнѣе, чѣмъ тысяча смертей. Антоніо де-Фарія обѣщалъ исполнить его просьбу и Гитикоу нѣсколько поуспокоился.

Антоніо де-Фарія рѣшился возвратиться на свои суда не теряя времени; но вспомнивъ, что ему нужно собрать нѣкоторыя важныя для насъ свѣдѣнія, пріостановился и спросилъ у жреца, какіе люди живутъ во всѣхъ этихъ часовняхъ. Тотъ отвѣчалъ, что тутъ живетъ только триста - шестьдесятъ *талагрёпоes*, т. е. жрецовъ, въ каждой по одному; а имъ прислуживаетъ сорокъ *менигрёпоes*, которые доставляютъ для нихъ провизію и все нужное, да, кромѣ того, ухаживаютъ за больными и слабыми. На вопросъ, посѣщаютъ ли эти мѣста китайскіе государи, и въ какое время года, Гитикоу отвѣчалъ, что государь, какъ Сынъ Солнца, имѣетъ власть разрѣшать грѣхи всѣмъ другимъ, но что его-самого ничто осуждать не можетъ. Антоніо де-Фарія спросилъ тогда, есть ли у этихъ жрецовъ какое-нибудь оружіе и почему въ гробахъ серебро перемѣшано съ прахомъ покойниковъ? Старикъ - жрецъ отвѣчалъ на это, что оружія нѣтъ, потому-что тѣ, которые ищутъ пути на небо, нуждаются не въ оружіи для нанесенія ударовъ, а въ терпѣніи для перенесенія страданій; а деньги и серебро кладутся при погребеніи царей въ гробы ихъ за тѣмъ, чтобъ они послѣ, на лунномъ небѣ, употребляли ихъ на свои потребности. На вопросъ, есть ли у жрецовъ жены, старикъ отвѣчалъ, что тѣ, которые желаютъ дать жизнь душѣ, не должны дозволять себѣ наслажденій плоти; ибо ясно, что въ медовыхъ сотахъ родится пчела, жало которой больно уязвляетъ.

Послѣ всѣхъ этихъ разспросовъ и многихъ другихъ, Антоніо де-Фарія обнялъ стараго жреца, наговорилъ ему много любезностей, и всѣ мы возвратились на свои суда съ твердою рѣшимостію наложить руки на завтра на другія часовни, гдѣ, по слухамъ, было множество серебра и даже стояли идолы изъ литаго золота. Но грѣхи наши были причиной, что намъ не удалось достигнуть вполнѣ цѣли, для которой мы такъ тяжко трудились въ-продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцовъ, какъ я разскажу дальше.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРIИСКАХЪ.

Статья третья.

Почтовой трактъ и торговая дорога.—Бытъ крестьянъ сибирскихъ.—Барабинская-Степь. — Бродяги. — Каинскъ. — Колывань. — Заселенiе Сибири.—Прежнiе правители Сибири. — Характеръ больших городовъ Сибири: нисшiй классъ — мѣщане; высшiй классъ — золотопромышленники. — Томскъ. — Отъискиватели золота.

Разставшись съ страною всѣхъ драгоцѣнныхъ металловъ и всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, кромѣ одного рубина, я поѣхалъ далѣе, въ глубь Сибири.

Изъ Екатеринбурга двѣ дороги ведутъ въ Томскъ: одна на Тюмень, Тобольскъ и Омскъ — *почтовая*, другая, черезъ Ялуторовскъ и Шадринскъ, минуя Тобольскъ и Омскъ, прямо въ Томскъ — *торговая*, соединяющаяся, однакожь, въ-послѣдствiи съ почтовою. Я избралъ торговую дорогу, такъ-какъ чрезъ это путь мой сокращался верстъ на триста передъ почтовымъ трактомъ.

Время учрежденiя въ Сибири почтъ для сношенiя мѣстныхъ властей съ высшимъ управленiемъ, сосредоточеннымъ въ Москвѣ, совпадаетъ со временемъ покоренiя сибирскаго края Русскими. Въ XVIII столѣтiи, почта въ Сибирь имѣла уже правильно-организованное и сообразное съ тогдашнимъ временемъ существованiе до Тюмени; она ходила и во всѣ сибирскiе города, и три раза въ годъ отправлялась въ Якутскъ (1); но пересылка корреспонденцiи отъ одного города до другаго производилась черезъ посылку *нарочныхъ* изъ частныхъ лицъ, по усмотрѣнiю воеводъ, *съ кѣмъ было пристойно* (2). Постоянная же почта для пересылки всѣхъ писемъ, посылокъ и денежной корреспонденцiи отъ частныхъ лицъ учреждена была уже въ 1733 году (3).

По пути, избранному мною для своей поѣздки, подорожная моя оказалась излишнею: здѣсь все народонаселенiе селъ и деревень промышляетъ извозомъ и содержитъ вольныя почты. Крестьяне всегда готовы къ услугамъ проѣзжающихъ и берутъ цѣну еще умѣреннѣе, чѣмъ доступная всѣмъ почтовая такса. Исключенiя есть, но это близь золотыхъ прiисковъ, въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ почтовой дороги, и еще на пути отъ Красноярска въ Енисейскъ: въ этихъ мѣстахъ вольные ямщики, поознакомившись съ *щедрыми* прикащиками золопромышленниковъ и ободряемые постояннымъ отвѣтомъ почтовыхъ смотрителей, на предъявленiе имъ подорожныхъ по частной надобности, что лошадей на станцiи только двѣ пары, одна подъ курьера, другая подъ эстафету, — сильно притѣсняютъ проѣзжающихъ и берутъ по рублю на версту. И платишь! нечего дѣлать! Не заживаться же въ одномъ мѣстѣ, да и то врядъ-ли толкъ будетъ: вся деревня за-одно сговаривается.

Съ Шадринска начинаютъ уже возить по три и по двѣ копейки серебромъ на версту за тройку или хоть за четверку лошадей, особенно зимой: лѣтомъ немножко-дороже (4). Ямщики передаютъ путешественника на слѣдующей станцiи знакомому ямщику, *дружку*, за ту же цѣну,—продолжаютъ такимъ-образомъ до Томска и мчатъ съ быстротою трехсотъ-пятидесяти верстъ въ сутки: случается, что дѣлаютъ и болѣе, чуть не четыреста! Дружкй свято чтутъ взаимное одолженiе и ни подъ какимъ видомъ не рѣшатся

---

(1) Полное Собранiе Законовъ Россiйской Имперiи, № 1634.

(2) Тамъ же, № 4529.

(3) Тамъ же, № 6376.

(4) По жалобѣ ямскихъ охотниковъ въ Сибири на притѣсненiя воеводъ и ченовныхъ людей, въ 1686 г. повелѣно съ возвращающихся изъ Сибири воеводъ и приказныхъ людей брать опредѣленную таксу по три деньги на десять верстъ тысячасаженныхъ. (Ж. М. В. Д. 1844 г. № 11).

привезти экипажъ къ незнакомому: одинъ случай тутъ возможенъ, когда у дружкѝ всѣ лошади въ разгонѣ. А миновать совсѣмъ деревню, назначенную *станкомъ*, т. е. станціей, и проѣхать сряду два-три перегона—оборони Богъ! За это нарушителя общественнаго порядка своя же братія ямщики домашнимъ судомъ жестоко накажутъ и внушатъ, что чужаго хлѣба заѣдать не должно.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ѣдешь по странѣ поселенцевъ, часто у ссыльныхъ же останавливаешься для перемѣны лошадей, оставляешь экипажъ на дворѣ или на улицѣ — и никогда не представляется случая пожаловаться на воровство. Если нельзя въѣхать въ *ограду*, то-есть во дворъ, или прійдется по какому-нибудь случаю переночевать въ селеніи, что̀ одинокіе проѣзжіе рѣдко дѣлаютъ — они обыкновенно спокойно спятъ въ тарантасѣ во время ѣзды; въ такомъ случаѣ хозяинъ, у котораго остановишься, а иногда и вся деревня міромъ, приставитъ къ экипажу сторожа, и все благополучно. Грабежи, иногда и разбои — случаются, но, благодаря Бога, весьма-рѣдко такимъ образомъ *пошаливаютъ*, какъ здѣсь выражаются,—преимущественно только съ чайными караванами, которые круглый годъ изо дня-въ-день тянутся по этой дорогѣ. Проѣзжающіе же совершенно-спокойны. Кому не угодно дозволить везти себя дружка̀мъ, въ которые избираются мужики позажиточнѣе, имѣющіе обыкновеніе всякій день ѣсть говядину и всякій день пить два раза чай,—а такихъ мужиковъ въ Сибири половина на половину, и которые по-этому берутъ копейкой-другой дороже, чѣмъ другіе бѣднѣйшіе крестьяне,—тотъ приглашаетъ охотниковъ. Иногда эти охотники сами, неожиданно и безъ зва, являются. Весьма-часто случается, что крестьяне, приготовивъ лошадей для будущихъ путешественниковъ, которыхъ они уже ожидаютъ, зная, что тѣ поѣдутъ лѣтомъ въ Нижній, а зимою въ Ирбить (5), или обратно — выѣзжаютъ верхомъ за деревню на дорогу, отъѣзжаютъ версту-другую и ложатся спать на сырой землѣ, привязавъ лошадь къ столбу за поводъ. — Шумъ, производимый топотомъ копытъ въ тишинѣ ночи по крѣпкому грунту земли, будитъ ямщиковъ; не успѣлъ экипажъ поровняться съ верстовымъ столбомъ, какъ его уже успѣла окружить толпа охотниковъ. Они въ буквальномъ значеніи облѣпляютъ тарантасъ (кареты по Сибири очень-рѣдко ѣздятъ), хвалятся лошадьми, сбиваютъ другъ у друга цѣну до мѣднаго пятака на версту, зазываютъ вояжора къ себѣ и суютъ ему свои шапки, чуть не закидаютъ ими: чью шапку возьмешь, съ тѣмъ и ѣдешь — дѣло кончено! жеребій вышелъ!

До̀ма хозяинъ съ сыновьями или работниками хлопочетъ около *ко̀ней*, которые у исправнаго мужика всегда наготовѣ, или посылаетъ *ребятъ*, здоровенныхъ крестьянъ, *има̀ть*, то-есть ловить ихъ на *пастьбѣ*. Хозяйка вводитъ *ѣздока̀* въ чистую горницу, приготовляетъ самоваръ и съ таинственнымъ видомъ предлагаетъ *ша̀нюшку*. Хозяйская дочка дѣлаетъ ѣздоку глазки и охорашивается передъ нимъ въ своемъ платьицѣ нѣмецкаго покроя—туда же со шипомъ!... Сарафановъ въ Сибири нѣтъ; если и случится встрѣтить, то очень-рѣдко. Наконецъ, ша̀нюшка или *шаньга*—эта жирная, славная, пухленькая булочка изъ пшеничнаго тѣста, обмазанная сверху сметаною, подана, и хозяйка, узнавъ, что ѣздокъ человѣкъ

---

(5) Ирбитская ярмарка получала начало свое съ 1630 года: срокъ съ 15 февраля по 15 марта; главныя статьи: изъ Сибири, пушной товаръ въ сыромъ видѣ и чай, изъ Россіи сахаръ, шерстяныя, бумажныя и шелковыя матеріи, металлы и предметы роскоши; кромѣ того привозятся разные китайскіе и бухарскіе товары. Всѣхъ товаровъ привозилось въ 1840 и 1841 годахъ на 12,000,000 р. с.; въ 1842 и 1843 на 14,000,000 р. с., въ 1844-мъ на 17,000,000 р. с. (Ж. М. В. Д. 1844, № 8).

рассейской, а не *тутошный*, усаживается возлѣ него и съ самодовольствіемъ разсказываетъ, что она тоже была рассейская, что теперь она *посёлка*, и вотъ какимъ она несчастнымъ *случаемъ* попала въ *ефтакое* дѣло, натерпѣвшись *всячины* на своемъ вѣку.

Коренной Сибирякъ-мужикъ стоитъ въ-отношеніи благосостоянія на высшей точкѣ въ сравненіи съ великороссійскимъ мужикомъ. Онъ всегда одѣтъ въ хорошую *лопать*, одежду; *гуню* свою, т. е. заношенное платье, онъ сберегаетъ для полевыхъ работъ; обувается онъ всегда или въ *бродни*, сапоги, или въ *чаркй*, толстые башмаки; лапти же Сибирякамъ неизвѣстны. Черты лица его и взоръ показываютъ въ немъ человѣка умнаго, но скрытнаго и чрезвычайно-хитраго; онъ не разговорчивъ и отдѣлывается отъ разспросовъ посторонняго человѣка учтивымъ *вы*, хотя бы разговаривалъ съ такимъ же, какъ и самъ, крестьяниномъ, и многознаменательнымъ *нý*, которое значитъ и *да*, и *нѣтъ*, и *хорошо*, и *худо*, смотря по тону, съ которымъ оно сказано: отрывисто ли *ну!* или протяжно *ну-у-ý!*

Обширное пространство земли и хорошая почва доставляютъ Сибиряку случай и полную свободу распоряжаться своими средствами какъ ему покажется лучше; скотъ у него хорошій; потому-что сѣно ни-по-чемъ; хозяйство его въ порядкѣ, потому-что онъ трудится лично для себя и съ особеннымъ стараніемъ пашетъ свою пашню; денежки у него всегда водятся, потому-что онъ за свой хлѣбъ, или за извозъ и харчи беретъ съ каравановъ большею частію наличными; изба его крѣпка, потому-что лѣсу бери сколько угодно. Очень-часто можно встрѣтить въ деревняхъ двух-этажные домы съ нѣсколькими покоями. Расположеніе этихъ домовъ почти всегда одинаково. Поднявшись на крыльцо, вступаешь въ сѣнцы. Изъ сѣнцовъ прямо ходъ въ *пригонъ* — конюшню или хлѣвъ; направо – въ избу, чистую, выбѣленную и посвященную семейнымъ дѣламъ; налѣво — ходъ въ горницу, очень-часто оклеенную обоями, устланную коврами самодѣльщиной, уставленную диванчиками, стульями, столами и чистою постелью за ситцовымъ пологомъ. Порядочный крестьянинъ не рѣшится идти въ работу на прінски – ему хорошо и дома: тутъ онъ съ семьей! Ѣстъ онъ-себѣ щи съ говядиной, или сваритъ изъ рыбки, которою изобильны сибирскія рѣки, *щербý*, т. е. уху; или зажаритъ дикую утку, а въ праздникъ барашка, зная, что скотинка обойдется ему безъ замѣтныхъ пожертвованій; напьется чайкý, которымъ разсчитываются съ нимъ вмѣсто денегъ приказчики обозовъ, идущихъ съ чаями, и разсчитываются не накладно ни для той, ни для другой стороны. Въ пору онъ наработается, сытно поѣстъ, вдоволь выспится, а ино-время и книжку еще прочитаетъ, потому-что народъ, по-крайней-мѣрѣ по большимъ дорогамъ, почти все грамотный. И лошадка у него не одна, а двѣ-три тройки, сильны и крѣпки, потому-что кормá дешевы; и лихо прокатитъ онъ ѣздока верстъ по двадцати *съ лишомъ* въ часъ; и ладно онъ выпашетъ ими свою ниву, верстъ за пятнадцать и дальше отъ деревни, гдѣ у него на этотъ случай выстроена другая изба, въ родѣ, пожалуй, дачи, или, какъ они называютъ, *займка;* однимъ словомъ, Сибиряки живутъ хорошо.

По-этому хоть въ Сибири, кромѣ губернскихъ городовъ, нигдѣ нѣтъ гостинницъ, однакожь никогда нельзя пожаловаться на голодъ. Почти въ каждой деревнѣ и въ каждомъ домѣ можно достать самоваръ, яйца, густыя сливки, вкусный творогъ, жирную сметану – только масла сливочнаго не умѣютъ дѣлать. Если спросить чухонскаго масла, то хозяйка сейчасъ же съ пресерьёзной миной скажетъ: «Ахъ-да вашее почтеніе, не знаю какъ величать, туто-кá Чухонъ совсѣмъ нѣтъ: туто-кá одни Татары!» Наше русское масло тамъ называется не иначе, какъ *скоромное* масло. Подъ словомъ *говядина* Сибиряки разумѣютъ и коровье мясо и баранье мясо. Въ *молосные*, т. е.

скоромные дни, вездѣ можно достать говядины, поросенка, цыплятъ; въ постные — рыбу, соленые огурцы огромнаго размѣра въ родѣ турецкихъ и кой-какую овощь. Была бы съ собой паровая кострюля, можно быть сытымъ; за то иногда самому прійдется пострапать. Нужда чему не научитъ? Стерпится—слюбится! Все же лучше, чѣмъ ввѣриться искусству хозяйки: самъ испортишь, не такъ сдѣлаешь—ни на кого не будешь сердиться, а все-таки сытъ останешься. Это часто приходится испытывать дорогой по степямъ Ишимской и Барабинской, особенно въ рабочую пору: мужиковъ нѣтъ; дома остаются только дряхлые старики, да малыя дѣти; коровы въ полѣ, молока не даютъ; куры не несутся... тутъ ужь надобно довольствоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ приведетъ и чѣмъ самъ заранѣе запасешься на дорогу.

Ишимская-Степь занимаетъ пространства между рѣками Ишимомъ, Тоболомъ и Иртышемъ и составляетъ отдѣльную часть великой Барабинской-Степи, отъ которой она разнится только лучшимъ бытомъ крестьянъ и населенностью окрестныхъ округовъ Тобольской-Губерніи.

Барабà, то-есть Степь-Барабинская,—это обширная равнина, занимающая все пространство между правымъ берегомъ Иртыша́ и лѣвымъ берегомъ Оби; на югъ она граничитъ съ Алтайскими-Горами. Страна эта открыта, низменна, отчасти болотиста, покрыта солончаками и множествомъ время-отъ-времени высыхающихъ озеръ; мѣстами на ней ростутъ лѣса—но изрѣдка.

Барабинская-Степь населена только по протяженію большаго сибирскаго тракта; внѣ этого тракта кочуютъ одни инородцы.

Тамъ, гдѣ ѣдешь чистою степью — душа невольно погружается въ уныніе при видѣ этой безпредѣльной пустыни и томительнаго однообразія пути: земля и небо, небо и земля—только и есть! Тишина глубокая, нарушаемая развѣ стукомъ колесъ о затвердѣлую землю. Ничто не привлекаетъ взора! Сидишь — и отъ скуки смотришь на облака́, ка́къ они, спускаясь изъ отдаленной глубины синяго неба, представляются сначала въ видѣ какого-то прозрачнаго комка; спускаясь дальше, ближе къ намъ, комокъ этотъ тускнѣетъ, развертывается, дѣлается все больше и больше, распространяется во всѣ стороны и вдругъ превращается въ тучу, скрываетъ за собой солнышко, соединяется съ другими тучами, которыя неожиданно обложили небо; хмурится, вадувается, чернѣетъ и грозитъ бѣдой неминучей... Рѣзкій вихорь пронесся по степи; онъ силится сорвать верхъ тарантаса съ неуклюжаго кузова, силится укротить быстрый бѣгъ ярыхъ коней, дуя на нихъ съ стремительнымъ напоромъ и засыпая глаза ѣдкою черною пылью, поднятою по дорогѣ. Но кони бѣгутъ. Душно, жарко, но кони бѣгутъ: ямщикъ погоняетъ ихъ, торопясь скорѣй на мѣсто... Вотъ сверкнула молнія, грянулъ громъ, и оглушенные страшнымъ трескомъ кони стали, какъ вкопанные — ни съ мѣста. Удары грома раздаются одинъ за другимъ, какъ выстрѣлы цѣлой баттареи; земля стонетъ; молнія ослѣпительными полосами безпрестанно прорѣзываетъ густой мракъ, въ который погружено все видимое пространство; жара́ невыносимая; но дождь полился въ изобиліи, освѣжилъ душный воздухъ, овлажилъ изсохшую землю... лошадки снова двинулись впередъ; но онѣ не понеслись съ прежнею быстротою: онѣ побѣжали легонькой рысью по разбухнувшимъ и отсырѣлымъ колеямъ. Гроза, стихая постепенно, наконецъ упялась; солнышко просіяло и — опять земля и небо, опять тоска, опять ничто не привлекаетъ взора, не нарушаетъ безмолвія! Развѣ орелъ или ястребъ, сова или ворона́ перепорхнутъ съ одной вѣхи на другую, стадо дикихъ утокъ или журавлей пронесется надъ головою, да драфа, или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, *польскáя кýра* перебѣжитъ дорогу, переваливаясь съ бока на бокъ.

После подобной безжизненности — вдругъ неожиданно проникаешься какъ-будто симпатическимъ пристрастiемъ къ степи, когда издали еще примѣтишь лѣсокъ, подъ прохладой котораго прiйдется, можетъ-быть, укрыться отъ лѣтняго зноя, или когда въ свѣтлую ночь проѣзжаешь мѣстами, на которыхъ по всѣмъ направленiямъ раскинуты озера. На гладкой поверхности водъ какъ въ зеркалѣ отражаются и луна, и темно-голубое небо, испещренное яркими звѣздами, и купы высокихъ сосенъ, окаймляющихъ берега озера.

Но вообще степью скучно ѣхать и особенно-непрiятно проѣзжать ее въ то время, когда на ней *земля горитъ*. Явленiе это почти-ежегодно повторяется въ жаркiе лѣтнiе мѣсяцы, когда лучи солнечные изсушатъ верхнiе слои чернозема плодородной почвы Барабинской-Степи, между-тѣмъ, какъ нижнiе слои жирнаго, маслянистаго торфа гнiютъ, перепрѣваютъ и воспламеняются иногда сами-собой, иногда черезъ близкое соединенiе съ готовыми къ воспламененiю слоями каменнаго угля. Поверхность земли растрескивается; въ мѣстахъ, лишенныхъ зелени, изъ щелей вспыхиваетъ маленькое пламя; высокiя степныя травы чернѣютъ постепенно, начиная отъ корня; огня тутъ не видно; изъ-подъ земли поднимается удушливый паръ; вся окрестность покрывается тяжелыми облаками сѣраго дыма; кругомъ пусто; безбрежная равнина сливается съ небомъ; раскаленная въ полдень атмосфера пропитана гарью... душно, тяжело! птица не пролетитъ, звѣрь не пробѣжитъ, лошади едва передвигаютъ ноги...

Въ прежнiе годы, по этой дорогѣ мѣстами попадались *бродяги* или бѣглые ссыльные. Бродяги ходятъ обыкновенно вдвоемъ или втроемъ, шатаются изъ деревни въ деревню; мужики кормятъ ихъ, чтобъ они скорѣй только ушли, и не дѣлаютъ имъ никакихъ разспросовъ; во время *страды*, уходя въ поле, кладутъ ковриги хлѣба на окно, чтобъ бродяги не заходили въ домы, рѣдко ихъ ловятъ и представляютъ начальству, избѣхая хлопотъ, сопряженныхъ съ поимкою (6); чаще всего оставляютъ ихъ на цѣлое лѣто у себя на заимкѣ въ качествѣ работниковъ для воздѣлыванiя полей и уборки хлѣба. Тамъ ихъ никто не видитъ, и билета спросить некому. Бродяги эти бѣгаютъ или потому-что имъ не нравится та деревня, къ которой они приписаны и въ которой не хотятъ или не умѣютъ найдти средствъ къ своему существованiю; или они бѣгаютъ, стараясь увернуться отъ преслѣдованiя закона за преступленiя, въ которыхъ провинились; бѣгаютъ наконецъ изъ одного желанiя освободиться отъ работъ, въ которыя нанялись и за которыя они получили уже большiе задатки—и пропили ихъ; и это всего чаще. Примѣръ—золотые прiиски. Тамъ изъ ста, нанятыхъ въ работу, поселенцевъ непремѣнно двадцать человѣкъ не явятся на мѣсто, да десять человѣкъ убѣгутъ съ прiиска, когда увидятъ, что лѣнивой работой никогда не выйдутъ изъ долга и должны закабалить себя въ эти тягостные труды.

Бродягу, разумѣется, наконецъ поймаютъ и приведутъ на допросъ.

— Кáкъ тебя зовутъ?
— Кого?
— Тебя.
— Меня-то?
— Ну, да, тебя!
— Да — Иваномъ.
— А кáкъ по отчеству?
— Кого?
— Тебя.
— Меня-то?
— Ну!
— А какъ?
— Тебя и спрашиваютъ кáкъ?
— Да батьку Ивановъ же звали.
— А *чьихъ ты пишешься?* то-есть — какъ твоя фамилiя?
— А кто?
— Да ты мошенникъ!

---

(6) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1843 г. № 4.

— А я жь не мошенникъ.
— Да чьихъ ты пишешься?
— А ничьихъ.
— Какъ ничьихъ?
— Такъ — ничьихъ.
— Да вѣдь у тебя есть же прозваніе?
— У кого?
— У тебя.
— У меня-то?
— Ну, да, у тебя! Вѣдь есть же какое нибудь прозваніе?
— Какое?
— Какое-нибудь.
— Никакого нѣту-ти! Я *непомнющій*.
— Откуда ты?
— Кто?
— Ты.
— Я-то?
— Ну!
— Да откуда?... Ни откуда!
— Изъ какой ты деревни идешь?
— Да изъ этой.
— Куда?
— Да въ ту.
— Зачѣмъ?
— Та́къ; работы искать.
— Гдѣ у тебя *пачпо́ртъ?*
— Какой?
— Какой требуется.
— А какой требуется?
— Ты поселенецъ что̀ ли, мошенникъ, или крестьянинъ?
— Кто?
— Ты.
— Я-то?
— Да говори же!
— Да чего жь я стану говорить? Я ничего не знаю... Я непомнющій... вотъ-те и все!
— Взять этого разбойника въ острогъ! восклицаетъ выведенный изъ терпѣнія засѣдатель.

Вотъ нашъ Иванъ *Непомнющій*, или какой-нибудь Кузьма *Безъ-отечества*, или тамъ Афросинья *Безъ-прозванія*, или Егоръ *Неизвѣстный* или какъ-нибудь просто *Безъименка* сидитъ-себѣ, бывало, въ острогѣ долго, долго, пьетъ, ѣстъ, спитъ и ничего не дѣлаетъ. А судъ между-тѣмъ собираетъ справки. Но такъ-какъ на землѣ ничто не вѣчно и рано или поздно все имѣетъ-таки свой конецъ, то наконецъ и дѣло бродяги кончается тѣмъ, что его посѣкутъ, да и пошлютъ въ Сибирь на поселеніе. Привыкнувъ къ лѣни, къ бездѣйствію, къ даровому корму, къ нетрудовому хлѣбу, Непомнющій и въ новой волости, къ которой его припишутъ, тоже не найдетъ себѣ занятій и опять пойдетъ скитаться по Барабѣ и пробираться къ Уралу, пока его снова не поймаютъ, — а поймаютъ его непремѣнно, еще въ Сибири! — пока опять не постегаютъ и опять не сошлютъ въ Сибирь на поселеніе, впредь до новой поимки въ бѣгахъ, которыя всегда ограничиваются Барабинскою-Степью: рѣдкій бѣглый догуляется до границъ Тобольской-Губерніи; дальше ему шагу не сдѣлать! Но нынче охотникамъ до бродяжества плохо приходится. Прежде нельзя было узнать—въ первый ли разъ онъ попадается, или въ десятый: перемѣнилъ имя, сбрилъ бороду, постарѣлъ—другой человѣкъ вышелъ. Нынче нѣтъ этого. Старые грѣшки ничѣмъ не истребятся: нынче за каждый побѣгъ кладутъ новыя клейма, съ каждымъ побѣгомъ увеличивается мѣра наказанія, и импровизированныя фамиліи Безъименокъ, Неизвѣстныхъ и т. п., скоро совсѣмъ истребятся, тѣмъ болѣе, что крестьяне придорожныхъ селъ и деревень съ нѣкотораго времени стали замѣтно не такъ равнодушны къ бѣглымъ и, основываясь на вновь-составленныхъ на этотъ предметъ правилахъ, ревнуютъ къ исполненію правительственныхъ распоряженій для безопасности здѣшняго края.

Лѣность и особенно желаніе попасть на казенное содержаніе побуждаютъ иныхъ негодяевъ выдумывать на себя разныя небылицы для того только, чтобъ поставить въ тупикъ слѣдователя, продлить производящееся уже о нихъ дѣло сколько возможно долѣе и, безнаказанно до поры до времени предаваться въ острогѣ бездѣйствію и угощать себя пожертвованіями доброхотныхъ дателей — щами горячими, кашей и калачиками. Одинъ, напримѣръ,

бродяга, видя, что ему не миновать исправника, самъ явился въ судъ съ повинною и объявилъ, что онъ въ такомъ-то мѣстѣ, близь такой то деревни, убилъ своего товарища.

— Мы съ нимъ шли вмѣстѣ (говорилъ подсудимый), да съ дороги и своротили въ лѣсокъ отдохнуть отъ жары и заснуть послѣ обѣда. Товарищъ развалился подъ густой березой, срѣзалъ съ нея вѣтку, накрошилъ ее, перемѣшалъ съ табакомъ съ *чиркацкимъ* и набилъ трубку. Сталъ онъ вынимать изъ кармана огниво, да и выронилъ цѣлковый. Я это подмѣтилъ, смекнулъ, что у товарища и сапоги кунгурскіе, и шаравары плисовые, и *азямъ* (армякъ) тонкій и шапка ладная: вѣрно, молъ, у него не одинъ цѣлковый! Я себѣ — какъ-будто не мое дѣло: смотри, молъ, пріятель, деньги обронилъ. Вотъ перетолковали промежъ себя о томъ, да о семъ, отвернулись мы другъ отъ дружки и давай спать. Вотъ, вижу — товарищъ захрапѣлъ. Я поворотился къ нему, придвинулся... смотрю — спитъ, а самъ разметался. Я — глядь! а у него изъ кармана еще торчитъ синенькая. Злость меня взяла: вишь у него сколько денегъ, думаю — а у меня ни гроша! Отъ-чего жь у меня нѣтъ, коли у него есть?... Врешь! И у меня будутъ деньги! А ужь тутъ я и себя не помнилъ. А на бѣлу-то мою — лукавый мнѣ топоръ товарищевъ подсунулъ: товарищъ-то былъ плотникъ, топоръ-то тутъ и лежалъ. Я тихонько приподнялся, подползъ къ топору, да и хвать товарища прямо по головѣ... Загубилъ душу за цѣлковый! А и синенькой-то не было: то̀ платокъ изъ кармана синѣлся!

Нельзя же было по одному собственному сознанію сейчасъ и судить человѣка. Разспросили у преступника всѣ подробности о немъ-самомъ, о томъ, кто таковъ былъ его товарищъ, какія его примѣты, близь какой деревни и въ какомъ именно мѣстѣ совершено преступленіе. Поѣхали туда. Преступникъ съ ними.

Нашли густую березу, подъ которой убійца съ жертвой отдыхали.

— Тутъ ли? спрашиваетъ слѣдователь.

— Какъ же! тутъ и есть! отвѣчалъ преступникъ.

— Да тутъ ни трупа, ни костей, ничего не видно.

— Да вѣдь я его тогда же похоронилъ.

— Гдѣ?

— Да тутъ же, только подальше!

— Ка́къ же ты его похоронилъ?

— А выкопалъ яму, да и похоронилъ!

— Чѣмъ же ты выкопалъ яму-то?

— Топоромъ выкопалъ.

— Какъ же можно топоромъ выкопать яму?

— Стало-что можно, коли выкопалъ.

— Да топоромъ нельзя!

— Мало ли чего нельзя, да коли больше нѐчѣмъ?

— Ну, веди, показывай.

Преступникъ повелъ слѣдователя и понятыхъ крестьянъ искать по лѣсу могилы товарища. А пора лѣтняя, рабочая: мужичкамъ дорога́ каждая минута; нѐчего дѣлать: пошли бѣдненькіе! Ужь они ходили, ходили, искали, искали... Наконецъ, преступникъ остановился у какого-то сугроба и сказалъ: «тутъ!» Стали взрывать сугробъ — ничего нѣтъ! «Нѣтъ, такъ вѣрно же не тутъ!» возражаетъ самъ себѣ убійца: «вѣрно подальше!» Пробродивъ еще съ полчаса, нашли другой сугробъ; разрыли его — нѣтъ ничего! Снова стали искать. Сколько ни находили сугробовъ, сколько ихъ ни разрывали, а все мертваго тѣла не нашли.

— Что̀ за диво за такое? говоритъ виноватый: — кажись, тутъ дѣло было!... Не-ужь то волки?... Нѣтъ! Кости-то все бы остались... Да какая *этто* деревня, ребята? Она ли?

— Да деревня Ѳомкина пишется.

— Ѳомкина — она и есть; въ Ѳомкиной мы и обѣдали съ товарищемъ, да и пошли въ лѣсъ отдыхать... А нѣтъ ли тутъ другой Ѳомкиной?

— Ѳомкиной другой нѣтъ; а есть верстъ пятьдесятъ вверхъ, да и то не нашей уже волости, и не Ѳомкина, а Хомякова.

— Хомякова? такъ, такъ, такъ, Хомякова, Хомякова! Теперь вспомнилъ! Вотъ изъ Хомяковой-то мы и пошли въ лѣсъ, гдѣ я уходилъ товарища.

Поѣхали въ Хомякову, собрали тамъ крестьянъ, отыскали тамъ густую березу, нашли и тамъ сугробы въ лѣсу и рыли, рыли — никакихъ слѣдовъ убійства нѣтъ!

Долго бы протянулись эти продѣлки, еслибъ слѣдователю не пришло въ голову навести кой-какія справки объ убитомъ. Сомнѣнія его насчетъ правдивости происшествія подтвердились. Назначенъ былъ день переспроса, для котораго слѣдователь заранѣе дѣлалъ кой-какія приготовленія. На переспросѣ подсудимый показалъ то же, про что говорилъ и сначала: убилъ — да и только.

— Разскажи-ка ты намъ путемъ, говорилъ слѣдователь: — кто такой былъ твой товарищъ, чей онъ писался, каковъ былъ собой.

— Да я ужь докладывалъ, что звали его Семенъ Петровъ, а писался Черныхъ, казенный крестьянинъ Кійской Волости; плотничалъ; а собой былъ парень здоровый, высокій, волосы стригъ, бороду брилъ, усы долгіе рыжіе, и самъ рыжій.

— А вотъ не этотъ ли?... Поди-тко ты сюда, любезный, сказалъ слѣдователь, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату.

Въ комнату допроса вошелъ широкоплечій, дюжій молодецъ съ рыжими усами.

— Батюшки-свѣты! Онъ и есть!... Да ты живъ, Семенъ Черныхъ?

— Живъ, пока Богъ милуетъ! съ чего мнѣ *пропасть?* (т. е. умереть).

— Экъ я ему память-то пришибъ, сказалъ виноватый, покачавъ головою: — онъ и забылъ, сердечный, какъ я его топоромъ-то огрѣлъ!

— Христосъ съ тобой!... Да ты въ умѣ ли?

— Эвося! А помнишь, изъ Ѳомкиной-то шли, да подъ березой улеглись; а еще тебѣ твоимъ же топоромъ да черепъ-то и раскроилъ...

Съ такимъ негодяемъ дальше толковать было нѣчего; дѣло скоро было представлено въ судъ, и судъ вѣрно надолго вылечилъ ложнаго убійцу отъ напрасной повинной...

Оставивъ въ сторонѣ Тобольскъ, украшенный памятникомъ *Покорителю Сибири* на горѣ, съ которой открываются восхитительные виды на всѣ окрестности Тобольска, замѣтимъ только, что городъ этотъ, прежній центръ управленія всей Сибири, стоитъ при сліяніи рѣкъ Иртыша и Тобола, воды которыхъ сильно разнятся между собою, протекая въ одномъ руслѣ: струи Иртыша чище, прозрачнѣе, — струи Тобола, отъ примѣси постороннихъ веществъ, мутнѣе и сравнительно передъ Иртышемъ кажутся сѣрыми, а не голубыми. Въ Тобольскѣ есть гимназія съ пансіономъ, 8 уѣздныхъ и 10 приходскихъ училищъ и до 1200 человѣкъ учащихся. Всѣхъ жителей до 20,000 человѣкъ.

Омскъ чисто-военный городъ, средоточіе военныхъ силъ въ этомъ краю. Мѣсто пребыванія правителя Западной-Сибири и ея генерал-губернатора.

Оставивъ и этотъ городъ въ сторонѣ, я не могъ миновать двухъ городишекъ, лежащихъ на самомъ трактѣ, какъ бы ни ѣхать, по почтовой или по торговой дорогѣ: это Каинскъ и Колывань.

Городъ Каинскъ стоитъ на Барабинской-Степи, на рѣчкѣ Каинкѣ, впадающей въ Обь, которая окружаетъ городъ съ сѣвера и запада. Начало Каинска относится къ 1722 году, когда отъ набѣговъ Киргиз-Кайсаковъ здѣсь выстроена была деревянная крѣпость подъ названіемъ Каинскій-Пасъ. Въ 1782 году, онъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ; въ 1797 г. былъ переименованъ въ заштатный городъ, а въ 1804 г. возстановленъ въ прежнемъ достоинствѣ.

Колывань, маловажный нынѣ городокъ, въ 1823 году предполагали

возвесть на степень губернскаго города, вмѣсто нынѣшняго Томска (7); въ настоящее время городъ этотъ, то-есть, его народонаселеніе, помѣщается въ деревнѣ Чаусской. Въ 1713 году, отъ нападеній Киргиз-Кайсаковъ, на рѣчкѣ Чеусѣ или Чаусѣ, впадающей въ Обь, построенъ былъ Чаусскій Острогъ, то-есть крѣпостца, подъ защиту которой переселилось нѣсколько семействъ, преимущественно жившихъ очень-недалеко отсюда въ деревнѣ Мальцовой, давно уже несуществующей. Въ 1823 году, Чаусскій Острогъ переименованъ городомъ Колыванью. Этому городу данъ планъ будущихъ построекъ на весьма красивомъ мѣстоположеніи, немножко повыше Чаусскаго Острога. Прежнее же мѣсто острога переименовано деревней Чаусской. На томъ мѣстѣ, которое отведено городу, выстроенъ только одинъ городской *острогъ*, то-есть, тюрьма; а чиновники и прочее народонаселеніе продолжаютъ по-прежнему жить на старомъ мѣстѣ.

Послѣ переселенцевъ первое мѣсто занимаютъ казаки и служилые люди, оставшіеся здѣсь на постоянное жительство. Что же касается до заселенія Сибири преступниками, то оно началось со временъ царя Алексѣя Михайловича, постановившаго закономъ, чтобъ душегубцевъ, по наказаніи ихъ и по выдержаніи въ тюрьмѣ въ-продолженіе трехъ лѣтъ, посылать въ украйные города, куда государь укажетъ (8); *украйными* же городами считались не одни пограничные города въ Россіи, но и сибирскіе города: въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, вся Южная-Сибирь именовалась Украйною. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ положилъ основаніе постоянной ссылкѣ и переселенію въ Сибирь. Такъ, въ 1678 году, разсмотрѣвъ жалобы Сибиряковъ на тобольскаго митрополита, онъ повелѣлъ: прибылыхъ, противу жалованныхъ тобольскому монастырю, крестьянъ и бобылей *переселить*, вмѣстѣ съ ихъ семьями, въ томскій городъ и отвести имъ для жительства хорошую землю (9), а въ послѣдующихъ двухъ годахъ, 1679 и 1680, повелѣно преступниковъ *ссылать* въ Сибирь на пашню со всѣмъ семействомъ (10). — Въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ, по 1683-й г., возникали снова самовольные перебѣги крестьянъ въ Сибирь въ столь большомъ количествѣ, что это обратило на себя особенное вниманіе правительства; въ-слѣдствіе чего и велѣно было принять противъ такихъ бѣглыхъ крестьянъ строгія мѣры, къ переходу ихъ не допускать, а возвращать на прежнее жительство (11). Въ послѣдствіи времени, именно въ 1760 году, изданъ былъ первый указъ о дозволеніи помѣщикамъ и обществамъ самимъ ссылать провинившихся на поселеніе въ Сибирь, съ зачетомъ за рекрутъ (12); дозволеніе же на добровольное пересеніе казенныхъ крестьянъ изъ великороссійскихъ губерній въ губерніи сибирскія, —дано въ 1822 году.

Изъ потомковъ этихъ-то поселенцевъ и переселившихся сюда жителей Вологды, Каргополя, Устюга, Холмогоръ, Архангельска и Нижняго-Новгорода, ссыльныхъ стрѣльцовъ, Шведовъ и Поляковъ составилась та масса коренныхъ Сибиряковъ, которые, подъ именемъ мѣщанъ-старожиловъ, представляютъ большинство народонаселенія сибирскихъ городовъ. — Принесенные предками ихъ нравы, обычаи, повѣрья, одежда, нарѣчія, усвоенные прежней ихъ роднѣ, слились теперь въ одно цѣлое подъ могущественнымъ вліяніемъ времени и мѣстной природы. Безпрестанное и постоянное столкновеніе съ новыми пришельцами ознакомило Сибиряковъ съ понятіями, принесенными новыми выходцами, сняло прежнюю загрубѣлость и при-

(7) П. С. З. Р. И. №№ 29125 и 29509.
(8) Тамъ же, № 1. Гл. 21.

(9) П. С. З. Р. И. № 731.
(10) Тамъ же, №№ 772 и 846.
(11) Тамъ же, № 1030.
(12) Тамъ же, № 11166.

дало имъ отличительный характеръ нѣкоторой степенности въ наружномъ видѣ и увѣренности въ собственныхъ силахъ.—Но обстоятельства, сообразныя съ ходомъ протекшихъ столѣтій, надѣлили Сибиряка качествами не слишкомъ похвальными. До-сихъ-поръ, въ Сибирякахъ остались слѣды, и довольно-рѣзкіе, тѣхъ пороковъ, на которыя можно смотрѣть, какъ на плоды старинныхъ притѣсненій воеводъ и правителей...

Воевода, прежде еще, чѣмъ, бывало, пріѣдетъ на мѣсто (если онъ только добивался властвованія въ далекой Сибири) уже разсчитывалъ заранѣе, какъ великъ будетъ итогъ его ежегодныхъ барышей съ богатыхъ купцовъ, съ полуднихъ звѣропромышлениковъ; сколько будетъ ему взятокъ при рѣшеніи дѣлъ и сколько пріидется ему въ годъ такъ-называемыхъ «слѣдуемыхъ» отъ разныхъ оброчныхъ статей правосудія.

Для доказательства этого направленія, приведемъ извѣстія о частой перемѣнѣ сибирскихъ властей,—въ отдаленномъ нерчинскомъ краѣ, и тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились въ оффиціальныхъ документахъ.

Въ нерчинскій край, въ 1682 году, прибылъ изъ Москвы воевода Иванъ Власьевъ. Его скоро смѣнили и назначили на его мѣсто письменнаго голову Кислянскаго. Въ 1685 году является уже третій начальникъ, прикащикъ сынъ боярскій Иванъ Порфирьевъ. Въ слѣдующемъ году его смѣнилъ письменный голова Алексѣй Горчаковъ. Черезъ два года на воеводство сѣлъ Алексѣй Синявинъ. Въ 1689 году Синявина замѣнилъ Леонтій Кислянскій; въ 1692 году на его мѣсто является князь Иванъ Гагаринъ; въ 1695 году мѣсто его заступилъ Аѳанасій Савельевъ, прославившійся по цѣлой Сибири, корыстолюбіемъ и алчностію къ взяткамъ. На его мѣсто послали Семена Полтева, который умеръ въ дорогѣ не много не доѣхавъ до мѣста... Мѣстные жители, страшась другаго Савельева, выбрали сами себѣ въ начальники малолѣтняго сына Полтева, ребенка, котораго на рукахъ носили въ присутствіе. Маленькій Полтевъ, подъ руководствомъ придаваго ему въ товарищи боярскаго сына Порфирьева, управлялъ нерчинскимъ краемъ по 1699 годъ, до прибытія посланнаго изъ Москвы воеводы Ивана Николаева; въ 1701 году Николаева смѣнилъ Юрій Бибиковъ; въ 1704 году на его мѣсто пріѣхалъ Борисъ Синявинъ (13).—Итакъ, въ двадцать лѣтъ—на одномъ и томъ же мѣстѣ перебывало двѣнадцать человѣкъ правителей.

Сибирскіе воеводы отличались своею изобрѣтательностью къ незаконной наживѣ. Не говоря уже про многоразличные ихъ лихвенные поборы, про взятки по судебнымъ дѣламъ, про кражу государственной казны, скажемъ только, что они не ограничивались видами на тѣхъ жителей, которые были побогаче: они и съ низшаго класса умѣли, говоря технически, снимать овчинку, преувеличивая въ примѣненіи пословицу: съ міру пониткѣ — голому рубаха. Въ такомъ духѣ они разными вымогательствами присвоивали себѣ дорогіе мѣха, а въ сборъ ясака съ инородцевъ, вмѣсто хорошей рухляди, клали самую дурную; они торговали виномъ отъ своего лица и въ свою пользу, а по казеннымъ счетнымъ книгамъ выставляли въ годовой расходъ вина *для продажи* въ иныхъ мѣстахъ только десять ведеръ, а въ иныхъ даже по одному ведру въ годъ. Петръ-Великій преслѣдовалъ ихъ строгими законами, повелѣвалъ у возвращающихся въ Россію сибирскихъ воеводъ дѣлать обыски и отбирать у нихъ драгоцѣнные мѣха, золото и всѣ деньги, превышающія сумму 500 рублей; но лукавые судьи успѣвали утаивать свою добычу отъ зоркаго взора таможенныхъ и другихъ досмотрщиковъ и незаконное достояніе свое скрывали въ винныхъ бочкахъ, въ санныхъ полозьяхъ, прятали въ подушки и постели, зашивали въ

(13) Г. Лосевъ.

платье, затаскивали въ хомутины у лошадей, запекали въ хлѣбъ и провозили окольнымъ путемъ, не черезъ Верхотурье, какъ было указано, а лѣтомъ черезъ Екатеринбургъ, зимою черезъ Устюгъ (14).

Въ 1696 году наряжена и отправлена была въ Сибирь особая коммиссiя для производства подробнаго изслѣдованiя о всѣхъ злоупотребленiяхъ тамошнихъ воеводъ, князей Гагариныхъ (15); но дѣйствiя этой коммиссiи нисколько не облегчили участи Сибиряковъ. Въ 1719 году, Петръ-Великiй, получивъ донесенiе обер-фискала Нестерова о разоренiяхъ сибирскаго народа и о злоупотребленiяхъ всѣхъ тамошнихъ властей и самого губернатора князя Гагарина, послалъ изъ Петербурга въ Сибирь на слѣдствiе гвардiи майора Лихарева, которому и вмѣнилъ въ обязанность предварительно разгласить въ Сибири, что Гагаринъ *недобрый человѣкъ*, и что въ Сибири ему губернаторомъ болѣе уже не быть (16).

Ревизiя Лихарева, какъ и всякая подобная чрезвычайная мѣра, только вдохнула въ Сибирякахъ надежду на лучшую участь; воеводы на первое время немножко попридержались, а по выѣздѣ ревизора продолжали попрежнему тѣснить народъ и полновластно владычествовать въ краю, удаленномъ на нѣсколько тысячь верстъ отъ взоровъ правосуднаго государя.

После кончины Петра-Великаго, Сибирь представляла ту же неутѣшительную картину: въ 1733 году объявлено всѣмъ сибирскимъ жителямъ, чтобъ они «лишнихъ ясаковъ и взятокъ воеводамъ, коммисарамъ и сборщикамъ, кои тѣ напредь сего своими вымыслами съ разоренiемъ неволею брали, — не давали и о грабительствахъ объявляли» (17). — Въ 1736 году совершена была казнь иркутскаго вице-губернатора Жолобова, который «злохитростными вымыслами изъ великихъ себѣ взятокъ» нажилъ въ Сибири, въ тогдашнiя времена, до тридцати-пяти тысячь рублей, бралъ всѣмъ, чѣмъ попало: мукой, китайкой, бархатомъ, соболями, серебромъ, золотомъ: однимъ словомъ, былъ уличенъ по двадцати-двумъ самымъ постыднымъ обвинительнымъ пунктамъ (18). Ему отрубили голову. — Но и казнь Жолобова мало подѣйствовала на искоренение этого, такъ-сказать, нравственной болѣзни сибирскихъ правителей, этой алчности, этой страсти къ преступному обогащенiю, которою они заражались какъ эпидемiею: въ указѣ 27 августа 1740 года между прочимъ сказано: «Довольно извѣстно, что оныя мѣста весьма-отдаленныя; къ-тому же и въ управленiи дѣлъ отъ времени до времени разныя конфузiи и непорядки произошли, и отъ-того въ сборѣ казны государственной чинится ущербъ. Сверхъ-того, отъ лакомства тамошнихъ городовыхъ воеводъ и другихъ управителей — обыватели несносное претерпѣваютъ разоренiе, что̀ по многимъ слѣдствiямъ ясно показалось. И для того потребно туда отправить такого человѣка, который бы въ статскихъ дѣлахъ довольно искусенъ былъ и о прибыли интересовъ государственныхъ, — которые могутъ быть исполнены безъ отягощенiя подданныхъ — старанiе имѣлъ, правосудiе любилъ, бѣдныхъ людей отъ обидъ, грабленiй и другихъ насильственныхъ причинъ охранить могъ и однимъ словомъ, былъ честный, умный, трудолюбивый и богобоязливый человѣкъ» (19). — Въ иркутскую провинцiю назначенъ былъ вице-губернаторомъ Лоренцъ Лангъ, бывшiй еще во времена Петра-Великаго тамъ агентомъ. — Лангъ долго правилъ своей провинцiей и былъ добрый человѣкъ: онъ не входилъ въ дѣла юстицiи, кото-

(14) П. С. З. Р. И. №№ 1443, 1511, 1522, 1523, 1526, 1530, 1533, 1542, 1578, 1595, 1601, 1610, 1615, 2707 и 3275.

(15) Тамъ же, № 1535.

(16) Тамъ же, №№ 3284 и 3292.

(17) П. С. З. Р. И. № 6407.

(18) Тамъ же, № 7009.

(19) Тамъ же, № 8218.

рыя были въ совершенной зависимости отъ его секретарей, не всегда дѣйствовавшихъ добросовѣстно (20). Въ 1745 году, назначена новая ревизія въ Сибири, для чего и былъ посланъ туда полковникъ Вульфъ съ тѣмъ, чтобъ произвести строгое и точное изслѣдованіе о притѣсненіяхъ и разореніяхъ, причиненныхъ сибирскими властями мѣстнымъ жителямъ (21).

Такое положеніе дѣлъ не могло не имѣть вліянія и на нравственность цѣлаго народа. Притѣсненія и обиды правителей посѣяли въ Сибирякахъ начала скрытности, которыя развиваясь болѣе-и-болѣе подъ вліяніемъ необразованности, невѣжества и сильныхъ страстей, вкоренили въ Сибирякахъ ласкательство, клевету, обманъ и корысть. Все это невольно отъ него отталкиваетъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ.— А между-тѣмъ, онъ обладаетъ многими прекрасными качествами. Его понятливость и чистый умъ можетъ поразить наблюдателя при первомъ представившемся къ тому случаѣ; степенность и гордость его невольно влекутъ къ нему съ перваго раза; его благосостояніе доказываетъ, что онъ можетъ трудиться, умѣетъ съ пользою употребить плоды своихъ трудовъ, и чисто-русская, національная черта— изъ добраго слова все сдѣлать, преданность начальникамъ безусловная, умилительное благоговѣніе къ царямъ и пролившіеся уже на эти нисшіе ступени съ верхнихъ слоевъ общества начатки нравственнаго образованія—заставляютъ забывать недостатки Сибиряковъ, служа ручательствомъ, что при настоящемъ порядкѣ вещей дурныя наклонности ихъ совсѣмъ искорениться. Твердое начало благосостоянію Сибири положено незабвеннымъ для каждаго Русскаго графомъ М. М. Сперанскимъ, бывшимъ съ 1819 по 1821 годъ генерал-губернаторомъ Сибири и вслѣдъ за тѣмъ обнаружено рядомъ указовъ, давшихъ новое направленіе сибирскому краю и упрочившихъ будущее его благосостояніе (22).

Прекрасный полъ въ Сибири—мѣщанки, горожанки, въ-самомъ-дѣлѣ заслуживаютъ этотъ исключительный эпитетъ. На нихъ мѣстность и природа имѣютъ особенное вліяніе. Уроженки Тобольской-Губерніи и обитательницы Енисейска — жительницы сѣвера — хорошенькія блондинки съ голубыми глазами, съ бѣлымъ тѣломъ, нѣжнымъ румянцомъ и нѣсколько томнымъ выраженіемъ лица. Женщины южной Сибири, по-крайней-мѣрѣ большинство – брюнетки, съ густыми, длинными, необыкновенно жесткими волосами, съ смуглымъ тѣломъ, яркимъ пламенемъ на щекахъ и съ бойкимъ взглядомъ. Тусклые зубы и отчасти широкій, иногда даже приплюснутый носъ ясно указываютъ, что типъ этотъ достался имъ въ наслѣдство отъ прекрасныхъ Калмычекъ, Буряток и женщинъ другихъ монгольскихъ племенъ, кочевавшихъ и нынѣ кочующихъ въ благословенныхъ долинахъ Алтайскихъ и Саянскихъ Горъ. Непремѣнная принадлежность костюма Сибирячки — платье нѣмецкаго покроя съ открытымъ лифомъ и со шнипомъ; корсетъ съ желѣзной пластинкой,—до эластическихъ шнуровокъ мѣщанки тамъ еще не дошли; башмаки даже цвѣтные, даже на босую ногу, или сафьянные сапоги въ родѣ торжковскихъ, и знаменитая фата, болѣе-и-болѣе въ настоящее время выходящая изъ употребленія. — Фатой служатъ или сшитые вмѣстѣ два-три полотнища ситца, или, чаще, пестрое лѣтнее одѣяло,—или, еще чаще, мужской халатъ, накинутый на голову и слегка-натянутый около локтей. Что касается до ихъ нравственныхъ качествъ, то въ этомъ отношеніи они нисколько не разнятся отъ остальныхъ

(20) Г. Лосевъ.

(21) П. С. З. Р. И. № 9210.

(22) П. С. З. Р. И. №№ 28880, 28891, 29124, 29125, 29130, 29131, 29132, 29234, 29311, 29336, 29510, 29570, 29588, 29674,

женщинъ во всѣхъ большихъ городахъ въ самыхъ образованныхъ государствахъ. Онѣ не любятъ стѣсненія, пользуются свободою и наслаждаются ею съ увлеченіемъ; замужъ выходятъ въ цвѣтѣ лѣтъ; любятъ наряды; пристрастны къ бѣлиламъ и румянамъ, и въ этомъ отношеніи умѣренность имъ неизвѣстна: въ прежніе годы онѣ даже ноги бѣлили. Онѣ очень вѣжливы въ разговорѣ, обыкновенно на *о*, очень-богомольны и не любятъ предаваться размышленіямъ о своей участи и будущности; любимая ихъ поговорка и въ-сердцàхъ и въ веселомъ расположеніи духа, какъ брань и какъ комплиментъ, это «что бы те язвило» и «будь ты проклятà!» Еще дурная ихъ сторона—неприятный отзывъ дыханія. Любимыя лакомства Сибирячекъ—кедровые орѣхи, которые онѣ ѣдятъ въ страшномъ изобиліи, пельмени говяжьи или рыбьи, и наконецъ *тѣльнде*, до котораго всѣ Сибирячки страстныя охотницы; *тѣльнде*—родъ котлетъ изъ рыбы, преимущественно изъ знаменитой *нѣльмы*.

Но это нисшій слой городскаго народонаселенія; о немъ довольно. Верхній слой общества состоитъ изъ торгующаго купечества, чиновниковъ и властей и золотопромышлениковъ, или тѣхъ, которые, какъ въ Сибири выражаются, *занимаются по золотой части*.

Большіе города, каковы Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ, избираются лицами, «занимающимися по золотой части», для постояннаго мѣстопребыванія, потому-что здѣсь остаются ихъ семейства, когда они сами уѣзжаютъ на лѣто на промыслà; здѣсь случится и процессъ вести, и по дѣлу похлопотать, и подряды для пріисковъ сдѣлать, но главное дѣло—потому-что здѣсь веселѣе. Всѣ предметы потребленія подъ рукою: есть извощики, есть кандитерскія, мѣста для прогулокъ, собранія, только не дворянскія — помѣщиковъ въ Сибири нѣтъ. Можно хоть и монотонно, а все-таки часто съ большимъ удовольствіемъ и не безъ интереса провести время по европейски: каждый день въ недѣлѣ заранѣе, однажды на всю зиму, распредѣленъ въ иныхъ семействахъ и предназначенъ поучительной бесѣдѣ за карточнымъ столикомъ—другихъ разговоровъ тутъ не бываетъ, развѣ-развѣ, и то изрѣдка, говорятъ о золотѣ, больше ни о чемъ. Порядокъ дней подобныхъ бесѣдъ такъ строго соблюдается и такъ твердъ въ памяти, что дѣлаетъ честь сибирской аккуратности. Случится ли, на-примѣръ, по разсѣянности забыть какой сегодня день — сейчасъ и сообразятъ: «а! вчера были у Дружечка, значитъ сегодня у Степана Иваныча» – и выходитъ, что сегодня воскресенье! Впрочемъ, воскресенье тамъ рѣдко забывается, потому-что этотъ день посвящается церемоннымъ визитамъ, которые не дай Богъ какъ строго соблюдаются. Если Миленькихъ былъ у Трататова три воскресенья сряду, а Трататовъ заплатилъ Миленькихъ визитъ только два раза, то въ слѣдующее воскресенье Миленькихъ, кàкъ бы ему ни было нужно, ни за что не поѣдетъ къ Трататову; онъ будетъ рядомъ, будетъ у его сосѣда, а ужь къ нему не завернетъ. Попробуй кто-нибудь въ два головые праздника не послать къ знакомому, черезъ Пріютъ, визитной карточки – жестокую нанесетъ обиду: самъ-то все-таки пріѣзжай, а черезъ Пріютъ карточку пришли непремѣнно!

Радушіе и гостепріимство здѣшнихъ жителей — самая рѣзкая и самая прекрасная черта. Я говорю: рѣзкая черта, потому-что гостепріимство ихъ нерѣдко ужь слишкомъ бросается въ глаза. На-примѣръ, какой-нибудь Иванъ Семенычъ насолитъ Семену Иванычу, больно насолитъ, съ доносомъ войдетъ, пріискъ станетъ оттягивать—это часто бываетъ!—а все-таки Семенъ Иванычъ принимаетъ Ивана Семеныча какъ дорогаго гостя и не перестанетъ за свою хлѣбъ-соль усаживать. Другой примѣръ: Иванъ Лукичъ, при предъявленіи ему его же знакомцемъ векселя въ десять тысячь рублей, искусно завязалъ съ заимодавцемъ очень-ин-

тересный разговоръ, во время котораго, не въ домёкъ тому, еще искуснѣе изгрызъ вексель по кусочкамъ и съѣлъ, а потомъ божился и клялся, что онъ векселя и въ руки не бралъ. Что жь? развѣ они перессорились? Ни сколько! Знакомый видѣлъ, что дѣлать нечего; свидѣтелей ни души; Иванъ Лукичъ извѣстный человѣкъ и страшный кляузникъ; онъ только покачалъ головой, сказалъ съ упрекомъ, чтобъ те язвило! и позвалъ Ивана Лукича къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ Сибирякъ не хорошъ: у него непремѣнно, дома ли, въ гостяхъ ли —душа очень-громко съ Богомъ бесѣдуетъ и эти выходки чрезвычайно,—непріятно дѣйствуютъ на аппетитъ человѣка, пріѣзжаго изъ Петербурга.

Тяжбами Сибирь тоже не бѣдна, какъ это и вездѣ случается; но странно одно: отъ-чего въ то время, когда все присутствіе знакомо съ обѣими тяжущимися сторонами, когда, кажется, нельзя ожидать никакого пристрастія къ тому или другому—тяжбы эти длятся иногда очень-долго и на рѣшенія сибирскихъ мѣстъ жалобы идутъ далѣе, какъ на неправильныя. Тутъ надобно обвинить одно только сословіе? Сословіе самихъ тяжущихся, которые весьма-часто безъ всякой основательной причины распускаютъ сплетни и клевету на своихъ судей. Тяжущіеся больше всего сами виноваты. Во первыхъ, закоренѣлая страсть къ корысти и къ поживѣ чужимъ добромъ заставляетъ того или другаго неправильно жаловаться. Во-вторыхъ, при предложеніи той стороны, которая чувствуетъ себя правою, судиться судомъ по формѣ, въ-продолженіе тридцати или сорока послѣднихъ лѣтъ, выходящимъ изъ всеобщаго употребленія,—или третейскимъ, или, наконецъ, совѣстнымъ судомъ, — противная сторона, какъ бы ни была убѣждена, что такимъ порядкомъ судопроизводства всякое дѣло во сто разъ скорѣе кончится, нежели обыкновеннымъ аппелляціоннымъ, — отказывается отъ этого предложенія, зная, что тутъ она безъ всякой проволочки навѣрное проиграетъ свое неправое дѣло.—Отъ-чего слово «чиновникъ» бываетъ иногда мишенью для остротъ и даже насмѣшекъ? Отъ-того, что спорящіеся всѣми средствами хотятъ достигнуть желаемаго – во что бы ни стало. Впрочемъ, это отличительная черта не однихъ сибирскихъ городовъ: вездѣ то же самое найдется, и измѣнится развѣ тогда, когда или человѣкъ переродится, или когда наше старинное судоговореніе съ его *говорунами*, или стряпчими-адвокатами войдетъ опять въ моду. Замѣтимъ здѣсь къ слову, что не столько школьное образованіе, сколько именно юстиція имѣютъ рѣшительное вліяніе на нравственность цѣлаго народа.

Такъ и во всемъ прочемъ общій характеръ сибирскихъ городовъ нисколько не разнится отъ быта другихъ городовъ въ Великороссіи: тотъ же наружный блескъ, желаніе тянуться за столичными модами, безучастіе ко всему, что хота нѣсколько выходитъ изъ круга повседневныхъ, матеріальныхъ заботъ; и недальнее образованіе настоящихъ Сибирячекъ, отличающихся отъ женщинъ другихъ странъ необыкновеннымъ искусствомъ чрезвычайно-быстро и въ огромномъ количествѣ щелкать кедровые орѣшки.

Обманы по золотопромышлености, самими ли владѣтелями пріисковъ при перепродажѣ ихъ другимъ лицамъ, или управляющими ихъ въ-отношеніи вѣрности отчетовъ довѣрителямъ, или, наконецъ, нѣкоторые другіе случаи, съ нѣкотораго времени охладили рвеніе въ публикѣ къ промышлености и повредили кредиту промышлениковъ. Это вина бѣдныхъ золотопромышлениковъ, золотопромышлениковъ по имени, только присосѣдившихся къ дѣлу и владѣющихъ одними пустошами—безъ золота.

Желаніе поставить на своёмъ въ золотопромышленомъ дѣлѣ произвело тѣ послѣдствія, которыя обнаружились теперь въ Сибири, именно—чрезвычайную дороговизну на всѣ житейскія потребности. Можно ли повѣрить, что въ

Томскѣ сотня яицъ въ нынѣшнемъ году въ святой недѣлѣ стóила шесть рублей серебромъ? что портной, томскiй портной, за работу пары платья беретъ отъ 15 до 20 руб. сер.? что пудъ овса въ Красноярскомъ-Округѣ стóитъ два рубля серебромъ — не куль, а пудъ? что въ иныхъ мѣстахъ сибирскихъ золотыхъ промысловъ ржаной хлѣбъ обходится въ пять рублей серебромъ за пудъ? Кто причиной этого непомѣрнаго возвышенiя цѣнъ? Сами золотопромышленики, которые наддають цѣну, чтобъ только имъ однимъ завладѣть необходимыми для нихъ продуктами и бóльшимъ числомъ рукъ продолжать разработку прiисковъ, приносящихъ имъ, при всей дороговизнѣ, болѣе, чѣмъ сто на сто. Чтó жь остается дѣлать тѣмъ, у кого прiиски бѣднѣе? Покупать хлѣбъ за ту же цѣну, и, чтобъ покрыть огромные расходы, они принуждены сосредоточить всѣ работы на тѣхъ пунктахъ, гдѣ золото богаче: не будь строгаго надзора со стороны горнаго начальства—они на каждомъ прiискѣ выхватили бы одни богатыя мѣста, оставивъ безъ вниманiя тѣ мѣста съ бѣднымъ содержанiемъ золота, которыя они продолжали бы разработывать, если бы цѣны не на все вздорожали. Стѣсненныя обстоятельства заставляютъ ихъ усиливать плату за «старательское золото», а это усиленiе наводитъ на рабочихъ соблазнъ, возбуждаетъ у нихъ охоту красть золото и приносить туда, гдѣ дороже за него даютъ. Бѣдность въ деньгахъ, съ одной стороны, расплождаетъ ростовщиковъ и усиливаетъ цѣнность всего съ другой. Чтó жь остается дѣлать тѣмъ, у кого вовсе нѣтъ прiисковъ?—Идти туда въ работу: чиновникъ бросаетъ службу и ѣдетъ въ прикащики; мужикъ бросаетъ пашню и ѣдетъ въ работники на золотые промыслá. Число рабочихъ рукъ земледѣльцевъ убываетъ, числительность урожая сама собой уменьшается, а между-тѣмъ хлѣба требуется несравненно-болѣе, потому-что число прiисковыхъ рабочихъ постепенно увеличивается болѣе-и-болѣе. Явился неурожай и цѣнность жизненныхъ припасовъ возрасла до невѣроятности; всѣ по неволѣ идутъ на прiиски, заманивающiе къ себѣ готовымъ хлѣбомъ и блестящими надеждами на обогащенiе. Вотъ единственная причина общей дороговизны, и вина за это лежитъ на владѣтеляхъ богатыхъ прiисковъ, вина большая, хотя и невольная. Правда: кому не дорогъ личный интересъ? но этого можно достигнуть инымъ путемъ—усовершенствованiемъ техническихъ прiемовъ, устройствомъ машинъ, которыя замѣняли бы руки человѣческiя. Но и эта статья плохо, очень-плохо подвигается впередъ, по-крайней-мѣрѣ у большинства золотопромышленниковъ: усовершенствованiя, сдѣланныя на казенныхъ заводахъ, имъ или вовсе незнакомы, или не возбуждаютъ рѣшительно никакого интереса, или навлекаютъ нисколько-неуважительное сомнѣнiе — будетъ ли отъ этого польза?

Сибирскихъ золотопромышлениковъ обвиняютъ въ непомѣрной роскоши. Это обвиненiе не основательно. Желанiе окружить себя довольствомъ, сообразнымъ съ средствами—не преступленiе. Человѣкъ, получающiй до ста тысячъ годоваго дохода, не погрѣшая противъ нравственности можетъ дозволить себѣ имѣть и вкусный, роскошный столъ, и богатое убранство палатъ, и окружить себя блескомъ: тутъ нѣтъ ничего непростительнаго. То худо, когда вдаются въ мотовство, когда позволяютъ себѣ расходы, непокрываемые доходами, и въ Сибири это встрѣтить гораздо-труднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, начиная съ нашей столицы. Напротивъ, тамъ всѣ не только золотопромышленики, но и чиновники, кáкъ бы они ни жили открыто и какая бы ни была дороговизна на хлѣбъ, очень-заботливо стараются отложить часть разныхъ доходовъ своихъ на черный день: не даромъ же общественная молва считаетъ богачомъ всякаго, кто пожилъ въ Сибири, гдѣ дѣйствительно люди не проживаются, а наживаются.

Обвиненіе Сибиряковъ, что они транжирятъ деньги на шампанское, которому тамъ разливанное море — чистая клевета и даже не клевета, а пустые розсказни. Правда, тамъ пьютъ шампанское и пьютъ преимущественно предъ другими винами, которыя тамъ очень-дурны; но кто же пьетъ? Люди, которые десятками тысячь жертвуютъ на сооруженіе храмовъ Божіихъ, которые на свой счетъ содержатъ разныя благотворительныя заведенія, обезпечиваютъ участь страждущихъ собратій, съ любовью протягиваютъ нищему руку, конечно, не пустую, которые нисколько не хвалятся тысячами копеечныхъ порцій для бѣдныхъ и которые, въ добавокъ ко всему, получаютъ страшные доходы отъ своихъ золотыхъ розсыпей и другихъ коммерческихъ спекуляцій. Взять теперь такого человѣка и сравнить его съ какимъ-нибудь нашимъ петербургскимъ франтикомъ, который, давнымъ-давно растративъ взятое впередъ жалованье, отъискиваетъ подобнаго себѣ шакала и въ складчину, на послѣднія деньги, покупаетъ бутылку Редерера, тогда какъ завтра онъ просидитъ дома безъ чая... кто жь тутъ больше транжиритъ деньги: нашъ, или Сибирякъ?

Въ большихъ городахъ Сибири бываютъ, и довольно-часто, концерты и спектакли, домашніе и публичные. Первые довольно-интересны и замѣчательны по искусству и отчетливости исполненія, особенно, когда въ нихъ принимаютъ участіе дамы, получившія образованіе и долго жившія въ столицахъ. Эти домашніе вечера несравненно-выше концертовъ, въ которыхъ главные дѣйствователи заѣзжіе экс-артисты, разсчитывающіе или на недостатокъ знанія, или на щедрость Сибиряковъ, пѣвцы безъ голоса, музыканты безъ таланта и кой-какіе нехитрые фокусники. Въ одномъ изъ подобныхъ городовъ образовалась-было труппа охотниковъ давать постоянные спектакли, для которыхъ и отвели уже мѣсто. Охотники, какъ на-подборъ, всѣ были Малороссы. Задумали играть «Разбойниковъ» Шиллера; нашли Амалію и Хфранца Мора. Уже назначена была репетиція, уже Хфранцъ Моръ сиплымъ басомъ, безъ точекъ и безъ запятыхъ, безъ повышенія и пониженія голоса съ отчаянными жестами читалъ, какъ дьячокъ: «Херманыя, Херманыя! Ты погибла безвозвратно! Ты погибла, ты погибла!..» Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ «Разбойники» не состоялись, а играли «Писаря Шельменку». Блистательный оркестръ съ турецкимъ барабаномъ игралъ какую-то ужасающую увертюру, поразившую слушателей страшнымъ завываньемъ и пронзительными звуками. Было что-то очень знакомое въ частности, но о цѣломъ рѣшительно нельзя было догадаться. Записные дилеттанты спорили между собою; одинъ увѣрялъ, что это должно быть «Норма», которую оркестръ худо разучилъ.

— Помилуйте; какая тутъ «Норма»! вскричалъ другой:—это просто «Калифъ Багдадскій.»

— Вотъ еще! Калифъ! замѣтилъ третій:—кто нынче это старьё играетъ? Вѣроятно, оркестръ сдѣлалъ намъ сюрпризъ новымъ сочиненіемъ.

Долго толковали, спорили и наконецъ обратились за разрѣшеніемъ къ дирижеру, который удовлетворительно прекратилъ ихъ разногласіе, объявивъ, что играли «Коль Славенъ» и народный гимнъ.

Первый послѣ Екатеринбурга золотопромышленый городъ въ предѣлахъ Сибири — Томскъ. Объ основаніи этого города есть преданіе, что въ шестнадцатомъ столѣтіи по рѣкѣ Томи обитали немногочисленныя толпы Татаръ рода Еушта. Когда Русскіе, распространяясь по Сибири, стали ихъ тѣснить, то предводитель этихъ племенъ, по имени Тоянъ, при царѣ Борисѣ Годуновѣ, принялъ подданство Россіи. Въ-слѣдствіе чего, на берегу Томи, въ шестидесяти верстахъ отъ впаденія ея въ Обь, и положено основаніе города Томска въ 1604 году, но не на той сторонѣ рѣки, гдѣ нынѣ строится

Томскъ, а на противоположной. По разсказамъ здѣшнихъ старожиловъ, на памяти ихъ отцовъ видны еще были на томъ берегу Томи остатки первоначальной бревенчатой крѣпости.

Поколѣнiе Татаръ племени Еушта существуетъ и донынѣ въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ Томска, гдѣ одно татарское селенiе до-сихъ-поръ носитъ названiе «Еуштинскъ». Здѣсь, говорятъ, было лѣтнее мѣстопребыванiе князца Тояна, а на противоположномъ берегу—зимнее (23).

На другой же день послѣ прiѣзда въ Томскъ, я, какъ человѣкъ, «занимающiйся по золотой части», былъ окруженъ всевозможнымъ сбродомъ незнакомыхъ мнѣ людей съ бородами и безъ бородъ, во фракахъ и чуйкахъ, въ сюртукахъ и азямахъ.

Первый посѣтитель принесъ мнѣ поздравленiе съ прiѣздомъ, написанное на большомъ листѣ бумаги стихами, съ виньетами, расписанными киноварью, съ двумя прездоровенными нимфами—должно быть генiями золотопромышлености—съ четырьмя рогами изобилiя, изъ которыхъ сыпались цвѣты, крендели, монеты, молотки и всякая всячина. Первая литера каждаго стиха была вызолочена пряничнымъ золотомъ и вмѣстѣ съ остальными прописными буквами составляла мое имя, отчество и фамилiю. Подобными акростихами, не всегда исполненными здраваго смысла, авторъ содержалъ все свое семейство.

Остальные посѣтители были прежде-бывшiе прикащики разныхъ золотопромышлениковъ, техники и будущiе открыватели розсыпей. Каждый изъ нихъ предлагалъ свои услуги и каждый выхвалялъ заранѣе ту розсыпь, которую онъ обѣщался открыть.

Почти каждый разсказываетъ одну и ту же исторiю, что *въ зимушнемъ разѣ*, или *въ лѣтошнемъ годѣ* или *лонись* или *въ ланскомъ году*, т. е. по просту прошлымъ лѣтомъ, или прошлой зимой, ходилъ онъ отъ хозяина съ старшимъ прикащикомъ въ поиски, что нашли они нѣсколько розсыпей, что во время шурфовки или изслѣдованiя одной изъ нихъ, старшiй прикащикъ запилъ запоемъ; что онъ уже ничего не помнитъ, и объ этой розсыпи было извѣстно одному ему разскащику. Возвратившись изъ тайги, старшiй прикащикъ сдѣлалъ въ судѣ заявки тѣхъ розсыпей, которыя были у него записаны. Хозяинъ же, въ чью пользу розсыпи открыты, не желая вознаградить своего старшаго прикащика за его усердiе ничѣмъ особеннымъ, привязался къ нему изъ-за какой-то бездѣлицы и прогналъ его, обсчитавъ еще въ жалованьѣ. Онъ, разскащикъ, узнавъ, какая черная душа у его хозяина и ожидая за свою вѣрную службу такой же награды, скрылъ отъ него открытiе еще одного прiиска, о которомъ старшiй прикащикъ ничего не помнилъ, – оставилъ его службу и теперь предлагаетъ желающимъ богатѣйшее золото, чтобъ составить счастiе и себѣ и другимъ. Даромъ денегъ онъ брать не хочетъ, даже не думаетъ о жалованьѣ, а предлагаетъ только написать условiе на гербовой бумагѣ, что если онъ найдетъ хорошiй прiискъ, то наниматель обязывается внести за него подати, записать его во вторую гильдiю, дать десятую часть паевъ безъ взноса капитала на ихъ разработку и сдѣлать главноуправляющимъ съ приличнымъ жалованьемъ. Такiя строгiя условiя дѣлаются, однакожь, больше на словахъ, и предлагатель даетъ тутъ замѣтить, что денегъ ему теперь не надо, платы онъ никакой не требуетъ, но надѣется, что за труды его, по-крайней-мѣрѣ, содержать его будутъ какъ слѣдуетъ.

Подобныхъ отъискивателей бездна: одинъ обѣщается открыть прiискъ на Бирюсѣ, другой указываетъ на незаявленное еще мѣстечко по Актолику, а обѣ эти рѣчки, вмѣстѣ съ немногими другими, очень-многимъ людямъ внушаютъ особенное къ себѣ благоговѣнiе, потому-что тутъ-то и добывается самое богатое золото. Третiй, сiяясь

(23) Ж. М. Н. П. 1846 г. № 6.

надъ двумя первыми, скромно замѣчаетъ: не суля журавля въ небѣ, дай синицу въ руки, и предлагаетъ свой пріискъ, не за тысячу верстъ, а поближе, въ Ачинскомъ-Округѣ, гдѣ все дешево и гдѣ всякую кладь можно доставлять въ телегахъ вплоть до мѣста.

— Не слушайте его, сударь! совѣтуетъ четвертый: — ачинскіе мѣщане, которыхъ тамъ нанимаютъ на пріиски, самые непокорные работники; задатокъ возьмутъ и работать не прійдутъ, а коли и прійдутъ, такъ первые забушуютъ, что *уркú* (уроки) велики и тачки просторны—тяжело работать! Вотъ у меня пріискъ, такъ пріискъ! Близехонько отъ Томска, возлѣ самой деревни, и золото самое крупное, не тертое, окатистое. Тутъ одинъ кавалеръ ужь пронюхалъ, да всю почитай рѣчку и заявилъ себѣ, въ Петербургъ съѣздилъ, да, говорятъ, за четыреста тысячь Англичанамъ продалъ. Послушайтесь меня, сударь, искренно говорю, какъ христіанинъ — и себѣ и вамъ добра желаю. Всего отъ города сорокъ верстъ не будетъ, дорога колесная... А работники-то, здѣшніе мѣщане, какіе! Господи Боже мой, одинъ за десятерыхъ работаетъ! А золото-то какое богатое — поминутно самородки попадаются! Притоку воды вовсе нѣтъ; турфы самые малые; пластъ въ двѣ сажени — и городъ подъ рукой... Впрочемъ, воля ваша, а въ ачинскую тайгу не совѣтую, тамъ давно всѣ промыслà свои бросили: дорого больно!

Новичокъ, видя, что экс-прикащикъ одѣтъ чисто, порядочно, разсказываетъ о дѣлѣ довольно обстоятельно, знакòмъ съ нѣкоторыми исторіями новыхъ компаній и въ добавокъ не хочетъ брать впередъ денегъ,—думаетъ: дай, попробую; авось что-нибудь и выйдетъ! Предавшись мечтѣ одинъ разъ, онъ не можетъ уже съ нею разстаться; опасается, чтобъ предлагатель золотаго пріиска не сообщилъ своего секрета другимъ; рѣшается на рискъ, боится, чтобъ кто-нибудь посторонній не замѣтилъ его распоряженій къ отправкѣ, не пошелся по слѣдамъ его на ту же мѣстность и не предупредилъ его въ открытіи,—въ-тихомолку, черезъ третье лицо закупаетъ на базарѣ кой-какіе необходимые инструментишки, передаетъ ихъ золотому человѣку, прикидываетъ ему еще рублей двѣсти на разные расходы и воображаетъ, что онъ уже соорудилъ партію. И что̀ за деньги двѣсти рублей? Еслибъ и не удалось — и то не жалко; а почемъ знать, что̀ впередъ будетъ! Черезъ недѣлю золотой человѣкъ возвращается небритый, немытый, весь изорванный; ему не до того было, чтобъ думать о чистотѣ: онъ самъ шурфы билъ, самъ пробы бралъ — починиться некогда было. Золотой человѣкъ привезъ съ собою бумажку, свернутую такъ, какъ у насъ порошки завертываютъ. Счастливый хозяинъ развертываетъ этотъ *капсуль* и видитъ въ немъ немножко черноватаго мелкаго песка и съ десятокъ золотыхъ песчинокъ. Онъ видитъ *свое* золото и внутренно радуется. Ему и въ голову не прійдетъ подумать, что золотой человѣкъ стянулъ гдѣ-нибудь это золото, не теперь, такъ въ прошломъ году. Ему только дѣлается какъ-то грустно, отъ-чего жь такъ мало привезено золота!

— Этого мало-съ? спрашиваетъ обиженный прикащикъ.—Еслибъ все такъ пошло, такъ пріискъ обошелся бы въ четыре золотника! Вѣдь мы ведра цѣлаго не промыли; полупуда въ пескахъ не было, а и тутъ доли двѣ съ походомъ будетъ.

— Двѣ доли?! Вѣдь это сорокъ восьмая часть золотника — немного!

— Да вы извольте разсчесть, сударь, что это только изъ одного полу-ведра, которое мы промыли.

— Что жь вы не продолжали?

— Пособиться никакъ не могли; попали на родники; вода такъ и бьетъ со всѣхъ концевъ; совсѣмъ одолѣла!

— Ну, въ другомъ бы мѣстѣ покопали!

— Нельзя же-съ разомъ вездѣ перещупать; надо прежде одинъ шурфъ кончить, а потомъ за другой прини-

маться; у меня же и деньги всѣ вышли.

— Ка́къ всѣ?

— Всѣ-съ! Извольте отчетъ. Ѣхалъ я безъ подорожной — ямщики въ пятеро брали; въ деревнѣ охотниковъ на работу не нашлось — выставилъ имъ два ведра вина; писаря поблагодарилъ, чтобъ доносу не сдѣлалъ, что крестьяне безъ билетовъ работали; вы же сами, сударь, вѣрно заявки не подали въ судъ о томъ, кого послали въ партiю; а вѣдь на это у насъ строго!

— Нѣтъ, не подавалъ... я и не зналъ этого!

— Вотъ деньги и всѣ-съ! Слава Богу, что не даромъ еще пропали: Господь послалъ золотца!

Не отступиться же теперь отъ дѣла, когда къ нему сдѣланъ шагъ и такой вѣрный. Теперь надо и заявку подать, и машинку купить водоотливную, и прикупить другаго струменту. Даютъ еще триста рублей: такъ, ужь, ровно полтысячи будетъ.

Черезъ недѣльку-другую, золотой человѣкъ опять возвращается; онъ золота привезъ побольше, этакъ—золотника два и въ нѣсколькихъ капсуляхъ, помѣченныхъ чернилами, изъ котораго шурфа сколько его добыто, и опять докладываетъ, что деньги всѣ вышли. Тѣ работники, которымъ онъ прежде роздалъ задатки и которые записаны въ явкѣ, теперь ушли изъ деревни съ билетами; надобно было подговорить другихъ и заплатить имъ подороже; умаслить писаря не вмѣшиваться въ это дѣло; содержанiе вдругъ вздорожало, потому-что въ цѣлой деревнѣ весь хлѣбъ кѣмъ-то скупленъ за одинъ разъ и отправленъ на промыслъ: деньги всѣ и вышли. Притомъ же, машинка испортилась и перестала дѣйствовать — продолжать работъ нельзя. Но зато золото такое, что чудо! Теперь нѣчего терять времени, надо заявить объ открытiи; только вотъ на счетъ рабочихъ немножко - неловко: работали не тѣ, что записаны, да притомъ же и безъ билетовъ... ну, да ничего: какихъ-нибудь Сидоровъ да Карповъ наставимъ—кому справляться?

Если новичокъ вдастся въ обманъ и завлечется въ дѣло все болѣе-и-болѣе — онъ съ горяча теперь же, если можно, рѣшается на работы. Золотой человѣкъ, однакожь, представляетъ ему, какъ добрый совѣтчикъ, что теперь можно произвести генеральную шурфовку, а работать еще нельзя. Теперь, говоритъ онъ, надо заявить въ земскомъ судѣ объ открытiи и донести объ этомъ, съ приложенiемъ копiи съ заявки, Горному Правленiю. Правленiе всякiй годъ присылаетъ особыхъ чиновниковъ для отвода площадей. Если какой-нибудь отводчикъ получитъ въ нынѣшнемъ году предписанiе объ отводѣ и будетъ имѣть время заняться и вашимъ дѣломъ, тогда какъ у него, можетъ-быть, сотня другихъ, старшихъ по времени, отводовъ, — онъ отведетъ площадь, если вы, понятые и рабочiе для дѣланiя просѣкъ будете въ опредѣленный срокъ въ опредѣленномъ мѣстѣ; потомъ вашъ прiискъ онъ положитъ на планъ; потомъ этотъ планъ представитъ въ Правленiе; потомъ Правленiе утвердитъ этотъ планъ; потомъ пришлетъ его къ вамъ; а потомъ уже и можно будетъ приступить къ работамъ, вытребовавъ напередъ себѣ казенную книгу на записку золота. Новичокъ видитъ, что это еще далекая пѣсня, и что очень-естественное дѣло, что въ нынѣшнемъ году онъ подастъ заявку, въ будущемъ году лѣтомъ сдѣлаетъ отводъ, зимой утвердятъ планъ, и только на третiй годъ, можетъ-быть, можно будетъ приступить къ работамъ. Онъ ворчитъ про-себя на медленность, не понимая ни благодѣтельныхъ цѣлей правительства и нисколько не разсуждая о томъ, есть ли какая-нибудь физическая возможность въ короткое лѣтнее время исполнить всѣ формальности отводовъ на обширныхъ пространствахъ сибирскихъ лѣсовъ. Ему хотѣлось бы сейчасъ, благо деньги есть, приступить къ работамъ, употребить на это тысячь десять, двадцать серебромъ и добыть на пер-

вый же разъ пуда два-три золота. Нѣчего дѣлать! Онъ опредѣляетъ главную ширфовку подъ собственнымъ наблюденіемъ, закупаетъ лошадей, нанимаетъ рабочихъ, доставляетъ провіантъ, фуражъ и инструменты на свой пріискъ, самъ сидитъ въ ширфѣ, по цѣлымъ часамъ глазъ не сводитъ съ вашгерта, бьется какъ рыба объ ледъ, — а золото какъ въ вѣчность кануло: нигдѣ ни песчинки. Промучившись нѣсколько дней, а иногда и нѣсколько недѣль понапрасну, новый владѣлецъ пріиска пойметъ, наконецъ, къ-несчастію, поздно, что цѣль золотаго человѣка была та, чтобъ, воспользовавшись его незнаніемъ и обморочивъ его теоріею видимыхъ вѣроятностей, надуть его, пожить на его счетъ мѣсяцъ-другой времени и поживиться деньгами изъ чужаго кармана. Часто его поѣздка, покупка провіанта, наемъ рабочихъ и всѣ прочіе расходы — бываютъ только на бумагѣ, на отчетѣ, который онъ подаетъ въ деньгахъ, а въ-самомъ-дѣлѣ онъ все время проживалъ въ томъ же городѣ и смѣялся надъ своимъ довѣрителемъ за стаканомъ вина. Хорошо еще, если эта глупая исторія обойдется заѣзжему человѣку рублей въ тысячу!

Подобныя продѣлки съ людьми легковѣрными, полагающими, что гдѣ Сибирь, тамъ и золото, повторялись нерѣдко и со всевозможными варьяціями, а результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же: потеря времени и потеря денегъ.

Но это только одна сторона золотопромышленыхъ впечатлѣній.

Вотъ оборотъ медали и тутъ дѣйствующее лицо—человѣкъ, пріѣхавшій изъ Россіи въ качествѣ управляющаго.

Управляющій, давъ слово избирателямъ своимъ служить вѣрою и правдою по гробъ нескончаемо за возмездіе, совершенно обезпечивающее его будущность, не постигаетъ еще тѣхъ огромныхъ трудовъ и тѣхъ горькихъ лишеній, которымъ онъ добровольно подвергается, и воображаетъ, что въ Сибири, подъ этимъ блестящимъ именемъ своихъ довѣрителей, онъ будетъ первенствующая особа, на которую съ подобострастіемъ должны взирать сибирскіе провинціалы. Пріѣхавъ въ Томскъ, онъ разочаровывается въ своихъ надеждахъ, вездѣ встрѣчая людей весьма-почтенныхъ и умныхъ, которые вовсе не намѣрены дѣлать ему, безъ цѣлей, всевозможныхъ угожденій, особенно интересныхъ въ денежномъ отношеніи, а оказываютъ приличную только гостю вѣжливость. Это уже одно заставляетъ пріѣзжаго франта опустить крылышки. Ознакомливаясь болѣе-и-болѣе съ мѣстомъ, онъ узнаётъ, что́ значитъ таёжная жизнь и таёжные труды. Привычка къ регулярной недѣятельности, нежеланіе отказывать себѣ въ необходимомъ — отбиваютъ у него охоту ѣхать въ безпредѣльные лѣса, страшные и дремучіе, съ цѣлію отъискать тамъ золото. Городская жизнь ему больше нравится, и онъ заживается въ Томскѣ. Между-тѣмъ, компанія, избравшая его въ свои дѣятели, требуетъ отъ него трудовъ и отчетности въ деньгахъ, ассигнованныхъ на розъиски. Управляющій, человѣкъ порядочный, съ громогласною фирмою компаніи и съ сенаторскимъ жалованьемъ, невольно дѣлается членомъ аристократическаго общества губернскаго населенія, живетъ съ подобающимъ приличіемъ и, какъ водится, проживаетъ свое жалованье независимымъ образомъ, потому-что жизнь въ Томскѣ нисколько не дешевле жизни въ Петербургѣ: она еще дороже становится, сравнительно, отъ-того, что всѣ домашніе, мелочные недостатки рѣзко выставляются наружу и обращаютъ на себя особенное вниманіе любопытныхъ Сибиряковъ, тогда-какъ въ Петербургѣ о нихъ никто и знать не хочетъ. Проводя день за день постоянно за преферансомъ, по порядочной цѣнѣ, управляющій, наконецъ, опомнится, что онъ не только для компаніи не дѣлаетъ ничего добраго, но и себѣ даже ничего не составитъ.

У людей, пустившихся одинъ разъ

въ спекуляцію, сильно развивается эгоизмъ и барышъ; у тѣхъ, кто шагнулъ въ область золотопромышлености, въ мысляхъ одно только золото, и не по мелочамъ, а пудами, десятками, сотнями пудовъ. Зажившійся въ Томскѣ управляющій, зная, что съ компаніей нельзя шутить, не подвергая своего будущаго опасности, думаетъ, какъ бы съиграть съ нею на вѣрнякà; онъ осибиривается и посылаетъ въ Петербургъ по эстафетѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Проживъ три мѣсяца въ Томскѣ, съ цѣлію въ малѣйшихъ оттѣнкахъ узнать даже послѣднія подробности, касающіяся до золотопромышлености, — я убѣдился, что искать золото, подвергаться случайностямъ слишкомъ рискованнымъ и скорѣе безвозвратно жертвовать капиталами, чѣмъ имѣть несомнѣнную надежду на первый же годъ сдѣлать открытіе, могущее съ лихвою окупить всѣ издержки, — не можетъ имѣть ожидаемыхъ результатовъ для пользы компаніи, сдѣлавшей мнѣ честь своимъ довѣріемъ.

«Желая вполнѣ оправдать таковое, я прибѣгнулъ къ средствамъ, въ моемъ положеніи необходимымъ. Окруживъ себя людьми, передающими мнѣ всѣ свѣдѣнія о дѣлахъ, особенно золотопромышленыхъ, у здѣшнихъ жителей, — я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что здѣшній купецъ N, по случаю огромнаго уголовнаго дѣла, грозящаго ему несчастною участью, — весьма нынѣче нуждается въ деньгахъ.

«Г. N имѣетъ въ своемъ безспорномъ владѣніи сто-семьдесятъ-пять золотосодержащихъ пріисковъ двадцати-четырехъ процентныхъ. Бо̀льшая часть ихъ, именно, сто-шестьдесятъ, расположены по рѣчкамъ, пріобрѣтшимъ авторитетъ своею извѣстностію.

«Получивъ эти свѣдѣнія, я, бывъ уже знакомъ съ господиномъ N, сошелся съ нимъ еще короче и, обѣщая ему покровительство знатнѣйшихъ членовъ нашей компаніи и ходатайство этихъ важныхъ особъ по его дѣлу, довелъ его до того, что онъ согласенъ всѣ свои пріиски передать компаніи, которой представителемъ здѣсь на мѣстѣ я имѣю честь быть.

«Желая вполнѣ выразить свое усердіе компаніи, я вынудилъ господина N тутъ же написать препровождаемое при семъ обязательство объ уступкѣ намъ своихъ пріисковъ. Но господинъ N, радѣя и о своихъ интересахъ, со слезами на глазахъ упросилъ меня не лишать его всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и выговорилъ себѣ двадцатую часть чистыхъ барышей, безъ взноса капитала на разработку, кромѣ цѣнности пріиска 42,857 рублей и 42⁴/₇ копеекъ серебромъ.

«Цѣна эта, невѣроятно-дешевая, служитъ доказательствомъ, что жизнь и честь этого человѣка дороже всякаго золота. Если положить даже, что сто пріисковъ бѣдны, пятьдесятъ не очень-богаты, то остальные двадцать-пять навѣрное принесутъ неисчислимыя выгоды.

«Надѣюсь, что компанія, соблаговоливъ понять важность этого громаднаго пріобрѣтенія за ничтожную сумму, не оставитъ оцѣнить и мое усердіе, наградивъ меня какою-либо частію чистыхъ прибылей безъ взноса капитала на разработку пріисковъ.

«Съ нетерпѣніемъ жду, по эстафетѣ же, разрѣшительнаго предписанія компаніи и высылки денегъ, въ дополненіе къ находившимся у меня 15,000 рублямъ серебромъ и выданныхъ уже мною въ задатокъ господину N, съ обязательствомъ возвратить ихъ въ случаѣ несогласія компаніи.»

Компанія подумаетъ, подумаетъ, посудитъ — и увидитъ, что это, кажется, похоже на дѣло: всѣ шансы на ея сторонѣ; она соглашается съ управляющимъ — и попадаетъ въ просакъ при громкомъ хохотѣ зрителей. Это дѣло бывалое! Управляющій вышелъ чистъ: онъ обращалъ вниманіе на то, что всѣ эти пріиски двадцати-четырех-процентные, но мѣлкомъ: вольно жь было этого не замѣтить! Сама компанія виновата, что не понимала дѣла; ей не было извѣстно, что пріиски, о которыхъ не заботятся

ихъ владѣтели, по извѣстнымъ имъ причинамъ, поступаютъ въ казну, а отъ нея раздаются желающимъ за увеличенную двадцати-четырех-процентную подать. Тутъ изъ сотни пріисковъ одинъ попадается и хорошій; но какъ до него добраться? Надобно перешурфовать всѣ до одного, хотя они и брошены ихъ хозяевами. Г. Плуткинъ купилъ листъ гербовой бумаги въ 90 копеекъ серебромъ, подалъ въ Горное Правленіе прошеніе о снабженіи его такими-то и такими-то отошедшими въ казну пріисками, набралъ ихъ 175 штукъ разомъ и уступилъ компаніи. Полтораста тысячь дружно раздѣлены поровну между имъ и честнымъ управляющимъ, который прощается съ Сибирью и съ капитальцемъ своимъ поселяется на вѣчное жительство въ какомъ-нибудь городѣ Малороссіи, гдѣ семидесяти-пяти тысячь ему въ вѣкъ не прожить.

⁂

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

Статья первая.

Въ послѣднія три столѣтія, кругъ нашихъ познаній сильно расширился. Въ настоящее время можно сказать не обинуясь, что тотъ метафизическій періодъ умственнаго развитія, который въ XVI-мъ столѣтіи еще боролся съ начальнымъ мистицизмомъ, для насъ благополучно миновался. Хотя мы и не совершенно еще освоились съ положительною философіею, но тѣмъ не менѣе всѣ силы современной учености устремлены на разрушеніе метафизическаго идеализма, и если порою слышатся жалобы и крикливые навѣты на положительность, то это только отъ-того, что новая философія не успѣла еще вполнѣ опредѣлиться, и часто подъ ея фирмою высказываются ученія совершенно-неположительныя. Наука половины XIX вѣка не есть наука чисто-положительная, но она въ состояніи переходномъ метафизико-положительномъ, точно такъ, какъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка она была въ переходномъ мистико-метафизическомъ состояніи.

Потому-то именно Парацельсъ, какъ представитель этого послѣдняго кризиса, заслуживаетъ въ наше время особеннаго изученія, тѣмъ болѣе, что въ богатой, энергической личности этого человѣка выразилась рѣзкими чертами современная ему ученость, какъ въ научномъ, такъ и въ житейскомъ отношеніяхъ.

Съ другой стороны, біографія Парацельса важна и потому, что до-сихъ-поръ значеніе его въ наукѣ положительно не опредѣлено, между-тѣмъ, какъ и личныя его качества, и заслуги, оказанныя имъ не одной медицинѣ, а цѣлой философіи жизни, даютъ ему полное право на самое почетное мѣсто въ исторіи развитія человѣчества.

Правда, многое въ жизни его можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, многое въ его ученіи походитъ на замысловатыя мудрствованія человѣка, невѣрующаго въ авторитетъ своихъ учителей, но одареннаго пламенной фантазіей, какъ нѣкоторые и опредѣляютъ Парацельса; но всмотритесь ближе, и вы увидите, что эти странности принадлежатъ не личности великаго человѣка, а духу его времени, и что если Парацельсъ, за недостаткомъ фактовъ, иногда пополнялъ пробѣлы своей теоріи дѣйствительно фантастическимъ мистицизмомъ, то это не можетъ служить ему укоромъ, потому-что подобные пробѣлы есть въ біологіи нашего времени, въ біологіи XIX столѣтія...

Развѣ не мистицизмъ—ученіе современныхъ *финалистовъ*, которые не только за недостаткомъ фактовъ, но часто прямо противъ извѣстныхъ фактовъ, утверждаютъ, что такое-то животное, или такой-то органъ у животныхъ устроенъ для такой-то именно

цѣли?.. И такъ утверждаютъ, согласившись въ началѣ своей теоріи, что наука должна выводить заключеніе изъ фактовъ, а не подводить факты подъ идеи, созданныя a priori... чего не зналъ и не могъ еще знать Парацельсъ.

А животный магнитизмъ, а гомеопатія!.. на все это мы постараемся указать при изложеніи ученія Парацельса, а предварительно разскажемъ событія его жизни.

Филиппъ - Ореоль - Теофрастъ Бомбастъ, извѣстный подъ именемъ *Парацельса* или *Парацельсія*, которое онъ принялъ по обычаю тогдашнихъ ученыхъ, родился въ 1493 году въ Эйнзидленѣ, въ Швейцаріи, близь Цюриха. Хотя враги его постоянно отзывались о его происхожденіи съ видимымъ сомнѣніемъ, иногда даже называли его сыномъ Земли или Тартара: «Terrae vel Tartari videtur filius», какъ говоритъ Эрастъ; но изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что онъ былъ сынъ лиценціата медицины Гильйома Бомбаста (изъ Гогенгейма), который самъ давалъ ему первые уроки въ медицинѣ и химіи. Въ-послѣдствіи Парацельсъ слушалъ лекціи медицины въ разныхъ германскихъ университетахъ и получилъ степень доктора. Но недовольный господствовавшими теоріями, онъ обратился преимущественно къ металлургіи, съ цѣлію, примѣнить ее къ леченію болѣзней. И ему первому принадлежитъ слава приложенія свойствъ минералловъ къ органическимъ тѣламъ—нововведеніе, приведшее его, какъ увидимъ, къ важнымъ философскимъ заключеніямъ.

Безпокойный умомъ и характеромъ, онъ любилъ учиться путешествуя, и, объѣхавъ большую часть Европы, былъ, говорятъ, даже на Востокѣ. Особенно искалъ онъ знакомства съ алхимиками и съ удовольствіемъ приводитъ имена всѣхъ своихъ учителей, сближался съ простымъ народомъ, съ старухами, знахарями и даже съ палачами.

По просьбѣ нѣкоторыхъ жителей Базеля, онъ открылъ тамъ первый въ Европѣ публичный курсъ химіи, и говорилъ по нѣскольку часовъ сряду въ огромной аудиторіи, куда привлекали всѣхъ слава его имени и новость его идей. Зависть и ненависть къ нему увеличивались вмѣстѣ съ его успѣхами. Больной каноникъ, отъ котораго отказались всѣ лекаря, предложилъ ему сто флориновъ, если онъ его вылечитъ. Парацельсъ успѣлъ такъ скоро избавить его отъ болѣзни, что паціентъ усомнился, былъ ли онъ дѣйствительно боленъ, и потому не считалъ себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе. Дѣло дошло до суда и передано было на рѣшеніе медиковъ. Великодушные собраты присудили, что за малый трудъ и плата слѣдуетъ небольшая, и Парацельсу было отказано въ требуемой суммѣ. Раздраженный Парацельсъ увлекся, опровергая своихъ судей, и принужденъ былъ удалиться изъ Базеля; отрясъ прахъ отъ ногъ на неблагодарный городъ и снова началъ кочевую жизнь. За нимъ послѣдовалъ одинъ изъ его учениковъ—нѣкто Опорэнъ, оставившій жену и дѣтей въ надеждѣ узнать отъ учителя тайну его искусства. Два года онъ пользовался полною довѣренностью Парацельса; потомъ перешелъ на сторону его враговъ и причинилъ ему бездну непріятностей и огорченій. Онъ разсказываетъ, что по ночамъ съ Парацельсомъ случались припадки бѣшенства, что онъ схватывалъ шпагу, рубилъ ею стѣны, и даже нѣсколько разъ жизнь его, Опорэна, была въ опасности. Онъ выставляетъ его расточительнымъ до крайности, беззаботнымъ; говоритъ, что Парацельсъ каждый мѣсяцъ заказывалъ новое платье, отдавая прежнее первому встрѣчному, проматывалъ все до послѣдняго обола, и потомъ снова показывалъ полный кошелекъ, такъ-что нельзя было узнать, откуда бралось у него золото. Впрочемъ, по смерти Парацельса, Опорэнъ съ раскаяніемъ сознавался, что клеветалъ на своего учителя.

На дошедшихъ до насъ портретахъ Парацельса, онъ изображенъ костля-

вымъ, сухимъ. Лысая сверху голова окружена короткими курчавыми волосами; быстрые глаза, небольшой носъ, рѣдкая всклокоченная борода—вотъ его физіономія, которая въ цѣломъ напоминаетъ скелетъ: какъ-будто внутренній огонь пожиралъ этого человѣка.

Враги Парацельса разсказываютъ, что онъ не любилъ женщинъ, и что въ дѣтствѣ его постигла одинаковая участь съ Абельяромъ. Они говорятъ, что до двадцати-пяти лѣтъ онъ велъ такую воздержную жизнь, что никогда не употреблялъ вина, но потомъ страстно предался ему; проводилъ ночи съ крестьянами и кучерами, засыпая на лавкѣ, едва нѣсколько часовъ оставался трезвъ, но лечилъ удивительно. Они упрекали его въ незнаніи древнихъ писателей, въ темнотѣ и странности его рѣчи, въ презрѣніи къ логикѣ, въ противорѣчіяхъ, въ внезапной ранней смерти,—тогда-какъ онъ выдавалъ, что знаетъ тайну сдѣлаться безсмертнымъ.

Большая часть этихъ упрековъ преувеличены. Онъ зналъ по-латинѣ, потому-что частію училъ на этомъ языкѣ; а нападки его на галенистовъ доказываютъ, что ихъ сочиненія были ему знакомы; онъ съ похвалою говоритъ объ Иппократѣ, съ которымъ у него было много общаго въ образѣ мыслей. Правда, онъ глубоко презиралъ логику схоластиковъ, которую считалъ несвойственною для открытій и предпочиталъ ей наблюденіе природы. Что касается до странности и новости рѣчи тогдашней новой школы, то отъ этого упрека невозможно избавить и самихъ схоластиковъ; при томъ же противники Парацельса очень-часто искажали смыслъ его фигуральныхъ выраженій; часто умышленно составляли изъ нихъ пародіи.

Но надо согласиться,чтоПарацельсъ, съ своей стороны, не слишкомъ стоялъ за ясность и систему: это—потокъ, постоянно выступавшій изъ береговъ, постоянно раздраженный противъ галенистовъ. Онъ часто говоритъ темнымъ и таинственнымъ языкомъ. Не надо забывать, что онъ былъ ученикъ алхимиковъ, которые съ особенною заботливостію сохраняли тайну своихъ пріемовъ и условныхъ знаковъ. Въ то тяжелое время всѣ искусства, всѣ роды занятій имѣли свои корпораціи и братства, члены которыхъ рѣзко отличались отъ профановъ. Даже мореплаватели хранили въ тайнѣ свои открытія! Раздраженный преслѣдователями, Парацельсъ самъ говоритъ, что онъ ищетъ вниманія только своихъ, а не глухой, нечестивой толпы: потому-что не хочетъ бросать собакамъ хлѣба, назначеннаго для дѣтей. Впрочемъ, мы увидимъ, что система его гораздо лучше, а изложеніе понятнѣе и послѣдовательнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ.

Правда, во многихъ мѣстахъ онъ, кажется, противорѣчитъ себѣ; но въ такой наукѣ, какова медицина, кто не представлялъ на различные вопросы различныхъ или противорѣчащихъ одно другому рѣшеній?.. Парацельсъ воздѣлывалъ совершенно новую почву и потому неудивительно, если воображеніе часто увлекало его за строгіе предѣлы опытной науки, особенно когда враги, нападая на него со всѣхъ сторонъ, не давали ему ни минуты для спокойнаго размышленія. Притомъ въ сочиненіяхъ его много мѣстъ переиначенныхъ, искаженныхъ. Опасаясь нападковъ враговъ, онъ при жизни мало печаталъ, и рукописи его послѣ открылись въ разныхъ рукахъ, такъ-что корысть, зависть и невѣжество многія мѣста исказили, многое приписали отъ себя; между-тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ его сочиненій, о которыхъ онъ упоминаетъ, остались неизвѣстными. Что жь дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Надо судить его по тѣмъ сочиненіямъ, которыя онъ самъ призналъ своими, и искать истины въ совокупности тѣхъ мѣстъ, которыя не противорѣчатъ другъ другу, но подтверждаютъ одно другое.

Бэконъ весьма-дурно отзывался о Парацельсѣ; да и кого щадилъ гордый канцлеръ? Онъ хотѣлъ перенесть въ

науку свою роль публичнаго обвинителя, и исполнялъ это со всею строгостію и жестокостію подобнаго званія. Философы насилуютъ души людей (stupratores animorum); Аристотель самый худшій изъ софистовъ (pessimus sophista) и только ткалъ паутины; Ромеасъ, противникъ его, литературная язва (perniciosissima litterarum tinea); Скоты и д'Акэны — просто нечестивцы; Платонъ—изящный насмѣшникъ, надутый поэтъ, богословъ съ разстроенной головой, также глупъ и низокъ, какъ пагубенъ для религіи. Цицеронъ, Сенека и Плутархъ—не лучше его. Галэнъ—глупый пустословъ (vanissimus causator). «О песъ! о зараза!» говоритъ онъ, обращаясь къ послѣднему: «ты такъ ничтоженъ, что не стоитъ останавливаться на тебѣ; убирайся и съ соучастниками твоими Аравитянами!.. Фернель — изъ гнусной породы номенклатуристовъ... Гиппократъ—полусофистъ, безсмысленный предъ дѣйствительностію. Кто не засмѣется, говоритъ онъ, когда Галэнъ и Парацельсъ прибѣгаютъ къ авторитету подобнаго человѣка, точно укрываются отъ солнца подъ тѣнью осла?..»

Но парацельсъ, какъ представитель когорты химиковъ, кажется ему, по своей смѣлости, заслуживающимъ особеннаго нападенія: обращаясь къ противнику Эпикура, онъ говоритъ, что Парацельсъ своими простыми началами нарушаетъ единство міра, превосходитъ во лжи Галэна и оскверняетъ предметы священные, смѣшивая ихъ съ предметами житейскими. Другія только уклонялись отъ опыта; а ты, Парацельсъ, ты измѣняешь ему, и, призывая свѣтъ дѣйствительности, засоряешь его источники. Усыновленное чадо ословъ, ты счастливъ, что нашелъ Северина, который сгладилъ твою рѣчь! Этому торжественному адвокату можно было бы замѣтить, что Парацельсъ прежде него самого призывалъ людей къ опыту и наблюденію. Положимъ, отвѣчаетъ онъ; но если Кабанъ случайно начертилъ на землѣ своимъ клыкомъ букву А, то развѣ это значитъ, что онъ способенъ написать и трагедію? Извѣстно, какую медицину и какую физику предложилъ Бэконъ въ замѣнъ того ученія, на которое онъ нападалъ; извѣстно, какъ теменъ, напыщенъ и страненъ онъ самъ и чтобъ доискаться въ тогдашнихъ ученыхъ спорахъ простоты, ясности и приличія, надо обратиться къ Декарту, къ школѣ французской.

Ничто не можетъ сравниться въ задорности споровъ, возникшихъ еще при жизни Парацельса, между старой и новой школами. Съ одной стороны, важные, торжественные схоластики, сильные авторитетами Галэна и Аристотеля, которыхъ знали почти на память, и книги которыхъ — уважаемыя впрочемъ всѣми — чтили какъ святыню. Съ другой стороны, этотъ наглый раздуватель пепла, этотъ праздношатающійся, этотъ нечестивый дистилировщикъ, называвшійся ихъ учителемъ, жжетъ чтимыя ими книги, бросаетъ въ нихъ ѣдкой ироніей, и лечитъ неизвѣстными средствами самыхъ отчаянныхъ ихъ паціентовъ; отъ такого столкновенія было чему разъиграться! Поэтому прочтите Куртэна, Кратона и особенно Томаса Эраста, медика германскаго императора и знаменитаго ученаго, сильнаго въ древней медицинской литературѣ, и слѣдовательно, смертельнаго врага Парацельса: вы увидите, что они иначе не называютъ его, какъ кощунникомъ, нечестивымъ, дикимъ звѣремъ, порожденіемъ діавола, достойнымъ костра, пьяницей, невѣждой, шарлатаномъ, сумасшедшимъ.

Парацельсъ не оставался въ долгу у своихъ враговъ и платилъ имъ тою же монетою.

Терпѣніе и скромность — не его добродѣтели. Впрочемъ, въ сущности, онъ увлекался болѣе противъ доктринъ, нежели противъ личностей. «Вырвало у меня это крѣпкое слово», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: «то презрѣніе, съ которымъ смотрятъ на ученіе, служащее, между-тѣмъ, основаніемъ всему».

Благотворное дѣйствіе его химическихъ лекарствъ и искусство приготовлять ихъ, внушили ему глубокое презрѣніе къ галенистамъ. «Въ моей лысой и обнаженной головѣ гораздо больше, нежели въ головахъ Авиценны и всѣхъ вашихъ академиковъ. Нуте ка, покажите намъ, что вы знаете. На меня нападаютъ и женщины лекарки!.. волчихи и змѣи!.. По ваша медицина падетъ. Сѣкира уже у корня дерева...» Парижскій факультетъ назвалъ его Лютеромъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ: «я не Лютеръ; я Теофрастъ, котораго вы назвали въ Базелѣ Какофрастомъ (Cacophraste). Я больше Лютера: онъ былъ только теологъ, а я знаю медицину, философію, астрономію, алхимію. Лютеръ не достоенъ развязать ремень у моего сапога». Эта неумѣренность выраженій теперь скандилизуетъ насъ, хотя иногда и въ нашей литературѣ раздаются прозвища *пътуховъ* и т. п. остроты; но тогдашніе ученые, какъ и древніе ораторы, за урядъ вели между собою переговоры въ такомъ тонѣ; знаменитые парижскіе профессоры прозвали возстановителя анатоміи Везала (Vesalus), везанусомъ (vesanus), т. е. безсмысленнымъ; а Гарвея, который открылъ кровообращеніе—циркулаторомъ (circulator), т. е. шарлатаномъ.

Что это относится не къ личностямъ, а къ духу вѣка, лучше всего доказываетъ тоѣмъ, что послѣ смерти Парацельса споры химистовъ съ галенистами продолжались въ томъ же тонѣ. «Прочь отъ насъ угольники, протухлые сѣрой», говорили галенисты: «черные собраты вулкана, отвратительные циклопы, которыхъ одинъ видъ наноситъ ужасъ и смерть!» —Пульсо-щупальники-галенисты, отвѣчали другіе, наряжаются, пахнутъ мускусомъ и амброй: подумаешь Аполлоны, стоитъ больному взглянуть на нихъ такъ и выздоровѣетъ; но подъ этой маской, подъ этой пышной наружностью скрываются смерть и печальный скелетъ». Или въ другомъ мѣстѣ: «племя языческое, вы съ вашей зеленью и катаплазмами ничего больше, какъ повара; а мы употребляемъ живыя силы, сокрытыя въ металлахъ... Какъ снѣга не сноютъ Альпъ, такъ ваши ругательства не поколеблютъ нашего ученія».

Въ Зальцбургѣ Парацельсъ заболѣлъ смертельно. Нѣкоторые подозрѣвали, будто враги отравили его. Вѣрно только то, что они радовались безвременной погибели этого человѣка, который, какъ они говорили, хвалился умѣньемъ сдѣлать себя безсмертнымъ посредствомъ извѣстнаго лекарства. Подобная выходка со стороны Парацельса возможна; по-крайней-мѣрѣ, онъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что выберетъ время, когда умереть; но въ сочиненіяхъ своихъ весьма часто говоритъ о необходимости предѣла земной жизни.

21 сентября 1541 года, Парацельсъ сдѣлалъ завѣщаніе и, оставивъ рукописи свои зальцбургскому хирургу Андрею Венделю, умеръ на третій день, 24 сентября.

Кромѣ рукописей, у него нашли библію маленькаго формата, сводъ священныхъ книгъ, евангеліе, комментаріи святаго Іеронима на евангеліе и одну печатную медицинскую книгу: въ этомъ состояла вся его библіотека. Частыя ссылки на священныя книги и самые обороты его рѣчи доказываютъ, что это было его обыкновенное чтеніе. Въ описи, приложенной къ завѣщанію, исчислены всѣ его медицинскіе и химическіе приборы и весьма-много цѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, что можетъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на обвиненія въ пристрастіи его къ кочевой жизни.

Онъ погребенъ, по желанію его, въ Зальцбургѣ близъ Церкви-св.-Себастіана. Вотъ его эпитафія:

«Conditur hic Philippus Theophrastus, insignis medicinæ doctor; qui dira illa vulnera, lepram, podagram, hydropisin, aliaque insanabilia corporis contagia, mirifica arte sustulit: ac bona sua in pauperes distribuenda, collocandaque honoravit. Anno MDXXXXI, die XXIV septembris, vitam cum morte mutavit.»

(Здѣсь погребенъ Филиппъ Теофрастъ, знаменитый докторъ медицины, который лечилъ жестокія болѣзни, проказу, подагру, водяную и другіе тѣлесные недуги съ удивительнымъ искусствомъ, и который великодушно роздалъ свое имущество бѣднымъ. Умеръ 1541 года сентября 24 дня.)

По смерти Парацельса, многіе изъ его учениковъ, какъ обыкновенно бываетъ, преувеличили идеи своего учителя; множество энтузіастовъ и шарлатановъ воспользовались его именемъ, чтобъ внушить довѣріе къ собственнымъ глупостямъ, пока наконецъ профессоръ медицины въ Монпелье, Лазарь Ривьеръ, не очистилъ ученія Парацельса и не ввелъ его въ науку, начавъ преподавать его публично.

Постараемся дать по возможности точное понятіе о системѣ Парацельса по самымъ важнымъ и наиболѣе достовѣрнымъ изъ его сочиненій.

Въ началѣ своего «Парамира» (Paramira) Парацельсъ объявляетъ, что главная цѣль его — найдти лекарства противъ болѣзней. Вмѣсто того, чтобъ строить теоріи на воздухѣ и начинать съ басень о четырехъ влагахъ, говоритъ онъ, надо прямо искать того, что̀ исцѣляетъ; такимъ образомъ, можно узнать и то, что̀ причиняетъ болѣзни. Въ этомъ случаѣ онъ согласенъ съ знаменитымъ правиломъ практиковъ: Morborum naturam ostendunt curationes.

Парацельсъ различаетъ пять родовъ вліяній:

1) Звѣздное существо (ens astrale).

Это не значитъ, чтобъ звѣзды измѣняли сущность нашей природы или нашего сѣмени (ens seminis): астрологи, которые такъ говорили, говорили неправду: звѣзды для насъ то же, что̀ солнце для растительнаго сѣмени. Онѣ даютъ пищу нашей жизни, и мы не можемъ обойдтись безъ нихъ, точно такъ, какъ огонь не можетъ обойдтись безъ дерева. Что̀ же касается до самаго сѣмени, то оно зависитъ не отъ звѣздъ, а отъ Бога; оно есть сущность всѣхъ родовъ формъ, которыя должны исполниться до послѣдняго суда; тогда заключится кругъ перваго міра; возникнутъ другіе подобные міры, но они будутъ постоянны и опредѣлительны, безъ возрастовъ и безъ превращеній.

Изъ этого видно, что Парацельсъ допускаетъ специальность каждаго существа и не думаетъ, какъ Бэконъ и многіе другіе, что одинъ родъ можетъ превратиться въ другой отъ вліянія среды, въ которой будетъ жить.

Но ка́къ же дѣйствуютъ на насъ звѣзды? — Сообщая свое вліяніе срединѣ, которая все сохраняетъ и поддерживаетъ. Небо и земля, твари и элементы, — все живетъ въ томъ воздушномъ пространствѣ, которое онъ означаетъ таинственнымъ названіемъ большаго М.

Каждый изъ насъ имѣетъ свой непріятный или здоровый запахъ; такъ точно и отъ звѣздъ исходитъ эманація, дыханіе, которое заражаетъ этотъ большой М. Если, на-примѣръ, М озера въ хорошемъ состояніи, то воды его изобилуютъ рыбою; если же оно заражено, то и рыбы гибнутъ; такимъ образомъ, плодовитость или безплодіе озера зависитъ отъ качествъ или недостатковъ его М. Но недостатки могутъ быть различны. Одни дѣйствуютъ на кровь, другіе на голову, иные на кости и вены, производятъ водяную или различныя лихорадки. Поэтому, измѣненія, происходящія въ небѣ, производятъ весьма-разнообразное вліяніе на животныхъ, на растенія и на плоды, смотря по тому, въ какомъ состояніи находятся эти послѣдніе, крѣпки или слабы они сами. Одному здорово извѣстное вліяніе, между тѣмъ, какъ другой сильно страдаетъ отъ него. Такимъ образомъ, міръ противостоитъ человѣку, а человѣкъ — вселенной. Болѣзнь, причиненная звѣздами, не можетъ прекратиться до-тѣхъ-поръ, пока продолжается особенное вліяніе, поддерживающее ее.

Но что̀ жь такое — этотъ таинственный знакъ, этотъ большой М, о которомъ говоритъ Парацельсъ? Море ли это, эѳирная всесоединяющая атмосфера, или магнитизмъ? Изъ его «Frag-

menta ad Paramir» видно, что оно значитъ то-же, что слово *mognale;* но къ несчастію, этотъ терминъ нисколько не яснѣе знака. Во всякомъ случаѣ, оно означаетъ то неизвѣстное искомое, которое назовите, пожалуй, магнетизмомъ, электричествомъ, эѳиромъ или другимъ научнымъ имевемъ, но которое откроютъ развѣ наши потомки.

Звѣздное вліяніе Парацельса, кажется, соотвѣтствуетъ иппократову τί θεῖον, тому неизвѣстному, которое повреждаетъ, заражаетъ среду, въ которой мы живемъ, и производитъ то чуму, то холеру, то гриппъ; вліяніе, причины котораго мы не знаемъ, которое можетъ быть въ воздухѣ, или Богъ-знаетъ гдѣ, которое сбиваетъ насъ съ толка. Вотъ, на-примѣръ, недавно картофель, какъ рыбы въ озерѣ Парацельса, вдругъ заболѣлъ почти во всей Европѣ. Отъ-чего?

Дѣло въ томъ, что Парацельсъ хочетъ, чтобъ тщательно изслѣдовали свойства этихъ вліяній, стараясь открыть отношенія каждой большой внѣшней сферы на извѣстныя части нашего тѣла, и предлагаетъ для того изслѣдовать, какое производитъ дѣйствіе на насъ каждый минералъ. Поле, конечно, обширное, и онъ самъ разработывалъ его весьма-грубо и только руководствуясь случаемъ; но тѣмъ не менѣе онъ сильно подвинулъ медиковъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ, указавъ имъ дорогу. И сколько драгоцѣнныхъ лекарствъ доставила съ-тѣхъ-поръ химія! сколько еще обѣщаетъ, особенно если мы будемъ внимательнѣе изслѣдовать дѣйствіе различныхъ веществъ не по однимъ химическимъ ихъ свойствамъ, но и по вліяніямъ ихъ на живой организмъ, какъ училъ Парацельсъ!..

2) *Ядовитое существо* (ens veneni).

Каждое живое тѣло имѣетъ нужду въ пищѣ; но въ каждой пищѣ, вмѣстѣ съ питательнымъ веществомъ, скрывается смертоносный ядъ, такъ-что каждая пища можетъ сдѣлаться отравою, не потому, чтобъ все было ядовито, но отъ дурнаго употребленія: развѣ не гибеленъ самый хлѣбъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ? Но Богъ каждому животному далъ *алхимика*, который находится въ желудкѣ, отдѣляетъ полезное отъ вреднаго, принимаетъ первое и отвергаетъ послѣднее. Если алхимикъ слабъ, и дурно распредѣляетъ вещества, то отъ этого происходятъ болѣзни, ядъ пищи расходится по организму: потому-что здоровый человѣкъ точно чистая вода, которая окрашивается всѣми цвѣтами, т. е. заражается всякаго рода ядами. Такая порча происходитъ двоякимъ образомъ, ядъ или останавливается въ извѣстной части тѣла и не выходитъ изъ нея, или проходя чрезъ извергающіе органы: носъ, кожу, мочевой пузырь, уязвляетъ ихъ своимъ присутствіемъ. Алхимики у однихъ животныхъ чувствительнѣе, нежели у другихъ,—корова ѣстъ траву, а человѣкъ питается ея молокомъ; одно помогаетъ другому перерабатывать пищу: огонь, воздухъ, вода и проч. могутъ испортить алхимика, и потому-то именно иногда вредны эти элементы.

Изъ этихъ метафоръ уже видно, что Парацельсъ разсматривалъ организмъ какъ лабораторію, гдѣ внутренняя сила отдѣляетъ отъ внѣшнихъ элементовъ части, сходныя и несходныя съ существомъ каждаго органа; онъ возобновляетъ анаксагорову систему гомеомерій. Хорошее или дурное отдѣленіе производитъ здоровье или болѣзнь.

3) *Существо природное* (ens naturale).

Какъ небо имѣетъ свои планеты и движенія, точно такъ и тѣло человѣка составляетъ маленькій независимый міръ, подобный большому міру, и имѣетъ свои созвѣздія или члены и свои движенія. Этотъ-то маленькій человѣческій міръ древніе называли микрокозмомъ, противопоставляя его вселенной. У него есть свое особое управленіе, онъ поддерживается и питается самъ собою; пища служитъ ему только какъ удобреніе для поля. О его внутреннемъ устройствѣ можно составить себѣ понятіе, наблюдая большой внѣшній міръ, потому-что всѣ части по-

слѣдняго имѣютъ въ немъ своихъ представителей. Вы, можетъ-быть, скажете, что въ немъ не видно столькихъ элементовъ, какъ въ большомъ? Вамъ отвѣтятъ, что они скрыты. Если, напримѣръ, васъ ударятъ въ глазъ, вы тотчасъ увидите огонь, котораго дотѣхъ-поръ въ немъ не замѣчали. Это внутреннее устройство производитъ жизненную влагу (liquor vitae), которая, смотря по ея качествамъ, также производитъ здоровье или болѣзнь и это-то именно Парацельсъ называетъ природнымъ вліяніемъ. Эта мысль составляетъ переходъ отъ астрологіи къ витализму.

Но здѣсь мы должны замѣтить важную ошибку Парацельса, уличить его въ томъ, что онъ не совершенно избавился отъ заблужденія астрологовъ, и по сходству именъ, смѣшивалъ свойства планетъ Марса, Сатурна, Венеры, и проч., съ свойствами металловъ того же названія: желѣзо, свинецъ, мѣдь. Отъ того въ метеорологіи его выходитъ странная запутанность: онъ принимаетъ Марса то за желѣзо, то за планету...

4) *Существо духовное* (ens spiritale).

Это самая замысловатая сторона его ученія. Впрочемъ, духовное здѣсь не надо понимать въ философскомъ смыслѣ; это не демонъ, не духъ, не душа чисто-разумная и нравственная, отдѣляющаяся по смерти. Парацельсъ принимаетъ слово *духъ* въ смыслѣ болѣе-грубомъ, такъ-сказать, въ тѣлесномъ и медицинскомъ значеніи. Онъ означаетъ имъ то невидимое и неосязаемое вещество, которое обнаруживается въ видимомъ и осязаемомъ тѣлѣ. Впрочемъ, этотъ духъ не есть самое тѣло, съ которымъ онъ только соединенъ; онъ можетъ дѣйствовать на тѣло и даже причинять болѣзни. Онъ совершенно отличенъ отъ тѣла, можетъ страдать и быть въ болѣзненномъ состояніи независимо отъ тѣла.

У каждаго животнаго есть такой духъ; у васъ свой, у меня свой, и наши духи разсуждаютъ между собою какъ имъ угодно, не тревожа языка. Мы иногда чувствуемъ симпатію или отвращеніе къ людямъ, которые намъ не сдѣлали ничего, ни хорошаго, ни дурнаго, именно потому-что эти странные невидимые существа, не спросясь разсудка, заводятъ между собою вражду и дружбу, питаютъ другъ къ другу упорное отвращеніе или взаимную любовь. Происходятъ эти духи, часто противные разуму, отъ воли, точно такъ, какъ огонь происходитъ отъ кремня. Они, какъ и тѣла наши, имѣютъ свой особый міръ, и ведутъ между собою борьбу. Если я хочу вредить кому-нибудь, и моя воля сильнѣе воли противника, я уязвляю его; иначе онъ возьметъ перевесъ, и тѣло отъ-того можетъ пострадать и сгибнуть.

Стόитъ некромантику сдѣлать *на васъ* фигуру изъ воска, и вы будете чувствовать все, что сдѣлаютъ съ этой куклой, не тѣломъ, которое остается здоровымъ, но *духомъ*; и въ этомъ случаѣ, безполезно лечить ваше тѣло. Такимъ образомъ, съ помощію только сильной воли, можно сдѣлать человѣка хромымъ или лишить его зрѣнія. Такова сила проклятія. И не смѣйся надъ этимъ, о медикъ! говоритъ Парацельсъ; ты не знаешь, какъ могущественна воля человѣка.

Хотите ли отмстить вору? Привлеките своею волей духъ его къ восковой фигурѣ, и вы заставите его возвратиться за наказаніемъ на мѣсто преступленія. Что касается до него, онъ этого не можетъ сдѣлать съ вами, если вы человѣкъ честный: потому-что его духъ слабѣе вашего. Во снѣ вамъ также случается призывать духъ вашего врага и уязвлять его.

Впрочемъ въ этой главѣ Парацельсъ излагаетъ мнѣнія современныя ему и только объясняетъ ихъ по своему. Вампиры, тѣни, провидѣнія, колдовство и чары съ незапамятныхъ временъ имѣли силу на землѣ. Александрійская школа, противодѣйствуя христіанству, придала новую силу такъназываемой бѣлой магіи. Да и теперь еще найдется много людей, для которыхъ покажется непонятнымъ наше

невѣріе. Но въ то время, какъ Эрастъ приписывалъ всѣ чары дьяволу, Парацельсъ искалъ для нихъ разгадки въ самой природѣ и не удивительно, если первый шагъ его на этомъ поприщѣ былъ неудаченъ.

Вспомните однако современныя намъ идеи о животномъ магнитизмѣ? Развѣ не говорили и намъ, какъ говорилъ Парацельсъ въ XVI столѣтіи, что души сообщаются между собою, независимо отъ тѣла, подъ вліяніемъ воли? Давно ли знаменитые ученые собирались слушать Месмера? Мы не хотимъ затѣвать здѣсь спора противъ магнитизма; но говоримъ только, что магнитизмъ весьма сходенъ съ *духовнымъ существомъ* Парацельса.

5) Наконецъ *высшее существо.*

Первыя четыре главы, говоритъ Парацельсъ, относятся ко всѣмъ людямъ и могутъ быть приняты еретиками, Турками и язычниками; а эта—только для христіанъ. Все, и здоровье и болѣзнь, и первыя четыре существа—происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ Бога; но въ этой главѣ говорится о болѣзняхъ, насылаемыхъ Богомъ, въ видѣ особенныхъ наказаній. Если время испытанія кончилось, Богъ позволяетъ врачамъ лечить эти болѣзни; иначе — Онъ предаетъ больнаго въ руки неискусныхъ врачей.

За тѣмъ — Парацельсъ переходитъ къ анализу, или какъ онъ говоритъ, къ анатоміи естественныхъ тѣлъ, и утверждаетъ свое знаменитое положеніе о трехъ родахъ элементовъ: сѣра, меркурій и соль.

Все, что горитъ или сгараетъ, онъ называетъ *сѣрой*. Все, что курится, испаряется или улетучивается — *меркуріемъ*, который впрочемъ не должно смѣшивать съ ртутью. Все, что остается въ твердомъ состояніи, какъ пепелъ, называетъ—*солью*.

Итакъ, его дѣленіе почти совпадаетъ съ нашимъ дѣленіемъ тѣлъ, на твердыя, жидкія и невѣсомыя. А если подраздѣлимъ жидкія тѣла на влаги и газы, то получимъ четыре элемента древнихъ: *земля* или *твердыя*, *вода* или *влаги*, *воздухъ* или *газы*, *огонь* или *невѣсомыя*. Главное и всегда справедливое дѣленіе; такъ-что умъ человѣческій подъ различными именами постоянно принималъ одинаковые разряды тѣлъ. Можетъ статься, что 55 или 56 тѣлъ, которыя мы теперь признаемъ простыми, со-временемъ значительно увеличатся или сократятся, или даже совсѣмъ перестанутъ считаться простыми; но различіе четырехъ физическихъ состояній тѣлъ останется главнымъ до-тѣхъ-поръ, пока не измѣнятся самый міръ.

Впрочемъ и Парацельсъ признавалъ четыре древніе элемента; но говорилъ, что они сами вещества сложныя изъ трехъ первыхъ химическихъ началъ.

Итакъ, въ составъ человѣческаго организма, какъ и всякаго другаго естественнаго тѣла, входятъ: сѣра, меркурій и соль. Жизнь держитъ эти три начала въ соединеніи, а по смерти они отдѣляются другъ отъ друга, и самая смерть происходитъ или отъ того, что эти начала не могутъ долѣе оставаться въ соединеніи, или потому-что мы сами раздѣляемъ ихъ, или наконецъ хотя бы соединеніе и оставалось въ полной силѣ, но смерть приходитъ потому, что въ природѣ все должно имѣть свой конецъ. Въ мірѣ только потому и существуетъ такое разнообразіе, что все разнородное, раздѣляясь, погибаетъ. Недостатокъ или дисгармонія нѣкоторыхъ изъ этихъ началъ производятъ болѣзнь.

Что такое голодъ? Признакъ приближающейся смерти въ членахъ, отъ недостатка необходимой пищи. Но пища есть нѣчто подобное члену, который въ ней нуждается. По-этому, посредствомъ анатоміи (анализа) внѣшняго міра, надо изслѣдовать, какія части его соотвѣтствуютъ каждому изъ нашихъ органовъ, чтобъ лечить болѣзни, доставляя каждому члену то, что ему свойственно. Жизнь подобна картинѣ, на которой всѣ роды красокъ составляютъ одно гармоническое цѣлое. Каждый цвѣтъ внѣшняго міра имѣетъ своего представителя на этой

картинѣ, и человѣкъ есть образъ анатоміи природы; что служитъ извѣстному ὀргану, соотвѣтствуетъ его анатоміи; подобное принадлежитъ подобному (simile ad simile pertinet). Дѣйствовать иначе значило бы просящему хлѣба давать змѣю. Итакъ, ищите сочетаній внѣшнихъ анатомій (лаванды, розы, лиліи) съ внутренними. Основаніе и столпъ медицины состоитъ въ томъ, чтобъ каждому ὀргану доставлять то, чтὸ анатомически сходно съ нимъ.

Не трудно замѣтить, что эти идеи имѣютъ аналогію съ знаменитой терапевтической системой нашего времени.

Въ насъ есть нѣчто подобное огню, который пожираетъ силу, и гаснетъ, если его не поддерживать. Каждая пища, которую мы принимаемъ, содержитъ въ себѣ маленькое количество всѣхъ нашихъ членовъ; такъ-что съ каждымъ глоткомъ, мы ѣдимъ наши пальцы, ноги, сердце, мозгъ. — Внутренній алхимикъ нашъ принимаетъ чтὸ для него годно и отвергаетъ прочее. Но то, чтὸ онъ принимаетъ — это образъ (т. е. миніатюръ или сущность) всякой вещи. Съѣденная кость производитъ не одну только кость, или мозгъ — не одинъ мозгъ. Но внутренній желудочный скульпторъ извлекаетъ изъ пищи извѣстный членъ и передаетъ его въ наши члены. Такъ онъ превращаетъ хлѣбъ въ кровь, въ жиръ. Внутренній архитекторъ исправляетъ что портится или уничтожается. Когда мы говоримъ: «даждь намъ *хлѣбъ нашъ* насущный», это значитъ: «даждь намъ *наше* насущное *тѣло*». Потому-что человѣкъ происходитъ двоякимъ образомъ: или отъ сѣмени, или отъ хлѣба; сѣмя есть архитекторъ, который въ чревѣ матери далъ намъ форму, и сохраняетъ пищею; мы живемъ не хлѣбомъ правды (т. е. не только прирожденною силою), но хлѣбомъ благости (т. е. пищею, которую намъ даютъ).

Но и пища и употребленіе ея не всегда доброкачественны и отъ-того происходятъ болѣзни.

И такъ, Парацельсъ хорошо понималъ значеніе внѣшнихъ и внутреннихъ дѣятелей организма. Но какимъ образомъ пища дѣлается частію насъ самихъ и превращается въ наши ὀрганы?

«Три вещи, соединяясь, составляютъ наше тѣло: кости, мясо и кровь; и въ каждомъ изъ нихъ—своего рода соль, сѣра и меркурій.

«При соединеніи, каждая часть имѣетъ свою особенную анатомію, — въ глазѣ нельзя искать ὀргана вкуса, и потому каждый ὀрганъ надо питать соотвѣтственно его анатоміи. Вы должны поступить съ болѣзнью, какъ отецъ съ сыномъ: давать ей соотвѣтственную пищу, какую отецъ даетъ сыну.

«Съ этою цѣлью не обращай вниманія на первую жизнь (первыя наружныя, грубыя свойства); но извлекай изъ нея истинную жизнь (т. е. сущность). Взгляни на розу: живая она ни на что не годна, а изъ мертвой извлекаютъ цѣлебныя частицы, желудокъ пользуется только тѣмъ, чтὸ разлагаетъ; первая жизнь должна умереть, чтобъ можно было извлечь изъ нея новую жизнь (дѣятельную часть), и перенесть потомъ въ другое тѣло. Эта-то послѣдняя жизнь и есть *тайна*, которая составляетъ медицину и сохраняетъ наше тѣло.

Итакъ, три анатоміи: одна обыкновенная, разсматривающая, какое мѣсто занимаютъ кости и вены; другая изъискиваетъ средства, какъ ввести новую жизнь въ организмъ человѣка; третья — анатомія смерти, или различныхъ измѣненій, производимыхъ въ нашихъ органахъ болѣзнями.

«Въ каждомъ изъ нашихъ членовъ есть огонь, огонь пищеваренія, который увеличивается и уменьшается, какъ и самое пищевареніе. Отъ этого огня, а не отъ крови, происходитъ и краснота членовъ.

«Если вы не приготовили пищу, и не убили въ ней совершенно первую жизнь, то желудокъ самъ уже приготовляетъ ее; онъ разрушаетъ въ ней всѣ свойства (галеническія или физическія) холода, тепла, и такимъ-образомъ производитъ сущность. Пища, которая не можетъ разложиться въ желудкѣ, не приноситъ пользы. Для медицины нужно, чтобъ всѣ свойства холода и тепла были уничтожены, и чтобъ оставалась только совершенно-чистая сущность (*arcane*).»

Начало, конечно, весьма-разумное; но химическія свойства пищи, которыми Парацельсъ хочетъ замѣнить свойства физическія, развѣ не представляютъ тѣхъ же затрудненій? Сдѣлавшись живою частью тѣла, пища развѣ не лишается вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ химическихъ свойствъ?

«Нарушеніе равновѣсія элементовъ есть источникъ болѣзней; собравшаяся въ одно мѣсто соль, производитъ язвы и воспаленія; сѣра и меркурій не на своемъ мѣстѣ также причиняютъ тысячи болѣзней. Среди этой дисгармоніи элементовъ, приближается смерть, которая быстро пересиливаетъ ихъ, разъединенныхъ, одинъ за другимъ. Врачь возстановляетъ части уязвленныя солью, укрѣпляетъ шафраномъ то, что разложила сѣра, утолщаетъ золотомъ, что истощено меркуріемъ.»

А между-тѣмъ, природа также участвуетъ въ этомъ трудѣ, и мы только помогаемъ ей; она заращаетъ рану, которую мы закрываемъ лекарствами.

Въ человѣкѣ отражается весь міръ, какъ въ каплѣ воды, и врачь долженъ искать лекарствъ во всѣхъ частяхъ этого міра; его дѣло — умѣть отдѣлять и различать; а главное средство его — огонь.

Подъ вліяніемъ столькихъ агентовъ, организмъ сотрясается, будто кипящій котелъ: въ немъ — то пища производитъ раздраженіе, то соли много, то сѣра и меркурій не въ пропорціональномъ количествѣ. Звѣздная теплота можетъ на нихъ дѣйствовать; но надо отличать, чего не дѣлаютъ галенисты — холодъ физическій или врожденный, который *оцѣпеняетъ*, и другой элементарный холодъ, который разлагаетъ части нашего тѣла. Огонь даетъ мѣсто влагѣ, точно такъ, какъ вода сухому.

Потомъ — все имѣетъ свой конецъ — праведное и нечестивое. Медицина тутъ ничего не можетъ сдѣлать: приходитъ время, когда смерть — ликторъ Божій — должна насъ привести предъ Него; она только скажетъ: встань и иди, и тѣло остается на землѣ, а душа идетъ къ Богу. Но при послѣднемъ судѣ три элементарныя вещества соединятся въ своемъ цвѣтѣ и сущности... тогда не будетъ уже ни врачей, ни медицины.

Астрологи думали, что звѣзды даютъ силу сѣмени, и запечатлѣваютъ свой образъ въ человѣкѣ: — это ложь. Одинъ Богъ даетъ этотъ образъ, и астрологія вздоръ. Вмѣсто того, чтобъ предполагать, будто звѣзды измѣняютъ судьбу человѣка, вѣрнѣе сказать, что человѣкъ имѣетъ вліяніе на звѣзды, потому-что онъ предъ Богомъ значитъ болѣе, нежели звѣзды.

БУРШИ И ФИЛИСТЕРЫ.

Недавно я встрѣтилъ слѣдующую печатную фразу: «Нѣмецъ не успѣваетъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ: вся жизнь его правильно раздѣлена на буршество и филистерство». Если бъ подобная фраза была брошена въ пылу журнальной импровизаціи, если бъ она имѣла значеніе случайное и чисто-личное, тогда не изъ чего было бы возражать на нее. Но она есть результатъ особаго взгляда на цѣлый народъ, крайнее и рѣзкое выраженіе тѣхъ предубѣжденій, которыя заслуживаютъ внимательной оцѣнки.

Написавшій этотъ строгій приговоръ изучилъ ли жизнь и бытъ Нѣмцевъ? Едва-ли! Иначе, онъ не рѣшился бы сказать, что Нѣмецъ не успѣваетъ быть

ни человѣкомъ, ни гражданиномъ. Онъ не отказалъ бы одному изъ самыхъ образованныхъ народовъ Европы въ этихъ высшихъ плодахъ образованности. И еще въ какое время? Когда Германія болѣе чѣмъ когда-либо ищетъ выработать въ себѣ элементъ человѣческій и гражданственный; когда повсюду возникаетъ не только отвлеченное сознаніе прежней односторонности, но и практическое стремленіе къ освобожденію себя отъ средневѣковыхъ оковъ, начиная съ оковъ буршества и филистерства. Скажутъ: стало быть, сами Нѣмцы, признавая на словахъ и на дѣлѣ прежнюю ограниченность своей жизни, подтверждаютъ справедливость сказаннаго въ приведенномъ мѣстѣ. Да, они подтвержаютъ это, только въ прошедшемъ, и лишь отчасти въ настоящемъ. А въ прошедшемъ чего не было и не у однихъ Нѣмцевъ? Чѣмъ было прошедшее Франціи, или Англіи? Чѣмъ было наше?... Но, скажутъ, Нѣмцы и до-сихъ-поръ еще не освободились отъ своего прошедшаго: и до-сихъ-поръ еще есть у нихъ и бурши и филистеры. Положимъ; но вспомните, что и въ теперешней Франціи есть свои филистеры, а въ Англіи—тысячи остатковъ феодализма, которые несравненно превосходятъ слабые остатки средневѣковыхъ студенческихъ обычаевъ Германіи. Вникните въ историческій корень буршества и филистерства, и тогда вы не скажете, что такое раздѣленіе германской жизни на два отдѣла составляетъ непремѣнную принадлежность Нѣмцевъ; вы не сдѣлаетесь въ свою очередь сами Нѣмцемъ-теоретикомъ, строя жизнь народа на отвлеченной схемѣ, подводя ее подъ какую-то формальную систему.

Буршество и филистерство есть явленіе временное, несвязанное неразрывно съ германскою жизнію. Оно возникло въ новыя времена и теперь очевидно приходитъ къ концу. Его корень въ феодальныхъ отношеніяхъ, общихъ почти всей Западной-Европѣ. Извѣстно, что общественная жизнь среднихъ вѣковъ распадалась на двѣ другъ другу враждебныя половины — на жизнь феодальныхъ замковъ и на жизнь вольныхъ городовъ. Борьба между ними продолжалась нѣсколько столѣтій, пока наконецъ горожанинъ (Bürger) взялъ верхъ надъ барономъ. Но съ этимъ торжествомъ города надъ замкомъ не прекратилось раздвоеніе въ германской жизни: оно отозвалось и повторилось въ самомъ городѣ. Германія, переставъ быть воинственной, сдѣлалась ученой. Мечъ рыцаря смѣнился перомъ писателя. Лютеръ, съ своими предшественниками и сподвижниками, не съ мечомъ, а съ перомъ въ рукахъ завоевалъ пол-Европы. Отсюда началось ученое и литературное значеніе Германіи для Европы и значеніе ученаго для самой Германіи. Явились во множествѣ центры учености и науки—университеты. Вмѣстѣ съ ними явился новый родъ феодализма, новый status in statu. Университеты получили свои привилегіи, права, законы. Члены ихъ считали себя какъ-бы внѣ общаго состава государственнаго. Это были привилегированные оазисы знанія и ума, такъ же точно, какъ прежде замки феодаловъ были оазисами личной свободы и мужества. Virtus головы смѣнила прежнюю virtus характера и мышцевъ. Подобно бывшимъ рыцарямъ и ихъ воинственнымъ васалламъ, профессоры и васаллы ихъ науки — студенты, стали смотрѣть съ презрительной непріязнію на всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ сословію. Отсюда профессоръ, этотъ баронъ ученой Германіи, вмѣсто уединеннаго замка живущій въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, считаетъ себя умственнымъ аристократомъ, существомъ высшаго разряда, и вмѣстѣ съ своими разгульными и удалыми буршами-васаллами смотритъ на остальныхъ людей, какъ на толпу, клеймя ихъ именемъ филистеровъ. Онъ самъ, пока профессоръ (а отъ этого почетнаго званія кто же добровольно откажется?), онъ самъ никогда не можетъ поступить въ число филистеровъ; онъ, баронъ

науки, проживетъ и умретъ барономъ. Васалламъ же своимъ этотъ баронъ-профессоръ не можетъ помѣшать сдѣлаться филистерами; вышедъ изъ толпы, они опять и войдутъ въ толпу.

Такія полуфеодальныя отношенія наложили особую печать на германскую жизнь новаго времени. Они поставили ученую Германію въ такую же противоположность къ неученой, въ какой прежде находились замки къ городамъ. Но въ то же время, какъ аристократическая спѣсь барона перешла къ профессору, чувство незаслуженнаго униженія, возбуждавшее города противъ феодаловъ, возникло снова между горожанами, которымъ ученый аристократизмъ наложилъ было прозвище филистеровъ. Не прямо, не открыто, но исподоволь, чрезъ общественное мнѣніе, нѣмецкіе бюргеры начали отстаивать права свои противъ заносчивыхъ притязаній ученаго сословія, стали протестовать противъ всякаго различія, которымъ одинъ классъ народа клеймился для возвеличенія другаго, — и мало-по-малу, странное раздѣленіе пало само собою. Теперь это не болѣе, какъ анахронизмъ. Много-много, коли низвергнутые бароны ученой Германіи воюютъ между собой, какъ и вездѣ воюютъ между собой ученый люди и профессоры.

Здѣсь необходимо замѣтить, что вліянію бурщества и филистерства въ Германіи много содѣйствовали сами университеты. Одной изъ главныхъ цѣлей такъ-называемыхъ Burschenschaften въ нѣмецкихъ университетахъ было противодѣйствіе средневѣковому дѣленію студентовъ на Landmanschaften, т. е. дѣленію областному. Идея единства Германіи, въ-послѣдствіи осуществившаяся оффиціальнымъ и практическимъ образомъ въ германскомъ таможенномъ союзѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ (*), была впервые высказана въ университетахъ. Сначала, она пробудила сильное противодѣйствіе; общества буршеншафтовъ, имѣвшія, правда, и другія, менѣе-законныя цѣли, подвергались сильнымъ гоненіямъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что идея единства, эта основная идея тѣхъ студенческихъ обществъ, пережила ихъ, перешла въ народъ, въ государственное управленіе, и теперь служитъ душою германской жизни. Такое движеніе мысли не могло не измѣнить какъ феодальныхъ преданій университетскихъ, такъ и отношеній ученаго сословія къ остальному народу. То, что въ этомъ послѣднемъ чувствовалось инстинктивно, было въ университетахъ сознано мыслію, повѣрено наукой. Дѣленія областныя, дѣленія на вѣроисповѣданія, сначала изгнанныя изъ студенческаго круга, не могли устоять и въ остальномъ обществѣ. Борьба между баронами и горожанами новой Германіи кончилась иначе, чѣмъ борьба феодальная: она кончилась не ослабленіемъ, или покореніемъ одного сословія другимъ, а ихъ обоюднымъ примиреніемъ и братствомъ. Таковъ вообще характеръ новѣйшаго времени, гдѣ начало уравненія, вопреки его противникамъ, обхватывая постепенно всѣхъ, приводитъ не къ разъединенію, а напротивъ къ верховной цѣли общественныхъ стремленій, къ единству и согласію.

Повторяю: говорить въ наше время о Нѣмцахъ, какъ о народѣ, котораго вся жизнь дѣлится на двѣ рѣзкія половины равно-ничтожныя, равно-непрактическія, значитъ впадать въ страшный анахронизмъ, обнаруживать совершенное незнаніе того, что дѣлается

(*) Такъ, въ настоящую минуту, государства Германскаго-Союза намѣрены ввести одинакую для всей Германіи таксу за письма и посылки. Упомяну еще о постепенномъ приведеніи къ единству монетной системы и системы мѣръ и вѣсовъ. Съ тою же цѣлію принята повсюду одинакая ширина рельсовъ, чтобъ въ случаѣ надобности, можно было сосредоточить вагоны на одинъ пунктъ со всѣхъ концовъ Германіи.

въ сосѣдней намъ Германіи. Конечно, было время, когда подобныя обвиненія могли въ извѣстной мѣрѣ быть оправданы дѣйствительностью. Это время Виланда, котораго жена, какъ увѣряютъ, никогда не читала сочиненій своего мужа; это время Жанъ-Поля, который умѣлъ такъ разительно сочетать въ своихъ романахъ все, что̀ тогдашняя германская жизнь заключала въ себѣ идеально-возвышеннаго и филистерски-мелкаго. Но это время прошло; и самъ Жанъ-Поль, этотъ геніальный филистеръ, былъ предвозвѣстникомъ новаго. Живя попеременно за облаками и въ табачномъ дыму, онъ, однако, одинъ изъ первыхъ провидѣлъ то, чего не достаетъ Германіи; сказавъ, что Нѣмцы могутъ быть всѣмъ, только не Нѣмцами, онъ одинъ изъ первыхъ напалъ на ихъ разрозненность, на пустоту ихъ мелкогородской жизни (Kleinstädtisches Leben), осмѣялъ и то и другое, и указалъ имъ великую цѣль въ народномъ единствѣ. Не даромъ Жанъ-Поль учитель и любимецъ Бёрне, съ голоса котораго мы, подкрѣпляемые еще въ своемъ мнѣніи его слабымъ, хоть и остроумнымъ отголоскомъ—Гейне, считаемъ себя вправѣ возвѣщать, будто Нѣмцы не умѣютъ быть ни людьми, ни гражданами! Имѣющему притязаніе на современность, неприходится повторять безъ повѣрки слова писателя, котораго негодованіе истекало изъ любви, который, какъ сатирикъ и юмористъ, преувеличивалъ недостатки своихъ соотчичей, не для того, чтобъ ихъ унизить, а чтобъ поднять и возвысить ихъ. Живя въ послѣдніе годы своей жизни въ Парижѣ, онъ, однако, не отрекся отъ имени Германца, и въ своемъ предсмертномъ сочиненіи, обращаясь къ Французамъ, сказалъ: «Германская жизнь подобна высокимъ «Альпамъ: она велика; это — вѣнецъ «земли, сіяющій вѣчными льдинами. Германія была чистымъ свѣтомъ солнца, разливающаго теплоту на прочія страны. Ея безплодныя высоты оплодотворили міръ, лежащій «у ея подножія. Въ ней истоки великихъ рѣкъ, великихъ идей, событій и «народовъ... Изъ германской почвы «истекали всѣ тѣ коренныя мысли, которыя, послѣ, были пущены въ ходъ «и примѣнены другими, болѣе-ловкими, предпріимчивыми и счастливыми «народами. Германія—источникъ всѣхъ «европейскихъ рѣшительныхъ событій, матерь великихъ открытій, измѣнившихъ судьбы міра. Изъ ея нѣдра «вышли порохъ, книгопечатаніе, реформа... Французы часто жалуются «пополамъ съ насмѣшкой надъ туманомъ, облекающимъ нѣмецкій умъ. «Но эти облака, которыя мѣшаютъ «Французамъ видѣть предметы, лежатъ лишь у ногъ нашихъ; сами же «мы стоимъ прямо и высоко надъ облаками, и подъ голубымъ сводомъ «вдыхаемъ въ себя чистый, лучезарный воздухъ». Въ этихъ словахъ, которыя непривыкшимъ къ нѣмецкому способу выраженія могутъ показаться нѣсколько-вычурными, хотя первоначально они писаны по-французски, таится много правды; притомъ они обнаруживаютъ всю силу любви благороднаго Бёрне къ его соотечественникамъ. А между-тѣмъ, порицатели Нѣмцевъ всего чаще любятъ ссылаться на этого писателя въ подтвержденіе своимъ одностороннимъ и поверхностнымъ сужденіямъ. Впрочемъ, судить о Нѣмцахъ нашего времени по Бёрне, или Гейне, не то же ли самое, что̀ судить о теперешнихъ Французахъ по язвительнымъ отзывамъ Вольтера, или о современномъ русскомъ обществѣ по комедіямъ фон-Визина и Грибоѣдова?

Нельзя, конечно, отрицать того, что государственное устройство Германіи, до-сихъ-поръ еще разрозненной, лишенной общаго центра и общей столицы, много содѣйствуетъ къ поддержанію такъ-называемаго «филистерства». Что̀ значитъ это слово въ смыслѣ не студенческомъ, а общемъ? Оно означаетъ мелкую, узкую, ограниченную жизнь маленькихъ городовъ и маленькихъ круговъ. Вездѣ, гдѣ они существуютъ, существуетъ и филистерство,

только подъ другими именами. Французскій провинціалъ или французскій commis voyageur, стоящій гораздо ниже нѣмецкаго, даже парижскій épicier, или членъ англійской gentri, наконецъ, нашъ мелкопомѣстный дворянинъ, или мелкій чиновникъ, всѣ они носятъ на себѣ печать филистерства. Возьмите для примѣра даже провинціальныхъ французскихъ депутатовъ: какъ для нихъ мѣстные интересы и вопросы иногда важнѣе общихъ государственныхъ (*)! La petite ville Пикара еще до-сихъ-поръ не потеряла своего значенія во Франціи. Тѣмъ труднѣе можетъ мелкогородская жизнь исчезнуть въ Германіи, гдѣ, какъ и на югѣ Европы, мѣстные интересы безпрестанно заслоняютъ собою интересы общіе, гдѣ столько маленькихъ государствъ, маленькихъ столицъ, маленькихъ дворовъ...

Но не смотря на все это, нельзя, съ другой стороны, отрицать и того, что, благодаря пробудившемуся общественному и національному духу, да желѣзнымъ дорогамъ, такая провинціальная и мелкогородская жизнь, а съ нею и филистерство, исчезаютъ въ Германіи съ разительной быстротою. По милости легкихъ и скорыхъ сообщеній, прежняя нѣмецкая неподвижность и неповоротливость болѣе и болѣе обращается въ давноминувшее преданіе. Когда открыта возможность завтракать въ Дрезденѣ и къ началу спектакля поспѣть въ Берлинъ, или въ двое сутокъ пріѣхать изъ Гамбурга въ Вѣну, тогда никакому провинціализму, никакому филистерству не устоять на долго, и десятки мильйоновъ людей, проѣзжающихъ ежегодно по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ, служатъ явнымъ доказательствомъ, какъ легко оставляетъ Нѣмецъ свою прежнюю колею, какъ поддается онъ дѣйствію общительности, какъ-скоро представились ему на то средства. Къ теперешнему Берлину примыкаетъ въ настоящую минуту пять желѣзныхъ дорогъ, отъ всѣхъ концовъ Германіи, или правильнѣе — Европы. При каждомъ дебаркадерѣ строятся новые кварталы; жизнь приливаетъ отовсюду. Берлинъ болѣе и болѣе становится однимъ изъ главныхъ торговыхъ, умственныхъ, гражданственныхъ центровъ Германіи... И не смотря на такіе факты, что же встрѣчаемъ мы въ одной корреспонденціи изъ Берлина?

«Что прикажете сказать о городѣ», пишетъ русскій путешественникъ, «гдѣ «встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ «въ 2 и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 час. «вечера одни... ночные сторожа скитаются по улицамъ, да какой-нибудь «буйный и подгулявшій Нѣмецъ идетъ «изъ Тиргартена, и у заставы тщательно гаситъ свою сигару, ибо «нѣмѣетъ «передъ закономъ?...» Берлинъ до-«сихъ-поръ не столица... хотя вы все-«таки чувствуете, что находитесь въ «одномъ изъ центровъ европейскаго «движенія. Наружность Берлина не из-«мѣнилась съ 40 года (одинъ Петер-«бургъ ростетъ не по днямъ, а по ча-«самъ); но большія внутреннія перемѣ-«ны совершились... Я нашелъ въ Бер-«линѣ перемѣну большую, коренную, «но незамѣтную для поверхностнаго «наблюденія». Стало-быть, много совершилось новаго, кореннаго въ этомъ городѣ, одномъ изъ центровъ европейскаго движенья, хоть его будто и нельзя назвать столицей, хоть онъ и не ростетъ по часамъ, хоть въ немъ и встаютъ, и ложатся гораздо-

(*) Также пусть припомнятъ недавнее предложеніе депутата Шапюи де-Монлявилль о невзиманіи, въ видѣ преміи, пошлины за штемпель съ тѣхъ журналовъ, которые не помѣщаютъ романовъ въ своихъ фёльетонахъ, или возгласы Мажанди, а за нимъ и National, противъ употребленія жанра, какъ средства безнравственнаго; въ Англіи же представленіе дублинскихъ протестантовъ о причинахъ неурожая, происходящаго будто-бы отъ того, что католикамъ открытъ доступъ въ парламентъ и облегчены средства къ воспитанію и содержанію католическаго духовенства. Все это, и многое другое, развѣ не чистое филистерство?

прежде курицъ. Стало, наблюдателю не поверхностному, каковъ корреспондентъ, не слѣдовало бы, для начала, судить такъ поверхностно о городѣ, богатомъ если не уличной и архитектурной, за то внутренней жизнію. Онъ долженъ бы былъ вспомнить, что временемъ, въ которое встаетъ и ложится цѣлый народъ, еще нельзя измѣрять степень его развитія; что есть города и народы, которые, вставая и ложась гораздо-позже Нѣмцевъ, опавдываютъ передъ ними и въ другомъ, болѣе-существенномъ. И что̀ это за буйный Нѣмецъ, который «нѣмѣетъ передъ закономъ»? Тутъ надо бы было замѣтить, что эта черта, характеризующая все германское племя, всего чаще доводитъ до великаго; что этому германскому свойству Англія обязана своей высокой гражданственностью... Нѣмѣть передъ закономъ значитъ нѣмѣть передъ голосомъ общества, что̀, однако, не мѣшаетъ ни въ Англіи, ни въ Германіи, искать, какъ и вездѣ, только съ большей правильностью, измѣненія закона къ лучшему. А что такія измѣненія совершаются въ Германіи, тому мы видимъ ежедневные примѣры. Она, въ наше время, безпрестанно опровергаетъ на дѣлѣ пошлое, заднимъ числомъ дѣлаемое обвиненіе въ томъ, будто идеальная философія убила въ ней всякую способность къ практическому. Не говорю о практическомъ поворотѣ мысли отъ теорій и умозрѣнія къ положительнымъ, историческимъ и естественнымъ наукамъ; не говорю объ успѣхахъ германской промышлености, о желѣзныхъ дорогахъ, покрывающихъ Германію на нѣсколько тысячь верстъ, объ огромныхъ предпріятіяхъ и усовершенствованіяхъ всякаго рода, изъ которыхъ иныя превосходятъ все, что̀ было доселѣ сдѣлано въ Европѣ, и по справедливости служатъ для нея образцомъ, внимательно ею изучаемымъ. Замѣчу одно, на что̀ у насъ еще мало обращаютъ вниманія: это — упорное, хотя и мирное стремленіе завоевать себѣ гражданственность. Французы и Англичане, болѣе чѣмъ кто-либо судьи въ этомъ дѣлѣ, не перестаютъ отдавать справедливость Германіи въ развитіи ея общественности. «Ce qui nous frappe en Allemagne» (говорилъ недавно Journal des Débats) «c'est le sérieux et le sang-froid avec lesquels on poursuit les conséquences pratiques des idées, au lieu de se perdre (какъ оппозиціонные французскіе журналы) à déclamer sur les prémisses». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Un concert remarquable, un sens prononcé *des choses positives*, ce sont là les deux traits auxquels il faut aujourd'hui reconnaître la force de l'esprit public en Prusse et en Allemagne.» Вотъ свидѣтельства судей призванныхъ и безпристрастныхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, въ какомъ тонѣ отзываются о Нѣмцахъ лучшіе органы иностранной періодической литературы.

Зная довольно-коротко Германію и Нѣмцевъ, я далекъ отъ того, чтобъ отрицать въ германской жизни и характерѣ нѣкоторые существенные недостатки—общій удѣлъ всего человѣческаго. Французы, и Англичане, и другіе народы имѣютъ свои столь же существенные недостатки, какъ и Нѣмцы.

Н. Л—скій.

●

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Не удивляйтесь, читатели, и не сѣтуйте, если мы на этотъ разъ не съумѣемъ притвориться и обнаружимъ предъ вами свое личное настроеніе — если рѣчь наша отзовется горечью. Думая о журналѣ, мы не можемъ еще оторвать мысли отъ одного событія, которое собственно для насъ имѣетъ неодолимую силу глубокой скорби, а для васъ... мы не должны, не имѣемъ права требовать отъ васъ такой же глубокой скорби, и потому не должны, не имѣемъ права вполнѣ предаться

своему чувству и свободно высказать вамъ все, что̀ лежитъ у насъ на душѣ теперь... Дѣло идетъ объ утратѣ, о смерти человѣка; но извѣстіе о смерти человѣка только тогда имѣетъ право на общественное вниманіе и сочувствіе, когда этотъ человѣкъ успѣлъ проявить въ цѣломъ обществѣ свою личность, успѣлъ для всѣхъ опредѣлиться и силою своихъ проявленій сталъ какъ-бы лично знакомъ цѣлому обществу... Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ и преждевременную, никѣмъ-нежданную кончину котораго оплакиваемъ,— былъ двадцатичетырехлѣтній юноша *Валеріанъ Николаевичъ Майковъ*; нѣсколько критическихъ статей его, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ (*), могли только показать вамъ крайній предѣлъ, до котораго по настоящую минуту развилась наша критика, — могли навести васъ на мысль, что есть у насъ кто-то, одаренный полною силой для подобной дѣятельности; вы могли замѣтить яркій признакъ, отдѣлявшій эти статьи отъ прочихъ однородныхъ съ ними статей; но — вы не знали, читатели, что этотъ человѣкъ жилъ недолго, что главные его замыслы остались неосуществленными; вы не знали этихъ замысловъ, и потому-то мы не имѣемъ права требовать отъ васъ полнаго сочувствія къ нашей утратѣ. Наконецъ —вы не знали этого человѣка, не знали, что̀ таилось въ его дивномъ существѣ... Если бы фраза: «его всѣ любили» не вертѣлась съ давнихъ поръ во всѣхъ панегирикахъ и некрологахъ, мы могли бы употребить ее здѣсь въ полномъ ея значеніи; но теперь она намъ кажется слабою, тупою. Любили! нѣтъ, этого мало: всякій, кто зналъ его, кто имѣлъ къ нему какія-нибудь отношенія: чувствовалъ его могучее превосходство, и въ то же время всѣмъ было невыразимо-хорошо съ нимъ. Одинъ изъ понимавшихъ эту избранную натуру, въ минуту скорби, опредѣлилъ ее такимъ образомъ: этотъ человѣкъ видѣлъ въ другомъ все — и хорошее и дурное, но дѣйствовалъ такъ, что другой сейчасъ же чувствовалъ въ себѣ свое хорошее и былъ доволенъ, и становилось ему удобно и ловко; а его дурное ставилось въ такомъ свѣтѣ, что какъ-будто никому не мѣшало, такъ-что было и тому хорошо и другому хорошо. Вникните, читатели, въ этотъ фактъ, поймите его значеніе — и вы увидите, ка̀къ онъ рѣдокъ на свѣтѣ.. Но простите: мы боимся, не слишкомъ ли измѣнили себѣ: намъ дорога̀ наша печаль,—и мы рѣшились выставить ее на всенародныя очи! Что̀ дало намъ право надѣяться, что никто не употребитъ во зло нашего невольнаго увлеченія и не отвѣтитъ намъ холодной улыбкой?.. Намъ слышатся стихи:

Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной...

Зачѣмъ же мы позволили себѣ такое нарушеніе приличій? Кто мѣшалъ намъ пойдти на свѣжую могилу и горевать тамъ на просторѣ? Но должны же мы были воротиться на эти страницы! Мы предупредили васъ, что не можемъ оторваться отъ горькой мысли... Гдѣ же взять намъ душевной силы? Мы потеряли человѣка, лучше котораго трудно найдти — вотъ все, что̀ можемъ сказать въ свое оправданіе. Вы вольны судить и осуждать насъ, вольны даже остановиться на этомъ словѣ и не читать дальше... Впрочемъ, успокойтесь: мы приступаемъ къ общимъ извѣстіямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего, могущаго встревожить или огорчить васъ...

—

Пересмотрѣвъ всѣ тѣ отдѣлы нашихъ повременныхъ изданій, въ ко

(*) Объ «Исторіи Русской Литературы» Аскоченскаго, о «Стихотвореніяхъ Кольцова», о «Романахъ Вальтера Скотта», и др.

торыхъ разсказываются разныя новости, мы вынесли изъ нихъ одну смѣшную мысль, которая, конечно, пришлась довольно-некстати, потому-что намъ совсѣмъ не хотѣлось смѣяться. Мысль та, что до-сихъ-поръ, въ примѣръ пошлой, избитой рѣчи обыкновенно ставили разговоръ о погодѣ; а вотъ теперь этотъ обычай долженъ измѣниться: скоро, вмѣсто разговора о погодѣ, будутъ, вѣроятно, приводить разговоръ о фёльетонѣ. Право, такъ! Куда ни заглянешь, вездѣ пишутъ фёльетонъ о фёльетонѣ; всѣ хлопочутъ и безпокоятся о фёльетонѣ; укоряютъ другъ друга за пустоту фёльетона и сами пишутъ пустые фёльетоны; жалуются на недостатокъ предметовъ для фёльетона и скучаютъ; потомъ—порицаютъ тѣхъ, которые жалуются на недостатокъ предметовъ для фёльетона, и тѣхъ, которые скучаютъ; а для большей красоты слога, колятъ другъ другу глаза Жюлемъ Жаненомъ...

Да что̀ же это, Боже мой, за явленіе? Что̀ это за кошмаръ въ образѣ фёльетона? Откуда эти хлопоты и безпокойства?.. Нужно говорить о томъ, что̀ только-что поразило слухъ нашъ и зрѣніе; нужно, стало-быть, передавать собственныя свѣжія впечатлѣнія, передавать игриво, легко, забавно... Смотрите: русскій фёльетонистъ, какъ ласточка, скользнетъ по поверхности несущагося потока, всколыхнетъ его рѣзвымъ крылушкомъ — и жемчужные брызги разсыпятся живой и сладкой рѣчью. Вы не успѣете моргнуть отъ попавшей вамъ на лицо капли, а ужь ласточка, чуть видная вдали, будетъ щебетать вамъ совсѣмъ о другомъ: не о бѣгущихъ предъ вами событіяхъ, а о томъ, что̀ дѣлается за тридевять земель, или — пожалуй — что̀ дѣлалось за тридевять вѣковъ... Но полно такъ ли это, дорогіе соотечественники? такъ ли, ваши несравненные Жюли Жанены? Точно ли похожи мы на ласточку? Такъ же ли легко стряхиваемъ съ души живыя впечатлѣнія, какъ всколыхнувшая рѣчную поверхность ласточка стряхиваетъ съ крылышекъ оставшіяся на нихъ капли?.. Еще одинъ вопросъ: не-уже-ли въ этой грудѣ напечатанныхъ жалобъ, укоровъ и остротъ никто не отмѣтилъ двухъ-трехъ листковъ, гдѣ говорилось о нашихъ общественныхъ интересахъ, о человѣкѣ съ добрымъ сердцемъ, наконецъ, о природѣ мечтателя?.. Не-уже-ли и этотъ задушевный анализъ хрупкой и нѣжной натуры прошелъ въ общей массѣ незамѣченнымъ, и никому изъ доблестныхъ фёльетонистовъ не стало неловко отъ этихъ листовъ, никто не догадался, что тяжело намъ порхать мотыльками по фактамъ и явленіямъ; что тяжелы мы на подъёмъ и не легко одушевляемся; многое проходитъ мимо насъ и не шевелитъ намъ души,—и тогда наши рѣчи вялы и сухи, и никакія риторическія ухищренія не прикрасятъ ихъ, не придадутъ увлекающей прелести поддѣльному одушевленію...

Пускай же кто-нибудь изъ васъ, дорогіе соотечественники, попробуетъ высказывать собственныя впечатлѣнія! Пусть кто-нибудь повѣритъ собственному чувству и по его внушенію изберетъ предметъ, достойный всеобщаго сочувствія! Вспомните, что можетъ случиться такой фактъ, который обниметъ все существо ваше, отъ котораго вы не сможете оторвать мысли, и между-тѣмъ тѣсенъ будетъ кружокъ, раздѣляющій ваше чувство; а все остальное спроситъ: о чемъ вы тамъ говорите? Вы разсказываете о появленіи новаго дѣятеля,— а на что именно пригоденъ этотъ дѣятель? Вы сообщаете о смерти NN, — а позвольте узнать, кто таковъ былъ этотъ NN?.. Холодомъ пахнётъ на васъ отъ подобныхъ вопросовъ; а роптать будетъ нѐ на кого: сами виноваты — зачѣмъ повѣрили внушенію собственнаго чувства, не примѣнились къ окружающей васъ срединѣ; зачѣмъ не сообщаете новости, для всѣхъ любопытныя? Не возражайте, что эти любопытныя новости для васъ нелюбопытны, и потому ваши извѣщенія вышли бы сухи и вялы! Вы не можете такъ возражать, потому-что Жюль Жа-

чемъ пишетъ обо всемъ и пишетъ не сухо и не вяло. Что жь вы съ своими задушевными печалями и радостями! Говорите о томъ, что̀ ни печально, ни радостно, а такъ — забавно. Опишите, на-примѣръ, ка̀къ вы ѣздили на дачу. Вы возражаете, что нѣтъ никому до того нужды, что никто не захочетъ знать, ка̀къ вы ѣздили на дачу, что въ вашей поѣздкѣ нѣтъ ничего достойнаго всеобщаго вниманія. Согласенъ! Ну, попробуйте намекнуть о томъ, какой магазинъ больше нуждается въ покупщикахъ... Но вы оскорбились, вы считаете подобное предложеніе неумѣстнымъ и недостойнымъ васъ. Совершенно согласенъ; извините! Такъ что̀ же послѣ этого остается? Остается или совсѣмъ не писать фёльетона, или писать когда есть потребность, когда есть о чемъ говорить. А то иные отъ нѐчего говорить говорятъ Богъ-знаетъ что... Вотъ кстати! Всякому, кто вздумаетъ *сочинять*, мы готовы дать добрый совѣтъ: не подражать «Ливонскимъ Письмамъ», печатающимся въ «Сѣверной Пчелѣ». Сами посудите: подражаніе можетъ обратиться въ привычку, а изъ привычки образуется маленькая страсть, отъ которой надо какъ можно предостерегаться. Ка̀къ эта страсть зовется по имени, вамъ будетъ понятно изъ нижеслѣдующаго. Намъ бы, на-примѣръ, не слѣдовало и не хотѣлось рѣчи заводить объ этихъ «Письмахъ», но нельзя, потому-что отъ нашего молчанія можетъ посторонній человѣкъ впасть въ заблужденіе. Четвертое «Ливонское Письмо» говоритъ, будто въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатана статья: *О рабочемъ сословіи*, чрезвычайно-плохо *переведенная изъ Revue des Deux Mondes*. Нашимъ читателямъ очень-хорошо извѣстно, что въ «Отеч. Запискахъ» такой статьи не было напечатано. По какому же побужденію «Ливонское Письмо» такъ спокойно, нисколько не смущаясь, шутитъ? Не разумѣетъ ли оно здѣсь статью, напечатанную въ первыхъ четырехъ книжкахъ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: *Пролетаріи и Пауперизмъ въ Англіи и во Франціи* (*). Если такъ, то мы попросили бы «Ливонское Письмо» *указать* тѣ нумера журнала «Revue des Deux Mondes», изъ которыхъ будто-бы переведена наша статья, или, какъ слѣдовало бы, сознаться въ выдумкѣ. Въ противномъ случаѣ, «Ливонскія Письма» обратятся въ примѣръ для предостереженія отъ разныхъ наклонностей... Что касается до того, *чрезвычайно* ли *плохо* написана сказанная статья, — мы, конечно, въ своемъ дѣлѣ не судьи...

Нѣтъ, мы все больше стоимъ за ту мысль, что не слѣдуетъ вамъ писать о *ничемъ*, пересыпать фразами, рисоваться, вертѣться колесомъ *для* всеобщаго удовольствія... Держась этого мнѣнія, мы, сказать откровенно, всюду ищемъ «предметовъ вызывающихъ на размышленіе». По этому поводу разскажемъ вамъ одну новость, при чемъ упомянемъ и о пути, которымъ она дошла до насъ.

Отъискивая новости, мы иногда устремлялись къ газеткѣ «Посредникъ», но устремлялись не иначе, какъ только забывшись, и потомъ тотчасъ же отступали. Отступать заставляла насъ стоящая на челѣ газеты надпись, которая говоритъ, что «перепечатывать изъ Посредника не дозволяется»... Вдругъ видимъ, что три газеты разомъ перепечатали одну и ту же статью изъ «Посредника». Ободренные такимъ смѣлымъ поступкомъ, мы обратились къ первоначальному источнику, прочли статью въ самомъ «Посредникѣ» и такимъ-образомъ узнали, что оптовые хлѣбные торговцы въ Санктпетербургѣ отправили въ Англію десять человѣкъ коренныхъ русскихъ хлѣбопе-

---

(*) Эта статья составлена, какъ извѣстно, по многочисленнымъ источникамъ, изъ которыхъ *шестнадцать* показаны въ подстрочномъ примѣчаніи къ первой статьѣ, и на которые авторъ безпрестанно ссылается. Что же касается до Revue des Deux Mondes, то въ немъ никогда не было подобной статьи, да и быть не могло, по духу этого журнала...

ковъ учить Англичанъ печь хлѣбъ изъ ржаной муки по русскому способу, что эта экспедиція возбудила въ англійскихъ газетахъ разнообразные толки, изъ которыхъ одни устремились на защиту русскаго хлѣба, другіе воздвигли гоненіе на него, и что во всякомъ случаѣ посылка хлѣбопековъ показываетъ заботливость русскаго купечества объ упроченіи сбыта нашихъ произведеній за границею.

Взявшись за «Посредникъ», мы уже не могли оторваться отъ него — и не безплодно было наше знакомство съ нимъ. Боже мой! сколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній, основанныхъ на свидѣтельствѣ древнихъ! На-прим. «Плиній разсказываетъ, что двѣ козы встрѣтились другъ съ другомъ на длинномъ переходѣ» и пр. «Θеокритъ упоминаетъ о жадности, съ какою козы ищутъ ракитникъ, а Виргилій прославляетъ это дерево за его способность умножать у козъ количество молока». Наконецъ, «Геродотъ разсказываетъ любопытную исторію»... Впрочемъ, эта исторія хотя очень-любопытна, но она приведена въ статьѣ, носящей заглавіе: *Козы*, а между-тѣмъ болѣе характеризируетъ царя Псамметиха, нежели козъ, и потому мы ее опускаемъ... Такъ вотъ какая глубоко-ученая статья — Козы! «Она (коза) съ величайшею ловкостію достигаетъ и твердою ногою становится на выдающіеся острія и утесы скалъ, и явленіе этого животнаго удивительно, когда видишь, какъ оно такимъ образомъ удерживается въ равновѣсіи на ногахъ, на краю ужаснѣйшей пропасти въ Альпахъ и другихъ гористыхъ странахъ». Ахъ, какъ это любопытно! и какъ пріятно разсказано! Если бы перепечатывать изъ «Посредника» *дозволялось*, мы бы перепечатали статью: «Козы».

Тѣмъ болѣе хотѣлось бы намъ перепечатать что-нибудь изъ «Посредника», что въ настоящую минуту у насъ нѣтъ почти ничего такого, что̀ могло бы подѣйствовать на читателей со стороны эстетической. Готовится имъ и намъ эстетическое наслажденіе. Итальянская опера и краса ея, г-жа Фреццолини... Но это еще впереди, а теперь въ Казани наслаждаются: знаете, что̀ тамъ происходило недавно? Тамъ восхищаются или восхищались здѣшнимъ актёромъ г. Славинымъ. Восхищеніе это выражалось, по словамъ казанскихъ газетъ, вызовами, цвѣтами и наконецъ часами: г. Славинъ получилъ въ подарокъ золотые часы съ надписью «*А. П. Славину, отъ почитателей его прекраснаго таланта. Казань, 23 мая 1847*». Мы рѣшительно благодарны г. Славину за казанскихъ дилеттантовъ: кромѣ наслажденія, онъ доставилъ имъ еще пользу — образовалъ молодую артистку г-жу *Кодляковскую*. «Теперь, какъ намъ кажется», говоритъ казанскій рецензентъ: «для развитія ея таланта наступила новая эпоха» и пр.

Но довольно! Еще разъ испытываемъ мы на себѣ всю непріятность говорить о томъ, о чемъ можно было бы и не говорить... Спѣшимъ оправиться и скорѣй перейдти къ дѣлу, къ настоящему, серьёзному дѣлу.

— Отчетъ по Министерству Удѣловъ за 1846 годъ есть самое важное и вмѣстѣ самое утѣшительное изъ «Внутреннихъ Извѣстій». Это фактическое, наглядное рѣшеніе той задачи, передъ которою такъ давно стоятъ въ недоумѣніи наши сельскіе хозяева. Самые благонамѣренные *практики*, встрѣтившись съ этимъ вопросомъ, разводятъ руками или качаютъ головою, приговаривая: «что̀ тутъ прикажете дѣлать? Ну-те-ка попробуйте прежде сами!».. и т. п. «А чѣмъ-то отзовется это послѣ?..» и т. п. — Задача эта удоборазрѣшима только посредствомъ умственнаго развитія, образованія земледѣльческаго класса, — говорятъ теоретики; но практики или просто не хотятъ, или боятся вѣрить теоретикамъ, а сами другаго рѣшенія не могутъ придумать, потому-что его нѣтъ, и выходъ изъ этого лабиринта хозяйственныхъ соображеній только одинъ, предлагаемый теоретиками. Постройте вашимъ крестьянамъ удобные

домы, раздайте плодовитыя сѣмена, улучшенныя породы скота, накупите для нихъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, и благонамѣренность ваша, какъ ни дорого вамъ обойдется, не принесетъ никакой пользы крестьянамъ, если прежде всего вы не позаботитесь о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Свѣтлая, чистая изба покажется мужику несподручною и неудобною; ваши плодовитыя сѣмена онъ подмѣнитъ обыкновенными, которыми засѣвались его поля при отцѣ и дѣдѣ; за хорошей скотиной не будутъ ходить, какъ слѣдуетъ, а при первомъ неурожаѣ всю бѣду свалитъ на новыя орудія и машины, и вообще на всякое нововведеніе...

Надо ввести въ Россія *раціональное* хозяйство — говорятъ наши ученые практики, и никакъ не могутъ ввести его, хотя слушая ихъ можно подумать, что стóитъ взять, да и ввести. А почему не могутъ? — Потому что ищутъ раціональности не въ земледѣльцахъ, которые одни способны сдѣлаться раціональнѣе, а въ земледѣльческихъ пріемахъ и орудіяхъ. Вѣдь это не промахъ и даже не ошибка въ разсчетѣ, но заблужденіе, и заблужденіе тѣмъ болѣе непростительное, что тѣ же люди тотъ же самый вопросъ, только въ другой формѣ, рѣшаютъ безошибочно, безъ затрудненій, не ломая головы. Радѣя о пользѣ собственнаго дѣтища, никто не останавливался передъ вопросомъ: пожертвовать ли капиталомъ на образованіе этого дѣтища или соблюсти его, а дѣтище оставить такъ, въ надеждѣ, что съ денежкой всякій человѣкъ — хорошій человѣкъ... Въ наше время, по-крайней-мѣрѣ, подобные вопросы признаются *закоренѣлостью*, и старинная поговорка «глупому сыну не въ помощь богатство» имѣетъ полное примѣненіе.

Самое рѣзкое и очевидное доказательство полезности и выгодности образованія земледѣльческаго класса представляетъ настоящій отчетъ Министерства Удѣловъ, которое, признавая свое земледѣльческое училище *первымъ и надежнѣйшимъ разсадникомъ улучшеннаго крестьянскаго хозяйства, поставило нынѣ удѣльныя имѣнія на высшую противъ прежняго степень, улучшивъ быть крестьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ удвоило удѣльные доходы.*

Въ удѣльномъ вѣдомствѣ состоитъ:

	муж.	жен.
Удѣльныхъ крестьянъ	815,168	895,531
Лашмановъ, однодворцевъ и ихъ крестьянъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ, пахатныхъ солдатъ и ямщиковъ	45,071	46,252
Безсрочно-отпускныхъ	2,621	—
Отставныхъ солдатъ, водворенныхъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ	4,763	—
Солдатскихъ дѣтей	7,438	—
Солдатскихъ женъ и вдовъ	—	25,103
Всего	875,061	996,886

Въ удѣльную казну, въ-продолженіе 1846 года, поступило:

Удѣльнаго оброка съ крестьянъ	2,448,387 р.
Доходовъ съ оброчныхъ статей	339,802 —
Лѣснаго дохода	121,701 —
Процентовъ на капиталы	430,694 —
Разныхъ доходовъ	77,516 —

Собственно по хозяйственной части доходъ увеличился на 67,571 р.

Произведено расходовъ по росписанію	1,742,839 р.
Удѣльный капиталъ къ 1 января 1847 года простирался до	9,926,319 —
Общій крестьянскій капиталъ —	1,579,546 —
Пенсіонный капиталъ для отставныхъ нижнихъ чиновъ —	40,153 —

Всего съ удѣльныхъ крестьянъ собрано:

Удѣльнаго оброка. . .	2,448,387 р.
Въ крестьянскій капиталъ	913,325 —
Въ пенсіонный капиталъ.	5,787 —
Казенныхъ податей и земскихъ повинностей.	982,460 —
Мірскихъ сборовъ. . .	805,053 —
	5,155,012 р.

что составляетъ въ сложности на каждую душу (702,125) около 7 руб. 34 коп.

Въ Земледѣльческомъ Училищѣ воспитывалось крестьянскихъ мальчиковъ изъ удѣльныхъ имѣній. . 250

Въ Землемѣрномъ Училищѣ. . 30

Въ 200 сельскихъ училищахъ . 6,556

У приказныхъ писарей обучаются. 573

У землемѣровъ и архитекторовъ. 27

Прежде воспитанники Земледѣльческаго Училища, по водворенія ихъ въ образцовыхъ усадьбахъ, встрѣчали большія затрудненія въ выборѣ женъ. Теперь это затрудненіе устраняется заведеніемъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ особыхъ училищъ для крестьянскихъ дочерей. Учрежденное въ 1845 году съ этою цѣлью въ городѣ Алатырѣ училище помѣщено теперь въ особой усадьбѣ со всѣми обзаведеніями, необходимыми для улучшеннаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ простаго женскаго домохозяйства. 26 дѣвочекъ занимаются въ этомъ училищѣ, подъ женскимъ надзоромъ, всѣми необходимыми въ крестьянскомъ быту женскими работами, а въ свободное время учатся читать и считать.

Сдѣлано также распоряженіе объ устройствѣ подобной школы въ симбирскомъ удѣльномъ имѣніи, въ которомъ до 900 крестьянскихъ дѣвочекъ уже обучаются грамотѣ у мѣстныхъ священниковъ. Подобное обученіе священниками введено и въ саратовскомъ имѣніи.

Сверхъ того, при врачахъ и ветеринарахъ, кромѣ 119 удѣльныхъ фельдшеровъ, обучаются 112 крестьянскихъ мальчиковъ; а состоящія при нѣкоторыхъ удѣльныхъ конторахъ повивальныя бабки обязаны обучать своему искусству удѣльныхъ крестьянокъ.

Ремесленныхъ учебныхъ заведеній теперь считается 17; изъ нихъ выпущено обученыхъ крестьянскихъ мальчиковъ въ 1846 году 26, а всего 179.

Число образцовыхъ усадебъ, въ которыхъ водворены воспитанники Земледѣльческаго Училища, въ-теченіе 1846 года болѣе нежели удвоилось. Такихъ усадебъ 170. Въ томъ числѣ 48 такъ-называемыхъ коренныхъ, которыя при первоначальномъ учрежденіи устроивались на счетъ удѣла; а прочія основаны самими воспитанниками. Усадьбы эти составляютъ особыя, небольшія деревни, привлекающія общее вниманіе сосѣдей, такъ-что многіе удѣльные крестьяне просили о водвореніи ихъ на усадебныхъ участкахъ, съ обязанностью устроить свое хозяйство по примѣру образцовыхъ.

Нѣкоторые изъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ выручали изъ своего хозяйства слишкомъ до 850 руб. сер. Хозяева вологодскихъ и архангельскихъ усадебъ разводятъ овощные огороды и принимаютъ для этого учениковъ. Одинъ изъ хозяевъ костромскаго имѣнія завелъ училище для безпріютныхъ сиротъ, которые подъ его руководствомъ занимаются всѣми работами по хозяйству, а въ свободное время обучаются грамотѣ и ремесламъ. Вообще учениковъ изъ молодыхъ крестьянъ, какъ удѣльныхъ, такъ и помѣщичьихъ, состоитъ при всѣхъ усадьбахъ до 700.

Хозяева образцовыхъ усадебъ ведутъ себя хорошо, въ работахъ исправны и съ охотою всякому сообщаютъ свои свѣдѣнія. Наставленіями ихъ въ 1846 году воспользовались до 5000 человѣкъ изъ священно и церковнослужителей, помѣщиковъ, и преимущественно изъ крестьянъ.

Общее количество хлѣбныхъ запасовъ простирается слишкомъ до 2,084,000 четвертей, т. е. болѣе $2\frac{1}{2}$ четвертей на душу. Для улучшенія земледѣльческой промышлености вво-

дится въ употребленіе вѣялка простѣйшаго устройства, которая при двухъ работникахъ очищаетъ и раздѣляетъ на сорты въ одинъ часъ 20 четвертей, а обходится въ пять разъ дешевле изготовляемыхъ механиками. Подъ руководствомъ хозяевъ образцовыхъ усадебъ приготовляются американскіе плуги. Наконецъ, разосланы сѣмена кукурузы, лучшихъ сортовъ ячменя, ранняго и поздняго, и 32 сорта различныхъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній.

Существовавшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайне-вредный обычай размѣна пахатныхъ участковъ, искореняется снятіемъ полей на планъ и раздѣленіемъ на участки, которые раздаются крестьянамъ по жребію для всегдашняго пользованія.

Постройка селеній производится согласно съ изданными планами. Для обезпеченія овиновъ отъ огня вводятся овины *несгараемые*, обмазанные внутри глиною съ глиносоломенными крышами.

Количество строеній застрахованныхъ отъ огня составляетъ почти половину всѣхъ домовъ, находящихся въ тѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ введено страхованіе.

Сельскихъ банковъ 70, и количество поступающихъ въ нихъ суммъ ежегодно увеличивается, а выдача ссудъ, для улучшенія хозяйства, избавляетъ крестьянъ отъ частныхъ займовъ, обыкновенно весьма-тягостныхъ въ крестьянскомъ быту.

Прибавьте ко всему этому «устраненіе произвола въ сельскихъ управленіяхъ, возбужденіе въ нихъ нравственнаго чувства о своихъ обязанностяхъ, тщательный выборъ людей, начиная отъ приказныхъ головъ и до управляющихъ, и частные осмотры имѣній»—и вы вѣрно согласитесь съ тѣмъ, что̀ мы сказали въ-началѣ о важности основной идеи удѣльнаго управленія въ-отношеніи къ крестьянамъ.

— Относительно введенія грамотности между помѣщичьими крестьянами остановились у насъ на слѣдующихъ предположеніяхъ:

«1) Поощрять составленіе книжекъ для сельскаго чтенія въ духѣ нравственно-религіозномъ, такъ равно и руководствѣ простыхъ и удобопонятныхъ для крестьянъ по всѣмъ отраслямъ сельскихъ занятій.

«2) Печатать и по сходной цѣнѣ продавать и разсылать безплатно эти книжки помѣщикамъ, которые учредятъ у себя школы.

«3) Поощрять сельскихъ священниковъ и другихъ лицъ, съ наибольшимъ усердіемъ и успѣхомъ занимающихся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей».

Это ученіе такъ проникнуто простымъ и во всякомъ случаѣ достойнымъ поощренія добродушіемъ и щедростью, что мы не рѣшаемся представлять автору его, г. С. Лошкареву (Труды Имп. Вольн. Экон. Общества, 1847, № 3), логическія доказательства неосуществимости и очевидной незрѣлости его предложеній; но не можемъ не замѣтить, что за рѣшеніе вопроса такого важнаго, какъ вопросъ о мѣрахъ распространенія грамотности, нельзя приниматься съ тѣмъ запасомъ данныхъ, которыя высказаны въ статьѣ его «О пользѣ введенія грамотности между помѣщичьими крестьянами».

Что̀ можно вывести изъ такихъ свѣдѣній?

«*Нѣтъ сомнѣнія*, что въ настоящее время есть уже много такихъ лицъ, которыя обратили вниманіе на соотвѣтственное потребностямъ быта и времени обученіе собратій своихъ по Христу, врученныхъ промысломъ ихъ отеческой заботливости. Но много ли такихъ лицъ и кто они, *мы не знаемъ*».

Странное свойство не сомнѣваться въ томъ, чего не знаешь; но еще страннѣе заботиться съ такою благонамѣренностью о томъ, чего не знаешь!

«Пройдетъ лѣтъ 10, 15 много 20 (почему же не столѣтіе?) и помѣщичьи крестьяне далеко отстанутъ въ образованіи отъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ. А кто бу-

деть этому виною, какъ не сами помѣщики?»

Чѣмъ же виноваты помѣщики, если они всё такъ же думаютъ, какъ г. Лашкаревъ, и не могутъ ввести грамотности только потому, что берутся за мѣры, подобныя *тройственному поощренію?..*

«*Излишне* было бы доказывать, какъ необходимо въ настояще время и *до какой степени возможно* нравственно-религіозное обученіе крестьянъ».

Вопросъ: до какой степени возможно въ настоящее время нравственно-религіозное образованіе, сколько намъ извѣстно, до-сихъ-поръ остается неприкосновеннымъ. И мѣры, предлагаемыя для распространенія грамотности, потому именно не йдутъ въ дѣло, что предлагатели не замѣчаютъ логической несообразности идеи того двухсложнаго образованія, которое предлагаютъ. А замѣтить это не трудно: религія — дѣло вѣры, а не ума, на который только и можно дѣйствовать образованіемъ. Нравственность — тоже не такой предметъ, который бы можно было внушить ребенку какими бы то ни было книжками. Чтò же такое нравственно-религіозное образованіе? Образованія безнравственно-иррелигіознаго быть не можетъ.

Но зачѣмъ распространяться о такомъ предметѣ по поводу статьи г. Лашкарева, который, безъ дальнихъ справокъ и изслѣдованій, съ отвращеніемъ видитъ, что мужикъ, «не знающій грамоты, лежитъ по воскресеньямъ на печи или сидитъ въ кабакѣ», — видитъ, нисколько не подозрѣвая, что неграмотный человѣкъ послѣ шестидневнаго труда имѣетъ гораздо-болѣе права дѣлать въ седьмой день, чтò ему угодно, нежели грамотный — писать, не изучивъ предварительно своего вопроса.

А изучить, или даже просто сообразить, было чтò по вопросу о распространеніи грамотности. Именно, прежде всего слѣдовало сообразить, что поощреніе, особенно матеріальное, денежное, какъ понимаетъ его г. Лашкаревъ, совсѣмъ не такая мѣра, которую бы можно было употребить въ-отношеніи къ безчисленному множеству помѣщиковъ и сельскихъ наставниковъ. Конечно, поощрить всего легче, тѣмъ болѣе предложить эту мѣру другому; но поощряя, надо принимать въ разсчетъ и то, нельзя ли на деньги, розданныя въ поощреніе, сдѣлать самимъ чего-либо болѣе полезнаго, — на-примѣръ, завести образцовыя учебныя фермы или облегчить помѣщикамъ средства содержанія мальчиковъ въ мѣстахъ, гдѣ есть уже приходскія или другія училища, и т. п. Однимъ словомъ, сообразить, чтò именно выгоднѣе, чтò полезнѣе; а сообразить это можно не иначе, какъ вникнувъ въ подробности вопроса, то-есть:

1) Изслѣдовать причины, препятствующія помѣщикамъ заводить у себя школы. Дѣйствительно ли одно простое нежеланіе мѣшаетъ распространенію грамотности? Такого предположенія мы не можемъ допустить, потому-что знаемъ нѣсколько и матеріальныхъ причинъ. Во всякомъ случаѣ, однимъ поощреніемъ нельзя дѣйствовать.

2) Такъ-какъ педагогія въ настоящее время еще не можетъ быть причислена къ наукамъ установившимся и служитъ предметомъ самыхъ жаркихъ споровъ, то первая обязанность составителя какой бы то ни было статьи о воспитаніи требуетъ по-крайней-мѣрѣ сличенія существующихъ мнѣній и если не критической оцѣнки ихъ, то хотя посильнаго выбора. Еслибъ г. Лашкаревъ хотя мимоходомъ заглянулъ въ педагогію, то никакъ не рѣшился бы придать образованію эпитетъ нравственно-религіознаго, который такъ же логически несвойственъ ему, какъ несвойственно, на-примѣръ, назвать агрономомъ простаго крестьянина или всякаго, знающаго земледѣліе только по рутинѣ.

3) Наконецъ, для рѣшенія настоящаго вопроса необходимо изслѣдовать, въ чемъ именно должно состоять образо-

ваніе земледѣльческаго класса, чтобъ оно могло принести ожидаемую отъ него пользу. Одной грамотности, тѣмъ болѣе грамотности мертваго языка, недостаточно. Можно даже доказать фактами, что такая образованность скорѣе принесетъ вредъ, нежели пользу. Чтеніе книгъ высокаго содержанія, случайно попадающихся подъ руку простолюдину, можетъ быть для темнаго человѣка самымъ обильнымъ источникомъ заблужденій, вредныхъ сколько для общественной жизни, столько же и для его собственнаго развитія.

Но, увлекшись важностію вопроса о воспитаніи, мы забыли, что имѣемъ дѣло съ статьею г. С. Лашкарева. Чтобы покончить дѣло, приведемъ слова автора, характеризующія его статью и тотъ особенный взглядъ его, по которому нѣкоторые предметы представляются ему въ гигантскихъ размѣрахъ, а другіе на извѣстной высотѣ совершенно исчезаютъ.

«С. А. Масловъ» говоритъ С. Лашкаревъ: «первый оживилъ эту мысль (о пользѣ грамотности и необходимости заняться распространеніемъ ея между крестьянами обоего пола), заставилъ чувства и мнѣнія, разсѣянныя по цѣлой Россіи *соединиться воедино*, и ясными, полными любви къ отечеству и пользѣ *ближнихъ* выраженіями, вызывать къ дѣятельности всѣхъ соотечественниковъ, попеченію которыхъ вручены настоящее благосостояніе и *будущность* земледѣльцовъ!..»

— Отъ статьи г. Лашкарева мы должны перейдти къ фёльетону 161-го нумера «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», который, хотя нисколько не касается поощреній и разсуждаетъ о *современности, тенденціи* и *національности,* но связанъ съ ученіемъ о нравственно-религіозномъ образованіи узами логическихъ, фактическихъ и иныхъ всякихъ недоразумѣній. Г. Лашкаревъ, взявшись воспроизвести ученіе С. А. Маслова, по-крайней-мѣрѣ не испортилъ этого ученія: безпристрастно передалъ его недостатки, и воодушевленіе г. Маслова замѣнилъ посильною курчавостью слога. Фёльетонъ, напротивъ, признаётъ основанія *современной* критики за истинныя, говоритъ, что вовсе не возстаетъ противъ *тенденцій* (?) и въ то же время навязываетъ современной критикѣ и современнымъ тенденціямъ такія заблужденія, или справедливѣе — недоразумѣнія, которыя существуютъ только въ воображеніи фёльетониста. Кому, на-пр., до 18 іюля сего года приходило въ голову, что *всѣ искусства, и въ особенности поэзія должны исключительно заниматься ближайшимъ разсматриваніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ статистическихъ вопросовъ?..* Кто, до появленія въ свѣтъ этого фёльетона, *опредѣлялъ высокія достоинства и поэтическія красоты Гоголя, Лермонтова и Кольцова* политико-экономическими и *статистическими тенденціями этихъ писателей?..* Кто, наконецъ, до сего дня обвинялъ современную или какую бы то ни было критику въ томъ, что у Гоголя, какъ и у всякаго великаго писателя, были неудачные, малосильные подражатели, которые *выводили безъ толку людей гадкихъ и неопрятныхъ, употребляли безъ толку разныя циническія прибаутки, рылись безъ толку въ помойныхъ ямахъ самой грязной ежедневной жизни?..*

Противъ этихъ-то людей вооружается фёльетонистъ, произнося имена Фауста, Гамлета, Коцебу, Унцера, Дица и графа Шметтау, называя ихъ въ разныхъ смыслахъ *современными.*

Что̀ касается до *тенденцій*, то онѣ, по смыслу фёльетона, не даютъ развиваться у насъ *собственнымъ нашимъ идеямъ*, и потомки наши будутъ за нихъ смѣяться надъ нами точно такъ, какъ мы теперь смѣемся надъ Вертеромъ...

Нравится г-ну фёльетонисту одно слово въ новѣйшей критикѣ — *національность*; но жаль, не объяснилъ онъ, какъ надо понимать это слово: вѣроятно, какъ выраженіе *собственныхъ нашихъ идей*... т. е. такихъ идей, которыя не приходили никому въ голову и съ которыми можно имѣть дѣло каждому

безъ предварительныхъ соображеній, минуя всякое изученіе фактовъ, — словомъ, такихъ идей, которыя являются Богъ-вѣсть откуда и ведутъ туда же...

Обо всемъ этомъ, т. е. о поощреніи г. Лашкарева и объ идеяхъ г-на фёльетониста распространились мы, очевидно, непропорціанально замѣчательности этихъ произведеній, единственно съ тою цѣлью, чтобъ познакомить читателей съ новымъ явленіемъ нашей литературы, съ такъ-называемыми *собственными идеями*. Познакомили—и съ удовольствіемъ предоставляемъ наблюдателямъ слѣдить и изучать этотъ фактъ въ дальнѣйшихъ его проявленіяхъ. Все это дѣлаемъ мы съ совершенно-спокойною совѣстью, потому-что для подобныхъ наблюденій не нужно ни сильнаго микроскопа, ни даже простой лупы или другаго орудія: стòитъ сообразить важность идеи и объемъ статьи. Изъ ничего давнò уже— съ сотворенія міра—ничего большаго не выходило. *Собственная идея* о распространеніи образованія не займетъ болѣе 12-ти страничекъ крупной печати; а *для собственныхъ идей* о современной критикѣ за-глаза довольно и трехъ столбцовъ фёльетона.

— Еще одно извѣстіе напрашивается въ нашу лѣтопись, — извѣстіе изъ Сибири о байкальскомъ пароходствѣ.

Торговый путь нашъ къ Китаю, т. е. къ Кахтѣ, лежитъ, какъ извѣстно, черезъ безпокойный Байкалъ, крайне-опасный для судоходства вообще и для неуклюжихъ досчаниковъ, на которыхъ обыкновенно перевозятся товары, въ особенности. Почтенному человѣку, Никитѣ Ѳедоровичу Мясникову, обладающему сокровищами золотопромышлености, послалъ Богъ благую мысль устранить неудобства на такомъ важномъ пути нашей торговли введеніемъ на Байкалѣ пароходства Съ этою цѣлью онъ заказалъ въ Петербургѣ машины: одну на заводѣ Берда въ 50 силъ, а другую, въ 32 силы, на другомъ частномъ заводѣ. Въ октябрѣ 1844 года, первый, т. е. въ 50 силъ, выведенъ на Байкалъ; а въ іюлѣ 1845 года началъ постоянные рейсы, по два раза въ недѣлю, пробѣгая 110-ти-верстное разстояніе, между Листвиничной и Подсольскою гаванями, при сильныхъ противныхъ вѣтрахъ—въ восемь часовъ, а при попутномъ вѣтрѣ—въ шесть часовъ.

Что касается до другаго парохода, то заводчикъ, дѣлавшій для него машину по заказу въ 32 силы, прислалъ въ Иркутскъ машину въ 20 силъ, у которой иныхъ принадлежностей совсѣмъ не оказалось; другія оказались негодными, третьи совершенно-испорченными отъ дурной укупорки; сверхъ-того, фундаментальная доска, вѣсомъ въ 70 пудовъ, лопнула; а кромѣ того, приглашенный машинистъ при исправленіяхъ обнаружилъ недостаточное знаніе дѣла. Однимъ-словомъ, не смотря на пламенное желаніе г. Мясникова скорѣе осуществить свою идею, не смотря на то, что устройство этой машины обошлось по-крайней-мѣрѣ въ шесть разъ дороже, чѣмъ покупка ея, другой пароходъ развѣ въ нынѣшнемъ только году будетъ пущенъ въ дѣйствіе.

На бердовскомъ же пароходѣ оказались слѣдующія благопріятныя для будущности байкальскаго пароходства данныя:

	1844.	1845.	1846.
Сдѣлано рейсовъ	4	30	42
Привезено пассажировъ.	120	702	2,042
Привез. товаровъ		17,600 п.	44,756 пуд.
— экипажей		79	110
Получено денегъ	400	4,922	8,994 р. с.

«Имѣя Всемилостивѣйшее Государя «Императора соизволеніе именовать «пароходы: въ 32 силы «Императоръ «Николай», а въ 50 силъ «Наслѣдникъ «Цесаревичъ», Мясниковъ считаетъ «себя вознагражденнымъ превыше своихъ заслугъ и пожертвованій».

— Изъ журнальныхъ новостей нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ появленія *первой книжки* «Москвитянина» на 1847 годъ. «Москвитянинъ» въ нынѣшнемъ

году выходитъ, или, правильнѣе, обѣщается выходить не ежемѣсячно, а черезъ каждые три мѣсяца, т. е. хочетъ быть чѣмъ-то въ родѣ англійскихъ трехмѣсячныхъ обозрѣній (Review), или замѣнить издававшійся недавно въ Варшавѣ «Квартальникъ»... На оборотѣ первой книжки издатель откровенно объявляетъ, что его журналъ не умѣетъ пользоваться издѣліями иностранныхъ литературъ, не можетъ вступать въ соперничество съ вѣрными представителями и вожатаями современности, не хочетъ знакомить публику съ новостями живо-трепещущими интересомъ минуты, — но хочетъ продолжать *свое*, идти *начатымъ путемъ*. Въ чемъ состоитъ *свое* «Москвитянина» и каковъ его *начатый путь* — предоставляется разгадывать читателямъ. Въ этой первой книжкѣ, между прочимъ, напечатаны статьи г. М. Погодина объ историческихъ трудахъ г. Соловьева и замѣчанія о русской современной исторической критикѣ, г. В. М — аго. Профессоръ Московскаго Университета, С. М. Соловьевъ, въ короткое время доставившій себѣ такую громкую извѣстность двумя сочиненіями своими: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ» и «Исторіею отношеній между русскими князьями рюрикова дома», – не могъ оставить безъ возраженія статей гг. Погодина и М—аго, и въ нумерѣ 85 «Московскихъ Вѣдомостей» (17 іюля 1847) напечаталъ *Отвѣтъ*, который, съ согласія автора, перепечатываемъ здѣсь какъ матеріалъ для объясненія того, что «Москвитянинъ» называетъ *своимъ* и какому начатому пути хочетъ онъ слѣдовать:

Отвѣтъ г-мъ Погодину и М—му на ихъ отзывы о моихъ сочиненіяхъ, помѣщенные въ 1-мъ № Москвитянина за 1847 годъ.

Безъ предисловій приступаю къ дѣлу:

Г-нъ Погодинъ, упрекая меня, вмѣстѣ съ гг. Кавелинымъ и Поповымъ, въ резонёрствѣ, нападаетъ на мою систему о древнихъ и новыхъ городахъ, служащую основаніемъ разсужденія: *Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ*. «Главная мысль автора» говоритъ г. Погодинъ «относится къ различію между древними и новыми городами. Мысль эта принадлежитъ Карамзину, а авторомъ лишь доведена до крайности.»

Посмотримъ сначала, какъ эта мысль принадлежитъ Карамзину, который, описывая измѣненія внутренняго государственнаго порядка въ слѣдствіе монгольскаго ига, говоритъ: «Совершилось при Монголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III-й: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ вѣчевый колоколъ.... Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Монголахъ.» — Во-первыхъ: мысль о различіи старыхъ городовъ отъ новыхъ не принадлежитъ ни Карамзину, ни мнѣ, ни кому-либо другому: это фактъ, который приводитъ лѣтописецъ, и который внесенъ Карамзинымъ въ его исторію, мною въ мою диссертацію, и который всякій ученый имѣетъ право вносить въ свое сочиненіе, не приписывая его ни себѣ, ни кому-либо изъ своихъ предшественниковъ, наравнѣ съ другими фактами, напр. съ тѣмъ, что *Ярославъ I-й былъ* сынъ Владиміра Св. и т. п. Но дѣло въ томъ, что Карамзинъ приводитъ этотъ фактъ не въ своемъ мѣстѣ, и явно его искажаетъ: лѣтописецъ, жившій въ XII вѣкѣ, говоритъ, что *въ его время* ведется давній обычай: граждане старыхъ городовъ, Новгородцы, Смоляне, Кіевляне, Полочане сходятся на вѣче, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ (*). Такимъ образомъ различіе между старыми и новыми городами,

(*) Объ отнош. Новг. къ В. Князьямъ, стр. 103 новаго изданія.

или пригородами, по которому послѣдніе, не имѣя своего вѣча, подчинялись вѣчевымъ рѣшеніямъ первыхъ, существовало *изначала*, по выраженію лѣтописца, и продолжалось до его времени. Что же сдѣлалъ Карамзинъ? Онъ взялъ различіе между старыми и новыми городами, различіе, существовавшее отъ начала русской исторіи до Монголовъ, и приписалъ его вліянію послѣднихъ. Вотъ фактъ, и вотъ мысль Карамзина! Что же касается до меня, то я взялъ тотъ же фактъ, но оставилъ его на своемъ мѣстѣ, и основалъ на немъ объясненіе различія между старою и новою Русью. Вотъ фактъ, и вотъ моя мысль!

Далѣе г. Погодинъ говоритъ: «Не различіе между городами важно, а различіе во времени. Одинъ и тотъ же городъ, древній, новый, т. е. построенный княземъ, русскій и иностранный, переходятъ въ теченіе времени разныя степени политическаго развитія.»

Но какъ эти слова идутъ къ нашему дѣлу? Развѣ это возраженіе на мое мнѣніе? Я говорю, основываясь на словахъ лѣтописца, что города древней Руси раздѣлялись на старые и новые, изъ которыхъ послѣдніе не имѣли права собирать свое вѣче, но слушались вѣчевыхъ приговоровъ старшихъ городовъ; слѣдовательно, заключаю, если Князь утверждалъ свое пребываніе въ новомъ городѣ, то онъ не могъ встрѣтить здѣсь привычекъ къ вѣчевому народовластію, и потому власть его могла здѣсь развиваться гораздо-свободнѣе, чѣмъ въ городахъ старыхъ. Что мнѣ до того, что города переходятъ въ теченіе времени разныя степени политическаго развитія! Для меня важно то, что въ одно и то же время разные города имѣли у насъ разную степень политическаго развитія, въ слѣдствіе чего произошли между ними извѣстныя отношенія, которыя я и предположилъ себѣ прослѣдить. Глубокое историческое пониманіе г. Погодина выражается въ словахъ, что не различіе между городами важно, а различіе во времени: какъ-будто одно время исключительно имѣетъ вліяніе на перемѣны въ судьбѣ человѣческихъ обществъ? Новгородъ вовсе былъ не таковъ при Андреѣ Боголюбскомъ, какимъ является при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ: что жь? одно время здѣсь важно? одно время произвело это различіе? Хороша была бъ историческая наука, еслибъ всѣ историки, подобно г. Погодину, сложивши всю вину на время, сняли съ себя тягостную обязанность объяснять причины перемѣнъ, происходившихъ въ общественномъ быту разныхъ народовъ: было время, цвѣли Аѳины; пришло время — Аѳины пали, усилился Римъ; пришло время пасть и Риму, пришло время для германскихъ и славянскихъ народовъ, и т. д.

Далѣе г. Погодинъ говоритъ: «Что г. Соловьевъ приписываетъ древности и новости городовъ, то другой припишетъ различію племенъ, Малороссіянъ и Великороссіянъ (*), третій времени ихъ выступленія на сцену, четвертый Монголамъ и другимъ обстоятельствамъ, развитію княжеской власти, и пр. Но исторія ничего не выиграетъ отъ всѣхъ этихъ предположеній, какъ бы иныя изъ нихъ и ни были блистательны.»

Прекрасно! Исторія ничего не выиграетъ отъ различныхъ попытокъ объяснить одну изъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ жизни народа! Какъ-будто-бы всѣ результаты, которыми гордится наука, не были добыты борьбою различныхъ мнѣній и объясненій?

Далѣе г. Погодинъ говоритъ: «Составьте списокъ древнихъ и новыхъ го-

(*) Сколько помню, одинъ иностранный ученый уже указывалъ на различіе народонаселеній, которое въ городахъ новыхъ, построенныхъ Долгорукимъ, было не чисто-славянское, а сбродное; но я не нахожу прочной основы для развитія этой мысли: народонаселеніе въ новыхъ городахъ могло быть и чисто-славянское, и сбродное, и во всякомъ случаѣ эти города должны были войдти и къ старому городу, и къ князю въ означенныя мною отношенія.

родовъ, и вы увидите тотчасъ, что вся система разлетится отъ одного дуновенія.»

Легко сказать: система разлетится отъ одного дуновенія; но попробуйте на дѣлѣ заставить ее разлетѣться! Составьте списокъ, что же будетъ? Надобно было договорить, что̀ же откроется, когда списокъ будетъ составленъ. Попробуйте отстранить одно свидѣтельство лѣтописца о старыхъ и новыхъ городахъ и о подчиненномъ отношеніи послѣднихъ къ первымъ!

Далѣе: «Попытайтесь объяснить, чѣмъ рязанскій князь отличался отъ владимірскаго или тверскаго. Попытайтесь доказать, что Суздаль и Ростовъ повиновались менѣе Боголюбскому, чѣмъ Владиміръ, а древніе Кіевъ и Новгородъ были одинаковы.»

Эти приглашенія попытаться уже опоздали: попытки сдѣланы въ разбираемыхъ г. Погодинымъ сочиненіяхъ: *Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. князьямъ* и въ *Исторіи отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома*. Впрочемъ, г. Погодинъ говоритъ, что не прочелъ всей моей книги, а между тѣмъ въ началѣ смѣло говоритъ, что она состоитъ изъ парадоксовъ! Какъ видно, г. Погодинъ прочелъ только вступленіе, и потому, не обращая никакого вниманія на доказательства и выводы автора, заключающіеся въ самой книгѣ, нападаетъ на положенія, какъ-будто-бы они были высказаны совершенно-голословно:

«Не было удѣловъ, говорите вы, Россія не была раздѣлена! Однакожь былъ не одинъ государь, были многіе князья въ одно время, хоть и одного рода, которые безпрерывно размножались. Между этими многими князьями не находилась ли во владѣніи Россія, хоть временно? И не дѣлилась ли она безпрестанно? и эти части, безпрестанно мѣнявшіяся, не оставались ли до Іоанновъ? Слѣд. вотъ въ чемъ главное! Были части, дроби, сегменты, феоды, левы, княжества, отрывки — называйте ихъ какъ хотите. Мы привыкли называть эти части удѣлами, и это имя до сихъ поръ казалось лучшимъ, не подавая повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Какое было свойство удѣловъ, отъ чего они происходили—это другой вопросъ, который можете разрѣшать по вашему благоусмотрѣнію. Имени удѣлъ не попадается въ древнихъ памятникахъ, но не попадается тамъ и государства, и отечества (въ смыслѣ родины). Г. Соловьевъ смѣшалъ единство рода съ единствомъ земли. Родъ былъ одинъ, а земля была раздѣлена. Для всей Европы былъ періодъ дѣленія, это Исторія Средняя; за нимъ поступилъ періодъ единодержавія — Исторія Новая. Всѣ государства были раздѣлены—это родовое сходство; западныя находились во владѣніи разныхъ родовъ, Россія во владѣніи одного рода — вотъ ихъ видовое различіе.»

Въ этомъ возраженіи также обнаруживается глубокое историческое пониманіе г. Погодина! Западныя государства находились во владѣніи разныхъ родовъ, Россія во владѣніи одного рода: но въ этомъ-то и состоитъ существенное различіе нашей исторіи отъ всѣхъ другихъ, различіе, недопускающее никакой *параллели*. *Дѣло* не въ томъ, что владѣютъ многіе князья, но въ томъ, *какъ* владѣютъ они. Если всѣ князья составляютъ одинъ родъ, называются братьями, имѣютъ одного старшаго — отца, если смерть этого старшаго или одного изъ родичей неминуемо влечетъ за собою всеобщее движеніе, перемѣщеніе князей съ одного стола на другой, если наконецъ всѣ эти движенія и перемѣщенія основываются на родовыхъ счетахъ, въ-слѣдствіе которыхъ идутъ всѣ споры, всѣ междоусобія: то ясно, что тутъ нечего болѣе думать о раздѣленіи земли, но должно поставить родовыя отношенія на первомъ планѣ. Слова *удѣлъ* не было, потому-что не было понятія о выдѣленіи; если бы слово: *удѣлъ* было выдумано позднѣйшими учеными, было только выраженіемъ условнымъ, то я бы никогда и не подумалъ исключать его; но *удѣлъ* есть слово историческое,

которое является въ извѣстную эпоху, съ которымъ соединено извѣстное понятіе, прежде не существовавшее, и потому употреблять слово *удѣлъ* безъ разбору до XIII вѣка и послѣ есть грубая ошибка. Точно также не существовало въ древней Руси и слова: *государство*, потому-что не было государства; слова же *отечество* не существовало по другимъ причинамъ: юный народъ не любитъ отвлеченностей, и въ древнихъ памятникахъ вездѣ вмѣсто отечества употребляется—*Русская земля*. Нельзя также искать причинъ появленія слова *удѣлъ* на сѣверѣ въ нарѣчіи великороссійскомъ, потому-что когда явилось отдѣльное владѣніе и въ Югозападной Руси, то явилось и слово, соотвѣтствующее сѣверному *удѣлъ*, именно слово *дѣльница*.

Напрасно г. Погодинъ выставляетъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи, гдѣ говорится о городахъ и владѣніяхъ: эти мѣста выставлены и въ моей книгѣ; дѣло въ томъ, что отношенія по городамъ и владѣніямъ примыкаютъ, какъ второстепенныя, къ отношеніямъ родовымъ, которыя стоятъ на первомъ планѣ. Г. Погодинъ, кажется, прочелъ мое вступленіе: почему же онъ не потрудился выставить и опровергнуть мою характеристику междоусобій, имѣвшихъ мѣсто въ древней Руси?

Г. Погодинъ спрашиваетъ: «Выходилъ ли Черниговъ изъ-подъ власти олегова рода, или Рязань Ярославова, или Тверь Михаилова, или Галичъ Ростиславова?»

Если бы г. Погодинъ повнимательнѣе изучилъ лѣтопись, то не предложилъ бы вопроса о томъ, выходилъ ли Черниговъ изъ-подъ власти олегова рода: подъ 1210 годомъ читаемъ, что Всеволодъ Чермный Черниговскій помѣнялся съ Рюрикомъ Смоленскимъ: себѣ взялъ Кіевъ, а Рюрику отдалъ свой отчинный Черниговъ, и Мономаховичь Рюрикъ преспокойно сѣлъ въ отчинѣ Ольговичей (*): вотъ какъ древніе князья наши дорожили своими отчинами! — Что же касается до князей: рязанскаго, галицкаго и тверскаго, то пусть г. Погодинъ справится въ моей книгѣ, почему они не выходили изъ своихъ волостей.

Далѣе г. Погодинъ вооружается противъ моего положенія, что названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому-что Монголамъ нельзя приписать такого сильнаго вліянія, какое до-сихъ-поръ имъ приписывали. По своему обычаю, г. Погодинъ вооружается противъ положенія, не говоря ни слова о моихъ доказательствахъ, и что̀ же приводитъ въ защиту стараго мнѣнія? факты, свидѣтельства лѣтописцевъ, акты неоспоримые? нѣтъ! голословное свидѣтельство Карамзина, который говоритъ: «Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ.» — Но вѣдь это все одни красивыя слова, однѣ догадки, мнѣніе, *кажущееся* только вѣроятнымъ, но ни на чемъ не основанное! Въ другомъ, приведенномъ выше мѣстѣ, Карамзинъ замѣчаетъ, что во время Монголовъ, въ слѣдствіе ихъ

(*) *Лавр.* стр. 184. — Впрочемъ намъ неудивительно встрѣчать подобные вопросы отъ г. Погодина: кто слѣдилъ за его ученою дѣятельностію, тотъ знаетъ, какъ онъ силенъ въ источникахъ русской исторіи; такъ, на-прим., извѣстно, что г. Погодинъ занимался исторіею Самозванца и писалъ статьи по этому предмету; но когда завелъ споръ съ авторомъ *Исторіи Смутнаго Времени*, то преспокойно далъ ему вопросъ: гдѣ напечатана Челобитная Варлаама Яцкаго? и г. Бутурлинъ долженъ былъ указывать профессору русской исторіи, гдѣ напечатанъ актъ первой важности въ исторіи Самозванца.

вліянія, всѣ свободныя учрежденія уничтожены.—Но гдѣ нашелъ Карамзинъ въ Сѣверной Руси свободныя учрежденія, кромѣ Новгорода и Ростова? о свободныхъ учрежденіяхъ послѣдняго не слыхать уже при Всеволодѣ III! Притомъ не всякій согласится приписать явленіямъ, замѣчаемымъ въ старыхъ русскихъ городахъ, имя свободныхъ учрежденій. — Здѣсь не мѣсто входить въ изслѣдованіе причинъ поврежденія народной нравственности въ извѣстный періодъ русской исторіи: объ этомъ будетъ рѣчь въ сочиненіи, на дняхъ мною оконченномъ, и которое будетъ напечатано въ началѣ осени нынѣшняго года; здѣсь же вообще для всѣхъ поборниковъ монгольскаго вліянія сдѣлаю маленькое замѣчаніе: тотчасъ послѣ батыева нашествія отправились въ Орду два русскіе князя, одинъ *сѣверный*, Ярославъ Всеволодовичъ, другой — *южный*, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій: первый, сѣверный князь, безропотно исполнилъ, по требованію Татаръ, варварскіе языческіе обряды, поклонился Кусту, и получилъ желаемое; но князь южный, Михаилъ, кусту татарскому не поклонился и получилъ вѣнецъ мученическій. Еще нѣсколько словъ: сѣверные князья ѣздили въ Орду, кланялись хану, терпѣли безчестье, и сѣверные лѣтописцы, какъ видно, вовсе этимъ не трогаются: поѣхалъ князь южный, Даніилъ Романовичъ, поклонился хану, выпивъ кумысу—и всплакался южный лѣтописецъ горькими слезами объ обидѣ своего князя, плакала объ ней и вся земля.

Потомъ г. Погодинъ вооружается противъ моего положенія, что борьба отношеній родовыхъ съ отношеніями государственными составляетъ существенный характеръ древней русской исторіи. Г. Погодинъ возражаетъ на это: «Нѣтъ, не существовали эти отношенія порознь, а изъ родовыхъ *происходили*, *выдѣлывались*, развивались государственныя.»

Но развѣ въ этихъ словахъ есть какое-нибудь прямое возраженіе? Я говорю, что была борьба между родовыми отношеніями и государственными: возражайте и доказывайте, что борьбы не было; но вмѣсто того вы говорите, что эти отношенія не существовали порознь?

Объ остальныхъ сочиненіяхъ моихъ г. Погодинъ отзывается, что всѣ они написаны очень-хорошо, но отзываются тою же *поспѣшностію*. — Возвращаемъ это обвиненіе г. Погодину по принадлежности, потому-что въ поспѣшности можно обвинить только того ученаго, который высказываетъ свои мнѣнія безъ доказательствъ, произноситъ свои приговоры о книгахъ, не читая ихъ.—Но разборы г. Погодина, кромѣ поспѣшности, отличаются еще и другимъ качествомъ: такъ, разбирая мою статью о значеніи слова *черный*, г. Погодинъ говоритъ, что я въ первое доказательство моего мнѣнія привожу дурно (по его мнѣнію) понятое мною извѣстіе о черномъ соборѣ—и только! Но развѣ я основалъ свое мнѣніе только на одномъ этомъ свидѣтельствѣ, а не на цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ? Почему бы г. Погодинъ не привелъ ихъ всѣ для доказательства несправедливости моего мнѣнія, а выхватилъ только одно? Здѣсь уже на сторонѣ г. Погодина не одна только поспѣшность...

А между-тѣмъ, разбирая мою статью о мѣстничествѣ, г. Погодинъ укоряетъ меня въ недобросовѣстности: посмотримъ за что? Г. Погодинъ, въ своихъ статьяхъ о мѣстничествѣ, сперва сказалъ, что мѣстничество началось, когда удѣлы рушились, и удѣльные князья, пришедши ко двору московскому, принесли туда свои княжескіе счеты; но потомъ говоритъ, что мѣстничество было гораздо прежде, въ періодѣ удѣловъ. Я сказалъ, что г. Погодинъ такимъ образомъ *низпровергъ* свое прежнее мнѣніе. Г. Погодинъ обвинилъ меня въ недобросовѣстности, зачѣмъ я называю каждую вещь своимъ именемъ: онъ не *низпровергъ* свое мнѣніе, но только *видоизмѣнилъ* его.

Потомъ г. Погодинъ вооружается на меня за то, что я приписалъ покойному Волуеву высокую добросовѣстность: я, говоритъ г. Погодинъ, точно также разбиралъ передъ Волуевымъ и товарищами его дѣла по мѣстничеству. Но если бы даже и такъ, то на какомъ основаніи отнимать у Волуева его высокую добросовѣстность? Не хочетъ ли г. Погодинъ сказать, что мысль подобной обработки мѣстничества принадлежитъ не Волуеву, а ему; онъ самъ говоритъ, что на лекціяхъ передъ Волуевымъ и товарищами его онъ разобралъ только дѣло князя Голицына съ кн. Шуйскимъ, и то для доказанія своей системы счета; намъ, впрочемъ, не нужно много вдаваться въ этотъ вопросъ: передъ публикою сочиненіе Волуева о мѣстничествѣ, передъ публикою же и статьи г. Погодина о томъ же предметѣ: всякій можетъ слѣд. сравнить ихъ и рѣшить, что общаго между ними, относительно *добросовѣстности* труда, нѣтъ ничего.

И въ заключеніи статьи г. Погодинъ вооружается на того же Волуева, говоря, что онъ взялъ у него мысль о происхожденіи дворянства отъ благородныхъ пришельцевъ, но, сосчитавъ роды, вывелъ невѣрную пропорцію. И здѣсь опять мы должны повторить г. Погодину, что онъ не отличаетъ мысли отъ факта: происхожденіе большей части дворянскихъ родовъ отъ пришельцевъ есть фактъ, который передаютъ намъ родословныя книги, и который, какъ мысль, не можетъ принадлежать ни г. Погодину, ни Волуеву, ни кому-либо другому. Волуевъ сосчиталъ по родословной книгѣ роды, ведущіе свое происхожденіе отъ иноземныхъ пришлецовъ, и вывелъ пропорцію, вѣрно или невѣрно — это другой вопросъ; но не заимствовалъ никакой мысли отъ г. Погодина, который самъ же говоритъ, что его мысль объ этомъ предметѣ есть какая-то *мистическая*.

Г. Погодинъ говоритъ (на стр. 172), что онъ нарочно заѣзжалъ въ Геттингенъ, чтобы поклониться могилѣ Шлёцера: — гораздо лучше было бы, еслибъ г. Погодинъ почтилъ близкія къ намъ могилы, оставя ихъ въ покоѣ.

Что же касается до статьи г. М—го, то онъ высказываетъ такія мнѣнія о нашихъ древнихъ городахъ и вѣчахъ, что даже самъ г. Погодинъ, какъ редакторъ, принужденъ вооружиться противъ него въ своихъ подстраничныхъ примѣчаніяхъ. На стр. 197 г. М—ій говоритъ, что городъ Владиміръ, какъ извѣстно, построенъ княземъ Владиміромъ; на стр. 198 продолжаетъ: «Мы знаемъ, какъ возникали у насъ города: сначала это были деревни, села, князь утверждалъ въ нихъ свое пребываніе, а иногда просто сажалъ въ нихъ свою дружину, посылалъ управлять ими своего мужа, — и изъ селъ являлись города; по крайней мѣрѣ таково происхожденіе большей части городовъ нашихъ. Почему жъ не предположить того же самого и о Владимірѣ?—Тогда вся эта тяжба Владиміра съ Ростовомъ будетъ имѣть для насъ и значеніе и смыслъ, какъ продолженіе прежнихъ отношеній, въ которыхъ Владиміръ находился къ Ростову, какъ пригородъ къ своему городу. Иначе, какъ могли бы Ростовцы называть своимъ пригородомъ городъ, построенный княземъ? Какъ могли бы они называть Владимірцевъ своими холопями, если бы городъ получилъ населеніе свое отъ князя? Можетъ быть и слова Ростовцевъ: «иль паки посадимъ въ немъ своего намѣстника» намекаютъ на эту прежнюю, отдаленную связь, въ которой новый городъ находился съ своею метрополіею, великимъ Ростовомъ, получая отъ него своихъ посадниковъ или намѣстниковъ.»

Пусть попытается кто-нибудь найдти смыслъ во всемъ этомъ! Г-нъ М—ій говоритъ, что Владиміръ построенъ княземъ Владиміромъ; говоритъ, что большая часть нашихъ городовъ получила свое происхожденіе отъ князей, которые въ деревняхъ, селахъ утверждали свое пребываніе, сажали дружину, посылали управлять своего мужа; говоритъ, что онъ предполагаетъ то же самое и о Владимірѣ, и тутъ же, не пре-

рывая рѣчи, говоритъ, что въ слѣдствіе всего сказаннаго, т. е. что Владиміръ построенъ княземъ, Владиміръ не былъ построенъ княземъ, иначе Ростовцы не называли бъ его своимъ пригородомъ?... Все это смѣшеніе произошло отъ-того, что г. М—ій не могъ понять, какимъ образомъ городъ, построенный княземъ, собственность строителя, въ то же время считался пригородомъ стараго города? Спѣшимъ объяснить дѣло: городъ былъ построенъ княземъ, который потому считалъ его своею собственностію; но этотъ новый городъ былъ построенъ на землѣ, которая считалась принадлежностью стараго города, и послѣдній смотрѣлъ на него, какъ на свой пригородъ. Отношеніе Владиміра къ Ростову всего лучше объясняется отношеніемъ Копорья къ Новгороду: князь построилъ Копорье и думалъ, что это его собственность; но Новгородцы, на землѣ которыхъ городъ былъ построенъ, думали не такъ и вступили въ борьбу съ княземъ. — При жизни сильнаго князя-строителя, построенный имъ городъ оставался въ полной его власти; но по смерти этого князя, въ между-княжье, которое мы видимъ на сѣверѣ послѣ Боголюбскаго, княжескіе города необходимо являлись пригородами стараго города, въ области котораго были построены. — Но всего любопытнѣе показались для меня побужденія, которыя, по словамъ г. М—го, заставили его написать свои замѣчанія на мою книгу: «Странно было бы, говоритъ г. М—ій, говорить что-либо о достоинствахъ или недостаткахъ книги, спустя болѣе года послѣ выхода ея въ свѣтъ; но мы и не думаемъ говорить здѣсь собственно о книгѣ, а хотимъ только замѣтить, что русская современная историческая критика выиграла бъ несравненно болѣе, еслибы,—мы говоримъ на этотъ разъ собственно о рецензіяхъ на книгу,—если бы авторъ хоть одной изъ этихъ рецензій, послѣ похвалъ сочиненію г. Соловьева, которыя заслуживаетъ оно даже по одному трудолюбію автора, не говоря ужъ о многихъ, истинно прекрасныхъ, мысляхъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ книги, — потрудился раскрыть въ ней и тѣ недостатки, которыхъ, какъ извѣстно, не бываетъ лишено ни одно произведеніе человѣческое, и въ которыхъ, какъ намъ кажется, нельзя совершенно отказать и сочиненію г. Соловьева.»

Итакъ, г. М—ій обвиняетъ всѣхъ рецензентовъ, разбиравшихъ мою книгу, въ томъ, что они только хвалили ее, а недостатковъ не замѣчали, чѣмъ цѣль науки и не была достигнута. — Изъ всѣхъ рецензій на мою книгу мнѣ извѣстна только одна, помѣщенная въ «Отеч. Запискахъ»; но здѣсь рецензентъ, какъ нарочно, выполняетъ совершенно требованіе г. М—го, именно, послѣ похвалъ сочиненію, выставляетъ его недостатки, и прямо указываетъ на то самое положеніе, за которое вооружается на меня и г. М—ій; мало того, что рецензентъ «Отеч. Записокъ» не согласенъ со мною въ важности, которую я придалъ различію городовъ, онъ приводитъ свое собственное мнѣніе о причинахъ различія между старою и новою Русью, слѣд. вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки: указываетъ на достоинство сочиненія, его недостатки, да притомъ еще предлагаетъ средство для восполненія этихъ недостатковъ. — Изъ чего жь теперь, спрашиваю, хлопоталъ г. М—ій? какими побужденіями руководствовался, начиная писать замѣчанія на мою книгу?.....

Сергѣй Соловьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ предложила слѣдующія задачи:

По отдѣленію философскому: къ 1848 году, критическое изслѣдованіе схоластической философіи.

По отдѣленію нравственныхъ наукъ: къ 1848 году, разсмотрѣть и сравнительно изложить нравственное состояніе земледѣльцевъ и людей, посвятившихъ себя мануфактурной промышлености.

Сверхъ того, къ 1849: 1) изслѣдовать исторію различныхъ системъ нравственной философіи, преподававшихся въ древности до утвержденія христіанства; показать вліяніе, которое могли имѣть на развитіе этихъ системъ, общественныя обстоятельства, среди которыхъ онѣ образовались, и то вліяніе, которое онѣ въ свою очередь имѣли на состояніе обществъ древняго міра. 2) объяснить, какое вліяніе имѣетъ развитіе матеріальнаго благосостоянія на нравственность народа.

По отдѣленію правъ: къ 1849 году, изслѣдовать происхожденіе расправы и судебнаго порядка во Франціи, изложить его исторію, представить настоящее состояніе и развить отсюда основныя начала.

Къ конкурсу 1850 года: «разобрать различныя видоизмѣненія организація народонаселенія на территоріи Франціи, съ самой отдаленной древности, до нашихъ временъ.»

Къ 1848 году: «изложить происхожденіе актовъ, касающихся до владѣнія, и вліяніе ихъ на защиту и обезпеченіе правъ собственности.»

По отдѣленію политической экономіи и статистики. Академія напоминаетъ, что она назначила къ конкурсу 1848 г.: «опредѣлить, по правиламъ науки и по указаніямъ опыта, законы, которые должны управлять пропорціональнымъ отношеніемъ между оборотами билетовъ и звонкой монеты, такъ, чтобъ государство наслаждалось всѣми выгодами кредита, не страшась злоупотребленій.»

Къ 1849 году: «изслѣдовать состояніе земледѣльцевъ во Франціи, начиная съ XIII-го вѣка, до 1787 года. Означить степени, по которымъ они проходили; показать, какимъ послѣдовательнымъ обязательствамъ они подвергались, упомянувъ о различныхъ оттѣнкахъ этихъ обязательствъ въ разныхъ частяхъ Франціи, пользуясь для этого сочиненіями юрисконсультовъ, древними обычаями и общественными и мѣстными реформами, печатными и писанными государственными законами, свидѣтельствами историковъ, также древними документами, разливающими свѣтъ на предметъ задачи.»

За успѣшное разрѣшеніе каждой изъ этихъ задачь Академія положила премін въ 1,500 франк.

Академія напоминаетъ, что пятилѣтній срокъ предложенной ею задачи на премію, назначенную г. Феликсомъ де-Божуръ, кончится въ 1848 г. Задача же, предложенная Академіею, состоитъ въ критическомъ изслѣдованіи системы Песталоцци обученія и воспитанія, разсматриваемой преимущественно въ отношеніи къ благосостоянію и нравственности бѣднаго класса.

Покойный баронъ де-Морогъ, завѣщаніемъ своимъ отъ 25 октября 1834 года, отказалъ сумму въ 10,000 фр., проценты съ которой должны черезъ каждыя 5 лѣтъ служить преміею поочередно, то Академіи Политическихъ и Нравственныхъ Наукъ, для награды за лучшее сочиненіе о пауперизмѣ во Франціи и о средствахъ предотвратить его, то Академіи Физическихъ и Математическихъ Наукъ, за сочиненіе, которое наиболѣе будетъ способствовать успѣхамъ земледѣлія во Франціи. Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ напоминаетъ, что ея очередь назначать премію наступитъ въ 1848 г. и что она вручитъ ее тому, чье сочи-

неніе будетъ наиболѣе соотвѣтствовать желаніямъ щедраго основателя.

Бельгійская Королевская Академія Наукъ, Словесности и Художествъ назначила для конкурса 1847 года слѣдующія задачи: 1) Изложить общую теорію алгебраическихъ рядовъ или серій, разсматриваемыхъ въ-отношеніи ихъ сходимости (convergence). 2) Сдѣлать подробный разборъ всѣхъ свѣдѣній о дождѣ, и о главныхъ причинахъ, производящихъ это явленіе; этотъ разборъ долженъ основываться на извѣстныхъ уже, произведенныхъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара наблюденіяхъ. 3) Изложить и разобрать труды и новые выводы физіологовъ и химиковъ вообще о тукахъ и о процессѣ питанія растеній; вмѣстѣ съ тѣмъ, указать, что можно сдѣлать для увеличенія массы земледѣльческихъ произведеній. Сочиненіе это должно быть основано на опытахъ. 4) Описать ископаемыя кости пластовъ втораго образованія люксамбургской провинціи; обозначить самымъ точнымъ образомъ всѣ мѣстности и роды камня, въ которыхъ они находятся. 5) Составить описательную и сравнительную анатомію *placenta* всѣхъ различныхъ родовъ млекопитающихъ. 6) Представить критическое разсужденіе о лучшихъ средствахъ оплодотворить степи (или ланды) Кампины.

За рѣшеніе каждой изъ этихъ задачь назначается постоянная награда золотая медаль въ 600 фр. Рукописи могутъ быть писаны по-латинѣ, по-французски и по-фламандски, и должны быть представлены не позже 20 сентября нынѣшняго года.

Мюльгаузенское Общество Промышлености также назначило къ маю 1848 года задачи: (Замѣтимъ, что это Общество ежегодно назначаетъ очень-много задачь; но къ несчастію, оно не имѣетъ въ своемъ распоряженіи большихъ суммъ,—и потому награды его часто незначительны). 1) составить теорію приготовленія красной адріанопольской краски, (серебряная медаль). 2) открытіе какого-нибудь полезнаго процесса въ крашеніи тканей (бронзовая или серебряная медаль). Извѣстна польза въ этомъ случаѣ отъ хромокислыхъ солей; не дурно было бы также изслѣдовать, не можетъ ли дать другая какая-нибудь металическая соль подобныхъ же выгодныхъ результатовъ. Для примѣра, вотъ еще нѣсколько видоизмѣненій той же задачи: найдти вещество менѣе цѣнное и требующее менѣе издержекъ въ самомъ процессѣ, которое могло бы замѣнить мыло при крашеніи мареною или крапомъ; найдти новую краску для бумажныхъ тканей, сухую, основанную на слабыхъ кислотахъ и щелочахъ; найдти растительный зеленый отваръ, который бы не подвергался вліянію раствора олова и могъ бы служить зеленой краской для бумажныхъ, шерстяныхъ и шолковыхъ тканей; найдти средство сократить время, потребное для напитыванія масломъ бумажныхъ тканей и пряжи, приготовляемыхъ въ окраску красною адріанопольскою краскою. 3) Опредѣлить относительное достоинство кошенили (серебр. мед.). 4) Опредѣлить относительное достоинство кампешеваго дерева, получаемаго изъ разныхъ источниковъ (золот. мед.). 5) Опредѣлить таким же образомъ достоинство разныхъ бразильскихъ деревъ (золотая медаль). 6) Найдти металическій искусственный составъ для набивки валовъ при печатаніи тканей (золотая медаль). Искусственные составы, придуманные до-сихъ-поръ въ замѣнъ стали, для печатанія красками, сильно-насыщенными мѣдными и желѣзными растворами, достаточно сопротивляются дѣйствію этихъ растворовъ; но они слишкомъ мягки и не упруги, а потому скоро истираются, отъ чего потери бываетъ едва ли не болѣе, чѣмъ при употребленіи стали. 7) Найдти неплесневѣющую апретировку для печатныхъ бумажныхъ тканей. (серебр. медаль). 8) Найдти другое сгустительное вещество, взамѣнъ бенгальской камеди (золотая мед.). 9) Составить экстрактъ марены или крапа, менѣе цѣнный и равнаго достоинства съ самою мареною

(золот. мед.). 10) Опредѣлить, какое дѣйствіе производятъ разныя посторонніе для краски вещества, входящія въ составъ марены (золот. мед.). Хотя эта задача и предполагаетъ химическое разложеніе, но впрочемъ не требуетъ, чтобъ красильное вещество марены было отдѣлено въ совершенной чистотѣ; главная цѣль Общества — узнать настоящую причину потери въ красильномъ веществѣ при самомъ процессѣ крашенія; тогда легко пріискать противодѣйствующія этому средства. Соискатели должны изслѣдовать разные общеупотребительные роды марены, какъ-то: авиньйонскую, эльзасскую, голландскую и восточную марены. 11) Найдти легкій способъ опредѣлять всегда количество красильнаго вещества, заключающагося въ маренѣ (золот. мед.). Общество желаетъ указанія легкаго и доступнаго всякому мануфактуристу способа, для пробнаго опредѣленія достоинства покупаемой марены. Изслѣдованія должны быть дѣланы, по крайней-мѣрѣ, надъ тремя изъ вышеупомянутыхъ родовъ марены. 12) Открыть причины, отъ которыхъ иные стеклянные цилиндры или трубки лопаются, когда ихъ потрутъ даже очень-легко (бронз. мед.). Чтобъ замѣтить этотъ феноменъ, стóитъ только провести или ввести металлическую проволоку внутри трубки и положить ее спокойно на столѣ; иногда черезъ нѣсколько минутъ, иногда же черезъ полчаса или черезъ часъ, трубка лопается; то же бываетъ, если потереть трубку тряпкой, стекломъ и пр. Отъ-чего это происходитъ? Всѣ ли роды стекла подвержены этому, или только нѣкоторые? если такъ, то какіе именно? Отъ-того ли это, что стекло было скоро охлаждено? Или отъ-того, что оно вывѣтрилось? Или отъ-чего другаго? Хорошо было бы найдти средство устранять такія случаи. Можно ли, напримѣръ, достигнуть этого, продержавъ стекло въ кипяткѣ и пр.? 13) Найдти легкій и недорогой способъ приготовлять въ большомъ количествѣ окисленную воду, то-есть, двойную окись водорода Тенара (bioxide d'hydrogène de Thenard), (золот. мед.). Окисляющія тѣла играютъ такую важную роль въ красильномъ мастерствѣ, что окисленная вода, безъ сомнѣнія, будетъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно полезна и сильно подвинетъ впередъ фабричную промышленость. Хотя присужденіе наградъ будетъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года, но представленіе рукописей должно быть до 15 февраля.

— Общество благотворительной экономіи, основанное нынѣшней зимой въ Парижѣ г. виконтомъ Мелюномъ, дѣятельно занимается всѣми вопросами, касающимися до выгодъ неимущаго и рабочаго класса. Между прочими средствами, оно открыло, по предложенію члена г. Корменена, конкурсъ на разрѣшеніе слѣдующей задачи:

«Самый важный вопросъ, который вполнѣ заслуживаетъ теперь вниманіе экономистовъ и публицистовъ, самый неотлагательный, самый богатый послѣдствіями политическими, общественными, земледѣльческими, промышленными и финансовыми — есть безъ сомнѣнія отношеніе между производительностію для пропитанія народа и потребленіемъ.

«Если найдено, что народонаселеніе Франціи удвоивается чрезъ 138 лѣтъ, то чрезъ 34½ года во Франціи прибавится 10 мильйоновъ жителей; положимъ — всего будетъ, по меньшей мѣрѣ, до 46 мильйоновъ.

«Чтобъ знать положительно, сколько эти 10 мильйоновъ будутъ съѣдать зерноваго хлѣба, надо взять самое меньшее число потребленія, то есть, 3 гектолитра и 20 литровъ на каждаго человѣка, не разбирая ни пола, ни лѣтъ; чтó и даетъ, на 36 мильйоновъ человѣкъ, 115 мильйоновъ гектолитровъ.

«Если же чрезъ 34½ года во Франціи прибавится 10 мильйоновъ человѣкъ, то надо и хлѣба имѣть ежегодно по 31 или по 32 мильйона гектолитровъ болѣе.

«Доказано уже исчисленіями, слѣ-

ланными 26 лѣтъ назадъ, что ввозится во Францію первыхъ потребностей для продовольствія 21 мильйонъ гектолитровъ, и другими исчисленіями, сдѣланными 14 лѣтъ назадъ, что ввозъ скота во Францію производится на 114 мильйоновъ франковъ.

«Изъ этого слѣдуетъ, что Франція можетъ производить среднимъ числомъ не болѣе того количества продовольствія, которое необходимо для 36 мильйоновъ жителей.

«Итакъ, если вмѣсто 36 мильйоновъ, Франція должна будетъ прокормить 46 мильйоновъ, и если это увеличеніе требуетъ увеличенія въ продовольствіи до 31 или 32 мильйоновъ гектолитровъ, то надо изъискать, изъ какихъ источниковъ, какими средствами и какими трудами и работами Франція можетъ получить этотъ излишекъ.

«Не правда ли, что нѣтъ другой задачи въ политической экономіи, болѣе важной для конкурса, и раздѣленіе которой было бы полезнѣе и необходимѣе?»

Въ награду за лучшее сочиненіе на этотъ конкурсъ назначается золотая медаль въ 1,200 франковъ. Срокъ доставленія сочиненій — не позже 1-го марта 1848 года, а присужденіе награды будетъ сдѣлано въ маѣ того же года.

— Спѣшимъ передать читателямъ одну изъ самыхъ послѣднихъ новостей. Г. Венке, въ Дриссенѣ, тотъ самый, который открылъ планету Астрею, теперь (1 іюля) открылъ еще новую планету. Какъ-только извѣстіе это достигло до обсерваторій берлинской, гамбургской, альтонской и парижской, астрономы тотчасъ же принялись наблюдать ее, и, вотъ найденныя ими положенія новой планеты:

	Среднее время.	Прямое восхожденіе.	Южное склоненіе.
Берлинъ 5 іюля	10 ч. 12 м. 71 с.	256° 51′ 35,4″	4° 8′ 29,2″
Гамбургъ 6 —	12 — 25 — 54 —	256° 38′ 20.4″	4° 15′ 31,3″
Альтона 7 —	10 — 46 — 92 —	256° 27′ 50,9″	4° 22′ 8,0″
Парижъ 10 —	11 — 30 — —	255° 55′	4° 43′
Парижъ 11 —	10 — 47 — 152 —	255° 44′ 56,7″	4° 47′ 9,6″

Сравнивая оба парижскія наблюденія, находимъ для суточнаго движенія величины прямаго восхожденія 9′39″, а склоненія 4′24″. Разстояніе ея отъ солнца, по-видимому, болѣе нежели 2°

— Еще извѣстіе о планетѣ, открытой г. Леверрье. Г. Уильямъ Лассель пишетъ изъ Ливерпуля, что онъ, 9-го іюля, открылъ одного спутника у Нептуна.

— Вотъ содержаніе недавно читанной въ Парижской Академіи г. Станиславомъ Жюльеномъ записки, имѣющей отношеніе къ Китаю.

Многіе изъ знаменитыхъ ученыхъ долго доискивались и не могли доискаться настоящей причины явленія, которое доставило извѣстному роду приготовляемымъ въ Китаѣ зеркалъ названіе *магическихъ*. Даже въ самой странѣ, гдѣ ихъ приготовляютъ, никто изъ Европейцевъ не могъ добиться ни отъ фабрикантовъ, ни отъ ученыхъ, достаточныхъ объ этомъ свѣдѣній, потому-что проникшіе случайно въ эту тайну не открываютъ ея, а другіе — не имѣютъ о ней никакого понятія. Станиславъ Жюльенъ много разъ находилъ въ китайскихъ книгахъ подробности о подобныхъ зеркалахъ; но эти подробности все-таки не могли удовлетворить жадному любопыству ученыхъ, или потому-что изложены неосновательно, или потому-что самъ авторъ чистосердечно признавался, что это любопытное явленіе есть случайное открытіе, изъ котораго нѣкоторые фабриканты сдѣлали себѣ монополію. Такая странная скрытность становится очень-понятною, когда сообразишь, что зеркала, производящія это особенное явленіе, продаются въ десять и двадцать разъ дороже обыкновенныхъ.

Большое зеркало этого рода есть у

маркиза Ла-Гранжа, члена Академіи Надписей. На задней сторонѣ этого зеркала, которая почти вся окислена (заржавлена), находятся четыре большія слова гладкія, т. е. безъ выпуклостей, подъ которыми металлъ гораздо блѣднѣе всей остальной части диска. На правой сторонѣ слово *шоангъ* (два), на лѣвой — *кинъ* (металлъ, металлическій), внизу слово довольно неясное — *шеу* (долговѣчность); слово, находящееся на верху, прикрыто слоемъ окиси. Вѣроятно это было *фу* (счастіе), которое всегда ставится въ видѣ желанія при словѣ *долговѣчность*.

Въ центрѣ зеркала видны двѣ вертикальныя линіи, состоящія каждая изъ пяти маленькихъ буквъ, имѣющихъ слѣдующій смыслъ: (правая линія) *изображеніе чрезвычайно-правильное и чистое;* (лѣвая линія) *при ясномъ солнцѣ* (четыре большія) *слова раждаются сами собою,* т. е. они являются сами-собою и ясно отдѣляются на поверхности полированнаго диска (на лицевой сторонѣ).

Станиславъ Жюльенъ, излагая Академіи замѣчанія объ этихъ зеркалахъ, присовокупляетъ: «Неостанавливаясь болѣе на этомъ предметѣ, спѣшу представить академіи буквальный переводъ китайскаго описанія, довольно обширнаго, который я нашелъ въ энциклопедіи подъ названіемъ *Кетши-Кингъ-Юнъ*. Надѣюсь, что этотъ отрывокъ будетъ *для всѣхъ* занимателенъ». — Мы, съ своей стороны, спѣшимъ представить на судъ нашимъ читателямъ, въ какой степени была справедлива надежда г-на Жюльена. Вотъ въ чемъ состоитъ приведенный имъ китайскій отрывокъ:

«*Теу-Куангъ-Кинъ* или *зеркала удобно проникаемыя свѣтомъ* (названіе, происходящее отъ ошибочнаго народнаго мнѣнія). Если навести солнечные лучи на полированную поверхность такого зеркала, то слова или цвѣта, которыя въ выпукломъ видѣ находятся на его задней сторонѣ, представятся ясно въ отраженіи.

«Тшинъ-Куо (знаменитый писатель половины XI столѣтія) говоритъ объ нихъ съ удивленіемъ въ своихъ запискахъ, подъ заглавіемъ *Монгъ-Ки-Пи-Тангъ;* поэтъ Кинъ-Ма прославлялъ ихъ въ стихахъ; но до временъ монгольскихъ императоровъ ни одинъ изъ писателей не могъ объяснить этого явленія. У-Твей-Хингу, жившему въ царствованіе Монгольской династіи между 1260 и 1341 годами, первому принадлежитъ эта заслуга. Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ предметѣ:

«Если поставить одно изъ такихъ зеркалъ прямо противъ солнца и посредствомъ отраженія представится на ближайшей стѣнѣ форма его диска, то на ней ясно будутъ видны украшенія или слова, выпукло изображенныя на задней сторонѣ зеркала. Вотъ причина явленія, заключающаяся въ точномъ употребленіи чистой и грубой мѣди. Когда, при выдѣлкѣ зеркала, вылитъ будетъ на оборотѣ его, на-примѣръ, драконъ, согнутый въ видѣ кольца, тогда на лицевой сторонѣ глубоко вырѣзываютъ совершенно такого же дракона. Потомъ довольно грубой мѣдью наполняютъ углубленія и соединяютъ этотъ новый металлъ съ первымъ, который долженъ быть гораздо чище послѣдняго, подвергая зеркало дѣйствію жара. Послѣ чего сглаживаютъ и равняютъ поверхность диска и наводятъ на нее легкій слой свинца (олова?).

Теперь, если обратить къ солнцу полированный дискъ, такимъ-образомъ приготовленнаго зеркала и отразить его форму на стѣнѣ, то на ней ясно представятся темныя и свѣтлыя тѣни, которыя происходятъ — однѣ отъ частей болѣе чистой мѣди, другія — отъ частей болѣе грубой.»

У-Твей-Хингъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ зеркало подобнаго рода, разбитое на мелкіе куски и, разсматривая ихъ, дошелъ до описываемаго заключенія.

«Мы обязаны (прибавилъ членъ академіи баронъ Сегье) г-ну маркизу Ла-Гранжу возможностію представить членамъ академіи одно изъ такихъ ме-

таллическихъ зеркалъ, и думаемъ, что оно доставитъ болѣе занимательности, именно въ тотъ день, когда г. Жюльенъ будетъ представлять академіи свой переводъ китайскаго сочиненія, объясняющаго, посредствомъ какихъ металлургическихъ процессовъ, китайскіе артисты получаютъ изображенія, производимыя отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ этихъ зеркалъ.

«Если вникнуть, не представляетъ ли наша промышленость чего-нибудь подобнаго тому, что получаютъ Китайцы, слѣдуя описанной методѣ, употребляя металлы съ различною степенью примѣсей, то мы найдемъ, что въ приготовленіи цилиндровъ для набивки матерій случается часто, что слѣды рисунковъ, находящихся на поверхности цилиндра, остаются еще и тогда, когда цилиндръ будетъ убавленъ въ діаметрѣ для уничтоженія углубленій стараго рисунка. — Подобное же явленіе замѣчаемъ, когда сбивъ выпуклости на монетѣ или медали, отполировать ее. Разность плотности между частями, не одинаково сдавленными отъ ударовъ во время чекана, служитъ причиною замѣчаемыхъ контуровъ уже несуществующаго рельефа.

То же бываетъ даже и при пиленіи дерева. Это свойство матеріи измѣнять видъ отъ частичныхъ измѣненій при неравномъ сжиманіи, дало начало искусству превращать гладкое дерево въ волнистое и съ крапинами, подвергая его простому частичному давленію. Но между этими искусственными операціями и любопытными явленіями, производимыми Китайцами, существуетъ та разность, что въ однихъ — изображенія остаются всегда видимыми, а въ другихъ — являются только среди отраженныхъ лучей, оставаясь нисколько незамѣченными на зеркалѣ даже во время самаго отраженія. Опыты по описанію, приведенному г-мъ Жюльеномъ, покажутъ намъ, не имѣетъ ли вліянія на это явленіе легкій слой полуды, которымъ Китайцы покрываютъ поверхность металлическихъ зеркалъ, называемыхъ магическими, скрывая отъ глаза рисунки, которые дѣлаются ясными отъ разнообразнаго отраженія солнечныхъ лучей.

— Не такъ давно въ «Mining-Journal» объявлялось объ успѣшномъ произведеніи на островѣ Вейтѣ одного опыта надъ электрическимъ телеграфомъ, изобрѣтеннымъ г-мъ Ноттомъ. Быстрое, превосходное сообщеніе было устроено между восточнымъ и западнымъ берегомъ бухты Ковъ посредствомъ простой желѣзной проволоки, проведенной подъ водою. Телеграфы были устроены одинъ въ гостинницѣ Медина, другой на противоположномъ берегу канала, въ гостинницѣ Фонтана. Сигнальные колокольчики вдругъ зазвонили и телеграфы начали свое дѣйствіе, чрезъ вопросы и отвѣты, съ удивительной точностью и вѣрностью, съ помощью слабой гальванической батареи. Такимъ образомъ доказано, что простая, одинокая проволока, проходя сквозь воду, передаетъ электрическій токъ на пол-мили, т. е. на 800 метровъ. Вода возвращаетъ токъ къ его началу безъ малѣйшей потери силы. Опытъ этотъ показалъ возможность подводныхъ сообщеній, и вопросъ о нихъ можно считать разрѣшеннымъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Трудно исчислить тѣ удивительныя слѣдствія, которыя обѣщаетъ эта новость. Мгновенное сообщеніе можетъ утвердиться между мѣстами, раздѣленными рукавами морей и устьями рѣкъ; острова сблизятся съ материками, и между ними возстановится непрерывное сообщеніе.

Помѣщенный въ томъ же журналѣ отчетъ объ опытахъ, произведенныхъ въ Лондонѣ надъ электрическимъ типографическимъ телеграфомъ г. Бретта, еще яснѣе представляетъ результаты, которыхъ можно ожидать отъ электрическихъ телеграфовъ.

«До-сихъ-поръ» говоритъ «Mining-Journal»: «электрическій телеграфъ ограничивался сообщеніемъ словесныхъ порученій посредствомъ линій,

начертываемыхъ имъ на указательномъ циферблатѣ, и потому польза отъ него была очень ограничена. Г. Бреттъ показалъ намъ приборъ, съ помощью котораго два лица могутъ вести послѣдовательный разговоръ, точный, безошибочный, не смотря ни на какое разстояніе земли или моря. На одномъ концѣ телеграфической проволоки находится маленькій ящикъ, содержащій въ себѣ рядъ клавишей, подобныхъ фортепьяннымъ; на клавишахъ расположены 87 буквъ въ азбучномъ порядкѣ. Эти клавиши желѣзною проволокою соединены съ типографскою машиною, устроенною на другомъ концѣ. Машина эта имѣетъ колесо, на окружности котораго находятся буквы, соотвѣтствующія буквамъ на клавишахъ; слабаго электрическаго тока достаточно, чтобъ привести этотъ механизмъ въ движеніе, и въ одинъ и тотъ же моментъ, когда на одномъ концѣ телеграфа тронутъ клавишу съ извѣстной буквой, на другомъ соотвѣтствующая буква печатается отъ движенія колеса и звенитъ звонокъ, извѣщающій о началѣ переговоровъ. Переписки печатаются на свертке бумаги неопредѣленной длины, и по отпечатаніи извѣстнаго извѣщенія, конецъ свертка, на которомъ оно умѣстилось, отрѣзывается.

Морская линія, изобрѣтенная тѣмъ же г. Бреттомъ, также проста и удобоисполнима; съ помощію ея, извѣстіе изъ Лондона можетъ быть мгновенно напечатано въ Дублинѣ, Парижѣ, Берлинѣ и друг. Получившіе на нее привилегію соединились съ домомъ Ливингстонъ, Вельсъ и Комп. въ Нью-Йоркѣ, для сооруженія телеграфическихъ линій длиною на 4000 миль. Эти линіи быстро идутъ къ окончанію; части, уже приведенныя въ дѣйствіе, подаютъ блестящія надежды и устроителямъ и публикѣ. Полагаютъ, что въ будущемъ декабрѣ работы будутъ окончены отъ Галифакса вдоль всей Верхней и Нижней Канады, черезъ Ніагару до Нью-Йорка, а потомъ до Вашингтона и Новаго-Орлеана. Такимъ образомъ, когда корабль пристанетъ къ одному изъ этихъ портовъ, привезенныя имъ извѣстія вдругъ пробѣгутъ чрезъ весь огромный материкъ и вездѣ въ одну минуту отпечатаются посредствомъ 87 буквъ. — Одна линія была проведена чрезъ Аллеганскія-Горы и дѣйствовала превосходно между Филадельфіею и Питтсбургомъ на пространствѣ 320 миль. Питтсбургскіе журналы публиковали пренія вечерняго конгресса на другой день поутру; то же происходитъ съ извѣстіями большихъ прибрежныхъ городовъ Атлантическаго-Океана. Отношеніе губернатора законодательному сословію въ Нью-Йоркѣ отъ 7 января, напечатанное на двухъ столбцахъ съ половиною компактной печати, было публиковано въ Нью-Йоркѣ чрезъ два часа и передано отъ-слова-до-слова. Нѣтъ сомнѣнія, что приборъ г. Бретта превзойдетъ теперешнюю систему телеграфическаго сообщенія по его огромнымъ преимуществамъ. Вотъ перечень выгодъ этого новаго изобрѣтенія:

1) Непосредственное сообщеніе повелѣній и депешей правительства во всѣ пункты государства и немедленное полученіе на нихъ отвѣтовъ, печатныхъ и безъ малѣйшей ошибки. 2) Доставленіе дѣловыхъ сообщеній всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ, купцамъ, негоціантамъ, банкирамъ — за извѣстную, однажды-опредѣленную цѣну, посредствомъ телеграфа, всѣ вѣтви котораго соединялись бы въ одномъ мѣстѣ, напр., въ Лондонѣ. Эти сообщенія, отпечатанныя на бумагѣ, будутъ вкладываться въ конверты, надписываться довѣренными чиновниками и разноситься назначенными для того курьерами изъ конторы полученія. 3) Преимущества этой системы, приспособленныя къ полиціи, арміи и флоту на всемъ пространствѣ соединеннаго королевства, принесли бы большую пользу правительству. Посредствомъ предписаній, мгновенно всюду разосланныхъ, движенія силъ

народныхъ могутъ быть направлены на одну извѣстную точку въ самое короткое время. Другія выгоды представляются сами собою, при мысли о сообщеніи между всѣми прибрежными мѣстами, маяками, островами, и проч. Можно знать посредствомъ телеграфовъ положеніе дѣлъ во всякое время на всемъ пространствѣ государства, что часто бываетъ нужно для пользы морской службы, для прекращенія контрабанды, и проч.

—Вотъ нѣсколько извѣстій для агрономовъ:

Молодой докторъ г. Барà, придумалъ плугъ или лучше—систему паханія съ помощью паровъ, которая обѣщаетъ превосходные результаты, особенно въ большихъ хозяйствахъ. Изобрѣтатель приводилъ уже въ дѣйствіе такой приборъ въ двѣ силы, который, подвигаясь впередъ по пашнѣ, ворочалъ ее съ величайшею точностью. Два станка, вооруженные каждый пятью лемехами, дѣйствуютъ послѣдовательно, подымая землю на глубину отъ 30 до 40 центиметровъ, и превращая ее въ тонкую пыль, на подобіе перегорѣлаго позема. Стòитъ только уничтожить одинъ изъ станковъ съ лемехами, чтобъ пахать на обыкновенную глубину.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Франціи одинъ опытъ, теперь уже забытый, надѣлалъ много шума. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ сѣять пшеницу на не вспаханномъ полѣ, покрывъ только посѣянныя семена соломою. Теперь появилась въ Англіи подобная же система, но приложенная къ лугамъ: поверхность луговъ покрываютъ хворостомъ, верескомъ или соломою; трава, защищенная такимъ образомъ отъ жара и отъ холода, растетъ во всякое время года. Лугъ, покрытый въ-теченіи мѣсяца, раскрываютъ и оставляютъ въ-продолженіи двухъ дней подъ вліяніемъ свѣта и воздуха, потомъ онъ поступаетъ подъ пастбище, а спустя нѣкоторое время его снова закрываютъ, чтобъ по истеченіи мѣсяца опять сдѣлать годнымъ для выгона скота. По словамъ изобрѣтателя, самый выгонъ скота на этотъ лугъ значительно улучшаетъ его. Онъ вычислилъ, что одинъ гекторъ (около десятины), съ помощью этой методы, приноситъ корму болѣе 6,000 килограммовъ. Такимъ образомъ, можно получать весною самыя раннія пастбища. Понятно, что покрышка не должна быть очень-густа; для этого обыкновенно употребляютъ еловыя или сосновыя вѣтви, тростникъ, мелкій валежникъ. Количество матеріала, нужное для прикрытія луга, можетъ, однакожь, испугать испытателей. Авторъ полагаетъ его до 1500 связокъ на гекторъ, и потому это средство годится только для улучшенія лужковъ въ садахъ и паркахъ.

— Г. Кетлé, писавшій о климатѣ Бельгіи, представилъ Бельгійской Академіи новый трудъ свой о періодическихъ явленіяхъ въ растительномъ царствѣ. Онъ излагаетъ результаты наблюденій, сдѣланныхъ имъ въ Брюсселѣ, съ 1839 года надъ облиствененіемъ, разцвѣтаніемъ, созрѣваніемъ плодовъ и опаденіемъ листьевъ. Другая часть сочиненія посвящена разсмотрѣнію подобныхъ же наблюденій, сдѣланныхъ со времени Линнея до-сихъ-поръ, въ томъ числѣ и изслѣдованія надъ главными точками земнаго шара, произведенныя по однообразному плану, утвержденному Брюссельскою Академіею. Мѣста, на которыхъ дѣлались эти наблюденія, суть: Брюссель, Лувенъ, Гентъ, Литтихъ, Брюгге, Остенде, Утрехтъ, Вухтъ, Лейденъ, Гронингенъ, Лохемъ, Парижъ, Дижонъ, Валонь, Лондонъ, Сваффгамъ, Полперро близь Плимута, Макерстоунъ въ Шотландіи, Лозанна, Венеція, Парма, Гвасталла, Мюнхенъ и Штеттинъ.

Главныя заключенія г. Кетлé слѣдующія:

1) Значительное число внѣшнихъ причинъ дѣйствуетъ на разнообразіе періодическихъ явленій растительно-

сти; изъ всѣхъ этихъ причинъ самая дѣйствительная въ нашемъ климатѣ— температура.

2) Можно полагать, что успѣхи произрастанія пропорціональны суммѣ температуръ, или скорѣй суммѣ квадратовъ температуръ, считая отъ точки замерзанія, съ минуты пробужденія растеній, послѣ зимняго сна.

3) Зимніе холода, не разстраивая конструкціи растеній, особенно когда земля была покрыта снѣгомъ, не производитъ значительныхъ замедленій въ послѣдовательномъ развитіи растеній. Надо, однакожь, обратить вниманіе на дѣйствія, которыя бы они могли произвести, особенно на состояніе растенія при началѣ зимняго сна, состоянія относящагося къ извѣстной суммѣ полученныхъ температуръ. Когда дѣло идетъ о зрѣлости жатвъ и вообще растеній, которыя растутъ подъ вліяніемъ солнца, надо совѣтоваться съ термометромъ, также подверженнымъ вліянію солнца, а не находящимся въ тѣни, какъ обыкновенно это дѣлаютъ.

4) Температуры ночей нельзя сравнивать съ температурами дня, что доказывается вліяніемъ, производимымъ ими на растенія. Надо также брать во вниманіе количество свѣта, получаемое растеніями.

5) Широта сѣвернѣе однимъ градусомъ производитъ почти то же замедленіе, какъ высота болѣе, чѣмъ въ 100 метровъ, т. е. замедленіе, которое въ нашихъ климатахъ доходитъ почти до четырехъ дней. Этотъ результатъ можно разсматривать какъ нѣчто среднее между количествами, измѣняющимися въ-продолженіи цѣлаго года Разницы широты и высоты только потому дѣйствительны, что причиняютъ разныя температуры.

6) Правильныя измѣненія температуръ благопріятны для произрастанія, также и возвышенныя равнины, гдѣ дѣйствіе лучей можетъ быть дѣйствительнѣе.

7) Изантезическія линіи, или линіи одновременнаго разцвѣтанія не сохраняютъ параллелизма въ разныя времена года, такимъ-образомъ, полоса на земномъ шарѣ, на которой въ одинъ и тотъ же день цвѣтутъ сирени, десять дней спустя проходитъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ повторяется тоже явленіе. Однако, поясъ, находящійся между этими линіями, не вездѣ одинаковой ширины на всемъ своемъ протяженіи, какъ это бываетъ съ поясомъ, находящимся между двумя параллелями. Онъ даже непостояненъ, потому-что спустя мѣсяцъ, на-примѣръ, линіи изантезическія будутъ имѣть совершенно другую форму, и мѣста, которыя въ-отношеніи къ другимъ отставали, могутъ быть впереди.

8) Паденіе листьевъ есть явленіе, которое въ нашемъ климатѣ зависитъ столько же отъ настоящей температуры, сколько и отъ предшествовавшей. Оно бываетъ обыкновенно слѣдствіемъ первыхъ осеннихъ холодовъ.

Изъ таблицъ, приложенныхъ къ сочиненію г. Кетлѐ слѣдуетъ, что первые слѣды оживленія растеній послѣ зимы, обнаруживаются на западномъ берегу Англіи двадцатью или тридцатью днями ранѣе, чѣмъ въ Бельгіи и почти въ одно и то же время, какъ на сѣверѣ Италіи и на югѣ Франціи; но въ эпоху разцвѣтанія, эта неровность исчезаетъ, когда же приходитъ время созрѣванія плодовъ, то преимущество переходитъ даже на сторону Бельгіи. Брюссель опережаетъ Берлинъ въ эпохахъ облиствененія и разцвѣтанія двадцатью днями, почти такая же разница представляется на сѣверѣ Германіи. Она возвышается до мѣсяца для юга Швеціи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и до двухъ мѣсяцевъ для Лапландіи.

Въ-отношеніи же къ Пармѣ и Венеціи, Брюссель опаздываетъ нѣсколькими днями въ облиствененіи, а въ эпоху созрѣванія плодовъ отстаетъ даже на пятьдесятъ дней.

— Заключимъ агрономическія вѣсти примѣромъ общественной заботливо-

сти объ усовершенствованіи земледѣльческаго класса.

Кредитъ въ мильйонъ франковъ, назначенный для бюджета 1847 года по статьѣ *Поощреніе Земледѣлія во Франціи*, увеличился стами тысячами франковъ на 1848 годъ, съ цѣлію содѣйствовать устройству учебныхъ фермъ. Въ этихъ заведеніяхъ молодые крестьяне найдутъ практическое преподаваніе, которое сдѣлаетъ изъ нихъ трудолюбивыхъ, смышленыхъ работниковъ, арендаторовъ и дѣльныхъ фермеровъ. Новыя системы, улучшенное земледѣліе, усовершенствованные инструменты— могутъ такимъ образомъ распространиться въ имѣніяхъ.

Планъ, начертанный г. Кюненъ-Гриденомъ, удобоисполнимъ и обѣщаетъ богатыя послѣдствія. Ученики фермъ будутъ допускаемы къ состязанію съ избранными воспитанниками начальныхъ сельскихъ школъ. Школы земледѣлія должны, по его плану, исключить всякое безполезное многословіе, придерживаться болѣе-практической стороны, чѣмъ тщательнаго преподаванія, и присоединить прямой, положительный трудъ къ наставленіямъ учителей. Въ этихъ фермахъ устраняется роскошь образцовыхъ фермъ, но обращается вниманіе на новѣйшіе и правильные пріемы земледѣлія. Въ каждомъ департаментѣ школа должна быть приспособлена къ мѣстной сельской промышлености, чтобъ способствовать ея развитію. Правительство здѣсь не должно быть ни владѣльцемъ, ни пріобрѣтателемъ, оно должно содѣйствовать успѣхамъ заведенія, направлять ихъ, между-тѣмъ, какъ генеральный совѣтъ департамента будетъ то же дѣлать съ своей стороны. Съ малой суммой денегъ можно такимъ образомъ привести много добра и въ значительномъ размѣрѣ. Расходъ каждой школы исчисленъ въ 10,300 франковъ, на содержаніе 24 воспитанниковъ (по 250 франковъ на каждаго), на директора, профессора, отвѣтственнаго надзирателя, начальника практическихъ работъ и ветеринара.

Сверхъ-того, капиталъ, составленный примѣрно изъ 75 франковъ на ученика, ежегодно, будетъ распредѣляемъ по мѣрѣ способностей и усердія молодыхъ работниковъ и, возрастая въ-продолженіи трехъ учебныхъ лѣтъ, составитъ каждому изъ нихъ маленькую собственность при выходѣ.

— А вотъ что дѣлается въ заграничныхъ литературахъ:

Читавшій нѣкогда въ Парижѣ публичныя лекціи испанской литературы г. Дама-Гинаръ (Damas-Hinard) издалъ нынѣ, въ составѣ извѣстной Библіотеки Шарпантье, новый переводъ сервантесова «Донъ-Кихота» Всѣ журналы говорятъ объ этомъ переводѣ, какъ о трудѣ классическомъ.

— Г. Ламартинъ уже задумываетъ новый трудъ – *Исторію французскаго флота*,—такъ, по-крайней-мѣрѣ, пишетъ журналъ *La Flotte*, сообщая одинъ отрывокъ изъ «Исторіи Жирондистовъ». Извѣстіе это было повторено всѣми парижскими журналами; но *Le Bien public* опровергаетъ ихъ, говоря, что Ламартинъ уже заключилъ условіе съ книгопродавцами-издателями о новомъ продолженіи «Исторіи Жирондистовъ», которое должно заключать въ себѣ исторію Законодательнаго собранія до смерти Мирабо, и Директоріи до 18 брюмера. Le Bein public прибавляетъ, будто эти 6 томовъ запроданы за 400,000 франковъ.

— Г. Кретино-Жоли издалъ недавно книгу *Климентъ XIV и Іезуиты*. Это разсказъ полный новыхъ, неизвѣстныхъ еще подробностей, о мѣрахъ для уничтоженія ордена іезуитовъ; разсказъ, составленный изъ секретныхъ переписокъ кардинала Берни, герцога Шуазеля, Помбаля, Роды, Кампоманеса, Флориды, Бланки и проч., конклавъ, утвердившій Ганганелли папой и время правленія его церковью,—все это, бывшее для насъ темнымъ, въ этомъ сочиненіи объяснено и доказано. *Facsimile* нѣсколькихъ автогра-

фовъ подтверждаютъ сказанія автора. Исторія эта служитъ важнымъ дополненіемъ къ *Исторіи Іезуитскаго Ордена* того же автора, который извѣстенъ также *Военной Исторіей Вандеи*. Новое сочиненіе его много прибавляетъ къ свѣдѣніямъ нашимъ о XVIII вѣкѣ.

— Не знаемъ, что за книгу составилъ г. Луи Люринъ, то-есть, не знаемъ, имѣетъ ли она значеніе дѣльной книги, но, судя по заглавію и по картинкамъ, которыми она украшена, можно сказать, что это очень-интересное для легкаго чтенія, бельлетристическое произведеніе, и въ парижской публикѣ оно имѣетъ большой успѣхъ. Это: *Histoire secrète et publique de la police ancienne et moderne*. Напротивъ, слѣдующая книга въ высшей степени достойна вниманія, какъ дѣльное сочиненіе: *Histoire authentique des Traités de 1815 dans leurs Rapports avec la Restauration et la revolution de Juillet, par Capefigue*.

— Прекрасное изданіе — *Французскій Плутархъ* — приведено къ концу. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ находится особенно - замѣчательная біографія Мирабо, написанная Низаромъ. Если похвалы французскихъ газетъ этой біографіи не преувеличены, то статья эта будетъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ, краснорѣчивыхъ историческихъ сочиненій послѣдняго времени. Послѣдній томъ «Французскаго Плутарха» заключаетъ въ себѣ притомъ много занимательныхъ біографій: Кондорсе, Клебера, Массены, Моро, Наполеона, Бернардена - де-Сен-Пьерра, г-жи Сталь, Кювье, Делиля, Андрея Шенье, Людовика XVI, Гоша, Прюдона, Биша, Тальмы, Богарне, Лавуазье, Лапласа, Давида, Гро, Гретри, Мегюля и пр. Все изданіе состоитъ изъ 6 томовъ съ 180 біографіями, столькимъ же числомъ портретовъ во весь ростъ, и стоитъ по 16 франк. за томъ.

— *Grand Dictionnaire italien français et français italien*, 2 très gros volumes in 4°: 45 франковъ—книга, составленная Іосифомъ Барбьери, дополненная и оконченная Басти и Чератли, и заслужившая полное одобреніе французскаго королевскаго совѣта народнаго просвѣщенія.

— Сынъ романиста А. Дюма, также Александръ Дюма, издалъ свои стихотворенія. Журналы парижскіе не нахвалятся его книжкою, а Викторъ Гюго написалъ автору слѣдующее письмо, вмѣсто паспорта на Парнасъ:

«Какая несправедливость и несообразность: вчера вы меня не застали дома, а я нахожу васъ каждое утро, каждый вечеръ на своемъ столѣ,—въ этой книгѣ, гдѣ и вы, и вашъ отецъ, и грація, и поэзія, и воображеніе, и столько яснаго свѣта! Вы назвали свои стихи *Предисловіемъ жизни*, вѣрнѣе— это разсвѣтъ жизни, потому-что прелестная книжка ваша и чиста, и бѣла, и грустна.

«Вотъ рука моя вамъ, какъ собрату, и объятія—какъ сыну.

«Викторъ Гюго».

— Испанія играла прежде слишкомъ важную роль въ Европѣ, а полной и вѣрной исторіи ея мы еще не имѣемъ; поэтому всеобщее вниманіе обращено на *Исторію Испаніи*, составленную Карломъ Ромеемъ. Недавно вышелъ 7-й томъ этого сочиненія; все оно будетъ состоять изъ 12 томовъ.

— *Encyclopedie du XIX Siècle* идетъ съ большимъ успѣхомъ: изъ числа 52 томовъ, изъ которыхъ будетъ состоять все изданіе, 29 уже вышли. Каждый томъ стоитъ 7 франковъ. Это изданіе заключаетъ въ себѣ множество біографій и болѣе 2000 гравюръ; безъ сомнѣнія, это будетъ самая полная энциклопедія.

— Въ настоящее время Англичане рѣшительно владѣютъ почти всѣмъ Востокомъ. А прежде въ Индіи господ-

ствовали болѣе Французы: потому книга, объясняющая и французское и англійское управленія и ихъ соперничество, конечно должна быть интересна для публики. Г. Луи Германнъ издалъ нынѣ, по бумагамъ родственника своего Антуана Германа, бывшаго генеральнымъ французскимъ консуломъ въ Лондонѣ, сочиненіе подъ названіемъ: *Histoire de la Rivalité des Français et des Anglais dans l'Inde*.

— Книгопродавецъ - издатель Аміо издалъ недавно нѣсколько книгъ, изъ которыхъ особенно приняты публикою: *Etudes sur l'Espagne par Philarete Chasles; Cromwell, par le même* (это самая полная біографія); *Devoirs et conditions sociales des femmes dans le mariage*, *par. Brunet* и *Les Suèdois depuis Charles XII jusqu'à Oscar 1-er par. Beaumont-Vassy*.

— Вотъ новость, которая, конечно, обрадуетъ всѣхъ, занимающихся спеціально какою-нибудь наукою. Парижъ и французскій институтъ, безъ сомнѣнія, центръ Европы въ отношеніи новыхъ ученыхъ извѣстій и открытій, и вообще всего хода наукъ. Лекціи профессоровъ Королевскаго Французскаго Университета дѣйствительно заключаютъ въ себѣ все, что наука представляетъ новаго, и г. Эженъ Боззи де - Лафоли предпринялъ издавать: *Journal des cours publics et leçons orales de l'université royale de France*, по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, болѣе нежели во сто страницъ, съ рисунками, чертежами, таблицами и портретами. Въ настоящее время, обыкновенной подписки еще не объявлено; но какъ для всего предпріятія нуженъ капиталъ, то приглашаются акціонеры для взноса по 250 фр. за акцію. Владѣтель одной акціи получаетъ за первый годъ даромъ журналъ, и притомъ остается владѣтелемъ акціи, на которую будетъ получать до двадцати процентовъ; владѣтель четырехъ акцій будетъ получать журналъ безденежно десять лѣтъ и также проценты каждый годъ. Во всякомъ случаѣ, акція будетъ имѣть обыкновенную свою цѣнность, какъ и въ другихъ компаніяхъ. Мы не приводимъ именъ всѣхъ профессоровъ, которые будутъ помѣщать свои лекціи въ этомъ журналѣ, потому-что ихъ очень-много; скажемъ только, что всѣ науки богословскія, юридическія, философскія, филологическія, медицинскія, естественныя и физико-математическія находятъ тутъ своихъ знаменитыхъ представителей.

— Авторъ *Сына Тайны*, Поль Феваль, издалъ новый романъ въ двухъ частяхъ *Les Bandits*.

— Книгопродавецъ Бодри сдѣлалъ подарокъ для любителямъ итальянской литературы; онъ издалъ огромное собраніе (въ числѣ 300) повѣстей большой части итальянскихъ писателей (46-ти), подъ названіемъ: *Novellieri italiani antichi e moderni*. Не станемъ перечислять другихъ многочисленныхъ изданій того же г. Бодри; но упомянемъ еще о *Tesoro de Novelistas españoles antiguos y modernos*, которое, вмѣстѣ съ предъидущимъ, составляетъ пріятную группу для библіотекъ.

— Мы намѣрены сказать читателямъ о нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ; конечно, это не новости, относящіяся къ прошедшему мѣсяцу, но все-таки это изданія, еще недавно существующія, чрезвычайно занимательныя въ литературномъ, ученомъ и даже политическомъ отношеніяхъ, притомъ, изданія, которыя еще мало знакомы русской публикѣ. Журналъ: *Le Dimanche* выходитъ разъ въ недѣлю въ 96 столбцовъ текста съ гравюрами и иллюстраціями, и стоитъ въ Парижѣ 18 франковъ; редакторы его: Викторъ Гюго, Карръ, Фредерикъ Сулье, Поль Феваль, Жюль Жаненъ, Роже де-Бовуаръ и Альбертъ-Вторый. Въ каждомъ нумерѣ около двадцати гравюръ, нотъ, загадокъ, и проч. Каждый годовой подписчикъ получаетъ теперь еще десять альбомовъ или галерей съ портретами и разными ри-

сунками, которыя уже были оттиснуты въ прежнихъ годахъ журнала.—Это журналъ истинно-гостинный—все въ немъ есть. Мы думаемъ, что русскому помѣщику, у котораго большое семейство и много родныхъ въ домѣ, не найдти лучшаго средства для удовлетворенія всѣмъ разнороднымъ вкусамъ, какъ только выписать этотъ журналъ. Но виноваты, однимъ журналомъ *Dimanche* не должно ограничиваться: надо прибавить къ нему другой также еженедѣльный—*La Semaine*, издающійся совершенно въ той же формѣ, по той же программѣ, какъ *Dimanche*; серьёзная часть журнала *La Semaine* серьёзнѣе и дѣльнѣе. Этотъ журналъ стòитъ 24 франка въ годъ въ Парижѣ. Не можемъ умолчать и о журналѣ *Le Voleur, cabinet de lecture*. Онъ также относится къ категоріи двухъ предъидущихъ; выходитъ черезъ каждыя пять дней и стòитъ въ Парижѣ 48 франковъ. Недавно *Le Voleur* сдѣлалъ прекрасное улучшеніе въ-самомъ-себѣ, или дополненіе: онъ издаетъ черезъ каждыя полгода *Ephemerides contemporaines*, въ которыхъ всѣ политическія событія приведены изо-дня-въ-день, безъ малѣйшихъ фразъ и разсужденій, — такимъ-образомъ, эти полугодовые сборники политическихъ извѣстій могутъ служить весьма-полезными книжками для справокъ, а для людей нечитающихъ ежедневно газетъ и полнымъ политическимъ журналомъ.

— Вотъ еще новое изданіе: *Bibliotheque de poche; variétès curieuses de l'histoire, de la litterature et des arts en 10 volumes portatifs à 3 francs*. Это библіотека всего-и-всего, чтò нужно знать и чтò можно разсказать свѣтскому человѣку въ обществѣ.

— *Henry de Cock* и *Elie Berthet* издали два романа: первый — *Lorettes et Gentilshommes*, второй — *Le pacte de Famine*.

— Г. Тьоръ напечаталъ седьмой томъ своей Исторіи Консульства и Имперіи, чтò, можетъ-быть, читателямъ уже извѣстно; но теперь, вѣроятно, сочиненіе это пріостановится, потому-что авторъ намѣренъ на дняхъ отправиться въ Италію, для собиранія разныхъ документовъ, необходимыхъ для приведенія къ концу всего сочиненія.

— Вышла: *Histoire de la Martinique depuis la colonisation jusqu'en 1815, par Sidney-Lacey 5 vol. in 8 avec gravures 40 fr.* Книга эта хотя и имѣетъ болѣе интереса для Французовъ, но Вестъ-Индія вообще въ прежнее время была театромъ столькихъ происшествій, что, вѣроятно, исторія Мартиники будетъ прочтена съ удовольствіемъ всей Европой.

— *Письма изъ Испаніи* Александра Дюма вышли окончательно. Вторая половина путешествія его въ Африку скоро появится подъ названіемъ *Le Veloce* (Скорый, Быстрый, Поспѣшный). Изданіе этого путешествія составитъ четыре части и будетъ великолѣпно: съ 58 картинками рѣзанными на стали и на деревѣ; разнородныя типическія изображенія женщинъ Алжира, Константины, Туниса и Тангера будутъ гравированы лучшими гравёрами Лондона; и наконецъ, къ довершенію великолѣпія, первые 1000 подписчиковъ получатъ портретъ автора съ картины Жирò. Между-тѣмъ, г. Дюмà не унываетъ отъ приговора суда; вмѣстѣ съ объявленіемъ о скоромъ появленіи въ свѣтъ остальныхъ частей двухъ его романовъ *Batard de Mauléon* и *Deux Diane*, объявлено также и о новомъ романѣ, котораго первыя двѣ части уже вышли: это *Les quarante-cinq*, обѣщанный имъ еще третьяго-года, какъ продолженіе романа «Графиня Монсорò». Не хочетъ ли г. Дюмà написать романъ въ 45 томахъ, чтобъ разомъ покрыть всю пеню, наложенную на него судомъ? все можетъ быть.

— Вышла въ свѣтъ *Histoire d'Angle-*

terre, par Roujoux et Mainguet. Изданіе чрезвычайно великолѣпное съ 500 рисунками, представляющее почти одними ими весь историческій бытъ Англіи.

— Еще нѣсколько заглавій изъ послѣднихъ публикацій:

Rome et pieux, par Alphonse Balleydier, avec le portrait du pape Pie IX.

Tableau politechniquee, aide-memoire et resumés scientifiques. Prix de chaque tableau en feuilles 80 centimes. Все изданіе составитъ атласъ математическихъ таблицъ на подобіе лесажева атласа или вообще таблицъ историческихъ, хронологическихъ и географическихъ. Ариѳметика алгебра, геометрія, тригонометрія, начертательная геометрія, статика, физика, химія, дифференціальное исчисленіе, аналитическая и геометрія—уже вышли въ таблицахъ.

Les guerres des protestants à Lyon de 1561 à 1572 au fragments de M Montfalcon.

Histoire de Lyon depuis la revolution de 1789, par J. Morin. Tome traisième.

Le Palais de Luxembourg, Origine et description de cet édifice depuis 1615 jusqu'en 1845, par Alphonse de Gisors.

Dictionnaire de géographie ancienne et moderne, par Achille Meissas et Michelot.

Histoire de la Bibliotheque de Sainte-Geneviève, par P. Pinçon.

Traité de la construction des theâtres, par Albert Cavos.

Instruction pour le peuple, 100 traités sur les connaissances les plus indispensables.

Cours de zoologie forestière, par Auguste Mathieu. Tome I-er.

Traité de mineralogie, par A. Dufrenoy. Tome 3.

History of the conquest of Perou, with a preliminary view of the civilization of the Incas, by W. H. Prescott.

A sceth of Assam with some account of the tribus by on officer of Bengal infantry.

Desultory notes on the goovernement and people of Chin. etc. by T. Taylor Meadows.

Fragmente aus dem Orient, von Doctor J. P. Fallmerayer.

Physiologische Briefe für gebildete aller Staende, von C. Vogt

Wirtembergische Geschichte, von C. F. Staelin.

Storia della campagna d'Italia del 1815 opera postuma di P. Colleta.

America un tempo spagnacola, riguar data sutto i'aspetto religioso, di Monsignor G. Baluffi.

Voyage géologique aux Antilles et aux îles de Teneriffe et de Fogo, par S-te Claire Deville. 3 vol. en 12 livraisons.

Histoire universelle, par Cesar Cantu traduit, par Arnoud et Leopardi.

Histoire de France, par Laponneraye, trois premières livraisons.

Histoire des races maudites de la France et de l'Espagne, par Francisque Michel.

Fray Felix Aldao, esquisses historiques sur l'Amerique du Sur, par D. Sarmiento.

Oeuvres de Henri Fonfrede. Tome 10 et dernier.

The progress of America by John Macgregor.

Skizzen aus dem Leben und der Natur, von H. Hauff.

L'Eclestisme, analyse et histoire de ce systeme, par Armand Fresneau.

Memoires de Weber, frère de lait de Marie-Antoinette reine, de France.

Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, par Philippe le Bas. première livraison.

Les Germains avant le christianisme, par A. F. Ozanam.

Tableau de la civilisation ancienne et moderne, par le baron de Comeau, in folio de 56 pages avec 29 planches ou tableaux.

Histoires des souverains potifes romains, par M. le chevalier Artaud de Montor.

—

Парижскій исправительный судъ представляетъ иногда живыя, характеристическія сцены. Эти сцены тѣмъ любопытнѣе, что онѣ не придуманы, а прямо взяты изъ дѣйствительной жизни. Слабости человѣческія являются здѣсь въ такомъ натуральномъ свѣтѣ, что не пробуждаютъ никакого непріятнаго чувства именно потому, что видишь живаго человѣка со всею его личностью, да еще разоблаченною; и природная грація французскаго народа придаетъ особую привлекательность этимъ бѣглымъ вопросамъ и отвѣтамъ. Вотъ, на-примѣръ, два очень-коротенькіе процесса, которые по-французски читаются крайне-весело.

— Константинъ Дигоннѐ, солдатъ національной гвардіи, извѣстенъ въ цѣломъ околодкѣ своимъ упрямствомъ. Онъ хвастается тѣмъ, что ни разу не стоялъ на часахъ: ему посылаютъ повѣстки — а онъ ими закуриваетъ сигары; ему объявляютъ рѣшеніе суда — онъ отсылаетъ его въ конвертѣ на имя своего капитана, а когда хотятъ исполнить надъ нимъ приговоръ, Дигоннѐ перемѣняетъ квартиру, переселяется въ другой кварталъ. Такимъ-образомъ, онъ ни разу не сидѣлъ въ тюрьмѣ, хотя разъ тридцать подвергался обвиненію.

Но наконецъ, недавно, г. Дигоннѐ соизволилъ лично явиться въ исправительную полицію, съ которой послѣднія упущенія по службѣ заставили его имѣть дѣло.—Президентъ. Кажется, вы не хотите отправлять службы національной гвардіи? — Обвиненный. Капитанъ это долженъ хорошо знать: я ему ясно говорилъ, что... не понимаю, зачѣмъ онъ упрямится и присылаетъ мнѣ повѣстки. — Президентъ. Итакъ, по вашему мнѣнію, достаточно сказать: не хочу исполнять моей обязанности, чтобъ быть отъ нея избавленнымъ?—Обвиненный. Однакожь, до-сихъ-поръ я не употреблялъ другихъ средствъ, и никогда не исполнялъ моей должности. — Президентъ. За то вы столько разъ подвергались обвиненіямъ. — Обвиненный. Но такъ-какъ я никогда не испытывалъ дѣйствія этихъ обвиненій, то для меня все равно, какъ будто-бы ихъ и не было. — Президентъ. Вы отвѣчаете неприлично: ваше положеніе требуетъ большей скромности —Обвиненный Боже мой! я вамъ говорю откровенно то, что думаю. . Никогда не буду я стоять на часахъ... Я стыжусь этой обязанности. Одинъ видъ мундира національной гвардіи мнѣ противенъ... Притомъ, моя тучность слишкомъ замѣтна; одно это должно бы меня освободить .. я задыхаюсь въ мундирѣ; я такъ смѣшенъ въ немъ, что всѣ собаки на меня лаятъ. Нельзя же принудить гражданина такъ уродовать себя! — Президентъ. Можно принудить васъ исполнять обязанности гражданина, и, повѣрьте, найдутся средства исполнить приговоры, которымъ вы подверглись — Обвиненный. Если такъ, я въ три дня оставлю Парижъ и Францію... Меня ничто не удерживаетъ; у меня нѣтъ семейства, нѣтъ званія. Я наслаждаюсь смиренно, по собственному вкусу, доходомъ въ 28,000 франковъ, которыя издерживаю всѣ до чиста. Я поощряю промышленость... вы бы должны были принять это въ уваженіе... Ну, я перевезу мои доходы и мою личность въ другое гостепріимное государство, гдѣ національная гвардія существуетъ только какъ миѳъ. Съ моимъ состояніемъ можно вездѣ прожить хорошо... Парижъ будетъ въ потерѣ, а не я.

Судъ приговорилъ г. Дигоннѐ къ пятидневному заключенію и пяти франкамъ пени.

Г. Дигонне.—Прежде, чѣмъ извѣстятъ меня объ этомъ приговорѣ, горы будутъ стоять между моими преслѣдователями и мною.

— Жоржъ Ледрель былъ добрый малый, но чрезвычайно-застѣнчивый; не смотря на то, что ему минулъ двадцать-одинъ годъ, онъ не могъ говорить съ женщиной не краснѣя. Онъ былъ художникъ рѣщикъ; товарищи его очень

любили; ни одной пирушки не затѣвалось у нихъ безъ Жоржа; но на этихъ пирушкахъ ему было какъ-то неловко, потому что въ нихъ участвовали и женщины. Разъ вздумалось Жоржу побѣдить въ себѣ эту несчастную застѣнчивость... и онъ достигъ своей цѣли. Но за то впалъ въ другую крайность... Черезъ-чуръ отчаянное удальство привело его въ исправительную полицію.

Казалось, ему стыдно было своего положенія... онъ покраснѣлъ больше прежняго. И то правда: поэзія, живопись и скульптура—обыкновенно представляютъ правосудіе въ видѣ женщины...

Аудиторія была наполнена молодыми людьми съ длинными бородами; незрѣлые Рафаэли, будущіе Кановы, казалось, принимали живое участіе въ судьбѣ молодаго человѣка. Можно было бы навербовать изъ нихъ прекрасную роту саперовъ для легіоновъ національной гвардіи, которыя часто прибѣгаютъ къ поддѣльнымъ бородкамъ. Миленькія личики гризетокъ проглядывали тамъ-и-сямъ, какъ розовые цвѣточки въ черномъ полѣ гречихи.

Г. Легоникъ (винопродавецъ).—Нѣсколько мужчинъ и дѣвицъ пріѣхали ко мнѣ въ лодкѣ покушать матлётъ (рыбное кушанье, приготовленное по-матросски). И ужь могу сказать по чести угостилъ я ихъ королевскимъ матлётомъ!.. А больше ничего не знаю. — Президентъ. Какъ больше ничего не знаете? Развѣ драки не было? — Легоникъ. Да! кажется, что-то было въ этомъ родѣ. — Президентъ. Но вѣдь вы сами же бѣгали за жандармами.—Легоникъ. Да! это правда... это правда... я совершенно забылъ. — Президентъ. Винопродавцы легко теряютъ память. — Легоникъ. У меня никогда ее не было, и потому мнѣ ничего не стоило потерять ее.

Подходитъ жандармъ городскаго округа въ полной формѣ.

Президентъ. — Вы были обижены обвиняемымъ? — Жандармъ. Случилась ссора въ заведеніи господина Легониска. Я отправился туда скорымъ маршемъ. Обвиняемый ломалъ и билъ тамъ все— стаканы, столы, стулья, головы... Я схватилъ его за воротъ; онъ толкнулъ меня, выбранилъ оскорбительнымъ словомъ и, еслибъ сельская стража и національная гвардія не прибѣжали ко мнѣ на помощь, плохо бы пришлось мнѣ! Этотъ господинъ былъ какъ бѣшеный.

Г. Сикардъ (ученикъ живописца).— Жоржъ всегда былъ очень-тихаго нрава; но въ этотъ день я замѣтилъ, что по мѣрѣ приближенія обѣда къ концу, онъ воодушевлялся, становился буйнымъ, задорнымъ. Это насъ всѣхъ удивило. Но въ-послѣдствіи дѣло объяснилось. Казалось, Жоржъ, котораго мы часто въ шутку корили за недостатокъ самоувѣренности, хотѣлъ на этотъ разъ обрѣсти ее въ себѣ. Онъ, пьющій обыкновенно одну воду, принудилъ себя пить вино. Съ каждымъ блюдомъ увеличивалъ онъ пріемы, такъ-что за десертомъ былъ уже совсѣмъ готовъ. Принялся обнимать всѣхъ дамъ, кавалеры разсердились. Началась ссора, Жоржъ, внѣ себя, принялся все бить и ломать. Онъ не понималъ, что дѣлалъ; я увѣренъ, что онъ даже не видалъ жандармскаго мундира.

Дѣвица Денисса Леже (швея). — Я помѣстилась за столомъ подлѣ господина Жоржа, потому-что онъ обыкновенно бывалъ такой разсудительный; на него можно положиться. Но тутъ мнѣ показалось, что онъ все больше-и больше горячится; безпрестанно протягиваетъ свой стаканъ, кричитъ: «вина! вина!» и въ то же время шепчетъ потихоньку: «Постойте! ужь добьюсь до самоувѣренности!» Онъ также очень-много выпилъ водки съ кофеемъ; потомъ вскочилъ и закричалъ: «Ай! ай! теперь-то во мнѣ есть самоувѣренность.» А самъ ужь не могъ больше держаться на ногахъ. Онъ поцаловалъ меня, поцаловалъ мою сосѣдку, а потомъ и всѣхъ одну за другой... Когда обошелъ всѣхъ, хотѣлъ снова начать (смѣются); но тутъ началась война сперва на словахъ, потомъ до-

шло дѣло и до рукъ. Г-въ Жоржъ совсѣмъ не помнилъ себя, потому-что когда пришли солдаты національной гвардіи, онъ со слезами бросился на шею капралу и закричалъ: «Благословите меня, батюшка!» (Присутствующіе смѣются). — Президентъ (къ обвиненному). Что вы на это скажете? — Обвиненный. Я ничего не помню... У меня тогда голова была не на мѣстѣ. — Президентъ. Совѣтую вамъ впередъ больше наблюдать надъ собой. — Обвиненный. Я ужь воротился къ моему прежнему образу жизни. — Президентъ. И прекрасно сдѣлали.

Жоржъ Ледрель присужденъ къ 25 франкамъ штрафа.

— Пасторъ Діасъ, министръ публичнаго обученія въ Мадритѣ, увѣдомляетъ президента королевской академіи художествъ св. Фердинанда, что королева желаетъ возобновить обыкновеніе отправлять молодыхъ пенсіонеровъ въ Италію, считая это самымъ дѣйствительнымъ средствомъ увеличить кругъ познаній молодаго ученаго, усовершенствовать его вкусъ, пробудить въ душѣ его энтузіазмъ, созерцаніемъ произведеній великихъ художниковъ. Въ заключеніе, королева приказала назначить конкурсъ, въ-слѣдствіе котораго отправлены въ Италію четыре казенные воспитанника, двое по части живописи, одинъ для скульптуры и одинъ гравёръ. Каждый изъ нихъ будетъ получать *по 12,000 франковъ въ годъ* въ продолженіе всего времени, которое академія найдетъ необходимымъ для пребыванія ихъ за границей.

— Мы кажется говорили разъ о китайской жонкѣ, которую шлетъ съ подарками, музыкантами, плясунами и фиглярами правительство Срединнаго государства англійской королевѣ. Это морское путешествіе Китайцевъ сколько интересно для нихъ самихъ, столько же будетъ интересно и для насъ Европейцевъ; иной нарочно поѣдетъ въ Лондонъ посмотрѣть на нихъ. Теперь, какъ эта жонка прибыла уже къ острову св. Елены, мы можемъ о ней сообщить нѣкоторыя подробности. Во весь этотъ переходъ жонка устояла противъ всякихъ усилій волнъ и вѣтровъ и не имѣла въ трюмѣ нисколько воды. Мачты и руль ея сдѣланы изъ необыкновенно-крѣпкаго дерева (bois de fer); кромѣ того, руль зависитъ отъ цѣлой системы веревокъ, которыя могутъ давать ему всевозможныя движенія даже снизу вверхъ. Обыкновенно жонка требуетъ 20 человѣкъ экипажа, но при попутномъ вѣтрѣ достаточно 2-хъ; до руля тогда не дотрогиваются. Якори сдѣланы изъ дерева и имѣютъ около 30 футъ длины; кабельтовы и даже самыя тончайшія веревки стоячаго такелажа изъ бамбука, къ которому привиты стебли какого-то индійскаго растенія или травы; на верхней палубѣ три фонтана, бьющіе воду безпрерывно; паруса расположены такъ, что одинъ человѣкъ въ одну минуту можетъ произвести всѣ перемѣны; каютъ-компанія имѣетъ 32 фута длины, 25 ширины и 12 вышины; она расписана великолѣпными рисунками и притомъ самыми яркими красками; кромѣ этой есть еще 6 каютъ малыхъ, постоянно освѣщенныхъ; корма или ютъ возвышается надъ водою на 32 фута. Жонка эта называется *Keying*; она оставила Китай 6-го декабря 1846 года и прибыла на св. Елену 17-го апрѣля 1847 года. Во все время плаванія она имѣла хорошую погоду, исключая шести недѣль, проведенныхъ ею за противнымъ вѣтромъ на якорной стоянкѣ у острова Явы и въ проливѣ Сонды, и 22 и 23 марта, когда на высотѣ св. Маврикія она вытерпѣла, впрочемъ безъ малѣйшаго поврежденія, довольно сильную бурю.

— Ловля жемчуга производится, какъ извѣстно, у береговъ острова Цейлона и преимущественно въ Манарскомъ заливѣ. Въ послѣднее время ловля эта доставляла англійскому правительству не болѣе 16 или 18 тысячь фунтовъ стерлинговъ дохода; потому будто бы, что родъ жемчужнораковинныхъ молюсковъ сталъ переводиться. Но недавно нѣсколько людей неподо-

зрѣваемыхъ туземцами, послѣдовали дѣло и оказалось, что отъ воровства и укрыванія жемчуга, Англія теряла до десяти тысячь фунтовъ стерлинговъ дохода и что можно смѣло занять 1000 человѣкъ для ловли и не бояться перевода раковинамъ. Мѣры приняты и мы вѣроятно опять увидимъ въ Европѣ въ жемчугъ

— Атлантическое пароходство быстро распространяется. Едва успѣло осуществиться пароходное сообщеніе между Нью Йоркомъ и Бременомъ, какъ уже затѣвается соперничество со стороны самаго незначительнаго портоваго, на устьѣ Эльбы, въ голштинскомъ герцогствѣ, городка, именно отъ Глюкштадта. Нѣкто Датчанинъ Христіанъ Гансенъ, житель Соединенныхъ-Штатовъ Америки, какъ пишутъ, умѣлъ заинтересовать этимъ дѣломъ датское и шведское правительства и потому не сомнѣваются въ составленіи капитала въ 5 мильйоновъ долларовъ, для заведенія четырехъ пароходовъ. Эти пароходы учредятъ сообщеніе съ Америкой всего Сѣверо-Востока Европы, то-есть, Даніи, Швеціи, Гамбурга, Пруссіи и Россіи. Такъ-какъ еще неизвѣстно будутъ ли пароходы эти доходить до Петербурга, то въ настоящее время можно только полагать, что они будутъ останавливаться въ Любекѣ или Штеттинѣ, съ которыми Петербургъ имѣетъ уже сообщеніе, и тогда переѣздъ отъ этой столицы до Нью-Йорка будетъ совершаться въ 16 сутокъ.—Пишутъ также, что въ Америкѣ составляется еще общество для учрежденія пароходнаго сообщенія между Вера-Круцой или Мехикой и Антверпеномъ, или вообще однимъ изъ нѣмецкихъ портовъ.

— Извѣстно, что египетскій паша Мехмедъ-Али родился въ Кавалѣ, маленькомъ румелійскомъ городкѣ; большая часть родственниковъ его и теперь живутъ тамъ, и паша никогда не забываетъ ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ особенно сталъ заботиться о своей бѣдной родинѣ: учредилъ тамъ школы и благотворительныя заведенія, а въ недавнее время послалъ туда архитектора поправить и перестроить всѣ домá, которые, по бѣдности хозяевъ, пришли въ ветхость и разрушеніе. Мы только-что хотѣли сообщить извѣстіе изъ *Sémaphore de Marseille* о скоромъ, въ нынѣшнемъ году, пріѣздѣ Мехмеда-Али въ Тоскану, для пользованія на минеральныхъ водахъ Монте-Каккиана; газета описывала всѣ приготовленія паши къ путешествію, и вдругъ находимъ другое извѣстіе, что паша сперва отсрочилъ эту поѣздку, ожидая присылки отъ турецкаго султана ордена, а потомъ, кажется, и вовсе отложилъ на нынѣшній годъ. Но въ будущемъ году онъ намѣренъ уже не откладывать ни своего леченія въ Италіи, ни поѣздки во Францію, съ которой состоитъ въ дружескихъ сношеніяхъ и гдѣ недавно умеръ сынъ его. Принцъ Петръ Наполеонъ Бонапарте, жившій до-сихъ-поръ, въ Брюсселѣ, просилъ Мехмеда-Али, чрезъ посредство Одильона-Барро и Солимана-Паши, принять его къ себѣ въ службу и Мехмедъ-Али радушно обѣщалъ ему дать мѣсто въ штабѣ своей арміи.

— По порученію французскаго правительства, братья Бальзы сняли копіи съ фресковъ, такъ-называемой ватиканской Рафаэлевой Ложи. Копіи эти прибыли въ Парижъ и будутъ выставлены для публики въ Пантеонѣ.

— Нынѣшній папа Пій IX *будетъ* жить въ памяти народа и въ исторіи своими преобразованіями въ управленіи церковною областью; но такъ-какъ здѣсь не мѣсто исчислять всѣ его правительственные труды, то приведемъ по-крайней-мѣрѣ одинъ его частный поступокъ. Нѣкто, очень-богатый человѣкъ, имѣя двухъ сыновей, хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ всего своего богатства одного изъ нихъ, но съ тѣмъ, чтобъ связать его какимъ-то обязательствомъ съ римскою церковью и даже сдѣлать церковь участницею въ наслѣдствѣ. Сыновья, узнавъ объ этомъ и зная эксцентрическій характеръ отца, молчали; но условились, не

смотря ни на какую духовную, раздѣлить между собой наслѣдство поровну. Отецъ однако узналъ намѣреніе сына, разсердился и составилъ новую духовную, по которой дѣлалъ наслѣдникомъ всего своего имѣнія того священнослужителя церкви, который въ день его похоронъ первый будетъ служить обѣдню за упокой. Духовная эта, никому неизвѣстная, хранилась у нотаріуса. Нотаріусъ, узнавъ о смерти завѣщателя, только вечеромъ наканунѣ похоронъ, вскрылъ завѣщаніе, и прочитавъ, разсудилъ, не говоря никому о его содержаніи, показать прежде всего папѣ. Папа прочелъ, благодарилъ нотаріуса и, не смотря на то, что очень-долго за полночь занимался дѣлами, явился въ церковь раньше всѣхъ и объявилъ, что самъ будетъ служить. По окончаніи обѣдни, сдѣлавшись полнымъ властелиномъ всѣхъ богатствъ покойнаго, папа объявилъ сыновьямъ его, что наслѣдство предоставляетъ имъ на обоюдный раздѣлъ.

— Герцогъ Веллингтонъ давалъ 18 іюня въ Асплей-Гаузѣ ежегодный свой парадный обѣдъ, тѣмъ изъ сослуживцевъ, которые участвовали съ нимъ въ ватерлооскомъ сраженіи. Изъ девяноста собесѣдниковъ, одинъ принцъ Альбертъ былъ приглашенъ почетно. Въ отвѣтъ на тостъ хозяина онъ отвѣчалъ маленькою рѣчью, которая начиналась такъ: «Господа, я считаю себѣ за особенную честь, что не участвовалъ въ ватерлооскомъ сраженіи и бесѣдую съ вами за столомъ...» Ясно, что мысль принца была не та, которую онъ выразилъ.

— Въ настоящее время надѣются на новое распространеніе Германскаго-Таможеннаго-Союза или Цольферейна, или на учрежденіе другаго подобнаго ему Итальянскаго-Союза. Неаполитанскій король первый въ 1842 году началъ вести объ этомъ дѣло; но встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны церковной области и затрудненія отъ Австріи, которая владѣетъ Ломбардіей. Теперь особенное расположеніе главы церкви дать новое и выгодное устройство жителямъ его области, заботы великаго герцога Тосканскаго о выгодахъ своихъ подданныхъ и готовность сардинскаго короля во всему, что клонится въ процвѣтанію его королевства, что онъ уже доказалъ конвенціей, заключенной 6-го января нынѣшняго года, на счетъ соединенія желѣзной дорогой озера Маджіоре съ Константскимъ, — все это заставляетъ надѣяться, что планы неаполитанскаго короля объ учрежденіи Итальянскаго-Таможеннаго-Союза скоро сбудутся.

— 12 іюня въ Сифенау (Sieffenau) въ Швейцаріи, при постройкѣ моста чрезъ рѣку Аару случилось горестное происшествіе, при чрезвычайно-сильномъ вѣтрѣ, подмостки, служившія подножіемъ машины, поднимавшей сводныя камни, рушились и изуродовали, задавили и утопили до 30 человѣкъ рабочихъ; убытокъ простирается до 50 тысячь франковъ. — Въ Парижѣ также обрушился маленькой пѣшеходный мостикъ и хотя стеченіе народа было на немъ довольно-большое, но особеннаго несчастія не случилось: всѣ спасены.

— Всякой шагъ къ просвѣщенію и благоустройству въ какомъ-нибудь государствѣ необходимо долженъ радовать сердце ближняго. Великій герцогъ Тосканскій учредилъ двѣ коммиссіи; одну для составленія свода законовъ гражданскихъ, другую для уголовныхъ. Кромѣ этого особымъ циркуляромъ герцогъ сзываетъ къ августу мѣсяцу во Флоренцію всѣхъ сюринтендантовъ муниципальныхъ палатъ, и нѣкоторыхъ лицъ по имянно, по выбору герцога, изъ числа бывшихъ мэрами городовъ и, слѣдовательно, также занимавшихся муниципальными дѣлами. Это собраніе займется преобразованіемъ внутренняго устройства въ государствѣ. Герцогъ слѣдуетъ въ этомъ по стопамъ папы Пія IX. Новый законъ о цензурѣ принялъ дѣйствіе съ 1-го іюня сего года.

— 15 февраля въ Квито, столицѣ республики Экватора, было торжественное открытіе высшаго учебнаго заве-

денія для преподаванія наукъ по образцу университетовъ и высшихъ спеціальныхъ европейскихъ заведеній. Церемонія происходила подъ главнымъ наблюденіемъ министра внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ Моралеса. Новое заведеніе помѣщено въ томъ самомъ зданіи, въ которомъ въ началѣ прошедшаго столѣтія жили и устроили Астрономическую Обсерваторію нѣсколько французскихъ ученыхъ. Зданіе это сохранено въ хорошемъ видѣ и правительство на одномъ фасадѣ его вдѣлало мраморную доску съ надписью: «Въ память гг. Годена, Буге, Ла-Кондамина и де-Жюссьё, членовъ Парижской Академіи Наукъ, посѣтившихъ Квито въ 1736 году.» – Надпись сдѣлана на французскомъ и испанскомъ языкахъ.

— Во Франціи недавно шло дѣло о назначеніи одной постоянной цѣны за почтовую пересылку писемъ. По этому случаю газеты разсказываютъ слѣдующій анекдотъ, чтобъ показать, какія слѣдствія производитъ высокая плата за письма:

Въ одной сельской общинѣ почтальйонъ приноситъ земледѣльцу на домъ письмо, полученное изъ Алжира.

«А! ну, слава Богу» говоритъ крестьянинъ: «это отъ моего сына. Вотъ четыре мѣсяца, какъ онъ ушелъ изъ Франціи, и я ужь горевалъ, что давно не слышу его голоса». Онъ хотѣлъ-было распечатать письмо. – Но, остановилъ его почтальйонъ: — заплатите прежде франкъ и десять сантимовъ. – «Двадцать-два су! въ умѣ ли вы? это слишкомъ-дорого! хотите десять су?» – Не въ моей волѣ брать больше или меньше; такъ назначено. – «Ну, возьмите двѣнадцать» – Что вы шутите? я не могу. – «Ну», отвѣчалъ поселянинъ: «такъ возьмите же себѣ письмо. Я и такъ доволенъ, я узналъ почеркъ сына и теперь знаю, что онъ еще не умеръ между Бедуинами; а болѣе мнѣ ничего не нужно; я получилъ вѣсточку отъ сына, а двадцать-два су сберегу».

Почтальйонъ по-неволѣ понесъ письмо назадъ въ почтовую кантору.

— Недавно случилось во Франціи въ деревнѣ Дальмейракѣ, близь Ажана, происшествіе, надъ которымъ невольно задумаешься. Одинъ бѣдный поселянецъ работалъ вмѣстѣ съ женой своей надъ ломкою какой-то каменной стѣны, какъ вдругъ отъ одного удара инструмента посыпались изъ стѣны серебряныя монеты. Послѣ нѣсколькихъ минутъ изумленія, разумѣется, и мужъ и жена принялись больше разсчищать проломъ; къ-несчастію, стѣна ихъ предупредила: отъ сильныхъ ударовъ она расшаталась, упала и раздавила ихъ обоихъ. Всего найдено до 600 франковъ. На несчастныхъ работникахъ сбылась французская пословица: *qui cherche un tresor, trouve la mort!*

— Мы нашли въ описаніи одного недавно-изданнаго путешествія нѣкоторыя подробности о состояніи португальской колоніи Макао въ Китаѣ. Между-прочимъ, тамъ говорится о странномъ обычаѣ хоронить покойниковъ не на одномъ общемъ кладбищѣ, но вездѣ, гдѣ бы то ни было, гдѣ только вздумается указать мѣсто китайскимъ колдунамъ. Отъ этого вся земля, принадлежащая колоніи, до того усѣяна могилами, что нѣтъ возможности нигдѣ проѣхать въ экипажѣ. Между-тѣмъ, земля находится въ полномъ распоряженіи португальскаго начальства и оно могло бы распорядиться очисткою мѣстъ подъ дороги; поселившіеся въ Макао Англичане и Американцы много разъ приступали объ этомъ къ губернаторамъ, но безпечный португальскій характеръ смотрѣлъ на это сквозь пальцы; теперь частію отъ этой самой причины, частію отъ другихъ болѣе-важныхъ, иностранцы всѣ выѣхали изъ Макао въ Гонгъ-Конгъ и Макао опустѣлъ; тогда проснулись и Португальцы и издали повелѣніе очистить мѣста для устройства дорогъ и хоронить впередъ покойниковъ на кладбищахъ; но иностранныхъ гостей уже не воротишь. Макао находится теперь въ очень-плачевномъ состояніи: въ-продолженіи 1846 года расходы колоніи простирались до 380 тысячь

франковъ, а доходы 100 тысячь франковъ.

— Бывшій король Іеронимъ Бонапарте, братъ Наполеона, подалъ недавно чрезъ г. Одильйона-Барро, просьбу во французскую палату депутатовъ. Просьба эта, конечно, разсматривается болѣе съ политической стороны, но она написана такимъ истиннымъ, задушевнымъ голосомъ тоски по родинѣ, что мы не можемъ не привести отрывка изъ нея, въ которомъ только и говорится, что объ этой тоскѣ. Фамилія Бонапарте изгнана изъ Франціи, Іеронимъ проситъ позволенія воротиться: «Милостивые государи, смерть похитила всѣхъ братьевъ императора Наполеона, кромѣ одного, который теперь обращается къ Франціи чрезъ ея представителей. Оканчивая путь моей жизни, на краю могилы; я желалъ бы исполнить священный долгъ, долгъ гражданина и отца, я готовъ сдѣлать все, что только отъ меня зависитъ, чтобъ снова увидѣть родину, которую я люблю больше всего; *я не отступлю* ни отъ какого обстоятельства, чтобъ только доставить дѣтямъ моимъ средство воротиться на родину и служить ей. Въ первый разъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ поле ватерлоскаго сраженія, въ первый разъ обращаюсь къ Франціи. Не обращался къ ней раньше, потому, что, имѣя братьевъ, я не могъ вполнѣ располагать собой, потому, наконецъ, что полагалъ надежду на время: оно могло само собой и нечувствительно все поправить!.. Объявляю здѣсь самымъ торжественнымъ и оффиціальнымъ образомъ своимъ честнымъ словомъ, что никогда, ни въ какое время, ни вблизи, ни изъ далека, ни я, ни мои дѣти не были замѣшаны ни въ какіе политическіе раздоры Франціи. Самый меньшой мой сынъ родился десять лѣтъ спустя послѣ изданія закона, который затворяетъ ему отечество. Гражданиномъ, солдатомъ, королемъ, въ ссылкѣ и въ изгнаніи, я всегда готовъ былъ на всѣ уступки, на всѣ жертвы, кромѣ одной: я не могъ отказаться отъ любви къ родинѣ. Не-уже-ли вы мнѣ не дадите умереть во Франціи, среди моихъ согражданъ, среди старыхъ военныхъ товарищей? Не-уже-ли вы мнѣ откажете въ утѣшеніи руководить дѣтей моихъ въ ихъ службѣ отечеству? Не-уже-ли, наконецъ, никогда не будетъ отдана мнѣ справедливость и все потому только, что я братъ императора?..»

— Было время, когда Коцебу писалъ комедіи; въ нихъ часто являлись къ бѣднымъ родственникамъ богатые дяди изъ Индіи и золотомъ своимъ мирили всѣхъ. Писались подобные комедіи и прежде Коцебу Англичанами. Мы вспомнили эти комедіи, найдя въ газетахъ извѣстіе о смерти одного негоціанта на востокѣ. Видно дѣйствительно богатые, добрые и щедрые дяди тогда часто являлись, какъ снѣгъ на голову. Съ 1788 года Европа перестала получать извѣстія отъ экспедиціи Лаперуза; въ февралѣ 1791 г. по декретамъ Національнаго-Собранія, Людовикъ XVI вооружилъ два фрегата *la Recherche* и *l'Espérance,* для отъисканія Лаперуза; начальство этою экспедиціею было поручено контр-адмиралу Брюни-д'Антркасто; наканунѣ отправленія 27 сентября 1791 года въ Брестѣ, г. д'Антркасто встрѣтилъ на улицѣ мальчика, просившаго милостыню. Онъ остановился, чтобъ дать ему какую-нибудь монету, но прежде замѣтилъ мальчику, что надо бы было работать а не христарадничать. «Я сирота», отвѣчалъ малютка: «никто меня не беретъ, такое время настало, нѣтъ для меня нигдѣ работы». — А если я тебѣ найду работу, спросилъ адмиралъ: — ты не откажешься? — «О, нѣтъ!» И въ тотъ же вечеръ мальчикъ этотъ, котораго звали Мартинель, былъ принятъ юнгой на фрегатъ *la Recherche.* Во время морскаго пути Мартинель такъ усердно служилъ, что былъ даже повышенъ въ званіи. Экспедиція была неудачна; экипажи были уничтожены болѣзнями до половины, д'Антркасто и оба командира фрегатовъ умерли въ морѣ, 28 октября 1793 года, фрегаты бросили якорь въ Сура-Байѣ, на островѣ Явѣ, и были взяты въ плѣнъ голландскимъ коммиссаромъ, по случаю

военнаго разрыва между Франціею и Голландіею. Мартинель былъ еще слишкомъ-молодъ, его не записали въ число плѣнныхъ, но послали въ Батавію; здѣсь одинъ изъ богатѣйшихъ домовъ взялъ его къ себѣ для прислуги. Глава этого дома г. Гунсманъ полюбилъ его, сталъ пріучать къ дѣламъ торговой конторы и чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ даже участникомъ своей торговли, а въ 1812 году женилъ на единственной своей дочери. Съ этого времени Мартинель сдѣлался богатъ и богатство его росло быстро; въ 1827 году онъ оставилъ Батавію и поселился въ Сарокѣ (мѣстность эта не далека отъ Батавіи), гдѣ основалъ много превосходныхъ земледѣльческихъ заведеній. Онъ умеръ 5 февраля 1847 года, 63 лѣтъ отъ роду, окруженный женою и тремя дѣтьми, которымъ оставилъ болѣе 10 мильйон. франковъ капитала и честное имя. Г. Мартинель не возвращался во Францію; онъ не видалъ ее съ 1791 года, но никогда не забывалъ ее и домъ его всегда служилъ добрымъ пристанищемъ для соотечественниковъ хозяина. Жаль, что г. Мартинель былъ въ 1791 году круглымъ сиротой, а то можетъ-быть и онъ пріѣхалъ бы въ Европу богатымъ дядей и послужилъ бы сюжетомъ хоть г. Дюма для комедіи или романа; впрочемъ, можетъ-быть, и пріѣдетъ, г. Дюма его выпишетъ.

— Недавно ужасное несчастіе постигло пароходъ, везшій обратно изъ Ливерпуля въ Ирландію эмигрантовъ, ненашедшихъ возможности отправиться изъ Ливерпуля въ Америку. Въ мѣстѣ, гдѣ хранился уголь, показался огонь; огромная толпа полунагихъ Ирландцевъ бросилась въ шлюпки и тотчасъ же пошла съ ними ко дну; многіе однакожь еще остались на палубѣ парохода и съ ужасомъ ждали своей участи; вдругъ нечаянно увидѣли рыбачье судно на морѣ, спустили оставшуюся шлюпку и стали перевозить пассажировъ на это судно, но и въ это время такъ-какъ въ одинъ разъ всѣхъ не могли перевезти, то многіе изъ оставшихся ожидать своей очереди, задыхались до смерти отъ дыма или бросались въ море и тонули. Капитанъ парохода Боуденъ былъ раненъ ушибомъ, остался послѣдній на палубѣ и задохнулся. Погибло всего около 60 человѣкъ, спаслось 69 пассажировъ и матросовъ.

— Нѣкто г. Агаръ де-Буесъ изъ Иссудёна (во Франціи), даетъ слѣдующее рѣшеніе квадратуры круга: умножьте діаметръ круга на 0,113595; произведеніе вычтите изъ этого же діаметра и получите сторону искомаго квадрата. Примѣръ: пусть діаметръ будетъ равенъ 6; умножая его на 0,113595 получимъ 0,681570; вычтя это число изъ 6 получимъ 5,31843 или искомую сторону квадрата. Доказательство: 5,31843 помноженное на 5,31843 дастъ = 28,2857, то-есть, площадь квадрата и ПЧ²=²²/₇,9=28,2857, то-есть площадь круга. Читатели видятъ, что это не точное и негеометрическое рѣшеніе; въ подобномъ приблизительномъ рѣшеніи никто и несомнѣвается; рѣшить же этотъ вопросъ въ точныхъ числахъ *невозможно;* рѣшить геометрически безъ пропорцій и чиселъ можетъ быть можно, а можетъ-быть и нѣтъ!

— Еще убыль въ бонапартевой фамиліи: леди Христина-Эгипта Дудлей-Стуартъ, супруга лорда Дудлея-Стуарта и дочь Люсіана Бонапарте, скончалась въ Римѣ 15 мая.

— Всѣ парижскіе литераторы, поэты, артисты и пр. похоронили 24 іюня старѣйшаго своего собрата, Эме-Мартена. Онъ легъ близь могилъ Бернардена-де-Сен-Пьерра и Андре Шенье. Ламартинъ, какъ другъ покойнаго, сказалъ замогильное слово. Чтобъ въ короткихъ словахъ выразить характеръ покойнаго, скажемъ, что это былъ ученикъ Бернардена-де-Сен-Пьерра, и какъ въ частной жизни, такъ и въ сочиненіяхъ своихъ былъ вполнѣ пропитанъ характеромъ такихъ произведеній, какъ *Paul et Virginie* и *Etudes de la Nature.*

— Газеты сообщаютъ также біографію доктора Лисфранка. Онъ родился 1790 года, и 22-хъ лѣтъ уже получилъ

степень доктора; сначала онъ занимался хирургіей, а съ 1813 г. дѣлалъ походы съ дѣйствующей арміей; по паденіи же имперіи, оставилъ военное вѣдомство и даже посвятилъ себя медицинѣ. Всѣ журналы и ученые собратья единогласно провозглашаютъ Лисфранка однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ и медико-хирурговъ Франціи; между-тѣмъ, онъ не былъ ни членомъ академіи и не занималъ каѳедры въ медицинскомъ факультетѣ; причиною этому, вѣроятно, былъ его вспыльчивый, заносчивый до грубости характеръ; послѣ смерти, конечно, всѣ сознаются, что вмѣстѣ съ тѣмъ Лисфранкъ былъ благороденъ до величія души и мягокъ и обходителенъ съ больными, какъ любящая мать; но при жизни, личность его мѣшала всѣмъ. Надъ могилой его г. Серръ сказалъ послѣднее слово и, между-прочимъ, выразилъ сильный упрекъ Академіи: «Бруссе́ и Лисфранкъ — этихъ «двухъ именъ всегда будетъ недоста-«вать на неизгладимыхъ страницахъ «академическихъ трудовъ; потомство «отмѣтитъ отсутствіе этихъ ученыхъ «въ Академіи!»

— Въ нынѣшнемъ году, умеръ во Франціи маркизъ д'Алигръ. Можетъ-быть, не стóило бы сообщать объ этомъ читателямъ; но маркизъ оставилъ духовное завѣщаніе, которое выходитъ изъ обыкновеннаго ряда вещей. Онъ оставилъ городу Бурбонъ-Ланси (Департаментъ Саоны-и-Луары) подарокъ дѣйствительно королевскій. Онъ предоставилъ ему денежную сумму въ два мильйона франковъ на постройку и заведеніе госпиталя, подобнаго шартрскому (который онъ же основалъ). Кромѣ того, маркизъ назначилъ еще сто тысячъ франковъ на постройку при будущемъ госпиталѣ церкви, чтобъ похоронить въ ней и его-самого и его супругу.

— Едва успѣла Парижская Академія Наукъ выбрать лондонскаго ученаго г-на Грагама на мѣсто умершаго своего сочлена, химика Гашета, какъ понесла другую потерю въ лицѣ свободнаго члена Академіи, г-на Паризе́, умершаго 3 іюля.

=

МОДЫ.

Давно мы ничего не говорили о бурнусахъ; впрочемъ, это отъ-того, что бурнусы теперь почти не существуютъ: всѣ они называются общимъ именемъ мантилій и визитокъ. Вотъ главное условіе мантилій: концы не очень-большіе, гораздо менѣе прежнихъ, а у визитокъ они должны быть спереди и сзади круглые, на бокахъ же нѣсколько срѣзаны. Уборка дѣлается въ разныхъ видахъ: и воланы, вырѣзанные зубцами, и кружева, и аграмантъ, и рюшъ, и пр. и пр., смотря по тому, изъ какой матеріи сдѣлана визитка или мантилья.

Большія косынки все болѣе-и-болѣе входятъ въ моду; мы видѣли одну очень-оригинальную косынку изъ голубаго гроденапля, обшитую въ пять рядовъ узенькимъ кружевомъ довольно-густо; но черныя и бѣлыя кружевныя косынки, подбитыя тафтой или вовсе неподбитыя, считаются уже необходимостью для полнаго гардероба.

Переходимъ къ платьямъ. Платья дѣлаются и съ открытымъ лифомъ и съ высокимъ, смотря потому, какъ кому нравится; главное же — у кого какая фигура: на-примѣръ, высокіе лифы напереди и на плечахъ сборчатые дѣлаются чаще для худощавыхъ женщинъ, но для полныхъ всего лучше лифъ совершенно-гладкій. Рукава также измѣняются, смотря по красотѣ рукъ. Для худощавыхъ рукъ всего лучше немного - сборчатые рукава у кисти, а для полныхъ гладкіе, или полу-рукава, которые вершка на три не доходятъ до кисти. Нельзя опредѣлить уборку для платьевъ; можно замѣтить только, что на всѣхъ клѣтчатыхъ платьяхъ дѣлаются косые воланы, два или три, смотря по величинѣ ихъ. Вообще клѣтчатыя матеріи въ большой модѣ, и чѣмъ больше клѣтки, тѣмъ матерія считается новѣе; мы видѣли въ этомъ родѣ удивительно-красивую матерію для платьевъ: это шелковый барежъ; клѣтки на немъ были огромныя, синія въ тѣнь, а фонъ бѣлый. Много носятъ также матерій полосатыхъ, которыхъ полосы состоятъ изъ гирляндъ, идущихъ воланами.

Кружева и вышивки для платьевъ не перестаютъ являться то въ томъ, то въ другомъ видѣ, и эта уборка все еще въ большой модѣ.

Для утреннихъ гуляній дѣлаются очень-красивые пеньюары изъ кембрика съ цвѣточками, или изъ батиста; фасонъ ихъ бываетъ разный: мы уже говорили о немъ въ прошломъ мѣсяцѣ, но теперь прибавимъ, что часто, вмѣсто круглой пелеринки, дѣлаютъ мантилью изъ этой же матеріи, вырѣзанную зубцами, которые обшиваются кружевами или снурками.

Но что̀ сказать о шляпахъ? О соломенныхъ, вѣроятно, говорить уже нѐчего, хоть лѣто наше, судя по теплой погодѣ, только еще началось; однакожь по времени оно должно скоро, кончиться. На вечернихъ прогулкахъ являются шляпы изъ гроденапля glaceé, и въ нихъ замѣтна чрезвычайно-важная перемѣна; на-примѣръ, поля дѣлаются гораздо-шире въ объемѣ, но не больше прежнихъ. Всего же оригинальнѣе то, что поля нѣсколько наклонены внизъ на самой серединѣ à la Marie Stuart, какъ это дѣлалось у токовъ. Хорошо если этотъ фасонъ не будетъ утрированъ: а то, признаться, не очень будетъ красиво, если сгибъ покроетъ самую середину лица. На соломенныхъ и на другихъ шляпахъ часто дѣлается уборка изъ пучка колосьевъ или пучка какихъ-нибудь плодовъ. Крѣпъ является почти на всѣхъ шляпахъ, вмѣсто лентъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о ботинкахъ: лѣтомъ онѣ составляютъ важный предметъ при туалетѣ, потому-что лѣтнія платья дѣлаются для прогулокъ нѣсколько-короче зимнихъ, и нога въ нихъ, разумѣется, виднѣе. Главное дѣло въ ботинкахъ — носки широкіе и немного скругленные по концамъ; цвѣтъ и матерія выбираются сообразно съ цвѣтомъ и матеріею платья.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

Пьесы для скрипки:

	Серебромъ Р.	К.
ALARD. Fantaisie sur l'opéra Maria Padilla pour le violon avec Orchestre, op 17.	7	72
— La même avec piano, op. 17.	2	15
BERIOT. 5-e concerto avec Orchestre, op. 55.	5	15
— Le même concerto avec piano, op. 55.	2	85
BOTT. Quatre morceaux de salon pour violon avec piano, op. 1.	2	85
— 1-r concertino pour violon avec orchestre, op. 2, (8 p.). Le même avec piano, op. 2.	2	15
HESSE. Romance sans paroles pour violon avec piano, op. 79.	»	72
LANZA. Der junge Opernfreund. Ausgewählte Melodien für die Violine mit Begl. des Piano, N° 21. Templario, N° 22. Alessandro Stradella, N° 23. La bohêmienne, N° 24. Euryanthe, N° 25. Ernani, chaque.	»	85
KAYSER. Les delices des amateurs pour piano et violon sur des motifs favoris, op. 12. N° 2, Les Huguenots (1 p.) N° 3, La fille du regiment (1 p.) N° 4, Cenerentola (1 p.), N° 5, Robert le diable.	1	»
— Fantaisie de salon sur des motifs de l'opéra les Huguenots pour piano et violon, op. 16.	1	15
— Duos faciles et agreables sur des thêmes favoris des opéras pour deux violons. Liv 10.	1	»
LEONARD. Fantaisie sur des thêmes russes pour le violon avec piano, op. 3.	1	15
MAZAS. 3 duos brillans pour deux violons, op. 84, liv 1, 2, 3, chaque.	1	72
MOLIQUE. Fantaisie sur des airs nationales Souabes pour le violon avec orchestre, op. 32 (4 p. 85 к.), avec piano, op. 32.	3	15
SCHUBERTH. 1-r quintetto pour deux violons, alto et deux violoncelles, op. 15.	4	»
OPERAS ITALIENS de Bellini, Donizetti, Verdi etc. Choix d'airs et romances pour le violon seul, liv 5, Nabucodonosor (1 p.), liv 6, Ernani.	1	»
PANOFKA. Fantaisie brillante sur les Mousquetaires, op. 57, avec piano.	1	72
PRUME. Fantaisie et variations sur un thême d'Herold pour violon avec orchestre, op. 9 (4 p. 29 к.) La même avec piano.	2	»
VIEUXTEMPS. Deuxième morceau de salon pour le violon avec piano, op. 22, N° 2.	1	72
— La nuit. Thême de l'ode-symphonie: le desert, transerit pour l'atto-viola avec piano.	»	85

Русскія пѣсни для фортепьяно.

	Р.	К.
АБАРЕВИЧЬ. Фантазія и варіацій на цыганскую пѣсню: Коса.	1	»
BEYER. Trois airs russes variés.	»	60
BERNARD. Variations sur l'air bohêmien «Ты не повѣришь».	»	85
— Варіаціи на пѣснь Русскихъ «Боже Царя Храни».	»	75
— Variations brillantes sur la romance «Черный Цвѣтъ».	1	»
— Variations faciles sur l'air russe favori: «Тройка».	»	58
— Собраніе русскихъ пѣсенъ съ варіаціями: N° 1, Во саду ли, въ огородѣ.—Дружно братцы веселую, (58 к.). N° 2, Чемъ		

		Р.	К.
	тебя я огорчила, (58 к.). № 3, Не будите меня молоду.—Ахъ скучно мнѣ на чужой сторонѣ, (58 к.). № 4, Кто могъ любить такъ страстно.—Хожу я по улицѣ (58 к.). № 5, Среди долины ровной.—Жду красотку я мою, (58 к.). № 6, Лучина, лучинушка.—Пирушка будетъ (58 к.). № 7, Возлѣ рѣчки, возлѣ моста.—По улицѣ мостовой.	»	58
—	Выборъ нынѣшнихъ русскихъ романсовъ и пѣсень, аранжированныхъ для фортепьяно безъ пѣнія, 5 тетрадей, каждая.	»	58
—	Сто русскихъ народныхъ пѣсень. Часть I, (3 р.). Сто русскихъ пѣсень. Часть II. Сія коллекція содержитъ избранныя Великороссійскія и Малороссійскія пѣсни.	3	»
—	Красный Сарафанъ, air russe favori varié	»	85
Damcke.	Arabesque sur un air russe favori, op. 27, (1 p.), Arabesque sur un air de l'opéra «Olga» de M. Bernard, op. 28.	1	»
Doehler.	Trio de l'opéra: «Жизнь за Царя» de M. Glinka, varié, op. 60, № 1.	»	85
—	Соловей. Air russe d'Alabieff varié, op. 60, № 2.	»	85
—	Бывало. Romance favorite du C-te M. Wielhorsky variée, op. 60, № 3.	»	85
Duvernoy.	Variations et final sur la romance favorite «Я вольный гость міра».	»	85
Eikamp.	Romance «Не говори любовь пройдетъ» de M. Glinka, transcrite	»	60
Glinka.	«Соловей мой соловей», air russe d'Alabieff varié	1	»
Henselt.	Deux romances du C-te M. Wielhorsky transcrites, Nouvelle édition.	1	»
Herz.	«Сарафанъ», air russe varié	»	60
Langer.	Chant bohémien «За Ураломъ», transrit et varié, op. 12.	»	75
Liszt.	«Соловей», air russe d'Alabieff, transcrite, troisième édition.	»	85
—	«Соловей», édition facilitê, par I. Tscherlitzky.	»	60
Meyer.	Airs russes variés, op. 43.	1	43
—	Air bohémien russe varié, op. 45.	»	75
Schiller.	«Не бѣлы снѣги». Air russe varié.	1	»
Vollweiler.	«Любила я». Romance du C-te M. Wielhorsky transcrite.	»	75

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.*, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го августа восьмая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Döhler*, Quintetto de l'opéra Sonnambula transcrit, — *Kullak*, Adieu à la mèr. Barcarolle,—*Frackmann*, Chanson d'automne de Mendelssohn Bartholdy transcrite, — *Alkan*, Fantasietta alla moresca, — *Damcke*, Minuit, Rêverie, — *Prüller*, Souvenir de la petite Russie, Polka,—*Rosellen*, Pas des fleurs. Divertissement, — *Beyer*, Fantaisie sur l'opéra Othello,—*Всеволожскій*, Душѣ, слова Губера, — *Masini*, Huit ans ou la prière sur le rivage. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 10.

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 30 коп. сер.

Гг. желающіе подписаться на «Нувелистъ» на 1847 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. ИСАКОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	Р.	К.
Histoire du Clergé de France depuis l'introduction du christianisme dans les Gaules jusqu'à nos jours, par Bousquet, 3 vol. 8. Paris. 1847 . .	4	25
Traité de l'instruction écrite et du reglement de la compétence en matière criminelle, ouvrage revu, mis en ordre et annoté par Faustin Helie, 2 vol. in 8. Paris. 1847. . . .	4	25
Cours du droit public et administratif, par Laferrier. Un fort vol. in 8. Paris. 1847 . .	2	55
Daguerréotypie J. Thiery. — Franche explication sur l'emploi de sa liqueur invariable, etc. Un vol. 8. Lyon. 1847. .	»	85
Théorie de l'Art du coiffeur, ou methode à suivre pour approprier la coiffure aux traits, l'age et la stature, par Croisset. Un vol. in 12 avec planches. Paris. . . .	2	»
Botanique de l'enfance, avec preface de G. Sand. Un vol. 12. Paris. 1847.	»	85
Connaissance des marchandises, ou dictionnaire analytique et raisonné des articles indigènes et exotiques, drogueries, etc., etc., par Rousset, 3 vol. 8. Paris. 1847	6	85
Recherches sur l'appareil respiratoire des oiseaux, par Suppey. Un vol. 4 avec pl. Paris. 1847.	2	55
Etudes sur l'électricité. — Origine electrique chez l'homme, ou corpuscules de Pacini, par Henle et Koelliker. in 8. Lyon. 1847.	»	70
Précis de cristalographie, suivi d'une methode simple d'analyse au chalumeau, d'après les leçons particulières de M. Laurent. Un vol. 12. Paris. 1847	»	65
Application à l'agriculture des élémens de physique, de chimie et de géologie, par Caillant, 4 vol. 12. Paris. 1847	4	50
Calendrier du bon cultivateur ou manuel de l'agriculteur praticien, par M. de Dombasle, 8-e édit. augmentée. Un vol. 12. Paris. 1847	1	25
Traité physiologique et philosophique de l'Hérédité naturelle dans les états de santé et de maladie du systéme nerveux, etc., par Lucas, 2. vol. 8. Paris. 1847 .	4	25
Maladies des femmes, traitement rationnel et pratique des ulcerations du col de la matrice, par Pichard. Un vol. 8. Paris. 1847.	1	70
Nouveaux élémens d'hygiène, par Londe 3-e édit. 2 vol. 8. Paris. 1847	4	»
Traité theorique et pratique des luxations congénitales du fémure suivi d'un appendice sur la prophylaxie des		

	P. K.
luxations spontanées, par Pravaz, in 4 avec 10 pl. Lyon. 1847	5 70
Traité des poisons, ou toxicologie appliquée à la médecine légale, à la physiologie et à la therapeutique, par Flandin, tome 1-r in 8. Paris. 1846 . .	2 »
Théorie des fonctions analytiques, par Lagrange, nouv. édit. revue par A. Serret. Un vol. 4. Paris. 1846 . .	5 15
Cours d'administration militaire, par Vachelle, 2-e édit. 2 vol. 8. Paris. 1847 . .	4 50
Eléments abrégés d'un cours d'équitation militaire, par Dupont. Un vol. 18. Paris. 1847	» 55
Relation du siège de Metz en 1444, par Charles VII et René d'Anjou, par Sauley et Huguenin. Metz. Un vol. avec pl.	3 »
Traité théorique et pratique de la législation et de la jurisprudence des chemins de fer, ou sont expliqués les droits et les obligations des compagnies, des actionaires et du public, par Rebel et Juge. Un vol. 8. Paris. 1847 . . .	2 15
Traité de la construction des théâtres, — ouvrage contenant toutes les observations pratiques sur cette partie de l'architecture, par Cavos. Un vol. 8 avec un Atlas in 4 de 25 pl. Paris. 1847.	8 »
Bibliothèque archéologique, par Gailhabaud. Un vol. gr. 8. avec fig. Paris. 1847. .	3 40
La Phrénologie, le geste et la physionomie, mis en scènes et expliqués par 120 sujets, compositions et portraits gravés sur acier. — Dispositions innées, etc., texte et dessins, par Bruyères, peintre, beau-fils du Docteur de Spurzheim. Un fort vol. gr. in 8. Paris	8 »
Histoire de la peinture Flamande et Hollandaise, par Michiels, 4 vol. 8. Paris. 1847	8 50
Description des machines et procédés consigné, etc., tome 62-e. Un fort vol. in 4. Paris. 1847	4 25
Exposé des élémens constitutifs du système de la troisième écriture cunéiforme de Persepolis, par Lowensterne. Un vol. 8. 1847	2 85
Oeuvres de Frédéric-le-Grand, publiées par ordre du Roi de Prusse, tome 1 à 5 in 8. Berlin. 1847.	
Oeuvres de Schlegel écrites en Français, tome 1 à 4 in 12.	
Histoire de Henri VIII et du schisme d'Angleterre, par Audin, 2 vol. 8. Paris. 1847 .	4 25
Clement XIV et les Jésuites, par Cretineau Joly. Un vol. 8. Paris. 1847	2 85

———•••••———

Печатать позволяется, 20 іюня 1847. Старшій цензоръ Рочфортъ.

